

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXV.

1901 Г.

ОКТЯБРЬ.



КІЕВЪ.

Типо-литографія Императорскаго Университета Св. Владимира
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица, № 6.
1901.

Дозволено цenzурою. Kievъ, 17 сентября 1901 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМЬСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

въ 1902 году

(21-й годъ изданія)

будетъ издаваться по прежней программѣ и при прежнемъ со-
ставѣ сотрудниковъ. Журналъ выходитъ книгами, въ 12 и болѣе
листовъ, въ началѣ каждого мѣсяца, заключая въ себѣ статьи,
представляющія изслѣдованія по исторіи, литературѣ и этнографіи юга Россіи, а равно цѣнныя материалы, касающіеся той же
области; сверхъ того, будутъ печататься русскія и малорусскія
беллетристическая произведенія, а также біографическая извѣстія
о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ, касающихся юга Россіи.

Подписная цѣна 10 руб. въ годъ съ доставкою и пере-
сылкою, а на мѣстѣ—8 руб. 50 коп.; за границу—12 руб. Раз-
срочка допускается по соглашенію съ редакціей. Отдельные
книги журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“ (Маріинско-Благовѣщенская, № 60), въ книжной торговлѣ
редакціи „Кіевская Старина“ (Безаковская, № 14), а также во
всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣтствуетъ за исправную доставку журнала только
передъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжной тор-
говлѣ „Кіевской Старины“.

Издатель К. М. Гамалѣй.

Редакторъ В. П. Науменко.

Къ біографії Андрея Николаєвича Муравьева и письма его къ протоіерею Петру Гавриловичу Лебединцеву.

Андрей Николаевич Муравьевъ, известный своимъ паломничествомъ въ святую землю, знакомъ и Киеву, какъ екторъ Андреевской церкви и предсѣдатель Киево-Владимирскаго Братства. Ръяный онъ былъ поборникъ церковной старины и буквы церковныхъ каноновъ; вотъ почему, отъ нечего дѣлать въ Киевѣ, исправно посѣщалъ церкви и строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы не было какихъ пропусковъ въ богослуженіи, а чуть что не такъ, писалъ длинная посланія митрополиту или, за отсутствіемъ его, викарію. Держась такого направленія даже въ болѣзnenномъ состояніи, послѣ совершенія надъ нимъ елеосвященія, за два дня до смерти, онъ не могъ удержаться, чтобы не сказать: „правильно совершено елеосвященіе“. Эта приверженность его къ буквѣ проглядываетъ и въ одномъ изъ писемъ къ Петру Гавриловичу Лебединцеву по вопросу о церковномъ судѣ, которымъ послѣдній всецѣло былъ поглощенъ, будучи глубокимъ знатокомъ сущности церковныхъ каноновъ. Въ разговорѣ съ протоіереемъ Андреевской церкви П. Ф. Подвысоцкимъ, Андрей Николаевичъ однажды высказалъ тревогу, что эти два лица—Петръ Гавриловичъ и Назарій Антоновичъ Ѣаворовъ—своимъ умомъ и лоскомъ повліяютъ на весь комитетъ по реформѣ церковнаго суда, не исключая и самого предсѣдателя, преосвященнаго Макарія, архіепископа Литовскаго.

Томъ 75.—Октябрь, 1901.

I-1

Интересные свѣдѣнія о Муравьевѣ имѣются въ однѣй черновой Петра Гавриловича, текстъ которой дословно приведу. Въ Историческомъ Вѣстникѣ г. Лѣсковъ, воспроизводя нѣкоторыя черты изъ жизни извѣстнаго духовнаго писателя, покойнаго А. Н. Муравьева, обвинилъ покойнаго митрополита Арсенія въ ищениіи Муравьеву даже надъ его гробомъ, который яко-бы, по капризу митрополита, оставался непреданымъ землѣ нѣсколько дней. Стоявъ близко къ этому дѣлу, считаю нужнымъ снять тяжкое обвиненіе съ памяти м. Арсенія. Ослабѣвъ окончательно по возвращеніи изъ путешествія на Аѳонъ, А. Н., не смотря на трудность болѣзненнаго своего состоянія и намеки близкихъ о приближающейся кончинѣ, не дѣлалъ никакого распоряженія ни о своемъ имуществѣ, ни о собранной сватынѣ, ни о погребеніи. Совершеніе елеосвященія надъ nimъ исполнено преосвященнымъ Филаретомъ, при моемъ участіи, не по вызову больного, а по убѣждѣнію протоіерея П. Ф. Подвысоцкаго и его супруги. Больной все питалъ надежду выздоровѣть и жить, а потому никакого гроба въ подвалѣ Андреевской церкви онъ самъ себѣ не приготовлялъ и даже желанія быть погребеннымъ не высказывалъ. Послѣ кончины А. Н., послѣдовавшей 18 августа, въ 5 часовъ пополудни, въ тотъ же вечеръ явились въ его домъ, въ числѣ друзей покойнаго, и высшія мѣстныя власти, и въ это время, послѣ панихиды, князь Дундуковъ-Корсаковъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы могила для погребенія А. Н. была приготовлена въ подвальномъ этажѣ Андреевской церкви, о благоустройствѣ и благолѣпіи которой покойникъ такъ много заботился и въ которой онъ постоянно молился, будучи ближайшимъ ея сосѣдомъ. Настоятелю церкви предоставлено было отъ имени друзей и племянницы покойнаго только пригласить высокопреосвященнаго митрополита Арсенія для участія въ его отпѣваніи, которое назначено было на 3-ій день. Владыка охотно изъявилъ согласіе служить заупокойную литургію въ Андреевской церкви и совершить чинъ погребенія, но затѣмъ, узнавъ отъ о. протоіерея, что могила для покойника приготавливается подъ Андреевской

церковью, отмѣнилъ распоряженіе о приготовленіи могилы для покойника въ избранномъ высшою гражданскою властію мѣстѣ и послалъ его же, протоіерея, доложить кому слѣдуетъ, что онъ не считаетъ себя въ правѣ дозволить погребеніе тамъ А. Н. Муравьева безъ Высочайшаго соизволенія, такъ какъ эта церковь сооружена императрицею Елизаветою Петровной и состоять въ особомъ вниманіи Высочайшихъ Особъ при посѣщеніи Киева. Цѣлый день былъ употребленъ на обмѣнъ писемъ по сему предмету, въ которыхъ высшая свѣтская власть считала излишнимъ испрашивать Высочайшее соизволеніе, принимая за себя отвѣтственность, а митрополитъ отказывалъ, признавая и себя отвѣтственнымъ въ семъ дѣлѣ, и только вечеромъ второго дня была послана телеграмма министру Двора Адлербергу. Въ виду встрѣченаго затрудненія было предлагаемо—похоронить тѣло А. Н. М. при Десятинной церкви, тоже сосѣдней съ домомъ покойника, а протоіерей сей церкви съ готовностію изъявилъ согласіе даже уступить ему приготовленную здѣсь для себя съ разрѣшеніемъ Св. Синода могилу, но это предложеніе не было принято. Между тѣмъ выносъ тѣла въ Андреевскую церковь былъ сдѣланъ въ тотъ же вечеръ преосвященнымъ Филаретомъ собораѣ. Въ 10 часовъ утра слѣдующаго дня прибылъ въ Андреевскую церковь для совершенія литургіи и самъ высокопреосвященный митрополитъ Арсеній, но объявилъ, что по окончаніи отпѣванія гробъ съ тѣломъ покойника будетъ оставаться запогребеннымъ въ церкви до полученія ожидавшагося Высочайшаго разрѣшенія. Литургія и отпѣваніе совершены съ подобающимъ благолѣпіемъ, какого могъ только желать покойникъ, произнесены надъ гробомъ болѣе или менѣе соответственныя заслугамъ покойнаго рѣчи и возглашена ему вѣчная память, и по отдачѣ послѣдняго цѣлованія гробъ закрытъ, но оставленъ здѣсь же впередъ до распоряженія о погребеніи, подъ отвѣтственностью настоятеля церкви.

Спустя сутки послѣ отпѣванія, получено Высочайшее разрѣшеніе, и тогда 22 августа совершилось перенесеніе гроба А. Н. Муравьева изъ верхней Андреевской церкви въ подвалъ

ный этажъ, гдѣ тѣло предано землѣ, послѣ панихиды, совершенной преосвященнымъ Филаретомъ, въ присутствіи высшихъ свѣтскихъ властей и другихъ друзей покойнаго. Это-то замедленіе въ преданіи тѣла А. Н. М. землѣ, возникшее вслѣдствіе сомнѣнія митрополита, что отвѣтственность его за нарушеніе закона не можетъ покрываться распоряженіемъ высшей свѣтской власти, г. Лѣсковъ считаетъ мщеніемъ мертвому со стороны м. Арсенія. Такое тяжкое обвиненіе не слѣдовало бросать легко, не спривившись точно тамъ, гдѣ слѣдовало. Еще менѣе правды въ томъ, будто митрополитъ Арсеній въ проѣздѣ по епархіи, обѣдая у помѣщика Молодецкаго съ ксендзами, заставилъ духовенство ждать себя у воротъ вмѣстѣ съ жидами. Ничего подобнаго не было, а напротивъ извѣстно, что почти никто изъ предмѣстниковъ м. Арсенія не былъ доступнѣе его для всѣхъ, въ особенности для духовенства. Лѣсковъ затрудненія въ преданіи землѣ тѣла Muравьева ставитъ въ связь съ обѣдомъ, но между обстоятельствами погребенія А. Н. Muравьева и обѣдомъ митрополита Арсенія у помѣщика Молодецкаго не могло быть связи и по самой отдаленности этихъ случаевъ: митрополитъ былъ у Молодецкаго въ 1861 г., а погребеніе А. Н. М. проходило въ 1874 г. Въ эти 14 лѣтъ много и много еще разъ приходилось Андрею Николаевичу быть гостемъ у митрополита Арсенія, а митрополиту дѣлать для него всякихъ одолженій, не исключая и денежныхъ.

За оберъ-прокурорскій столъ въ Св. Синодѣ А. Н. Muравьевъ назначенъ въ чинѣ не кол. совѣтника, а кол. ассесора,— чиномъ кол. совѣтника онъ пожалованъ только въ 1838 г., чрезъ два года по выбытіи изъ Св. Синода. Состоя въ такомъ невысокомъ чинѣ, едва-ли А. Н. могъ мечтать о томъ, чтобы быть преемникомъ оберъ-прокурора Св. Синода Нечаева; тѣмъ не менѣе, онъ не разъ высказывалъ, что графъ Протасовъ мѣстомъ оберъ-прокурорскимъ въ Св. Синодѣ обязанъ его содѣйствію, но отплатить ему неблагодарностью, удаливъ его потомъ отъ службы въ Св. Синодѣ, причемъ для большей наглядности дѣлалъ движеніе колѣномъ впередъ. Когда собственно оказано

было содѣйствіе А. Н. М. графу Протасову—при порученіи-ли исправленія оберъ-прокурорской должности за отсутствіемъ Нечаева, или при утвержденіи его въ этой должности, разъясненій не было. Не менѣе, если не болѣе, считалъ А. М. Муравьевъ и московскаго митрополита Иннокентія обязаннымъ личному своему участію въ доставленіи ему московской каѳедры и также не признавалъ его особенно благодарнымъ за сию великую услугу. Услуга эта будто состояла въ томъ, что А. Н. по смерти московскаго митрополита Филарета, чрезъ одну изъ статей-дамъ довелъ до свѣдѣнія покойной Императрицы Маріи Александровны о желаніи покойнаго митрополита, чтобы преемникомъ его былъ преосвященный Иннокентій, архіепископъ камчатскій, послѣдствіемъ чего яко-бы было появленіе архіепискона Иннокентія въ числѣ 3-хъ кандидатовъ на московскую митрополію, вторымъ же оказался бывшій первымъ—преосвященный Димитрій, архіепископъ Херсонскій. Такъ ли это было, точно не извѣстно. Но что преосвященный Иннокентій и не помышлялъ о занятіи московской митрополичьей каѳедры, сидя въ Николаевскѣ на Амурѣ, и что А. Н. Муравьеву извѣстно было о желаніи митрополита Филарета видѣть своимъ преемникомъ преосвященнаго московскаго Иннокентія, это намъ было извѣстно почти за полгода до кончины преосвященнаго Филарета отъ самаго А. Н. М. Пользуясь особыніемъ расположениемъ московскаго владыки, съ 1842 г. Андрей Николаевичъ занималъ его квартиру на С.-Петербургскомъ Троицкомъ Подворье, что на Фонтанкѣ у Аничкова моста, куда многіе ъездили на всенощныя и на вечернюю духовную бесѣду. Такъ продолжалось около 15 лѣтъ, во все время по удаленіи обоихъ Филаретовъ—Московскаго и Кіевскаго отъ присутствія въ Св. Синодѣ, устроенному графомъ Протасовымъ. Проводя въ Петербургѣ зимніе сезоны, Андрей Николаевичъ на лѣто прїезжалъ въ Кіевъ на свою нагорную усадьбу, близъ Андреевской церкви, гдѣ, кромѣ дома, отдававшагося въ наймы, выстроена была сохранившаяся и нынѣ русская изба съ богатымъ видомъ на кіевскія окрестности. Въ этой 2-хъ-этажной избѣ, съ галлерею вокругъ, проводилъ А. Н. лѣто среди бла-

гоуханія окружавшаго єе сад; въ ней принималъ посѣтителей; ее удостоили посѣщеніемъ своимъ въ числѣ Высочайшихъ Особъ Августѣйшаго Дома и нынѣ царствующїй Государь Императоръ съ Августѣйшею Супругой. ¹⁾ Въ 1857 г., послѣ весеннаго прибытія Андрея Николаевича изъ Петербурга, случилось и мнѣ быть въ этой избѣ. Посѣтителей было не болѣе 3—4-хъ лицъ духовнаго чина, и притомъ такихъ, съ которыми хозяинъ могъ быть откровеннымъ въ бесѣдѣ о церковныхъ дѣлахъ. Разговоръ начался съ разспросовъ о здоровьѣ московскаго первосвятителя, съ которымъ обыкновенно А. Н. видѣлся при проѣздѣ чрезъ Москву. Сообщивъ, что въ здоровьѣ его не замѣтно особеннаго ослабленія, А. Н. высказалъ сожалѣніе свое о также близкомъ ему преосвященномъ камчатскомъ Иннокентіѣ, намѣревающемся оставить свое място по болѣзни. Въ поясненіе сего онъ прочелъ намъ только-что полученное отъ него письмо изъ Николаевска, въ которомъ преосвященный Иннокентій писалъ: „Зрѣніе мое ослабѣваетъ, и я думаю проситься на покой въ Москву“. Одинъ изъ насъ, болѣе любопытный и болѣе близкій къ А. Н., спросилъ при этомъ: правда ли, что московскій владыка готовить въ преемники себѣ преосвященнаго Филоѳея, тверскаго архіепископа, бывшаго своего викарія? На вопросъ этотъ А. Н. не затруднился отвѣтить, что онъ самъ спрашивалъ преосвященнаго митрополита Филарета, бывши у него недавно теперь, но владыка сказалъ на это: „и не думалъ никогда объ этомъ, а вотъ ужъ если-бы потребовалось когда мое мнѣніе о моемъ преемникѣ, то я скорѣе указалъ бы на преосвященнаго камчатскаго“. Въ концѣ октября А. Н. уѣхалъ обратно въ Петербургъ, и почти чрезъ мѣсяцъ послѣ сего стало извѣстно о кончинѣ московскаго первосвятителя, послѣдовавшей 19 ноября. Когда получено было затѣмъ извѣстіе о назначеніи преосвященнаго Иннокентія преемникомъ м. Филарета, никого изъ насъ не удивило это назначеніе. Близкія къ Муравьеву лица

¹⁾ Импер. Александръ II.

полагали даже, что митрополитъ Иннокентій по слабости зрѣнія откажется отъ присутствія въ Св. Синодѣ, такъ что А. Н. М. останется по прежнему жительствовать въ его покояхъ на подворьѣ, но еще А. Н. не успѣлъ собраться въ выѣзду изъ Петербурга на лѣтній сезонъ въ Кіевъ, какъ на подворы было получено отъ м. Иннокентія на пути изъ Иркутска распоряженіе очистить для него митрополичиѣ покой. Вслѣдствіе этого распоряженія А. Н. М. долженъ былъ переселиться въ Кіевъ со всѣмъ своимъ багажемъ и рас проститься окончательно съ Петербургомъ, въ которомъ онъ, при своихъ ограниченныхъ средствахъ, не могъ имѣть комфорта большой квартиры. Съ грустью совершилъ онъ этотъ переѣздъ, простившись навсегда съ Петербургомъ. Въ проѣздѣ чрезъ Москву не могъ видѣться съ м. Иннокентіемъ, который еще и къ половинѣ мая не достигъ Москвы. А. Н. утѣшался по крайней мѣрѣ мыслю повлиять на церковныя дѣла чрезъ м. Иннокентія, но этого не случилось, такъ какъ новый московскій владыка оставилъ безъ отвѣта посланные ему совѣты—тѣмъ болѣе, что по слабости зрѣнія не могъ уже ни писать, ни читать. Не успѣвши въ этомъ, А. Н. утѣшенъ былъ однако тѣмъ, что митрополитъ Иннокентій оказалъ изъ суммъ московской каѳедры пособіе на изданіе писемъ митрополита Филарета. Скучно было А. Н. доживать свой вѣкъ въ Кіевѣ, среди немногочисленнаго здѣшняго общества, безъ особыхъ занятій. Еще болѣе отяготѣла надь нимъ эта скуча, когда оскудѣли средства къ жизни привычной. Оставалось продать усадьбу барскую и домъ съ избой, содержать которыхъ не могъ. Но несмотря на выгодныя предложенія со стороны разныхъ лицъ, онъ не могъ ни на чемъ остановиться окончательно, въ особенности онъ не могъ примириться съ тѣмъ, чтобы домъ его достался не графу и не князю. Скуку свою А. Н. развлекалъ повременнымъ инспектированіемъ церквей и монастырей г. Кіева и рѣзкими посланіями кіевскимъ духовнымъ властямъ, не такъ уже внимательнымъ въѣзжемъ сильному его слову. Путешествіе на Аѳонъ весной 1874 г. вѣсколько оживило знаменитаго паломника, но затѣмъ послѣдо-

валъ постепенный упадокъ силь, который привелъ его къ смерти въ наступившее лѣто».

Въ письмѣ къ Петру Гавриловичу генеральша Исакова жаловалась на запустѣніе могилы Муравьева. По этому поводу протоіерей Андреевской церкви Павелъ Федоровичъ Подвысоцкій отъ 19 сентября 1892 г. въ отвѣтномъ письмѣ на имя Петра Гавриловича сообщаетъ весьма интересныя подробности, съ которыми слѣдуетъ познакомиться по тексту самаго отвѣта.

„На присланное Вами письмо Ея Превосходительства г. Исаковой долгомъ считаю отвѣтать. Вашему Высоко-Преподобію извѣстно, что могила, въ которой поконится въ Бозѣ почившій Андрей Николаевичъ Муравьевъ, устроена въ притворѣ подземнаго Сергиевскаго храма; извѣстны также и всѣ тѣ обстоятельства, при которыхъ совершилось такое устроеніе. Андреевская церковь достойнымъ образомъ почтила память своего многозаботливаго ктитора, открывши праху его мѣсто покоя подъ сводами своего святилища,—такой чести удостаиваются рѣдкіе изъ мірянъ. Кромѣ того, на церковныя средства притворъ тотъ оштукатуренъ, выбѣленъ и полъ въ немъ устланъ чугунными плитами: все, такимъ образомъ, приведено въ благообразный видъ. Не лишнимъ считаю присовокупить, что расходы при погребеніи А. Н. принялъ на себя всецѣло племянница покойнаго Александра Николаevва Демидова, урожденная Муравьевая, племянникъ же—Владимиръ Сергеевичъ Муравьевъ, унаслѣдовавшій потомъ все достояніе его—движимое и недвижимое—прислалъ съ своей стороны только небольшую плиту чернаго мрамора, съ подобающею надписью, которая вдѣлана въ стѣну при могилѣ. Бѣлаго мрамора плита, покрывающая могилу, заказана капитаномъ Семеновымъ на средства, собранныя имъ по подпискѣ между знакомыми покойника въ Петербургѣ. Двѣ иконы—Покрова Божіей Матери и преподобнаго Сергія Радонежскаго, поставленныя въ усыпальницѣ, пожертвованы Св. Владимірскимъ братствомъ,—лампады къ нимъ даны отъ церкви, масло же для освѣщенія, по мѣрѣ возможности, выдается изъ перкви. Нѣкакихъ фондовъ или вкладовъ на такъ называемую „неугасимую

лампаду" ни отъ кого и никогда не было. Въ минувшій періодъ времени съ 1874 г., усыпальницу разновременно посѣтили друзья Андрея Николаевича, нынѣ почивши: начальникъ военно-учебныхъ заведеній, генераль-адъютантъ Исаковъ и Помпей Николаевичъ Батюшковъ съ супругой. Сказанные высокіе посѣтители входили въ усыпальницу съ молитвой и оставляли ее съ благодарностю, не заявляя претензій и упрековъ за то, что тамъ хранились нѣкоторые хозяйственныя предметы, напримѣръ—метлы, щетки, песокъ, которымъ нѣтъ мѣста, при крайне тѣсномъ устройствѣ церковнаго зданія. Не оскорбляя доброй памяти почившаго, воздавая должную справедливость заботамъ Андрея Николаевича о благоустройствѣ Андреевскаго храма, сохрания обѣ немъ неизмѣнную молитвенную память и въ церкви, и дома,—я долженъ, сказать по іерейской совѣсти и то, что покойникъ остался въ долгу у церкви 1200 р. По его усиленному ходатайству, при содѣйствіи Помпея Николаевича Батюшкова, съ Высочайшаго разрѣшенія, было ассигновано 37 тысячъ на укрѣпленіе горы, на которой высится храмъ, и на обновленіе самаго храма къ предстоящему столѣтнему юбилею его въ 1867 г. Кавъ предсѣдатель церковно-строительнаго комитета, А. Н. взялъ изъ строительной суммы означенныя деньги. По смерти его, капитанъ Семеновъ вручилъ мнѣ собственно-ручную росписку А. Н. съ обозначеніемъ на ней числа, мѣсяца, года и количества взятой, въ три приема, суммы, съ такою же собственно-ручною надписью: „обязуюсь возвратить“. И, конечно, возвратилъ бы. Росписку эту я предъявилъ наследнику; онъ просилъ меня дать ему этотъ документъ для предъявленія сонаследникамъ и съ обѣщаніемъ—отдать слѣдуемое церкви, но, къ сожалѣнію, такое обѣщаніе сказалось только на словахъ... Послѣ двукратнаго напоминанія ипросьбы—возвратить по крайней мѣрѣ росписку „на память“, отвѣта не послѣдовало. По смерти наследника, съ такою же просьбою я обратился къ его супругѣ, но въ отвѣтъ на справедливую и самую вѣжливую просьбу получилъ дерзкое и укоризненное посланіе.

Извините Ваше Высокопреподобие, что я обезпокоилъ Васъ подробностями дѣла, касающагося заслугъ и достоинствъ упоминаемаго лица и моихъ личныхъ къ нему отношеній, изъ-за которыхъ я считаю себя нравственно-обязаннымъ—хранить молитвенную память о почившемъ и надлежащимъ образомъ оберегать мѣсто его покоя. Послѣ моей смерти, незнающими Муравьевъ, усыпальница его можетъ быть обращена въ складъ дровъ, или найдется ей подобное, хозяйственное приложеніе. Этимъ я предупреждалъ и наследниковъ, убѣждая ихъ гарантировать неприкосновенность усыпальницы хотя бы возвращеніемъ въ церковь сказаннаго долга. Благоусмотрѣнію Вашего Высокопреподобія предоставлю—письмо это отослать г. Исааковой, для убѣженія Ея Превосходительства въ несправедливости тѣхъ укоръ, претензій и проч., коими она, по моему адресу, осипала могилу своего друга, А. Н. Муравьевъ“.

Петръ Гавrilовичъ письма о. протоіерея не отправилъ г-жѣ Исааковой, а, по всей вѣроятности, отъ себя написалъ ей что слѣдуетъ.

Очень мало сохранилось писемъ А. Н. Муравьевъ къ П. Г. Лебединцеву; иные писалъ кто-то другой, а онъ только подписывалъ, другія—онъ самъ, но въ высшей степени неразборчивы, чисто женскимъ почеркомъ.

1.

Посылаю Вашему Высокопреподобію одинъ экземпляръ изданныхъ мною писемъ митрополита Филарета для Софійской Библіотеки и прошу Васъ напечатать въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ о появлениі въ свѣтѣ этой книги, которую можно приобрѣсть въ моемъ домѣ. Цѣна за экземпляръ 2 р. 50 к.

Примитеувѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи

А. Муравьевъ.

1869 г., 4 августа.

2. ¹⁾).

Многоуважаемый Петръ Гавриловичъ!

Извините, что беспокою Васъ просьбою: сдѣлайте милость— доставьте прилагаемое письмо Сушкову, которого я потерялъ изъ виду съ тѣхъ поръ, какъ онъ перешелъ изъ духовнаго вѣдомства. Въ канцеляріи оберъ-прокурора должны знать, гдѣ онъ служить и обрѣтается. Вы этимъ очень обязаете искренно уважающаго Васъ.

А. Муравьевъ.

1870 г. 18 сентября. Киевъ.

3.

Милостивый Государь, Петръ Гавриловичъ!

Приношу Вамъ благодарность за обрѣтеніе Сушкова и доставленіе ему моего письма. Я совершенно согласенъ съ Вами, что его предположенія объ устройствѣ церковномъ совершенно несбыточны, о чемъ я къ нему и написалъ. Но признаюсь, я нахожу еще болѣе несбыточнымъ въ смыслѣ православія, а не протестантства, новыя предположенія о судопроизводствѣ церковномъ, по примѣру гражданскаго, мимо мѣстныхъ властей, т. е. мимо Епископа, которому, по всѣмъ древнимъ канонамъ, принадлежитъ ближайшій судъ надъ пресвитерами и даже мимо Синода. Что же это будетъ за управлѣніе церковное, гдѣ архиереи обратятся только въ рукоолагательную машины? Даже у лютеранъ больше имѣютъ вліянія ихъ суперъ-интенденты. Вы говорите, что когда оторвана одна половина зданія, неудобно оставлять другую въ прежнемъ видѣ, закрывши брешь рогожею.

¹⁾ Это второе письмо, какъ и некоторые другие, адресовано въ Петербургъ, по случаю пребыванія тамъ П. Г., въ качествѣ члена комитета по реформѣ дух. суда.

Это однако случилось на дняхъ на дворѣ Софійскомъ съ пристройкою теплого собора, коей часть—сажени въ три—обрушилась въ погребъ, о чёмъ я и прежде предостерегалъ, что тутъ опасно строить. Однако теперь хотятъ дополнить эту пустоту и не подкопать для сего основаніе храма,—что теперь хотятъ сдѣлать при новомъ судопроизводствѣ, опрокинувъ все древнее Апостольское основаніе церкви. На сихъ днахъ мы объ этомъ бесѣдовали съ Владыкою, такъ какъ я, будучи теперь избранъ предсѣдателемъ братства, бываю у него часто по дѣламъ. Весьма благоразумно онъ мнѣ сказалъ: „Більстинъ поднялъ вопросъ о духовномъ образованіи, и обрадовалось бѣлое духовенство. Что же вышло изъ улучшенія ихъ быта по образованію? Половина ихъ дѣтей остаются безъ духовнаго образованія и съ нихъ же требуютъ безпрестанно деньги для параллельныхъ школъ, а если суды будутъ мимо епископовъ, то могутъ повторяться такія же случаи, какъ въ Полоцкѣ, гдѣ одинъ заслуженный протоіерей былъ посаженъ мировымъ судьею въ тюрьму за отлукку, и тогда можетъ быть пожалѣютъ и о судѣ архіереевъ“. А знаете ли, что мнѣ и самому очень грустно! До насъ доходятъ слухи, что наши кіевскіе депутаты болѣе другихъ хлопочутъ объ устраниніи Епархіального суда. Не дай Богъ, чтобы это была правда, а меня извините за искреннее слово, которое долгомъ почель Вамъ сказать для очищенія моей совѣсти и по тому уваженію, которое къ Вамъ имѣю и съ которымъ остаюсь.

Вашъ покорный слуга А. Муравьевъ.

1870 г. 29 окт., Кіевъ.

4.

Ваше Высокопреподобіе!

Благодарю за привѣтъ въ день моего Ангела! У насъ служеніе было торжественное и праздникъ какъ праздникъ. У Васъ же въ Софійскомъ холодно, потому что нижнюю церковь все укрѣпляютъ, но горящихъ углей на главу Вашу не сып-

лють, потому что никто Васъ не обвиняеть въ осадкѣ угла. Прочтите мою записку объ обновлениі собора въ древнемъ его видѣ, которую здѣсь я подалъ Императрицѣ и на дніхъ посылаю Владыкѣ,—прочтите ее и поддержите. Не сѣтуйте и за сказанное о судахъ церковныхъ: лучше предупредить о молвѣ, чтобы взять предосторожность. Говорять, что преосвященный Макарій отстаиваетъ судъ Епископскій—и, слава Богу, чтобы у насъ не было сперва лютеранской поповщины, а потомъ раскольнической безпоповщины, которая заставитъ бѣжать православныхъ изъ мнимаго православія. Князь С. Н. Урусовъ, бывшій оберъ-прокуроръ, сказалъ однажды своему камердинеру: „слышалъ-ли ты, что у насъ архіереи будуть женатые“?—а тотъ съ ужасомъ возразилъ: „что Вы это, князь? да я подъ благословеніе къ нимъ не подойду“. Въ этомъ случаѣ и я раздѣляю мнѣніе княжескаго камердинера. Простите, не хочу многоглагольствовать и съ чувствомъуваженія остаюсь душевно Вамъ предавный.

А. Муравьевъ.

1870 г. 5 декабря. Киевъ.

5.

Благодарю Васъ, почтеннѣйшій Петръ Гавrilовичъ, за Вашъ праздничный привѣтъ съ новолѣтіемъ, которое мы здѣсь спраляемъ весьма смиренно и провинціально, не такъ, какъ Вы—столичные жители. Нѣтъ у насъ великихъ новостей, подобно Вашимъ, а такъ кое-чѣмъ перебиваемся. Вотъ напримѣръ, весь Бахчисарайскій дворецъ перенесенъ на упокой въ Михайловскій, и въ мавританскомъ весьма нелѣпомъ вкусѣ раззолочены потолки трехъ приемныхъ залъ, а по стѣнамъ тщедушныя, также раззолоченные пиластры,—однимъ словомъ смѣясь французскаго съ нѣмецкимъ. Потѣха сія обошлась въ 2500 цѣлкачей, а контроль консисторіи могъ бы спросить: изъ какихъ доходовъ такая нелѣпость, когда всѣ церкви совершенно грязныя? Нашъ

братъ провинціалъ, однако православный, не могъ также не изумиться при погребеніи Голубцевой,¹⁾ когда во время отпѣванія въ самой церкви тотчасъ по евангеліи, когда ожидаемъ разрѣшительной молитвы усопшему, вошелъ промежду черныхъ ризъ инспекторъ классовъ въ мундирѣ и произнесъ похвальное слово, хотя и краснорѣчивое, но вовсе неумѣстное въ присутствіи двухъ архіереевъ. Мне показалось, что я въ нѣмецкой кирхѣ и потому вышелъ... Еще у насъ печальная новость: В. И. Бутовичъ совсѣмъ умираетъ отъ водяной; сегодня соборовали, и это было очень умилительно по его христіанскому расположению. О Братствѣ скажу, что Демидовъ соглашается наконецъ устроить пріютъ для евреевъ, коихъ много къ намъ прибываетъ, а протоколы наши можете читать въ Вашихъ Вѣдомостахъ. Кто будетъ головой, не знаемъ, лиць бы съ головой, а я покамѣсть гласный—безгласный. Вотъ Вамъ и все. О Софійскомъ скажу, что до половины обновлять невозможно, и если Вы не двинете изъ Питера, то здѣсь ничего и не будетъ; инициатива должна быть отъ Владыки, а не свыше. Маевскій же замолкъ съ моимъ описаніемъ дворца и не печатаетъ; спросите его. Пути у насъ непроходимы отъ снѣжныхъ ухабовъ. Простите, заболтался,—вѣрно, отъ ухабовъ. Прошу свидѣтельствовать мое почтеніе Владыкѣ и не забывайте искренно Васъ уважающаго.

А. Муравьевъ.

1871 г. 15 генваря. Кіевъ.

6.

Ваше Высокопреподобіє.

Еврей, присланный Вами, принятъ, и надобно стараться окрестить его въ будущую субботу, чтобы спасти его отъ гонений, а между тѣмъ вмѣсть съ нимъ можно бы окрестить и проживающаго у насъ еврейскаго мальчика Лейбу Аріева, ибо оказывается, что мой кучеръ, служившій у помѣщика с. Заво-

¹⁾ Начальница Института благородн. девицъ.

ричъ, Козелецкаго уѣзда, лично зналъ и сего мальчика, и его родителей, которые тамъ давно живутъ, и свидѣтельствуетъ, что нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія о его личности, а при нашихъ разспросахъ въ этомъ селѣ у мѣстнаго священника можетъ быть огласка, и родители будутъ его требовать. Итакъ рѣшилъ милостию обоихъ крестить.

Многоуважающій Васъ А. Муравьевъ.

Годъ не обозначенъ. 16 марта.

7.

Я писалъ прокурору о штундистахъ, но отвѣта не имѣю, — вѣроятно лукавить. Но вотъ что и меня возмутило: вчера на конецъ окрестили нашего еврея и уже приготовлено было ему метрическое свидѣтельство, какъ вдругъ остановились его выдать на томъ основаніи, что онъ не умѣлъ отвѣтить, сколько церквей въ Шполѣ. Я и самъ стоялъ тамъ съ полкомъ, но не знаю ихъ числа, а между тѣмъ есть о немъ свидѣтельство отъ мѣстнаго священника. Но вотъ что еще возмутительнѣй: не знаю, на какомъ основаніи діаконъ Крыжановскій пришелъ къ нашему смотрителю и потребовалъ отъ него три рубля братскихъ денегъ за крещеніе: 1 р. священнику, 1 р. за воду и 1 р. за свѣчи. Кажется, онъ не имѣетъ права назначать сумму, да и смотритель не казначай, слѣдовало ко мнѣ обратиться. Пожалуйста замѣтьте ему это, чтобы впредь не позволялъ себѣ такихъ вольностей. Вчера я былъ у Васъ и очень сожалѣю, что не засталъ. Простите, остаюсь преданный Вамъ.

А. Муравьевъ.

1873 г. 31 мая.

8.

Ваше Высокоопреподобіе!

Весьма намъ грустно было вчера быть на экзаменѣ въ вашемъ пріютѣ, однимъ лишь мірянамъ, ибо ни одинъ изъ ду-

ховныхъ не явился къ испытанію, хотя это было условлено прежде и даже опредѣлено протоколомъ. Можетъ ли быть успѣхъ и поощреніе мальчикамъ при такомъ равнодушіи духовномъ? Не мудрено, что митрополитъ хочетъ закрыть школу и посадить въ ней штундистовъ. Всѣ вдругъ разсѣялись: кто въ Голосѣвъ, кто въ Лавру, кто село купилъ, какъ ключарь,—даже и приходскій протоіерей жену паялъ на базарѣ, однимъ словомъ священникъ и левить мимо иде, и остались одни лишь смиренные самаряне—міряне. Вотъ и дѣлайте дѣла! Я гнѣвный, притомъ и въ душѣ не прощаю такое равнодушіе и лѣнь. Душевно уважающій и горько ропущющій.

А. Муравьевъ.

9.

Сдѣлайте милость, пришлите мнѣ сегодня утромъ всѣ номера за генварь м. „Современныхъ Извѣстій“, ибо отъ И. И. Красовскаго получилъ письмо, чтобы я ему въ нихъ открылъ всѣ его добродѣтели и къ обѣду непремѣнно ему доставиль онъ,—у него онѣ пропали.

А. Муравьевъ.

10.

Благоволите сходить на всенощную въ четыре съ половиною часа въ Академію, гдѣ я вчера насладился впервые пасхальнымъ напѣвомъ, безъ нотъ и безъ пропусковъ,—а пѣло всего шесть человѣкъ на хорахъ и пять на клиросахъ. Итакъ дѣло не въ числѣ и не въ средствахъ, а въ порядкѣ и усердії. Пусть ваши соборянѣ-пѣвчіе даже безъ мальчиковъ сему получатся пѣнію. Будь въ Академіи Щеоктистъ (ректоръ семинаріи) вместо Филарета, то было-бы то же, что у другихъ. Аще бы сами себе судихомъ, не были міромъ осуждены быхомъ.

А. Муравьевъ.

11.

Нельзя ли, Ваше Высокопреподобіє, оказать милость и принять въ духовное училище сироту дѣвицу¹⁾, о коей просить княгиня Витгенштейнъ, тѣмъ болѣе, что и всѣ ея бумаги еще у Васъ. Много тѣмъ сдѣлаете и ей, и мнѣ.

А. Муравьевъ.

Сообщ. И. Г.



1) Людмила Левитская, дочь сельского священника с. Старостинець, Волынской губерніи.

П. А. КУЛИШЪ.

(Біографіческий опис).¹⁾

LVIII.

Въ своеї домашнїй жизни Кулишъ былъ образцомъ необычайного трудолюбія во всѣхъ отношеніяхъ: «въ свободное время отъ литературнаго занятія онъ ради гимнастики работаетъ пилкой, топоромъ, садовничымъ ножомъ», писала одной родственницѣ Ганна Барвинокъ— „а прежде онъ и самъ пахалъ, и со сѣди и родственники бывало пріѣзжаютъ смотрѣть на его чосѣви и учиться работать“, а между тѣмъ въ припискѣ къ одному письму онъ сообщалъ: „у меня столько на рукахъ всякаго дѣла книжнаго, что мнѣ не до переписки, а бѣдная Сашуня изнемогаетъ подъ своимъ бременемъ жизни. Я ей не помощникъ: и не умѣю, и силъ не хватаетъ“. Въ другомъ письмѣ онъ говорилъ: „если бы не то да другое, то мы бы съ Сашей и теперь были бы еще студентами, дѣлающими забаву изъ вашей богатой поэзіей нищеты“. Въ одномъ письмѣ къ галицкому писателю Павлику онъ говоритъ: „Отъ бы то зробивъ хороше дило и той, кто позби-

1) См. «Кіевск. Стар.» № 9.

равъ бы мои листы не рады мого я, а за-для того, про ѿ се жъ
пysано"; и дальше: „хочбы люде про мою память говорылы ще
гиршъ, нижъ теперенькы се роблять,—Живый на небесѣхъ по-
смѣется имъ и поругается имъ".

Какъ ни тяжело было Кулишу въ настоащую минуту, какъ
ни были сгущены тучи на его горизонтѣ, но онъ не переста-
валъ мечтать о продажѣ хутора, о поѣздкѣ въ столицу и даже
за границу; однако на него находили также сомнѣнія: „Здѣсь
мы живемъ роскошно, какъ царь и царица,—шутилъ онъ,—а
чтобы быть нищими работниками въ Варшавѣ, въ Москвѣ и
Петрбургѣ, куда мнѣѣхать необходимо, намъ нужно не менѣе
двухъ тысячи рублей". Вообще переноситься мыслями въ буду-
щее и думать о пользѣ и благѣ грядущихъ поколѣній—было въ
натурѣ Кулиша, и это выражалось у него подчасъ въ очень
самоувѣренной формѣ: „А я пишу и думаю, что послѣ
меня люди настолько поумнѣютъ, чтобы этимъ воспользова-
ться". Онъ впрочемъ не особенно заботился о скоромъ появлѣ-
ніи въ печати своихъ произведеній, говоря: „Не въ томъ дѣло,
чтобы напечатать, а въ томъ, чтобы написать. Высказавшись,
я торжествую, какъ священнослужитель правды".

Отсюда мы чаще всего встречаемъ у Кулиша крайне опти-
мистической взглядъ на жизнь, который всегда бралъ у него
верхъ надъ временными приступами пессимизма: „Жизнь"—
говорилъ онъ—„сама по себѣ счастье, въ какой бы формѣ ни
ощущать ее. Сашуня все охаетъ, что я много на себя взялъ, а
я только здоровье и веселѣе прежнаго. О здоровье впрочемъ
думайте, т. е. о сопротивленіи всему, что вліяетъ на продолже-
ніе нашей жизни". Взглядъ на свое собственное положеніе онъ
высказалъ однажды въ письмѣ ко мнѣѣ въ слѣдующихъ строкахъ:
„Судьба сыграла со мной жестокосердую шутку завистливаго рока.
Вѣриѣ сказать, сыграли ее безсердечные люди, имя которымъ
легионъ. Они выдержали меня на островѣ Патмосѣ такъ долго,
что меня начало цугать забвеніе иностранныхъ языковъ. Но я
не сидѣлъ безъ работы: плугъ, топоръ, пила, всѣ столярные
инструменты и перо были моими вѣрными товарищами. Только

краски да кисть измѣнили мнѣ, или я измѣнилъ имъ въ этой неблагопріятной для извѣщныхъ искусствъ пустынѣ... Переработавъ на островѣ Патмосъ три уже давно непечатанные тома „Исторіи возсоединенія Руси“, я заготовилъ, такъ сказать, живописныя картины для остальныхъ шести томовъ этой книги, и теперь жду болѣе сноснаго сезона, чтобы совершить рабочее странствованіе по архивнымъ и библіотечнымъ городамъ—Варшавѣ, Петербургу и Москвѣ. Эти благословенные всячески культурою города научили меня на трехъ томахъ искусству облекать мои картонныя въ доконченныя картины для остальныхъ шести томовъ. Надѣюсь, что благосклонныя доселѣ ко мнѣ Парки не перерѣжутъ нити жизни моей слишкомъ торопливо“. По прежнему, девизомъ Кулиша было: „жить пока живется, учиться и учить тому, чтб дается“,—„въ этомъ“—прибавлялъ онъ—„и все наше утѣшеніе“. Одной изъ своихъ родственницъ Кулишъ, передавая свои планы, писалъ: „Сашуня тоскуетъ уже, что мало осталось для нихъ (плановъ) времени, а я даю ей слово ждать, пока насытится око зрести и ухо слышати. Но такъ какъ они не насытятся никогда, а дни моей дѣятельности, можно сказать, сочтены, то вы всѣ помилосердуйте надъ затворникомъ, дайте ему дохнуть широкою жизнью, и не для кого какъ для вашихъ милыхъ чадъ поработать въ охотку на поприщѣ науки и литературы“.

Чрезвычайно любопытно, что потребность дѣятельности Кулиша и его свѣтлыя надежды на осуществленіе завѣтныхъ желаній и плановъ какъ будто совершенно не находились ни въ малѣйшей зависимости отъ окружающихъ его виѣшнихъ обстоятельствъ и даже отъ условій возможності—черты, заслуживающая особеннаго вниманія. Годъ проходитъ за годомъ, дѣйствительность безжалостно разрушаетъ всѣ мечты, старость даетъ себя знать ослабленіемъ организма (хотя Кулишъ сравнительно мало тяготился бременемъ, утѣшая себя отзывами врачей, находившихъ его силы физическія и душевныя замѣчательно сохранившимися для столь преклоннаго возраста), наконецъ безчисленныя и разностороннія неудачи положительно преслѣдуютъ

его, а онъ все больше зарывается въ свои книги и постоянно задумываетъ все новые, и притомъ обширные и значительные литературные планы и предпріятія и не перестаетъ смотрѣть на будущее, какъ на несмѣтную казну, какъ на какую-то не-скончаемую перспективу продолжительной и плодотворной работы, какъ будто впереди онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи цѣлую вѣчность. Только священное пламя идеализма, безспорно, могло дать силы Кулишу на старости лѣтъ, послѣ того какъ сгорѣлъ его рукописный переводъ Бібліи, потребовавшій многихъ лѣтъ упорнаго труда, вновь работать надъ тѣмъ же самыемъ дѣломъ и, кромѣ собственной научно-литературной дѣятельности, посвящать такъ много энержіи на дѣятельность переводчика. Едва-ли можно отказать въ признаніи колоссального трудолюбія и самого чистаго, высокаго идеализма человѣку, которому съ отѣнкомъ нѣкотораго недоумѣнія изумлялся даже такой почтенный и даровитый труженикъ науки, какимъ былъ его другъ Костомаровъ,—что онъ на 64 году жизни принялъся за переводъ на малорусскій языкъ сочиненій Шекспира и отдавался труду переводчика съ двойнымъ наслажденіемъ, какъ эстетикъ и какъ беззавѣтный любитель родного слова. „Что касается меня“—писалъ намъ однажды Кулишъ,—„то, зная, какъ мудрено было, даже Пушкину переводить Мицкевича и наоборотъ (ихъ языки извѣстны мнѣ оба, какъ мой родной), я вижу въ переводахъ наиболѣшую пробу языка относительно его ловкости, живописности, гармоніи. Сверхъ переведенныхъ уже по-русски (или какъ говорятъ одни, по украински, а другіе—по малороссійски) тринацати драмъ Шекспира, Байронова „Донъ-Жуана“ и „Чайльдъ Гарольда“, Шиллерова „Вильгельма Телля“ (о которомъ смѣю думать, что это величайшее литературное произведеніе нашего вѣка),—готовлю сборникъ лирическихъ произведеній, заимствованныхъ у Гёте, Шекспира, Байрона, Гейне, подъ заглавиемъ „Позичена Кобза“ (одно изъ писемъ ко мнѣ конца 1894 г.).

Но, конечно, невзгоды все же не могли не отражаться до извѣстной степени, и даже замѣтно, на его характерѣ и настро-

енії. «Въ іюлѣ 1890 г.,» — говоритъ г. Конискій — «по просьбѣ одного нашего общаго знакомаго галицкаго русина, я вмѣстѣ съ В. Н. Волкъ-Каравеевскимъ и съ взрослыми дѣтьми его на-вѣстилъ Кулиша въ его хуторѣ. Кулишъ встрѣтилъ насъ очень любезно; о прежнемъ, конечно, каждый изъ насъ старался ни словомъ не вспоминать... Увы! передо мною уже не было прежняго Кулиша! Это былъ худой, согбенный старикъ!.. Весьма тщательно старался онъ скрыть свое недовольство жизненными неудачами и людьми, но оно прорывалось цѣлой струей, когда зашла рѣчь о галичанахъ, о полякѣ-арендаторѣ и о сосѣдахъ-крестьянахъ, затѣявшихъ съ нимъ процессъ въ судѣ. Кроме перемѣны физической, я замѣтилъ тогда въ Кулишѣ и значительную духовно-нравственную: упадокъ памяти, недовѣріе къ людямъ и удрученность.

Я имѣлъ порученіе пригласить его къ участію, во-первыхъ, въ издаваемомъ Барвінскимъ журналѣ „Правда“ и въ предсто-явшемъ тогда изданіи „Записокъ Наукового Товариства імені Шевченка“. Послѣ некотораго колебанія и высказаннаго имъ еще разъ недовѣрія къ галичанамъ, онъ согласился на просьбу о сотрудничествѣ*. Но послѣ были недоразумѣнія: Кулишъ былъ недоволенъ помѣщеніемъ въ „Правдѣ“ перевода „Донъ Жуана“. Впрочемъ, это уже мы можемъ оставить въ сторонѣ. Для насъ важно здѣсь то, что лицамъ, ранѣе знатившимъ Кулиша, были замѣтны слѣды совершившихся въ немъ перемѣнъ.

Замѣчательно также, что, несмотря на все разнообразіе своей литературной дѣятельности, перо Кулиша служило всегда одной идеѣ—благу родной Украины.

LIX.

Между тѣмъ пререканія съ Обществомъ Исторіи и Древ-ностей продолжались, хотя и въ самой деликатной формѣ: Ку-

лишь хотѣлъ возвратить присланный ему пакетъ съ возраженіями, но былъдержанъ мыслью о томъ, что такой поступокъ, заслуженный однимъ членомъ Общества, могъ бы несправедливо оскорбить другихъ членовъ, имѣвшихъ, съ своей стороны, полныя права на уваженіе. Онъ утѣшалъ себя надеждой, что „между знатоками польско-русскаго былого найдется человѣка два-три такихъ, которые „уразумѣютъ истину, и истина освободитъ ихъ отъ Карповщины“. „Если бы я не былъ въ этомъ увѣренъ“ — продолжалъ Кулишъ, — „то пересталъ бы и трудиться надъ исторіей русскаго возсоединенія“. Зато онъ включилъ своего новаго противника Карпова въ написанную еще раньше поэму „Кулишъ у Пекли“, напечатаніе которой отдѣльной брошюрой встрѣтило величайшія затрудненія со стороны обѣихъ столичныхъ цензуръ. На этотъ разъ затрудненія касались впрочемъ отнюдь не содержанія поэмы, но исключительно правописанія, такъ какъ наставляя на такъ называемой „кулишевкѣ“, Кулишъ рѣшительно не соглашался ни на какие комиromиссы. Препирательства шли о разныхъ способахъ начертанія буквъ *e* и *i* въ малороссійскомъ текстѣ, и мнѣ, какъ посреднику, со стороны, признаюсь, казались очень незначительными и даже микроскопическими. ¹⁾ Тѣмъ не менѣе, обѣ стороны оказались неуступчивыми до-нельзя, и дѣло не уладилось. Такія же затрудненія потомъ возникли вновь по поводу стихотворного сборника „Дзвѣнъ“ и его продолженія подъ заглавіемъ „Сокровище благихъ“. Послѣ неудачи въ столичныхъ цензурахъ съ „Царемъ Наливаемъ“ и „Кулишомъ у Пекли“, Кулишъ представилъ „Дзвѣнъ“ ²⁾ въ кіевскую цензуру, гдѣ по-

¹⁾ Вотъ любопытное поясненіе Кулиша. «Для незнакомыхъ съ языкомъ малорусскимъ, таѣкъ называемымъ украинскимъ» послѣ согласныхъ буквъ — *u*, *i*, *ї* произносятся вѣсколько мягче великорусскаго *ы*; буква *e* какъ оборотное *в*; буквы *ê*, *â*, *î*, *ô* — какъ *i*; буква *ъ* и послѣ согласныхъ — *і* и послѣ гласныхъ и въ началѣ слова произносится, какъ *u* и *i*; буква же *в* — какъ общерусское *ъ* или *e*.»

²⁾ Эти произведения казались Кулишу лучшими созданіями его пера, какъ видно изъ одного листа къ В. Н. Волкъ-Каравеевскому, но онъ какъ будто и самъ сознавалъ свое увлеченіе, прибавляя, что, мо-

вторилась, однако, прежняя история: цензора сожалѣли о томъ, что не могутъ пропустить, но такое сожалѣніе, конечно, не могло удовлетворить автора. „Что касается собственно меня“—продолжаетъ Кулишъ,—„то я долженъ всячески искать новыхъ путей къ обнародованію выработанного мною воззрѣнія на Малорусчину, долженъ ради чести родного мнѣ старорусского элемента, испорченного Татарами, Литвою, Польшей и уродуемаго нынѣ людьми, которые „не вѣдаютъ, чтобъ творять“, думая тѣмъ службу приносить Богу“. Такъ же трудно было напечатать „Дзвѣнь“ и въ Львовѣ, такъ что онъ увидѣлъ свѣтъ уже въ Женевѣ, о чёмъ Кулишъ очень сожалѣлъ. Когда, по предложенію Вольфа, онъ взялъ на себя издать по-русски его книжку „Родные отголоски“, но издаваніе не состоялось за смертью предпринимателя, и Кулишъ задумалъ уже собственное вышеупомянутое изданіе подъ заглавиемъ „Позичепа Кобза“,—то онъ съ грустью писалъ намъ: „Въ объясненіе сихъ стихотвореній моихъ, я долженъ съ горечью сообщить вамъ, что жалуюсь въ нихъ на гоненія не только великоруссовъ, но и полякоруссовъ, alias¹⁾—галичанъ, которые, по политическому фанатизму относительно меня, годились бы въ сотрудники развѣ Каткову съ его преемниками“. Нѣкоторое время Кулишъ предлагалъ мнѣ издать отъ себя его поэму „Кулишъ у пекли“ и продолжать изданіе начатаго печатаніемъ во Львовѣ первого тома украино-русскаго перевода „Шекспировыхъ Творивъ“, также недозволенного нашей цензурой. „Нельзя ли вамъ поискать дороги къ дозвolenію?“ спрашивалъ меня Кулишъ, совершенно наивно, не представляя себѣ размѣровъ недовѣрія, съ какимъ относилась цензура ко всякому труду, связанныму съ его именемъ“. Всѣ великорусскіе переводы „величайшаго изъ сыновъ человѣческихъ“, какъ называлъ Шекспира Бокль, забывая о божественномъ Сынѣ Человѣческомъ Иисусѣ, не выдерживаютъ сравненія съ моимъ“—писалъ Кулишъ,—„не

жеть быть, онъ потому ихъ ставить такъ высоко, что „мы особенно любимъ послѣднія произведенія, какъ и послѣднихъ дѣтей“.

1) Т. е. изваче.

потому, что онъ мой, а потому, что напѣ малороссійскій языкъ имѣеть больше грамматическихъ формъ и способенъ къковѣ въ высшей степени. Переводъ Шекспира доведенъ мною до половины. Остальная половина могла бы быть переведена во время печатанія первой. Послѣдняя изъ переведенныхъ мною драмъ его, „Гамлетъ“ окончена въ 35 дней, и я пріостановилъ эту мою работу единственно потому, что въ Гаваний пустынѣ не могъ пользоваться изданіемъ Британскаго и Германскаго Шекспиро-выхъ Обществъ“.

Междудѣй цenzура запретила, какъ было сказано выше, также и большую повѣсть Кулиша „Владимірія“ или „Искра Любви“, за которую авторомъ уже былъ полученъ авансомъ гонораръ изъ редакціи „Нови“,—обстоятельство, поставившее въ немалое затрудненіе Кулиша, какъ намъ извѣстно не пользовавшагося въ послѣдніе годы материальнымъ достаткомъ. Повѣсть была потомъ предложена... въ „Гражданинъ“ кн. Мещерскаго, гдѣ была безцеремонно заброшена и потеряна, какъ о томъ уже разсказано въ статьѣ кн. Шаховскаго о Кулишѣ въ „Русскомъ Обозрѣніи“,¹⁾ о чёмъ еще будетъ упомянуто ниже. Нѣкоторыя же другія рукописи Кулиша поступили около этого времени въ редакцію «Русскаго Обозрѣнія», и полученный за нихъ авансъ значительно поправилъ, конечно на самое короткое время, отчаянныя денежныя обстоятельства Кулиша. „Наши денежныя обстоятельства таковы“—писалъ онъ,—„что послѣ продолжительнаго алканія умственной пищи, я выписываю теперь газеты и журналы на четырехъ языкахъ. Недостаетъ только итальянской да испанской новѣйшей прессы. По-шведски я началъ было учиться ради письменныхъ фоліантовъ Карла XII, открытыхъ въ Стокгольмѣ, но надѣялся на Костомарова, которому слѣдовало бы историческое сокровище явить русскому миру“.

¹⁾ См. «Русское Обозрѣніе», 1891, III, стр. 222—223.

LX.

Несмотря на недовольство Кулиша галичанами, онъ продолжалъ дѣятельныя сношениа съ уважаемыми представителями этой націи. Въ числѣ послѣднихъ особеннымъ расположениемъ его пользовался М. И. Павликъ (редакторъ журнала „Народъ“), заслужившій его симпатію статьей объ отношеніяхъ Кулиша къ великому польскому поэту Крашевскому. Въ первомъ письмѣ Кулишъ привѣтствовалъ своего новаго корреспондента: „Вельми втишаюсь правдою, що выявляется мижъ Русинами, ще й за мого життя,— не такъ самою правдою, якъ добрымъ розумомъ, котрого не находывъ я мижъ галицькими письменниками“. Ему онъ выразилъ готовность дополнить и провѣрить сообщаемыя имъ въ статьѣ свѣдѣнія о своихъ отвошевіяхъ къ Крашевскому и спѣшилъ подѣлиться съ нимъ своими историческими убѣжденіями: „Одирвавши Русиновъ одъ насъ у козако-татарське лыхолиття“, писалъ онъ,— „Лахы попереблювали ихъ такъ, що великий руський свитъ ваши письменници вважають за якусь Кытайщину и выроблюють изъ ёго соби па забавку клаптикъ пидъ польскою назвою *Ukraina*. Хто на Русь позира въ выщого погляду, цинуючи перевагу руського духу надъ антирующиою, той у выхъ москаль (зновъ назва польска!)..) Тымъ и ворогуютъ противъ мене дома такъ само, якъ и въ Львови. За те, що я шукаю правди въ історії такъ, якъ природолюбци шукали і въ науци природознання, мене оглашають мало не чорнокныжникомъ. Сміюсь я съ сёго“. „Мене перше вважали за майстра ридного слова, а теперъ и въ Львови и въ Кыиви пропечатали, що я тилько исую ридну мову“... „Москва поборола татаръ, Новгородъ, Ісковъ, Польшу съ Лытвою, шведа и козацтво,— чымъ? Перевагою руського духу надъ антирусськимъ, а не лукавствомъ, якъ насъ вчывъ Костомара! Не выдержала бъ вона тысячолітнї боротьбы зъ вичамы, республиками, королями, императорами“.

Павликъ съ большимъ интересомъ освѣдомлялся о судьбѣ книги „Шекспировы Творы“, которая, какъ видно изъ отвѣта

ему Кулиша, могла быть въ складѣ или въ типографіи имени Шевченка, или у нѣкоего Алоизія Юркевича, жившаго въ Ульмѣ, такъ что Кулишъ самъ не могъ опредѣлить, находилась ли она въ этомъ послѣднемъ городѣ, или во Львовѣ. Такжѣ неизвѣстно было самому автору мѣстонахожденіе экземпляровъ другихъ его сочиненій, напр. „Магомета и Хадиджи“... На всѣ эти книги Кулишъ далъ полную довѣренность Павликю. Ему же было поручено печатаніе „Дзвона“ и „Товитовыхъ Словесъ“, но относительно печатанія первого труда, какъ мы знаемъ, встрѣтились затрудненія и въ Львовѣ: „Колы-бѣ не проклятуши іезуиты, мы бы „Дзвона“ печатали въ „Славній Коломыї!“ Павликъ, однако, расходился съ Кулишемъ по вопросу о роли образованнаго класса въ облегченіи тягостей, ложащихся на долю простого народа. Съ своей строго демократической точки зрењія онъ обвинилъ пановъ, т. е. высшія сословія населенія, въ непростительномъ жестокосердії: Кулишъ, напротивъ, заявляя себя противникомъ бюрократіи, скептически относился, съ другой стороны, и къ симпатичной утопіи добровольного служенія интересамъ народа со стороны образованнаго класса въ томъ видѣ, какъ это считалъ необходимымъ Павликъ. Но во всякомъ случаѣ эти теоретическія разногласія не мѣшали взаимной пріязни обоихъ корреспондентовъ, а Кулишъ тѣмъ болѣе цѣнилъ дружбу Павлика, что, кромѣ него и профессора Огоновскаго и Златоверхаго, у него не осталось истинно преданныхъ людей въ Галиції, тогда какъ ему часто приходилось волноваться изъ-за того, что одинъ изъ его знакомыхъ безъ разрѣшенія автора напечаталъ въ „Правдѣ“ переводъ первой пѣсни „Донъ-Жуана“, а нѣкто г. Барвинскій даже прислалъ ему по договору два экземпляра „Чорной Рады“, напечатанной имъ вторымъ изданіемъ въ Галиції; у него же оставались переводы „Ісалтири“ и „Іова“.

О газетѣ, издаваемой Павликомъ, Кулишъ былъ самаго хорошаго мнѣнія и отзывался о ней съ восторгомъ, говоря: „мы тутъ и не знали, что въ Галичинѣ е така розумна газета“. Сочувствуя этому, Кулишъ готовъ былъ всячески оказывать ей поддержку и назначилъ для этой цѣли выручку со всѣхъ своихъ

трудовъ, печатавшихся заграницей. Въ своемъ горячемъ сочувствіи къ редактору Кулишъ доходилъ до братскаго участія во всѣхъ его дѣлахъ и нуждахъ и отъ души жалѣлъ о болѣзни, постигшей какъ его, такъ и другого своего лучшаго друга въ Галиції, Михаила Златоверхаго. Съ трогательнымъ выраженіемъ задушевной преданности онъ уговариваетъ своего друга (Павлика) воздержаться отъ ночной работы и больше заботиться о здоровьѣ. „Дуже сумую: намъ никомы нездужаты“. Зато собственнымъ здоровьемъ Кулишъ не можетъ нахвалиться; предостерегая资料 his friend, онъ говоритъ: „Такъ погубывъ себе не одынъ уже въ моихъ пріятелівъ-здоровяківъ, а я, хвалиты Бога мылосердного, частенько й забываю свои старощи, и колыбѣ иноди прыпала нужда, высыдивъ бы за разумовою працею 18 годынъ у сутки такъ, якъ и зѣ-молоду“. На основаніи этихъ соображеній, находясь самъ чуть не въ нищетѣ, Кулишъ умолялъ Павлика не отказывать себѣ ни въ чемъ необходимомъ для лѣченія и даже предлагалъ было ему для этой цѣли воспользоваться выручкой отъ продажи его собственныхъ сочиненій: „Оде жъ надруковавши, що продасте прымиряківъ, такъ и купуйте соби найздоровшого мятва и найздоровшого вина, стомаха рады и гиркого мени вашого занепаду“.

Если такъ горячо принималъ къ сердцу Кулишъ недуги и нужды сравнительно мало знакомаго ему Павлика, то легко понять, какимъ горемъ для него было несчастіе, постигшее его давняго друга и шурина В. М. Бѣлозерскаго, котораго въ томъ же 1893 г. разбилъ параличъ. Это событіе, прискорбное само по себѣ, огорчало Кулиша еще и тѣмъ, что оно помѣшало Бѣлозерскому осуществить только-что задуманный имъ, особенно симпатичный Кулишу, планъ написать воспоминанія о прошломъ и, главнымъ образомъ о временахъ изданія „Основы“.

Но не одинъ Павликъ интересовался воспоминаніями Кулиша и Бѣлозерскаго; нельзя не упомянуть здѣсь, что интересъ къ дѣятелямъ новѣйшей малорусской литературы, столь незначительный въ нашемъ обществѣ, буквально почти не подозрѣвающемъ существованія многихъ позднѣйшихъ малороссійскихъ писателей,

стоитъ несравненно выше въ Галиції. Нагляднымъ доказательствомъ могли бы служить письма къ Кулишу профессора русской литературы во Львовѣ Омельяна Огоновскаго, который, составляя свою исторію русской литературы, подробно останавливался и на позднѣйшихъ дѣятеляхъ малорусской литературы, для чего множество свѣдѣній получилъ отъ Кулиша, и это въ то время, когда профессора русской литературы въ русскихъ университетахъ въ большинствѣ случаевъ считаютъ для себя эту область чуждою и необязательною. Понятно поэому, что представителямъ науки въ Галиції въ большинствѣ случаевъ, благодаря большей близости интересовъ, гораздо яснѣе значеніе дѣятельности Кулиша, нежели нашимъ ученымъ и литераторамъ, для которыхъ часто по всѣмъ условіямъ виѣшнимъ, т. е. официальнымъ, и внутреннимъ, т. е. племеннымъ, невольно этотъ отдѣлъ малорусской литературы остается за чертой ихъ изученій, и это даже независимо отъ несходства во взглядахъ съ Кулишомъ, котораго Огоновскій называетъ „провидыкомъ патріотивъ—псыменныкivъ украинськихъ въ 60 рокахъ“, о немъ же онъ говорить дальше: „а теперъ молодшому поколинію помагае не разъ радою и умнимъ своимъ словомъ“. Онъ же сообщалъ однажды Кулишу: „про васъ згадує редакція „Правды“, яко про свиточа, що вказавъ тому авторови Даніилу Медовнику стежку до правдывої освity“. „Хуторна поеззія“ и другіе стихотворные сборники и исторические труды Кулиша встрѣтили, несомнѣнно, гораздо больше участія и интереса въ Галиції, нежели у насъ. Тотъ же Огоновскій писалъ Кулишу. „Я справди дывуюся вашій непрестанній и хосенній праці на ныви нашої литератури: де-яки ваши стыхотворы суть мизи справди понутру. Вашъ духъ все еще свижий и молодий; дай Боже, щобъ вы ще много лить булы свиточемъ въ нашій словесній святыни!“.

LXI.

Въ концѣ 1893 г. Кулишъ больше чѣмъ когда-либо считалъ близкою къ осуществленію свою поѣздку въ обѣ столицы и въ

Варшаву и соединялъ съ этой мечтой обширныя научныя уповаия, причемъ, повидимому, средства для задуманного предпріятія дали ему присланный авансомъ гонораръ за его статьи и повѣсти, напечатанныя въ „Рускомъ Обозрѣніи“. Онъ писалъ тогда Павлику, что ему предлагають переработать всѣ девять томовъ „Исторіи Воссоединенія Руси“.

Поѣздка, однако, снова не состоялась. Послѣдующіе годы жизни Кулиша были опять поглощены переводомъ Біблії, для чего ему приходилось съ большими трудностями разыскивать и выписывать такія дорогія изданія, какъ Оксфордская Біблія. Составляя планы печатанія этихъ трудовъ, Кулишъ просилъ обыкновенно Павлика назначить цѣну подороже, на томъ основаніи, что имущихъ не удержать лишніе десятки крейцеровъ, а бѣднымъ онъ поручалъ раздавать свои труды даромъ, какъ это предполагалось и потомъ дѣжалось съ книгой „Товитовы Словеса“. По окончаніи перевода первой книги Бібліи, Кулишъ предполагалъ послать ее на просмотръ Златоверхому, но все-таки долженъ былъ признаться: „тутъ бы и 16 Золотоверхихъ не булы въ мене безъ дила, та не дорослы мы до Оксфорданъ“. Поэтому Кулишъ приналъ намѣреніе съ особыеннымъ тщаніемъ заботиться о здоровьѣ и остерегаться малѣйшей простуды: „Доростемо и мы до такого апостольства, коли того дослужымо въ щербатой доли, чы въ Господа Бога. Та бережимо свое здоровье. Я й съ хаты не выходжу, якъ закашляю, саджаючи новый гаѣкъ. Писля насъ и будуть люди, такъ не мы. Тягаръ же нашої жызни треба буде комусь несты“. Эти идеи онъ часто высказывалъ Павлику: „Пріятелю Михайлу Ивановичу, не сумуйте, а радуйтесь, що вамъ дано натуру не осличу, не собачу, не вовчую не лысычу, якъ пребагатѣмъ вашымъ пысьмакамъ.. На долю я николы не нарикаў. Журбою поля не перейдемо, а перейдемо веселымъ духомъ, яка бъ гыдота не куёвдылась навкругы насъ“. О своихъ литературныхъ врагахъ онъ говорилъ: „За мене говорытыме мое компонуванне, а за ныхъ—ихъ крытыкуванне, таке, якъ того Огоновскаго, що Золотоверхій документово зробивъ неукомъ“.

Одновременно съ сближенiemъ Кулиша съ Павликомъ въ нѣкоторыхъ галицкихъ органахъ являлись волновавшія его начадки, особенно въ „Зорѣ“; ¹⁾ съ другой стороны расположеннымъ къ нему органомъ былъ польскій „Край“. Все это происходило въ 1893 г., когда началось первое знакомство и вскорѣ заочное дружеское сближеніе Кулиша съ кн. Н. Вл. Шаховскимъ, рассказавшимъ о своихъ отношеніяхъ къ нашему писателю въ „Русскомъ Обозрѣніи“, въ статьѣ, появившейся тотчасъ послѣ его смерти. Кн. Шаховской первоначально обратился къ Кулишу съ просьбой сообщить воспоминанія о Гиляровѣ-Платоновѣ, и хотя не только переписки, но даже воспоминаній у Кулиша не оказалось (письма сгорѣли во время пожара), но кн. Шаховской заинтересовалъ маститаго писателя и своей симпатіей къ его дѣятельности и собственными литературными работами. Черезъ князя Шаховского Кулишъ дѣлалъ попытки выручить известную намъ рукопись „Владимірю“ у кн. Мещерскаго; ему же онъ подарилъ потомъ этотъ трудъ въ полное распоряженіе, называя его „крестнымъ отцомъ Владаміри“.

LXII.

Въ 1894 г. Кулиша посѣтила тяжелая форма инфлюэнзы, отъ которой, по его словамъ, онъ спасся лишь благодаря неусыпнымъ попеченіемъ и самоотверженному уходу своей жены. Въ этомъ году скончался одинъ изъ лучшихъ галицкихъ пріятелей Кулиша, Золотоверхій. Но ни огорченіе, ни болѣзнь не могли надолго прервать кипучей дѣятельности. Въ своихъ письмахъ къ Павлику онъ постоянно извѣщаетъ то о томъ, что онъ дошелъ въ переводѣ Бібліі до Исаіи пророка, то до премудрости сына Сирахова, и во всѣ эти переводы одинокій, почти не признан-

¹⁾ Кулишъ просилъ настѣнно вступить за него въ полемику съ «Зорѣ», но для этого необходима была полная увѣренность въ правотѣ его дѣла.

ный труженикъ умѣлъ влагать всю душу, добиваясь возможнаго совершенства въ своей работѣ. Переводя пророковъ, онъ въ это время постоянно исправлять и совершенствовалъ уже оконченные переводы Моисеева пятикнижія. „Вже сежду на стыси 20 XXXIII главы „Чисел“, и не знаю, колы перестану сам себе поправляти въ пидлажуванню нашої мовы пидъ величезну поему“. Понятно, что Кулишъ, благодаря такому отношенію къ своимъ трудамъ, все больше зарывался въ нихъ и, не рѣдко нуждаясь въ дружескомъ сотрудничествѣ вѣкоторыхъ своихъ корреспондентовъ, обращался къ нимъ свободно съ разными просьбами и порученіями, принявъ въ послѣднее время нѣсколько оригиналную привычку посыпать коротенькия письма, написанныя каравдашемъ съ помѣткой сверху: „телеграмма“. Работа кипѣла, перспектива массы еще неисполненныхъ и казавшихся необходимыми и неотложными трудовъ побуждала дорожить всякой минутой, а тутъ еще совѣстливое отношеніе къ каждому принятому на себя дѣлу, въ свою очередь, какъ мы говорили, заставляло возвращаться вновь уже къ тому, чтѣ было кончено: „Вже готови три глави четвертои книги Моисеевои, та не важусь печатати, докиль не дійду до Апокалипсоваго амина“. Мало того: вслѣдствіе потери кн. Мещерскимъ обширнаго труда „Владимірія (или „Искра Любви“) приходилось возстановлять утраченное по сохранившейся черновой рукописи, причемъ многое нельзя было иначе дополнить, какъ по памяти, такъ какъ черновые при перепискѣ всегда подвергались у Кулиша тщательной и капитальной переработкѣ (онъ особенно жалѣлъ о потерѣ наиболѣе удачно изложенаго въ утраченной редакції обращенія іезуита въ отечественное православіе).

Въ концѣ 1894 г. Кулишъ былъ обрадованъ назначеніемъ цензоромъ въ Москвѣ кн. Ник. Вл. Шаховскаго. ¹⁾ „Я вижу хорошее

¹⁾ Въ кнай Шаховскомъ Кулишъ надѣялся и желалъ видѣть самостоятельного и просвѣщенного дѣятеля цензуры; ему онъ писалъ: «Будьте на своемъ посту силою, а не орудіемъ силъ... Это вашъ за-вѣщааетъ человѣкъ, который, при всемъ ничтожествѣ происхожденія, своего имущества и первоначального образованія, бывшъ силою». («Русское Обозрѣніе», 1897, Ш, стр. 327).

предзнаменование — писалъ намъ онъ по этому поводу — „въ назначеніи такихъ личностей на мѣста деспетовъ мысли и слова, которые присвоили себѣ право швырять намъ въ глаза наши рукописи, даже не взглянувъ на нихъ“. Но зато на „кункаторскую процедуру“ не только русскихъ издателей и содержателей типографій, но и заграничныхъ Кулишу случалось нерѣдко жаловаться, при чёмъ особенно сердило его то, что небольшую брошюру „Дзвінъ“ печатали въ Женевѣ цѣлыхъ полтора года.¹⁾

Съ другой стороны онъ самъ является по неволѣ кункаторомъ относительно задуманной поѣздки въ Варшаву. „Я съ трудомъ существую и среди своихъ рощъ“ — откровенно сознался онъ въ письмѣ къ одной родственницѣ, „которая довожу до возможнаго совершенства, а чтѣ со мной будетъ въ дорогѣ? Да иѣхать куда бы то ни было не хочется страшно! ²⁾“

LXIII.

Признаки старости начали наконецъ сказываться во многомъ, „Онъ усиленно работаетъ“, писала о мужѣ Александра Михайловна: „Исторіи уже шесть томовъ, но нерви слабы! Онъ часто уединяется и сильный запахъ папироſъ съ усилиемъ выносить“.

¹⁾ Изъ исторіи нашихъ личныхъ отношений къ Кулишу мы должны здѣсь отмѣтить, что Кулишъ, принимая всегда участіе въ моихъ литературныхъ работахъ, писалъ намъ по поводу напечатанной въ «Русскомъ Богатствѣ» нашей статьи: „Одна изъ женъ декабристовъ“: „вступительныя строки къ декабристкѣ насы растрогали: и мы такие же мученики, особенно моя Александра Михайловна“.

²⁾ О предполагаемой поѣздкѣ въ Варшаву Кулишъ писалъ въ концѣ 1893 г., „Рано весною мы должныѣхать въ Варшаву, гдѣ я доведу до возможной документальности „Исторію Воссоединенія Руси“. Это значитъ, что три печатные тома книги явятся вновь обработанными, а шесть рукописныхъ, далеко не доконченныхъ въ смыслѣ исторической живописи и только подмалёванныхъ, получать полноту и доконченность при посредствѣ архивовъ и библиотекъ“.

Послѣдніе два года нашего писателя прошли въ такой же бодрой и энергической работѣ, какъ и вся его жизнь. Онъ весь былъ погруженъ въ переводъ Библіи, для чего выписывалъ дорогія заграничныя изданія. Совершенно углубившись въ этотъ трудъ, онъ штиль, говоря, что проводитъ время въ самомъ высокомъ и избранномъ обществѣ: съ Моисеемъ, Исаіемъ, Іереміей, которыхъ, прибавлялъ онъ, «мушу учить по нашему глаголати».

О переводческой дѣятельности Кулиша и о его личномъ характерѣ одно изъ коротко знаяшихъ его лицъ сообщаетъ слѣдующее.

„Занимаясь переводомъ Библіи, Кулишъ въ то же время изучалъ еврейскій языкъ, чтобы заняться переводомъ Ветхаго Завѣта прямо съ еврейскаго подлинника. Первый свой переводъ Кулишъ сдѣлалъ не съ еврейскаго текста, а съ разныхъ европейскихъ переводовъ, но придерживался, главнымъ образомъ, англійскаго перевода, какъ самаго близкаго къ еврейскому тексту. Этотъ первый опытъ перевода Библіи Кулиша сгорѣлъ во время пожара въ его домѣ на хуторѣ Мотроновкѣ. Только одно „Пятикнижіе“ Моисея было напечатано во Львовѣ, какъ приложение или „додатокъ“ къ журналу „Правда“. Проживая въ своемъ хуторѣ, Кулишъ вторично переводилъ Библію уже прямо съ еврейскаго текста, но не успѣлъ окончить его. Переводъ Нового Завѣта Кулиша и Пулюя давно уже напечатанъ въ Галиції“.

„Натура Кулиша была слишкомъ нервная и въ высшей степени сложная, а поэтому склонная къ энтузіазму и крайнимъ увлеченіямъ въ ту или въ другую сторону. Однажды въ разговорѣ со мною онъ началъ проводить ту мысль, что только, „культура и культурность“ должны быть мѣриломъ всего: и исторіи, и поэзіи, и жизни. Съ этимъ, конечно, мнѣ нельзя было не согласиться, такъ какъ разговоръ шелъ о культурѣ и культурности въ общемъ смыслѣ. Много, много лѣтъ спустя, изъ послѣдующихъ произведеній Кулиша я только понялъ, къ чему клонился тогдашній разговоръ. Кулишъ пустилъ въ ходъ это мѣрило и принялъ „ѣсть этою лопатою“ и поэзію Шевченка, и исторію

Украины, Польши и т. д. Но дѣло въ томъ, что культуру и культурность всякий понимаетъ по своему: демократъ мѣряеть ее на свой аршинъ, аристократъ мѣряеть на совсѣмъ иную мѣрку, а клерикалъ понимаетъ ее еще иначе. Культура оказывается понятіемъ растяжимымъ, и Кулишъ растянулъ это „мѣрило“ по своему. Какъ человѣкъ съ высокимъ врожденнымъ эстетическимъ чувствомъ, онъ въ зреѣлыхъ лѣтахъ отвернулся отъ простацкой демократической козацкой Украины, прежде имъ опоэтизированной, и направилъ свои симпатіи къ аристократіи, началь выхвалять польскихъ магнатовъ, заимствовавшихъ изъ Европы больше виѣннія черты культуры, чѣмъ ея содержаніе; началъ даже выхвалять московскихъ бояръ, которые никогда никакой культуры не внесли и сами тugo заимствовали ее отъ другихъ. Проживая въ своемъ хуторѣ, въ глухи, Кулишъ могъ и не знать, что по „Румянцевской Описи“ теперь оказалось, что въ Старой Малороссіи, въ области наприм. черниговскаго полка, было школъ больше, чѣмъ въ той же чертѣ въ теперешней Украинѣ, что при церкви были „шпитали“ и лазареты, учреждаемые приходами, и что все это: и школы, и шпитали, и лазареты, учрежденные приходами, впослѣдствіи, подъ вліяніемъ культуры на некультурную, по мнѣнію Кулиша, Украину, куда-то исчезли, словно сквозь землю провалились, и тамъ надолго воцарилась пустота и полная некультурность“.

„Кулишъ могъ въ своей Мотроновкѣ и не знать и „Рассказовъ иностранца“ („Записки Юста Юля, датского посла, бывшаго въ Россіи отъ 1709 г. до 1711 г. „Вѣстникъ Европы“, 1893 г. мартъ). Датскій посланикъ Юстъ Юль, пробывъ два года и при дворѣ Петра Великаго, возвращался чрезъ Украину и Польшу на родину и описываетъ тогдашнюю козацкую Украину совсѣмъ не въ такомъ некультурномъ видѣ, въ какомъ ее представлялъ себѣ Кулишъ, называя козаковъ разбойниками, хищниками и т. п. невкультурными эпитетами. Юстъ Юль нашелъ, что „жители козацкой Украины благоденствуютъ и живутъ, призывающи... Козаки продаютъ и покупаютъ разные товары, занимаются ремеслами и чѣмъ хотятъ—промышленютъ... Козаки

ходять въ церковь съ молитвенниками въ рукахъ... тогда какъ московиты, даже бояре, неграмотны и даже не знаютъ начатковъ вѣры, какіе въ Даніи знаютъ дѣти... Королевецъ городъ большой и красивый. Улицы въ нихъ прекрасныя, какихъ въ Россіи я нигдѣ не видывалъ; дома прекрасные, прочные, опрятные, выступаютъ на улицу, какъ въ Даніи, а не стоять въ глубинѣ дворовъ, какъ въ Россіи... Все населеніе козацкой Украины отличается большою вѣжливостью и опрятностью, всѣ одѣваются чисто и чисто содержать дома и т. д.¹⁾ Кажется, Кулиша, какъ эстетика, слишкоиъ соблазнялъ внѣшній блескъ, внѣшняя культурность старыхъ польскихъ пановъ. Эту культуру дѣйствительно несли паны на Украину обѣими руками и распространяли ее среди украинскихъ магнатовъ помѣщиковъ".

LXIV.

2 февраля 1897 года Кулиша не стало.²⁾ О его послѣдней болѣзни его вдова сообщила намъ слѣдующее: „Мѣсяца за три до золотой свадьбы было получено письмо отъ В. В. Тарновскаго, въ которомъ онъ усиленно просилъ пріѣхать къ нему въ Качановку и отдохнуть. Онъ предлагалъ прислать карету, разставить лошадей по дорогѣ, чтобы не было задержекъ, и пожить вмѣстѣ на условіи полной свободы, т. е. чтобы мы ни въ чемъ не были стѣснены относительно своихъ занятій и привычекъ, обѣда, чаю" и т. п. Говоря обѣ этомъ съ женой, Пантелеимонъ Александровичъ фантазировалъ, что попросить двѣ кареты, чтобыѣхать въ Зарогъ, заберетъ тамъ сестру жены съ ея дочерьми и тогда они вмѣстѣ двинутся въ Качановку. Это было для него большое путешествіе, потому что послѣдніе два года,

1) Такое же свидѣтельство о культурѣ старой Малороссіи XVII в. можно найти въ путевыхъ запискахъ Павла Алецкскаго.

2) Отмѣтимъ здѣсь, что всего за недѣлю до смерти Кулишъ имѣлъ утѣщеніе отпраздновать свою золотую свадьбу.

занявшись Библіей, онъ отказался даже отъ посѣщенія находившагося всего въ восьми верстахъ отъ хутора брата жены, Олимпія Михайловича, и даже шуткой называлъ этотъ хуторъ Америкой. Въ день золотой свадьбы всѣ предположенія также остались безъ исполненія. Онъ ограничился только письмомъ къ В. В. Тарновскому и остался праздновать свой юбилей дома. Къ этому дню потребовались покупки въ городѣ. Александра Михайловна, все не расположенная оставлять его одного, рѣшилась выѣхать на самое короткое время, тѣмъ болѣе, что онъ обыкновенно ждалъ ее нетерпѣливо и часто выходилъ къ ней на встрѣчу, иногда встречая ее еще въ городѣ (за 5 верстъ отъ ихъ хутора). Но въ этотъ разъ она возвратилась; онъ встрѣтилъ ее, очень обрадованный, у порога, но черезъ нѣсколько минутъ сталъ жаловаться на ощущеніе холода въ конечностяхъ и при этомъ вложилъ руки въ печурку, чего прежде никогда не дѣлалъ, и хотя продолжалъ заниматься, но часто подходилъ къ камину грѣться. Жена укрывала его ноги и плечи пледомъ и платкомъ, потому что въ эту зиму было очень холодно. Она уже прежде просила его перейти въ болѣе теплую комнату, но онъ не согласился, говоря, что тамъ тѣсно и негдѣ разложить книги, и продолжалъ усиленно работать въ перчаткахъ.

Они пообѣдали весело, причемъ Александра Михайловна, поздравляя его, вспомнила о началѣ ихъ знакомства и сказала: „Какая я была умна, что въ 15 лѣтъ умѣла опѣнить и отличить тебя отъ всѣхъ другихъ!“... Послѣ обѣда онъ продолжалъ чувствовать холодъ и часовъ въ восемь легъ въ постель. Жена была при немъ неотлучно. Онъ припоминалъ нѣкоторые мѣста изъ Библіи и говорилъ громко и отчетливо; А. М-на съ радостью, прислушиваясь, думала: „вотъ недалеко весна, и онъ опять будетъ крѣпокъ и веселъ“. Онъ просилъ раньше ложиться и самъ заснулъ.

Иногда, еще задолго до болѣзни, говоря о своемъ желаніи окончить переводъ Библіи, онъ прибавлялъ; „Тогда скажу: „Господи, нынѣ отпущаешь раба своего съ миромъ!“ Когда онъ начиналъ говорить о смерти, жена его убѣгала, и онъ потомъ

ей говорилъ: „Ты хочешь, чтобы я прожилъ Маєусайлова вѣкъ!“¹⁾

Ночь прошла покойно; лишь по временамъ онъ вздрагивалъ, какъ будто желая что-то сказать во снѣ. Тутъ А. М-на не могла выдержать и послала за докторомъ въ городъ, но его не застали дома, и онъ пріѣхалъ на хуторъ только на другой день. Между тѣмъ П. А. былъ все время въ ознобѣ. Докторъ подвергъ самому внимательному изслѣдованію и, наконецъ, сообщилъ женѣ объ упадкѣ дѣятельности сердца и велѣлъ перевести его въ болѣе теплую комнату, находя кабинетъ холоднымъ. П. А. продолжалъ заниматься, сидя въ креслѣ, несмотря на то, что былъ уже четвертый день болѣзни. На слѣдующій день докторъ пріѣхалъ опять и констатировалъ воспаленіе легкихъ, успокаивая А. М—ну тѣмъ, что болѣзнь излѣчимая. Въ этотъ день П. А. еще держалъ корректуру, присланную изъ-за границы, но на шестой день болѣзни онъ уже не вставалъ съ постели. На седьмой день, чувствуя себя лучше, хотѣлъ встать, но жена уговорила его не рисковать. Потомъ онъ показалъ глазами на грифельную доску, висѣвшую напротивъ на стѣнѣ; на этой доскѣ онъ часто писалъ ночью, но такъ какъ доска тяжела, то жена подала ему листъ бумаги и карандашъ; хотѣлъ писать и не могъ... Онъ поднялъ руку и писалъ нѣкоторое время въ воздухѣ, но вдругъ рука упала—и многотрудная жизнь кончилась (2 февраля 1897 г. въ 8 ч. вечера). Вдова его была въ такомъ отчаяніи, что не надѣялась его пережить; ее едва могли привести въ себя сочувственные телеграммы, изъ которыхъ одна (на малороссійскомъ языке за двадцатью подписями) особенно тронула ее: „Поминая незабвенного земляка, привѣтствуемъ Ганну Барвинокъ за то, что она всю жизнь отдала тому, кто навѣки останется въ памяти всѣхъ сыновъ въ родной

1) Онъ назначалъ себѣ място, где его должны были похоронить: это былъ кругъ въ саду, обставленный кленами и другими деревьями. Черезъ два года тамъ нашелъ себѣ място упокоенія и другой патріотъ В. М. Вѣлозерскій.

Украинъ. Да будетъ, какъ перо, легка земля надъ дорогимъ покойникомъ!“¹⁾

Хоронили Кулиша по козацкому обычаяу. Везли гробъ двѣ пары воловъ цугомъ, въ траурныхъ попонахъ; на каждой „излучинѣ“ (по двѣ версты) до церкви читали Евангеліе сопровождавшіе прахъ два священника поочередно. Въ гробъ положили смушевую шапку, бумаги съ карандашемъ. На гробъ положили вѣнокъ изъ барвинокъ.²⁾

LXIII.

Оканчивая нашъ обзоръ жизни Кулиша, мы еще разъ должны напомнить, что мы отнюдь не имѣли въ виду дать полный обзоръ общественного и литературного значенія его дѣятельности. Но, можетъ быть, спросятъ, чѣмъ же оправдывается такой обширный очеркъ однихъ біографическихъ фактовъ и такое сочувственное отношеніе къ изображаемому лицу? Отвѣчаемъ на это, что мы видимъ и цѣнимъ въ Кулишѣ не только талантливаго человѣка, но прежде всего и больше всего человѣка идеи, а это качество даетъ ему, по нашему мнѣнію, большія права на вниманіе, какъ качества рѣдкія и въ высокой степени цѣнныя. Мы цѣнимъ въ Кулишѣ безкорыстнаго подвижника умственнаго труда, согрѣтаго пламенnoй любовью къ родинѣ—труда самоотверженаго, неустанныаго и не ослабѣвшаго буквально до самаго дня смерти.

Жизнь Кулиша продолжалась восемьдесятъ лѣтъ, но никогда не была для него праздникомъ, да и не могла быть имъ по той простой причинѣ, что онъ болѣль сердцемъ за другихъ, а такие люди, если ихъ даже представить себѣ баловнями судьбы,—

¹⁾ Въ годъ смерти Кулиша въ Женевѣ вышла стихотворная брошюра, посвященная его памяти: „Щарі слези“.

²⁾ „Русское Обозрѣніе“, 1897, III, стр. 192.

счастливцами въ обыденномъ, опошленномъ значеніи слова никогда быть не могутъ.

Вся литературная дѣятельность Кулиша,—котораго, конечно, не безъ основанія упрекали за неоднократную перемѣну направлений,—была строго послѣдовательной и безусловно выдержанной въ томъ смыслѣ, что всѣ предпринимаемые имъ труды неуклонно преслѣдовали одну цѣль—изученіе прошлаго родины и благо земляковъ. Если при этомъ нѣкоторые взгляды его съ теченіемъ времени мѣнялись, то искренность была несомнѣнна, и даже враги признаютъ, что онъ ничего не говорилъ несогласного съ убѣжденіемъ.

Люди, лично знавшіе Кулиша, прозвали его „горячимъ“, и въ этомъ словѣ дѣйствительно заключается сжатая, но чрезвычайно мѣткая его характеристика.

При всѣхъ своихъ увлеченіяхъ, даже въ годы преобладанія въ человѣкѣ положительности и холоднаго разсудка, Кулишъ представляетъ въ нашихъ глазахъ типъ чрезвычайно симпатичный и даже трогательный, типъ энтузіаста съ живой и отзывчивой душой. Въ силу этого Кулишъ, независимый иувѣренный въ себѣ, имѣя, при своихъ блестящихъ дарованіяхъ и почтенной эрудиціи, преимущественно во всемъ, касающемся горячо любимой Украины, несомнѣнныя данные, чтобы занять болѣе или менѣе замѣтное, если не официальное, то общественное положеніе, уже давнымъ давно заявившій себя съ весьма выгодной стороны какъ писатель, редакторъ и лекторъ, ничего лично для себя не искалъ и доживалъ свой вѣкъ въ кругу близкихъ родныхъ и въ обществѣ любимыхъ книгъ, съ болѣе нежели легкимъ багажемъ вещественныхъ благъ, безъ всякихъ шомысловъ даже о томъ, чтобы поправить свои материальныя дѣла скорѣйшимъ изданіемъ своихъ трудовъ. Вообще, въ силу особенностей своей чрезвычайно впечатлительной и подвижной натуры, покойный не могъ замкнуться въ строго опредѣленныя рамки, посвятивъ себя на всю жизнь однажды избранной карьерѣ. Натура эта была чрезвычайно живая и всего менѣе поддающаяся внѣшнему режиму, чтѣ, конечно, признаетъ каждый, кто такъ или иначе

сколько-нибудь знакъ съ личностью Кулиша. Поэтому едва-ли съ его именемъ сольется въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ какая-нибудь специальная нарицательная кличка, но онъ непремѣнно будетъ признанъ патріотомъ-публицистомъ, писателемъ съ своей собственной, вполнѣ оригинальной и ему только принадлежащей физіономіей. Самая слабая память не затруднится сохранить о немъ ясное представлениe и не смѣшаетъ его ни съ какимъ инымъ виднымъ литературнымъ и общественнымъ дѣятелемъ.

Кулишъ прежде всего была личность въ высшей степени самобытная, яркая историческая фигура, ни для чего шаблонного не созданная, и следовательно не способная къ шаблонному устройству своей жизни. Природа, щедро одарившая его вообще, особенно надѣлила его способностью горячо и сильно чувствовать и всѣмъ сердцемъ отзываться на нужды ближняго. Отсюда вытекаютъ всѣ главныя свойства его характера. Это была натура всесторонне художественная, начиная отъ страстной любви къ природѣ, преимущественно украинской, и къ искусствамъ, и кончая удивительной способностью ко всякому, какъ умственному, такъ и физическому труду. Достаточно сказать, что этотъ человѣкъ, получившій почетную извѣстность какъ литераторъ и общественный дѣятель, также превосходно рисовалъ масляными красками, сепіей, тушью и карандашомъ, и въ молодости даже мечталъ посвятить себя живописи. Кроме того, онъ занимался гальванопластикой, переплетнымъ мастерствомъ, работалъ на столярномъ верстакѣ, дѣлалъ складные шкафы и кресла, любилъ и основательно зналъ сельское хозяйство, всегда былъ въ работѣ и при всѣхъ жизненныхъ испытаніяхъ умѣлъ не только сохранять бодрость, но даже быть или хотя бы казаться всегда веселымъ. Образъ жизни вель строго умѣренный и правильный. Бесѣда его, благодаря природному краснорѣчію и никогда не оставлявшему его внутреннему воодушевленію, при живомъ разностороннемъ интересѣ ко всему въ мірѣ отвлеченной мысли и искусства, говорять, была чрезвычайно увлекательна.

Но главное все-таки было то, что Кулишъ „горячъ“ былъ сердцемъ: онъ любилъ людей, но не однихъ, впрочемъ, людей, а также всевозможныхъ животныхъ (собакъ, лошадей, коровъ, кошекъ, всякихъ птицъ), растенія (цвѣты) и проч. Самая его неутомимая любознательность была не только потребностью ума, но еще больше сердца, постоянно побуждавшаго его безъ колебанья и раздумья всѣ свои силы нести на алтарь любви къ вѣчно дорогой Украинѣ, а въ послѣдніе годы также и къ Галиціи. Въ обхожденіи Кулиша, говорить, было столько задушевной простоты и сердечности, что за ними въ непринужденной бесѣдѣ забывался извѣстный писатель и общественный дѣятель, память которого вскорѣ послѣ его кончины сочувственно чествовалась въ Петербургѣ вмѣстѣ съ памятью другихъ незабвенныхъ украинскихъ патріотовъ, друзей Кулиша—Костомарова и Шевченка. Съ простыми хуторскими крестьянами Кулишъ обходился въ высшей степени гуманно и привѣтливо, а дѣти крестьянскія свободно прибѣгали къ нему ласкаться, называя его просто „дядусь“. Когда же послѣ его смерти вдова его была, можно сказать, засыпана множествомъ сочувственныхъ писемъ и телеграммъ съ разныхъ концовъ Россіи и изъ-за границы, хуторскіе крестьяне были не мало смущены тѣмъ, что они позволяли себѣ запросто обращаться съ добрымъ „паномъ“, совсѣмъ не подозрѣвая того, что этотъ панъ такой важный человѣкъ. Но трогательнѣе всего было прощеніе съ умершимъ „паномъ“ хуторскихъ дѣтей, которыхъ неутѣшно рыдали по немъ, какъ по самомъ доброму и близкому человѣку.

Наконецъ знаменательно и то, что послѣ похоронъ Кулиша сложилась даже легенда между окрестными крестьянами, будто онъ похороненъ былъ въ золотой трунѣ.

Дѣтей Кулишъ всегда любилъ особенно, но собственныхъ дѣтей у него не было. Зато онъ всю жизнь въ полномъ смыслѣ слова шелъ обѣ руку съ своимъ другомъ-женой, его вѣрной спутницей, товарищемъ во всѣхъ житейскихъ испытаніяхъ. Не красна была ихъ жизнь, вся сплошь состоявшая изъ борьбы съ нуждой и лишеніями, простиравшимися до того, что, какъ мы

знаемъ, въ послѣдніе годы, уже въ преклонномъ возрастѣ,— отнюдь не по увлеченію идеями графа Толстого, котораго, къ слову сказать, онъ почему-то не любилъ и мало читалъ,—онъ долженъ былъ самъ пахать на волахъ и исполнять другія полевыя работы, при чемъ и здѣсь, какъ во всемъ, былъ мастеромъ дѣла. Ничего отраднаго не сулило Кулишу будущее; но въ своей чистой совѣсти, въ своемъ любящемъ сердцѣ и неустаний одушевленной дѣятельности, благодаря также преданной подругѣ жизни, онъ умѣлъ находить чистое и отрадное удовлетвореніе, которое прочиње и выше счастья многихъ обеспеченныхъ людей. И какъ жилъ Кулишъ, до послѣднихъ дней создавая себѣ все новые планы и работая для исполненія ихъ, какъ говорится, „не покладая рукъ“, какъ будто бы ему суждена была вѣчная дѣятельность,—такъ точно ужъ на смертномъ одрѣ, за нѣсколько часовъ до рокового конца, онъ долго что-то оживленно говорилъ и, когда языкъ уже совершенно отказался ему повиноваться, онъ все еще не могъ разстаться съ привычной работой мысли и что-то писать рукой въ воздухѣ, какъ ратникъ, умирающій на полѣ битвы.

Въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ я находился въ постоянныхъ письменныхъ сношеніяхъ съ покойнымъ Кулишомъ и имѣлъ возможность близко, хотя и заочно, познакомиться съ его живой и въ самой старости кипучей натурой. Случалось иногда, что Кулишъ просилъ достать ему какую-нибудь рѣдкую книгу, рѣдкое изданіе біблії (напр. одно дорогое изданіе Оксфордскаго общества), уладить его недоразумѣнія съ цензурой. При этомъ всегда бросалось въ глаза то обстоятельство, что онъ *непремѣнно* хотѣлъ получить желаемое, по его мнѣнію, *наилучшее* изданіе, готовъ былъ скорѣе отказаться отъ печатанія своихъ малороссійскихъ произведеній, нежели отступиться на іому отъ „кулишовки“ и подчиниться правописанію по Котляревскому и проч. Для Кулиша было священно все, чтѣ по его убѣжденію, должно было предстать передъ нимъ въ извѣстномъ, имъ излюбленномъ, видѣ, такъ что онъ не согласенъ былъ поступиться даже тѣмъ или инымъ изображеніемъ какой-нибудь

гласной малороссийского языка, къ немалому удивлению и отчасти досадѣ цenzурнаго вѣдомства. Такъ во всемъ настойчиво проявлялась и говорила о себѣ его оригинальная личность.

Общественная и литературная дѣятельность Кулиша, въ силу объясненныхъ нами особенностей его натуры, отличалась странностью, вслѣдствіе чего онъ имѣлъ съ одной стороны преданныхъ друзей и почитателей, съ другой—ожесточенныхъ враговъ, которые готовы были метать на него громы. Подвѣсти итогъ этой богатой внутреннимъ содержаніемъ жизни и всесторонне освѣтить ее съ полнымъ историческимъ безпристрастіемъ—задача будущаго. Найдутся, вѣроятно, и теперь, когда смерть должна была бы все примирить, такие суровые критики, которые станутъ, быть можетъ, упрекать его въ излишнихъ увлеченіяхъ; но вѣтъ настоящей жизни безъ увлеченій, а того, что это была личность замѣчательно живая, яркая и благородная, оригинальная въ лучшемъ значеніи слова—этого, конечно, никто отрицать не станетъ, а также и того, что это былъ человѣкъ идеи и даже фанатикъ украинской народности, если отдать отъ этого слова его невыгодный оттѣнокъ, удерживая лишь обозначаемую имъ высшую степень преданности идеѣ. Кулишъ былъ изъ тѣхъ людей, которые имѣютъ яркій обликъ и даютъ окраску всему, съ чѣмъ соприкасаются; самая слабая память ни съ кѣмъ другимъ его смѣшать не можетъ. Такіе люди невольно возбуждаютъ удивленіе и заслуживаютъ благодарной памяти въ потомствѣ.

Вл. Шенрокъ.

Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.

(Продолженіе) ¹⁾.

36. Бѣлоруссіе купцы, обокраденные на ярмаркѣ въ Полтавѣ.

День 14 сентября былъ когда-то для Полтавы не только храмовымъ праздникомъ въ мѣстномъ монастырѣ, но и временемъ значительной ярмарки, на которую съезжались купцы со всей Украины, и кромѣ того привозились товары изъ окрестныхъ странъ: изъ Великороссіи, Литвы, Польши и Крыма. Такъ было и въ 1690 году. Пріѣхали съ товарами изъ далекаго Глуска,²⁾ „изъ панства Литовскаго“, два молодыхъ купца, Иванъ Дещенко и Севастіанъ Вовчковичъ и остановились „на господи“ въ домѣ мѣщанина Мартына Бражника. Цѣлый день они „бавылись торговымъ диломъ“, а вечеромъ вернулись домой, сосчитали выручку, заперли ее въ „скрыньку“, которая хранилась на одномъ изъ возвозъ, прикованная „ланцухомъ“ (цѣпью), сдѣлали обычный нарядъ между своею „челядью“ на счетъ ночной охраны возовъ съ товарами, а потомъ сѣли на „прысьпу“ и стали бесѣдоватъ съ „господаремъ“. Сначала они „бесидовалы словесно“, а потомъ Мартынъ вынесъ „пляшку зъ горилкою“ и предложилъ купцамъ подкрѣпить силы послѣ дневныхъ трудовъ. Купцы слегка подкрѣпились, а затѣмъ съ своей стороны сочли долгомъ учитивости пригласить любезнаго и гостепріимнаго „господаря“ „до двору братскаго святовоскресенскаго на учту“.

¹⁾ См. Киевск. Стар. 1901 г. № 9.

²⁾ Глускъ—нынѣ мѣстечко Бобруйскаго у. Минской губ.

Братские дома, имѣвшіеся при каждомъ приходскомъ братствѣ, въ обыкновенное время имѣли совсѣмъ другое назначеніе: здѣсь происходили сходки братчиковъ для обсужденія братскихъ дѣлъ, здѣсь хранилось братское имущество, въ братскихъ домахъ обыкновенно совершался братскій и духовный судъ, наконецъ здѣсь же нерѣдко происходили и засѣданія полковаго суда, если дѣло касалось духовныхъ лицъ и въ составѣ суда участвовало городское духовенство. Но въ дни великихъ праздниковъ, когда братчики совершали „канунъ“ и варили медъ, братские дома и даже дворы временно обращались какъ бы въ общедоступные рестораны, куда и самыя почтенные лица не считали зазорнымъ и самимъ зайти, и пріятелей пригласить „на учту“, такъ какъ выручка отъ продажи канунныхъ напитковъ составляла главный доходъ, на счетъ которого братчики украшали свои храмы, содержали школы и „шпитали“ и творили другія дѣла милосердія. Такимъ кануннымъ днемъ былъ и праздникъ Воздвиженія, и вотъ почему литовскіе купцы пригласили Мартына Бражника „на учту“ не въ корчму или шинокъ, а на „братерскій“ воскресенскій дворъ, находившійся въ предмѣстіи города, неподалеку отъ дома Бражника.

Долго они тамъ „забавлялись“ за пивомъ да медами, но купеческой осторожности не забывали, и вотъ одинъ изъ купцовъ, Иванъ Дещенко отлучился на минуту „до господы“, чтобы вавѣдаться, исправно ли „челядь“ оберегаетъ возы съ товарами, а другой остался съ Мартыномъ „на званной учтѣ“. Пришелъ Иванъ на дворъ и „засталъ челядь свою зъ Мартынью Бражнычкою бесидуючыхъ у хати надъ горилкою“: оказалось, что когда хозяева ушли со двора, сердобольная „господарка“ зазвала къ себѣ „челядь купецкую“ тоже „на учту“, — нужно же было и бѣднымъ челядникамъ подкрепить силы послѣ дневныхъ трудовъ, да еще въ такое „свято“, чтобы они бодрѣе стерегли хозяйственное добро. Купецъ слегка пожурилъ челядниковъ за то, что всѣ забрались въ хату и никого не оставили на дворѣ, и пошелъ самъ осмотрѣть возы. Тамъ онъ засталъ „тулючогося межи возами“ хозяйского сына Ивана, молодого царубка, и спросилъ его: „А для чего ты межи возами подъ часть смеркана туляешься?“ Тотъ почти шепотомъ отвѣтилъ:

— „Та це я передъ отцемъ своимъ Мартыномъ крыюся, щобъ мене не бывъ, бо винъ на мене теперь гнилый, не видаю за що“.

Купецъ успокоилъ Ивана Бражниченка, что его отецъ теперь съ ними „на учтѣ въ дому братерскому“ и нескоро домой вернется, да и воротится навѣрное въ такомъ состояніи, что не будетъ въ силахъ драться. Поговоривъ еще съ Иваномъ и найдя свои возы, повидимому, въ дѣlosti, купецъ снова отправился „на бесиду тую“, на братскій дворъ. Но едва онъ вышелъ на улицу, какъ его будто толкнуло что-то: онъ вспомнилъ, что не осмотрѣлъ денежной „скрыньки“. Онъ поспѣшилъ вернуться, подошелъ къ возу — и ахнулъ: „скрынька“, въ которой хранилось полтораста таляровъ битыхъ и чеховъ, „скупныхъ (общихъ) съ товарыстvомъ“, оказалась „открученнаю отъ ланцуха“ и безслѣдно исчезнувшей.

Не помня себя отъ волненія, купецъ „вчинилъ окрикъ и галасъ на всю улицу“, на который опрометью выбѣжала челядь изъ хаты, сбѣжались сосѣди и многіе ярмарковые люди, ночевавшіе въ сосѣднихъ дворахъ. Пошли разспросы, толки и оханья. Прибѣжалъ и другой купецъ съ братскаго двора, перепуганный и взволнованный не менѣе своего товарища. Онъ, однако, тотчасъ сообразилъ, что слѣдуетъ дѣлать въ такихъ случаяхъ: по его предложенію, всѣ присутствовавшіе „стали заразъ шукаты въ двори Мартыновимъ и коло двора слизу, куда бъ тая украденная скрынька могла буты вынесеною зъ воза“, и когда вошли съ огнемъ „у стайню“ Мартынову, то увидѣли тамъ „на затылку вынятую тыныну“ (часть плетня), а за нею нашли разбитую „порожнюю скрыньку“. Это былъ важный слѣдъ, и его немедленно слѣдовало предъявить уряду. И хотя было уже близко къ полуночи, оба купца, „не бавячыся“, отправились въ ратушу, велѣли разбудить войта и бурмистровъ, предъявили имъ разбитую „скрыньку“ и занесли „мѣйскому“ уряду жалобу на Ивана Бражниченка и на его мать Мартыныху „за тое, что Мартыныха челядь въ хату заклыкала горилки пыты, а сынъ еи межи возами тулявся и на ёго слизу тая скрынька украдена зъ гришмы“. Магистратская старшина „справу отложила до утра, нѣмъ (пока) разсвинается“, но купцамъ не терпѣлось, и какъ только „икъ Богъ освityвъ“ (настало утро), они уже были

у полковника, „оповидали ему шкоду свою“ и „скаржились“ на Мартына Бражника, его жену и сына, обвиняя ихъ въ покражѣ. „Зглинувшись на ихъ скаргу и плачливый скорбъ“, полковникъ приказалъ „даты до вязеня“ Ивана Бражниченка „до слушного доводу и до далшои резолюції“.

Когда узналъ объ этомъ старый Мартынъ, онъ прибѣжалъ къ полковнику и со слезами стала умолять „сохранить домъ его чистымъ отъ публіки злодійской“; въ крайнемъ случаѣ онъ про-
силъ отдать ему сына на поруки; но купцы „на поруку сына Мартынового не пустили“ и домогались скораго суда надъ нимъ и „скучечной справедливости“. Ивана отвели таки въ тюрьму. Тогда Мартынъ позвалъ къ себѣ купцовъ, „частувавъ“ ихъ всѣмъ, что было лучшаго въ домѣ, наконецъ вмѣстѣ съ же-
ною упалъ къ ихъ ногамъ и со слезами началъ умолять прекра-
тить дѣло и не позорить сѣдой головы его,— „а я вамъ (божилса онъ) тіі краденныи гроши пивтораста таляривъ верну, бо то зъ
безумія сына нашего такъ сталося, що винъ ихъ укравъ,“—и тутъ же далъ имъ своихъ три талара, „абы тое злодійство ута-
илося передъ старшиною“. Купцы согласны были на такую сдѣлку, но требовали, чтобы предварительно имъ были возвра-
щены украденныя деньги, а Мартынъ Бражникъ настаивалъ на томъ, чтобы купцы немедленно сдѣлали передъ старшиной за-
явленіе о прекращеніи дѣла, и тогда уже получать свои деньги. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, порѣшили на томъ, что Мартынъ снялъ со стѣны образъ, и купцы передъ нимъ „пры-
сягу такую учинили, що милы ихъ затайти злодійство пры соби,
никому не оповидаючи.“ Послѣ этого Мартынъ отправился съ ними на свой хуторъ, на урочище Сорокового Яръ, близъ го-
рода, и тамъ „указаль ихъ гроши, у четырохъ мистцахъ похо-
ваныи у терну, у левади своїй“. Вся украденная сумма оказа-
лась сполна на лицо. Купцы взяли свои деньги и изъявили го-
товность, согласно условію, немедленно вмѣстѣ съ Мартыномъ
отправиться къ полковнику и заявить, что пропавшія деньги
случайно отыскались, и они никого не обвиняютъ въ кражѣ.

Пришли къ полковнику, а у него, по случаю ярмарки,
домъ полонъ гостей; была здѣсь вся полковая и городовая стар-

шина, много было и „значного войскового товарыства“, какъ мѣстнаго, такъ и пріѣзжаго. Всѣмъ уже была извѣстна новость дня—исторія о томъ, какъ „литовскіе“ купцы дерзко обокра-дены на Мартыновомъ дворѣ, поэтому, когда эти купцы съ сія-ющими лицами вошли въ полковничью свѣтлицу, ихъ окружили съ любопытствомъ. А они, отвѣшивъ передъ полковникомъ по низкому поклону и положивъ на столъ мѣшочекъ съ деньгами, сказали:

— Вельможный добродію и вы панове уряде! Презентуемъ передъ вами тое лице злодѣйское—власные наши гроши, якіе у насъ Мартыновъ съѣхъ покралъ, а онъ, Мартынъ, поховавши на своемъ хутори, теперь указалъ намъ и вернулъ. Просимъ зъ онаго Мартына Бражника, его жоны и сына святои справед-ливости“.

Это вѣроломство купцовъ такъ ошеломило несчастнаго Мар-тына, что онъ едва не свалился съ ногъ и долго не могъ про-молвить ни слова. Да и было отъ чего потерять голову: вѣдь онъ, довѣрившись купеческой присягѣ, окончательно погубилъ не только сына, но и жену и себя самого. До сихъ поръ было лишь одно подозрѣніе противъ Ивана; но теперь своими призна-ніями и главное—указаніемъ мѣста, где были спрятаны укра-денныя деньги, онъ самъ же вооружилъ противниковъ могуще-ственнымъ орудіемъ—„злодѣйскимъ лицемъ“, которое одно могло повести прямо на „шибеницу“ и вора, и его сообщниковъ. И когда полковникъ спросилъ Мартына, точно ли это тѣ самыя деньги, которыя сынъ его укралъ и спряталъ на его хуторѣ, а „онъ и жона его, видаючи о томъ скованю, самы ихъ вказали и до рукъ купцамъ отдалы“, — то ни самъ Мартынъ, ни при-веденный сюда же изъ тюрмы сынъ его „одѣ того лица злодѣйского не таились“. Тогда полковникъ, „по тому ихъ лицу злодѣйскому видячи неробочое дило“, приказалъ, чтобы ови къ той суммѣ „краденой“ доложили еще полтораста таляровъ „и во всемъ погодили шкодуючу (потерпѣвшую) сторону безъ от-кладу“ (немедленно), а судъ объ этомъ „злодѣйствѣ“ былъ отло-женъ до другого времени („до увагы нашои“).

Судъ этотъ состоялся черезъ двѣ недѣли. Подъ предсѣдательствомъ полковника, въ немъ участвовали оба полковые асасулы Дорошъ Дмитровичъ и Стефанъ Фиринченко, полковый судья, атаманъ городовой, войтъ и два бурмистра. Суду былъ преданъ не одинъ Иванъ Бражниченко, но и его родители. Потерпѣвшіе купцы все еще оставались въ Полтавѣ и лично обвиняли подсудимыхъ. Послѣдніе въ своей винѣ не „таились“, и потому въ производствѣ полнаго слѣдствія не было надобности. Судъ призналъ Ивана Бражниченка виновнымъ въ кражѣ, а обоихъ родителей въ соучастіи въ ней, выразившемся въ томъ, что они оказывали содѣйствіе преступленію сына „и сами тѣе украденіе гроши сковали“. Опредѣляя затѣмъ мѣру наказанія, судьи приняли, конечно, во вниманіе и то обстоятельство, что этотъ самый Иванъ Бражниченко всего лишь два мѣсяца передъ тѣмъ былъ приговоренъ полковымъ судомъ къ смертной казни за изнасилованіе служанки, сироты Васьки, и только во вниманіе къ слезной просьбѣ его родителей эта кара была замѣнена крупнымъ денежнымъ взысканіемъ; поэтому къ нему примѣнили 7-й артикуль 14 розд. Статута, трактующій „о важности лица, за що злодій горло тратить“, а къ его родителямъ—статью изъ права Магдебургскаго (на 129 л. книги „Порядокъ“) и приговорили: Ивана Бражниченка къ „шибеницѣ“ (висѣлицѣ), а его отца и мать къ „назначенію членковъ“¹⁾. Тутъ осужденные и ихъ родственники подняли неистовый плачъ и рыданіе, и судьи безъ долгаго колебанія, „за слезнымъ упрощеніемъ Мартыновымъ и жоны его, даровали сына ихъ смертною карностю и ихъ самыхъ назначеннымъ членковъ“, обязавъ ихъ, „абы они, упросыши реченыхъ купцовъ, нагородили имъ вси правные выклады (судебныя издережки), на чимъ бы шкодовали, отъ мала до велика“. Сверхъ того, „поневажъ немалая шкода“ въ интересахъ правосудія „сталася въ той кражѣ отъ реченого Мартына, жоны и отъ потомка его“, то въ удовлетвореніе за это „міетъ Мартынъ

¹⁾ Т. е. къ отсѣченію ушей или носа, или же одной руки и одной ноги—въ декретѣ не обозначенъ точно этотъ родъ наказанія.

съ худобы своеи выву панскую и врядовую платыты, якъ явный и приличный злодій“ (т. е. уличенный „злодійскимъ лицемъ“).

Къ декрету приложенъ „реестрикъ“, що взято въ Мартына Бражника за проступство его“; изъ него можно видѣть, во что обошлось ему судейское милосердіе. „На прорѣ его милости пану полковнику Феодору Ивановичу Жученку за туу вину панскую достался хуторъ, стоячій на Сорокового Яру, съ хатою, зъ выныцею (винокурнею) изо всими угодями и съ трома казанами, кромъ збожа (кромъ хлѣба) въ стогахъ будучого и молоченого, а до того взято хату, стоячую за мистомъ (городомъ), зъ дворомъ, и бчоль тридцатеро и четверо, и дви пари воловъ. Зъ которои отобранои злодійской выны его милость панъ полковникъ старшины полковій отдаєтъ дворъ за мистомъ стоячій зъ хатою, а на врядъ городовий полтавскій (т. е. на долю войта съ бурмистрами) бчоль двадцатеро и четверо и дви пари воловъ. А зверхъ того ясневелможному милостивому добродіеви пану гетманови бчоль тыхъ же пнювъ (пней) десятеро до пасики панской отставлено“.

Это была не взятка, а законный судейскій доходъ, открыто взымаемый на основаніи одной статьи Магдебургскаго права (книга „Порядокъ“, часть IV, листъ 139), которой малороссійские суды давали распространительное толкованіе: „убогіше выгнаньемъ зъ панства, а богатшіе виною пїняжною карани мають быти“. Вотъ почему и гетманъ, какъ верховный судья, иногда получалъ принадлежавшую ему часть судейскаго дохода.

37. Кража у курскаго купца на той же ярмаркѣ.

На тотъ же „честнохрестскій ярмарокъ“ полтавскій прибылъ въ 1701 г. изъ Курска съ галантерейнымъ товаромъ посадскій человѣкъ Фока Лукьянновъ и сталъ „господою“ во дворѣ значнаго козака Броилка. Не успѣлъ онъ еще и „расташоваться“ съ товаромъ, какъ въ ночь на 12 сентября кто-то укралъ съ воза

35 фунтовъ желтаго шелку, кафтанъ и сагайдакъ съ лукомъ и стрѣлами. На разсвѣтѣ купецъ съ своими „молодцами“ принялъся за розыскъ. „Господыня“ сосѣднаго двора, выйдя на поднятый ими „галасъ“, напла среди своего двора три фунта шелку и оповѣстила объ этомъ Фоку; тотъ призналъ шелкъ своимъ. Другойсосѣдъ сообщилъ, что, выйдя ночью на лай собаки, замѣтилъ какого-то „москаля“ (солдата), пробѣжавшаго черезъ его дворъ. Тутъ и Фока вспомнилъ, что видѣлъ наканунѣ великорусскихъ стрѣльцовъ, безъ дѣла шатавшихся по городу; на разспросы о нихъ ему отвѣтили, что въ Полтаву нѣсколько дней назадъ пришелъ откуда-то цѣлый „гуртъ москаливъ“, и теперь хозяйки плохо спятъ по ночамъ, дрожа за цѣлость资料 of своего „господарства“. Лукьяннову лучше было извѣстно, что стрѣльцы были и не на то способны.

— „Гдѣ же они стоять „господаю?“ допытывался онъ.

Ему объяснили, что добрый человѣкъ не пуститъ стрѣльца къ себѣ въ „господу“, развѣ мѣщанамъ бурмистры такую бѣду накинуть и то—въ военное время, а эти стрѣльцы пришли сами, безъ своей старшины, и должно быть ночуютъ въ братскомъ „шпиталѣ“; тамъ никому нѣтъ отказа: заплати шелягъ, и ночуй спокойно. А днемъ на что имъ „господа?“ Ходятъ себѣ по городу, а иные и на работу ванимаются.

Лукьянновъ рѣшился поскорѣе разыскать этихъ стрѣльцовъ. Прежде всего онъ обратился въ „шпиталь“. Тамъ, оказалось, точно почевалъ какой-то „москаль“, которому нечѣмъ было и за ноги легъ заплатить, но съ утра ушелъ къ своимъ товарищамъ, имѣвшимъ „господу“ гдѣ-то на предмѣстїи. Лукьянновъ забѣжалъ въ ратушу, выпросилъ себѣ въ подмогу „мискихъ слугъ“¹⁾ и разыскалъ своихъ земляковъ: тамъ какъ-разъ шла распродажа краденаго шелку, только что принесенного однимъ изъ ихъ товарищей, Васькой стрѣльцомъ. Ваську арестовали, привели въ полковой судъ и, по просьбѣ Лукьянова, подвергли допросу:

¹⁾ «Мѣйскіе слуги»—тогдашніе полицейскіе служители при магістратахъ и ратушахъ.

— Видкиль ты есть, чоловиче? зъ кымъ кравъ той шовкъ и де его подивавъ?

Васька показалъ:

— Отпущенъо меня изъ Тавани ¹⁾ самъ-другъ съ Филькою товарищемъ моимъ, стрѣльцы мы оба полка стольника и полковника Данилы Никитича Юдина, жильцы сѣвскіе. Пришли мы въ Полтаву и, за вѣдомостью Федора, старосты шпитальнаго, двѣ ночи ночевали въ шпиталѣ, а въ день по людямъ работали. Нынѣшней ночью товарищъ мой не знаю куда и зачѣмъ ходилъ и лишь на разсвѣтѣ вернулся; а днемъ, когда мы пошли съ нимъ по городу, Филька, товарищъ мой, сказалъ мнѣ: „на томъ мѣстѣ, говорить, подъ валомъ, въ крапивѣ, лежитъ шелкъ; возьми его себѣ“. И онъ пошелъ по своимъ дѣламъ, а я тотъ шелкъ взялъ,—пять вязокъ всего тамъ было,—пришелъ въ шпиталь и далъ одну вязку Федору, старостѣ, за ночлегъ, а четыре вязки понесъ продавать своимъ землякамъ, прѣхавшимъ изъ Сѣвска; тамъ меня и взято. Только я этого шелку самъ не воровалъ, развѣ товарищъ укралъ гдѣ“.

Послали за Федоромъ, старостою шпитальныемъ, съ которымъ вмѣстѣ „слуги мисъкіи“ привнесли три пачки шелку, завернутаго въ бумагу. Это былъ возвращенный Федоромъ тотъ самый шелкъ, который далъ ему Васька стрѣлецъ въ уплату за ночлегъ; но обертка на немъ была перепачкана, а въ самомъ шелку оказалось много зеренъ гречихи: „знаты, что у гречци хованый бувъ“. На допросѣ Федоръ такъ оправдывался:

— Не бувъ я, панове, дома: у воскобойни братерскій дило было, тамъ бавыся. А колы прыйшовъ до господы, заразъ жона моя мени сказала: „Давъ, мовытъ, мени москаль шовку сёго фунтъ, та безмаль (едвали) винъ не краденый; треба бъ ёго до ратуши обвистыты“. Я веливъ той шовкъ задѣржаты, покиль

²⁾ Тавань — прежній турецкій городъ и крѣпость, потомъ русское укрѣщеніе, въ которомъ съ 1697 г. находился постоянный великорусскій и козацкій гарнизонъ. Нынѣ на мѣстѣ бывшей Тавани лежать с. Каховка, Днѣпровскаго у. Таврич. губ.

той москаль зъявытся, щобъ ёго разомъ съ тымъ шовкомъ до уряду повесты, и ждавъ чымало, тилько ёго ве було. А по недовгимъ часи того москаля, нѣ знаю де взявшы, купца прыпрападылы до двору братерського, до господы моей, и я, того шовку не таячи, отдавъ слугамъ та и самъ теперь передъ судомъ станувъ. А Богъ мени свидокъ, що той москаль, злодюга, безъ мене жони мої шовкъ той отдавъ“.

Судъ не повѣрилъ этому объясненю и приказалъ Федора „дати до сектвестру“ (подъ арестъ взять), а отобранный у него шелкъ, „що въ греччи десь въ спряту лежавъ“, оставить на урядѣ въ качествѣ „лица“.

Тутъ „слуги миськіе“ привели сказать, что видѣли, какъ, послѣ Федороваго ухода, „дивка въ тымъ же двори братерськимъ мчала жмутъ шовку у афедронъ“ (отхожее мѣсто). Судъ немедленно отрадилъ изъ своей среды бурмистра вмѣстѣ съ слугами, и послѣднєе точно отыскали пачку шелку, „въ сопль афедроновъ вкыненого“, и принесли на урядъ.

На другой день судъ принялъ за продолженіе вчерашнихъ розысковъ. Былъ призванъ снова стрѣлецъ Васька и спрошенъ: „Де бильшъ шовку подивавъ?“ Васька „прився“ (запирался): „Больше, говоритъ, ничего не знаю, потому не я воровалъ, а товарищъ мой Филька“. Но когда позвали „мистра“ и велѣли „бути єму готовому“ для производства пытки, а пока что Ваську „дано въ допросъ пидь канчукы“, онъ сталъ откровеніѣ:

— Того шелку, признался онъ, продалъ я въ лавкахъ вчерашняго дня одной жонкѣ два фунта, по 19 шаговъ, и другой дѣвчинѣ одинъ фунтъ, и еще кому-то четвертый фунтъ, по той же цѣнѣ. Могу я ихъ всѣхъ познать“.

Ваську подъ конвоемъ отвели „до лавокъ“, и онъ точно указалъ Матвіиху „крамаркѹ, якая купила пидь тамою своею у ёго два фуяты“, и другую „дивчыну, Яхнову дочку“, а третьяго покупателя Васька не могъ „познать“. Обѣихъ „крамарекъ“ повели „до уряду“, вмѣстѣ съ оказавшимся у нихъ „лицемъ“, краденнымъ шелкомъ. Матвіиха такъ „вымирялась“ (оправдывалась):

— Я, панове, ёго пытала: „що то за шовкъ въ тебе, москалю? Чы не краденый? А москаль: „ни, мовытъ, мій есть власный, я ёго въ Тавани набравъ за борошно“.

„Пры такому лыци“ (уликѣ) Ваську „знову дано пидъ канчукы и повторе пытаю: де бильшъ шовку подивавъ?“ Онъ сказаљ:

— Даль я того шолку жонѣ Федоровой, старостихѣ шпитальной, восемь фунтовъ до спряту. Федоръ самъ былъ въ свѣтлицѣ, а жена его тотъ шелкъ въ сѣняхъ шпитальныхъ съ другими какими-то жонками перебирала. Да еще товарищъ мой сказывалъ мнѣ: „на пустой башнѣ (замковой), въ кулькѣ рогожаномъ, есть что-то шелку“.

Ваську перестали бить и въ сопровождениі бурмистра, слугъ и потерпѣвшаго Лукьяннова, отпустили въ замокъ. Онъ пришелъ „до Глухой хвиртки миської“ и сказалъ: „здѣсь ищите“. Стало искать, и точно нашли въ „башти“ сагайдакъ съ лукомъ и стрѣлами, который Фока Лукьянновъ призналъ своимъ, но шелку не нашли.

Привели Ваську въ судъ—и въ третій разъ положили „пидъ кіи и не щадячы оного пытаю: де шолку подивавъ и капитанъ кому отдавъ?“ Васька подъ кіями твердилъ:

— Я того шелку не воровалъ; Филька, товарищъ мой, о всемъ знаетъ, на немъ и кафтанъ чужой былъ. А я, какъ сперва говорилъ, кому что даль и сколько продалъ, то же и теперь говорю. Да и Федоровой женѣ больше одного фунта этого шелку не давалъ; а что послѣ на нее наговаривалъ, того и самъ съ бѣды своей не вспомню ничего“.

Услышавъ это, Федоръ староста, „тутъ же стоячи зъ женою своею“, тоже привлеченною къ суду, оживленно заговорилъ:

— Ни, панове, и мало винъ, москаль, а ни мени, а ни тежъ жони мої шовку не дававъ до рукъ, а хочъ и бувъ винъ зъ тымъ шовкомъ у шпытали, лечъ (но) колы сказали, що дадуть до ратуша знаты, винъ, москаль (якъ жона моя повидае), покынувшы шовку вязку въ синяхъ передъ женою мою, втикъ

заразъ зъ синей; а вона, взявшы той шовкъ въ хату, оказала оный передъ людей, яки на той часъ въ домивци мої булы: киевскій книжныкъ и нижинскій¹⁾; вони мени, пры одъизди своимъ, и свидителство, підъ дзвиинцею воскресенскою напысавши, на оказаня моєи невынносты далы, которое свидителство и ныни у панії полковныкової найдутся“.

Судьи заинтересовались послѣднимъ указаниемъ и послали къ женѣ полковника просить о сообщеніи этого документа, если онъ точно у нея имѣется. Но когда документъ былъ доставленъ, судьи съ первого взгляда убѣдились, „що то пысьмо власної руки пысання сына Федорого, школяра, а информація самого Федора, оже не рука купцівъ тыхъ“. На это Федоръ далъ такое неправдоподобное объясненіе:

— „Зъ купецкого свидоцтва росказавъ я сынови своему перепысаты, а купци, що самы пысалы, зъ собою взяли и завезли“.

Но судьи „не допустилы далій ричей неподобныхъ Федорови шырты“ и стали „радытысъ“ между собою о томъ, какой постановить приговоръ. „Вглянувшы до „Порядку“, правъ Майдебурскыхъ“, они нашли артыкуль: „хто бы въ себе краденіи рichi албо луpy (добытое грабежемъ) передержувавъ, а того уряду не оповидавъ, такою же смертю маєтъ умерты, якою и самый принципаль“. Такъ какъ Федоръ Шкларъ „въ себе рichi краденіи—шовкъ отъ москаля прынятый—бевотповидне державъ“, то и его слѣдовало бы подвергнуть той же „карности“, но „попреже въ первый разъ тое на немъ показалось“, то судъ, освобождая его отъ наказанія, постановилъ: Федоръ и Матвіиха, крамарька, обязаны „шкодуючу сторону за дви части шкоды поеднаты“, то есть уплатить купцу Лукьяніу стоимость двухъ третей похищенного и не разысканного товара, и „правныи наклады ему нагородыты“. „Дивчыну, Яхнову дочку“, тоже ку-

1) Т. е. книгопродавцы изъ Киева и Нѣжина, прїїзжавшіе въ Полтаву на ярмарку. Любопытное указаніе на книжную торговлю того времени.

чившую фунтъ краденаго шелку, отъ всякой отвѣтственности освободить въ виду ея юности и „несовершеного еще разуму“. Что же касается „того принципала Васьки“, то хотя право сполитое „велѣть его, яко злодія прылычного, скарати на шыбеныци“, но такъ какъ „не подъ нашимъ правомъ сей чоловикъ, а подъ тымъ же, что и акторская сторона“, поэтому судьи предоставили на волю потерпѣвшему: искать ли ему „въ належномъ судѣ“ на томъ Васькѣ „остатку своеи шкоды“, или „на волю его пустыты“.

Фока Лукьянновъ заявилъ, что онъ намѣренъ предать своего „шкодцу“ еще суду сѣвскаго воеводы, и по его требованію Васька снова былъ „данъ до вязеня“. Но купцу скоро пришлось расказать въ свое мѣсто жестокосердіе: „третього дня (какъ значится въ писарской припискѣ къ протоколу) онъ Васька въ томъ вязеню животъ свой скончилъ“, —вѣроятно отъ тѣхъ „кіевъ“ и „канчукоў“, которыми въ большомъ количествѣ угощали его при допросахъ, —„и отъ тоей же акторской стороны своей зосталь и погребенъ при церкви Успенія Пресвятой Богородицы, у Полтави“.

Почему безвѣстному арестанту выпала такая честь — быть похороненнымъ при соборной церкви — объясняется тѣмъ, что въ то время въ Малороссіи особыхъ кладбищъ вовсе не было и по-войниковъ хоронили на погостахъ приходскихъ церквей.

38. Служанка воровка.

У пана Леонтия Черняка, бывшаго полковника полтавскаго, а теперь „значнаго товарыша войскового“, въ 1689 г. случилась въ домѣ „шкода“: украдено денегъ болѣе ста золотыхъ, серебряныя чарки, перстень „щирозлотный“, „баволныца“ (бумажная матерія) и много другихъ вещей. Долго не могли напасть на слѣдъ вора, наконецъ обратили вниманіе на поведеніе бывшей „службеныци, дивки“ Каськи (Катерины), которая, оставивъ службу въ домѣ Черняка, поселилась у бѣднаго полтавскаго обывателя Лукьянна и видимо сорила деньгами, по-

купая себѣ разные ненужные предметы. По заявленному Чернякомъ подозрѣнію, въ домѣ Лукьяна сдѣлали обыскъ (его „трусы“) и нашли чересъ съ серебряными копейками на сумму около ста золотыхъ и разные „рупески“ (мелкія вещи); то и другое оказалось принадлежащимъ Каськѣ. Ее тотчасъ взяли для допроса, но она убѣжала изъ ратуши; ее поймали и немилосердно били кіями, стараясь добиться отъ нея признанія въ кражѣ; но „занамяталая“ Каська stoически переносила истязанія и упорно отрицала виновимое на нее подозрѣніе, не умѣя, однако же, объяснить, откуда взялись у нея такія большія деньги.

Въ такомъ недостаточно выясненномъ предварительномъ дознаніемъ положеніе дѣла это поступило на решеніе полковаго суда. Въ качествѣ „лица“ судьямъ „презентованы“ были отобранныя у Каськи вещи и чересъ съ деньгами. Панъ Чернякъ въ короткихъ словахъ изложилъ свою жалобу и тѣ основанія, по которымъ онъ подозрѣваетъ въ кражѣ бывшую свою „служебницу“. Каська попрежнему отрицала свою виновность. Судьи спросили ее:

— Повидай, необачная голова, якимъ бы ты способомъ могла набуты тыхъ коціекъ срибныхъ?

Каська, попрежнему „плетучы“, отвѣтила:

— Достала я тыхъ грошей въ Дмытрашка грека, якъ ёго работано въ Зинькови.

Каська намекала на тотъ общеизвѣстный фактъ, случившійся двумя годами раньше, когда, послѣ низложенія Самойловича, въ Малороссіи во многихъ мѣстахъ вспыхнулъ мятежъ и чернь бросилась грабить богатыхъ и значныхъ. Это смутное время долго потомъ слыло въ народной памяти подъ именемъ „рабованія“, или „рабунковъ“.

Но едва Каська произнесла свое объясненіе, какъ „туть іи заразъ стритывъ словомъ“ панъ Андрей Яковлевичъ, войтъ, участвовавшій въ составѣ суда:

— Обмыльне то мовышъ, то не есть правда, знаю о тимъ досконалес: Дмытрашко грекъ рокомъ выштовъ изъ Зинькова пепло паборянемъ».

Каська на минуту смутилась, но затѣмъ, тотчасъ оправившись и „повторне плетучы“, повѣдала:

— Самую вамъ правду повидаю, панове: я тыхъ грошей добула въ Зинькови въ Мартына Нестулія, якъ ёго рабовано, бо я въ ёго тоди служыла, а про шкоды пана Леонтія Черняка не видаю, якъ на мене паволикаютъ крадицъ грошей, чарокъ срібныхъ и іншихъ ричей. А копійки тыи срібныи—то власне Мартыновы Нестуліевы, що я въ ёго пры рабованю добула. О которыхъ копійкахъ казала я и Лук'яниси, що ихъ добула въ Нестулія, пана мого, и Москалеви Андріїшеви поминала ихъ на чехы, и давъ мени Москаль наддачи золотыхъ пять, а на прозьбы мои личывъ тії гроши Максимъ Лук'яненко. И дала я ти чехы сто золотыхъ до схованя самій Лук'яниси зъ мишечкомъ, чы то пакъ зъ чересомъ, который тутъ презентовано. Якъ мене бачите, панове, дуже збытую, бильше вамъничого не скажу: тії гроши кошійки я въ Нестулія достала“.

Судъ рѣшилъ провѣрить это показаніе „запамяталои“ Каськи, не откроется ли новое за нею преступленіе, и приказалъ послать „до старшины Зиньковской, абы Мартынови Нестуліеви звистылы въ той ему шкодѣ“ и о томъ, что откроется, прислали въ судъ „атестацію“. Черезъ три дни такая атестація была прислана на имя полковаго судьи Петра Буцкаго и гласила такъ:

„Мосци пане судя полку Цолтавскаго, зычливій нашъ приятелю! За допесеня видомосты ведлугъ (касательно) тыхъ грошей, которыи найдены въ тои дивки Каськи, бувши служебныци Мартыновои Нестуліевои, вашмосци пану покорне дякуемо и въ далшій часъ такимъ же способомъ отслуговать субмитуемся. Дивка тая Каська, бувши въ Мартына Нестулія пидъ часъ рабунківъ, вкрала полотна тонкого сувій билше, мовыть, пятыдесятъ ловотъ. А о гроши пыталисько Мартына Нестулія, чы булы пидъ той часъ въ ёго гроши кошійки, тоди винъ мовыть: „въ той часъ побрано въ мене гроши таляры бытии та чехы, а іншихъ грошей, мовыть, не було“. О тимъ вашмосци пану покорне предложывшы и доброго одъ Господа

Бога зычачи здоровья, зостаемъ вашмосци пану во всемъ зычачи-
вши: Щома Григориевичъ и Иляшъ Павловычъ, сотники Зинь-
ковскіи, Іавель Ващенко, атаманъ городовий, Сахно Перепаден-
ко, войтъ зъ бурмистрами. Зъ Зинькова, іюля 6, року 1689".

Слѣдовало бы уличить и снова допросить запамяталую
Каську, но она была такъ слаба послѣ „кіевого карана“, что
судьи рѣшили оставить ее въ покоѣ, пока она хоть немного
„одужаетъ“, а отобранныя у нея деньги признали похищенными
у истца и возвратили ему „до рукъ, якъ его власны“. Панъ
Леонтій Чернякъ поблагодарилъ судъ и при этомъ „вырекъ“:

— Уже то, павове, на Бога спустивши, естемъ контен-
тый тымъ правомъ и тіі сто золотыхъ даю церкви божествен-
ній Спасскій полтавскій на роботу сницарскую (рѣзную). Але
еще мени барзо жалосно на домъ Лукьянинъ и на жену єго,
що вони, видаючи про ти гроши, никому не оповищали, такъ
врядови и никому иншому. А въ мене шкоды много въ кимнати
подіялося черезъ властную запамяталую бувшую служебницю
Каську, о чимъ могла бъ видати и жона Лукьяннова и думыс-
лытыся, що стилько грошей Касці не можно бъ мити и ризно
шафовать, ризни рупески соби купуючи, и допускати жыты
їй въ своимъ дому. Прошу и въ тимъ скученои справедливости".

Судъ призналъ основательной претензію пана Черняка и
„выдачы его утрату и неопатрность (неосмотрительность) жоны
Лукьянновой, якая допустила тій зрайци въ дому своимъ жыты
и гроши, тіі копійки, въ себе держаты, а никымъ не опови-
стыла“, примѣнивъ къ данному случаю 13 артыкуль 14 разд.
Статута и присудиль, чтобы Лукьянъ съ женою удовлетворилъ
пана Леонтия за понесенные имъ убытки: „на чимъ єго упро-
сять, на тимъ и станетъ“. Сверхъ того, Лукьянъ долженъ бытъ
возвратить истцу стоимость представленныхъ въ судъ въ ка-
чествѣ „лица“ „рупесковъ“, такъ какъ предполагалось, что они
пріобрѣтены Каською за деньги, похищенныя у Черняка. Нако-
нецъ, Лукьянъ же бытъ обязанъ заплатить и „вину панскую“,
т. е. денежный штрафъ въ пользу полковника.

Между тѣмъ Каська становилось все хуже. Вотъ уже она потребовала духовника и приняла предсмертное напутствіе. Вида, что относительно ея не придется уже постановлять де-крета, судьи сдѣлали попытку, нельзя ли добиться отъ нея, по крайней мѣрѣ, какого-либо признанія, и послали „до тои зрайци“ своего сочлена, бурмистра Петра Юревича, „пытаючи, що бъ мила еще знати“. Каська оказалась почти при смерти и была въ силахъ лишь прошептать: „Якъ утикала я зъ ратуша, тоди мымо бигучы, дала Степаныси Шапочныси намысто кораліовое доброе, а на сповиди велила тое намысто взяты отпу протопопи, та и не знаю, чы взявъ ёго отецъ протопопа, чы не взявъ“.

Судъ велѣль записать это признаніе, какъ улику противъ Степаныхи.

Къ ночи бѣдной Каськи не стало.

39. Неблагодарная „сусида“.

Лѣтомъ 1691 года пришелъ въ полковый судъ „панъ“ Степанъ Козельскій, „купецъ и мищанынъ“ полтавскій, и такъ жаловался на Мотрю Шкурнычку, „въ дому его у сусидехъ мешкающую“:

— Панове! Тая запамяталая Мотря, сусидою въ моимъ дому будучы, вкрада зъ скрыни шість штукъ полотна быць-кого¹⁾ и полумысокъ, а и передъ-часы (раньше) худобу мою ліотовала, розносячи ровно тютюнъ, рыбу вялую и грыбы, для прзызыку (прибыли) моего купецкого поскупованыи, а не-видомо, где тое все, покравши, подивала. Прощу мылостей вашыхъ, роскажить (прикажите) тую Шкурнычку передъ себѣ зыйскаты, - нехай передъ мылостями вашыми росповисть, чы видають обое зъ мужемъ своимъ Логвиномъ Шкурныкомъ отій крадежи, чы нитъ.

¹⁾ Особый сортъ полотна, можетъ быть, фабриковавшагося въ р. Бѣчѣ или Бичѣ, въ Краковскомъ воеводствѣ.

Привели Мотрю, и она тотчасъ повинилась:

— Воля есть ваша, панове, простила-мъ пану Козельскому, украла не шисть шкукъ полотна быцького, але тилко два и полумисокъ, и первой одну штуку зъ пулмыскомъ прynesла въ домъ Вуцьки Крысьчыхы и самій же Крысьчыси до рукъ oddala, которую вона взявиши, въ кимнату понесла, а вышовши зъ кимнаты, всыпала два кварты горилки на стиль, и пылы-съмо все три насъ тую горилку: Вуцька Крысьчыха, Настя попадя и я. Шидзывиши зась тои горилки, Настя попадя стала мени мовыты: „пайды, Шкурнычко, и ще мени другую такую штуку полотна прynesи видтиль, где есы сее взяла“. Я, заразъ пайдовши, зъ тои жъ скрыни пана Стефановои другую штуку полотна быцького вкрада и прynesла и отдала Васылышы баби, которій попадя велила оное до рукъ взяты.

Позвали Вуцьку Крысьчыху и спросили: правда ли, что Мотря приносила въ ней въ домъ краденое полотно и отдала ей одну штуку и полумисокъ, а другую сестрѣ ея, Настѣ попадѣ?

Вуцька энергично это отрицала:

— Неправда есть то, жадныхъ я полотенъ въ дому моимъ не бачыла.

Но Мотря „злодійка у очи ей мовыла“:

— Чого ся, Крысьчыхо, таишь? Въ тебе штука полотна и полумисокъ, а другая въ подиль сестри твоїй досталася. Я, покравши зъ скрыни пана Козельского, подавала вамъ, за которое все полотно тилко прыходачы тыжденъ пыла у тебе, и далы-сте мени грошей симнадцять шагивъ. Не тайся, Крысьчыхо, взялы-сьте зъ своею сестрою у мене тое полотно и полумисокъ.

Крысьчыха упорно стояла на своемъ.

Тогда судьи велѣли Мотрю Шкурнычку „на мисти (на рынкѣ) передъ ратушомъ канчуками добре пробыты, распитуючись того, чы не зъ злости якои оную Крысьчыху взятьемъ того полотна и полумиска вона потворяетъ“ (клевещеть). Но Мотря и подъ канчуками одно твердила:

— Хочъ мя до смерты роскажитъ караты, а я одно повидаю, что полотно и полумысокъ въ Крысьчыхъ.

Тутъ Вувдя (Вуцька тожъ) Крысьчыхъ, видя, „что вже проступку своего втаиться трудно“, повинилася:

— Що жъ, панове, такъ ся тое стало, поступила-мъ значне, взяла краденое тое полотно и полумысокъ у Шкурнычи. Пійду до дому и заразъ усе вамъ цопрыносю.

И точно, черезъ нѣсколько минутъ она вернулась съ полотномъ и полумискомъ. Полотно было „пожатое (измятое), пламы руды на немъ мокры, подобно въ гнои було“.

Судьи спросили Мотрю Шкурнычу: куда она дѣвала остальное полотно, укравши его не двѣ, а четыре штуки, и кому „тютюнъ, рыбу вялую и грибы, тако жъ крадучы, ношуvalа“? Но Мотря отвѣтила:

— Воля вамъ, панове, що хотиты надо мною чыниты, тилко, кроме тыхъ двохъ штукъ полотна быцького и полумыска, билшеничого не крала-мъ, по самій правди вамъ повидаю.

Судъ постановилъ декреть: хотя Вуцька Крысьчыхъ „за свое проступство годна бъ була до значнаго вязеня отдана буты, однакъ мы, на вдовство еи респектуючи по части (отчасти), приказалисъмо декретомъ напымъ“, чтобы она, согласно Статуту (розд. 14, арт. 23), пану Козельскому „покраденое полотно нагородыла и во всемъ перепросыла за свою нестарателность, зъ нагороженямъ вины панской и нашои врядовой“.

Мотря „злодійка“ оставлена безъ всякой кары; ей, очевидно, вмѣнили въ наказаніе битье на площади, какое она претерпѣла при допросѣ. Настрою попадью почему-то вовсе не привлекли къ отвѣту.

40. Переволочанскій „крамарь.“

Въ сотенномъ городкѣ Переволочнѣ проживалъ „крамарь“ Янъ Грекъ. Людей греческой націи было немало въ тогдашней Малороссіи, и въ Нѣжинѣ, какъ извѣстно, существовала много-

численная греческая колонія. Потомки Перикла и Эпамионда занимались у насъ преимущественно торговлей, а иные, роднясь со старшиной, сами проскаакивали въ значное козачество и становились родоначальниками известныхъ впослѣдствіи дворянскихъ малороссійскихъ фамилій. Переяловочанскій Янъ Грекъ имѣлъ на рынкѣ „крамную комору“ и торговалъ полотномъ. Случилось, что лѣтомъ въ 1691 году какіе-то „зачамяталы и Бога не боячіся“ люди отбили ночью комору и выкрали много полотенъ и другихъ «крамныхъ ричей». Виновныхъ не нашли; было лишь подозрѣніе, что это дѣло рукъ какихъ-то „компанійцевъ“, то есть кованокъ охотничьего полка, которые ушли затѣмъ въ Полтаву. Отправился туда и Янъ Грекъ и сталъ „чыныты опытъ (разыскъ) зъ стороны о своихъ шкодахъ“. Одинъ полтавскій житель Максимъ Костенко какъ-то и говорить ему:

— Есть въ городи нашему шинкарьки, въ якихъ щось за полотно крамное бачывъ я очымъ своима.

Грекъ передалъ эти слова уряду. Урядъ допросилъ Максима, по его указанію, послать «осавульцівъ миськихъ» произвести обыскъ у Вуцьки шинкарки. У нея нашли „крамное полотно, покраяное на кошули“. Вуцьку съ этимъ полотномъ, какъ „злодійскимъ лицемъ“, арестовали. Она оправдывалась, что получила его отъ Нasti шинкарки. Арестовали и Настю и допросили, откуда взялось у нея это полотно. Настя „вчинила такую отповидѣ“:

— «Маю отъ Грыцька Кухара килька штуекъ крамного полотна въ себе, якое полотно будто винъ купцы на свою потребу».

Стали разыскивать Грыцька Кухара, но долго его не находили. Тѣмъ временемъ Вуцьку и Настю держали „у вязеню“, а потерпѣвшій Янъ Грекъ не захотѣлъ ожидать конца своей „справы“ и уѣхалъ домой.

Наконецъ „зиськалы“ какъ-то и Грыцька. Онъ точно оказался „компанійцемъ“ охотничьего пѣхотнаго полка пана Петра Кожуховскаго, поэтому при разборѣ его дѣла въ составѣ суда былъ приглашеннъ находившійся въ Полтавѣ писарь того же

полка Григорій Стефановичъ. На предварительномъ слѣдствіи, какъ впослѣдствіи и на судѣ, Грыцько такъ винился въ своемъ „проступствѣ“:

— Якъ бувъ я у Переяловочній, то одного разу, пидпывши въ корчми зъ товарищемъ моимъ Павломъ, ночнои поры пишльсьмо на рынокъ и комору Янову Грекову одбыли. Въ тую комору влизши, Павло, товарищъ мій, выдававъ мени полотна и іншіи ричи крамныи, и готовыхъ грошей осьмаковъ чыри таліры побралисьмо.

Другого „компанійца“ Павла не удалось допросить, такъ какъ онъ, заслышивъ объ арестѣ товарища, „утикъ“ и не былъ разысканъ.

Дѣло пришлось отложить до вызова потерпѣвшаго, а тѣмъ временемъ дано было знать Переяловочанскому сотнику, „абы той Янъ Грекъ, яко власный всеи справы инстигаторъ, до суду въ Полтаву становывся“. Но отъ сотника получено было увѣдомленіе, что „оный Янъ не хочетъ на справу йіхаты въ Полтаву, шкоду свою полецивши въ забвненіе, хочъ то немалая есть его шкода“. Это извѣстіе поставило судъ въ немалое затрудненіе. Какъ же быть теперь? Тroe подсудимыхъ томится въ тюрьмѣ, а „акторская сторона“ не хочетъ „справы своеи попырати и шкодъ своихъ доходыти!“ И хоть бы дѣло было пустое, а то серьезная „горловая справа“, легко могущая окончиться смертнымъ декретомъ. Полагая, что Янъ Грекъ намѣренъ искать суда на своего „злочинцу“ Грыцька Кухара у его непосредственнаго начальника по „компанійской“ службѣ, снеслись съ полковникомъ Кожуховскимъ; но отъ него былъ полученъ отвѣтъ, что настоящее дѣло онъ признаетъ подсуднымъ полковому полтавскому суду и что онъ съ своей стороны послалъ Греку объ этомъ увѣдомленіе. Но упрямый Грекъ и послѣ того продолжалъ отказываться. Вотъ что писали Кожуховскому по этому поводу сотникъ и атаманъ переволочанскіе:

„Мосци лане полковныку охотный, намъ велце найласкавшій добродію! Уже повторне прызывалы-сьмо передъ себе Яна Грека, которому въ покраденю ричей крамныхъ одѣ товарыства полку

вашмосци вчынылася шкода, показовалысьмо поважное письмо, прысланое одъ вашмосци, абы въ Полтаву на конечную справу, для позыскания права на злочынцівъ, прыслушатись ихавъ; лечъ (но) Янь Грекъ якъ въ первомъ листу отвіть до маестрату полтавского вчынывъ, такъ въ едно слово и теперь повторне мовыть: „уже худоба моя потратилася, якои не сподиваюся на злочынцяхъ моихъ позыськати, то и при доконченю ихъ заслуги не хочу заставати“,—и на волю вашмосци даетъ, якъ хотя зъ шимы поступыты: уважайте любъ (либо) караты по розуму и респекту вашому, любъ и безъ карносты пустыты, „а я, мовыть, тои втраченой худобы ни по кому не буду доходыти“. О такій его помови, роспыташы, выпысуемо въ листу нашому, даючи себе на завжди въ поволни услуги. Зъ Переволочної, юля 28, 1691 року. Вашмосци нашому мылостивому пану, найласкавшому добродієви, найподлійши слугы: Семенъ Безкровний, наказный сотникъ переволочанскій: Василь Селегедъ, атаманъ городовий“.

Панъ Кожуховский передалъ это письмо въ полковой судъ, и тотъ на другой же день приступилъ къ „доконченю справы.“

При разборѣ дѣла подсудимые ничего новаго не прибавили къ тому, что было извѣстно уже на предварительномъ слѣдствії, и судъ приступилъ къ составленію декрета. Весьма любопытно, что уклоненіе потерпѣвшей стороны отъ судебнаго преслѣдованія своего обидчика существеннымъ образомъ измѣняло степень уголовной отвѣтственности подсудимаго, хотя бы виновность его была виѣ сомнѣнія. По Статуту, истецъ въ такихъ случаяхъ терялъ свое исковое право и отвѣтчикъ освобождался отъ суда и наказанія. Малороссійскіе суды, въ общемъ раздѣлявшиѣ эту частно-уголовную точку зреїнїя на многія изъ преступленій, не признавали однако возможнымъ оставлять явныхъ воровъ безъ наказанія; они лишь не примѣняли къ нимъ тѣхъ суровыхъ каръ, какія предписывались закономъ, не присуждали въ возмѣщенію убытковъ потерпѣвшей сторонѣ, а наказывали ихъ по своему усмотрѣнію. Такъ и въ настоящемъ дѣлѣ суды постановили приговоръ: „Поневажъ взгядомъ (относительно) тои шкоды инстигатора немае, щобъ того Грыцька Кухара наветъ (даже)

назначенемъ членка было карано, однакъ велилы-съмъ его публице посередъ рынку добре кіамы быты; тако жъ Вудьку и Настю шынкарокъ, прытомныхъ (прикосновенныхъ) до проступства, канчукамы кагалысъмъ скараты".

Въ заключеніе судъ возстановилъ опороченную честь случайно замѣшанного въ дѣло бывшаго полтавскаго подасаула Леська, котораго Грицько Кухаръ оговорилъ на слѣдствіи, что далъ ему „баволныцю“ (бумажную ткань, простыню) изъ числа вещей, похищенныхыхъ у Яна Грека. Леська тотчасъ взяли къ допросу, отобравъ у него „баволныцю“ какъ «лице злодійское». Но Лесько объяснилъ, что онъ, по просьбѣ Грицька, взялся учить его ружейной стрѣльбѣ, и въ вознагражденіе за эту науку Грицько обѣщалъ уплатить ему полталяра и сверхъ того подарили „баволныцю“, но вовсе не новую, а даже изорванную, такъ что не было и повода заподозрить, что она краденая. Суды признали Леська ни въ чемъ невиновнымъ, „понеже винъ тую баволныцу не такъ, якъ въ краму выходить, прынявъ до своихъ рукъ, але хожалую (бывшую въ употребленіи) и вже вдовжъ була передраная“, а потому „и за лице злодійское не належыть еи повернуты“.

41. Народный судъ надъ ворами въ бориспольской ратушѣ.

Переволочанскій „крамарь“ Янъ Грекъ, какъ мы видѣли, преслѣдовалъ судебнымъ порядкомъ всіхъ „шкодцевъ“ только до тѣхъ поръ, пока у него оставалась надежда возвратить похищенное или взыскать съ виновныхъ понесенные убытки; но какъ только эта надежда была потеряна, онъ решительно отказался участвовать далѣе въ судебнѣмъ процессѣ и откровенно высказалъ суду мотивъ своего отказа: „Уже худоба моя потратылася (т. е. погибла невозвратно), якон не сподиваюся на злочынцяхъ моихъ позыськаты, то и при доконченю ихъ заслуги не хочу зоставаты“. Таково было въ огромномъ большинствѣ случаевъ отношеніе потерпѣвшихъ къ похитителямъ

ихъ собственности. Когда оказывалось, что воръ успѣлъ безслѣдно сбыть краденое, а съ него самого взыскать было нечего, потерпѣвшему оставалось лишь домогаться нравственного удовлетворенія, настаивая, чтобы виновный понесъ положенную въ законѣ кару, то есть подвергся повѣшенію, или отсѣченію уха, руки или ноги, а въ самомъ благопріятномъ случаѣ—сѣченію на площади у позорного столба и изгнанію изъ города. Чрезмѣрная ли суровость этихъ наказаній сдерживала естественный порывъ мстительности, или же здѣсь проявлялось природное добродушіе людей того времени, но только въ тогдашнихъ судебныхъ актахъ мы не нашли ни одного случая, когда бы потерпѣвшая сторона домогалась на судѣ, чтобы воръ понесъ заслуженное наказаніе. Лит. Статутъ разрѣшалъ выдавать вора, не имѣвшаго чѣмъ вознаградить потерпѣвшаго, „на выробѣ“ послѣднему, оцѣнивая годовой отработокъ мужчины въ колу грошей, а женщины въ 50 грошей; но мы не можемъ указать ни одного случая, когда бы потерпѣвшіе домогались на судѣ примѣненія и этого закона. Обыкновенно они упорно уклонялись отъ предоставленной имъ закономъ обвинительной роли въ судебнѣмъ процессѣ, если только убѣждались, что съ вора взятки гладки, и такое уклоненіе нерѣдко ставило судъ въ весьма затруднительное положеніе.

Характерный случай въ этомъ родѣ, между прочимъ, произошелъ въ Борисполѣ въ 1686 году.

Поймали на кражѣ трехъ мѣстныхъ „молодыковъ“: Оныська Голівку, Михайла Збиглаго и Ивана Коротенка и посадили подъ стражу при ратушѣ. Это была бездомная голь, корчмы-ные завсегдатаи, отъ бездѣлья и пьянства занимавшіеся мелкими кражами. Они не таились въ своей винѣ и откровенно рассказывали, у кого изъ мѣстныхъ обывателей что укралі и на какихъ базарахъ и ярмаркахъ сбывали краденое; а между тѣмъ никто изъ потерпѣвшихъ не являлся требовать на нихъ суда и расправы. Это обстоятельство стало наконецъ серьезно озабочивать „мѣйскій“ урядъ. Настоящихъ тюремъ въ то время не было, а имѣлись при ратушахъ небольшія арест-

ная помѣщенія, разсчитанныя на кратковременное заключеніе подсудимыхъ, при чёмъ отопление и освѣщеніе этихъ „вязаныць“ лежали на обязанности мѣщанъ; они же должны были, по наряду, и стеречь арестантовъ. Понятно, что и въ данномъ случаѣ бориспольские мѣщане были крайне недовольны продолжительнымъ заключеніемъ названныхъ „злодивъ“, тѣмъ болѣе, что ему не предвидѣлось конца. И вотъ въ одномъ изъ засѣданій мѣстнаго урада, которое правильнѣе было бы назвать вѣчевою сходкою, потому что здѣсь присутствовала не только вся сотенная старшина, съ войтомъ, бурмистрами и лавниками, но и всѣ почти „задни и славетныи персоны“ изъ мѣстныхъ горожанъ, мѣщанъ и козаковъ,—зашла рѣчь о томъ, „яковымъ кшталтомъ (способомъ) тымъ проступинымъ а явнымъ злочинамъ вчынты кару“. Тутъ „вси единоуно, такъ товарыство (козаки), якъ и мищане изговорылы, мовиачы до вряду“:

— Цѣкы тыхъ злочинцевъ держаты сыдачымы, бавыты мищанъ ихъ сторожею и прыклады свичкамы, на кождуюничъ свитачы, тратыты миськи гроши, на которыхъ вже коштовало золотыхъ билшъ десятка?

Урядъ объяснилъ собранію, что медленность въ рѣшеніи участіи арестантовъ происходитъ единственно оттого, что никто изъ потерпѣвшихъ не хочетъ выступить ихъ обвинителемъ, и что урадъ не разъ уже вызывалъ, „абы одозвалысь тіи, въ которыхъ шкоду и крадецство почынлы онны злочинци“, однако „а ни едынъ зъ ныхъ на судъ скарги не уносилы“.

Собрание долго „радылось единоуно“, какъ выйти изъ этого затрудненія, и дало такую „пораду едночолную“, чтобы въ ближайшій пятничный „торгъ“ (базарь), когда въ Борисполь сѣдутся люди со всего „въезду нашого“, вывести „злочинцевъ“ на площадь, выставить у позорнаго столба и велѣть имъ публично виниться въ своихъ преступленіяхъ, авось кто-либо, услышавъ о своей пропажѣ, станетъ просить на виновныхъ суда и наказанія.

Такъ и было сдѣлано. Въ назначенный день „миськи слугы“ привязали подсудимыхъ къ „пренгелю“ и, въ виду сбѣ-

жавшійся на зрѣлище толпи, подвергли допросу: „въ кого зломыслнымъ злодійскимъ способомъ що покрали и кому якіи шкоды починилы“? Арестанты откровенно винились:

— Вкрали мы у Яцуты кобылу и продали въ Фастови за висимъ золотыхъ; и знову въ Ковбасенка вкрали кожухивъ два и ярмулокъ (шапку), въ викно вытягши, и продали барзо за малыи гроши на прыстани Кыївскій. Воливъ три вкрали, Явтуховыхъ два и Пятакового одного,—въ Кыїви продали. Въ Гордія свыту вкрали и пирогы ись погреба“...

И долго еще перечисляли они разныя „пакости“, какія чинили людямъ. А толпа слушала ихъ признанія, выражала негодованіе, осыпала ихъ бранью, а все-таки никто изъ потерпѣвшихъ не вызывался выступить противъ нихъ съ формальнымъ обвиненіемъ. Тогда суди велѣли „миському слузи волаты по мисту (глашать по городу), абы кождый, кому крындасталась, впоминался (заявляли свои претензіи) и инстыкговалы на тыхъ злочынцевъ“, но и эта крайняя мѣра не имѣла успѣха: „а ни едынъ на тыхъ не инстиковаль и на смерть ихъ и на душу не вотовали“, только раздавались изъ толпы голоса, что слѣдовало бы ихъ „вprodъ добре выбыты и одъ честы людской отлучыты“.

Когда преступниковъ снова привели въ ратушу, гдѣ происходило судебное засѣданіе, сюда съ базара и со всего города подошла многочисленная толпа, занятересованная рѣшеніемъ ихъ участія. Урядъ снова обратился ко всему собранію съ вопросомъ: какъ же поступить съ этими явными „злодіями“, на которыхъ однако никто изъ потерпѣвшихъ не хочетъ „инстиговать“? „Тутъ увесь вародъ, такъ станы старыи и середніи, яко жъ и меншіи, на оныхъ молодыхъ злочынцевъ стали говорыты, абы булы пущени на покаяніе, мовячы: „колы и посли сёго не покаются, на своихъ головахъ однесуть изгыбель“; однако всѣ были того мнѣнія, что отпустить ихъ безъ всякой кары все-таки не приходится.

Согласно этому народному приговору, судъ постановилъ: подвергнуть виновныхъ публичному сѣченію и затѣмъ изгнать

ихъ съ позоромъ изъ города, при чёмъ всѣмъ присутствовавшимъ было объявлено, „абы и едепъ не тилко изъ прыятеливъ и кревныхъ ихъ не держалы и не прыймовалы въ дома, але и кождому прыказалы, абы сусидъ сусида перестерегавъ такихъ зломуслыхъ надъ-звычай преступицивъ и злодіевъ не держаты, але циле (совсѣмъ) и въ уѣзду нашимъ и по селахъ не миты и не прыймозаты“. А для памяти на будущее время судъ велѣлъ „тое ихъ злодіяніе до книгъ миськихъ чорныхъ ви-
саты“ ¹⁾.

42. Пойманный пчелокрадъ.

Съ незапамятныхъ временъ пчеловодство было любимымъ промысломъ въ Малороссии. Еще въ половинѣ XVI ст., когда вся нынѣшняя полтавская губернія была неваселенной пустыней, сюда ежегодно, съ наступлениемъ весны, изъ разныхъ мѣстъ стекались тысячи народа главнымъ образомъ ради пчелинаго и охотничьаго промысловъ и оставались здѣсь до глубокой осени. Капевскіе и чаркасскіе мѣщане, считавшиѣ эти пустыни своими излюбленными „уходами“ и имѣвшіе здѣсь многочисленныя пасѣки, жаловались въ 1552 году, что большая „переказа“ чинится имъ въ тѣхъ „уходахъ“ не столько отъ татаръ, „але большъ отъ своихъ козаковъ, которыи уставичне тамъ живуть на мяси, на рыби, на меду, зъ пасикъ, зъ свепетовъ (бортей), и сътять тамъ соби медъ якъ дома“ ²⁾. Въ концѣ XVII ст., когда край уже былъ довольно густо заселенъ, бортное пчеловодство должно было отойти въ область преданія, но лѣсовъ, луговъ, степныхъ

¹⁾ По Лит. Статуту (разд. XIV, арт. 12), каждый урядъ долженъ быть вести особая «чорныя» книги, куда исключительно вписывались жалобы и суд. рѣшенія по дѣламъ о воровствѣ. Въ малор. судахъ «чорными книгами» именовались вообще книги уголовныхъ дѣлъ, которые велись отдельно для дѣлъ гражданскихъ.

²⁾ Архивъ юго-зап. Россія, часть VП, т. I, 103.

пространствъ все еще оставалось много, цѣнность продуктовъ пчеловодства по прежнему, какъ и въ бытіе вѣка, превосходила цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ, поэтому въ рѣдкомъ хозяйствѣ не было своей пасѣкѣ. Въ мѣстахъ особенно пригодныхъ для пчеловодства находились пасѣкѣ „съ гетманскою пчелою“; ихъ было немало, въ разныхъ полкахъ, и онѣ, кромѣ естественнаго прироста, пополнялись еще тѣми пчелами, какія нерѣдко въ качествѣ судебной „вины“ высыпывались съ провинившихся въ разныхъ уголовныхъ проступкахъ и, за удовлетворенiemъ мѣстной старшины, поступали также и въ пользу гетмана. Тѣмъ же способомъ увеличивали свои пасѣкѣ до весьма значительныхъ размѣровъ полковники и другія старшины. Но самыя многочисленныя пасѣкѣ принадлежали монастырямъ. Помимо того, что монастыри владѣли наиболѣе крупною земельною собственностью, они то и дѣло получали въ даръ отъ разныхъ лицъ именно пасѣкѣ; такъ, напримѣръ, въ 1682 году бывшій полтавскій полковникъ Прокопъ Левенецъ „съ побожности своей“ записалъ въ даръ Скельскому монастырю свою пасѣкѣ на рч. Орчику. Это было продолженiemъ обычая благочестивыхъ людей XV—XVI вв. жертвовать въ пользу монастырей „медовую дань“ изъ своихъ имѣній.

При такомъ широкомъ распространеніи пасѣчнаго промысла въ краѣ, пчелокрадство являлось однимъ изъ наиболѣе обычныхъ преступленій. Въ рѣдкихъ случаяхъ крали медъ или воскъ, а чаще всего сами же пасѣчники воровали одинъ у другого пчелы съ ульями и переносили въ свои пасѣкѣ, а чтобы скрыть слѣды преступленія, перегоняли пчель въ свои ульи, а краденые ульи сожигали или же уничтожали на нихъ чужія клейма и вырѣзывали свое. Трудно было ховяевамъ уберечься отъ этого воровства, потому что пасѣкѣ въ то время содержались не при усадьбахъ, какъ теперь, а вдали отъ селеній, въ дикихъ лѣсныхъ мѣстахъ, преимущественно вблизи рѣчекъ. Тамъ, подъ защитою земляныхъ укрѣплений, имѣвшихъ подобie маленькихъ крѣпостей, пасѣчники безвыходно проводили весну, лѣто и часть осени; тамъ же имѣлись спеціальные погреба,

куда прятали пчель на зиму,—и въ это время, когда пасѣки оставались безъ должной охраны, онъ всего чаще и подвергались обкрадыванію.

Такую пасѣку имѣла на р. Голтвѣ козачка-вдова Игнатаха Емчиха, изъ Диканьки, и въ декабрѣ 1690 г. послала сына Олексу навѣдаться, все-ли тамъ благополучно. Пріѣзжаетъ Олекса въ свою пасѣку и видитъ: дверь въ пчелиный погребъ открыта, и тамъ кто то хохляничаетъ. Вместо того, чтобы запереть вора въ погребѣ, растерявшійся Олекса сталъ кричать, хотя и зналъ, что въ этомъ пустынномъ мѣстѣ крикъ его не привлечетъ ничьего вниманія. Тогда изъ погреба вылѣзъ воръ, оказавшійся диканскимъ же козакомъ Федоромъ Гриненкомъ, имѣвшимъ по сосѣству собственную пасѣку. Онъ схватилъ Олексу за горло, повалилъ на землю, вынулъ ножъ изъ ноженъ и, угрожая его заколоть, грозно потребовалъ:

— Прысягайся, вражій сыну, чы не будешъ сёго никому повидаты?

Олекса, конечно, далъ требуемую присягу, но возвратившись домой, рассказалъ обо всемъ матери, а та сейчасъ же побѣжала къ атаману и сотнику и съ плачемъ пожаловалась, что Гриненко краль ея пчелы и хотѣлъ зарѣзать ея сына.

Въ тотъ же день Гриненко быль схваченъ и представленъ въ сотенный урядъ, гдѣ уже собралось немало „товарыства“. Его подвергли допросу, и онъ „доброволне признався, повидающи“:

— А що жъ, панове, правда то: такъ було, якъ Олекса говорыть, и ще-съмо мовывъ Олекси: „колы, Олексо, могъ бы еси сказаты, що заставъ мене въ погреби надъ пчолою, то я не теперъ—иншого часу зглажу за тое тебе зъ свита“.

Несмотря на это признаніе, урядъ, „не доймуючи Олекси виры“, послалъ трехъ значныхъ козаковъ на Голтуvu „тыхъ мистъ гладиты“, гдѣ совершилось преступленіе. Тѣ, возвратившись, донесли, что точно на саѣгу „свижая патолочъ есть, де Федоръ Олексу мордовавъ“.

Судъ сотенный протоколировалъ всѣ обстоятельства даннаго дѣла и вмѣстѣ съ копіей этого протокола отправилъ под-

судимаго въ Полтаву; туда же поѣхала и Емчиха съ сыномъ. Допрошенный полковымъ судомъ, Гриненко повторилъ прежнее сознаніе:

— Воля есть ваша, панове, зо мною що хотиты чынты. Правда то: заставъ мене Олекса въ погреби пшолянимъ на злодійскимъ дили, где милемъ тіі пшолы выкравшы, на свою корысть обернуты. А якъ я зъ нымъ тамъ нестатечне поступовалъ, хвалячися ёго сколоты, зъ того жъ пысьма дыканьского есть мылостямъ вашымъ видомо. Тилко прошу мылостей вашыхъ надъ собою змылованя: горломъ мя даруйте, покаюся впередъ такихъ своихъ злыхъ поступкивъ.

Справившись съ Лит. Статутомъ (разд. XIV, арт. 16), судъ призналъ, что Федоръ Гриненко за свое „злодійство“ долженъ подлежать смертной казни. „Мы, однакъ (продолжаетъ декретъ), того проступцу не тилко горломъ, але и назначенямъ чонка даровалы-съмо, тилко за проступство ёго значное злодійское вына панская маєть быти плачена имъ конечне“.

Интересно, что въ этомъ приговорѣ рѣчь идетъ только о покушеніи Гриненка на кражу пчелъ, а объ угрозѣ его лишить Олексу жизни нѣть и помину.

43. Воровство, приведшее къ убийству.

Шелокрадъ Гриненко, какъ мы видѣли, грозилъ лишь заколоть Олексу, застигшаго его на кражѣ; но вотъ предъ нами случай, когда пойманные въ лѣсу дровокрады, желая избѣгнуть отвѣтственности за воровство, убили хозяина.

Жила въ Полтавѣ вдова козачка Настя Лесиха Чамариха, имѣвшая молодого сына Степана. Въ февралѣ 1700 года этотъ Степанъ Лесенко вздумалъ навѣдаться въ отцовскій хуторъ, находившійся на рч. Ольшаной, близъ Супруновки. Ждали его къ вечеру домой, а онъ и на другой и на третій день не возвращался. Встревоженная мать послала спрашиться о немъ въ хуторѣ, но его тамъ не оказалось. Стало искать повсюду, и на-

шли въ лѣсу присыпаный снѣгомъ его трупъ съ разрубленной головой. Предстояла трудная задача разыскать убійцъ. За это дѣло взялся житель с. Супруновки, значный козакъ Романъ Гояринъ. Онъ обратилъ вниманіе на то, что у нѣкоторыхъ супруновскихъ жителей, не владѣвшихъ лѣсными участками, имѣются однако во дворахъ рубленыя дрова. Взявъ съ собою сельского атамана, онъ прежде всего отправился къ двумъ обычательямъ, пользовавшимся въ селѣ дурною репутациею и еще недавно предъ тѣмъ судившимся за кражу вола, Герасиму Щюцюперденку и Олексѣ Твердохлибенку. Пришли на дворъ къ Герасиму и стали его спрашивать: гдѣ онъ дрова рубилъ?

— Рубавъ, де трапытся,—уклончиво отвѣчалъ тотъ.

— А чи бувъ съ тобою при томъ рубаню и товарышъ твій Олекса?

— Бувъ и Олекса,—признался Герасимъ.

Пришли на дворъ къ Олексѣ и предложили ему вопросъ: въ чьемъ лѣсу рубиль онъ дрова вмѣстѣ съ Герасимомъ? Но Олекса угрюмо отвѣтилъ:

— Я не знаю и не бувъ зъ вѣмъ.

Тогда потребовалъ панъ Гояринъ, чтобы Олекса шелъ съ нимъ для очной ставки съ Герасимомъ. Олекса сказалъ, что ему нужно зайти въ хату одѣть хожухъ, но пока его ожидали на дворѣ, онъ выскочилъ въ огородъ и скрылся. За нимъ гонялись по всему селу и едва поймали. Послѣ этого Олексу и Герасима связанными отправили въ Полтаву и предали полковому суду, какъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ убійствѣ Степана Лесенка. Обвинительницей ихъ выступила мать убитаго, Настя Лесиха. „По выслушаню“ ея жалобы, судьи спросили обвиняемыхъ:

— Що тому за прычина, и чы есть вы прытомныи тому учынку?

Несмотря на отсутствіе прямыхъ уликъ, оба обвиняемые добровольно признались и такъ повѣдали:

— А що жъ, панове, якъ маємо неподобныхъ ричей говорыты, признаемся по правди: вже вамъ треба умираты. Такъ нась грихъ поткавъ, наша прычина, що мы, два нась, прыи-

хали до єго ґрунта по дрова безотповідне, и винъ, небожчыкъ Степанъ, заставши насть, взявъ бувъ кобылу; въ которого мы просылы, абы вернувъ еи, и не вернуть, хотивъ до господы взяты зъ собою. Потимъ мы, варуючись, щобъ насть до права не удавъ, намовывши межи собою, еденъ за груды взявъ, то есть Гарасымъ, а другій, Олекса, взявши сокыру, обухомъ вдарывъ пидъ ухо; а якъ зспавъ зъ ногъ, такъ тогди разивъ зкилко въ голову обухомъ Гарасымъ затявлъ. И взявши кобылу, одійшли-сьмо, а єго на тимъ мистцу покынулы, розуміючи, що умеръ. И не забарывши, знову оглядили трупу, щобъ, закривши снигомъ, одъихати; ажъ винъ, небожчыкъ, звився и сидивъ, ва колоду спершись. И тамъ вже остріемъ сокырою повыще потылицы затялъ, и на тимъ мистцу зъ свитомъ по-прощався, и одъихали-сьмо ку домамъ, где насть Богъ въ руки сёму чоловику (т. е. пану Гоярину) за невынную кровъ выдати рачывъ, въ чимъ будеть воля, чанове, ваша. Пòты нашои новисты.

Мать убитаго требовала, „абы забойци декретомъ конечнымъ булы сужени на смерть“.

Такъ какъ убитый Лесенко былъ козакъ, а убійцы принадлежали къ посполитому сословію, то судьи примѣнили къ данному дѣлу 39-ї арт. 11-го разд. Лит. Статута, трактующій „о каранню людей простого стану за забытія шляхтича“, и приговорили обоихъ обвиненныхъ къ смертной казні, „поручаючи души ихъ суду праведному Божію“.

Ор. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуєтъ).

ГОРОДЯНКА.¹⁾

(Повістъ.)

IX.

— Ось пожды трохи, потерпь! Се оци, хай Богъ простыть, кочегуры снigu смутять село, а якъ прыйде весна, якъ потане снигъ та зазеленіе скрізь по степахъ, той твій смутокъ розійдется, немовъ той туманъ видъ сонця.—Такъ казала часто Домаха, запримитывши, що ятревка почынає вдаватися все у бильшу тугу. И Приська справди немовъ веселишала: видъ самої весни, видъ того сонечка та тепла молодыця, звичайно, не сподивалася ніякої соби допомоги; зате по весні повиненъ бувъ повернутись Данило до-дому, а заразомъ и змінився ін життя. Що саме робытыме винъ дали, що прырозумивъ винъ за довгу зиму, куды пристасує себе, якои працы шукатыме,—сёго молодыця не знала, бо Данило ни разочку не натякнувъ іи про те; одже ій весь часъ здавалося, що Данило почувае

1) См. Кіев. Стар. 1901 г., № 9.

себе не меныше за hei нещастливъмъ и тильки терпить у надії на краще жыття.

И ось нарепши прыйшла та весела, тепла, а до того и незвычайно рання весна. Одпарувала земля, и заклопоталыся, заворушылыся люде. Домаха по цилыхъ дняхъ не прысидала, хапаючысь то зъ полотномъ, то зъ сорочкамы, поспишаючысь и зъ мазкою и гордомъ. Вона здатня була-бъ не йисты, не спнаты, абы швидче все переробыты та за годыны упораты, и Приська тильки дывувадася, де у тому сухому та маленькому тили ятревкы набралося стилькы сылы по весни, де берутся ти весели надії, що пидтримують охоту до такои нецикавои та некорыстной праці.

На Благовистныка повернувся Даныло.

— Одпіктъ зиму? Дався у знакы нимець? Спробувавъ економії?—хотила подратуваты Приська чоловика.

— Чого обрыдло? А ни крапли:— я звыкъ, а чимець мене полюбывъ,—похвастався Даныло, не розиравшы, куды жинка закыдае.

— Не обрыдло?—ажъ жахнулася Приська.—Такъ може у тебе думка й викуваты по загородамъ, може ты изнову пидешъ до нимця?

— Боже упаси! Зъ якои речи?—злякався видразу Даныло жинки.—Я не пиду бильшъ до нимця.

— А яка-жъ у тебе думка? Що маешь робыты?—запытала его Приська.

— Яка думка? Хто ёго зна яка... всяка спадае.

— Може у волости служытымешъ?

— Та й у волости можно бъ,—видловивъ знехотя Даныло.

— А може за прыводомъ Трохыма хазлайнуватымешъ?—вывиряла Приська ума.

— Э, Трохымъ—дуже гарный хазянинъ; его, якъ слуха-тесь...

— Чому-жъ ты мени доси не прызнався, що думаешьъ хазлайнуваты? Чого я тутъ зиму высыдила, чого я марно споди-

валася?—видразу скыпила Приська и не дала Данылови и высловытысь.

— Та хиба я кажу тоби, що хазайнуватыму?—злякався изнову Даныло.

— Такъ скажы-жъ хочъ, яки у тебе думки, щобъ и я звала,—допытувалася Приська.

— Кажу тоби: всяки думки спадають; иноди те прыйде въ голову, другымъ разомъ инше..

— Пойдьмо у городъ: я тоби тамъ гарне мисце знайду—служитымешъ, зароблятymешъ.

— Звисно, въ городи можно заробыты,—згодывся Даныло.

— Въ городи й платять крапце, и робота легша,—умовила Приська.

— Звисно, въ городи робота не та що тутъ,—згодывся ще разъ Даныло.

— Такъ пойдьмо!—пидмовляла Приська.

— Оде-жъ незабаромъ тамъ ярмарокъ, можно и пойихаты,—мовывъ Даныло и позихнувъ.

— Можно и пойихаты!—передражнала ёго Приська:—я знаю, що можно пойихаты; я тебе пытаюся, чы пойидешъ ты?

— А чому жъ не пойихаты?—заспокоювавъ Даныло жинку.

— Чы добьюся я видъ тебе правды, чы признаешся ты мени колы небудь, що маешъ на думци. Чого ты таишся видъ мене, чого ховаешся зъ очей моихъ, якъ стану доштуваты? Невже ты за цилу зиму ничего не прырозумивъ?—напалася Приська.

— Чому й не прырозумивъ?—немовъ ажъ образыvся Даныло.

— Однаково, зъ тебе путящого господаря не буде!—мовила Приська.

— Який зъ мене господарь, якъ я ще ничего не тямлю,—згодывся Даныло.

— И охоты ніякои не маешъ,—додала Приська.

— Та й охота-жъ така...—и видповивъ, и не видповивъ Даныло.

— Такъ ты таки надумавъ що небудь?—

— А якъ-же?—Мало я поподумавъ цю зиму? Иноди цилисенъку було ничъ очей не зведу все думаю, якъ-бы краще... у людей порады пытавсь,—видповивъ Даныло.

Приська бильшъ не допытувалася. „Надумавъ щось та не хоче загодя хвалитись“—подумала вона сама соби и трохи заспокоилася.

Другого дни, тильки на світъ заблагословылося, Трохимъ збудывъ Даныла гордъ ораты. Приська гадала, що Даныло пиде неохоче до плуга, то сердитымется на брата, що той ёго збудывъ, адже винъ, на дыво, весело схопывся, росправивъ нашвидку волосся, ополоснувшись водою и такъ радо побигъ на двиръ, немовъ тамъ сподивалося ёго саме щастя, а бе плугъ.

Домаха загадала чоловикамъ выораты насампередъ грядки на нызу на цыбулю та розсаду, и поки Домаха вийшла зъ хаты, вони булы выорати, перекопани, выскорожени и подилени на два ривни частыны.

Домаха поклыхала Приську, висипала передъ нею всю свою цыбулю и подилыла на три ривни частыни.

— Бери одну кулку—мовила вона Присьцій,—та не враждуй на мене, що я тоби мало даю: вась тильки двойко, а нась пятирко.

— Ты ляй цієи не садити! Цуръ ій! Навищо вона мени здалася?—мовила Приська и хотила вже одгортати свою кулку назадъ до Домашыної.

— Дурненъка! Шо-бо ты робышъ?—спынила ій Домаха.— Побачышъ, якъ ця цыбуля тоби знадобится.

— Сто карбованцівъ уторгую!

— Тоби зразу карбованці! Пойисте сами молоденькою на снданне або полудень. Беры-жъ свою цыбулю та ходимъ мерещій,—я тебе навчу, якъ іи и садити.

Приська писла всылу за Домахою. Наука, звичайно, була не хытра, и Приська видразу розибрала, якъмъ краемъ вты-

каты цыбулю у землю; але та цыбуля чогось все выпрысала зъ рука, рядки выходылы неривно, ноги грузлы мало не до кисточокъ у пухкій земли, и Присьчыни грядки засажувалысь не швыдко.

— Поспишайся, поспишайся, Присько! пидгоныла іи разъ-у-разъ Домаха, але Приська немовъ и не чула.

— Присько! поспишайся! дывись, ява хмара находить!— погукала на неи Домаха.

Приська розправылась, глянула и немовъ скамъянила; але не на чорну, темну та гризну хмару, що пидводилася зъ краєвиду и посувалася повагомъ напередъ, задывилася молодыця,— щось бильшъ цикаве, незвычайне, нижъ та хмара, вразило іи: вона вперше побачыла человека свого на роботи. Братья скинчылы оранку по той бикъ садочка и тильки-що перейшли сюды. Трохымъ йшовъ за плугомъ, Даныло погонивъ пару сирыхъ воливъ та коривъ. Сыта, добре выгодувана, тильки-що напоена скотына йшла повагомъ, рымыгаючи, а ливоручъ, тежъ повагомъ, выступавъ Даныло. Накинута поверхъ чумарка ледве трималася на плечахъ; ливу руку заложивъ винъ за сцину по-пидъ чумаркою, а правою разъ-у-разъ махавъ мотузянымъ батижкомъ. Чорну смушеву шапку видсунувъ винъ ажъ на потыльцу, и густа чуприна русявого волосся выбылася зъ-пидъ неи, спустилася мало не до бривъ и незвычайно красыла ёго обличча.

Винъ не запримитивъ сразу Приськи, бо вона стояла за терновымъ кущемъ; за те іи добре выдѣо було ёго. И який-же винъ веселый сёгодні! Напевне ніяка думка не турбує ёго: винъ поганяне радо, охоче. Винъ почувае себе вильнымъ, щастливымъ... Та ось винъ вже й писни якоись завивъ... Трохымъ подавъ и свій гласъ... Немовъ и скотына пишла бадёрнише.. Радіють на вербахъ граки; у садочки щебечуть птахи; спивають дивчата на сели; спивають и Трохымъ та Даныло. Та невже имъ всимъ справди такъ весело?.. Невже Данылови, іи дружини, може буты весело, за плугомъ йдучы? И чого вони спиваютъ, чому вони радіють? Що прыйшла весна? що треба ора-

ты, копаты, сіяты, садыты... цыбулю? Прыйде лито—вовы спиватымуть, облываючысь потомъ, на жнывахъ. Прыйде осинь—радитымуть, выбираючи оставчу недойиленой цыбули! Необачни, дурни люде! Чы то-жъ жыття?

А Даныло? Чы сподивалася вона ёго колы побачыты такымъ? Ось йде винъ горбомъ, и здаётся, наче винъ увесь викъ тильки й робывъ, що миравъ ступинямы цей клаптыкъ земли, наче винъ прырискъ до того плуга, до тыхъ кругорогыхъ воливъ, половыхъ коривокъ, наче винъ злыўся до купы зъ тымъ горбомъ, волами, тію хатою, що биле позаду ёго, зъ тію хмарою, що напевне веселыть ёго господарське серце... Чы такои-жъ то дружыны бажала вона соби, чы такымъ прыходывъ до неи Даныло женыхатыся? Одирвало було ёго щось на який часть видъ батьковськои осели, кынуло у ииши обставыны, и винъ здавався неначе крашимъ за другихъ, розумнишымъ та самостійнишымъ, але повернуло жыття до ридного кґрунту, и ось винъ вже пустывъ глыбоке кориння... Одынь, два добрыхъ дождя, сонечко та витеръ ридного степу—видразу обмылы, высушылы ту блескучу полулу, що тильки и красыла ёго, и теперь винъ ничимъ не видризняется видъ тыхъ репаныкивъ-хлиборобивъ, селянъ.

Плугъ спустыўся на нызъ, и Даныло угледивъ жинку.

— Боже поможы тоби, жиночко!—гукнувъ винъ до неи.

— Садовы, садовы побильше цыбули, щобъ було що до хлиба на жныва браты!—мовывъ винъ весело.

— Взялася таки за розумъ, спасыби Богови, молодыця! Гарно й дывытыся, що ты на грядкахъ,—додавъ Трохымъ.—А чы немае у васъ часомъ воды напытыся?—запытавъ винъ жинокъ.

— Не взяла, забулася,—видмовыла Домаха.

— Можете у тебе, Присько, йе?—запытавъ Даныло.

Приська не видповиланичого.

— Присько, говъ! Прокынися! Заснула, чы що?—гукнувъ Даныло й пошпурывъ, жартуючи, у жинку чумаркою, що скынувъ зъ плечей.

Приська вид скочила, немовъ до неи доторкнулося щось гидке та холодне, кынула на землю ту цыбулю, що держала у рукахъ и зъ проклёномъ та слёзамы побигла, скильки духу черезъ горбдъ до хаты.

Ни Трохымъ, ни Домаха ничего не зрозумили. Трохымъ здвыгнувъ плечима, та сплюнувъ. Домаха подивилася ятревци у слизъ, похытала головою, та загадала дитямъ позбирати по-роскыдану цыбулю, и тильки Даныло тяжко зитхнувъ: серде ёго спостерегло гирку правду. Винъ вперше зважився высловитись по правди, вперше признався, що має на думци жывіа, и вона зненавида ёго...

Приська вбигла у хату, сила край столу, обхопила голову обома рукамы и тяжко замислилася. Що робити? Невже покорытися нещасливій долі, переробити себе, перемогти у собі давни порывання до того вильнишого, веселишого, світлишого жыття, яке вона вже зазнала, забуты про свои лита молоди, про свою вроду, видчахнутися свого щастя, навики зостатися на сели? Зарады чого? Зарады родыны, Даныла, селянь? Хай вони не дижуть! Вона покыне цей куринъ, покыне де пекло, наплює на ту славу доброї господарки та шокирлової жинки, що купується ціною всіго жыття; вона покыне того дурня, що не хоче слухати ії доброї порады, вона покыне село,—пиде шукати і знайде таке жыття, яке марытса ії...

А тымъ часомъ хмара насунула бlyжче, въ хати стемнило, десь тарахнувъ гримъ. Приська пидвела голову і озвірнула хату. Николи не здавалася вона ії такою сумною, якъ теперъ. Крывый сволокъ, маненьки, немовъ пидслипувати виконця, стара пичка, крывый стиль, пиль, засланый неривними дошкамы,—все наче соромльво проходило вýбачення за свое истинування на билому свити... Рижнобарве Присьчыне убрання, розвишене по цвяшкахъ та килочкахъ, такъ и прохалося геть-геть зъ цієї хатыни на муровані стини мійськихъ будынківъ, і тильки подрана свитына чоловика спокійно лежала, немовъ прыкыпила до куточка, та терпляче сподивалася того часу, коли і вона стане у прыгоди.

Приська схопылася зъ лавы, зирвала зъ першого кілка спідніцю, винула іи на піль, побигла до другої стінки, по-здіймала і тіі сукни, одимкнула скриню і почала складати туды свое збіжжя. Очи іі блыщаły, краска розлилася по всіму виду. Вона поверталася жваво, моторно, зъ певністю людны, що потрапила писля довгого блукання по заплутанихъ обміжкахъ на рівний, бытый шляхъ и наближається до бажаної мети.

Хмарна насунула ще близьче, поливъ дощъ. Орачи та Домаха повинні булы покинуты городъ та тикаты до-дому.

Домаха забигла спочатку до Приськи.

— Присько! Що це ты прызовумила?—запитала вона ятривку, показуючы рукою па опустили стінки хаты. Чы не надумала ты, сестро, кыдаты нась?—Охъ! гляды, голубонько: неправдою свить пройдешъ та назадъ не вернешся. Мы до тебе зъ щырымъ серцемъ, мы до тебе зъ прыемнымъ словомъ, а ты, бачъ, зъ такою неправдою! Осомомты нась хочешъ? Данылови жытта занапастыты? Схаменыся, молодыце, одумайся! Це-жъ и видъ Бога грихъ и видъ людей соромъ!—

— Не вязнить, не умовляйте! не хочу я бильше жыты зъ вами — тай край. Гетьте, одійтить видъ гриха, дайте мени хочъ спокійно вырядытысь у дорогу!—видмовила Приська.

— У яку дорогу? Куды-жъ та дорога лежыть зъ чоловикови хаты? До прирвы, чы що? Одумайся; благаю тебе, Присько, схаменыса!—умовляла такы іи Домаха.—Може ты на мене чого розсердилася, може я тоби якъ не догодыла?

— Ни на кого я не сержуся, одв'язжиться видъ моей души!—гримнула на нее Приська.

— Та вже-жъ такы зъ доброго дыва закону не ламають, чоловика та родыны не соромлять. Може тоби що Трохымъ накриво сказавъ? може Даныло?—допытувалася Домаха.

— Нихто мени ничего не заподіявъ,—осточортили мени ваши злыдни собачи! Одпекла зиму, бо на Даныла все надіялася, а теперъ я вже бачу, чого мени сподиватыся, не хочу дали терпіти!—видказала Приська.

Увійшовъ Даныло... Гланувъ вивъ на жинку, на скрыню, на Домаху, постоявъ мовчки хвилину биля порогу и метнувся геть зъ хаты.

— А куды ты? Я вже воламъ заложывъ—спынывъ его у синахъ Трохымъ.

— Тамъ... Приська... промыривъ Даныло и побигъ на дверъ.

Трохымъ увійшовъ до Приськи. Молодыца вже упакувала свою скрыню и полизла на пичъ збираты останне збижжя.

— А де це наша пани·господарка?—запытався Трохымъ. Домаха показала на пичъ.

— А куды це ты, Присько, убираешся, чы не до торгу?— запытавсь Трохымъ, зазыраючи за пичъ.—Кажы, якъ коней запрагаты та у яку скрыню чоловика цакуваты?

— Не дратуй!—сипнула ёго за рукавъ Домаха.

— Та я и не дратую; навспражки кажу: колы надумала тикаты, то хай за собою и весь свій скарбъ забирае, а якого ще й дорожшого скарбу, якъ дружына?—мовивъ Трохымъ.

— Кому може й скарбъ, а мени урывокъ на шыю ота дружына,—обизвалася зъ печи Приська.

— Вово тоби туды и дорога: зъ урывкомъ на шыи та на осычыну!—розсердывся ображеный за брата Трохымъ.—Якого биса ты почала изнову комызытыся? Якои болячки тоби ще треба? Чимъ тоби тутъ незгода? Бье тебе хто, лае, роботы надъ·сылу пытае? Злазъ мени зразу зъ печи, розпаковуй свое оте... хай·бы воно тоби и погорило... та лагодь чоловикови обидаты! Злазъ, бо якъ поклычу Даныла, то за ногы стягне!

— Хай лышень спробуе!—обизвалася Приська.

— Що тамъ пробуваты? Даныло!—погукавъ Трохымъ.

Засмученый, билый, якъ крейда, Даныло ступывъ де·кильки крокивъ по хати и прытулывся до пички.

— Тягни жинку зъ печи!—гримнувъ на ёго Трохымъ.

Але Приська вже сама скочила зъ печи.

— Чы пускаешь ты, Даныло, свою жинку у мандры? Чы пыталася вона у тебе дозволу?—запытавъ Трохымъ брата.

— Ни,—видповивъ стыха Данило.

— Я ёго й пытатысь не стану. Колы хоче, щобъ я ёму корылася, то хай про мое щастя та мій спокій дбае, а ни, то хай на себ€ й жаліе...

— Що-жъ мени робыты, щобъ тоби догодыты? Я-жъ, здається, вже й роблю якъ слидъ; прослужывъ зиму—копійки на себе не потратывъ; лита диждемо—свій хлибъ буде,—мовувъ Данило.

— Не хочу, не хочу я того хлиба!—скynила изнову Приська.—Не нагадуй мени про той хлибъ: бачыла я, знаю, якъ ёго заробляти! Одпусты мене... одпусты зъ твоєи хаты!

— Не пустыть винъ тебе світъ-за-очи. Винъ у церкви прысягався дogleядать тебе—не зламае винъ прысяги, не по-пустыть и тебе до того!—видповивъ за брата Трохимъ.

— Я смерть соби заподію! Я тутъ на вашыхъ очахъ за-гыну! Я уточлюся, повищуся... Я зарижуся!!—крыкнула Приська и кынулася, мовъ несамовита, до ножа, що лежавъ край столу.

Трохимъ одихнувъ зъ усієи сили молодыцю видъ столу, и вона ошыналася биля Данила... Данило ухопывъ іи за руку и прытягъ до себе.

— Приню... голубонько... не сердясь!—прошопотивъ винъ кризъ слёзы.

Приська глянула на ёго и гирко заплакала й сама.

Трохимъ взявъ ніжъ и выйшовъ зъ Домахою зъ хаты.

До самого смерку не видчынялыся Данилови двери. Вже стемнило, якъ нарешти Данило выйшовъ у сини воды напытався.

— А що? перешло хочъ трохи? заспокоилася?—запытала ёго Домаха.

— Ни!—видповивъ понуро Данило:—не слухае, хоче йихаты.—

— И ты, звычайно, пустышъ іи; хай иде—гуляє?—запытавъ Трохимъ.

— Якъ-же я іі не пущу, якъ вона страща, ішо й смерть соби заподіє?—видмовывъ Даныло.

— Вона така...—завважыла Домаха.

— Вона така, та не такого-бъ на неи чоловика треба було, якъ Даныло!—мовывъ Трохымъ.

— Ну що-жъ я ій робыты? Ты гrimавъ на неи, Домаха умовляла, я—клавяўся, прохавъ.

— Куды-жъ вона мандруе?—запытавъ Трохымъ.

— Проби, каже, на Городець пойиду,—видловивъ Даныло.

— А ты-жъ якъ? пойидешъ за нею?

— Чого-бъ я туды потаскався?—Що мени у городи робыты?

— То жъ-то и йе! Хай вже одна голова пропадае, колы така шалена вдалася, а тоби нічого въ городъ таскатысь: розледачіешъ, розпустыши, на ка-зна-що переведешся...

— Может вона ще й покаітся та повернется?—зітхнула Домаха.

— Покаітся, якъ цідъ тычомъ опынится! Я-бъ зъ такои жывцемъ шкуру здеръ, а не потуравъ іі прымхамъ... Чого ій не згода? Гультийства та своволи забажалося! А! прокляте насинна!. Попалася-бъ вона мени до рукъ!

— И щобт ты ій зробывъ?—перепыныла Домаха запальну ричъ чоловика.—Адже пры тоби була ухопыла віжъ,—чи довго до гриха?

— Хто-жъ іи потарабаныть до того Городця? Хыба ты на своихъ плечахъ потурышъ іі цяцьковану скрыню, бо селяне не схотять...

— Не нападайся хочъ на Даныла: винъ за всіхъ найменьше выненъ: це винъ, сердешный, твій та Солошынъ грихъ спокутуе,—нагадала Домаха про сватавня.

Трохымъ не видмовывъ ничего, закурывъ люльку и прысивъ на порози. Дощъ все дужчавъ. Хмары заволоклы все небо; недавнечко маненьки калюжки злылыші вже до купы и затопыли все дворыще мало не до порогу. Трохымъ згадавъ, ішо у довитци негараэдъ прычинени дверы и пишовъ довидатыся,

чи не вылизла корова... Въ той саме часъ ішось въїздыло у ворота...

— А кого Богъ несе до нашои господы?—запытавсь Трохымъ.

— Пустить, люде добры, переноочуваты!—обизвалася якасъ жинка.

— Пройизжаючи, чы що?—запытавъ Трохымъ.

— Еге, егє... на городъ йидемо... Пустить, будь ласка, обсушишься!

— Зайиздиты!—запрохавъ Трохымъ и самъ завернувъ коня за повидъ до своего иорогу.

Незабаромъ вкотылася у сины якасъ нызенька, кругленька, немовъ та горопка, жинка, а за нею увійшовъ высокый та тонкий, якъ та очеретына, визныця зъ величезною макитрою у рукахъ.

Домаха выпесла каганецъ у сины.

— Добрый вечиръ вамъ, люде добри! Спасыби, що пустылы до своеи господы!—прывиталася вона прыемно, та звычайненько, скъдаючи зъ себе безличъ и манесенькихъ, і вельзыхъ платківъ, та розвишуочы ихъ по синахъ. Я—Сохвія Трохымовна Загубянкова; зъ ярмарку повертаюся; масло купувала, ось макитерку назбирала... А куды мени іи поставыты?—запытала вона Домахы.

Домаха хотила спочатку запрохаты іи до себе, але передумала і підморгнула Данылови, щобъ нисъ макитру у свою хату.

Приська скочыла зразу зъ лавы, утерла слёзы і заклопотала биля самоварю. Гостя була балакуча жинка. Поки настygъ самоваръ, поки Приська наготовыла те, що мала даты попойисты, вона встыгла розсказать, хто вона така, й де живе, і скильки дочокъ мае.

— А чы не підвезлы-бъ вы й мене зъ собою?—зважиласа запытати іи Приська.

— Можна, можно,—згодилася Сохвія Трохымовна.—А чы на дохго?

— Навики—видповила Приська и гирко заплакала.

— Чого-жъ бо ты? Чого плачешь, молодычко?—затурбувалася дуже мягкосердна Сохвія Трохимовна.

Приська стала ще дужче плакати.

— Оде горенько, оце лышенько!—заклопоталася перекупка.—Чого-бо ты такъ побываешся.

— Озирнитися сами, гляньте на одю пустку, на оци злыдни, та й сами догадаетесь, яке мое жыття тутъ,—видповила кривь слёзы Приська...

— Нанятися хочешъ у мисти, чы що?—догадалася перекупка.

— Хочу служыты.

— А чоловикъ-же пускае тебе?—запытала перекупка.

— Пустыть.

— Чого-жъ тоби и плакаты! Хай Господь помогае. Добре господарювати, якъ йе за чымъ, а якъ немае, то служыты треба. Сама я, спасыби Богови, николы не служыла, и дочокъ не наймала, а знаю, що доброму наймытови скризь гарно. Багацько йе панивъ у нашому городи, йе дуже багати:—у пани Куракыной и хаты окреми за-для покоянокъ... Поваръ у неї вже двадцять пять рокивъ служыть, лакей одынъ тежъ зъ давнихъ часивъ тамъ... Якъ не балуватымешся, та слухатымешся, то тамъ тоби буде, якъ у Бога за пазухою,—мовила Сохвія Трохимовна, дуже задовольнена, що може пособыти ненчастливій людьни.

— Такъ вы мене визьмете зъ собою?—зрадила Приська.

— А чому-жъ? Кинь добрый—сорокъ верстовъ якосъ перейдемо,—згодилася перекупка.

Приська кинулася ін цилувати.

— Низвищо, низвищо, голубочко! Абы тоби пощастило, бо не всякому у городи легко доходитса: йе таки наймычки, що на мисяць трычи панивъ миняютъ, йе й паны вередлыви... Я сама не служыла, не знаю, якъ чужымъ людямъ годыты, та вже якъ тоби и тутъ жыття не мае, то запытайся у наймахъ щастя.

— Даныло! погукала Приська на человека.—Я йиду зъ нымы; воны мени й мисце знайдуть,—мовыла вона, якъ тильки Даныло увійшовъ у хату.

— Не пойдешъ ты нивуды, — видповивъ несподивано Трохымъ за брата.

— Сказала, що пойду—и пойду!—крыкнула Приська.

— А я сказавъ, що не пойдешъ—и не пойдешъ,—видповивъ Трохымъ.—И вамъ, титко, грихъ замижнихъ молодыць зъ сель въ городъ зволикаты. Якъ-бы я зnaвъ, що вы хвахто-руете...

— Господь зъ тобою? Господь зъ тобою, человиче добрый!—замахала на Трохymа перекупка руками.—Зроду-вику пе хвахторувала... Я перекупка... у мене хата своя—їе у мене за чимъ жыты... Господь зъ нею, зъ вашою молодыцею!..

— Вона, бачьте, у настъ не пры своёму уми—немовъ по-терялася на весни. Жыла, жыла зиму, а це якайсь гедзъ укусывъ: „проби, покыну человека“!—мовывъ Трохымъ.

— И покыну. Не схоче никто везты, то пинкы пиду... утечу середъ ночи, а не буду тутъ!—обизвалася Приська.

— Не покынешъ и не пидешъ, якъ чоловикъ не пустыть,—стоявъ на своёму Трохымъ.

— У тебе маты, сестра, дядько Їе—поспытаися хочъ у ихъ порады,—мовыла Домаха.

— Не треба мени ви батька, ни матери—ни яком родыны!.. Порадылы вже воны мени—утопылы мою голову! Покы й вику мого, не хочу слухаты ничієи порады... Оде тоби, Даныло, останне мое слово: або пусты мене... пообицай дать былетъ, або... на твоихъ очахъ смерть соби заподію... Ось хрестъ кладу... Присягаюся... не жытому я тутъ... не жытому и одного дні!—И вона, кынувшись навколошкы передъ иконамы, почала складаты страшну присягу.

— Йидь, йидь! Йидь куды хочешъ!—спынавъ іи безъ краю стурбованый Даныло. Йидь, иди, робы що знаешъ,—я тоби не перечу!—додавъ винъ, силкуючись перемогти ти слёзы, що душылы ёго видъ самого ранку.

— Пфу!—сплюнувъ Трохымъ, переляканый прысягою.

— Не знаю я теперь, чы братъ мени зъ собою молодыцю, чы ни? Щобъ бува вы не жалилы на мене?—запытала тежъ перелякана Сохвія Трохымовна.

— Берить іи... берить іи, ледацюгъ!.. Хай вона... хай ій!..—не домовывъ Трохымъ.

X.

Приська та Сохвія Трохымовна выихалы ще до східъсонца, але добылыша до города тильки о-пивночи. У манесенькому будынку перекупки давно вже все спали, и господарка мало не повышавала шыбокъ, поки доклыкалася, та добудылася свого чоловика, Петра Купрыяновыча. У господи було чепурненъко, але дуже тисно и душно. Мало не третю частыну кимнаты займало велычезне, широке лижко, застлане ватянымъ одяломъ; другу третыну—два поручъ поставленыхъ стола, де вычахалы уготовлени до торгу пряныкы, а останню частыну—деревянни стульци, судныкъ та скрыва. У куточку, биля самыхъ дверей, на розистланому ряденци спавъ хлопчыкъ—рокивъ чотирнадцяты, помичныкъ-наймытъ Петра Купрыяновыча. Господарь не сподивався, звычайно, Приськи и выбигъ видчыната двери неодягнутымъ, але, зогледивши молодыцю, сразу побигъ назадъ, прычепурывся и тоди запрохавъ до господы. Така звычайність дуже подобалася молодыци, за те самъ господарь зробывъ на неи непрыемне вражиння: ій чогось и шкода стало ёго, сухого, якъ сухарь, жовтого та немовъ заскубленого, и досадно було слухаты, колы винъ почавъ гrimаты на жинку за те, що забарилася у городи, та прогавила добрий заробитокъ у недилю на торгу.

Приськи постлалы на пуховому лижку; даы ажъ два здоровыхъ подушкы у головы, але вона за всю ничъ и на хвилыну не звела очей.

Не спалося и Сохвія Трохымовни. Мягкосердна та безъ краю ѹмовирна перекупка вже не разъ каялася за свою по-

гану вдачу та охоту пособляти людямъ пидъ вплывомъ першого вражиння. Доставалося ій за те и видъ человека, доставалося и видъ товарокъ, не разъ платилася вона й кышенею своею, проте не навчилася ще гараздъ кермувати своимъ серцемъ и потакала єму. Приська своими слёзамы, прысягою вразила іи, и тоди вона справди радо хотила ій пособыти, але теперъ думки іи зминыли свій напрямъ: ій стало здаватись, що вона помыллася у молодыци.

— Не спытся?—запытала вона Приську.

— Не спытся—видповила Приська.

— Може ты вже одумалася та жалкуешъ, що пойхала, то я тоби знайду цивводу,—мовила перекупка.

— Що це вы тётю?—ажъ скопылася Приська.—Я зъ радощивъ, що нарешти такы добылася города, не можу й заснуты.

— А человека хыба не школа? Винъ же, здается, жаліє тебе? кохає дуже?

— Що мени зъ того, що винъ жаливъ мене? Яка мени корысть зъ того, що кохає мене? Колы-бъ вы знали, якъ я цю зиму прожила, колы-бъ бачили, якъ я мучилася!—почала скаржытись Приська.

Сохвіи Трохимовни изнову школа стало ії.

— Та вже добылася свого—прыїхала въ городъ, а теперъ, гляди, не ледачій, не балуйся, якъ тамъ інши, то може й заспокоїться. Завтра раненько я перекажу Лейби, то винъ тоби зразу мисце знайде. Може навить и до пани Куракыної застуپишъ, бо въ неї нема покоянки,—заспокоила Приську Сохвія Трохимовна.

И справди, у десять годынъ ранку прыбигъ запыханий заклопотаний Лейба и сповистивъ Приську, що мисце вже про неї йе, що винъ бигавъ цилый ранокъ, поки знайшовъ ій таке мисце, и теперъ хай вона иде туды зъ нымъ „безпечно наймається“ и „служить соби зъ Богомъ“.

Приська мытю одяглася у найкраще убрання и пишла за Лейбою.

Серце іи дуже былося, сама вона зблідла и довгий часъ не зважувалася навить забалакаты до Лейбы, щобъ бува винъ не спостеригъ, якъ страшно ій иты до невидомои пани и якъ боится вона, що не погодыться ій.

— Хто-жъ вона така, ота пани?—варешти звернулася вона до Лейбы.

— Хто вона така? Охъ! Колы-бъ ты тильки знала, що то за пани! Сто тысячъ мае! Тры маетка, будынокъ який... срибла, злата скількы! Це—перша пани у нашому городи—нема надъ неи панивъ! А яка добра! Ой-ой! Навить еврейчыкамъ пособляе... Охъ! що-то за пани!.. Викъ дякуватымешъ мени. Абы тильки ты подобалася имъ, абы ты тильки зумила догодыты, то будешъ щастлыва—зобачышъ!—казавъ Лейба, все набавляючи та набавляючи ходы.

— А може вони ѹе й не схотять мене; може я й не вгожу? Мало хыба тутъ кращыхъ за мене наймычокъ йе?—запытала Приська.

— Йе тутъ тихъ наймычокъ, йе, слава Богу... але хыба ты, молодычко, не знаешъ тыхъ городянокъ? Пфу на ихъ, тай годи! Грубіянки, балувани, роспутни... Якъ що тамъ трохи не такъ, пани розсердится, скажуть тамъ що-небудъ... валають трохи, або-що...—такъ зразу кыдаты... Велыке дило, якъ така именыта пани, якъ ось ця пани Куракына, та налае трохи наймычку? Пфу! велыке цабе наймычка! Абы корыто...

— Э, ни,—перепыняла Приська Лейбу,—я тежъ неохоча та й нездагна слухаты лайку. Колы справди та пани така сердыта, то Господь зъ нею, въ іи гришмы!—завважыла Приська.

— Хто тоби сказавъ, що вона сердыта? Боже храны! Хыба така пани стане лаятись?—поспишыўся Лейба заспокойкы Приську.—Осъ мы вже й дишлы до самого будынку. Дзвоны!

Приська подзвонила. Дворныкъ видчынывъ хвирточку у воротахъ и провивъ Лейбу та наймычку до дверей будынка.

Воны піднялися по високихъ заливныхъ східцахъ и увійшли у простору, світлу передъ-кімнату, де сидило троє якихъ-сь жінокъ. Одна зъ виходь, дуже старенька та немічна, у панської сукні, сидила останньо видъ двохъ останніхъ жінокъ и не прымала ніякої участі у ихній розмові.

Лейба та Приська сили тежъ окроме.

Незабаромъ вийшла до вихъ молоденька панночка.

Вона наблизилася до старенькоп пани, подала ій якийсь пакунокъ и п'ять карбованцівъ грошей.

Пани подакувала, сковала гроши у платочокъ и пішла геть. Тоді панночка подала двомъ останнімъ жінкамъ по два карбованця. Жінки визенько уклонилися...

— Колы бъ намъ хочъ у щилочку побачити нашого янгола-заступника та подакувати за ії ласку!—мовила одна зъ жінокъ, вдруге уклоняючись паночці.—Вже три роки поселяють воны намъ—пошли имъ Боже щастя, здоров'я, підкрепы, захисты ихъ Царыця небесна!—та то ни разочку не довелося ій подякувати. Попрохайте ихъ, панночко наша мыlostива, вийти хочъ на хвилыну до насъ.

— Я передамъ іани вашу подяку, але вона не вийде до васъ,—мовила панночка.

Жінки зитхнули, ще разъ уклонилися и пішли соби геть.

— А ты, молодыце, погоды трохи: до тебе пани вийде, бо вона завжди сама выбирає цокоянокъ,—мовила панночка Присьци. Ты, гадаю, Лейба, на цей разъ догодышъ пани: молодычка дуже гарненька,—додала вона прымно усмихаючись.

Такъ якъ черезъ пивгодини вийшла и пани. Се була висока, струнка жінка рокивъ п'ятыдесяти. На неї була темна шовкова сукня, поверхъ неї накинута прозора намітка. На грудяхъ, на руци на пальцяхъ—бліщало самоцвітне каминня. Пани надійшла до молодыци и пильно зазирнула ій у вичі.

Приська густо почервонила підъ тымъ суворымъ поглядомъ и мимоволи опустыла очі.

— Я тебе найму,—мовыла трохы згодомъ пани.—Ось мои умовы: висимъ карбованцівъ на мисаць, особлыва кімната; чорної роботы не пытаю. (За для цёго маю іншыхъ наймытівъ), за те по двичи роботы не загадую: наймычка у мене по-вывна знаты свои обовязкы безъ загаду.

Приська не зрозумила пани и подышлася на Лейбу.

— Хыба треба великої науки, щобъ знаты, колы вашої мылости воды податы, або лижко уготуваты? О! будьте певни— я знаю, кого до васъ прыводыты. Се не ривня нашимъ городянкамъ; ця молодычка знае свои обовязкы!—поспишысь вкынуть и свое слово Лейба.

— Я не до тебе балакаю,—спыныла ёго строго пани.—Якъ що ты здатня на таки умовы, то прыходь сёгодни,—звернулася пани до Приськи.

— Я прыйду,—видповила стыха та несмільво Приська..

— Бачыла ты колы таку пани? Бачыла якы дзеркала? Що то за пани, що то за пани!! А добра яка! Сёгодни тильки тры жинкы було, а иноди тамъ бильше десятка наберется, а всімъ вона по-собляе, всімъ надиляе,—не стыхавъ Лейба выхваляты пани, идуучы зъ Приською до Сохвін Трохымовны, видъ котрои винъ получыты за Приську карбованця.

Приська бачыла и кімнаты, и дзеркала и саму пани, але все це зробило на неї далеко не таке вражиння, якъ на Лейбу. Холодомъ, на ії поглядъ, віяло и видъ того величезного будынку, и видъ кімнать, и видъ пани, и видъ того обережно заверченого у билій папіръ пакунка, що подала панна старенкій пани, и видъ тыхъ грошай... Молоденъка панночка тильки и подобалася ій.

У вечери молодыця перейхала до пани и оселылася у маленькій хатыни поручъ зъ кімнатою самои пани.

Почалося якесь чудне жыття: вставала пани у обидню пору, лягала передъ свитомъ, и всі наймыты, не вважаючи на те, що дила було небагацько, не зналы ни въ день, ни въ ночи спокою.

По камъяныхъ схидцяхъ, убранихъ квіткамы та аксамыто-
вымы вѣлымамы, не спинаясь бигаты взадъ и впередъ похмури,
сердти, та потомлени люде. Дзвонки не стыхалы... Здавалося,
що у їому величезному будынку жыве безличъ людей, котрымъ
за-для ихъ велыхъ та нагайныхъ справъ потребна безличъ
служокъ та помичныківъ... Сами наймыты добре розумилы, що
до послугъ одынокой, літнїмъ вже пани досить було-бъ однієи,
двохъ жинокъ, и ци безперестанни дэвоныкы, ця зайва бига-
нына навыпередкы иноди сердыла, навить ображала ихъ, проте
гарни харчы, добра платня робылы свое дило: люде звыкалы до
становыща попыхачивъ и потроху навчалыся догождаты прым-
хамъ вередльвои господаркы. Чомижъ служкамы було де-скильки
такыхъ, що жылы у пани вже багато рокивъ и встыглы пры-
няты и ходу и мову пани до вподобы, бильшистъ же заступила
сюды недавнечко и почувала себе, немовъ на чужыни. Приська
тежъ довгый часъ не могла звыкнуты. Нова посада цілкомъ
видповидала бажаннямъ молодыци: и харчъ, и платня, и ро-
бота задовольнялы іи; сама пани видносилаась тежъ дуже мы-
лостиво до новои покоянкы, проте Приська все чогось осте-
регалася, що хвылыны сподивалася якоись непрыемности, ля-
калася кожного дзвоныка и увиходыла несміливо у кімнату
пани.

Мынувъ мисаць и другий благополучно. Пани за весь цей
часъ зминыла тильки одного наймита—дворника, сиравди гіркого
пьяныцю. Приська почала вже трохы звыкаты, але... не лехко
вгадаты, зъ якои стороны насунуть хмары та заснують ясне
небо, а ще труднише видгадаты, яки думкы обсядуть вередльву
господыню, та яки перемини скоятся підъ вплывомъ тыхъ
думокъ.

Разъ якоись прокибулася пани ранише, нижъ завжdy, и
згадала ще лежучы у постели, що вона вже два мисяци га-
раздъ не порядкувала у своїй господи, покладаючись на нову
свою хазайку моладенкы, панночку Марусю, и що черезъ те
панна немовъ занадто запышалася. Вчора вона, напрыкладъ
увійшла, не поспытавшись дозволу, у іи кімнату, позавчора

завела першу ричъ про театръ, а у той понедилокъ одважылася пораять и такы прымусыла прочытати якусь книжку, у якій пидкреслыла червонымъ олывцемъ найцикаши, на іи, панночки, ноглядъ, мисця...

— Треба ій трохы утерты носа, треба показаты, що дыпломъ шостого класа гымназии не дае ще права буты у моій господи чымсь значнишымъ, нижъ звычайна наймычка,—поклала соби пани и почала одягатыся.

О першій годыни подалы снидання. Пани напылася чаю и пишла по хазайству. Се траплялося дуже ридко и ще ридше кинчалося благополучно: по большій части пани, оглядочи кухню, мыски, горшки, кімнаты, квитки—зваходыла яки-небудь хыбы и прогоныла вынуватого. На цей же разъ пани не знайшла ниде ни однієи смитыны и не мала, па вельку іи досаду, ничего зауважыты панночки Маруси, котра, не думаючи не гадаючи про ту гризну хмару, що вже наблыжалася, йшла соби байдуже за своею господаркою, та выхвалилася тымы квиткамы, що такъ пышно зацвилы зъ іи легкой руки.

Такъ вернуłyся вони изнову до обиденного столу.

— Снидання холодне!—мовыла пани, видыхаючи видъ себе тарилку зъ яешнею.

— Прохололо, покы вы ходылы,—нагадала панна.—Може звелыте свіжои уготовыты?

— Не треба!—одризала пани.—Підтянить оти гардыны надъ вікнами. Вы, здается, знарошне залышуете мене сонца,—мовыла вона черезъ хвильну.

— Вчора вы сами звелили ихъ попустыты,—мовыла панна.

— Николы я цёго не казала. Вамъ завжды щось учуються... Прислушайтесь, прохаю васъ, краще до моихъ ричей... Я вамъ въ останній разъ *вело* (пани пидкреслыла це слово) пиднаты ци гардыны и не попускаты ихъ безъ мого дозволу. Муруся поставыла стульчики, вскочыла на ёго и почала підтятаты шнурт; одначе у тому, якъ панночка взяла стулець, якъ

скочила на ёго, якъ розмотала шнуръ,—господыни уявила зневага. Чоло ѹи нахмурилося ще дужче, тонки губы скленились щильнише.

— Не здатни вы и до такои дрибныци, панно Marie: вы пидтяглы мало не до самои стели! попустить, будьте ласкави,—процидила вона крізь зубы.

Маруся попустила такъ, якъ на палець.

— Ныжче!—мовила нетерпляче пани.

Маруся попустила ще ныжче.

— Ныжче, кажу вамъ, ныжче!—мовила, ледве стрымуючи себе пани.—Ныжче!—вже крикнула вона й кивнула рукою на Приську, що саме увиходила у кімнату.

— Присько! попусти шнуръ, бо панночка не розумієничого; у неї то театръ, то книжки въ голови, а не ін обов'язки,—звернулася пани до покоянки.

Панночка стрыбнула зъ стульця, усміхнулася до Приськи и передала ій шнуръ; але молодыця ненарокомъ выпустила ёго зъ рукъ, и гардына спустилась до краю.

— Дурна, божевильна! Сыдоре, Трохиме, Марто, Мыкито! Йдить сюды, пособить гардыну пиднати, бо ци дви дуркиничого ій вдвохъ не вдіютъ,—гукнула, вкрай распалывшись пани.

Маруся зачервонилася, на очахъ виступили слёзы.

— Визьмить свое слово назадъ!—мовила вона тримтячимъ голосомъ.

Пани зиркнула ввысока на панну, усміхнулася и одійшла до вікна, биля котрого поралася мало не вся двірня.

— Визьмить свое слово назадъ!—мовила вдруге панна—а, ни..., то... то... я тежъ вилаю и васъ прылюдно.

— Выведить геть звидсиль цю божевильну!—звернулася пани до наймытивъ, показуючи на стурбовану панву.—Я дарую ти гроши, що вона забрала у мене впередъ,—додала вона пышаво.

Цей спогадъ про гроши, що Маруся взяла на лікви хворому батькови и не мала спроможности oddати пани назадъ,

шыгнувъ ій у серде, немовъ гостримъ ножемъ: вона залылася гаркими слёзамы и выбигла геть.

Зъ цёго часу Приська ще дужче стала остерегатыся пани, ще дужче бояться за себе, дарма що обовязкы покоянкы выконувала вона завжdy безъ загаду и добре.

Пролынуло ще тыжднивъ въ двое; наступывъ день именынъ пани. Пани ридко кого одвидувала и сама не любила прыйматы до себе гостей, але за-для именынъ не шкодила ни грошей, ви клопотивъ и вже кожного року справляла ихъ на славу. Прыйздыло до неи у цей день завжdy безличъ панивъ, одержувала вона безличъ картокъ, листивъ та телеграмъ, але дійсно святкувавъ сей день тильки невелычкий гуртокъ именыхъ гостей. Баронъ, баронесса, старый полковныкъ, яка-сь глухенька пани зъ дорослою дочкою, великий, всимъ у повити видомый панъ Таранецькій, та неридный племинныкъ пани Куракынои, Сергій, складали собою те маленьке коло, що тильки и пидтрымувало трохы у городцяхъ значно злынявшу та прывъявшу квитку аристократyzма и захышталы і скильки мога видъ соковытого плебейського бурьяну, що посидавъ кгрунтъ, та роскоринявся останними часами все дужче та дужче...

Першою прыйхала баронесса; за нею іи чоловикъ, а трохи згодомъ и останні гости.

Пани Куракына радо прывитала дорогихъ гостей и запрехала ихъ по звычаю до голубои кімнаты, прызначеної за-для близькихъ гостей. Баронесса сила на канапи и, стягаючи рукавички, зъ першого-жъ слова, почала скаржытысь на духоту, на сонце, на городъ, театръ, наймытивъ та лытературу. Вси, причъ племинныка пани, котрый тильки и марывъ про те, явъ-бы швидче утекти видъ титки-дукарки, та глухенько пани, що вышкомъ личыла, скильки саме коштує убрання имениници, прыйняли звычайно участъ у розмови и цилкомъ погожувалися зъ баронессою. Балачка йшла тыхо, ривно, неначе десь у куточку сидивъ капельмейстеръ та выстукувавъ ломачкою, щобъ бува хто не поспишився зъ своимъ словомъ напередъ, або не забарывся зъ видцовидью.

Але ось на порози въявився новий, несподиваний гість.

Се бувъ высокий, літній вже панъ. Ривне сыве волосся, гладенько зачисане назадъ, падало довгими пасмами ажъ на комиръ старенъкого, але чистого сюртука.

Въ одній руци державъ винъ складений циліндръ, а у другій ципокъ, на котрый йдуши опираєся. Услидъ за нимъ йшла русява панночка, рокивъ п'ятнадцять. На неї була коротенька, била муслинова сукня, перетягнута на тонкому стани голубимъ поясомъ; роспущене по плечахъ волосся було перевязано тежъ голубою стёжкою, а на головці прышпилена била квітка. Въ рукахъ вона держала десяткивъ зо-два перевязанихъ билою стёжкою трояндъ.

Старий панъ поступыся напередъ, уклонився до всіхъ гостей и пошканьбавъ, разъ-у-разъ налягаючи на ципокъ, до господарки. Панночка уклонилася тежъ усімъ и подала ій троянди.

— Витаю васъ, шановно добродійко, зъ днемъ іменинъ и прохаю въбачення, що спизнився трохи, але,—сами видаете,— посада, призначени годыни за-для праці.. Я, жінка моя, дити— всі мы щиро дякуємо вамъ и вамъ, шановні добродійки (гість уклонився до баронессы та глухенької пани) за ту допомогу, що подали мої симь за часы моєї хворобы. Запевняю васъ що...

— Дуже дякую, пане, за вашу троянди, павно!— перепыннала раптомъ пани Куракына ричъ гістя и поступылася до дверей, що велы у другу кімнату. Гість та панночка послідкували за господаркою, и черезъ хвильну баронесса бачила своїми очима, якъ лакей провивъ ихъ до передвѣї. Проте це ії не заспокоило:

— Зъ якои речы? Хто давъ ёму право? Увійти у цю кімнату! Втеребенитись у гуртокъ незнаїмыхъ и зовсімъ неривніхъ соби людей. Ни, ни, наша поважана господарка не вміє зовсімъ муштрувати наймытивъ! Мій Михайло не впустивъ бы и до вику такого гостя у мою кімнату.

Але жъ це той самий вчитель, про котрого вы такъ клопоталися та котрому збиралы гроши,—завваживъ племінникъ пани Куракыної.

— Велыка рижныця: пособыты людьни, чы прыйніты іи до свого гурту!—мовыла баронесса.

— Та вже жь мабудь це дуже поважна людьна, колы вы прынялі стилькі турботъ за-для неи,—не подавався Сергій.

— Якъ-то поважны? Зъ якои речи? Звидкиль це вы взялы? Вы завжды дратуете мене, Сергій, але мени теперъ зовсімъ не до жартівъ. Сёго вчытеля я не знаю, але винъ колымъ заведувавъ, симъ ёго бидувала, и я назбирала за-для ёго сто карбованцівъ...

— И винъ прыйшовъ теперъ подякуваты вамъ,—додавъ Сергій.

— У цю кімнату!!! Зрозумійте, Бога рады, що се зъ ёго боку нахабно, неввичлыво, незвычайно!—роспалалася навсправжки баронесса.

А тымъ часомъ сама господарка мало не плакала: вона не чула баронессыныхъ ричей, але серце вищувало ій безличъ непрыемныхъ наслідківъ видъ дёго несподіваного выпадку зъ вчытелемъ.

— Хто впустывъ ёго? Хто зважыўся провести ёго до тієї кімнаты?—допытувалася розлютована пани своіхъ паймытивъ.

— Я!—обизвалася нарешти Приська. Лакей одлучыўся на хвилыну, а винъ саме увійшовъ, я й провела ёго до васъ.

— Божевильна! прышелепувата! Не бачыла хыба, кого ты проводыши? Зъ глазду зъихала, ошалила?—накынулася на неи пани.

— Чого вы лаетеся? Хыба я знала?—образылася молодыця.

— А! такъ ты ще балакаты, змагатыся? Геть! геть зъ моені господы! Щобъ твого и духу не було у моёму двори!—гримнула на неи пани и побигла заспокоюваты баронессу, котра доводыла Сергіеви, що не всякому прыемно сидиты поручъ зъ якымъ вчытелеемъ, котрого недавнечко вырятувано видъ голодной смерты.

XI.

Приська побигла шукати підводи, щобъ перевезти свою скрінню до Сохвії Трохимовни.

— Эй! Чуешъ? Слухай сюди! Гапко! Марье! Степаныдо! Молодычко, якъ тамъ тебе прозывають? Постій трохи, пожди! — гукнувъ хтось биля крамниць.

Приська обернулася: за нею бігъ Лейба.

— Це жъ, здається, тая молодычка, що я до Куракиной водиўвъ! Ну, що? Якъ тоби? Якъ живеться? Може обрядло вже? Куды ты йдешъ? — запытавъ іи Лейба.

— Підводи шукати, щобъ перевезъ мою скрінню до Сохвії Трохимовни; я вже тамъ розсчиталася...

— Навищо тоби та Сохвія Трохимовна, навищо тоби на той белебень забыватися? ходимъ — я тебе зразу найму.

— До кого? — запытала Приська.

— До кого? Побачышъ до кого: поганои посады тоби не дамъ. Ходимъ! Це таки паны... що дай Боже тоби и повикъ у такихъ служити... Це тоби не тая горда та пышава пани Куракина...

— А вы жъ іи вихваляли! — нагадала Приська.

— Чому жъ мени не вихваляты, якъ твоя родычка схотила тебе туды наняты? — мовивъ Лейба.

— Яка родычка? — запытала Приська.

— Сохвія Трохимовна.

— Вона мени не родычка.

— Не родычка? — здивувався и немовъ ажъ зрадивъ Лейба. — А скильки вони взяли зъ тебе за те, що ты нанялася до тієї пани? — запытавъ винъ.

— Ничого. Вернула ій того карбованця, що вона дала вамъ, та за підводу заплатила...

— Теперь не взяла, то визьме, — мовивъ зъ певнистю Лейба. Ты, не вирь Сохвія Трохимовни... Ты молода, мисця пе знаешъ, а тутъ всяки паны бувають. — Ты, якъ тоби чого треба, до мене звертайся — я тебе повсякъ часть найму. Ходимъ!

— Яка жъ у тыхъ панивъ платы?—запыталася Приська.

— Почуешъ сама. Може воны й бильше тоби дадуть, нижъ всимъ платать, може и ти сами гроши, але ты на ту плату не звертай увагы: схочешь, то матымешъ тамъ заробитокъ добрый.

— Звидкиля?—здывувалася Приська.

— Розумна будешъ, то побачышъ!—видмовывъ Лейба.—Ходимъ!

— Що жъ воно за паны?—допытувалася зацікавлена ричамы Лейбы молодыця.—Може я ще й не погожуся туды?

— Не погодыся?—перепытавъ Лейба... Хыба я не знаю, якымъ панамъ якыхъ наймычокъ постачаты? Овва! Ты мене спытай, що у тому будынку сёгодни на обидъ варять, я й те знаю!

— А може й я не схочу?—сказала молодыця.

— Ты не схочешъ до панивъ Боголюбовыхъ? Таки речы я вперше на своёму вику видъ наймычки чую. Ой—ой! Хотивъ бы я побачыть ту покоянку, що не схотила бъ тамъ служыты!—засміявся Лейба.

Приська пишла. Пани була не дома: вона выйхала зъ дитыми на все літо, и наймавъ покоянку самъ панъ.

Це бувъ ограйдный, трохы сывый вже панъ. Винъ зробивъ досыть гарне вражиння на молодыцю и тыхымъ голосомъ, и ричамы, и обихидлывистью..

На плату та де-яки обставыны жыття у господи панивъ Боголюбовыхъ було, звычайно, гирше, нижъ у пани Куракынои, за те наймыты почувалы себе далеко вильнише, нижъ тамъ, и працювалы до схочу.

Покоянци окремои хатыны тутъ не давалы, але Присьци вже обрыдло съдючы насамоти у закапелку пани Куракынои, и вона охоче оселылася у просторій, світлій кухні зъ гладкою куховаркою Тытыяною, жинкою рокивъ п'ятыдесятъ, та безкраю балакучымъ дворныкомъ—москалемъ Степаномъ.

Наймытамъ мало було роботы. Приська прыбырала вранци горныци, чистыла одягу та чоботы и, вырядывшы пана до съду, де винъ зaimавъ якусь посаду, йшла пособляты куховарци. По

обиди Тытъяна лягала спочываты, Степанъ ходынъ зъ дорученнями пана, або за покупкамы, а Приська гуляла за воритъмы, або вялягала свои шытки.

Такъ проходынъ довгый та нудный день; за те у-вечери почыналося дійсне жыття.

Тытъяна надъ усе любыла гостей. Не вважаючи на те, що ридко який ранокъ верталася вона зъ торгу, не посварывшись зъ кимъ-небудь, мала вона прыятеливъ безличъ и помижъ служкамы, и помижъ прыкащицамы та перекупкамы. Стравы тежъ николы за-для гостей не бракувало, бо Тытъяна наготовляла іи утрое бильше, ніжъ потрибно було панамъ та ихъ дверни; здачы вона тежъ зродà-вику не мала звычаю виддаваты и про коштъ мяса та масла никому не казала. Пры такихъ умовахъ що-денни бенкеты доходылыша ій, звычайно, на дыво легко.

Що вечора збиралыся до неї гости. Иноди хто прыносивъ зъ собою и пляшку горилки, але Тытъяна того не любыла, бо боялася, щобъ Степанъ не напився та не побывъ іи, и прыймала до складчыны тильки ласощи та церковне вино.

Найбильшои цикавости за-для Приськи додавалы цимъ бенкетамъ не такъ ти дешеви та немицни вина, не такъ ти ласощи, якъ незвычайно гостри, весели оповидання Степана та самой Тытъяни.

Степанъ за п'ять рокивъ свого слуговання у Варшави за денщика поручыкови Петрову набачився и людей, и свиту, наслухався и правды, и брехни и мавъ що оповидаты. Тытъяна не выходила у своихъ оповиданяхъ за межы мійского торгу, але жъ и ій не бракувало николы цикавыхъ новынъ. Вона все знала, все чула и вмила добре розсказаты про жыття миськихъ панивъ.

Сама Приська не прыймала участі у тыхъ бёсидахъ: вона не мала чого ни додаты, ни зауважыты до певныхъ ричей Тытъяни, Степана та ихъ гостей. Вона тильки слухала, але слухала пыльно, бо размова доторкалася цикавыхъ ричей. И яке то справди цикаве жыття було у городи, поривняючи до хлиборобського! Никому не спадало и на думку гудыты ёго. Тытъяна

судыла то ту, то иншу наймычку, то одну, то другу господыню, але жъ чы осудыла вона хочь разъ саме жытта наймычки, чы помъявувъ хто добрымъ словомъ становыще сильской господарки? Иноди бесиды ци робылыся занадто бучнымы: часто почыналы жартуваты, пустуваты и разъ якось молоденька перекупка, Галька, зважылася заспиваты...

— Не такъ бо голосно—панъ гниватымутся!—спынела іи Приська, щильно прычыняючи двери зъ кухни.

— Панъ? здывувалася Тытъяна.—Якъ разъ! Панъ оце бъ и самъ прыбигъ сюды, якъ бы знаявъ, шо у нась така вродлыва гостя. Ось пиды-бо павмысне, Галько, за чымъ-небудъ до пана.

— Ще що выгадають?—зареготалася Галька.—Шидить сами,

— Шкодя! Панъ такихъ гладкихъ, якъ Тытъяна, не любыть. Ёму щобъ и зростомъ высоченецка и станомъ тонесенецка, щобъ и губы повни, и очи голуби,—обизвавш Степанъ.

— И неправда!—залылася на всю хату Галька; у Саньки очи булы кари.

— Кари, кари,—пидтримала іи Тытъяна. Отъ зъ кымъ пороскошувала я: николы було у кухни не прыбыраю. Загадаю Саньци—вона вразъ и перемые и вымете... Ажъ шкода дивчыны... Вона вже мала и замижъ йты.

Ой горе, лыхо, лыхо;
Полюбывъ я ковалыху,
Мавъ за себе іи браты
Та прыйшлося кумивъ зваты—
заспивала Галька.

— Цытьте-бо!—спынела іи вдруге Приська:—панъ щось пышуть.

— Яка памъ корысть зъ того,—що панъ пыше? Спыте, та намъ не прочыта, а мы ось якъ заспиваемъ, то й винъ послуха.

Ой горе, лыхо, лыхо,
Полюбывъ я ковалыху...

заспивавъ и соби Степанъ, прысываючысь блыжче до Приськи. Тытьяни здалося, нибы навить винъ пидморгнувъ молодыци...

— Навидайся лышень до пана! Може вже часъ и лижко перестылаты, а ты тутъ вытырьши справляешъ!—весподивано накынулася Тытьяна на Приську.

Приська гланула здывовано на куховарку, хотила нагадаты ій, що панъ самъ дзвонитъ, якъ чого треба, але роздумала и пишла до пана.

Панъ сидивъ за великымъ столомъ и выводывъ щось перомъ по билому блескучому паперу. Якъ тильки увийшла молодыця, винъ знявъ окуляры, одкынувся на спынку стульца и ставъ прыдывліться до неї. Приська переслала лижко, приставила кругленъкъ столыкъ до ёго, наготовила воду и надійшла блыжче до пана, щобъ взяты на великомъ столи свичку; панъ прытягнувъ іи до себе и мицно поцилуравъ въ губы.

Молодыця спалахнула, якъ жаръ, хотила було щось ёму сказаты, але панъ, немовъ то и не винъ, немовъ вичого й не було, вже складавъ книжкы на полыци.

Якъ виднестыся до того поцилуника?—думала сама соби молодыця.—Жартъ це?—звычка безкраю ласкавого пана? Пожаливъ винъ іи, якъ батько дочку, чы....?—Але Приська не хотила навить и думаты щось погане про свого пана. Вона швидко выйшла зъ покоювъ и повернулася до кухни. Гостей вже тамъ не було, и Тытьяна лаялася зъ Степаномъ.

— Чого це ты такъ розчервонилася? Улучывъ хто по пыци?—покинула вона Степана, та напалася на Приську.

— Хто бъ мене бывъ?—запыталася Приська, мымоволи опускаючи до долу очи.

— Чого ты вовкомъ лывышся? Чого одвертаешся?—не стыхала Тытьяна...

— Чого вы прычепылышся? Вывна л, що краска на выду заграла?—обизвалася Приська.

— Вже я даремно не прычеплюся! Я тебе наскризь бачу! Знаю я тыхъ молодыць, що чоловикивъ кыдають! Трывай, трывай: пани прыйидуть,—все розскажу.

— Що я заподіяла? Що ви розкажете? — запыталася молодиця мало не зъ плачемъ. — Чого вона напалыся?

— Плюньте на оту гладку тетерю. Знаю я, чого вона лютуе, та не поможется! — обизвався Степанъ.

Сихъ сливъ було досыть, щобъ вкрай роздратувати куховарку. Вона вже не разъ прымичала, що Степанъ накыдае окомъ на Приську, але тильки теперъ впевнилася, що парубокъ не жартує.

— Знаю я й не пытаючись тебе, чого ты така червона! Не дурно такъ довго лижко панови перестылала. — Знаю я ёго норовы! — Пожды, волоцюго никчемный, розкажу я й про тебе, якъ ты и сино и овесь у шыпку переводышъ! Не довго спрятанешъ вытришки зъ цією банькатою совою, — обохъ выжену! Я тутъ дванаддцять рокивъ служу, — мени пани швидче виры наймуть, мое право буде! — лютовала Тытъяна.

Приська спочатку видповидала ій, змагалася, але згодомъ, впевнившись, що куховарка й не слухає іи, замовкла и заснула.

На другий день прыйхала пани. Се була вродлива, але дуже пышава жинка рокивъ трьдцяты п'яты. Панъ зустривъ іи и дитей на порози, розпилувавъ, роспытаавъ про дорогу, здоровъя и все це тыхенъко та ласкаво. Пани видповидала первово, въ голоси іи почувалася досада: вона пидставила знехотя свою щоку панови до поцилунка и подалася зразу до своеї кімнаты. Бонна одвела дитей у прызначену имъ кімнату; панъ пишовъ до себе, и симъ зразу розчалылася на трь зовсімъ окреми, самостійни частыны. Пани прыймала своихъ гостей, панъ, повернувшись зъ суду, йшовъ до своихъ знаемыхъ, або зачынявся у своёму кабинети; диты бачылы вчительивъ та бонну, и никто никому не заважавъ, никто никому не перечывъ жыты по своїй охоти. Въ кухенни порядки тежъ не мишався никто, и Тытъяна знала, що казала, якъ обищалася выгнать Приську зъ двору. Не выгнала вона та не допекла до краю тильки зарады тієї прыхильности пана до молодиці, що зъ кожнимъ днемъ побильшувалася. Тытъяна николы не перечыла панови и не змагалася зъ ёго полюбовныцямъ: за це ій перепадало не мало; на

сей же разъ вона здатня була и сама заплатыты Присьци, абы вона видносылася прыемнише до пана и тымъ одвернула видъ себе серце Степана. Але молодыца не подавалася ни на улестлыви слова пана, ни на умовлянна Тытъяны „буты веселенько“ та „не дывытыся на пана вовкомъ“.

Такъ пролынувъ мисць. Разъ якось зибралася пани пойи-хаты до знаѣмыхъ. Панъ провивъ жинку ажъ до брычки, помигъ ій систы, обгорнувъ погы теплымъ платкомъ, поцилуавъ затягнуту у рукавычку руку и повернувся у сины.

Тамъ стояла Приська. Панъ обнявъ и прошопотивъ ій щось.

Приська почервонила, одихнула видъ себе пава и выбигла на дверъ. Тытъяны не було дома, а Степанъ гулявъ на воротахъ зъ сусидськимъ кучеромъ. Приська надійшла до ныхъ. Черезъ яку хвылыну сусидського кучера поклыхалы, и Приська та Степанъ зосталыся вдвохъ. На двори було тыхо, зоряно, людэй вешталося по вулыци ба-гацько. Приська задывылася, забалакалася и не прымитыла, якъ повзъ ихъ пройшла Тытъяна.

— Гей, ты, Присько! Чого ты швендяешъ тамъ, по вулыци? Пыталася ты дозволу гуляты? — гримнувъ несподивано у видчынене вікпо панъ.

Приська скопылася, метнулася у кухню, але тамъ іи сподивалася вже Тытъяна.

Чого вона ій тильки не наказала, якыхъ прызывыщъ не давала? Обурена ревністю та пересердзямъ куховарка не памътала гараздъ, іо каже, и Приська зрозумила тильки, іо вже ій тутъ жыття не буде, іо треба добуваты другого мисця та тикаты звиддиль.

Одже Присьци не довелося дотягты тутъ останнёго тыждня.

Панъ зважывся пожартуваты зъ молодыцею ще разъ.

Приська не стерпила.

— Якъ же вамъ пане, не грихъ, та не соромъ мене чыпать? У васъ и жинка и диты йе, — мовыла вона. Панъ засміявся и хотивъ іи ущипнуты.

— Не вязнить! — гримнула на ёго молодыца.

Панъ погодывъ трохы, покы молодыця пересердыта, и въ ту хвылыну, колы вона найменьше цёго сподивалася, ущинувъ іи.

Ображена, безъ краю роздосадована Приська, штовхнула пана у груды.

— Пфу!—плюнувъ панъ зъ такою огыдою, немовъ то передъ нымъ стояла не Приська, не вродлыва молодыця, а якась потороча...

— А що? диждалася? Заплювалы очи?—почала дратуваты Тытъяна молодыцю.—Думаешъ—я не бачыла? Я весь часъ пидъ дверыма простояла, все чула.

— Колы чулы, то й не брешить, бо я и вамъ очи заплюю!—скыпила Приська.

— А ну, а ну, спробуй!—взялася у бокы Тытъяна!—Наблызъся лышень!

— Що це за галасъ! Хто тутъ кричыть!—убигла пани въ кухню.

— Розсчитайте мене, пани! спасыби вамъ за хлибъ-за силь! прослужыла дванадцять рокивъ та мабуть вже обрыдла, що вы мене на поталу останній волоцюзи виддаете. Служыла я у васъ дванадцять рокивъ, служыла-бъ и покы вику мого, та...—заголосыла на всю хату Тытъяна.

— Ахъ, Боже мій! Що таке? У чимъ ричъ? Чого вы плачете?—схопылася пани за голову.—Не мучьте мене,—у мене голова болыть. Що тутъ скоилося?

— Розсчитайте мене, панійко, безъ гнива безъ клопоту, шукайте соби иншои куховаркы. Не можу я дали терпіти, не можу дали зносыти!—заголосыла изнову Тытъяна.

Пани здавыла ще дужче голову рукамы. И де та правда на Божому свити? Вона и такъ сёгодні нещасна: стильки церемучылася, стильки шопоплакала, покы вырядыла за-кордонъ молоденъкого ликаря, що такъ добре вмивъ пользуваты іи видъ якоись незвычайной хворобы, а тутъ ще ци кухнянськи турботы...

— Розсчитуйтесь, що хочете робить, тильки не гвалтуйте, не турбуйте мене!—ажъ попрохала пани.

— Це-жъ вона, це-жъ все черезъ неи. Покы не було іи, то й все благополучно було, а теперъ жыття никому немае... Работы зъ неи не пытай, сама за неи все роби, а вона тебе ще й лае—поскаржилася Тытъяна на Приську.

— Я свое дило роблю, ще й вамъ пособляю,—обизвалася Приська.

— Ся Приська,—справди нездатня никуды покоянка,— обиздавався на дверахъ панъ.

Молодыця, наче ужалена, круто повернулася всимъ становъ до пана и глянула на ёго: винъ бувъ спокійний, якъ и завжды.

— Ничогисенько не хоче робыты!—пидтрымала пана Тытъяна.

— Чого-жъ вы мовчали доси? Хто васъ прыневолювавъ терліти нездатню наймычку? Чому вы мени доси не сказали, що вона не хоче робыты?—запытала зъ видчаемъ пани Тытъяну.—Чого вы сами не прогналы іи доси, колы вона вамъ не довподобы?—звернулася вона до пана, все дужче та дужче стыскуочы свою голову.—Скильки вамъ слідъ грошай?—запытала вона Приську.

— Три карбованци,—видповила Приська.

Пани кинула ій три карбованца на стіль, і незабаромъ молодыця мусыла податись зновъ до Сохвії Трохымовны.

XII.

Сохвія Трохымовна ажъ рукамы сплеснула, якъ побачила Приську та іи хвурмана на своёму подвиррю.

— И тамъ не выбула?—запыталася вона докирльво.

— Снагы не постачило дотягнуты и сёго тыждня до мисяця. У тієї пани наймычокъ за собакъ мають, а у цихъ и того гирше,—поскаржилася молодыця.

— Вередлыва-бо ты, якъ бачу, та балувана дуже. Теперъ не знаю, що зъ тобою робыты, куды тебе и диты. Ту хату,

що черезъ сины, займають кватыранткы, а у моій кімнати, сама бачышъ, тисно. Не можу я тебе пустыты, нема у мене кутка про тебе,—мовыла Сохвія Трохымовна, и не дывлячысь на Приську.

Молодыца не знала, что робыты: куды вона подинется, до кого звернется, де перебуде той часъ, покы Степанъ знайде ій які прыстановыще? Лейба перестривавъ іи на дорози, радывъ ихаты до паныча якогось, обіцяявъ по сімъ карбованцівъ на місяць,—але вона побоялася, не схотила. Чы то-жъ ій ночуваты середъ вулыци, чы стукатыся у двери до незнаёмыхъ людей?

— Перебуду-бо я у васъ хочъ одынъ день,—попрохала вона несмільво.

— Тисно у мене, сама бачышъ, а чоловикови сёгдні ще й прянкы пекты...

— Мени абы хочъ переночуваты,—попрохала Приська.

Сохвія Трохымовна стало шкода молодыци.

— Внось скрыню—ничого робыты, тильки памъятай, що це въ остатній разъ.

— Я задурно не схочу..., я заплачу вамъ, скилькы звѣлыте... у мене йе гроцы,—поспішылася заспокойты Сохвію Трохымовну видразу повеселивша Приська.

— Звычайно: даровани шматкы тильки старцямъ не вадзяць. Та я-бъ не схотила ни грошай твоихъ, ни платы, абы ты тильки не зайдыла до мене,—мовыла перекупка, все скосата непрывитно поглядаючи на молодыцу.

— Ой, чогось-то вы мене, титусе, та й не злобылы!—зітхнула Приська.—Може вамъ що набалакано про мене?

— Ничого я не чула про тебе, а сама бачу, що не буде добра зъ тебе, по правди тоби кажу. Побачыла було я, якъ ты на сели жывешъ, пожалила, зглянулася на твоі слёзы, прывезла въ городъ, а теперь же и каюся,—мовыла Сохвія Трохымовна, скыдаючи верхнюю спідницю.

— Чому?—здывувалася Приська.—Хыба я що погане заподіяла? Вы гниваетесь на мене, що я оце Боголюбовыхъ по-

кынула, а колы-бъ вы тильки знали черезъ вищо, то ще-бъ и похвалылы мене.

— Ничого я, молодычко, прыкраго про тыхъ панивъ не чула, а знаю, що выбувають тамъ наймычки и рокы, не то тыждни. Тытъяна вже тамъ, гляды, чы не дванадцять рокивъ прожыла; Санька бильше року була и служыла-бъ тамъ и доси, якъ-бы не іи грихъ.

— То-жъ то й горе! Я вамъ розскажу про Саньку,—мовыла Приська.

— Добре, добре, розскажешъ колысь, а теперъ мени николы: треба бигты у лѣхъ та пособыги доњи сыръ покрышкамы перемиряты; накупыла вчора пивъ-пуда та не продала й половыны. Не дай Господы, якъ ще й завтра не продамъ!—заклопоталася перекупка.

Приська залышылася сама у хати. Довго просыдила вона самитня биля виконца, встыгла вже чымало передумати и прыгадати, вже й смеркаты почало, вже-бъ вона выпыла охоче й склянку чаю, а хазяинъ все не було.

Нарешти, якъ смеркло вже чисто, прыйшовъ Петро Купрыяновычъ зъ своимъ наймытомъ. Винъ у питьми не спостеригъ Приськи и, гадаючи, що самъ зъ хлоцемъ въ хати, почавъ гриматы, та лаяты, та проклынаты всіхъ, почынаючи зъ жинкы, що чорты десь разносилы у таку пору, колы треба світло світити, та хлоця, що не зумивъ роспродати пряникивъ, и кинчаючи спасенныкамы, що, говіючи, шводили шага на его макивныки выкнуты. Колы-жъ винъ чыркнувъ сирника, та угледивъ молодыцю, то ще дужче посатанивъ и хочъ прывитався до гости, але такъ вызвирывся на неи та іи скрыю, що молодыця мала вже тикаты зъ хаты.

— И самоварю доси нема! Прокляте жыття! Цілый день выстоишъ на тій куряви, або на морози, а прыйдешъ до-дому, никому й нагодувати. Бижы мени зразу по Сохвію, де вона сидыть? Скажы, щобъ чаю мени дала—я й не обидавъ доси!—звернувшись хазяинъ до хлоця.

— Воны у лёху сырь мирияют. Дайте мени самоварь, я сама настановлю,—обизвалася Приська.

Петро Купрыяновычъ видразу помягчавъ.

— Хай хлопецъ настановыть,—мовывъ винъ.—Гей, ты!—моторнише!—гриинувъ винъ на наймыта и сивъ крутыти цыгарку.

Незабаромъ прыйшла и Сохвія Трохымовна зъ донькою. Вона була сердыта не меныше за чоловика, бо сырь почавъ снядити, одначе не давала соби воли, не лаялася, а навпакы бильше мовчала та вышвомъ зитхала.

Доњка—высока, голубоока, струнка та проворна, якъ въюнъ дивчынка рокивъ п'ятнадцаты—жававо налагодыла що слидъ до чаю, вытягla зъ скрни вязку бубликовъ, достала зъ судныка десятокъ чорстыхъ пряникивъ, подала самоварь, наѣла сахарю и, доручывши все господарство матери, накинула платокъ.

— Куды ты?—запытавсь строго батько.

— Пиде до Катри—пособыть сестри ракивъ перебираты, бо вона не распродала вчора.

— Хай имъ чортъ, тымъ самымъ ракамъ! Блызъкий свить ажъ на Олійныди бигты! Хай сидыть дома!—мовывъ Петро Купрыяновычъ.

— Катерина сама не управытся,—обизвалася Дунька.

— Управытся!—не подавався хазяинъ.

— Якъ то можно сказать „управытся“? Накынулы-бъ оце тоби четверо дитеi манесенькихъ та звелили за визъ ракивъ перебраты—чи управывся-бъ ты? Колы Дуньку не пускаешъ, то я сама пиду, а ты, якъ хочъ, такъ и управляйся безъ мене,—мовыла Сохвія Трохымовна.

— И управлюся,—одризавъ Петро Купрыяновычъ.

Сохвія Трохымовна вырвала зъ Дуньчыныхъ рукъ платокъ и, не допывши и блюдца чаю, побигла. Приська выпыла одну склянку и подякувала. Петро Купрыяновычъ выпывъ зо тры, тоди поклыкавъ наймыта, звеливъ ёму швидче пыты чай та вносить дрова. О десятои годыни затопылы пичъ. Петро Ку-

прыяновычъ, слабый на ноги та на груды, дуже стомленый, ледве ходывъ. Безъ Сохвіі Трохымовны ёму прыйшлося скрутно; конькы, куколки та пивныкы, що выроблявъ винъ, выходылы, чогось неривнымы та крывобокымы, маковныкы занадто велыхымы.

— Кыдай все у помыійныцю! Хай вона задавытса! У пекли краще, на каторзи легшe, нижъ отутъ! — крикнуў винъ, вырываючы зъ руکъ хлопца вже выраблени пряныкы.

— Таточку, таточку! — спыніла его переляканіа Дунька. — Погодить краще, не печіть сёгодни, хай маты завтра.

— Маты завтра? А йистымешъ ты що завтра? А поди-нешся ты куды завтра, якъ оцю хатыну банкъ продастъ? Шо ты скажешъ, якъ опынішся безъ прыстановыща? Батько, скажешъ, ледачывъ? Про те забудешся, що батько п'ятнадцять роківъ въ клуби за повара одпікъ, здоровыя тамъ загубывъ, пряныкы п'ять роківъ тыривъ на торгъ, поки васъ выгодувавъ та грунтъ прыдбавъ? Те все забудется, а пам'ятатымете тильки мою лайку! — казавъ Петро Купрыяновычъ, выбываючы зъ усієи сілы важке тісто объ стиль.

Дунька знала добре вдачу свого батька и мовчала. Швидко-не швидко, але нарэшти попеклымія пряныкы. Петро Купрыяновычъ поўыймавъ ихъ зъ печі и лишовъ у сіны спаты.

Дунька хотіла помостыты Присьци и на сей разъ на лижку, але молодыця не скотила и лагла поручъ зъ Дунькою долі.

Натомлени дівчына та наймыть жыво заснулы. Петро Купрыяновычъ давго ще кашлявъ та зітхавъ, а Приська ворочалася до самого світу зъ боку на бікъ: розмова Петра Купрыяновича, его речі не йшли у неі зъ думкы. Чы то справди жытта сіеі сім'ї таке сутужне, чы то тильки Петро Купрыяновычъ зъ пересерди скаржытса на ёго? Якъ подывытса на цю кімнату, на обставыны, на одягу, на зійжу, та прырівнаты до сільскаго жытта, то і въ годову не прыйде никому спытатыся: чы Трохымови, Данылови, Максымови, чы оцёму бідолашаёму Петру Купрыяновычу легшe та краще на світи жы-

вется? А адже не солодко й ёму хлібъ доходится, не дуже мицно стоить та господа, збудована на праныкахъ та макивныхъкахъ! Хыба може винъ бреше, або Сохвія Трохимовна переводить гроши марно?

Мынавъ день, другий, а Степанъ все не сповищавъ молодыю про мисце, и Приська жыла у Сохвія Трохимовны. Переизупка, довидавшись зъ певныхъ джерелъ, шо про Приську ще не ходыть худыи славы, видразу змінила свои видносны до неи и стала поводытись краще, але вона и доси не роспыхалася ій, черезъ вищо вона покынула и Куракыну, и Боголюбовыхъ, шо ій тамъ було не до вподобы, бо не мала на балачки вильного часу. Приська іи бачыла тильки на хвылынуна дви, за обидомъ, або у вечори. Сохвія Трохимовна вставала у-досвіта, вытощляла пичъ пры світли и потімъ мало не до півъ-дни сидила била рундучківъ. По обиди вона церемывала масло, перебирала крашанки, солыла сыръ, важыла, міряла, бигала на пораду до іншихъ перекупокъ, йиздыла по селахъ, купувала щось, продавала и не сидила николы дома. Дунька пособляла то матери, то заміжній сестри, перекупци рыбы та раківъ, перебирала, прала, шыла, доглядала господарства, навидувалася до кватырантоў—одно слово крутылася тежъ увесь день, якъ муха у окропи. Приська сидила за шыткамы та прыдывлялася до всёго, и зауважыла вона немало цікавого. Насампередъ кынулося ій у вичи тѣ, шо тутъ дуже велике значиння давалы грошамъ-копійкамъ. На тыхъ копійкахъ, шо прыносила Сохвія Трохимовна та Петро Купрыяновычъ зъ торгу, будовалося все жыття всіем сім'и, але-жъ... то не булы ти „готови копійки“, про котри марыла молодыця—ци копійки доходылыша перекупкамъ ще тяжче, нижъ хлібъ селянинови, прынаймни вимагали видъ ныхъ далеко бильше турботъ, клопотивъ та пыльнування, волы не працы, и Приська побожылася сама соби, шо й до вику не буде перекупкою.

— Недобрый борщъ сёгодви,—мовывъ якъ-то Петро Купрыяновычъ.

— Недобрый торгъ бувъ,—видповила Сохвія Трохимовна.— Уторгуvalа всѣго двадцять кошіёкъ, купыла хліба та до хліба, а мяса тильки хвунтъ взяла.

— Отъ сёгодни я пообідавъ усмакъ,—мовивъ другимъ разомъ Петро Куприяновичъ.

— Бо добре масло продала,—видмовила Сохвія Трохимовна.

Ни, така непевність, така залежність людны видъ тієї щоденnoї кошійки, була не до вподобы Присьци—становище жинки мійскoго наймыта або хочъ і самої наймычки здавалося далеко країшмъ.

У п'ятницю раненько прыбигъ Степанъ до Приськи. Винъ сповистувъ іи, що вже найшовъ гарну посаду і звеливъ ій, щобъ вона выходила сёгодни у обидню пору до крамыньць, звидкиль вже винъ поведе іи до панивъ Рыбалкиныхъ. Тильки що молодыця хотила похвалыться Сохвія Трохимовни та простяглася до лёчу, колы видчныlyся ворота і вийхавъ якийсь возокъ. Приська глянула і ажъ злякалась: то прыйхавъ дядько Максимъ.

— Хвалыты Бога, такы утрапывъ! Здорово, Присько, чы прызвала?—звернувся винъ до небогы.

— А якъ-же! Ще-бъ не прызнала?—мовила молодыця і, чы то зъ переляку, чы зъ несподіванки, цмокнула ёго въ руку.

Скучыла, мабуть; обрыдлы чужи люде, зрадила родычови!— промайнуло у голови дядька.

— Се ты въ гости прыйшла, чы може тутъ служыть?— запытався Максимъ, сидаючи на стульці.

— Ни... такъ...—вагалася молодыця.

— Мабуть мисце утеряла?—догадався дядько.

— Оце четвертий день безъ мисця,—мовила, увиходячи та витуючись до Максима, Сохвія Трохимовна.

— Гм...—мовивъ про себе Максимъ. Робыты мабуть не схотила? Годыты роботою не вмила?

— За роботу мене никто не лаявъ,—видповила молодыця.

— Такъ чого-жъ ты розсчиталася?

— Трохи ти паны булы не до вподобы, а трохи и я на ныхъ не потрапыла.

— Хыба воно въ городи наймытъ до панивъ прыстановляется, а не до роботы? Вже колы-бъ робыла гараздъ та знала свое дило, то и катови догодыла-бъ. Ледачила мабуть и тутъ у холодочку такъ само, якъ и на сонци?—допытувався Максымъ.

— Ни, такы це правда, за роботу іи никто не осудить: гарна зъ неи покоянка,—заступылася за молодыцю Сохвія Трехъмовна.

— Вона вамъ бреше, а вы ій виру ймете. До гарного робитынка ніякій господарь не прысикается,—мовывъ зъ певництвомъ дядько.

— Балакайте!—скынила молодыца. Спробувалы-бъ у пани Куракынои або у того Боголюбова, хай винъ сказытса, выбуты!

— Що-жъ тоби тамъ за лыхо було? Хай вже на сели тебе жныва, харчы, та недостаткы зайдалы, а тутъ-же и комедіи, и театры, и музыки, и мысса, и все, чого такъ твоя ненажерлыва душа бажала. Чого ты, напрыкладъ, оту першу пани покынула.

— Я не кыдала,—вона мене сама прогнала,—видповила Приська.

— Завищо?

— Якъ я вамъ розкажу завищо? Розсердылася, тай прогнала.

— То-бъ то дала у потылышю та дрючкомъ зъ двору, якъ собаку? Розумна пани: бачыть, що собака покынула свій дверъ та блукае по чужыхъ закуткахъ, та й прышанувала, якъ слідъ.

— Се вы и въ городъ за тымъ прыйихалы, щобъ дратуваты мене?—роасердылася Приська.

— Про те, чого я въ городъ забывся, я тоби розкажу потимъ, а теперъ ты мени скажы ще, черезъ вищо ты у другихъ панивъ не схотила служыты?—запытався Максымъ.

— Черезъ те, що панъ хотивъ мене зробыты своею полюбовныцею!—одризала Приська и одвернулася до зікна.

— И панъ той не дурный: бачить, що молодыця покынула свого чоловика, законъ поламала...

— Тётю!—заступитися хочъ вы за мене; чого вони нападаються на мене?—заплакала Приська.

— Ты не плачъ, а скажы мени краще: що ты думала, якъ тикала въ городъ, яки у тебе думки були? Вже-жъ ты замірилася служыты; а служыты—треба годыты, а кожному якъ годыты, то треба и душу и тило занапастыты. На сели ты-бъ жыла, якъ Богъ, та вси люде велять, а тутъ „плыгаты-мешъ, враже, якъ панъ скаже“, бо у городи скількы будынківъ—стильки и звычайвъ, скількы панівъ—стильки й обычайвъ. Пойдьмо, лочко, до-дому, то краще буде! Маты за тобою сподивается, сестра тежъ... немовъ іи хто зъ помынныци умывъ: соромно ій передъ сусидамъ за тебе; Трохымъ—сердится та лае тебе. Зайихавъ до Даныла—винъ и хату обмазавъ, и хлибецъ звізъ, кабана кузывъ,—все тебе сподивается.

— Хай не сподивається!—перепинила дядькову річъ Приська.—Хай краще самъ иде въ городъ та служить...

— Хай-же ты того й не диждешъ!—розгнивався Максимъ.—Чоловикъ тильки що за розумъ взявся; до роботы кынувся, на господарську стежку вышовъ, а вона ёго у мандры тягне... Збирайся краще ты та пойдьмо безъ сварки.

— Я не пойду.

— А може-бъ ты й справди йихала до-дому?—обизвалася Сохвія Трохимовна.—Тоби, серденько, щось нещастыть: кото-рый день вже сидышъ, та й доси не знайдешъ мисци.

— Вже йе!—мовила Приська.

— Хто-жъ тоби знайшовъ?—здывувалася перекупка.

— Степанъ.

— Ось бачъ! Вже якийсь и порадныкъ Степанъ знайшовся,—підхопивъ Максимъ.

— Знамій дворныкъ—бильше ничего,—мовила Приська.

— Та вони такъ завжdy бувае: спочатку познаємляться, потімъ служать вкупи, а потімъ і злыгаються. Глады, Присько! не було у нашому роду непутянихъ молодыць, не попустимо

и тебе волочытыся: прочую—то не подарую!—погрозившися Максымъ.

Приська образылася.

— Покы ще я ничего такого не заподіяла, то й не дорикайте,—мовила вона.

— И тикий до-дому, покы нечиста сыла до гриха не прызвела. Шкодію, що не потягъ хочъ сыломиць Даныла до тебе. Казавъ ёму: „Йидъмо, тебе жицка повинна послухаты”. Не скотивъ: „своею волею пишла”, каже, „то своею хай я вертається”, а самъ сердешний тильки що не плаче. Йидъмо, Присько! Скильки тутъ не служытымешъ—чужымъ попыхачемъ помрещъ, а на седи будешъ сама соби господынею,—поправъ ще разъ Максымъ.

— Не буду я и тутъ попыхачемъ. Не умоляйте мене, бо не пойду; скажить и Данылови, щобъ не сподивався,—видповіла молодыця, накыдаючи на голову платокъ.

— Куды-жъ ты?—запыталаася у одынъ голосъ Максымъ та Сохвія Трохимовна.

— Світъ-за-очи,—буркнула Приська въ синяхъ.

— Не вернетса?—запытавъ трохы згодомъ Максымъ перекупки.

— Повинна-бъ повернутыся: ось-же и скриня іи и одежа,—мовила Сохвія Трохимовна.

— Не повернется; ажъ покы я не пойду звидциль. Хуватымется видъ мене, якъ вивця видъ вовка, а ве прыйде и попрощатыся... Пропашца молодыця на вікы... Я такы гадавъ, що вона вже опамяталася та покаялася, та й прыйхавъ за нею, колы-жъ воно не тее... Ну, хай-же бильше не сподиывается мене, хай пропадае черезъ свою дурну голову!—мовивъ Максымъ и пишовъ напуваты коня.

Черезъ часъ мисця винъ выихавъ зъ двору, а Сохвія Трохимовна побигла изнову до лёху важити масло.

Л. Яновская.

(Продолжение с.ищуетъ).

Замѣчательный кладъ велико-княжеской эпохи.

Въ „Археологической Лѣтописи“ за январь н. г., перечисляя случайные находки прошлого года, мы вскользь упомянули о замѣчательномъ кладѣ княжеской эпохи и дали обѣщаніе познакомить читателей съ его содержаніемъ впослѣдствіи. Теперь исполняемъ данное обѣщаніе, благодаря любезности Б. И Ханенко, владѣльца этого художественнаго сокровища, предоставившаго намъ возможность подробно ознакомится съ кладомъ. Найденъ кладъ, по всей вѣроятности, осенью прошлого года; гдѣ найденъ и при какихъ обстоятельствахъ—прежній владѣлецъ клада отказался указать; но, судя по характеру предметовъ и по ихъ богатству, скорѣе всего можно думать, что онъ найденъ въ Кіевѣ.¹⁾ Почва Кіева дала уже очень много цѣнныхъ находокъ княжеской эпохи,²⁾казалось-бы, что трудно ожидать новаго, но кладъ, о которомъ рѣчь, затмилъ собой всѣ предыдущіе: никогда еще въ одномъ мѣстѣ не было найдено такой массы предметовъ, представляющихъ верхъ техники того периода. Матеріаль предметовъ—главнымъ образомъ золото и притомъ золото въ художественной обработкѣ; лишь незначительная часть предметовъ

¹⁾ Есть однако факты, указывающіе на городище «Дѣвицу», возлѣ с. Сахновки, Каневск. у., какъ на мѣсто находки клада.

²⁾ Находки эти послужили главнымъ матеріаломъ для капитальной работы проф. Кондакова—„Русскіе клады“ (т. I, Слб. 1896 г.), хотя почтенный ученый использовалъ и не весь имѣвшійся матеріалъ.

сдѣлана изъ серебра. Но, несомнѣнно, главную цѣнность клада составляетъ цѣлый рядъ предметовъ, украшенныхъ изображеніями, исполненными перегородчатой эмалью: въ кладѣ оказались почти всѣ типы извѣстныхъ до сихъ поръ предметовъ подобного рода.

Составляютъ кладъ почти исключительно предметы личаго убора и затѣмъ монетные знаки. Среди послѣднихъ есть и византійская монета, опредѣляющая болѣе или менѣе точно эпоху клада, ¹⁾ именно:

1) Золотая византійская монета императора Мануила I Компена (1143—1180), въ видѣ чашечки съ изображеніемъ на одной сторонѣ Спасителя по грудь, а на другой—Богоматери, вѣнчающей императора (фигуры въ ростѣ).

Такимъ образомъ, кладъ можетъ быть отнесенъ ко второй половинѣ XII ст. или даже скорѣе къ концу его,—къ той эпохѣ, когда мѣстное ювелирное искусство достигло высокой степени совершенства, давая чудные образцы сканного дѣла и, въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія,—перегородчатыхъ эмалей. Не опасаясь впасть въ ошибку, можно утверждать, что и весь настоящій кладъ—работа южно-русскихъ мастеровъ.

Остальные монетные знаки—мѣстные:

2) Золотой брускочекъ, которому сплющиваніемъ придана четырехгранная форма, одинъ конецъ его закругленъ, другой обрубленъ; длина 3 стм., ширин. 0,8 стм., толщ. 0,6. стм., вѣсъ 20 граммовъ. Очень возможно, что это часть золотой монетной гривны; въ 1899 г., въ усадьбѣ Л. И. Бродского, по Екатерининской ул., было найдено два подобныхъ-же предмета, но имѣвшихъ видъ цилиндрическихъ палочекъ; ³⁾ вѣсъ одной изъ нихъ (меньшей), сохранившейся цѣлой,—95 грам., вѣсъ другой, съ обрубленнымъ концомъ,—141 грам. Повидимому въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло лишь съ небольшой частью гривны—остальная заразъ или-по частямъ отрублена.

1) По словамъ первоначального владѣльца клада въ немъ находилась и другая византійская монета, къ сожалѣнію затерявшаяся.

2) См. Кіевск. Стар., октябрь 1899 г.

3) Восемь серебряныхъ шестиугольныхъ монетныхъ гривенъ, вѣсомъ: 1) $160\frac{1}{2}$ грам., 2) 159 гр., 3) $158\frac{1}{2}$ гр., 4) 157 гр., 5) $156\frac{1}{2}$ гр., 6) 154 гр., 7) $149\frac{1}{2}$ гр. и 8) 147 гр.; сравнительно небольшой вѣсъ послѣдней гривны объясняется тѣмъ, что одинъ изъ концовъ ея немного обрублена; никакихъ нацарапанныхъ или нарѣзанныхъ знаковъ на нижнихъ поверхностяхъ гривенъ не замѣтно.

Всѣ остальные предметы, какъ уже сказано, представляютъ изъ себя различного рода украшенія и, какъ можно судить, украшенія преимущественно женскія. Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ:

4) Золотая княжеская діадема, состоящая изъ 9 пластинокъ. Изъ нихъ, семь имѣютъ видъ кіотцевъ, длиной: 6 боковыхъ—5,4 стм., и средній—5,7 стм., шириной 4 стм.; по краямъ кіотцевъ помѣщены 2 трапециевидные пластинки высотой 2,7 стм. и шириной 1,5—2,9 стм. Въ вершинахъ кіотцевъ и въ углахъ, образуемыхъ вырѣзами верхнихъ частей, припаяны крючечки, на которыхъ укрѣплялся жемчугъ. У основанія каждого кіотца имѣется по двѣ петельки, служившія для подвѣшиванія жемчужныхъ пронизей или какихъ-ниб. другихъ привѣсокъ, спускавшихся на лобъ. Къ краямъ пластинокъ приढланы узкіе ободки съ отверстіями, въ которыхъ пропускались нитки, соединявшиа отдѣльныя пластинки діадемы въ одно цѣлое, но исподней подпайки нѣтъ, такъ что діадема помѣщалась на головѣ, припрѣпленной къ какой-ниб. матеріи, скорѣе всего, къ парчевому головному убору.

Каждая пластинка украшена разноцвѣтной перегородчатой эмалью. Цвѣта эмали: бѣлый, синій, зеленый, бирюзовый, желтый и кирпично-красный. Сохранность эмали не на всѣхъ пластинкахъ одинакова: на однихъ она нисколько не пострадала отъ времени, сохранила цвѣтъ и блескъ, на другихъ-же сильно потускнѣла, иногда совершенно измѣнивъ первоначальную окраску.

Центральный кіотецъ занятъ пояснымъ изображеніемъ мужской фигуры, одѣтой въ синее платье, съ оплечьемъ и лоорономъ, украшенными разноцвѣтной эмалью, изображающей цвѣтные камни; на головѣ высокая корона желтаго цвѣта; руки

разставлены въ стороны и въ каждой изъ нихъ по скрипетру или знамени, состоящему изъ ручки и укрепленного на концѣ ея четыреугольника; на четыреугольникахъ по крестообразной лиліи, ручки богато орнаментированы разноцвѣтной эмалью. Фигура помѣщена на шарѣ, по бокамъ котораго, какъ-бы поддерживая его, очень пестрой эмалью изображены два грифона, занимающіе и всю нижнюю часть пластинки; фигуры грифоновъ очень неуклюжи—длинныя, на короткихъ ногахъ. Композиція эта должна изображать Александра Македонскаго, поднимающагося на небо на колеснице, влекомой двумя грифонами, согласно средневѣковой легенды.

Извѣстно нѣсколько подобныхъ композицій. Укажемъ напр. на барельефъ, вставленный въ стѣну собора св. Марка въ Венеціи,—здесь еще ясно виденъ раковинообразный передокъ колесницы и два колеса ея; барельефъ этотъ, имѣющій аналогіи со скульптурными произведениями Персіи, а также съ греческими сюжетами, нужно отнести къ произведеніямъ византійского искусства. Затѣмъ, тотъ-же сюжетъ повторяетъ одинъ рельефъ Дмитрівскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ (построенъ въ концѣ XII ст.); композиція изображенія вѣдѣсь очень близко подходитъ къ нашей, съ той лишь разницей, что фигура Александра помѣщена не на кругѣ, а на четыреугольникѣ, въ которомъ сплелись хвости грифоновъ, и въ рукахъ у него, на палцахъ, согласно первоначальной композиціи, помѣщено по животному (въ барельефѣ собора св. Марка—зайцы).

Остальные шесть кіотцевъ украшены одинаковымъ орнаментомъ: посрединѣ кругъ съ орнаментальнымъ крестомъ двухъ рисунковъ, по четыремъ сторонамъ круга—четыреугольники, причемъ, верхніе снабжены еще исходящими отъ нихъ тремя стилизованными вѣтками, а нижніе—такими-же двумя.

Трапѣцовидныя боковыя пластинки украшены такими-же какъ и на кіотцахъ кругами, немного лишь большихъ размѣровъ, и 5-ю треугольничками: четырьмя по угламъ и по одному съ боковъ.

Среди кладовъ княжеской эпохи подобного рода діадема встрѣтилась второй разъ. Первая находилась въ владѣ, открытомъ въ 1889 году въ Кіевѣ, по Троицкому переулку, въ усадьбѣ Гребеновскаго (хранится въ Эрмитажѣ). Состоитъ она изъ такихъ-же семи кіотцевъ и двухъ приатковъ по бокамъ; но на кіотцахъ, перегородчатой эмалью, изображенъ Денісусъ (Спаситель, Божія Матерь, Іоаннъ Предтеча, архангелы Гавріїлъ и Михаїлъ и апостолы Петръ и Павель).¹⁾

Другой видъ украшениія собственно головы, украшениія, довольно распространеннаго и известнаго по прежнимъ находкамъ, составляетъ:

5) Золотая головная повязка, состоящая изъ 18-ти дужекъ или лоточковъ, имѣющихъ въ поперечникѣ 2,8 стм. Каждан изъ нихъ снабжена съ одной стороны двумя петельками, ширина каждого 0,95 стм. Два лоточка, помѣщавшіеся въ повязкѣ по краямъ, имѣютъ сплошные полукруглые щитки съ овальными камнями по срединѣ и съ петельками, въ которыхъ продѣвались низки жемчуга вокругъ камней.

Спускаясь ниже, мы имѣемъ въ кладѣ:

6) Четыре золотыхъ проволочныхъ височныхъ кольца, не представляющихъ никакого интереса въ художественномъ отношеніи.

Но за то для ушей есть цѣлая серія роскошныхъ украшений, въ видѣ серегъ продѣвавшихся въ ухо и въ видѣ ушныхъ подвесокъ, именно:

7) Одиннадцать золотыхъ серегъ кіевскаго типа (на проволокѣ по 3 шарика). Изъ нихъ, шарики двухъ сплошь усыпаны мелкой зернью, у одной зернь обведено кружечками, у 3-хъ—шарики покрыты только кружечками, у 3-хъ шарики украшены разводами, исполненными сканью и образующими концентрическіе кружки и кресты, у одной—шарики полуажурные и у одной—ажурные.

¹⁾ Издана Н. Кондаковымъ, Русскіе клады, табл. VII.

8) Золотая серьга, состоящая изъ проволочного кольца съ надѣтой на него круглой гладкой бусиной.

9) Двѣ золотыя ушные подвѣски (колты), украшенныя перегородчатой эмалью. Подвѣски, полныя внутри, состоять изъ двухъ, немного выгнутыхъ, почти круглыхъ, пластинокъ, припаянныхъ къ круговому ободку. Края пластинокъ немного выдаются надъ ободкомъ; такимъ образомъ, получились кругомъ подвѣсокъ желобки, въ которыхъ помѣщены петельки; въ эти петельки продѣвались нити или проволочки съ нанизаннымъ жемчугомъ и кораллами. Въ верхней части подвѣски имѣютъ полукруглые вырѣзы, надъ которыми на шарнирахъ укреплены проволочные дужки, служившія для подвѣшиванія. Высота подвѣсокъ—5,2 стм., ширина 6,2 стм., толщина посерединѣ 1,4; вѣсъ $41\frac{1}{2}$ и 43 грамма.

Эмалевыя изображенія, покрывающія обѣ стороны подвѣсокъ, совершенно тождественны какъ на одной, такъ и на другой подвѣсѣ. Лицевые щитки заняты двумя птицами сиринами, онѣ въ круглыхъ сарацинскіхъ шапочкахъ, головы окружены nimбами; посерединѣ птицъ—круглая розетка. Середину оборотныхъ щитковъ занимаетъ кружокъ съ вписанымъ въ него орнаментальнымъ крестомъ; по сторонамъ круга—два сегмента съ вѣтками аканфа; внизу, подъ кругомъ, городчатый треугольникъ.

Эмаль въ общемъ сохранилась превосходно, не потерявъ въ некоторыхъ мѣстахъ даже блеска, за то въ другихъ краски немного выцвѣли. Лица сириновъ блѣдно-тѣлеснаго цвѣта; шапочки—блѣлые, орнаментированные кружкомъ посерединѣ и сегментами по бокамъ—кирично-краснаго цвѣта; nimбы—зеленые съ краснымъ обводомъ; такой-же красной линіей обведены и всѣ контуры, за исключеніемъ крыльевъ; опереніе—пестрое. Орнаменты оборотныхъ сторонъ также обведены кирично-краснымъ ободкомъ; въ кружкахъ по зеленому фону, вписанъ синій крестикъ, въ него—блѣлый, затѣмъ идетъ красный, фонъ, на немъ центральный блѣлый крестикъ изъ крещатыхъ лилій (криновъ), концы (цвѣтки) лилій зеленые, въ срединѣ крестика—зеленый кружокъ. Въ сегментахъ, по синему фону,—блѣлые

вѣтки съ красными цветами у завитковъ. Треугольный отрѣзокъ состоитъ изъ городковъ краснаго, зеленаго и бѣлаго цвета.

Точно такія-же подвески, лишь съ разницей въ цветахъ эмали, находились въ кладѣ, найденномъ въ 1887 г., въ Михайловскомъ монастырѣ (теперь въ Эрмитажѣ).¹⁾

10) Две серебряные ушные подвески. Состоять изъ двухъ спаянныхъ выпуклыхъ кружковъ; по ободку припаяно по 13-ти полыхъ шариковъ (сохранилось по 12-ти). Верхнія части срѣзаны и здѣсь на шарикахъ прикреплены проволочныя дужки. Цеперечникъ серегъ—5 стм., поперечникъ среднихъ щитковъ, безъ шариковъ—3,5 стм., толщина посерединѣ 1,5 стм. Щитки украшены одинаковымъ рисункомъ: посредствомъ штампа на каждомъ помѣщено по двѣ птицы съ обернутыми другъ къ другу головами; между головами спускается янисъ крестчатая лилія. Птицы и лиліи воспроизведены выпуклымъ штампомъ, углубленія между и вокругъ нихъ, составляющія фонъ, заполнены чернью.

Аналогичныя серьги, съ тѣмъ-же мотивомъ рисунка, были найдены въ 1887—8 г. при раскопкахъ городища Старой Рязани; отличаются онѣ лишь болѣе крупными размѣрами и еще тѣмъ, что тамъ шарики не припаяны, а нанизаны на проволоку, которая прикреплена къ ободку серегъ петельками. Очевидно, что этотъ типъ серегъ образовался изъ первоначальной замкообразной подвески, ободокъ которой былъ украшенъ ниткой жемчуга. Жемчугъ былъ затѣмъ замѣненъ нанизанными серебряными бусами (какъ на рязанскихъ экземплярахъ), впослѣдствіи-же бусы прямо припаивались къ ободку.

По своей грубоности, данные подвески рѣзко отличаются отъ остального состава клада (кромѣ браслетовъ, о которыхъ ниже).

Затѣмъ слѣдуютъ уврашенія шеи:

11) Золотая шейная подвеска, состоящая изъ 50-ти штампованныхъ полуцилиндриковъ съ припаянными донышками. По-

¹⁾ Изданы Н. Кондаковымъ, Русские клады, табл. VI.

дуцилиндрики украшены тремя рядами штампованныхъ рубчиковъ; длина 2,2 стм., шир. 0,6 стм. Каждый изъ полуцилиндриковъ снабженъ 4-мя отверстіями, въ которыхъ пропускались нитки.—У двухъ изъ нихъ сбоку приධѣланы плетенія изъ тонкой проволоки цѣпочки, дл. 4,5 стм., у одной изъ цѣочекъ на концѣ небольшое колечко, у двухъ другихъ,—также сбоку,—петельки, въ которыхъ продѣвались колечки, и такимъ образомъ соединялись концы повязки. Въ виду того, что цѣочекъ съ колечками и петелькой имѣется по парѣ, повязка по всей вѣроятности, раздѣлялась на двѣ части, по 25 полуцилиндриковъ на каждой.

12) Электроновая шейная гривна изъ пластинки, скрученной продольной частой спиралью; концы сходять въ круглую проволоку, кончики которой расплющены и завернуты трубочками; длина въ развернутомъ видѣ 44 стм., вѣсъ 135 граммовъ.

13) Такая же шейная гривна, по золотая; здѣсь скрученъ продольной рѣдкой спиралью золотой четырехгранный прутъ; длина $42\frac{1}{2}$ стм., вѣсъ 177 грам.

14) Золотая шейная гривна, состоящая изъ пластинки, толщиной въ 1 мм., шириной посерединѣ 1,5 стм. и къ концамъ постепенно суживающейся; пластинка свернута густой спиралью такимъ образомъ, что образуетъ трубку, диаметромъ посерединѣ 1,7 стм., къ концамъ суживающуюся и заканчивающуюся сплошной проволокой; длина 52,3 стм., вѣсъ $207\frac{1}{2}$ грам. Этотъ типъ гривны встречается впервые.

Особенно богаты и разнообразны украшения для груди. Выдающійся интересъ представляютъ четыре образка—Спасителя, Богоматери, Иоанна Предтечи и архангела, составляющіе Деніусъ:

15) Золотой образокъ съ эмалевымъ изображеніемъ Спасителя. Образокъ круглый, раздѣленъ припаянными золотыми проволочками, имитирующими скань, на 4 концентрическихъ круга. Первый, крайній, кругъ имѣть видъ узкаго лоточка съ петельками—предназначался для низки мелкаго жемчуга; слѣдующій, болѣе широкий, заполненъ крупной зернью и въ промежуткахъ

мелкой; эти два круга раздѣлены на 8 частей восемью шести-гранными щитками, съ гнѣздами, въ которыхъ помѣщены зеленые и красные овальные стекла; щитки эти немного выдаются за края образка. Третій кругъ—такого-же рода какъ и первый и также служилъ для помѣщенія жемчуга, но уже въ формѣ сплошной круговой низки. По краю четвертаго круга идетъ небольшой ободокъ, немного загнутый; загибъ придерживается вставленный центральный кружокъ, на которомъ и помѣщено изображеніе Спасителя. Вверху, на шарикахъ, укрѣплено четырехугольное ушко, лицевая часть которого представляетъ изъ себя гнѣздо съ почти круглымъ камнемъ или стекломъ. Діаметръ образка—6 см., края щитковъ выдаются еще на 3 мм.; діаметръ центрального кружка съ изображеніемъ—3,5 см. Вѣсъ—36 грам.

Изображеніе Спасителя почти поясное, лицо очень широкое, съ небольшой раздвоенной бородой, голова въ нимбѣ; по бокамъ шеи—гс.—хс. Правая рука—благословляющая, лѣвая скрыта подъ гиматиемъ и поддерживаетъ помѣщенное сверху евангелие. Эмаль сохранилась въ общемъ хорошо, у шеи немного выкрошилась. Цвѣта ея также неособенно потускнѣли. Лицо—густо-розового цвѣта, нимбъ—зеленый, раздѣленный тремя бѣлыми полосками съ синими ромбиками посерединѣ каждой; нимбъ и раздѣленія его обведены кирпично-красной полоской. Нижняя одежда (хитонъ)—зеленаго цвѣта, съ красными поручами и красной наплечной полосой, верхняя (гиматий), закрывающая лѣвую часть тѣла,—синяя; евангелие бѣлое, съ краснымъ крестикомъ посерединѣ и съ зелеными кружками по угламъ, обрѣзъ евангелия, обращенный внутрь,—краснаго цвѣта.

16) Золотой образокъ съ эмалевымъ изображеніемъ Иоанна Предтечи. Величина и конструкція совершенно такая-же какъ и у предыдущаго.

Изображеніе Иоанна также почти поясное; голова въ нимбѣ; лицо съ длинной бородой, оно обращено немного вправо, туда-же направлена и приподнятая правая рука—по направленію къ Спасителю; лѣвая рука покоятся на груди; съ правой стороны головы надпись іѡ. Вѣсъ 36 граммовъ. Эмаль сильно окислилась,

такъ что, напр., нимбъ, бывшій первоначально зеленаго цвета, принялъ грязно-желтый оттенокъ, онъ также обведенъ кирпично-красными ободками; нижняя одежда зеленая, верхняя—синяя.

17) Золотой образокъ съ эмалевымъ изображеніемъ Богоматери. Образокъ такого-же устройства, какъ и предыдущіе, но немного меныше—диаметръ его 5,3 стм., кромѣ того, два крайніе кружка раздѣлены не 8-ю щитками съ камнями, а всего лишь 6-ю.

Вся фигура Богоматери имѣетъ направлениe въ лѣвую сторону: сюда немножко наклонена голова, сюда-же направлена и приподнятая лѣвая рука; правая на груди; по бокамъ головы—Мр.—Фу. Вѣсъ 26 $\frac{1}{2}$ граммовъ.

Эмаль потускнѣла, нимбъ и одежды новидимому такихъ-же цветовъ, какъ и на образкѣ Иоанна Предтечи; у нижней одежды поручи кирпично-краснаго цвета.

18) Золотой образокъ съ изображеніемъ архангела. Величина и конструкція такія-же какъ и образка Богоматери.

Голова архангела въ нимбѣ, лицо круглое, молодое, обрамленное длинными выющимися волосами; глаза обращены вправо, въ лѣвой рукѣ архангель держитъ скрипетъ, въ правой—державу. Вѣсъ 28 $\frac{1}{2}$ граммовъ.

Эмаль—очень хорошей сохранности; нимбъ—бирюзово-зеленый, обведенъ красной линіей; одежда синяя, оплечье и лоронь—блѣлые, украшенные синими и красными ромбиками и зелеными треугольниками; держава блѣла, въ красномъ кружкѣ, посерединѣ ея синій крестикъ.

При помѣщеніи на груди, образки раздѣлялись бусами. Въ кладѣ ихъ найдено нѣсколько видовъ; къ данному назначенію болѣе всего подходятъ нижеслѣдующіе два:

19) Восемь золотыхъ боченкообразныхъ бусъ, дл. 2,6 стм., толщ. 1,5 стм. Бусы гладкія, но имѣютъ 4 продольныхъ желобка и одинъ поперечный вокругъ бусы, посерединѣ ея; желобки образованы припайкой тонкихъ золотыхъ нитей и предназначены для низокъ мелкаго жемчуга, для этой-же цѣли въ нихъ

помѣщены петельки. Украшенныя жемчугомъ, эти бусы имѣютъ очень изящный видъ.

20) Четыре золотыхъ круглыхъ бусы, діам. 2 смт. Бусы ажурные, исполнены сканью, имитирующей зернь. На трехъ изъ нихъ, въ четырехъ кружкахъ—кресты, съ полушариками въ углахъ, кружки и кресты—изъ крупной зерни; пространство между ними занято четырьмя парами птицъ съ распущенными крыльями, птицы помѣщены одна подъ другой и соприкасаются головами; птицы исполнены мелкой зернью. На одной, въ кружкахъ,—четыре пары животныхъ съ головами, повернутыми назадъ—мелкая зернь; пространство между кружками раздѣлено линіями изъ крупной зерни, образующими кресты. Бусы этого рода встрѣтились среди кладовъ княжеской эпохи впервые. Своей массивностью они выдаются среди другихъ типовъ бусъ и отчасти напоминаютъ капители византійскихъ построекъ.

Роскошью отличается и другое нагрудное украшеніе:

21) Золотая цѣпь, состоящая изъ 20-ти звеньевъ, украшенныхъ перегородчатой эмалью. Звенья имѣютъ видъ кресто-видныхъ пластинокъ, 2,75 стм. шириной и длиной. Пластиинки немного выгнуты и снизу подпаяны гладкими золотыми пластинками, такъ что общая толщина ихъ равна 3 мм. Каждое звено соединено съ другимъ шарнирами, въ которыхъ продѣвалась проволока, снабженная по концамъ жемчужинами. Цѣпь по всей вѣроятности была раздѣлена по двѣ части, по 10-ти звеньевъ въ каждой, которая соединялись посредствомъ сохранившихся двухъ цѣпочекъ и двухъ колечекъ,—совершенно также, какъ и въ шейной цѣпи или повязкѣ (№ 11). Каждая пластинка занята эмалевымъ изображеніемъ или орнаментального креста (16 звеньевъ), кресты четырехъ видовъ, или птицы (голубя). Цвѣта эмали: бѣлый, зеленый, синій и кирпично-красный. Сохранилась эмаль въ общемъ хорошо, хотя цвѣта ея потускнѣли.

Прошлой зимой, въ собраніе М. П. Боткина въ Петербургѣ, поступилъ другой экземпляръ такой цѣпи—есть полное основаніе предполагать что и онъ происходитъ изъ настоящаго

клада. Совершенно такая-же цѣпь найдена въ Киевѣ, въ 1827 г., въ усадьбѣ Августиновича по Львовской ул.¹⁾

Еще одно нагрудное украшеніе, имѣвшее видъ ожерелья и предназначавшееся для верхней части груди, составляли, какъ можно предполагать, слѣдующіе предметы:

22) Шесть золотыхъ крещатыхъ лилій съ ушками для привѣшиванія. Лиліи исполнены штампомъ, снизу подшиты пластинками; длина 4,2 стм. Подобные украшения встрѣчены уже вѣсколько разъ, напр. въ кладѣ въ усадьбѣ Лѣскова, на углу Десятинной ул., на Княжей Горѣ, и т. д.

23) Золотой медальонъ, состоящій изъ круглой пластинки, діам. 3,9 стм., обведенной рубчатымъ жгутикомъ; середину медальона занимаетъ большой овальный граненый горный хрусталь въ гнѣздѣ изъ такого-же жгутика; по четыремъ сторонамъ его, въ гнѣздахъ, два треугольныхъ и два круглыхъ камня. Медальонъ этотъ—пока единичная находка.

24) Десять золотыхъ рубчатыхъ боченкообразныхъ бусъ; длина 2,2—2,5 стм., толщина посерединѣ 1,2—1,9 стм.

Кромѣ золотыхъ, въ кладѣ имѣется еще:

25) Шестнадцать круглыхъ сердоликовыхъ бусъ, діам. 0,7—1 стм.; онѣ, по всей вѣроятности, также входили въ составъ 1-го или 3-го нагрудного украшения.

Особнякомъ отъ другихъ предметовъ клада, отличающихся тонкостью и изяществомъ работы, стоять два браслета, массивныхъ, грубой, такъ сказать, кузнецкой работы:

26) Серебряный браслетъ изъ сплющенной толстой проволоки; концы утоньшены и заложены одинъ за другой; толщина проволоки посерединѣ 0,8 стм., діам. отверстія 6,5 стм.

27) Серебряный браслетъ, витой изъ двухъ проволокъ и также сплюснутый; концы не сходятся и заканчиваются львиными головками; толщина браслета 0,8 стм., діам. отверстія 6,3 стм.

¹⁾ Издана Н. Кондачевымъ, Русские клады, табл. X.

Кромъ перечисленного, въ кладѣ имѣются еще кусочки тонкаго листового золота, четыреугольныя маленькия стеклянныя пластинки, круглая тонкая перламутровая бусина, четыре перламутровыхъ рѣзныхъ крестика (велич. 1,9—2,1—2,3 см.), вѣроятно прикрѣпленныхъ въ концѣ жемчужныхъ пронизей, и, наконецъ, много жемчуга и отчасти коралловъ, осыпавшихся отъ украшений.

Присутствіе въ кладѣ діадемы, значительное количество предметовъ, украшенныхъ эмалью, и вообще богатство клада, даютъ основаніе сдѣлать предположеніе, что настоящій кладъ принадлежалъ кому-нибудь изъ княжеской семьи.

Н. Вѣляшевскій.



КНЯЖА КРЫНЫЦЯ.

Сцены зъ XVII вику у 4-хъ діяхъ и 7-мы одминахъ.

ДІЕ В И ЛЮДЕ:

Князь Романъ Четвертынський,—старый, немощный дядь, володарь замку „Княжа Крыныця“.

Ядвуга,—ёго дочка.

Тереза,—покоёва панна.

Крыштофъ Корецький,—ротмистръ татарськои корогвы гетмана Калыновського.

Панъ Вацлавъ,—маршалокъ .
Панъ Юліанъ,—пидчашій . . . }
Панъ Казимиръ,—пидскарбій } князя Четвертынського.

Янъ Дембинський,—капитанъ затяжного німецького регіменту Крейца.

Дитрихъ,—сержантъ у ёго компанії.

Данило Татарчукъ,—запорожець, сотникъ надвирнои сотни князя Четвертынського.

Марко Метелыця,—побратимъ ёго, обыда емиссари Хмельницького.

Щербаченко,—осаулъ Данила.

Онисимъ }
Павло . . } Дыгтяренки,—братьи, диды-селяне.

1
2 } парубки.
3

1
2 } запорожци, немолоди люде.

Г рыцько,—коваль

Селянинь.

Надвірный козакъ.

Селяне, надвірни козакы, 2 нимци, пахолкы.

Діется у замку Княжа Крыныця и у околыци ёго у квітню
1648 року, въ Брацлавщыни.

ДІЯ I.

(Недвіля. Поляна у лиску, у глыбина видко листъ, поле, яри. Ядвига сидить підъ деревомъ).

Ява I.

Ядвига и Даныло.

Ядвига. Ой втомылась... та й биглы-жъ! ну добре хочъ усихъ козакивъ покинулы и Терезу... а Яна не мае ще, хочъ вже мабуть йе пивдня (*крычыть по-за кинъ*) Даныло!—а ты доси зъ кинъмы водышся! чомъ не въяжешъ?

Даныло (*зправа зз-за сцены*). Заразъ, панночко. Не можно було доси, бо дуже гналы, та знову гнидый укачався-бъ и сидло поломывъ, якъ ото, що безъ мене йиздялы.

Ядвига. Та въяжы отутъ на горбочку до сухого береста (*оказує направо*).

Даныло. Щобъ муха бýла, чы що?

Ядвига. То звидцы буде видко, якъ урвутся.

Даныло. Съ чумбуривъ щобъ урвались! Хыба дыки кони?

Ядвига. Балакай, робы що кажу (*на бикъ*). Бида зъ дурнымъ хлопомъ! Янъ и не побачыть, де я (*поглядає направо*).

Добре, що хочъ послухавъ (зправа *Даныло* зупиняється під деревомъ остеронъ видъ *Ядвиги*).

Я в а II.

Ядвига. А козакиъ твоихъ усихъ розгубылы?

Даныло. Та въ нась у усій сотни и жадного козака не мае, щобъ за ясною панною вгнався, якъ панна Соколомъ пойиде.

Ядвига. А ты жъ того Змійчукомъ перейнявъ.

Даныло (згорда). То то Змійчукъ!

Ядвига. Тоби, здається, чымало дававъ за ёго небижчыкъ панъ ловчый; чому не продавъ?

Даныло. Бо не продажный.

Ядвига. Чому такъ?

Даныло (усміхається). Бо крадений.

Ядвига. Молодый ще? Видкои винъ въ тебе и де ты ёго взявъ? Щось ты брехавъ, та я вже й забула (*сміється*).

Даныло (усміхається). Чого-жъ я маю брехаты? Собака нехай бреше. Якъ ще змалку мене пидъ Переяславомъ узято Крымцами, то усе бувъ у неволи въ Ахметъ-бяя коло табуна, а якъ побыли торикъ орду козакы на Тавани, то я на ёму-жъ такы й утикъ зъ табуна. Добрый кинь! И нашо мени ёго продавати? Зъ ласки пана й ясної панни, досить маю, що служу.

Ядвига. Служышъ добре, колы розявва. Отъ на тымъ тыхни піймає коваля, що пана ловчого вбывъ, та такъ добре пильнувавъ, що й самъ на тимъ хутори виївся, и козакы по-впивались, и той утикъ (*сміється*). Добри вартови! Якъ розгнивався панъ князь, казавъ, що тебе замисть кovalя повисе, та вже я почала просити за тебе, що ты мене порятувавъ, якъ Сокиль мене носивъ, але хтivъ панъ князь хочъ зо сто батогівъ тоби даты, та я такы впрохала.

Даныло (уклоняється). Спасыби, панночко ясна, добре серце панна мае (дивиться *у-право*, виймає пистоля зз-за пояса, оглядає панюку).

Ядвыга. А чого се ты на пистоли дывышся?

Даныло (*поглядае у право*). Бижыть щось сюды... конемъ бижыть... хутко... и не зъ нашихъ козакивъ, бо Чорнымъ Яромъ... Може, панночко, на коней сядемо?

Ядвыга. Де, де бижыть? Не бачу (*устає, видходить до Даныла*).

Даныло. Чорнымъ Яромъ (*оказуе пистолемъ*).

Ядвыга (*сміється*). Якъ то ты бачышь? кризъ лисъ?

Даныло. Гавы переполошились, онде выдко... а онъ тепрь тамъ (*оказуе пистолемъ*) ось и зъ лису выбигъ (*ховає пистоль*); одыпъ тильки... и не татарынъ... ва сирому кони, мабуть чы пе панъ Янъ зъ Оративки... Добрый кинь... просто до насъ подався... Ото жене, тежъ коня не жалуе.

Ядвыга (*жваво*). А добрий йиздець справди?

Даныло. Бачылы мы й кращыхъ.

Ядвыга. Брешешъ, де воны кращи?

Даныло. У Сичи-бъ на ёго й не дывылись.

Ядвыга (*незадоволена*). Колы-жъ ты тамъ бувъ, що кажешъ?

Даныло (*понуро*). Хочъ и не бувъ, то видъ такихъ чувъ, що бували.

Ядвыга (*на викъ*). Цёго дурня й пе переслухаешъ (*голосно*). Але й спека яка... у лопыни вода бижыть,—хутко прynesы, козаче (*оказуе у ливо*, *Даныло видходить у-право*).

Ява III.

Ядвыга (*ходить по сцене ззоружена*). Янъ, Янъ йиде... чы добру-жъ звистку несе? Ой Маты Божа! И любить мене тато, и верую вымъ якъ скочу, але боюсь... Якъ не добувъ ничего видъ князя Яремы, то що тоди... що тато скаже? До Четвертынськои свататысь? бидвый шлахтычъ! худопаҳолокъ!

Голосъ Яна (*зъ правою боку по за кономъ*). Визьмы коня, хлонче!

Голосъ Даныла. Немае часу, пане.

Голосъ Яна. Коня визмы заразъ, та выводы, вражай сыну, бо шаблею якъ потягну!

Голосъ Даныла. Овва! алякавъ! Гляды щобъ самому...

Голосъ Яна. Тривай, пся кревъ! (бренькитъ шабель по-за кономъ).

Ядвыга. Маты Божа! Янъ! Назадъ, проклятый! (бижыть у-право, черезъ хвилыну ворочается).

Ява IV.

(Ядвыга зправа держьти за руку Яна, у его въ руци вломана шабля, черезъ хвилыну зправа Даныло, шабля въ пыхви, у руци порожня кабакова пляшка, осторонъ иде у-ливо).

Ядвыга. Не поранывъ тебе, Ясю? (до Даныла). Здуривъ, проклятый лугарь, чы що? Киньми тебе звелю розирваты. (Даныло зупыняется).

Даныло (понуро). Хыба я крипакъ усякому пидпанку ко-ней водыты?

Янъ (кыдается до него). Але й зухвальство въ хлопа!

Ядвыга (удержуе его). Ясю, тыхо! (до Даныла). Геть звидцы, гайдамако! Де козакивъ розгубывъ? Заразъ звайды и панну Терезу знайды, щобъ сюды иххалы!

Даныло. Та воны й сами слидомъ прыйидуть, а то якъ же воно панна сама востанется?..

Ядвыга (подходыть до его, тупае). То сиды жъ тутъ и чекай, а якъ прыйидуть, веды на пана пидчашого пасику—розумієшъ? (выбывае зъ руки пляшку). Папъ Янъ зо мною пойиде, коня панського онъ-де ловы. Чекай, скажу князеви, буде тоби, ватажко! (Даныло понуро видходыть у-право).

Ява V.

Ядвыга и Янъ.

Янъ (вкладае шаблю у пыхву). Де це уязвся такий тата-рынъ? Одынъ зъ панною?

Я двыга. То сотныкъ новый въ пана князя. Выйихалы мы сёгодни зъ замку: панна Тереза зо мною и надвиныхъ десять; та я якъ пустыла Сокола у ходъ, то вси назаду позоставалысь... А панъ Сокола одразу пизнавъ?..—Тильки видъ цёго вже не втечешъ, справди що татарынъ, Татарчукомъ ёго й дражнюють... Ой, та й перелякалася я! Ледве стою.

Я нъ. Зовсимъ назовець. Небезпечно зъ нымъ пани.

Я двыга. Ни, пане, слухняный хлопъ и смырный; якъ сказаты що, мытто зробить... Сокола мени такъ выйиздывъ, що голосу слухае. Чы не впывся сёгодни зранку, що такий скажений, бо николы зъ нымъ того не було, щобъ навитъ гнивалася я на ёго.

Я нъ. Звидки-жъ винъ уязвся?

Я двыга. Та оцієи весни... на полюванні було, якъ зъ соколами пойихалы. Чувъ и панъ навитъ, що Сокиль мене носивъ, мало не вбивъ у лиси, десь винъ тоди уязвся на воронимъ, перейнявъ, спынівъ коя, то князь ёго сотникомъ уязвъ.

Я нъ. То заразъ замисть Демка?—памъятаю.

Я двыга (*сумно*). Не згадуй краще про того бидного хлопа. Винъ мене того самого ранку просивъ, щобъ не йихала я Соколомъ: ще винъ неукъ, казавъ, паночко, не сыла буде держаты, то-жъ полювання! А я нымъ вже кильки разъ йиздyla. Ще тутъ панъ Грохольский бувъ молодый, почавъ зъ мене сміятись, а я розсердилася, пойихала такы, а другого дни каже мени Тереза, що звеливъ тато доты старого нагаями быты, докы живый буде... Вирышъ, Ясю, що я два дни плакала! А тато злякався, та вже щобъ мене перепросыти, самъ прыйшовъ, каже: нехай, доню, того вже на тимъ свити Господь помылуе, а той, що тебе вызволивъ, нехай тоби служить; винъ, каже, ѹ самъ проїться: зъ неволи, каже, утиє, тамъ и выриє.

Я нъ. У неволи, каже, бувъ змалку... а шаблею такъ бьется! Шкода, що пистоли зосталысь у ольстри.

Я двыга. А ну ёго, ще тато довидався бъ, що мы тутъ бачылись. Та щожъ панъ мени доси не розскаже, що у Лубняхъ?

Янъ. Якъ Бога вожамъ! то черезъ того божевильного хлопа. Панно Ядвыго, полковныкъ я!

Ядвыга (*радисно*). Невже!?

Янъ (*поважно*). Переяславського козацького полку! (*Жеско*) Дуже прывитавъ мене князь воевода: власнои, казавъ, корогвы отакому блазневи не дамъ, але ось покы що лыстъ пану до пана комисара Зацвилховського: якъ побудешъ кильви часу, побачу, чы по батькови пишовъ.

Ядвыга. Мабуть, чувъ князь Ярема, якъ павъ торикъ зъ татарвою воювався.

Янъ. Може й такъ (*сміється*). А може й те воно, що жававъ и князь воевода и панъ Миколай, що не буде у тимъ полку багато морокы полковныкуваты, бо якъ прыйде Хмель, то уси козакы до ёго пидуть.

Ядвыга. А панъ такы полковныкъ?

Янъ. Ниде правды диты (*обое сміються*).

Ядвыга (*протягає руку для пошилунку*). Оце-жъ пану полковникови (*Янъ стає на колено, цилує руку; Ядвыга раптомъ нахилляється, цилує єю*). А оце Ясю Дембинському (*уникає, біжить у право; Янъ за нею*). На коней, на коней, пане полковнику! (*обое виходять у право*).

Ява VI.

Черезъ хвильну зправа Даныло обертається, дивиться у сидзь понуро.

Даныло. Пойихалы на пасику... И той разъ, казавъ осаулъ, на тій пасици до вечера іи чекалы... (*тупае*). И князь вичого не знае (*усміхається*). Що жъ, Даныло, пиды уклонысь князеви та й скажы... або за нымы біжы слизомъ... за тымъ тебе й выправывъ Хмель зъ Сичи, щобъ ты добре доглядавъ, до кого панна Четвертынська у лисокъ выйизжае... Ну, колыбъ я зустривъ десь того вражого лаха... у ночи! (*замысленый*). Паночкa не скажe, добра вона... и лахъ мовчатыме, а якъ ни... разъ маты родыла! (*Стоіть понуро, зправа зглыбыны*

*сцены зв-за деревъ Марко вдаряе рукою по плечу. Розмова—
Даныло понуро, Марко весело).*

Я в а VII.

Даныло и Марко.

Марко. А оглядайсь, козаче, бо на аркани будешъ...
Здоровъ!

Даныло. Здоровъ, брате.

Марко. Чого се биглы такъ зъ панною неначе видъ татарвы? Добре, що хочъ не далеко бувъ я отутъ. А чый то сирий, що ты ловывъ?

Даныло (*неохоче*). Дембинського, що зъ Оративки.

Марко. То зъ нымъ вона й пойихала, а сюди не поверпуться?

Даныло. Мабуть, що ни.

Марко. Гараздъ, бо маю тоби щось казаты. А ничего у замку не чуты?

Даныло. А на сели мабуть бильше.

Марко. Эге-жъ.

Даныло. А вже-жъ.

Марко. А чого се я до тебе прыбигъ?

Даныло. Скажешъ.

Марко. Тютюнъ ѿ? Давай (*набиває люльку*). Оде бida, брате, й тютюну вже нема и меду вже не дає жыдъ набиргъ, каже: самому нема за що купуваты.

Даныло. Дурный винъ низовцямъ набиргъ даваты, колы вже Хмель зъ Сичи пиднявся.

Марко. Та якъ бы то тильки пиднявся, а то вже й ляживъ побывъ.

Даныло (*жваво*). Гетьманивъ.

Марко. Ну, цыхъ то може ще колись побье, а молодого Потоцького.

Даныло. А побывъ и зъ гусарамы?

Марко. Побывъ геть, до ногы выризали.

Даныло. То добрѣ! А на сели та по хуторахъ якъ воно?

Марко. Та де-яки хочъ и заразъ: ѹе тутъ такихъ, що вже лучалось имъ спысами ораты. Сотъ изъ пять вже ѹи спысы мають, бо якъ застукавъ отой вражый ловчый Грыцька коваля, та винъ тепрѣ у лиси кузню постановывъ, нихто й не знає де, та й куе тамъ. Якъ бы пидвятысь, то, кажуть, и кильки тысячъ може бъ знайшлось парубківъ по хуторахъ, такъ треба початы.

Даныло. Не можна тепрѣ. Козакы вже мои, але вим-
цивъ у замку региментъ, то не здерхымо.

Марко. Щось ты, брате, смутный неначе... Ну ѿго къ бисовому батькови изъ замкомъ, треба почынаты! Не визьмешъ, то загономъ пидемъ по селахъ, або до Хмеля. Вже правда, ѹо й мени остоғыдло у сиряку велычатысь та по городахъ ховатысь. Збирай надвирныхъ, та товарыства тутъ ѹе вже чоловика зъ десять, та може Ѣе яка сотня охочекомонныхъ буде, та й гайда! А хто пишый, то нехай Хмеля чекае.

Дапыло. Якъ сюды нась Хмель выправывъ, то треба сидиты.

Марко. Про мене, Семене, абы я Иванъ (*дывытся у-ливо*). А чого се Дигтяренки сюды йдутъ? Уси зибрались въ хлопцамы.

Даныло. То бувай... (*хоче иты*).

Марко. Тривай, нема чого тикаты; нехай побачышъ старого Оныська. Певне, ѹо винъ тутъ полковникуваты буде завзятый старый и поважаютъ ѿго у околыци дуже. А ѹо, папиръ добувъ?

Даныло (*выймає великий папиръ, дає*). А ось вже въ тыждень тагаю. Якъ пылы въ нимецькимъ копытаномъ, то вкравъ у ѿго. Гляды тильки, якъ прыйде колы панъ-отець на раду... бо Богъ его святый знає, ѹо тамъ напысано.

Марко (*роznkryvaе папиръ, дывытся*). Не прыйде, боится старый, и людамъ переказуе, ѹо мене не слухалы... Бачъ, ѹо й добрѣ якъ напысано, и печать ѹе (*ховасе*); а якъ треба буде прочытаты, то вже й я буду пысьменный.

Ява III.

(*Тиже злива увиходять Онысимъ, Павло и килькы парубкивъ*).

Марко. Добрыдень, панове громадо, зъ недилею васъ!

Голосъ. Спасыби... будьте й вы здорови, добрыдень... поздоровъ Боже!

Марко. А добра, я бачу, озымына цёго року!

Онысимъ. А ничего, хвалыты Бога.

Марко. Буде коло чого працюваты, та чы буде кому?

Онысимъ. Абы було коло чого, то буде й кому.

Марко. То добрε; а якъ йе кому робыты, нема чого часу гаяты.

Онысимъ. Якъ дасы добру раду, козаче, то може хто й послухае.

Марко. Не треба, диду, рады даваты, а треба рады забираты.

Онысимъ. А то хто зъ тобою, козаче?

Марко. Козакъ щырый.

Онысимъ. Що козакивъ на аркани на панський двиръ тягає?

Марко. Годи, диду! винъ Грыцька ліймавъ, та винъ ёго й пустывъ а то высивъ бы й теперъ Грыцько на майдани. (*До всіхъ*). Отаманы—товарыство! не есть це сотникъ надвирний, а есть це побратымъ мій вирный Даныло Татарчукъ, стебліевського куриня товарышъ, и того винъ теперъ у замку ляхамъ служыть, що якъ прыйде часъ, то й надвирни козакы до настъ прыйдуть, та зъ намъ будуть.

Голосъ. Спасыби добродію... щырый козакъ!.. запорожець!.. Ото добрε!

Онысимъ (*до Даныла*). Просты, голубе! (*До всіхъ*). Та що жъ, браття, довго ще намъ чекаты? Оде йдемо до церкви, помолымось та й гайда!

Даныло. До церкви йдете? Хыба Беркови хто гроши виддавъ?

Павло. Ба ни; казалы, прыбигъ Берко сёгодни до панотця у ранци та й виддавъ ключы, каже, що грихъ ёму церкву Божу на оранди держаты, тымъ-то й служба сёгодни ўе.

Марко (голосно). Панове козацтво, чы сказаты вамъ, що таке у свити Божому робытса, що вже й жыды про Бога згадалы?

Голосъ. Кажить... кажить, дядьку...

Марко. А те робытса, що вже высыпався Хмель зъ мишка, наробывъ ляхамъ шкоды, вже лежать лихы выщирывши зубы, жовтои водыци напывшись, и йидять ихъ собакы и сири вовкы (*пидыймае у-гору папирз*). А оце вамъ, панове громадо, видъ пана гетмана славного війська запорозького низового універсалъ!

Голосъ. Щасты Боже... Невже?.. Довго чекалы! Знову вильнимы козакамы будемъ... Нехай жыве Богданъ Хмельницький, гетманъ запорожський, на погибелъ ляхамъ!

Марко. Якъ зъ церкви выйдемо, то въ старого Макогона у клуни оце вамъ и прочытаю.

Голосъ. Господы!.. Ще й пысъменный! Слава тоби Боже!

Онысымъ (выходыть напередъ уклоняется запорожцямъ). Велыке вамъ спасыби, паны браття, за добру звистку; не гайте теперъ часу, щобъ довелось и мени старому хочь доты дожыты, колы князеви и кодлу ёго виддячу.

Павло. Гляды, брате, не квапся!

Онысымъ (зъ инвомъ). Що кажешъ, скаменясь! Добре тоби обережно ходыты, що твоихъ сынивъ на цоли не повышвано, та зъ дочкию того не було, що зъ мою Олесею (*видвертається*). Ну, гараздъ: нема сына въ князя, але дочка ѿ... то вже моя буде (*Данило здригається*).

Марко (сміється). А на що вона тоби старому?—подаруй молодшимъ.

Онысымъ. Э, ни, моя буде... Кажуть, татары зъ Хмелемъ йдутъ. Щобъ тильки давъ Господъ старого собаку живцемъ узяты, щобъ и винъ побачывъ, якъ дочку ёго на аркани поведуть, та побусурманятъ, щобъ и на цимъ и тимъ свити

спасення ій не було, а тоди вже... тоди можно буде й на ясного пана мылостивца червону сорочку надити.

Голосъ. Добре, диду! що такъ, то такъ... треба швидче братись. Та вже скоро, мабуть!

Данило (гостро). Ну годи! Якъ до церкви йти, то йдить, бо надийдуть сюди надвирни... не уси вони безпешни. Прощавайтє!.. онъ чы не йидуть... щасльво! (*уси помагу склоняются Данылови и видходять у-право; Марко и Онысимъ попереду усихъ*).

Ява IX.

Данило (дывытся у сайдз). Боже жъ мій, Боже! Панно, зоре моя!

Ява X.

Данило и Марко. (Зправа Марко, у руки видломаний кинець шаблю).

Марко (крычить направо по-за сцену). Идить самы, въ мене тутъ кинь йе у лиси прывязаний. (До Даныла, показуючи шаблю). А що воно за знакъ, брате?

Данило. Шабля— не що.

Марко. Се й я, скажемъ, бачу, що не коса, але може скажешъ, якъ іи вломано?

Данило. Дембінського се шабля.

Марко. Що не твоя, и те бачу, але не того мени треба. Вже будь ласкавъ, скажи, якъ ото іи перебыто? (водыть рукою по лезу). Дрова, може скажешъ, рубалы?

Данило. Бывся винъ во мною тутъ.

Марко. И це добре знаты: onde якъ траву вытолочылы! Та не того я до тебе повернувся.

Данило. То якого-жъ дидъка?

Марко. Оце вже спасыби, брате ридный, за щыру правду! Видно, давно те було, явъ на Тавани шаблямы минялъсь,

братамы стали, поручъ рубалысь, усяке лыхо й усе добре бачылы, а теперъ навить важко тоби й слово щыре до побратыма промовыты (*сердыто*). Що тутъ наробывъ? Що то, жарты тоби, шо на шляхтыча шаблю выйнявъ? Пизналы тебе, може? То ва шо пустывъ жывого?

Даныло. Панна була отутъ та обороныла, промижъ шабель такъ и кынулась.

Марко. То обохъ було зарубаты.

Даныло. Кого!? сказыўся!? за що жъ іи бидну, чымъ вона вынна?

Марко (*пауза, поглядяе на его по воли*). Чымъ, кажешъ вынна?.. Такъ... Чуешъ, брате Даныло, чудный ты сёгодни, ляхивъ жалуешьъ... Але не забувай, голубе, що якъ пизналы, хто ты такой, то не твоя тильки голова ляже, а й товарыства чымало; та й люде тіи, що оце до церкви пишли, то може ще сёгодни ихъ нимци на майдани вырижуть. Теперъ або тоби тикаты, або заразъ за спсы братысь... а мовчышъ, то бувай здоровъ! (*хоче яты*).

Даныло. Тривай, брате... Усе ѹиднаково, мавъ тоби скаваты... Просты мене! Мабуть гришныкъ я великий, чы може батько въ мене такой, бо й не знаю, хто винъ бувъ, що покаравъ мене такъ Господь... Не пизнають мене! Хочъ бы й жылы тягнулы, не буде того, щобъ я тоби зрадыvъ и товарыству. Але покохавъ я панну и не можу теперъ звидзы яты.

Марко. Ото божевильный! То оце, може, й бывся за неи?! То мерцій тикай до обозу. Чы хочешъ подывытись, чы высока шыбенцы въ князя?

Даныло. Не бійсь, мовчатымуть, бо сами воны, мабуть, видъ князя ховаются, а якъ ни—байдуже: не можу я іи Дигтиренкови покынуты!

Марко. Добре, добре... дуже цикаво, а що зъ того дали буде? Кажы!

Даныло. Багато говорыты, та нема чого слухаты.

Марко. Мабуть, скоро старостивъ будешъ до князя засылаты? Мене попросышъ?

Данило. А скоро вже, мабуть, пидемъ зъ старостами, и чымало ихъ буде, и весилля зробимо гучне, щобъ багато такъ впилысь, щобъ не повставали... Не смійся тильки, брате, зъ моого лыха.

Марко (*поважно*). Ни, це вже, бачу, не жарты тоби. Ale що жъ дали робити мешъ?

Данило. Поможешъ мени—у зымивныкъ завезу до старого Кажана.

Марко. Такъ, и вже й самъ оселю заведешъ, вивчаремъ зробиши, а товарыство славне и Сичь-маты то нехай и такъ будуть, а за Марка то й гадки немае!

Данило. Не гнивайся, брате! Богъ ёго святый знае, яке ще пиво буде зъ того хмелю. Ale не на те я іи бидну рятуваць, щобъ Оныськови на помсту, а татарви на ганьбу виддаты. Теперъ тебе маю просити: якъ щирый ты мени побратимъ, перекажы братчыкамъ, що якъ будемъ замку добувати, щобъ за мною йшли; вже буду знаты, кудою весты, щобъ я іи узявъ, а не хто другий.

Марко. Та чомъ не сказати, стари товарыши—не зрадить... Ой, Данило, Данило!—тебе жъ за куринного мало не обралы, тильки що до Крыму зъ Хмелемъ тебе понесло, якъ вмеръ Покотыло... Та що тоби казати! Не поможет... бачывъ я вже, чымало козакивъ добрыхъ (*махае рукою*)... Мабуть ще мало лыха у свити, то Господь ще бабу сотвориць... Ну, гараздъ... Усе зроблю, якъ хочешъ... Якъ бы не ты, сидивъ-бы я доси у Лубнахъ на пали, та выглядавъ, звидки витеръ віє... Не бійсь вже, визьме облызня Онысько.

Данило. Спасыби, брате... Отъ и надвирни и ляшка зъ нымы... Вельке тоби спасыби... Ну, бувай (*видходыть у-право*).

Марко. Бувай! (*поглядає у сливі*). Гей, и казавъ я тоби Данило, якъ ще зъ Сичы вийиждалы та Змійчукъ спиткнувшись,—вернись брате! Не послухавъ! (*Махає рукою, видходыть у млыбуну сцены за дерево*).

Зависа.

Д I Я II.

Одмина перша.

Цонедплокъ. Замкове подвирья. Наливо чоло палацу; велыки двери. Цередъ дверыма ганокъ, на ёму лавы, вертыты кылымами. Сходци на сцену. Зправа въ глыбыни вежа; коло дверей деревянный ослинъ. Въ глыбыни сцены высокий шанець, по которому колы-не-колы проходить вартовый нимець, зъ-за палацу выходитъ за вежу и знову назадъ. На авансцени зъ правого боку садокъ.

На ослони, коло вежи, Рамберъ и Даныло зъ кубками у рукахъ; промижъ вымы на ослони джбанъ. Розмовляючи пьють, шалить люльки, изъ дверей палацу колы-не-колы выбигаютъ шаколкы и бажать або у-право, промижъ садкомъ и вежою, або у-ливо по-за палацъ.

Ява I.

Даныло и Рамберъ.

Рамберъ. А ну бо, пане сотныку, пьешъ, та не веселый. Медъ добрый, пыймо. Чы до пана каштеляна у обозъ хочется? Тамъ теперь наша гусарыя, мабуть, добру венгжыну тягнє!

Даныло. Отакъ бы я тои венгжыны напився, якъ и ты, пане Жылю.

Рамберъ. А кажешъ ни? То тильки отутъ у замку панцерныки кирцу деруть, а якъ табору запорозьского добуваты треба, то й мени нызько вклоняются, а якъ языка треба, або йисты нема чого у обози, то не бійсь, воны тоди й сотника Даныла братомъ назовутъ. Бувъ я зъ вымы пидъ Кумейкамы, та й де я не бувъ!

Даныло. А вписля?

Рамберъ (сміється). Ну, то вже друга ричъ... Кречовського полковника чыгырынського знаешъ?

Даныло. Чувъ.

Рамберъ. То вже два рокы, якъ ото Мустафа-ага до Тасмыну прыходывъ, то винъ зъ походу повернувся, дуже сміявся: „закимъ, повидае, на татарву йшли, то ще добре було, а якъ до-дому поверталысь, то такъ закурылы попереду панцерни товариши, що й продыхнуты не можно було (*сміються*). Ще за це слово зъ паномъ Одживольськымъ шаблями быlyсь.

Данило. Ну, не такъ воно й легко проты гусарни у поли.

Рамберъ (*усміхається*). А ты звидки знаешь?

Данило. А хыба я не чувъ? (*тьє*).

Рамберъ. А я то й самъ такы бачывъ и тильки те тоби скажу, що якъ здуріє Хмель та скаже гетманамъ, що ось вамъ поле и на цимъ полі завтра у-ранци васъ чекатымъ, то погана буде ёго справа; але на війли не такъ робиться; ты, мабуть, того не чувъ, пане Данило, бидний певольнику, тильки я знаешь, що за панною пахоломъ йиздиты... Пыймо! (*сміється; п'ють*).

Данило. Але-жъ не може того буты, щобъ не побыли гетьманы Хмеля.

Рамберъ. Хто те може знати! Отъ якъ-бы гетьманомъ короннымъ, та не панъ Мицкій Потоцький, а панъ Жыль Рамберъ, то було-бъ запорозцямъ, що до новихъ виникивъ памъяталы бъ.

Данило (*усміхається*). Який ты, бачу, хытрый на голову.

Рамберъ. А такий, що немає у свити а ни замку такого высокого, а ни панни такої гордої, щобъ не узвавъ, колы схочу!

Данило (*неймовирно*). То вже теревени!

Рамберъ (*поважно, крутыть вуса*). Не виришъ? Молодий ще ты, козаче. Може колы трапиться тоби у Кагори буваты, то спытай, хто такий Жыль Рамберъ, то й мала дытина тоби скаже, що бувъ тамъ такий аркебузерь, що уси кули видѣть ёго видвертало, а усихъ дивчатъ прывергало!

Данило. То ты й характерныкъ?

Рамберъ. Характерныкъ?.. а вже-жъ; ось бачышь (*выи-мае ладанку*): якъ оце носыты, усяка дивка тебе покохае, тильки скочешъ.

Даныло (*хутко бере, дывытся*). Усяка, кажешъ... и шляхтичка?

Рамберъ. Хочъ королева.

Даныло. А що.. пане Жылю... якъ бы за ци чары... га?

Рамберъ. То ты бъ що давъ, чы що?

Даныло (*выи-мае зз-за халавы кинджалъ увесь у самочвичтахъ, дае Рамбераю*). А ось хочъ бы й цёго запоясныка.

Рамберъ. Sacrebleu! та чы видаешъ, пане Даныло, щобъ за ци каминяя далы жыды у Амстердами?

Даныло. Це, скажемъ, що не знаю, бо тамъ не бувъ, але такъ миркую, що не носывъ бы Ора-бей переконський чортъ-зна чого за поясомъ; ще подывысь, якъ загартованый. А якъ скажешъ, що не вартъ мияться, то ще пистоли въ мене йе турецьки у срибли и бьють добре.

Рамберъ. Ma foi! та й бравый ты кавалеръ, пане сотнику! (*поглядае на ёго*)... Беры соби за кинджалъ... Пыймо! (*нальває кубки*). Отъ меду вже немае... Здоровье пана!

Даныло. Здоровье пана! (*пьютъ*).

Рамберъ. Добрый ты жовниръ, козаче (*здіймае зз шини другу ладанку*). Чекай лытень, буде ще тоби видъ мене добра памъятка, оце ще носы (*дае Данылови*).

Даныло. А що се?

Рамберъ. А се не грихъ и носыты. Бернардинъ сватый колись напысавъ мени у Рыми и чытавъ, що напысано: *hoc est meum corpus*. Не розуміешъ?

Даныло. Ни. (*Зправа чуты сурму*).

Рамберъ. Значыть „оце мое тило“, и якъ це носыты, усяка куля мынае; вже лить мало не трьдцять, якъ не здіймавъ, и ось якъ бачышъ спысомъ тильки добре у бикъ загородылы, ще у Ла-Рошели, та ото якъ Байранъ-Казы до замку пидступавъ, то вже рокивъ изъ п'ять, то стрилою (*вказує плече*).

Ну, бувало часомъ, що де-не-де шкуру латалы, то то жарты; а щобъ вулею, то николы.

Даныло (*дывытися на ладанку*). Не помога, выходить, проты залива?

Рамберь. А проте беры, кажу, тоби згодытса (*сміється*). Добрый ты кавалеръ и молодшы за мене, то згодятыся тоби обыдва.

Ява II.

(*Зправа Дитрыхъ*).

Дитрыхъ. Шане копытане, ротмыстръ до пана князя видъ гетьмана.

Рамберь. Diable! Может на ганку прыйматы буде? (*до Дитрыха*). Бижы до пана Вацлава. (*Дитрыхъ бижыть у палацъ, пахолъ входыть зправа*).

Рамберь (*до пахола*). А ну швидко, хлопче, забирай кубки, та у ту балту, що коло брамы. (*Пахолъ бере кубки и джбангъ, бижыть у-право; до Даныла*). Прыходь незабаромъ до брамы, та ще выпьемо; Гильфельдъ повыненъ скоро буты. (*Бижыть у-право, Даныло выходыть на авансцену, надиває обыденії ладанки*)

Ява III.

Даныло (*одынъ*). Ну, може й грихъ воно, що бернардынъ вражый пысавъ, але нехай Богъ простыть (*здіймає шапку підносить руку, опускає*). Ни, не треба... ще пропадуть чары... Нехай!

Ява IV.

(*На ганокъ выходыть з палацу князъ Романъ, Ядвига піддержує ёго, за нымы Янъ и маршалокъ, позаду два пахолы. Князъ сидae на лаву. Ядвига стае коло ёго, други позаду, пахолы коло одвиркивъ*).

Князь. Гей, Даныло, поставъ тамъ кого за баштою, щобъ сюдою не вешталисъ (*Даныло уклоняется, видходыть у-право*). Оце, пане Яне, прыйихавъ до мене ротмыстръ зъ лыстомъ видъ гетьмана, панъ Крыштофъ Корецький, та я казавъ, щобъ сюды велы просто. Може, сёгодни й побенькетуемъ, панове, бо я просывъ пана каштелана, щобъ мени давъ звистку заразъ, якъ буде выктория, а вже якъ буде вертатись, то щобъ Княжои Крыныци не мынавъ. (*Входыть зправа Корецький, за нымъ Рамберъ, стає коло сходиців; князь має Рамбера; той видходыть у-право; Корецький входитъ на іанокъ, виддає лыста*).

Корецький. Видъ пана воеводы черниговського лыстъ (*видступає*).

Князь. Памъятаю добре пана Крыштофа (*сидяе, розпечатує лыста*). Видъ пана Мартына лыстъ, а панъ гетьманъ коронныйничого мене й не пыше?

Корецький. Велике нещастя зъ паномъ гетманомъ короннымъ.

Князь. Що-жъ тамъ, Маты Божа? (*трє очи*). Отъ пе бачу, старый; чытай Ясю!

Янъ (*бере лыста, чытає*). Мосци князю, мій лане й брате! Видъ начала temporum лучается, що середъ пшеници бувае кукиль, и мылосердіе Боже попущає нещастю людському. И тепрь попустывъ Господь, що хлонське лукавство й зухвалиство ще доси не есть покарано, а навить може тепрь надъ геи publicae гоноромъ згнущатись, бо видомо намъ учынилось, що лыцарсьту Речи Посполитой пидъ Жовтыми Водами видъ татаръ и харцызивъ запорозькихъ прыйшлося буты повоевану...

Князь. Маты Пресвята!

Ядвига. Ой Боже!

Янъ (*чытає дали*) ...и павить самъ панъ Потоцький junior або вбытый есть, або captivus, бо ніякої звистки доси не маемо. И за-для того по старому прыятельству и знаочы добре, що вашмосць завжди бувъ de re publica meritus, и тепрь уси панцерни корогвы и драгонію до пана гетьмана ко-

ронваго у обозъ прыславъ, то й я зъ сунлыкацію до пана обертаюсь, що хоча й пумого *et virtute* лыцарства Речи Пополитій дуже *contentus*, але памъятаючи, що Mars duplex буває, просю якъ нийскорійще до васъ у обозъ регыментъ Крейца прыслаты, у якимъ регыменти вашои мосци, мабуть, потребы не має. И якъ буде вашои мосци ласка, то прыслаты ёго зъ особливымъ вашои мосци листомъ, щобъ отой регыментъ до власного мого полку мавъ прыстати, бо якъ сами вашмосць повинни добре знаты, велыки недади въ мене завжди зъ паномъ гетьманомъ короннимъ бувають. Чоломъ бью вашій княжескій мосци. Зъ обозу пидъ Черкасами, сёго року Божого тисяча шістсота сорокъ восьмого, квітня 23-го. Вашои мосци слуга Мартынъ Калыновський, воевода черниговський, гетьманъ польний (*уклоняється, виддає листъ князеві*).

Князь (*устає*). То за грихи нашы кара Божа! Пане Вацлаве, панъ Крейцъ у замку?

Маршалокъ. На передзамчу, вашмосць. Сёгодни пана Рамбера компанія у замку.

Князь. Якъ буде пана ласка, треба, щобъ хто заразъ по пана Крейца побигъ. Нехай бере Майделя, Костку, Гильфельда и Валля, щобъ заразъ у походъ збиралысь; чого буде треба, нехай панъ зробить и до пана пидскарбія обернеться. Рамберова компанія у замку буде, а козакы на передзамчу; (*маха рукою, маршалокъ уклоняється, видходить у палацъ до Корецького*). А пана Крыштофа маю просыгы, щобъ листъ видѣ мене уявъ до іана воеводы (*Корецький уклоняється*). Щиду до покою... Велыке нещастя!.. Ядвиго, панъ ротмистръ чоловикъ подорожній, то вже прыймай! Нехай выбачить бидну шляхецьку хату (*Корецький уклоняється*); хлиба-соли нехай не цурається; може й панъ Янъ буде ласкавый, та тоби поможе (*уклони;* *князь видходить у палацъ, спираючись на пахола, друтий пахолъ ззаду*).

Ява VI.

Тижъ, безъ князя и пахомів.

Янъ. И що то ёго мосць выгадавъ! Одынъ региментъ зостався, та й той посылае?

Ядвига. А ще жъ йидна компанія зостается и козакы.

Янъ. Бійся Бога, панно! нехай пожалуе панъ князь себе и панну: яка жъ на тихъ хлопивъ надії?—ще й сотникомъ той, що...

Ядвига (*показує на мыахъ, щобъ мовчавъ; весело*). Але й лыцарь панъ молодый полковныкъ! Колы пану такъ небезпешно у Княжій Кръныци, то нехай у Оративку йиде, або у Переяславъ. Чы уси таки и у війску, пане Крыштофъ?

Янъ (*зъ запаломъ*). Папъ Крыштофъ старый жовниръ, єму не соромъ буде правду казаты.

Корецький. А панъ де полковныкомъ?

Янъ. У Переяславськимъ полку.

Корецький (*уклоняється*). Не знаю, якъ воно на Задніпровъи, бо князь Ярема великий воинъ, але що въ насъ робитса, то якъ бы мене спытавъ ёго мосць, то те бъ саме повидавъ, що й панъ полковныкъ.

Ядвига (*весело*). Маешъ пане помичъ у пани Крыштофови, але може якъ пана ротмистра почастую зъ дорогы, то панъ повеселишае. Прыходьте, панове, згодомъ до покою (*видходыть у палацъ; Янъ и Корецький уклоняються*).

Ява VII.

Янъ и Корецький.

Янъ. А який, пане ротмистру, юмор у війску?

Корецький. А то якъ у кого: ѿе, що бенькетують вже недили зо дви у Черкасахъ та похваляються, що запорожцівъ нагаями поженуть, а шабли у табори покинуть... а ѿе й інши.

Я нъ. А за Хмельницкого що чуты?

Корецький (*понуро*). А якъ панъ хоче те знаты, то нехай по усихъ усюдахъ пытае, тильки не у нашому обози. Виришъ, пане, що ничего не знаемо? Хочъ бы йидного доброго шпига послаты, такъ ни! Жалуе, бачъ, панъ гетьманъ дукатами, усе по языка посылае, кони тильки помучылы й людей, та усе гусарью, бо якъ пиде легка корогва, то вростичъ идуть до Хмеля вляти хлопы. А якъ спіймаешъ языка—та ще спіймай ёго запорожця панцерными—то отакъ, якъ на тимъ тыжни, усу шкуру зъ харциза злупили, а винъ свое бреше, що двадцять тысячъ козакивъ у Хмеля, и Тугай-бей перекопський, и билгородци сорокъ тысячъ орды, и хана самого отъ-отъ чекаютъ. Та якъ почулы це въ насъ, то зъ каневського й чигиринського полку вже й йидного козака у обози не має... А прыбигъ бувъ до гетьмана війтъ зъ Кленовои, та просывъ, щобъ заступився, плакавъ, що татаре ёго жинку узяли и хату спалили, та цилый день ходивъ по обози, а у-ночи счезъ. Колы на другий день звидты жъ саме жыдъ прыйхавъ; ёго пытаты—а винъ божыться, що татаръ и не було, а за того войта казавъ, що не було ёго на сели вже зъ тыжденъ; чы не до Хмеля йиздывъ. Послалы туды заразъ корогву панцерну, та якъ оточили іи хлопы саме на гребли, то зъ тои корогвы почернулись позавчора у обозъ три товариши та п'ятнадцять шереговихъ... Отъ що, пане, у війську робиться.

Я нъ. Якъ бы на мене, то пішовъ бы заразъ зъ панцерными на запорожцівъ! Не сидивъ бы у Черкасахъ, доки уси хлопы пидіймутся!

Корецький (*понуро*). Такъ и хоче панъ Мартынъ, та що зробишъ? Якъ що скаже, то заразъ панъ гетманъ коронный: „колы ксёндзъ, каже, у парафії, то викарый мовчы!“—а самъ бенкетуе, вже ажъ опухъ. (*Стыха*). А у середу опивночи волоськои корогви вартови огненный мечъ бачилы на неби и одрубани головы.

Я нъ (*тежъ зтыха*). А у якій сторони?

Корецький (*маха рукою*). Надъ обозомъ просто.

Янъ (хыта головою). Ходимъ! панна до покою просыла.
(входятъ у палацъ).

Ява VIII.

(Зправа входятъ Рамберг и Даныло).

Рамберъ. Нема чого журтысь, пане Даныло. Така наша доля жовнирська, що не вгадаешъ, де лучче. Первє дило, що венгжину у обози вже мабуть усю выпилы, то будуть нашы молодци може ще й водычку пыты; а що здобутысь, то зъ запорожця хыба якъ зъ святого турецького; а що на печи лежаты докучыло, то ще побачышъ, що може й намъ не прыйдется... Пивтораста чоловика зъ твоими пьяныцями, та сей замокъ и предзамковъя бороныты!.. Чекай, якъ зберуть хлопы добрий загинъ, то буде й намъ чубъ мокрый. То поставъ заразъ вартовыхъ по валахъ, та нехай добре гарматъ пыльнують, щобъ не поворожывъ коло ихъ який чортяка. А я вже у замку буду (иде у башту, на порози обертається). Теперъ, пане сотнику, який медъ тутъ у замку йе та шлахты, то тильки намъ зъ тобою! (сміється, іде у башту. Колы починає говорити, здалека чуты, якъ на предзамчу бьють у тулуумбасъ, потімъ у другий, тихие, у третій ще тихіше).

Ява IX.

Даныло (иденз, потімъ осаулъ). Радіє нимець, биды не чує... Радивъ бы й я, ще й не такъ... та покаравъ мене Господь за грихи (зправа осаулъ).

Осаулъ. А що, нимци сёгодні йдуть?

Даныло. Може й сёгодні.

Осаулъ. Тильки шкода, пане отамане, що не мы будемъ у замку. Переказувавъ Марко, що якъ будуть за списы братысь, то комусь треба коло замку гасло даты, щобъ зъ насъ тутъ кого не застукалы. Бильше за тебе боится.

Даныло. А гасло яке?

О сауль. Гукнуты треба, що въ Макогона на гармани горыть.

Даныло. Добре. Казавъ усимъ?

О сауль. Казавъ.

Даныло. То йди заразъ, вартовыхъ розведы, та щобъ добре брамы пыльнували и по валахъ, щобъ не подався який дядько у обозъ, якъ замокъ оточымо.

О сауль. Гараздъ! Добре де знаемо (*видходять обыда упразво*).

Ява X.

(*Зв палацу выходить Ядовыга, за нею Янз*).

Ядовыга. Якъ мае панъ Янъ отакъ коло мене сумуваты, то нехай хочъ и заразъ до Переяславу йиде, а не то що у-завтра.

Янъ. Не хоче павна вирты, що серце болить отакъ іи покинуты: ще пидіймутся хлопы, то що буде?

Ядовыга (замислена). Не бійсь за мене, Ясю! Ничого хлопы замку не вдіють; пойдешъ до князя Яремы, лыцарськои славы добудешъ, тоди вже й татови можно буде вклонытись.

Янъ (вдаряє по шабли). Ну, нехай же стережутся козакы и хлопы, буде имъ!

Ядовыга. Жаль мени ихъ дуже, Ясю; не на таку бъ війну я тебе вправила. Хочъ и не дивоче це дило, але дай мени, Ясю, слово лыцарське, що не будешъ ты зъ хлопамы того выробляти, що я бачила, якъ ще малою була... Не дай Боже, щобъ прыйшлося ще разъ побачити! (*здригається*).

Янъ. Дуже добре серце въ панни и не знає вона, що то за народъ клятий!

Ядовыга (незадоволена). Отакъ уси кажуть, а чого вони косы беруть, чого йдуть на погибель свою, чого имъ треба? Нихто того сказати не може, а скильки пытали! Нызовци, оти гультия, мабуть и имъ спокою не дають. Хочъ бы у Крымъ ихъ загнали чы що, то й тыхо було бъ!

Янъ. Але тоди не бувъ бы я полковникомъ!

Я двыга (смієтся). Справди! то чого жъ, пане, смутный ходышъ? Подывысіа бъ хочъ па пана Рамбера, ото кавалеръ! Походъ—то добре ёму, нема походу—ще крапце; хочъ бы ёго сёгдні побачыты, може бъ посміялась.

Я нъ (поглядае на Ядвыгу). Не кохае никого панъ Рамберъ, то ёму й легко.

Я двыга. Ото такъ! Ще мабуть бильше видъ пана!

Я нъ. Кого жъ то такъ?

Я двыга Я й пытала ёго колысь, то казавъ, що завжды зъ якою панною размовляе, то у неи й закоханый (обое сміються).

Я нъ. Бувъ бы й я веселый, щобъ хочъ заразъ мени зъ паномъ Рамберомъ долею поминятысь.

Я двыга. Що бъ вже бувъ вусъ сывый у пана, та нимцивъ компавія, та палашъ пры боци и бильшъ ничого у свити?

Я нъ. (зз запаломъ). Що бъ зъ тобою, панно моя, зостатысь, тебе бороныты, голову зложыты.

Я двыга (незадоволена видстувае). Та що то справди? Ще наврочыть панъ!.. Неначе безъ пана и війська тутъ немае?.. А що панъ Крыштофъ ничего пану не казавъ за нашу гусарью, якъ имъ у обози?

Я нъ. Ничого, не объ тимъ ричъ була.

Я двыга. Тереза усе по покояхъ якъ на варти ходыть, мабуть, хоче ротмистра побачыты, щобъ пану Станыславу яку звистку даты.

Я нъ. Щаслывый панъ Станыславъ, а я якъ пойду, то чы буде кто за мною журытысь?

Я двыга. Не знаю.

Я нъ. А я такы знаю йидну пану у замку, що може хочъ трохы посумуе.

Я двыга. Хто жъ то?.. Ніякъ не вгадаю..

Я нъ (видстувае стыха). А сказаты панни?

Я двыга (видстувае). Тато йдуть! (На кіанокъ выходить князь, спыраючысь на пахола, сидзе на лаву; пахоль стае коло одеярка).

Ява XI.

Тиже и князь.

Князь. А що панъ Крыштофъ?

Янъ. Втомувся дуже, заразъ пійшовъ видпочыты, просывъ що якъ буде вашмосци ласка, щобъ сьгодни у вечери рушати дозволылы холодкомъ, бо пихоти легше.

Князь. Добрый жовниръ, себе не жалуе. Якъ бы не лита та не подагра, то й я бъ...

Ядвуга (*сміється*). Та куды вже вамъ, татуню! Огъ выгадали на старисть!

Князь (*поглядає на Яна*). Не зъ мене бъ треба сміятись, дою, а зъ іншихъ кавалеривъ, що зъ соколамы гасаты та зъ паниамы спивати добре знаютъ, а якъ треба у поле вийти, то тоди тильки на коня сидають, якъ посполите рушення мыло-стывый панъ король объявить и вже безъ инфамії вдома сидити не можна.

Янъ (*ступає крокъ упередъ*). Дозволь мосци князю слово сказати (*князь кыває*). Сёгодни мавъ вашмосци сказати, що по-завчора повернувся я зъ Лубенъ, що дуже мене тамъ прывити князь воевода й давъ мени листъ до пана комисара війська запорожського, а панъ Миколай полкъ мени давъ ко-зацький и взавтра мени треба до Переяславу йихати.

Князь (*устає, обіймає Яна*). Просты мене, Ясю, старого! то мене пана Мартына листъ вразывть; просты (*усміхаеться*), мосци полковнику! я жъ тебе завжди якъ сына любывъ и щиро за тебе радый (*весело*). Теперь треба венгжини выпити до пана полковника за выкторію надъ ворогами и за ту панину, що винъ мабуть скоро у Оративку прыведе (*плеще у долони, пахолъ стає передъ нымъ*). До пидчашого, щобъ венгжини столитнїи заразъ! (*пахолъ бижыть у палацѣ*).

Янъ (*зворушеный*). Цанъ князь мени завжди бувъ мыло-стывець, то маю надю, що й якъ свататись буду, то допоможе.

Князь. Зъ дорогою душою; самъ сватомъ пойду.

Я нъ. По смерть буду вдячный пану добродію и слово даю, що не соромъ буде вашмосци за мене сватомъ буты, бо хочъ бидный я шляхтычъ, але ось війна почалась—або старостою буду, або зъ війська не повернусь.

Я двы га. Бійся Бога, пане Яне, що выгадуешъ!

Князь. Ничого, доню, не вдіешъ; такый и батько пана бувъ, заваятый старый... Колись мы зъ нымъ... э, чого згадуваты! не вернется... А за тебе хочъ у Варшаву пойду до сенаторської дочки.

Я нъ. Недалечко мосци князю й йихаты прыйдется.

Князь (сміється). Добре, що зухъ такий молодий полковникъ часу не гаявъ; мени старому то ще краще (*зъ палацу пахолъ несе кубокъ на блюди, за нымъ пидчашій зъ пляшкою, на кланку наливає кубокъ, пахолъ пидносить до князя, князь устає, пидіймає кубокъ*). Здоровье пана полковника! (*Янъ уклоняється*).

З а в и с а.

ДІЯ II.

Одмина друга.

(Вивторокъ уранци. Лаштунки ти жъ сами. Даныло сидѣть на ослони коло башти зправа, входить осауль).

Ява I.

Даныло. Не выходывъ ще князь. Нехай хлопци коней коло брамы на поводи тримають,—може скоро пойдемъ.

Осауль. На пидиздъ, мабуть, посылае?

Даныло. Мабуть (*усміхається*). Багато довидается. Хыба Дембинський скоче пойхаты, то той може що побачить.

Осауль. Якъ козамъ рогы правлять... Та й зъ цими чого чекаты? Хочъ заразъ до гарматъ: вже нимци не почують.

Даныло. Якъ Марко скаже та Онысько,—винъ тутъ полковыкомъ. Гайда до брамы! (*осаути видходыть направо*). Ой скоро вже почнется... и що зъ того буде? Що ёго робыты!? (*замыслылся*).

Ява II.

(*Ядвыга выходитъ на кланокъ, обертается, говорить у сины; Даныло устает, здѣймае шапку*).

Ядвыга. А панъ Янъ ще спить?

Голосъ (зъ синей). Ни, сидять зъ паномъ княземъ у дальнимъ покой.

Ядвыга (на бикѣ). Ото добре, пане Яне: обицявся зрання на кланку чекаты, у садокъ питы. (*Голосно*). Не треба ничего каваты, а нехай павна Тереза у садокъ прыйде, тильки не сюдою (*обертается, Даныло уклоняется*). Добрыденъ, пане сотнику, а йдить лышень вашедь сюды... бlyжче, бlyжче (*Даныло подходитъ до схидицег*). Ядvigа (*жартовльво суворо*). Я ще й не бачыла вацпана зъ позавчорашнёго, може й сёгодни сердый, може й на мене заразъ шаблю выймешъ?... кажы, чого мовчышъ?... Ну!

Даныло. Грихъ, ясна панно, такъ казаты... Щыро я служу.. и служывъ бы пани докы свита сонца.

Ядвыга. Отакъ щыро панамъ служышъ, що зъ шаблею выдаешся?

Даныло. Адже сама ясна панна казала мени по воду бигты... Зустрився той панъ... вылаявъ мене, зъ шаблею кынувся... Я жъ пани слуга, а не пана Дембинського.

Ядвыга. Ачъ гоноровытый який! Гляды, козаче, якъ не будешъ шую гнуты, то зломаешь хутко! (*не жартуючи*). Щасливый ты дуже, що гниватись довго не можу, а якъ бы хочъ заразъ пишла, та пану князеви за тебе сказала, що бъ тоби було?... кажы!...

Даныло (*мовчыть, усе дывытся на неи*).

Я д в ы г а (*тупае*). Чомъ языка не розвъяжешъ?! Кажы за-
разъ, отъ упартый!

Д а н ы л о (*спокийно*). Повисылы бъ мабуть, чы що.

Я д в ы г а (*сплеснуши руками*). Чы ты такы божевильный,
чы вже зранку пъяный! Повисылы бъ, каже, и байдуже ёму!
(*поважисно*). Тоби воно дурному може й байдуже, а мени шкода
було бъ тебе, бо вирный слуга и добрый, и ще за те тебе люблю,
що видъ смерти мене порятувавъ.

Д а н ы л о (*берется за ладанку*). Що? що кажешъ, панно
моя?!... Що порятувавъ, то...

Я д в ы г а. Не розумішъ? люблю тебе, що служышъ добре...

Д а н ы л о (*хапає за руки хутко*). Панно, ясочко моя,
люблю тебе, згыну за тебе... покохай мене... увесь світь и
Сичъ...

Я д в ы г а (*сынкуется вырваться*). Що? що? Збожеволивъ
хлопъ мерзеный, цыганъ, прыблуда!

Д а н ы л о. Не хлопъ... не цыганъ... козакъ запорозький...

Я д в ы г а. Бунтарь, гайдамака! Рятуйте! (*Даныло пускає
її, вона бижить у палаць*).

Д а н ы л о (*мовчыть, дали скажено*). Збрехавъ нимець про-
клятый, зрадывъ!.. Що жъ теперь?!.. (*видскакує на середъ сцены,
гук*). Въ Макогона горыть! (*бижити направо, за кономъ ёго
голосъ*). На коней! (*Кілько голосівъ за кономъ*). Въ Макогона
горыть! (*Тупотять кони, скосяттять и гукають на коней*).

Ява III.

(*Зъ башты выбига Рамберг; зъ палацу, зъ-за палацу и зправа,
зъ-за саду выбигаютъ пахолы и кильки нимчиють*).

Р а м б е р ъ (*хапає пахола за комиръ*). Halt! (уси зуны-
няються). Sacrebleu! ты гукавъ? Де горыть?

П а х о л ъ (*переляканый*). Не знаю, пане!

Р а м б е р ъ (*трусыть ёго*). Чого жъ гвалтуешь? mille
diabiles!

П а х о л ъ. То козакы гукалы.

Томъ 75.—Октябрь, 1901.

I—11

Рамберъ. Яки козакы, canaille!?

Пахоль. Пана сотника козакы; булы отутъ коло брамы, падалы на коней тай подалысь на передвамча.

Рамберъ (пускае пахола, бижыть на шанець, пахолы зтыха гомонять промижъ себе по куткахъ, нимци видходять управо). Ну, ще якъ тамъ, то ничего (на шанци)... Де жъ воно горыть?... Скачуть черезъ майданъ... сотникъ шаблею маха... Пойихалы за схываемацьку церкву, сковалысь.. Ничого не бачу... Що воно таке?.. (здвыгає плечыма). Якъ повернется сотникъ, то будемъ знаты... а про те покы що (гужка). Гей Дитрыхъ?

Дитрыхъ (выходитъ зъ башти). Hier!

Рамберъ. Браму зачынты и десять человека зъ мушкетами (зходить зъ шанци, гужка до вартового, що на шанци). Макъ-Найль!

Нимець (выходитъ зъ-за палацу на шанци). Hier!

Рамберъ (на подвирьи). Якъ що побачышъ, що горыть, чы що, то гужни заразъ (йде до башти, сидает на ослонци). Щось сёгодни спозарання гвалтують, чы не буде чого.

Ява VI.

Тижъ, Янъ, дали Ядовыга.

Янъ (выбигає зъ палацу безъ шапки, зъ шаблею у руци, поглянувшы навкруги, гужка скажено). Де Даныло? сотникъ де?

Пахоль. Ось заразъ побигъ зъ брамы и козакы зъ нымъ, пане.

Янъ. Коня! (тупає). Мытлю! (пахоль бижыть управо). Пистоли заразъ мени!... у покою! (маха рукою на другого пахола, той бижыть у палаць, зъ палацу выбигає Ядовыга).

Ядовыга. Ясю, куды? Ясю! (пидбигає, хапає за руку). Куды побигъ!?

Янъ (зворуженый). Панна ще пытае!? Та за тымъ гульляемъ, хлопомъ зухвалимъ.

Ядовыга (хутко). Не треба, не треба, покынь!

Янъ (видступае, Ядвыга усе держыть за руку). Якъ то!?
Щобъ отакъ ёго пустыты?

Ядвыга (хутко). Боюсь, боюсь... нехай хто другой... ко-
закы... та ни, не треба... Побигъ и не вернется... Нехай соби...
Тильки ты, Ясю... ну на що тоби!?

Янъ (сказено) Ни, я не послухаю (гуга). Коня!

Пахолъ (выбигае зправа, вказуе рукою направо). Заразъ
сидлаютъ, пане, тильки браму нимци вачынылы й вартують.

Ядвыга (до Рамбера). Пане Рамберъ!

Рамберъ (эъ того часу, якъ выбигла Ядвыга, стоитъ,
трима капелюхъ у руци; на ін слово уклоняется). Слуга панны.

Ядвыга (хутко). Зъ брамы никого не пускаты, а надто
пана Яна, чуе панъ?

Рамберъ (уклоняется, винчыво). Якъ ясна панна скаже,
то й самого князя навить не выпустю.

Янъ (хоче ити до Рамбера). То панъ копытанъ...

Ядвыга (держыть за руку, перепынае). То я приказала
и моя воля, а панъ Янъ мене заразъ мае до покою проводыты.

Рамберъ. Пане, то соромъ дали пручатысь, не по кава-
лерсьви.

Ядвыга. И справди що такъ... пане Яне?

Янъ (сердито). Панно, вже я разъ того зухвала проклятого
выпустывъ, а теперь мени панна зновъ приказуе ёго пустыты!?
Та що-жъ я, не шляхтычъ—чи що!? Колы у мене передъ очима
отакъ надъ панною згнущаются!

Ядвыга (ласкаво). Ясю, не приказую тоби, а попросыты
можн? можно пана Яна просыты? Першый разъ тильки (кладе
руки на плечи ёму, дывытся у очи).

Янъ (понуро). Панна добре видае, що усіма може вер-
ховодыты.

Пахолъ (выбигае эъ палацу, гуга на другого). Панъ князъ
хоче на кганокъ выйти—пытается, що то за гвалтъ (бижыть
назадъ у палацъ, другой пахолъ эъ подвиръя за нымъ).

Ядвыга. Иды, Ясю, до тата. Хутко, та не турбуй ихъ:
вони теперь нездужаютъ, не можно имъ казаты за того хлопа

поганого, не вартъ винъ того, щобъ въ-за ёго тато гнивались, та знову-бъ захорували... Иды, Ясю, я тебе тутъ почекаю (*Яна по-нуро иде у палацъ, ховае шаблю у пыхау*). Иды хутко (*на бикѣ*). Слава Богу, засмокоила *Яна*, бояласъ дуже, щобъ винъ на того гайдамаку самъ не кынулся... Така звирюка!... Козакъ запорозький, каже. (*Голосно*). Пане Рамберъ! (*зворушена, ходыть по сцені; Рамберъ подходитъ, уклоняется, ходыть поручъ*).

Рамберъ. Слуга ясной панны.

Ядвыга (*усмихается*). А видае, панъ, хто ёго прыятель великий, панъ сотникъ? Запорожець—отъ що!

Рамберъ. Я ще якъ уздривъ, то одразу побачывъ, що жовниръ.

Ядвыга (*дывується*). То то пану й байдуже?!

Рамберъ. А що жъ? Бывся я зъ запорожцями не разъ— добри жовнири и до бытвы, и до усёго.

Ядвыга. А я то ще не бачыла запорожцевъ, але той Да-ныло... Ни, не можу, скажу такы пану, що то за зухвальство... Повиришъ, пане, щобъ у мене козакъ закохався и деклярацыю навить зробивъ?

Рамберъ. То не слипый, выходить, запорожець.

Ядвыга. Панъ навить жартуе! (*сердито*). Щобъ отакъ мени хлопъ смилыво въ вичи признався!

Рамберъ. Панно, то не козакъ бидный выненъ, а краса панны (*на бикѣ*). Diable! ото встругнувъ сотникъ!

Ядвыга. Бо-зна-що панъ розказуе!... Пану абы жартувати! (*сміється*).

Вартовы й (*на шанци*). Горыть!

Рамберъ Горыть такы! (*бижыть на шанець*).

Ядвыга. А де горыть?

Рамберъ (*на шанци*). Шынкарева хата!... та то ничего витру немае и людей ў коло шынку (*на кланокъ выходыть князь, спираючись на Яна; позаду пахолкъ*).

V.

Князь. Чого тутъ гвалтувалы? Горыть десь, чы що?

Рамберъ. Въ шынкаря горыть... а ось и въ Берка... и школа жыдивська... и гарманъ пана ловчого... Tonnerre de Dieu! (тупае).

Янъ (бижыть на шанець). Справди... усюды горыть... що жъ воно?

Рамберъ. А панъ не чуе ничего? (наеза) Стриляютъ коло будынку пана ловчого.

Князъ. Що каже панъ копытанъ?

Рамберъ. Хлопы пиднялись, пане князю.

Князъ (хытається, Ядвига підтримує єго). Не може буть!.. А надвирни?..

Рамберъ. Мабуть зрадылы... бо помиже хлопствомъ выдно коло шынку червони жучаны.

Князъ (береться за голову). Ще сёго треба!

Ядвига. Татуню заспокойтесь! (до Рамбера). Пане Жылю... се ничего? Обороните замокъ? справди?

Рамберъ (уклоняется). Ясна панно, брама зачинена, компанія у замку, хочъ и зубости хлопы, а стинъ не вгрызутъ.

Князъ. Нещастя, нещастя!... Ой, тяжко менъ. (Хытається. Ядвига и пахолъ підтримують єго, Янъ бижыть зъ шанця).

Рамберъ. Идти до покою, мосци князю! вже усе буде, якъ слідъ (Янъ и Ядвига ведуть князя у палаць, пахолъ позаду).

Ява VI.

Рамберъ (иденъ на шанци). Мабуть уся сотня зрадыла... Погане дило!... Дитрыхъ!

Дитрыхъ (выходить зъ вежи). Hier!

Рамберъ. Люде не обидалы?

Дитрыхъ. Ще ни, пане копытане.

Рамберъ. Нехай швидче пойидать... роздай порохъ и кули... поклъчъ покы що тихъ, що на брами,—ще йе часъ. (Дитрыхъ виходить управо, зъ палацу выходить підскарбій, стає на кіанку).

Підскарбій. Пане Жылю! а що, пидуть хлопци на замокъ?

Рамберъ. Якъ захтять, то пидуть.

Пидскарбій. А воно намъ безпешно? Якъ наше дило?
(на *панокъ выходить Янъ*).

Рамберъ. А ничего. Днівъ зо-тры ще будемъ живи...
Diable!

Янъ (*гостро*). То жартуе панъ комендантъ!

Рамберъ. Добри жарты!

Янъ (*з гневомъ*). Та що жъ панъ заразъ отутъ казавъ,
колы панна Ядвыга пытала?

Рамберъ (*спокійно*). А на що кванытысь? хыба то що по-
може; я такъ миркую, що усими колись треба вмыраты, але не
треба напередъ знаты, колы воно буде. На що жъ було ясно-
вельможну панну лякаты, колы ще тро дни, кажу, маємо.

Янъ. Чого-жъ то тро дни!? а дали!?

Рамберъ. А йди, пане, сюды на часъ (*Янъ бижыть на
фалъ*). Бачышъ, пане, якъ захтять хлопы заразъ замку добуваты,
то прый memo ихъ добре—у друге не полизутъ; але бачить панъ
добре отого щовба, що выше шынку?

Янъ. Ну, дали!..

Рамберъ. А дали отъ-що. Сёгодни хлопы розибують шынки
и выпьють усю горилку. Взвітра, або взвітра у-ночи, на тымъ
шовби вже будуть покопани шанци и гарматы туды повиля-
гають; писля того, у четвергъ, розибують башту, що на кутку,
и замкову браму, а у п'ятницю що тутъ буде робитись, то
вже мени байдуже буде, тай тоби, мабуть, пане. Розумішъ?

Янъ. А у замку немає гарматъ!?

Рамберъ. Йе гакивныци маненъки, по дви у башти, а ве-
лыки гарматы уси по валахъ на передзамчу, але то вже не
Жыль Рамберъ такъ добре выгадавъ. Якъ-бы учора, колы пійшовъ
регіментъ, та зробивъ мене князъ комендантомъ, якъ панъ важе,
то були-бъ отутъ ци гарматы, або въ кожної хочъ по доброму
цваху сидило-бъ; то була-бъ друга ричъ.

Пидскарбій (*тymъ часомъ стоявъ на подвір'ї, слухаю-
чи, їде у палацъ на бикъ*). Чекайте-жъ отутъ, панове, до п'ят-

выци, кому те до вподобы, а я сёгодни у-ночи до Кыива, вже добре знаю, кудою звидцы выбраться (*видходыть у палацъ*).

Янъ (сумно). Що-жъ робыты теперъ?

Рамберъ. Що робыты? Венгжны выпыты, и моимъ овечкамъ по гарцю доброму даты—менче хлопамъ восстанется; тильки не треба имъ лёху видчынаты, бо перепьются, тай дурно ихъ хлопы порижутъ, а такъ ще на останне добре пограемся. Жоввирська доля—не до вподобы, молодый пане полковныку?

Янъ (зворуженый). Пане Жылю! не боюсь я смерти, бо шляхтычъ... але не знае панъ и никто не знае, що кохаю я щыро панну Ядвыгу, що позавчора тильки я зъ нею заручыўся.

Рамберъ. Sacrebleu!.. Шкода панны, та що-жъ... бува ѹ такъ! (*пазза*) Ma vie, е способъ, тильки це пана дило!

Янъ. Кажы, хочъ у вогонь заразъ!!

Рамберъ. Сёгодни не пійдутъ хлопы па замокъ, бо имъ дила багато: жыдивъ ризаты, раду збыраты, та горилку пыты. Якъ у-ночи не уси вартови пьяни будуть, то може зъ хугоранъ хто буде на варти, що пана николы навить и не бачылы. Одягнется панъ у хлопську одежу, тай у-ночи може якось зъ замку проберется, а тамъ просто до обозу.

Янъ (кыдається, обіймає Рамбера).

Рамберъ. Тильки панъ це може зробыты, другихъ заразъ пизнаютъ, а пахолы—то зрадять, сучи сыны. Панъ визьме кинджаль и пистоли; якъ добуде коня, то до Черкасъ не такъ воно й далеко.

Янъ. А вже-жъ недалеко!... Йидно, що боюсь: отакъ панну у замку покынуты; панъ князь щось заслабъ.

Рамберъ. Ma foi! Объ тимъ не турбуйся, пане: слово жоввирське пану за тры дни.... не бильше, бо тоди мени за мого камарада пана Даныла соромъ буде, якъ винъ до п'ятныци замку не визьме.

Янъ. Хлопъ мерзеный! Колы-бъ винъ мени у руки тильки попався!

Рамберъ. Э, пане, чого доброго жовнира лаяты!... Ну, нехай, це вже ваше дило... Але якъ зустринеться може сёгодни

у ночи, то не забувай, пане, шапку изняты, та ще й чуба треба
буде по козацьки выголыты (*сміється*). *

Я нъ. Ну, годи... Пиду велонюся панни и ёго мосци (*хоче
ити*).

Рамберъ (*зупыняє его*). Якъ хоче панъ мене послухати,
то ничего панни казаты не треба, бо якъ не скоче пана пу-
стыны, и мени прыкаже, то й я тоди пану не дамъ утекты,
хочъ-бы й звязати мусывъ. А сёгодни ще до пивночи хочъ звидцы
на аркани пана спустымо; а якъ вбьють, то хыба не одынъ
чортъ сёгодни, чы у четвергъ? Жывцемъ тильки не треба да-
ваться.

Я нъ. То маю-жъ слово пана копытана (*стыхскає руку*).

Зависа.

θ. Пильченко.

(*Окончаніє слідуєтъ*).

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВЕСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

Изъ прошлаго Полтавщины. 1) *Несостоявшійся проектъ въ 1805 г. о назначеніи жалованья городскому духовенству въ Малороссіи.* Городской голова Архангельска, Поповъ, внесъ въ 1805 г. въ думу предложеніе о назначеніи мѣстному городскому духовенству опредѣленнаго жалованья, освободивъ его отъ обычныхъ хожденій по домамъ съ крестомъ и молитвою передъ праздниками Рождества и Пасхи. Дума признала, что обычай такого хожденія противорѣчить указу 1724 г. и, кромѣ того, «отнимаетъ къ духовнымъ уваженіе, ибо многіе дома иногда святыни съ подобающимъ благоговѣніемъ не пріемлють и священниковъ съ должностною честію не пускаютъ подъ разными предлогами»; поэтому дума согласилась съ предложеніемъ головы и ассигновала: соборному причту 500 рублей въ годъ жалованья, а причтамъ остальныхъ городскихъ церквей отъ 250 до 100 руб. По донесеніи обѣ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ и по докладу послѣдняго императору Александру I, архангельскимъ военнымъ губернаторомъ Форстеномъ былъ полученъ, въ сентябрѣ 1805 г., слѣдующій Высочайший рескриптъ: «Объявите градской думѣ въ всѣмъ, участновавшимъ въ семъ положеніи гражданамъ, что, пріемля съ искреннимъ участіемъ каждый опытъ общественнаго къ церкви уваженія и взирая съ удовольствиемъ на всѣ тѣ случаи, гдѣ духовенству оказывается достодолжное вниманіе и преграждаются поводы, могущіе подвергнуть его какому-либо и самомалѣйшему въ народѣ нареканію, я по всѣмъ симъ отношеніямъ признаю поступокъ архангельского градскаго общества весьма поквальныи и заслуживающими особенную мою при-

Томъ 75.—Октябрь, 1901.

II—1

знательность и благоволеніе». Такимъ образомъ мѣра, принятая городской думой Архангельска, была Высочайше одобрена и поощрена, какъ образецъ, достойный всеобщаго подражанія; поэтому со стороны министерства внутр. дѣлъ, а равно и св. Синода, были повсемѣстно разосланы указы относительно предложенія городскому обществу постоянно послѣдовать примѣру Архангельска и назначить духовенству постоянное жалованье взамѣнъ предираздничного хожденія его по домамъ прихожанъ.

Получивъ такой указъ, малороссійскій генералъ-губернаторъ князь А. Б. Куракинъ немедленно оповѣстилъ о томъ всѣ городскія думы ввѣренныхъ ему полтавской и черниговской губерній и предложилъ обсудить данный вопросъ и донести ему, какое послѣдуетъ о немъ постановление.

Результаты этого предложенія по полтавской губернії были таковы. Въ восьми городахъ (въ Переяславѣ, Прилуцѣ, Золотопотѣ, Лохвицѣ, Пиратинѣ, Глинскѣ, Кобелакѣ и Константиноградѣ) думы не признали нужнымъ назначить своему духовенству постоянное жалованье, находя существующій обычай хожденія по домамъ съ крестомъ и молитвою вполнѣ умѣстнымъ и удержаніе его на будущее время весьма желательнымъ. Такъ, обыватели Кобелака въ собраніи, созванномъ городничимъ, высказались, что они «очень довольны благонравиемъ и добрымъ поведеніемъ духовенства и считаютъ для себя пріятнымъ временемъ посѣщеніе ихъ въ домахъ по праздникамъ приходскими священниками, которые съ подобающимъ благоговѣніемъ, имѣя при себѣ крестъ, обходить своихъ прихожанъ. Самобѣднѣйший хозяинъ выѣняетъ себѣ въ немалую общду, если приходскій священникъ въ опредѣленное праздникомъ время не посѣтить со святынею его дома». Прилуцкіе граждане также находили существующій обычай хожденія съ молитвою и крестомъ весьма хорошимъ, особенно въ праздникъ Богоявленія, «ибо вода (читаемъ въ ихъ постановлѣніи) освящается, по положенію церковному, не только въ одному только ея въ питье употребленію, но и для освященія домовъ». Пиратинцы отозвались, что они «за удовольствіе считаются» посѣщеніе ихъ домовъ духовными. Такъ же мотивировали свой отказъ и другія городскія думы. Роменская дума спачала отклонила отъ себя созваніе гражданъ для обсужденія предложенаго вопроса и предложила это сдѣлать полиціи, но послѣдняя не рѣшилась на это, не имѣя предписанія начальства. Завязалась переписка. Князь Куракинъ пред-

писаць думъ созвать собраніе, находи, что «положеніе сіе (т. е. назначеніе жалованья) должно быть основано на добровольномъ согла-сія общества, а потому попыткі не нужно». Послѣ этого вопросъ о жалованьї духовенству рѣшенъ думой въ утвердительномъ смыслѣ, для чего постановлено обложить городскихъ жителей небольшимъ налогомъ (по 23—24 коп. съ души, различно по приходамъ) и деньги эти вносить «киторамъ» (церковнымъ старостамъ). Подобное же по-становленіе состоялось въ Хоролѣ, гдѣ прихожане были обложены налогомъ по 20 коп. съ двора. Какъ былъ рѣшенъ этотъ вопросъ въ остальныхъ шести уѣздныхъ городахъ—неизвѣстно, такъ какъ донесеній отъ нихъ не получено, или же они не сохранились въ дѣлѣ. Подобную же участъ имѣло правительственное предложеніе и въ черниговской губ. Пять городовъ (Черниговъ, Козелецъ, Глуховъ, Конотопъ и Городня) совершенно его отвергли по тѣмъ же соображеніямъ, что и въ полтавской губ. Лишь въ двухъ городахъ¹⁾ состоялись по-становленія о сборѣ въ жалованье духовенству—въ одномъ по 20 к., въ другомъ по 40 коп. съ души. Жители Стародуба также поста-вили сдѣлать сборъ въ пользу городского духовенства, но не въ формѣ опредѣленнаго налога, а въ видѣ добровольныхъ приношеній, чтобы каждый домохозяинъ вносилъ ту именно сумму, какую онъ платилъ духовенству при посѣщеніяхъ его дома, и собранная такимъ способомъ деньги были распределены между причтами. Достойно за-мѣчанія, что въ Стародубѣ въ то время было 16 церквей. Осталь-ные городскія думы не сообщали своихъ рѣшеній.²⁾

Вообще можно сказать, что предложенная мѣра замѣнить до-брехотныи подаянія духовенству опредѣленнымъ жалованьемъ не встрѣтила сочувствія въ Малороссіи и потому не имѣла никакого успѣха; даже и въ тѣхъ немногихъ городахъ, гдѣ состоялись поста-новленія о налогахъ въ пользу духовенства, эти постановленія оста-лись мертвой буквой. Въ то время приходское духовенство въ Малороссіи было еще выборнымъ, а материальное его обеспеченіе, равно какъ и вообще правовые отношенія причта и прихожанъ опредѣля-лись путемъ свободного договора. Этими отношеніями, выработан-ными исторіей и общимъ строемъ жизни страны, обѣ стороны были

¹⁾ Въ какихъ именно—объ этомъ въ дѣлѣ нѣть точныхъ свѣдѣній.

²⁾ Извлечено изъ архива Полт. Губ. Правленія; дѣло по описи № 273.

еще и въ началѣ XIX в. совершенно довольны и не видѣли нужды въ чёмъ-либо измѣнить ихъ.

2. *Объ открытии ртутной руды.* Помѣщокъ Константиноградскаго повѣта, маіоръ Бѣлуха-Кохановскій, увѣдомилъ въ 1805 году полтавскаго губернатора Муханова о находкѣ въ его имѣніи мальчиками-пастухами ртуть. Не повѣривъ сначала мальчикамъ, самъ Бѣлуха пошелъ осматривать эти мѣста и дѣйствительно добылъ ртуть, которую и представилъ губернатору. Губернаторъ Мухановъ донесъ объ этомъ князю Куракину, которому и представилъ этотъ кусокъ ртути, „сіе новоизобрѣтенное исконаемое“, какъ выразился въ своемъ рапортѣ губернаторъ. Кн. Куракинъ послалъ эту ртуть, съ донесеніемъ, министру внутреннихъ дѣлъ, который поручилъ изслѣдованіе ея одному „изъ извѣстнѣйшихъ химиковъ“ (фамплія въ дѣлѣ не упоминается). О результатѣ этого изслѣдованія министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ кн. Куракина.

Сообщаемъ въ подлинникеъ результаты изслѣдованія, какъ это по-мѣщено въ бумагѣ ministra. „По разслѣдованіи, читаемъ въ ней, оказалось: 1) что ртуть по всѣмъ пробамъ оказалась чистою и ни съ какимъ другимъ металломъ не смѣшана; 2) что земля по наружному виду показываетъ находящуюся въ ней ртуть, какъ въ природномъ ея видѣ, такъ и въ соединеніи съ сѣрою и соланою кислотами; она нерѣдко также въ ртутной рудѣ бываетъ соединена съ сѣрою, которой, однакоже въ семъ случаѣ не было примѣчено ни малѣйшихъ слѣдовъ; на раскаленныхъ угляхъ показывало ртутный паръ, но по причинѣ слишкомъ малаго количества ртутной руды, нельзя, было ни посредствомъ огня, ни посредствомъ раствора, опредѣлить количества ртути, содержащей въ оной.“

Этими исчерпываются все дѣло объ этой находкѣ. Судя по этому увѣдомленію ministra, необходимы были дальнѣйшія изслѣдованія, но производились ли они на мѣстѣ, изъ дѣла не видно. Имѣніе Бѣлухи-Кохановскаго давно перешло въ другія руки и обработки въ ней руды не было никогда. (Архивъ Полт. Губ. Правленія, дѣло по описи № 260).

3. *О минеральныхъ водахъ, открытыхъ въ Константиноградскомъ повѣтѣ.* Въ 1804 году въ имѣніи жены калитана С. Н. Ковалевской, зъ селенія Надеждовка (Константиноградскаго уѣзда) вода въ нѣсколько-

кихъ колодцахъ оказалась негодною для питья, изъ чего помѣщница заключила, что эта вода—минеральная, очень полезная при излѣченіи скорбута, о чёмъ и донесла полтавскому губернатору. Помимо этого, въ томъ же донесеніи Ковалевская сообщаетъ, что въ имѣніи ея есть и глина, очень удобная для валянья суконъ, вполнѣ замѣняющая шелло. Губернаторъ сообщилъ объ этомъ кн. Куракину, который сей-часъ предписалъ доставить эту воду въ Полтаву, во врачебную управу для изслѣдованія. Химіческій анализъ, за отказомъ завѣдывавшаго въ то время большой Лубенской казенной аптекой и ботаническимъ садомъ, Штаубе, поручень былъ завѣдывавшему только что открытой, по ініціативѣ того же Куракина, первой аптекой въ Полтавѣ, про-визору Ивану Сессу. Сесесь произвелъ химіческій анализъ присланной воды, ъздылъ въ имѣніе Ковалевской и нашелъ въ составѣ воды примѣси глауберовой соли, сѣрнокислой извести, углекислой магнезіи, горькой соли и проч. Но кн. Куракинъ не удовольствовался этимъ и отправилъ нѣсколько бутылокъ воды для изслѣдованія въ Харьковскій университетъ, гдѣ оно было поручено адьюнкту Гизе. Послѣдній счѣлъ необходимымъ побывать на мѣстѣ, куда и направлена, пробы въ Надеждовкѣ довольно долго. Изслѣдованіе его сошлося съ анализомъ Сессе; онь нашелъ тѣже примѣси, сообщивъ, что вода эта полезна при лѣченіи желудка и головныхъ болей. Заинтересованный этимъ кн. Куракинъ счѣлъ нужнымъ лично отправиться въ имѣніе Ковалевской и въ имѣніе С. М. Кочубея (по р. Орели), гдѣ открылась такая же минеральная вода. Вслѣдъ за открытиемъ воды въ имѣніи Кочубея, открылась вода съ тѣми же свойствами и у сосѣда Ковалевской, въ имѣніи отставнаго маіора Кулина. Наильзъ больныхъ въ Надеждовку, владѣлица которой продавала уже воду на сторону, по 2 к. за кварту и позволила даже вывозить ее бочками, видимо, смутнѣлъ маіоръ Кулина, который, не желая нарушить своего покоя, велѣлъ засыпать колодезь. Лѣченіе же у Ковалевской больныхъ продолжалось и количество ихъ все увеличивалось. Пользованіе этой водой, отъ которой многіе якобы излѣчивались, сдѣлалось извѣстнымъ далеко за предѣлами Полтавщины. Одесскій вольно практикующій врачъ, якто Новакъ, нарочно прибылъ въ имѣніе Ковалевской, производилъ изслѣдованія и донесъ генералъ-губернатору о десяти случаяхъ исцѣленія этой водой отъ болѣзней. Характерно, что этотъ врачъ Новакъ никогда не былъ въ Одессѣ врачемъ, какъ онъ подпи-сался на своемъ донесеніи. Кн. Куракинъ, желая сдѣлать его врачомъ

въ Надеждинскомъ курортѣ, обратился съ запросомъ о немъ въ Одессу, откуда уведомили, что такого врача въ Одессѣ нѣть и не было.

Наиливъ больныхъ и усиѣшность ихъ лѣченія обратила вниманіе константиноградскаго маршала (уѣзд. предводителя), видимо, слѣдившаго за ходомъ этого дѣла, и онъ донесъ кн. Куракину, что вода эта производить „чудныя дѣйствія.“ Дѣйствительно, въ дѣлѣ находимъ многочисленный списокъ больныхъ, получившихъ исцѣленіе отъ пользованія этой водой, главнымъ образомъ, больныхъ желудкомъ, ревматизмомъ, головными болями, одышкой и проч. Эти свѣдѣнія заставили кн. Куракина отправить донесеніе обо всемъ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ. Послана была для изслѣдованія вода. Изслѣдованіе въ Петербургѣ затянулось и результаты его сдѣлалась известны только въ 1808 г., о чёмъ кн. Куракинъ, бывшій тогда уже министромъ внутреннихъ дѣлъ, и уведомилъ своего преемника по управлению Малороссійской губерніей, кн. Лобанова-Ростовскаго. Воду эту Медицинскій совѣтъ нашелъ полезною, похожею по свойствамъ своимъ, на Зейдшицкія воды въ Богеміи. Министръ вн. дѣлъ поэтому разрѣшилъ устроить въ Надеждовкѣ курортъ для лѣченія этой водой и приступить къ необходимымъ постройкамъ. (Кочубей уже, какъ видно изъ бумаги министра, приступилъ къ нимъ); кромѣ того, разрѣшено было назначить особаго доктора при этихъ водахъ, съ правами коронной службы. Продавать же воду на сторону, какъ это дѣлала Ковалевская, было запрещено. Долго ли просуществовалъ этотъ курортъ—неизвѣстно. Одно лишь можемъ сказать, что въ настоящее время никакого курорта въ константиногр. у. нѣть, не сохранилось и преданія о томъ, что онъ когда-то былъ.

Въ этомъ же дѣлѣ есть замѣтка Пиленка, служившаго въ то время на Луганскомъ заводѣ. Этотъ Пиленко, обозрѣвая горы по правой сторонѣ р. Орели, замѣтилъ такую же глину, какая была найдена въ имѣніи Ковалевской, для чего и рыль небольшія копанки, которыхъ, какъ онъ доносилъ объ этомъ, скоро наполнялись соленовато-горькою водою, похожею на воду, открытую у Ковалевской и Кочубея. Изъ этихъ данныхъ (а рыль онъ эти копанки въ разныхъ мѣстахъ) Пиленко и дѣлаетъ выводъ, что такую воду можно найти во многихъ мѣстахъ. Эта замѣтка Пиленка заставляетъ предположить, что вода въ имѣніяхъ Ковалевской и Кочубея едва ли была вполнѣ цѣлебной; на нее въ первое время набросились больные, а затѣмъ

наплыть мало-по-малу сокращался, пока совсѣмъ перестали ею пользоваться. Что касается глины, то Пиленко, сообщившій, что такой глины много въ разныхъ мѣстахъ уѣзда, былъ правъ; это былъ мергель, т. е. глина съ примѣсью известіи. (Арх. Полт. Губ. Правл. дѣло № 233).

И. Фр. Павловскій.

Одинъ изъ колоколовъ новгородскѣверскаго спасскаго монастыря. (*Къ исторіи литеинаго искусства въ старой Малороссіи*). Исторія колокола видна изъ слѣдующихъ на немъ надписей. На одной сторонѣ: «Сей звонъ дѣлалъ въ Новгородку Сѣверскомъ Иванъ Андреевичъ, людвисаръ (литейщикъ) новгородски». Подъ этой подпись гербъ Мазепы съ инициалами: I. M. Г. В. Е. Ц. П. В. З. и стихи:

Иоанъ, гетманъ славный на Бжю хвалу,
Полагаетъ надежду и всю свою славу,
Возгласить и сей еще звунъ о его славѣ,
А прилатокъ немалый будетъ къ вѣчной хвали.

На другой сторонѣ: Гербъ архимандрита Михаила Лежайского, съ инициалами: М. Л. А. М. В. С. Н. С., и стихи:

Вѣртъ (?) отъ Симеона гетманнча данимъ
Колоколъ Спсу зосталъ зепсованимъ,
Въ звонѣхъ же Спсу хвалу добре быти
Новоопощался звонъ тожъ переробити.

Въерху этихъ надписей, изображеніе Спасителя и кругомъ слова: «краснѣши добротою паче сыновъ человѣческихъ царь славы Гдѣ».

Кругомъ всего колокола надпись: «Року фѣхун (1698), мца октотоврія дня й, за державу благочестивого нашего гдра цра и велико-о кнзя Петра Алексеевича, Великія и Малыя Россіи Самодержца, и при счастливымъ владѣніи ясневелможного его милости пава Иоана Стефановича Мазепы, гетмана войска его црскаго пресвѣтлого величества запорозкого. Израдау же обители свтой всемлстиваго Спса новгородскаго строителю архимандриту сущу тогда Михаилу Лежайскому».

Кромѣ колоколовъ, въ старой Малороссіи лили и пушки. Въ артиллерийск. музей, въ С.-Петербургѣ, хранится пищаль (вѣсъ 23

шуда 30 фунт.) съ такою надписью на казенной части: «За счастливого регимента искновелможной (sic) милости пана Ивана Мазепы, гетмана войскъ его царского пресвѣтлого величества запорожского, вылита сія армата въ Глуховѣ до города Кенетопа (т. е. Конотопа), року 1697. Карть Иосифовичъ дѣлатель». Въ Брянскомъ арсеналѣ пишется мортира, въсомъ въ 50 пуд., съ слѣд. надписью на дульной части орудія: «За царства пресвѣтлѣйшаго и велиководаржавнѣйшаго государя царя, великого князя Петра Алексѣевича всея Великія, Малыи и Бѣлыи Россіи Самодержца, стараниемъ же и коштомъ искновелможного его милости пана Иоана Мазепы, гетмана съ войскомъ запорозкимъ». На казенной части: «лилъ сей можчерь¹⁾ Карть Иосифовичъ, людансаръ глуховски, року 1698.» (См. «Обзоръ коллекцій артиллерійской отдельной Московск. политехнич. выставки 1872 года». Спб. 1872, 16⁰, стр. 29, 44).

Письмо А. И. Чепы къ В. Г. Полетикѣ. «Милоставый государь Васалій Григорьевичъ! Вы имѣете здравомысла. Поздравляю васъ, себя и благомыслящихъ соотечественниковъ нашихъ. Кто не порадуется, видя такого молодого человека, подающаго великое о себѣ надежды?—О ежели бы у насъ было побольше здравомысловъ!

Возвращаю вамъ его труды. Благодарю вамъ за пріятные минуты, доставленные мнѣ чтенiemъ оныхъ. Простите мнѣ, что я умудрился возврашенiemъ. Я не могъ лишить моихъ пріятелей удовольствія, чтобы не сообщать имъ сего сочиненія для прочтенія.

Уже двѣ части майя прошло, а я не собрался выѣхать въ мой хуторъ въ роменскомъ повѣтѣ. По приѣздѣ моемъ туда, надѣюсь найти (въ) Роменской почтовой конторѣ, у г. Палажченкова, ваше писаніе ко мнѣ и еще какіе-нибудь изъ книгъ и изъ бумагъ вашихъ.

Честь имѣю быть съ истиннымъ къ вамъ почтенiemъ и душевною преданностью навсегда вамъ, милостивому государю моему, покорѣйшимъ слугою Андрѣемъ Чепа.

Мая 19 д., 1810 года. Чепурковка. (Съ подлинника).

Кого разумѣеть здѣсь Чепа подъ именемъ здравомысла—не догадываемся.—Въ это время Чепа жиль, повидимому, въ отставкѣ въ пиря-

¹⁾ См. у Линде: „Moździerz—rodzaj działa krótkiego, ale średnicy obszernej do rzucania bomb i różnych kul ogólnistych“.

тинской деревни своего тестя, мичмана Цлевковского, Чепурковъ¹⁾—Здесь же, для биографии Чепы, сообщаемъ два свѣдѣнія. *Первое.* Подъ конецъ своей службы у Румянцова, Чепа занимался и частными дѣлами послѣдняго; онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ юрисконсультата по имѣніямъ Румянцова и давалъ свое заключеніе, напр., по вопросамъ о возбужденіи судебныхъ процессовъ изъ-за имѣній Румянцова. Положеніе Чепы, среди персонала разныxъ управляющихъ Румянцова—видно изъ слѣд. письма одного изъ послѣднихъ (Подлузскаго), писанаго къ Чепѣ въ іюлѣ 1792 г.—«Какъ я вамъ, любезный другъ мой, усердно преданъ, таѣ и скажу правду, что въ Топалѣ и во Внуковичахъ не нашолъ (ничего?) къ лучшей ползѣ господской. Потщимся хотя мало чѣмъ отслужить нашему великому хлебодару. А что вы просили отлучится въ вашъ домъ, въ семъ вѣсѣ и не оправдаю. Я будучи при сущей моей семье, желаю только случая приказаніе его с—ва вездѣ исполнять волю его, а вы другова со мною расположенія...» (*Орфографія подлинника*).

Второе. Въ бумагахъ М. О. Судьенка, поступившихъ въ Университетъ св. Владимира, находится, между прочимъ, такая замѣтка о Чепѣ: «Ст. сов. Чепа, служившій въ канцеляріи Румянцова по гражданской части, человѣкъ начитанный, достигшій—посредствомъ упражненія—искусства писать превосходно и даже опередившій свое время. Человѣкъ тяжелый и валий, отъ которого трудно было добыть что-нибудь для свѣдѣнія. Онъ дожилъ свой вѣкъ въ деревнѣ, въ полтавской губерніи и былъ не единожды призываляемъ малороссійскимъ генер.-губернаторомъ (кн. Рениннымъ) въ правители канцеляріи, но безъ успѣха».

Письмо гр. П. А. Румянцова къ Г. Я. Манарову. «Государь мой Гаврила Яковлевичъ! Получа сіе, пришлите сюда въ скоромъ времени находящихся въ Дѣвицѣ (село прилуцк. у.) моихъ музыкантовъ съ ихъ инструментами, гузаровъ двухъ, на ихъ лошадяхъ, съ уборомъ, птичника, егера, поварского мальчика Петра Пискарева и два цука лошадей чалыхъ и разношерстыхъ, съ надлежащимъ числомъ кучеровъ и форейторовъ.

¹⁾ См. „Ізвѣст. Таврич. Учен. Архивн. Комміссії“, № 22, *Ордера кн. Пл. А. Зубова.*

Евграфа Украинцоza пошлите въ Параф'евку, приказавъ ему осмотрѣть тамъ всѣ мои вещи и уборы, также разные припасы и прочее, и ко мнѣ прислать всему тому реестръ съ прописаніемъ, въ какомъ состояніи что онъ найдеть и причинѣ, отъ чего что испортилось и не годится.

Изъ письма вашего вижу я, что вы не выдали жалованья и по сіе время моимъ людямъ въ Дѣвицѣ находящимся, и какъ у васъ мои деньги есть, то вы и можете употребить ихъ на то, и мнѣ послѣ дать знать, что кому выдаюo будетъ. Все прописанное въ сень прошу васъ неукоснительно исполнить. Вашъ охотный слуга Г. Румянцевъ-Задунайскій.

10 декабря, 1783 года. Вишеньки. (Съ подлинника. Собственно-ручная только подпись).

Г. Я. Макаровъ завѣдывалъ борзенскими и прилуцкими имѣніями гр. Румянцева. Женатъ онъ былъ на дочери Н. Н. Матониса (владѣльца нѣжинскаго села Липова-Рога) Натальѣ Николаевѣ. Позже Г. Я. М—въ былъ прилуцкимъ предводителемъ дворянства. Сынъ Г. Я. Макарова—Яковъ Гавриловичъ въ полов. XIX в. былъ прецѣдателемъ черниговской палаты гражданскаго суда.¹⁾

Что значитъ слово „гомель?“ При описи батуриныхъ дворовъ ген. обознаго Ивана Ломиковскаго (послѣ его взмѣны), замѣчено: «въ городѣ, въ замку, бывалъ третій дворъ Ломиковскаго, на которомъ былъ гомель каменной, а нынѣ разобрали, а но сказкѣ дворника—стъ погреба каменинова а въ замку—з гомеля, кирпичъ сломали и свозили—госпожа Кочубѣйка къ себѣ на дворъ, и строила себѣ будинки, да мѣщанинъ Клименко, краморникъ, избудовалъ себѣ изъ того кирпича свѣтлицу». (Опись относится къ 1726 г.).

Для исторіи компанейскихъ полковъ. Компанейскими, иначе сердюцкими и охотничьими, полками въ гетманщинѣ назывались полки, набиравшіеся изъ охотниковъ, за плату; они были конные и

¹⁾ См. о немъ „Ежегодникъ коллегіи П. Гагагана на 1901 годъ“, стр. 98.

пѣхотные. Начало ихъ относится ко времени Дорошенка и Много-грѣшнаго. Нѣкоторыя о нихъ свѣдѣнія за перв. половину XVIII в. приводимъ здѣсь.

Въ 1722 г., генеральная старшина въ отвѣтъ на запросъ малороссійской коллегіи объ этихъ полкахъ, писала: «сердюковъ за бывшихъ гетмановъ, для службы государевой, было пять полковъ; компанѣйцевъ—такожъ пять полковъ; а были оные полки одинъ противъ другого комплектомъ неравны; однако ниже шестисотнаго числа козаковъ въ оныхъ полкахъ не было; которымъ давано окладу денежного, съ арендуемыхъ войсковыхъ грошей, въ годъ, компанѣйцамъ: одному рядовому человѣку по 4 рубля; а кто съ молодакомъ служить, такимъ по 6 рублей, опрочь мѣсячнаго оброку; а мѣсячнаго оброку въ лѣтнихъ мѣсяцахъ, давалось имъ каждому, по 8 гривенъ, а въ зимнихъ, сверхъ того, придавано на овесъ для ихъ же коней, по 2 гривны и поболѣшъ, смотря по продажѣ овса; якое мѣсячное давалось ижъ съ людей посполитыхъ, на которыхъ были имъ квартиры опредѣлены. А сердюкамъ на всѣ зимпіе и лѣтніе мѣсяцы, равно по 8 гривенъ, а въ годъ по 2 рубля и по кунтушу суконному. Старшинѣ тоже ихъ компанейской и сердюцкой былъ окладъ денежный, каждому по ихъ чинамъ, погодно и помѣсячно; да имъ же были вездѣ по полкахъ, въ Малой Россіи, для довольствія самыхъ и коней опредѣлены квартиры».

Назначеніе этихъ полковъ гетманъ Апостолъ, въ 1728 г., такъ опредѣлилъ: «охочекомонные и охочепѣхотные полки содержались въ Малой Россіи, для употребленія во всякихъ войсковыхъ оказіяхъ; ибо, покамѣсть козаки городовые въ реестровые съ полковъ выберутся отъ домовъ своихъ въ походъ, они, охотницкіе, всегда готовы на скорые поѣздки, ради добытія языка, для первой стражи и, въ часъ баталій, первый фронтъ противъ непріателя, выдержутъ. Сверхъ того, сердюки всегда ходили при генералной артиллериі и при гетманахъ, а компанѣйцы, когда походу вѣтъ, посыдались въ мѣста пограничныя далные или форпосты».

Начало компанейскимъ полкамъ положено было козацкою вольницею вслѣдъ за Андрусовскимъ заговоромъ, когда заднѣпровская Малороссія отдана была Польшѣ: въ это время такие удальцы, какъ Палій, Самусь и друг. собирали около себя «компанію», рядъ искателей приключеній, съ которою отбивали татарскіе набѣги или грабили польскую шляхту. Уже при Самойловичѣ были охотницкіе

полки, изъ которыхъ надъ однимъ начальствовалъ известный Яовицкій.¹⁾ При Мазепѣ компанейскіе полки были въ особенной чести и, по свидѣтельству современнika, состояли изъ однихъ поляковъ.²⁾ Мазепа, уходя къ Карлу XII, защиту Батурина поручилъ сердюцкому полковнику Чечелю и есаулу иѣмцу Кѣнигсеку; сопротивление ихъ Меншикову—извѣстно. Послѣ Мазепы, на компанейскіе полки русское правительство смотрѣло подозрительно и указомъ 14 июля 1726 года было повелѣно: «компанейскихъ трехъ полковъ наличныхъ людей скасовать въ два полка и быть нынѣ по 600 человѣкъ въ полку, а впредь, смотря по нуждѣ, учинить по 1000 человѣкъ... А сердюцкому полку, кои служили во время походовъ, при гетманѣ—не быть, ионеже за ними вынѣ въ Малой Россіи никакой службы пѣть».³⁾

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Ходатайство кіевскихъ гражданъ о выселеніи изъ Киева евреевъ (1830 г.).* Его Высокопревосходительству, господину генерал-лейтенанту, сенатору, кіевскому военному губернатору, управляющему гражданской частью и кавалеру, Борису Яковлевичу Княжину 2-му. Кіевскихъ жителей гражданъ, купцовъ и мѣщанъ ниже-подписанныхъ прошеніе:

Волею Всемилостивѣшаго Государя Императора послѣдовало благоволеніе переселить постоянное жительство евреевъ изъ сей древней столицы, какъ противное правамъ и привелегіямъ въ разные времена городу Киеву дарованнымъ. Каковую волю Монархъ благоволилъ именнымъ указомъ предмѣстнику Вашего Превосходительства, господину кіевскому военному губернатору и кавалеру Желтухину, исполнить, постановляя въ ономъ, «что евреямъ неминуемо воспретить жительство въ Киевѣ, яко вредное не только для города, но и для самой казны». Въ исполненіи оного Высочайшаго постановленія, военный губернаторъ предписалъ губернскому правленію 1827 года декабря 2 дня. «1-е) Безослабно евреевъ иногородныхъ, имѣющихъ жительство по пашпортахъ, совершение черезъ 6 м-дей

¹⁾ Акты Зап. Рос., V, 134 и друг.

²⁾ Соловьевъ, XIV, 317.

³⁾ Арх. генер. к-ріи, по черниг. оп. № 3817.

вывести изъ Киева со дня получения указа. 2-е) Записанныхъ въ Киевѣ купцовъ и мѣщанъ, неимѣющихъ въ городѣ Киевѣ недвижимости, обовязавъ ихъ подолясами о немедленной перепискѣ въ мѣста имъ дозволенные, вывести чрезъ одинъ годъ. 3-е) Имѣющимъ дома чрезъ 1 годъ, воспретивъ имъ всякую промышленность, дозволя прожитіе единственно для продажи оныхъ, удалить чрезъ два года, за непродажу же недвижимости чрезъ три мѣсяца (каковой срокъ уже и окончился) продать съ аукціона и вырученные деньги обратить въ пользу хозяевъ».

Но какъ, за отсутствіемъ г. предмѣстника В. В., Высочайшая Монаршая воля оставалась не во всей силѣ соблюдена, и евреи своимъ непостоянствомъ въ нарушеніи всероссійскихъ купеческихъ постановленій, непрестанно вреда, удручаютъ христіянъ, лишая всѣхъ средствъ и способа разноскою товаровъ и прочимъ, постоянному промыслу съ ущербомъ казнѣ; о чёмъ мы прибѣгали подъ защиту господина киевскаго гражданскаго губернатора и кавалера, и г. губернскаго прокурора, съ прошеніями еще въ ноябрѣ мѣсяца истекшаго 1829 года, прося не лишить насъ Монаршей милости, повелѣть исполнить точность Высочайшаго указа. Но неудостоившись получить на то никакой резолюціи, и притомъ, видя не только ни воспрещеніе жительства евреевъ въ Киевѣ, ни прекращеніе торговли, илже самой продажи имѣнія; но изъ за того еще и въ ново открываемые лавки и пріезды цѣлыми семействами на жительство; а во времена бывшихъ прошедшаго генваря сего 1830 года въ Киевѣ контрактовъ, въ противность волѣ Монаршей, и въ отмѣну силы указа, допущена торговля, не только вѣрителямъ купцовъ 1-й и 2-й гильдій, но даже и самимъ иногороднимъ 3-й гильдіи евреямъ купцамъ и мѣщанамъ въ открытыхъ лавкахъ и разноска товаровъ.

Отягченные неожиданными обстоятельствами, вынужденными заставлены при самихъ первыхъ порахъ утруждать Вашего Высоко-превосходительства, покорно прося прынять угнѣтеныхъ подъ Ваше покровительство, дать мѣсто ослабляемой справедливости и повелѣть исполненіемъ указа оправдывать сущее желаніе монаршой волп. (Слѣдуютъ подпись бургомистра Михаила Гоцаенка, именитаго гражданина Клиmenta Терновскаго и др. (41) купцовъ, гражданъ, мѣщанъ).

Просителямъ чрезъ поліціймейстера объявлено, что надлежащія по сemu дѣлу распоряженія сдѣланы прежде подачи имя прошенія.

2) *Прекращеніе переселенія евреевъ въ Сибирь.* Въ 1837 году Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ поселеніе евреевъ въ Сибири рѣшительно и вовсегда прекратить; впредь поселеніе производить въ новороссійскихъ и, буде можно, въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, въ мѣстахъ, где имъ дозволено имѣть постоянную осѣдлость. Партии евреевъ, направившихся въ Тобольскую губернію, или Омскую область, находящихся въ пути, или распродавшихъ имущество,— обратить въ Херсонскую губернію для возвращенія въ тамошнихъ еврейскихъ колоніяхъ, съ дарованіемъ всѣхъ льготъ, ожидавшихъ ихъ въ Сибири, согласно правиламъ 20 ноября 1836 г. Изъ дѣла видно, что въ юго-западномъ краѣ не оказалось ни одного еврея, собиравшагося переселиться въ Сибирь, а потому Высочайшее повелѣніе не могло быть исполнено мѣстными губернаторами.

3) *Мѣры къ упорядоченію торіовли и расчетовъ евреевъ съ христіанами.* По требованію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, осенью 1845 г. городничимъ, обще съ исправниками и стряпчими Киевской губерніи, кievскимъ военнымъ губернаторомъ предписано всемѣрно наблюдать: а) дабы евреи, при расчетахъ съ сельскими обывателями по торговлѣ, или какимъ-либо обязательствамъ, не производили платежей съ начисленіемъ на каждый рубль серебромъ по 50 коп. ассигнациями ложа, считая рубль серебромъ въ 4 р. ассигн., а 25 коп. серебромъ въ 1 рубль ассигн.; между тѣмъ какъ сами прививаютъ монету не иначе какъ по установленному курсу, т. е. 1 р. сербр. за 3 р. 50 к. ассигн.

б) Чтобы въ городахъ и мѣстечкахъ не употреблялись въ торговлѣ неуздоненные вѣсы и не допускались перекупы, коими преимущественно занимаются евреи, между тѣмъ какъ мѣстная полиція не обращаетъ на это должнаго вниманія.

4) *Овручскій археологъ 1840 г.* Въ январѣ 1840 года адвокатъ овручскаго уѣзднаго суда Иванъ Загоровскій, осведомившись, что предводители и мѣстныя чолиція, по требованію генералъ-губернатора, озабочены собраніемъ описаний памятниковъ старинного зодчества на Волыни, сообщилъ предводителю дворянства, что братъ его, адвоката Загоровскаго, приводя въ устройство архивъ овручскаго Базиліанскаго монастыря, между прочими документами отыскалъ лос-

штокъ бумаги начала XV столѣтія, на коемъ польскими буквами было изображено:

«Обручи, мисто велике, оборонное, опалисадованы, отъ непамятныхъ лить непріятелями зруйноване, осажене на около рогатынами, шарпетынами, гаковницами и другою бронью. Въ немъ княжечихъ въ паньскихъ домовъ 400. Въ томъ мисти находится Васильевская золотоверхая церковь».

Баснословять, прибавляетъ отъ себя Загоровскій, «что предъ дверьми этой церкви была пещера, имѣющая комуникацію съ киевскими пещерами, въ коихъ почиваютъ моши святыхъ богоугодниковъ»...

Сообщ. А. Мёрдеръ.

Къ исторіи старыхъ обычаевъ, братствъ и колядъ на Волыни. Волын. Епарх. Вѣдомости 1901 года въ статьѣ «Высоко-превосв. Модестъ, архієп. волинський и житомірський (по поводу 50-тилѣтнаго юбилея, 1849—1899)» сообщаютъ нѣсколько резолюцій Высокопреосвященнаго по поводу мѣстныхъ обычаевъ. Резолюція эти относятся къ 1890—1891 годамъ.

Одинъ священникъ просилъ о перемѣщеніи па другой приходъ въ виду того, что крестьянинъ Д. съ своей женой не допускалъ его съ погребальною процессіей въ новоустроенную церковь, а просилъ раньше совершить бракъ. На этого крестьянина священникъ подалъ жалобу въ судъ. Высокопр. Модестъ иисалъ: «Священникъ затѣялъ нехорошее дѣло. Будучи образованнымъ, онъ не вашелъ пужнымъ слизойти къ немощи необразованныхъ, напередъ не объяснилъ имъ, въ чемъ тутъ дѣло... И развѣ дѣло хорошее, чтобы священникъ судилъ своихъ прихожанъ за такое желаніе, чтобы прежде было въ церкви радостное молитвословіе, а потомъ печальное? Откуда штурна, откуда ненависть къ духовному пастырю, какъ не отсюда,—отъ неумѣнія священника поставить себя предъ прихожанами на духовной высотѣ мудрости, снисхожденія и даже защиты. Нужно исправить дѣло. По моему желанію и желанію самаго священника, выраженному лачко мнѣ, Духовная Консисторія снесется съ судебнымъ слѣдователемъ о прекращеніи дѣла».

Нѣкоторые изъ молодыхъ священниковъ, по неопытности своей, не слѣдовали давно установившимъ обычаемъ въ приходѣ, и даже

старались (безъ всякихъ резонныхъ оснований) искоренить ихъ, чѣмъ вызывали недовольство, а иногда и беспорядки со стороны прихожанъ. Въ этихъ случаяхъ Владыка требовалъ обстоятельного распроса и проверки этого обычая. По поводу доклада священника «оъ упраздненіи заведенныхъ крестьянами разныхъ праздниковъ, не имѣющихъ ничего общаго съ церковностью», было поручено благочинному разслѣдовать путемъ распроса прихожанъ: «1) Когда и по какому случаю завелись обычай праздновать не въ одни храмовые правдники, но и въ дни, избранные прихожанами? 2) правда ли, что будто только по желанію помѣщиковъ, неужели поляковъ? не эти ли помѣщики, наоборотъ, истребляли праздники? 3) не дѣйствительны ли причинами праздниковъ—бывшія въ этомъ приходѣ старыя церкви съ бывшими другими храмовыми праздниками, чѣмъ теперь? 4) не служать ли основаниемъ для праздниковъ чудотворныя или хвалебныя иконы, или ложа святыхъ, которымъ по древнему преданію прихожане оказываютсяуваженіе?... Указываемые дни праздновались во всей Руси изъ древности. Зачѣмъ же уничтожать вѣру и усердіе къ храму при вынѣшнемъ вообще оскудѣніи благочестія? Бѣда только, что будто пьянствуетъ народъ. Но, во 1-хъ, прошовѣдь постоянная рано или поздно вознимѣтъ свою силу; во 2-хъ, развѣ у священниковъ въ храмовые дни не бываетъ гостей и угоженій; а главное,—священникъ, желающій уменьшить пьянство, пусть вмѣсто корчмы дастъ народу что-либо другое, напр., пусть послѣ обѣда соберетъ въ какой-либо домъ прихожанъ и показываетъ имъ священные изображенія и объясняетъ священную исторію, догматы символа вѣры, заповѣди и проч. Взять у народа праздникъ подъ видомъ упраздненія пьянства и не дать ему взамѣнъ этого ничего, этимъ не только не уменьшится пьянство, но быть можетъ заведется штунда... Въ народѣ часто лучше сохраняется преданіе о древнихъ обычаяхъ православной церкви на Волыни, чѣмъ у священниковъ, переселяющихся съ мѣста на мѣсто. Волынское православіе содержитъ тысячу лѣтъ, и народъ его сохранилъ,—нужно это помнить, чтобы поправкою не испортить чего».

Такое же внушеніе дѣлаетъ высоконр. Модестъ и другому священнику «за то, что онъ, будучи неопытнымъ, и недавно состоя на приходѣ, безъ совѣта благочинного самовольно измѣняетъ древніе обычай братчиковъ приносить и дѣлать свѣчи изъ желтаго воска.. Священникъ долженъ подробно описать обычай братства. Если что у него худо, то можно исправить безъ нарушенія общаго обычая».

и нужно выработать правила. Священникъ требуетъ поддержать его авторитетъ предъ прихожанами. Какъ же поддержать, если онъ неправильно дѣлаетъ, раздражаетъ прихожанъ, уничтожаетъ обычай и требуетъ, чтобы братчиковъ было не столько, сколько хотятъ прихожане, а сколько священникъ безъ основанія хочетъ назначать. Братчикамъ должны быть всѣ прихожане».

Съ осторожностью относился Владыка къ ходатайствамъ о запрещеніи вѣкоторыхъ обычаевъ (свадебныхъ) и разныхъ пѣсенъ. «Истреблять посредствомъ полиції мѣстные обычай, писалъ онъ, неудобно; иначе можетъ зародиться какая либо секта. Духовенство облизано въ иоучеіахъ изъ слова Божія и постепенно безъ насилия увѣщевать оставить грубые обычай и вводить вмѣстѣ съ тѣмъ святые. Если допустить полицію въ среду внутренней жизни крестьянъ, то сельскія власти и полиція могутъ вмѣшаться въ обычай и жизнь духовенства и выставить на видъ всѣ недостатки и неприглядные обычай духовенства. А кто поручится, что этого нѣтъ!».

Въ числѣ неблаговидныхъ поступковъ прихожанами и даже священниками отмѣчалось пѣніе колядъ, а иной разъ просили и совершенно воспретить колядовать во время Рождественскихъ праздниковъ въ виду возникающихъ беспорядковъ. По этому поводу давались слѣдующія разъясненія: «По изданному въ Холмѣ Богогласнику не воспрещается, а дозволяется пѣть въ домаѣ (но не въ церкви) коляды по превнему обычай. Запретить колядовать невозможно, такъ какъ это вкоренилось въ народѣ,—а что беспорядки есть, въ этомъ виновато само духовенство, что выпускало изъ рукъ управлениѣ колядками... А потому: 1) поручить младшему священнику (собора) Г., чтобы онъ созвалъ въ церковь прихожанъ и сказалъ отъ моего имени, чтобы они вмѣстѣ съ священникомъ избрали колядниковъ, извѣстныхъ трезвостью и честностью, и чтобы начальникомъ надъ колядками назначенъ былъ по общему согласію, одобренному священникомъ Г., такой человѣкъ, который бы, отличаясь трезвостью, честностью и вліяніемъ на прихожанъ, могъ сдерживать ихъ буйства. 2) Объявить прихожанъ, что по давнему обычай колядованіе есть свидѣтельство, что колядующіе есть православные русскіе люди, а не поляки,—поэтому всякихъ польскія коляды воспрещаются решительно. Если кто будетъ колядовать по-польски, то гражданское начальство подвергнетъ взысканію, и священникъ Г. пусть за этимъ слѣдить, а отвѣчаетъ за это предводитель колядниковъ. 3) Кромѣ того, объявить прихожа-

намъ, что колядовать взято отъ дьячковъ. Только дьяки имѣли право колядовать. Это по-русски значитъ Христа славить. А для облегченія поручить братчикамъ помочь въ этомъ ему (дьячу) съ тѣмъ, чтобы половина дохода непремѣнно была отдаваема въ церковь. Вообще священнику Г. поручается разъяснить прихожанамъ и колядникамъ и наставить ихъ, чтобы они не вели себя худо».

На рапортѣ священника Н. объ уничтоженіи, при посредствѣ гражданской власти, существующихъ въ народѣ разныхъ суковѣрій и обычаевъ послѣдовала такая резолюція: «Всакіе обычай, существующіе въ Малороссії, религіозные или домашніе, возникли не случайно, а на почвѣ исторической. Эти обычай въ народѣ существуютъ и въ Великороссії. Уничтожать обычай зря и безъ разбору опасно, а необходимо исторически разслѣдовывать сперва ихъ начальное происхождение и значение вообще и въ частяхъ. А потому, прежде разсмотрѣнія этого рапорта, предписать чрезъ благочиннаго священнику Н., чтобы онъ, прочитавши всѣ ученыя сочиненія, въ которыхъ описываются обычай, пѣсни и обряды религіозные и домашніе на Волыни и въ Малороссії, объяснилъ бы: 1) откуда произошли обычай, о которыхъ говорить въ рапортѣ, въ его приходѣ; 2) имѣютъ ли эти обычай связь съ обычаями прочихъ приходовъ Волыни и съ древнею народной жизнью; 3) кто изъ его предшественниковъ по настоятельству въ приходѣ, или изъ прежнихъ малорусскихъ ученыхъ хвалилъ или осуждалъ эти обычай, или заботился объ ихъ перемѣнѣ; 4) кто и по какому случаю выдумалъ коляды; 5) не имѣютъ ли коляды какого либо отношенія ко времени борьбы народа за православіе и къ состоянію духовнаго образования въ то время, когда онѣ составлялись; 6) какъ смотрѣть ученые на обычай колядъ въ Малороссії,—пусть приведеть свидѣтельства ученыхъ; 7) пусть узнаетъ, есть ли теперь обычай колядовать въ Холмской православной епархіи, и если есть, то почему допущены и какой взглядъ имѣли издатели колядъ въ наше время съ разрѣшеніемъ духовной цензуры въ Холмѣ? По представленіи обстоятельныхъ отвѣтовъ на указанные пункты, будетъ разсмотрѣнъ и его рапортъ». (Волын. Епарх. Вѣд. за 1901 г., №№ 3, 4 и 9).

По поводу рецензіи на книгу Б. Д. Грінченка „Литература украинскаго фольклора“ (Письмо въ редакцію). Въ IX книгѣ «Кiev-

ской Старины» за и. г. помещена рецензія г. Шугурова на мою книгу «Литература украинского фольклора». Прошу позволенія у многоуважаемой редакції сдѣлать два-три замѣчанія въ видахъ возстановленія истины.

Указывая мои промахи, рецензентъ обвиняетъ меня въ скрытіи точнаго заголовка одной книги (№ 635 указателя) и въ измѣненіи его у другой (№ 653) и говоритьъ что, въ библіографическихъ указателяхъ нужно приводить заглавія точно. Смѣю увѣрить многоуважаемаго рецензента, что я не рѣшился бы взяться за составление хотя-бы и «Опыта библіографического указателя», не будучи знакомъ съ столь элементарной для каждого библіографа истиной, какъ необходимость точнаго приведенія заглавій. Если въ отмѣченыхъ случаяхъ и является неточность, то это произошло помимо моего желанія и независимо отъ меня: я, какъ это иногда приходится дѣлать библіографамъ, выписалъ эти заголовки изъ чужихъ библіографическихъ списковъ, такъ какъ самихъ книгъ не видѣлъ. Совершенно устраниТЬ всякое пользованіе чужими библіографическими отмѣтками и вносить въ списокъ только тѣ изданія, которымъ удастся видѣть своими глазами, не возможно а потому приходится мириться съ возможностью въ такихъ случаяхъ и яѣкоторыхъ неточностей.

Насколько вообще трудно избѣгать ошибокъ при библіографической работѣ, показываетъ примѣръ приведеннаго въ рецензії списка тѣхъ сочиненій, которыхъ рецензентъ у меня не нашелъ. При сравненіи его съ моимъ указателемъ выходитъ, что № 21 (Шашацкій), 23 (Замѣтки о пов.), 31 (Млр. чумаки), 36 (Суев. об.), 40 (Сч. Соломонъ), 41 (Дешко) 55 (Rawita)—значатсѧ у меня (послѣднєе, правда, не вполнѣ) подъ №№ 234, 300, 304, 417, 435, 478, 1179, при чемъ «Этнографический Сборникъ», выпускъ шестой, вышелъ не въ 1863 г. какъ указано въ рецензії, а въ 1864, какъ значится на самой книгѣ.

Еще два слова по поводу писанокъ. Народный орнаментъ, конечно, не входитъ въ область фольклора,—вотъ почему мною совершенно сознательно не включены въ указатель всѣ перечисленные г. рецензентомъ сборники снимковъ съ писанокъ. Я вводилъ въ свою книгу только такие статьи о писанкахъ, въ которыхъ находится что-либо касающееся фольклора (празднованій, обычай, обряды, легенды и пр.). А такъ какъ въ указатель включались и программы фольклора, то мною внесены въ него и тѣ двѣ программы для собирания писанокъ, о которыхъ упоминаетъ г. рецензентъ: въ нихъ

говорится о собираниі относящагося къ писанкамъ фольклорнаго материала (напр., въ програмѣ Музея г-жи Скаржинской на стр. 5—6 объ обычаяхъ, обрядахъ, преданіяхъ, сказкахъ, пѣсняхъ, поговоркахъ и пр.).

Въ заключеніе приношу мою искреннюю благодарность многоуважаемому рецензенту за его цѣнныя дополненія и указанія моихъ ошибокъ.

В. Гринченко.

Текущія известія.

Памятникъ на могилѣ Е. П. Гребенки. Въ настоящее время выполнено уже постановленіе Пирятинскаго земскаго собранія отъ 30 сентября 1900 г. относительно постановки памятника на могилѣ Е. П. Гребенки. Поставленъ красивый ажурный чугунный крестъ на высокомъ пьедесталѣ. Весь памятникъ имѣть пять аршинъ высоты. Могила огорожена желѣзной решеткой. На пьедесталѣ сдѣланы слѣдующія надписи: „Евгений Павловичъ Гребенка, род. въ х. Убѣжищѣ 21 января 1812 г., ум. въ г. С.-Петербургѣ 3 декабря 1848 г.“ и „Незабвенному земляку Пирятинское земство 30 сентября 1900 г.“ Въ засѣданіи Пирятинскаго земскаго собранія 10 сентября 1901 г., по предложенію гласнаго Н. В. Стороженка, сдѣлано постановленіе о наименованії Убѣжищенскаго начального народнаго училища, находящагося всего въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ могилы покойнаго писателя, «Училищемъ въ память Е. П. Гребенки» и о постановкѣ въ классной комнатѣ училища его портрета, каковой и переданъ для этой цѣли родственниками Е. П. Портретъ этотъ — копія съ извѣстнаго портрета кисти талантливаго портретиста Аполлона Мокрицкаго.

Могила Г. А. Мачтета. Со дня смерти Мачтета, каждый день на Аутское кладбище приходятъ многія лица осмотрѣть могилу покойнаго писателя. Надъ могилой Г. А. Мачтета возвышается (на аршинъ отъ земли) удлинненный четыреугольникъ,

со всѣхъ сторонъ обложеній камнами. На этомъ земляномъ возвышеніи лежать вѣнки изъ зелени и изъ живыхъ цветовъ, принесенные сюда почитателями покойнаго писателя. Прѣдъ могилой стоитъ деревянный крестъ, выкрашенный бѣлой краской. На крестѣ—желѣзная табличка, на которой написано: «Григорій Александровичъ Мачтетъ родился въ ноябрѣ 1850 года, скончался 13 августа 1901 г.». Крестъ на могилѣ Мачтета украшены вѣнками изъ искусственныхъ цветовъ. (Од. Л. № 232).

Памятникъ на могилѣ И. Ш. Котляревскаго. 1-го сентября приступлено къ устройству каменной ограды вокругъ памятника надъ могилою извѣстнаго малорусскаго поэта И. Ш. Котляревскаго, на стадомъ Полтавскомъ кладбищѣ; послѣ того будетъ поставленъ крестъ на самомъ памятнику, изготовленный въ земскомъ ремесленномъ (бывшемъ Дегтяревскомъ) училищѣ по проекту художника А. К. Малова. На устройство этого памятника еще въ 1894 году губернскимъ земствомъ ассигновано 1000 р. и вчернѣ онъ былъ поставленъ на могилѣ осенью 1896 г., затѣмъ, вслѣдствіе неудовлетворительности постановки на кирпичномъ фундаментѣ, осенью 1898 г. этотъ послѣдній замѣненъ гранитомъ. Самый памятникъ, изъ чернаго мрамора, изготовленъ въ Табурищенской мастерской (Александровскаго уѣзда, Херсонской губ.) г. Чевнаго, по проекту мѣстнаго художника В. А. Волкова; бронзовый барельефъ для этого памятника изготовленъ въ мастерской земскаго ремесленнаго училища по оригиналу художника-скульптора Л. В. Позена. На устройство этого памятника до сего времени израсходовано 1136 руб. 19 коп. На немъ находятся слѣдующія надписи:

На лицевой сторонѣ:

«Будешь, батьку, панувати,
Цоки жывуть люде;
Цоки сонце зъ неба сяє
Тебе не забудуть».

На боковой:

«Іван Котляревський, перший український народній поэт».

На другой боковой:

«Родився року Божого 1769, почвивъ 1838».
«Коштомъ Полтавскаго губернскаго земства».

Высота всего памятника отъ основания до 3-хъ саженъ.

Примыкающая къ могилѣ поэта часть упраздненного кладбища распланирована осенью 1899 г. и тогда-же обнесена деревянной оградой. Древесныя насажденія предположено здѣсь произвести ближайшей весной.

Это уже третій по времени сооруженія памятникъ И. П. Котляревскому: первый былъ сооруженъ въ 1839 г. другомъ покойнаго поэта П. С. Стеблинъ-Каминскимъ († въ 1856 г.) на собственный его счетъ, а второй, взамѣнъ предыдущаго, пришедшаго въ ветхость, въ 1869 г. бывшими друзьями и почитателями поэта, во главѣ которыхъ стоялъ известный всѣй Полтавѣ (уже умершій) педагогъ С. И. Стеблинъ-Каминскій.

Чествованіе памяти М. В. Остроградскаго. 12 сентября въ Полтавѣ торжественно было отпраздновано столѣтіе со дня рожденія известнаго талантливаго математика, нашего земляка, М. В. Остроградскаго. Родился онъ въ Кобелякс. у. Полт. губ.

Сочувственную критико-біографич. статью Остроградскому посвѣтилъ П. Быковъ въ № 248 «Биржевыхъ Вѣдомостей».

Коллекція В. В. Тарновскаго. Обширная коллекція украинско-козацкихъ древностей покойнаго В. В. Тарновскаго, завѣщанная имъ Черниговскому земству, до сихъ поръ хранилась въ зданіи Кіевскаго музея древностей и искусствъ, въ виду того, что устройство помѣщенія для земскаго музея въ Черниговѣ не было еще закончено. Въ настоящее время названное помѣщеніе готово, при чемъ земскій музей будетъ находиться въ бывшемъ зданіи сиротскаго суда, которое для этой цѣли соотвѣтственнымъ образомъ приспособлено. Мысль объ устройствѣ музея въ Мазепинскомъ домѣ не осуществлялась, такъ какъ земству не удалось приобрѣсти этого дома. Устроивъ помѣщеніе для музея, Черниговское земство рѣшило безотлагательно перевезти въ Черниговъ изъ Кіева богатую коллекцію покойнаго В. В. Тарновскаго (обширный архивъ послѣдняго еще раньше перевезенъ въ Черниговъ). Въ настоящее время коллекція по описи сдана правленіемъ Кіевскаго музея древностей и искусствъ уполномоченному Черниговскаго губернскаго земства г. Артюху, который специально для этого прїѣзжалъ въ Кіевъ. (Кіевл. № 265).

Портреты малороссийскихъ гетмановъ и полковниковъ.
Отъ художника С. А. Мазараки уже поступили въ Киевскій музей древностей и искусствъ 30 портретовъ малороссийскихъ гетмановъ и полковниковъ, исполненныхъ имъ для музея по заказу Н. А. Терещенко. Портреты исполнены по лучшимъ современнымъ портретамъ и гравюрамъ. Всѣ они будутъ заключены въ изящныя рамы, заказанныя также на средства Н. А. Терещенко. (Кievлянинъ, № 236).

Фонетическая Комиссия. При петербургскомъ университете образованна особая фонетическая комиссия для изученія звуковыхъ особенностей русскихъ нарѣчій. (Югъ, № 1018).

Новое художественное изданіе. Въ январѣ будущаго (1902) г. выйдетъ въ свѣтъ первый томъ предпринятаго редакціей журнала «Миръ Искусствъ» иллюстрированнаго изданія «Русская живопись въ XVIII в.». Весь этотъ трудъ будетъ состоять изъ трехъ томовъ. Первый—посвящается произведеніямъ Д. Г. Левицкаго, второй—портретистамъ 2-ой половины XVIII стѣтія (Рокотову, Антропову, Дрожжину, Шебанову, Аргуновымъ, Щукину и др.) и третій—В. Л. Боровиковскому

Въ виду того, что произведенія всѣхъ названныхъ живописцевъ составляютъ въ большинствѣ случаевъ частную собственность, редакція обращается ко всѣмъ владѣльцамъ картинъ и портретовъ упомянутыхъ мастеровъ съ просьбою сообщить редакціи (С.-Петербургъ, Фонтанка 11) объ имѣющихъ у нихъ произведеніяхъ. Статьи о художникахъ будутъ написаны В. П. Горленко и А. Н. Бенуа. Цѣль изданія—собрать разрозненный и столь мало изслѣдованный материалъ о замѣчательныхъ русскихъ художникахъ, а также дать хорошия снимки съ ихъ произведеній. (С.-Петербургъ. Вѣдомости).

Чествованіе А. А. Русова. 30 августа въ Полтавѣ торжественно чествовался 25-лѣтній юбилей статистической дѣятельности заслуженнаго общественнаго дѣятеля Александра Александровича Русова. Чествованіе происходило слѣдующимъ образомъ. 30 августа, въ часъ дня, депутація статистиковъ, во главѣ съ членомъ управы В. Я. Головней, отправились на квартиру юбиляра и, принеся ему хлѣбъ-солъ, пригласила его въ помѣщеніе управы, где онъ былъ встрѣченъ при входѣ представителемъ губернской управы—заступающимъ

мѣсто предсѣдателя А. П. Волковымъ, который привѣтствовалъ юбиляра и поднесъ супругѣ его—С. Ф. Русовой букетъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Прослѣдовавъ въ залъ губернскихъ земскихъ собраній, юбилиаръ занялъ мѣсто за столомъ, живописно декорированнымъ цвѣтами и задрапированнымъ малорусскими рушниками, а многочисленные сослуживцы, друзья и почитатели чествуемаго заняли мѣста на стульяхъ. Первымъ произнесъ привѣтствіе заступающей мѣсто предсѣдателя губернской управы А. П. Волковъ отъ имени губернской земской управы. Затѣмъ слѣдовали: адресъ отъ сослуживцевъ-статистиковъ, адресъ отъ полтавцевъ на малорусскомъ языке, прочитанный небезызвѣстнымъ въ малорусской літературѣ чистателемъ Панасомъ Маркимъ, поднесшимъ также юбиляру роскошный альбомъ вподовъ и портретовъ дѣятелей Малороссіи. Отъ полтавского сельскохозайственного Общества привѣтствіе произнесъ президентъ этого Общества Д. К. Квитка. Уполномоченный по сельско-хозайственной части въ Полтавской губ. Н. М. Дубровскій передалъ юбиляру, какъ члену редакціи газета „Хуторянинъ“, привѣтствіе отъ имени редакціи и вручилъ ему номеръ газеты отъ 30 августа, посвященный юбилею. По прочтенію адреса отъ статистической комиссіи при петербургскомъ Императорскомъ вольно-экономическомъ Обществѣ и привѣтственной телеграммы отъ юридического факультета Императорскаго харьковскаго университета, заступающимъ мѣсто полтавскаго городскаго головы М. И. Сосновскимъ произнесено было привѣтствіе отъ имени полтавской городской управы. Далѣе слѣдовали адресы отъ иногороднихъ статистическихъ учрежденій, отъ статистиковъ херсонскихъ, черниговскихъ, харьковскихъ, московскихъ, самарскихъ, саратовскихъ, олонецкихъ, кишиневскихъ. Послѣ привѣтствія, произнесеннаго извѣстнымъ писателемъ Вл. Г. Короленко отъ имени редакціи „Русскаго Богатства“, прочитаны были привѣтственные телеграммы и письма отъ учрежденій и отдельныхъ лицъ: отъ херсонской губ. зем. управы, отъ елизаветградской уѣзд. зем. управы, отъ правленія харьковской общественной библіотеки, отъ Общества изданія дешевыхъ книгъ, отъ профессоровъ: А. Фортунатова, Горбъ-Ромашкевича и В. Левитскаго, отъ извѣстного писателя Д. Мордовцева, отъ малорусскихъ артистовъ: Кропивницкаго, Заньковецкой, Карченко-Караго, Садовскаго въ Саксаганскаго и отъ иѣкоторыхъ другихъ лицъ. Чтеніе привѣтственныхъ телеграммъ, за ихъ многочисленностью, было прервано въ $3\frac{1}{2}$ ч. днія и окончаніе отложено до вечера.

Вечеромъ состоялся въ честь А. А. Русова вокально-музыкальный вечеръ, въ которомъ принялъ, между прочимъ, участіе малорусскій поэтъ Галайда, превосходно исполняющій на бандурѣ старыя малорусскія думы и пѣсни. Послѣ концерта состоялся, длившійся до 4 часовъ утра, ужинъ, на которомъ было не менѣе 200 лицъ, и за которымъ произнесено много рѣчей и тостовъ, въ прозѣ и стихахъ, на русскомъ и малорусскомъ языкахъ. Многіе ораторы говорили, между прочимъ, что это не статистический праздникъ, а праздникъ русской интеллигенціи.

Сочувственная статья, посвященная А. А. Русову, помѣстили газеты: «Одесский Листокъ» № 229, «Южный Край» № 7126, «Югъ» №№ 1003 и 1010, «Хуторянинъ» №№ 35 и 37, «Харьк. Губ. Вѣд.» № 228.

Словарь къ произведеніямъ Шевченка. На засѣданіи «Язи-кової Комисії Товариства ім. Шевченка» во Львовѣ, 18 мая постановлено составить словари къ произведеніямъ Т. Г. Шевченка и Маркіана Шашкевича. Предложили свои услуги для этой работы др. Коцковскій и др. Студенскій. Подобный словарь къ произведеніямъ Котляревскаго въ настоящее время уже приготовляется.

Вечеръ въ память М. П. Драгоманова. 13 іюля во Львовѣ, въ залѣ гостиницы «Beile uue», устроенъ былъ львовской украинской молодежью вечеръ въ память М. П. Драгоманова, съ участіемъ хора, на которомъ, послѣ реферата, говорились рѣчи, декламировали. Вечеръ открылся народнымъ гимномъ, а закончился пѣніемъ «Не пора, не пора». Наиболѣе интересной частью вечера былъ рефератъ г. Шавликъ о Драгомановѣ, въ которомъ референтъ сравнивалъ послѣднаго съ Шевченкомъ, указывалъ причины, почему культура Драгоманова не привлекла у насъ такъ, какъ культура Шевченка; отмѣтилъ, почему русины могутъ научиться у Драгоманова. (Літ.-Наук. Вістникъ, кн. VIII).

Гоголевскій альбомъ. Къ предстоящей въ февралѣ 1902 года пятидесятилетней годовщинѣ со дnia смерти Николая Васильевича Гоголя (1808—1852) полтавскій фотографъ-художникъ І. Ц. Хмѣлевскій готовить художественный т. н. «Гоголевскій альбомъ». Въ этотъ роскошный сборникъ геліографюръ войдетъ все, представляющее извѣст-

ный интересъ и относящеся къ жизни и личности великаго писателя; такъ напр., въ альбомѣ будуть помѣщены портреты Гоголя въ разныхъ возрастахъ. Затѣмъ въ альбомѣ войдутъ копіи собственноручныхъ акварельныхъ и карандашныхъ рисунковъ и набросковъ перомъ Н. В. Гоголя, портреты его матери, сестеръ, нѣкоторыхъ друзей и группы родственниковъ; виды родового имѣнія Гоголя, Яновщины, гдѣ есть уголки, какъ напр., аллея и прудъ, которые сохранились со времени Ник. Вас. почти безъ измѣненія, снимки нѣкоторыхъ предметовъ, принадлежавшихъ Н. В. Гоголю, и т. п. Хотя коллекція снимковъ, сдѣланныхъ г. Хмѣлевскимъ въ Яновщинѣ и окрестностяхъ, довольно значительна, но для пополненія ея онъ намѣренъ предпринять поѣздку, совмѣстно съ сотрудникомъ «Нового времени» В. П. Горленко, въ Миргородъ, Сорочинцы, Яресъки, Кибенцы и Нѣжинъ.

Захист церкви. Інтересний епизодъ сообщаетъ временчугскій панелігантъ въ VI вн. Литерат.-Наукового Вістника. Въ большомъ м. Власовкѣ, на берегу Днѣпра, съ незапамятныхъ временъ стояла церковь, сооруженная, какъ говорятъ, еще запорожцами, фундаторами и первыми поселенцами м. Власовки. Парадіане очень любили свою церковь и еще 10 лѣтъ тому назадъ вздергали не малую сумму на ея обновленіе и «благолѣшіе». Но въ послѣднее время сосѣдніе хуторяне повели агитацию противъ этого памятника славной старины и добивались, чтобы Консисторія перенесла церковь на другое мѣсто, п. ч. имъ далеко ходить въ Власовку. Подавъ тайно отъ Власовцевъ прошеніе, они своего добились—и церковь была назначена къ сносу. Сколько ни просили, сколько ни молили Власовцы (подавали даже прошеніе объ этомъ), ничего не вышло. Тогда всѣ прихожане постановили не отдавать никому и никогда своей святыни, и въ день, назначенныій для разборки церкви, всѣ собрались возлѣ нея. Бабы, дивчата и дѣти заполнили погостъ («цивтарь») и заперли изнутри «браму»; мужчины окружали погостъ плотной стѣной, и поліція ничего не могла сдѣлать. Администрація попала на уступки и дала Власовцамъ еще двѣ недѣли срока.

Тѣмъ временемъ Власовцы выбрали одного уважаемаго всѣми козака и отиравили его въ Москву и Петербургъ, въ Синодъ. Делегатъ взялъ съ собой прошеніе, въ которомъ Власовцы умоляютъ оставить имъ церковь, въ которую ходили еще ихъ отцы и дѣды, и гдѣ

сохранилось много вещей, ценныхъ для археологии и исторіи мѣстности, какъ кресты, евангелія, иконы и т. п. Говорятъ, что делегату удалось въ Москвѣ видѣть графиню Уварову—предсѣдателя Императ. Москов. Археолог. Общества—и послѣдняя дала отъ Комиссіи «по сохраненію старинныхъ памятниковъ» письмо въ оберъ-прокурору Св. Синода. Добрался посолъ и въ Петербургъ, побывалъ въ у оберъ-прокурора, подробно все рассказалъ и получилъ обѣщаніе, что церкви не будутъ разрушать до рѣшенія дѣла въ Синодѣ. Веселый и счастливый возвращается депутатъ на родину!.. А тѣмъ временемъ двухнедѣльный срокъ истекъ, и администрація приступила къ исполненію прежняго распоряженія. Но какъ только явилось начальство въ село, во всѣхъ церквяхъ раздался набатъ, и народъ сталъ собираться къ церкви. Опять повторилась та же сцена, что и двѣ недѣли тому назадъ. Интересно, что на помощь Власовцамъ понадобилось много народа изъ Кіевщины и Херсонщины и общими силами стали защищать козацкую церковь. Ничего не могла подѣлать ни мѣстная полиція, ни уговоры благочинного, пристава и писаря. «Не дамо руйновати церкви, ажъ покы не прайде зъ Петербурга нашъ ходокъ!»—кричала толпа. И вотъ именно въ этотъ моментъ является посолъ изъ Петербурга съ радостной вѣстью. Какое, однако, послѣдуетъ рѣшеніе Синода, еще неизвѣстно, но тѣмъ временемъ Власовцы отстояли дорогую для себя святыню.

Выборы галицкихъ пословъ въ сеймъ. На состоявшихся въ концѣ авгуаста выборахъ въ Галиціи галицкіе русины, сравнительно съ прежнимъ числомъ, понесли уронъ: избрано всего лишь 13. Изъ прежнихъ вновь избраны: Остаичукъ, др. Одесницкій, Барвинскій, Мандычевскій и Охримовичъ; новые: свящ. Богачевскій, др. Король, Ант. Старухъ, др. Могильницкій, Гурickъ, Гладжукъ, Барабашъ и свящ. Мазикевичъ. Но и это незначительное число пословъ фактически еще меньше, т. к. Мандычевскій и Охримовичъ врядъ-ли будуть отставать интересы русинъ. (Дѣло, ч. 190).

Къ кустарному съѣзду въ Полтавѣ. На предстоящемъ въ Полтавѣ съѣздѣ дѣятелей по кустарной промышленности между прочими будутъ представлены доклады: А. М. Киселя—«На что должно быть обращено главное вниманіе при мѣропріятіяхъ для развитія и

совершенствованія мѣстныхъ кустарныхъ промысловъ», секретаря Кіевскаго сельско-хозяйственнаго Общества г. Осадчаго—«Кустарные промыслы въ области развитія капиталистического земледѣлія», секретаря Зѣньковской уѣздной земской управы г. Ярошевича—«Важнѣйшая нужды кустарныхъ промысловъ Зѣньковскаго уѣзда» и «Соціальное положеніе кустарей» (жилищная обстановка, питаніе, продолжительность рабочаго времени, высота заработной платы, чувство солидарности—артели, спилки и т. д.), в I. A. Чурила—«О состояніи кустарныхъ промысловъ въ Харьковскомъ уѣздѣ въ 1898 году».

Такимъ образомъ, число вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію предстоящаго съѣзда дѣятелей по кустарнымъ промысламъ постепенно растетъ, а вмѣстѣ съ этимъ растетъ интересъ и значеніе самого съѣзда. Кроме этого, большой интересъ будетъ представлять собою выставка купленныхъ издѣлій, на которой, между прочимъ, будутъ экспонироваться земледѣльческія орудія и машины,—издѣлія кустарей Прилукскаго уѣзда, коллекція глиняной посуды изъ Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи, сапожная издѣлія изъ Смѣлы, и изъ Полѣсья—модели подвозныхъ матеріаловъ изъ дерева.

Для привлеченія къ участію въ съѣздѣ кустарей-крестьянъ организаціоннымъ комитетомъ приняты должныя мѣры, при чёмъ, какъ было уже сообщено, ассигнована денежная сумма для того, чтобы каждому кустарю, прибывшему на съездъ, было обеспечено бесплатное помѣщеніе на одномъ изъ мѣстныхъ постоянныхъ дворовъ и ежедневное содержаніе въ размѣрѣ 25—30 к. въ день на человѣка.



БИБЛІОГРАФІЯ.

Земляки (достопамятные уроженцы Черниговской земли). С. Пономарева. Чернигов. 1898.

Болѣе 15-ти лѣтъ тому назадъ намъ пришлось слышать, что извѣстный своими многими бібліографическими трудами С. И. Пономаревъ занимается составленіемъ бібліографического словаря замѣчательныхъ уроженцевъ Малороссіи, послѣ чего мы не имѣли вѣстей о томъ, какъ именно въ теченіе истекшихъ вслѣдъ затѣмъ лѣтъ по-двигалась эта работа. Краткія свѣдѣнія объ этомъ даютъ маленькая брошюра, название которой мы выписали и о которой, приверживающійся поговорки: „лучше поздно, чѣмъ никогда“, мы нашли нужнымъ дать хоть запоздалое извѣстіе, такъ какъ, представляя собою отискъ изъ мало распространенного изданія „Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ и будучи отпечатана въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, не поступавшихъ въ продажу, она остается неизвѣстною нашимъ бібліографамъ.

Брошюра эта составляетъ относящееся къ Черниговской губерніи сжатое извлеченіе изъ упомянутаго словаря, который въ цѣломъ составѣ обнимаетъ уроженцевъ Черниговской, Полтавской, Киевской, Волынской и Подольской губерній и въ которомъ, какъ говорить авторъ, онъ старался помѣстить всѣхъ тѣхъ уроженцевъ этого края, „въ комъ горѣла Божія искра, кто подвигомъ добрымъ подвизался и о комъ осталась въ обществѣ въ какомъ-нибудь отношеніи выдающаяся память“. Въ этомъ словарѣ, какъ объясняетъ онъ далѣе, онъ заботился узнать мѣсто рожденія, сословіе, родъ занятій,

время смерти и тѣ источники, откуда можно получить подробныхъ свѣдѣнія о данномъ лицѣ.

Опубликованное взвлеченіе изъ словаря состоитъ изъ перечня фамилій достопамятныхъ уроженцевъ Черниговской губерніи, раздѣленного на двѣ части. Въ первой части эти уроженцы перечислены по сану и званію и расположены въ такомъ порядкѣ: прежде всѣхъ указанъ основатель монашества св. Антоній Печерскій, затѣмъ—первые иноки изъ князей (Никола Святоша и Игорь), мученики (ки. Михаилъ и бояринъ Феодоръ), одна инокиня—игумены (преп. Евфросинія, княжна Сузdalская); дальше слѣдуютъ: митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты—настоятели Кіево-Печерской Лавры, придворные духовники и прооповѣдники, ректоры, протопресвитеры и каѳедральныеprotoіереп, гетманы, полковники малороссійскихъ полковъ, члены государственного совѣта, министры, сенаторы, генералы, адмиралы, попечители учебныхъ округовъ, профессоры, писатели и журналисты, композиторы, артисты, художники, паломники и путешесственники, общественные дѣятели на различныхъ по прицахъ, издатели, пчеловоды, наконецъ—казаки (которыхъ указано два: Мойсей Осьмакъ и Андрей Шутъ).—Во второй части перечисля тѣ же самыя лица распределены по уѣзламъ, по мѣсту рожденія, а въ концѣ перечислены тѣ, точное мѣсто рожденія которыхъ (городъ или уѣздъ) автору неизвѣстно. Особую группу въ списѣ составляютъ лица, происходящія изъ Черниговскихъ дворянъ, но родившіяся въ другихъ губерніяхъ, причемъ не совсѣмъ понятно, почему именно это сдѣлано только по отношенію дворянъ, а если жена священника, или купчиха, мѣщанка, крестьянка Черниговской губерніи, для разрѣшенія отъ бремени, отирается въ Кіевъ или Москву, чтобы пользоваться пособіемъ лучшихъ акушеровъ, или по какой бы то ни было причинѣ во время рожденія ребенка будетъ находиться въѣѣ своей губерніи, то рожденіе сю дѣти, по системѣ автора, уже не будутъ принадлежать Черниговской губерніи.

Означенный двойной списокъ фамилій опубликованъ, повидимому, съ той цѣлью, чтобы вызвать появленіе поправокъ и дополненій, какъ объ этомъ можно заключать изъ слѣдующихъ словъ автора: «Съ любовью къ родинѣ, пишущій эти строки кланяется читателямъ на всѣ четыре стороны и просить поправокъ и дополненій къ настоящему труду».

Находя очень симпатичную мысль составить біографіческий словарь замъчательныхъ малороссовъ, мы сожалѣемъ, что авторъ въ своемъ труде не охватилъ весь южно-русскій край, а ограничился пятью названными губерніями, исключивъ губерніи Харьковскую, Херсонскую, Екатеринославскую и Черноморскую. Затѣмъ, если уже составлять біографіческий словарь, то, кромѣ указанія мѣста и года рожденія, сословія, рода занятій и времени смерти лицъ, вносимыхъ въ словарь, было бы желательно въ этомъ словарѣ имѣть и какія набудутъ свѣдѣнія о томъ, какъ именно каждое изъ этихъ лицъ, по выражению автора, „подвигомъ добрымъ подвизался“, какія дѣла творилъ, разумѣется—въ объемѣ, соотвѣтствующемъ значенію каждого; указаній только же на родѣ занятій въ этомъ отношеніи слишкомъ недостаточно.

Что касается до желательныхъ автору поправокъ и дополненій къ его труду, то ихъ очень трудно дѣлать вслѣдствіе чрезвычайной краткости опубликованнаго авторомъ извлеченія, представляющаго собою перечень фамилій безъ обозначенія не только именъ, но даже інициаловъ именъ (за немногими исключеніями), почему относительно многихъ помѣщенныхъ въ этомъ перечинѣ фамилій нельзя съ увѣренностью сказать, о комъ именно идетъ рѣчь.

Не находя поэтому возможнѣмъ сдѣлать обстоятельный поправки и дополненія, ограничимся немногими замѣчаніями.

Достопамятные *Лашкевичи* у автора значатся только въ одномъ Мглинскомъ уѣздѣ; въ другой же части списка („по сану и званію“) *Лашкевичи* указаны въ числѣ писателей и журналистовъ, а одинъ *Лашкевичъ*—въ числѣ общественныхъ дѣятелей. Какихъ именно *Лашкевичей* Мглинского уѣзда разумѣлъ авторъ, представляется неизвѣстнымъ. Изъ уроженцевъ этого уѣзда мы знали только одного *Лашкевича*, которому принадлежитъ два или три стихотворенія, напечатанныхъ въ журналѣ „Русская Рѣчъ“, и который занималъ скромную должность акцізного надзирателя. Но едва-ли этого *Лашкевича* могъ имѣть въ виду авторъ. Гораздо больше соотвѣтствовало указаннѣмъ имъ условіямъ и по нашему мнѣнію необходимо подлежалъ внесенію въ словарь бывшій редакторъ-издатель Кіевской Старины Александръ Степановичъ *Лашкевичъ*, который принадлежалъ къ дворянамъ Новозыбковскаго уѣзда и былъ уроженцемъ села Брахлова, названнаго уѣзда, гдѣ п довольно долго служилъ, какъ это

было въ свое время разсказано въ Киевской Старинѣ.¹⁾ Весьма нѣ-
роятно, что въ числѣ упомянутыхъ писателей и журналистовъ авторъ
разумѣлъ и А. С. Лашкевича, но, не имѣя въ виду свѣдѣній, опуб-
ликованныхъ въ Киевской Старинѣ, неправильно, считать его уро-
женцемъ Мілинскаго уѣзда, съ которымъ у покойнаго Александра
Степановича не было ничего общаго.

Въ числѣ уроженцевъ г. Нѣжина и его уѣзда авторомъ указанъ
только одинъ Конисский, и такъ какъ въ другой части перечня ни-
какого Конисского между писателями не значится, а указанъ Конис-
ский только въ спискѣ архіепископовъ и епископовъ, то представ-
ляется чесомнѣвнымъ, что подъ упомянутымъ уроженцемъ г. Нѣжина
авторъ разумѣлъ архіепископа могилевскаго Георгія Конисского и
слѣдовательно пропустилъ въ своемъ словарѣ недавно умершаго писа-
теля Александра Яковлевича Конисского, который, также какъ и
Георгій Конисский, былъ уроженцемъ г. Нѣжина, какъ это видно изъ
помѣщенаго въ Киевской Старинѣ²⁾ некролога его.

Кромѣ того, мы замѣтили въ трудѣ С. И. Пономарева слѣдую-
щіе пропуски. Изъ бывшихъ министровъ не указанъ извѣстный
Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, который былъ уроженцемъ Глу-
хова.³⁾ Кромѣ Трощинскаго, приведенный авторомъ списокъ высшихъ
сачовниковъ и генераловъ, военныхъ и статскихъ, изъ уроженцевъ
Черниговской губерніи, можно было дополнить еще очень многими
лицами. Но не будучи увѣрены въ томъ, считать ли авторъ высокое
положеніе по сану или чину само по себѣ достаточнымъ основаніемъ
для внесенія извѣстнаго лица въ свой словарь (хотя помѣщеніе нѣ-
которыхъ фамилій дѣлаетъ такое предположеніе болѣе чѣмъ вѣроят-
нымъ) не станемъ перечислять всѣхъ этихъ лицъ.

Изъ профессоровъ и писателей авторомъ не указаны слѣдующіе:
бывшій профессоръ университета св. Владимира, докторъ ботаники
Илья Григорьевичъ Борщоевъ, который происходилъ изъ дворянъ

¹⁾ 1889 г. № 12.

²⁾ 1901 г. № 1.

³⁾ См. „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“ Бантышъ-Ка-
менскаго, ч. V, стр. 150—156,—„Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и ми-
нистровъ юстиціи“ Иванова, стр. 127—136, и предисловіе Попова къ запискѣ
Трощинскаго объ учрежденіи министровъ, въ Сборникѣ Русскаго Историч.
Общества, т. III, стр. 1—162.

Черниговской губернії, хотя родился въ ея; ¹⁾ бывшій профессоръ Нѣжинскаго лицея, магистръ государственного права Михаилъ Дмитріевичъ Затыркевичъ, уроженецъ Сосницкаго уѣзда; ²⁾—бывшій профессоръ петербургской медико-хирургической академіи Иванъ Гавриловичъ Карпинскій, уроженецъ Новгородсѣверскаго уѣзда;—магистръ политической экономіи, доцентъ Московскаго университета Владимиръ Александровичъ Косинскій, уроженецъ Глуховскаго уѣзда; магистръ русской исторіи, авторъ «Исторіи Тверскаго княжества», удостоенной Уваровской преміи, Владимиръ Степановичъ Борзаковскій, изъ дворянъ Черниговской губерніи; ³⁾—авторъ сочиненія «Міръ реальный и міръ идеальный» Иванъ Яковлевичъ Быковъ, уроженецъ Стародубскаго уѣзда;—авторъ разныхъ педагогическихъ статей Николай Феодосьевичъ Левицкій, сынъ священника Черниговской губерніи, ⁴⁾—и авторъ разныхъ сочиненій для дѣтскаго чтенія, одно изъ которыхъ было премировано фребелевскимъ обществомъ, Ананій Гавриловичъ Лакида или Лакидѣ, ⁵⁾ уроженцемъ г. Новгородсѣверска. Наконецъ. въ число Конотопскихъ уроженцевъ нужно было бы помѣстить и почтеннаго автора труда, о которомъ мы говоримъ, чего по 'своей скромности онъ не сдѣлалъ, указавъ только одного Пономарева—пчеловода.

Приведенный авторомъ списокъ художниковъ мы можемъ дополнить указаніемъ на слѣдующихъ лицъ: уроженца м. Ични, Борзенскаго уѣзда, Виктора Михайловича Резанова, написавшаго много

¹⁾ Біографіческія свѣдѣнія объ немъ им'ються въ Біографическомъ словарѣ профессоровъ университета св. Влаїміра, стр. 63—70.

²⁾ См. біографіческій очеркъ его, написанный А. Сребницкимъ, въ изданіи Гербеля „Лицей кн. Безбородко“, 2-ое изданіе стр. 259—260, и некрологъ его въ газетѣ „Жизнь и Искусство“ 1894 г. № 213.

³⁾ Краткія біографіческія свѣдѣнія объ немъ им'юются въ „Словарѣ русскихъ писателей“ Венгерова, томъ V, стр. 172—176.

⁴⁾ См. „Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей“ Д. Языкова, выпускъ 5, стр. 98—99, и статью И. Каманина: „Памяти одного Кіевскаго педагога“, въ Кіевской Старинѣ 1885 г., № 6, стр. 357—363.

⁵⁾ Подъ своими сочиненіями онъ подписывался „Лакидѣ“, какъ называли его и въ некрологахъ (умеръ въ 1895 г.), но въ спискахъ Новгородсѣверской гімназіи, въ которой онъ воспитывался, какъ онъ самъ, такъ и военпіставшіе тамъ же братья его, а равно отецъ ихъ, служившій надзирателемъ той же гімназіи,—писались всегда «Лакида».

малороссійскихъ видовъ,¹⁾ уроженцевъ г. Нѣжина Николая Семено-
вича Самокиша и Филиппа Антоновича Чирку²⁾ и уроженца г. Чер-
нигова Ивана Григорьевича Рашевскаю.

Изъ музыкальныхъ дѣятелей, по нашему мнѣнію, заслуживали быть
упомянутыми не указанные авторомъ Гавріїлъ Андреевичъ Рачинскій,
скрипачъ и отчасти композиторъ, уроженецъ г. Новгородсїверска,³⁾—
Александръ Ивановичъ Рубецъ, бывшій профессоръ петербургской
консерваторіи и устроитель музыкальной школы въ г. Стародубѣ, со-
биратель и издатель мотивовъ малорусскихъ пѣсень, композиторъ и
авторъ разныхъ сочиненій, касающихся музыки, происходящій изъ
дворянъ Стародубскаго уѣзда, но родившійся въ г. Чугуевѣ, Харьков-
ской губерніи, гдѣ въ это время находился его отецъ, служившій
въ военной службѣ,⁴⁾—и бывшій оперный дирижеръ въ Кіевѣ и
Одесѣ Велинскій (имени и отчества не помнимъ), сынъ Велинскаго,
который въ спискѣ г. Пономарева значится въ числѣ высшихъ са-
новниковъ.

Съ другой стороны, относительно нѣкоторыхъ внесенныхъ въ спи-
сокъ фамилій вамъ кажется сомнительнымъ, чтобы они были урожен-
цами Черниговской губ. Но, не имѣя возможности, за необозначеніемъ
именъ, утверждать, что авторъ дѣйствительно разумѣлъ тѣхъ, а не
иныхъ лицъ, и не зная, чѣмъ именно онъ установливаетъ ихъ
место рожденія, не решаемся возражать, а упомянемъ только объ
одномъ случаѣ, о которомъ мы можемъ говорить съ увѣренностью.
Въ числѣ достопамятныхъ уроженцевъ Суражскаго уѣзда имъ указанъ
Листовскій, который въ спискѣ по сану и званію, значится писате-
лемъ. Очевидно, рѣчь идетъ о бывшемъ Суражскомъ уѣздномъ пред-
водителѣ дворянства Иванѣ Степановичѣ Листовскому, которому при-
надлежать разные литературные труды. Но этотъ И. С. Листовскій
былъ уроженцемъ не Суражскаго уѣзда, а Оренбургской губерніи и,

¹⁾ О нѣкоторыхъ изъ нихъ мы говорили въ Кіевской Старинѣ 1893 г.
№ 2, стр. 375.

²⁾ Краткія біографіческія свѣдѣнія о всѣхъ трехъ названныхъ художни-
кахъ можно найти въ изданіи Булгакова «Наши художники»

³⁾ См. некрологъ его въ Москвитянинѣ 1843 г., № 11, и статью „Г. А.
Рачинскій, знаменитый скрипачъ, біографический очеркъ“ Ф. Ситченка въ Черниг.
Губ. Вѣдомостяхъ 1849 г. №№ 47 и 48.

⁴⁾ Въ спискѣ г. Пономарева указанъ одинъ Рубецъ, который значится
профессоромъ университета; такого лица мы не знаемъ.

если не ошибаемся, происходит отъ польской фамиліи; обитателемъ же Суражского уѣзда и мѣстнымъ предводителемъ дворянства онъ сдѣлался только потому, что женился на правнучкѣ графа Завадовскаго, имѣвшей большое имѣніе въ Суражскомъ уѣздѣ. Уроженцами этого уѣзда были только дѣти И. С. Листовскаго, но изъ нихъ никто не подходитъ подъ тѣ условия, при которыхъ авторъ считалъ нужнымъ вносить тѣхъ или иныхъ лицъ въ свой словарь, а другихъ Листовскихъ не только въ Суражскомъ уѣздѣ, но и вообще въ Черниговской губерніи не бывало.

Въ заключеніе, отвѣчая желанію автора, укажемъ неизвѣстныя ему мѣста рожденія нѣкоторыхъ лицъ. Въ послѣдней части списка по мѣсту рожденія, подъ рубрикой: «неизвѣстныхъ мнѣ мѣстъ» у него значатся между прочимъ *Андреевскій* и *Чалый*, а въ спискѣ по сану и званію Андреевскій (съ обозначеніемъ, въ видѣ исключенія, иніціаловъ имени: «Ст. С.») указанъ подъ той рубрикой, гдѣ перечислены губернаторы, а Чалый значится въ числѣ писателей. Очевидно, въ первомъ случаѣ надо разумѣть Степана Семеновича Андреевскаго, который былъ первымъ директоромъ петербургской медико-хирургической академіи, а затѣмъ занималъ должность астраханскаго губернатора и который былъ уроженцемъ Нѣжинскаго уѣзда,¹⁾ а во второмъ—Михаила Корнѣевича Чалаго, который самъ указалъ мѣсто своего рожденія (г. Новгородсѣверск²⁾) въ своихъ воспоминаніяхъ, помѣщенныхъ въ Киевской Старинѣ³⁾, а раньше того оно было указано въ краткой біографіи его, написанной А. Сребницкимъ и напечатанной въ книгѣ Гербеля «Лицей кн. Безбородко». ³⁾ Кромѣ того, авторомъ не указано мѣсто рожденія недавно скончавшагося Степана Даниловича Носа, который былъ уроженцемъ Конотопскаго уѣзда.⁴⁾

Усматриваемая изъ изложенного неосвѣдомленность почтенного автора относительно свѣдѣній, давно опубликованныхъ въ такихъ

¹⁾ См. Исторію медицинскихъ школъ въ Россіи Чистовича, стр. 181 и Энциклопедический Словарь Брокгауза и Ефрана, т. I стр. 757.

²⁾ См. Киевскую Старину 1889 г. № 1.

³⁾ Издание 2-ое, стр. 223—225.

⁴⁾ См. „Очеркъ жизни и дѣятельности С. Д. Носа“ Г. Коваленко въ Киевской Старинѣ 1901 г., № 9.

издавають, какъ Кіевская Старина (объ А. С. Лашкевичъ и М. К. Чаломъ), Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (о С. С. Андреевскомъ), Словарь русскихъ писателей Венгерова (о В. С. Борзаковскомъ) и вышедшее подъ заглавиемъ «Лицей ви. Безбородко» собрание жизнеописаний директоровъ, профессоровъ и замѣчательныхъ воспитанниковъ единственного въ Черниговской губерніи высшаго учебного заведенія (о томъ-же М. К. Чаломъ и М. Д. Затыркевичъ), — даетъ возможность заключать, что, составляя свой біографический словарь, авторъ не пользовался самыми необходимыми для его труда пособіями. Казалось бы, вмѣсто того, чтобы обращаться къ читающей публикѣ съ просьбою о поправкахъ и дополненіяхъ къ одной части труда, касающейся Черниговской губерніи, естественнѣе было заглянуть въ означенныя изданія для необходимыхъ и многихъ исправленій и дополненій по всѣмъ частямъ этого труда. Но авторъ занимается своей работой въ уѣздномъ городѣ, не имѣющемъ бібліотекъ, пользуясь для нея только своей собственной бібліотекой, въ которой могутъ отсутствовать многія изданія, чѣмъ, повидимому, и нужно объяснить незнакомство его съ упомянутыми свѣдѣніями. Если это такъ, объ этомъ нельзя сожалѣть, особенно по отношеніямъ къ Кіевской Старинѣ, ибо въ此刻ое время невозможно указать другое изданіе, которое заключало бы въ себѣ, такъ много біографическихъ свѣдѣній о замѣчательныхъ малороссахъ, какъ Кіевская Старина, почему біографический словарь, составленный безъ ознакомленія съ содержаніемъ этого журнала, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть полнымъ.

Пожелаемъ однако автору, не смотря на указанныя неблагопріятные условія, насколько возможно успѣшно окончить свой трудъ.

Н. Шугуровъ.

Гр. Алексій Бобринскій. Курганы и случайные археологические находки близъ мястечка Смѣлы. Томъ третій. Дневники аскопокъ 1889—1897 г. Спб. 1901, in 4^o, XII+174 стр.+XXI табл. + 2 карты.

Настоящимъ томомъ гр. Бобринскій заканчиваетъ свое цѣнное изданіе. Матеріалъ, помѣщенный въ немъ, въ большинствѣ случаевъ является продолженіемъ и дополненіемъ содержанія двухъ предыду-

щихъ томовъ, въ зависимости отъ продолженія раскопокъ и поступленія въ Смѣлянское собраніе новыхъ находокъ. Нараду съ дневниками своихъ личныхъ раскопокъ, гр. Бобринскій счелъ уместнымъ присоединить и дневники раскопокъ другихъ лицъ. Мотивомъ для этого послужило или поступленіе предметовъ изъ такихъ раскопокъ въ собраніе графа, или близость районовъ, где производились раскопки. Помѣщеніе такихъ дневниковъ можно только привѣтствовать, они представляютъ самый цѣнныи результатъ каждой раскопки — не всегда, однако, это принимается во вниманіе и мы вполнѣ присоединяемся къ сожалѣвію, высказаному графомъ (стр. 62), по поводу того, что, напр., часть коллекціи г. Мазараки, происходящая изъ его раскопокъ въ Роменскомъ у. и поступившая въ Смѣлянское собраніе, была представлена «безъ описания раскопокъ и безъ обѣщанныхъ изслѣдователемъ дневниковъ», — такія раскопки превращаются въ поговью за предметами и здѣсь научныи цѣли отходить на задній планъ...

Дневникамъ раскопокъ предшествуетъ вступленіе, где гр. Бобринскій распредѣляетъ на эпохи древности среднаго Приднѣпровья; давая краткія характеристики каждой и высказывая desiderata по отношенію къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ той или другой изъ нихъ.

Древнейшій періодъ раздѣляется графомъ на каменный вѣкъ — палеолитическая эпоха и на каменно-бронзовую эпоху — енеолитическую по западно-европейской терминологии. Мы не можемъ согласиться съ такой группировкой, такъ какъ не видимъ здѣсь еще одной эпохи, богатой по оставленнымъ ею памятникамъ, тянувшейся несомнѣнно очень продолжительное время и прошедшей черезъ нѣсколько фазъ своего развитія, — говоримъ о неолитической эпохѣ, существующей занять среднее мѣсто среди двухъ предыдущихъ.

Совершенно умѣстно для слѣдующей за неолитомъ эпохи взято гр. Бобринскимъ название енеолитической эпохи, когда изъ каменнуу промышленности, продолжающей еще жить и занимать преобладающее положеніе, начинаетъ проникать металль. Эпоха эта, благодаря раскопкамъ и открытиямъ послѣднаго времени, начинаетъ мало-по-малу очерчиваться яснѣ, приобрѣтая право на самостоятельное положеніе. Гр. Бобринскій опредѣляетъ ее какъ эпоху «каменно-бронзовую», — не будетъ-ли правильнѣе для древностей среднаго Приднѣпровья, назвать ее каменно-мѣдной? Къ этой эпохѣ относятся курганы со скорченными и окрашенными костями. А. А. Спицынъ, давшій подробную характеристику этихъ кургановъ, совершиено справедливо

указываетъ на то пренебреженіе, въ какомъ они находились и отчасти находятся и теперь у нашихъ археологовъ—раскопки ихъ велись и ведутся съ непозволительной небрежностью, нѣтъ подробнаго изученія инвентаря могиль, не сдѣлано анализа встрѣчающихся металлическихъ издѣлій—и очень возможно, что большинство послѣдніхъ окажется не бронзовыми, какъ ихъ обыкновенно опредѣляютъ, а мѣдными; по крайней мѣрѣ форма нѣкоторыхъ изъ нихъ прямо указываетъ на мѣдь. Сюда же гр. Бобрицкимъ относится и недавно открытая у насъ до-микенская культура; а, какъ известно, всѣ найденные здѣсь металлическіе предметы изготовлены исключительно изъ мѣди.

Мы намѣренно остановились на вопросѣ о названіяхъ, такъ какъ вопросъ этотъ имѣетъ отношеніе къ переходу къ слѣдующей докторической эпохѣ, какой, по аналогіи, должна быть бронзовая. Гр. Бобрицкій, вслѣдъ за проф. Антоновичемъ, отрицааетъ присутствіе ея у насъ. Не вѣрнѣе-ли будетъ, если не признавать, то занять, такъ сказать, выжидательное положеніе въ данномъ вопросѣ? Самъ авторъ не отрицаетъ, что находки бронзовыхъ орудій довольно многочисленны, вѣдьстно нѣсколько кладовъ ихъ, встрѣчаются и литьяныя формы и даже, благодаря раскопкамъ автора, мы имѣемъ, повидимому, погребеніе бронзового вѣка (у с. Текливо, возлѣ Смѣлы). Все это указываетъ скорѣе на существованіе, хотя-бы и венродолжительное бронзоваго періода, чѣмъ на отсутствіе его.

Конецъ енеолитической эпохи датируется VII—VI в. до Р. Х. Слѣдующій затѣмъ довольно длинный періодъ—VI—II до Р. Х. и даже позже—періодъ скифо-сарматскій, подраздѣляемый на староскифскій и ново-скифскій. Главная характеристическая черта его, по мнѣнію гр. Бобранскаго, вліяніе греческой культуры и отсутствіе предметовъ, которые можно было бы отнести въ римскому времени. Приводимы основанія вполнѣ убѣдительны, а потому и принимаемое нѣкоторыми подраздѣленіе этой эпохи на скифскую—съ греческимъ вліяніемъ, и сарматскую—съ римскимъ, должно быть оставлено.

Послѣ значительного перерыва, съ III по VI в. по Р. Х. слѣдуетъ эпоха переселенія народовъ, характеризуемая предметами т. н. готскаго типа,—эпоха мало еще у насъ изученная.

Благодаря послѣднимъ открытиямъ кургановъ и полей погребенія съ предметами, носящими признаки римского вліянія и съ римскими монетами, отчасти можетъ быть заполненъ и тотъ перерывъ,

о которомъ только-что упомянуто,—объ этомъ говорить вскользь и самъ авторъ (сюда можетъ быть отнесенъ разрытый графомъ курганъ № СССХLV у с. Ковалихи на лѣвомъ берегу р. Ташлыка). Переходъ отъ доисторического времени въ историческому служить славянская эпоха—VI—IX в., съ славянскими могилами и могилами кочевниковъ. Эти послѣднія частью входятъ уже въ историческое—княжеское время, представителями котораго являются главнымъ образомъ предметы съ городищъ и случайныя находки, зачастую въ видѣ цѣнныхъ кладовъ.

Переходъ къ «Дневникамъ», нужно отмѣтить ихъ тщательность. Здѣсь опредѣляется положеніе могильника или кургана, даются размѣры послѣднихъ, отмѣчаются всѣ открытія и въ концѣ дневниковъ раскопокъ каждой группы приводится «соображенія», гдѣ сводятся всѣ наблюденія, отѣзываются болѣе интересные факты и дается опредѣленіе эпохи. Эти «соображенія» очень оживляютъ по необходимости сухое изложеніе дневниковъ и освѣщаютъ даваемый послѣдними сырой матеріалъ.

Какъ можно будетъ видѣть изъ слѣдующаго краткаго резюме этой части труда гр. Бобринскаго, преобладающіе типы погребеній въ данной части Киевской губ. (гл. обр. бассейнъ р. Тясмина) относятся къ енеолитической и скифо-сарматской эпохамъ.

Первая глава заключаетъ дневники раскопокъ кургановъ между р. Серебрянкою и Ирдынемъ, которая или являются продолженіемъ прежнихъ раскопокъ, или обнимаютъ собой новыя группы. Раскопки производились въ 6-ти группахъ и вскрыто болѣе 50-ти насыпей. Преобладаютъ погребенія неоскифской эпохи, хотя встрѣчены и енеолитическія. При описаніи инвентаря этихъ послѣднихъ, авторъ почти постоянно употребляеть выраженіе «отточенные кремни», такъ что можно думать, что это шлифованныя орудія; на самомъ-же дѣлѣ, судя по описаніямъ орудій, ихъ можно скорѣе отнести къ отбивнымъ. Большинство скифскихъ кургановъ оказалось уже ограбленными въ древности, такъ напр. въ Староселецкомъ могильнике, изъ 39-ти изслѣдованныхъ кургановъ, нетронутаго не оказалось ни одного.

Что-ограбленія производились спустя непродолжительное время послѣ погребенія, на это указываетъ фактъ, констатированный въ одномъ изъ кургановъ этой группы: здѣсь трупъ былъ вынутъ изъ могилы, ограбленъ и снова брошенъ въ могилу въ то время, когда кости были еще связаны мышцами. Въ группѣ у с. Теклино,

кромъ скіфськихъ могилъ, обнаружено еще, какъ о томъ мы уже упомянули, погребеніе, которое по всемъ давнимъ относится къ бронзовому вѣку. Здѣсь, подъ небольшой могильной насыпью (курганъ снесенъ для постройки хаты), на уровне грунта, оказался остовъ повидимому молодой женщины. Кости потревожены, скелетъ головой на югъ. При костяхъ находилась глиняная посуда, большой шейный бронзовый обручъ, съ прекрасной патиной, концы его свернуты въ большіе спиралевидные щитки, два бронзовыхъ щитка такой-же конструкціи, глиняная пряслица и небольшой кусокъ гранита, одна сторона которого слажена. Подобные этому обручи, но меньшихъ размѣровъ, въ формѣ браслетовъ, встрѣчены въ Венгрии и Богеміи, а также и въ Симбирской губ. Кромъ кургановъ, было обслѣдовано у с. Старосельечка и большое городище, давшее предметы различныя эпохи, начиная отъ древнѣйшихъ и кончая IX—XII в. христіанской эры.

Во второй главѣ—дневники раскопокъ 4-хъ кургановъ на правомъ берегу р. Серебрянки; всѣ встрѣченныя погребенія—неолитическая, но въ насыпахъ кургановъ обнаружены погребенія и позднѣйшія, относящіяся даже къ римскому времени, судя по находкѣ части бронзовой фибулы. Попутно гр. Бобринскій перечисляетъ здѣсь всѣ фибулы, имѣющіяся въ его собраніи и происходящія почти исключительно изъ случайныхъ находокъ; фибулы относятся ко времени отъ I в. до р. X. и до V в. по Р. Х., болѣе древнихъ фибуль, такъ частыхъ въ Зап. Европѣ, въ Европ. Россіи, по словамъ автора, до сихъ поръ не встрѣчалось.

Далѣе идутъ курганы на лѣвомъ берегу р. Тясмина; разрыто вѣхъ до 30-ти. Погребенія енеолитической, неоскіфской и, въ одномъ случаѣ—съ римскимъ вліяніемъ. Обнаружены здѣсь (на лѣвомъ берегу р. Ташлыка, у с. Ковалахи) и слѣды древнаго поселенія, просуществовавшаго начиная съ енеолитической эпохи до конца скіфской и даже позже. Въ концѣ главы помѣщена вводная статья о свастикѣ. Въ вопросѣ о свастинѣ гр. Бобринскій останавливается на теоріи проф. Steinena, которую повидимому раздѣляетъ; по ней, «основнымъ мотивомъ орнаментики первобытныхъ племенъ индогерманской расы служить картина наступающей весны, въ смыслѣ общаго воскресенія силъ природы, борьбы свѣта съ мракомъ», и т. д. Вѣстниками весны являются штицы, особенно аисты, которые и ведутъ борьбу съ пресмыкающимися, главнымъ образомъ со змѣями. По теоріи ученаго профессора первобытный человѣкъ взялъ для мотивовъ своей орна-

ментації этихъ добрыхъ и злыхъ животныхъ и путемъ схематизації превратилъ ихъ въ разные виды геометрическаго орнамента. Проф. Steinen и даетъ рядъ такихъ послѣдовательныхъ превращеній: стоящая или сидящая птица обращается въ зигзагъ, летящій аистъ—въ свастику, гнѣздо—въ четыреугольникъ (есть еще гнѣздо съ маткою и гнѣздо съ яйцами), ползущая змѣя—въ зигзагообразную линію. Теорія эта представляется намъ совсѣмъ не серьезной, если не сказать больше. Вѣдь всѣмъ извѣстно, что первобытный художникъ былъ въ высокой степени реалистомъ,—схематизація и стилизациія являются уже продуктомъ дальнѣйшаго и продолжительного развитія изобразительного искусства, геометрическій-же орнаментъ, которымъ преимущественно украшены издѣлія первобытнаго человѣка, возникъ конечно не изъ аистовъ, гнѣздъ и змѣй, а имѣетъ свое основаніе въ ритмѣ—основѣ всѣхъ вообще искусствъ.

Курганы близъ Гуляй-Города занимаютъ четвертую главу; раскопки здѣсь производились въ трехъ могильникахъ и въ городкѣ надъ берегомъ Тисмина; раскопано около 40 кургановъ. Погребенія относятся къ скіфской и болѣе поздней эпохѣ.

Въ послѣдующихъ главахъ даются свѣдѣнія о продолженіи изслѣдованія стоянки каменнаго вѣка подъ Юрьевой горой, подробно описанной въ I-мъ томѣ труда автора, о раскопкахъ кургановъ на правомъ берегу р. Тисмина (въ курганѣ съ енеолитическомъ погребеніемъ вѣроятно по ошибкѣ проникли древніе грабители и оставили тамъ деревянный ломъ и лубочное ведро), о раскопкахъ кургановъ въ окрестностяхъ Шполы (раскопки Ю. Ф. Абаза—посуда до—микенской культуры) и о раскопкахъ близъ г. Звенигородки (раскопки Самоквасова у с. Рыжановки).

Дѣй преднослѣднія обширныя главы посвящены: одна—кургамъ Роменского у., другая—дневникамъ Е. А. Знаско-Боровскаго.

Нагорный берегъ Сулы, съ массой расположенныхъ тамъ некронолей, давно уже привлекалъ изслѣдователей. Курганы заключаютъ погребенія скіфского типа; большинство могилъ разграблено въ древности, рѣдкія-же, оставшіяся нетронутыми, вознаграждаютъ труды изслѣдователей цѣнными находками. Гр. Бобринскій собралъ изъ разныхъ источниковъ свѣдѣнія о произведенныхъ здѣсь раскопкахъ (напр. Самоквасова и Кибальчича), но главное мѣсто удѣлилъ раскопкамъ С. А. Мазараки, приводя его дневники, а въ случаяхъ, гдѣ таковые не были представлены,—описывая предметы.

Дневники Е. А. Зноско-Боровского обнимают преимущественно курганы Каневского у. (103 кургана). Они указывают на ту любовь, съ какой Е. А. Зноско-Боровский (нынѣ покойный) относился къ дѣлу; въ нихъ отмѣчена каждая мелочь (особенно въ дневникахъ болѣе позднаго времени)—все это говоритъ за то, что при раскопкахъ имѣлись въ виду лишь научныя, а не меркантильныя цѣли. Покойный до конца былъ послѣдовательнымъ и все свое богатое собраніе завѣщалъ Кіевскому музею древностей и искусствъ, куда оно уже и поступило. Опубликованіе дневниковъ является лучшимъ почтеніемъ памяти покойнаго. Открыты Е. А. Зноско-Боровскимъ погребенія относятся къ енеолитической и скіфской (преимущественно) эпохамъ; онъ далъ много интересныхъ наблюденій и находокъ; встрѣтились также въ погребеніяхъ кочевниковъ, особенно цѣнно одно изъ нихъ (у с. Ковалей), сохранившее полное вооруженіе воина —кочевника. Кромѣ Каневского у., Зноско-Боровскимъ вскрыто два кургана въ Золотоношскомъ у. Полтавской губ., оба оказались очень интересными, относясь одинъ къ енеолитической эпохѣ, другой—къ скіфской.

Конецъ труда гр. Бобринского занимаютъ перечни предметовъ изъ случайныхъ находокъ. Особаго вниманія заслуживаетъ кладъ, найденный въ 1893 г. у с. Хацки. Почти всѣ предметы сдѣланы изъ низкопробнаго серебра и состоять изъ прѣжекъ, бляхъ, привѣсокъ и т. п., относящихся къ разряду т. н. готскихъ издѣлій (IV—VII в. по Р. Х.).

Таково вкратцѣ содержаніе этого тома раскопокъ близъ м. Смѣлы. Содержаніе довольно развообразное, но составленное съ соблюденіемъ всѣхъ условий, требуемыхъ отъ научнаго труда. Не довольствуясь изложеніемъ фактовъ, гр. Бобринский въ нужныхъ случаяхъ ихъ объединяетъ, проводить параллели, особенно цѣнныя въ такого рода изслѣдованіяхъ. Обширное знакомство автора, помимо русской, съ западно-европейской литературой предмета, еще болѣе увеличиваетъ цѣнность работы и лишь остается пожалѣть, что настоящій томъ является послѣднимъ.

Съ виѣшней стороны изданіе не оставляетъ желать лучшаго; помѣщенные въ текстѣ многочисленные рисунки, а также таблицы въ концѣ книги, исполнены, за немногими исключеніями, вполнѣ удовлетворительно, нѣкоторые-же изъ нихъ даже иллюминированы красками и золотомъ.

Н. В.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы:

- 1) Русскій Архивъ, № 9; 2) Русская Старина, № 9; 3) Историческій Вѣстникъ, № 9; 4) Вѣстникъ Всемірной Исторіи, № 9; 5) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 9; 6) Вѣстникъ Европы, № 9; 7) Русская Мысль, № 9; 8) Научное Обозрѣніе, № 9; 9) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 8 и 9; 10) Przewodnik naukowy i literacki, № 9; 11) Bibliot. Warszaw. № 9; 12) Літер.-Науков. Вѣстникъ, № 9; 13) Кіевск. Универс. Изв., № 6—8; 14) Книжки Восхода, № 8 и 15) Міръ Божій, №№ 8 и 9.

Русскій Архивъ, № 9.

Ізъ воспоминаній Д. В. Бартенева (Укрошеніе Еврейскаго погрома въ городѣ Борзны) (стр. 44—48).

Сообщаются подробности еврейскаго погрома въ нѣкоторыхъ пунктахъ Черниговской губ., въ томъ числѣ и въ Борзны, очевидцемъ котораго былъ авторъ.

Замѣчательная надгробная надпись (стр. 127—128).

Приведена надпись на латинск. языке, находящаяся въ «придворной» церкви Скоропадскихъ въ с. Дунайцѣ, Глуховск. у. Надпись эта—эпитафія гласитъ о томъ, что здѣсь лежитъ Анна Михайловна Скоропадская, внучата племянница гетмана Скоропадскаго, бывшая замужемъ за генер.-аншефомъ Юріемъ Григорьевичемъ Ливеномъ (р. 1695, ум. 1763), скончавшася въ 1840 г. на первомъ году брачной жизни.

Историческій Вѣстникъ, № 9.

Записки Н. И. Мамаева (Продолженіе). Часть вторая. Гл. XXV—XXVIII (стр. 784—827).

Авторъ „Записокъ“ разсказываетъ о своемъ прибытии въ 1838 г. въ Кіевъ въ качествѣ адъютанта волынскаго губернатора Маслова; обѣ отѣзду, послѣ осмотра лаврскихъ пещеръ, къ мѣсту назначения; о житомирскихъ впечатлѣніяхъ, въ особенности рѣзкихъ для автора, благодаря великорусскому происхожденію его и полному неизнакомству съ малорусскимъ и польскимъ народомъ и его обычаями; сообщаетъ о дѣятельности администраціи и своей лично въ разыски-

ванії и арестѣ наиболѣе опасныхъ дѣятелей польской партії; описываетъ отдѣльные пункты, какъ-то Овручъ, съ его достопримѣчательностями, Острогъ, Дубно, Кременецъ, Почаевскую Лавру.

Н. А. Крыловъ. Кадеты сороковыхъ годовъ. (Личныя воспоминанія) (стр. 943—967).

Авторъ, товарищъ чо корпусу братьевъ Жемчужниковыхъ, сообщаетъ любопытныя біографич. данныя о нихъ.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 9

И. А. Бодуэн-де-Куртене. О смѣшанномъ характерѣ всѣхъ языковъ (стр. 13—24).

Небольшая статья (вступительная лекція, читанная въ С.-Петербург. университетѣ), въ которой авторъ въ общихъ чертахъ говорить о смѣшаніи всевозможныхъ группъ языковъ, въ томъ числѣ и славянскихъ. Въ настоящее время замѣчается, по словамъ автора, взаимное вліяніе польской языковой области и области малорусской; русского литературного языка и разныхъ говоровъ, какъ великорусскихъ, такъ и малорусскихъ, равно какъ и языка польского во всемъ его разнообразіи. Отраженія иноязычныхъ особенностей на основномъ фонѣ языковаго строя и состава (лингвистически смѣшанныя области) можно видѣть, между прочимъ, въ областяхъ великорусской, малорусской, болгарской и др.

Въ отдѣлѣ «Критика и бібліографія» (стр. 222—223) данъ весьма сочувственный отзывъ о книжѣ «К. Харламповичъ. Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII в. Казань 1898».

Русская Мысль, № 9.

Павель Матвієвъ. Артамонъ Сергеевичъ Матвієвъ въ приказѣ Малой Россіи и его отношенія къ дѣламъ и людямъ этого края (стр. 46—75). Статья эта, начатая въ № 8-мъ, освѣщаетъ личность Артамона Матвієва, какъ очень популярнаго человѣка въ Малороссіи въ качествѣ «неотступнаго защитника и усерднаго ходатая за Україну», когда онъ былъ начальникомъ приказа Малой Россіи (съ 1669 года). Особенно характерно въ этомъ случаѣ его поведеніе въ дѣлѣ, затѣянномъ Ординъ-Нащокинымъ, о подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху. Насколько Ординъ-Нащокинъ являлся упорнымъ предсѣдователемъ этой мысли, настолько Артамонъ Матвіевъ при-

держивался политикою умиротворяющей и умѣлъ ублажать представителей малороссійского духовенства, какъ въ этомъ вопросѣ, такъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ.

Въ бібліографическомъ отдѣлѣ помѣщены краткіе отзывы о книгахъ: 1) Ягорскій «Очерки по истории русской народной словесности» т. I. Львовъ, 1901 г.; 2) Тупиковъ «Страсты Христовы въ западно-русскомъ спискѣ XVII в.». Спб. 1901 г.

Научное Обозрѣніе. № 9.

И. Стешенко. Иванъ Петровичъ Котляревскій (Историко-литературный очеркъ) (стр. 81—105).

Въ настоящей части своего очерка авторъ задался цѣлью выяснить соціальный смыслъ произведеній И. П. Котляревскаго съ определеніемъ ихъ общественнаго значенія. По опредѣленію автора, нашъ поэтъ является феодальнымъ мелкимъ землевладѣльцемъ-дворяниномъ, выросшимъ на почвѣ крѣпостничества и мирившимся съ послѣднимъ, но не мирившимся съ угнетеніемъ козаковъ, личная свобода которыхъ, соединенная съ землевладѣніемъ, освящалась при томъ феодализмомъ. Вообще же классовой характеръ личности К—го: «идеологъ мелкаго землевладѣнія», а объективность содержанія Энеиды можно прямо tolkovatъ «въ смыслѣ идеализаціи козачества и порицанія враждебныхъ ему группъ общества... Нужно сказать, что эти мысли автора слишкомъ темны, а доказательства не убѣдительны.

Труды Ніевской Духовной Академіи, № 8.

А. Бѣлгородскій. Кіевскій митрополитъ Іероѳей Малицкій (1796—1799 гг.) (Окончаніе.) (стр. 470—528).

Въ послѣдней, пятой, главѣ своего труда авторъ рассматриваетъ дѣятельность митр. Іероѳея по отношенію къ Кіевской духовной Академіи. Въ качествѣ прибавленія къ этой главѣ авторъ присоединилъ еще нѣсколько страницъ возстановленія Кіево-Братскаго монастыря, упраздненнаго, какъ известно, Высочайшимъ указомъ 1786 года.

Літературно-Науковий Вістник, № 9.

Наш альбомъ. Ритми, I—VI, Лесі Українки. — Буркутські станси, I—IV, І. Франка. — Із віршів Якима Супиги, I—IV (стр. 233—240).

Із оповідань Ол. Гавриша. І. Дядько Яким. II. Верба (стр. 241—255).

Первое — слабый психологический набросокъ, второе — сказка (тема заимствована) о происхождении вербы изъ „вередльвои“ бабы.

З давнього миналої. Про Олександра Яковлевича Кониського, Дмитра Марковича (стр. 256 — 260).

Воспоминанія о покойномъ, относящіяся къ 1862 году,—ко времени пребыванія А. Я. Конисского въ Вологдѣ.

Вирід. Оповідання Осипа Шпитка (далі) (стр. 261—286).

Художественное произведение на чисто психологической основе: выяснение духовного міра субъекта, именуемаго, съ общественной точки зрењія, „выродомъ“, а на самомъ дѣлѣ обладающаго не малымъ духовнымъ богатствомъ.

Арсен Яворенко, драма Б. Гринченка (конец буде) (стр. 287—305).

Современная драма, отражающая общественные явленія нашего времени. Главный герой — инженеръ Арсень Яворенко, посвятившій себя на служеніе общественному благу — въ частности поднятію материальнаго и духовнаго быта крестьянъ своего и окрестныхъ селъ.

Образки. I. Хочу докучити тобі, Марти ** (стр. 306—308).

II. Смутна пісня, Надії Кибальчич (308—312).

Послѣднее — картинка изъ сельской жизни: грустная судьба сельской учительницы, не имѣющей ни откуда поддержки и не видящей когда-бы то ни было выхода изъ своего положенія.

Триціять від ста, опов. Матильди Серао (конец буде) (стр. 313—351).

Із оповідань Анатоля Франса: III Король пье (352—357).

Із перепізів Павла Грабовського. Ілля Муромець (великоруська биліна) (далі буде) (стр. 358—360).

Прекрасный переводъ былины объ Ильѣ Муромцѣ съ сохраненіемъ ритма подлинника.

З остатніх десятиліть XIX в., Івана Франка (конецъ) (стр. 112—132).

Прекрасная, интересная, обстоятельная статья, представляющая критико-исторический очеркъ культурного развитія украинско-русскаго народа въ теченіе послѣднихъ трехъ десятилѣтій. Авторъ

указываетъ на наиболѣе выдающіеся моменты въ этомъ развитіи; на наиболѣе крупныя силы, способствовавшія послѣднему.

Будучність імназій, уваги проф. д-ра Фрідріха Паульзена (стр. 153—160) (кінець буде).

Авторъ высказываетъ твердое убѣжденіе, что современный типъ германскихъ и другихъ классическихъ гимназій необходимо долженъ претвориться въ гуманитарную школу безъ древнихъ языковъ.

Хроніка и бібліографія (стр. 30—40).

Кіевскія Университетскія Ізвѣстія, № 6—8.

№ 6. А. С. Грушевскій. Очеркъ исторіи Турово-Пинскаго княжества X—XIII вв. (съ генеалогич. табл. и картой). Сочиненіе, удостоенное ист.-филологич. факультетомъ золотой медали (стр. 1—78).

Авторъ раздѣлилъ свой трудъ на три части. Въ первой говорить о территоріи и населеніи Турово-Пинской области; во второй—даетъ очеркъ исторіи этого княжества и, наконецъ, въ послѣдней касается нѣкоторыхъ фактovъ внутренней исторіи, какъ то: сильно развитое общественное самосознаніе въ Турово-Пинскомъ княжествѣ (походы на Туровъ 1157 г. и 1160), взаимные отношенія Турова и Пинска, а также сообщаетъ свѣдѣнія относительно Туровской епіскопіи.

Означеный трудъ, свидѣтельствующій о немалой эрудиціи и усидчивости автора, явится полезнымъ дополненіемъ къ цѣлой серіи областныхъ монографій, разматривающихъ судьбы отдѣльныхъ русскихъ земель и княжествъ.

№№ 7 и 8. В. А. Чаговецъ. Жизнь и сочиненія преподобнаго Феодосія. Сочиненіе, удостоенное ист.-филол. факультет. золотой медали (стр. 1—70, 71—121).

Авторъ въ данномъ трудѣ талантливо и живо разматриваетъ и разрѣшаетъ вопросы о жизни и литературной дѣятельности преп. Феодосія. Къ труду привлечены списки произведеній, вновь открытыхъ авторомъ.

№ 7. М. В. Довнар-Запольскій. Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ. (Продолженіе) (стр. 413—485).

Продолженіе 4-ї главы—о косвенныхъ налогахъ. Въ данной части авторъ разматриваетъ данные о внутреннихъ таможенныхъ и

торговыхъ пошлинахъ съ мельницъ (мельничное право), заводовъ для производства спиртныхъ напитковъ; скарбовые доходы отъ акцизовъ и монополій.

Ізвѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Сочиненія Г. Ф. Квитки-Основяненка. Вышло изъ печати второе изданіе III и IV томовъ сочиненій украинскаго писателя Г. Ф. Квитки-Основяненка, издаваемыхъ харьковскимъ уѣзднымъ земствомъ. Первое изданіе разошлось безъ остатка. Въ сравнительно большомъ количествѣ сочиненія выписываются въ Кіевской и Черниговской губерніяхъ, вообще же спросъ на произведенія Квитки идеть со всѣхъ сторонъ, гдѣ только пребываютъ малороссы. Складъ изданія находится въ харьковской уѣздной земской управѣ, которая выручаемая отъ продажи сочиненій деньги обращаетъ въ капиталъ, предназначаемый на нужды училища имени писателя въ с. Основѣ. Училище это лучшее въ Харьковскомъ уѣздѣ. (Х. Губ. Вѣд. № 226)

Въ № 5159 газ. „Одесскія Новости“ помѣщена была статья, посвященная 70-лѣтію со дня рождения извѣстнаго писателя Д. Л. Мордовцева, въ которой характеризуется его литературная дѣятельность. Газета напоминаетъ о его огромной популярности, называетъ его горячимъ и искреннимъ „украинофиломъ“, защитникомъ украинской народности отъ нападокъ шовинистовъ, честнымъ проповѣщеніемъ писателемъ.

Предполагаемое периодическое изданіе. Проживающій въ Петербургѣ г. Короненко обратился въ главное управление по дѣламъ печати съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему издавать въ городѣ Холмѣ, Люблинской губерніи, еженедѣльникъ для народа, въ религіозно-общественномъ направленіи на малороссійскомъ языке. (Kurjer Warszawski).

Въ т. XIV (Serja II) „Rozprawy Akademii Umiejetnosci Wydzia艣 Historyczno-filozoficzny (39 т. общаго собранія) помѣщены два важныхъ изслѣдованія.

1) *F. Piekosiński. Statut litewski. Część I* (стр. 61—130), въ которомъ авторъ въ хронологическомъ порядке даетъ обзоръ всѣхъ привилеевъ королевскихъ, начиная съ 1387 г., легшихъ затѣмъ въ основу т. наз. Литовскаго статута; послѣдній имѣлъ три редакціи: 1529, 1564 и 1588 (напечат. на русск. яз. въ Вильнѣ въ томъ же году у Мамонича). Кромѣ того, для земли Волынской и княжества Киевскаго оказалась потребность издать особую редакцію (собственно вторая редакція, съ опущеніемъ отдѣла о военныхъ дѣлахъ и различными поправками, признанными сеймиками); но эта редакція такъ никогда и не была напечатана. Въ дальнѣйшей части своего труда авторъ обѣщаетъ произвести сравненіе содержанія отдѣльныхъ редакцій статута для опредѣленія развитія и измѣненій различныхъ правовыхъ институцій.

2) Того же автора—„*Wiece, sejmiki, sejmy i przywileje ziemskie w Polsce wieków średnich*“ (стр. 171—251).

Приводя, въ хронологическомъ порядке, данныя о вѣчахъ, сеймахъ и сеймикахъ, авторъ иногда даетъ указаніе на участіе въ послѣднихъ и русскаго элемента, т. напр., въ 1436 г. на съѣздѣ между Вищней и Рогатычами утверждена конфедерациз земель русскихъ, а именно: львовской, подольской, перемышльской, сандомирской, галицкой, холмской и белзской; въ 1438 (и въ 1453 привилей) на вольномъ сеймѣ король (Владисл. III Ягеллончикъ) издалъ привилей, въ которомъ, между прочимъ, заявлялъ, что не допустить, чтобы какая нибудь изъ земель—Литва, Русь, Подолія и Молдавщина—были отняты отъ Короны Польской; въ 1452 г. было четыре съѣзда—3 земскихъ и сенаторскій (вольный), на которыхъ рѣшался вопросъ объ отобраніи Луцка и всей Подоліи отъ Литвы,—назначено было даже „рушеніе“ земель сандомирской, любельской и русской на Луцкъ; въ 1456 г. на генеральномъ сеймѣ въ Корчинѣ подтверждены: привилей слободъ для русскихъ земянъ и земскій привилей для земель краковской, сандомирской, любельской, львовской, перемышльской и русской; въ 1465 г.—во Львовѣ сеймъ земель русскихъ (Руси и Подолія) по частному дѣлу; такой же—въ 1477 въ Красноставѣ, наконецъ въ 1496 г. на піотrkовскомъ вольномъ сеймѣ, при участіи духовенства, земянъ и депутатовъ отъ земянъ установлены были пункты для земскихъ (пovѣтовыхъ) сеймиковъ, какъ то: холмскій—въ Грубешовѣ, белзскій—въ Буску, перемышльскій—въ Мосцискѣ,

подольскій—въ Каменцѣ, саноцкій—въ Санокѣ, львовскій—въ Вишнѣ, галицкій—въ Теребовлѣ.

Въ т. VI, кн. 1. „Ізвѣстій Отдѣл. Русск. яз. и Словесности Императ. Акад. Наукъ“ за 1901 г. помѣщена статья А. И. Соболевскаго „Чудо св. Клиmentа, папы Римскаго“. Древне-русское „слово“ (домонгольского периода) стр. 1—8.

Судя по тексту, видно, что святой близокъ автору кievлянину; по его словамъ—самъ Господь привель святого въ „нашу русскую страну“, къ своимъ „врагамъ и отступникамъ“. Слово, какъ видно, было произнесено или прочитано надъ мощами Клиmentа.

Въ №№ 204 и 205 газ. „Дѣло“ помѣщена статья о. Іосифа Ганкевича „За руски старинности и згадка за исторію нашихъ стопонъ“, въ которой авторъ даетъ рядъ фактovъ, историко-бытового характера, интересныхъ для исторіи древн. Звенигорода (галицкаго), Саратова и др. смежныхъ пунктовъ.

Въ № 249 газ. „Кіевская Газета“ помѣщена интересная замѣтка, которую и заимствуемъ оттуда. „Въ серединѣ прошлаго (1900) года вышелъ (въ Кіевѣ) сборникъ украинскихъ стихотвореній подъ названіемъ „Викъ“. Въ этотъ сборникъ, имѣвшій задачею представить образцы украинской поэзіи за истекшее (въ 1898 г.) столѣтіе существованія художественной украинской литературы, вошли произведения лучшихъ украинскихъ писателей отъ Котляревскаго до нашихъ дней. Очень добросовѣстно и талантливо составленный, въполномъ смыслѣ слова художественно изданный и сравнительно недорогой, сборникъ этотъ имѣлъ такой успѣхъ въ публикѣ, что въ настоящее время ужъ совершенно разошелся (отпечатанъ онъ былъ въ 1600 экз.). Необычайный успѣхъ стихотворного сборника „Викъ“, показавшій, что въ нашемъ обществѣ существуетъ большой спросъ на серьезно составленную, изящно изданную, хоть и дорогую украинскую книгу, побудилъ редакцію названнаго сборника продолжить свою въ высшей степени интересную и полезную работу.

Въ настоящее время, какъ мы знаемъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, вполнѣ готовы къ печати дозволенные цензурою два слѣдующихъ тома сборника „Викъ“. Эти два тома „Вика“, каж-

дый въ 25—30 листовъ печати, будуть содержать въ себѣ лучшіе образцы украинской прозаической литературы, начиная отъ Г. Квитки-Основьяненка до нашихъ дней. Въ первый томъ войдутъ произведенія украинскихъ авторовъ отъ Квитки до Франка (включительно), а второй отъ Гринченка до нашихъ дней. Произведеніямъ каждого писателя предпосылается біографія съ характеристикою литературной фізіономіи автора. Настоящіе два тома „Вика“ имѣютъ быть исполнены столь же изящно, какъ и первый томъ. Нужно надѣяться, что публика, встрѣтившая такъ благосклонно первый томъ „Вика“, столь же сочувственно отнесется и къ дальнѣйшей работѣ симпатичной редакціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя сомнѣваться и въ томъ, что большинство публики, открывшей много очень интереснаго и новаго для себя въ первомъ томѣ „Вика“, найдетъ не менѣе интереснаго и въ дальнѣйшихъ томахъ этого изданія. Отъ души желаемъ самаго широкаго успѣха этому новому изданію.

Идя на встрѣчу все возрастающему спросу на совершенно разошедшійся первый томъ „Вика“, редакція этого сборника приготовила уже второе изданіе его. Въ этомъ новомъ изданіи содержаніе настоящаго сборника будетъ значительно переработано и дополнено, будутъ также расширены біографіи писателей и приложена руково-дящая вступительная статья“.

Въ № 1002 газ. „Югъ“ священникомъ Антономъ Гриневичемъ данъ весьма сочувственный отзывъ о брошюре „Думы кобзарськи. Видано подъ додглядомъ Б. Гринченка у Чернигови, 1897“. По сообщенію рецензента, книжка эта очень нравится народу.

Въ № 1301 чѣкто Н. Г. помѣстилъ интересную статью подъ заглавиемъ „Современная Галиція“, составленную на основаніи книги Л. Василевскаго, подъ тѣмъ же заглавиемъ.

Статья даетъ наглядное представленіе о постепенномъ культурномъ ростѣ нашихъ заграничныхъ собратьевъ.

Въ № 182 вѣнской газеты „Arbeiter Zeitung“ помѣщенъ переводъ рассказа В. Стефаника „Сыня книжечка“.

Американскій журналъ „The literary Digest“, vol. XXIII, № 9 помѣстилъ статью подъ заглавиемъ „Cooperative industry legalized in

Russia“, въ которой знакомить американскихъ читателей съ землемѣрческими артелями Н. В. Левитскаго. Статья страдаетъ крупнымъ недостаткомъ: она должно освѣщаетъ самую суть—значеніе артелей въ Россіи.

Англійская писательница Дорота Джирардъ (Dorothea Gerard) издала въ настоящемъ году въ Нью-Йоркѣ повѣсть «The Supreme Crime» (Величайшее злодѣяніе), интересную тѣмъ, что тема взята изъ жизни малорусскаго духовенства въ Галиціи.

Книга „Дешевая библіотека“. № 321. Е. Н. Гребенка. Записки студента. Повѣсть. Путевые записки зайца. Спб. Изд. А. С. Суворина. 1900“,—допущена въ ученич. библіотеки низшихъ и среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

Книга К. Харламповичъ. „Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка. Казань, 1898“,—рекомендована для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, какъ всѣхъ вообще, такъ и въ особенности находящихся въ западномъ краѣ.



Археологическая лѣтопись.

На археологическому съезду въ Харьковѣ.

Свѣдѣнія объ археологическихъ раскопкахъ въ Харьковской губерніи. Харьковская губернія въ археологическомъ отношеніи изслѣдована чрезвычайно мало: у многихъ вслѣдствіе этого сложилось убѣжденіе, что археологи не соберутъ здѣсь сколько-нибудь замѣчательной жатвы. И однако дѣйствительность теперь уже опровергла эти скептическія предположенія и оправдала наоборотъ надежды глубокаго знатока русской археологии, проф. В. Б. Антоновича, который настойчиво рекомендовалъ устроить археологический съездъ въ Харьковѣ, чтобы изслѣдовать по части вещественныхъ памятниковъ степную полосу, находящуюся между бассейнами Днѣпра и Дона.

Раскопки Верхнесалтовскаго могильника въ Волчанскомъ уѣздѣ, открытаго учителемъ мѣстнаго народнаго училища В. А. Бабенкомъ, съ успѣхомъ и послѣ отѣзда комиссіи продолжалъ членъ ея А. М. Покровскій.

Замѣчу только, что Верхнесалтовскому могильнику, какъ май кажется, придется сыграть видную роль въ русской археологии. Это, повидимому, обширный некрополь, надъ которымъ придется еще поработать и впослѣдствії.

Закончивъ свои изысканія въ сѣверномъ теченіи р. Донца, въ Волчанскомъ уѣздѣ, А. М. Покровскій перѣѣхалъ, согласно общему плану экскурсіи, въ Зміевской уѣздѣ, чтобы излѣдовывать болѣе южное теченіе того же Донца—въ особенности курга-

ны съ каменными бабами. Тамъ онъ раскопалъ 4 кургана въ дачахъ сел. Раздольного, изъ нихъ 2 съ каменными бабами и 2 безъ бабъ. Большой курганъ съ каменною бабою оказался наиболѣе интереснымъ. Въ немъ, на разныхъ уровняхъ, было найдено 7 погребеній, изъ коихъ самая глубокія были съ окрашенными костяками (одно изъ нихъ находилось даже ниже уровня желтой глины). Одно изъ погребеній—по всей вѣроятности скиеское—дало бронзовое золоченое зеркало, пару золотыхъ массивныхъ колецъ, золотыя бляшки и спирали (послѣдними вѣроятно, была обшита одежда), ожерелье изъ сердоликовыхъ бусъ и два глиняныхъ сосуда. 2 другіе кургана дали 6 погребеній съ окрашенными костяками и въ скорченномъ положеніи; они бѣдны предметами и относятся къ концу каменного вѣка. Другой курганъ съ каменною бабою оказался совершенно пустымъ. Каменная баба была пожертвована комитету мѣстными землевладѣльцами М. П. и А. В. Багговутъ, за что приносимъ имъ искреннюю благодарность.

Е. П. Трефильевъ производилъ раскопки въ Купянскомъ уѣздѣ. Въ сл. Нижней Дуванкѣ онъ раскопалъ 13 кургановъ; некоторые изъ нихъ оказались принадлежащими къ каменному вѣку и въ нихъ найдены были грубые сосуды и черепа; въ другихъ заключались бронзовые предметы и украшенія, янтарные, коралловыя и сердоликовыя бусы; погребеніе здѣсь совершилось въ мѣловой почвѣ, а одно было отыскано въ ладьѣ. Въ с. Сватовой Лучкѣ было разрыто 9 кургановъ, изъ коихъ два кочевническихъ, остальные—каменного вѣка, а одинъ съ золотыми предметами, украшенными жемчугомъ и каменьями, съ каменной плитой и сосудами.

В. А. Городцовъ со своимъ помощникомъ студентомъ г. Большаковымъ производилъ обширные раскопки въ Изюмскомъ уѣздѣ, на нижнемъ теченіи Донца въ предѣлахъ харьковской губерніи. Первый опытъ раскопокъ былъ произведенъ имъ въ сел. Николаевкѣ, въ 12 верстахъ отъ Славянска, гдѣ разрыто 4 кургана съ 9-ю погребеніями. Изъ послѣднихъ, 3 принадлежали кочевникамъ и сопровождались похоронами цѣлаго коня или его частей. Вещей въ нихъ было немного—2 цѣльныхъ глиняныхъ горшечка, 1 бронзовое ведерко, двое желѣзныхъ удилъ, вѣсколько мелкихъ желѣзныхъ, бронзовыхъ и се-

ребряныхъ вещицъ и костяныхъ орнаментированныхъ пластинокъ, служившихъ оправой съдла или колчана. Самое богатое изъ этихъ погребений вмѣстѣ съ деревяннымъ ладьевиднымъ гробомъ доставлено въ музей Императорскаго харьковскаго университета и разобрано уже на мѣстѣ. При костяхъ найденъ желѣзный мечъ, кольчуга, остатки одежды и обуви и т. п. Эта находка представляетъ большой интересъ въ силу, такъ сказать, ея наглядности. Въ настоящее время музеи не останавливаются передъ огромными затратами для пріобрѣтенія подобныхъ предметовъ и если найденный въ Изюмскомъ уѣздѣ гробъ съ воиномъ останется въ Харьковѣ (что крайне желательно), то онъ безъ сомнѣнія составитъ одну изъ достопримѣчательностей харьковскаго университета. Другія погребения относятся частію къ скиѳскому, частію къ неолитическому періоду.

Слѣдующимъ пунктомъ изысканій В. А. Городцова была Селимовка—тамъ имъ было раскопано 9 кургановъ съ 41 погребеніемъ, изъ коихъ 38 оказались неолитическими и скиѳскими и 3 кочевническими. Среди этихъ кургановъ былъ одинъ съ каменною бабою (подлѣ д. Черногоровки). Въ немъ найдено было 7 погребений очень раннаго времени, такъ какъ кости имѣли скорченное положеніе, а 2 изъ нихъ находились въ особыхъ пещерахъ, выкопанныхъ въ бокахъ ямъ. Одно изъ кочевническихъ погребений было повидимому очень богато, но къ сожалѣнію разграблено: оно сопровождалось похоронами коня и атрибутами начальнической власти (навершьемъ каменной булавы), а также обильными остатками желѣза и мѣдной окиси на костяхъ коня. Очень богатымъ оказалось также одно изъ скиѳскихъ погребений, въ которомъ найдены мѣдный литой котелъ на тонкой высокой ножкѣ, въсомъ около 20 ф., и 322 золотые вещицы (мелкія бляшки и т. п.). Оригинальны могилы въ формѣ пещерь. Оригинальна и керамика. Отправлены были съ этихъ раскопокъ въ Харьковъ и 2 каменныхъ бабы. Горячее содѣйствіе въ раскопкахъ оказывалъ земскій начальникъ 5-го участка Изюмскаго уѣзда Вл. Митр. Купчиновъ, за что отъ имени комитета приношу ему глубокую благодарность.

Далѣе В. А. Городцовъ изслѣдовалъ районъ къ востоку отъ г. Славянска до устья р. Бахмутки. Раскопано было здѣсь 24 кургана и открыто въ нихъ 70 погребений; два изъ этихъ

кургановъ были съ каменными бабами. Первый курганъ съ каменною бабою у сел. Закотного даль 2 скиескихъ погребенія; такія же погребенія найдены и въ двухъ смежныхъ съ вимъ курганахъ меньшихъ размѣровъ, тогда какъ второй курганъ съ каменною бабою у с. Ямполя содержалъ 2 скиескихъ и одно кочевническое погребеніе. Три кургана были раскопаны у сел. Райгородка, гдѣ священникомъ состоитъ о. Василій Сибісивцевъ, открывшій и изслѣдовавшій стоянки каменного вѣка на песчаныхъ буграхъ подлѣ Райгородка и оказавшій серьезныя услуги мѣстной археологии. Въ настоящее время онъ памѣренъ изслѣдовать такія же стоянки между Райгородкомъ, Лиманомъ, Поповкой и Ямполемъ.

Изслѣдованіемъ стоянокъ и мастерскихъ каменного вѣка по р. Донцу въ окрестностяхъ с. Кочетка, въ Зміевскомъ уѣздѣ, заняты были пишущій эти строки, а также В. Е. Данилевичъ и П. П. Ефименко. Послѣднему удалось собрать довольно значительную коллекцію разнообразныхъ предметовъ—кремневыхъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ стрѣлокъ, кремневыхъ ножей, праслицы и т. п. Коллекція эта будетъ демонстрироваться на выставкѣ.

Не можемъ не высказать по этому поводу своего пожеланія, чтобы возможно большее число лицъ занялось розысками кремневыхъ стрѣль и орудій на песчаныхъ бурграхъ, расположенныхъ по р. Днѣпру и Донцу съ ихъ притоками. Здесь не нужны никакія затраты—а только внимательные поиски, въ особенности послѣ вѣтра, который выдуваетъ эти предметы на поверхность почвы.

Проф. Дм. Ив. Вагаль.

Отъ Комиссіи при Нижинскомъ Историко-Филологическомъ Обществѣ для собиранія, въ предпалахъ Черниговской губерніи, археологического и этнографического матеріаловъ къ ХІІ археологическому съездѣ. Комиссія съ благодарностью приняла предложеніе однаго изъ своихъ членовъ, преподавателя Глуховской гимназіи А. Н. Малинки,—составить этнографический альбомъ Черниговщины, т. е. собраніе фотографическихъ снимковъ, рисунковъ и плановъ, изображающихъ бытовую сторону народонаселенія Черниговской губерніи. Въ виду того значенія, которое долженъ получить на съездѣ проектируемый А. Н. Ма-

линкою альбомъ, вышеозначенная комиссія постановила: кромъ общихъ программъ, по которымъ Нѣжинское Историко-Филологическое Общество собираетъ свѣдѣнія для съѣзда и которыя въ настоящее время имѣются на рукахъ у сотрудниковъ Общества по принятой на себя послѣднимъ задачѣ, опубликовать и подробную программу проектируемаго А. Н. Маликою альбома. Программа эта слѣдующая:

A. Жи́лье. Видъ села, хутора (лѣтомъ, зимою). Улица. Дворъ зажиточного и бѣднаго селянина. Хата снаружи и внутри; планъ ея. Надворныя постройки (наружный и внутренній видъ): амбаръ, клуня, сарай, хлѣбъ, омшаникъ... Шпитали, лавочки, шивки, чайныя... Изгороды: заборъ, частоколь, плетень и его узоры; ворота, калитка, перелазъ; засовъ, завертка...

B. Типы малоросса. (въ одиночку и группами): дѣвочка, мальчикъ; паробокъ, девка; человекъ, жинка, дидъ, баба. Типъ старшины, писаря, приказчика, помѣщика, псаломщика, священника. Типъ цастуха, сторожа, дурачка, нищаго, лирника, кобзаря. Цыганъ и его семья; евреи, „вацапы“, „лытвыны“...

B. Религиозная сторона. Сельская церковь; погостъ. Процесіи (водосвятіе, маккавей, окропленіе скота, освященіе плодовъ, пасхи, дома...). Уничтоженіе священникомъ „закрутокъ“. Родины и крестбины; вѣнчаніе, свадьба и ритуальные въ ней предметы (коровай, вильце...); смерть, похороны, кладбище. „На богомолье“, „на постройку церкви“... и т. п.

G. Отдыхъ: игры и забавы. Праздникъ въ деревнѣ. „На колодкахъ“, возлѣ шинка; хороводы, плясы, вечерницы, музыка, качели. Игры: въ карты, въ мячъ, паці, кремъяхи, катанье яицъ.... Дѣтскія игрушки (куклы, коники-свистушки, дудка...). Купанье. „Коза“, вертепъ, звѣзда, колядники. Ив. Купало (кукла, скаканіе черезъ огонь, крапиву) и т. д.

D. Трудъ. Разные виды его и орудія, напр. 1) *Земледѣліе*: пахотъба, посѣвъ, жнива, коповозъ, молотъба; мельница— „жорна“, ступа, олійница, витрякъ, водяная; приготовленіе хлѣба, продажа его на базарѣ. 2) *Сѣнокосъ* (характерныя сцены). 3) *Скотоводство*: стадо въ полѣ, возвращеніе его домой, на скотномъ дворѣ, доеніе коровъ; приготовленіе молочныхъ продуктовъ; стрижка овецъ (ихъ мойка); выдѣлка шерсти и кожи. 4) *Огородничество*: баштаны, арбузы на базарѣ; работы на план-

таціяхъ; пенька, ленъ и ихъ выдѣлка... 5) *Садоводство*: прививка, снимка фруктовъ, продажа ихъ... 6) *Ткачество*. 7) *Пчеловодство*: пасѣка, роение, добыча меду... 8) *Льсоводство*: рубка дерева, ручное приготовление бревенъ, дровъ, досокъ; дерев. издѣлія (лубки, кошели, коновки...); постройка избы, продажа дерева (склады)... 9) *Приготовленія изъ глины*: добыча ея, выдѣлка кирпича, обжигъ горшковъ и др. глиняныхъ издѣлій; горшечникъ въ селѣ; продажа глиняной посуды на базарѣ. 10) *Грабарство*. 11) *Мойка булья*. 12) *Носка воды*: коромысло, бовкунъ, ведра, колодецъ, криница. 13) *Рыболовство*. 14) *Кузнечество* (ковка лошади, видъ кузницы). 15) *Школа*: занятія, премъна, экзаменъ. 16) *Волостное правление*: сходка, судъ, прѣѣздъ начальства. 17) *Лѣченіе*: ворожка надъ больнымъ, больница въ селѣ; приемъ больныхъ. 18) *Торговля*: ярмарка, базарь (характерн. сцены), лавочка, бродячіе торговцы (тряпичники, щетинники...). 19) *Способы передвиженія*: по сушѣ (на лошадяхъ верхомъ, въ повозкѣ, на саняхъ), по водѣ (лодка, паромъ...)

E. Пища, питье, курение и ихъ принадлежности.

Ж. Одежда, обувь. Одежда будничн. и праздничн., спереди и сзади; старинная и теперешняя, старииковъ и молодежи, лѣтняя и зимняя; ея названія; украшенія, вышивки, рисунки на лахтѣ. Сапоги, лапти, черевики...

Комиссія просить о содѣйствіи въ выполненіи намѣченного альбома, присовокупляя, что:

1) На фотографическихъ снимкахъ не требуется ретушевки, точно также какъ не нужно наклеивать ихъ на картонъ.

2) Фотографические снимки, особенно снимки группъ или сценъ, не должны быть слишкомъ мелки.

3) Требуется обозначить при каждомъ снимкѣ, рисункѣ или планѣ: а) мѣстность, где находится предметъ или происходит сцена; б) мѣстное названіе предмета или сцены; в) время, когда предметъ былъ снятъ, срисованъ или спланированъ.

4) Фотографические снимки, рисунки и планы желательно иметь въ двухъ экземплярахъ, такъ какъ и альбомовъ проектируется составить два,—одинъ для Харьковскаго съѣзда, а другой для Историческаго Музея при Черниговской Губернской Архивной Комиссіи.

5) Не мѣшаетъ иногда подробно описать ту или иную характерную сторону снимаемаго или срисовываемаго предмета, поскольку она имѣеть этнографическое значеніе.

6) Общество просить доставлять ему фотографическіе снимки, рисунки и планы исподволь, начиная со времени получения сей публикації; послѣдній срокъ доставленія материала для альбома — 1-ое мая 1902 года.

Предсѣдатель Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Общества проф. А. Добіашъ.

Эта программа этнографическаго альбома Черниговской губерніи, проектируемаго Нѣжинскимъ Историко-Филологическимъ Обществомъ, нынѣ отчасти разослана, отчасти продолжаетъ разсыпаться по Черниговской губерніи. Г.г. фотографовъ-специалистовъ, фотографовъ-любителей и рисовальщиковъ, которые пожелали бы оказать содѣйствіе Обществу по составленію альбома и не получили еще программъ, просятъ вытребовать таковыя отъ Предсѣдателя Общества. Не нужно особенно останавливаться надъ выборомъ подлежащихъ фотографированію предметовъ, руководясь, быть можетъ, тѣмъ, что, пожалуй, другой сотрудникъ займется фотографированіемъ того же предмета: если и окажутся въ альбомѣ повторенія, то это не въ ущербъ основательности альбома. Всякую хотя бы и единичную помошь въ дѣлѣ доставленія материала для альбома Общество приметъ съ благодарностью. Тѣхъ же лицъ, которымъ пожелали бы заняться этимъ дѣломъ болѣе систематически, просятъ уведомить о таковомъ ихъ желаніи Предсѣдателя Общества, дабы самое Общество имѣло возможность выдать имъ необходимыя въ иныхъ случаяхъ удостовѣренія въ ихъ сотрудничествѣ по составленію альбома.

Ученые общества.

Въ послѣднемъ засѣданіи Общества Исследователей Волыни, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ волынскаго губернатора Дунина-Борковскаго, разсмотрѣнъ былъ вопросъ о печатаніи „Трудовъ“ общества. Изъ заявленій предсѣдателей отдѣльныхъ секцій общества выяснилось, что къ напечатанію

готовы: по этнографической секціи—рѣчъ О. А. Фотинского о значеніи сохраненія памятниковъ поэтическаго творчества народа и другихъ бытовыхъ особенностей его и программа для сбиранія свѣдѣній о народныхъ вѣрованіяхъ и суевѣріяхъ, выработанная членами секціи; по экономической секціи—докладъ Бердычевскаго о пчеловодствѣ въ Волынской губерніи, программа для сбиранія свѣдѣній о крестьянскомъ землевладѣніи въ той же губерніи, затѣмъ рѣчъ и открытое письмо предсѣдателя секціи къ волынскимъ землевладѣльцамъ съ приглашеніемъ ихъ принять участіе въ работѣ общества по ознакомленію съ роднымъ краемъ. Наконецъ, по исторической секціи предполагается напечатать рефераты Я. В. Яроцкаго: „Доисторические памятники Волыни, ихъ изученіе и desiderata въ этомъ отношеніи“. Н. П. Авенааріуса: „Башня великаго князя Владимира Васильевича въ Каменцѣ-Литовскомъ“. Совѣтъ общества постановилъ приступить къ печатанію этого материала, предпославъ первому тому „Трудовъ“ статью о возникновеніи и задачахъ общества. („Кіевл.“).

Изслѣдованія и раскопки.

Предсѣдателемъ исторической секціи Общества Изслѣдователей Волыни Я. В. Яроцкимъ въ концѣ іюля и началѣ августа была совершена экскурсія въ г. Овручъ и Овручский уѣздъ. Наблюденія касались замковой горы въ г. Овручѣ и ряда песчаныхъ бугровъ или выдмъ, полоса которыхъ тянется на сѣв. и вост. отъ Овруча до с. Бондарей и Збранокъ. Бугры эти уже давно известны, какъ бывшія мыста стоянокъ человѣка каменного вѣка. Хорошій подборъ орудій былъ собранъ тамъ К. А. Ставровскимъ и хранится теперь главнымъ образомъ въ Музѣи университета св. Владимира, частью въ Городецкомъ Музѣи Волынской губ. барона Ф. Р. Штейнгель, а также и въ другихъ частныхъ собраніяхъ.

Я. В. Яроцкимъ были произведены раскопки бугра у с. Толкачей, позволившія убѣдиться, что и здѣсь была стоянка; бугоръ этотъ носитъ название „Цыганской горы“.

У с. Рѣчичей, на востокъ отъ нихъ, Я. В. Яроцкій раскопалъ также 24 кургана изъ находящагося тамъ могильника. Погребенія оказались древлянскаго типа, имѣютъ много аналогочнаго съ житомирскимъ могильникомъ, хотя также и нѣкоторыя особенности. При костякахъ найдены слѣды гробовъ, затѣмъ, бусы, желѣзные ножи и обручи, височныя кольца.

Въ мартѣ мѣсяцѣ текущаго года въ г. Каменецѣ-Подольскѣ, на Губернаторской улицѣ, противъ Армянскаго костела образовался провалъ. Желая изслѣдоватъ этотъ провалъ, Городская Управа поручила Члену-Секретарю Подольскаго Епархіального Историко-Статистического Комитета Священнику Евфимію Сѣчинскому произвести изслѣдованіе провала.

О. Е. Сѣчинскій, по окончаніи изысканій, представилъ управѣ докладъ слѣдующаго содержанія.

По порученію Управы я наблюдалъ за раскопкой на мѣстѣ провала на Губернаторской улицѣ противъ Армянскаго Костела, при чемъ оказалось слѣдующее: на мѣстѣ провала со стороны Губернаторскаго сада обнаружилась широкая стѣна, возлѣ которой земля и глина со стороны Армянскаго костела унесена куда то водою въ глубь. Такъ какъ по изслѣдованіи стѣны со стороны провала оказалось, что на глубинѣ около сажня стѣна оканчивалась и подъ ней были скважины, то было сдѣлано предположеніе, что земля унесена подъ стѣну и что, слѣдовательно по другую сторону стѣны должны быть какіе нибудь подвалы и ходы, куда вода забирала землю. Развѣдочная раскопка за стѣнкой показала, что на этомъ мѣстѣ былъ домъ и отъ него уцѣлѣлъ фундаментъ въ видѣ вышеуказанной стѣны и кроме того обнаружилась поперечная стѣнка, идущая перпендикулярно первоначально найденной стѣнкѣ. На стѣнкахъ найдена штукатурка,—это показало, что тамъ было подвальное жилое помѣщеніе. Какой то еврей старикъ говорилъ при посѣщеніи мѣста провала, что онъ еще помнить, что тамъ, гдѣ оказалась стѣнка, была каменная ограда усадьбы, примыкавшая къ теперешней усадьбѣ г-жи Камышанской, такъ что улица въ томъ мѣстѣ раньше была болѣе узкой. Такъ какъ во время раскопки на мѣстѣ бывшаго дома пошелъ дождь и набѣжавшая въ провалъ вода чрезъ нѣкоторое время ушла, продѣлавъ небольшое

отверстіе въ землѣ съ противоположной раскопкамъ стороны, т. е. со стороны Армянского костела, то раскопку стали производить по слѣду продѣланной водою дыры. Здѣсь, на глубинѣ около 2 саж. отъ поверхности того мѣста, найденъ былъ провалившійся сводъ какого то хода или подвала; дальнѣйшая раскопка того мѣста открыла ходъ подъ сводомъ по направленію къ костелу, черезъ дорогу. Сводъ, оказалось, идетъ недалеко, не болѣе $1\frac{1}{2}$ саж. отъ мѣста провала, далѣе на протяженіи $2\frac{3}{4}$ саж. шла выемка въ глины безъ свода и какихъ бы то ни было подиоръ. Выемка эта представляетъ видъ куполообразной комнаты въ $2\frac{3}{4}$ саж. длины и въ $1\frac{1}{3}$ саж. ширины. Высота камеры посрединѣ 1 саж., впрочемъ, высота раньше была несомнѣнно, большая, но теперь, при осмотрѣ, комната эта оказалась занесеннаю землей при помощи воды. Никакихъ вещей или чего другого, указывавшаго на время производства этой подземной камеры и каменнаго свода, не найдено. Видно только, что этотъ ходъ выкопанъ не сверху (такъ какъ надъ нимъ оказалась цѣлина глины), а съ боку, именно со стороны Губернаторскаго сада. Такъ какъ подземный ходъ съ этой стороны, т. е. со стороны сада, загроможденъ обваломъ, при чёмъ раскопку подъ стѣной нельзя было сдѣлать, такъ какъ она давала трещины, и при томъ не предвидѣлось археологического интереса, то раскопка на этомъ и прекратилась.

Случайные находки.

На Трехсвятительской ул. въ г. Кіевѣ, въ усадьбѣ Б. А. Орлова, 10-го сентября найденъ цѣнныи кладъ велико-княжеской эпохи. Подробное описание его откладываемъ до слѣдующаго номера.

Въ верстѣ отъ с. Лепесовки, ямпольской волости, кременецкаго уѣзда, на лѣвомъ побережїи р. Горыни, крестьянинъ Рудичъ, 16-го августа, при всапашкѣ поля подъ озимь, наткнулся на погребеніе въ каменной кистѣ, сложенной изъ плитъ известняка. Тонкими плитами были обложены бока и дно, болѣе же толстая служила крышкой. Въ кистѣ, надъ которой была нава-

лена куча камней, находились части двухъ скелетовъ взрослыхъ людей и одного ребенка и черепки трехъ сосудовъ. Киста была устроена на глубинѣ 2-хъ аршинъ. Крестьянинъ ограничился лишь тѣмъ, что забралъ къ себѣ домой камни, наваленные поверхъ кисты, и сравнялъ поле. Мѣстное сельское начальство, узнавъ о находкѣ, немедленно довело обѣ этомъ до свѣдѣнія пристава 3-го стана кременецкаго уѣзда А. К. Мимохода, который сейчасъ-же отправился на мѣсто нахожденія кисты, произвелъ осторожно раскопку, нашель, кроме указанныхъ выше предметовъ, еще два кремневыхъ шлифованныхъ клина, кусокъ топора и кремневаго ножа, и весьма обстоятельно описалъ результаты произведенной имъ раскопки въ донесеніи мѣстному статистическому комитету. Благодаря внимательному отношенію къ дѣлу со стороны г. Мимохода, интересное въ научномъ смыслѣ погребеніе каменного вѣка не изчезло безслѣдно, подобно многимъ другимъ остаткамъ погребенія въ каменныхъ ящикахъ, вѣроятно, весьма часто разрушаемыхъ крестьянскимъ плугомъ. Предметы, найденные въ кистѣ, поступили въ мѣстный статистический комитетъ. Черепки сосудовъ темно-сѣраго цвѣта, снабжены чешуйчатымъ вдавленнымъ орнаментомъ, преимущественно возлѣ шейки. Дно и горлышко сосудовъ—небольшихъ размѣровъ, при значительной ширинѣ средней части. Судя по сообщенію, поступившему въ комитетъ, одинъ изъ череповъ лежалъ въ южной, другой въ сѣверной части кисты.

--

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о случайныхъ находкахъ, помещеннымъ въ „Лѣтописи“ за мартъ, приводимъ нѣкоторыя новыя, касающіяся Волынской губ. и любезно сообщенные намъ Я. В. Яроцкимъ.

Въ Старой Котельни, Житомирск. у., по дорогѣ въ м. Ивницу, крестьянинъ, работая въ полѣ, нашелъ глиняный горшокъ съ польскими серебряными монетами; часть ихъ была расхищена, удалось-же собрать 521 шт.

Въ с. Велички, Ковельск. у., въ саду помѣщика Лады-Лобаржевскаго, выкопанъ кладъ изъ ста серебряныхъ монетъ.

Въ г. Острогъ, въ предмѣстии Видеръ-Нидеръ, въ усадьбѣ Кващевской, былъ открытъ скелетъ и при немъ найдены, между прочимъ, два кремневыхъ топорика.

Въ текущемъ году, въ мѣстный музей поступило еще нѣсколько предметовъ изъ случайныхъ находокъ:

1) Найденный въ м. Искорости, въ углубленіи скалы, на берегу Уши, желѣзнодорожными рабочими небольшой горшечекъ, сдѣланный безъ гончарного круга изъ глины съ значительной примѣсью зеренъ кварца и украшенный вдавленнымъ орнаментомъ около шейки черточками въ видѣ запятыхъ.

2) Небольшое кремневое долото, найденное въ окрестностяхъ Житоміра.

3) Нѣсколько каменныхъ орудій изъ разныхъ мѣсть Овручского уѣзда (большое кремневое долото, молотъ-топоръ съ просверленнымъ отверстиемъ, нѣсколько кремневыхъ наконечниковъ стрѣль и т. п.).

4) Серебряный аграфъ съ двумя ушками съ противоположныхъ сторонъ, въ оправу которого вставлена полу-чечевица толстаго стекла. Стекло удерживается каймой довольно крупныхъ зубцовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга такой же формы и величины вырѣзками. Вдоль края, кругомъ оправы, тянется шнуровой орнаментъ; основаніе каждого ушка имѣетъ шаровидную форму. На задней плоской сторонѣ оправы нацарапанъ четырехугольный, почти равносторонній крестъ, возлѣ котораго лѣстница и два коня, а на верху дощечка съ обычной надписью. Найденъ этотъ предметъ на городищѣ возлѣ с. Несоловъ, Новоградволынского уѣзда.



что у нихъ „вырабатывается фабричного сукна простого 500 арш., кое употребляется на дворовыхъ служителей и по экономіямъ Б—ихъ“.

Кр. II. 113 д. А. В. 332. В. 373 д. Г. 201 д. 204 х.
„мастеровыхъ“ 18 д. 18 х. пс. 11 бд. х. Д. 411 д. 539 х. 1).
пс. 22 д. 37 х. Ез. В. 25 д. Г. 21 д. 27 х. Д. 32 д. 60 х.

С. Побочеевка, по переписн. книгамъ 1666 г., показана отдѣльнымъ поселеніемъ (14 хоз.), но затѣмъ въ вѣдомостяхъ XVIII в. вовсе не показывается, вѣроятно потому, что П. причислялась къ Сребному, какъ одинъ изъ его „фольварковъ“. Въ Спискахъ насел. мѣстъ Полт. губ., Побочеевка показана отдѣльнымъ поселеніемъ, но такимъ же отд. поселеніемъ показанъ тамъ и *Подолъ*, составляющій одно изъ Сребрянскихъ предмѣстій („фольварковъ“).

С. Грицовка, р. Лисогоръ, возникла во втор. полов. XVII в. и сначава „прислушала“ Сребр. ратушѣ; Мазепою отдана была Афанасію Мокіевскому, „яко своему племяннику“ ²⁾, который въ это время былъ городовымъ атаманомъ въ Сребномъ. По отобраниі отъ Мокіевскаго, Гр. въ 1710 г. отдана Андрею Себастіановичу, въ то время полк. писарю; а послѣ его смерти, Гр. перешла къ тремъ его сыновьямъ, Ивану, Василію и Матвію. По малолѣтству двухъ послѣднихъ, старшій, Иванъ, захватилъ большую часть отцовскихъ имѣній, въ томъ числѣ и Гр., и владѣлъ ими, не дѣлясь съ братьями, лѣтъ двадцать. При этомъ Ив. С—чъ былъ настолько суровымъ державцею, что сама

¹⁾ Означ. кр.—не были слѣд. владѣльцевъ: Мих. Будлянского, 295 д., 380 х., кн. Баранова, 15—20, сек.-м. Туманова, 29—38, майора Шульгина, 15—20, пквн. Жевахова, 3—6, сек.-м. Ченцова, 4—4, капит. Гогибѣдова, 7—7, груз. княгини Саакадзевой, 12—20; подпоруч. Кирилова, 6—8, кн. Орбеліани, 11—20, прал. Ник. Бажанова, 3—3, гв. серж. Сем. Дубровскаго, 6—7 и в. т. Никвты Скоробогатаго, 5—6. (*Перв. цифра указы. дворы, а вторая хаты*).

²⁾ Слѣдств. о маєтн. Шрилуцк. полка. Родство Мазепы съ Мокіевскимъ тѣмъ вѣроятнѣе, что мать Мазепы родомъ была Мокіевская.

матъ его писала, что онъ „бывалъ своихъ подданныхъ кіями безъ всякой пощады“. Вслѣдъ за учрежденiemъ Млрск. коллегіи, нѣсколько Гриц—хъ крестьянъ, происходившихъ изъ козаковъ, обратились туда съ просьбою—вернуть ихъ въ козачество. Одинъ изъ этихъ крестьянъ, Степанъ Быховецъ, писалъ въ 1727 г. въ ген. к—рію: „будетъ тому нѣсколко годъ, якъ я въ с. Гр., маєтности б. т. Ив. С—ча, сталъ жить и всяkie подданическія повинності отбывалъ даже до сего времени; а нынѣ, когда я пожелалъ отбывать козацкую повинность съ своего грунта козацкого для того, что дѣдъ мой и отецъ козаковали и въ „компутахъ“ (козацкіе списки) полк. Прлцкихъ записаны, то жена С—ча, извѣстясь о томъ, (мужъ ея отсутствовалъ въ Гилянскомъ походѣ), приказала людямъ своимъ—меня и сыновъ моихъ бить, которые въ томъ бою мене съ сынами окровавили, а женѣ моей голову разбили; да сверхъ того бою, взяла она, Себастіановичка, у меня изъ скота: товару рогатаго—9, овецъ—24 и коня одного“. Взаключеніе, Быховецъ просилъ „принять его въ козацкій компутъ“. Ген. к—рія на-ведя справку по ревизії 1723 г., что Быховецъ записанъ въ числѣ посполитыхъ, въ этой просьбѣ ему отказалася. Тогда Быховецъ обратился въ коллегію, жалуясь, что ген. к—рія отказалася ему въ козачество, не спривившись со старыми компутами. По справкѣ съ послѣдними, дѣйствительно оказалось, что отецъ Степана Быховца, Иванъ, значился атаманомъ въ с. Молькахъ, а братъ его, Петръ, рядовымъ козакомъ. Въ силу этой справки, коллегія, признавъ за Быховцомъ право на козачество, послала Прлцк. плк—ку указъ о выключеніи его изъ подданства съ тѣмъ, чтобы владѣлецъ „впредь до него въ подданическихъ повинностяхъ не интересовался“. Кромѣ того, въ указѣ значилось, чтобы Галаганъ распорядился о возвратеніи Быховцу отнятаго у него женою С—ча скота. Добившись этого указа, Быховецъ отъ всякаго, „послушенства“, разумѣется, отказался. По этому случаю младшій Себастіановичъ, Матвѣй, (служившій въ это время въ ген. к—ріи) жаловался только что поставленному гетману: „изъ посполитыхъ селянъ с. Грицовки, Леско Цигуренко, Юско Мирошникъ и Давидъ Романченко, наполнились какимъ-то легкомысліемъ и стремясь выбиться изъ

крестьянства въ козачество, отказались отъ послушанія, а между тѣмъ продолжаютъ жить на мужицкихъ грунтахъ. До сего жъ году, того жъ сельца Гр—ки житель Степанъ Быховецъ, смотря на реченныхъ самовольниковъ, изстари мужикомъ будучи, бывъ челомъ передъ симъ въ генер. к—рію, также желая попасть въ козаки; а потомъ, повинившись, въ ту же г. к—рію подаль мировое человитѣе, выразивши именно, что онъ останется попрежнему, какъ и былъ, мужикомъ. Когда жъ повернулся тотъ Быховецъ изъ Глухова въ домъ свой, и тамъ хотѣли его „скаратъ“ (наказать) за тое, что не хотѣль послушенствовать, то онъ, заупрямившись, снова пріѣхалъ въ Глуховъ, и, мимо ген. к—рія, бывъ челомъ о своемъ козачествѣ въ бывшую коллегію, гдѣ безъ всякого разыску и допросу моего, написано того Быховца въ козаки“... Поэтому С—чъ просилъ произвести слѣдствіе, какъ о козачествѣ Цигуренка и другихъ, такъ и о побояхъ, нанесенныхъ Быховцомъ людямъ С—чей. По этой просьбѣ посланы были въ Грицовку полк. ес. Панкевичъ и б. т. Прокоповичъ, при чемъ изъ произведенаго ими слѣдствія оказалось, что Б—чъ считаетъ себя козакомъ потому, что отецъ его козаковалъ въ сосѣднемъ с. Молькахъ, да и братъ его меньшій Петръ записанъ въ компутѣ; а онъ, Степ. Б—чъ, передъ дорогимъ годомъ, женившись въ Харитоновкѣ, „прислушалъ до ратуши Ср—ой“ п., ч. Харитоновка принадлежить той ратушѣ. А оттуда Б—ца перезвалъ въ Гр—ку бывшій тамошній державца Мокіевскій, и поставилъ его надъ своею маєтностю „господаремъ“, и господаровалъ онъ, Б—чъ, у Мокіевскаго шесть лѣтъ. Живя же въ Гр—кѣ, Б—чъ купилъ себѣ грунтъ у тамошнихъ посполитыхъ Дробковъ“... Спрошены были Дробки—чей грунтъ продали они Быховцу?—Тотъ грунтъ, гдѣ живетъ теперь Быховецъ, отвѣчали Дробки, называется Шоходнящина и бывъ тотъ грунтъ козацкій, какъ говорилъ имъ отецъ, купившій его лѣтъ около ста назадъ. Распрошены были слѣдователями и тѣ люди, которыхъ побилъ Б—чъ.—Войтъ Грицовскій Василенко объ этомъ рассказалъ такъ: получивъ приказъ „панеи“ о высылкѣ на панщину шести подводъ, пошелъ я и до Б—ца, чтобы и его подвода была, но Б—чъ отвѣчалъ: „не пойду я на панщину, бо я те-

перь босый, чоботъ нема“!—А когда я донесъ объ этомъ панеи, то она велѣла взять за то у Б—ца двое коней; а когда привели тѣхъ коней во дворъ, то пани приказала для коней взять у Б—ца еще и сѣна. За сѣномъ послали старосту, верхомъ на Быховцомъ конѣ, но какъ только тотъ пріѣхалъ къ Б—цу, то послѣдній своего коня отнялъ, а самого старосту, взявъ за волосы, ударили о земль и биль его кулаками, сколько хотѣлъ... Вернувшись во дворъ, староста крикнулъ панеи: „ты посылаешь насъ грабить людей, а насъ за то бьють“!—Тогда пани приказала старостѣ, идти къ Б—цу уже съ людьми, чтобы позвать его самого во дворъ, а если не пойдетъ, то привести силою. Пошли снова къ Б—цу, но тотъ, вмѣстѣ съ сыновьями, встрѣтилъ посланныхъ цѣпами... И избили Б—цы послѣднихъ такъ, что старостѣ и еще одному—разбили головы, третьему—перебили руку, да и остальнымъ досталось... Хотѣли было слѣдователи спросить и самого Б—ца, но тотъ только крикнулъ: „не слушаю я васъ! мы еще обождемъ счастливого вѣтру“!—На другой день снова былъ позванъ Б—цъ и на этотъ разъ рассказалъ: какъ пришли панскіе люди ко мнѣ во дворъ, чтобы „пограбить“¹⁾, то я грабежа не далъ и оттого случилась драка съ моими дѣтьми. А когда Хуторненко ударилъ мою жену палкою по головѣ и я увидѣлъ, что она упала, облитая кровью, такъ я крикнулъ дѣтямъ—гнать панскихъ людей изъ двора! При этомъ мы и били людей, выгоняя ихъ на улицу“. Къ этому Б—цъ добавилъ, что во время этой драки у него еще не было указа коллегіи о козачествѣ.—А потомъ была и другая драка, послѣ полученія уже указа о козачествѣ, когда присы-

¹⁾ Слово «грабить» употреблено здѣсь въ смыслѣ насильно взять — въ подлежащемъ «грабежу» дворъ—какую нибудь вещь изъ домашней рукияди, въ залогъ исполненія того или другаго требования властей. Сельскіе урядники въ Малороссіи и теперь, посылая «гонителей» (нѣчто вродѣ помощниковъ сборщиковъ податей) взыскивать съ крестьянъ подати, приказываютъ имъ, въ случаѣ неплатежа, «пограбить» недопищицовъ, т. е. взять у нихъ какую-нибудь одежду или что другое, чтобы тѣмъ заставить скорѣе заплатить подати.

лалъ уже самъ Иванъ С—чъ, вернувшійся изъ Гилянскаго похода, звать его, Б—ца, во дворъ. Показавъ указъ о козачествѣ, онъ, Б—цъ, посланному отвѣчалъ: „не пойду я къ твоему пану! есть у меня панъ полковникъ, а твоего пана я не слушаю“!—За такой отвѣтъ С—чъ послалъ старосту съ войтомъ въ „чепреду“ (стадо)—„пограбить“ пару Быховцовъхъ воловъ. Услыхавъ объ этомъ, Б—цъ побѣжалъ, съ однимъ изъ сосѣдей, къ стаду и, заставъ тамъ войта, билъ его цѣпомъ по плечамъ, но билъ немного потому, что отпросила войта дочь Б—ца говоря: „не бей, тату! человѣкъ этотъ передъ наминичѣмъ невиненъ“!—Въ такомъ видѣ слѣдствіе представлено было гетману съ заключеніемъ, что всѣмъ просителямъ, кромѣ Б—ца, слѣдуетъ въ козачествѣ отказать; Б—ца же, признавъ козакомъ, наказать за то, что пересталъ слушать своихъ пановъ прежде полученія указа изъ коллегіи. Это заключеніе слѣдователей гетманъ утвердилъ.—Но только что кончили С—чи дѣло съ крестьянами, искашими козачества, какъ началось у нихъ въ Грицовкѣ другое дѣло: на этотъ разъ уже со всѣми остальными крестьянами. Грицовское поспольство, надѣявшеся было, наряду со всѣми, что Глуховская коллегія облегчитъ панскія „работизны“ и не дождавшись этихъ облегченій, рѣшило обратиться за послѣдними къ новому гетману. Въ октябрѣ 1728 г. Грицовская „громада“ писала въ своеимъ прошеніи къ Апостолу слѣдующее: „мы, Грицовскіе подданные п. Ив. С—ча, доносимъ в. ясн—ти о причиняемыхъ намъ отъ него такихъ обидахъ: въ сѣнокосное время держитъ онъ насъ на своихъ сѣнокосахъ недѣль по семью, и притомъ на нашихъ харчахъ, а какъ не станетъ у насъ харчей, то выпрашиваемъ хлѣбъ по сосѣднимъ хатамъ и., ч. панскіе дозорцы домой за хлѣбомъ непускаютъ ходить. Въ „жнива“ наѣдаєтъ панъ на каждую семью скать копъ по 10, 15 и по 20, одной ржи, кромѣ яроваго хлѣба. А когда попросимъ панскихъ дозорцовъ, чтобы и намъ дали хоть малость времени накосить сѣна и нажать хлѣбъ на своеимъ полѣ, то дозорцы отвѣчаютъ: „намъ дѣла нѣть до вашего хлѣба, пусть онъ хоть погніетъ, лишь бы панское было собрано“! А староста панскій грозить, что если онъ хоть годъ проживеть у пана, то всѣхъ насъ поровняетъ—и богатыѣ, и бѣдныхъ“... Кажд-

дый годъ сгоняютъ насть оратъ панскія поля своими плугами; весною—на недѣлю, и въ петровку—на недѣлю. А какъ настанетъ зима, то отдаеть пашъ для „годовли“ на дворъ—по коню или—по двое рогатаго скота. А случится, что волкъ съѣсть эту скотину—или воръ украдетъ, то панъ беретъ за тавую скотину вдвое. У многихъ крестьянъ порубилъ панъ лѣса; такъ, у Прохоренка онъ срубилъ лѣсокъ за то, что поповъ гусь ходилъ на панское гумно и что того гуся Прохоренко позволилъ попу взять съ гумна; а срубленный лѣсъ стоилъ золотыхъ сорокъ. Сторожей ежедневно трехъ высылаемъ: двухъ въ панскіе дворы, а третьяго въ шинокъ, къ жиду. А какъ жидъ сбѣжалъ изъ шинка, такъ за недоставшую водку заплатили мы, селяне, и при этомъ платили и тѣ, которые и въ шинкѣ никогда не бывали... А въ этомъ году, въ февралѣ, когда выгнали насть на паничину, сѣно возить, такъ староста приказалъ, чтобы днемъ возили панское сѣно, а ночью—чужое. И набрали мы ночью у Срѣбр—кой жительки Калинки—сѣна на всѣ подводы и привезли то сѣно въ панскій двотъ... А Калинка нашла свое сѣно по слѣду и пожаловалась нашему пану, который, будто ничего не зная, созвалъ насть всѣхъ и приказалъ присягать, что именно привозли то (краденое) сѣно на его дворъ. И не присягали потому только, что одинъ хлопецъ видѣлъ, какъ везли мы Калинкино сѣно на панскій дворъ, и рассказалъ объ этомъ. А за то сѣно Калинка взяла одного коня у Жаданенка, а другого—у Шибѣки, и работала она тѣми лошадьми семъ недѣль, пока за то сѣно мы не заплатили ей“... Во всѣхъ этихъ фактахъ, болѣе или менѣе удостовѣренныхъ слѣдователями, гетманъ не нашелъ вины С—ча, почему и распорядился, чтобы Прлцк. плк-къ вызывавъ Грицовскихъ „возмутителей“ въ Прилуку, сначала бы ихъ „по приличію“ наказалъ, а потомъ—приказалъ бы имъ во всемъ слушать С—чей. Посланному за „возмутителями“—сот. хоружему—Грицовцы отвѣчали, что не поѣдутъ и не поѣхали. Тогда плк-къ послалъ въ Гр—ку, въ другой разъ, зн. тов. Донца, уже съ козаками, приказавъ Донцу только прочесть передъ Грицовцами гетманскій приказъ, не требуя ихъ въ Прилуку. Но и это порученіе не могло быть исполнено. Ставъ квартирю въ С—чей, Донецъ послалъ за крестьянами, чтобъ тѣ

шли въ панскій дворъ для выслушанія гетманскаго приказа, но крестьяне не пошли, а собравшись „громадою“ и вооружившись цѣпами, стали ждать чтѣ дальше будетъ Донецъ дѣлать... Тотъ пошелъ самъ къ громадѣ и прочелъ ей гетманское рѣшеніе.—„Не будемъ слушать С—ча“, отвѣчали крестьяне, „пока не услышимъ о томъ приказа отъ самаго гетмана“! Вернувшись на квартиру, Донецъ приказалъ войту, чтобы тотъ распорядился дать его козакамъ харчей и съна. Войтъ не послушалъ. Тогда Донецъ послалъ своего козака взять съна изъ ближайшаго двора, но тамъ хозяинъ встрѣтилъ посланнаго съ вилами въ рукахъ. Донецъ приказалъ—этого крестьянина „забить въ колодки“; но только что успѣли его ваять, какъ громада подошла къ панскому двору и потребовала освобожденія арестованного, а когда Донецъ въ томъ отказалъ, то громада направилась къ священнику за позволеніемъ—ударить набатъ, („благословитись гвалтъ въ дзвони бити“). Разбуженный священникъ (дѣло было уже ночью) сталъ было людей успокоевать, но народъ ничего не слушая, пошелъ къ церкви и началъ „гвалтъ бити“... Услыхавъ набатъ, Грицовскій атаманъ прибѣжалъ къ церкви и встрѣтилъ тамъ „громаду мужиковъ съ цѣпами и вилами“, часть которой побѣжала къ панскому двору. Увидавъ атамана, крестьяне послали его къ Донцу, чтобы тотъ немедленно освободилъ взятаго крестьянина. Донецъ отказалъ и атаману. Послѣ этого, толпа сама подошла къ панскому двору и требуя освобожденія забитаго въ колодки, кричала, что хоть цѣлую сотню пришлютъ изъ Прилуки, то они не позволять взять арестованного изъ села. Видя расходившуюся толпу, Донецъ отпустилъ взятаго крестьянина, а самъ послѣшилъ уѣхать изъ Грицовки... Свѣдѣній о томъ, чѣмъ кончился протестъ Грицовскихъ крестьянъ—въ архивныхъ бумагахъ мы не нашли, но конечно гетманскій приказъ былъ исполненъ, и Гризовцы стали по прежнему отдавать С—чамъ „надлежащее послушаніе“...

Кр. А. 65 д. В. 42 д. В. 69 д. пс. 1 д. Г. 41 д. 51 х. Д. 91 д.
157 х. (б. т. Лысенка и Матв. и Ив. Себастіановичей) пс. 3 д.
8 х. Кв. В. 31 д. Г. 22 д. 29 х. (въ составѣ коз. насел. показаны „старцы з милостыни живучie“—9 женщ.) Д. 17 д. 38 х.

С. Березовка (Березовица), р. Лисогоръ, оставалась свободною до нач. XVIII в.; затѣмъ, отдана была во владѣніе Црилуцкому протопопу Михаилу Трифоновскому такимъ порядкомъ: въ 1710 г., Тр., будучи тогда Сребрянскимъ „намѣстникомъ“, выпросилъ у Скоропадского универсаль на десять человѣкъ, посаженныхъ имъ здѣсь подсобѣлаковъ, и на трехъ человѣкъ, „на своихъ мужичихъ грунтахъ, жюющихъ“; затѣмъ, въ 1716 г., Тр. выпросилъ у гетмана другой универсаль—на половину Березовки. Наконецъ, въ 1725 г., будучи въ Москвѣ, Тр. выпросилъ у Скоропадского универсаль, „по инстанціи“ (по ходатайству) Меншикова, на все село и на всѣ грунта“. Тогда же Меншиковъ помогъ Тр.—му получить на Б. и царскую грамоту. Отъ Тр. Б. перешла къ его сыновьямъ¹⁾. Кр. П. 54 д. А. 129 д. В. 103 д. Г. 47 д. 50 х. (съ 1736 по 1740 г. „сошло“ 22 дв.) Д. 60 д. 100 х. пс. 19 д. 31 х. Кв. В. 68 д. Г. 112 д. 139 х. пс. З бд. х. Д. 110 д. 232 х.

Х. Березовицкій, „законниконъ Густынскихъ“, возникъ на землѣ подареної, въ 1697 г., Густынск. м—рю Ив. В. Себастьяновичемъ, который потомъ и самъ постригся въ этомъ м—рѣ (с. 63). По ревиз. 1729 г., здѣсь показано 18 хатъ, а по ревиз. 1731 г.—19 х., причемъ видно, что х. Б. находился въ вѣдѣніи „намѣстника“ *Деймановскаго скитка*.

¹⁾ Въ бумагахъ Акад. Худож. обѣ остаткахъ старины въ церквяхъ Полтавск. губ., относительно Березовки имѣется свѣдѣніе, записанное въ 1887 г., что настоящая здѣшняя церковь построена въ 1754 г. и, по преданію старожиловъ, первоначально имѣла *три главы въ рядъ, отъ востока къ западу*, и что въ 1838 г., при починкѣ церкви, двѣ крайнія главы были сняты, а на середней—верхѣ измѣнены. Это свѣдѣніе очень важно въ томъ отношеніи, что звачить и въ лѣвобережной Малороссіи, въ XVIII и нач. XIX в.в., церкви были съ тремя главами въ рядъ, т. е. имѣли ту же архитектуру что и на правомъ берегу Да尼ира. Рисунки старинныхъ правобережныхъ церквей, съ *тремя главами въ рядъ*, сохранины Де-ля-Флизомъ, въ его альбомахъ изображеній тѣхъ селъ Кіевск. губ., которыя населены были государственными крестьянами. (Деля-Флизъ былъ врачемъ Кіевск. шалаты госуд. имуществъ). Одинъ изъ такихъ альбомовъ Де-ля-Флаза имѣется въ наш. б—кѣ.

С. Алексинцы, р. Лисогоръ, извѣстны съ полов. XVII в., и находились „подъ вѣдѣniемъ Сребр—ой сотни“ (генер. слѣдств.) до 1730 г., когда отданы на рангъ генер. обозн. Лизогубу; по смерти Л—ба, оставались свободными до 1752 г., когда, вмѣстѣ съ Скибенцами и Яцинами, отданы гетм. Разумовскимъ, въ 1752 г., генер. ес. Якубовичу, „во вѣчное и спокойное владѣніе, за отправленія службы“ Послѣ Я—ча, Я—цами владѣла его вдова, которая распредѣляла въ 1763 г. между сыновьями мужины имѣнія, А. отдала старшему сыну, Александру, Прлцк. плк—ку. Кз. II. 38 д. А. 83 д. В. 52 д. В. 87 д. Г. 18 д. 20 х. (съ 1736 по 1740 г. „сошло“ 26 д.). Д. 48 д. 69 х. пс. 2 д. 6 х. Кр. В. 28 д. Г. 26 д. 27 х. Д. 36 д. 60 х.

С. Довгалевка, р. Лисогоръ, извѣстна съ полов. XVII в. и находилась „подъ вѣдѣniемъ Сребр. сотни“ (генер. слѣдств.) до 1738 г., когда А. Румянцовымъ отдана на рангъ плк-ку Семену Полозову, правившему тогда въ Глуховѣ должность генер. подскарбія, а затѣмъ—Разумовскимъ, по универсалу 1751 г., отдана вдовѣ б. тов. Ивана Савича, Настасьѣ Степановнѣ, рожд. Забѣла. По ревизіи 1729 г., вмѣстѣ съ Довгалевкою (безъ раздѣленія населенія), показана и „деревня Касяновка“. По ревиз. 1731 г. Касяновки уже нѣть, а по ревиз. 1740 г. она значится отдѣльнымъ поселеніемъ. Кр. II. 17 х. А. 26 д. В. 21 д. В. 35 д. пс. коз. 4 д. Г. 16 д. 17 х. Д. 27 д. 40 х. (Будланск.—5 д., в. тов. Заруднаго—15 д. и Ос. Масла—7 д.) пс. 1 д. 2 х. Кз. 38 д. Г. 41 д. 47 х. Д. 60 д. 106 х., „пушкарей“ 1 д. 2 х.

Д. Касяновка, р. Лисогоръ, возникла, повидимому, изъ Довгалевскаго выселка (см. выше). По ревиз. 1740 г. здѣсь показано крест. Осипа Масла—6 д. 7 х., Трофима Масла—4 д. 9 х., в. тов. Заруднаго—9 д. 14 х. пс. 1 д. 3 х., а по вѣд. 1780 г.—10 д. 16 х. 1 бл. х. (подсудка земск. Иваницк. Осипа и Сребр. сотеннаго атамана Трофима—Масловъ). Кромѣ крест., въ 1780 г. показанъ и 1 дв. коз. съ 3-мя хат.

С. Юрковцы, р. Галка, извѣстны съ полов. XVII в., и находились „подъ вѣдѣniемъ Сребр. сотни“ (генер. слѣдств.) до

1751 г., когда Разумовскими были отданы плк-ку второго комланейского полка Василю Чесноку, отъ котораго перешли въ сыну его Степану. Кр. А. 28 д. В. 11 д. В. 49 д. пс. коз. 4 д. Г. 10 д. 10 х. пс. 1 д. 1 х. Д. корон. 5 д. 9 х. влад. 23 д. 24 х. (б. тов. Затыркевича, б. тов. Чеснока и Ос. Масла) Пс. 5 д. 12 х. Кз. В. 38 д. Г. 63 д. 69 х. пс. 2 д. 2 бд. х. Д. 80 д. 137 х. Значительное уменьшение крестьянъ за время 1729—1740 г.г., какъ видно, произошло не столько отъ ухода ихъ, сколько отъ переписки въ козаки, что видно изъ количества послѣднихъ въ 1740 г.

С. Влотница, рч. Лисогоръ, Евтушокъ, Лобачовщина и Перемишля, известна съ полов. XVII в. и находилась „подъ вѣдѣніемъ Сребр. сотни“ (генер. слѣдств.) до 1738 г., когда отдана была вмѣстѣ съ Довгалевкою, Сем. Полозову. Затѣмъ, Разумовскимъ, въ 1751 г., отдано ген. подск. Мих. Скоропадскому, послѣ котораго перешла къ сыну его Петру (см. ниже—*Васьковцы*). Кр. П. 15 д. А. 54 д. В. 20 д. В. 60 д. пс. коз. 16 д. Г. 14 д. 14 х. („шинкъ, въ немъ живетъ жидъ“). Д. 36 д. 51 х. пс. 23 д. 31 х. 36 бд. х. (У Цац. показаны слѣд. владѣльцы: наслѣдники ум. ротм. Петра Скоропадского—36 д. 51 х., в. тов. Ив. Затыркевичъ—8 д. 12 х., б. товар. Андрей и Иванъ Мазараки—14 д. 18 х., а большинство бд. хатъ (29) принадлежали четыремъ значк. тов. Кондратенкамъ). Кз. В. 39 д. Г. 74 д. 88 х. пс. 22 бд. х. Д. 65 д. 133 х. Въ Б., какъ и въ Довгалевкѣ, замѣтно тоже сильное уменьшеніе крестьянъ въ пол. XVIII в. и увеличеніе козачьяго населенія.

С. Васьковцы, рч. Тростянецъ, известны съ полов. XVII в.; Мазепою отданы, ок. 1700 г., кн. Юрію Четвертинскому¹⁾, ва одной изъ дочерей котораго женился М. В. Скоропадскій (племянникъ гетмана); въ приданое онъ получилъ, между прочимъ, и В—цы, которые затѣмъ достались сыну его Петру. Послѣ Петра Ск. В—цы унаследовала единственная его дочь Прасковья (мужъ

¹⁾ См. Истор. Вѣсты. 1880 г., августъ, 721.

ген.-лейт. Ив. Неплюевъ). Вследствие бездѣлства, Пр. Н—ва В. и Блотницу заложила мужу и продала майору Чоглокову. Послѣ смерти, въ мартѣ 1796 г., двоюродные ея братья, Михаиль и Петръ Яковлевичи Скоропадскіе, просили мѣстный судь—В. и Б—цу отдать имъ, какъ наследникамъ умершей, чтѣ судомъ и было исполнено. Послѣ этого противъ Скоропадскихъ начали судебній споръ: Неплюевъ, какъ залогодержатель, и Чоглоковъ, какъ покупщикъ. Дѣло решено было въ пользу Скоропадскихъ, причемъ Чоглоковъ потерялъ свои права, пропустивъ „трехгодичную давность, узаконенную 52-мъ арт. 11“. Кр. II.
38 д. А. 85 д. В. 44 д. В. 53 д. Г. 46 д. 69 х. Д. 117 д.
160 х. Пс. 5 д. 12 х. Ка. В. 33 д. Г. 57 д. 64 х. пс. 2 бд.
х. Д. 46 д. 82 х.

С. Никоновка, „небольшой протокъ“ (Паш.), известна съ полов. XVII в. и находилась „подъ вѣдѣniемъ Сребр. сотни“ (генер. слѣдствіе) до к. XVIII в.¹⁾). Такимъ образомъ Н. приналежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ селъ, которыя избѣжали частнаго владѣнія. Вѣроятно были какія-нибудь экономическія условія мѣстности, не представлявшія выгода для искателей маетностей. Кр. II. 24 д. А. 59 д. В. 22 д. В. 34 д. Пс. 1 д.
Г. 13 д. 13 х. (съ 1736 по 1740 г. „сошло“ 11 двор.) Д. „ко-
ронныхъ“ 3 д. 4 х.²⁾ и владѣльч. 14 д. 17 х. Пс. 1 бд. х.
Кр—не принадлежали Будлянскому, Маслу (Осипу?) и М. Шкляревичу. Ка. В. 31 д. Г. 41 д. 43 х. Пс. 2 бд. х. Д. 59 д.
109 х.³⁾.

1) Въ свѣдѣніи Акад. Худож. обѣ остаткахъ старинны въ церквяхъ Полт. губ., относительно Никоновки замѣчено, что *первая церковь* здѣсь построена въ 1723 г., и затѣмъ она перестраивалась въ 1794, и 1823 г.г., и что при передѣлкѣ церкви въ 1823 г., двѣ крайнія главы сняты, такъ какъ дотого церковь имѣла *три главы въ рядъ*, съ востока на западъ. См. выше с. Верезовку.

2) «Коронными» были записаны тѣ изъ первоначальныхъ крестьянъ, которые и въ это время оставались еще свободными.

3) Рядомъ съ Никоновкою, по описямъ 1666 г., значится село Брехуновка съ 29-ю дворами. Село это затѣмъ и въ XVII, и въ XVIII в.—не встрѣчается, почему можно думать, что оно изчезло

С. Сокиринцы, р. Утка, известны съ перв. пол. XVII в., причемъ по документу Шледѣцкаго въ этомъ селѣ (Siekierzyna) считалось 128 хоз. и 12 мельницъ. До 1716 г. С. находились въ „послушаніи“ Сребр. ратуши, а затѣмъ Скоропадскимъ отданы Галагану, конечно, по выбору послѣдняго, такъ какъ С. представляли собою богатую маेतность, имѣя до 150 крест. двор. Получивъ универсаль на С., Галаганъ немедленно принялъся за устройство тамошнаго своего хозяйства, причемъ, не довольствуясь Сокиринскими землями, сталъ захватывать и сосѣднія, Васквичанская и Калюжинская. Владѣльцы послѣднихъ пожаловались гетману, который послалъ на мѣсто, для разслѣдованія этихъ жалобъ, одного изъ довѣренныхъ своихъ канцеляристовъ. Послѣдній въ любопытномъ своемъ донесеніи нарисовалъ любопытную картину экономическихъ отношеній Галагана къ своимъ сосѣдямъ.¹⁾

1) Помѣщаемъ здѣсь полностью это любопытное донесеніе одного изъ самыхъ способныхъ канцеляристовъ гетманской к-ріи, Степ. Мак-Симовича, бывшаго въ послѣствіи Стародубскимъ полк. писаремъ.— «Ясновелможный, всемилостивѣйшій мой пане единий и добродѣю. Любопытствіи двоякого заводу между Васкувцами, подданными освѣщеного его м. кнази Четвертенского, и Сокѣрѣнцами, маे�тности его м. п. полк-ка Прилуцк., и между и. Гавр. Милорадовича и мененинъ и. полк-бомъ—розисѣть, черезъ нарочного, Иванцкого сторожа, подъ високое велможности вашой разсужденіе посылаю, и хочай з докумен-тального вѣри годнихъ стариковъ признати ясно показуется, же п. полк-къ Прилуцк., по одержанию села Сокѣринецъ, теперь на сѣно-косномъ яру, на державцю Калюжинского (Милорадовича) належномъ, вновъ небувалую засипаль греблю, и на горѣ въ давномъ Степановомъ дубняку—поставиль едну толко хату, и замисливъ, отнявши тотъ дуб-някъ, завести себѣ хуторъ, гдѣ уже и теперь пригнано болше тисячи полковничихъ овечокъ и болше ста воловъ; и для годувалъ того немалого числа статку (скота), не члко жителей Иванцкихъ и подданныхъ своихъ Сокѣринцовъ—ихъ здавна владѣемъ степъ—велѣвъ до своего хутора новостроичогоси покосить, але и чужихъ людей, Васкувчанъ, на ту же полковничью потребу, отъ продковъ ихъ заживаемие поля, покошено. Однакъ и я видачи въ серцу утаений на и. полк-ка жаль людзкій, же за ос роженемъся (осторожностью?) и пострахомъ своимъ на нихъ (?) хоць (sic) яке бѣднимъ людамъ насиество чинится, то и про тяжкомъ своемъ стечаніи, терпятъ, и не смѣютъ ему доносити, бо если кто з якимъ жalemъ до и. полк-ка о обидѣ своей,

Главнымъ исполнителемъ тѣхъ насилий, которыя сразу проявилъ Г—нъ при веденіи Сокиринскаго своего хозяйства, былъ Сокиринскій староста Матвій Пятакъ, который самовласно расправлялся въ этой маетности не только съ „подданными“, но даже и козаками, причемъ жалобъ Пятакъ, повидимому, не боялся, пользуясь силою своего патрона.¹⁾ С. старый Галаганъ выбралъ—изъ мн-

отъ него учиненной, и появится, тедѣ, безъ наказованія, заразъ з очей велить вонъ выгнati и в наражденiе—в шю албо кiями бѣдного человѣка бити. Доношу в. панск. в-ти, кгдiжъ минѣ и сами убѣдение (вiс) люде па докумэнтъ дѣючихся въ полку Прилуцк. кривда п вiolenцi, публѣчне, при комиссарахъ со мною будучихъ, доносили, которое для вѣроятiя велм. в. на особливомъ папѣру выраженнiе, а о святую справедливость ревне (рыдаи) до велм. в. волающiе, посылаю. Такъ же, подъ чмъ тоей комиссiи, стисченiе люде доносили да и самъ отчасти поразумѣваю, что, велм. ваша, когда п. полк-ови того недостроичгого хутора—не прикажетъ знести, то не толко з п. Миорад. за сѣножать не буде покою и Стефанъ—отнятемъ дубника—будеть обидимъ, лечъ и окличныхъ людей давнiе сѣнокоса велить на- силно косити и въ свою область принимати. Кгдi жъ не з чого иншого въ Васкувчанами заводъ стался, поневажъ отъ килка десять лѣтъ владѣемiе (якъ его жъ подданiе и полчане з розиску признали) поля сего времени покоспѣвъ, где прежнiе полковники тамъ не мало не ко- шували (ирочъ займъ па власть полковничью належнихъ), и до того Васкувскаго степу Сокѣринцѣ згола не интересуются, лечъ цѣле всѣ желають, по давнему сумѣжю своихъ пуль (полей), безъ предѣлу гра-ничного, заживати, для якого и виредъ крѣости слушне мнѣ здается чтобы на поманутiй нашъ розисѣ сторонамъ, Васкувцамъ и Сокѣринцямъ, приказаль, в-ти ваша, поважнiй свой видати уаѣверсалъ, чтобы они, за поводомъ полковничимъ (пока будетъ держата Сокѣринцѣ) не дерзали зъ Васкувчанами жадного вщивати заводу, якого они не желали и не желають; а па очищенiе сѣножати п. Миорд-ча и дубаны Степановой, жебы тамъ гребли была роскидана п хата разобрана, якъ будеть увага в-ти в., чи указомъ своимъ панскимъ п. пль-ку Ирлцк. будеть пригрожено, чилл—нарочнiй хто для роскиданi греблѣ въ хати приплется. О томъ всемъ в. панск. в-ти по должностi моей донесши, всемилостивому мя навсегда вручаю реснектови. Ваш. писк. в-ти должний п найнижшiй слуга п подноожокъ Стефанъ Мак-симовичъ. З Иванцѣ, сентябр. 9, року 1717». (Съ подлинника).

1) Приводимъ здѣсь документъ, указывающiй, что на Пятака нельзя было получить «належитой управы» въ мѣстномъ судѣ, а нужно

гихъ своихъ маєтностей—для резиденція. Тутъ онъ построилъ церковь, въ которой въроятно былъ и похороненъ, а надъ гро-

было обращаться въ генер. судъ, рѣшеніе котораго Пятакъ тоже не спѣшилъ исполнять... «Року 1721, мѣс. юля 13 д. Любо быль указъ ясн-го добродѣя его мил. п. гетм. п. судія полковому Прилуц-кому, абы Михайла Онопріенка, т-ша сотнѣ Срб—й, жит. Сокиринскаго, зъ Матвіемъ Пятакомъ, старостою Сокир., котрій Михайла самоволно, не маючи надъ нимъ, якъ надъ козакомъ, власти, важилься тиранско вязати, бити, на остатокъ, взявши между двома конми (?), зъ Сокиринецъ до Срѣбного вести,—въ Прилуцѣ, при певныхъ свѣдителяхъ того всего заводу свѣдомихъ, расправиль, и по тому всему и по слуш-ному свѣдителству, приказалъ всю Михайлову утрату, которую онъ такъ въ Прилуцѣ, ико въ туть, въ Глуховѣ, доходачи права, имѣть, Матвій Пятакъ ему нагородилъ и за такое дерзновеніе, же самъ себѣ смѣль справедливость чинить, былъ скаранъ. Однакъ Михайло, *не получивши въ суду полковомъ належитой упрази и въ утратѣ* своего здоровья и вѣнїя—уконтентованы, мусѣль знову зъ суплѣкоудатися до ясн-го е. м. п. гетмана, просачи себѣ зъ Пятака святой справедливости, котрій, когда указомъ рейм—имъ призываѣть быль въ Глуховъ и питанъ быль передъ судомъ в. енералнимъ, если онъ Михайла быль и вазалъ, якъ жалобливый доноситъ, чого онъ, Пятакъ, не таячися, повинился тому, якъ и въ деяретѣ полковомъ Прилуцкомъ выражено, же по доношенню певныхъ свѣдителей, учинилъ себе быти виннимъ, почему судъ в. енералний вѣдаючи Матвія быти винного, за такое его дерзновеніе, же козака, ему не подвластного, важилься вязати до дуба, бити и мордовати, тутъ въ Глуховѣ арматнимъ скараль вазенемъ, и приказалъ, абы всю—Михайла перепросивши—утрату пополнилъ, якую Михайло, въ Прилуцѣ и въ Глуховѣ чреѧ килка, разъ правуючись, маєть, такъ же и заувѣчче, отъ Матвія понесенное, нагородилъ, и впередъ, абы такъ Матвій надъ Михайломъ за нагороду не мстился, и Михайло Матвіеви за свои побои не домовлялъ, и жаднаго бъ заводу между собою не вщипали. Новагою суду в. енералного варуетъ и караннамъ непобажнимъ и подъ зарукою ста зол. на заводъ вщинающаго, грозно приказуетъ и упоминаетъ, на томъ при притасненю печати, власною руковою надписался Его ц. пресв. величества Войска Запор. бувчуний снералний Яковъ Лизогубъ». — Потомъ, скрупульно 1722 февр. 20, сунулъ ковалъ до е. мил. п. полковника Чернѣговскаго, на тотъ часъ наказного гетмана, Михайла Онопріенко, козакъ сотнѣ Срб—й, житель Сокиринскій, за Матвія Пятака, господара двору е. мил. п. полковника Прилуцкого, прекладающи жалобу свою за побите одъ онаго Пятака понесенное и за неотданне ему

бомъ его сына Григорія, похороненнаго въ этой церкви, и теперь сохраняется сочиненный сосѣдомъ „эпитафіовъ“¹⁾.

Кр. П. 32 д. А. 141 д. В. 150 д. В. 139 д. Г. 100 д. 104 х.

(Въ числѣ владѣльческихъ служителей названы: войтъ, комисаръ, тесля (Павло Грамастика), колесникъ, бондарь, лѣсничій, шкляръ и др.) Обозначены: школа, шпиталь („старци з милостини живучіе“—2 м. и 1 ж.) и шинокъ владѣльческій, въ немъ живетъ Навло Короленко²). Д. 166 д. 238 х. пс. З д. 5 х. Кв. В. 59 д. Г. 48 д. 50 х. Д. 79 д. 131 х.

С. Охонки, рч. Утка, поселены на старомъ селищѣ, въ к. XVII в., Сребр. сотникомъ Трофимомъ Васильевымъ (Троциною), какъ говорить обѣ этомъ сынъ его Антонъ въ своемъ завѣщаніи, при перечисленіи своихъ маєтностей: „Охонки, которія я еще служачи вел. государ. царевнѣ Софії Алексѣевнѣ, просилъ я величества (sic) позволити покойному отцу моему Прокопию (sic) Васильевичу, сотникомъ Сребранскимъ будучому, впустъ лежачое селище Охонки осадити людми и владѣти ими, на якое село отецъ мой и грамоту монаршую получиль“²⁾... О дальнѣйшей судьбѣ Охонекъ сказано выше (с. 325—330). Кр. А. 113 д. В. 63 д. В. 70 д. Г. 44 д. 47 х. Д. 80 д. 100 х. Кв. В. нѣтъ. Г. нѣтъ. Д. 1 д. 3 х.

20 тал. грошій, по которой сунцілльцѣ писаъ е. мил. п. полковникъ Чернѣговскій до мене, о учинене между ними справедливости. А кгдѣ за прибульемъ Пятака предъ мене, вичитавъ ему тотъ листъ, теды оній не хотачи входити въ турбацѣю, отдалъ Михайлу, на урадѣ нашомъ, грошій таліярѣй двадцять и за побите зъ нимъ погодившися, дали на томъ между собою слово, же южъ въ предніе часи неповиннъ еденъ другого турбовать, подъ виною више описанно тое обваровали. Якую ихъ згоду велѣлемъ про далшую память записати. Року и дня вижей положеннаго. Михайло Григорьевичъ, обозный полковий Прилуцкій. (Съ подлинника).

¹⁾ К. Стар., 1883 г., ноябрь, 462.

²⁾ Ср. Генер. слѣдствіе о маєтн. Прилуцк. полка, откуда видно, что Охонки Троцина выпросилъ «въ первыхъ годахъ» гетманства Мазепы. Въ ревизіи 1740 г. сказано, что грамота на О—ки Тр—нѣ дана въ 1696 г.

С. Деймановка, р. Лисогоръ, извѣстна съ пол. XVII в. По универсалу 1665 г., Брюховецкій отдалъ Густынск. м—рю войсковый „мѣрочки“ съ здѣшней водяной мельницы: „З побожности всего Войска Запор., млинъ еъ с. Д—цѣ, на рецѣ Лисогорцѣ, въ двома колами мучними, а третимъ коломъ ступнимъ, прозываемыхъ мелниковъ Хвеска а другого мелника Костѣ, коло конецъ греблѣ, обывателей с. Д—ки, въ одной клѣтце будучихъ и виставленныхъ ихъ коштомъ, велебн. о. Авксентію из братиею...надалемъ, абы з того млина припадающихъ двохъ мѣрочекъ на Войско, oprочь мелниковъ третье, спокойне собѣ одбирали и заживали“. А по универсалу 1670 г., Многогрѣшный отдалъ м—рю и все село: „монастиреви Густ—му, ва су стаментъ, с. Д—ку конферовалисмо, абы теды вшелякое належитое з того села помененного послушенство отдавали“... Получивъ Д—ку, монахи сейчасъ же начали, всякими средствави, подчинять себя и Д—скихъ козаковъ. Мѣстный полковникъ мирволилъ въ этомъ отношеніи м—рю, какъ это видно изъ „листа“ Лаз. Горленка, 1680-го года; сказавъ объ универсалѣ 1670 г., полковникъ пишетъ: „еднакъ мы запобѣгающи того, же нашего сколько у томъ сельѣ знайдутся товариства козаковъ, Войску служачихъ, и абы онымъ якал не дѣлялся кривда, изъ отцемъ игуменоаѣ розговорили, а которые з добромъ волѣ своей за Третякова полковнищства откинувшись з реестра нашего, сами доброволне м—реви оповидалися служити, тихъ теды мы южъ оставивши отъ своею послушенства и изъ реестру витерии, под монастырское начало подали, що южъ теперь жаденъ таковый болше не чиначи себе козакомъ, належнаго пилнуеть послушавія“¹⁾... Кр. II. 21 д. А. 63 д. В. 44 д. В. 51 д. Г. 33 д. 34 х. Д. 55 д. 70 х. Кз. В. 22 д. Г. 17 д. 17 х. Д. 23 д. 32 х.

Въ Д—цѣ находился „Деймановскій скитокъ“, хотя и принадлежавшій къ Густынскому м—рю, но имѣвшій особаго своего „намѣстника“. При этомъ скитокъ существовалъ двѣ довольно значительныя лрмарки (въ десятую пятницу и 2-го іюля).

¹⁾ Всѣ три документа, въ подлинникахъ, въ Кіевск. центр. арх., въ бум. Густынск. м—ря.

С. Харитоновка, рч. Галка, известна съ пол. XVII в. и находилась „подъ вѣдѣniемъ Сребр. сотни“ (Генер. слѣдств.)¹⁾ до 1730 г., когда отдана была на рангъ ген. обозн. Лизогубу. Въ к. XVIII в. Х. принадлежала Андрею Милорадовичу, но какъ она ему досталась—намъ неизвѣстно. Кр. 36 д. А. 75 л. В. 58 д. В. 104 л. пс. 1 х. Г. 56 д. 68 х. („школа, въ ней живетъ дякъ“, „шинкъ владѣльч., въ немъ живетъ жидъ“, „шинкъ тоже владѣльч., въ немъ живетъ Самойло Мартиненко“. „Шпитала“ нѣтъ, но есть три „старца, з милостини жиуючіе“). Д. 48 л. 98 х. (влад. майора Андр. Милорадовича) пс. 3 д. 10 х. Кв. В. 29 л. Г. 29 д. 33 х. Д. 41 д. 71 х. Разительная убыль—за врема съ 1729 г. по 1740 г.—объясняется тѣмъ, что съ 1729 г. по 1745 г., „сошло и номерло“—49 двор., какъ замѣчено при повѣркѣ крестьянскаго населенія агентами „комиссіи экономіи“, въ 1745 г.

С. Карпиловка, рч. Галка, основана ок. 1710 г., на старомъ селищѣ, какъ разсказываетъ Антонъ Троцина, въ своемъ завѣщаніи; сказавъ какъ возникли Охонъки (с. 351), Тр. говоритъ: „а Карпиловку, то же пустое селище, въ покойного Иоана Носа, плк—ка Црлцк., осадить позволенія упросиль, на шо и унѣверсалъ его полковничій у мене имѣется; а когда вже люле стали въ томъ селѣ збиратися, то уже по томъ и пок. гетм. Ив. Скр—ій тое село К., за мои службы и многіе походи, унѣверсаломъ мнѣ во владѣніе, зо всѣми землями, ствердилъ; а потомъ пок. гетм. Д. П. Ап—ль, смотря за мои вѣрніе и многолѣтніе войсковіе службы, тое же с. К. своимъ унѣверсаломъ мнѣ зволилъ подтвердити; якое, же тѣмъ людемъ не было отъ мене тяжести, доволними людми било и осѣло“, но сынъ его Николай, добавляетъ завѣщатель, „чрезъ немилостивие свои побои—людей разогналъ“... Послѣ смерти Ант. Тр., К. перешла къ его наследникамъ.

¹⁾ Находимъ не лишнимъ замѣтить вообще, что обозначенія:—
сподъ вѣдѣniемъ сотни и сратушныя—тождественны.

Кр. А. 80 д. В. 46 д. В. 80 д. Г. 77 д. 80 х. Д. 125 д.

180 х. Кз. иѣть.

Слободка Новицкаго, рч. Березовица (Пащ.), „на собственныхъ Новицкаго грунтахъ осаженная“, какъ замѣчено въ ревизск. книгѣ 1740 г. Поселеніе Слб—ки должно быть отнесено къ нач. XVIII в. Кр. А. не показана. В. 40 д. В. 56 д. Г. 26 д. 28 х. Д. 58 д. 86 х. 5 бд. х. (влад. б. тов. Григорія Новицкаго). Кз. иѣтъ. Црк. Покрова Богородицы. Свящ. Григорій Андреевскій.

Варвинская сотня была расположена отъ Удая на востокъ, причемъ нѣсколько ея селъ находилось на этой рѣкѣ и ея притокѣ Лисогорѣ, а остальная—возникли въ ярахъ, при незначительныхъ ручьяхъ, изъ чего видно, что эти поселенія явились позже другихъ, когда берега рѣкъ и рѣчекъ здѣсь были уже заняты. Варвинская сотня ок. 1760 г. была раздѣлена на двѣ, причемъ въ первую Варвинскую сотню попали села: Иваковцы, Озеряны, Дегтяри, Брагинцы, Леляки, Гаѣдинцы, Остаповка, Богданы и Свѣтличное, а во вторую Варвинскую: Васьковцы, Гурбинцы, Олексинцы, Грицовка, Харитоновка, Никоновка, Деймановка, Оробъи, Савинцы и Игнатовка. Отсюда видно, что при образованіи двухъ В—хъ сотенъ, къ нимъ присоединена была и часть Сребрянской.

Варвинскіе сотники. Михаилъ Раковичъ, 1672. Иванъ Андреевъ, 1672. Ярема Моренецъ, ок. 1680. Федоръ Ивановичъ Ляшко-Тарновскій, 1689—1693. Петръ (Григорій?) Патока, 1710. Михаилъ Федоровичъ Тарновскій, 1714—1729. Матвій Андреевичъ Себастіановичъ, 1731—1735. Дмитрій Конисскій, 1736—1753. Андрей Варановскій, 1757—1763. Послѣ раздѣленія Варвинской сотни на двѣ, въ первой сотнѣ сотникомъ былъ Осипъ Жила, 1763—1781, а во второй сотнѣ: Иванъ Даниловичъ Тарновскій, ок. 1763. Фаддей Николаевичъ Троцина, 1772, и Яковъ Магеровскій, 1773—1781 г.

Тарновскіе желаютъ вести свой родъ отъ извѣстнаго вел. гетмана Литовскаго Яна Тарновскаго, но никакихъ данныхъ для этого иѣтъ. Вѣрнѣе, что Т—скіе были такими же правобережными выходцами, какъ и множество другихъ, причемъ на

правобережное ихъ происхожденіе можетъ указывать и прозваніе *Ляшковъ*, которое носили первые изъ известныхъ намъ Тарновскихъ. Въ „листѣ“ Прлцк. плк—ка Лаз. Горленка читаемъ: „респектуючи на разныя заслуги п. *Ивана Ляшка*, тов. наш. войск., теды въ награду оныхъ позволилисмо ему изъ уряду нашего владѣти сѣножатью панскою (т. е. оставшуюся послѣ поляковъ) окопаною, прозываемою Жидовскою, подъ с. Гнѣдинцами“. Упоминаемый здѣсь Иванъ былъ отцомъ Василія и Федора, которые тоже прозывались *Ляшками*, какъ видно изъ слѣд. постановленія Прлцк. полк. суда 1700 г.—„Передъ нами, Дм. Горл., плк. Прлцк., Григ. Чернявск., обознымъ, и проч. ставши очевисто панъ Татіана Дмитріевая, сотничка Батуринская, съ п. Федоровою Ляшковою, обыватлк. Варвинскою, ятровкою своею (первого мужа своего небожчика Василія Лашка, братовою), чинила оповѣдь, ижъ мѣючи дорослого сына своего Степана, съ небожчик. Вас. Ляшкомъ спложеннаго, мѣла росправу предъ судомъ войск. енер. въ Батуринѣ, зъ п. Федоровою Ляшковою, ятровкою своею, доходячи (отыскивая) у нея на предреченного сына своего добръ отцовскихъ: такъ полов. каменя мучного въ млинѣ на р. Удаѣ, на греблѣ мѣской Варвинской стоячомъ, спадающаго, чрезъ самую себѣ, вже по смерти мужа Радѣковѣ Оробіовскому, полчанину нашему, за 40 талярѣй заставлennого (заложеннаго), а небожчикомъ Федоромъ Ляшкомъ, дѣверомъ еи, а дядкомъ Степановымъ, одплаченного... Гдѣ судъ енер. повагою своею судовою, взглядомъ сына дорослого п. сотниковой, спложеннымъ зъ небожч. В. Лшк., позволивши одплатити оные добра отцевскіе, наказаль (постановилъ), абы п. Федоровая Лшк—ая 40 тал., данныхъ Радѣковѣ небожчик. Федоромъ, мужемъ еи, отъ пеи сотниковой принявши, уступила половину каменя сыновѣ еи въ млинѣ своемъ, будучаго на него отцевѣ дѣдизнымъ правомъ спадающаго... За прибутемъ теди зъ Прилуки, обѣдвѣ стороны, п. Дмитріева, сотн. Бат., и п. Федоровая Лшк., по такому судовому наказанію, вѣчную и святобливую приняли себѣ згоду“... Изъ этого акта видно, что у Ивана Ляшка было два сына Василій и Федоръ. О первомъ известно, что онъ былъ женатъ на дочери Прилуцк. мѣщ. Леонтия Бугаенка и умеръ молодымъ, оставилъ

рианск. Дм. Нестеренка. Младший братъ Василія, Федоръ полу-
чилъ Варвинское сотничество при Дм. Горленкѣ, и съ этого
времени сталъ писаться Тарновскимъ, какъ видно изъ слѣд.
универс. Мазепы, 1691 г.—„п. Федоръ Тарновскій, сотникъ
Варв—ій, мѣючи свой отчистый млинъ на р. Удаю, просилъ
насъ на тотъ млинъ потверждателного нашего унѣверсалу, за
которымъ бы могъ вѣтъ приходяще пожитки (яко то и часть
войсковую) спокойне заживати. Теды мы ласкою нашею оного
окриваючи, ствержаемъ тотъ млинъ его отчистій, и позволяемъ
съ того млина его вѣтъ розмѣровіе пожитки отбирати“... Одна-
ко жъ новое прозвище Федоръ не сразу усвоилъ п., ч. вдова его,
какъ выше видно, продолжала называться „Ляшковою“.—У Федора
Т. былъ одинъ сынъ *Михаилъ*, которому Нось, ставъ полков-
никомъ, отдалъ въ 1709 г. с. Гнѣдинцы, гдѣ Т—скіе, повиди-
мому, впервые поселились, выйдя изъ-за Диѣпра. Въ 1714 г.
Михаилъ Т. назначенъ Варвинскимъ сотникомъ, причемъ Ско-
ропадскій подтвердилъ ему Гнѣдинцы. По смерти Михаила Т.,
имѣнія его были утверждены въ 1731 г., Апостоломъ за его
вдовою Софьей Даниловной, вѣроятно по несовершеннолѣтію
сыновей ея, Данила и Андрея. Послѣдній должно быть скоро
умеръ т.-к. о немъ никакихъ извѣстій не осталось, а Данило—
не занималъ никакого особаго уряда, а только состоялъ въ ряду
бунч. товарищѣй. Умеръ онъ рано, оставилъ двухъ сыновей
Петра (р. 1736) и Ивана (р. 1738) и дочь Марью, бывшую замужемъ за б. тов. Петромъ Войцеховичемъ. Оба эти сына слу-
жили сотниками: Петръ—Журавскимъ, а Иванъ—Второварвин-
скимъ. Иванъ Т. отличился въ турецкой войнѣ и за это былъ
назначенъ Гадяцкимъ полковникомъ, послѣ Крыжановскаго. У
этого Ивана Т. было три сына: Иванъ (р. 1765), Михаилъ и
Петръ (а. 1776). Первые два изъ нихъ уже въ 1776 г., т. е.
въ дѣтскомъ еще возрастѣ, имѣли чины капитановъ „польскихъ
королевскихъ войскъ“. Чины эти разумѣются были куплены и
куплены съ цѣллю обеспечить себѣ будущее русское дворян-
ство ¹⁾... Тарновскіе не разжились на урядахъ; у нихъ было въ

¹⁾ Этотъ способъ «шибилатаці» у малороссійской старшини—
сталъ практиковаться во втор. пол. XVIII в. въ предвѣдѣніи «дво-
риства»... См. Кіевск. Стар., 1895 г., май, 241.

Гнѣдинцахъ по нѣсколько десятковъ „хать“ да въ Варвѣ хать по четыре, по пять. Варвинскіе „подданные“ составляли конечно „скуплю“, но, какъ видимъ, оч. незначительную.

Себастіановичъ Матвѣй былъ однимъ изъ сыновей Андрея С. (с. 64), по смерти котораго старшій сынъ Иванъ былъ уже бунч. тов., а младшіе, Матвѣй и Василій, были еще «недорослыми». Пользуясь такимъ положеніемъ семьи, старшій братъ захватилъ главную отцовскую маєтность Грицовку въ свое исключительное владѣніе, причемъ суровымъ своимъ обращеніемъ съ тамошними «подданными» возбудилъ послѣднихъ къ «бунтамъ» (с. 341). На захватъ Гр—ки мать пожаловалась въ Глуховъ, гдѣ въ это время средній сынъ Матвѣй былъ уже канцеляристомъ въ генер. к—ріи; поэтому онъ могъ помочь матери, какъ писаніемъ жалобъ, такъ и личными ходатайствами у Глуховскихъ властей. Высланные изъ Глухова чиновники, привѣривъ жалобы вдовы и присоединившихся къ ней младшихъ сыновей, удостовѣрили правильность этихъ жалобъ, вслѣдствіе чего Иванъ С. долженъ былъ дать (въ окт. 1728 г.) слѣд. подпись: «ассекуруюсь въ томъ, же что я противъ матки своей и братовъ обидливого прежними часи показавъ, въ томъ милости и помилованія одѣ оной матки, яко синъ, просить по-виненъ есмъ, и что заборовъ надъ волю родителки моей на мнѣ, зъ добръ нашихъ отческихъ, является, тое въ волю и разсмотраніе панеи родителки моей полагаю, и якъ матка наша въ добрахъ нашихъ распорадить нась и роздѣлить, при людяхъ достойныхъ, то тою часткою въ добрахъ, одѣ матки моей удѣленною, долженъ доволствоватися»... Но черезъ полгода послѣ этого, мать снова жаловалась гетману, что сынъ ея Иванъ, «зъ многихъ лѣтъ своихъ зоставши непокоривимъ, исполненія по чисму своему не чинить, но еще повернувшись зъ Глухова, другимъ селцемъ прадѣдизнымъ, Игнатовкою, завладѣль и нынѣ владѣеть, да къ тому въ слободцѣ Брагинцахъ, по смерти мужа моего другимъ разомъ купленной (см. ниже с. *Брагинцы*), кил-канадцать человѣка и большую часть грунту того купленного Брагинского—до хутора Мормизовскаго, самовластне собою за-владѣнного, принялъ во владѣніе, а за хуторъ Мормизовскій, зъ прилеглими до него грунтами, часть половинную денегъ, зъ ре-

чонъмъ сыномъ моимъ, я положила»... Младшіе братя поддерживали эти жалобы, особенно когда Матвій былъ назначенъ изъ генер. к—ріи сотникомъ въ Варву. Но Иванъ не уступалъ и—семейная распра продолжалась безъ конца. Еще и въ 1734 г. Матвій и Василій С—чи жаловались Шаховскому, что братъ ихъ Иванъ —Брагинскія земли присоединяетъ до хутора своего Мармизовскаго, а между тѣмъ, какъ изъ Брагинскихъ земель ему слѣдуетъ только четвертая часть, почему младшіе братя просили Шаховскаго приказать—раздѣлить Брагинцы между ними на четыре части, при чемъ четвертая часть назначалась матери, „для препитанія до смерти“... Для довершеннія путаницы въ семейной распра С—чей, въ это время мать перешла на сторону старшаго сына и уже стала жаловаться, что младшіе ея сыновья, Матвій и Василій, завладѣвъ почти всѣмъ отцовскимъ имѣніемъ, обижаютъ какъ ее, мать, такъ и старшаго своего брата Ивана... Глуховскія власти поручили, въ маѣ 1735 г., полк. судѣ Ягельницкому „съ товарищи“,—раздѣлить „дѣдізные и прадѣдізные грунта С—чей, между ними на четыре части“, при чемъ четвертая часть должна была быть отдана для матери. Чѣдѣ было сдѣлано по этому распоряженію—не знаемъ, по въ 1736 г. вдова Василія С—ча (Агафья „Горленковна“) жаловалась въ Глуховѣ, что Иванъ С. отнялъ у нея завѣщанную ей мужемъ часть Брагинцовъ, изъ чего можно заключить, что раздѣлъ былъ произведенъ. Всльдѣ за Василіемъ, умеръ и Матвій С—чъ, оставивъ вдову съ двумя сыновьями Иваномъ и Матвіемъ. Вдова Матвія Андр—ча вышла потомъ вторично замужъ, за «грузина» Орбеліана, отъ котораго имѣла сына Владимира (р. 1748). Послѣ смерти Матвія С., имѣнія братьевъ С—чей показываются въ ревизіяхъ за Иваномъ и вдовою Матвія, а потомъ—за сыновьями послѣдняго; во мать послѣднихъ часть этого имѣнія успѣла передать сыну своему отъ втораго брака (см. ниже сл. *Мармизовка*).

Барановскій Андрей былъ отрѣшенъ отъ Бахмацкаго сотничества за пьянство и насилия (Оп. Ст. Млрс., II, 172), по это не помѣшало ему получить Варвинское сотничество, куда онъ былъ назначенъ въ 1757 г. Характеръ его дѣятельности и здѣсь не измѣнился, какъ видно изъ слѣд. любопытнаго при-

мѣра. Вдова шинкаря прежняго Варвинскаго сотника Конисскаго—жаловалась, лѣтомъ 1758 г., въ полк. к—рію, что ея мужъ Никита Кравченко, по подозрѣнію въ пріобрѣтеніи завѣдомокраденыхъ вещей, былъ арестованъ, но затѣмъ взяты на поруки вдовою сотника Конисскаго, до рѣшенія дѣла; а какъ пріѣхалъ новый сотникъ Барановскій, то немедленно приказалъ снова арестовать Кравченка, вмѣстѣ съ другимъ человѣкомъ, у котораго Кр—ко покупалъ краденныя вещи. А потомъ Б. приказалъ обоихъ ихъ «распрашивать въ сотенномъ правлениі, не отправляя, какъ должно, въ полковой судъ». Засимъ жалобщица продолжаетъ: «и по приказу сотника Б., два асаульца привязали мужа моего къ драбинѣ, обнаженнаго, при чемъ находились: самъ сотникъ, есаулъ сотенный Нагнуйный, лисецъ Ив. Рубанъ и еще два козака—стойчика; и стали бить два асаульца мужа моего по голому тѣлу, въ двѣ плети, безъ всякаго пощады... Били такъ безчеловѣчно и съ такимъ сотника немилосердіемъ, что онъ асаульчиковъ къ тому принуждалъ угроziами, потому что послѣдніе, видя безъ мѣри текущую кровь и тѣло весьма израненное, устрашились было продолжать истязаніе... И просилъ мой мужъ, при томъ немилосердномъ бою, помиловать его хотя малымъ облегченiemъ и позволить ему поисповѣдываться у священника... Но и того онъ, сотникъ, не приказалъ учинить. И уже, егда подъ тѣмъ боемъ мужъ мой омертвѣлъ и при кончинѣ вайдовался, то въ ту пору сотникъ приказалъ перестать его бить; и тогда только его отвязали, но сняли съ драбины почти уже мертваго. Послѣ этого отвели его въ холодную хату, чтобы онъ претерпѣль еще большее страданіе. И хотѣла я пойти тогда къ мужу, но караулніи, за приказъ сотника, меня не допустили. И тако мой мужъ съ того безмѣрного бою, съ приказу и ищенія его сотника учиненнаго, будучи вовсі зраненъ, такъ что и черви въ ранахъ были и весьма билъ тѣломъ опухлой, пятого дни безъ исповѣди и умре, надъ которимъ и обдукціи («осмотра») должностной никимъ не учіено, по единой той страсти, что онъ, сотникъ, въ томъ убийствѣ причинюю... Къ этому жена замученнаго добавляла, что Б. вымѣщалъ на ея мужѣ свою скору съ сотничкою Конисскою, у которой Кравченко былъ шинкаремъ.—По этой жалобѣ Б. пред-

ставилъ полк. суду любопытное объясненіе. Не отвергая послѣдствій причиненнаго имъ Кравченку истязанія, Б. отвѣчалъ: 1) что «онъ не своеоленствомъ тѣхъ воровъ, Кравченка и его товарища, въ сотенной Варвинской к—ріи допрашивалъ, но по учиненному отъ сотенной старшины, атамана Безчѣпчого и хоружего Кваса, опредѣленію (якое онъ, сотникъ, своимъ опредѣленіемъ только дополнилъ); 2) что не отправлены же тѣ воры въ судъ полковой затѣмъ, что, какъ объяснено выше, сотенная старшина опредѣленіе учинила—допросить ихъ на мѣстѣ, причемъ онъ, сотникъ, не знаетъ такого ордера, чтобы въ сотенномъ правлениі нельзя было воровъ допрашивать, и 3) что же касается того, что при допросѣ—Кравченка привязывали къ драбинѣ, то онъ, сотникъ, вины въ томъ не ощущаетъ потому, что онъ предварительно освѣдомлялся у асаула, сотенного и у асаульцовъ—какъ у нихъ напредъ того дѣжалось, и ему объявили, что всегда чинять де было допросы на драбинахъ, чему и онъ, Б., не прекословилъ»... Затѣмъ относительно истязаній, Б. говоритъ, что въ жалобѣ вдовы много неправды, такъ какъ Кравченко «самъ совершенно зъ драбины злѣвъ и—надѣль рубашку; а послѣ, къ вечеру уже, приходилъ стойческій атаманъ, докладая, что воръ Никита проситъ де, чтобъ онъ сискаль ему попа, но онъ де не пошолъ затѣмъ, что онъ, Никита, передъ тѣмъ ниль горѣлку, почему и отказалъ... А онъ воръ, упросясь (изъ холодной) въ другую хату, парился на печкѣ, и отъ горячести черви его напали, по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ плетми шкура была забита. Егда же воровка Гапка (жена Кравченка), а паче панъ сотникова Кониская—начали просить объ отпускѣ его, вора, въ господу, къ лучшему его присмотру, то я его и отдалъ на паліоръ (шароль?) панъ сотниковой; и тамъ жена его, воровка Гапка, егда его вора Никиту вложила въ горячой купель (въ ванну), то онъ, шинкарь, въ томъ купелѣ умлѣвші, окончаль жизнь свою»... Далѣе Б. говоритъ, что по этимъ причинамъ онъ не признается за собою никакой вины, и заключаетъ свое объясненіе просьбою: «вышеписанную мою невинность милостиво разсмотрѣвъ, мене отъ воловити и народного убийствомъ поношенія—освободить. Объ истици же воровкѣ Гапкѣ—чтобъ она задержана была подъ секвестромъ—учинить опредѣленіе, ибо

мнѣ съ оною, дондеже она себе не вправить отъ воровства, стать къ суду засрительно и не приходится». Въ этомъ объясненіи сотника важнѣе всего вопросъ—имѣлъ ли онъ право производить допросъ обвиняемаго въ сотенномъ правленіи или же—это право принадлежало только полк. суду?—Практика судебная, насколько известно, указывала, что «распросъ» обвиняемыхъ—равнявшійся пыткой—производился тѣмъ судомъ, который рѣшалъ дѣло, а слѣд. сотникъ не имѣлъ права пытать подсудимаго. Но произволу урядниковъ въ старой Малороссіи было такое широкое поле, что сотники, подобные Б—му, на практикѣ могли замучивать людей почти безнаказанно, особенно если имѣли какую нибудь поддержку выше. Мы уже видѣли, что Б. замучивалъ людей до смерти, будучи передъ тѣмъ сотникомъ въ Бахмачѣ, причемъ быть отрѣшенъ отъ сотничества однакоже не за это, а главнымъ образомъ—за пьянство, и что это отрѣшеніе не помѣщало Б—му черезъ пять лѣтъ снова получить другую сотню въ управление... Случай съ Кравченкомъ тоже не имѣлъ особыхъ для Б. послѣдствій, такъ какъ онъ и послѣ этого оставался сотникомъ въ Варвѣ еще пять лѣтъ...

Села Варвинской сотни.

М. Варва, сліяніе Удая и Варвицы, въ тарифахъ 1628 г. названа „новооселымъ“ поселеніемъ, въ которомъ тогда было „дымовъ“—10 и „огородниковъ“—20,¹⁾ а при спорѣ Московскаго правительства съ Польшею за „Путівльскій рубежъ“ (въ 1638 г.), было выяснено, что Варва, Журавка и друг. сосѣдніе „городки“ были „поставлены“ польскими и литовскими людьми до „перемирныхъ лѣтъ“, т. е. до 1618 г.²⁾. Изъ этихъ фактovъ видно, что В. поселена въ нач. XVII в. Мѣсто для поселенія было выбрано удобное п., ч. по документу Пшевѣдѣцкаго въ В. значится 2037 господар., т. е. немногимъ меныше, чѣмъ было въ главномъ

¹⁾ Zrodla Dziejowe, XX, 86. Въ 1624 г. Проскура спорилъ съ Іерем. Вишневецкимъ за своихъ кр—нъ, бѣжавшихъ изъ его села Мокнача (Сквирск. у.) въ Варву. Т. ж., XXI, 336.

²⁾ Дворц. Разрады, II, 883 Переїздъ Россіею въ Польшу, Б. Каменск., изд. Моск. О. Ист. и Др., III, 303.

городъ Вишневеччины, Лубнахъ (2646 госп.). По этому же документу, тамъ же значится болѣе 20-ти водян. мельницъ, удобство устройства которыхъ здѣсь вѣроятно и привлекло первыхъ насельниковъ Варвы.—По реестрамъ 1649 г.—показано двѣ Варвинскихъ сотни, а по описи 1654 г. (А. Ю. З. Р., X, 294) въ В. означено 978 коз. и „мѣщ.“. Но переписн. книг. 1666 г., въ В. показано „мѣщантъ“ 77 двор., причемъ въ числѣ ихъ находилось: сапожниковъ—5, кущнеровъ—2, кузнецовъ—3 мельниковъ—10 дв.

До 1743 г. посполитое населеніе В. оставалось свободнымъ, а въ этомъ году 22 двора отдавы были грузинамъ; затѣмъ, въ 1745 г. В—ское посольство было повѣрено сравнительно съ ревизіей 1729 г., и оказалось, что изъ записанныхъ въ этомъ послѣднемъ году 124-хъ дв. посполитыхъ, въ 1745 г. осталось только 27 дв.¹⁾ да прибыло новыхъ—18 дв., а за отдачею изъ числа послѣднихъ грузинамъ 6-ти дв., всего въ 1745 г. явилось свободныхъ 39 д., которые и были отданы Разумовскимъ, въ 1762 г., одному изъ своихъ дядей, Федору Демешку.

Кр. II. 77 р. А. 165 д. В. 79 д. ²⁾ Г. 38 д. 38 х.
(въ этомъ числѣ ремесленниковъ 14 дв.) и „скупли“ 9 д. 10 х.
Д. 45 д. 60 х. ис. 45 д. 78 х., „коронныхъ“ 2 д. 7 х. Кз. В.
85 д. Г. 90 д. 99 х. ис. 29 д. 30 х. Д. 144 д. 264 х. ис.
3 д. 5 х.

Отдача В—вы Демешку показываетъ, что эта маestность считалась выгодною. Универсалъ данъ былъ слѣд.: „б. т. Федоръ

¹⁾ Убыль показана слѣд.: скуплено по куичимъ—3 дв., безъ купчихъ—11 дв., неправильно записано—2 дв., вписано въ козаки—10 дв., «сошло, померло и опустѣло»—48 дв., грузинамъ отдано—16.—(Грузинамъ всего отдано 22 дв., такъ какъ кромѣ 16-ти старыхъ двор., имъ отданы еще 6-ть дв. изъ новоприбылыхъ).

²⁾ Эта цифра слагается изъ слѣдующихъ: 1) «Городъ В. въ передѣстствіи»—51 дв.; 2) «волные сотникіе» (подсосѣдн. или «скупля»)—5 дв.; 3) «водные поповскіе зъ протчіпми»—13 дв. и 4) «Слободка Сайа зъ атаманскими людми»—10 дв. Слободка принадлежала Петру Носенку.

Демяновичъ, поданнымъ намъ доношениемъ, представляя предковъ своихъ, дѣда и отца, и его самого, многіе значала 1712 года... ронячие, войсковые службы, и что де за онѣ, хотя и жаловано ему, Д—чу, половину селца, т. е. 18 двориковъ п. Нѣж., въ сотнѣ Прохорской, точію де зъ тихъ 18 двор. не толькѣ, по его характеру, себе содержать, но и службы войсковой отправлять, противъ прочихъ своей братѣй, бунч. товарищѣй, онъ, Федоръ Д—чъ, не въ состояніи находится, просилъ о награжденіи его... изъ свободныхъ войск. поспол. дворовъ нашего разсмотренія. И мы, респектуя на онѣ... войсковіе службы, опредѣлиемъ ему б. т. Ф. Д—чу, для лучшаго дому его снабдѣнія и себе съ наслѣдниками исправленія къ войсковой службѣ, въ полку Прлцк. мѣст. Варву, въ которомъ, по ревизіи 1751 г., 40 дв. свободныхъ поспол. числилось, со всѣми къ нему принадлежащими грунтами и другими посполитскими угодіями, въ вѣчное и потомственное ему и наслѣдникамъ его владѣніе, кромѣ живущихъ въ томъ м. Варвѣ козаковъ и ихъ козачихъ грунтовъ и угодій^{... 1)}. Въ этомъ универсалѣ неупомянуты кр—скіе дворы, отданные по указу 1743 г., „грузинамъ“, но эта отдача универсаломъ Демешку не была отмѣнена: изъ грузинъ въ В. получили крестьянъ Орбеліаны, которые тамъ и позже находились.

Нѣкоторыя свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи В. даетъ ревизія 1740 г., изъ которой видно, что здѣсь, кромѣ указанного количества дворовъ козаковъ и крестьянъ, было еще 39 двор. „свободно жіючихъ“, принадлежавшихъ старшинѣ, духовенству и разнаго рода „служителямъ“.²⁾ Въ В. было двѣ школы (конечно,

¹⁾ Федоръ Демяновичъ, иначе—Демешко, или Стременецъ, былъ родной братъ матери гетмана; этихъ братьевъ было четыре: Федоръ, Герасимъ, Денисъ и Андрей; первые три—въ 1742 г.—были «награждены» чинами бунчук. товарищѣй, а Федоръ еще въ 1746 г. получилъ половину с. Мал. Загоровкп, о которой и говорится въ приведенномъ универсалѣ Разумовскаго.

²⁾ Такіе «свободно жіючіе» находились въ каждомъ селѣ, но число ихъ не всегда показывается точно. Въ числѣ «свободныхъ» въ Варвѣ между прочими показанъ: «бандураста кн. Никиты Юр. Трубецкого, Ив. Афанасенко». Въ ревизіи м. Варвы 1731 г., въ числѣ «старшины и служителей мужичаго званія волныхъ» названы между

по числу двухъ церквей, изъ которыхъ одна называлась „рынковою“; было тутъ одинъ „шпиталь“, а въ немъ—11 „старцовъ“. Въ В. было 4 шинка, изъ которыхъ 2 принадлежали сотнику Дм. Конисскому, а 2—зн. тов. Степ. Кисловичу; въ нихъ торговали виномъ мѣстные кр—не.—В. окружена была „фольварками“ и хуторами. Изъ первыхъ названы: 1) б. тов. Данила Тарновского, вадъ рч. Варвицею; 2) зн. тов. Григорія Васильева; 3) намѣстника Варвинского Семиона Галабудского; 4) „попа рынкового“ Мойсея Иванова; „попа рынкового“ Григорія Иванова и зн. тов. Степ. Кисловича. Во всѣхъ этихъ „фольваркахъ“ жило большею частью по одному „наемному“. Изъ хуторовъ, значительнѣйшимъ былъ—б. тов. Дан. Тарновского, „на долинѣ Калиновицѣ“, гдѣ была и мельница, на рч. Варвицѣ; по описи 1780 г. этотъ хуторъ является уже *дер. Калиновицю*, съ 15 дв. и 31 х.

Д. Леляки, Удай, по универсалу 1716 г. отданы, за какое то отличіе, „при шведскомъ наступленіи“, значк. тов. Матвѣю Кисловичу, послѣ смерти котораго Л. перешли во владѣніе его вдовы и сыновей, Степана, Осиша и Павла. Но по универсалу 1713 г., гетманъ Апостолъ отобралъ у Кисловичей 10 двор. для вдовы Варвинск. сотника Михайла Тарновского. ¹⁾ Кр. А. 8 д. В. 28 д. В. 18 д. Г. 5 д. 5 х. Д. 15 д. 23 х. пе. 2 бд. х. Кз. В. 25 д. Г. 25 д. 27 д. Д. 36 д. 76 х.

С. Дегтяри, Удайский заливъ, возникли въ пол. XVII в. и принадлежали къ числу ратушныхъ сель. Ставъ полковникомъ, Галаганъ облюбовалъ себѣ въ числѣ прочихъ маєтностей и Дехтяри, причемъ для присвоенія этого села, сталъ скупить тутъ грунта и садить на нихъ—*какъ будто особую слободу*, которая

прочимъ два «ковшика» (вапр., «ковшикъ» Матвій Кракъ). Не были ли это тѣ «служители», на обязанности которыхъ лежалъ сборъ на вод. мельницахъ той части помола, которая «шла на Войско»? (Помолъ отбирался «ковшемъ»).

¹⁾ Дворы эти по ревиз. 1740 за Тарновскимъ не показаны, но значатся за ними («за вдовою Дан. Тарновского») по вѣдом. 1753 г. А между тѣмъ за Кисловичами по ревиз. 1740 г. значится всего *пять* дворовъ. Дворы Тарн—хъ пропущены видимо по ошибкѣ.

уже въ 1729 г. заключала въ себѣ 48 дв.; въ ревизіи этого года кр—ское населеніе Д—ей записано такъ: „посполитыхъ до ратуши належныхъ—5 дворовъ“ и—„въ томъ же сель, слободка п. полковника Игнатія Галагана—48 дворовъ“. Въ дѣйствительности никакой особой „слободки“ тутъ не было, а были скученные кр—скіе и козачьи дворы съ поселенными на нихъ подсобѣдками. „Скуплю грунтовъ“ въ Д. Галаганъ началъ уже съ 1716 г. и скупалъ здѣсь, какъ козачьи, такъ и кр—скіе дворы, безразлично. Для образца „скупли“, приводимъ двѣ такихъ купчихъ. „Я, Агафья Коваленкова, чиню вѣдомо симъ моимъ писаннемъ, что продала гай (лѣсъ) въ с. Д—хъ, п. полковнику Прилуцкому, за гроши, за полчварты золотыхъ ($3\frac{1}{2}$ зол.=70 коп.), а тотъ гай, она, Ковалиха, имѣеть съ того еще времени, какъ были вольные гаи; и дала она мировъ за той гай—сало и десять квартъ горѣлки; и волно обладать его мил. п. плк—ку тѣмъ гаемъ, какъ своимъ собственнымъ“. (1733 г.) Другая купчая показываетъ, какъ скупались козачьи дворы: „мы, нижейименование, чинимъ вѣдомо симъ нашимъ писаннемъ, что хотя покойные отцы наши, а по нихъ и мы, козацко, а не послолито служачи, воинскую повинность до сихъ временъ отбывали, однако жъ теперь, до крайняго убожества и скудости пришедши и не будучи въ силахъ впредь службы козачей отбывать, продали мы его м. п. Игн. Г—ну, плк—ку Прилцк., дворовую землю нашу, на которой хаты наши построены, где мы продолжая жить, обязываемся служить п. полковнику послолито, а не козацко, и всякия повинности отбывать, и на будущее время не цовинны уже будемъ ссылаться на нашъ козацкій чинъ, чего ради и сіе наше писаніе до рукъ его мил. п. плк—ка Прилцк. выдаемъ“. ¹⁾ При ревизіи 1740 г.—относительно Д—рей—прямо было указано, что здѣшніе послолитые свободные дворы (ихъ было всего четыре) „скучлены“ плк—комъ Галаганомъ въ 1736 г., а „слободка Детяровка“ и здѣсь показана отдельно, но въ вѣд. 1753 г. ни о какой уже „слободѣ“ не упоминается, а значитъ

¹⁾ Подписано: „Манджуренко, Кирикъ Гриценко, житали Дехтяревскіе“. Обѣ купчія пять Румянц. описи.

Галагановское село Д—ри. Ер. П. 2 д. А. 12 д. В. 20 д. В. 5 д.
и въ „слободкѣ“ Г—на, 48 д. Г. „скупленныхъ“ Г—номъ 4 д. 4 х.
и въ „слободѣ Дехтяровской“—39 д. 39 х. Д. 53 д. 73 х. (кол. ас.
Галагана). Ез. В. 26 д. Г. 18 д. 20 х. Д. 47 д. 58 х. пс. 2 д. 2 х.

С. Иванковцы, Удай, извѣстны съ пол. XVII в.; принадлежали къ числу ратушныхъ сель, но затѣмъ кр—не были скуплены Галаганомъ, какъ это видно изъ слѣд. замѣтки агентовъ комиссіи экономіи (1745 г.) „оное село по перечневой вѣдомости показано въ свободныхъ, а по свидѣтельству явилось во владѣніи Прлцк. пле—ка Галагана, а почему—крѣпостей и отвѣту не прислано“.

Ер. П. 18 д. А. 28 д. В. 7 д. В. 13 д. („до ратуши належныхъ“). Г. 2 д. 2 х.¹⁾ „скупили“ 1 д. 1 х. Д. 21 д. 25 х.
Ез. В. 58 д. Г. 51 д. 53 х. пс. Галагана 7 д. 7 х. Д. 80 д. 148 х.

С. Гурбинцы, Лисогоръ, извѣстны съ пол. XVII з.; Самойловичемъ отданы, въ 1674 г., тогдашнему полк. обозн. Вас. Себастіановичу (с. 57), отъ котораго перешли къ его наследникамъ; сначала Г. владѣль сынъ Василія—Григорій, а потомъ сынъ Григорія—Іванъ, своеручно подписьавшій вѣд. о Г—цахъ въ 1731 г. У сыновей Андрея—въ Г. были только подсобѣдки. Во втор. пол. XVIII в. главнымъ владѣльцемъ Г. является вол. ас. Богданъ Брезинскій, женатый на Євдокіи Ивановнѣ Себастіановичъ; повидимому, это была дочь Ивана Григорьевича. Ер. П. 10 д. А. 96 д. В. 56 д. В.? 2 пс. 2 д. Г. 20 д. 20 х. (за 1737—740 г. г.)

1) Въ цифрахъ нѣть ошибки, а между тѣмъ и по ревиз. 1731 г. значится кр—нѣ 14 двор. Развѣ—разошлись было, не желая подчиняться Гадагану...

2) Въ спискѣ „коzачого званія служителей, свободно жіючихъ“, приложенномъ къ ревизіи 1740 г., показаны между прочимъ, вслѣдъ за компанейцами (квартировавшими по селахъ) „отставные сербы,“ числомъ 6; такие же сербы показываются и въ другихъ селахъ Прлцк. полка, иногда съ добавленіемъ—«изъ гусаровъ». Это были сербы, пѣзъ числа вызванныхъ въ Россію при Аннѣ Ioанновнѣ. См. Вѣстя. Евр. 1870 г., юнь, статья Нила Чопова, 603.

,,сошло“—23 хоз.) пс. 8 д. 8 х. Д. 97 д. 131 х; изъ нихъ 89 д. 118 х.—Брежинскаго, а 8 д. 13 х.—Мойсея (Матвѣя Матвѣевича?) Себастіановича. Кз. В. 28 д. Г. 24 д. 25 х. и „скупленныхъ“ Ив. Андр. С—чемъ до 1740 г.—5 д. 8 х.¹⁾ Д. 37 д. 73 х.²⁾

Д. Игнатовка, Лисогоръ, отдана Самойловичемъ, вмѣстѣ съ Гурбинцами, Вас. С—чу, отъ котораго перешла къ сыну его Андрею, а потомъ къ дѣтямъ послѣдняго, долго между собою спорившимъ за отцовское наслѣдство (с. 357). Кр. П. 3 д. А. 29 д. В. 21 д. В. 19 д. (б. т. Ив. Андр. С—ча). Г. 7 д. 7 х. (его же); въ 1739 г. „сошло“ 6 д. Д. 12 д. 13 х.; изъ нихъ 6 д.—б. т. Лысенка³⁾ и 6 д. „полк. судьи“ Мойсея (Матвѣя?) С—ча. Кз. В. 16 д. Г. 12 д. 13 х. Д. 22 д. 38 х.

С. Оробьевка (Воробъи), „ключъ Довжикъ Грувскій“ (1740 г.)⁴⁾, известна съ полов. XVII в.; до 1732 г. „прислушала“ Варв. ратушъ, а въ этомъ году отдана на рангъ ген.

¹⁾ Объ этой «скуплѣ» въ ревиз. 1740 г. находятся такія отмѣтки:
1) «Никита, Остапъ и Федоръ Омелченки, на едномъ дворѣ, чорознь хатами живутъ, козаки зъ дѣда и отца, были въ походахъ, а сего 1740 г. продавши дворъ къ хатамъ, живутъ подъ б. т. Ив. С—чемъ». 2) «Ив. Подгорній з дѣда и отца козакъ и быль въ походахъ..., а въ 1739 г. продавши дворъ съ хатами б. т. Ив. С—чу, сталъ за нимъ жить и сыновъ живеть» и т. д.

²⁾ Въ Полтавск. губ. есть и друг. село Гурбины—на р. Удаѣ.

³⁾ Повидимому, это былъ зять Ив. Андр. С—ча. Въ «Спискахъ Черниг. двор.» 1783 г. (Черниговъ, 1890) означена вдова б. т. Осипа Лысенка, Марфа (стр. 167), за которую въ числѣ ея „родовитыхъ“ имѣній показаны с.с. Грицоква (600 д. м. и ж.) и Игнатовка (33 д. м. и ж.). Отсюда можно заключить, что имѣнія Ив. Андр. С—го унаследованы его дочерью Марфою, бывшей замужемъ за б. т. Осипомъ Федоромъ Лысенкомъ (с. 261).

⁴⁾ У Пащенка—«рѣчка Точеная». Понидимому, это послѣднее название присвоено рѣчкѣ по прозвищу мѣстныхъ жителей Точеныхъ, которыхъ въ 1780 г. принадлежалъ сосѣдній съ Воробьевами—«Хуторъ Точеный». Прозвище Точеныхъ въ Воробьевѣ—значится и по переписн. книгамъ 1666 г.

судъѣ Лысенку, всего съ 3-мя крест. двор. Во втор. полов. XVIII в. часть кр—нъ была скуплена, а остальные, повидимому, были записаны на гетмана. Кр. II. 10 д. А 5 д. В. 6 д. В. 7 д. пс. 1 д. Г. 3 д. 3 х. Д. 8 д. 14 х. (гр. А. Рazuмовск.—2 д. 4 х., кол. ас. Брежинскаго—3 д. 4 х., „плк—цы“ Тарновской—1 д. 1 х.; „сотнички“ Конисской—1 д. 3 х., кол. ас. Галагана—1 д. 2 х.) пс. 2 д. 4 х. („цоповскихъ“). Кв. В. 44 д. Г. 51 д. 56 х. Д. 55 д. 140 х.

С. Савинцы, „въ ярахъ и на скосогорахъ, по об. стор. рч. „Руды“ (Шаш.), известны съ пол. XVII в.; сначала кр—не были «ратушными», при чемъ „по силѣ присланной въ 1733 г. изъ коллегіи иностранной грамоты“, они б. опредѣлены „для возки къ Батуриинской маєтности овцамъ сѣна“. По ревиз. 1740 г. С. зна-чается „описнымъ на ея величество“, что не помѣшало „скуплѣ“ здѣшнихъ кр—нъ во втор. пол. XVIII в. Кр. II. 21 д. А. 59 д. В. 17 д. В. 30 д. пс. 1 д. Г. 14 д. 14 х. („описныхъ на ея величество“) пс. 3 д. 3 х. Д. 22 д. 35 х. пс. 8 д. 12 х. (гр. К. Разум.—5 д. 11 х., плк—цы Тарновской—8 д. 14 х., сотника Магеровскаго—4 д. 6 х. и друг. 4 д. 5 х. подсосѣдки—„по-повскіе и разночинческіе“). Кв. В. 41 д. Г. 58 д. 67 х. Д. 95 д. 162 х.

С. Брагинцы (Брагинецъ), „на раздолѣ и въ ярахъ, чрезъ оное село протекаетъ небольш. рч. Козинка“ (Паш.), возникли на старомъ „селищѣ“, которое три брата Брагинца, Игнатъ, Максимъ и Илья, купили у Іер. Вишневецкаго, за 7 тыс. („золотыхъ?“) Когда, послѣ изгнанія поляковъ, купленныя Брагинцами земли позахватывали сосѣди, то дѣти покупщиковъ обратились—съ жалобою на захватъ—въ генер. судъ, который рѣшенiemъ 1671 г., отцовское „селище“—возвратилъ имъ. Но землї, повидимому, было много, почему оно подверглось новымъ захватамъ со сторонысосѣднихъ жителей с. с. Озерянъ, Воробьевъ и друг. У послѣднихъ земли эти прикуплены были Андреемъ С—чесмъ, который посадилъ тутъ „слободку“ названную—по имени первыхъ владѣльцевъ—*Брагинцемъ*. Въ этой слободкѣ въ 1718 г. было уже 25 дворовъ и церковь. Послѣ смерти Андрея С., Бр—ми владѣла его вдова съ сыновьями, пока не явилась въ Глуховѣ

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ПИСЬМА ПРОФ. УНИВ. СВ. ВЛАД. ПРОТ. Н. А. ФАВОРОВА КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВУ	169—199
II. КНЯЖА КРЫНЫЦЯ. Сцены зъ XVII вику у 4-хъ діягъ и 7-ми одиннадцать. Ф. Пильченка (<i>Окончаніе</i>)	200—232
III. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. (<i>Продолженіе</i>). Ор. Левицкаго	233—255
IV. ГОРОДЯНКА. Повисть. (<i>Продолженіе</i>). Л. Яновской	256—302
V. ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ВВЕДЕНИЮ ПОЛОЖЕНИЙ 19 ФЕВ- РАЛЯ 1861 Г. ВЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБ. (Къ 40-лѣтію со дня освобожденія крестьянъ). (<i>Окончаніе</i>). Ник. Ва- силенка	303—327

ОТДѢЛЪ II-ой.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мелочи изъ архі- вовъ юго-западнаго края. Сообщ. А. Мёрдеръ; б) Иль прошлаго Полтавщины. Сообщ. И. Фр. Шаховскій; в) Къ исторії Котельви; г) Для исторії Переяславской бури, при епископѣ Іоанѣ Базилевичѣ. (1771 г.); д) Одинъ изъ бор- зенскіхъ предводителей дворянства; е) Для исторії церковнаго прихода	65—83
Темущія извѣстія	83—94
II. БІБЛІОГРАФІЯ: а) Волынскій историко-археологический сборникъ. Выпускъ II. Ор. Левицкаго; б) Ежегодникъ Коллегіи Навла Галагана. Съ 1 окт. 1900 г. по 1 окт. 1901 г. III; в) Корифеи украинской сцены. В. Д.; г) Мих- новскій. Сатанівська поиста. Драма въ 4 діягъ. В. Д.; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; г) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ	95—135
Археологическая лѣтопись	138—152
III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Описаніе Старой Малороссіи. Томъ тре- тий. Правдуктій полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листъ 24-й и 25-й	369—400

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXV.

1901 Г.

НОЯБРЬ.



КІЕВЪ

Типо-литографія Імператорського Університета Св. ВЛАДИМИРА.
Акд. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица, № 6.
1901.

Дозволено цензурою. Киевъ, 18 октября 1901 года.

„Кіевская Старина”

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

въ 1902 году

(21-й годъ изданія)

будетъ издаваться по прежней программѣ и при прежнемъ со-
ставѣ сотрудниковъ. Журналъ выходитъ книгами, въ 12 и болѣе
листовъ, въ началѣ каждого мѣсяца, заключая въ себѣ статьи,
представляющія изслѣдованія по исторіи, литературѣ и этнографіи
юга Россіи, а равно цѣнныя материалы, касающіеся той же
области; сверхъ того, будутъ печататься русскія и малорусскія
беллетристическая произведенія, а также библіографическая извѣ-
стія о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ, касающихся юга Россіи.

Подписная цѣна 10 руб. въ годъ съ доставкою и пере-
сылкою, а на мѣстѣ—8 руб. 50 коп.; за-границу—12 руб. Раз-
срочка допускается по соглашенію съ редакціей. Отдельные
книги журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“ (Маріинско-Благовѣщенская, № 60), въ книжной торговлѣ
редакціи „Кіевская Старина“ (Безаковская, № 14), а также во
всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣтствуетъ за исправную доставку журнала только
передъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжной тор-
говлѣ „Кіевской Старины“.

Издатель К. М. Гамалѣй.

Редакторъ В. П. Науменко.

Письма профессора Университета св. Владимира протоиерей Назарія Антоновича Фаворова къ протоиерью Петру Гавриловичу Лебединцеву.

Многія изъ печатаемыхъ ниже писемъ Н. А. Фаворова интересны, какъ говорація о комитетѣ по реформѣ церковнаго суда, созванномъ въ Петербургѣ, куда по разнымъ обстоятельствамъ не могъ онъ, въ качествѣ члена его, такъ исправно ъздить, какъ П. Г. Лебединцевъ, и посѣщать засѣданія, число которыхъ было 74. Считаю нужнымъ сказать объ этомъ комитетѣ нѣсколько словъ.

Огъ 14 генваря 1870 г. объявлено извѣстіе о Высочайше утвержденномъ комитетѣ по реформѣ духовнаго суда и о назначеніи членовъ. Обыкновенно въ разные комитеты при Синодѣ назначаются лица изъ столичнаго духовенства. Д. Г. Лебединцевъ¹⁾ посовѣтовалъ предложить графу Толстому, чтобы назначить также двухъ московскихъ и двухъ кіевскихъ представителей духовенства, причемъ указалъ на Петра Гавриловича Лебединцева, какъ практика, и Назарія Антоновича Фаворова, какъ теоретика. Съ нимъ согласились, но сказали, что за кіевскихъ вся нравственная отвѣтственность падаетъ на него.

¹⁾ Старшій братъ П. Г. Лебединцева, занимавшій очень видный постъ въ Петербургѣ.

Кіевскіе депутаты вполнѣ оправдали оказанное имъ высокое довѣріе. Въ началѣ февраля 1870 г. Петръ Гавриловичъ послалъ Даніилу Гавриловичу свою брошюру о церковномъ судѣ въ 17 вѣкѣ. Тотъ тотчасъ отослалъ ее юрисконсульту при оберъ-прокурорѣ св. Синода Василію Аѳанасіевичу Степанову, а отъ сего послѣднаго она была препровождена къ оберъ-прокурору Д. А. Толстому. Графъ Толстой возвратилъ ее чрезъ два дня при слѣдующей запискѣ: „Возвращаемая у сего брошюраprotoіерея Лебединцева обѣщаетъ въ немъ полезнаго сотрудника нашего комитета“. Отъ 2 сентября 1870 г. юрисконсультъ послалъ Петру Гавриловичу слѣдующее приглашеніе: „По порученію Его Преосвященства, господина предсѣдателя комитета, Высочайше учрежденного для преобразованія духовно-судебной части, имѣю честь обратиться къ Вашему Высокопреподобію пожаловать въ С.-Петербургъ для засѣданій въ означенномъ комитетѣ“. Такое самое приглашеніе, очевидно, получилъ и Н. А. Фаворовъ. Когда именно выѣхали они изъ Киева, не знаю. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ комитетѣ былъ не архієпископъ Макарій, а П. Г. Лебединцевъ; противникомъ же его былъ профессоръ московской д. Академіи А. Ф. Лавровъ, получившій отъ своихъ сотоварищѣй по комитету прозваніе „обскурантиссимуса“ и пріобрѣвшій не совсѣмъ завидную известность книгою „Предполагаемая реформа духовнаго суда“, изданной Н. Елагинымъ и имѣвшей значеніе призыва къ восстанію противъ предпринятой реформы, а также своими московскими апологіями, помѣщеными въ Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Эти апології чесостоятельны и испещрены неделикатными, грубыми выраженіями по адресу противниковъ. Они представляли принятое въ свѣтскомъ судѣ начало отдѣленія судебной власти отъ административной—непримѣнимымъ къ суду духовному, основываясь на такихъ мѣстахъ священаго писанія, смыслъ которыхъ ясенъ для всякаго, только не для Лаврова. Онь не имѣлъ ни малѣйшаго представлениія о поражающей массѣ злоупотребленій, какія допускаются въ духовныхъ слѣдствіяхъ, дознаніяхъ и благочинническихъ отзывахъ.

А между тѣмъ удивительныя вещи, въ видѣ дифирамбовъ, писались въ Москвѣ (юньская книжка „Русскаго Обозрѣнія“ за 1896 г.) про Лаврова—о его дѣятельности въ комитетѣ, которою онъ будто оказалъ великую услугу православной церкви. Въ апрѣлѣ м. 1874 г., по случаю представленія всеподданнѣйшаго доклада о закрытіи комитета, графъ Толстой потребовалъ къ себѣ отзывы архіереевъ на проектъ, почему-либо особенно замѣчательные. Посыпая эти отзывы, В. А. Степановъ въ запискѣ написалъ, что киевскимъprotoіереемъ Лебединцевымъ написана основательная статья, еще ненапечатанная, въ которой выставляется вся велѣнность сочиненій Лаврова. Статья эта оставлена граffомъ у себя. Что сдѣлано съ нею, не знаю; знаю только, что въ 60 и 62 номерахъ „Голоса“ за 1872 г. помѣщена статья Петра Гавриловича безъ подписи—о степени судебнай власти епископа, передѣланная, впрочемъ, Барсовымъ, по порученію В. А. Степанова. Въ первой книжкѣ „Православнаго Обозрѣнія“ за 1872 г. помѣщена статья противъ мудрованій Лаврова подъ иніціалами Л. Б. Кажется мнѣ, что эти буквы означаютъ—Лебединцевъ-Барсовъ. Архіерейскіе отзывы, по словамъ „Голоса“, написаны не только въ тенденціозномъ духѣ книги Елагина, но и ея мыслями, и ея языкомъ. Предполагавшаяся реформа церковнаго суда, клопившаяся не къ уменьшению до крайней степени судебныхъ правъ архіерейской власти, а къ возстановленію праваго суда, какимъ пользуются всѣ прочія сословія Русскаго государства, отложена.

Н. А. Фаворовъ предчувствовалъ, что изъ этой реформы ничего не выйдетъ, но П. Г. Лебединцевъ до послѣдняго времени своей жизни не терялъ надежды: „пройдутъ годы, а все-таки будетъ такъ, какъ мы рѣшили“—говорилъ онъ.

Свящ. Іоаннъ Гордіевскій.

1.

Любезнѣйшій Петръ Гавриловичъ! ^{1).}

Вчера вечеромъ, въ 6 часовъ, я хотѣлъ было зайти къ Вамъ, но такъ усталъ послѣ служенія, что долженъ былъ отложить визитъ свой до другого времени. Здоровы еще Вы? Что-то Васъ не видно было въ прошлое воскресеніе. Не совсѣмъ здоровилось и мнѣ во всѣ послѣдніе дни; съ субботы я не былъ и у Марії Николаевны ^{2).} Каково ей живется въ новомъ положеніи? Если увидитесь съ нею на этихъ дняхъ до воскресенія, то пожалуйста передайте отъ меня ей поклонъ, съ извиненіемъ, что я никакъ не могъ навѣстить ее, частію по нездоровью, частію и по крайнему недосугу. Посылаю Вамъ слово при похороненіи общаго нашего друга ^{3).} Я самъ не совсѣмъ доволенъ этимъ словомъ: некогда было написать что-нибудь подѣльнѣе; да какъ то и состояніе души было у меня въ то время нехорошее. Признаюсь, мнѣ не хотѣлось много говорить о покойномъ: образъ его стоялъ предо мною и слова какъ-то замирали на устахъ моихъ. Ну, что есть, то пусть и останется въ память его! Въуваженіе желанія М. Николаевны, напечатайте написанное. Я хотѣлъ было назвать это рѣчью, да название это пейдетъ къ содержанію; не совсѣмъ идетъ и „слово“, но ужъ такъ и быть, пусть будетъ „слово“. До свиданія.

Вашъ преданный Н. Фаворовъ.

3 марта 1867 г.

2.

Сейчасъ получилъ я письмо ваше, мой добрый и глубокоуважаемый Петръ Гавриловичъ. Чтобъ отвѣтить на него сколько-

¹⁾ Письма печатаются съ пропусками вѣкоторыхъ мѣстъ, где идетъ рѣчь о дѣлахъ чисто личнаго характера.

²⁾ Ключарева.

³⁾ Тайный совѣтникъ Алексѣй Кирилловичъ Ключаревъ.

нибудь посолиднѣе, нужно нѣсколько подумать и всмотрѣться въ дѣло. Въ концѣ этой же недѣли, или, по крайней мѣрѣ, не позже 1 декабря, я снова буду писать къ Вамъ и надѣюсь поговорить съ Вами подробнѣе и обстоятельнѣе, а теперь тороплюсь, главнымъ образомъ, поблагодарить Васъ за сообщенія ваши, а еще больше и даже несравненно больше за тонъ и духъ, въ какихъ они сдѣланы, ограничиваясь затѣмъ кое-какими увѣдомленіями о вещахъ изъ обыденнаго быта нашего. О соборѣ мнѣ наговорили сначала много ужастей, но, кажется, ужасы эти созданы воображеніемъ. Я не былъ еще въ Софійскомъ, но меня завѣрялъ Михаилъ Михайловичъ ¹⁾, что шумъ поднять совершенно изъ пустяковъ. Онъ говорить по этому поводу почти тоже, что и Вы пишете, и даже просилъ меня передать Вамъ его завѣреніе, въ предупрежденіе всякихъ смущеній съ Вашей стороны. На дняхъ я обѣщалъ, однакожъ, быть въ Софіи, повидѣть пресловутую трещину, повидѣться съ г. Иконниковымъ ²⁾ и съ соборянами, для того, чтобы точнѣе передать Вамъ все дѣло. Митрополитъ, при первомъ слухѣ, можетъ быть и вспылить, какъ это бываетъ съ нимъ, но потомъ, какъ видно, успокоился. Когда при мнѣ зашла у него съ кѣмъ-то рѣчь объ этомъ, то я не замѣтилъ въ немъ и тѣни какого-нибудь неудовольствія на Васъ. О комиссіи я еще хорошенько не знаю, но теперь поразвѣдаю, хоть напередъ увѣренъ, что серьезнаго во всемъ дѣлѣ ничего не окажется. Завтра, т. е. 24 ноября, Киевъ ожидаетъ къ себѣ Государыню Императрицу, въ 10 часовъ утра. Дворецъ для нея отдѣланъ и уже освященъ, но жить въ немъ едва-ли еще можно: холодновато и сыро. Зданіе вышло очень пригожее, внутренность расположена и отдѣлана безъ петербургской роскоши, но красиво и, можно сказать, мило. Мнѣ думалось и чувствовалось въ немъ гораздо свѣтлѣе, пріятнѣе и веселѣе, чѣмъ, помните, въ московскомъ дворцѣ. Высокая Гостья пробудетъ у насъ, говорятъ,

¹⁾ Хижняковъ, секретарь консисторія.

²⁾ Губернскій архитекторъ.

до четверга. Всльдъ за Государыней и митрополитъ собирается отправиться въ Петербургъ. Вероятно, Вы увидитесь съ нимъ 1 или 2 декабря. При новыхъ разговорахъ съ нимъ касательно дѣлъ нашего комитета, я, въ виду несообразныхъ предположеній о главныхъ пунктахъ судоустройства, выразился отъ лица нась обоихъ такъ: ужъ лучше, по нашему мнѣнію, оставить дѣло *statu quo*, чѣмъ улучшать его такимъ образомъ. Оказывается, что и Вы, хотя и по иному нѣсколько поводу, высказались буквально такъ-же. Митрополитъ взялъ у меня записку Лаврова о судоустройствѣ: я ее передалъ ему съ моими примѣчаніями на поляхъ, не измѣнивъ въ нихъ ровно ничего. Не знаю, смотрѣли Вы мои замѣчанія. Впрочемъ Вы и такъ знаете мнѣнія мои. На всякий случай я повторяю одно изъ нихъ касательно предсѣдательства архіерея въ судѣ. Буквально не помню своего примѣчанія, но мысль выражена такая: „Говорятъ все объ „участії“ архіерея въ судѣ: это слово двусмысленно. По духу и учению церкви, полнота правъ принадлежитъ въ частной церкви епископу; и такъ говорить объ его „участії“ въ судѣ значить заранѣе низводить его на степень низшую. Отсюда-то и всѣ споры... Дѣло не въ томъ, принадлежитъ ли епископу право суда въ его церкви (это вѣдь спора), а—какъ устроить судъ такъ, чтобы, не нарушая правъ епископа, создать достаточно самостоятельный судъ безъ непосредственного участія архіерея“... Не ясно что-то выходить, но Вы знаете, въ чёмъ дѣло. Митрополитъ же не возвратилъ мнѣ записки, но—возвратить непремѣнно до отѣзда. Съ Михаиломъ Александровичемъ¹⁾ я думалъ видѣться у Николая Дмитріевича²⁾, къ которому онъ обѣщалъ прийти 15-го числа обѣдать, но его не было. Не заболѣлъ-ли? Я буду у него, какъ по собственному желанію, такъ и по Вашему совѣту, чтѣ и передалъ ему. Рукопись, о которой упоминаете, не тождественна съ софійскою рукописью

¹⁾ Максимовичъ М. А., первый ректоръ Кіевск. Університета, проживавшій тогда зимою въ Кіевѣ.

²⁾ Иванашевъ.

о вольностяхъ малороссийскихъ. У меня остался перечень статей, составляющихъ содержание послѣдней; можетъ быть, я пришлю его Вамъ. О. Августинъ неохотно принимаетъ назначение въ Вильну и даже готовъ, кажется, и отказываться. По крайней мѣрѣ, такъ онъ говоритъ. Да, кажется, дѣйствительно назначаемое ему мѣсто не по немъ, не по его характеру. Преосвященный Макарій лучше бы сдѣлалъ, если-бы постарался предоставить это мѣсто о. Густину. Тотъ хотя и недавно на службѣ, но уже не молодъ и, главное, человѣкъ практическій. Въ свое время я совершенно упустилъ изъ виду Густина, не то выскажалъ бы мнѣніе въ его пользу. Къ этому письму я вамъренъ приложить письмо къ Сашѣ¹⁾, если успѣю написать такое. Пожалуйста, потрудитесь передать ему. Онъ перемѣнилъ квартиру, но не написалъ мнѣ, где и у кого нанялъ новую, такъ что я не могу адресовать письмо прямо на его имя. Спасибо, сто разъ спасибо Вамъ за дорогое для меня участіе Ваше въ его положеніи. Хотя я немножко легче вздохнулъ послѣ того, какъ объяснилось дѣло, столько встревожившее меня, но все-таки мнѣ тяжело. Недавно я получилъ, вмѣстѣ съ письмомъ отъ Саши, письмо и отъ г-жи Головинской. Пишетъ и умно, и хорошо, въ собственномъ значеніи этого слова, такъ что разумнѣе и искреннѣе не написала-бы мнѣ дочь моя. Говорю безъ всячаго пристрастія. Но тѣмъ не менѣе, что-жъ изъ этого, или что за тѣмъ? Я отвѣщаю и прошу прямо рѣшить мои недоумѣнія. Что касается Вашихъ совѣтовъ Сашѣ, то они совершенно справедливы и практичны. Пожалуйста, не оставляйте и на будущее время внушать ему здравыя понятія о практической жизни, особенно касательно училища и приготовленія къ нему. Повѣрьте, и одно участіе, когда оно такъ просто и искренне, какъ Ваше, весьма много значитъ для молодого человѣка. Получилъ ли Саша билетъ? Сію минуту вспомнилъ о фотографическомъ снимкѣ моей физіономіи. Что она? Вѣро

¹⁾ Сынъ Н. А. Фаворова.

плоха, хуже даже оригинала. Профессоръ Славатинскій убѣдительно просить, нельзя ли узнать, почему на представление къ ординатурѣ доселѣ не отвѣчаютъ. Разумѣется, наводить справки объ этомъ въ министерствѣ было бы уже черезчуръ. Но нѣтъ-ли какихъ слуховъ, особенно по поводу его сочиненія. Напишите хоть да, хоть нѣтъ, только не промолчите. Прошу кланяться, первѣе всего Давілу Гавриловичу (дай Богъ ему всего добра), потомъ доброму о. протоіерею Прохору Карповичу, затѣмъ Василію Аѳанасіевичу и наконецъ—кому знаете. Ваши поклоны раздамъ аккуратно по принадлежности. Анна Степановна усердно благодаритъ за память и просить къ моему поклону Вамъ приложить и ея. А мой поклонъ—до земли.

Искренно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

Ноября 23, 1870 г.

3.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

На этотъ разъ я намѣренъ поговорить съ Вами прежде всего о дѣлахъ комитетскихъ. Комитетъ постановилъ: „не учреждать прокурорскаго надзора въ судахъ духовныхъ“. Было ли собраніе голосовъ по этому предмету, или рѣшили огуломъ, такъ что не осталось мѣста для меньшинства? Вы не написали ничего объ этомъ. Но какъ бы ни было,—очевидно, что Вы и нѣкоторые другіе не согласны на такое опредѣленіе. Съ своей стороны, и я противъ него. Что бы ни говорили, а прокуратура—существенный элементъ въ нашемъ судопроизводствѣ. Если указываютъ на примѣръ англійскаго судоустройства безъ прокуроровъ, то или забываютъ при этомъ, что въ Англіи общины всегда имѣютъ у себя опытнаго юриста (на собственномъ, конечно, содержаніи), съ которымъ совѣтуются во всѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ требуются особы юридическія свѣдѣнія. Такой адвокатъ вполнѣ замѣняетъ прокурора, хотя

онъ и не отъ правительства. Подробнѣе объ этомъ я ваведу справки чрезъ Николая Дмитріевича, у котораго должны быть подъ рукою источники относящихся сюда свѣдѣній. Дальше, что и у насъ будто-бы прокуратура—только временное учрежденіе, въ этомъ я погволяю себѣ усомниться, тѣмъ болѣе, что совсѣмъ въ противоположномъ духѣ говорится на счетъ этого въ общихъ соображеніяхъ о судоустройствѣ. Да если бы и въ самомъ дѣлѣ въ общихъ судахъ нашихъ учрежденій это признано было не необходимымъ, то и затѣмъ въ судахъ духовныхъ оно существенно нужно, потому что здѣсь въ суды избираются не юристы. Епископъ не можетъ замѣнять прокурора съ одной стороны потому, что епископъ не есть непремѣнныи юристъ (а сущность прокурорства и состоить въ специальности юридическихъ свѣдѣній и опыта), съ другой—по самому отношенію, въ которомъ онъ поставляется къ суду, протесты его должны имѣть совсѣмъ не то значеніе, какое имѣютъ прокурорскіе. Напротивъ, это-то отношеніе и предполагаетъ въ судахъ нашихъ (какъ они проектируются комитетомъ), болѣе чѣмъ гдѣ либо, прокурорскій институтъ, какъ необходимый средній терминъ. Наконецъ, главный мотивъ, который ясно, кажется, не высказанъ членами, оспаривающими прокуратуру, но пойманъ Вами, такъ сказать, на-лету,—главный мотивъ отрицанія прокуратуры въ духовныхъ судахъ крайне несостоятеленъ и даже не совсѣмъ мораленъ. Не изъ-за чего, говорятъ, учреждать судъ духовный въ полной организаціи, потому-де, что дѣлъ въ этомъ судѣ, требующихъ серьезнаго разбирательства, очень мало. Но если-бы и одно лицо въ годъ потребовало для себя суда вполнѣ праваго, то развѣ можно отказать ему въполнѣ удовлетворенія такого требованія! Нѣтъ, если судъ духовный долженъ быть особенный, то онъ долженъ имѣть и всѣ гарантіи суда правильнаго и безошибочнаго, не говорю уже—безпристрастнаго. Да о чемъ же иначе и хлопотать бы нашему комитету? Если разсуждать въ такомъ духѣ о судебнай части въ духовенствѣ, то гораздо лучше оставить все въ прежнемъ порядкѣ, потому что всѣ перемѣны въ этомъ судѣ, безъ введенія

нія въ него прочныхъ гарантій справедливости, могутъ остатся совершенно безполезными, какъ бы онъ ни оказались благоразумными и отвѣщающими современнымъ потребностямъ судебнаго благоустройства. Читая о дружномъ отрицаніи прокуратуры, я думалъ, что когда дойдетъ дѣло до опредѣленія положенія и обязанностей секретаря, то ему придадуть, въ яѣкото-рой мѣрѣ, значеніе прокурорское, хотя не по правамъ, но, по крайней мѣрѣ, по роду и свойствамъ наблюденія за теченіемъ дѣлъ въ духовномъ судѣ. Хотя и это было-бы вѣчно неестественное и ненормальное, но, въ видахъ какого-нибудь контроли судебныхъ дѣлъ нашихъ, слѣдовало ожидать подобного установленія. Однако жъ читаю дальше совсѣмъ не то: „Опредѣленіе секретаря зависитъ отъ предсѣдателя суда“. Если бы секретарь имѣлъ значеніе только дѣлопроизводителя, то съ такимъ постановленіемъ легко было-бы согласиться; но безъ прокурора секретарь въ новомъ духовномъ судѣ останется прежнимъ секретаремъ, съ тѣмъ еще преимуществомъ для него и вредомъ для духовной юстиції, что онъ можетъ сообща съ предсѣдателемъ задерживать и дѣлать по своимъ разсчетамъ гораздо больше того, что дѣжалось такимъ образомъ прежде. Не такъ ли? По крайней мѣрѣ, трудно видѣть въ проектированной комитетомъ комбинаціи какое-нибудь улучшеніе суда духовнаго. Итакъ я положительно на сторонѣ Вашей, и если Вы не образовали особаго мнѣнія меньшинства, то я желалъ-бы, по крайней мѣрѣ, чтобы въ протоколѣ не было сказано, будто комитетъ единогласно призналъ прокуратуру ненужною. Вы написали, что мнѣ высланъ будетъ протоколъ; такового я не получалъ еще, а если получу, то, вѣроятно, выскажу на поляхъ его свое мнѣніе. Касательно дѣлъ бракоразводныхъ, я, пожалуй, тоже не прочь былъ-бы подвергнуть этотъ вопросъ новому обсужденію, но, мнѣ кажется, заявлять теперь, безъ достаточнаго къ тому повода, мнѣніе, противоположное прежде высказанному, не совсѣмъ удобно. Сдѣлать это не иначе можно, какъ подвергнувъ сомнѣнію заявленное въ комитетѣ полномочіе наше—пересматривать все судопроизводство и судоустройство,

не стѣсняясь никакими предварительными постановлѣніями. Помните, мы и прежде слегка выразили недоумѣніе по этому предмету, но тогда намъ сказали, что такое недоумѣніе неумѣстно. Теперь, когда оказывается, что при составленіи военнаго суднаго устава заравѣе признаны были тѣ границы военной подсудности, которыя опредѣлены общими судебнми уставами 1867 г., то недоумѣніе наше является не совсѣмъ неумѣстнымъ, и его можно будетъ снова заявить, когда представится къ тому случаю, именно—при пересмотрѣ всѣхъ комитетскихъ опредѣленій, какой предполагается комитетомъ въ концѣ своихъ засѣданій. Но если разматривать дѣло не съ этой точки зре-
нія, а такъ, какъ оно представляется по самому существу дѣла, то я не нахожу пока основанія и побужденій къ измѣненію прѣжняго мнѣнія своего о немъ. Записки Александра Феодорови-
чика я еще не читалъ, времени не достаетъ; можетъ быть, когда прочту и углублюсь въ суть вещи, то приду къ другимъ мысламъ, которыя въ такомъ случаѣ немедленно и сообщу Вамъ. Вы, можетъ быть, подумаете, что, говоря о недостаткѣ времени, я употребляю только обыкновенную отговорку. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ у меня теперь очень мало досуга. Посудите сами: въ по-
недѣльникъ двѣ лекціи, во вторникъ двѣ, въ среду—двѣ, въ четвергъ—одна, въ пятницу—двѣ; прибавьте къ этому совѣты и экзамены, потомъ кое-какія посѣщенія, а еще важнѣе—и гораздо важнѣе—разныя домашнія дѣла, и Вы согласитесь, что не одна лѣпь или нерасположеніе (хотя не отрицаюсь и отъ ихъ вліянія) не позволяютъ мнѣ быть во всемъ аккуратнымъ. Вотъ и теперь думалъ исписать цѣлые листы къ Вамъ, а выходитъ, что необходимо ограничиться четвертушками. Сѣль я за письмо въ 6 часовъ, но только успѣлъ написать странички двѣ, какъ потребовали на экзаменъ. Возвратился въ 9-ть часовъ. Теперь уже 10-ть, а надобно подготовиться къ завтрашнимъ лекціямъ. Впрочемъ, хочется еще поговорить съ Вами, и буду говорить, пока гово-
рится. Сегодня, послѣ лекцій, я былъ у Павла Феодоровича ¹⁾),

¹⁾ Протоіерей Подвысоцкій.

гдѣ первовозлежащимъ быль преосвященный Александръ. Тамъ встрѣтился съ о. Филаретомъ, которому передалъ Вашъ поклонъ и отъ которого принялъ порученіе передать Вамъ взаимное поченіе. Тамъ же завелъ рѣчъ съ Дмитриемъ Афанасьевичемъ¹⁾ о трещинахъ соборныхъ. Новаго отъ него ничего не узналъ; трещины есть, потому что были, и тѣ-же есть, какія были, и архитекторы то-же свидѣтельствуютъ; все это, какъ видите, по старому. Но новымъ мнѣ показалось то, какъ говорилъ Д. А. объ этомъ. Онъ просто назвалъ заявленіе о мнимой опасности интригою, и это безъ всякаго съ моей стороны вызова на подобную откровенность. Тутъ же былъ ключарь, конечно, не слышавшій нашего разговора. Я кончилъ его тѣмъ, что выразилъ желаніе поближе ознакомиться съ цѣлымъ происшествіемъ при первомъ посѣщеніи въ слѣдующіе дни консисторіи. Николай Яковлевичъ²⁾ что-то выглядываетъ серьезнѣе прежняго. Я ему передалъ, что смоленскій каѳедральныйprotoіерей просится въ монашество и можетъ поступить на ректорство, но ему самому предоставилъ подумать о смоленской вакансії. По просьбѣ Степана Ивановича³⁾, я, при прощаніи съ митрополитомъ, попросилъ у него позволенія для редакціи напечатать каталогъ рукописей Софійской библіотеки, но не получилъ рѣшительного отвѣта, чтобъ и предвидѣлъ и предсказывалъ Степану Ивановичу. Если найдете нужнымъ, поговорите объ этомъ сами. Вѣроятно, митрополитъ теперь уже въ Петербургѣ или около Петербурга; говорять, впрочемъ, что въ прошлую субботу мѣтель помѣшила поѣзду прибыть въ Курскъ въ свое время, и потому немудрено, если путешествіе митрополита вѣсколько замедлится. Онъ вызвался передать мой поклонъ Вамъ: если не исполнитъ произвольного обѣщанія, поручаю Вамъ потребовать должнаго. Надѣюсь, Вы не преминете сообщить мнѣ, если при свиданіи и разговорахъ съ нимъ услышите что-нибудь, что не

¹⁾ Протоіерей Ждановъ.

²⁾ Ключарь протоіерей Оглоблинъ.

³⁾ Пономаревъ.

мѣшаетъ знать и мнѣ, хотя особеннаго чего-нибудь, конечно, не предвидится. Просилъ кланяться Вамъ Николай Дмитріевичъ¹⁾ и поблагодарить за Вашъ поклонъ. А знаете ли, его обокрали, да порядочно, по меньшей мѣрѣ на 800 р. Уташили знаменитую ильковую шубу, шинели, столовое серебро и нѣсколько денегъ. Смастерили это собственныйный его лакей, оставшись одинъ въ комнатахъ въ ту пору, когда баринъ пошелъ внизъ чай пить. Поднявшись на верхъ послѣ чаю, Н. Д. засталъ лакея въ комнатахъ и, потомъ, ничего не подозрѣвая, отпустилъ его на покой, а тотъ послѣдній убраться изъ дома и уже, конечно, не возвратился. Бумаги его остались. Полицейскій чинъ разыскиваетъ похитителя и похищенное; но киевская полиція на многое находчива, только меньше всего на то, чтобы находить уворованное. Вчера я обѣдалъ у Николая Дмитріевича; съ отчаяніемъ обѣдъ былъ отличный, лучше обыкновеннаго, но за то, увы, 6-го декабря именины не будутъ праздноваться, развѣ отыщется украденное. Но ждать обѣда подъ такимъ условиемъ—чуть ли не то-же, что остататься безъ обѣда на всегда. У Михаила Александровича еще не былъ, все собираюсь. Случайно нигдѣ не приходилось его видѣть. Возвратилась въ Киевъ М. Н. Ключарева. Сегодня была у меня, но не застала дома. Остановилась на нашей улицѣ, въ новооткрытой гостинице „Одесса“, кажется, въ домѣ Фрейганга, и думаетъ пробыть здѣсь зиму. Завтра надѣюсь побывать у неї. Г. П. Галаганъ хочетъ снова поселиться въ Киевѣ и покупаетъ домъ. Я встрѣтился съ нимъ на публичной лекціи Ренненкампфа (читаетъ по субботамъ о городовомъ новомъ устройствѣ, всѣхъ 3 лекціи). Кажется, онъ уже уѣхалъ, но съ тѣмъ, чтобы къ 15 дек. совсѣмъ переселиться въ Киевъ. Въ Липкахъ я ни у кого не былъ. Ригельмана въ Киевѣ нѣть; проживаетъ, говорятъ, въ Москвѣ. У Михаила Владимировича²⁾ я какъ то стѣсняюсь бывать. Онъ теперь тоже домовладѣлецъ, ибо купилъ собственный домъ на улицѣ (не помню, какъ Вы ее прозвали, Екатери-

¹⁾ Иванишевъ.

²⁾ Юзефовичъ.

ненскою, или Елисаветскою) Липской,—чей быль онъ, не помню. Говорить, заплатилъ 10 тысячъ, и очень доволенъ. На дніахъ онъ быль у меня. Соберусь ли къ нему въ пятницу, не зваю. Я писаль Вамъ о порученіи Славатинскаго: беру назадъ мою просьбу. Онъ узналъ, что ему нужно. У насъ нѣсколько дней уже хорошая санная дорога, погода хорошая, средняя температура 2. А недѣли двѣ послѣ моего прїѣзда сюда стояла чутъ не лѣтняя погода. Не будь нечастья въ душѣ моей, я быль бы отъ нея, послѣ петербургскихъ прелестей погоды, въ восторгѣ. Къ прискорбію, въ городѣ много дѣтей болѣютъ скарлатиною. Болѣзнь эта забралась и въ Институтъ, и первая больная оказалась въ тотъ самый день, когда тамъ была Государыня. Ей Величество осталась очень довольна Институтомъ и хотѣла навѣстить больную Голубцову, но ее удержали, изъ опасеній потрясенія больной. Вообще и всѣмъ Кіевомъ Государыня осталась, говорять, довольна и, вѣрно, на слѣдующій годъ прїѣдетъ во дворецъ, который Ей тоже понравился, а садъ съ видами изъ него—особенно.

Преискренній поклонъ мой—Даниилу Гавrilовичу. Прошу свидѣтельствовать мое почтеніе Василію Аѳанасьевичу; Прохору Карповичу, какъ увидитесь, поклонитесь. Будьте здоровы и благополучны.

Искренно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

Кіевъ, ноября 30, 1870 г.

4.

Любезный другъ Петръ Гавrilовичъ!

Такъ какъ скоро 17-е и затѣмъ 21 декабря, то я сиѣшу поздравить дорогихъ имѧнниковъ и пожелать имъ отъ всей души здоровья и счастія. Письмо мое, по разсчету почтоваго времени, должно прїйти по назначенію своему какъ разъ къ 17-му, а можетъ быть, по случаю нерѣдкихъ теперь замедленій поѣздовъ, и самаго 17-го, и такъ прошу Даніила Гавrilовича

считать меня въ числѣ личныхъ поздравителей его и палить за обѣдомъ лишнюю рюмочку, разумѣется не съ тѣмъ, чтобы она стояла нетронутою, а чтобы выцита была имянинникомъ въ такомъ смыслѣ, какъ будто бы я ее выпилъ. До 21-го еще далеконько, но что такое время для духовныхъ дѣйствій нашихъ? Для тѣлесныхъ оно много значить; вотъ, напримѣръ, написать другое письмо къ Илинскому—это, полагаю, едва-ли окажется удобнымъ, а заранѣе перенестись въ него мыслю и потомъ, когда оно наступить, душою быть тамъ, гдѣ хочешь, это столько-же легко, сколько выпить за здоровье доброго и уважаемаго друга. И такъ, не забудьте и Вы, любезный Петръ Гавриловичъ, въ оный понедѣльникъ, въ положенное время, совершилъ тотъ же знаменательный обрядъ, объ исполненіи кото-раго прошу прежде Даніила Гавриловича. Затѣмъ паки и паки, будьте здоровы, спокойны и счастливы на многія лѣта! Сейчасъ я намѣренъ пойти къ Павлу Феодоровичу и принести ему два поздравленія, одно отъ себя, а другое отъ васъ; потому что въ вашей записной книжкѣ, которую вы забыли въ Кіевѣ, значится, между прочимъ: 12 декабря П. Ф. имянинникъ. Ану Степановну не поздравлять отъ васъ 9 декабря, а поздравлю, если буду живъ и останусь въ Кіевѣ, 3-го февраля. О. Филарету, не бывшему дома 1 декаб., передалъ ваши благожеланія 3-го, вечеркомъ, когда мы вдвоемъ отпраздновали, вместо праздника, скромное, но пріятное попразднество. Что касается Николая Дмитріевича то слышали ли вы, что съ нимъ случилось еще послѣ того приключения, о которомъ я писалъ вамъ? 3-го декабря утромъ нашли брата его, доброго Александра Дмитріевича (царство ему небесное) задушеннымъ въ собственныхъ его комнатахъ и, притомъ, запертымъ со всѣхъ сторонъ. На шеѣ него затянутъ былъ шнурокъ отъ его же халата. Потомъ усмотрѣно, что ему, безъ сомнѣнія, предварительно нанесенъ былъ сильный ударъ въ затылокъ. Можно догадываться, что злодѣяніе сдѣлано тѣмъ же мошенникомъ—лакемъ, который прежде обокралъ Н. Д., но доселѣ не отысканъ. Можетъ быть и вѣроятно, участвовали въ этомъ и другие. У покойнаго заграбили немногое, потому что

многаго и не было; похищено 45 р. деньгами да кое-какое платье. Николай Д. сильно пораженъ этимъ несчастіемъ, такъ что когда я пріѣхалъ къ нему на другой день утромъ, то онъ долго вичего говорить не могъ. Потомъ, впрочемъ, мало по малу началь оживляться и входить въ свой обычный тонъ, но только по наружности. Въ субботу, 5-го, я погребаль покойнаго съ о. о. Дави-кевичемъ и Смирновымъ. Завтра поѣду къ Н. Д., чтобы не нарушать заведенного порядка. Признаюсь, и на меня произвело страшное впечатлѣніе это событие, ужасное и само по себѣ, а—тѣмъ болѣе—при близости ко мнѣ лицъ, надъ которыми оно разразилось. Извѣстіе ваше о Палисадовѣ меня удивило. Неужели въ самомъ дѣлѣ онъ не утверждевъ изъ-за того обстоятельства, о которомъ вы пишете? если такъ, то нельзя не опасаться за всякия мелочи. Порученія ваши всѣ исполню на слѣдующихъ дняхъ, и хотя на будущей недѣлѣ едва ли успѣю написать что нибудь къ вамъ, но во всякомъ случаѣ не замедлю новымъ письмомъ моимъ. Комитетъ нашъ или, лучше, предсѣдатель его надѣется кончить все къ великому посту? Это было-бы не худо; но мнѣ что-то представляется это не совсѣмъ вѣроятнымъ. Развѣ поможетъ дѣлу то, что Вы собираетесь не одинъ, а два раза въ недѣлю. На этотъ разъ я не вхожу въ какія разсужденія о предметахъ комитетскихъ, потому что спѣшу окончить письмо мое къ сроку, чтобы не опоздать отправкою его. Помогай Вамъ Богъ стоять за правое, по крайнему разумѣнію нашему. Митрополитъ предъ отѣздомъ возвратилъ мнѣ записку Лаврова, которую я давалъ ему, и сдѣлалъ нѣкоторыя замѣтки противъ моихъ замѣчаній. Одна изъ этихъ замѣтокъ такова: „А такое лукавство въ священникѣ неизвинительно“. Къ несчастію или, можетъ быть, и къ счастію я недавно только прочиталъ эти замѣтки, потому что записка долго пролежала у о. Филарета, которому она отдана была (запечатанною) для передачи мнѣ. Странно, предъ кѣмъ бы я лукавилъ; предъ самимъ собою? Вѣдь замѣтки писаны были для себя. Тамъ же въ одномъ мѣстѣ замѣчено митрополитомъ, что я недовольно знаю людей. Это справедливо, особенно послѣ того,

какъ я рѣшился дать Владыкѣ, по его просьбѣ, записку съ домашними замѣтками моими. Прощайте пока. Желаю Вамъ всего наилучшаго. Пишите пожалуйста по прежнему.

Искренно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

12 декабря 1870 г.

5.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Сегодня день вашего Ангела. Еще разъ поздравляю Васъ съ вашимъ праздникомъ. Надѣюсь, что Вы проводите его отлично. Дай Богъ, чтобы праздникъ этотъ повторился для Васъ еще столько же, сколько повторялся онъ въ вашей жизни до настоящаго дня. Вѣроятно, Вы будете читать эти строки 25-го или около этого числа декабря; такъ примите же вмѣстѣ съ Давіломъ Г. поздравленіе мое и съ праздникомъ Рождества Христова, да за одно уже и съ приближающимся новымъ годомъ. Кажется, теперь у комитета нашего вакація.. Отдохните отъ трудовъ. Судя по послѣднимъ сообщеніямъ вашимъ, вамъ приходится, по нѣкоторымъ вопросамъ, оставаться не только въ меньшинствѣ, но и въ одиночествѣ. Значитъ, Вы ирали противу рожна, и хотя, конечно, не сокрушили его, но по крайней мѣрѣ и не отступили. Запасайтесь теперь новыми силами. Что до моего мнѣнія по означеннымъ вопросамъ, то, по одному изъ нихъ, я рѣшительно—съ Вами, а по другому—рѣшительно противъ Васъ, если только я правильно понялъ самый этотъ вопросъ. То есть, о проступкахъ по должностямъ, хотя бы и не административнымъ, судить естественно начальство, если оно само не предастъ суду отвѣтчика, или обвиняемый, въ болѣе важныхъ случаяхъ, не потребуетъ для себя суда. Я удивляюсь, какимъ образомъ Вы оказались одинокимъ при защитѣ такого положенія. Но не меныше удивляюсь и вашему утвержденію по другому вопросу. Вы какъ будто признаете необходимымъ, чтобы всякая жалоба на духовное лицо поступала сначала къ духовному

Томъ 75.—Ноябрь, 1901.

—9—

начальству, а потомъ уже начальство, по усмотрѣнію, препровождало-бы жалобу въ подлежащій судъ. Такъ ли я понимаю предложеній на голосованіе вопросъ: необходимо ли по каждому проступку духовнаго лица возбужденіе судебнаго дѣла духовнымъ начальствомъ? Если такъ, то, повторяю, я противъ положительного отвѣта на него. Сомнѣваюсь, впрочемъ, чтобы вопросъ имѣлъ означенный смыслъ; но съ другой стороны не могу пріискать для него и другого смысла. Безъ протокола трудно угадывать настоящее значеніе разныхъ дебатовъ. Не объясните ли мнѣ подробнѣе, въ чёмъ дѣло? Писчаго материала у Васъ теперь, какъ говорите сами, много; во времени недостатка также не должно быть теперь; а лѣнность, думаю, родилась гораздо позже Васъ. Погрудитесь же написать мнѣ на полный листъ. Кстати, прошу Васъ оказать снисхожденіе къ моимъ бѣднымъ глазамъ. У Васъ шрифтъ микроскопической, а у меня нѣтъ микроскопа. Прибавилъ увеличительное стекло,—не помогаетъ. Нельзя ли писать покрупнѣе... Николаю Д. я передалъ вашъ поклонъ съ сочувстіемъ его несчастію. Онъ просилъ меня благодарить Васъ искренно. Передалъ я ему также о предложеніи графа Уварова объ учрежденіи въ Кіевѣ археологического общества: мысль эта очень понравилась Н. Дмитріевичу, и онъ съ своей стороны готовъ принять живое участіе въ дѣлѣ; порывается даже написать Вамъ объ этомъ, хотя такой подвигъ съ его стороны нѣсколько сомнителенъ. Жаль, что съ Михаиломъ Александровичемъ я еще не говорилъ объ этомъ. Хилѣеть бѣдный. Отъ описанія Кіева, по собственнымъ словамъ его, онъ рѣшительно отказывается. Но занятія по археологической части, какъ не срочны и не требующія систематического изложенія, будутъ для него, думаю, гораздо сподручнѣе. На праздникахъ увижусь съ вимъ и побесѣдую. Идея о возстановленіи Софійского Собора въ первоначальномъ видѣ принадлежитъ самому Владыкѣ и вызвана въ немъ опасеніемъ за прочность построекъ. Комитетъ по собору имѣетъ порученіе составить въ этомъ смыслѣ записку. Не лучше ли повременить, по крайней мѣрѣ, съ такою запискою? Вы можете лично склонить къ этому митрополита.

Когда возвратитесь, увидите все сами, и тогда распорядитесь по усмотрѣнію. Анна Степановна проситъ передать Вамъ усердный поклонъ ея и поздравленіе съ Ангеломъ и праздниками. Даниилу Гавриловичу усерднѣйше кланяюсь.

Искренно преданный Вамъ Н. Фаворовъ

21 декабря 1870 года.

6.

Что это Вы замолчали, любезный Петръ Гавриловичъ! Послѣднее письмо Ваше было отъ 12 декабря, а сегодня 29-ое; и такъ третью недѣлю я не имѣю отъ Васъ ни слова. Надѣюсь, впрочемъ, что это какая нибудь случайность и что Вы, во первыхъ, здоровы, во вторыхъ—не залѣнились продолжать корреспонденцію нашу. Вы писали, что преосвященный Макарій разсчитываетъ кончить комитетскія занятія къ великому посту: чѣмъ, насколько этотъ разсчетъ оказывается вѣрнымъ? Вамъ понятно, почему мнѣ нужно знать это. Вѣдь я обѣщалъ къ концу засѣданій комитета явиться въ Петербургъ, а теперь начинаю уже подумывать объ исполненіи своего обѣщанія. Удобнѣе всего для меня было бы сдѣлать это предъ масляницею, но не будетъ-ли это или уже поздно, или, пожалуй, еще рано. Подъ часъ и то приходитъ мнѣ въ голову, нужна ли собственная моя явка въ комитетъ; это, кажется, грѣшная мысль. Надобно исполнить то, что требуетъ порядокъ дѣла, хотя-бы такое требованіе касалось только соблюденія одной формы. И такъ, я не хочу произвольно отказываться отъ поѣздки, но желалъ бы поѣхать на срокъ возможно короткій. Увѣдомьте меня пожалуйста, когда, по Вашему мнѣнію, благовременнѣе было-бы отправиться къ Вамъ. У насъ такая зима, какихъ я не помню въ Киевѣ. Съ послѣднихъ чиселъ ноября начались мятежи и портвочные морозы. Теперь на улицахъ столько снѣгу, что по дорогѣ образовались почти сплошные ухабы, чуть не по аршину глубины. Предъ праздникомъ заходилъ ко мнѣ Димитрій Аѳанасіевичъ и принесъ

мнѣ отъ Вашего имени 25 р. Какое назначеніе этихъ денегъ, онъ объяснить мнѣ не могъ. И я не могу догадаться, по какому случаю и съ какою цѣллю эти деньги вручены мнѣ Вами. Буду хранить ихъ, пока не скажете, какое дать имъ употребленіе. О. Августинъ, кажется, отправился уже къ своему посту; по крайней мѣрѣ, онъ собирался выѣхать еще вчера. Не знаю, откажется ли онъ на новомъ мѣстѣ службы отъ некоторыхъ оригинальностей въ манерахъ; если нѣтъ, то можно опасаться, что его слишкомъ скоро сдѣлаютъ архіереемъ. Что у Васъ слышно объ адресѣ известнаго Московскаго кружка? Дѣло—относительно уже давнее, но все таки интересное. Недавно я прочиталъ объ немъ въ одной нѣмецкой *Zeitung*, а въ русскихъ цейтунгахъ доселѣ ни пол слова. Сущность адреса, кажется, я знаю, равно и лицъ, подписавшихъ его; но—судьба этихъ лицъ? Удивительно, что такие серьезные люди прорвались такъ неблагородно. Но, вѣрно, дѣло было не такое легкомысленное, какъ толкуютъ его. Еще—съ новымъ годомъ Васъ, Даниила Гавриловича, нераздѣльно, хотя и несліянно. Мой сердечный Вамъ привѣтъ, по выраженію известныхъ Вамъ особъ, но только не по ихъ смыслу, а по буквальному значенію самыхъ словъ.

Искренно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

29 декабря 1870 года.

7.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ

Вы рѣшили одно мое недоумѣніе, но возбудили другое. Какъ? Вы безусловно отвергаете умѣстность и нужду учрежденія въ духовномъ вѣдомствѣ низшей судебной инстанції? Кажется, Вы не были прежде противъ этого учрежденія, даже, наоборотъ, одинъ изъ первыхъ заливи потреbность ближайшаго и простѣйшаго суда для духовенства; а теперь учрежденіе такого рода называете нелѣпостію. Положимъ, мнѣнія, по долгомъ и

внимательномъ обсужденіи дѣла, могутъ измѣниться, и что сначала казалось правильнымъ и нужнымъ, то потомъ можетъ оказаться и неправильнымъ и даже нелѣпымъ; но я не вижу основанія для перемѣны вашего мнѣнія въ настоящемъ случаѣ. Трудно заочно спорить, однако-жъ поспорю съ Вами немножко. Вы опираетесь на то, что всѣ проступки духовныхъ лицъ, подвѣдомые духовному суду, суть проступки должности, следовательно, по общему положенію, не подлежатъ мировому суду. Но если проводить строго этотъ взглядъ, то мы должны отказаться отъ всякаго суда и оставаться при одной администраціи, то есть, при прежнемъ порядкѣ дѣлъ, который въ сущности былъ весь административный, хотя въ немъ и производился судъ. При такомъ взглядеѣ нечего и говорить объ отдѣленіи судебной власти отъ административной въ духовномъ вѣдомствѣ. Вѣдомство это состоитъ изъ должностныхъ лицъ, а такъ какъ особаго суда для должностныхъ лицъ не полагается, то не требуется такой и для духовенства. Если же это не такъ—вообще, то почему же такъ по отношенію къ одному низшему суду, мировому или немировому, какъ угодно назовите его? Сейчасъ я прочиталъ журналъ 19-го засѣданія и нашелъ въ немъ раскрытие только что высказанной мною въ общихъ чертахъ мысли (стр. 9—11). Поэтому не хочу распространяться о томъ же. Прибавлю одно, что напрасно совершенно сливаютъ проступки противъ благоповеденія съ проступками противъ званія, а званіе не то-же—что должность. Напримеръ, дворянинъ поступаетъ противъ требованій своего званія. Значитъ ли это, что онъ поступаетъ противъ должности? Точно также и духовный можетъ поступать противъ своего званія (противъ „сана“, какъ выражаются, но, думаю, не совсѣмъ правильно), не нарушая еще тѣмъ самымъ прямыхъ обязанностей по своей должности. Правда, въ другихъ званіяхъ подобные проступки не подлежатъ никакимъ взысканіямъ и судятся только нравственно, а въ духовномъ подвергаются официальному суду и наказаніямъ; но потому-то, между прочимъ, и требуется особый судъ для духовенства, похожій на сословный. Итакъ, я признаю различіе между

проступками противъ должности и другими въ духовныхъ лицахъ, и думаю, что это различіе должно быть принято во вниманіе при опредѣленіи полсудности духовному суду, т. е. низшей инстанції духовнаго суда. Проступками противъ должности я почитаю проступки противъ административныхъ и священно-церковно-служительскихъ должностей, а проступки противъ благоповеденія составляютъ особую категорію. При этомъ нахожу вполнѣ основательнымъ обвиненіе или взысканіе по первымъ предоставить административной власти, а по послѣднимъ вчиненіе дѣла—истцу и судью, а рѣшеніе его (до известныхъ степеней наказанія) низшей судебнай инстанції. Кажется, нигилизма тутъ нѣтъ никакого и нелѣпости тоже не видится, хотя Вы *implicite* приписываете, конечно, и мнѣ вмѣстѣ съ другими известную долю первого, а въ послѣдней обзываете меня прямо. Вотъ если-бы уже существовалъ духовный низший судъ, я бы и привлекъ Васъ сейчасъ же къ этому суду; а теперь приходится проглотить обиду, потому-что Благочинному жаловаться на Васъ не приходится, а выше подниматься тяжело. Видите ли, Вы фактически доказываете, что у насть долженъ быть мировой судъ. Пусть этотъ третейскій судъ, въ лицѣ Даниила Гавриловича, решитъ, кто изъ насть долженъ вкусить грязи. Вы готовите особое мнѣніе... и надѣетесь на успѣхъ. Не знаю, право, желать ли Вамъ исполненія Вашего желанія. По совѣсти, я не-множко боюсь такого успѣха. Дѣло въ томъ, что начала, изъ которыхъ Вы выходите, отзываются ультра-консерватизмомъ и, если не ошибаюсь, способны породить реакціонное движение, котораго мнѣ не хочется. Конечно, я могу заблуждаться касательно Вашихъ тенденцій и представлять себѣ цѣль Вашего противодѣйствія учрежденію духовныхъ судей неправильно; но пока не увижу, что предположенія Ваши нисколько не солидарны съ намѣреніемъ удержать все въ *statu quo*, до тѣхъ поръ не могу успокоиться. Я недавно писалъ къ Вамъ, именно 29 декабря, и, признаюсь, не думалъ посыпать новаго письма въ догонку за прежнимъ; но Вы раздразнили меня. За то прошу Васъ поскорѣе отвѣтить мнѣ, хоть-бы однимъ письмомъ на два. За Вами

и такъ есть маленькая недоимка по корреспонденціи нашей, но ужъ Богъ Васъ простить за этотъ грѣшокъ; впредь не грѣшите. Николай Яковлевичъ приготовилъ уже мнѣ какое-то порученіе къ Вамъ, кажется—мѣрку для ризъ или иконъ,—я не разспросилъ его, потому что вовсе еще не собираюсь въ дорогу. Все это побуждаетъ меня еще разъ просить Васъ о скорѣйшемъ увѣдомленіи. Алексѣй Михайловичъ¹⁾ въ Киевѣ: свѣжъ и бодръ и даже порядочно толстъ. Онъ заходилъ ко мнѣ, а я еще не былъ у него. Безъ сомнѣнія, онъ кланялся бы, еслибы зналъ, что я пишу. Пусть же... кланяется. Даниилу Гавриловичу—обычный дружескій поклонъ мой съ приложеніемъ благодарности за поздравленіе. Анна Степановна благодаритъ Васъ и просить кланяться. А я, хотя и не преклоняюсь предъ вашимъ мнѣніемъ, низенько кланяюсь Вамъ лично и есмь

Душевно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

2 января 1871 г.

8.

Вчера, т. е. 14 января, получилъ я послѣднее письмо ваше, любезный другъ Петръ Гавриловичъ, и чтобы не замедлить по какимъ нибудь непредвидѣннымъ обстоятельствамъ отвѣтомъ на него, спѣшу хоть коротенько отвѣтить Вамъ сегодня же. Совѣтъ вашъ касательно моей поѣздки въ Питеръ принимаю вполнѣ. Думаю и я, что не поздно будетъ отправиться къ Вамъ на 2-й недѣлѣ поста; боюсь даже, не будетъ ли и это еще рано. Къ тому времени, можетъ быть, и дороги нѣсколько поправятся, а теперь и про Киево-Курскую дорогу рассказываютъ и пишутъ довольно неутѣшительного. При томъ же, мнѣ что-то все нездоровится; а какъ потеалѣтъ, можетъ быть, и оживу немножко. Въ случаѣ неожиданнаго замедленія или,

¹⁾ Протоіерей Колосовъ.

пожалуй, и ускоренія хода дѣлъ комитетскихъ, пожалуйста по-
трудитесь снова увѣдомить меня на счетъ благовременности
моей поѣздки. У Васъ пошло уже дѣло на комиссіи: можетъ
быть, это и къ лучшему. Такъ какъ Вы принадлежите къ кругу
лицъ, которые должны обсудить вопросъ о подсудности цер-
ковной, то я вздумалъ препроводить къ Вамъ и мое мнѣніе по
этому вопросу. Прилагаю его на особомъ листкѣ при этомъ
письмѣ. Сдѣлайте изъ него какое хотите употребленіе, кромѣ
того, какое вѣкогда П. Д. Юркевичъ призналъ полезнымъ сдѣ-
лать изъ записокъ, адресованныхъ къ нему по случаю публич-
ныхъ его лекцій. Я сдѣлалъ прилагаемыя замѣтки на праздни-
кахъ, когда удосужился прочитать и протоколы, и записку А.
Феодоровича. Кажется, это мое окончательное мнѣніе по вопросу
о подсудности. Конечно, я могу согласиться и съ другимъ мнѣ-
ніемъ по тому же предмету, но только уступая соображеніямъ
практическимъ, а не измѣняя убѣжденію своему по существу
дѣла. Что до преній о прокурорскомъ институтѣ, то трудно
предвидѣть удовлетворительный исходъ ихъ. Я на сторонѣ на-
стоящей, подлинной прокуратуры; только одно затрудненіе вижу,
именно—финансовое. Полное судоустройство наше потребуетъ
большихъ расходовъ, едва-ли возможныхъ теперь у насть.... Въ
Кievѣ теперь городскіе выборы. Гласные отъ всѣхъ трехъ раз-
рядовъ уже выбраны. И я—гласный, хотя и не былъ на выбо-
рахъ. Согласился принять это званіе потому, что хочется со-
дѣйствовать, по возможности, выбору въ головы Г. П. Галагана,
который, по моему мнѣнію, единственное лицо, способное те-
перь занять этотъ постъ и принести пользу городу. Выборъ го-
ловы будетъ, кажется, дней чрезъ 7 или 8-мъ. Я только слу-
чайно видѣлся съ Григоріемъ Павловичемъ и сказалъ ему то,
что Вы мнѣ передали; но на дняхъ обѣщалъ быть и буду у
него, и исполню—что слѣдуетъ. 13-го числа мы похоронили на-
чальницу Института. Похороны были торжественны и не безъ
умилительности. Съ Высочайшаго разрѣшенія, отиѣвали въ Инсти-
тутской церкви, а похоронили покойную въ Лаврѣ, около даль-
нихъ пещеръ. Неизвѣстно еще, кто займетъ ея мѣсто. Князь

говорилъ, что Государыня имѣть въ виду достойную для этого особу, при чемъ съ грустнымъ неудовольствиемъ замѣтила, что еще при жизни покойницы уже сотни стали домогаться ея мѣста. Кажется, больше не о чёмъ на этотъ разъ писать Вамъ. Развѣ прибавить, что наскъ совершенно завалило снѣгомъ. Удивительный годъ! Что будетъ съ нашимъ Подоломъ, если начнетъ таять дружно? Не только повторится 1845 годъ, но, пожалуй, и съ удвоеннымъ количествомъ воды. Надобно желать, чтобы весна наступила помаленьку, а не вдругъ. Что у Васъ въ Петербургѣ? Даніилу Гавриловичу преусердный поклонъ, съ благодарностю за правый третейскій судъ. При случаѣ поклонитесь Василію Леонтьевичу и поблагодарите отъ меня за присылку протоколовъ. До свиданія!

Искренно преданный протоіерей Н. Фаворовъ.

15 января 1871 г.

9.

Я предполагалъ, любезный другъ Петръ Гавриловичъ, выѣхать къ Вамъ въ воскресеніе, 14 февраля, но, кажется, долженъ буду измѣнить это предположеніе. Настоящая недѣля порадочно утомила меня, такъ что потребуется день-другой для отдыха. И такъ, по всей вѣроятности я выѣду 16 февраля. Поэтому и пишу Вамъ до отъѣзда, хотя прежде и не думалъ писать къ Вамъ, къ надеждѣ лично бесѣдовать съ Вами въ то время, въ какое, по разсчету, дойдетъ до Васъ письмо это. Чтобы не ограничиться однимъ этимъ увѣдомленіемъ, передамъ Вамъ кое-какія новости наши, хотя и не зѣло интересныя. Городскимъ головою, какъ я уже, кажется, сообщалъ Вамъ, выбранъ у насъ не Галаганъ, а Демидовъ. Предъ выборами Николай Яковлевичъ¹⁾ вздумалъ произнести рѣчь, въ которой склонялъ избира-

¹⁾ Прот. Оглоблинъ.

телей къ выбору человѣка богатаго, кого именно, разумѣлось уже само собою. Признаюсь, мнѣ непріятно было слушать такое увѣщаніе. Во первыхъ, съ какой стати было говорить Н. Я? Если бы онъ служилъ молебенъ, то могъ-бы, конечно, сказать что нибудь въ качествѣ пастыря,—это не было бы неумѣстнымъ; во онъ не служилъ, а говорилъ—какъ гласный... Съ другой стороны, благоразумно ли было говорить публично въ пользу мнѣнія и желанія одной партіи, приврываю партійскія стремленія авторитетомъ священническаго слова? Думаю, что онъ не вѣдалъ, что творилъ, но все-таки и досадно, и больно. Конечно, и безъ этой рѣчи выборъ быль-бы тотъ же, потому что на сторонѣ Демидова составилась превозмогающая по числу партія, но вмѣшиваться въ такое дѣло и показывать открыто свое сочувствіе ему—недостойно благоразумнаго и честнаго человѣка, особенно священника. Шульгинъ отдалъ оратора въ „Кievляниинъ“, но потомъ, по требованію его, напечаталъ самую рѣчъ, съ примѣчаніемъ... Въ печати кое-что, кажется, повыпущено и смягчено, но все-таки тенденція оратора очевидна. На завтра новый голова объявилъ собраніе, въ 11-ть часовъ, для избранія членовъ управы; а завтра, извѣстно, день пріобщенія, и вотъ нѣкоторые просятъ уранить Богослуженіе, чтобы не опоздать на выборы, а того и смекнуть не могли, что не время для пріобщенія св. таинъ должно быть сообразовано съ произвольно назначеннымъ временемъ выборовъ, а—наоборотъ. Начало—не слишкомъ много обѣщающее и благоразумія и солидности... Записка Ваша, вѣроятно, уже не будетъ ко мнѣ послана. Прочитаю ее у Васъ и съ Вами. Даніилу Гавrilовичу усерднѣйшій поклонъ мой. За ранѣе прошу извиненія, что снова долженъ пасть на его шею. Пусть духовникъ избавитъ его за это отъ всякой епитиміи... довольно и одной этой за всѣ вольныя и невольныя прегрѣшенія его. Затѣмъ—спасайтесь!

Искренно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

12 февраля 1871 года.

10.

Христосъ Воскресе!

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Каково Вы встрѣтили и проводили свѣтлый праздникъ въ вѣчно празднующемъ по плоти и разучившемся праздновать по духу Хитрѣ? Вѣрно, до-сыта наѣздились въ каретѣ и на ванькахъ въ первые дни праздника. А мы, по обычаю, тихо и, слава Богу, благополучно праздновали и еще продолжаемъ праздновать Пасху красную. Погода у насъ стояла большею частію хорошая; официальный поздравленія не тяготили, потому что ихъ немнogo, а частые визиты, разумѣется, въ волѣ каждого. Жаль, что такъ быстро пролетѣли эти прекрасные дни. Теперь подступаетъ другого рода время: скоро—сезонъ экзаменовъ, тяжелый для меня сезонъ, впрочемъ не тяжелѣ времени комитетовъ, въ которое и Вы снова вступаете. Чѣмъ-то разрѣшится, наконецъ, комитетъ нашъ? Надѣюсь, что Вы, по прежнему, не оставите извѣщать меня о ходѣ родовъ комитетскихъ до послѣдняго процесса ихъ. Съ своей стороны желаю прилежно слѣдить за комитетскимъ дѣломъ и буду неопустильно писать къ Вамъ. На слѣдующей недѣлѣ, можетъ быть, набросаю отвѣтъ на записанные вами вопросы. А теперь пока позвольте поговорить съ Вами кое-о-чемъ другомъ. На прошлой недѣлѣ я получилъ письмо отъ князя Ширинскаго-Шихматова слѣдующаго содержанія. У него въ Соловьевкѣ есть лицо, которое, какъ видно, порядочно насиливается ему: это тамошній діаконъ. Онъ былъ прежде сельскимъ писаремъ и, вѣрно, усвоилъ себѣ писарскія замашки. Теперь же, хотя и оставилъ тотъ постъ, однако-же пребываетъ большею частію въ волостномъ правленіи и тамъ мутитъ и сбиваетъ съ толку крестьянъ въ отношеніи къ помѣщику, такъ что крестьяне, арендующіе у князя землю, оказываются постоянно не въ ладу съ управляющимъ князя. О подробностяхъ не знаю, князь не пишетъ объ

нихъ, но говоритьъ, что уже не первый управляющій отказывается завѣдывать его дѣлами единственно изъ-за смутъ, возбуждаемыхъ діакономъ. Въ такомъ положеніи князь обращается ко мнѣ съ горячею просьбою дать ему совѣтъ, что дѣлать. На дніяхъ я отвѣчалъ ему, чтобъ онъ написалъ о дѣлѣ къ митрополиту, а съ своей стороны обѣщалъ, что напишу къ Вамъ и попрошу Васъ лично переговорить о томъ же съ митрополитомъ. Я не предполагаю преувеличеній въ жалобѣ князя, тѣмъ болѣе, что онъ ссылается на мѣстнаго священника, на благочиннаго и другихъ священниковъ, которые могутъ конфиденціально засвидѣтельствовать, что за личность такая соловьевскій діаконъ. Поэтому не благоволите ли въ самомъ дѣлѣ переговорить съ митрополитомъ о мѣрахъ къ улаженію непріятностей? Можетъ быть, митрополиту достаточно будетъ неофиціально сдѣлать чрезъ благочиннаго внушеніе діакону, или что-нибудь другое. Во всякомъ случаѣ я желалъ бы, чтобы не оставлена была безъ вниманія совершенно справедливая, какъ полагаю, жалоба князя. Вѣроятно, и Вы будете того же мнѣнія и не откажетесь слѣдить, что можно, для общаго доброго знакомаго нашего. Рядомъ съ этого серьезною просьбою примите отъ меня другую, которую хотя нельзя назвать серьезною, но, можетъ быть, несправедливо было бы счастье и пустоту. Дѣло въ томъ, что отъ меня не оказалось поздравленія Владыкѣ съ свѣтлымъ праздникомъ. Телеграмма отъ Университета была послана по обычаю въ субботу, но за подписью одного ректора. И отвѣтъ, разумѣется, полученъ на имя одного ректора. Не знаю, что подумалъ Владыка о моемъ безмолвії: не почель ли онъ это грубостію или чѣмъ нибудь въ родѣ этого? А между тѣмъ дѣло было такъ. Въ субботу, въ 8 часовъ, я составилъ телеграмму и послалъ секретарю, съ тѣмъ, чтобы она подписьана была, кромѣ меня, ректоромъ и отправлена по адресу. Миѣ отвѣчали, что телеграмма уже отправлена. Полагая, что ректоръ на этотъ разъ поспѣшилъ самъ составить депешу, такъ какъ я немножко запоздалъ, и что подъ поздравленіемъ, по обычаю, подписано и мое имя, я успокоился. Но не дальше

какъ вчера ректоръ передалъ мнѣ, что до 1-го дня Пасхи онъ не зналъ о моемъ возвращеніи и потому-то отъ своего имени только и послалъ поздравленіе. Вотъ какая вышла штука. Право, мнѣ какъ-то совѣтно и неловко. Если-бы я раньше узналъ объ этомъ, я написалъ бы самъ митрополиту, но до вчерашняго дня намъ не случилось съ ректоромъ лично поговорить, и я оставался въ невѣдѣніи, а теперь писать къ Владыкѣ уже поздно. Съ Михаиломъ Александровичемъ видѣлся: болѣеть бѣднаго крѣпко ногою. О юбилей говорили; на дняхъ предложу декану историко-филологического факультета принять на себя починъ дѣла. О результатахъ увѣдомлю. Теперь же пока—будьте здоровы и счастливы. Даниилу Гавриловичу, вместо всякихъ поклоновъ и благожеланій, братски-христіанскоѣ Христосъ Воскресе!

Душевно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

2 апр. 1871 года.

11.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Въ ожиданіи отвѣта на первое письмо мое, я положить было отсрочить и свое второе письмо до времени исполненія ожиданія моего. Но потомъ раздумалъ, припомнивши изреченіе, которое въ древнія времена не разъ служило темою риторическихъ сочиненій нашихъ: мщеніе есть страсть низкая и вредная. Впрочемъ, я намѣренъ на этотъ разъ больше спрашивать Васъ, чѣмъ сообщать Вамъ свое. Если Вы получили письмо мое отъ субботы пасхальной недѣли, то могли-ли Вы что-нибудь сдѣлать по нему? Видѣлись-ли Вы съ Владыкою и имѣли-ли возможность поговорить съ нимъ, о чѣмъ я просилъ Васъ? Не писалъ-ли къ Вамъ Ширинскій-Шихматовъ, какъ онъ намѣревался сдѣлать это еще прежде, чѣмъ написалъ ко мнѣ? Я продолжала любить это семейство и потому желалъ-бы оказать ему

хоть маленьку услугу, лишь-бы не въ обиду справедливости. Сколько засѣданій комитета было на Фоминой недѣлѣ и о чёмъ теперь идутъ дебаты? Есть ли надежда на окончаніе комитетской работы къ концу мая? О Кіевѣ, о кіевскихъ дѣлахъ говорить почти нечего. У насъ въ Университетѣ недавно были выборы ректора. Шари-клились скучо: высшее число было 22 изъ 41, затѣмъ одному 20, двумъ 18, тремъ 17, потомъ двумъ 14, остальнымъ ниже. 14 досталось и на мою долю. Высшее число получилъ Бунге, который, впрочемъ, сначала просилъ позволенія подумать и потомъ согласился принять ректуру. Было нѣсколько засѣданій и въ Думѣ; на послѣднемъ изъ нихъ былъ и я. Рѣчь шла, между прочимъ, о застройкѣ большой части университетской площади. Большинствомъ вопросъ решенъ положительно. Между отрицательными наиболѣе жалкими оказался А. Н. Муравьевъ. Къ концу засѣданія не обошлось безъ маленькаго скандала, состоявшаго изъ столкновенія А. Н. Муравьева съ головою, при чемъ правда была на сторонѣ перваго. Вчера прибылъ къ намъ Великій Князь Николай Николаевичъ, а сегодня выѣзжаетъ, если уже не выѣхалъ. Съ новою начальницею Института я познакомился, но—сойдемся-ли, это пока неизвѣстно. Оригинального въ ней довольно, но мнѣ кажется, у ней не достаетъ только такта, а умъ, свѣдѣнія и усердіе есть. Къ числу выѣзывающихъ изъ Института прибавляется и Шульгинъ, подавшій прошеніе объ увольненіи.

Прилагаю свое мнѣніе объ устройствѣ низшей судебной инстанціи въ д. вѣдомствѣ. Большая часть записанныхъ Вами для меня вопросы сведены у меня въ одно. Не отвѣщаю только на вопросы о прокуратурѣ и окружномъ судѣ. На послѣдній, признаюсь, не знаю, что сказать. Боюсь ошибиться. О прокуратурѣ можно-бы высказаться положительно, но лѣтъ больше писать. Что сказано мною о мировомъ духовномъ судѣ, сказано искренно. Я не хотѣлъ распространяться, хотя нѣкоторые пункты можно-бы выяснить обстоятельно. Нѣть побужденій къ расширенію слова. Дѣло, кажется, само по себѣ ясно. Притомъ, я только заявляю свое мнѣніе, но не преираюсь съ

другими. Доводы Барсова и заявленія Сабурова, по моему мнѣнію, или недоразумѣнія, или натяжки. Барсовъ, кажется, недоразумѣвается, а Сабуровъ натягиваетъ. Пишите же, пожалуйста, что у Васъ оказывается дальше. Я загроможденъ разными дѣлами и, право, не много имѣю свободного времени. Сверхъ чаинія, лекціи идутъ правильно во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Прибавьте къ этому разносортия засѣданія и, что гораздо важнѣе, домашняя хлощоты. Въ Петербургѣ я по цѣльмъ двумъ домосѣдовалъ, а здѣсь постолни бѣгаю или бѣжу. Къ счастію, ковь мой еще не подалъ въ отставку. Отъ чего умеръ о. Серафимовичъ? Даніилу Гавrilовичу братскій поклонъ. Будьте здоровы.

Искренно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

11 апр. 1871 года.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

КНЯЖА КРЫНЫЦЯ.¹⁾

Сцены зъ XVII вику у 4-хъ діяхъ и 7-мы одминахъ.

ДІЯ III.

Одміна перша.

(Середа уранци. Покой у палаці; въ глыбами сцени по середині двері у калпичю; зъ обохъ боківъ дверей два великихъ портрета лыцараввъ у стародавній зброя. Наливо—двері, кудою йти до поконівъ Ядовыгы, на право—у сини, на кганокъ и до ворить. Злива воло муру велике кресло князя).

Ява I.

(Зъ калпичи выходять Ядовыга и Тереза).

Ядовыга. Скажи пану Рамберу, що не хочу прыймати, не хочу й слухати и нехай мене не турбує. И безъ ёго тяжко (*Тереза видходить управо*). Мати Божа! напосились уси на мене: и маршалокъ, и Рамберъ... Що панна скаже, якъ панна звелити! А що я бидна зроблю!... Тато вмирає, Яна немає (*втирає очи*). Теперъ ще козакъ стой: самъ-на-самъ, каже, зъ панною маю говорити. Щей Рамберъ каже: треба прийняти. Неначе вси умовились не давати мени спокою.

1) См. Кіев. Стар. 1901 г., № 10.

Тереза (зправа). Панно, пытае Рамберъ, чы можно ёму сюды зъявытысь.

Ядвыга. Нехай иде. (*Сидае на кресло. Тереза видчыняе двери направо, Рамберъ входыть, уклоняется, выходыть на середыну сцены, Тереза стае поручъ эз кресломъ.*)

Ява II.

Ядвыга, Тереза, Рамберъ.

Ядвыга. Чого пану?

Рамберъ. Ясна панна не хоче дозволыты, щобъ сотыка передъ іи очи прывелы?

Ядвыга. Панъ Жыль добре бачыть, яке въ мене горе й несчастя, и не хоче мени навить спокою даты. Щобъ я зъ тымъ нызовдемъ, харцызомъ говорыла —та николы въ свити!... И боюсь, и соромъ...

Рамберъ. То воля ясной панны, але повыненъ я панни сказаты, що не було-бъ тутъ биды ніякои. Знаю я пана Даныла, то добрый лыцарь, тильки що не пляхтычъ, якъ скажемъ, и я.

Ядвыга (насміхається). Я й забула, що то пана Жыли товарышъ и прыятель (*постро*). Краще-бы панъ отакъ прыйшовъ спытаты мене першэ, нижъ пана Яна зъ замку на смерть выправляты (*вытырае очи*).

Рамберъ. Ма vie!.. Выбачайте, ясна панно... Але якъ-же панна мени доси виры не йме! Кажу-жъ пани, що якъ-бы узялы хлопы пана Яна, то вже доси-бъ ёго голову вартовымъ показалы.

Ядвыга (здригаеться). Панъ жалю не мае, що отакъ прыходыть мене катуваты.

Рамберъ. Ясной панны воля на мене гніватысь, але я панни не тильки палашемъ повыненъ служыты, але, якъ треба, то й порадою доброю. Хочъ и велике панни горе, але найгиршаго панна не знае: ще тильки сёгодні и взавтра замку держатысь.

Ядвыга. Що панъ каже!?

Рамберъ. Взавтра хлопы зъ гарматъ браму розибьють. Доки зможемо, будемъ у проломахъ бытысь, але не багато нась,—до вечора тильки стане. Не пустывъ-бы я пана Яна зъ замку, колы-бъ не треба було помочи. (*Ядвыга схыляє голову на руку*). Тымъ то й казавъ я ясвій панни, хочъ и гнівається панна на мене, що таки треба ій Даныла прыйняты; перве, що може козакы выкупъ визьмуть,—налякати можно, що увесь скарбець зъ малой башты у Рось покыдаємо; друге, ще хто ёго знає, объ чимъ ричъ буде,—може хочъ який день отакъ протягнемо, а на війни часомъ и те дуже добре. Панъ Янъ, може, доскаче.

Ядвыга (ирко). Доскаче! чы жывый винъ!?

Рамберъ. И объ тимъ ясна панна навить може у Татарчука довидатысь, а зо мною не хоче винъ говорыти.

Ядвыга (павза). Нехай уведутъ! (*Рамберъ уклоняется, видходыть управо*)... Тяжко мени, Терезо! Якъ-бы не тато, не люде уси, що у замку, краще-бъ мени смерть у вичи побачыты, нижъ того козака. (*Зправа Даныло безъ зброи, за поясомъ маленький пернацъ; поручъ Рамберъ, позаду Дитрыхъ и два нимци. Рамберъ и Даныло выходять на середыну сцены, другие становятся коло дверей. Даныло уклоняется, говорить съ павзамы*).

Ява III.

Ядвыга. Що скаже панъ сотникъ... чы отаманъ... чы гетьманъ?

Даныло (понуро). Щырый слуга панны до вику.

Ядвыга. Зъ чымъ прыйшовъ слуга щырый?

Даныло (видіймає голову). То йднай панни маю казаты.

Ядвыга. Пане Жылю!?

Рамберъ (уклоняется). Воля ясной панны.

Ядвыга (махае рукою). Нехай выйдуть уси! (*Рамберъ махае рукою Дитрыху, той зъ нимциами йде у прави двери, Тереза за нею, Рамберъ у леви*).

Ява IV.

Ядвыга и Даныло.

Ядвыга. Що-жъ скаже панъ слуга щырый?

Даныло (*ступае на крокъ блыжче*). Панночко, прости мене, не гнивайся на мене, слухай мене, слухай, що-бъ нещастя велького не було: рятувати тебе прыйшовъ....

Ядвыга. Може до Рамбера у компанію просытись хочешъ, зрадныку, щобъ и нимци пишли за тобою, якъ надвирви?

Даныло. Панно, бидна моя, не гнивайся! Не ѹмешъ мени вири, насчасному, але нехай мене гримъ побье, нехай мене товарыство проклене, нехай мене на галери турецькій у кайданы закують, колы я до тебе зъ нещырымъ серцемъ прыйшовъ.

Ядвыга (*устає*). Козаче, зрадывъ ты мени и князю... та нехай тебе Господъ помылуе; скажы тильки правду, колы тебе спытаю.

Даныло. Панно, зоре моя, славу и счастя виддамъ за тебе! Чого хочешъ?

Ядвыга. Зъ шляхты хто бувъ на передзамчу... кого узялъ... що зробилъ?

Даныло (*сумно*). Панно... усихъ учора... Воны-жъ сами вынни,—то війна, панночко.

Ядвыга. А сёгодни... у ночи... никого не узялъ?

Даныло. Та ще йидного.

Ядвыга (*скрыкує*). Вбыли?

Даныло (*усміхається*). Ни, жывый ще панъ підскарбій, здається въ Овіссыма старою у курени сидить (*Ядвыга хапається за кресло, опускається на ёго, мовчить, дивиться на Даныла*).

Даныло (*далі*). Вирь мени, панно, нема чого мени брехати. Та якъ-бы й не узялъ ёго, якъ-бы й до обозу прыбигъ, то не поспіє вже помичъ. Ще й не знайшли у замку кого крацшого выправити! Не до Черкасъ побигъ панъ Казымиръ,—на Кыйивськимъ шляху ёго Дигтяренкови хлонци спіймали за рич-

кою... Панно, тильки я тебе вызволыты можу; слухай мене, панночко!

Ядвыга (тыхымъ голосомъ). Спасыби тоби, козаче, за щыру правду, колы й теперь мени не зрадывъ. Кажы чого хочешь?

Данило (ступае на крокъ, пада навколошки). Панно, счастья мое! выйди до брамы сёгодни у-ночи, тикай зо мною (*порушення Ядвыги*) сердце моє! Слухай мене... Рятую тебе, бо смерть тоби, гирше смерти... Визьмуть замокъ взавтра у-вечори... и безъ мене визьмуть... Старый Дигтаренко полковыномъ... на ради плакавъ, просывъ, щобъ тебе ёму виддалы за сынивъ ёго и дочку: татарви хоче виддаты, щобъ побусурманылы, душу твою згубылы... Панно, зоре моя, глянь на Бога, па мене несчастного глянь! (*устае хутко, Ядвыга тежъ*). Щыро тебе кохаю!!... Не хлопъ я бидный, лыцарь я славный по усёму Нызу, скарбы въ мене скризь по степахъ позакопувани, коня кращого и въ Тугайбяя немае. Панно, зглянися на мене!...

Ядвыга (стыха). Спасыби тоби, козаче, за усе добре: що не давъ мени зъ коня вбытысь, що служывъ мени вирно, що зрадывъ мени и тату (*усміхаетя*), що кохаешь мене такъ щыро, що турбуешся, щобъ татары мене не узялы. Але не бійсь, козаче... не визьме мене твій Дигтариенко... (*йде до лихыхъ дверей, обертається*). Якъ будешъ взавтра зъ гарматъ браму розбывать, то я на брами стану (*видходыть уливо*).

Ява IV.

Данило, потимъ Рамберъ.

Данило. Що-жъ теперь?... бевъ мене визьмуть замокъ (*взявшись за голову*) Самому до обозу лядського бигты, козакамъ зрадыты!? И часу немае!... Господы, хочъ-бы гримъ твій побывъ мене! (*злива Рамберъ*).

Рамберъ. Ходимъ, пане парламентеръ.

Данило (мовчыть, поглядяе на ёго).

Рамберъ. Ходимъ.

Даныло. Чекай Жылю... и нимци твои, и ты за гроши служать?

Рамберъ. А то-бъ дурно?

Даныло. Жылю, чуешъ... Я богатый... сичовысь я... та гувнау тильки у курени, то чымало вытрусять въ чересивъ товарыши... Усе твое буде—здай замокъ... тильки панну мени жыву виддай, та въ мене служы.

Рамберъ (*видстунае*). Diable!

Даныло (*подходитъ*). Жылю, самъ розуміешъ,—довго замку держатись неможно... Шкода тебе, Жылю!

Рамберъ (*здвигаетъ плечами*). Воно-бъ и ничего, тильки шкода, що строку регыменту не вышло. Хыба пиды та спытай пана полковника Крейца у гетьманскимъ обози; винъ князеви служыть, а я у ёго у регыменти.

Даныло (*зъ инівомъ*). Жартуешъ?

Рамберъ (*усміхається*). Ба ни; а то ще князя спытай, може не скоче мене у замку держаты,—тоди гараздъ.

Даныло (*тижно*). Взвітра штурмъ буде!

Рамберъ. Чомъ не заразъ?

Даныло. Якъ бралы Кодакъ зъ Сулымою, я самъ бачивъ, якъ Маріона на спысы підняли!

Рамберъ. Товарыши зъ нымъ булы, добрий бувъ жовніръ небижчыкъ.

Даныло. Добрий бувъ жовніръ и пропавъ ни-за цапову душу!

Рамберъ. Pardieu! може хто й за Жыля Рамбера колись отакъ казатыме. Ходимъ, пане парламентеръ (*иде у-право*
Даныло за нымъ).

Зависа.

ДІЯ III.

Одміна друга.

(Середа у-вечори. Лаштунки тижъ сами. На сцени не має світла; двери у каплицю видчывени; звидты дуже світиться. Чуты подзвинъ.

По сцени ходыть маршалокъ, зправа входитъ пидчашій.

Пидчашій. Що, вже усе зробылы, пане Вацлаве?

Маршалокъ. А вже... однеслы князя у каплицю и чытають.

Пидчашій. Заразъ и панахыда?

Маршалокъ. По капелана вже я пославъ, и панна Ядвига заразъ прыйде.

Пидчашій. Казалы, що довидалась ясновельможна панна въ сотника за пана Казимира.

Маршалокъ. Чувъ и я, що спіймали, а пана Яна ви.

Пидчашій. А панъ Жыль дуже лается?

Маршалокъ. Та тому абы лаяться, а якъ на мене, то добре що спіймали псаюху. Чы то жъ не соромъ, пане Юліане? Що жъ тоди справди нимцямъ та пахоламъ вирты, колы старый шляхтычъ попередъ усихъ зъ замку тикае!? Нехай провірють хлопы вражого сына на дуби—та й гараздъ!

Пидчашій. Не дуже й гараздъ, пане Вацлаве. Якъ пишовъ сёгодні звидцы Татарчукъ, якъ кынулъсь, що й справди немає пана Казимира, якъ Рамберови сказали, то на всі заставки почавъ лаяться. Я, каже, цей ночи усихъ вартовыхъ килька разъ обходивъ, никто не спавъ, и воно-жъ мисячно: черезъ валы нікій собака не перелизе, щобъ не побачыли. А якъ ѿ тутъ яки бисови потайныky, то мени ихъ треба знаты, а не якому дидькови, колы я у замку комендантъ. Якъ насыплють, каже, козакы чортовому сыну жару въ халавы, то кудою пишовъ, тудою й ихъ прыведе, матери ёго стонадцять... У каплицю й не прыйде,—нехай, каже, выбачыть ясна панна;

усе ходыть та стукае у замку та по баштахъ, по пидъ валамы дывытся. Вже цилый день отакъ.

Маршалокъ. И справди що не гараздъ. Йиidenъ, може, ѹе ѿ у замку, ѿтого потайныку знае, та лиди спытайся єго (*оказує на двери каплини*).

Пидчашій. Сёгодни въ нимцивъ нихто й лягаты не буде, до самого ранку уси по валахъ стоятымуть. Мало тильки людей до стобиса.

Маршалокъ. Э, ничего, пане Юліане, може й мы ѿ въ паномъ не забулы якимъ кинцемъ мушкета до себе трилаты (*усмихается*). Якось може взаєтра до вечора продержымось. (*Злива Ядвига и Тереза; маршалокъ и пидчашій укладняються*).

Ява II.

Ядвига. Зробылы все, якъ я просыла, пане Вацлаве?

Маршалокъ. Усе зроблено, панно Ядвиго, тильки ѿтца Антония немае.

Ядвига (*пидходыть до кресла; пада на кресло*). Пане Вацлаве! пане Юліане! вы жъ мене змалку зналы, на рукахъ носылы! Кажить же мени, кажить, за ѿтто мени доля така, за ѿтто мене Господь покаравъ!.. Тато померлы... Хлопы на замокъ йдутъ... и йидна я, йидна зосталась у свити Божому!.. (*плачে*).

Маршалокъ. Панно Ядвиго, то грихъ панни передъ Богомъ; Ёго то воля, ѿтто поклывавъ до себе князя Романа; може того, ѿтто дуже вже тяжко було єму на старисть дывытесь, ѿтто теперь робытся; а мени въ паномъ Юліаномъ то ѿтто тяжче, ѿтто плаче панна, а объ тимъ не думае, ѿтто ѿтто въ неи вирни слугы стари.

Ядвига (*устає, кыдається на груды маршалку*). Пане Вацлаве, то не я, то горе мое плакало (*плачে, прыпавши до плеча*).

Маршалокъ (*пиддержує її*). Панно Ядвиго! Вирь старому: прыведе помичъ Дембінський, будемъ жыви!

Ядвыга (плачে). Ой, Боже жъ мій, хочъ бы знала я, где винъ теперь.

Маршалокъ. Якъ не у обози, то скоро дойдe... Не дастся такой хлопамъ у руки; помолыться тильки треба Матери Божій и святому Яну.

Ядвыга (подходитъ до Терезы, спырается на плече, отирае очи). Ходимъ, Тerezо, до тата... (подходить до дверей, обертаются)... До капелана, щобъ заразъ тильки... Йдить хочъ сами (видходитъ зъ Терезою у каплицю; та зачынляе двери; на сцени темно, маршалокъ и подчашій видходятъ хутко у-право).

Ява III.

(Ліва стинка видсувается на бикъ; тамъ підскарбій звязаний, безъ жупана; за нымъ Онысымъ, Павло и кілька селянъ зъ жосамы и спысамы. По одному выходять на сцену. Купа проты дверей каплицю).

Підскарбій. Полковнику, ты жъ прысягався?!

Онысымъ. Не забувъ, не бійсь, ляше,ничого... (входить тымъ часомъ Даныло, за нымъ 1 и 2 запорозьши).

Даныло (стыха до запорозьцив). За мною, браття! (видходитъ у-лево).

Підскарбій. Дышысь, полковнику, правду тоби казавъ: варты немае, никто не знае ходу; (сказуе у-право) до брамы тудою треба йти (зъ хода показується осауль, за нымъ по одному надворни, товпляться на сцени).

Онысымъ. Андрію, Петро! у кутокъ цёго ляха: я ёму прысягався, что винъ живый буде (два парубки ведуть підскарбія въ кутокъ, стаютъ передъ нымъ). А де жъ Даныло? (поглядае наокруглы). Винъ тутъ повышенъ ходы знаты (Тереза видчиные двери).

Тереза. Маты Божа!? (ближыть назадъ). Панно Ядвыго! (Онысымъ, Павло, кілько селянъ кидаются за нею).

Осауль (ротомъ зачынле двери, чуты прыгнушеный галасъ). Не туды, хлопци, за мною! И на подвирья не выходьте, доки все у синяхъ не зберемось (безъ шуму бижыть у-право, за нымъ надворни; до киния дии надворни по одному перебигаютъ зъ хода у-право).

Ява IV.

(Зъ каплыци Онысымъ и Павло выводяты Ядовыту за руки, за нымы парубкы).

Ядовыга (бьется). Рятуйте, что въ Бога вируе! Рамберъ!, люде! рятуйте мене!

Онысымъ (веде до потайныку). Хлопци, якъ я казавъ, до курина! Глядить же мени!

Ядовыга. Маты Божа, то вбыите жъ мене, не мучте мене!

Онысымъ. Не просы дарма! (передае Ядовыту козакамъ у потайныкъ, ти уводяты, и зъ потайныку знову перебигаютъ черезъ сцену надворни; пидходыть до дверей каплыци, дывытися туды, стае на порози, вытырае очи). Пане мій мылый, пане мій любый! Не давъ мени Господъ старому счаствя, щобъ ты своего хлопца вирного въ вичи побачывъ! Спы жъ, пане, спокійненько колы мене чуешь! Догляне твій хлопъ твою дочку единственную ще краще, якъ ты моихъ дитей доглядавъ!

Вартовыи нимецъ (зправа зъ-за сцены, здалека. Werda? (стрияляє).

Голосъ осаула. Гайда! на браму! (стрияляютъ, ту-потяять, галасъ за сценою, Онысымъ зъ другыми бижыть у-право).

Зависа.

ДІЯ ІV.

Одмина перша.

(Середа, за пивничъ. Майданъ у козацкимъ обози передъ Онысъмовыемъ куринемъ. Зъ правого боку великий куринъ, вхідъ завишеный рядномъ. Ливоручъ берегъ рачки. Въ глыбина сцены тaborъ, возы, коло ихъ саморобни наметы зъ рядна, курени зъ очерету и гилля. Напереду сцены догорае огнище, злыва сцена освітлена пожежою).

Ява I.

Коло огнища 2 запорозьци и 3 парубки.

1 парубокъ. А горыть замокъ! Якъ у день видно.

1 запорожецъ. Горитыме до ранку.

2 запорожецъ. Бодай бы ти бисови хлощи згорили, що пидналы!

2 парубокъ. Хыба воно ваше горыть, дядьку, чы що?

2 запорожецъ. Ото дуренъ! Було бъ тамъ чымало нашого, якъ бы не таки розумни, якъ ты... Тильки що имъ браму видбыли, якъ ускочили зъ Маркомъ до замку, такъ заразъ и палыти по усихъ усюдахъ, вражи сыны... Мало що й повинносты... А якъ бы пошукати по покояхъ, та у стини добре постукати... (махает рукою). Отакъ въ дурнями звяжись!

3 парубокъ (до 1-го запорожцю). А куды звидцы, дядьку?

1 запорожецъ. А тоби що?

3 парубокъ. Та цикаво.

1 запорожецъ. Вже полюбился замкивъ добувати?

3 парубокъ. А вже-жъ! (сміється).

1 запорожецъ (насміхається). Ого великовоинъ! Чекай, ще побачишъ, почимъ кившъ лыха (пауза).

1 парубокъ (прыслухається зправа). Ото, якъ вовкъ вые!

1 запорожецъ (тежкъ). Ни... це не вовкъ.

1 парубокъ (пауза). Та й не собака, здається.

1 запорожець. Вовкулака.

3 парубокъ. Святый Боже! я николы не чувъ!

1 запорожець. Не прыходылось.

1 парубокъ. Чого жъ се винъ?

1 запорожець. Чого?.. Адже быlyся сёгодни... ляхивъ, нимцивъ выризали... та и зъ нашихъ, хто вже дуже гришний.

3 парубокъ. Не дай Боже теперь у лиси! (*поглядає у-право*).

1 запорожець. Що ще тутъ? Отъ якъ-бы у Волощыни!

2 парубокъ. А що жъ тамъ дядьку? тежъ вовкулаки?

1 запорожець (стыха). Ушири, отъ що!

2 парубокъ. А вы сами, дядьку, бачили?

1 запорожець. Щуръ дурня! Бодай ты колы побачивъ, хочъ отакъ якъ Чуприна.

2 запорожець. Ото бъ довидався!

3 парубокъ. А розскажить, дядьку.

1 запорожець. Та не годиться... проти ночи.

1 парубокъ. А ну бо, дядьку Миколо!

1 запорожець. Ну нехай... (*оглядається*). Вогонь горить и люде хрещени.. Ого ще, якъ Сагайдакъ старий пидъ Тягинъ ходивъ у Волощыну, то бувъ нашого жъ таки куриня тытаревського козакъ Иванъ Чуприна, що теперъ осауломъ, якъ що на тимъ тужню ёго не вбито... Та мабуть побачымось, бо якъ їго й вбешъ? Такий козарлюга, куды хочъ его.

2 запорожець. Эге жъ!

1 запорожець. То ото було разъ за Сочавою, каже ему куриний чогось до обозу побигти, а воно у ночи, отъ хочъ якъ й теперъ.

2 запорожець. Ни, не такъ було.

1 запорожець. Справди що не такъ, бо таке робылось, що - страхъ... нахмарыло, гримъ и бlyскавка, а дощу немає... А стали мы саме у лиси... у кияци... ще Сафаръ-агу виглядалы, що потимъ пидъ Хотиномъ вбитий.

2 запорожець. Це такъ було.

1 запорожець. Сталы ото, сковалысь у лиси, у поле выглядаемъ, вогню палити не можно... А витеръ ажъ гилля ламає... у лиси щось гуде, та стогне, та часомъ плаче (*стыха*)... неначе та панна, що сюди сёгодні привели (*вказує на куриня*).

1 парубокъ. Сердешна!—просила, щобъ вбыли.

2 парубокъ. Эге, вбывъ бы; старый Дигтяренко казавъ, щобъ іи якъ ока стерегли.

1 запорожець. Такъ треба було ото Иванови до обозу. Сидає на коня, але пидходить до ёго старий волохъ, що въ нась за калауза бувъ, та й пытає: „Ты самъ, козаче, пойдешъ?“ А той: „И безъ тебе, каже, втраплю“. Той соби й пишовъ, а винъ пойихавъ... колы ранкомъ вертається, каже, що ему було.

3 парубокъ. Побачывъ!?

1 запорожець. Йиду, каже, лоцьною, що разъ то бlyскавка, видно якъ у день... И прыйшлося зъ лоцьни саме выйижати, де трь шляхи лисомъ розходяться... и хреста немає,—звисно бусурмени!

2 запорожець. Ще, вдається, у тій лоцьни того-жъ саме ранку васюрынци чамбуль ногайський побыли?

1 запорожець. Ни, то зъ билогородської орди татари були... такы же Сафарь-ага мабуть ихъ тоди напередъ вуправывъ. То йиду, каже, а кинъ якъ жахнется... бо воно часомъ и кони ту нечысть бачутъ... те буває. Винъ якъ подыввся, а воно зъ земли й вylазить... и пидімається.

1 парубокъ. Що жъ воно? яке?

1 запорожець (*стыха*). Голе, казавъ, сыне, очи горять, губы червони... и кровъ зъ губивъ бижитъ!.. ажъ на грудяхъ запеклась. Якъ не завые: ала-ла! той у ходъ; та ще ёго счаствя, що кинъ у ёго тоди добрий бувъ, буланий. Якъ подався, каже, по дорози, а воно верхомъ по деревахъ, та навпереймы бижитъ, ажъ гилля ламає! Мало, каже, не спіймавъ, тильки шапку ухопивъ; такы втикъ видъ єго.

3 парубокъ. Господы!—ото жъ бува!

1 запорожець. Та й лаявъ того волоха Чуприна, якъ прыбигъ у-ранци. Чомъ ты мени, каже, такий сякий сину не

казавъ, що таке мисце? А той: „эге, каже, отакъ скажы: то що воно мени потимъ зробыть?

3 парубокъ. Боявся выходить самъ?

2 запорожець. Отакый-бы вражий сынъ боявся! Не хтивъ сказаты, та й годи. Тымъ-то й багато тои нечисти у Волощини, що усякий волохъ якъ номре, то заразъ упрыемъ робытса.

1 запорожець. Якъ усяка кыивська жинка видъмою.

3 парубокъ. Невже?

1 запорожець. А чого жъ ихъ тамъ такъ багато, хочъ и таке святе мисто и печери?

3 парубокъ. А вы дядьку и у Кыиви бувалы?

1 запорожець. Ще й не разъ.

2 запорожець. Бреше, не слухай.

1 запорожець. Брехали твого батька сини.

2 запорожець. Колы жъ ты бувъ: тоди саме якъ и я, якъ старого Сагайдака ховалы?

1 запорожець. А забувъ, якъ пидъ Кумейкамы лейстровыки чортови зъ лису въхопылышь, що нашому куриню у обозъ не можно було вернутышь, а гусарыя якъ поперла, то куды мы пишлы?

2 запорожець. Та хто куды вростичъ.. тымъ то й живыхъ найбильше у нашему курини зосталось.

1 запорожець. Эге, хто куды, а я такы у Кыиви опынывся; цилый рикъ бувъ за рыбалку у Межигорськимъ, годували святы ченци и переховалы и грихи замолывъ... може хочъ зъ половыну.

2 запорожець. На церкву було бъ даты... тоди чымало зъ того гусарына здобувся.

1 запорожець. А вже жъ було бъ даты, то й добре булюбъ... Колы бачъ, якъ прыйшовъ, то закопавъ усе пидъ дубомъ надъ Десною, а якъ у монастыри бувъ, то й забувся якося... И шкода, бо уси ти гроши такъ по шинкахъ и позоставались у Кыиви, якъ пишовъ зъ монастыря (*зправа Даныло и Марко*).

Я в а П.

Даныло. Добра ничъ, панове товарыство!

Вартови (*устають, парубки здіймають брыли й шапки*).
Добра ничъ, пане отамане!

Даныло. Годи вже вартуваты, втомились мабуть сёгодни, гайда лягаты, вже други будуть на варти (*запорозьци, 1 и 3-ий парубки беруть зброю и помалу видходять у-право по-за куринъ*).

2 парубокъ. Не можно, пане отамане; казавъ панъ полковныкъ, щобъ до ранку видъ цёго куриня не рипались, покиль воны съ цвигтаря повернутся.

Даныло (*видходить до ёю, гризно*). Трясця твоїй матери и въ полковныкомъ твоимъ. Я видъ Хмеля тутъ, никому чуты не можно, объ чимъ мени треба у бранки довидатись! Геть звидцы, гайда!

2 паробокъ (*видходить у-право, на бикъ*). Ого лыха годына, хыба заразъ до старого бигти?

Даныло (до *Марка*). Зъ товарыства хто живый?

Марко. Шпакъ та Потебенька, та ще оцихъ двое (*оказує направо*); хочъ и не нашого куриня, а добри козакы; ще й ихъ беры, якъ хочешъ, я вже казавъ имъ; та воны за-для того й на варти тутъ були... гляди тильки, брате, щобъ кіямы тебе не быто.

Даныло. Годи объ тимъ... а ти двое вже зибрались?

Марко. Шпакъ кони силае, а Потебенька въ твоимъ перначемъ побигъ до обозу, щобъ панни того гнідого узяты. Божывси, що на горилку й дывитись не буде... А Хмеля якъ побачу, то що казаты?

Даныло. Замокъ, скажешъ, узялы, загинъ добрий приведешъ... та й я незабаромъ... кажу жъ тоби, тильки у той зимивныкъ, що за Самарою, та й до війська.

Марко. Ну, ще туды будешъ, може, квалитись, а звидти? (*реюче; Даныло видходить да куриня, підіймле рядно*).

Даныло. Панночко!.. чортакы ще й звязалы! (выймае кынджалъ, кыдается въ куринъ).

Марко. Щобъ такого лыцаря, та баба... (маха рукою). Хочъ и гарна жъ, иродова дочка! (видходить у-право).

Ява III.

Даныло выводыть зъ куриня Ядвыгу, зрывае зъ рукъ вирёвку.

Даныло. Панно, серце мое, не бійсь ничего... заразъ пойдемъ зъ сичовыкамы у степъ широкий... ни ляхъ не знайде, ни татарынъ. Служывъ я тоби вирно, якъ собака теперь буду служиты, у очи дывытысь (Ядвыга мовчыть, поглядает на ёю). (Пауза). Панночко, счаствіе мое, не гнивайся, промовъ хочъ слово... Рятую тебе. Заразъ тицати треба, бо зъ ясыремъ до Крыму поведуть... не помылуете Онысько; у неволи бусурменскій пропадешъ и душу занапастышъ.

Ядвыга (видступае стыха). Даныло! Йидна я тутъ, кого мени просыты!.. Кохаетъ мене, кажешъ... Може, добре въ тебе серце, то порятуй мене.

Даныло (стувае до неи). Панночко, заразъ на коней!

Ядвыга (видступае, протягае руку). Козаче, не ты хыба выненъ, що я теперь у неволи? На що прыйшовъ ты сюды, на що порятуавъ мене, на що зрадывъ мене? Що я тоби зробила? що я Оныськови зробила? чимъ я кого скривдала?—якъ маешь серце и совисть, то вбый мене (пада на коленки).

Даныло. Шапно! Господы! (хоче подняты).

Ядвыга (вырывае руку, видступае знову на колинахъ). Убый мене, козаче, на цимъ мисти убый, бо у Крымъ жыва не пиду и зъ тобою не пиду... Або крынцы глыбоку знайду, або скелю высоку, то сама себе занапашу... Убый мене заразъ, козаче, змылуйся, то за все тебе прощу... и за зраду твою, и за батька мертвого, и за смерть свою; душу мою порятуй, козаче добрый, то на тимъ свити за тебе мотытысь буду... Ой Боже, Боже, несчасна я! (закрывае лицце рукамы).

Даныло (сумно). Серденько мое, що робышъ зо мною?
Жыття й душу виддавъ бы за тебе!

Ядвига (протягає руки). Якъ маешъ трохи жалю, ко-
 заче, дай ножа, дай заразъ!

Даныло (усміхається). То такъ... бильше мене боишся,
 якъ гриха?

Ядвига (схиливши голову). Простыть Господь мыло-
 сердный...

Даныло (дивиться на огнище). Панно ясна... не плачъ,
 не гнивайся, и Бога не гниви: не пидешъ зо мною, а ни до
 Крыму—пидешъ, куды схочешъ.

Ядвига (поглядає на єго).

Даныло (дивиться на огнище). До Лубенъ хочешъ... чы
 до обозу коронного?

Ядвига (хоче устаты). Що кажешъ, що? Даныло?

Даныло (дивиться на огнище). До Лубенъ, кажу, чы до
 обозу короляго хочешъ? Не гай часу.

Ядвига. Маты Божа! (хытається, пада).

Даныло (кыдається, пиддержує, ставши на колено)
Зомлила бидна! (дивиться, цилує, ікука по-за кинз). Марку!

Ява IV.

Зправа Марко и 2 запорозьци.

Марко. Хыба це довго? вже й Потебенька прыбигъ (*вид-дає Данылови перначів*).

Даныло (до запорозьців). Берить панну браття (*козаки несуть Ядвигу у-право у слизь*). Не дуже гнидого затягайте, бо
 быти буде (*до Марка*). По-надъ ричкою надвирни вартують,
 тудою зъ обозу й выбирайся; ось перначъ (*виддає перначів*).

Марко. А ты жъ що?

Даныло. До лядського обозу бижы... перву корогву якъ
 зустринешъ, виддай панну, вона вже тебе оборонить... Чекай,
 може ще не послухають іи вражи лахы... Змійчука беры, та

якъ побачышъ, що тоби лыхо, промовъ тильки ёму на вушко: орда!—то й куля не дожене.

Марко. Отакои!.. Ну гараздъ, якъ на мене, ще воно й краще... Тильки я бъ казавъ, що треба й тоби йихаты, бо якъ прыйде у ранци Онысько, то гвалту наробыть.

Даныло. Боюсь я ёго, що винъ Онысько!.. А йихаты не можно мени... Не зрадь тильки, щобъ панну довизъ!

Марко (*сердыто*). Оце бачу, що таки божевильный, колы побратымови не вирышъ.

Даныло. Просты брате... Не гай часу... гнатись не будуть, бо я тутъ на варти... Гайда! (*маха рукою, Марко видходитъ у-право, у слизѣ*); везы обережно!

Ява V.

Даныло, потимъ Онысымъ.

Даныло (*ходить по сцені*). Тяжко... Йе тоби, Даныло, и слава, и воля, та немає щастя... (*выймає ладанки, дивиться*). Одуривъ нимець проклятый... Ни, може й не все брехавъ... Кулею ёго сегодні вбыто... Може це, Даныло, доля твоя щербата... Оце Маркови видамъ, нехай здоровъ носить, а цей.. пи, не кыну... нехай буде... Тильки вже годи по замкахъ бавитись, взавтра до товарыства, та у першу лаву... може дастъ Господь мылосердный смерть козацьку (*зправа зглыбины сцены вбигає Онысымъ, Даныло стає коло входу у куринъ*).

Онысымъ (*неспокійно*). Отамане, що се ты, на що вартовыхъ прогнавъ?

Даныло. Чого, диду, турбуешся, я самъ на варти.

Онысымъ (*тупає*). На що прогнавъ, пытаю!?

Даныло. Диду, не твого полку я козакъ, щобъ мавъ тебе слухати.

Онысымъ (*згнивомъ*). Геть звидцы!

Даныло. Чого сердышса старый? Сидай, та будемъ вартувати.

Онысъмъ. Геть звидцы!—пусты у куринъ!

Даныло. Не йды, диду... спыть ляшва... на що тоби?

Онысъмъ. Геть, кажу тоби, вражжий сыну, бо звъязаты звелю!

Даныло (*стрымующуюсь*). Чого гвалтуешъ диду?.. Иды, тоби кажу, не треба.

Онысъмъ (*скажено*). То не пустышъ!?

Даныло (*пауза, дывытся на ёю, нескоро*). Та йды, про мене (*дае дорогу, Онысъмъ кыдается у куринъ, Даныло, выхопывши кинджалъ за нымъ*).

Онысъмъ (*зз куриня*). Зрада! (*чуты якъ пада Онысько, потимъ тыхо*).

Зависа.

ДІЯ IV.

Одмина друга.

(Четвергъ у-ранци. Лаштунки тожъ сами. Ливоручъ товна селянъ, праворучъ невельчка купа надворныхъ козаківъ. Міжъ ними ковалъ зъ спысомъ. Въ глыбами сцены Павло безъ шапки зъ перначъ підъ бунчукомъ. Передъ нимъ на авансцени звъязаний Даныло. Коло его 2 парубки. Кинець рады. Галасъ).

Ява I.

Ковалъ. Люде хрещени! козацтво! хыба можно такъ?

Голосы (*злива*). Годи, годи! Постановылы... за що старого бідного вбывъ?.. Зрадыкъ... закопаты... ще й мовчыть!.. Выкупъ, мабуть, узявъ за ляшку... пошукаты отуть треба... Гаспидъ... закопаты, закопаты!.. Старого й диты за нась голову зложилы!

Ковалъ (*сылується перекричати*). Панове громадо! Нехай нызове військо судить.

Селянынъ (*злива крычыть*). Панове громадо, ото Грыцько репетуе, що винъ ёго въ аркану пустывъ!

Ковалъ (*крычыть*). Не вирьте, козацтво, иродови! Це винъ такъ, що его **Даныло** нагаемъ бывъ на гребли, ще на Велыкдень, та то жъ єму князь звеливъ.

Селянынъ (*крычыть*). А хочъ бы й такъ! Наймыть панський, та вильныхъ козакивъ быты! Де винъ уязвся на нашу голову!?

Надвирый козакъ (*зправа*). Закозакувався, вражий сыну! Якъ бы не панъ отаманъ, то й доси бъ уси вы гречко-сі... (*галасъ злива*).

Павло (*надивае шапку, пидіймає перначъ*). Ради кинець!

Гоминъ (*злива*). Ради кинець! закопаты зъ Онысымомъ! (*зправа вбигаютъ Марко и 4 запорозьци, кидаются до Даныла, видопыхаютъ парубкивъ. Марко выхопывши кынджалъ риже вирёвку*).

Ява II.

Тижс, Марко и запорозьци.

Марко. Панове громадо! товарыство! що се!?

Галасъ (*злива*). Де цей уязвся! Ачъ який!.. Чого пры-
бигъ!? Геть звидцы!

Павло (*выступае напередъ и пидіймає перначъ*). Тыходи! (*уси мовчать*). Геть звидцы, козаче! У-ночи сёгодни побратимъ твой полковныка вбивъ, и оде на ради вильными голосами его судылы, и сёгодни, по старому звычаю, его живого зъ полковныкомъ закопаютъ... Иды соби.

Марко (*выхопывши шаблю*). Товарыство, рятуйте! Хто въ Бога вируе, за шабли! (*Запорозьци, надвирни и Грыцько оточаютъ Даныла, де-котри берутся за шабли й рушниши; гвалтъ и галасъ злива*).

Даныло (*хапає за руки Марка*). Брата! збожеволивъ! (до товары). Тыходи! (*підходить до селянъ, тримаючи Марка за*

праву руку). Отаманы-товарыство, грищныкъ я велыкый, и слиздъ мене караты! Позвольте тильки панове зъ побратымомъ попрощатысь.

Марко. Добре.

Гоминъ (*злива*). Гараздъ... нехай.

Данило (*рукою дае знакъ козакамъ видступыты у-право*). Идить хлопци! (*выводыть Марка на авансцену, увесъ часъ тыхъи юминъ на сцени*).

Марко. Брате, що то...

Данило (*перепылье*). Мовчы! Зъ панною що зробивъ, що вже повернувся? кажы заразъ!

Марко. Та зъ тобою що тутъ?

Данило (*тулае*). Що зробивъ? кажы, не катуй!

Марко. Та ничего, Боже жъ мій! Мыли зо тры тильки пробиглы, у-ранци ляхивъ зустріли на Корсунськимъ шляху... Корецький ротмистръ и Дембинський панъ. Виддалы та й сюды.

Данило (*хутко*). Сюды йдуть?—то гукни заразъ на козакивъ.

Марко (*перепыняе*). Та ни бо! Бачывъ я добре... Кінныхъ ихъ килька сотъ; жадно цилои корогвы нема. Зъ легкихъ де-хто, та гусары трохи, та рейтаривъ. Кони потомлени, стрілами покаличени, пораненыхъ багато, до сидель ихъ вязано... десь ихъ добре побыли... Ротмистръ спытавъ мене тильки за замокъ та за князя, та рукою махнувъ, та й подались на Кyївський шляхъ... Мы сюды, а тутъ у брамы Щербаченко... бижыть зъ майдану, плаче та лается... Убывъ, каже, собаку старого... судилы на ради.

Данило. Спасыби, брате, за послидню службу.

Марко (*стыха*). Тривай брате, не можно такъ; ще шисть насъ товарыства и надвири за тобою...

Данило. Грихъ тоби, брате: доволи, що вже на мени кривъ християнська. Та подивись, що зъ сотни лышылось: Рамберъ добре бывся (*усміхається*); та й байдуже мени!..

Марко. То тоби байдуже... а мени?.. Брате, не кыдашъ я тебе ни въ степу, ни въ мори,—памъятаешъ?..

Даныло (усміхается). А то жъ?

Марко. Братье Даныло! (вытирает чоло, глухо). Погана тоби смерть... не козацька... Якъ хочешъ, вызволю (трокхи видстуває, килька разъ тыхо вдаряє киниемъ шабли по землі).

Даныло. Спасыби, брате ридный, оце гараздъ. Не такъ тильки, щобъ ще тебе отутъ у пень не зарубалы... Трывай! (выймає 2 ладанки, видчелює иидну). Оце тоби: це видъ кули носы (виддає, дивиться на другу), а це... нехай вже зо мною у землю пиде (усміхается),—не помога воно... Слухай брате, сидай на Змійчука; нехай твій буде, бережы. Заразъ мене въ майдану поведуть, мабуть, до церкви; янчарка въ тебе добра, та й стрилець ты не абы який, а на мене вже теперъ срибнои кули не треба. Гляди, щобъ добре влучывъ, бо вылаю (усміхается).

Марко (ховає шаблю, обіймає Даныла). Братье мій ридный!

Даныло (обіймає его, дали видводить рукамы) Не плачь, Марку брате! разъ маты родыла. На тимъ свити побачымось, розскажешъ мени тамъ, чы йе ще Лахы на Вкраини, чы стоить славне Запорожжя... Бижы хутко, беры копя. (*Марко бижыть у-право*).

Даныло (уклоняется запорозьцямъ). Панове товарыство! Простить мене, якъ скрываюсь кого... Якъ повернется хто зъ васъ до Сичи—зброя въ мене дорога, въ осавула: визьмить, та на церкву Божу виддайте, щобъ за мене гришного молылись.

1 запорожець (до селянъ). Панове громадо, треба намъ теперъ до Хмеля вертатись. Здорови бувайте! Скажемо товарыству, що добре наась прыймалы, хлибомъ силлю прывиталы и найкращого лыцаря у сырь землю закопалы (видходить у-право, за нымъ други запорозьци и килька надвирныхъ).

2 запорожець (одвертається). Щобъ вамъ и дитямъ вашимъ!.. Ярема на васъ! (видходить за другими).

Павло. Ведить до церкви! (килька селянъ пидходять до Даныла).

Даныло. Не треба въязаты, пиду й такъ! (*Ступає килька крокиев у-право, селяне за нымъ; дывытся пыльно за сцену, кывае; звідти вистриль,—Даныло пада*).

Голосы. Ловы, ловы! (*де хто бижыть у-право, де-хто до Даныла*.

θ. Шильченко.

Зависа.



Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.

(Продолженіе) ¹⁾.

44. Кража въ чумацкой дорогѣ.

Среди необозримыхъ Запорожскихъ степей, по извѣчному Муравскому «шляху», въ августѣ 1690 года медленно двигалась чумацкая валка, возвращавшаяся съ солью изъ Перекопа. То были козаки изъ Сокологорской сотни,²⁾ полтавского полка, въ свободное отъ походовъ время занимавшіеся чумацкимъ промысломъ. У передней „мажи“ шель „ватагъ“, или отаманъ, а за нимъ безконечною линіею тянулись воловы и конные возы „товарыства“. Всѣ чумаки были вооружены, потому что въ безлюдной степи имъ на каждомъ шагу грозила опасность со стороны шнырявшихъ здѣсь ногайцевъ. Впрочемъ, пока путь шелъ че-

¹⁾ См. Киевск. Стар. 1901 г. № 10.

²⁾ Сокологорка, бывшій сотенный городокъ—нынѣ м. Соколка, кобел. у., на р. Ворсклѣ.

результатъ запорожскія паланки, чумакская валка могла себя чувствовать сравнительно безопасной: въ каждомъ зимовникѣ, расположенному обыкновенно на берегу рѣки, въ уединенной балкѣ, или у вырытаго колодца, она находила защиту и пристанище, а если было нужно, то и провожатыхъ. Хозяинъ зимовника, запорожскій козакъ, обыкновенно былъ и шинкаремъ; безопасность „ватаги“ чумакіхъ была для него не только долгомъ, но и источникомъ прибыли: онъ хорошо зналъ, что слава доброго зимовника распространяется по всей Украинѣ. Но перешагнувъ у Конскихъ-Водъ границу запорожскихъ владѣній, чумакъ мазалъ свою рубашку и одежду дегтемъ изъ предосторожности отъ „чумы и гадины“, заряжалъ „рушиныю“, добывалъ изъ воза „спыса“, а на груди, на ремешкѣ, вѣшалъ „гаманъ“, въ которомъ хранился „ярлыкъ“. Въ Ногайской степи уже ни сель, ни зимовниковъ не было; хорошо еще, если трава уродила и вода въ полевыхъ рѣчкахъ не повысихала, а то уже не у кого достать ни корму, ни водопоя. Отъ запорожской границы до самой Перекопской „башты“ не увидять уже чумаки ничего, кроме табуновъ или стадъ татарскихъ, весь годъ блуждающихъ съ чабанами, такими же дикими, какъ и ихъ лошади. Въ голой степи, вдали отъ аула, ногайцы не боялись никого, и для нихъ зарѣзать двухъ-трехъ ватажанъ, отнять скотину или хлѣбъ считалось молодечествомъ. А сколько обмановъ на соляныхъ озерахъ, сколько прижимокъ и вымогательствъ въ „баштѣ“ отъ всякаго рода дыздарей, имановъ, каймакаповъ и другихъ ханскихъ чиновниковъ! ¹⁾

Но наша „ватага“ сокологорцевъ благополучно миновала уже всѣ эти мытарства. „Повершувши“ отъ Молочныхъ-Водъ, ²⁾ она „простовала ку домивкамъ“ и уже вступила снова на территорію Коша Запорожскаго. Но нерадостный видъ имѣлъ теперь

¹⁾ Скальковскій, Исторія Новой сѣчп., т. 6, стр. 133—134.

²⁾ Молочная, или Молочная-Воды, рч. въ Таврич. губ., течеть на границѣ Мелитоп. и Бердянскаго уѣздовъ.

этотъ «степъ широкій, край веселый». Въ томъ году лѣто выпало дождливое, и когда наши чумаки шли въ Крымъ, ихъ круторогіе волы буквально гонули въ буйной степной травѣ; но въ іюль прилетѣла отъ Азовскаго моря саранча и въ двѣ недѣли превратила цвѣтущую степь въ безотрадную пустыню. А новыя полчища все еще продолжали нестись съ юга, закрывая солнце и наводя ужасъ на все живущее. Отъ ихъ гающіихъ труповъ появился моръ—сначала на скотѣ, а потомъ и на людяхъ, и когда наши чумаки стали приближаться къ р. Самари, встрѣчные запорожцы сообщали имъ тревожныя вѣсти, что Самарскій монастырь, а равно и оба новоостроенные московскіе городки на Самари, Новобогородицкъ и Сергіевъ, на половину или и совсѣмъ опустѣли отъ мора, и воевода тамошній князь Ржевскій „тієи жъ смертной не уйшовъ пляги“. Слыша эти нерадостныя вѣсти, чумаки обильнѣе смазывали дегтемъ свои сорочки и усерднѣе подгоняли круторогихъ, поспѣшая къ недалекимъ уже предѣламъ родного края. Вдали уже синѣла гора Калита, надъ Орелью, а тамъ рукой подать и до Сокологорки.

Но тутъ встрѣтилась неожиданная задержка. Одинъ изъ „товарыства“, сокологорскій козакъ Васыль Башлаенко заявилъ всѣй „ватаѣ и старшому“, что у него случилась пропажа: украдено изъ воза „убранье (платье) синее и грошай талярѣ деять“. Что тутъ было дѣлать? Не помочь товарищу въ бѣдѣ считалось у чумаковъ однимъ изъ самыхъ позорныхъ поступковъ; съ другой стороны, нельзя было оставить безъ разслѣдованія проишедшую кражу, иначе—подозрѣніе могло падать на каждого изъ «товарыства». И вотъ „ватаѣ, по звычаю, товарыство зъ ватагою спынывъ и у всіхъ возахъ струсывъ“, т. е. сдѣлалъ обыскъ, причемъ у молодого козака Кирика Дмытренка „вытрусили“ въ возу поличное,—„штаны тилько Васылеви, що зъ грипшы булы“, а остального платья и денегъ не нашли. „Ватаѣ“ немедленно подвергъ Кирика допросу, и тотъ „при товарыству при всемъ, у ватаги, заразъ ся признавъ“:

— А що жъ, мои ласкавіи панове, зъ убраня гроши я винявъ и въ прыкмети (въ замѣченномъ мѣстѣ), подле шляху, на Кильчени ¹⁾ въ бурьянъ винувъ.

„Ватагъ“ призналъ необходимымъ провѣрить это показаніе и, взявъ съ собою нѣкоторыхъ изъ „товарыства“, отправился на Кильченъ и велѣлъ Кирику указать „тую прыкмету“; но послѣдній такъ былъ взволнованъ страхомъ ожидавшой его кары, что никакъ не могъ указать мѣста, куда онъ припряталъ украденное, и сколько ни искали всѣ по бурьянамъ, ничего не нашли. Случись подобное дѣло въ глубокой степи, вдали отъ поселенныхъ мѣсть, ватагъ, пользовавшійся въ пути почти диктаторскою властью, обязанъ былъ произнести формальный приговоръ и подвергнуть провинившагося должностному наказанію; но завтра вся валка должна вступить въ предѣлы своего полка, и всѣ полномочія атамана должны окончиться; ктому же провинившійся и потерпѣвшій были односельцами. Поэтому ватагъ „не прикрылъ ихъ декретомъ“, а ограничилъ тѣмъ, что отобралъ у Кирика Дмитренка коня съ возомъ и солью „и въ рушыцею“ въ качествѣ „вины“, предоставивъ Башлаенку судиться съ нимъ дома, передъ сотеннымъ урядомъ, а „лице“, т. е. отысканное у Кирика платье, обязался самъ представить сотнику.

Спустя нѣсколько дней по возвращеніи домой, Василь Башлаенко предъявилъ сокологорскому сотенному уряду жалобу на Башлаенка о кражѣ. Онъ не добивался наказанія для провинившагося и впередъ заявилъ, что если Башлаенко „всі мои утраты нагородитъ, то отъ мене вольнымъ станеть, а вины панскои не заступую, и овшемъ (напротивъ) повиненъ будеть Кирикъ платити за свое проступство, якъ явный злодій“. Дѣло было настолько бесспорное, что присутствующій на судѣ отецъ Кирика, „старый Дмитро, не вдаючися въ жадную контроверсію“, немедленно изъявилъ готовності удовлетворить истца и тутъ же, на урядѣ, „во всемъ его погодилъ“. На судѣ предсѣдательствовалъ

¹⁾) Кильченъ—рѣчка въ теперешнемъ новомосковскомъ у., правый притокъ Самари.

въ это время бурмистръ полтавскій Олекса Рымарь, присланный отъ полковника въ Сокологорку для какой-то судебной ревизіи. Онъ согласился на мировую потерпѣвшаго съ Кирикомъ и здѣсь же отобралъ отъ Дмитра „вину панскую за тотъ крадицъ его сына при явномъ лицу“: воловъ три, яловицъ двѣ и „яловка“ (молодого бычка). Протоколь по данному дѣлу былъ вписанъ „до книгъ мѣскихъ сокологорскихъ“, а засвидѣтельствованная копія его была взята Олексой Рымаремъ для предъявленія полковому суду, которому принадлежало право окончательнаго решения настоящаго дѣла. Послѣдній, принялъ во вниманіе молодость Кирика Дмитренка, „даровалъ его назначенямъ члонку, якъ явного злодія“, а велѣлъ его „скарати виною панскою и врядовою“, которая впередъ была взыскана.

45. Попытка утаить деньги, взятые на храненіе.

Осенью 1698 года супруновскій шинкарь Петро Максименко ходилъ по селу Гуджуlamъ, что близъ Полтавы, и правиль долги, „за напой урослии“, такъ какъ въ то время шинковые напитки рѣдко продавались на наличныя деньги, а больше въ долгъ („наборгъ“), и лучшимъ кременемъ для сбора этихъ долговъ была осень. Обошелъ Максименко много дворовъ и собралъ немало денегъ, но это стоило ему большого труда, такъ какъ въ рѣдкомъ дворѣ ему не приходилось браниться съ хозяевами, отказывавшимися платить или оспарившими сумму долга, записанную углемъ на стѣнкѣ его шинковаго дома. Желая отдохнуть и подкрепить силы, зашелъ онъ къ мѣстному шинкарю Ничипору Юрченку, потребовалъ конву меду и сѣль пить съ хозяиномъ. Вскорѣ „въ той же companіи згодыся“ давній приятель Максименка, мѣстный козакъ Иванъ Безусиденко, любившій ежедневно навѣщать шинковый домъ въ видахъ неожиданной встречи съ друзьями. По этому поводу была потребована другая конва, за нею и третья. Между тѣмъ наступилъ вечеръ, и хотя до Супруновки было рукой подать, но

Максименко чувствовалъ себя охмельвшимъ и не рѣшился бѣхать домой „півночи“, а согласился принять радушное приглашеніе хозяина переночевать у него. Послѣ этого пріятели пили еще немалое время, а затѣмъ окончательно охмельвшій Максименко вынулъ изъ-за пазухи „тхорыкъ“ (родъ копелька) съ деньгами и, отдавая его Безсусидненку, сказалъ:

— Брате Иване! Чомусь на мене люде роютяты. Прыймы ты въ мене, пидпилого, тіі гроши и заховай, щобъ въ мене ихъ хто не выдравъ півночи.

Безсусидненко и Юрченко взяли эти деньги и тотчасъ уложили гостя спать на лавѣ, и хотя къ комнатѣ долго еще продолжался шумъ и гамъ пьянизовавшихъ здѣсь посѣтителей, но Максименко былъ привыченъ къ подобному шуму и спалъ какъ убитый.

Проснувшись поутру, онъ обратился къ хозяину съ просьбой возвратить взятыхъ на сохраненіе деньги,—тотъ притворился, что не понимаетъ даже, о какихъ онъ деньгахъ говорить. Побѣжалъ къ Безсусидненку—тотъ такъ же „ротился и клялся“, будто не бралъ отъ него никакихъ денегъ. Тутъ несчастный Максименко взвылъ благимъ матомъ: пропала немалая сумма, сорокъ золотыхъ, а главное—это были деньги чужія, такъ какъ онъ состоялъ лишь наемнымъ шинкаремъ у значнаго козака Романа Гоарина, въ Супруновѣ, и въ его пользу собираль долги въ Гуджулахъ. Явился сельскій атаманъ, собрались старые козаки изъ числа мѣстныхъ жителей, судили·рядили, а дѣла рѣшить не могли, такъ какъ Юрченко и Безсусидненко упорно стояли на своемъ и клятвенно утверждали, что не брали отъ Максименка на храненіе никакихъ денегъ и вовсе не видѣли у него таковыхъ. Наконецъ имъ удалось отвести отъ себя подозрѣніе и свалить его па нѣкого Процька, извѣстнаго пьяницу, наканунѣ дольше всѣхъ остававшагося въ шинкѣ Юрченка и даже заночевавшаго подъ столомъ, въ одной хатѣ съ потерпѣвшимъ. Несчастный Процькъ съ похмелья рѣшительно ничего не помнилъ, что происходило наканунѣ, тѣмъ не менѣе на него „зложили злодійство“, посадили въ колоду, боемъ хотѣли выму-

чить отъ него сознаніе въ кражѣ, наконецъ взяли его веревкой за шею и хотѣли вести въ Полтаву, на судъ къ полковнику. Но въ эту минуту пріѣхалъ въ Гуджулы „самъ акторъ тои шкоды“, панъ Романъ Гояринъ,—и дѣло приняло другое теченіе.

Этотъ „панъ“ Гояринъ представляетъ собою интересную, хотя и загадочную личность. Онъ не занималъ никакого уряда, и мы ничего не знаемъ ни о его происхожденіи, ни объ уровнѣ его образованія; но изъ всего видно, что это былъ очень умный человѣкъ, вѣроятно не лишенный и школьнаго образованія, а главное—одаренный выдающимися судебнно-слѣдовательскими способностями. Мы уже имѣли случай видѣть, какъ онъ, дѣйствуя безъ всякаго офиціального полномочія, проявилъ эти способности въ постороннемъ для него дѣлѣ—объ убийствѣ Степана Лесенка¹⁾.

Такую же слѣдовательскую опытность обнаружилъ Гояринъ и въ настоящемъ случаѣ, близко касавшемся его личныхъ интересовъ. Онъ сразу же разгадалъ, что пьяный Процыкъ не причастенъ воровству, и тотчасъ настоялъ на его освобожденіи. Затѣмъ онъ разслѣдовалъ, кто именно изъ жителей с. Гуджуловъ находился въ шинкѣ Юрченка въ тотъ вечеръ, когда тамъ пьянствовалъ Максименко,—и ему удалось отыскать между ними троихъ важныхъ свидѣтелей, которые почему-то не рѣшались уличить Юрченка и Безусидненка при разслѣдованіи дѣла, произведенномъ атаманомъ и громадою. Заручившись этими данными, Гояринъ обратился за судомъ къ владѣльцу с. Гуджуловъ, полтавскому полковому судью Петру Буцкому, находившемуся въ то время въ своей „маєтности“. И Буцкій не отправилъ истца въ Полтаву, въ полковой судъ, а немедленно открылъ судебное засѣданіе въ своемъ домѣ, допустивъ къ участію въ немъ „многихъ особъ“, очевидно изъ числа мѣстныхъ жителей. Это—единственный известный намъ случай, что полковой судья су-

¹⁾ См. выше очеркъ подъ № 43.

дитъ безъ участія полковой и магистратской старшины и, притомъ, не въ ратушѣ, обычномъ мѣстѣ засѣданій полковаго суда, а у себя въ имѣніи.

Гояринъ, въ качествѣ главнаго истца, выступилъ съ открытымъ обвиненіемъ Юрченка и Безсусидненка въ утайкѣ взятыхъ ими „до спряту“ денегъ у Максименка и „на доводъ своеи справы“ ставилъ трехъ свидѣтелей. Первымъ изъ нихъ допрошенъ былъ житель с. Гуджуловъ Сидоръ Зиничъ. Онъ такъ показалъ:

— Бачывъ я, панове, тое, що Максименко, вынавшы гроши зъ пазухы своеи у тхорыку, давъ Ивану Безсусидному до спряту. Безсусидный и Нычипоръ Юрченко заразъ пишли у сини и личылы опык гроши.

— Неправда то есть, панове,—возражали обвиняемые: присягою и клятвою себе заслоняемъ, що не знаемъ и не видаемъ о тыхъ грошихъ; а коли бъ тое на насъ мило перевестися, то мы самы на себе мылосты не просымъ и горло свое ставымъ.

Тогда истецъ, „на досконалый доводъ тои жъ справы“, поставилъ еще двухъ „свидковъ“, Ивана Петренка и Дыныса Сергіенка, которые „у очи“ стали говорить обвиняемымъ:

— Шкода билшъ и людей добрыхъ турбовать! Не тайтесь: у васъ гроши—верните, бо Максименко, пидчылый будучы, давъ вамъ зъ тхорыкомъ гроши до спряту, якіи взявшы, и личылы-сте въ синяхъ.

Послѣ этого судъ, „уважающы тое“, что хотя обвиняемые и продолжали упорно отрицать приписываемое имъ преступление, „але же (такъ какъ) при трохъ или двохъ свѣдителяхъ всякъ глаголь становѣть“, призналъ Юрченка и Безсусидненка виновными въ утайкѣ денегъ и, „давши ихъ до вязеня, велѣль ихъ домы и худобу арештовати“.

Приговоръ этотъ подлежалъ немедленному исполненію, такъ что истецъ, вмѣстѣ съ атаманомъ и понятыми, прямо изъ суда отправился описывать имущество обвиняемыхъ. И когда пришли въ домъ Безсусидиенка, то его жена, убѣдившись, что

запирательство мужа не привело ни къ чему, и желая выгородить себя, призналась предъ всѣми:

— А юшъ, панове, въ мене тыи гроши не булы: въ Ивана воны и теперъ за пазухою вси есть.

Гояринъ тотчасъ вернулся къ судье и потребовалъ, чтобы Иванъ Безусидненко былъ подвергнутъ допросу и обыску. Когда послѣднему предложили добровольно возвратить полученные отъ Максименка деньги, онъ продолжалъ увѣрять:

— Немашь у мене жадныхъ грошій, кромъ пяты золотыхъ.

Но когда его „велено струснути“ (обыскать), за пазухою у него нашли въ цѣлости сорокъ золотыхъ, только не въ „тхорику“, а въ „валитди“. Тутъ только Безусидненко, „будучи покованый лицемъ“, пересталъ запираться и сказалъ:

— Гроши твои, пане Романе; а тхорыка я тогди жъ покинувъ на улыци, щобъ хто взявъ, а гришмы милы-сьмо зъ Нычыпоромъ подилытыся,—въ тимъ наша вына.

Послѣ этого судъ приступилъ къ составленію окончательнаго декрета. Въ законѣ не оказалось параграфа, прямо относящагося къ случаемъ, подобнымъ настоящему, поэтому пришлось по аналогіи примѣнить 7-ї арт. 14-го разд. Статута, предписывавшій казнить смертью „приличного злодія“, укравшаго на сумму болѣе четырехъ копъ¹⁾). Хотя въ данномъ случаѣ не было прямой кражи, а была лишь попытка утаить чужія деньги, но (продолжаетъ декретъ) „поневажъ онии злочынцы взывали ими Божое надаремно и стались крывопрысяжцами, бо за свидоцгвомъ трёхъ особъ мусилы тыи гроши лыцемъ школуючому вернуты“, — то судъ, увольняя ихъ „отъ горловой карности“, объявилъ ихъ „безециими“, т. е. лишенными чести, въ силу чего они, согласно праву Магдебургскому²⁾, „до каждого такъ достоинства, яко жъ и свидоцтва не мають быти припѣ-

1) Литовская копа равнялась двумъ золотымъ и 15-ти грошамъ; следовательно, сорокъ золотыхъ составляло 16 копъ.

2) *Jus Municipale*, разд. Щѣрбича, 1581 г., артык. IV, п. 7 и 8.

щены". Сверхъ того, они обязаны были уплатить суду „зыкную вину“ и „всі утраты шкодуючому нагородити“.

46. Раскаявшійся воръ-утайщикъ.

У полтавскаго мѣщанина Стефана Бутка, зятя извѣстнаго въ то время богатаго „купца“ Стефана Козельскаго, лѣтомъ 1699 года случилась покража: изъ его „коморы“ (лавки), стоявшей на рынке, кѣмъ-то была похищена значительная сумма 596 золотыхъ. Огорченный этой потерей, Бутко просилъ и родныхъ, и пріятелей, и всѣхъ „добрыхъ людей“ помочь ему въ розыскахъ украденныхъ денегъ, но и самые энергичные розыски не привели ни къ чему: ни вора, ни денегъ не отыскивалось. Такъ прошло около мѣсяца. Бутко никакъ не могъ примириться съ постигшимъ его несчастьемъ и продолжалъ „журитьса“. Но вотъ однажды, раннимъ утромъ, вышла его жена въ сѣни и увидѣла на полу какой-то свертокъ; развязала—тамъ оказались деньги 92 талара¹⁾, очевидно кѣмъ-то вброшенные въ оконце. Скоро послѣ этого объявился и похититель.

Былъ у Бутка въ Полтавѣ шинокъ, куда часто заходилъ „на пидптиокъ“ его сосѣдъ Якимъ, „Пороховниковъ зять“. Это былъ бѣдный ремесленникъ, какъ и его тестъ, занимавшійся выдѣлкой пороха. Однажды онъ засидѣлся въ шинкѣ дольше обычновеннаго и, увида зашедшаго сюда хозяина, сталъ униженно просить его выпить съ нимъ меду, обѣщаючи за то сообщить ему нѣчто очень важное. Заинтересованный этимъ обѣщаніемъ, Бутко присѣлъ къ подвыпившему гостю и велѣлъ подать конву съ медомъ. Якимъ находился въ какомъ-то возбужденномъ состояніи, былъ необыкновенно говорливъ, безъ всякаго повода пустилсяувѣрять Бутка въ своей необыкновенной якобы преданности и расположенніи къ нему, и всѣ эти изліянія неожиданно закончили слѣдующимъ признаніемъ:

¹⁾ Таларъ равнялся тремъ золотымъ.

— Знай, брате, что твоимъ грошимъ, за якіи журышся, я есть прытомъ. Бо въ той часъ, якъ ты, маючи утрату, спрошувавъ людей для розыску шкоды, и я на прошеше твое пишовъ и тіи гроши у сини на комори знайшовъ и въ пазуху зъ мишкомъ вложывъ, а прынислы, въ господи свой сковавъ у землю и накрывъ бочкою. А не за довгымъ часомъ моя сестра и сусидка Марья товкы порохъ, и метучы сины, знайшлы пидъ бочкою тіи гроши. Сестра жъ взяла соби золотыхъ десять, а сусида пивсорока золотыхъ. Я, узнавши про тое, поотбиравъ отъ нихъ тіи гроши, хочай не вси, и вже по разныхъ мистцахъ ховавъ. И стало мени нудно вельмы, и не зная, где ся зъ ными подиты,—вкинувъ въ сины тоби оконцемъ, где двери отчыняютъ.

Разумѣется, Бутко не замедлилъ на другой же день представить откровенного Якима въ полковый судъ и „просить на него святои справедливости“. На допросѣ судебногъ Якимъ не отрекся отъ своихъ словъ и повторилъ прежнее „самохотное“ признаніе:

— Гроши чодъ синомъ въ комори я взявши, въ дому своимъ сковавъ и доброволне признаю, что Степанови прытомъ гроши, мною не крадены, тилко найдены и скованы въ дому моимъ, подкинувъ я у Степанови сины, до которыхъ и теперь, якъ насамоти, вынуждъ ставаю себе Степанови, чого недостаетъ ёго суммы, отплачоватыся, покы моего здоровья и худобы станетъ.

Судъ, вмѣсто декрета, велѣлъ прочесть въ слухъ 7-й арт. 14-го разд. Статута, гласящій: „каждый злодій, зъ лицемъ приведеный и правомъ перекованый при лыци его, которое бы стбило вышней четырохъ конъ грошій, маєти быти горломъ каранъ“, и затѣмъ выдалъ обвиняемаго „на волю шкодующей сторонѣ“, предоставляемъ ей „якъ хотити зъ злодіемъ поступыты“. Степанъ Бутко заявилъ, что онъ „не инстигуетъ шкодцу своего на смерть“, а желаетъ, чтобы Якимъ выплачивалъ ему недостающіе 320 золотыхъ, истраченные имъ изъ общей суммы 596 золотыхъ. Судъ объявилъ Якима „вольнымъ отъ смерти“

и обязалъ его „во всемъ погодити“ истца. Здѣсь же, на судѣ, сдѣлана была разцѣнка убогаго имущества отвѣтчика, которое должно было поступить на пополненіе „утраты“ Бутковой: хата съ дворомъ была оцѣнена въ 8 коп., конь въ 10 таляровъ, двадцать смушковъ въ 10 золотыхъ, полкаменя вороху въ 10 коп., три плахты съ полотномъ въ 5 золотыхъ, поясъ шелковый въ ту же цѣну. Недоставало еще около 200 золотыхъ, но Бутко согласился, чтобы Якимъ выплачивалъ ему эту сумму по мѣрѣ своего заработка.

47. Возстановленіе опороченной чести.

Одну изъ многочисленныхъ категорій судебныхъ дѣлъ въ старой Малороссіи составляли дѣла „о заданю ущипливыхъ словъ“, „о зелженю въ дотклиности чести“, т. е. о поношениі, клеветѣ и диффамаціи. Здѣсь, на ряду съ серьезными обвиненіями, встрѣчается много и мелочныхъ претензій, нерѣдко возникавшихъ изъ-за такихъ же маловажныхъ обидъ, какъ и та, изъ-за которой поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Но какъ въ повѣсти Гоголя неправильно было бы видѣть лишь забавный фарсъ, комическое изображеніе чрезмѣрной обидчивости или страсти къ тяжбамъ, такъ и въ ста-ринахъ тяжбахъ о беъчесты ясно сказывается вовсе не мелкое сутяжничество, а сознательная заботливость людей того вѣка—безъ различія ихъ званія и общественного положенія—объ охранѣ чести, объ огражденіи доброго имени отъ малѣшаго нареканія. Такая заботливость вообще свойственна характеру малоросса, который какъ огня боится худой о себѣ славы, „люской поговорки“. Ему совершенно чужда и непонятна мысль пословицы: брань на воротѣ не виснетъ,—напротивъ, его болѣно задѣваетъ малѣшее оскорбительное слово, пустая сплетня, и онъ готовъ отважиться на крайнія средства; чтобы очиститься отъ несправедливаго нареканія и возстановить опороченную честь. Въ XVI—XVII вв. среди южно-русскаго зорянства

правобережной Малороссії, знакомаго съ рыцарскими понятіями о чести, дѣла обѣ оскорблениі вѣсма часто разрѣшались формальными поединками, запрещенными (и то не безусловно) лишь третьей редакціей Лит. Стагута. Въ козацкой Малороссії дуэль не практиковалась, но общественное мнѣніе требовало, чтобы всякий, кто считалъ себя невинно обезвреженнымъ или опороченнымъ, непремѣнно обращался въ судъ, приговоръ котораго одинъ имѣлъ силу восстановить его добroe имя. Кто этого не дѣлалъ, тотъ создавалъ для себя крайне опасный прецедентъ, которымъ могъ безнаказанно воспользоваться любой изъ его недруговъ. Предполагалось, что только тотъ терпѣливо сносилъ безчестье, чья репутація была не совсѣмъ безупречна. Поэтому, едва заводилась въ шинкѣ, на „беседѣ“ или въ иномъ публичномъ мѣстѣ скора и кто-либо „публиковалъ“ другого воромъ, прелюбодѣемъ или „наволикавъ“ на него иной безчестный поступокъ, обиженный тотчасъ обращался въ судъ съ жалобой за клевету и съ требованіемъ, чтобы клеветникъ доказалъ свои слова. Часто обидчикъ, одумавшись или пропрѣзвившись, спѣшилъ примириться съ обиженнымъ и просилъ у него прощенія при свидѣтеляхъ; но потерпѣвшій не могъ удовлетвориться этимъ: соглашаясь на мировую, онъ все-таки требовалъ, чтобы „угода“ и „помиркованье“ непремѣнно были заявлены передъ урядомъ и записаны въ судебныя книги. И судъ въ такихъ случаяхъ, по просьбѣ невинно опороченнаго, постановлялъ декретъ, въ которомъ „приписывалъ ему задность (честь), якъ и передъ тымъ цвотливымъ зоставалъ“, и выдавалъ ему форменную копію этого декрета; а чтобы кто иной не посмѣлъ вновь взводить на него ту же напраслину, ссылаясь на то, что первый клеветникъ остался безнаказаннымъ, судъ въ томъ же декретѣ налагалъ денежную „заруку“ (штрафъ) на всякаго, „хто мѣлъ бы тое поновити“. Если же обидчикъ не успѣвалъ до суда примириться съ обиженнымъ или же упорно стоялъ на своемъ, судъ требовалъ отъ него доказательствъ, выслушивалъ его свидѣтелей, и когда его обвиненія не подтверждались, объявлялъ его „потварцею“ (клеветникомъ), присуждалъ къ вы-

полненню позорного обряда „ревокациі“, взыскивалъ „вину“ и „навязку“ въ пользу потерпѣвшаго, съ возвратомъ понесенныхъ имъ по веденію дѣла издержекъ, а иногда подвергалъ виновнаго и тюремному заключенію. Въ дѣлахъ о поношенніи женской чести, сверхъ всего этого, практиковался еще (какъ мы не разъ упоминали) обычай, въ силу которого невинно оклеветанная имѣла право, въ судебномъ присутствіи, бить по щекамъ своего клеветника.

Была, однако, категорія лицъ, которыхъ можно было безнаказанно попосить и злословить всякому, а они не имѣли права обращаться къ судебнай защитѣ. Это были, прежде всего, неисправимые воры, которыхъ судъ съ позоромъ изгонялъ изъ мѣста ихъ жительства и „одѣ чести людской отлучалъ“ ¹⁾, а равно и тѣ, кого онъ за мошенничество и ложную клятву,увольная „одѣ горловои карности“, объявлялъ „безедными“, т. е. лишенными чести ²⁾; во-вторыхъ, приговоренные къ смертной казни, но помилованные судомъ по просьбѣ потерпѣвшихъ или по ходатайству „заднѣхъ людей“; въ-третьихъ, потерпѣвшіе наказаніе у позорного столба, „цехованные на тѣлѣ“, т. е. подвергшіеся отсѣченію руки, ноги, уха, подвергшіеся пыткѣ и вообще побывавшіе „въ катовскихъ рукахъ“; захваченные на „мерзкомъ учинкѣ“ и подвергшіеся обрѣзанію полъ платья; уличенные въ воровствѣ, хотя бы они успѣли примириться съ потерпѣвшимъ и тѣмъ изѣбѣгли положенного въ законѣ наказанія; уличенные въ лжесвидѣтельствѣ, ложной присагѣ и т. под. ³⁾. Всѣ такія лица, по выраженію Магдеб. права, „терпять смазу на славѣ и почтivости и право свое втратили“, именно—они

1) Для примѣра укажемъ на такой приговоръ въ очеркѣ № 41.

2) Такой приговоръ см. въ очеркѣ № 45.

3) Магдеб. право къ этой же категоріи „безедныхъ“ причисляетъ, сверхъ того, незаконнорожденныхъ („бенкартовъ“), ростовщиковъ („лыхварей“), шулеровъ („костыровъ“), опекунонъ-расточителей и др.; но въ практикѣ козацкихъ судовъ мы не нашли указаній на то, чтобы такія лица считались лишенными чести.

не могли быть свидѣтелями въ судѣ, не имѣли права занимать общественныхъ должностей, лишились права „довести присягою своей невинности“ въ тѣхъ случаяхъ, когда это дозволялось за-копомъ; „таковыи жаденъ отпovѣдати не повиненъ“ (въ судѣ), но они „всякому обязаны справляться“, кто бы ихъ въ чёмъ-либо обвинялъ¹⁾). Какъ видимъ, положеніе подобныхъ лицъ было въ высшей степени тяжелое. Это нужно принимать въ соображеніе для правильной оцѣнки того безпримѣрного милосердія, съ какимъ малороссійскіе суды сплошь и рядомъ освобождали приговоренныхъ отъ смертной казни и другихъ суровыхъ наказаній. Очевидно, потому и освобождали, что помилованный преступникъ все равно не оставался безнаказаннымъ: надъ нимъ до конца его жизни тяготѣлъ позоръ лишенія чести, тѣмъ болѣе ужасный, что онъ передавался по наслѣдству и его потомкамъ, ибо, по смыслу Магдеб. права, „срамота предковъ простирается до третьего поколѣнія“²⁾). О степени тяжести этого позора краснорѣчиво говорятъ такие факты, какъ домогательства невиновныхъ супруговъ относительно расторженія ихъ брачнаго союза съ мужьями или женами, опозорившими себя и семью совершеніемъ преступнаго дѣянія. Вспомнимъ, напримѣръ, съ какою страстью мольбою обратилась къ суду жена бывшаго кишинѣскаго атамана Раецкаго: „Мыlostы-ви панове! И я, и сыны мои слезне просымо, абы одѣ такого збрудня зостала-мъ свободна, бо винъ мене, при мої старости, до вичной ганьбы и неславы прывивъ“³⁾). Или припомнѣмъ отвѣтъ бориспольскаго козака Лукьянна Лихолана на вопросъ судей: согласентъ ли онъ продолжать брачный союзъ съ женою, хотя и обвиненою въ незначительной кражѣ, но получившей прощеніе отъ потерпѣвшей стороны и потому „дарованной жадною карюстю“?— „Пане вряде! Я не хочу еї мѣти собѣ за жену, қолы вона съ тыхъ злыхъ речий выводу не дастъ (не

¹⁾ Jus Municipale, изд. Щербича 1581 г., арт. IV.

²⁾ Тамъ же, арт. IV, п. 5,

³⁾ См. выше, очеркъ № 29.

оправдается): больше неславы не хочу на собѣ носыты“¹⁾). И судь, вопреки всякому писаному закону, расторгалъ браки въ такихъ случаяхъ, а чтобы преступлениe виновной стороны не падало и малѣйшею тѣнью на репутацию певинаго мужа или жены, выдавалъ имъ особое письменное удостовѣреніе, въ родѣ того, какое истребовалъ себѣ Лихолапъ: „Якъ до сего часу Лукьянъ Лихолапъ цвотливымъ быль, и теперь цвота (честь) его ни въ чомъ не нарушенна; якъ зацнымъ передъ тымъ быль, и теперь зацный. А хто бъ мѣль важитися ему на цноту (посягать на его доброе имя), на собѣ самъ понесеть“. Очевидно, даже разводъ не вполнѣ гарантировалъ невиновнаго супруга отъ возможныхъ нареканій, и требовался особый документъ для огражденія его чести. Тѣмъ болѣе необходимъ былъ такой документъ лицамъ, привлекавшимся къ суду хотя бы по самымъ маловажнымъ дѣламъ. Миѣніе толпы не могло точно разбирать, за какія именно преступленія законъ каралъ лишенiemъ чести, и готово было предавать позору чуть не всякаго, кто вообще подвергался суду, хотя бы и не былъ осужденъ. „Ты—нецнота: тебе въ чорныхъ книгахъ написано!—это была наиболѣе обычная форма диффамаціи. „Чорными книгами“, по Статуту (разд. XIV, арт. 12), именовались особые актовыя книги въ судахъ, куда для памяти вносились спеціально „справы злодійскія“, т. е. дѣла о воровствѣ. Въ актахъ малороссийскихъ судовъ такія „справы“ не выдѣлялись изъ числа другихъ уголовныхъ дѣлъ и на ряду съ ними вносились въ однѣ книги. Отсюда, вѣроятно, возникло ошибочное представлениe, будто всякая судимость сопровождалась внесенiemъ въ „чорные книги“ и, слѣдовательно, влекла за собою лишеніе чести.

Въ предыдущихъ очеркахъ разсѣяны многочисленныя фактическія подтвержденія высказаннымъ здѣсь положеніямъ; въ дополненіе приведемъ еще нѣсколько характерныхъ процессовъ.

1) Очеркъ № 14.

Нѣкій Павло Жукъ, полтавскій „швецъ“ (сапожникъ), имѣлъ за что-то злобу на хорунжаго Кузьму Воскобойниченка и, „не шануючи“ нимало его старшинскаго званія, поносилъ его всенародно въ іюлѣ 1689 г. среди базарной площади, „подъ часть торгу“, обзвывалъ „злодѣемъ“, а когда вели на казнь осужденнаго вора, то Павло Жукъ, завидѣвъ среди старшины пана хорунжаго, кричалъ ему: „И ты такой же розбойникъ!“ Хотя всѣ видѣли, что „швецъ“ былъ въ это время пьянъ, но Воскобойниченко не могъ простить публично нанесенного ему поруганія и позвалъ Жука въ судъ.

— Мылостивыи панове! жаловался онъ при разборѣ дѣла: великое зелженя одержавъ я на слави моїй. Прошу васъ, нехай онъ Жукъ того злодѣства мени доводыть, а я о своимъ цнотливомъ мешканю дамъ слушный выводъ.

Судьи приказали „шевцеви на тую зелживость отповидаты“; но что онъ могъ отвѣтить, когда у него болѣла голова съ похмелья и онъ плохо понималъ событія вчерашняго дня?

— А що жъ, панове,— винился онъ,— пьяный то я бувши, пашековавъ на цнотливого человека. Моя въ тимъ вына.

Судъ, „прыхыляючися до рады товарыскої“, примѣнилъ къ данному случаю 28-й артыкуль З-го разд. Статута, относаційся собственно къ опороченію женской чести и чьей-либо законнорожденности, и приговорилъ Жука къ уплатѣ пану хорунжему „павязки“ сорока копѣй гротшей и къ „ревокациі“. Обрядъ ревокациі состоялъ въ томъ, что клеветникъ былъ обязанъ здѣсь же, въ судебномъ присутствіи „тую примовку очистити и тыми словами отмовити: „що я на тебе менывъ, яко бы ты бувъ злодій, то на тебе я брехавъ якъ песь“. Когда Павло Жукъ выполнилъ этотъ обрядъ, судъ обязалъ его еще разъ „перепросити пана хорунжого и нагородити ему вси правные выклады (судебныя издережки)“, уплативъ сверхъ того „вину панскую“.

Такъ не дешево обошлась Жуку „примовка на зацную персону“.

Впрочемъ, тогдашній судъ одинаково оберегалъ честь и доброе имя всякаго.

Въ ноябрѣ того же 1689 года жаловался въ полтавскомъ полковомъ судѣ обыватель села Мачохъ, Остапъ Кгуліянъ:

— Панове, мію неменшое зелженя (не малое безчестье) отъ Васыля Слынченка въ дотклиности чести моей: задаетъ мени злодійство, одѣ чого рачъ мя Пане Боже вароваты!

Судьи спросили Слынченка:

— Якъ бы ты могъ злодійство Остапови прыректы?

Слынченко не растерялся и смѣло отвѣтилъ:

— Не тилько я скажу злодійство Остапови, але мію людей зацныхъ старынныхъ: Грыцуна Росошенка, въ Мачохъ, Петра Золоченка,—таки могутъ посвидчты, що Остапъ есть злодій.

Названные свидѣтели оказались на лице,—ихъ очевидно привезъ съ собою отвѣтчикъ,—и судъ, „обязавши впередъ ихъ сумненямъ и боязню Божою, абы по самій истины сказалы о злостехъ Остаповыхъ“, подвергъ допросу. Но каково было негодованіе Слынченка, когда первый изъ нихъ, Грыцунъ, „зацная персона“, показалъ такъ:

— Варуй Боже, панове, не знаю я о найменшихъ злостехъ Остаповыхъ. А то вамъ правдыве повидаю: Слынченко Васыль дававъ мени таляра, абы я на Остапа злодійство наволикавъ, то я того таляра, варуй Боже, не бравъ. Очне (въ глаза) тое Васылеви мовлю.

Позвали другого „свидка“, Петра Золоченка, но и онъ показалъ то же:

— Варуй того Боже, на Остапа я ничего не знаю, а тое одѣ тебе, Васылю, чувъ, що ты Грыцунови дававъ таляра, щобъ винъ на Остапа злодійство наволикавъ.

Слынченко все еще не сдавался и, обращаясь къ истцу, сказалъ:

— Уже ты, Остапе, въ чорныхъ книгахъ злодіемъ написанъ.

Судъ велѣлъ „въ чорныхъ книгахъ шукаты, и не знайдено той справы, бо и немашъ“. Тогда судъ призналъ Василя Слын-

ченка „за власного потварду“ (настоящимъ клеветникомъ) и прымѣнилъ къ нему 109 арт. 4-го разд. Статута, гдѣ сказано, что „потварда“ за первымъ, вторымъ и третьимъ разомъ обязанъ заплатить невинно оклеветанному вины шесть копѣй грошей, а за четвертымъ разомъ ему должны быть вырваны ноздри, и онъ, какъ безчестный человѣкъ, не можетъ впредь свидѣтельствовать на судѣ. Такъ какъ Слынченко впервые былъ изобличенъ въ клевете, то его присудили только въ тому, чтобы онъ испросилъ прощеніе у Остапа, вознаградилъ его за судебнія издережки и заплатилъ „шанскую вину“.

Конечно, теперь Остапъ (и всякий другой) могъ съ полнымъ правомъ колоть глаза Слынченку, что онъ „въ чорныхъ книгахъ потварцею написанъ“.

А вотъ интересный процессъ о безчестии, возникшій изъ гражданскаго иска.

Кобеляцкій житель Романъ Петличный продалъ Герасиму Пивовару часть своего лѣса надъ р. Ворсклой. На границѣ обоихъ участковъ росъ дубъ, который былъ затѣмъ срубленъ Петличнымъ, а Пивоваръ предъявилъ къ нему искъ, обвиняя, что онъ „того клейненого и проданого дуба, пстаємне зрубавши, ку своему пожыткови прывлащикъ“. Это крайне оскорбило Романа Петличнаго, „старинную и зацную персону“. Явившись въ сотенный судъ, онъ „прекладаль жаль немалый“, что „при станости своей“ терпитъ столь тяжкое безславіе, и просилъ произвести тщательное разслѣдованіе относительно того, кому именно принадлежало срубленное дерево. Сотникъ Андрей Хилецкій и прочая старшина, близко принимая къ сердцу огорченіе почтеннаго старца, немедленно отрядили четырехъ „вѣры годныхъ“ людей, мѣстныхъ козаковъ, „и при нихъ, за-для лѣшпои певности, чужосторониного человѣка“ Дмитра запорожца, козака куреня Каневскаго. Посланные осмотрѣли пень срубленнаго дуба и пришли къ рѣшительному заключенію, что онъ стоялъ на части, принадлежащей Петличному. Основываясь на этомъ, сотенный судъ призналъ Романа Петличнаго правымъ и приказалъ Пиво-

вару „во всемъ его погодити, правные наклады нагородати и честь оного удостоити“. Герасимъ Пивоваръ, убѣдившись, что онъ легкомысленно опорочилъ невинного человѣка, испросилъ у Петличнаго прощеніе, отдалъ ему, въ удовлетвореніе за убытки, у него же купленный лѣсъ и въ видахъ полнаго возстановленія его чести выдалъ ему такую запись: „Я Герасимъ Пивоваръ, житель кобеляцкій, чиню вѣдомо: которую шкоду мѣль Романъ Петличный въ зрубаню въ своемъ лѣсѣ дерева, теды о томъ изъ пимъ вѣчне примирье взявши, и сіе мое письмо даю, варуючи того, ижбы (чтобы) жаденъ якъ зъ товариства, такъ и зъ поспольства не мѣль никто ему, Романови Петличному, нѣчего зrekти, або тежъ домовити и на честь наганити. А мѣль бы хто неуважне що прыкро ему въ томъ домовити, таковыи подпадаетъ срокой карности на здоровью, яко тежъ и заруки выполнить: на пана полковника полтавскаго талярей двадцать, а на врядъ нашъ мѣскій кобеляцкій девять таляровъ; залля чого тежъ и сіе мое письмо ему, Петличному, даю, съ подписомъ руки писарской и съ притисненемъ печати городовои. Року 1691, декабря 17 днѧ.“

Послѣдняя угроза была бы умѣстна въ судебнѣмъ декретѣ, а не въ частной записи; но такъ какъ самая запись была составлена въ судебнѣмъ присутствїи и утверждена урядомъ, то заключающаюся въ ней угрозу нужно было понимать, какъ исходившую отъ сотеннаго уряда.

Еще одно характерное дѣло о безчестии, происходившее въ томъ же Кобелякѣ, въ октябрѣ 1682 года.

Священникъ никольской церкви о. Михайло обозвалъ своего ктитора Ивана Хведчуна „злодѣемъ“. А надо знать, что въ ктиторы избирались люди безусловно честные, пользовавшіеся общимъ почетомъ и уваженіемъ. Опорочить такое лицо—значило нанести ему смертельную обиду. Такъ какъ духовную особу нельзя было позвать въ свѣтскій судъ, то Хведчуна, если онъ не хотѣлъ спасти безчестие, оставалосьѣхать въ Кіевъ къ митрополиту и у него просить суда. Хведчунъ такъ и поступилъ. Въ то время, за отсутствіемъ митрополита, администраторомъ

кіевской митрополії былъ черниговскій архієпископъ Лазарь Барановичъ, по распоряженію котораго былъ присланъ въ Кобелякъ іеромонахъ Амвросій „на інквізицію“ по жалобѣ Хведчуна. Онъ открылъ формальное засѣданіе „духовного суда“ при участіи мѣстнаго протопопа Павла Заславскаго и съященниковъ—спасскаго Демяна Филиповича и покровскаго Іосифа Василевича. А кобеляцкій сотенный урядъ, „для прислухання тои справы суду духовного“, назначилъ 16 человѣкъ „своихъ товариства, людей зацныхъ“, въ томъ числѣ ктиторовъ: пречистскаго, михайловскаго, пятницкаго и церкви Рождества Богородицы. Същеникъ о. Михайло брался доказать, что Иванъ—„злодій“, но не доказалъ. Духовный судъ призналъ, что „самъ отецъ Михайло во всей винѣ зостаетъ, яку на Ивана зринулъ“, а „за такое ущипливое слово, ижъ овъ Ивана злодіемъ называлъ, повиненъ о. Михайло ктитора своего во всемъ, якъ пристоить, погодити и годнымъ учинити, вернувши ему вси правныи выклады“. Со словъ присутствовавшихъ на судѣ свѣтскихъ делегатовъ это рѣшеніе немедленно было записано въ сотенномъ урядѣ, скрѣплено подписями и приложенiemъ городовой печати и выдано Ивану Хведчуну въ удостовѣреніе его полной реабилитациі. Впослѣдствіі онъ внесъ эту запись „задля певнои виры и правнаго поперта“ (судебнаго доказательства) въ актовыя книги полтавскаго полковаго суда.

48. Запорожецъ съ откүшенымъ ухомъ.

Если Хведчунъ и ему подобные были готовы искать суда у самого гетмана, истратить на это хотя бы все состояніе, лишь бы добиться возстановленія опороченной чести, то каково было положеніе козака славнаго войска Запорожскаго, котораго опорочили не на словахъ, „задавши ему злодійство“ или другой „злый учинокъ“, а запятнали на тѣлѣ, какъ обычно клеймили въ то время воровъ и разбойниковъ,—отняли ухо! Такое несчастье постигло въ февралѣ 1683 года запорожца Якова Гу-

сака, товариша сотни Иванининой. Въ ту пору сотня эта зимовала въ полтавскомъ полку. Якову Гусаку пришлось квартировать въ Диканькѣ, гдѣ онъ часто пьянствовалъ и однажды затѣялъ въ шипкѣ ссору съ мѣстнымъ жителемъ Василиемъ Вовкомъ, который въ дракѣ откусилъ ему ухо. На судѣ Вовка чистосердечно каялся въ томъ, что „за наущенiemъ бисовскимъ“, будучи пьянымъ, „зъ запальчивости гневу“, причинилъ Гусаку такой непоправимый изъянъ. Судъ присудилъ ему „еднати“ потерпѣвшаго, и Вовка не отказывался предложить ему какую угодно „нагороду“. Но чѣмъ можно вознаградить человѣка за отнятое ухо? Дѣло было не въ томъ, что потеря такого виднаго члена безобразила козака или что ему не за что было завернуть своего „оселедца“, а въ томъ: какъ онъ покажется безухимъ на славномъ Запорожье? Тамъ все „товарыство“ навѣрное заподозритъ, что онъ „збувся“ уха за дурныя дѣла, и потребуетъ его удаленія изъ Сѣчи, чтобы онъ не чинилъ безславія всему войску. И всюду, куда бы онъ ни удалился, его ждетъ позоръ и отчужденіе, ибо преступники съ тою цѣлью и карались „назначенемъ членковъ“, чтобы все ихъ остерегались, какъ людей явно безчестныхъ, способныхъ на все дурное. Какъ же ему оградить себя отъ этого ужаснаго подозрѣнія? Какъ доказать добрымъ людямъ, что не отъ руки палача лишился онъ уха, а потерялъ его въ пьяной ссорѣ? И вотъ Гусакъ потребовалъ, чтобы виновникъ его злосчастія выхлопоталъ для него такое урядовое „письмо“, которое онъ могъ бы предъявить въ Сѣчи и вездѣ въ удостовѣреніе своей неопороченной чести и для огражденія отъ несправедливаго подозрѣнія. Исполняя это требованіе, Василь Вовка явился въ засѣданіе полковаго суда съ такою просьбою:

— Шанове маистрате полтавскій! Поневажъ то я, за наущенiemъ бисовскимъ, выкрочывъ бувъ (провинился) Яковови Гусакови, товарышови сотни Иваныныи козаковъ запорожскихъ, а то въ подшилости, зъ наважденія бисовскаго, а до того зъ запальчивости гневу, оному ухо зубами откусывъ, що зъ суду вашого декретомъ прыкрыто и велено мени Гусака една-

ты, а того, варуй Боже и не одмовляюся: повыненъ буду, якъ змогу, едваты. А що боляча ричъ, абы Яковъ одъ товарыства войска Запорозского безчестя и наругання и въ потомвныи часы не поносывъ, прошу—рачте мылость ваша ему, Якову, пысъмо врядовне даты”.

Судъ призналъ просьбу Вовка *заслуживающей уваженія и постановилъ: „Выдачы мы склонность (покорность, раскаяніе) Васылеву Вовкову и помиркованія межи обома сторонамъ, выдаемъ сие пысъмо врядовне Яковови Гусакови для имовирности, ижъ (что) онъ той членокъ втерявъ презъ выступокъ Васыливъ, за нестатокъ и злость не отъ кого іншого, тицко одъ власного Васыля Вовка, и тое шкодыты Якову не міетъ на слави его такъ на самомъ славномъ Запорожу, яко тежъ на поляхъ и где-колвекъ (гдѣ бы то ни было) въ станахъ козацкихъ и при войскахъ, везде, абы оному наганы на честь не роблено и добрій слави его не нарикано, але и овшемъ при стародавній братерскій любви яко зацного товарыша хозано, на що для лицшои виры и певности и задля увиреня кождому, хотячому о томъ видаты, сие наше пысъмо выдаемъ и тутъ въ книги мѣськіе полтавскіе велилысьмо впysати. Діялось въ Полтави, въ дому судовомъ, 1683 року, февраля 28 дня”.*

Кромѣ полковой старшины и войта, удостовѣреніе это скрѣнили своими подписями участвовавшіе въ составѣ суда представители Запорожья, въ то время находившіеся въ Полтавѣ: Иванына, „сотникъ товарыства войска Запорожскаго“, непосредственный начальникъ Якова Гусака; Матій, писарь куреня Щербинина, и рядовые запорожцы: Миско Брижаха, Грицко Мсвчаненко, Иванъ Шульга и Петрикъ изъ куреня Васюрина ¹⁾.

¹⁾ Текстъ этого документа напечатанъ въ апрѣльской книжѣ «Кiev. Старины» 1890 г. изъ полт. актовой книги, находящейся въ Музѣѣ В. В. Тарновскаго, но мы нашли этотъ же документъ въ болѣе исправной редакціи въ другой актовой книжѣ, принадлежащей А. М. Лаяревскому.

49. Сынъ, должно опорочившій отца и брата.

Не диво, когда чужie люди, ссорясь между собою, по злобѣ взводили одинъ на другого небывалыя преступленія. А вотъ предъ вами случай, что сынъ „задалъ злодійство“ родному отцу, брату и зятю, и самъ вызвался быть на судѣ ихъ уличителемъ.

Такимъ „опачнымъ удавцею“ (ложнымъ обвинителемъ) оказался старосанжаровскій обыватель Стецько Мосуренко—человѣкъ, по отзыву мѣстнаго сотника, нрава крайне дерзкаго и задорнаго. Поссорившись за что-то съ родией, онъ сталъ разглашать, что его отецъ Антонъ Мосуръ, братъ Миско и зять Василь „много шкодятъ людемъ въ кражахъ“: у такого-то они украла „лемишъ“, у иного „чересло“ и тому подобныя хозяйственныя мелочи. Нашлись потерпѣвшіе, которые, основываясь на показаніяхъ Стецька, привлекли его родичей къ суду, и послѣдніе были приговорены къ вознагражденію жалобчиковъ и въ уплатѣ судебнай „вины“. Считая себя невинно опозоренными, Антонъ Мосуръ, его сынъ Миско и зять пришли въ полковый судъ и „плачливе просили святои справедливости“:

— Милостыніи панове! Опачне (ложно) той Стецько наволикъ на насъ безчестя, яко бы мы миы: бути шкодцамъ людемъ въ кражахъ. Але мы дамо слушный выводъ о своимъ мешканю; тилко, презъ ласку вашу панскую, нехай бы зослава була въ Старый-Санжаровъ якая зацная персона для прислушання тоєи справы.

Судъ „изволилъ на ихъ жаданія“ и послалъ своего деглата козака Миска, а полковника полтавскій Федоръ Жученко, сверхъ того, велѣлъ написать старосанжаровскому сотнику, чтобы онъ принялъ особое участіе въ этомъ явно несправедливомъ дѣлѣ и побудилъ Стецька Мосуренка взять назадъ свое обвиненіе, испросить у отца, брата и зятя прощеніе и „честь онымъ нагородити“.

Но Стецько пренебрегъ внушеніемъ сотника, и слѣдствіе было произведено. О результататахъ его козакъ Миско такъ доложилъ полковому суду:

— Панове! За опачнымъ вданямъ Степановымъ, неслучне обвинено было Антона старого и сына его и зятя.

При этомъ онъ представилъ „атестацію одъ старшины старосанжаровской“ въ формѣ нижеслѣдующаго письма сотника къ полковнику:

„Мосци пане полковнику полтавскій, мій милостивій добродію! На росказання ваше панськое, заразъ Степана Мосуренка призвавши передъ себе, вычитали вашъ поважный листъ, іжбы (чтобы) погодывъ отца и брата и зятя, наклады правныи новорочавши, и честь оныхъ нагородывъ, который Мосурепко, не слухаючи важного вашего письма, еще идетъ молестовать (утруждать) вашу мудрую голову. Змылуйся, добродію, такому плутови не повирай, бо винъ якысь характерыкъ: много нашимъ жителемъ пакости почынавъ черезъ свою неуважную губу. Всі люде ёго якъ недоброго обигаютъ: хочъ за малную (малую) справу, то заразъ до суду енералнаго вдается. О котормъ вашій панскій милости ознаймывши, зостаю вашности пану найподлішымъ слугою Никифоръ Мазанъ, сотникъ наказный старосанжаровскій. Року 1690, мая 8 дня“.

Въ письмо была вложена особая „цедулка“, въ которой собственно и заключалось донесеніе о результатахъ разлѣдованія дѣла. Здѣсь стояло: „Милостивій добродію! У першомъ ихъ заводи передъ намы Стецько подвоивъ соби мову: перше казавъ — „у Цопенка лемишъ потай узалы“, а Цопенко мовыти: „въ мене чересло, а не лемишъ пропавъ“; ажно наопосли вже ставъ мовыти: „у Васька Бовы лемишъ узалы“. То першое его обмылное слово. Цопенко казавъ (объщалъ) Мосуру передъ правомъ ревиковаты“ (взять назадъ обвиненіе).

Судъ призналъ Стецька Мосуренка виновнымъ въ томъ, что онъ „на отца своего, на зятя и на рожоного брата наволикъ великое безчестя и прывизъ ихъ до утраты“, а потому декретомъ постановилъ, „абы онъ опачный вдавда“ выполнилъ

обрядъ „ревокациі“, „упросилъ и во всемъ погодилъ“ невинно опороченныхъ родственниковъ, возвратилъ понесенные ими „правные выклады“ и заплатилъ „вину панскую и врядовую“.

50. Ссора между родственниками.

Въ октябрѣ 1694 года богатая полтавская мѣщанка Цыганчучка выдавала замужъ дочь. Свадьба была пышная и „бучная“ и продолжалась цѣлую недѣлю. Въ числѣ ежедневныхъ гостей бывалъ тамъ родственникъ невѣсты, сынъ бывшаго полтавскаго войта Лукьянъ Максимовичъ и его „швагеръ“ (брать жены) Андрей Ваценко. Несмотря на близкое родство, оба они были въ давней ссорѣ другъ съ другомъ, и сколько ни старались родственники примирить ихъ, ничего изъ этого не выходило. Лишь на третій день свадьбы, среди ночного шира, сильно охмелѣвшій Ваценко неожиданно загорѣлся желаніемъ выпить мировую съ „швагромъ“, но его уже не было среди гостей: незадолго передъ тѣмъ Лукьянъ, тоже изрядно пьяный, незамѣтно удалился. Тогда Ваценко изъявилъ намѣреніе отправиться къ Лукьяну въ домъ. Напрасно его отговаривали отъ этого, указывая на позднюю ночную пору; Ваценко не послушался и, пригласивъ себѣ въ спутники двухъ тоже не вполнѣ тверезыхъ пріятелей, отправился мириться къ Лукьяну.

Результатомъ этого несвоевременного визита было то, что Лукьянъ на другой день пришелъ въ полковый судъ и заявилъ такую жалобу:

— Мылостивый пане уряде! Будучи мени вчорашиего вечера у Цыганчучки на весилю, одколь южъ пизно прышедши до господы моєи, положылемся спаты. Ажъ опивночи Андрій Ваценко, швагеръ мій, знаты зъ непрыязни и особливого гниву, який винъ на мене здавна маеть, прыйшовъ зъ Щербаченкомъ и зъ Иваномъ Дрыжденкомъ до господы моєи, и жаднымъ одозвомъ а ни словомъ мене не звистывши, якая була ёму до мене потреба, почавъ першъ мене Дрыжденко клыкаты: „вставай,

мовытъ, Лукьянене, одчинай намъ! Я жъ, панове, самъ не одмовлявся до ныхъ, бо бувъ пидпилый, а господыня (т. е. жена) моя одказала имъ: „Для чого, мовытъ, вставаты? И Лукьянана самого дома не маешъ; не намагайтесь! Потимъ зачува я, що и Щербаченко тамъ же бувъ, бо виконщею кимнатною трусячи такъ, що мало онои изъ зависохъ не позрывахъ, тежъ будывъ мене. Про те я и до ёго не обзывахъ, а господыня моя знову нарикала имъ, що такъ неслушно середъ ночи чыннатъ галасы; правди, и не ганыла имъ. Ажъ въ той часъ заразъ не видаю хто зъ ныхъ, знаты, обухомъ по тому викну кимнатному почавъ быти, що ажъ оконныци шматъ зъ середыни вылупылося и въ оболони и една шыба не осталася, кримъ самыхъ рямъ; а потимъ и до остатку тую жъ оконныцию хтось побывъ, де и мене, лежачого на постели, скризь тое жъ виено кимнатное мало не обезвичывъ. Того вже я не могучы билшъ терпиты, а обизвавши до ныхъ, ставъ пытаты: „для якои миры и одъ кого неслушная такъ надъ домомъ моимъ вщинается руина середъ ночи“? Ажъ Ваценко тогди обизвався противъ мене яростно: „Отъ пизнаешъ, одъ кого, бо ще достанется и тоби“! Выдачи ёго, Ваценка, що не въ добрій мысли противъ мене, и не маючи общого (сторонняго) чоловика, кымъ бы можно мени освидчытыся, тилко самимъ Богомъ и ёго жъ, Ваценковымъ, товарыствомъ свидчывся я, що такая негибдность и розореня домивци мої одъ Ваценка строится. А до того Ваценко и на здоровя мое чынывъ похвалкы, повидаючи: „маю тебе самого и жону твою обухамы трепаты, не тилко твои викна быти“. Що мылостянь вашымъ освидчаючи, прошу зъ ёго, Ваценка, въ тій мири святои справедливости“.

Спросили свидѣтеля или, точнѣе, участника этого происшествія, Ивана Дрыжженка, какъ происходило дѣло. Онъ далъ показаніе:

— Правда, панове, булы-съмо вкупи зъ Ваценкомъ на весилу у Цыганчучки, тилко вкупи зъ Лукьянномъ не сидили, одкиль вже й надто пизво одишедши, прыйшли-съмо зъ нымъ же, Ваценкомъ, и до двору Лукьянового. Я, правди, тилко що

клыкавъ Лукъяна, щобъ вставъ; также и Щербаченко хочъ трусывъ оконныцею, але не учынывъ жадной шкоды. А Ваценко—чого, не видаю: чы зъ жарту, або зъ гниву,—взявши у выростка школного (подростка—школьара) обухъ, почавъ быты по оконныци, въ якои за первымъ ударомъ и шматъ середыны одлетивъ, а потимъ и оболону (раму) всю на дризки побывъ. Лукъянъ зась тогди, обизвавшися зъ кимнаты, мовывъ: „для чого вы такъ домови моему чыните забытки, и хто власный злый сынъ тому есть дійця? и свидчыся намы. А Ваценко на Лукъяна зъ фурію одказувавъ: „не тилко, мовытъ, оболону твою одну выбывъ, и вси ще повыбываю, а самого тебе, овакий сыне, забью“. А такъ, по тимъ ростырку, розійшлисъмся по домахъ. Тоє, панове, що знаю и видаю, по истиній правди, пидъ прысягою Божою, и мылостямъ вашымъ повидаю“.

Спросила и „сторону прыпозваную“, т. е. отвѣтчика: „Для якои прычины такъ важывся на чужый домъ ночною порою найти и кгвалтъ стройты“? Ваценко отвѣтиль:

— Панове! Жадного на Лукъяна ренкору (злопамятства) не милемъ, тилко за любовъ прыйшолемъ бувъ зъ людьми до ёго дому; а поневажъ такъ ся стало, що, за жартъ того не прыймуючи, теперъ мене позываетъ и хочетъ худобы позбавыты, гребай вже ёго песъ, сякого овакого сына! Нехай позываетъ: скоро выдхнетъ тоє, що батько ёго, бувши войтомъ, надравъ зъ миста! А я ёго за тое перепрошупу: вина моя въ тимъ.

Судь поспѣшили унять забывшагося отвѣтчика. „Знаты“, замѣтили они, „що на те и походыть, якъ Дрыжденкове объявило свидоцтво, колы ты и передъ судомъ Лукъяна ганышъ, яко ся не годыть и слухаочымъ брыдко“.

Затѣмъ судъ призналъ нужнымъ послать изъ своей среды бурмистровъ Семена Иляшенка и Олексу Рымара для осмотра поврежденій, причиненныхъ Ваценкомъ дому жалобщика. По возвращеніи посланные доложили суду:

— Такъ есть, панове: викно кимнатное зъ улыци выбыто и виконыця на прахъ побыта, а въ оболони и однои шыбы (стекла) немашъ, тилко сами рама“.

Въ это время Лукьянъ Максимовичъ, въ опроверженіе оскорбительныхъ для памяти его отца словъ, произнесенныхъ на судѣ „запамяталымъ“ Ваценкомъ, „презентовалъ“ суду документъ съ просьбою о прочтеніи его вслухъ всѣмъ присутствующимъ. Это была „квитанція“, выданная „мѣйскими“ урядомъ его отцу въ 1688 г., когда онъ оставилъ войтовскую должность. Мѣщане удостовѣряли, что бывшій войтъ Максимъ Попенко представилъ имъ „слушный рахунокъ“ (правильный отчетъ) по своей должности. Квитанція была посвидѣтельствована бывшимъ тогда полковникомъ Федоромъ Жученкомъ, снабжена двумя печатями, полковою и „мѣйскою“, и внесена въ актовыя книги.

Судьи признали Ваценка подлежащимъ наказанію „за найстя домовое (нападеніе на домъ), за кгвалтъ поры ночной и за безчестя на Лукьянна“ и выписали изъ Статута 1-й артыкуль 11-го раздѣла, по которому виновный въ первыхъ двухъ проступкахъ долженъ подвергнуться штрафу въ 12 рублей грошей и сверхъ того „седѣнія утерпѣти дванадцать недѣль у вазеню“. Но принимая во вниманіе родственныя отношенія тяжущихся и то обстоятельство, что Ваценко совершилъ проступокъ въ пьяномъ состояніи, судъ освободилъ его отъ положенного въ законѣ наказанія, съ тѣмъ, однако, чтобы онъ „пана Лукьянна, яко ображоного, во всемъ поедналъ, шкоду оправиль и правные наклады (судебныя издержки) отъ мала до велика поворочаль и конечне нагородилъ, при заплаченю вины панскои и врядовои“. А если бы Ваценко или, по его подговору, кто-либо иной впредь „важился“ Лукьяну „який кгвалтъ або безчестя задавати“, въ такомъ случаѣ виновный долженъ уплатить „вину“—пану полковнику полтавскому 100 таляровъ и на урядъ мѣйскій 50 таляровъ.

51. Споръ изъ-за наслѣдства.

Старосанжаровскій козакъ Гаврило Саранда, умирая (въ 1693 г.), завѣщалъ замужней дочери своей Параскѣ Гонтарихѣ

почти все свое состояніе—и млынки, и гаи, и сады, и нивы, и проч., а единственному сыну Максиму и зятю, старосанжаровскому священнику о. Григорію, оставилъ очень мало. Считая себя обиженными, оба они явились въ полтавскій полковый судъ и занесли жалобу:

— Ласкавыи панове! Небожчыкъ отецъ нашъ Гаврило Саранда, передъ кончиною живота своего распоряжаючи тѣстаментомъ набытые (пріобрѣтеныя) добра свои, мало що на нашу сторону зъ тыхъ добръ лекговавъ (завѣщалъ), а все Парасци, сестри нашій старшій а дочки свої, отказанавъ, въ чомъ намъ діется немалая крывда одъ сестры. Просимо въ томъ у мылостей вашыхъ слушнои справедливости.

Позванная Параска явилась въ судъ со свидѣтелями, присутствовавшими при составленіи отцемъ ея „духовныци“ (завѣщанія), и такъ показала:

— Мои ласкавыи панове! Небожчыкъ славной памяти отецъ нашъ Саранда, споряжаючи тестаментъ, уразыvся на моего брата а своего сына Максима за лотерство (негодайство), що винъ есть немирный (безмѣрный) пьяныца и зъ запалчивости гниву духовныцию отцевскую подравъ, и подравши, у пичъ вкынувъ и спалывъ. А отцу Григорію, зятеви своему, небожчыкъ зъ тыхъ миръ ничего зъ добръ своихъ не лекговавъ, що отецъ Григорій зъ небожчыкомъ черезъ три роки, ажъ до кончины єго, гнивъ міочы, колы небожчыкъ и кончався, и въ той чась на очи не явився и прощення, подлугъ заховалости (обычая, долга) христіянской, не учынывъ зъ родычомъ.

Свидѣтели подтвердили, что Максимъ Саранденко, узнавши, что отецъ тестаментомъ завѣщалъ ему меньше, чѣмъ старшій сестрѣ, въ яности „тую отцевскую духовныцию подравъ и спалывъ“, а о. Григорій до смерти тестя оставался съ нимъ въссорѣ.

Судъ постановилъ: „поневажъ Максимъ Саранденко, такъ малоумный, зъ пьянства, легце поважывши родителское распоряженія, шарпаты и палиты отцевскій тестаментъ важывся, наказуемъ декретомъ, aby въ потомніи часы якъ оній Максимъ,

такъ и отецъ Григорій, сестры своеи Параскы за вышысаныи добра не важылыся турбовать, подъ зарукою ста таляровъ, що вѣчне варуемъ и для твердости стороны позваной сей нашъ декретъ, зъ подпysомъ руки нашей полковнычи и зъ прытисненiemъ печати полковои, выдати росказуемъ".

Помимо исключительныхъ обстоятельствъ даннаго случая, рѣшеніе полковаго суда вообще не противорѣчило существовавшему въ Малороссіи обычаю, въ силу котораго родители были въ правѣ распорядиться остающимся послѣ нихъ имуществомъ по своему усмотрѣнію, не стѣсняясь предписаніями Лят. Статута или Магдебурскаго права.

52. Мировая при участіи суда.

Въ числѣ многихъ патріархальныхъ обычаевъ старой Малороссіи слѣдуетъ отмѣтить такъ называемую „угоду“, „помиркованье“ или „добровольное прощеніе“. Это не была теперешняя мировая, когда тяжущіяся стороны по взаимному соглашенію прекращаютъ тяжбу на извѣстныхъ, точно выговоренныхъ условіяхъ. „Угода“ состояла въ томъ, что примирившіеся шли въ судъ и заявляли о своемъ намѣреніи больше не ссориться и жить въ прежней любви и согласіи. Судъ принималъ это къ свѣдѣнію, налагалъ денежную „заруку“ на того, кто первый нарушилъ „угоду“, и все это для памяти записывалъ въ актовыя книги. Иногда „угодъ“ предшествовала судебная тяжба, но часто ея вовсе не было; а просто люди враждовали между собою и потомъ приходили въ судъ и заявляли о состоявшемся примиреніи.

Вотъ для примѣра—„угода и прощеніе добровольное промежъ“ двумя полтавскими „паніями“. Пани Нелагея Яковыча Тандитычка и невѣстка пана Андрея Будянскаго Педка (Феодора) Грицыха жили въ близкомъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ и постоянно ссорились изъ-за разныхъ пустяковъ. Въ іюлѣ 1688 года пришли онѣ обѣ въ полковый судъ и заявили:

— Панове! По неуважныхъ посварахъ нашихъ сусидскихъ, прыйшлисьмо теперь зобополне до вичистои угоды, хотачы въ першій любви сусидскій жыты и посваровъ промежъ собою понехавши одъ сёго часу. Просимо, панове, нехай то буде видомо милостямъ вашымъ и задля стверженя можетъ буты вписано въ книги міскії полтавскії.

Судъ сдѣлалъ постановленіе: „Слышачи тую доброволную угоду, варуемъ и твердою зарукою ствержаемъ: колы бъ отъ сёго часу найменшіи ущипливі слова мила узнаты пани Яковыхъ отъ панії Грицыхъ, такъ тежъ и пани Грицыхъ отъ панії Яковыхъ, повынна будеть сторона, противная сій угоди доброволной, вивы войсковои платыты до скару бойскового тысячу золотыхъ, а особлыве пану полковныкови полтавскому сто таляровъ, на що для памяти и въ потомныи часы велильсьмо угоду сию въ книги мѣскії вписаны“.

Послѣ этого обѣ паніи должны были всѣми мѣрами сдерживать свои языки, такъ какъ малѣйшее „ущипливое слово“ обошлось бы для нихъ слишкомъ дорого.

А вотъ „згода и поеднаня честного отца Григорія Горуновича, пресвитера переволочанского, съ паномъ сотникомъ переволочанскимъ Иваномъ Ковальчукомъ за посваръ“, состоявшаяся въ іюлѣ 1699 года. Этой „згодѣ“ предшествовала продолжительная „контроверсія“ между обоями почтенными лицами, „въ якій контроверсіи вчынилося побытья и головы пробытья и волосовъ вырваня, а тое побытья и турбациясталася за дориканя и оболженя отцемъ Горуновичемъ Ивану Ковальчуку“. Теперь обѣ стороны заявили полтавскому полковому суду, что „взялы межи собою прощеніе вѣчное“, и просили судъ, „абы тое было на врядѣ запысомъ обваровано, щобъ одъ сего часу едынъ другому не чынывъ перехвалокъ якъ въ словахъ безчестныхъ, такъ и въ дили на здоровья, а не тилко черезъ себе, але и черезъ иныхъ людей. А мила бъ одъ якои руки початкомъ статы вражда и посваръ, або побытья, любо похвалка

(угроза), таковая сторона будетъ повинна платыть—честный отець Горуновичъ на преосвященнаго его милость отца архипастыря (митрополита) талярей сто, а Ковальчукъ на пана полковника талярей сто вины“.

Судъ „ствердилъ помиркованія сеи згоды“ и для памяти велѣлъ все это записать въ книги.

Ор. Левицкій.

(Окончаніе сльдуєтъ).

ГОРОДЯНКА.¹⁾

(Повисть.)

XIII.

По п'ятницяхъ у павивъ Рыбалкыныхъ не варылы николы обидаты. Диты вышпорылы цілый день по закуткахъ, шукаючи по полыцахъ та судныкахъ якои зйижы, але даремно, бо, причъ жытнёго хлиба та вчорашиї картопли, не заходылы ничего. Самъ панъ Рыбалкынъ не мавъ тежъ у ци дни своего сндання и не прыходывъ зъ суду ажъ до вечирнёго чаю.

Кожна копійка, кожна краплышна масла, булки—все сберегалося для тихъ бенкетивъ, що завелыся зъ того часу, якъ старша дочка, Катруся, скинчыла гымназію.

Легко сказаты: доросла дочка! Шо зъ нею робыты, вуды подиты, якъмъ чыномъ забутыся іи, покы не змарнила? Видома ричъ, що безъ порады та допомогы добрыхъ людей, ничего самъ не вдієшъ. „А де найкраще зибраты тихъ людей та запобигты ихъ ласкы, якъ не у себе за зеленымъ столыкомъ, або доброю

1) См. «Кievск. Стар.» № 10.

вечерею?—доводыла пани Рыбалкина своёму чоловикови, колы винъ иноди було зважытся запытати своеи жинки: „навищо збуваться такъ швидко своеи дытыни та неволыты і замижъ, и чы не краще було-бъ, якъ-бы іи подержати рикъ-другий дома, абы вона встыгла прыдывытися до людей, до жыття, та выробыла самостійни погляды?“

— Ни, ни! Не згадуй мени, не важы про ту самостійнистъ!—сыдьть вона вже й тавъ мени у печинкахъ. Хыба, лумаетъ, Катруся дивувала-бъ доси, колы-бъ не ота проклята самостійнистъ і? Мало я муки та горя прыйму, покы вытягну іи куды-небудь въ гости, або умовлю выйти до людей? Або оци книжки! Навищо воны здалыся, на який кинець та безличъ книжокъ?—пытала зъ одчаемъ пани своего чоловика.

— Кныжки, певна ричъ, пидуть ій на корысть,—заспокоювавъ панъ жинку.

— На яку корысть? Що ій дадуть ти книжки, причъ тыхъ идей, що тильки голову забываютъ та молоде чоло зморшкамы нивечать? Скинчыла гымназію—і досить науки: ніяка освита не дастъ щастя. Я сама жинка і краще за тебе розумію, що дійсно потрибно за-для щастя жиночого. Едымъ бажаннемъ, единою метою панночки йе і буде—думка збудувати, яко мога швидче, свое гніздечко.

— Не легка ричъ збудувати те гніздечко!—завважавъ панъ.—Спочатку треба ще чавчытися, якъ будувати ёго, по-тимъ якъ пидтримувати ёго, якъ захыштати видъ недобрыхъ вплывивъ, якъ пристасувати ёго до умовъ сучасного жыття,—це цила наука...

— Наука? Яка тамъ наука?—дивувалася пани.—Господь надилывъ кожну жинку особымъ инстынктомъ, і того инстынкту завжды досить за-для будивли свого гнізда. Ніяка наука, ніяки книжки не заминять жинци того Божого дару...

Колы доходыло до инстынкту, панъ Рыбалкинъ завжды пассувавъ. Того особливого инстынкту, що заминяє жинци на протази всёго жыття і досвидъ, і науку, і принципы—того инстынкту панъ Рыбалкинъ ніякимъ чыномъ не мигъ зро-

зумиты, але винъ бувавъ не разъ свидкомъ, якъ жинка ёго, колы обстушали ихъ злыгодни, покладалася на голось того инстинкту, якъ выпростовувалась, дякуючи ёму, зъ мицныхъ тенетъ,—и вже не суперечывъ.

— Робы якъ знаешъ: може ты й справди краще за мене розумієшъ у цихъ жиночыхъ справахъ? Колы справди ци п'ятныци неодмінно потрибны за-для щастя нашої доњьки, то я не перечу: хай збираються люде. Тильки чы не можна було-бъ у ци дни не залышати насъ безъ обиду?—пытаєсь несмільво панъ.

Робыты у одынъ день и обидъ и вечерю—річъ, звычайно, неможлива пры тихъ достаткахъ, які мала пани Рыбалкына. Диты та чоловікъ повинни булы поступытыся однимъ обидомъ на тиждень, и п'ятныци справлялися що-разу.

Приська нагодилася саме у п'ятныцю. Вже була обидня пора, колы молодыця увійшла у кухню, але пичъ ще не топилася. Пани розхрыстана, нечисана, въ якыхъ-сь патынкахъ на босу ногу, прымала рахунокъ видъ куховарки.

У кухни стоявъ гармыдеръ; видъ повнои, мало не черезъ верхъ, помийныци йшовъ негарный духъ; неповімивани горшки, сковороды та мыски валялися підъ лавою. У великому кошыку лежали прынесени зъ торгу покупкы, і пани, витягнувшы звидтиль шматокъ яловычыны, накинула ёго на безминъ.

— Скильки хвунтовъ купыла?—запытала вона, прыдывляючысь до безмина.

— П'ятнадцять—видмовила куховарка, прыдывляючысь і соби до безмина.

— Брешешъ! тутъ тильки чотырнадцять: хыба я не бачу? Злодійко! Що-дня крадешъ! Вчора за крашанки грывеныкъ показала, а вони висимъ копіёкъ коштувалы, сёгодни хотила за хвунть мыса украсты.

— Спытайтесь Ганны,—вона бачыла, якъ я вчора й крашанки купувала, скильки сёгодни й ризныкови заплатыла,—мовила куховарка.

-- Що мени до тієї Ганни? Твоя Ганна така-жъ сама злодійка, якъ и ты! Вси вы однакови!—закричала пани.—А за рыбу скильки дала?—звернулася вона изнову до куховарки.

— П'ятдесятъ копіёкъ.

— П'ятдесятъ копіёкъ? Ахъ, ты-жъ, калико остоғыдла! Ця рыба и трьдцять копіёкъ не коштуе. Такъ це панъ служити ме за-для того, щобъ я ёго заробитокъ, злодійко, на поталу виддавала? Шкодá, не надійся! не подарую я тоби цієї крадижки!— запишу десять копіёкъ за м'ясо, двадцять за рыбу, та два за крашанки. Про мене хочъ зразу и розсчотъ беры, а грошей пановыхъ я дарувати не стану.

Куховарха опустыла очи до-долу. Весь іи скаличеный станъ зигнувся ще дужче, немовъ хтось несподивано кинувъ на плечи ій п'ятыпудовый лантухъ. Легко сказати: беры розсчотъ! А що потимъ робыти? Куды подитися горбатій накрытци зъ малою дытыною на рукахъ?

Господь зъ вами! Записуйте, колы гриха не боитесь,— видповила куховарка, утыраючи слёзыну на щоци.

А рыночку хто розбывъ?—накинулася изнову на неї пани.

Дытина... якось упостила... ненарокомъ,—мовила куховарка стуляючи, не знать для чого, черепъя до купы.

— Такъ я годую твою дытыну для того, щобъ вона мени шкоду робыла? Маты краде, дытина бье... Ни, якъ хочъ соби, а я прыпышу ще шистъ копіёкъ...

— Рыночка, панійко, коштуе четыри копійки. Вы самы іи купувалы,—несмилово нагадала куховарка.

— На ярмарку четыри, а теперъ шистъ,—одризала пани и чоркнула у свойї книжечки ще шистъ копіёкъ.

Приська стояла не въ тыхъ не въ сыхъ. Де-кильки разивъ перебигала думка утекти заздалеги зъ цёго пекла, алежъ... не дурно Степанъ шукавъ ій такъ довго мисця та выбиравъ найкраще. Винъ-бы не порадывъ ій цихъ панивъ, колыбъ не певенъ бувъ, що тутъ ій буде гарно. Лейби—абы кудынебудь наймычку вперты хочъ на одынь день та выдурыти кар-

бованця за свои клопоты, а Степанови яка корысть обманювати її? Въ кухни, правда, нечелурно та неохайно; сама пани... якась чудна та недобра,—але може справди и куховарка лукава, може вона краде, якъ и Тытьяна, та не доглядає панського добра? До того: куды має вона теперъ и тикаты? До Сохвію Трохимовни вона не вернется, поки ажъ не пойде звидтиль дядько Максимъ, а бильше нема ій прыстановыца.

— Ты хочешь нанятись?—звернулася нарешти' пани до Приськи. Покоянка повинна у мене прыбираты горныци, шты, цраты—одно слово робыты все, що загадаю. Платы—четыры карбованцы на мисяць.

— А чай та сахаръ?—запытала молодыця.

— О! чай та сахаръ—зайви прымхи за-для наймычкы,—видповила пани.—Колы ты справди така роскишна та ласа до чаю, то купуй за свій коштъ.

— Плата мала, до того безъ сахарю та чаю... Скризъ покоянки беруть не меньше п'яты карбованцівъ.

— Ну и служы „скрия“. Чого-жъ ты до мене прытёпалася, я тебе не знаю и не клыкала. Зпоконъ вику платыла я по четыры карбованця, чаю та сахарю николы не давала и рады тебе своихъ порядківъ не зміню!—розсердилася пани.

Молодыця повагалася трохы, подумала-подумала, але згадала дядька Максима, Сохвію Трохимовну и рищуче скинула илатокъ та заходилася прыбираты горныци. Горныци здывували молодыцю ще дужче, нижъ кухня. Коридоръ роздилявъ вподовжъ увесь будынокъ на два половыни, и здавалось, що у кожній половыни живуть люде зовсімъ несхожи ни звичаемы, ни потребамы, а ни достаткамы. На східній половыни, де була гостынна та столова, убрання горныць було пышне, навитъ роскишне: цинни лампы, дзеркало, аксамитови канапы та стульди господаривъ; на західній-же, де жила сим'я Рыбалкыныхъ, навить у кабинети пана, брақувало стульцивъ, подушокъ, покривли на лижкахъ и другихъ найголовнишихъ за-для кожної людны ричей. Що п'ятыци західни кімнаты замыкалися на замокъ, и пани мала багато турботъ черезъ нихъ зъ Катрусею,

що наче навмысне що хвилыны видчыняла двери то въ дитську, то въ спальну кімнату и божылася, що поклыче туды гостей.

На цей разъ у тыхъ кімнатахъ было ще неохайніше, нижъ завжды, бо горышної не було, и все було запущене та непомыте.

Самій пани було не меньше клопоту за Приську. Вона виймала посудъ, бигала то у лёхъ, то у лёдовню, лагодыла одягу, важила та одміряла куховарці—одно слово бигала не присидячу; проте ци клопоты та биганына не пособыли ій розважытысь видъ однієи думки, що засила ій у голову, немовъ той гострый двязокъ у дубову дошку, и не давало весь часъ спокою. Наймычки зверталыся до неи то за тымъ, то за іншимъ, дити тежъ разъ-у-разъ лизли у вичи; вона давала всимъ порядокъ, гримала на дитей, але думка: якимъ чиномъ та якимъ робомъ здобуты соби такий кылымъ, яєть у пани Листовської, не покыдала іи на хвилыну.

Кылымъ коштуе не меньше видъ двадцяти карбованцівъ, а у кышени зисталося всѣго симъ, и на ныхъ треба прожити ще десять день!

— Не дастъ, не дастъ, проклятий крамарь у набиръ,—клопоталася сама соби пани.—Не дастъ, не повириТЬ, бо вже набрала чымало,—зитхала вона, пораючись биля судака. Лышалася ій едная надія—надія на той самий жиночый инстинктъ, що вyzволявъ іи стильки разивъ зъ мыхои прыгоды. Пити хыба, спробуваты?

Пани накинула ротонду и майнула въ городъ. Не дали, якъ черезъ пивъ-годыны вона повернулася, а за нею прынеслы зъ крамныци кылымъ, ще крашый, нижъ навить той, що бажала соби пани здобуты.

— Мамо! що ты робыши? Опомъятуйся! Де ты визьмешъ грошей, щобъ оплатытыся по крамныцахъ? Мыколи чобіть бракуе, ни въ чимъ ходыты у гімназію; батько ходыть у драному пальти, у мене сорочки путящои немае, сама ты боси-сенъка!—навищо тоби той кылымъ? Чы то-жъ не соромно було тоби прохаты крамаривъ, уклонятыся, божытыся та прысяга-

тыся имъ, що завтра-післязавтра прынесешъ гроши, колы сама знаешъ, що то неправда?—напалася на матирь Катруся.

— Грубіянко невдячна! геть зъ очей моихъ!—крыкнула не своимъ голосомъ пани.—За-для кого пнуся я, якъ не за-для тебе, божевильна! Хыба я можу запрохати Михайловича, або Васыля Михайловича на злынялый кылымъ? Чы зважуся я показати тебе людямъ у полатаній сукни? Хыба хто зверне увагу на тебе, задрипанку? Хыба ты не будешъ тоди останнюю помижъ панночками?—Але Катруся вже не чула останнихъ ричей,—вона побигла до своеї кімнаты и тамъ дала волю слёзамъ. О! якъ боляче щемило ій серце, якъ тяжко було на души!

Цей кылымъ, ци сукни шовкови, куплені коштомъ брехни, ци пляшки дорогого, неоплаченого ще зъ тамъ-того року, вына,—въ кожній склянци того вына, въ кожному шматочку ласои зижы гости ковтають краплины крови, здоровья, навить доброи славы іи безталанного батька.

Невже все жыття, все счаствія іи залежуть видъ цихъ выпрохавыхъ кылымивъ, видъ цёго выдуреного оксамиту, видъ цёго выва, за-для чого доводиться старенькому та недужому батькови такъ гирко працювати, залышувати меньшихъ братівъ та сестеръ безъ найголовнійшихъ потребъ?

— Изнову плачешъ? Подывись на себе въ дзеркало! Навищо ты походиши? Черезъ яку годину прыйдуть гости, и якъ ты выйдешъ до нихъ? якъ покажешся на очи людямъ?—мовила стурбовано пани, увиходачы у кімнату своеї доньки.—Ты изнову розпустыла карсетъ?—додала вона въ жахомъ углевидивши ва стульци розпоротый по всіхъ зшыткахъ карсетъ.

— Вы такъ зашыли ёго, що мени никуды було и дыхати,—видмовила утираючи слёзы панночка.—Я не хочу шнурівоватися.

— Изнову свавольство!—скыпила пани.—Изнову перечышъ мени! Я не можу бачыты твого стану, колы ты не зашнурувешся, якъ слизъ. Я не хочу, щобъ мою дочку перекупкою прозывали!

Пани ухопыла голку та нытку и знову зашыла карсетъ.

А тымъ часомъ почало вже смеркать. Зъ хвилыны на хвилыну можно було сподиватись гостей. Пани вынудлася до другихъ дитей: треба було ихъ ще порозчисувати, поумывати, и Приська надывувалася вволю, дывлючысь, якъ пани спокійно, зъ легкимъ серцемъ, натягала на чорни сорочки своїхъ дитокъ новомодни сукни, на боси ноженята—дороги полусапожки. „Колы немає спроможности одягтыся гараздъ виль самои сорочки,—чому не почати зъ верхнії одяги? Колы немая снаги задовольнити и себе і людей заразомъ,—чому не запобигти по-передъ людської хвалы?—зажжди казала було пани Рыбалкына Катри. Катруся николы не погожувалася зъ тымы доводами, а Присьци немовъ ажъ школа стало дитет. Мымоволи пригадалася ій теперъ иенька, сестра, ятривка—вси селяне, що пидъ заплатаною свытыною малы завжды билу, якъ снигъ, тенетку, що дбали насампередъ про шматокъ хлиба, що потрачали свои лита та здоровья за-для справы найпотрибнишихъ у жытти ричей,—и вперше запытала себе: за-для чого побываются та гирко такъ працюють таки недужи паны, якъ оцей панъ Рыбалкінъ, напрікладъ, колы дити та сим'я можуть ходыти и голодни и голи?

О дев'ятій годыни почалы зйиздитися гости, а черезъ пивъ-годыни вже зибрались уси.

Чоловики понудылыша трохи, але ось винеслы карты, и вони оточылы зелени столыки, незабаромъ одирвались одъ земли и полынулы вкупи зъ дымомъ цыгарокъ, полынулы думкамы... полынулы... вібачайте, далеби не знаю, у яки земли, у яки страны, чы на яки зирки лынуть думкамы освичени люде, за картамы сидючи!.. Хай я краще поведу васъ до жиночъ—до круглого столыка, навколо якого розмистылыша по канапи та стульцахъ пані та дві павночки. У выхъ вже почалася жвава розмова про боляче, пекуче питанне—про наймычокъ. На превельке счастя мое мени не доведется спысувати тієи розмовы, бо це питання, хочъ и не легке, тутъ розришалось по-простому: вси погожувалыша, що наймычкы останними часами по-

гиршали, що потреби ихъ шыршають, що працю свою вони цинять дуже wysoko, и тильки одна частына того цытання—чи слизь наймычку вчты грамоти, чы не слизь?—счынила маленьку незгоду, бо паны обурылися проты пани Рыбалкыной и стали въ одынъ голосъ доводыты, що наймычокъ повинно вчты грамоти. Пани Рыбалкына, звычайно, мала що имъ видказаты, бо ни у кого напевне не перебувало стильки наймычокъ, якъ у неи, ни у кого не було стильки досвиду у цій справи, никто не мавъ такого великого жиноцького инстинкту, якимъ надилывъ іи Господь,—але на цей разъ вона сперечалася якохоче и все поглядала занеспокоена чимъ-сь у бикъ...

По хати ходывъ взадъ та впередъ вже годыну Микола Михайловичъ—молодий парубокъ и завжди прыемний гость у господаривъ, де йе доросла доњка. Винъ очевидички страшенно нудився та сумувавъ, але-жъ чы вгадати кому, що діется у серци ёго? Може кучеряву голивоньку ёго посили думки про гирку недолю робитника на цукроварні, може серденко его нетерпляче трипається видъ щырого бажання пособыти тому сиромаси? Але хто ручатымется, що того смутку, того жалю не навіяла непрыемна звистка, що облюбована посада, зарады котрои зменышався та уклонявся винъ не разъ, зарады котрои встыгъ поступитися и де-якими принципами, дисталася не ёму, а комусь іншому? А може то винъ досадує, що Катруся доси не виходить до гостей? Якъ знать? Може винъ въ ци сами хвилыни складає въ мысли свою промову про кохання и зданій теперъ вилдаты Катруси свое закохане серце? Може винъ хоче попрохати теперъ саме у неи соби доли? А вона наче навмысне гає часть у своїй кімнаті? Необачна, нерозумна та невдячна дытына! Погукати на неи—нарочыто барышымется; то-бъ то терпіти та сподиватися іи мовчкы? А що якъ Микола Михайловичъ розсердиться, пойиде и николи вже не навернеться до нихъ? Вона, Катруся, зневажає, дратує ёго, вона такы дочекається, що вси панычи одвернутся видъ неи. О! будь вона проклята та самостійність живоча!! Слава Богу—ось нарепити й Катруся йде! Але пани глянула на доњку, и весела

ухмилка рантомъ зчезла зъ іи облычча; пачи закусила губу и нерово посунулася до бильця канапы: Катруся напыла на себе чорну сукню, що такъ не лышала іи худенькому стану, зачисала гладесенько свое роскишне волосся и замисть того, щобъ розважаты Миколу Михайловыча, протыскалася ажъ у самый кутючик и сила побила панночокъ. Треба було мати незвичайну миць, незвичайни нерви, щобъ знести мовчки ту пекучу досаду, що обурила Рыбалкыну, якъ побачыла вона свою доњку,—але пани вытрымала себе до кінця вечера. Вона жартувала, сміялася, безперестанно зверталася то до панночокъ, то до паній, видбула вечерю, и никто, причъ Катруси, не спостеригъ, що діялося у серци господарки.

— Подобався тоби, Приська, нашъ сёгодняшній бенкетъ?— запытала панночка поконкну, коли розіхналися гости.

— А якъ же!—видновила молодыца.—Такъ весело було! А надто вже наша пани буły балакучи та весели.

— Не ймы виры, молодыця, тому смиху: ти ухмилки не зъ веселошивъ, а зъ досады, той смихъ не для своеї души, а за-для чужыхъ людей. Кылымы, шовки, оксамиты, веселощи, ухмилки—все про людей, а про себе—чорный хлібъ, чорна тенетка та чорни, якъ осинни хмары, думки,—мовила панночка, пидкреслюючи кожне слово.

Приська гараздъ не зрозумила цихъ сумныхъ речей, але запам'ятала ихъ мимоволи добре. Може колись и спадутся на думку вони ій!

XIV.

Гасъ догорявъ, и маленька кухнянська лампа почала мыготити. Приська що хвильни пидтягала гніть и проклынала ни у чимъ неповинну лампу. Насупроти неї сидивъ Степанъ.

— Ну якъ ёго служыты тутъ?—поскаржилася молодыца Степанови, пидтягаючи зъ сердемъ трохи не весь гніть у маленькій лампи.

-- Це гирше за село! Гасу у дю мыгалку шкода отій поторочи! И де ваша совисть, Степане Павловыч, що вы мене у таке пекло вперли?

— Не докоряйте мени: ій-же Богу, я шукавъ вамъ скрізь мисця, и оце, на мій поглядъ, було найкраще зъ тыхъ, що траплялъся: тутъ прynаймни хочъ яка-небудъ воля йе. Вчора, наприкладъ, пани вийшла, побачила мене и ни словечка не сказала, а інша-бъ зразу поригъ показала.

— Онъ яка воля!—засміялася молодыца.—Хай ій всячына! На такій волі швидко захлянепъ. Я-бъ здатня краще васъ николы не бачыты, абы голодній та у темряви не сидиты.

— Щому горю пособыты легко; зъ-за такои дрибныци не варто и клопотатыся: дайте мени плашку—я заразъ прынесу гасу,—мовывъ Степанъ и, ухопывши зъ вікна якусь плашку, метнувся зъ хаты.

Приська обиперлася объ стилъ и почала лузаты насиння. Въ кухні стало тихо та сумно...

Пани пойхала зъ усією сім'єю до кого-сь въ гости и замкнула горныци; куховарка хропла вже видъ самого смерку на печі... Чорни тараканы повылазылы зъ усихъ закутківъ и пішли гуляти на простори. Каганець ледве блыкавъ.

Приська кыдала въ ротъ насиння и такъ хутко розлузувала ихъ, такъ якосъ нетерпляче видкыдала лушпынва геть, що здавалося, нібы-то молодыца не йисть того насиння, а все шукає тієи насінини, де новынна лежаты замість зернынки видцовідь на пытання, що вже не разъ спадало ій на думку и непокоило іи. Часъ вже зрозумиты свои видносны до Степана. Парубокъ кохае іи, разъ-у-разъ стежыть за нею, нанявся у якого-сь поганенького полупанка, абы буты поблизу, биля неї. А вона?—вона не кохае ёго. Серце іи ще ни разочку не тѣхнуло, не обиввалося на ёго ласкави речи; щоденна розмова зъ нымъ тильки розважае іи. Але вона чує, що вже якась нытка заснувалася міжъ нымы, що вона вже звязала, зъєднала ихъ до купы, що вона перша не скоче перерваты іи и що ій навить шкода буде, якъ та нытка увирвется, або перегорить.

Ось вона вже третій мисяць товчется у цёму пекли, що-равку, що-вечора збирається похинуты, а прыйде Степанъ, умовыть іи, пообища незабаромъ знайты ишу посаду—и вона терпты, не зважується зробити ёму наперекиръ. Що воно за знакъ? Приська долузала оставю насишыну, пидвелася зъ досадою зъ лавы и струсила у помийныю лушшиня зъ попередника: певно видновиди на свое питання вона не знайшла. Степанъ прынисъ, кримъ гасу, пляшечку горилки, булку та оселедця. Приська налила въ каганецъ гасу, очистила оселедця, наризала булку, стала вечеряты, и сумний настрій почавъ потроху зникати.

— Вы ве вынуватьте мене за де мисде: я шукавъ вамъ саме-найкращыхъ панивъ, та кращыхъ за Рыбалкыныхъ не знайшовъ ніде,—казавъ Степанъ, зайдаючи оселедцемъ чарку горилки.—Самъ я теперъ у такому пекли, що, повирыте, иноди и пообидати николы... Зроду-вику не бувъ водовозомъ, а теперъ довелось и воду возыти.

— Яка-жъ вамъ неволя?—здывувалася Приська.—Кыдайте—тай край!

— Охота гиршъ неволи, якъ-то кажуть. Неволи немае, та охота велика буты побила васъ. У мене и думки немае кыдаты хазяина, и колы-бъ винъ, гаспідській, догадався мени ще яку спокуту накынуты, то й тобъ я перениссъ зарады васъ, а вы ось тильки й думаете про те, якъ-бы видъ мене дали.

— Правда,—згодилася Приська.

— Отъ бачыте!—мовывъ зъ докоромъ Степанъ.—Хыба вамъ мое общество недовподобы?

— Чому? Причъ васъ у мене немае ни однои знаёмои душы въ городи; про те, колы-бъ лучылося гарне мисде за сто верстовъ видъ васъ, то я не вагаючись пойихала-бъ туды,—засміялася молодыца.

Степанъ тяжко зитхнувъ и наливъ чарку.

— За ваше здоровья! Хай Господь посыла вамъ и счаствя, и здоровье, и кращыхъ за мене сусидивъ!—мовывъ винъ, пере-

хыляючи соби у ротъ чарку.—А соби я вже ничего у Бога не прохаю, причъ смерти,—додавъ винъ наливаючи другу чарку.

— Хай Господь васъ пидкрепыть у вашому горю!—ехыдно усмихнулася молодыця, прыгублюючи чарку.

— Наврядъ: моему горю вже й Господь не пособить. Пропаща я людына, на вики проща! Ни сна, ни спокою, ни счаства, ни наді... За ваше здоровъя!

— Чы не багацько часомъ буде?—спынела Приська и одставила пляшку зъ горилкою дали.

— Ни, не багато! Щобъ залыть мое горе, не постачать горилки и у всому городи. Нищо вже не зличыть цёго горя, хыба тильки одно, едыне слово зъ вашыхъ устъ...

— Яке-жъ то слово?—запытала Приська.

— Вы сами добре знаете,—зитхнувъ Степанъ.

— Ни, не знаю.

— Ни, знаете.

— Ни, не знаю.

— Объ закладъ, що знаете!—мовывъ Степанъ, прётаягаючи свою руку.

— Добре, объ закладъ!—ударыла Приська его по руци.

— Объ закладъ на вашъ поцилунокъ!

— Добре, бо я не знаю.

Не встыгла молодыця и вымовыты своеи згоды, якъ цупки руки Степана вже обвалися кругъ ії стану, палки поцилувкы покрылы и губы и щокы молодыци.

— Вы не выграли, не сміете цилуваты!—крычала Приська, бигаючи по хати та затуляючи свій выдъ то попереднікомъ, то долонями.

— Выгравъ, выгравъ: вы давно знаете те слово, вы давно знаете, що я васъ кохаю,—шопотивъ Степанъ, одрываючи Приськыны руки одъ выду й покрываючи ёго ще палкішымы поцилувкамы.

— Не выграли, не сміете,—крычала молодыця.

— Выгравъ, выгравъ,—уперто казавъ парубокъ, мицно прыгортуючи до свого сердца молодыцию.

Горбата куховарка прокынулася и звела голову. Степанъ одскочывъ видъ Приськи и сивъ на свое мисце. Приська червона, важко дыхаючи, стояла биля печи та вытырала попередникомъ выдъ писля немовъ непрыемныхъ та образливыхъ поцилункивъ.

— Вы, колы хотите, вдруге не сикайтесь зъ поцилункамы вашымы, бо я або очи заплюю, або по морди дамъ,—мовыла Приська суворо.

— Выбачьте на цей разъ!—попрохавъ пошепкы Степанъ.—Колы бъ вы знали тильки, якъ я васъ кѣхаю... колы-бъ вы булы на моёму мисци!.. Ій-Богу я—якъ дурный... Ну, дайте мени и по морди, колы я заробывъ, а тильки не гнивайтесь на мене... Ударте нарочыто!

— Балакайте! Що вы ще не куштували! У мене рука замашва: разъ, ще у генеральши, одынъ панычъ добре опися.

— И якъ вамъ не грихъ ривняты мене до паныча якогось? Я васъ, видъ щырого сердя, а той панычъ... Эхъ! що вже и казаты? Закохався я въ васъ такъ, що хочъ у Сибирь за васъ зданенъ питы...

— Велыка мени корысть зъ вашого Сибири? Попшукайте краще мени мисця...

— Далеби пе знайду крашого,—видмовлявся Степанъ.

— Годи, годи брехаты. На цій самій вулиці, у пани Штейнмильхъ бракуе покоянки.

— У пани Штейнмильхъ? Хай вона лусне та сама пани! У неи и собака не вдержится! Хыба я іи не знаю.

— Годи, годи! Я знаю, чого вона вамъ недовподобы: не має за-для васъ мисця поблизу?—зареготалася Приська.

— Правда, я не таюся: не хочу я розрізнятися зъ вами, не хочу кѣдаты васъ поміжъ чужихъ людей. Хыба я не знаю, якъ тяжко жити на самоти одынокїй, безъ порады та допомоги добрыхъ людей?

— Въ городи та самотнїй? Оце выгадалы! Мало тутъ людей!

— Ось вы въ городи вже бильшъ пивроку, а чы багацько траплялося вамъ такыхъ щырыхъ та прыхильныхъ людей до васъ, якъ я?—запытавъ Степанъ.

— Де-бъ я тыхъ людей и знаходыла, якъ все по такихъ недолюдкахъ служу? У пани Штейнмильхъ, вси кажутъ, дуже добре. Оци куховарка служыла тамъ колысь,—такъ не нахвальтсѧ. „Колы-бъ, каже, мени не оци дытына, то я бъ у неи до смерти була“.

— А вы вирьте ій?

— Не тильки вона це каже; я чула и видъ другихъ,—мовыла Приська.

— Брешуть воны вси. Я тыхъ панивъ знаю якъ облупленыхъ. Не вирьте никому!—скыпивъ Степанъ.

— Може колы тамъ кочерги покоштувалы? Ха—ха—ха! Щось похоже на те!—васміялася молодыца.—Не дуже-то надійтесь й на оци Рыбалкыну: прышануе и вона васъ колысь, бо вчора вже щось натакала, шо „хлибъ дуже сходыть черезъ зайвыхъ гостей“. Тобъ-то я вамъ окрайци іи хлиба прыбериага...

— Мени вона ничего не скаже,—побачыте!—мовывъ Степанъ.

— Буде колысь и вамъ и мени. Я вже розибрала добре, яка вона на масть.

— Николы у свити не скаже вона ни вамъ, ни мени ничего: якъ-бы хотила вылаяты, то вже-бъ вылаяла доси. Вона до мене прыхильна...

Такъ похвалився Степанъ, та не въ добрый часъ: розчинилыся двери, и на порози несподивано, негадано зъявилася пани Рыбалкына, а за нею слідкувала мовчазпа, понура, немовъ у чымъ-сь вынувата, симъя. Пани програла у цей вечіръ три карбованцы, стратыла сорокъ копіекъ па звошыка черезъ дощъ, и жиночый инстинктъ видразу показавъ ій, шо найбильше вынуватымъ бувъ у цій прыгоди никто іншыі, якъ Степанъ, шо прыходывъ що-вечера обийдаты та знышуваты іи.

— Ось якъ ты хаты стережешъ! — накынулася вона на Приську. — Москаливъ навела, крадеными булками шануешъ... А гасу де взяла?

— Мамо! — сипнула Катруса венъку за рукавъ.

— Чого „мамо“? Чого „мамо“? Батько працюе, а якась волоцюга москаливъ ёго хлібомъ годуе?

— Це не ваша булка — я купила іи за свои гроши. И горилку, и оселедець и гасъ — все я купила! — скыпила Приська.

— За свои гроши? А гроши де взяла? Зъ куховаркою злыгалася? И ты така сама злодійка, якъ вси; и тебе треба на шыбенцю!

— Давайте мени розсчотъ! Вы не сміете мене злодійкою называть! — вы не спостерегли, не бачили! Тягнить вже шкуру зъ отiei несчастної калики, а зъ мене не поживитеся, — не хочу я у васъ служити!

— Михайло Семеновычъ! Катерина Михайловна! Де вы? Куды вы поховалися? Чого вы покинули мене саму зъ цією волоцюгою та москалемъ! — погукала пани на чоловика та доньку, котри теперъ, якъ и завжди, поховалися по своїхъ куткахъ, аби не бачити, не чути, якъ пани знущається зъ наймычкы.

— Розсчотъ мени давайте! — мовила вдруге молодыця.

— Погодить-бо трохы! — прошопотивъ надъ самимъ іи вухомъ Степанъ.

Приська глянула здывована на парубка. Винъ прохавъ іи звесты мовчки образу, змовчати та стерпити цій паскудній пані! Й стало ще досаднише.

— Зразу дайте мени розсчотъ! — мовила вона втрете.

— Який тоби розсчотъ? Що я тоби винна? Може ты мене обикрала? Може доведеться ще тягатися зъ тобою по судахъ? — мовила пани.

— ТрусиТЬ мою скриню, передивитися все — яничого вашого не займала. А мени дайте розсчотъ! — мовила Приська, одчыняючи свою скриню.

— Годи! не клопочить себе и не турбуйте пани! хай завтра помиркуете,—ставъ изнову умовляты Степанъ молодыцю.—А вась, пани, прохаю выбачыты за те, що зайшовъ безъ дозволу. Будьте певни, що Приська за ци два мисяци, що прослужила у вась, и крыхты вашого хлиба мени не дала. Нацпакы, ось куховарка не дастъ збрехаткі, де-килько разивъ я прыносыть вечеряты. Мы бачьте, зъ молодыцею трохи сваты, трохи родичы,—звернувшись Степанъ до пани.

Але ця промова Степана ни до чого не довела: пани домагалася, щобъ роздратована наймычка не стерпила, покинула іи середъ ночи и тымъ залишылася права шукаты зъ неї запрацёваныхъ симъ карбованцівъ, а Приська, ще дужче роздратована ёго улестливими речами, мало не вилала ёго.

— Розсчотъ мени давайте!—уперто казала вона, хутко складаючи свое збижжя въ скриню.—Хай вамъ інши дурни служать, а я злодійкою николы не була и не хочу слухаты такыхъ образливыхъ речей!

— Розсчота тоби ніякого не дамъ, бо ты служышь помисично, и ще не скипчывся третій мисяць. Хочешъ—кыдай, та тильки не сподивайся грошей!—видповила пани и подалася у горныци.

— Ось заснокойтесь!—ій-же Богу, воно це все перейде,—ставъ изнову казаты Степанъ.

— А вы замисть того, щобъ заступытыся за мене, ще умовляете мене терпіти таку образу? Хыба вы не чулы, що вона мени казала, якъ вона лаяла?—мовила докирльво Приська.

— Чого иноди не трапляется у наймахъ? И насварятся, и валають...

— И попобьют! А ты терпі та знось мовчки, бо ты наймычка?—передразнила Приська Степана.—Шкода, не на таку наскочилы! Идти соби зъ Богомъ! Колы-бъ я знала вашу телячу вдачу, то я-бъ вась и до своего порогу не допустила.—Идти! я зачынатыму двери та лягатыму сдати.

Степанъ взявъ мовчки шапку и ставъ прощатыся.

— Прощайте, прощайте! Идти соби зъ Богомъ до тыхъ плохенькихъ городяночъ, що здатни и бійку и лайку зносыты. А мене завтра, що витру у поли, не знайдете! — мовила Приська зачинаючи двери.

XV.

Добре тому рыбальци, що самъ зробить соби човныкъ, забье паклею щилочки, зальє ихъ смолою, прыробить легенки весельця! Добре ёму плысты по морю, бо винъ знае по зоряжъ, куды швидче прямуваты, якъ здіймется хвиля! Горе-жъ тому бидоласи, що сивъ у чужий човенъ: ще й одъ берега не одбывся, а вже винъ воды повенъ. Выйхавъ винъ насередъ моря, на простири... скрізь вильно... Винъ прямуюе все дали и певенъ, що знае дорогу. Але ось... почався витеръ, захваливало море, крутнуло човныкомъ его разъ, вдруге — и винъ вже не знає, де винъ, що зъ нимъ буде?

Отакъ само и Приська: сила вона у хисткий та латаний човныкъ миськои наймычки тай поплыла... Здалеку, зъ села ій здавалося, що городъ весь сле и вона не заблудиться тамъ; але ось вже далеко бильшъ пивъ-рову, а вона ніякъ не прыстане туды, куды рвалася душою. Вона покинула пани Рыбалкыну, а наналася до Штейнимильхъ, але хыба це нове мисце заспокоїти ій! Якый десятокъ грунтівъ видризнявъ панивъ Рыбалкыныхъ видъ Штейнимильхъ, а здавалося, нібы-то безодня, цила прирва лежала поміжъ цими двома будынками. Зъ першого-жъ погляду на кухню, на молоду червоновиду пани, Приська впевнилася, що ій доведеться на цей разъ служити въ зовсімъ новихъ умовахъ. Все, починаючи зъ кухни, лёху, коморы — до останніхъ закапелочківъ въ горницахъ, було вимите, вискрабане, блещало, сяло... Семеро дитокъ, дуже схожихъ міжъ собою, були тежъ одягнені чистенько, порозчинувани гладенько, поумывани, вышаровані.

Пани держала одну тильки наймычку, и Приська спочатку думала, що не управытса, але незабаромъ побачыла, що, дякуючи заведенымъ порядкамъ, ій тутъ ще легше, нижъ навити у пани Куракынай. Зразу все йшло гарно: всяка праця, всяка дрибнаця мала свій часъ, свое мисце; кожна копійка йшла на прызначене дило; кожне слово—до речі.

Панъ Штейнмильхъ—ще зовсімъ молодий, пры здоровью, чоловикъ —ходивъ що-дня на службу, и поки винъ повернется, вся справа повинна була буты скінчена. Скыдаючи у передній свое пальто, панъ знатъ, що, поки винъ дійде до столової, ёму вже насыплють у полумисокъ смачного борщу. Прокыдаючись писля спочывку, винъ такъ само певенъ бувъ, що самоваръ вже випить на столи. Напившись чаю та погомонивши трохи зъ дитмы, винъ простувавъ въ кабінетъ, де вже лежала уготовлена ёму одяга та била сорочка за-для клуба. Прыайде винъ зъ клуба—єго зустрине жинка у калоти и теплыхъ черевицахъ. Вона вже спала, але винъ збудывъ іи дзвоныкомъ; вона не хоче полохати наймычку середъ ночі и йде видчыніти двери сама, але ніякихъ докоривъ, ніякого серця не выдко на іи спокійному обличчю.

Въ мисти вси знали добре пани Штейнмильхъ. Крамари витали ій охотнише, нижъ другихъ паній, а давали ій крамъ завжды гарний, бо вона николы не брала у набиръ; старци тежъ смильво протягалы до неї руку, бо знали, що пани завжды дастъ копійку. Ніякихъ непорозуминъ, ніякихъ сварокъ ні зъ знаёмыми, ні зъ наймычками не выходило у неї николы, и панъ Штейнмильхъ мигъ справди хвалытися у клуби, що жыття ёго—наче та течія прозорой річки у крутихъ берегахъ. Річка така не розливается по весні, не затоплює несподивано сусідськихъ хатъ, не заносить бурлывымъ хвилямъ чужихъ доставківъ, не потопляє у безодній прирви необачнихъ пловцівъ. Такъ и жыття ёго никому не вадить, а до того винъ спокійный за свое добре ім'я, за свій спокій.

Тепло, світло та безпешно жылося Присьци зъ цією панією, але-жъ... нудно..., рятуй Маты Божа, якъ нудно!! Молодыца

довгый часъ не йняла виры, що люде можуть такъ жыты въ городи, та все сподивалася якоись змины. Даремна надія! Пани Штеймилхъ надъ усе боялася тыхъ зминъ. Мыналы годыны, дни, тыжни; скривъ навкругы, тильки черезъ тынъ, ворушылося жыття—але той тынъ обсадыла невсыпуща господарка колючымъ терномъ, зашиарувала у ёму кожну розшилынку, и жадна хвилья загального жыття не переходыла черезъ ёго, жаденъ смихъ, чы стогинъ не положавъ спокою іи гнизда. Жыты у такому городи, де стильки людей, веселощивъ, де стильки цикавыхъ ричей, маты достаткы и замуруватыся у крихотному будынку, задовольнытыся обовъязкамы до самой симбы, не вызырнуты николы въ своего гнизда, не згадаты николы, що йе ще на свити люде, причъ человека та дитет! Ни, цёго Приська, не розумила. Вона бачыла гирке жыття селянъ, бачыла, що иноди люде за своимъ горемъ та за слёзамы не добачалы выразокъ на чужому тили, бачыла и матерей и господарокъ такихъ, що й спалы та бачылы, якъ бы завдовольныты свою симью, нагодуваты дитет,—але такихъ людей, такихъ господарокъ, якъ ця пани, вона не бачыла ще николы. Кому вона потрибна ця пани, причъ своихъ дитет, и кто ій причъ ныхъ? Одынока, зайва, непотрибна ни для кого людина... Чы прожыла-бъ вона такъ на сели? Охъ, ни! Не попустылы-бъ сусиды іи до жыття такого. Постукавсь-бы до неи сусида у лыху пригоду, запрохавъ-бы иншимъ разомъ до себе на весилля, вытаглы-бъ іи на яку пораду, що хэылны нагадувалы-бъ ій, що вона людина, а не тильки матирь, що вона сусида, а не тильки жинка свого человека, и вона зрозумила-бъ, що мае громадськи обовъязкы и видповидна за счастья другихъ. Якъ настане девята годына вечера, такъ пани посыдае Приську зачынить ворота, а въ девяять зъ половыною приходыть гасцыты въ кухни свитло. Молодыця повынна була лягаты зразу, якъ звелить пани, и це іи коженъ разъ страшенно сёрдыло. Вона лягала, але довго ще поверталася зъ боку на бикъ, довго не змежувала очей: зануда, страшена зануда, немовъ та гадюка, вылася биля серця и не давала ій спаты. Поки дни булы довши, поки сонечко трохи ранише скоплювалося, молодыця мала пры-

наймни яку вильну хвилыну, щобъ одвесты душу на торгу зъ перекупкамы та наймычкамы; поки сонечко довше стояло на краевыди, поки була година та приходывъ до воритъ Степанъ—и молодыця хочъ трохы задовольняла у коротенъкій розмови зъ нымъ свою потребу побачытысь зъ прыхильною людиною, передказаты ёму що-небудь, поскаржытысь, або похвалытысь; а якъ заволилося, похмурилося небо, якъ пишли дощи та замисылася грязюка,—то вадрипани та поцидтыкувани перекупки пересталы цикавытысь миськымы новынамы, Степанъ не скотивъ мокнуты на дощи, вечоры немовъ загубыты край,—и молодыця почала ще дужче нудытыся.

Писля Семена папи накынула Присьци нову працю: шыты рушныky та сорочки. Сыдѣть сама соби молодыця за шыткамы; у горныцахъ тыхъ; мыготыть свитло маненькою лампы. Скребется десь за скрынею мыша, а у неи на серди ще дужче скребется досада. Досадно ій на себе, досадно и на ридъ свій. Вона рада, що воны вже не досаждають ій, вона рада, що не одвидують іи, але-жъ ій и образлыво и досадно, що вси забулы іи, проклялы, а може ще й радіютъ, думаючи, що вона доси затынула тутъ. Осинній витеръ выводе сумну писню у комини, то-рохтять у шыбкы велькы краплыви холодного дошу, добрый хазянъ не выгнавъ-бы и собакы зъ двору, а вона цобигла-бъ оце, побигла-бъ звидциль... Куды? Куды небудь, до кого-небудь, абы розважытысь, абы побалакаты, розсказаты, що дієтся на серци, абы почуты хочъ едыне слово спочуття.

Разъ якось, у субботу, Приська погасыла свитло ще ранише и зъ досады хотила заснуть. Але совъ іи не бравъ: вперше за весь часъ жыття по наймахъ, зъявылося ій выразно пытання: що вона знайшла у городи?

„Замисть того, щобъ корытыся ненъци та дадькови—мушу корытысь чужымъ людямъ. Замисть сильськихъ звычаивъ—попынна догождаты прымкамъ господынь. Я дывувалася зъ селянъ, що воны, такъ гирко працюючи, дывляться на коженъ шматокъ хлиба, якъ на велькую мылость Божу, але чы не такъ само и я дывлюся теперъ на той ласый шматокъ, що удиляе мени госпо-

дарка по ласци видъ своихъ достаткивъ? Чы не голодувала я у пани Рыбалкыной и чы не повынна я дякуватъ пани Штейнильхъ, що вона мене добре годуе? Чы хотила я жыты колы келейныцею и чы думала, що буду одынока въ великомъ городи, що не матыму гуртбчка ривныхъ соби людей?—И невже воно и завжды буде такъ? Ни, то я не вмію счастн шукаты: хыба я не бачу що-дня веселыхъ, задовольненыхъ подругъ—горнышныхъ та куховарокъ? Ни, можно знайти иише жыття, можно здобуты и счастья, и волю,—треба тильки вмити шукаты якъ слідъ. Годи нудытыся у пани Штейнильхъ! Шукатыму соби мисца по всіму городу, сподиватымуся мисяць и другий, а поки що поверну и тутешне жыття на веселишу стежку. Що, напрыкладъ, завадыть цій пани, якъ прыйде Степанъ колы-небудь. Вона добре вже знае, що й у наймычокъ йе знаёми, або родычи, що наймычка бильше, нижъ хто иишил, бажае одвесты душу. Черезъ вищо-жъ вона заборонле жывій людны наблызыться до кухни? Вона знае напевне, що я та Степанъ не обикрадемо іи, що мы не заведемо гвалту, або бійки, що-жъ ій до того, колы у мене посыдить зъ вечора гисть? Хай-же не выгадуе! „Пиду поклічу ёго до себе, тай край!“—надумала молодыця, и ця смиливава думка таікъ опанувала іи, а бажання побачыты бilla себе блызьку людну такъ охопыла іи, що вона опамяталася вже бilla Степановои кухні.

— Увійты, чы ни?—запытала себе Приська.—Увійду!.. зважилася и видчыныла трохы двери. Зъ кухни нонися регить та гоминъ. Приська застыдилася, скочыла зъ рундука и мерцій сковалася за рижокъ, бо видъ конюшни йшовъ хтось зъ лыхтаремъ. На превелыку радисть Приськи то бувъ Степанъ.

— Степане!—ебизвалася нышкомъ Приська.

— Присько?—запытавъ здывованный Степанъ.—Це ты? Що трапылося?

Приська не знала що видповидати: ій и соромно було и досадно на себе за свій вчынокъ.

Степанъ погасавъ лыхтарь и обережно, манивцами, повивъ молодыцю до конюшни. Въ конюшни лиць стинкою, зроблена була лава, на якій у літку спавъ кучерь; теперъ тамъ

лежали хомуты. Степанъ посыдавъ ихъ до-долу и посадывъ туды Приську.

— Я прыйшла до тебе, Степане, (Степанъ умовывъ іи якось недавно казаты ёму „ты“), щобъ ты мени десь інше мисце знайшовъ. Не постачає вже снагы мої терпіти. Повиришь!—рада мыши, колы де засврбется, собаці, якъ обізвітється... Така туга обняла та така досада... Думала я, думала, тай на-думала оце піти до тебе... Не сподивався?

— Не думавъ, не сподивався такого счаствя. Якай я радый, колы-бы ты знала! Сидивъ я оце въ кухни, силивъ... слухаю однимъ вухомъ, що Дунька плеще, а думки все биля тебе... Вчора я стоявъ на дощи, стоявъ, вызывавъ тебе—не йдешъ. Пиду, думаю, въ кухню. Вже намирывся бувъ плыгнуты черезъ тинъ, та проклътый Бровко такий галасъ счынівъ, що я ледве зъ душою втикъ, и чумарку порвавъ.

— Я чула, якъ Бровко гвалтувався,—засміялася Приська.

— Та-то й не вышла провесты!

— Хыба-жъ я знала, що то ты шматуешь по тинахъ чумарку?—засміялася изнову Приська.

— Щей глузуе! Небись, колы-бы хто до любови прыйшовъ, то серцемъ почуда-бъ та выбигла-бъ на зустричъ. Правда?

— Про те вже не знаю: чы вищувало-бъ мени серце, хто собакъ гвалтує?

— Ты жъ кохала кого-небудь. Кохала?—занытався Степанъ, присовуючись ближче до молодыци.

— Ни, не кохала,—видмовила Приська и зареготалася.

— Брешешъ!—не йнявъ виры Степанъ.

— Не знаю, що-то и за кохання?

— Брешешъ, ій-же Богу, брешешъ! Ты набудь и теперъ кого-сь кохаєшъ.

— Може,—видмовила лукаво Приська.

— Ни такы, безъ жартивъ, Присько, признайся мени по правди!—попрохавъ Степанъ.

— Ій-Богу, никого не кохала. И самъ подумай: въ кого-бы я мала закохатыся? Та й па лыхои годыны те кохання зда-

лося? Любисенько можно и безъ ёго на свити прожыты. Безъ людей не можно обійтися: оце сёгодни, напрыкладъ, якъ задосадувала я самитня, то й карбованця не пошкодила-бъ, абы побалакаты зъ кымъ. А кохання... навищо воно мени здалося? Онъ у мене десь на сели и чоловикъ йе...,—додала вона и тажко зитхнула.

— Года плескаты нисенитныцю!—однаково не повирю. Безъ кохання не прожыве жадна людьна, а тымъ паче нашъ братъ—наймыть. Яки веселопи, яки радоши йе у ёго? Одне—заборонене, на друге—грошей не постачае, на третте—часу не мае, на четверте—розуму не хвата; тильки кохання и не заборонено, не вымагае ни великихъ грошей, ни великого розуму. Я ось по соби знаю: якъ гирко не доводытся мени иноди, а колы-бъ ты мене хочь крихотку кохала, то я бъ на гору й каминъ чокотывъ... Ты, бачъ, мовчышъ, наче и не про тебе ричъ моя, наче и не чуешь? Такъ скажы-жъ мени: чымъ я тоби не до мысли? Старый я, поганый, чы дурный?—запытався стурбовано Степанъ.

— Хыба я колы казала, що ты старый, поганый, або дурный?—видповила пошепки молодыця.—Отъ-же, бачышъ, сама прыйшла до тебе.

— Прыйшла, бо никуды було бильше йты,—зитхнувъ Степанъ.—А колы-бъ мала кого іншого, то й не згадала-бъ про мене; чы такъ?

— Авже-жъ такъ,—засміялася Приська,—але смихъ іи, якъ здалося Степанови, вже не бувъ такій байдужый та веселый, якъ завжди.

— Недобра ты! Навищо ты дратуешь мене, чому николы правды не скажешъ? Жартуешь, кепкуешь зъ мене, а колы-бъ ты тильки знала, що діется зъ моимъ сердемъ, якъ обливается воно кривью видъ тыхъ жартивъ!—мовивъ зъ докоромъ Степанъ и похыльвъ свою голову.

Въ конюшни стало тихо та сумно. Приська хотила почати размову, та не знала, що казаты. Степанъ сидивъ замисленый та захуреный,—треба було заспокоити та розважыты ёго. Ій

невыразно шкода стало ёго, іи серде тежъ защемило, забылося пидъ впливомъ Степановыхъ ричей; ій гарно, ій любо було сидити биля ёго, слухати ёго речи про кохання, дывыться на ёго... Может то и вона вже кохає ёго?

— Иду я до-дому, бо пани доси кинулася мене,—пидвела молодыця. Степанъ ухопыў іи за руку.

— Посьдь ще трохы,—зопрохавъ винъ Приську такъ чulo, що Присьци и въ думку не сталося змагатися зъ винъ. Вона сила изнову.

— Сыдю я оде та й думаю: чымъ я Бога прогнивъ, що такий нещасный?—почавъ трохы згодомъ Степанъ.—Тильки и прохаю у Ёго, тильки и молюсь Ёму Мылосердному, щобъ... Та що тоби казаты?—перебывъ винъ самъ себе... Навищо тоби це казаты? Щобъ сміялася потимъ зъ мене, щобъ знущалася зъ кохання моого? Колы-бъ я хочъ знатъ, що ты мене не ненавидыши...

— Хыба я тебе ненавидю?—обизвалася Приська.

— Колы-бъ я знатъ, що я тоби не осоружний, не брыдкий!—мовыў палко Степанъ.

— Николы не бувъ ты мени осоружнимъ, а останними часамы ты...

— Що? що? останними часамы?—перехопыў Степанъ ричъ молодыци, стыскующы іи руки у своихъ рукахъ.—Ну! Домовляй! Що ты хотила казаты?

— Ты мени подобаешся,—видповила стыха Приська.

Степанъ кинувса, якъ несамовитый, цилувати іи руки, іи видѣ.

— Коханко, любко моя!—шопотивъ винъ, все палкише, все мицнише прыгортуючи молодыцю до своихъ грудей.

И Приська не видбывалася видъ вёго. Щось незвычайне робилося теперь зъ нею. Вона чула, якъ кожне слово парубка досягає теплою хвилею до самого сердя, якъ умливає воно, якъ замирає, якъ сподивається пестощивъ Степана. На хвилину промайнуло, немовъ зъ-за тёмної хмары выпурнуло, облыччя

Данылове... Якымъ блидымъ, невырѣзнымъ та поганымъ здався
Присьци чоловикъ іи, явъ що поривниты ёго въ Степаномъ!

— Степане!—погукавъ хтось въ кухни.

Приська выбигла въ конюшни и нышкомъ по-пидъ тыномъ
пробралася до воритъ, а Степанъ пишовъ у кухню.

XVI.

Зъ цёго вечора Степанъ ставъ ходыты що-дня до Приськи. Спочатку молодыця прырозумила выйматы коженъ разъ зимню ряму у викни и впускала парубка зъ вулыци. Одначе пани забаромъ прымитыла, що папиръ на викни занадто довго не высыхае, и прыбыла ряму добрымы гвоздкамы. Довелося запобигты ласкы Бровка. Не одынъ хвунтъ яловычыны та хлиба перетаскавъ Степанъ, покы такы прывчывъ до себе сердыгого Бровка. За те Приська наче на світъ народылася. Куды подилься той сумъ та зануда? Неначе и кухня посвітила, вемовъ и сама пани покращала! Цілый день працювала молодыця жваво, моторно, а ничку коротала зъ кохан'цемъ. Чы глыбоко закохалася вона—объ тимъ не пытала себе молодыця. Тяжка самитністъ, потреба маты блыську людыну кынулы іи сперше у обіймы парубка; трохы згодомъ зворушылося у серци справжне спочуття, а ще згодомъ затлилася й искорка кохання.

Перейшла осінь въ іи негодамы та туманамы. Насталы Риздвыни Святкы. Пани Штейвильхъ йиздyla визитуваты знаёмыхъ. Била господы іи тежъ разъ-у-разъ спынялlyся сани. Приська радила, що нарешти хочъ Святкы розворушать трохы вудне жыття господыни, та даремно: пышни пани у оксамитовыхъ шубахъ вылезылы зъ саней зъ такымъ проклёнамы, а чепурни, ажъ вылощени паны такъ хутко надивалы калоши у передній, що Приська тильки дывувалася.

— Ну що де за гости?—роасказувала вона Степанови:— прыйде, посыдить на кинци дзыглыка пивъ-хвилины, покор-

чтися, поверещьти, нибы-то щось цікаве оповидає, та й тикає наче зъ пекла, зъ проклёномъ та досадою на всіхъ тихъ, кого доводиться зъ Святкамы здоровити.

Невеликий гуртокъ Присичныхъ янаїмыхъ—одна покоянка, та одна замижня пара (кучеръ Спирідонъ, та жинка єго Настя) почували себе тежъ у гостяхъ не такъ весело, якъ хотілося Присици, і хочъ молодиця не шкодила грошей, шапочути гостей, але-жъ святошний настрій не прыходивъ.

— Веселише, далеко веселише на сели Святкамы, нижъ у городи!—казала Приська гостямъ.

— Куды и ривнати!—підтримавъ іи Спирідонъ:—Мы ось бильшъ п'ятнадцати рокивъ якъ зъ села, а доси не забулись колядувати та щедрувати.—А ну, Насте, прыгадай: „Що ва нашимъ двори“,—почавъ Спирідонъ.

— Эть! выгадавъ!—спынила его Настя.

— Я вже до города звикъ, якъ рыба до воды, а Святкамы душою лыну на село; ій-Богу, правда!—сказавъ Спирідонъ.—Ходыть и въ городи по вулыци молодь, вештається и тутъ бацацько народу, та все не те, все не такъ, якъ на сели: тутъ молодь ходыть окроме, або у пари, и дыгутся тоби такъ на всіхъ, немовъ то Святки тильки про єго самого, немовъ та друга парка, що йде поодаль, вже й вири иншои, и звычаї має не ти. А на сели—куды вийшовъ одынъ, тамъ вже и вси; що выгадавъ одынъ—підтримали вси. На вулыци; на выгони, підъ млыномъ—скрізь гурти та гурточки однолітківъ... Куды не глянь, куды не зайди, хочъ у найбіднишу хату, скрізь—Святки на уми, Святки—на языци.

— Не вміють въ городи святкувати! Сами п'яныци тильки и веселять городянъ. Ось гляньте у вікно—яку нызку полыцейськи назбиралы? Матинко! ажъ симъ душъ!—зареготалася Приська, показуючи гостямъ на п'яниць, що заганяли полыцейськи до полыці.

— Безличъ клопотивъ, велика втрата, а веселошивъ віякыхъ,—зитхнула Настя.

Не меньше за Настю зитхалы та скаржылыша на Святки и паны. Зануда жывцемъ йила, якъ иржа точыла мало не всихъ, а пайшаче тыхъ, що звычайво тишилыша картами. Партиеривъ пана Штейнмильхъ тежъ кудысь понесла лыхая годына. Днівъ зо тры винъ повыненъ бувъ граты зъ мало знамымы людьмы, а на другой день—Водохреши—и ти не прыйшли. Пишовъ панъ у клубъ, посыдивъ до одынядцятои годыны, продывывся газеты и мусывъ до-дому вертатись.

Ничъ буда чудова, тыха, зоряна! Панъ йшовъ повагомъ, не поспишаючись, глыбоко замысленый, опанований нагайнымъ пытаннемъ: куды подитыся, чимъ заповныты цей довгый ще вечиръ, або ничъ? Пани напевне й на крокъ не видстуپится видъ заведеныхъ порядківъ: вона поклала вже дітей спаты, лягла сама и не скоче сидиты зъ нымъ... Чытаты? Осточортіло ще въ университети чытаты, тай, здаецца, цікавыхъ книжокъ немае... „Доведется пронудытися годынъ зъ четыры, поки прыпаде охота лягты спаты. Хыба погуліты ще?“ Панъ пройшовъ позъ рундукъ свого помешкання и завернувъ за вуголь. У ту-жъ саму хвылыну хтось пробигъ позъ ёго и плыгнувъ на тынъ. Панъ набавывъ ходу, дигнавъ того человека и ухопывъ за чумарку въ ту хвылыну, колы той мавъ вже плыгаты у дверъ. Степанъ рванувся, вырвався, кынувшись скилькы духу тикаты, и покы збиглыся городови, зныкъ зъ очей пана.

Ця прыгода не пройшла безъ наслидківъ: пани стала на-видуватись въ кухню, и Степанъ ставъ обережнишымъ. Иноди проходывъ цілый тыждень, и Приська не могла поставыты каганца на вікни и тымъ сповистыты парубка, що пави вже спыть и можно йты беспечно. Нарешти, трапылося якось, що пани занедужала на пропасныю. Приська зрадила, що пани не встае зъ лижка, и першого-жъ вечора подала знакъ Степанові. Але марно просыдила вона до другихъ пивнівъ,—Степанъ не прыйшовъ.—Приська поставыла каганець и на другой, и на третій день, але Степанъ все не прыходыў. Нарешти, на п'ятый день, просыдивши до першыхъ пивнівъ,

молодыця не вытримала, накинула на голову легенький платочек и побигла въ самій сукні до Степана, щобъ збудыти ёго, якъ що винъ спить, або хочъ довидатись, черезъ вищо винъ не ходить до неї? Двери въ кухні Степановій були не защепнуті, на столі горило світло, але тамъ спала сама куховарка: ни Степана, ни горнышної—Дуньки въ хаті не було. Приська видразу пригадала вчорашнє пытання крамарки: якою родычкою доводиться Дунька Степанові, що винъ ій конхветы купує?—и зрозумила все..

Невыразна, пекуча рвія обурила сердце ії. Не памъятаючи гараздъ себе, кинулася вона шукати зрадыківъ по чужому подвірью: вона то підбигала до конюшни и сипала важкий замокъ, то забигала по кильки разъ въ сарай и вищорила у питьми по всіхъ закуточкахъ, то верталася изпovу до кухні,—проклятого зрадыка и ёго коханки виде не було. Знесылена, зморена, зъ проклёномъ на вустахъ, зъ мукою у серци, зъ твердымъ намиромъ помститися обоимъ злодіямъ, що вкрали й пошматували ії сердце, подалася вона до-дому; але тутъ сподивалася ії нова прыгода: двери кухенни були замкнени зъ середыны. Приська догадалася, що це пани простежила ії и замкнула двери своєї господи вже навики за-для неї; проте все-жъ такы зважилася злегенька постукати. Нихто не обизвався—пани поклала соби залишти непорядну паймичку середъ ночі на вулыци. Куды подитися, що робити? Поблизу—ни однієї знаїмо людьини, та й якъ ёго прызнатися людямъ, що передъ нею замкнули двери, що ії не пускають у хату, якъ останню злодійку? А що вона зробила кому-небудь, вчynила зле? Хыба вона не виконала тыхъ обов'язківъ, за яки ій платили, хыба вона не скинчыла свого дила? Вона пегараздъ робила, що пдгай зъ хаты вийшла, але-жъ хыба не сама пани прымусила ії тайтись?

Приська прысила на рундуку и гирко заплакала. Вся вона тремтила видъ холоду, голову здавило, немовъ у тыскахъ, сердце невыразно болило.

— Куды йты? що робыты? — пытала у-десяте сама себе молодыца, схопывши обома рукамы свою поныклу голову. Ставъ зрыватъсѧ дробны снигъ, подыхнувъ холодный витеръ,—Приська затремтила ще дужче, схопылася зъ рундука и зъ видчаемъ людны, що вже немае зъ чого выбираты, по стукалася скилькы силы, въ двери. Загвалтувалыся собакы; сторожъ сусиднёи крамныци забывъ у клепало. Приська злякалася, прытаилася на рундуку, обгорнулася мицнише платочкомъ и, зкорчывшися яко мога бильше, наче задубла на мисьци. На свитанку витеръ повернувъ зъ теплого краю, видразу по-теплишало, и пшло на одлыгу. Весь городъ поняло густымъ туманомъ, и сумно выглядаль зъ ёго сири миськи будынкы. Щильно позачынени виконныци та двери, зализни дахы, перемишаный зъ грязюкою навкругы снигъ—все це нагадало молодыцы самыхъ господаривъ тыхъ будынківъ: камъяни серця—якъ оти муровані стіны; холодный разумъ—якъ оти зализни дахы зимнёю добою; таки-жъ нечисты думкы, прыкрыти гарнымы словамы—якъ ота глыбока грязюка, прыпорощена бильмъ, непорочнымъ снигомъ. Никому, никому зъ тыхъ людей, що отамъ мицно силять теперъ, немае дила до одынокой жинкы, що мерзне всю ничъ на рундуку, и колы-бъ вона зважылася достукатыся до кого-небудь, розсказаты по-правди про свою прыгоду, колы-бъ, облываючысь кривавымы слёзамы, роскрайла свои груды и показала наболиле серце, то й тоди не знайшла-бъ спочуття. На вищо справди мала и скаржытысь вона? На зраду? О! це звычайна занадто ричъ! Чы може на те, що іи выгналы зъ двору, що середъ ночі залышылы прыстано-выща? Вильно-жъ було ій кыдаты хату зарады такои недозво-ленои за-для наймычки прымхы, якъ кохання?.. Сама, кругомъ сама вынна...

Ось сонечко пробылося першымъ, несмилывымъ промін-вамъ. Десь недалечко хтось нокнувъ на коня,—селяне зіздратся вже до торгу. По городу пронісся неясны гоминъ. Ворота сусиднёго дворыща рыхнулы,—дворныкъ выйхавъ по воду. Приська скочыла зъ рундука и сковалася за крамныцею.

Небагацько часу вже зисталося пидождати, поки пані Штейнмільхъ прокинется та видимкне двери, але теперъ кожна хвилина додає Приськи пекельної муки. Незабаромъ новыходять знаёми куховарки, стануть пытати, допытыватись ій... Щовона имъ скаже?

А по вулиці стали все частише та частише проходыти люде. Вже й Устя побигла,—вона зарази вида лижко, щобъ першій зибрать новыны. О! Приська стала-бъ ій доброю здобиччю, якъ-бы попалась на очі! Вона задоволынала-бъ своею прыгодою всіхъ перекупокъ, всіхъ куховарокъ, додала-бъ смаку на цілий день городянкамъ, им'я ії стало-бъ видоме всімъ, навіть деякимъ господаркамъ. Приська знала все це і ховалася, немовъ те немичне ягнятко видъ хижихъ очей лютого вовка. Але ось выплыла, наче той корабль зъ туману, куховарка Тытъяна; зъ усіхъ дворицъ высипали дворныки счищати пішоходы, наблыхається і господарка тієї крамычки, де притаилася Приська,—краще крізь землю провалытыся, нижь терпіти цю муку. „Господи! напуты мене! Царыце небесна, ірый мене своимъ покровомъ!“—шопотила молодыця, посувуючись тыхесенько по-під тиномъ геть видъ крамыци.

Нарешти видчывылися двери, і пані Штейнмільхъ, свіжа, бадёрна, якъ і завжди, вийшла на вулицю. Якъ ридній матери зрадила ій молодыця і кинулася до дверей, щобъ проскочить у хату.

— Погуляй трохи: я приведу паймичку і тоді дамъ тоби розсчотъ,—мовила спокійно, безъ гнива, безъ серця, пани і повернула не поспішаючись ключъ у дверяхъ.

Приська побигла до крамыци.

— Де мени кватирю знайты?—запытала вона у крамарки.

— Хыба розсчиталася?—здывувалася крамарка.

— Розсчиталася,—видповила молодыця, не попадаючи зубомъ на зубъ.

— Ай-ай-ай! Така хороша пани, а ты розсчиталася! У тебе пропасныця, нездужаешъ, вся тремтышъ? И у самій сукни?—здывувалася изнову крамарка.

— Дайте мени Бога рады яку ганчирку на плечы: пани пишла до торгу та замкнула кухню,—попрохала Приська.

Крамарка подала ій платокъ.

— Найохотнише наймають кватырю вси служкы у Палагеї Тыхоновны, але ты зовсімъ слаба, тамъ тоби буде беспо-кійво. Може у тебе хто знаёмый йе, то краще перебудь тамъ, поки одужаешт,—порадила крамарка.

Приська перебрала въ памъты всіхъ своїхъ знаёмыхъ. Ни, нема такихъ людей. До Сохвії Трохимовны вона вже не звернется, бо знає, якъ вона судыла ії за Степана, до другої знаёмої перекупки не варто, бо тамъ і синъ пьяныця, и зять непутящий.

— До тебе-жъ часто Настя прыходыла,—нагадала крамарка.

Приська замислилася: не хотилося ій клопотати чужихъ людей.

— Ни, мовила вона, мени якъ-бы на кватырю.

— Идить, тетю, до Палагеї Тыхоновны!—обизвалася якась шустра, гестроноса дивчина у величезныхъ калошахъ на босу ногу.—Весь городъ обійтить, то крашої кватыри не знайдете. Моя сестра тамъ завжди сидыть.

— И Палагея Тыхоновна не дорого бере,—мовила крамарка обережно.

Приська подякувала за пораду и побигла до-дому, бо пани Штейнмільхъ саме повернулася зъ торгу.

XVII.

Палагея Тыхоновна мала тильки маленький грутыкъ въ шпилі, проте жыття ії було цилкомъ забезпечене. Маленьки дві хатыни черезъ сини николи не пустували. Въ одній вона сама жыла и прыймала до себei поди „благородныхъ“ кватыранокъ, а вси куточки другої були завжди позастановлювані скрипькамы наймычокъ, що перебували тутъ той часъ, поки

трапытся мисце. Невелычка плата — п'ятдесятъ копіёкъ на мисяць за кутокъ, обихидлыва, прыемна та балакуча Палагея Тыхоновна, а найдужче та безмежна воля, що давала господарка своимъ кватыранкамъ, прынажували наймычокъ до цихъ разъ-у-разъ мокрихъ та цвилыхъ куткивъ дужче, нижъ сухи та вростори хаты другихъ мищенокъ.

— Хвалыты Бога, хаты мои николы не пустують: одна выходыть, а на іи мисце дви увиходыть. А черезъ вищо? Череzъ те, що я ихъ не смыняю, не грызу имъ головы, якъ тамъ іинши. „Гулlyте“, кажу имъ, „дивчата та молодычки, поки гуллется! Не шкодійте грошай—однаково усихъ дирокъ не полатаете, а на старисть ничимъ буде спогадаты молоди лита. На вищо те калгти, якъ нема вороття? Сама я була колись молодою—сама знаю тіі дивоцькіі прыгоды“!—казала було Палагея Тыхоновна пидъ чаркою.

— Чого похнююлася?—Чого нисъ повисыла?—нападется було іоди на яку кватыранку, що сидить замкслена.

— Гроши вытратыла!—несмалыво обизвестя кватыранка.

— А видчынай скрыню. Та у тебе тутъ ще добра на мисяць. Оце-жъ платокъ такый, що за ёго и карбованця можно взяты, а це сукня... За оцей настильныкъ я тоби сама п'ятдесяцъ копіёкъ дамъ. Дать?

Дивка радо виддавала у пивъ-цины свій настильныкъ, абы не йти до торгу, де іі напевне высміють товаркы, и зъ подякою прымала видъ Палагеи Тыхоновны полтывныка. Колы-жъ у тіі скрынци не було вже ничего цикавого, Палагея Тыхоновна и тоди тежъ ставала у прыгоди, бо знала завжди, у якихъ папивъ бракуе наймычки, и посылала „голодранку“ служыты.

— Якымъ це витромъ занесло тебе до мене?—здывувалася Палагея Тыхоновна, зустрічаючи Приську на дверяхъ.—Ты-жъ, здається, завжди кватырювала у Сохві? Посварилася зъ нею, чы вона тебе не схотила?

Не сварилася я зъ нею, и не запытувала іи, чы схоче вона мене взяты, а пораялы мени люде до васъ, я и прыйи-

хала,—видповила Приська, не дывлючысь у вичи новои господаркы.

Палагея Тыхоновна пыльно подывылася на молодыцю: вона ій не вяла віры.

— Не хочешъ правды казаты—яй не допытуюся. Чы люде пораялы, чы сама схотила—мени однаково. А скількы-жъ у тебе грошей?—запыталася вона, озыраючи ій невельзку скрыню.

— Сімнадцять карбованцівъ,—видповила Приська, высыпаючы на долоню тры золотыхъ та срибла трохы.

— На першый часъ буде зъ тебе; видпочынешъ спокійно,—мовыда значно прывитнише хазайка.—Сидай, вып'ешь чаю, бо ты щось зблідла дуже. Не спала, чы змерзла?

— Не спала: зубы болили,—збрехала Приська.

— Понарь ихъ чаемъ та полизъ на пічъ, то воны й пройдуть. А я побіжу на часыну до кумы...,—мовыла Палагея Тыхоновна.

Приська напылася чаю усмакъ и, якъ тильки хазайка выйшла зъ хаты, полизла на пічъ.

Незабаромъ нопрокыдалыся і кватыранкы. Повставалы воны хмури та невесели. Машка прыгадала учорашню суперечку зъ булошныкомъ Яковомъ и напалася зъ просоння на Варку за те, шо вона прытягла вчора пьянаго Якова на кватырю. Варка видповила ій ще гостришою лайкою и стала доводыты, шо сама Машка упылася дужче за Якова. Машка спорылася, здавалася на Гашку; Гашка умовляла Варку мовчаты, Варка гримала на Гашку... Тильки Санька не прыймала ніякой участі у цій суперечцы и лежала соби нышкомъ, укрыта зъ головою, та все думала одну думу: якъ уберегты свое им'я дивоцьке видъ виковишнёи плямы, якъ збутися того сорому, шо ось-ось незабаромъ покрье ій голову. Вже висимъ мисяцівъ і вранци і увечери, і лягаючи спать і прокыдаючысь, клала ця сімнадцятилітня дівчына на терезы грихъ та соромъ дивоцький и доси не могла спостерегты, на якій бікъ коромысло дужче нахыляется. Кого бильше остерегатыся? Кого бильше боятыся? Хто дужче покарае: Богъ, чы люде?

— Прыбери къ бису свое манаття! — крыкнула Варка, шпурляючи ногою Гашкынъ платокъ.

— Не шпурляйся! — обизвала Гашка, обережно згортаючи платокъ,

— Не шпурляйся! — передражнала Варка. — Я-бъ тебе доси трычи пошпурила зъ хаты, якъ-бы моя воля! обирванко, голодранко!

— Хочъ и голодранка та не злодійка: значкивъ зъ панськихъ напирныківъ не выплутую, — видмовила Гашка.

— Ты бачыла, що я выплутую? Ты докажешъ? Присягнешъ? — накинулася на неї Варка.

— Бачыла, докажу, присягну, — мовила спокійно Гашка, — ось и теперъ на твоему напирнику А. В.

— Попалася! — зареготалася Машка.

— У чимъ попалася? Чого ты сикаешся, божевильна, патлата? — кинулася до неї Варка.

— Хай и божевильна, хай и патлата, та все не така, якъ ти, — показала языкъ Машка.

— Яка? яка я? — настутила Варка.

Машка тильки й сподивала цёго питання: вона майнула до дверей, ухопылася за клямку, щобъ швидче утекти якъ розсатаніе Варка, и почала по пальцяхъ личити вси ти прызвища, що поскладали про Варку куховарки. Очи її блестили, чорни пасми курчавого волосся розплатлалися, поспілтувались і пиднялися високою копыцею на голови... Вона стояла на порози у одній сорочці, тримтила вся видъ холоду, але не синялася ни на хвилину реготатись та сипати образливими прызвищами на свою товарку.

Варка крыкнула на неї разъ, вдруге, і ухопыла качалку. Машка видчыныла двери і мало не стукнулася лобомъ зъ Приською, що прыбигла довидатись, що-то за галасъ зчыніўся поміжъ кватыранкамы.

Подруги-вороги видразу стыхлы і кинулись оправляти себе та свои лижка. Всі ци дивчата були видоми добре Присьци, але вона насылу признала ихъ теперъ. Чы це-жъ та

сама Санька, що, якъ казала Тытьяна, набрала видъ пана Боголюбова „копыцю“ грошей? Що прыневолыло іи оселытыся тутъ? Де іи гроши? Невже це та сама Гашка, що на Покрову купыла пальто за п'ятнадцять карбованцівъ, а зимою йиздyla зъ панією Рыбалкою по крамнициахъ? Чы то-жъ та пышава Варка, що „трехрублёвыхъ“ наймычоў не признае й за по-другъ? Або ця Машка! Що трапылося имъ, що звело ихъ сюды до купы, зрывяло й достатки и становыще ихъ? Приська дывилася на обирвану Гашку, на люту Варку, на розплатлану Машку и не знала, якъ забалакаты до нихъ.

Дивчата тежъ не розумили, яке лыхо прытаскало молодыцю до ихъ гурту, и поглядалы скоса на неи.

Тымъ часомъ Варка внесла самоваръ, выняла зъ скрыни сахаръ, бублики, заварыла чай и запрохала Приську до чаю. Санька налила соби чайникъ и поклыкала Машку. Тильки Гашка не рушыла зъ своеи маненъкои скрыньки та сумно поглядала на подругъ: у неи не було ни сахарю, ни чаю... Напылься вси. Санька поклала на свій чайникъ грудочку сахару и передала ёго Гашци. Голодна дивка допалася до чаю и хотила окропомъ залити свій голодъ. Вона наливала склянку за склянкою и пила ёго мало не зовсімъ безъ сахарю. У Приськи заболило серце, дывлячись, зъ якою заздрістю Гашка позирає на бублики.

— Ты-бъ зъ булкою чай пыла, а то тильки утруноў по-печешь,—мовила Приська у надії, що Варка, у котрої тильки й зосталыся бублики та булки, подастъ хочъ шматочокъ голодній Гашци.

— Де-бъ у неи взялася та булка? Вона вже й такъ ось третій день чужими недойидкамы харчується,—мовила Варка зъ огыдою.

— На тоби, Гашко, п'ять копіекъ та купы соби булку,—мовила Приська, подаючи Гашци гроши.

Гашка застыдалася и не хотила братъ.

— Ты-жъ мени ихъ виддасы, якъ забагатіешъ; це я тоби у позыку даю,—умовляла Приська.

Гашка погагалася ще трохы, але нарешти взяла гроши и незабаромъ прынесла просту паляныцю.

— Чы не хоче хто гаряченкои палянычки?—запытала вона подругъ, одризуочи соби окраець.

Нихто не схотивъ. Тоди вона завернула обережно остатчу паляныци у платочекъ, поклала іи у скрыню, замкнула и почала йисты одризаный шматокъ. И якъ-же смачно йила вона! якъ обережно збирала крыхты зъ спидныци! Приська тильки дывилася... Чы не видъ такыхъ самыхъ паляныць утекла вона зъ села? Чы не таки сами паляныци загналы може и Гашку въ городъ?

— Чужымъ хлибомъ, немовъ той старець, животіешъ!—обизвалася изнову Варка, скинчывши пидводыты свои бровы.

— Мовчы вже! Бо й у тебе не дуже-то брящть: прыйде Дмытро, то ничимъ буде й прышануваты,—мовыла Машка.

— А це що?—тинула Варка пидъ самый нисъ Машци срибнимъ карбованцемъ.

— Людкы! Рятуйте! Це-жъ вона, ій-же Богу, изнову...

Велычезна подушка, що перелетила черезъ всю хату и улучила Машци у самый выдъ, не дала ій домовыты.

Машка ухопыла подушку и пошпуряла нею у Варку, але Варка видскочыла, и подушка гепнула до-долу.

— Гараздъ, що не улучила, а тобъ я додала тоби сываківъ до тыхъ, що Яківъ вчора наробывъ. Тягны до торгу останню сорочку, бо якъ прыйде Яківъ, а не буде горилки, то винъ изнову накладе,—мовыла Варка.

— Хыба-то винъ мене за горилку вчора быў?—здывувалася Машка.

— А то-жъ за вицо?—запытала Варка.

— То винъ мене прыревнувавъ.

— Прывніувавъ?! — зареготалася Варка.— Подывысь у воду на свою вроду, та тоди й скажы, чы варто тебе ревнуваты?—додала вона, хутко натыраючи щокы червонымъ папиромъ зъ конхветы.

— Та вже-жъ у Машки Яківъ гороху не молотывъ,—натянула на Варчины работыне значно повеселивша писля спідання Гашка.

— Ось цытьте!—смынала Санька,—наче у шынку! И якъ вамъ не соромно?—

— Сховай лышень ты свій соромъ дивоцький, поважана пани Боголюбова,—белькуна Варка.

— Образа улучыла іи у саме серце. Санька зблидла, якъ крейда, и упала на лижко, залываючысь слёзами.

Варка сама побачыла, що переборщыла, образыўши завжди тыху, звычайну та прыемну подругу, але не схотила попрохати въбачення, а хутко одяглася и подалася въ городъ. Машка та Гашка заспокоілыся, почалы розчисулятися, а тымъ часомъ розпитуватися Приську про іи жыття, та розказуваты про себе, Вони розбалакалыся, забулы про Варку та недавню суперечку, и тильки Санька ще довго не стыхала плакаты.

Будна дивчына гадала, що ще ніхто не дізнався про іи соромъ, про іи грихъ, що вона поворозкамы та попередыкомъ добре захистылася видъ людськихъ наговоривъ, а теперъ годи вже думаты про терезы, годи молыты Бога, щобъ Винъ не по-пустывъ іи дытынци народытыся жывою: Варка єдынымъ словомъ пхнула іи у ту безодню ірірву, звидкіль ій не буде вже николы вороття. Приська дывилася, якъ Санька убывалася, якъ облывала гиркымы подушку, и трохы не заплакала й сама. Горе цієи дивчыни нагадало ій іи власне горе, муки цеи останнійничкы... Чы не сподиваєтесь и іи така сама доля? Чы далеко ще той часъ, колы і ій, якъ оце теперъ Санци, яка небудь Варка кыне у вичи гирке, образлыве, але правдыве, слово? „Ни“, заспокоила вона сама себе: сама вона вынва у своїй прыгоди, а я не попущу себе до того. Не грала-бъ музыка, не гулялы-бъ люде, не було-бъ отыхъ крамныць, отыхъ роскишныхъ будивливъ, якъ-бы вси булы у городи таки безталанни, якъ Санька...

ХVIII.

Приська не знала вдачы та звычаивъ кватыранокъ Палагеї Тыхоновны и дуже здывувалася, колы побачила у вечери, якъ вони спильно та весело клопочутся биля застланого билымъ настильникомъ столу. Наготовлялися чарки, пляшки, склянки та тарилки. Варка зъ завирченымъ у папиръ чубомъ, намашена явоюсь мазью, прымала видъ Палагеї Тыхоновны ножы та вылкы, що та одличувала кватыранткамъ у позыку; червона, запыхана одъ биганыны Машка ризала булкы; Санька поралася биля оселедцівъ; Гашка вытырала помистъ. Ніякои згадки, ніякого натяку про ранишню сварку,—неначе то поралося чотири ридни сестры, сподиваючись якогось всимъ однаково любязного гостя.

— Кого вы сподиваетесь?—запытала Приська Варки.

— Особльво никого: такъ, де-яки знаёми прыйдуть,—видловила Варка такимъ самымъ голосомъ, якимъ колись папи Рыбалкына де-кому зъ знаёмыхъ казала, сподиваючись имениногого гостя.

— Можетъ й у тебе йе гарни знаёмы, то запросы на вечеръ,—порадыла Палагеї Тыхоновна Присьци.

— Ни, у мене нема такихъ знаёмыхъ,—видказала Приська.

— У монашки пошилася, чы що? Не выгадуй не знатъ чого—однаково никто тоби не повиршть. Не соромся та поклычъ, кого знаешъ. Подывысь на Машку—якъ прытанцёве! Неначе оти оселедци та булкы зъ неба уналы! Чы ба, якъ радie, а вона-жъ сёгодни останню спиднычу понесла до торгу. Машко! годи танцоваты: закаблукы побьешъ,—зареготалася Палагеї Тыхоновна.

— Беры ихъ морока!—гуркнула Машка и загупотила босымы ногамы...

Палагеї Тыхоновна не втерпила: надійшла до Машки и вщыпнула ії.

— Люблю я такихъ дивчатъ! Отъ зъ кымъ жити весело! А все-жъ такы завтра потягну тебе до Рейтарки,—чась вже й нанятысь. Тильки чы выбудешъ тамъ?

— Ого! що якъ! Въ якому пекли не доводылося служыты—скризь выбувала,—заспокоила Машка Палагею Тыхоновну.

— Мисяця...—додала Варка...

— Ни, у тієи... якъ іи... забулася, ажъ два мисяци вибула,—похвасталася Машка.

— Ото-жъ й у Рейтарки треба выбуть не менше двохъ мисяцівъ,—звелила Палагея Тыхоновна.

— Выбуду!—мовила Машка и побигла до Гашкynoi мысly мыть ноги... Тильки объ одынадцятій годыни вечера стали збиратися гости. Першымъ прыйшовъ прыкащыкъ зализной крамныци, Дмытро. Це бувъ молодий, огрядный парубокъ. Зъ першого погляду винъ робывъ на всіхъ прыемне вражиння, але досыть було мовыты ёму одно словечко, досыть зробити одынъ крокъ по хати—и вражиння те пропадало. Винъ ступавъ такъ обережно, повертається такъ нешвидко, робывъ таки маленьки ступни, що робилось нудно, лявлічясь на ёго, и такъ и хотілося гукнуты: „проворнишъ!“ Балакавъ винъ тыхесенъко, тонасенько, незвичайно швидко й ковтавъ слова. Ривний голосокъ ёго прыохочувавъ и дитеi и дорослыхъ до сну, а оповидання ёго не малы николи ви початку, ни кінця. Винъ увійшовъ у хату, поздоровкавъ до знаїмыхъ дивчатъ, поклавъ на столи пакунокъ горихивъ и надійшовъ знаїмитися до Приськи.

— Ми почаси знаїми—ви були якось у крамныци.—

— Була разъ,—мовила Приська.

— Дмытро повернувся обережно, щобъ бува не зачепить якого стульця, або не наступити на вишо небудь, пройшовъ хату и сівъ у куточку, біля столу. Варка сила поручъ, хотіла щось любенько запытати свого кавалера, але замість того несподівано смачно позихнула.

Машка глянула на неї и зареготалася на всю хату. Варка хотіла спынити подругу, але не витримала сама и тежъ за сміялася. Дмытро, не зрозумивши, що то винъ самъ прызвивъ до смиху, усміхнувшись и соби.—Цёго було досыть, щобъ довести Машку до краю... Вона почала такъ сміятыся, що вже ни Гашка, ни Санька, ни Приська не малы снаги перебороти и

себе... У Машки вже лылыша слёзы, вона качалася на лижку, ойкала, хапалася за боки и, глянувши на Варку, почынала ще дужче сміятысь.

На счастя іи, щось протупотило повзъ вікно. Машка сердемъ почула, що то йде іи коханець, булочникъ Яківъ, стыхла, утерла слёзы и выбигла ёму назустрічъ. Це була людина зовсімъ іншої вдачы, нижъ Дмитро. На ёму була проста чумарка, трохи де-не-де прыпорощена борошномъ, веліки прости чоботы, чорний картузъ. Самъ винъ бувъ зросту невеличкого, на облыччя трохи блидый, але незвичайно веселый. Винъ увалывъ въ хату, гараздъ не обтрусывши снігу, и мицно стиснувши всимъ дамамъ, навить незнаемій ему Присьци, руку, звеливъ Машци подавать самоваръ.

Видразу вси заворушилися, стульця прысунулися до столу, всимъ стало весело, любо та гарно.

Самъ Яківъ не любивъ нічого оповидати, а ще дужче не любивъ слухати... Винъ любивъ, щобъ вси балакали, пытали, роспітувались, але коротенько, весело та жваво, и радый бувъ завжди, коли мавъ що особо цікаве але прыемне переказати.

— Олександро Мартыновно!—звернувся винъ до Саньки:— прынись вамъ прыемну новину: сёгодні прыбуде до васъ Сергій.

— Санько! чуешъ?—зрадила Машка.—Сергій твій прыйде! Санька густо почервонила.

— Чы прыйде—хай прыходыть,—мовила вона стыха.

— Хыба то вамъ сиравди такъ равнодушно?—протягъ то-нисенько Дмитро, звертаючись до Саньки.

— А тоби, яке дило „равнодушно“, чы „неравнодушно“ Саньци? Радій, що Варвара Памхвыловна до тебе сёгодні „неравнодушна“,—одризавъ ёму Яківъ.—Та яки вы сёгодні, Варваро Памхвыловна, антересни! Машка! щобъ ты мени завжди такъ чубъ завывала.

Ха—ха—ха!—зареготалася Машка.—И выгада!

— Ій не до лыця чубъ,—обизвалася Варка.

— Колы ій чубъ не до лыця, то намъ горилка до лыця.
Шидставляй, Дмытро, свою чарку!—мовывъ Яківъ, наливавочы
у свою чарку горилку, настоену на померанцовыхъ шкуркахъ.

— Самоварь закыпивъ,—сповистыла Гашка.

— Подавай!—скомандувала Варка.

Гашка побигла.

Становыще попыхача у такихъ самыхъ наймытивъ, якъ и вона, ни крапли не турбовало и не ображало Гашку. Слухняна, гарнои та тыхой вдачы дивчына радо пособляла кожному и никакъ не видмовлялась подилитыся и гришмы, колы мала ихъ. „Гашка—вивця“, „Гашка—дурна“,—казалы товарки, про те ридко яка не корыстувалася чимъ-небудь видъ тієї вивци. Немало горя прыйняла вже дивчына черезъ те ймовирне та жалистые серце, черезъ ту памъять, що пропускала, якъ решето воду, всяке лыхо, що чынылы ій недобри люде, и затримувала тильки золотий писокъ ихъ гарныхъ вчынкевъ.

Дійшла вона до сучасного становыща „голоднои обирванки“ черезъ пани Рыбалкыну. Колы Гашка нанялася до цихъ панивъ, у неи було трьдцять карбованцівъ запрацёванихъ за чотыри роки грошей. Пани довидалася, що у дивчыни поводятеся гроши, и прирозумила, якъ скорыстуватись ними. Вона умовыла Гашку купыты новомоднє пальто, шовковый платокъ, полусапожки на пуговкахъ, и комы дурна дивка послухалася тієї порады та одяглась якъ павичъ, пани стала возыть іи по городу, по крамыцяхъ, та высхвалятися предъ знаёмыми убраннямъ своеи покоянкы. Але, звычайно, не надовго постачило пани цієї забавки:—вона розсчитала за випо-сь Гашку и, буцімъ-то забувши про умовы, заплатила ій тильки по три карбованця на місяць, замість чотирехъ. А тымъ часомъ склалася вже про Гашку недобра слава. До заможнихъ панивъ вона була нездатна, а бидниши остерегалися наймати покоянку, що вносить новомоднє пальто та спідници „колоколомъ“. Гашка оселилася на кватыри у Палагеї Тыхоновны, пройдала сперше гроши пани Рыбалкыной, потимъ одягу и теперъ сподивалася, голодна, обидрана, родичей зъ села, що обищали взяты іи до дому.

— Будемо зразу чай пыть, а потимъ закусымо!—мовыла Машка, запарюючи чай.—Гашко! попрохай у Палагеи Тыхоновны блюдцівт! Варко, нарижъ ще кранзолій!. Гашка побигла, а Варка не рушыла зъ мисця. Машка нальяла всімъ чай и, впевнывшысь, шо Варка хоче сёгдні буты „барыней“, заходылася сама порядкуваты биля столу. Ій було незвычайно весело: Яківъ прыйшовъ тверезымъ, не лаявъ, не гrimавъ на неи, и цёго було досыть, ѩобъ осчастыты Машку на весь вечирь. Вона стала незабаромъ „душею обчества“, „царыцею бала“; до неи зверталысь, до неи балакалы вси, и навіть Дмытро, на превелыку досаду Варкы, „разъ одпустывъ ій комплымента“.

— Машко! спивай!—звеливъ Яківъ.

Машка одкынулася на спынку стульца и ту-жъ мыть за-вела „выходжу одынъ я на дорогу“.

— Весь самоваръ вытече—покы ты свою писню доведешъ до краю,—спынвала ій Варка.

Справди вода залыла вже всю пидставку пидъ самоваромъ.

— Отака голова!—зареготалася Машка.

— Молодистъ!—зауважывъ тоnisенько Дмытро.

— Хто-бъ казавъ: „молодистъ“! Вамъ мабудъ и самымъ ще двадцяты роківъ немае,—мовыла Машка.

— Торикъ перейшовъ прызовъ,—не канхвузьте!

— Такъ мы зъ вами однолітки!—зрадила Машка.

— Дуже прыемно це зъ вашыхъ усть чуты: у одному роци родытыся—це все одно, шо поридытыся,—мовывъ Дмытро зъ незвычайно прыемною ухмилкою.

— Ахъ! якъ це гарно! Скильки-жъ це у мене родычивъ! Теперь завжды пытатымусь кавалеривъ: скильки вамъ роківъ?—пидхопыла Машка.

— А я иныхъ родычивъ и не бажаю: я задоволенный такою родычкою, якъ вы,—протягъ Дмытро.

— Комплыментъ, комплыментъ!—забыла Машка у долони:—Чуешъ, Варко?

— Варка давно вже чула, бачыла все и кусала нервово губы. На ій погляды Машка тримала себе гыдко, а зъ боку

Дмитра було досыть „неделикатно,” розыдаты свои комплименты навколо.

— Чого ты такъ кричышь? Наче вси поглухлы,—мовыла зъ сердцемъ Варка.

Машка прытыхла.

— Сергій прыйшовъ!—оповистыла Гашка.

Санька, що сидила весь часъ мовчкы за своею склянкою чаю, пидвелася була и знову зразу сила.—Чого винъ прыйшовъ?—запытала сама себе Санька. Невже винъ выбачывъ ій все те, що вона наробыла, и прыйшовъ, щобъ скинчыты давно початый романъ весиллямъ? Чы то може бажання помстыться за зраду іи прывело Сергія сюды? Якъ зустриты, якъ витаты ёго: за прыхильну людыну, чы може за клятого ворога?

А Сергій, якъ на те, щось дуже довго обтрушувањ у синяхъ снигъ зъ чобить. Ёму, сыну порядной семьи, було и боляче и страшно заходыты сюды, шукаты Саньку, свою кохану, заручену дивчыну, помижъ пьяныхъ людей. Вже все колысь було на поготови, щобъ одружытыся зъ нею; батько—бондаръ и маты—перекупка здатни булы прыняты Саньку до себе за невестку, Сергій безъ миры кохавъ іи, и треба було жъ ёму одлучытыся зъ города на мисаць, а ій нанятыся до Боголюбовыхъ? Сергій, довидавшысь видъ Тытъяны про свое лыхо, трохы не наложывъ бувъ на себе рукъ, и батько поспишысь одвесты ёго до свого брата ажъ за трыста верстъ. Недавнечко винъ повернувся, и хто-сь белькнувъ ёму, що Саньку оговорено, оббрихано. Винъ ухватыўся за ту звистку и прыбигъ теперъ до Саньки зъ надією порозумитыся зъ марно опороченою дивчыною та выпрохаты у неї выбачення за те, що винъ, не довидавшысь видъ неї самой правды, покынувъ бувъ іи колысь.

Але обставыны за-для такої розмовы булы непидхожи.

— Охота вамъ сидиты у таќій духоти? На двори така чудова годына, зоряно... Я нарочыто зайшовъ до васъ, Олександро Марковна; чы не погуляете вы трохы?—звернувся винъ несмільво до Саньки.

Санька зминалася на выду: „чы не надумавъ винъ мене вбыты?—промайнуло у неї въ голови.

— Я щось нездужаю,—видмовыла вона стыха.

— Ми недалечко... разивъ зо-два пройдемося по цій вулиці... Ничъ така гарна, зоряна... Одягнітися гарно,—попрохавъ Сергій.

Санька глянула єму у вичи. Ни, очи душогуба не можуть такъ дивитись: скильки ласки, прохання и цырого кохання видбивається у очахъ Сергія!—Санька накинула платокъ и смильво попростила за Сергіємъ.

— Ось и я до васъ. Чы прыймете до гурту?—запытала Палагея Тыхоновна.

Машка схопилася зъ свого стульця и підставила єго хазяйци.

Гашка метнулася у сини розогривати самоварь.

— Вси до пары, якъ голубочки, тильки Приська одынока,—мовыла Палагея Тыхоновна, здоровкаючись до гостей.

— Значить, не охота паруватися, бо за парою не буває остановки: де одинъ—тамъ може буты и двое,—мовивъ Яківъ.

— Або и трое...—додавъ тыхесенько Дмытро, усміхаючись.

— Э, то вже ка-зна що, якъ трое. Спробувавъ я бувъ колись кохати вдвохъ зъ однимъ парубкомъ молодыцю тай навики зарикся.

— Зъ кымъ це такъ?—кого,—зацикавилася Машка.

— Багацько будешъ знатъ — постарієшся, — засміався Яківъ.

— Голубчику, Якове, розскажы-бо. Ось на чарочку ще, та тильки розскажы!—попрохала безъ краю зацикавлена Машка.

— Та розскажы вже!—підтримала іи и Палагея Тыхоновна.

— А хто твоимъ кумпаніономъ у сердеснихъ дилахъ бувъ?—запытався Дмытро.

— Хыба не знаєшъ хто? Степанъ Гуля,—мовивъ Яківъ. Приська раптомъ почервонила и почала чого-сь шукати підъ столомъ.

— Степанъ Гуля. Зъ нимъ мы вдвохъ Боголюбову кухварку, Тытьяну, кохали: одинъ вечиръ винъ йде до неї на

бенкетъ, а другой—я. Вона нась шануе и поить й годуе... И такъ ходылы мы до неи мало не два мисяци, покы якось не упылыся та не завелы при ій суперечки за чергу...

— Ха-ха-ха!—засміялася видъ усёго серця Машка:—отъ мабудь досталося вамъ?

— Було намъ. Степанъ такы якось вырвався зъ іи рукъ та втикъ, а мени чисто чуба обирвала...

— Ха—ха—ха! Отъ була кумедія. Шкода, що мене тамъ не було... Тымъ-то у тебе и чубъ ридкий, що Тытъяна переполо-вныла,—сміялася Машка.

Приська наче у смоли кипила. Серце іи розрвалося видъ оповиди Якова, слёзы душылы іи; ій хотилося крыкнути Машци: чого ты смієшся, навижена?—хыба тоби не прыкро, не досадно слухаты Якова? Хыба въ тебе не болыть серце, не шкода того кохання, що ты виддаешъ цёму зрадыкови? Вона прыгадала Дуньку, Степана—и спогады, одынъ сумнишый, образлывишый другого, опанувалы нею и все ласкавише доводылы, що Степанъ вже не разъ дурывъ іи. А Яківъ все не стыхавъ и, пидбадёреный Машкою та Палагею Тыхоновною, оповидавъ про свого „компаніона у сердечныхъ дилахъ“, додаючи, звычайно, до дійсної правди добру частыну властныхъ выгадоекъ.

— Не дуже-то, Якове Семеновычу, розпускайте свого языка,—обизвалася Варка. Де-кому дуже непрыемно слухаты ваши речи,—додала вона, ехидно позыраючи на Приську.

— Такъ, такъ!—зрадила Машка:—я бачыла колысь Приську зъ Степаномъ. Поздорвляемо, поздорвляемо!—забыла вона у долони.

— Нема зъ чимъ: мало зъ кымъ я не ходыла?—видповила Приська, наче зовсімъ байдуже.

— Неудачный выборъ вашего серця,—протягъ Дмытро.

— И чого тамъ неудачный? Я бачыла Степана: гарный парубокъ,—обизвалася Палагея Тыхоновна...

— Молодецъ парубокъ! Не вирте Дмытрови, це винъ зъ заздрощивъ каже. Степанъ—парубокъ надъ парубкамы, и завтра, не буду Яковомъ Перепелыцею, колы не прытягну ёго сюды,—звернувся зовсімъ вже осоловилый Яківъ до Приськи.

— Безпреминно прыведы,—пораяла Палагея Тыхоновна...

— Чого вы до мене прысикалыся зъ Степаномъ?—розсер-
дышлася Приська.

— Сердытся, сердытся,—видно що правда! Поздоровляемо,
поздоровляемо! Теперъ вже ми знаємо, кого ты кохаешъ!—за-
цокотила Машка и хотила зъ радощивъ поцилувати Приську.

— Неправда, неправда! — видихнула ії Приська видъ
себе:—николы я ёго... „не кохала“!—хотила крикнуты Приська,
але запнулася на дёму слови: языкъ не повернувся на таку
неправду. Вона выбигла у сини и припала головою до стинки,
ледве стрымуючи себе, щобъ не заголосити.

— Делыкатна—зауважывъ Дмытро.

— Кумедіянтка!—кынула зъ огыдою Варка.

— Дурна та плакса!—мовила Машка, прысуваючъсь бlyжче
до Якова.

— А ты, гляди мени, Машко, николы не плачъ!—погро-
зывсь Яковъ на Машку.

— Я?—зареготалася дивка, мовъ не знатъ яке чудне щось
мовывъ ій кавалеръ.

Л. Яновская.

(Окончанie слѣдуетъ).

Первые шаги по введенію Положеній 19 февраля 1861 года въ Черниговской губерніи.

(Къ 40-лѣтію со дня освобожденія крестьянъ).

(Окончаніе ¹).

IX.

Какъ по великороссійскому, такъ и по малороссійскому положенію, земля, назначенная „для обеспеченія быта крестьянъ и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщиками“ отводилась въ постоянное пользованіе каждого сельского общества ²). Послѣднее составляли, за небольшими исключеніями, строго опредѣленными въ законѣ, всѣ крестьяне, записанные за помѣщикомъ въ одномъ селеніи по послѣдней 10-й ревизіи ³).

¹) См. Киев. Ст., мартъ, апрѣль.

²) Великороссійское Положеніе ст. 5. Малороссійское Положеніе ст. 5.

³) Великор. Полож. ст. 6—8. Малор. Полож. ст. 6—7.

Размѣръ надѣла крестьянъ опредѣлялся не вездѣ одинаково, а по мѣстностямъ. Въ этомъ отношеніи полтавская губернія была раздѣлена на двѣ мѣстности, черниговская на три, харьковская на четыре ¹⁾). Въ каждой мѣстности полагалось два надѣла—вышпій и низшпій, въ предѣлахъ которыхъ и могло колебаться добровольное соглашеніе крестьянъ съ помѣщиками. Этимъ добровольнымъ соглашеніемъ преимущественно и долженъ былъ опредѣляться размѣръ надѣла ²⁾). Низшпій надѣль составлялъ половину вышпаго ³⁾.

Вышпій душевой надѣль полевой и усадебной земли для 1-ой мѣстности черниговской губ., заключавшей въ себѣ конотопскій уѣздъ, части борзенскаго и нѣжинскаго и часть уѣзда козелецкаго былъ опредѣленъ въ $2\frac{3}{4}$ дес.; для второй мѣстности—частіи уѣздовъ борзенскаго и нѣжинскаго, части козелецкаго уѣзда, уѣздовъ глуховскаго, кролевецкаго, городнянскаго, сосницкаго, новгородсѣверскаго, стародубскаго, черниговскаго и остерскаго—въ 4 десятины и, наконецъ, для уѣздовъ мглинскаго, суражскаго и новозыбковскаго—въ $4\frac{1}{2}$ десятины ⁴⁾). Если бы оказалось, что количество земли, находившееся въ пользованіи крестьянъ до введенія въ дѣйствіе Положеній, превышало вышпій размѣръ надѣла, то помѣщикъ имѣлъ право отобрать у крестьянъ излишekъ земли въ свое пользованіе ⁵⁾; но если-бы количество земли у крестьянъ было менѣе положенного для данной мѣстности низшаго надѣла, то, по великороссійскому положенію, помѣщикъ долженъ былъ или прирѣзать часть земли до нормы, или же, не прирѣзая ея, по добровольному соглашенію съ крестьянами, уменьшить соотвѣтственно платежи и повинности ⁶⁾; по

¹⁾ Великор. Полож. ст. 9—15. Малор. Полож. ст. 8—9.

²⁾ Великор. Полож. ст. 9. Малор. Полож. ст. 8.

³⁾ Великор. Полож. ст. 16. Малор. Полож. ст. 10.

⁴⁾ Приложение къ 9 ст. Мѣстнаго Полож. для губерній малороссійскихъ.

⁵⁾ Великор. Полож. ст. 18. Малор. Пол. ст. 12.

⁶⁾ Великор. Полож. ст. 19.

малороссийскому положению, онъ обязанъ бытъ прирѣзать землю во всякомъ случаѣ¹⁾). Прирѣзка это отмѣнялась, впрочемъ, если во владѣніи помѣщика оставалось не болѣе одной трети всѣхъ удобныхъ земель²⁾).

Земля, поступавшая во владѣніе общества, носила название мірской, въ Малороссіи—громадской земли³⁾). Право на пользованія ею имѣли только крестьяне, принадлежавшіе къ извѣстному обществу; разъ крестьянинъ выходилъ изъ общества, онъ терялъ право на пользованіе мірской землей⁴⁾).

По великороссийскому положенію, только усадебная земля находилась въ постоянномъ пользованіи семейства и переходила по наслѣдству, согласно обычному праву наследованія⁵⁾). Мірская же полевая земля оставалась въ общинномъ пользованіи крестьянъ и подвергалась передѣламъ⁶⁾). Впрочемъ, крестьянскому обществу не запрещалось перейти отъ общинного пользованія землей къ подворному, раздѣливъ разъ на всегда землю на участки между наличными домохозяевами, съ правами перехода этихъ участковъ по наслѣдству⁷⁾. Выморочные участки поступали въ такомъ случаѣ въ распоряженіе общества⁸⁾.

Нѣсколько иной порядокъ былъ въ Малороссіи. Здѣсь общинного пользованія, по положенію 1861 г., не существовало. Хотя мірская земля была предоставлена въ пользованіе цѣлаго общества, но она не передѣлялась. Каждое крестьянское семейство сохраняло въ своемъ потомственномъ владѣніи усадьбу, полевые, сѣнокосные и лѣсные участки, которыми оно

¹⁾ Малор. Полож. ст. 13.

²⁾ Великор. Полож. ст. 20, 22 Малор. Полож. ст. 13.

³⁾ Великорос. Полож. ст. 98. Малор. Полож. ст. 92.

⁴⁾ Великор. Полож. ст. 99. Малор. Полож. ст. 99.

⁵⁾ Великор. Полож. ст. 110.

⁶⁾ Тамъ-же ст. 113.

⁷⁾ Тамъ-же ст. 115.

⁸⁾ Тамъ-же ст. 117.

владѣло до изданія Положенія 1861 г.¹⁾. Участки эти переходили по наслѣдству²⁾. Мало того: домохозяинъ, какъ остающійся въ обществѣ, такъ и выходящій изъ него, имѣлъ право, при жизни своей, передать свой участокъ ближайшему наслѣднику³⁾ или лицу усыновленному изъ родственниковъ или постороннихъ⁴⁾, и только выморочные участки поступали въ распоряженіе общества⁵⁾. Впрочемъ, семейные участки не поглощали всей мірской земли. Часть ея, не входившая въ составъ семейныхъ участковъ, оставалась въ пользованіи общества, и на нее распространялись все правила пользованія мірской землей: она оставалась въ общемъ и нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ крестьянъ, распоряженіе его принадлежало сельскому обществу; крестьянинъ, выходившій изъ состава его, терялъ право на пользованіе этой мірскою землей⁶⁾.

Семейные участки не были безграницными. Для каждой мѣстности быть установленъ высшій размѣръ пѣшаго полеваго участка⁷⁾, — для первой мѣстности — въ 4 десятины, для второй — въ 6 дес. и для третьей — въ 7 десятинъ⁸⁾. Земля, превышавшая высшій размѣръ пѣшаго участка, считалась добавочнымъ участкомъ. Къ числу послѣднихъ принадлежали и крестьянская левады, находившіяся въ селеній⁹⁾.

Понятіе пѣшаго участка на первыхъ порахъ вызывало недоразумѣніе, и предводитель дворянства нѣжинскаго уѣзда обратился въ Черниговское Губернское Присутствіе съ просьбой разъяснить: „что значитъ выраженіе: пѣшій полевой участокъ,

¹⁾ Малорос. Полож. ст. 36 и слѣд.

²⁾ Малор. Полож. ст. 93 и слѣд.

³⁾ Малорос. Полож. ст. 94.

⁴⁾ Тамъ-же ст. 95.

⁵⁾ Тамъ-же ст. 97.

⁶⁾ Тамъ-же ст. 98—99.

⁷⁾ Тамъ же ст. 38 Пріложеніе къ ст. 9-й.

⁸⁾ Приложеніе къ ст. 9 Малорос. Положенія.

⁹⁾ Малорос. Полож. ст. 39.

и что разумѣть подъ словомъ дворъ, хозяйство, семейство?“ Словами Г. Ц. Галагана Присутствіе отвѣтило на этотъ вопросъ такимъ образомъ: „По силѣ статьи 36 мѣстнаго Положенія, оставляются въ пользованіи каждого крестьянскаго семейства всѣхъ родовъ угодія, въ томъ числѣ, въ какомъ каждое семейство ими пользовалось; слѣдовательно, пѣшимъ участкомъ считается, за исключеніемъ усадебъ, всякое количество земли, хотя бы самое малое и въ настоящее время въ пользованіи крестьянина находящееся, если оно не превышаетъ опредѣленнаго высшаго размѣра пѣшаго участка. Земля, превышающая эту опредѣленную высшую пропорцію, отчисляется по силѣ 39 ст., къ участку добавочному, предоставленному въ пользованіе крестьянъ совершено на особыхъ правилахъ. Для большаго уразумѣнія этихъ статей, можно привести примѣръ: для нѣжинскаго уѣзда высшій размѣръ пѣшаго участка есть 4 десятины; слѣдовательно, крестьянинъ, имѣющій $1\frac{1}{2}$ или 2 десятины полевой земли, имѣеть въ пользованіи пѣшій участокъ, а другой крестьянинъ, имѣющій $5\frac{1}{2}$ десятинъ полевой земли, пользуется пѣшимъ участкомъ высшаго размѣра и полутора десятинами добавочнаго. При отмѣнѣ тяглой барщины за добавочные участки, взыманіе повинности опредѣляется въ ст. 236 мѣстнаго Положенія.

Дворъ, хозяйство или семейство, по отношенію надѣла или повинности, есть отвѣтственная хозяйственная единица. Дворъ или хозяйство, заключающіе въ себѣ двѣ и болѣе избѣ, но своего семейства, находятся нераздѣльными въ отношеніи ихъ хозяйства и не должны быть раздѣлены и въ отношеніи повинности и надѣла. Так же точно и наоборотъ: два женатыхъ сына при отцѣ, хотя бы жили въ одной избѣ, но имѣя отдельные хозяйства, должны, по надѣлу и повинностямъ, считаться двумя отдельными дворами“¹⁾.

За пользованіе отведенною въ надѣль землею крестьяне обязаны были отбывать повинности, которыя раздѣлялись на

¹⁾) Журналъ Губернскаго Присутствія № 7, 13 апрѣля 1861 г.

денежная (оброкъ) и издѣльная (барщина) ¹⁾. Повинности эти разнились по мѣстностямъ. Въ губерніяхъ малороссійскихъ за усадьбу полагалась ежегодная плата по 5 р. 10 к. съ десятины; оброкъ въ черниговской губерніи платили—въ первой мѣстности 2 р. 50 к., во второй—1 р. 60 коп., въ третьей—1 р. 40 коп. съ десятины ²⁾. Издѣльная повинность (барщина) отбывалась только мужскимъ населеніемъ ³⁾. Этимъ малороссійскія губерніи отличались отъ великороссійскихъ, гдѣ къ отбыванію барщины привлекалось и женское населеніе ⁴⁾. Размѣръ издѣльной повинности въ черниговской губерніи опредѣлялись такъ: за десятину пѣшаго и добавочного полеваго участка въ первой мѣстности мужское населеніе должно было работать 21 день въ году; во второй мѣстности—14, въ третьей—12 дней ⁵⁾. Три пятыхъ рабочихъ дней крестьяне обязаны были отбывать лѣтомъ, а двѣ пятыхъ—зимой ⁶⁾.

Въ отношеніи обезпеченія исправнаго отбыванія повинностей крестьянами мы встрѣчаемъ существенную разницу между малороссійскимъ и великороссійскимъ положеніемъ, и можетъ быть это именно, на ряду съ величиной оброка и барщины, и побуждало малорусскихъ помѣщиковъ стремиться къ введенію въ своихъ имѣніяхъ великороссійского положенія.

Разница эта обусловливалаась преобладающими формами крестьянскаго землевладѣнія, введенными Положеніями 19 февраля, общинной—въ Великороссіи, и подворной—въ Малороссіи. При общинномъ землевладѣніи, гдѣ земля считалась собственностью не отдѣльныхъ лицъ, а всего общества, и ответственность за отбываніе съ земли платежей и повинностей въ пользу помѣщика и государства падала на все общество, кото-

¹⁾ Малорос. Полож. ст. 165.

²⁾ Тамъ-же ст. 177.

³⁾ Малорос. Положеніе ст. 195.

⁴⁾ Великорос. Полож. ст. 189 и др.

⁵⁾ Малорос. Полож. ст. 195.

⁶⁾ Тамъ-же ст. 197—198.

рое обязывалось при этомъ круговою порукой ¹⁾). Въ Малороссіи, при преобладаніи подворного землевладѣнія, „каждый домохозяинъ отвѣчалъ порознь за исправное отбываніе тѣхъ повинностей, въ пользу помѣщика установленныхъ, которая причитались съ состоящаго въ его пользованіи участка“ ²⁾). Отвѣтственность всего общества, обязанного круговой порукой, распространялась только на такъ наз. упразднившіеся участки, т. е. тѣ, отъ которыхъ крестьяне отказывались или которая оставались выморочными и поступали, такимъ образомъ, во владѣніе всего общества ³⁾.

Само собой разумѣется, что если смотрѣть съ точки зре-
нія выгоды помѣщика, то великороссійское положеніе съ его
обязательной круговой порукой казалось удобнѣе положенія
малороссійскаго. Послѣднее узаконяло владѣніе подворное и со-
здавало, такимъ образомъ, при недовѣріи помѣщика къ кресть-
янамъ и ихъ способностямъ вести самостоятельное хозяйство—
довольно невыгодную для помѣщика перспективу вѣчныхъ недо-
имокъ и необходимости, при ихъ взысканіи, имѣть дѣло съ каж-
дымъ отдѣльнымъ домохозяиномъ.

Да и сами „меры обезпеченія исправнаго отбыванія“ пла-
тежей и повинностей въ Великороссіи были суровѣй, казались
энергичнѣй, чѣмъ въ Малороссіи—что также въ нѣкоторой сте-
пени не могло не имѣть своей привлекательной стороны для
помѣщиковъ.

Въ случаѣ неисправнаго отбыванія платежей и повинностей
крестьянами сельское начальство въ Малороссіи, могло, по
требованію помѣщика, обратить доходъ съ недвижимаго иму-
щества недоимщика на пополненіе недоимки; отдать недоим-
щика или кого-нибудь изъ его семьи въ заработки въ сосѣдніе
или, при соблюденіи извѣстныхъ условій, даже въ отдаленные
селенія, причемъ отдача крестьянина въ заработки своему по-

¹⁾ Велик. Полож. ст. 245.

²⁾ Малор. Полож. ст. 240.

³⁾ Малор. Полож. ст. 241.

мѣщику, противъ воли крестьянъ и согласія помѣщиковъ, не допускалась. Затѣмъ сельское общество могло опредѣлить недоимщику опекуна; въ самыхъ же крайнихъ случаяхъ продать на пополненіе недоимки часть недвижимости и часть движимаго имущества, принадлежавшаго крестьянину¹⁾). Если всѣ эти мѣры были исчерпаны, то помѣщку предоставлялось право, съ подлежащаго на то разрѣшенія, отобрать у недоимщика его участокъ, передать его другимъ крестьянамъ, а если желающихъ принять участокъ не находилось, то оставить его и въ своемъ пользованіи²⁾.

Великороссійское положеніе повторяло въ общемъ тѣ-же мѣры обезпеченія правильнаго отбыванія платежей и повинностей, которыхъ мы находимъ и въ малороссійскомъ положеніи, значительно расширяло только вліяніе при этомъ помѣщика, по требованію котораго мировой посредникъ долженъ быть съ своей стороны, помимо общества, принять цѣлый рядъ указанныхъ въ Положеніи мѣръ для взысканія съ крестьянъ недоимокъ³⁾). Прибавимъ къ этому, что изъ великор. положенія совершенно была исключена статья, запрещавшая отдавать крестьянъ въ заработки помѣщiku, должниками котораго оно состояли.

Х.

Повинности крестьянъ въ пользу помѣщиковъ раздѣлялись на денежную—оброкъ, и затѣмъ издѣльную—барщину.

Денежная повинность не вызывала особыхъ недоразумѣній. Она была точно опредѣлена въ законѣ, который установлялъ различіе ея по мѣстностямъ. Какъ уже сказано было выше, черниговская губернія дѣлилась въ этомъ отношеніи на три мѣст-

¹⁾ Малор. Полож. ст. 253.

²⁾ Тамъ-же стр. 254—258.

³⁾ Великор. Полож. ст. 261—263.

ности. Въ законѣ эти мѣстности были точно указаны ¹⁾, за исключеніемъ борзенскаго, нѣжинскаго и козелецкаго уѣздовъ, гдѣ „точное разграничение первой и второй мѣстности черниговской губерніи возлагалось на Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе, которое обязано было немедленно же сообщить о сдѣланномъ имъ разграниченіи министерству внутреннихъ дѣлъ“ ²⁾.

Уже въ первомъ засѣданіи Присутствія 16 марта 1861 г. А. И. Лизогубъ возбудилъ вопросъ о необходимости собрать иѣкоторые положительныя данныя для проведения черты, которая раздѣлила бы названные выше три уѣзда на двѣ мѣстности. Въ то время предстояли уѣздныя дворянскія собранія, и Присутствіе постановило, поэому, обратиться къ уѣзднымъ предводителямъ дворянства, чтобы они „о заключеніяхъ, которыя имъ можно будетъ вывести изъ частныхъ мнѣній означенныхъ собравшій, сообщили начальнику губерніи, для руководства при соображеніяхъ объ этомъ предметѣ въ Губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіи“ ³⁾.

Въ засѣданіи Присутствія 11 мая были прочитаны представленія предводителей о проведеніи черты ⁴⁾, при чемъ предводитель козелецкаго уѣзда представилъ въ подлинникѣ постановленіе дворянскаго собранія по этому поводу, предводители же нѣжинскій и борзенскій сообщили только описание разграничительной черты, намѣченной дворянскимъ собраніемъ ⁵⁾. Обстоятельный докладъ по этому поводу сдѣжалъ въ засѣданіи 14 мая Г. П. Галаганъ, который подвергъ основательной критикѣ всѣ предположенія уѣздныхъ дворянскихъ собраній. Губернское Присутствіе вполнѣ согласилось съ проектомъ раз-

¹⁾ Приложеніе къ 9-й ст. Малорос. Положенія.

²⁾ Малорос. Полож. ст. 9.

³⁾ Журналъ Губернского по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія № 1, 16 марта 1861 г.

⁴⁾ Журналъ № 9, 11 мая.

⁵⁾ Журналъ № 14, 14 мая.

дѣленія на мѣстности, предложенными Галаганомъ для уѣздовъ козелецкаго и нѣжинскаго. Что же касается уѣзда борзенскаго, то вслѣдствіе заявлений борзенскаго помѣщика В. О. Подвысоцкаго, проведеніе черты чрезъ этотъ уѣздъ было возложено на мировой съездъ, который для этой цѣли созывался изъ мировыхъ посредниковъ борзенскаго и нѣжинскаго уѣздовъ, съ участіемъ въ немъ одного члена отъ правительства. Въ козелецкомъ уѣздѣ рѣшено было Присутствіемъ строго придерживаться черты, назначеннай въ Положеніи, причемъ село Мостище отнесли ко 2-й мѣстности, потому что большая часть полей его находилась во 2-й мѣстности. Въ нѣжинскомъ уѣздѣ разграничительная черта шла отъ границы козелецкаго уѣзда по р. Остру до впаденія въ нее р. Смолянки, потомъ вверхъ по этой рѣчкѣ до границъ дачъ нѣжинской и веркіевской; далѣе, оставляя село Малую Кошелевку въ 1-й мѣстности, черта шла къ хутору Комашинскому и границѣ борзенскаго уѣзда¹⁾. Въ засѣданіи 18 августа было заслушано постановленіе борзенскаго мироваго съзыва относительно проведенія чертъ въ этомъ уѣздѣ, и тогда же всѣ постановленія Присутствія въ этомъ отношеніи были представлены въ министерство²⁾.

Вмѣстѣ съ этимъ было представлено ходатайство Присутствія о введеніи въ черниговской губерніи четвертой мѣстности, которая была бы среднею между первою и второю, оброкъ въ которыхъ разнился на 99 коп., между 2 р. 50 коп. для первой и 1 р. 60 коп.—для второй мѣстности. Вопросъ о введеніи четвертой четвертой мѣстности былъ возбужденъ козелецкимъ дворянствомъ и поддержанъ въ Присутствіи П. А. Васильчиковымъ, согласно докладу котораго оброкъ для четвертой полосы устанавливался въ 2 р., высшій же надѣлъ въ $3\frac{1}{4}$ дес. на душу. Въ четвертую мѣстность должны были входить сѣверные части уѣзовъ нѣжинскаго, борзенскаго и козелецкаго и южная часть остерскаго уѣзда по лѣвую сторону р. Десны³⁾.

¹⁾ Журналъ № 14, 14 мая.

²⁾ Журналъ № 36, 18 августа.

³⁾ Журналъ № 30, 2 августа 1861 г.

Больше затрудненій представляла собой извѣльная повинность, или барщина. Она опредѣлялась рабочими днями съ пѣшаго семейшаго участка ¹⁾ и разнилась также по мѣстностямъ. Въ первой мѣстности черниговской губерніи за десятину пѣшаго и добавочнаго участка полагался 21 день, во второй—14, въ третьей—12 ²⁾). Дни эти раздѣлялись на лѣтніе и зимніе, причемъ $\frac{3}{5}$ этихъ дней должно было приходиться на лѣтнее полугодіе, а $\frac{2}{5}$ —на зимнее. Ближайшее опредѣленіе сроковъ лѣтняго и зимнаго полугодій возлагалось на Губернское Присутствіе ³⁾. На Губернское Присутствіе возлагалось также и составленіе урочнаго положенія ⁴⁾).

Подъ именемъ урочнаго положенія разумѣлись правила, которыя вырабатывались Губернскимъ Присутствіемъ и опредѣляли количество работы, которое въ теченіе дня должно было быть исполнено, въ счетъ повинности, работникомъ ⁵⁾.

Урочное положеніе утверждалось губернаторомъ и вводилось въ губерніи, въ виды опыта, на три года, примѣнялось оно не обязательно, но только тогда, когда этого требовали помѣщикъ или крестьяне ⁶⁾.

Въ урочное положеніе вносились только такія работы, которыя, по своему свойству, могли быть точно опредѣлены и требовали почти всегда одного и того же труда, какъ напр. роскидка вывезенного въ поле навоза, посѣвъ и уборка хлѣбовъ, уборка сѣна, табаку, молотьба хлѣба, стрижка овецъ и др. Количество работы, принимаемой за отдельный урокъ, опредѣлялось на основаніи существующаго въ мѣстномъ хозяйства обычая ⁷⁾.

¹⁾ Малор. Полож. ст. 193.

²⁾ Тамъ-же ст. 195.

³⁾ Тамъ-же ст. 197, 198.

⁴⁾ Тамъ-же ст. 212.

⁵⁾ Тамъ-же ст. 212.

⁶⁾ Малор. Полож. ст. 213.

⁷⁾ Приложеніе къ 212 ст. Малор. Полож.

Всі роботи, не поименованнія въ урочномъ положенії, производились безъ уроковъ, при чмъ рабочій день, безъ отдыха, полагался лѣтомъ въ 12 ч., зимой въ 9 часовъ ¹⁾). Если бы помѣщикъ удержалъ крестьянина на работѣ лишній день противъ положеннаго, то онъ долженъ былъ заплатить крестьянину двойную стоимость рабочаго дня, причемъ оцѣнка рабочихъ дніей возлагалась также на Губернское Присутствіе ²⁾).

Губернскому Присутствію предстояло такимъ образомъ, опредѣлить въ ближайшемъ будущемъ лѣтнее и зимнее полугодія, выработать урочное положеніе и произвести оцѣнку рабочаго дня въ разныхъ мѣстностяхъ черниговской губерніи.

Вопросы эти были подняты уже въ третьемъ засѣданіи Присутствія, 27 марта. Составленіе урочныхъ положеній было отложено до тѣхъ поръ, пока Присутствіе будетъ въполномъ составѣ, и съѣдутся все члены. Чтобы облегчить и ускорить оцѣнку зимнихъ и лѣтнихъ дней было решено немедленно же обратиться за указаніями къ уѣзднымъ предводителямъ дворянства и просить ихъ доставить свои соображенія, между прочимъ, и о томъ, „съ какихъ дней въ году можно въ каждомъ уѣзде считать начало лѣтнаго полугодія?“ ³⁾). Оцѣнку рабочихъ дній предположено было включить въ урочное положеніе ⁴⁾.

Къ 24 мая въ Присутствіе поступили отзывы всѣхъ уже предводителей дворянства по этимъ вопросамъ. Разработку и составленіе по нимъ доклада взялъ на себя П. А. Васильчиковъ ⁵⁾.

Въ засѣданіи 13 іюня составленіе проекта урочного положенія было поручено П. А. Васильчикову, И. Г. Есимонтовскому и А. И. Лизогубу ⁶⁾). Вероятно, при составленіи этой комиссіи имѣлось въ виду, что первый былъ хорошо знакомъ съ южными уѣздами черниговской губ., И. Г. Есимонтовскій—съ сѣверными, а А. И. Лизогубъ—съ средними.

¹⁾ Малор. Полож. 214—215.

²⁾ Тамъ-же ст. 218.

³⁾ Журналъ № 3, 27 марта 1861 г.

⁴⁾ Тамъ-же № 4, 31 марта.

⁵⁾ Тамъ-же № 14, 24 мая.

⁶⁾ Тамъ-же № 22, 13 іюня.

15 іюля П. А. Васильчиковъ прочелъ уже въ Присутствіи составленные имъ доклады объ оцѣнкѣ рабочихъ дней, о срокѣ лѣтняго полугодія для крестьянскихъ работъ и объ урочномъ положенії ¹⁾). 19 іюля, въ присутствіи архіепископа черниговскаго Филарета, былъ составленъ списокъ праздничныхъ дней, въ которыхъ крестьяне не могли быть требуемы на работы ²⁾), а въ засѣданіи 2 августа обсуждались подробно доклады П. А. Васильчикова о срокахъ лѣтняго полугодія и объ оцѣнкѣ рабочаго дня въ черниговской губерніи ³⁾.

Согласно циркуляру министерства внутреннихъ дѣлъ, подъ именемъ полугодія разумѣлось не время, въ которое производились полевые работы, а въ буквальномъ смыслѣ 6 мѣсяцевъ: лѣтнее и зимнее полугодія были, такимъ образомъ, равны.

Установить однообразный срокъ начала полугодій для всей черниговской губерніи, по мнѣнію П. А. Васильчикова, было невозможно. Этому мѣшала обширность губерніи и ея значительное протяженіе съ сѣвера на югъ, въ слѣдствіе чего въ южныхъ уѣздахъ полевые работы начинаются раньше, нежели въ сѣверныхъ. Въ отзывахъ предводителей дворянства также не было единства въ отношеніи начала лѣтняго полугодія, предлагались самые разнообразные сроки, колебавшіеся между 25 марта и 1 мая; особенно много разнообразныхъ сроковъ предлагалось предводителями среднихъ уѣздовъ черниговской губерніи.

П. А. Васильчиковъ предложилъ, и Губернское Присутствіе съ нимъ согласилось установить 4 срока начала лѣтняго полугодія: 1-е апрѣля для уѣздовъ конотопскаго, борзенскаго, нѣжинскаго, козелецкаго и остерскаго; 10-е апрѣля—для уѣздовъ: черниговскаго, городницкаго, сосницкаго, кролевецкаго, глуховскаго и новгородсѣверскаго; 15 апрѣля—для новозыбковскаго и стародубскаго; 13 апрѣля—для мглинскаго и сурожскаго ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ-же № 24, 15 іюля.

²⁾ Тамъ-же № 25, 19 іюля.

³⁾ Тамъ-же № 30, 2 августа.

⁴⁾ Тамъ-же № 30, 2 августа.

Трудяще было произвести оцѣнку рабочаго дня.

Предводители дворянства сообщили Присутствію самыя гадательныя свѣдѣнія, какъ и они сами откровенно въ этомъ признались. Ихъ оцѣнка рабочаго дня, по замѣчанію П. А. Васильчикова, была ниже дѣйствительности. Большинство предводителей оцѣнивало лѣтній пѣшій мужской рабочій день въ 25 коп.

Оцѣнку рабочаго дня, произведенную предводителями дворянства отдѣльныхъ уѣздовъ, можно видѣть изъ слѣдующей таблички.

№ по порядку.	Уѣзди.	Лѣтніе дни.			Зимніе дни.			Продовольствие.
		Конный рабочій.	Пѣшій мужчина.	Женщина.	Конный рабочій.	Пѣшій мужчина.	Женщина.	
		коп.	коп.	коп.	коп.	коп.	коп.	
1	Стародубскій . . .	35—55 40 съвокосъ	20—25	— ¹⁾	—	10—12	—	—
2	Новозыбковскій . . .	—	30—40	15—25	—	15—20	10—12	Собств.
3	Суражскій	25—35	20—30	10—15	20—30	15—20	6—10	—
4	Мглинскій	50—60	25—40	15—20	30—40	15—20	12—15	Собств.
5	Городницкій	—	25—75 ²⁾	—	—	15—50	—	—
6	Сосницкій	—	20—25	—	—	15—18	—	—
7	Новгородсѣверскій . . .	—	20—30 40 съвокосъ	—	—	17—25	—	—
8	Глуховскій	—	20—25	—	—	15—20	—	Собств.
9	Кролевецкій	—	20—25	—	—	15—20	—	—
10	Черниговскій ³⁾ . . .	—	25	—	—	12 ^{1/2}	—	Собств.
11	Ковелецкій	—	20—25	—	—	10—15	—	Собств.
12	Остерскій ⁴⁾	—	15—25	—	—	15—20	—	—
13	Нѣжинскій	—	20—30	—	—	12—17	—	—
14	Борзенскій	—	25—30	—	—	10—15	—	—
15	Конотопскій ⁵⁾ . . .	—	25	—	—	15	—	—

¹⁾ См. стр. 317.

„Правильной наемной цѣны, говорилъ въ своемъ докладѣ П. А. Васильчиковъ, при повсемѣстномъ господствѣ издѣльной повинности, не могло сложиться въ черниговской губерніи. Наемка рабочихъ была скорѣе случайностью, чѣмъ постояннымъ явленіемъ, получившимъ у насъ право гражданства. Конечно, могли быть отдельные мѣстности, въ которыхъ при большомъ развитіи

¹⁾ Таре, стоящее въ отдельныхъ графахъ, означаетъ, что свѣдѣній предводителями дворянства не сообщено.

²⁾ Такую, повидимому, высокую оцѣнку рабочаго дня предводитель дворянства объяснялъ «общимъ распространеніемъ между крестьянами обычая издѣльного арендованія земли (вла, вѣрище, издѣльной уборки полей и сѣнокосовъ), которое они вообще предпочитаютъ наемкѣ за деньги, промышленнымъ значеніемъ части городницкаго уѣзда, выгодными заработками, конъ сосѣдство Днѣпра доставляетъ судорабочимъ и, наконецъ, настоящимъ уменьшеніемъ крестьянской повинности, влекущимъ за собою повышение заработной платы».

³⁾ 7 іюля черніговскій предводитель дворянства прислалъ новое отношеніе, въ которомъ указывалъ, что цифры 25 коп. для лѣтнаго и $12\frac{1}{2}$ коп. для зимнаго полугодія показаны имъ гадательно. «Теперь же, когда владѣльцы поставлены въ необходимость прибѣгнуть къ найму рабочихъ, вслѣдствіе недостаточности и неудовлетворительности крестьянской повинности, цифры заработка платы оказались гораздо выше предполагаемой, а именно: въ лѣтній періодъ: съ 10 апрѣля по 1 іюля—45 коп., съ 1 іюля по 1 августа—50 коп., съ 1 августа по 10 октября—40 коп., а въ зимній періодъ работы—30 коп.».

⁴⁾ Остерскій предводитель дворянства показалъ собственно такую оцѣнку рабочаго дня: косарю—25 к., жнецу—20—25 коп., гребцу—15 коп., молотилку—15—20 коп., городильнику 15 коп.. При распределеніи оцѣнки по полугодіямъ мы взяли крайнія цифры платы (15—25 к.) для лѣтнаго полугодія, плату-же молотильщику отнесли къ зимнему полугодію.

⁵⁾ Кромѣ лѣтнихъ и зимнихъ дней конотопскій предводитель оцѣнивалъ весенніе и осеннеіе дни въ 20 копѣекъ.

промышленности заводской, случаи наемки могли встречаться чаще, чѣмъ въ другихъ, и гдѣ, поэтому, можно, основываясь на большинствѣ фактовъ, опредѣлить и приблизительную среднюю стоимость рабочаго дня; но и тутъ стоимость опредѣляется, сколько мяѣ известно, или большимъ или меньшимъ малоземельемъ сосѣднихъ селеній козаковъ или государственныхъ крестьянъ, вслѣдствіе чего въ селеніяхъ, весьма близко отстоящихъ другъ отъ друга, уровень наемной цѣнны можетъ быть далеко неодинаковый; или сосѣдствомъ съ болѣе развитымъ въ промышленномъ отношеніи великокорсскійскимъ народонаселеніемъ. Между тѣмъ при настоящей реформѣ, опредѣленіе наемнаго труда должно необходимо подвергнуться вліянію совершенно новыхъ условій, которыя должны необходимо вести въ результатѣ къ совершенному измѣненію существовавшихъ доселѣ наемныхъ цѣнъ. Вліяніе это уже и теперь проявляется въ замѣтномъ повышеніи цѣнны¹⁾ на наемную работу, обусловливаемымъ стремленіемъ помѣщиковъ замѣнить наймомъ ту часть повинности которой они лишились, или которая неохотно и нерадиво исполняется крестьянами. Конечно, со временемъ, особенно при переходѣ крестьянъ на оброкъ, требованіе наемной платы помѣщиками будетъ, вѣроятно, встрѣчено предложеніемъ оной крестьянами; тогда водворится повсемѣстно вольнонаемный трудъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сложится опредѣленная нормальная цѣна рабочему дню; нужно также предполагать, что цѣна эта будетъ уменьренная, и что во всякомъ случаѣ она болѣе чѣмъ окупится пре-восходствомъ вольнонаемной работы предъ повинностной. Такого результата нельзя не желать, но едва-ли можно надѣяться, что мы скоро его достигнемъ, при непривыкѣ крестьянъ нашихъ къ производительному употребленію своего времени, они едва-ли въ первые дни употребятъ съ пользой для себя то количество времени, которое остается у нихъ теперь свободнымъ, между тѣмъ

¹⁾ Такъ въ настоящее время (1861 г.) въ южной части козелецкаго уѣзда поденная плата косарю обходится вмѣстѣ съ продовольствиемъ до 40 и болѣе коп. сер.

запросъ на рабочихъ со стороны помѣщиковъ и теперь (1861 г.), уже значительный, вѣроятно, послѣ введенія уставныхъ грамотъ еще болѣе увеличится. И то и другое явленіе, т. е. нерасположеніе крестьянъ итти въ заработки и требованіе на рабочихъ со стороны помѣщиковъ, объясняются весьма легко: помѣщики, вслѣдствіе новаго положенія, лишась, по крайней мѣрѣ, половины своихъ рабочихъ средствъ, должны естественно прибѣгать къ вольному найму для поддержки своихъ хозяйствъ; хозяйственныя же условія быта крестьянъ остаются неизмѣнными; они продолжаютъ и будутъ продолжать пользоваться тѣми-же источниками сравнительнаго благосостоянія, какъ и прежде, и потому потребность итти въ заработки можетъ развиться въ нихъ только тогда, когда ихъ побудить къ этому или нужда (вслѣдствіе напр., неурожая) или когда возвысится общій уровень ихъ жизненныхъ потребностей. Изъ этого слѣдуетъ, что если и было возможно до сихъ поръ опредѣлить, съ приблизительною точностью, установившуюся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оцѣнку рабочаго дня, то эта оцѣнка ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принята какъ указаніе для будущаго, въ которомъ цѣна рабочаго дня должна будетъ опредѣлиться совершенно новыми условіями, и непремѣнно въ теченіе первыхъ лѣтъ значительно возвыситься“.

Разсматривая свѣдѣнія объ оцѣнкѣ рабочаго дня, доставленныя уѣздными предводителями дворянства, П. А. Васильчиковъ находилъ эту оцѣнку значительно ниже дѣйствительности. „Очень можетъ быть, говоритъ онъ въ своемъ докладѣ, что многимъ помѣщикамъ южныхъ уѣздовъ удавалось нанять рабочихъ въ лѣтнее время за 25 и даже за 20 коп. серебромъ, но едва ли можно при оцѣнкѣ рабочаго дня основываться единственно на такихъ примѣрахъ денежнаго найма“. Для своихъ соображеній П. А. Васильчиковъ принялъ во вниманіе дневной заработокъ крестьянина, если онъ берется жать съ извѣстнаго снопа. Послѣднее было очень распространено въ южныхъ уѣздахъ черниговской губерніи. Оказалось, что заработка крестьянина въ этомъ случаѣ значительно выше указанного предводителями дворянства

П. А. Васильчиковъ предложилъ установить для черниговской губерніи нѣсколько видовъ оцѣнки рабочаго дня.

Въ первую группу вошли уѣзды: остерскій, козелецкій, нѣжинскій, борзенскій и конотопскій.

Для лѣтнихъ періодовъ здѣсь была установлена такая оцѣнка рабочаго дня:

съ 1-го апрѣля по 15 іюля. . . .	25	коп.
„ 15 іюня по 1 іюля. . . .	40	„
„ 1 іюля по 15 августа. . . .	60	„
„ 15 августа по 1 октября. . . .	30	„

Для зимняго полугодія съ 1 октября по 1 апрѣля—17 коп.

Во вторую группу вошли уѣзды глуховской, кролевецкій, новгородсїверскій, сосницкій, черниговскій и городницкій.

Для нихъ лѣтнєе полугодіе было оцѣнено такимъ образомъ:

съ 10 апрѣля по 29 іюня. . . .	25	коп.
„ 29 іюня по 10 іюля. . . .	40	„
„ 10 іюля по 25 августа. . . .	50	„
„ 25 августа по 10 октября. . . .	30	„

Въ зимнее полугодіе съ 10 октября по 10 апрѣля рабочій день оцѣнивался въ 20 коп.

Для уѣзовъ стародубскаго и новозыбковскаго—въ лѣтній періодъ.

съ 15 апрѣля по 29 іюля. . . .	30	коп.
„ 29 іюня по 15 іюля. . . .	40	„
„ 15 іюля по 25 августа. . . .	50	„
„ 25 августа по 15 октября. . . .	35	„

Въ зимнее полугодіе съ 15 октября по 15 апрѣля—20 коп.

Наконецъ, въ лѣтній періодъ для уѣзовъ суражскаго и мглинскаго рабочій день оцѣнивался:

съ 23 апрѣля по 29 іюня. . . .	30	коп.
„ 29 іюня по 20 іюля. . . .	40	„
„ 20 іюля по 25 августа. . . .	50	„
„ 25 августа по 23 октября. . . .	35	„

Въ зимнее полугодіе съ 23 октября по 23 апрѣля—20 коп.

Губернское Присутствіе цѣликомъ приняло оцѣнку рабочаго дня предложенную П. А. Васильчиковыи, хотя она значительно превышала оцѣнку произведенную уѣздными предводителями дворянства.¹⁾

Оцѣнку эту рѣшили внести въ урочное положеніе.

Къ сожалѣнію, къ журналамъ Губернского Присутствія не приложено урочное положеніе. Изъ журналовъ мы знаемъ только, что 4 августа въ Губернскомъ Присутствіи читанъ былъ проектъ урочнаго положенія, предпочтительно для южныхъ уѣзовъ (остерскаго, козелецкаго, нѣжинскаго, борзенскаго, и конотопскаго), составленный П. А. Васильчиковыи²⁾. Присутствіе постановило, въ виду важности предмета, проектъ этотъ подвергнуть обсужденію въ слѣдующемъ засѣданіи.³⁾

8 августа былъ читанъ проектъ урочнаго положенія, должно быть, уже въ цѣломъ видѣ, такъ какъ въ журналахъ говорится, что онъ составленъ П. А. Васильчиковыи, А. И. Лизогубомъ и И. Г. Есимонтовскимъ. Проектъ рѣшили отпечатать, раздать членамъ и обсудить въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій.³⁾ 16 августа былъ прочитанъ проектъ урочнаго положеніе для тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ вводилось великороссійское положеніе. Рѣшено обсудить его вторично въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій.⁴⁾ 29 августа, наконецъ, проектъ, былъ утвержденъ,⁵⁾ отпечатанъ и разосланъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства, мировымъ посредникамъ, земскимъ полиціямъ и волостямъ правленіямъ.⁶⁾

¹⁾ Журналъ № 30, 2 августа. 1861 г.

²⁾ Журналъ № 31, 4 августа.

³⁾ Тамъ-же 32; 8 августа

⁴⁾ Тамъ-же № 35, 16 августа.

⁵⁾ Журналъ № 39, 29 августа.

⁶⁾ Тамъ-же № 41, 8 августа.

XI.

До сихъ поръ рѣчъ шла объ имѣніяхъ великопомѣстныхъ. Владѣльцы же тѣхъ имѣній за которыми по 10 ревизіи числилось менѣе 21 души мужескаго пола, и которые при этомъ или вовсе не имѣли въ своемъ владѣніи удобной земли или имѣли ее менѣе опредѣленнаго количества,¹⁾ назывались мелкопомѣстными.²⁾ Для ихъ имѣній были изданы особыя „Дополнительныя правила“, которыя нѣсколько видоизмѣняли Положеніе, изданное вообще для крестьянъ различныхъ мѣстностей. Такъ, напр., крестьяне, не надѣленные землей до изданія Положенія 1861 г., не получали надѣла³⁾; помѣщики не обязаны были увеличивать крестьянскаго надѣла;⁴⁾ отмѣнялась вовсе круговая порука для мелкопомѣстныхъ владѣній;⁵⁾ крестьянамъ, не надѣленнымъ землею, разрѣшалось переселяться на казенные земли, при чемъ имъ давался цѣлый рядъ льготъ⁶⁾; по желанію помѣщика, при соблюденіи имъ извѣстныхъ условій, крестьяне, жившіе на его землѣ, могли быть обращены въ государственные поселяне⁷⁾; въ извѣстныхъ случаяхъ помѣщикамъ, которые были признаны особо нуждающимися, выдавалось денежное пособіе отъ казны.⁸⁾

¹⁾ «Въ губерніяхъ малороссійскихъ менѣе количества, равняющагося 60 душевымъ надѣламъ высшаго размѣра, для каждой мѣстности установленнаго». (Дополнят. правила объ устройствѣ въ мелкопомѣніяхъ, ст. 1-я).

²⁾ Дополнительныя правила объ устройствѣ крестьянъ, подврренныхъ въ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, и о пособіяхъ имъ владѣльцамъ, ст. 1.

³⁾ Тамъ-же ст. 3.

⁴⁾ Тамъ-же ст. 4.

⁵⁾ Тамъ-же ст. 7.

⁶⁾ Тамъ-же ст. 8.

⁷⁾ Тамъ-же ст. 10.

⁸⁾ Тамъ-же ст. 13 и слѣд.

При решении всѣхъ этихъ вопросовъ, въ особенности же при опредѣлении льготъ и денежныхъ пособій, Губернскому Присутствію была предоставлена широкая свобода и, поэтому, дѣла обѣ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ занимаютъ видное мѣсто въ дѣятельности Черниговскаго Губернскаго Присутствія за первое время.

Въ маѣ 1861 г. помѣщица вѣжинскаго уѣзда Анна Мехедина обратилась въ Присутствіе съ прошеніемъ о признаніи ея имѣнія мелкопомѣстнымъ. Случай этотъ интересенъ для характеристики домогательства помѣщиковъ, съ которыми приходилось имѣть дѣло Губернскому Присутствію. У Мехединой было въ нѣжинскомъ уѣздѣ 112 десятинъ земли, при которой по 10 ревизіи значилось 26 дворовыхъ и 24 крестьянина. Изъ этихъ 24 душъ двѣ души „изъ вниманія къ малоземелью“ были переписаны казенной палатой въ чужое владѣніе; осталось, такимъ образомъ, 22 души. Если бы этого количества душъ оказалось много для того, чтобы признать имѣніе малоземельнымъ, то г-жа Мехедина выражала желаніе „четырехъ душъ крестьянъ, ею самою поименованныхъ, обратить въ государственные поселянѣ“.

Присутствіе, конечно, отказало Мехединой въ ея домогательствѣ, на томъ основаніи, что „ея имѣніе, по числу душъ, ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть сочтено мелкопомѣстнымъ; уменьшать же число душъ обращеніемъ нѣкоторыхъ крестьянъ въ государственные поселянѣ просительница не властна такъ какъ вмѣстѣ съ отмѣною крѣпостного права, отмѣнено также право, чомѣщикамъ принадлежащее, располагать личностями крестьянъ¹⁾.

Помѣщица глуховскаго уѣзда Е. М. Косенкова изъявила желаніе передать семь душъ принадлежавшихъ ей крестьянъ въ вѣдомство министерства государств. имуществъ, съ цѣлью получить за это опредѣленное вознагражденіе. Губернское Присутствіе нашло, что она имѣеть на это всѣ права, но затруд-

¹⁾ Журналъ № 14, 24 мая.

нилось исполнить просьбу г-жи Косенковой, такъ какъ не былъ указанъ порядокъ, какимъ образомъ бывшіе крѣпостные могли переходить въ казенное вѣдомство. Присутствіе рѣшило обратиться предварительно въ министерство за соотвѣтствующими указа-
ніями¹⁾). Министерство нашло, что на Губернскомъ Присутствіи лежитъ „разсмотрѣніе ходатайствъ о приемѣ въ казну мелко-
помѣстныхъ имѣній, повѣрка свѣдѣній о количествѣ земли и
числѣ душъ въ таковыхъ имѣніяхъ и составленіе расчета о
размѣрѣ слѣдуемаго владѣльцамъ вознагражденія“. Дальнѣйшее же направленіе дѣла должно было зависѣть отъ министерства²⁾.

Мелкопомѣстныхъ имѣній въ черниговской губерніи было очень много, и они доставляли не мало дѣла Губернскому Присутствію, особенно въ виду тѣхъ недомолвокъ, которыя на каж-
домъ шагу, какъ мы говорили выше, попадались въ Положеніи 19 февраля. Губернское Присутствіе прежде всего занялось со-
браніемъ свѣдѣній о числѣ мелкопомѣстныхъ имѣній³⁾ и запро-
сило объ этомъ предводителей дворянства⁴⁾, занялось затѣмъ со-
ставленіемъ особаго образца уставныхъ грамотъ для этихъ имѣній⁵⁾; ему приходилось также рѣшать цѣлый рядъ чисто практическихъ вопросовъ, возникавшихъ при примѣненіи Положенія въ различ-
ныхъ мѣстностяхъ черниговской губерніи. Нѣкоторые изъ подоб-
ныхъ практическихъ вопросовъ мы видѣли выше. Особенно часто возникали они на почвѣ признанія отдѣльныхъ имѣній мелко-
помѣстными.

Положеніе мелкопомѣстныхъ имѣній было дѣйствительно очень незавиднымъ, разъ приходилось крестьянѣ надѣлять зем-
лею, и помѣщики всѣми силами стремились воспользоваться тѣми льготами, которыя сулило имъ Положеніе 19 февраля. Для при-
знанія имѣнія мелкопомѣстнымъ требовалось, помимо всякихъ

¹⁾ Журналъ, № 13, 22 мая.

²⁾ Журналы № 23, 13 іюля.

³⁾ Тамъ же № 1, 16 марта.

⁴⁾ Тамъ же № 5 и 6, 11 и 12 апрѣля.

⁵⁾ Тамъ же № 7, 13 апрѣля.

другихъ условій, и то, чтобы въ имѣніи было не болѣе 21 души крестьянъ, а тутъ случалось, что было 22, 23, 24 крестьянина. Владѣльцы подобныхъ имѣній обращались въ Губернское Присутствіе и употребляли всѣ ухищренія, чтобы побудить его признать ихъ имѣнія мелкопомѣстными. Присутствіе первоначально рѣшительно отклоняло подобный ходатайства, но затѣмъ, пользуясь разъясненіемъ министерства по дѣлу Косенковой, о которомъ мы говорили выше, разъясненіемъ, предоставившимъ Губернскому Присутствію значительную свободу дѣйствій, стало принимать ходатайства, рассматривать ихъ и нѣкоторыя даже изрѣдка удовлетворять. Вдова войскового товарища П. М. Малахова ходатайствовала о причисленіи имѣнія ея, состоящаго изъ 24 душъ, къ числу мелкопомѣстныхъ. П. М. Малахова заявила, что 4 души крестьянъ принадлежать собственно не ей, а ея сыну, доказывала, что она имѣть въ виду не собственные выгоды, такъ какъ не просить у казны вознагражденія, а интересъ собственно крестьянъ, которые получать больше выгодъ, если имѣніе ея будетъ причислено къ разряду мелкопомѣстныхъ. Присутствіе попросило заключенія мирового посредника по поводу просьбы П. М. Малаховой¹⁾.

Ходатайствовала о признаніи своего имѣнія мелкопомѣстнымъ и помѣщика новгородсѣверскаго уѣзда Е. П. Сидоренко на томъ основаніи, что дворовые люди, безъ которыхъ по ревизіи числилось бы за нею менѣе 21 души, отпущены ею на волю до обнародованія Положенія 1861 г. Присутствіе отказалось Е. П. Сидоренко въ ея просьбѣ, такъ какъ, по Положенію, мелкопомѣстнымъ признавался тотъ, за кѣмъ по 10 ревизіи числилось менѣе 21 души, при чёмъ дворовые изъ числа ихъ не исключались²⁾.

Изъ того же источника исходило и ходатайство дворянки глуховскаго уѣзда г.-жи Нарбутъ.

¹⁾ Журналъ № 31, 4 августа 1861 г.

²⁾ Тамъ-же, № 31, 4 августа 1861 г.

По 10 ревизії, за отсутствіемъ сыновей изъ дому, г-жа Нарбутъ, по ея словамъ, записала за собою 8 душъ крестьянъ и 11 душъ дворовыхъ умершаго мужа своего при х. Ловрѣ; кромъ того у нея при томъ же хуторѣ имѣлось 10 собственныхъ крестьянъ изъ села Княжичъ для отбыванія рекрутской повинности, такимъ образомъ, у г-жи Нарбутъ образовалось 29 душъ. Она ходатайствовала теперь о раздѣлениі крестьянъ на двѣ части между ю и ея сыновьями и о признаніи ея имѣнія поэту, мелкопомѣстнымъ. Губернское Присутствіе, отказало въ подобномъ ходатайствѣ, такъ какъ оно „не можетъ входить въ разбирательство бывшихъ правъ владѣнія крестьянами, вышедшими изъ крѣпостной зависимости“ ¹⁾.

На этомъ мы заканчиваемъ обзоръ дѣятельности Черниговскаго Губернского по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія. Мы не только не исчерпали этой дѣятельности,—мы коснулись только маленькой частицы ея въ 1861 г., оставивъ въ сторонѣ устройство судьбы дворовыхъ людей и ихъ отношеній къ помѣщикамъ, вопросъ о выкупѣ и много другихъ вопросовъ, по которымъ приходилось высказываться Присутствію, при примѣненіи на мѣстѣ Положенія 19 февраля 1861 г. Познакомившись съ журналами Присутствія за одинъ только 1861 г., мы прямо скажемъ, что безъ изученія дѣятельности Губернскихъ Присутствій реформа 1861 г. и ея дальнѣйшая практическія послѣдствія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ не можетъ быть въ достаточной степени поната и объяснена. Желательно, поэтому, чтобы кто-нибудь подробнѣ занялся изученіемъ не только журналовъ, но и архива Черниговскаго Губернского Присутствія ²⁾ и познакомилъ бы насъ болѣе основ-

¹⁾ Журналъ № 35, 1 августа.

²⁾ Въ 1892 году бывшій тогда черниговскимъ губернаторомъ А. К. Анастасьевъ предоставлялъ мнѣ полную возможность и даже совѣтовалъ ознакомиться съ архивомъ Губернского Присутствія для истории крестьянской реформы въ черниговской губернії.

вательно съ исторіей реформы 1861 г. въ черниговской губерніи. Мы не преслѣдовали этой цѣли. Намъ только хотѣлось, по поводу исполнившагося 40-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ, помянуть добрымъ словомъ учрежденіе, на долю котораго досталось тяжелое, но великое дѣло--осуществлять на практикѣ Положенія 19 февраля 1861 г.

Ник. Василенко.

С

Онъ изъявлялъ готовность открыть двери архивовъ, гдѣ хранятся дѣла, относящіяся къ этой реформѣ, каждому, желающему серьезно заняться ими. Къ сожалѣнію, кратковременное пребываніе мое въ Черниговѣ для занятій въ архивахъ съ другими цѣлями, не позволили мнѣ воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ. Архивъ Губернскаго Присутствія остался мнѣ ненизвѣстнымъ. Не встрѣтилось бы, думаю, и теперь, послѣ отъѣзда изъ Чернигова и смерти А. К. Анастасьева, препятствій къ осмотру этого архива и къ занятіямъ въ немъ для всякаго, кто пожелалъ бы тамъ работать.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВЕСТИЯ И ЗАМЕТКИ.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Проектъ учреждения „Транспортныхъ волосыхъ почтъ“. Въ январѣ 1841 года „помѣщикъ Подольской губерніи, Балтскаго уѣзда, Фадѣй Кайтановъ сынъ Янишонскій и дворянинъ Осипъ Николаевъ сынъ Криницкій, помѣщикъ Бессарабской области, Аккерманскаго уѣзда“, подали Киевскому военному, Подольскому и Волынскому генералъ-губернатору, сенатору и кавалеру Дмитрию Гавриловичу Бабикову прошеніе:

«Испытывая, подобно всѣмъ, всѣхъ возможныхъ неудобствъ въ перевозѣ тяжелыхъ произведеній по сельскимъ или торговымъ занятиямъ, мы устремили вниманіе на этотъ важный недостатокъ торговыхъ сношений и, проходя чрезъ всѣ возможныя соображенія, успѣли открыть въ учрежденіи тяжелыхъ, транспортныхъ, волосыхъ почтъ въ цѣлой Имперіи средство легкое и простое къ отвращенію этого недостатка.

Углубляясь въ эту систему тяжелыхъ сообщеній, мы убѣдились въ ея чрезвычайной важности и потому, изложивъ ее въ особомъ проектѣ, который приемлемъ смѣлость подвергнуть вниманію Вашего Высокопревосходительства, мы ввѣряемъ ее попеченію Вашему, какъ кладъ, принадлежащій отечеству.

Но, съ другой стороны, полагая весьма справедливымъ, чтобы хотя миллионная частица ея общенародной пользы упала на долю изобрѣтателей, мы покорнѣйше просимъ В. В. принять на себя трудъ исходатайствовать для настѣ исключительное дозволеніе заводить и содержать такія почты въ предѣлахъ цѣлой Имперіи въ те-

ченіє 20 лѣтъ, изъ коихъ первыя десять лѣтъ мы посвятимъ безчисленнымъ трудамъ обзаведенія этого исполинскаго проекта, а въ послѣднія десять лѣтъ надѣемся собрать плоды нашихъ неусыпныхъ стараній и наслаждаться ними съ благодарностью.

Послѣ полученія привилегіи мы займемся тотчасъ написаніемъ условій для акціонеровъ и съ того уже времени посвятимъ себя исключительно долгу ускорить исполненіемъ предположеніе наше".

ПРОЕКТЪ

учрежденія тяжелыхъ сообщеній въ Российской имперіи посредствомъ тяжелыхъ транспортныхъ почтъ.

Предположеніе это заключается въ томъ, чтобы, на подобіе легкихъ почтъ, устроить тяжелыя транспортныя почты, станціями, по большими дорогамъ и ихъ отраслямъ.

Цѣль есть та, чтобы доставить торговлѣ и промышленникамъ самые вѣрные способы перевозить свои произведенія во всѣ концы пространнаго Россійскаго государства дешево, безопасно и въ определенное время.

Сообразная эту цѣль съ безчисленными затрудненіями, коимъ подвержена теперь отправка товаровъ и вазенныхъ тяжестей посредствомъ извозчиковъ и чумаковъ, которые не представляютъ никогда никакой вѣрности, невозможно не признать ей чрезвычайной важности.

Для движенія тяжелыхъ транспортовъ предпочитаемъ воловую силу всѣмъ прочимъ потому, что движение вола вѣрно и ровно, какъ судоходное движение по рекамъ и каналамъ; сверхъ того волъ есть дешевле лошади; содержание его и упряжь проще, складъ брѣнче, вещества во всѣхъ отношеніяхъ полезнѣе; въ старости его—за говядину, сало, кожу, рога, ноги—выручаются большия деньги. Онь есть драгоценныи животныи нашего государства; умножать его значитъ способствовать умноженію всеобщаго богатства. По этимъ причинамъ мы преимущественно и почти исключительно избираемъ воловъ для движенія нашихъ почтъ; но, чтобы не разорвать продолженія (continuité) системы и не нарушить безостановочнаго ея хода, мы употреблять будемъ силу лошадиную, верблюжью, водяныя коммуникаціи и тому подобное, тамъ, где представится необходимость.

Новый этот способъ сообщеній есть такъ простъ, что онъ кажется вовсе не новый, однако-жъ подобнаго заведенія въ мірѣ не было и теперь нѣтъ. Это есть настоящее яйцо Колумба, которое мы въ нашу очередь поставили на остромъ его концѣ.—Онъ простъ тѣмъ лучше. Каждая система тѣмъ лучше, чѣмъ проще и легче въ исполненію. Наше предположеніе, представляя безчисленныя пользы и выгоды на предбу碌щее время, теперь не останавливаетъ никого невѣрностю умственныхъ исчислений или заключеній, и не ужасаетъ непреодолимыми препятствіями въ приведеніи его въ исполненіе. Онъ не заключаетъ въ себѣ никакой гипотезы, а представляетъ просто убѣдительную истину.

Устройство этой системы будетъ такъ-же просто, какъ ея изобрѣтеніе: начиная отъ главнаго какого либо торгового мѣста, учредятся по главнымъ направленіямъ торговли почтовыя станціи въ разстояніи 15 до 30 верстъ, болѣе или менѣе, смотря по мѣстнымъ удобствамъ. На каждой станціи содержаться будуть нужное количество воловъ или лошадей, возовъ, саней, которые, смотря по успѣху, будутъ прибавляться. При возахъ будетъ нужное число почталюновъ, а транспорты сопровождаются верховыми приставами отъ станціи до станцій безъ-отступно. Станціи будутъ состоять подъ распоряженіемъ смотрителей, которые подчинятся управлению удѣльныхъ и главныхъ конторъ, установленныхъ въ приличномъ разстояніи по главнымъ пунктамъ почтовыхъ сообщеній. Удѣльные и главные конторы, а даже и самыя станціи, если надобность окажется, будутъ имѣть право тажести принимать и отпускать. Движеніе почты взадъ и впередъ будетъ безирерывное; слѣдственно и ихъ отправленія—такія-же. Пріемъ и отпускъ тажестей и товаровъ производиться будетъ на общихъ правилахъ, присвоенныхъ транспортнымъ экспедиціямъ, съ тою разителльною разницею, что товары и тажести отправляться будутъ ежечасно, безостановочно, и достигать будутъ своего назначенія въ опредѣленные сроки. Платежъ же за извозъ взиматься будетъ не прежде, а послѣ доставки при отпускѣ тажестей или товаровъ. Такихъ выгода не представляется ни одно изъ существующихъ экспедиціонныхъ заведеній.

Этотъ платежъ за извозъ опредѣлится самъ собою; общими правилами будутъ существующія мѣстныя цѣны, которыхъ постараемся понизить, сколько возможность позволитъ.

Вотъ главная черта устройства нашихъ почтъ; подробности его соберутся въ особомъ уставѣ, который составится тогда, когда въ немъ встрѣтится надобность.

Большая часть безчисленныхъ богатствъ пространной Россійской Имперіи лежать еще неприосновенна торговлъ и промышленности въ недрѣ ея земель, или въ неопределѣллной отдаленности. Одна только хорошая система сообщеній можетъ ихъ открыть, добыть и отдать въ руки народнаго промысла.

Желѣзныя дороги на необозримомъ пространствѣ нашего государства—есть мечта. Водяныя коммуникаціи, которыхъ создаются вѣками, стоятъ огромныхъ издержекъ, а въ суровомъ нашемъ климатѣ лежать ежегодно нѣсколько мѣсяцевъ омертвѣллы подъ льдомъ, зависятъ отъ положенія мѣстъ количества и направленія водъ и другихъ обстоятельствъ. Напротивъ того, систему, которую мы предлагаемъ, можно легко, безъ затрудненія, устроить такъ по цѣлой Россіи, что она будетъ протекать по ней во всѣхъ направлениахъ и дастъ ея торговлѣ движеніе ровное и постоянное во всѣ ея концы. Система эта есть всеобщая, легкая, вѣрная, простая; устройство ея не будетъ стоить ничего государству, ибо издержкою для него есть то только, что оно принуждено заплатить чужимъ врамъ. Оно имѣть и ту отличительную черту совершенства, что выѣсто истощенія силы, приводящей ее въ дѣйствіе, оно будетъ ее умножать съ чрезвычайною выгодою для населянья и для цѣлаго государства, т. е. чѣмъ болѣе волы требоваться будутъ, тѣмъ болѣе количество ихъ умножаться, а порода ихъ улучшаться будетъ: важное условіе всеобщаго благосостоянія.

Наша система сообщеній можетъ съ удивительною быстротою распространиться по цѣлой Имперіи и поставить ее наравнѣ съ улучшенными средствами сообщеній прочихъ европейскихъ государствъ: дабы Россія и въ этомъ отношеніи не оставалась назади. Кроме того, она тотчасъ дастъ нѣкоторую защиту торговлѣ нашей противъ подрыва на востокѣ въпротивъ австрійскому (?) пароходному плаванію на Дунаѣ и Черномъ морѣ. Внутри государства она, на подобіе артерій, которыхъ отъ сердца сообщаютъ жизнь и силу всѣмъ членамъ тѣла человѣческаго, протекать и оживлять будетъ всѣ его части. Тогда крестьянинъ не будетъ изнуряться доставкою господскихъ продуктовъ въ отдаленные мѣста и не будетъ лишаться того сокровища, которое у него есть крагопѣннѣе всего—т. е. времени. Тогда купецъ, фабrikантъ и промышленникъ, отправляя свои товары и произведениія безопасно, вѣрно, ежечасно, разсчитывать будутъ пространства и срокъ съ математическою вѣрностю. Тогда капиталы получать го-

раздо скорѣйшій оборотъ; дѣйствіе ихъ умножится многократно; товары и другія произведенія переходить будуть шибко съ рукъ въ руки; а теперь, напротивъ, извощаетъ или чумакъ, обманывая всѣ расчеты промышленника, охлаждаетъ его рвение, пріостанавливаетъ успѣхи кредита и уменьшаетъ обороты капиталовъ. Тогда внутренняя русская торговля, отъ которой зависятъ сила и благосостояніе государства, гордо подниметъ главу свою и, укрѣпляя младенческія свои силы неусыпными трудами, получить твердую самостоятельность, независимую отъ внѣшнихъ переворотовъ. Система ваша можетъ сдѣлаться всеобщей для цѣлаго государства, а будучи соотвѣтственнаю естественнымъ его способамъ и силамъ, заключить въ себѣ прочность, вѣрность и долголѣтіе.

И, наконецъ, чтобы возложить на ее вѣнецъ, прибавимъ то, что правительство найдетъ въ ней средство перевозить дешево и шибко свои заготовленія амуницій, провіантъ, орудія, а на случай надобности даже войска, съ одного конца государства въ другой, за извѣстную цѣну и въ опредѣленное время».

Генералъ-губернаторъ призналъ проектъ недостаточно обстоятельныйнымъ, почему таковой подшить «къ дѣлу».

Сообщ. А. Мёрдеръ.

Изъ прошлаго Полтавщины. I. Первое дворянское собраніе.
 Полтавская губернія открыта въ 1802 г. 28 февраля, когда повелѣнно изъ бывшей Малороссійской губерніи составить двѣ губерніи: Полтавскую и Черниговскую. Первымъ генералъ-губернаторомъ былъ кн. А. Б. Куракинъ. Это былъ богатый и знатный вельможа, весьма ласковый въ обращеніи, доступный и, надо сказать, очень много сдѣлавшій для Полтавы и для губерніи вообще. При немъ было создано 27 июня 1802 г. первое собраніе дворянъ Полтавской губерніи. Въ Архивѣ Губернскаго правленія намъ удалось найти инструкцію, или, какъ она названа въ дѣлѣ: «Обрядъ выборанъ малороссійской полтавской губерніи благороднаго дворянства въ городѣ Полтавѣ». Эта любопытный документъ, состоящій изъ 9-ти параграфовъ, регламентируетъ довольно подробно всѣ дѣянія дворянства. Наканунѣ дня выборовъ, т. е. 26 июня, необходимо было доставить губернатору списки прибывшихъ въ Полтаву дворянъ. Въ день выборовъ, въ 8 часовъ

утра всѣ дворяне должны были явиться въ квартиру генераль-губернатора, гдѣ полтавскій губернаторъ (имъ былъ тайный совѣтникъ Солицевъ) вручаетъ губернскому маршалу (т. е. предводителю) вѣдомость о селеніяхъ по новому расчисленію «въ каждый повѣтъ приписанныхъ». Церемоніймейстеры затѣмъ разставляютъ въ залѣ всѣхъ дворянъ, группируя ихъ по уѣздамъ, а посреди ихъ долженъ быть помѣститься губернскій предводитель. Когда всѣ займутъ назначенные мѣста, то губернскій предводитель отправляетъ двухъ уѣзденыхъ предводителей, по своему выбору, доложить князю, что дворяне ждутъ его прибытія. Немедленно выходитъ князь, сопровождаемый губернаторомъ и другими властями. Принявъ списокъ прибывшихъ дворянъ, губернскій предводитель, какъ сказано въ § 4, представляетъ князю, по силѣ Высочайшаго учрежденія для почести его отъ каждого повѣта по одному молодому дворянину, составлявшимъ уже съ этого момента свиту свѣтлѣйшаго князя. Указавъ причину ихъ созыва, генераль-губернаторъ приглашаетъ всѣхъ отправиться въ Соборъ, благовѣсть въ которомъ началася въ 8 ч. утра. Въ соборѣ опять разставляютъ дворянъ группами по уѣздамъ и даютъ знать князю, по прибытіи которого только начинается літургія. Літургія оканчивается и по приказанію князя губернскій прокуроръ всходитъ на первую ступень амвона и читаетъ Высочайшій указъ о созывѣ дворянъ Полтавской губерніи. Затѣмъ—молебенъ, по окончаніи которого губернскій стряпчій читаетъ изъ Высочайшаго учрежденія статьи, приличныя къ выбору—64, 66 и 67, по окончаніи чего дворянъ приводятъ къ присягѣ, текстъ которой читаетъ не духовное лицо, какъ нынѣ, а секретарь дворянства. Послѣ этого дворяне приглашаются пожаловать 28 іюня въ 8 часовъ утра, въ залу собранія для назначенныхъ выборовъ, а приглашенные къ столу, отираются въ домъ генераль-губернатора». Надо сказать, что кн. Куракинъ жилъ необыкновенно роскошно и очень часто давалъ роскошные обѣды.

Очень интересенъ въ этомъ «Обрядѣ» 9-й пунктъ. По возвращеніи изъ церкви, «губернскій маршалъ съ двумя повѣтовыми маршалами и двумя депутатами представануть къ господину генераль-губернатору съ испрошеніемъ позволенія назначить отъ нихъ депутатовъ для принесенія всеподданнической благодарности Его Императорскому Величеству за высоко-монаршія милости, дворянству дарованныя, и подаетъ при этомъ списокъ депутатовъ; по чему—читаетъ далѣе,—генераль-губернаторъ обнадеживаетъ ихъ, что о семъ не оста-

вить доности Государю. Но желаніе дворянъ не исполнилось. 28 іюля того же года кн. Куракинъ получиль слѣдующее письмо отъ императора Александра. «Усмотрѣвъ изъ донесенія вашего о желаніи малороссійскаго полтавскаго дворянства отправить ко мнѣ депутацію для принесенія благодарности за установлѣніе вхъ выборовъ на общемъ всѣхъ губерній положеніи, Я поручаю вамъ изъявить имъ за сіе мою признательность и въ тоже время объявить имъ, что, бывъ увѣренъ въ благонамѣренности ихъ и усердіи, исполненіе желанія ихъ я считаю для нихъ отяготительнымъ, а для себя излишнимъ. Пребываю вамъ благосклонный Александръ».

Собраніе дворянъ быдо открыто рѣчью генералъ-губернатора. Избирали въ этомъ первомъ собраніи только уѣздныхъ предводителей и на другія должности, а губераскихъ остался тотъ же Чарнышъ, избранный незадолго до открытия губерніи; не избирали и членовъ въ Генеральный Судъ, незадолго предъ тѣмъ избранныхъ, хотя этого и желалъ В. В. Капнистъ, но кн. Куракинъ не согласился на переизбраніе ихъ, и эта мѣра была одобрена Государемъ. Губ. маршаль Чарнышъ, по ходатайству кназя, за особые труды, понесенные при созывѣ дворянства, былъ награжденъ чиномъ Коллежского Совѣтника. Помимо избранія предводителей, въ кругъ занятій дворянства входило избраніе и на другія должности,—подкоморія, подкоморія вознаго, хорунжаго, земскаго вознаго, депутатовъ въ нижніе земскіе суды, и въ засѣдатели (числомъ 3). Первое собраніе дворянъ продолжалось довольно долго. По этому «Обряду» никто изъ дворянъ не имѣлъ права оставить городъ до разрѣшенія генералъ-губернатора, который только 3 іюля отправилъ бумагу губернскому маршалу, разрѣшающую дворянамъ разѣзжаться по домамъ. (Архивъ Полт. Губ. Правл. Дѣло № 128).

II. О шелковичномъ завоѣдовъ и казенному саду въ Константино-градскомъ уѣздѣ въ 1800—1805 гг. Въ 1800 году, а быть можетъ нѣсколько ранѣе, Высочайшею властью было одобрено разведеніе на югѣ Россіи винограда и шелковичныхъ червей для выработки шелка. Рѣшено было все это устроить въ Слободско-Украинской и Екатеринославской губерніяхъ. Въ составъ послѣдней входилъ тогда въ Константино-градскій уѣздъ. Но это было поручено, видимо, итальянцу графу де-Парма, носившему по должности званіе «инспектора надъ шелководствомъ въ

Слободско-Украинской и Екатеринославской губерніяхъ». Необходимыя для шелка тутовых деревьев разводились въ казенномъ саду въ Константиноградѣ, а заводъ былъ устроенъ въ селѣ Новыя-Водолаги. Въ 1802 г. князь Куракинъ, бывши въ Константиноградѣ при открытии присутственныхъ мѣстъ, посѣтилъ этотъ казенный садъ, найденный имъ въ большомъ беспорядкѣ. Графа де-Парма въ это время не было въ Константиноградѣ. Узнавъ объ осмотрѣ кн. Куракинымъ казенного сада, графъ пишетъ ему письмо (9 Авг. 1802 г.), въ которомъ спѣшить оправдаться предъ княземъ относительно дурного состоянія сада. «Чо новому штату, пишеть онъ, третій годъ назадъ все принало другой видъ во всемъ шелководствѣ и отдается на пользу жителемъ; я дожидаю со дnia на день сего повелѣнія, но третій же тому годъ, какъ все посему остается въ томъ садѣ безъ всякой должной помощи; къ тому и я не могу на сіе употреблять ни одного человѣка въ умноженіи всего къ должностному обработанію его;—гдѣ 16 тысячъ прекрасныхъ шелковицъ, изъ коего числа не успѣніемъ собственнымъ моимъ бдѣніемъ насажено 8600 деревьевъ, изъ коего же сада я получалъ самой лучшій итальянскій шелкъ, прекрасный виноградъ, собственно же моимъ трудомъ въ изобиліи насажденный;—но теперь наислѣдокъ, по изъясненнымъ причинамъ, безъ должной помощи къ тому,—сарай въ прошломъ году сгорѣлъ, виноградъ погибъ, фруктовые также и тутовые деревья погибаютъ». При этомъ письмѣ графъ представилъ князю два сорта шелка, выработанного на заводѣ.

Князь Куракинъ, очень заботливо относившійся къ нуждамъ губерніи, написалъ письмо графу, гдѣ благодарить его за вниманіе къ нему (начало письма графа наполнено многими любезностями по адресу Куракина) и просить его представить соображенія относительно улучшенія казенного сада и шелководства. Графъ де-Парма не замедлилъ исполнить предписанія кн. Куракина и въ длинномъ письмѣ отъ 25 октября 1802 г. указалъ на необходимость увеличить число рабочихъ въ саду, огородить этотъ садъ, устроить сарай, привлечь пять садовниковъ, двухъ сторожей. Всѣ соображенія графа были одобрены генералъ-губернаторомъ, предписавшимъ губернскому правленію выдать ему денежное пособіе.

Въ этомъ дѣлѣ имѣются свѣдѣнія о количествѣ деревьевъ за 1804 и 1805 годы.

Въ 1804 году было старыхъ шелковичныхъ деревьевъ 5657, вновь посажено 145, осталось неразсаженными 1360 дер.; въ продолжение 1804 г. посажено прежнихъ лѣтъ сѣянцовъ 1800, изъ которыхъ взошло 730.

Въ 1805 году было старыхъ деревьевъ 5107, вновь разсажено 1800, неразсаженныхъ сѣянцовъ 2869. Въ теченіе же этого года разсажено отводковъ 60. Изъ сѣянъ же взошло 5805 д.

Этимъ заканчивается дѣло о шелководствѣ въ началѣ прошлаго вѣка. (Архивъ Полт. Губ. Правлениія. Дѣло № 140).

III. Актъ въ полтавскомъ народномъ училищѣ 27 июня 1803 г.
 При первомъ Малороссійскомъ генераль-губернаторѣ князѣ Куракинѣ впервые стали чествовать въ Полтавѣ день годовщины Полтавской викторіи. Наканунѣ отправлялась панихида на Шведской могилѣ, а въ самый день торжества—праздничное богослуженіе въ каѳедральномъ соборѣ и молебствіе, что совершаются и нынѣ. Князь Куракинъ пользовался всяческимъ случаемъ, чтобы запечатлѣть въ памяти мѣстъ наро общества день полтавскаго бою. Такъ, первое дворянское собраніе созвано имъ на 27 июня 1802 г.; черезъ два года въ тотъ же день былъ заложенъ памятникъ полтавской битвы (Петровская колонна); 27-го июня были открыты въ Полтавѣ: богоугодное заведеніе, домъ для воспитанія дворянъ и т. под. Этотъ же день былъ избранъ въ 1803 г. и для торжественнаго акта въ полтавскомъ народномъ училищѣ, учрежденномъ въ 1799 г. Это былъ первый выпускъ училища, нарочито обставленный особленною торжественностью. Въ присутствіи всѣхъ властей и высшаго мѣстнаго общества, ученикамъ произведенъ былъ публичный экзаменъ, затѣмъ имъ раздавали награды—книги и похвальные листы. Лучшіе изъ учениковъ читали рѣчи, а учитель Павель Тиссаревскій прочелъ собственнаго сочиненія стихотвореніе, посвященное историческому событию, годовщина котораго въ тотъ день праздновалась. По счастью, въ канцелярскомъ дѣлѣ Полт. Губ. Правлениія сохранился подлинный текстъ этого произведения мѣстной патріотической музы, который здѣсь и приводимъ.

Среди собора нынѣ освященна,
 Среди сердечныхъ алтарей,
 Стоитъ могила возвышенна,
 Въ которой тѣѧть прахъ мужей,

Что градъ Полтаву защищали,
 И Карловъ мечъ пренебрегали,
 Сражаясь, проливали кровь,
 Чтобъ Россамъ счастіе доставить,
 Предъ цѣлымъ свѣтомъ ихъ прославить,
 Отечеству явить любовь.
 Сей холмъ, мнѣ кажется, дышится
 И вздѣль то стонъ, то ревъ.
 Тамъ въ черной и густой мглѣ зрится
 Орломъ разодранъ шведскій левъ.
 Межъ лаврами на небосклонѣ
 Великій Петръ съ мечомъ, въ коронѣ;
 Стоя торжественно, онъ зритъ,
 Что благодарная Россія
 Его труды, дѣла златыя,
 Не забывая, вѣчно чтитъ.

Сообщ. И. Фр. Павловскій.

Къ исторіи Котельвы. Котельва была однимъ изъ сотенныхъ «городковъ» гадацкаго полка, но во время нашествія шведовъ на Полтавщину, ахтырскій полковникъ Федоръ Осиповъ, согласившись съ котельвинскимъ атаманомъ, „выправилъ ордеръ у Меншикова“ о присоединеніи Котельвы къ ахтырскому полку. „Ордеръ“ Меншикова былъ закрѣпленъ „царскимъ указомъ“. Послѣ изгнанія шведовъ, Скоропадскій просилъ цара (въ іюлѣ 1709 г.) о возвращеніи Котельвы къ гадацкому полку, но получилъ отвѣтъ, что „царского указу“ о присоединеніи Котельвы къ ахтырскому полку „отмѣнить уже невозможно“. Несмотря на такой отвѣтъ, гадацкій полковникъ Чарнышъ хотѣлъ было силою вернуть Котельву, но гетманъ полу-
 чилъ новый указъ цара, „чтобы тотъ полковникъ гадацкой въ то мѣстечко вступаться впередъ не дерзаль“. ¹⁾ Несмотря однакожъ на эти указы, преемникъ Чарныша, Мах. Милорадовичъ, пригласивъ себѣ въ помощь полтавскаго полковника Черняка, пробовалъ было

¹⁾) См. Опис. Харьковск. Епархії, архіеп. Філарета, III, 93, и Матеріалимъ военно-учен. арх. гла. штаба, I, 679.

еще разъ силою же вернуть Котельну. Несомнѣнно, что населеніе послѣдней было при этомъ на его сторонѣ. Любопытную картину этой попытки описываетъ ахтырскій полковникъ Осиповъ, въ своемъ, приводимомъ ниже, донесеніи кіевскому губернатору кн. Голицыну.

«Доношеніе г. сенатору і киевской губерніи губернатору князю Петру Алексѣевичу Голицыну. В прошломъ августѣ месяце, нынешнаго 1720 году, господа полковники полтавскій Іванъ Чернякъ (и) гадацкій Михайло Милорадовичъ, з старшиною и с полчаніи своими, в многолюдствіи будучи у розиску при господину столнику Щербачеву в полку моемъ, между Ахтырки и Котелви, для розиску спорнихъ земель, чого я подлипно не свѣдомъ, токмо о семъ явѣстенъ, что ездили оніе полковники по шляхахъ и по степахъ (съ?) чаубулами и знаменами, с бубнами и с тренбами, больше не иного чего, токмо завдаючи людемъ страхи и приводя в сумнївіе, провозглашаю, якобы о отнятіи Котелвы и прочая, по киселевой границѣ.¹⁾ Тутъ же писалъ ко мнѣ полку моего котелевскій сотникъ Василій Смаковскій, что г. полковникъ гадацкій, з старшиною своею при немъ будучою и с козаками, сего августа подъ 25 число, мѣючи ночную квартеру в котелевскихъ подваркахъ, и назавтрѣ вехавши триумфалне в городъ, и заехалъ к нему сотнику на дворъ, а козаки полку его по по всему городу розехавшись, гласили публичне, дабы мещане до него гадацкого полковника ішли и приносили жалобы на старшинъ своихъ. В тое число, з тамошнихъ жителей Ярема Коротий, Луцикъ Бакуменко (и) Иванъ Лола, пришедши у дворъ сотницкій, от легкомислия своего, учали на сотника ускаржатись, и онъ сотникъ хотя ихъ упинить, изсилалъ из двора, и за то поманутій гадацкій полковникъ его сотника вслачески ругалъ, бранилъ и порывался бить, и то повидимому, знать нарочине, того ради в городъ заездилъ, прибираючи в получениі своего желания всякихъ способовъ, ибо слышачи отъ него полковника такие похвалки и обнадежене, в ту ю надѣю и другie с котелевцовъ, такие ж легкомислинки, Василь Субота, под тотже простай, легко о себѣ тое вмѣнивша, чутъ не учвили бунту до забойства. С тихъ заводчиковъ зимани два человѣкъ Ярема Коротий да

¹⁾ Разумѣется граница, проведенная въ 1638 г., между Московскимъ государствомъ и Польшею, кіевск. воеводою Адамомъ Киселемъ.

Василь Субота, сидять за карауломъ, а два человѣкъ, Луцк Бакуменко (и) Иванъ Лола, к гадяцкому полковнику было ушли, а ныне явились, да тутъ же посажени за караулъ, а вышеписаний Субота из караула ушолъ. Тамже оные господа полковники полтавскій і гадяцкій, з многими старшинами и полчанн, у мелница моей купленой Синолицковской ставши, невѣдомо з якого умислу, заочно ругая мене всячески і людей моихъ тамъ мешкаючихъ страшная убийствомъ и спаленемъ, и набѣгши на дворецъ многолюдно гвалтомъ з великими галасами, порвали быв Ивана Василенка, который тамъ былъ для допросу в продаже, з маткою своею, тѣхъ тамъ в Синолицовце миъ млиновъ, и бывъ еле жива, потащили до полтавскаго полковника, забивъ у колодки, держали за карауломъ. В моемъ же и в жителей тамошнихъ гумнахъ, в кого что было звезено сѣна и прочего збожя, и по лукахъ сѣна, много потравили, а больше конми побили, і рощу якай где тамъ була лучша, въ ценѣ велѣли рубать и палить, и пустишть унѣвецъ. Свиней, гусей и прочиго много побили, а на вородахъ жадной огороднини нѣчого нѣгде нѣ оставили, зовсѣмъ все повиривали і спустошили, и в покупленихъ моихъ лѣсахъ ионаськали грани сами собою, невѣдомо для чего, с которою жалобою дозѣратель мой тамошній ходилъ до г. полковника гадяцкаго, просячи дабы приказалъ козаковъ унати отъ таковыхъ шкодъ, но оний полковникъ не слухавъ того, учалъ его жалобника бранить, ругать и порвался до шаблѣ, хотѣль рубать, заледво оний ушолъ. А полтавскій полковникъ явственно похвалился тамошнихъ моихъ людей разогнать и жиле випалить, и зовсѣмъ мене в тамошній житі разорить, невѣдомо якимъ умисломъ, о якомъ ихъ разорении прошу у царскаго величества милостивой оборопи. Брегадиръ Осиповъ».

Для исторіи Переяславской бурсы, при епископѣ Іовѣ Базилевичѣ. (1771 г.). Четыре сына бубновскаго священника Росинского— обратились, въ 1771 г., къ тогдашнему епископу Переяславскому Іову съ такою просьбою: „Мы всѣ четыре родные братія, епархіи в. преосвященства, протопошія золотоносовой, м. Бубнова, преображен. священника Іоанна Росинского сыны, троє, совершиенно обучаемся въ семинаріи в. пр-ва латинскаго языка, первой—школы риторики, другой синтаксисы, третьей інфимы, а четвертой къ вступленію въ училище

себе только еще искривлять, и для толикаго числа нась обучаша-
щихся, исключая малолетнихъ муж. и ж. пола имѣющихихъ дѣтей въ
домѣ, едваль отецъ снабдить въ ученика нужнымъ спомоществованіемъ
и прокормить можетъ, а чтобъ къ прожитію намъ и квартиру здѣсь
нанять, за которую неминуемо надобно, за четырехъ, заплатить две-
надцать рублей, слѣдоватиметь ему прійти въ крайное разореніе
и скудость, что напредки и нужныи нась снабдивать явится не въ
состояніи. Для того в. пр-ва нижайше просимъ, взгладомъ толикого
нась числа, жить точію намъ въ бурсы, а на отческихъ харчахъ, по-
велѣть и о томъ учинить опредѣленіе". (Подпись: Григорій, Феодоръ,
Василь, Стефанъ Російскіи).

На этомъ прошеніи «положена» такая собственноручная резолюція:
«Учинитъ префекту справку с каталогами и с учителями, какова
прописанныи ученики понятія и надежды, и подъ симъ подпишавъ,
представить. Октября 25 дня, 1771 года. Іовъ епископъ переслав-
скій.

Засимъ слѣдуютъ отвѣты „учителей“:

1) «Преосвященнѣйшій владико! Прописанный в доношениі
ученикъ школы риторика Григорій Російскій в ученика успѣха не
совсѣмъ надежнаго. Префектъ Петръ Базилевичъ».

2) «Ученикъ грамматики Феодоръ Російскій, по причинѣ тупости,
успѣха малонадежнаго. Учитель грамматики Василь Росинскій».

3) «Ученикъ школы аналогіи Василь Російскій успѣха хорошаго.
Григорій Шишацкій».

„Представить сихъ учениковъ намъ. Окт. 26 дня, 1771 года.
Іовъ Е. П.“

Засимъ, должно быть по „представленіи учениковъ“, сдѣлана
другая резолюція епископомъ: «По прошенію, жить въ бурсахъ до
разсмотренія дозволяется, только отъ себе коржитись. Октября 26
дня, 1771 года. Іовъ епископъ переславскій».

Въ два дни епископъ разрѣшилъ просьбу бѣдняковъ и, какъ видно,
разрѣшилъ благосердно, такъ какъ отзывы о двухъ просителей дѣны
неблагопріятны.—Іовъ Базилевичъ, епископъ переславскій и борис-
польскій, былъ уроженецъ харьковской слободы Боромли, и учился въ
харьковскомъ коллегіумѣ, въ которомъ былъ потомъ и ректоромъ.
Переславскимъ епископомъ онъ назначенъ въ окт. 1770 г., и остал-
вался на этомъ епископствѣ до смерти, въ маѣ 1776 г. Послѣ умер-

шаго денегъ осталось «есею пять денегъ»... Отсюда характеръ епископа Іова—какъ будто—еще видище. При этомъ еп. Іовъ, повидимому, былъ человѣкъ любознательный, слѣдившій за общественною жизнью. Поздравляя своего сосѣда Акима Сулиму, съ прѣздомъ изъ Сиб. въ Переяславщину, Іовъ, въ маѣ, 1773 г., ему пишетъ: „за доставленіе на сей годъ цетербургскихъ и лейпцигскихъ вѣдомостей, покорно благодарю. Я теперь на вѣдомости богатъ и другимъ служить могу, ибо въ г. Бантышъ-Каменскій онѣ жъ доставилъ“. («Сулим. Арх.», 114).

Одинъ изъ борзенскихъ предводителей дворянства. Письмо М. А. Имшенецкаго къ Гр. П. Галагану. 1864 г. Авторъ приводимаго здѣсь письма занималъ должность борзенского уѣзднаго предводителя дворянства трехлѣтие—1866—869 г. г., послѣ хорошо напитнаго и теперь борзенцамъ Константина Алексѣевича Гамалѣя, бывшаго у нихъ предводителемъ девять трехлѣтий. М. А. И—цій былъ человѣкъ съ небольшими средствами, но пользовался большою известностью за свое радушіе и готовность прійти на помощь каждому ближнему. Старые „ланы“, впрочемъ, на него немного косились за разныхъ его „новшества“, въ числѣ которыхъ относилось и зародавшееся было у М. А. И. желаніе заняться книжною торговлею.—„М. г. Григорій Павловичъ. Обращаюсь къ вамъ съ полной уѣренностью, что вы удостоите мое письмо отвѣтомъ, узнавъ о моемъ дѣлѣ, которое, какъ мнѣ кажется, вполнѣ соответствуетъ вашему просвѣщенному уму и знанію потребностей края (гдѣ вамъ предстоитъ такая важная и полезная дѣятельность¹). Мое дѣло заключается вотъ въ чемъ. Киевъ, а вмѣстѣ и весь южный край, весьма нуждается въ честной книжной торговлѣ. Вамъ должно быть хорошо известно—какъ мало соответствуетъ насущнымъ потребностямъ образованія такой книго-продажецъ, какъ Литовъ и К°. Проживъ два года на своемъ хозяйствѣ, я пожелалъ посытать себя въ другой общеполезной дѣятельности, и началъ на мысль устроить въ Киевѣ книжный магазинъ, съ кабине-

¹) Г. П. Галаганъ въ это время былъ вице-предѣдателемъ временнай киевской комиссіи, учрежденной для приведенія въ порядокъ крестьянскаго дѣла въ юго-западн. краѣ. См. статью г. Коропонова: „Страница крестьянскаго дѣла на юго-западѣ“, Вѣсти. Евр. 1901 г., юль.

томъ для чтенія, поставилъ себѣ цѣлію—содѣйствовать русскому образованію продажей хорошихъ и полезныхъ книгъ по петербургскимъ цѣнамъ, съ самой развѣ небольшой надбавкой, въ исключительныхъ случаяхъ, и доставленіемъ чтенія за самую умѣренную плату въ магазинѣ.

Капиталъ у меня небольшой, и потому мнѣ необходимо покровительство и содѣйствіе людей просвѣщенныхъ и влиятельныхъ. Позвольте мнѣ надѣяться, что вы, многоуважаемый Г. П., не прогнѣваетесь, если я обращусь къ Вамъ съ просьбой, быть можетъ неумѣстной, но къ которой я былъ приведенъ случайно. Книгопродавецъ Ко-жанчиковъ, отсовѣтывая мнѣ начинать книжную торговлю въ Киевѣ, между прочимъ, сказалъ, что вы предлагали ему *даровое помѣщеніе* въ своемъ домѣ, но что онъ отказался.—Я же, съ своей стороны, считалъ бы дѣло свое упроченнымъ, если бы такое предложеніе было мнѣ сдѣлано, хоть на первое время, т. е. на годъ или на два: тогда я увѣренъ, честная торговля мои внушила бы довѣріе обществу, пріобрѣла бы постоянныхъ покупателей и, вѣроатно, привлекла бы ко мнѣ въ компанію небольшие капиталы другихъ. Усерднѣйше прошу васъ, Г. П., не отказать мнѣ въ скоромъ отвѣтѣ, личномъ или чрезъ кого либо изъ моихъ знакомыхъ: я останусь душевно вамъ благодаренъ.

Во всякомъ случаѣ, я, входя здѣсь въ условія съ книгопродавцами и издателями, выѣстъ съ этимъ посылаю прошеніе къ кievскому гражд. губернатору о дозоленіи мнѣ открыть книжный магазинъ и кабинетъ для чтенія: не откажите въ возможномъ, съ Вашей стороны, содѣйствіи предъ властями, которыхъ будучи въ настоящее время отвлечены болѣе важными дѣлами, могутъ забыть о моемъ.

Знаю Васъ по образу Вашей общественной дѣятельности и Вашимъ мнѣніямъ, которыми мнѣ удавалось слышать, я былъ бы также весьма вамъ признателенъ за вскій совѣтъ, какой было бы угодно Вамъ подать мнѣ при начатіи дѣла новаго, но тѣмъ не менѣе необходимо нужного въ нынѣшихъ обстоятельствахъ и несомнѣнно полезнаго въ краѣ, находящемся подъ влияніемъ враждебной общественной силы (?). Еще разъ выражая надежду на Ваше доброе вниманіе, имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностью Вашъ, и. г., покорный слуга Михаилъ Имшенецкій. С.-Петербургъ. 4 января, 1864 года. (Съ подлинника).

Какой отвѣтъ былъ полученъ на это письмо М. А. И—декемврь, мы не знаемъ, во книжной торговли онъ не отрывалъ.—Считаемъ не лишнимъ здѣсь добавить, что М. А. И. воспитаніе получилъ въ кадетскомъ корпусѣ. Умеръ онъ въ 70-хъ годахъ, отъ чахотки. Жилъ М. А. И. въ глухомъ своемъ хуторѣ Майорщинѣ, между с. Ядутами и Десною.

Для исторіи церковнаго прихода. *Налоги въ пользу кіевской митрополита со церквей его епархіи.* Приводимыя здѣсь свѣдѣнія о денежныхъ налогахъ: 1) за назначеніе священниковъ и діаконовъ на приходы, 2) за грамоты на заложеніе и освященіе церквей и 3) за анти-миссы, сообщаютъ выѣсть съ тѣмъ интересныя данныя какъ о времени постройки церквей въ нѣкоторыхъ лѣвобережныхъ городахъ и селахъ, такъ и о дѣлѣженіи приходскихъ доходовъ между наличными священниками.

«Великому господину ясне въ Богу преосвященнѣйшему кириллу Арсенію Могилянскому, Божію милостію православному архієпископу, митрополиту кіевскому, галицкому и Малыя Россіи. Доношеніе.

Въ каеедральной вашего ясне въ Богу преосвященства конторѣ, декабря отъ 19 минувшаго 1769 года по нижеписанное число февраля 1770 года, собрано денегъ.

1. Отъ новорукоположенныхъ іероїесъ и діаконовъ.

766 года, сентября 20. Діакона Максима Павловскаго протопопія Зѣнковской, мѣстечка Куземина, къ церкви Троицкой, при коей дворовъ 109, во іерея, на половинные доходы, за викарія. Съ оныхъ дворовъ за половину, отъ двора по 20 коп., и того 10 р. 90 к.

769 года декабря 20. Михайла Шкваревскаго къ церкви кіево-богословскаго дѣвичаго монастыря, во іерея, нынѣ въ помощь тестю, а по смерти, за настоятеля, за состоящіе подъ тѣмъ монастыремъ приходскіе дворы 14, отъ двора по 20 коп., и того 2 р. 80 к.

Того жъ. Іакова Левѣцкаго протопопія верхнокіевской, къ верхнокіевской Троицкой церкви, при коей дворовъ 32, во діакона, отъ двора по 5 коп., итого 1 р. 60 к.

770 года, генваря 6. Іоанна Гриновецкаго протопопія кіево-подольской, къ церкви кіевоподольской Воведенской, при коей дворовъ

222, во іерея, нынѣ въ помощь тестю его Іоанну Кам'янскому, а по выбытіи его Кам'янского съ прихода, на половину его часть парохія за настоятеля; съ оныхъ дворовъ за половину слѣдовало взять 22 р. 20 к., но по резолюції вашего ясне въ Богу преосвященства оставлено.

Того же. Михайла Яновского, протопопія Кобеляцкой, села Лу-чокъ, къ церкви Крестовоздвиженской, при коей дворовъ 31, во діакона, на третью часть доходовъ съ оныхъ, за третью часть дворовъ, отъ двора по 20 к., итого 2 р. $6\frac{2}{4}$ к.

12 генваря. Нестора Яновского, протопопія Ичанской, села Гай-ворона, къ церкви Покровской, при коей дворовъ 132, во іерея, на половину часть доходовъ, съ оныхъ дворовъ за половину 66, отъ двора по 20 коп., итого 3 р. 20 к.

18 генваря. Никита Зорича, протопопія Нѣжинской, села Лу-кашовки, къ церкви Рождества Христова, при коей дворовъ 44, во іерея, за настоятеля, отъ двора по 20 к., итого 8 р. 80 к.

22 генваря. Василя П'єрского, протопопія Полтавской, села Ди-канки, къ церкви Златоустовской, при коей дворовъ 132, во іерея, на половину часть доходовъ, съ оныхъ дворовъ за половину, отъ двора по 20 коп. итого 13 р. 20 к.

24.—Антона Андрющевского, протопопія Ичанской, села Великаго Самбора, къ церкви Николаевской, при коей дворовъ 104, во іерея, въ помощь отцу, за викарія, за половину часть дворовъ, 52, отъ двора по 20 коп., итого 10 р. 40 к.

25. Іоакима Лук'яновича протопопія Цирятинской, села Кохно-вки, къ церкви Николаевской, при коей дворовъ 74, во іерея, въ помощь тестю его, на половинные доходы, съ оныхъ дворовъ за половину 37 отъ двора по 20 коп., итого 7 р. 40 к.

II. За выданные на заложеніе и освященіе церквей грамматы.

1769 г., декабря 21. На освященіе протопопія прилуцкой, села Березовки новоустроенной, на уроцищѣ Комаровки, Николаевской церкви, при коей дворовъ 100, отъ двора по 5 коп., итого 5 р.

22. На освященіе протопопія Миргородской въ селѣ Аврамовки новоустроенной Вознесенской церкви, при коей дворовъ 86, отъ двора по 5 к., итого 4 р. 30 к.

1770 г. генваря 8. На освящение протопоції Козелецкой, въ гор. Козельцѣ, каменной Рождества Богородицы церкви, съ тремя предѣлами, при коей церквѣ дворовъ 195, отъ двора по 5 к., итого 9 р. 75 к.

20. На заложеніе протопоції Зѣнковской въ селѣ Пѣркахъ, на мѣсто обветшалой, вновь Николаевской церкви, при коей дворовъ 165, отъ двора по 5 коп. итого 8 р. 25 к.

23. На освященіе протопопії Гадацкой, въ селѣ Липовки, новоздѣланной Михайловской церкви, при коей дворовъ 111, отъ двора по 5 коп., итого 5 р. 55 к. Того жъ. На освященіе протопопії Лубенской, въ деревнѣ Галицѣ новоустроенной Рождества Христова, при коей дворовъ 71, отъ двора по 5 к., итого 3 р. 55 к.

Февраля 4. На заложеніе протопоції Нѣжинской, въ селѣ Малой Кашеліовки, Успенской церкви, при коей дворовъ 23, отъ двора ио по 5 к., итого 1 р. 15 к.

Ш. За выданные святые амтиинсы.

1769 года, декабря 21. Протопоції Прилуцкой, села Березовки, въ новоустроенную на уроціщѣ Комаровки Николаевскую церковь, полотняный, 2 р. 50 к.

22. Протопоції Миргородской, села Аврамовки, въ новоустроеную Вознесенскую церковь, полотняный, 2 р. 50 к. — По резолюції в. ясне въ Богу преосвященства оставлено.

1770 г., генваря 8. Протопоції Козелецкой, г. Козелца, въ церковь Рождества Богородицы и въ предѣльные два храмы, три, материальные, 12 рублей.

23. Протопопії Лубенской, дер. Галицы, въ новоустроенную Рождества Христова церковь, полотняный, 2 р. 50 к.

Всѣхъ вышепрописаныхъ въ собраніи въ казнѣ, в. ясне въ Богу преосвященства, имѣется денегъ 126 р. 91 $\frac{3}{4}$ к.

О якихъ денгахъ, понеже резолюцію в. ясне въ Богу преосвященства ноября 8 д. 758 года состоявшуюсь, вѣльно представлять в. ясне въ Богу пр—ву помѣсячно или понедельно, а безъ того и резолюціи в. я. въ е. пр—ва такихъ денегъ въ приходъ не записывать, того ради в. я. въ Б. пр—ва, просимъ о принятіи въ казну в. я. въ Б. пр—ва оныхъ денегъ резолюціи. Вашего и. въ Б. пр—ва всеніжай-

шія послушники кафедральний писарь іеромонахъ Іеремія. Архидіаконъ Іларіонъ. Крестовий іеромонахъ Орестъ.

1770 года. февраля „ д.

Резолюція митрополита. „ 1770 года, феврал. 6 д. № 16. Записать в приходъ“. (Съ подлинника).

Текущія ізвѣстія.

30-лѣтіе ученой дѣятельности профессора Ник. Ильича Стороженка. Въ октябрѣ исполнилось 30 лѣтъ служенія наукѣ и университетской жизни извѣстнаго ученаго, профессора Московскаго университета Николая Ильича Стороженка. Въ ближайшей книжкѣ нашего журнала мы считаемъ себя обязанными болѣе подробно сказать объ этомъ ученомъ, посвящавшемъ свои труды для разработки вопросовъ, входящихъ въ кругъ задачъ нашего изданія, и принимавшемъ постоянное участіе въ судьбахъ „Кievskой Старинѣ“, внося въ нее свое цѣнное сотрудничество. Теперь-же отмѣтимъ только, что Н. И. Стороженку посвящена маленькая, но очень прочувствованная замѣтка въ газетѣ „Восходъ“, вспоминающей по поводу его юбилея лекцію о Паркерѣ, статью о Донъ-Кихотѣ, помещенную въ сборнике въ пользу голодающихъ евреевъ (Помощь), гдѣ такъ ярко высказались его гуманные взгляды по вопросамъ о національной терпимости.

Памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Заказанный П. М. Певному постаментъ для памятника малорусскому поэту И. П. Котляревскому въ большей его части уже готовъ и предстоящей зимой въ составленномъ видѣ будетъ перевезенъ изъ Кременчуга, гдѣ онъ изготавляется, въ Полтаву. Будущей весной предполагается совершить закладку памятника на Протопоповской улицѣ, а къ осени того же года памятникъ будетъ совершенно установленъ и открытъ. Постаментъ, состоящій изъ четырехъ частей, будетъ сработанъ изъ гранита по утвержденному думой проекту, по условію съ г. Певнымъ, за 8000 руб. (Полт. Г. В.).

Интересная лекция о Гоголѣ. Въ годовомъ засѣданіи воронежскаго медицинскаго общества 13 октября предсѣдатель д-ръ Баженовъ прочелъ докладъ о болѣзни и смерти Гоголя съ медицинской точки зрѣнія. Извѣстіе наследственныхъ препедентовъ болѣзни отмѣченъ молодой возрастъ (14 лѣтъ) матери Гоголя, его неврастенизмъ въ дѣтствѣ и др. Докладчикъ опредѣлилъ болѣзнь Гоголя, какъ форму періодического психоза,—какъ періодическую меланхолію, подтвердивъ это цитатами изъ руководства по психіатрії Корсакова и параллельными цитатами изъ писемъ Гоголя, гдѣ онъ передаетъ свои болѣзненные ощущенія. Однимъ изъ симптомовъ болѣзни Гоголя, наряду съ мистицизмомъ, было и воздержаніе отъ пищи. Обезсиленного отъ голоданія Гоголя врачи начали ошибочно лѣчить тѣмъ, что стали ставить ему плавки и вызывать кровотечевіе. Это и было причиною смерти писателя.

Гоголевская выставка. Студенты академіи художествъ, оканчивающіе курсъ въ 50-лѣтнюю годовщину со дня смерти Н. В. Гоголя, рѣшили ознаменовать свой «Гоголевскій» выпускъ устройствомъ художественной выставки картинъ, исключительно относящихся къ жизни покойнаго писателя. На выставкѣ будуть въ большомъ количествѣ собраны фотографические виды тѣхъ мѣсть, гдѣ жилъ и работалъ Гоголь; будутъ выставлены также фотографіи «Диканьки». (Южный Край, № 246).

Домъ Квитки въ Основѣ. Попечительство о народной трезвости Харьковскаго уѣзда существующій домъ Квитки на Основѣ предполагаетъ приспособить для театра и давать въ немъ любительскіе спектакли, при чемъ имѣется въ виду привести его въ болѣе или менѣе приличное состояніе для означенной цѣли. (Южный Край, № 7169).

50-лѣтіе смерти К. Т. Соленика. 7-го октября исполнилась 50-та годовщина смерти «зnamenitѣйшаго», какъ значится на могильномъ крестѣ, украинскаго актера Соленика. Карлъ Трофимовичъ Соленикъ, украинскій Мартыновъ, умеръ отъ чахотки 7-го октября 1851 года, на сороковомъ году отъ рождения. Играль онъ на сценѣ роля Мартынова, игралъ со Щепкинымъ въ Высочайшемъ присутствіи.

Его приглашали на петербургскую сцену, но онъ нагдѣ, кромѣ Харькова, не хотѣлъ играть. Въ Харьковѣ онъ и умеръ. Похороненъ на городскомъ кладбищѣ рядомъ съ актеромъ Дранше и актрисой Минульской. На могильномъ крестѣ, на одной сторонѣ, имя того, кто подъ нимъ лежитъ, а на другой—следующіе стихи:

Дыныся зъ неба Соленыче
Якъ кръво серце чоловиче:
Якъ ты колысь на свите жывъ
Та щыро вублыци служивъ.
Такъ публыка тоби жывому
Квитки выдала, якъ солому;
А вмеръ, артисте—небораче,
То и байдуже!—никто не баче,
Що прахъ лежыть твій безъ хреста...
Пора, бачъ, гулькнула не та:
Теперь вже стала Украина
Холодна буцимъ домовына.

(Южный край, № 7164).

Желательно было бы имѣть болѣе обстоятельный свѣдѣнія о состояніи могилы этого несправедливо забытаго, для своего времени выдающагося актера, о которомъ Гоголь отзывался, какъ о замѣчательномъ комическомъ таланѣ.

Самый несчастный народъ. Подъ такимъ заглавиемъ напечатано же «Галичанамъ» обширное письмо, за подпись Угророссъ. Это письмо рисуетъ мрачными красками тяжелое, положеніе русскаго народа въ Венгрии, находящагося въ прямой зависимости отъ малъяръ.

Угрорусскій народъ,—по словамъ автора письма,—самый забитый, самый темный и самый бѣдный народъ во всей Венгрии. Онъ не имѣть своей интелигенціи и своихъ представителей. Какъ духовенство, такъ и народные учителя назначаются правительствомъ, вслѣдствіе чего они совершенно лишены самостоятельности. Но главное зло,—по мнѣнію автора,—заключается въ томъ, что угророссы не имѣютъ своихъ національныхъ вождей, отчего у нихъ и отсутствуетъ какая бы то ни было организація въ народномъ дѣлѣ.

Далѣе, авторъ говоритьъ, что угророссы вовсе не имѣютъ своихъ національныхъ школъ, такъ какъ даже сельскія народныя школы

подвержені мадьяразації. Священики въ селахъ говорять не «по-простаці» (т. е. по-русско), а „по-лански“ (т. е. по-мадьярски).

Русскія епархіальныя власти въ сношеніяхъ съ духовенствомъ пользуются мадьярскимъ языкомъ. Мадьяризація проводится не только посредствомъ школы, но также и посредствомъ церкви. Хотя изъ Рима уже нѣсколько разъ приходило запрещеніе относительно службы въ русскихъ церквяхъ на мадьярскомъ языкѣ, но опубликовать это запрещеніе не позволяетя.

Русскія дѣти мадьаризируются въ школахъ насильственно: училищный инспекторъ ничего не требуетъ отъ учителей, кромѣ того, чтобы они хорошо преподавали мадьярскій языкъ; если же инспекторъ замѣтить, что какой нибудь учитель преподаетъ по-русски, то на послѣднаго взводится какое бы то ни было обвиненіе,—хотя бы даже въ выдуманномъ преступленіи,—и учитель, а вмѣстѣ съ нимъ и священикъ, въ приходѣ котораго совершилось такое «преступленіе», подвергаются преслѣдованіямъ.

Всякое культурное начинаніе угророссовъ встрѣчается мадьярскимъ правительствомъ съ такою же враждебностью, какъ и русскій языкъ. У угророссовъ существуетъ только одно русское общество, занимающееся просвѣщеніемъ русскаго народа въ русско-народномъ духѣ, и этому обществу мадьярское правительство и мадьярская печать на каждомъ шагу поставляютъ всевозможныя препятствія. Мадьярская печать нападаетъ на это общество, какъ на ненавистническое, сепаратистическое, и, такимъ образомъ, запугиваетъ тѣхъ, кто хотѣлъ бы заниматься въ члены общества.

«Вотъ какъ печально наше положеніе,—заканчиваетъ Угророссъ свое письмо,—и главная причина такого положенія заключается въ томъ, что народъ нашъ—теменъ и необразованъ, и что у насъ нѣть самостоятельного мѣщанства, а интеллигентія наша, состоящая изъ учителей, священниковъ и чиновниковъ, всецѣло зависить отъ правительства. Будь у насъ русское купечество, русскіе врачи, адвокаты, помѣщики и промышленники,—наша угро-руssкая народность не была бы такъ притѣснена и съ ними считались бы и правительство, и мадьаризаторы».

Авторъ въ заключеніе взыываетъ къ русскимъ патріотамъ, убѣждая ихъ позаботиться о матеріальномъ улучшенніи положенія угрорусскаго народа, вслѣдъ за которымъ должно наступить и культурно-политическое улучшеніе.

„Вѣче“ студентовъ-русиновъ въ Львовскомъ университѣтѣ. Давно уже русины въ Галиції добиваются основанія отдѣльного университета для русиновъ, съ преподаваніемъ на родномъ языкѣ. Въ послѣднее время этотъ вопросъ возбуждался неоднократно русинскими послами и въ рейхсратѣ, и въ мѣстномъ сеймѣ; въ 1899 г. митингомъ русинской учащейся молодежи рѣшено было представить въ министерство народнаго просвѣщенія петицію объ основаніи русинскаго университета; подробно мотивированная петиція о томъ же посланы были въ министерство и научно-просвѣтительными украинскими обществами—«Товариствомъ імені Шевченка», «Просвѣтитою» и «Народною Радою». Новымъ шагомъ въ этомъ направленіи является «вѣче» (митингъ) студентовъ-русиновъ, состоявшееся въ первый разъ въ стѣнахъ Львовскаго университета 25 сентября (8 октября) настоящаго года при участіі почти всѣхъ студентовъ-русиновъ (въ томъ числѣ было также и нѣсколько студентокъ) и профессоровъ г.г. Грушевскаго, Днѣстрянскаго и Студинскаго.

Студенты Косевичъ и Комаринскій, изложивъ въ своихъ рефератахъ, исторію вопроса объ отдѣльномъ русинскомъ университѣтѣ, особенное вниманіе обратили на юридическую и фактическую мотивировку своихъ требованій, подтверждая ее ссылками на австрійскіе законы и выясняя, что дѣйствительное положеніе дѣлъ не соответствуетъ юридическому. По закону преподаваніе во Львовскомъ университѣтѣ должно производиться на обоихъ мѣстныхъ языкахъ—польскомъ и украинско-русскомъ, но на дѣлѣ утраквизмъ существуетъ почти только номинально. Русинамъ едва удалось, да и то съ невѣроятными усилиями, добиться иѣсколькихъ каѳедръ съ преподаваніемъ на родномъ языкѣ. Между тѣмъ число русиновъ въ Львовскомъ университѣтѣ доходитъ до 600, т. е., почти вдвое превышаетъ число студентовъ Черновецкаго университета; русины состоять профессорами въ другихъ университетахъ Австріи; научное движеніе выработало уже приемы и терминологію. Эти мотивы побуждаютъ референтовъ прийти къ заключенію, что русины въ правѣ требовать для себя отдѣльного университета, а пока стремиться къ возможно полному проведенію утраквистической системы въ существующемъ уже Львовскомъ университѣтѣ. Послѣ обсужденія рефераторовъ, во время которого особенно настойчиво повторялась и подчеркивалась мысль, что русины въ послѣдній разъ добиваются осуществленія своихъ национальныхъ правъ мирными способами, единогласно принятая была

слѣдующая резолюція: «Принята во вниманіе 1) количество украинско-русскаго народа въ Галиції, 2) число студентовъ-русиноў въ Львовскомъ университѣтѣ, 3) артикулъ XIX основныхъ законовъ Австрійской имперіи, обеспечивающей каждому народу просвѣщеніе на родномъ языке, и 4) утрақвистическій въ силу закона характеръ Львовского университета,—въче украинско-русской учащейся молодежи требуетъ основанія всѣхъ каѳедръ съ преподаваніемъ на украинскомъ языке». Резолюція представлена въ совѣтъ университета и министру народнаго просвѣщенія. («Дѣло», №№ 216 и 221).

Ходатайство о малорусскихъ народныхъ изданіяхъ. Въ общемъ собраніи Харьковскаго Общества Грамотности, состоявшемся 7-го октября, правленіе доложило о томъ, что, обсудивъ въ своихъ засѣданіяхъ вопросы, переданные ему общимъ собраніемъ 29 апрѣля, оно постановило: 1) возбудить ходатайство о допущеніи всѣхъ изданій харьковскаго издательскаго комитета при О-вѣ грам. въ школьныя и народныя библиотеки всѣхъ вѣдомствъ и о примѣненіи къ рукописямъ на малорусскомъ языке общечензуриыхъ правилъ безъ тѣхъ ограниченій, которыхъ существуютъ въ настоящее время. Соответствующая бумага уже составлена и будетъ вскорѣ отправлена по назначению; 2) что касается допущенія въ школахъ извѣстнаго района учебниковъ на малорусскомъ языке, то правленіе большинствомъ (13 голосовъ противъ 3) высказалось за несвоевременность такого ходатайства и отклонило его.

Брошюры на народномъ языке по вопросу кооперации. Недавно закончившій свои занятія полтавскій кустарный съездъ, по почину извѣстнаго организатора артелей Н. В. Левитскаго, призналъ желательнымъ прійти на помощь кооперативному движению въ варадѣ посредствомъ изданія популярныхъ брошюръ на мѣстномъ народномъ языке по вопросу кооперации, для ознакомленія съ ними мѣстнаго населенія.

Опера „Галька“ на малорусской сценѣ. Товарищество малорусскихъ артистовъ подъ управлениемъ г. Ярошенка ставило въ Николаевѣ извѣстную оперу Монюшко «Галька» въ переводѣ на украинскій языкъ. («Южанинъ», № 250).

Чтения для народа въ Коломыѣ. Въ Коломыѣ (въ Галиції), благодаря здатности местной украинской интеллигенции, въ настоящемъ году ведутся постоянные популярные чтениа для народа. Состоялась уже чтениа: 1) проф. Макарушки «Про Тараса Шевченка», 2) Л. Просацкого «Про великого київського князя Ярослава Мудрого», 3) проф. Маслика „Про давніх греків і римлян“ (ряд лекцій изъ древней исторіи) и 4) проф. Біліка „Вода і її складові частини“. „Дѣло“, № 224 и 233).

Предполагаемый журналъ «Рилля». Статистикъ черниговского губернского земства М. В. Иворский вошелъ съ ходатайствомъ въ главное управление по деламъ печати о разрешеніи ему издавать въ городѣ Черниговѣ сельско-хозяйственный журналъ на малорусскомъ языке подъ заглавиемъ «Рилля». (Русск. Вѣдом., № 271).

Лекціи Д. Эварніцкаго по археології. Д. И. Эварніцкій намѣренъ прочесть въ Петербургѣ рядъ публичныхъ лекцій, посвященныхъ курганнымъ раскопкамъ на югѣ Россіи. (Южн., № 252).

Народный спектакль подъ руководствомъ М. Л. Кропивницкаго. Въ «Полтав. Губ. Вѣд.» (№ 227) напечатана корреспонденція А. Влахонулова, которую мы, въ виду ея интереса, перепечатываемъ цѣликомъ. Въ Лохвицкомъ уѣздѣ недавно произошло знаменательное артистическое событие: 7 октября нашъ известный артистъ М. Л. Кропивницкій выступилъ руководителемъ спектакля, устроенного крестьянской молодежью въ с. Позинкахъ на домашнемъ театрѣ г. г. Русиновыхъ. Щла драма Кропивницкаго „Невольники“ и «Приходя» (лакейская) Гоголя, въ переводе на малороссійскій языкъ В. Ф. Русинова. После спектакля М. Л. Кропивницкій, по требованію публики, вышелъ на сцену и прочелъ рассказъ Стороженка въ несколько стихотворений Шевченка. Удивительное чтеніе Кропивницкаго глубоко растрогало его непосредственныхъ слушателей, устроившихъ ему шумнуюovation. На репетиціи „Невольники“ крестьянская молодежь и народные учителя, принимавшіе участіе въ пьесѣ, жадно слѣдали за указаніями, даваемыми Кропивницкимъ. И съ какимъ мастерствомъ онъ ихъ давалъ! Видѣ знаменитаго малорусскаго артиста, окруженаго крестьянами, въ деревенскомъ театрѣ, намъ невольно пришло

въ голову, что общарной и плодотворной артистической дѣятельности нашего народного актера раскрылась здѣсь новая арена, столь его достойная,— воспитателя и руководителя нарождающихся народныхъ труппъ въ деревнѣ.

То тутъ, то тамъ эти труппы возникаютъ, имъ единственной цѣлью разумнаго развлеченія; въ городахъ и селахъ строятся народные дома. Казалось бы, кому, какъ не М. Л. Крошивницкому должно принадлежать артистическое руководство въ народныхъ домахъ народными спектаклями и художественнымъ чтеніемъ прозы и стиховъ. Средства для этого могутъ быть созданы на соединенные ассигнованія комитетовъ трезвости и земства. Крошивницкій, руководя народными домами въ нашей мѣстности, самъ игралъ бы на народныхъ сценахъ и, несомнѣнно, создалъ бы въ народѣ цѣлую школу театральной игры и чтенія. Крошивницкій захватываетъ создаваемые имъ трупы такъ глубоко, налагаетъ на нихъ такую массу красокъ, что видѣвшимъ его актерамъ рѣшительно невозможно не подражать ему. Какъ бы ни была талантливъ артистъ, какъ бы самостоятельно ни трактовалъ свою роль, но въ исполненіи у него непремѣнно окажется хоть частичка Крошивницкаго. О непосредственныхъ исполнителяхъ— крестьянахъ и говорить нечего: тутъ влияніе чудной игры Крошивницкаго совсѣмъ неопѣненно.

Если народному театру дѣйствительно принадлежитъ серьезная роль, не только какъ разумнаго развлеченія, но и воспитывающа и облагораживающа, то пора подумать о правильной и художественной постановкѣ дѣла. Задачу эту должны взять на себя наши народные дома, особенно въ уѣздныхъ городахъ и селахъ, и руководство ими должно принадлежать никому иному, какъ нашему несравненному народному артисту М. Л. Крошивницкому.

Дѣло по поводу увѣчья М. Шевченка. Въ свое время мы сообщали о печальномъ случаѣ внучатымъ племянникомъ Т. Г. Шевченка, М. Шевченкомъ, который во время работы въ слесарной мастерской Фальцъ-Фейнъ потерялъ руку. Дѣло это, какъ сообщается «Югъ», недавно разбиралось въ окружномъ судѣ, въ С. Б. Фальцъ-Фейнъ признана виновной въ томъ, что въ мастерской не было необходимаго досмотра за учениками, а потому судъ приговорилъ Фальцъ-Фейнъ къ ежегодной уплатѣ М. Шевченку 225 рублей пожизненно.

Картина А. Н. Волкова „Петръ Великій въ темницѣ у Полуботка“ воспроизведена фототипією въ октабрьскомъ № «Журнала для всѣхъ» текущаго года. Рисунокъ снабженъ обстоятельной замѣткой В. Строева, который, на основаніи изслѣдованія А. М. Лазаревскаго (Рус. Арх. 1880 г.), излагаетъ истинную біографію Полуботка и характеръ его политической дѣятельности.

Къ 300-лѣтнemu юбилею Кіевской Духовной Академіи. Въ 1915 г. исполняется 300 лѣтъ съ того времени, когда была основана Богоявленская братская школа, которая впослѣдствіи была переименована сначала въ коллегію, потомъ въ академію, наконецъ, въ духовную академію. Ректоръ академіи, преосвященный Димитрій, озабоченный достойнымъ празднованіемъ рѣдкаго юбилея *almae matris*, вошелъ въ совѣтъ академіи съ слѣдующими предложеніями: 1) Кіевская духовная академія доселѣ еще не имѣетъ надлежащей полной исторіи за истекшее время ея существованія. Труды по исторіи академіи преосвященнаго Макарія и В. Аскоченскаго, какъ вышедшиіе около 50 лѣтъ тому назадъ, устарѣли, а работы послѣднаго времени, при всѣхъ достоинствахъ ихъ, ни каждая въ отдѣльности, ни даже въ своей совокупности, не обнимаютъ исторіи академіи во все времена ее существованія и не изображаютъ жизни ея во всѣхъ отношеніяхъ. Въ виду предстоящаго юбилея, настоить потребность составить надлежащую полную исторію академіи. Для успѣха въ этой работе необходимо сперва издать акты по исторіи академіи, при томъ вся, напечатать неизданные еще материалы, перениздать, по пропрѣкѣ, напечатанные уже рукописи. 2) Кіевская духовная академія ежегодно 31 декабря, въ день кончины фундатора братской школы, митрополита кіевскаго Петра Могилы, совершаеть молитвенное поминовеніе основателей и благотворителей академіи и всѣхъ въ ней учившихъ и учившихся, имена которыхъ записаны въ хранящемся при церкви співодицѣ. Въ виду несовершенства этого синодика (въ немъ стоять только одни имѣва безъ указанія, кому принадлежать они), преосвященный Димитрій предложилъ составить новый, болѣе совершенный синодикъ, и именно въ двухъ видахъ: подробный, въ видѣ біографическаго словаря, въ которомъ были бы помѣщены краткія жизнеописанія всѣхъ памятныхъ академіи и цоминаемыхъ ею лицъ, и въ которомъ могли бы находить вѣкоторое удовлетвореніе, пока будетъ составлена полная исторія академіи, интересующіяся ея трехсотлѣт-

нимъ прошлымъ, въ краткій, въ которомъ стояли бы только имена умершихъ, а въ особыхъ графахъ фамилія ихъ и время кончины, и который употреблялся бы при церковномъ богослуженіи. Первый представлялъ бы собой синодикъ ученый, академический, а второй—синодикъ церковный, богослужебный. На проектируемыя изданія преосвященный Димитрій пожертвовалъ изъ собственныхъ средствъ 3,000 р. Совѣтъ академіи отнесся къ проекту преосвященнаго Димитрія вполнѣ сочувственно и, по его же предложенію, для осуществленія его проекта, назначилъ комиссію изъ профессоровъ академіи Н. И. Петрова, С. Т. Голубева и свящ. Ф. И. Титова, уже давно работающихъ въ области западно-русской исторіи. (С.-Петербург. Вѣд. 271).

Цѣнныи даръ библіотекѣ Кіевскаго университета. Библіотека университета св. Владимира обогатилась новымъ цѣннымъ даромъ. Извѣстный изслѣдователь исторіи Малороссіи, авторъ многихъ цѣнныхъ изслѣдованій въ этой области, А. М. Лазаревскій, извѣшилъ желаніе подарить университету свою библіотеку. Собраніе А. М. Лазаревскаго представляетъ особенный интересъ для Кіева, такъ какъ главную часть его составляютъ сочиненія, имѣющія отношеніе къ прошлому Малороссіи. Особенно цѣнны составленные А. М. Лазаревскимъ «сборники», въ которыхъ собраны многочисленныя статьи по исторіи Малороссіи, печатавшіяся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ теченіе болѣе сорока лѣтъ А. М. Лазаревскій, съ рѣдкой настойчивостью и трудомъ, собирая подобнаго рода статьи, вырывалъ изъ журналовъ и другихъ изданій, переплетая въ отдѣльные томы. Большая часть этихъ «сборниковъ» переплетены въ своеобразные переплеты, представляющіе стирические узорчатые ситцы и ткани. Такихъ «сборниковъ» въ собраніи А. М. Лазаревскаго имѣется болѣе ста. Жертвуемая А. М. Лазаревскимъ библіотека не будетъ слита съ остальными книгами университетской библіотеки, а будетъ храниться въ особыхъ шкафахъ. Пользованіе книгами изъ этого рѣдкаго и цѣннаго собранія будетъ ограничено тѣмъ, что книги не будутъ выдаваться на домъ, а будетъ предоставлено ими пользоваться желающимъ исключительно въ помѣщеніи библіотеки университета. Этимъ устраивается возможность случайной утраты статей, представляющихъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость. (С.-Петербургск. Вѣд. № 282).

Почетный отзывъ. 19 октября въ торжественномъ собраніи отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ былъ прочитанъ ординарнымъ академикомъ А. Н. Веселовскимъ отчетъ о четырнадцатомъ присужденіи премій имена А. С. Пушкина.

На премію представилось между прочимъ сочиненіе И. Стешенка: „Поэзія И. П. Котляревскаго. Къ столѣтнему юбилею его Энеиды“: 1) И. П. Котляревскій и Осиповъ, 2) Котляревскій въ свѣтѣ критики“. Рецензія этого труда поручена была проф. А. Е. Крымскому. Указавъ на достоинства и недостатки книги г. Стешенка, рецензентъ ходатайствовалъ предъ отдѣленіемъ о награжденіи его труда половинной преміей.

По постановленію соединеннаго собранія отдѣленія русскаго языка и словесности и разряда изящной словесности, трудъ г. Стешенка награжденъ *почетнымъ отзывомъ*, а рецензенту его труда г. А. Е. Крымскому выдана установленная пушкинская золотая медаль.

А. В. Старчевскій. (*Некрологъ*). 7-го октября скончался старѣйший представитель современной русской журналистики Альбертъ Викентьевичъ Старчевскій, на 84 году отъ роду.

Покойный происходилъ изъ дворянъ Волынской губерніи, переселившихся туда въ половинѣ XVIII вѣка изъ Польскаго королевства. Родился онъ 29-го апреля 1818 года въ деревнѣ Ивкахъ, близъ Богуславля, Киевской губерніи. Послѣ первоначального домашнаго воспитанія А. В. учился въ кошеватской парафіальной школѣ, у уніатскаго священника, въ каневскомъ повѣтовомъ училищѣ отцовъ базилиевъ и въ первой кіевской гімназіи. Нагдѣ курса онъ не окончилъ но пастолько былъ пріученъ къ работѣ, что самостоятельно подготовился къ поступленію на юридическій факультетъ университета св. Владимира. Оттуда перешелъ въ с.-петербургскій университетъ.

Русской журналистикой покойный сталъ заниматься въ 1843 г., сдѣлавшись сотрудникомъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» по исторической критикѣ и славянской этнографіи и филологіи; Покойный редактировалъ „Сынъ Отечества“ 1856—1877 г.г., съ 1879 г. по 1881 г. редактировалъ газету Современность, осенью 1881 года—«Улей», съ 1882 г. по 1883 г.—„Эхо“, съ 1883 г. по 1885 г.—«Родину», преобразовавъ ее въ еженедѣльную газету.

Въ 1891 г. имъ предпринять «Русскій объяснительный словарь, заключавшій въ себѣ непонятныя слова русскаго книжнаго, общественнаго и народнаго языка и областныхъ его говоровъ, а также малорусскаго, южно-русскаго и бѣлорусскаго нарѣчій» .



БИБЛIOГРАФІЯ.

**Волынскій историко-археологическій сборникъ. Выпускъ второй.
Издание Распорядительнаю Комитета Волынскаго Церковно-Архе-
ологическаго Общества. Житомиръ, 1900. in 8° стр. 287.**

Пять лѣтъ назадъ, въ 1896 г., вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ настоящаго Сборника, и нашъ журналъ сочувственно привѣтствовалъ это изданіе, посвященное исторіи и археологіи Волынѣ, отмѣтиль цѣнныя научныя статьи и материалы, вошедши въ его составъ, но при этомъ выразилъ неодобрение по поводу того, что среди нихъ нашли мѣсто и пресловутые «Документы, относящіеся къ древней исторіи Почаевскаго монастыря», критикѣ которыхъ были посвящены особыя статьи въ нашемъ журналѣ. Вновь вышедшій выпускъ Сборника мы привѣтствуемъ тѣмъ охотнѣе, что научный характеръ выдержанъ въ немъ строже, а по своему содержанію онъ представляется во всѣхъ отношеніяхъ богаче, разнообразнѣе и интереснѣе первого выпуска.

Главными работниками при составленіи настоящаго выпуска были тѣ же лица, которые участвовали и въ редакціи прежнаго, имено: протоіерей Н. Н. Трипольскій и О. А. Фотинскій; къ нимъ присоединился еще кievскій ученый М. П. Истоминъ.

О. Трипольскому принадлежитъ подробное описание въ высшей степени цѣнной рукописи — Евангелія 1571 года въ переводѣ на южно-русскій языкъ. Еще въ 1876 г. П. И. Житецкій, оканчивая печатаніе знаменитой Пересопницкой рукописи, получая изъ Житомира отъ о. Николая Трипольскаго краткое сообщеніе объ имѣю-

щемся у него рукописномъ Евангеліи 1571 г. на малорусскомъ языке, вмѣстѣ съ выпискою изъ него небольшого отрывка. Основываясь на этой выпискѣ, г. Житецкій высказалъ предположеніе, что это—копія Пересопницкаго Евангелія, но при этомъ выразилъ пожеланіе, чтобы о. Трипольскій не замедлялъ подробно описать хранящуюся у него рукопись, и тогда получится возможность высказать о ней болѣе опредѣленное заключеніе.¹⁾ Это пожеланіе владѣлецъ рукописи привелъ въ исполненіе лишь въ настоящее время. Въ очень обстоятельной статьѣ онъ сообщилъ исторію рукописи, насколько можно ее восстановить по имѣющимъ въ ней надписямъ и замѣткамъ, представивъ подробное ея описание и цомѣстиль общирная (на 52 страницахъ) выписки ея текста. Оказывается, что переводчикомъ (или переписчикомъ) этого замѣчательнаго Евангелія былъ вѣдько „Петръ, многогрѣшный рабъ Божій“, предиравившій въ 1571 г. этотъ благочестивый трудъ «Богу ву чти, а посполитому люду къ добруму вырозумѣванію», или (какъ онъ выразился въ другомъ мѣстѣ), „въ доброй науце“. Мѣсто, гдѣ трудился переводчикъ, въ рукописи не обозначено, но по нѣкоторымъ даннымъ можно заключать, что во второй половинѣ XVIII ст. Евангеліе это принадлежало Владимиро-Волынской Ильинской церкви, почему авторъ и даетъ ему наименование «Волынскаго Евангелія». Конечно, отсюда нельзя еще выводить категорическаго утвержденія, что оно написано именно въ г. Владимирѣ, а не въ другомъ мѣстѣ Волыни, но почтенный авторъ усиливается доказывать, что «многогрѣшный Центръ» былъ не кто иной, какъ тотъ безыменный «дьякъ» Ильинской церкви, которому извѣстный брацлавскій цаштelaerъ Василій Загоровскій,²⁾ въ своемъ завѣщаніи 1577 года, вмѣняетъ въ обязанность, «абы онъ книги, якихъ церковъ шилне потребуетъ, зъ доброго зводу уставичне писаль». Отсюда, конечно, нельзя еще заключать, что ильинскій дьякъ именно и былъ переводчикомъ „Волынского“ Евангелія. Но прослѣдимъ дальнѣйшую судьбу этой драгоценной рукописи. Въ пятидесятыхъ годахъ XIX ст. ею владѣлъ владимиро-волынскій соборный протоіерей Севастіанъ Коссовичъ, вѣроятно отыскавшій ее въ одномъ изъ церковныхъ архивовъ; отъ него она досталась его сыну, бывшему въ 1860-хъ годахъ

¹⁾ Описаніе Пересопницкой рукописи XVI в., стр. 78.

²⁾ О. Трипольскій ошибочно титулуетъ его „княземъ“; фамилія Загоровскихъ исходи принадлежала къ числу земянскихъ, а не княжескихъ родовъ.

учителемъ Житомирской гимназіи, а послѣ смерти послѣднаго пошла въ руки евреевъ-старьевщиковъ, отъ которыхъ совершенно случайно и была приобрѣтена настоящими ея владѣльцемъ, протоіереемъ Н. Трипольскимъ, въ 1875 г.

По своему составу, Волынское Евангеліе представляетъ обычное четвероевангеліе (тетръ), съ раздѣленіемъ на главы и зачала и указаниемъ церковныхъ чтеній, пріуроченныхъ къ тому или другому празднику или воскреснымъ днамъ, изъ чего слѣдуетъ заключать, что оно, какъ и однородное съ нимъ Пересопницкое Евангеліе, предназначалось не только для домашнаго чтенія, но и для употребленія въ церкви, во время богослуженій.

Выше мы замѣтили, что ученый изслѣдователь Пересопницкаго Евангелія, основываясь на сообщенномъ ему краткомъ отрывкѣ изъ Волынского Евангелія, призналъ его не болѣе какъ копіей Пересопницкаго. Теперь о. Трипольскій, подвергнувъ тексты обоихъ Евангелій подробному сличенію, пришелъ къ другому выводу, именно — что при значительной близости этихъ текстовъ въ отношеніи языка, между ними замѣчается извѣстная разница, дающая основаніе утверждать, что текстъ Волынского Евангелія представляетъ во многихъ отношеніяхъ оригиналную редакцію. Съ этимъ заключеніемъ,ѣроятно, согласится всій, кто внимательно прочитаетъ параллельно напечатанныя о. Трипольскимъ цѣлые главы изъ обоихъ Евангелій. Во всякомъ случаѣ теперь, съ обнародованіемъ текста Волынского Евангелія, возможно всестороннее научное его изслѣдованіе, чѣмъ, конечно, и не преминуть воспользоваться ученые специалисты. А за почтенный о. протоіереемъ Трипольскому навсегда останется заслуга первого открытия ученому миру этой драгоценной рукописи, сохраненія ея отъ угрожавшей ей гибели въ рукахъ невѣжественныхъ людей и, наконецъ, первого научнаго ея описанія. Остается выразить пожеланіе, чтобы поскорѣе дождалась такого описанія и еще одна волынская рукопись того же рода, именно — южно-русскій переводъ Нового Завѣта, сдѣянный въ 1581 г. волынскимъ дворяниномъ Валентиномъ Негалевскимъ. Рукопись эта хранится въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей, и еще недавно, во-время послѣднаго Археологического Съезда, ее можно было видѣть на археологической выставкѣ.

Въ томъ же Сборникѣ имѣется и другая статья о. Трипольского: «Історическія свѣдѣнія о городѣ Житомирѣ, Волынской губерніи». Къ сожалѣнію, мы лавшины возможности высказать объ этой работе

столь же благопріятный отзывъ, какъ о первомъ труде того же автора. Мы хорошо понимаемъ, что составить мало-мальски полную и обстоятельную исторію столь древняго города, какъ Житомиръ,—задача величайшей трудности, требующая обширной эрудицій и массы кропотливыхъ изыскавій, невсегда и возможныхъ въ провинціальномъ городѣ; поэтому заранѣе оговариваемся, что къ разбираемой статьѣ не станемъ предъявлять строгихъ требованій. Кому же авторъ самъ предупреждаетъ, что онъ «не задавался цѣлью писать подробную, обстоятельную исторію города Житомира», а желалъ только сгруппировать и въ болѣе или менѣе послѣдовательномъ порядке изложить то, что относительно этой исторіи имѣлось у него подъ руками въ видѣ разбросанныхъ». Пусть и такъ. Авторъ имѣеть право отмежевать себѣ тѣ или другія границы, представить не полную исторію города, а лишь извѣстную сторону его прошлой жизни, въ ту или другую эпоху, ограничиться лишь извѣстнаго рода материалами. Но какъ бы онъ ни съуживалъ свою задачу, онъ не можетъ не знать или намѣренno игнорировать установившееся уже въ наукѣ факты и положенія, касающіеся избраннаго имъ предмета; ему нельзя обойтись безъ предварительного ознакомленія съ лучшими, т. е. наиболѣе полными и достовѣрными источниками,—въ противномъ случаѣ онъ рискуетъ на каждомъ шагу впадать въ грубыя ошибки, повторять давно опровергнутыя басни и напрасно ломать голову надъ тѣмъ, что давно уже открыто и съ точностью выяснено. Нѣчто подобное случилось и съ нашимъ почтеннымъ авторомъ. Сколько можно судить по его ссылкамъ и цитатамъ, авторъ сдѣлалъ выписки изъ давно забытыхъ статей польскихъ историковъ: Прусановскаго *Żytomierz pod wzgледem historycznym*, начечатанной въ *Gazet—ѣ Polsk—ой* за 1864 годъ, Крашевскаго *Wieczory Wołyńskie*, изд. 1859 г., изъ книги Балчинскаго и Липинскаго *Starożytna Polska*, изд. 1844 г., да къ немъ присоединилъ: «Волынскія записки» Стешана Руссова, изд. 1809 г. (чистый хламъ) и «Историч. очерки Волынія» Крушинскаго,—и на основаніи этихъ скучныхъ и болѣе уже устарѣвшихъ материаловъ задумалъ составить очеркъ исторіи Житомира ab ovo и до нашихъ дней. Ни одинъ изъ болѣе новыхъ русскихъ или польскихъ историковъ, ни одно изъ капитальныхъ изданій историческихъ авторовъ, во множествѣ появившихся съ 1860-хъ годовъ, не цитируются авторомъ, за исключеніемъ единственной (и то, видимо, случайной) цитаты изъ *Zròdla dziejowe* и двухъ-трехъ Описей актовыхъ книгъ Кіев. Центр.

Архів. Не удавительно, что, руководствуясь такими устарѣлыми и малоцѣнными источниками, авторъ на каждомъ шагу дѣлаетъ промахи. Такъ, въ первыхъ же строкахъ своей статьи онъ съ полной вѣрою повторяетъ старую сказку о походѣ Гедимина на Кіевъ въ 1320—21 гг. и завоеванії Житомира, совсѣмъ игнорируя изысканія обѣ этомъ проф. Антоновича, Дацкевича и др. историковъ. Зато, съ другой стороны, авторъ умалчиваетъ о такомъ крупномъ фактѣ въ исторії Житомира, какъ полное его разореніе Менглигиреемъ въ 1481 г., послѣ чего городъ долго не могъ оправиться. Перечень первыхъ намѣстниковъ и старостъ Житомирскихъ неполный и невѣрный. Вообще историч. свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о Житомирѣ за XVI в., крайне блѣдны и сбивчивы. Это происходитъ оттого, что онъ съ чужого голоса повторяетъ отрывочные извѣстія, почерпнутыя изъ скучныхъ источниковъ. А если бы оцѣ обратился въ первоисточникъ и просмотрѣлъ хотя бы подлавные люстрації Житомира 1471, 1545, 1552 и др. годовъ, давно изданныя въ Архивѣ Юго-зап. Россіи ч. VII т. 1 и 2, или у г. Яблоновскаго, онъ нашелъ бы тамъ живыя и краине интересныя подробности о Житомирѣ тѣхъ временъ, съ подробнымъ описаніемъ замка и его вооруженія, числовымъ перечнемъ жителей —земянъ, бояръ и мѣщанъ, съ яркимъ изображеніемъ ихъ бѣдственной жизни подъ вѣчнымъ страхомъ татарскаго вторженія и т. под. Тогда автору не нужно было бы ломаться въ открытую дверь и гипотетически решать такія задачи, для решения коихъ люстрації дали бы ему точныя указанія. Такъ, напримѣръ, его очень интересуетъ вопросъ: были ли въ Житомирѣ въ XVI в. православныя церкви и монастыри? Скучные и тощіе источники, какими авторъ располагаетъ, не даютъ на это отвѣта, и ему не остается ничего другого, какъ строить гипотезы: „Трудно предположить, чтобы такой благоустроенный и многолюдный городъ, какимъ былъ Житомиръ въ XV и XVI вѣкахъ, не имѣлъ въ себѣ храма, въ которомъ бы могло совершаться богослуженіе—одно изъ важныхъ условій, удовлетворяющихъ высшей потребности человѣческаго духа“... и проч. Чувствуя однако крайнюю нужду подкрѣпить это благочестивое соображеніе хоть какимъ-нибудь подобиемъ исторического свидѣтельства, авторъ, какъ утопающій за бритву, хватается за такой подозрительный документъ, на который въ другихъ случаяхъ онъ и самъ совсѣмъ ссылается. „На основанії пѣкоторыхъ рукописныхъ документовъ XVII—XVIII вв. во градѣ Жити-мирно“, т. е. въ Житомирѣ, уже

въ XIII и XIV в. существовали монастыри женскій и два мужескихъ и изъ этихъ послѣднихъ одинъ— „греческимъ обрадиемъ целемъ“ (?!)— не только православный, но собственно греческій монастырь“. Читатель, конечно, въ недоумѣніи: что это за «нѣкоторые рукописные документы XVII—XVIII вв.», поѣстествующіе о событияхъ XIII—XIV вв. такимъ страннымъ нарѣчіемъ? Поможемъ ему догадаться: это пресловутая „Почаївская Лѣтопись“, о которой въ свое время въ нашемъ журналѣ даны были отзывы, какъ о грубомъ и невѣжественномъ фальсификатѣ. 1) Вспомнивъ объ этомъ, о. Трипольскій скромно оговаривается далѣе: «Достовѣрность этихъ документовъ и сообщаемыхъ ими историческихъ извѣстій о древнѣйшихъ событияхъ на Волыни пока не признана нашей литературной критикой, а потому мы и замалчиваемъ ихъ до поры до времени; но тѣмъ не менѣе остаемся при глубокомъ убѣждѣніи, что въ г. Житомирѣ съ древнѣйшихъ временъ существовали православные монастыри и храмы». Подчеркнутыя нами въ въ этой цитатѣ выраженія какъ-будто указываютъ на то, что почтенный протоіерей еще не потерялъ надежды доказать достовѣрность Почаївской лѣтописи... Суетная эта нужда! Суетна и ссылка въ данномъ случаѣ на эту лѣтопись, ибо мы безъ того достовѣрно знаемъ, что православныи церкви и монастыри точно существовали въ Житомирѣ въ половинѣ XVI в., а можетъ быть и раньше, и свидѣтельство объ этомъ почерпнемъ изъ тѣхъ же люстрацій 1545 и 1552 гг.: тамъ имѣются прямыи указанія на то, что въ Житомирѣ въ то время былъ монастырь Усиенскій и церкви: св. Николая, св. Спаса и Рождества Богородицы. Есть тамъ упоминанія и о католическихъ костелахъ, относительно которыхъ нашъ авторъ категорически утверждаетъ, будто ихъ вовсе не было въ Житомирѣ раньше XVIII вѣка: назанныи люстраціи, напротивъ, упоминаютъ о костелахъ Матки Божии и св. Николая, но поясняютъ, что оба они „запустѣли отъ 80 лѣтъ“, т. е. со времени Менглигиреева разоренія. Нашъ авторъ, правда, кое-что черпаетъ и изъ этихъ люстрацій, но не прямо, а изъ третьихъ рукъ, и потому иные факты приводятся имъ въ изуродованномъ видѣ. Такъ онъ говоритъ, будто люстрація Житом. замка въ 1545 г. была произведена «епископомъ Луцкимъ

¹⁾ См. двѣ статьи г. Волынца, въ „Кiev. Старинѣ“ 1896 г. октябрь и 1898 г. апрѣль.

Григоріємъ Фальчевскимъ и дворяниномъ королевскимъ Леономъ Потоцкимъ, на самомъ же дѣлѣ ее производила Юрий Фальчевский, бискупъ Луцкій и Берестейскій, и Левъ Потый «дьякъ его королевской милости». — „Изъ этой переписи или такъ называемой *метрики* (пишеть о. Тринольскій) прежде всего мы узнаемъ, что житомирские мѣщаве *всѧ подати платили Киево-печерскому монастырю*“. А въ подлинной люстраціи сказано: «семь слугъ замковыхъ,... которые земли господарскія подъ собою мають, зъ тыхъ дей земель даны даютъ на монастырь Пречистой Печерской до Кіева»; да и люстрація никогда не называлась «метриками»: онѣ лишь вносились люстраторами всякий разъ въ *метрику* литовскую, а внослись люстраторами въ коронную.

Встрѣчаются въ статьѣ о. Тринольского и нѣкоторыя странности, въ родѣ слѣдующей. Рассказываетъ онъ, что въ 1766 г. въ Житомирѣ былъ учрежденъ римско-католическій монастырь и при немъ община сестеръ милосердія, такъ называемыхъ шаритокъ, на обязанности которыхъ было призрѣніе и воспитаніе подкидышей, сиротъ и дѣтей недостаточныхъ родителей. «По видимому (замѣчаетъ авторъ), житомирскія сестры милосердія стояли на высотѣ своего призванія и исполняли свое дѣло безукоризненно и съ самоутверженіемъ, *въ духѣ православія и русской народности* (?)», но потомъ оказалось, что онѣ воспитывали дѣтей въ католическомъ духѣ и крестили подкидышей по латинскому обряду. Да какъ же иначе, когда шаритки сами были католичками и общана ихъ состояла при католич. монастырѣ? Какимъ же образомъ онѣ могли бы воспитывать призрѣваемыхъ ими дѣтей *„въ духѣ православія и русской народности“*?

Въ концѣ статьи своей о. Тринольскій приводить подробное описание г. Житомира въ половинѣ XIX ст., заимствованное изъ книги Крашевскаго *Wieczory Wołyńskie*, изд. 1859 г. Это наиболѣе интересная часть статьи, и если бы авторъ выбралъ изъ польскихъ изданій побольше такихъ мемуаровъ о Житомирѣ, предносивъ имъ краткій историческій очеркъ въ родѣ, напримѣръ, того, какой помѣщенъ въ XIV томѣ *Słownika Geograficznego*, то его трудъ имѣлъ бы большую цѣну.

Другимъ ближайшимъ сотрудникомъ при составленіи 2-го выпуска «Волынского Историко-Археологического Сборника» является О. А. Фотинскій. Этотъ безкорыстный труженикъ, занимающій скромное положеніе преподавателя въ епархиальномъ женскомъ училищѣ

въ Житомирѣ, своими учеными изслѣдованіями, археологическими экскурсіями и работами по описанію предметовъ, хранящихся въ Вол. Епарх. Древлехранители, давно уже приобрѣль почетную извѣстность, какъ даровитый, усердный и крайне полезный дѣятель на поприщѣ научной разработки родной ему Волынской старинѣ. Всѣ его работы отличаются вполнѣ научнымъ характеромъ, основательнымъ изученіемъ предмета и значительнымъ литературнымъ дарованіемъ. Тѣми же достоинствами зачепатлены и двѣ новые его статьи, помѣщенные въ Сборникѣ.

Первая изъ нихъ: «Побратимство и чинъ братотворенія». Если не ошибаемся, эта самая работа была доложена авторомъ въ качествѣ реферата на послѣднемъ Археолог. Съездѣ. Главныя положенія ее таковы. Обрядъ братотворенія явился лишь церковною санкціею народнаго обычая, свойственнаго всѣмъ народамъ древности. Впервые чинъ братотворенія составленъ въ греческой церкви, вѣроятно, въ VII—VIII вв. Перенесенный въ русскую церковь, этотъ чинъ, первоначально очень краткій, постепенно видоизмѣнялся и исполнялся какъ въ содержаніи молитvosловій, такъ и въ обрядности, все болѣе приближаясь по формѣ къ таинству брака. Такъ, побратимовъ ставили въ церкви предъ налоемъ, давали имъ зажженныя свѣчи, іерей связывалъ имъ руки поясомъ, водилъ вокругъ налоя при пѣніи церковныхъ иѣсней, пріобщалъ св. дарами, заставлялъ ихъ цѣловать другъ друга и вкушать вина изъ одной чаши. Это сходство въ обрядности чиновъ братотворенія и таинства брака обусловливалось тождествомъ лежавшей въ основѣ того и другого акта идеи—полного духовнаго единенія. Въ одномъ изъ волынскихъ рукописныхъ требниковъ (1403 г.) есть указаніе и на то, что побратимы мѣнялись крестами, какъ то практиковалось въ обычной формѣ побратимства запорожцевъ. Несмотря на то, что восточною церковью побратимство было окончательно запрещено еще въ XIII ст. («пбо оно нерѣдко приводило къ тажкомъ грѣхамъ..»), на Руси широко распространившіяся обычай оказался сильнѣе закона, и чинъ братотворенія продолжалъ переписываться и въ позднѣйшіе вѣка, а въ XVII ст. не рѣдко включался и въ печатные требники (например, въ Киевскій требникъ 1652 г.). Очевидно, мѣстная духовная власть сама находилась въ колебаніи, какъ ей относиться къ глубоко укоренившемуся народному обычаяю. Въ библіотекѣ Общества Нестора-лѣтоисца хранится рукописный чинъ братотворенія, писанный въ XVII ст. где-то въ Кіевщинѣ или Черниговщинѣ, а въ Помяникѣ церкви с. Смѣдыня, Ковельского у., встрѣчаемъ любопытное прошеніе: «помяны, Господи, кумы и побра-

тимъ». До настоящаго времени обычай побратимства, съ церковнымъ освященіемъ, сохранился по мѣстамъ въ юго-славянскихъ земляхъ, въ Малороссіи же отголоски этого обычая удержались кое-гдѣ въ видѣ такъ называемаго «еданья». Авторъ приводить не вполнѣ определенные указания и на то, что побратимство считалось духовнымъ родствомъ и въ извѣстныхъ случаяхъ служило препятствиемъ къ браку; быть можетъ, оно сопровождалось извѣстными юридическими правоотношениями между побратимами и ихъ родственниками. Южно-русская церковная братства возникали изъ пынхъ побужденій и потому требовали иного церковнаго чина, отличающагося крайнею простотою и бѣдностью ритуала; но въ началѣ XIX ст. вступленіе въ братство (у униатовъ) сопровождалось чинопослѣдованиемъ, отчасти заимствованымъ изъ чина братотворенія.

Къ этому интересному изслѣдованію мы можемъ лишь добавить, что въ Луцкой актовой книгѣ 1572 г. намъ встрѣтился документъ, какъ будто подтверждающій догадку почтеннаго автора о томъ, что побратимство, освященное церковнымъ обрядомъ, ставило побратимовъ въ извѣстныя юридическія правоотношенія. Земянинъ Станиславъ Хрустицкій жаловался въ луцкомъ судѣ 27 янв. 1572 г., что его «церковный братъ» и. Янъ Незнавскій, не задолго предъ тѣмъ умершій, завѣщалъ ему разныя вещи въ уплату слѣдующаго долга, но земянинъ Дмитро Яловицкій (очевидно, близкій родственникъ умершаго) отказался ему показать завѣщаніе и выдать завѣщаніе. ¹⁾ Этотъ же самый терминъ «церковный братъ» встрѣтился намъ и въ одной актовой книгѣ полтавскаго полкового суда конца XVII в. Въ апрѣлѣ 1683 г. полтавскій козакъ Ганонъ Карновичъ заявилъ предъ урядомъ, что умершій въ Сѣчи козакъ Леско Бутъ, приходившій ему «братомъ церковнымъ названнымъ», передъ смертью передалъ ему свою волю относительно распоряженія оставшимся въ Полтавѣ домомъ и имуществомъ, и урадъ утвердилъ это распоряженіе такъ, какъ бы оно было выражено въ формѣ письменнаго завѣщанія. Наконецъ напомнимъ, что въ нашемъ журнале (1887 г., № 10) былъ напечатанъ формальный актъ побратимства 1801 года, внесенный въ метрическую книгу с. Протопоповки, александрийскаго у., херс. губ., взъ чего можно заключить, что древній обычай братотворенія не исчезъ совершенно еще въ началѣ XIX ст.

Не менѣе интересенъ и другой очеркъ г. Фотиевскаго въ новоизведенномъ Сборнике: «Обыкновенные люди старой Волыни. Изъ се-

¹⁾ Актовая книга № 2046, л. 55.

мейної хроніки двохъ поколѣній дворянъ Загоровскихъ, во второй половинѣ XVI в.». По нашему глубокому убѣждению, подобные бытовые очерки, умѣло и сколько-нибудь талантливо составленные, должны быть цѣнимы выше иныхъ историческихъ диссертаций, снабженныхъ огромнымъ ученымъ арсеналомъ, но сухо и безжизненно трактующихъ о предметахъ хотя бы и первостепенной важности. Начто такъ не вводить читателя непосредственно въ жизнь отдаленного прошлого, какъ живое изображеніе тогдашнихъ людей, съ ихъ повседневными бытами, мелочными житейскими заботами и интересами. Нужды нѣть, что это были обыкновенные, заурядные люди, не возвышавшиеся надъ среднимъ уровнемъ своихъ современниковъ, что въ ихъ жизни не было ни громкихъ дѣяний, ни особенно интересныхъ приключений; но нужно помнить, что такие обыкновенные люди являются типическими представителями своей эпохи и что они въ своей совокупности и дѣлали собственно исторію своей родины, независимо отъ талантовъ и энергіи отдельныхъ руководителей и отъ задавленной, обезличенной народной массы. Но чтобы съ успѣхомъ писать такие очерки, для этого, кромѣ природного таланта, требуется общирное, всестороннее знакомство съ историческою эпохой и предварительное необыкновенно кропотливое изученіе мелкихъ архивныхъ документовъ, изъ которыхъ каждый въ отдельности не представляетъ интереса, но въ общей совокупности, подъ рукою мастера, они, подобно мозаическимъ камешкамъ, даютъ живыи, рельефныя изображенія. У г. Фотинского имѣются всѣ данные, чтобы быть такимъ историческимъ живописцемъ: и талантъ, и основательное знаніе исторіи родной ему Волыни, и необыкновенное трудолюбіе. Чтобы составить понятіе о томъ, какой громадный матеріалъ нужно было ему переработать, прежде чѣмъ написать настоящій очеркъ, достаточно одного бѣглого взгляда на его подстрочные цитаты: это все ссылки на безчисленные акты и документы самой мелкой цѣны и содержанія, въ родѣ купчихъ, продажныхъ, заставныхъ записей, дѣльчихъ, вѣновныхъ листовъ, жалобъ, декретовъ и т. д. Часть этихъ матеріаловъ г. Фотинскій нашелъ у себя подъ руками, въ библіотекѣ Вол. епарх. Древлехранилища, но огромное большинство ихъ хранится въ актовыхъ книгахъ Кіев. Центр. Архива, и такъ какъ авторъ былъ лишенъ возможности работать въ самомъ Архивѣ, то ему осталось главнымъ образомъ пользоваться печатными Описями актовыхъ книгъ, где обозначено лишь вкратцѣ содержаніе актовъ, но не

приводятся подробности, нерѣдко весьма характерныя. Сверхъ того, интересовавшіе автора материалы о Загоровскихъ имѣются не въ однихъ Луцкихъ актовыхъ книгахъ, Описи которыхъ отчасти изданы, но и въ книгахъ Владимирскихъ, Кременецкихъ и др., коихъ описи еще не опубликованы. Мы лично давно заинтересованы исторіей рода Загоровскихъ и въ теченіе многолѣтнихъ занятій въ Киев. Центр. Архивъ успѣли скопить огромный материалъ, сличая который съ очеркомъ г. Фотинскаго, приходимъ къ заключенію, что многие факты и подробности изъ жизни его героевъ остаются ему еще неизвѣстными. Говоримъ обѣ этомъ отнюдь не въ осужденіе работы симпатичнаго намъ автора, и безъ того полной и прекрасной, а съ цѣлью лишь показать читателямъ, какое безпредѣльное богатство для бытовой исторіи заключается въ актовыхъ книгахъ, и вмѣстѣ поскорѣеть о томъ, что такъ мало работниковъ, которые желали бы трудиться надъ этимъ богатымъ материаломъ. Что же касается г. Фотинскаго, то, повторяемъ, ему дѣлаетъ еще большую честь то обстоятельство, что онъ лишенный возможности пользоваться смолна имѣющимся налицо материаломъ, сумѣлъ однако нарисовать въ высшей степени живые и рельефные портреты волынскихъ земянъ XVI в. Лично мы не согласились бы съ нимъ въ одномъ лишь пункѣ: почему онъ полагаетъ, что епископъ Феодосій Лозовскій изрекъ извѣстный декретъ по дѣлу между двумя женами Вас. Загоровскаго, будучи подкупленъ книжною Чорторыйскою? Вѣць та „тайная цедула“, которую ея повѣренный вручилъ суду открыто, на глазахъ у противной стороны и многочисленныхъ свидѣтелей, наѣрное заключала въ себѣ, какъ и заявлялось при этомъ, какія-то выписки изъ церковныхъ каноновъ, а отнюдь не взятку или посулу, какъ склоненъ подозрѣвать авторъ. Мы согласны съ нимъ, что епископъ Лозовскій былъ такой человѣкъ, котораго не трудно было подкупить, но умный повѣренный ни въ какомъ случаѣ не сдѣлалъ бы такого промаха, что бы открыто, на судѣ, поднести взятку предсѣдателю, а не вручить ему ее келейно. Да и приговоръ духовнаго суда былъ такого рода, что любой епископъ того времени могъ произнести его безъ всякаго подкупа, по искреннему убѣждѣнію. Лучшимъ подтверждѣніемъ этому служить то обстоятельство, что декретъ Лозовскаго хотя и былъ противной стороною опротестованъ, но никакимъ судомъ внослѣдствіи не былъ отмѣненъ, и обѣ жены Загоровскаго такъ и жизнь свою

окончили, нося его фамилію въ пользуясь сопряженными съ этимъ правами.

Еще одно мелкое замѣчаніе: зачѣмъ почтенный авторъ фамилів князей Чорторыйскихъ и Потьї пишеть въ позднѣйшей ополаченой формѣ: «Чарторыйскіе», «Іпатій Потьї?» Имя дѣло съ подлинными историческими актами, онъ вѣдь хорошо знаетъ, какъ эти фамиліи писались въ XVI—XVII ст. Нѣть нужды въ намъ измѣнять на польской ладѣ эти (а другія) фамиліи, разъ мы ведемъ рѣчь о людяхъ тѣхъ вѣковъ, а не объ ихъ ополаченныхъ потомкахъ.

Въ томъ же Сборникѣ имѣется статья М. П. Истомина: «Наброски по иконографіи Волынскаго Древлехранілища въ г. Житомирѣ». Это тоже извлечееніе изъ реферата, читаннаго авторомъ на XI Археологическомъ Съездѣ въ Кіевѣ, только тамъ была рѣчь вообще о Волынской иконографіи, а въ настоящей статьѣ—исключительно о тѣхъ старинныхъ иконахъ, которыя собраны въ Древлехранілищѣ. Среди нихъ изслѣдователь различаетъ два типа: 1) сравнительно очень небольшой отдѣль, представляющій композиціи, сдѣланныя по византійскимъ образцамъ, и 2) значительно большій, съ яснымъ оттѣнкомъ западнаго вліянія композицій, въ духѣ мастеровъ отчасти итальянскихъ, по главнымъ образомъ нѣмецкихъ и даже фланандскихъ школъ живописи. Наряду съ этимъ встрѣчаются нерѣдко изображенія переходного типа, композиція которыхъ въ своей основѣ византійская, но техническое исполненіе носить уже на себѣ слѣды западнаго вліянія. Въ заключеніе изслѣдователь указываетъ на крупный иконографический проблѣлъ Древлехранілища—бѣдность изображеній съ ясно выраженнымъ народнымъ колоритомъ. Только двѣ иконы Богоматери—одна съ изображеніемъ строителя иконы, «ткача Ява Вербскаго» съ женою и дочерью, и другая, съ изображеніемъ колѣнопреклоненнаго пана, даютъ пѣкоторый матеріалъ для исторіи народнаго костюма. Сюда же можетъ быть отнесена серебряная привѣска (изъ г. Ковля) съ изображеніемъ вола и надписью: «Року 1711 было барзо здыхало. Пріими оффру, Чистая Дѣво Мати, вола срибного, ратуй остатокъ былла у людей и у мене бидного». И это все. Между тѣмъ, судя по личнымъ наблюденіямъ автора при обозрѣніи церквей на Волыни, народная струя здѣсь весьма сильно и рельефно пробивается въ трактовкѣ многихъ иконографическихъ сюжетовъ, напр. въ изображеніяхъ св. великомученицы Варвары и особенно въ картинахъ

Страшного суда.—Въ вѣду специального сюжета статьи, касающейся такой сравнительно мало еще изслѣдованной области, какъ иконографія, мы воздерживаемся отъ оценки наблюденій г. Истомина, но признаемъ справедливымъ отдать ему должную честь, какъ первому изслѣдователю въ области западно-русской иконографіи. Къ сожалѣнію, у насъ такъ еще велика область предметовъ, научно пока неизслѣдованныхъ, что мы должны съ благодарностью привѣтствовать каждое начинаніе въ этомъ дѣлѣ. Многое ли намъ извѣстно, напримѣръ, о томъ, что въ сущности представляеть собою старинная малороссійская архитектура нашихъ храмовъ, со дня на день исчезающая и повсемѣстно замѣняемая до тошноты однообразнымъ казеннымъ фасономъ? Что это за стиль, подъ какимъ онъ вліяніемъ образовался? Есть у насъ на Волыни и въ Подоліи древніе замки и другіе памятники старинной архитектуры: но кто научно занимается ихъ изученіемъ? А наша дивная церковная музыка, такъ сильно захватывающая насъ въ хоровыхъ переложеніяхъ Турчанинова и Бортнянского и въ безыскусственномъ исполненіи кіево-печерскихъ монаховъ! Она ещѣльть 30 назадъ была жива и въ нашихъ селахъ, въ устахъ старинныхъ дьячковъ, но съ учрежденіемъ псаломщичества умолкли наївки ихъ оригинальные напѣвы и смѣнились невѣжественнымъ возлогомъ сіемъ. Къ счастью, древность передала намъ богатый запасъ старопечатныхъ и болѣе древнихъ рукописныхъ ирмологіевъ, где южно-русскіе напѣвы увѣковѣчены витыми знаками. Кто же у насъ занимается изученіемъ всего этого? Кто въ состояніи объяснить: откуда пришли къ намъ эти чудные, якобы греческіе и болгарскіе распѣвы, когда ни въ современной Греціи и Болгаріи, ни на христіанскомъ востокѣ, ни въ какомъ иномъ мѣстѣ христіанского міра нѣть ничего скольконибудь похожаго на наши чудныя церковныя мелодіи? А если эти напѣвы сложились у насъ же дома, то какъ велико было участіе въ ихъ образованіи народной музыки сравнительно съ иноzemными вліяніемъ, и какимъ именно? Всѣ эти интересныя задачи, столь важныя въ дѣлѣ исторического изученія нашей культуры, еще ждутъ рѣшенія.

Въ заключительномъ отдѣлѣ Сборника, названномъ *Miscelanea*, помѣщены документы и другіе матеріалы, относящіеся къ исторіи монастырей: Загоровскаго, Дерманскаго, Луцкаго Крестовоздвиженскаго братства и одинъ документъ (по забывчивости издателей не датированный), относящійся къ исторіи церкви с. Полбoreцъ, дуб. у.,

и бывшаго здѣсь уніатскаго женскаго монастыря. Историческій интересъ этихъ матеріаловъ различной цѣнности, но худо то, что всѣ они напечатаны съ такимъ обиліемъ грубыхъ опечатокъ, что для исправленія ихъ пришлось прибавить четыре съ лишнимъ страницы поправокъ.

Оканчивая оцѣнку Волынскаго Сборника, мы по сирауедливости должны признать это изданіе цѣннымъ, полезнымъ, вносящимъ немалую лепту въ сокровищницу научнаго изученія исторіи Волыни. Отмѣченные нами кое-какіе недочеты и промахи не ослабляютъ этого приговора, ибо не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. А духовенству Волынской, какъ и Подольской, губ. надо отдать полную сирауедливость, что оно стремится дѣлать и, что можетъ, дѣлаетъ для изученія края. И въ Житомирѣ, и въ Каменцѣ давно учреждены епархіальныя древлехранылица, куда постоянно стекаются всікаго рода остатки старины, которые безъ этого были бы обречены на гибель. Вокругъ этихъ хранилищъ естественно группируются лица, съ усердіемъ и любовью работающія на пользу родной исторіи, учреждаются изданія, гдѣ печатаются не одни матеріалы, во и по временамъ очень цѣнныя изслѣдовавія и даже капитальные труды, въ родѣ недавно вышедшаго Историческаго описанія приходовъ и церквей Подольской губ. И съ любовью оглядываешь съ высоты Кіевскихъ горъ на эти пока еще немноголюдные кружки усердныхъ работниковъ, невольно переводишь взоръ на востокъ и съверъ, въ даль степнаго Заднѣпровья, и спрашивашь: а что же дѣлается тамъ, въ предѣлахъ древніаго Черниговскаго княжества и Съверской земли, а равно и тамъ, на берегахъ Ворсклы, „де Шведъ полигъ головою“? Учреждаются ли п тамъ епархіальныя древлехранылица, собираются ли и изучаются памятники старины? Организуются ли церковно-археологическіе общества, какъ на Волынѣ, или историко-статистическіе комитеты, какъ въ Каменцѣ? Увы! Нѣть тамъ ни древлехранылицъ, ни обществъ, ни комитетовъ, и кромѣ живденійшихъ Епарх. Вѣдомостей,ничего другого не издается. А казалось бы, и образованыхъ людей въ Полтавѣ и Черниговѣ ни чуть не меныше, чѣмъ въ Каменцѣ или Житомирѣ, и собирать и изучать имъ было бы что. За чѣмъ же остановка? За инициативой: вѣтъ энергичныхъ и преданныхъ дѣлу людей, а то бы дѣло сразу закинуло... Признаемся, грустно и стыдно намъ становится за нашихъ лѣвобережныхъ земляковъ, и чѣмъ съ болѣе горячимъ сочувствіемъ мы привѣтствуемъ правобереж-

ныхъ тружениковъ на поприщѣ разработки дорогой намъ всѣмъ исторіи родного края.

Ор. Левицкій.

**Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Съ 1 октября 1900 г.
по 1 октября 1901 г. подъ редакціей директора коллегіи А. И. Степовича, годъ 6-й.**

1901-й годъ для Коллегіи юбилейный (Коллегія прожала 30 лѣтъ), а потому и материаловъ въ Ежегоднику этого года значительно больше, чѣмъ въ предшествовавшіе годы. Изъ такихъ материаловъ особенно любопытенъ рассказъ о зарожденіи Ежегодника. Мысль такого изданія, съ оплачиваемою полистною платою авторамъ, принадлежитъ нынѣшнему директору Коллегіи, который предполагалъ еще, кроме Ежегодника, «выпускать ученые и литературные работы преподавателей отдѣльными щипгами». Мысль эта была одобрена почетной попечительницей, которая скоро скончалась и не успѣла назначить особой суммы для выполненія этой задачи. Изъ Ежегодника не видно, какъ относится теперь правленіе и совѣтъ Коллегіи къ этому изданію; составитель же записки разсказываетъ, что хотя арендаторъ одного изъ имѣній Коллегіи Н. А. Степуинъ «внесъ на этотъ предметъ 1000 р. (въ качествѣ дара?), но срѣшеніе вопроса въ указанномъ смыслѣ» можетъ быть только тогда, «когда сама Коллегія найдетъ для этого средства». Цитатами изъ «Русской Школы», «Русского Богатства», «Ж. М. Пр. Просвѣщенія», «Нового Времени» доказывается необходимость существованія «Ежегодника», занявшаго въ литературѣ опредѣленное мѣсто.

Неофиціальная часть въ отчетномъ году состоять: 1) изъ статей гг. Александровскаго, Альдингера и Степовича, 2) материаловъ.

Въ отдѣлѣ «Материалы» напечатано: 1) Свѣдѣнія о лицахъ, окончившихъ курсъ въ Коллегіи за время 1875—1900 г.. Свѣдѣнія эти довольно скучны и—что хуже всего—не лишены ошибокъ; для примера хотя бы взять бывшаго воспитанника Коллегіи, а теперь члена совѣта А. С. Турчанинова, который въ одномъ мѣстѣ названъ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ (стр. 34), а въ другомъ — совѣтникомъ губернскаго правленія (стр. 134).

2) Два списка — одинъ окончившихъ Коллегію по выпускамъ, а другой — всѣхъ учиившихся въ прошедшій 30-лѣтній періодъ. Первый списокъ составленъ правильно, потому что въ канцеляріи Коллегіи есть за каждый годъ «Дѣло» о выпускныхъ воспитанникахъ; второй же страдаетъ погрѣшностями. 3) Списокъ всѣхъ служившихъ въ Коллегіи за время 1871—1901 г., а также свѣдѣнія о директорахъ и воспитателяхъ; въ этихъ свѣдѣніяхъ ничего новаго не приведено—все уже было печатаемо въ прежнихъ Ежегодникахъ. Единственная новинка—это подробная, и на этотъ разъ спокойная, біографія бывшаго директора Коллегіи Н. С. Шафранова. 4) За то совершенною новинкою, хотя и мало новатною, является «Опись книгъ и другихъ предметовъ, находящихся въ Музѣѣ Коллегіи Павла Галагана». Что это за музей, когда онъ возникъ, каково его назначеніе, мы никакъ не могли уловить ни изъ «описи книгъ», ни изъ перечня «предметовъ по ручному труду» (напр.: совокъ, пестикъ, то-порище и др.).

Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщены: 1) письмо Г. П. Галагана къ дядѣ его о дворянскихъ выборахъ въ 1848 г. въ Черниговѣ, съ примѣчаніями А. М. Лазаревскаго; 2) двѣ записки 1869 г. по вопросу объ устройствѣ Коллегіи, и 3) Изъ первыхъ лѣтъ жизни Коллегіи.

Въ своемъ письмѣ Г. П. Галаганъ разсказываетъ о выборахъ въ губернскіе предводители Н. П. Борозды, вместо бывшаго Я. И. Борковскаго, на котораго были недовольны дворяне за то, что онъ сдалъ подряды на проводимое шоссе ве имъ, а жидамъ. Записки по вопросу объ устройствѣ Коллегіи наполнены предположеніями, какова должна быть Коллегія—среднее или высшее учебное заведеніе, съ тюторами или безъ нихъ. Третья записка пытается объяснить нѣкоторыя измѣненія въ Коллегіи послѣ смѣны первого учебно-воспитательного персонала; но написана она безъ особенной колоритности, а потому слабо выясняетъ существо дѣла.

Что касается денежныхъ ресурсовъ Коллегіи, то она въ этомъ отношеніи находится въ блістательномъ положеніи, имѣя въ 1900 г. доходу 143,966 р., а расходу 72,585 р., при чёмъ одни имѣнія дали въ 1900 г. 59,140 р., при расходѣ въ 21,058 р. Имѣеть Коллегія и свою дачу въ г. Козельцѣ—Покорщину, содержаніе которой обошлось въ 1356 р. Дачею владѣетъ въ учебномъ окружѣ единственная Коллегія, а потому очень бы интересно было знать, сколько тамъ прожи-

ваетъ лѣтомъ воспитанниковъ, какъ обставлена ихъ жизнь, занятія. Къ сожалѣнію, Ежегодникъ ни словомъ не обмолвился по этому вопросу.

Ежегодникъ снабженъ фотографическими снимками видовъ имѣній Коллегій, а на первой страницѣ приведенъ краткій некрологъ безвременно сопшедшаго въ могилу воспитателя В. С. Рыбинскаго.

III.

Корифеи украинской сцены (съ 8 портретами). *Киевъ, 1901 г., стр. 1—191, in 16⁰. Цѣна 65 коп.*

Исторія украинского театра, какъ позѣстно, очень слабо пока разработана. Въ то время какъ область исторіи, этнографія, изящной литературы, археологіи въ послѣднія 2—3 десятилѣтія обогатилась огромнымъ количествомъ матеріала, въ значительномъ большинствѣ еще не обработанного научно, исторія украинского театра, первыи основы которого относятся еще къ XVII столѣтію, не имѣетъ въ доказаніи ни одного болѣе или менѣе солиднаго исторического очерка, не обладаетъ никакими готовыми матеріалами, вслѣдствіе чего и не удивительно, что всякому, у кого явилась-бы счастливая мысль заняться этимъ вопросомъ, пришлось-бы утонуть въ необозримомъ морѣ журнальной, газетной и книжной литературы за весь періодъ существованія украинского театра. Если и являются попытки воспользоваться данной области, то онѣ ограничиваются опредѣленной, небольшой темой (напр. „О малорусской драмѣ“ Катранова, Одесса 1898 г.), или касаются совершенно частныхъ случаевъ изъ театральной жизни. Донъинѣ, какъ наиболѣе полный, сравнительно съ широкими задачами, очеркъ, можно указать на недавно вышедшую въ Черниговѣ (въ 1900 г.) книжку Б. Д. Гринченка „Народный театръ“, въ которой авторъ, руководствуясь сообщеніями, устными и письменными, различныхъ лицъ, а также нѣкоторыми извѣстіями объ украинскихъ спектакляхъ изъ газетъ и журналовъ, даетъ рядъ интересныхъ картинъ, свидѣтельствующихъ объ отношеніи народа къ спектаклямъ, и въ заключеніе предлагаетъ читателю рядъ писемъ, какія по мнѣнію автора, наиболѣе удобны для народной сцены, а какія нѣтъ.

Но и въ очеркѣ г. Гринченка темой взята узкая область — интересъ зрителей изъ народа въ извѣстномъ пьесамъ и затѣмъ достоинства или недостатки пьесъ въ примѣненіи къ народному театру...

Разсматриваемая нами книга выгодно отличается отъ упомянутыхъ выше тѣмъ, что въ ней впервые данъ, хотя и краткій, но цѣлый историческій очеркъ судебнаго театра отъ первыхъ шаговъ его развитія въ XVII ст. до 1901 г., — судебнъ, нерѣдко поучительныхъ и достойныхъ удивленія. Авторъ очерка, въ зависимости отъ материала, естественно болѣе подробно и ярко освѣщаетъ исторію театра въ послѣднія три десятилѣтія, какъ возрожденаго и поставленаго на прочную основу нынѣ дѣйствующими на томъ же чоприцѣ «корифеями»: М. П. Старицкимъ, М. Л. Кропивницкимъ, Н. В. Лисенкомъ, М. К. Заньковецкой, И. К., Н. К. и А. К. Тоблевичами (Карпенко-Карый, Садовскій, Саксаланскій). Очеркъ имѣеть еще большую цену благодаря тому, что, помимо данныхъ литературы, авторъ, какъ мы слышали, обращался за болѣе точными свѣдѣніями лично къ главнымъ дѣятелямъ, и этимъ путемъ достигъ въ своей статьѣ возможной полноты, сообщая нерѣдко любопытные эпизоды, о которыхъ люди новаго поколѣнія, пожалуй, могутъ сказать: «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!»

За исторической статьей слѣдуютъ 8 критико-біографическихъ очерковъ, посвященныхъ упомянутымъ выше «корифеямъ», съ добавленіемъ еще г-жи Затиркевичъ-Каринской. Всѣ очерки написаны тепло, задушевно. Очеркъ эта, повидимому, составлены не однѣмъ лицомъ, о чёмъ ясно свидѣтельствуетъ разница стиля, способа изложенія и т. п. Біографическій очеркъ, посвященный Н. В. Лисенку, написанъ несомнѣнно лицомъ, хорошо знающимъ украинскую музыку и искреннимъ любителемъ ея.

Вообще же книга издана изящно, на хорошей бумагѣ. Портреты 8 дѣятелей-«корифеевъ» исполнены художественно.

В. Д.

Сатанінська помста. Драма въ 4 діїхъ. (3 нотамъ для співв.) Соч. Г. И. Михновскаго. Муз. И. Т. Бѣлавица и др. У Черкассахъ, 1898. Друкарня В. В. Колодочки, стр. 56+19.

Три года тому назадъ вѣкій Г. Михновскій напечаталъ отдѣльной книжечкой, очень мало распространенной, драму — жестокую

драму!... По крайней мѣрѣ все то, что должно сопровождать драму, находится на-лицо въ огромномъ изобилії: три убийства (четвертое не удалось), измѣна, ядъ, кинжалъ, злобная ревность и проч. Однако изъ драмы г. Михновскаго можно бы состряпать веселый водевиль, озаглавивъ, напримѣръ: «Кумедни полтавци», або «Чи буває таке на свити?». Есть забавный водевиль г. Самійленка: «Драма безъ горилки», гдѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, старый украинскій литераторъ, патріотъ Гавкунъ, поучаетъ молодыхъ, какъ надо писать истинную драму. «Не можна пиднати завису й зразу спливати, а треба наприкладъ такъ: зависа пидіймається; якийсь часъ на сцени мовчать. Дали одынъ каже: «А чи не заспивати намъ, Іване, бо на дushi неначе чорти горохъ молотять?» А другий єму виказує: «Справди, треба заспивати, Петре, бо й умене на серци не мовъ собаки загрызлися». «То й заспиваймо,—каже Петро: тоди нашу тугу наче лысенъ злиже». Отъ и втнуть веселои писни... Танци тежъ зруочно треба вводити и мотывувати кожный разъ. Наприкладъ такъ: мати сидить пряде, и дочка сидить плаче, бо вырядила мылого въ далеку дорогу. Мати каже: «Зажурилася ты, доню, рвется твое серденько зъ туго. Ось ударъ лышень гопака—заразъ на дushi полегша». Отъ дочка и потанцю, и т. д..

Но г. Михновскій превзошелъ даже Гавкуна. Прежде всего, у него поднимаютъ занавѣсь и сразу поютъ «засвисталы козаченьky». Но паробку Мыкитъ она не нравится: «Катъ батька зна, що ви робите! И затяглы якусь похоронну! Невже жъ мы кого хоронимо, чи въ походъ збиремось? Отъ нуте лучше вжарьте такои, щобъ ажъ жижки затрусылись!» Но козаки, по совѣту дѣда Охрима, поютъ все же «Закувала та сиза зозуля». Тутъ появляется на сцену парубокъ Панасть; онъ изнываетъ отъ злобной ревности къ Марусѣ, которая промѣнила его на Грицька, и тяжко клянеть своего соперника. Этотъ монологъ, конечно, подслушалъ Омелько, дидъ-захаръ—не простой захаръ, а чортовъ братъ, который не можетъ даже слышать имени Божьяго: оно для него «страшне, та й чортяка цѣго не любить». Панасть обращается къ дѣду за помощью. Дѣдъ весьма охотно берется оказать одолженіе, совѣтуетъ Панасу не бояться чорта—«чортяга зла тому не робить, кто его самъ хоче зробить», и тутъ же приходитъ въ восторгъ отъ своего успѣха: «ище одного затягъ у пекло!». На другой день Панасть является къ захарю въ хату. Въ хатѣ послѣдняго «по стицамъ порозвищувани пучки сухого зилля. На прыничку

Томъ 75.—Ноябрь, 1901.

П-4

китъ. Посередъ—камни, на йому черепъ и мертвагадюка. Темно. Громъ и молния! Дальше слѣдуетъ такая восхитительная картина, которую можно достаточно оцѣнить только въ оригиналѣ.

Картына перва.

Омелько. (Торжественно). Ну, цыть! Прыговся. Зразу явится той... той, кого вси боятся.

Панасъ. Диудю, меня страшно!

Омелько. Не бійся, я казавъ тоби, что сатана зла тому не робе, кто ёго хоче самъ зробыть. Ну, цыть... я чую... чую, что винъ ось блызко... чую, чую—ось винъ йде.

(Спива) О ты, кругорогый,
Явысь передъ нами,
Явысь, покажыся,
Отъ зла не верныся.

Картына втора.

(Чуты страшный громъ. Блыщть (!) молния. Задня стина хаты рушыться. Видни горы. На скели стоять сатана. Все небо красне). Появляется сатана. Онъ оказывается особой съ высшими вкусами, и иначе какъ по-русски не говорить:

Сатана (спива). Зачѣмъ зовешь меня народъ?
Народъ бо грѣшный суетливый.
Зачѣмъ я нуженъ вамъ—скажи,
Открой всю правду, разскажи!

Слѣдуетъ объясненіе Панаса съ сатаной; но прежде чѣмъ рѣшаться на послѣднее, Панасъ долженъ быть проговорить «въ бикъ» получасовой монологъ о своемъ великомъ грѣхѣ—продать черту душу. Что въ теченіе этого времени долженъ дѣлать сатана—авторъ не указываетъ. Наконецъ, сатана бросаетъ Панасу ножъ, со словами, свидѣтельствующими о весьма плохомъ поэтическомъ его талантѣ:

«Вотъ на тебѣ ножъ!
Ты имъ врага поразишь.
Смотри же, душа моя
Твоя душа—моя: ха-ха-ха-ха!

Съ громомъ и молнией проваливается).

Далѣе, дѣло совершенно ясно: Панасъ беретъ сатанинскій ножъ, подкарауливаетъ на свиданіи влюбленныхъ и закалываетъ, самъ же принимаетъ ядъ и умираетъ. Была попытка заколоть еще и Захарія, да его, какъ брата сатаны, не береть ножъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ то, что *voleus-polens*—надо назвать содержаніемъ «драмы» г. Михновскаго. Есть еще много перловъ и помимо главныхъ дѣйствующихъ лицъ, въ родѣ дѣяка Стратилата, ис сколько бы мы еще ни открывали новыхъ достоинствъ пьесы, того, что было до сихъ поръ отмѣчено, достаточно вполнѣ для созданія безсмертной славы и нашему автору и его драмѣ.

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русский Архивъ № 10; 2) Русская старина № 10; 3) Исторический Вѣстникъ № 10; 4) Вѣстникъ Всемірн. Исторіи № 10; 5) Журналъ Министерства Народн. Просв. № 10; 6) Вѣстникъ Европы № 10; 7) Русская Мысль № 10; 8) Научное Обозрѣніе № 10; 9) Труды Киевск. Духовн. Академіи № 10; 10) Миръ Божій № 10; 11) Книжки Восхода № 9; 12) Киевск. Универс. Извѣстія № 9 и 10; 13) Ученые Записки Императ. Казан. Универс. № 9; 14) Варшавскія Универс. Извѣстія № 5; 15) Русск. Филолог. Вѣсти, № 3—4; 16) Земскій Сборникъ Чернаг. губ. № 9; 17) Извѣст. Общ. Археолог., Исторіи и Этнографіи при Императ. Казан. Универс. Т. XVII, вып. 4; 18) Литерат. Науковый Вестникъ № 10; 19) Biblioteka Warszaw. № 10; 20) Wisła № 5; 21) Kwartalnik Historyczny № 2—3; 22) Przewodnik naukowy i literacki, № 10; 23) Slovansky Přehled, № 1.

Русский Архивъ № 10.

Изъ замѣтокъ кн. И. А. Вяземскаго. Сообщ. пр. С. Д. Шереметевымъ (стр. 254—256). На поляхъ книги «Письма митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. (Муравьеву) 1832—1867 г. Киевъ 1869 г.» сдѣлано княземъ И. А. Вяземскимъ нѣсколько замѣтокъ подтверждающихъ ту характеристику А. Н. Муравьева, которая видна изъ статьи о немъ, помещенной у насъ въ № 10 текущаго

года. Вотъ для образчика одно такое замѣчаніе князя И. А. Вяземскаго: «Муравьевъ такъ и просится въ церковные оберъ-полицій-майстеры».

Въ «Указателѣ къ дніовнику Храповицкаго» (стр. 287), по поводу плаванія по Днѣпру Екатерины 2-ой, есть примѣчаніе о томъ, какъ, по свидѣтельству М. А. Максимовича, воспоминаніе объ этомъ плаваніи долго сохранилось въ народной памяти, послуживъ даже къ созданію народной поговорки: «иѣ царыци Дніпромъ ишла да гришмы сыпала». «Съ другой стороны—прибавлено въ примѣчаніи—озлобленный Шевченко писалъ:

Якъ тая царыца
Злая вовчыца,
Лютый ворона (sic) Україны».

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что намъ извѣстны тѣ мѣста въ стихотвореніяхъ Шевченка, гдѣ онъ говорить объ Императрицѣ Екатеринѣ 2-ой, но такихъ строчекъ мы тамъ не встрѣчали.

Русская Старина № 10.

На стр. 206-ой напечатано «Высочайшее повельніе министру финансовъ 4-го мая 1816 года», касающееся улучшенія быта крестьянъ въ Новороссії. «Флагель-адъютантъ Киселевъ, по возвращеніи изъ Новороссійскаго края, донесъ мнѣ между прочимъ: 1) что казенные яѣса ежегодно болѣе и болѣе истребляются; 2) что недостатокъ въ мѣдной монетѣ крайне ощутителенъ: у откупщиковъ вымѣниваютъ ее, платя отъ 15-ти до 25-ти копѣекъ съ рубля, а въ Бессарабіи по 40 копѣекъ; 3) что при весьма маломъ заселеніи Новороссійскаго края, казенные крестьяне нуждаются землею отъ пріумноженія жителей, отъ сосѣднихъ помѣщиковъ и отъ нарѣзки казною земель въ такой отдаленности отъ селеній, что крестьяне обрабатывать ее не въ состояніи, для чего и нужно или сдѣлать новый раздѣлъ по числу наличныхъ душъ, или разселить крестьянъ по удобности земель. Я повелѣваю вамъ обратить вниманіе на предметы сіи и о мѣрахъ исправленія доносить мнѣ черезъ комитетъ министровъ».

Исторический Вѣстникъ № 10.

Въ «Запискахъ Н. И. Мамаева» (стр. 46—72) разсказывается о времени его служенія въ качествѣ адъютанта при Волынскомъ гу-

бернаторъ Лашкаревъ въ 1839 году, при чёмъ встречаются интересные страницы: объ арестѣ Шрушанскаго, одного изъ сообщниковъ Конарскаго, о правителѣ канцеляріи генералъ-губернатора Чесаревѣ, о секретныхъ суммахъ, а также объ обвиненіи самого Мамаева въ участіі въ тайномъ обществѣ Конарскаго.

Памяти академиковъ М. И. Сухомлинова и И. Н. Жданова, статья *В. Е. Рудакова* (стр. 195—208), сообщаетъ краткія біографіческія свѣдѣнія и бібліографіческія указанія объ ученыхъ трудахъ недавно скончавшихся нашихъ академиковъ.

Въ столицѣ Галицкой Руси, статья *Г. А. Воробьевъ* (стр. 283—313), больше обѣщаетъ стоящими въ скобкахъ словами: «историко-археологические очерки Львова», чѣмъ даетъ въ дѣйствительности. Это есть передача бѣглыхъ впечатлѣній при осмотрѣ города, съ крохотными справками изъ исторіи того или другого храма или зданія.

Журналъ Мин. Народн. Просвѣщ. № 10.

Въ отдѣлѣ *Критики и бібліографіи* напечатана обширная статья *М. Довнаръ-Запольскаго* по поводу книги *Матвія Любавскаго: „Спорные вопросы въ исторіи литовско-русскаго сейма“* Москва. 1901 г. (стр. 454—498).

В. Латышевъ. «Къ церковной археологии Херсониса» (стр. 15—22). Въ статьѣ этой идетъ рѣчь объ интересномъ памятнику византійской эпохи (обломокъ мраморной плиты съ изображеніемъ рожденія Спасителя по водамъ), найденномъ въ 1896 году въ Херсонисѣ въ первоначально описанномъ В. Латышевымъ въ 23 выпускѣ «Материаловъ по археологіи Россіи». Теперь авторъ, пользуясь извѣстіями о другомъ аналогичномъ памятнику, описанномъ французскимъ археологомъ Е. Michon'омъ, исправляетъ нѣкоторыя неточности, вправившіяся въ его первоначальное описание.

Русская Мысль № 10.

Н. И. Стороженко. „По поводу тридцатилѣтія его научно-литературной дѣятельности“—статья *П. Когана*. Авторъ указываетъ на заслуги Н. И. Стороженка, какъ ученаго, который всегда является поборникомъ прекраснѣйшихъ идеаловъ нашего времени, который всегда оказывается отзывчивымъ на все служащее добрымъ просвѣтительнымъ цѣлямъ. Главная заслуга Н. И. Стороженка, какъ уч-

наго, состоитъ въ томъ, что онъ всѣ свои изслѣдованія въ области изучаемаго художественнаго творенія умѣеть сочетать съ живой вѣрой въ прогрессъ. Болѣе всего останавливается авторъ статьи на значеніи работъ Н. И. Стороженка по изученію Шекспира и предшествовавшей ему драмы. (стр. 105—118).

Въ *Бібліографич. отдѣлѣ* данъ коротенький отзывъ о книгѣ Гричченка: «Каталогъ музея украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго. Т. I. Черниговъ 1900 г.».

Наукное Обозрѣніе № 10.

И. Стешенко. Иванъ Петровичъ Котляревскій (стр. 93—114).
Окончаніе.

На основаніи разбора произведеній Котляревскаго, авторъ характеризуетъ его какъ идеолога козачества и частной козацкой собственности, открыто высказывавшаго симпатіи къ угнетенной крѣпостной массѣ лишь въ первый періодъ своей дѣятельности. Выводы г. Стешенка о значеніи дѣятельности Котляревскаго выражаются въ слѣдующихъ заключительныхъ словахъ его труда: «Съ своими типическими возврѣяніями К—скій стоитъ на рубежѣ двухъ эпохъ исторіи Украины: онъ заканчиваетъ козацкій періодъ послѣдней, имъ же и идеализированный, и открываетъ собою идеализацію крѣпостного населенія, которой начинается другой періодъ развитія нашего общества. Въ этомъ смыслѣ роль его въ упомянутый періодъ ровно такова, какъ и роль Шевченка, закончившаго собою крѣпостной періодъ: оба они отражаютъ въ своей поэзіи основныя течевія эпохи въ самомъ высокомъ смыслѣ и, если не по таланту, то по общественному своему значенію являются почти одинаково великими» (стр. 110). Къ сожалѣнію положенія, доказательства и выводы г. Стешенка страдаютъ искусственностью и натинутостью, а «классовая психика» Котляревскаго не достаточно выяснена.

Въ приложениі напечатаны документы, относящіеся къ Котляревскому, извлеченные г. Стешенкомъ изъ архива Полтавскаго губернского земства: 1) дѣло объ опредѣленіи надзоратедемъ полтавскаго дома воспитанія бѣдныхъ капитана Котляревскаго; 2) дѣло о удостоенії въ награжденію орденскимъ знакомъ надзорателя Котляревскаго и попечителя Сементовскаго, и 3) дѣло о смерти попечителя Полтавскаго богоугоднаго заведенія Левицкаго и объ опредѣленіі на

мѣсто его попечителемъ маюра Котляревскаго. Всѣ три «дѣла» содержать 28 документовъ о служебной дѣятельности Котляревскаго.

Кіевськія Університетскія Ізвѣстія, № 9—10.

M. Владилірскій-Будановъ. Рецензія на сочиненіе *M. H. Ясинскаго:* «Главный Литовскій Трибуналъ» (вып. I. Происхожденіе Главн. Литовскаго Трибунала). Сочиненіе М. Ясинскаго въ этой статьѣ рецензируется, какъ представленное для получения степени магистра уголовнаго права (№ 9, стр. 1—26).

M. Довмаръ-Запольскій. «Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ» (продолженіе: № 9, стр. 487—582; № 10, стр. 583—665). Въ № 9 заканчивается 4-ая глава—о косвенныхъ налогахъ. Здѣсь авторъ сначала рассматриваетъ скарбовые доходы отъ монополій (воскъ, соль и лѣсные товары), а затѣмъ обращается къ вышнимъ таможеннымъ пошлинамъ—тарифы на разные товары, къ льготамъ и привилегіямъ населенія по платежу мыть, къ устройству и управлению таможень, и, наконецъ, опредѣляетъ таможенные доходы. Въ № 10-мъ помѣщена 5-ая глава—о монетныхъ рѣгалияхъ, 6-ая глава—о земскихъ податяхъ и повинностяхъ. Такъ какъ вопросъ о земскихъ повинностяхъ и податяхъ очень сложный и разбивается на много отдельныхъ разновидностей, то авторъ прежде всего рассматриваетъ происхожденіе и развитіе земскаго обложенія, въ связи съ отличіями въ дѣлѣ повинностнаго обложенія разныхъ сословій. Для этого рассматриваются авторомъ сначала формы служилаго землевладѣнія, а затѣмъ уже отношеніе различныхъ элементовъ общества къ земскому землевладѣнію и земской службѣ.

B. Чаговецъ. *Жизнь и сочиненія преподобного Феодосія* (продолженіе, № 10, стр. 123—149). Разсмотрѣвъ въ первой части своего труда (№ 7 и 8) извѣстное поученіе о казняхъ Божіихъ, приписываемое Феодосію, и выяснивъ тѣ источники, на основаніи которыхъ составлено это поученіе, авторъ устанавливаетъ теперь свое окончательное сужденіе по вопросу о принадлежности поученія Феодосію. Оказывается, что это поученіе, состоящее изъ трехъ частей, не представляетъ самостоятельного изложенія ни въ одной изъ нихъ, а только кѣмъ-то сведенъ три эти части въ одно слово. Г. Чаговецъ, на основаніи многихъ, очень вѣскихъ, доводовъ, приходитъ къ заключенію, высказывавшемуся раньше съ колебаніями, что съ такъ назы-

ваемыи поученiemъ о казнахъ Божіихъ имя преп. Феодосія не можеть бытъ связываемо. Равнымъ образомъ, отрицається г. Чаговцомъ и авторство Феодосія въ другомъ приписываемомъ ему словѣ: «поученіе о чащахъ тропарныхъ».

Въ отдѣлѣ «Критика и бібліографія», въ № 9-омъ напечатанъ «Критико-бібліографіческій обзоръ новѣйшихъ трудовъ въ изданії по славяновѣдѣнію» проф. Т. Флоринскаго. Въ этой части «Обзора» даются отзывы: 1) о «Научно-литературномъ сборникѣ. Периодическ. издан. Галицко-русскої матицы, подъ редакціей Б. А. Дѣлацкаго. 1901 г. Т. I. кн. 1-ая. Львовъ». 2) «Славянскій вѣкъ. Редакт. д—ръ Д. Н. Вергунъ, 2-ой голъ изданія, 1900—1901, № 1—24. Вѣна» (стр. 47—000).

Ученые Записки Императорск. Казанск. Университета, № 9.

A. Архангельскій. Образованіе и литература въ Московскомъ Государствѣ въ кон. XV—XVII в.в. (Продолженіе, стр. 79—126). Статья посвящена обзору трудовъ Памви Берыиды, и особенно его *Лексикона*, а также разсмотрѣнію полемической литературы съ католиками—въ общемъ очеркѣ—и съ болѣе подробнымъ указаниемъ содер-жанія *Апокриза* Христофора Филалета.

Русский Филологический Вѣстн. № 3—4.

A. Ветуховъ «Заповѣти, заклинанія, обереги и другие виды народной врачеванія, основанные на спрѣ въ силу слова. Изъ исторіи мысли». (Продолженіе, стр. 169—234). Авторъ иллюстрируетъ свои положенія и украинскими материалами по этнографіи, обнародован-ными въ печатныхъ трудахъ.

B. Д. Заловецкій «О Боянѣ въ «Словѣ о полку Игоревѣ» (Отры-вокъ изъ обширного вѣсьмованія о Словѣ). Статья эта, свидѣтельствующая о томъ, что авторъ очень обстоятельно изучилъ текстъ «Слова о полку Игоревѣ» въ связи съ лѣтописью, однако же слу-житъ доказательствомъ и того, что въ области изученія нашего зна-менитаго памятника старины не окончился еще періодъ мудрство-ванія. Автору хочется объяснить извѣстное мѣсто въ словѣ, начи-нающееся словами: «Рекъ Боянъ...», при чёмъ онъ останавливается на толкованіи того, о какомъ Боянѣ тутъ идетъ рѣчь. Правду го-воря, изъ всѣхъ разсужденій автора мы вынесли такое впечатлѣніе,

что бывшее до сихъ поръ яснымъ въ этомъ отрывкѣ осталось для насъ яснымъ и послѣ прочтенія дачной статьи, а въ одномъ пункѣ даже затмнцлось (не видимъ никакихъ основавій считать, что слова *рекъ Боянъ* подразумѣваютъ самого пѣвца «Слова»), а что было темно—то и остается таковымъ. Поэтому, когда мы читаемъ въ началѣ статьи В. Залозецкаго, что «авторъ (Слова) позволялъ себѣ сдѣлать въ словахъ: рекъ *Боянъ* такую эволюцію мысли, о которой толкователямъ не могло и присниться»,—то послѣ прочтенія всей статьи приходимъ къ убѣжденію, что, вѣроятно, нашему автору его толкованіемъ только приснились. Надо отмѣтить еще, что В. Залозецкій—священникъ въ Галичинѣ—пишетъ по русски такимъ вычурнымъ языкомъ и съ такими неправильностями, что въ современной нацъ русской журналистикѣ какъ-то странно встрѣчать подобный стиль. Но что кажется намъ совсѣмъ уже страннымъ,—такъ это заключительныя строки въ статьѣ. Дѣло въ томъ, что онъ старается, по его собственному выраженію, «развѣять туманы, висѣвшіе надъ этимъ темнѣвшимъ мѣстомъ», и въ то-же время, въ концѣ концовъ, говорить: «какъ маю Россію, галичанинъ, въ той австрійской планѣты, гдѣ не живутъ настоящимъ (?), а дышутъ только прошедшемъ (?), я не могу скрыть тайного желанія, чтобы какъ не объяснялся еще вполнѣ этотъ нашъ словесный Китай (авторъ разумѣеть «Слово о полку Игоревѣ») въ продолженіе цѣлаго вѣка, такъ-же бы онъ и не объяснялся и дальше и служилъ долго *миражемъ для фантазіи, ристалищемъ для русскою духа* (?).—Странное желаніе для ученаго—скажемъ мы отъ себя—и не менѣе странная попытка звучить въ этихъ словахъ современного Галичанина! (стр. 250—274).

Въ отдѣлѣ *бібліографії* помѣщенъ отзывъ о книгѣ *В. И. Петерса:* «Историко - литературные изслѣдованія и материалы» (стр. 296—299).

Земський Сборникъ Черніговской губернії, № 9.

Въ приложениі: *Н. П. Василенко.* Экстрактъ изъ указовъ, инструкцій и учрежденій. (Продолженіе, стр. 129—160).

Літературно-Науковий Вістникъ, кн. 10 (октябрь).

Содержаніе:

Наш альбомъ: Із поезії Сергія Цавленка, Сильвестра Яричевського, С. Грушенка.

Чужа жінка, оповідання Петра Шелеста.

Варід, оповідання Осипа Шпитка (далі).

Арсен Яворенко, драма Бориса Грінченка (кінець).

Тридцять від ста, оповідання Матильди Серао (кінець).

Із оповідань Мультатулі (Про притчу, Галапаси, Налисники з салом, Про видіння, Матвія глава XIX, Із ідей).

Із переслівів Павла Грабовського: «Илля Муромець» (великоруська билина).

Серви тути и розмежованне грунтів на правобережній Україні—Ф. І. Немоловського (кінець буде).

Вудучність гімназий—уваги проф. Фрідріха Паульзена.

Уваги на сучасні теми: І. Заборона «Л. Н. Вістника» в Росії. Ів. Франка. II. Про нашу літературну мову—А. Кримського. Ш. Московська ластівка на Галицькій Русі—Ів. Франка.

Хроніка і бібліографія.

„Biblioteka Warszawska“, № 10.

A. Brückner. Bogurodzica Rozwiązanie zagadki (стр. 80—106). Изслѣдуя вопросъ о происхожденіи польской религіозной пѣсни въ честь Богородицы, авторъ касается семействныхъ отношеній между венгерскимъ королевскимъ домомъ и галицкими князьями въ XIII в. и отмѣчаетъ заслуги д-ра Франка по изученію старинной письменности.

St. Zdziarski (154—166) даетъ хронологію юношескихъ произведеній Богдана Залѣскаго (до 1829 г.). Въ 1824 г. Залѣскій началъ писать поэму о Косинскомъ, но уничтожилъ рукопись въ 1825 г. Такая же судьба постигла начатые въ это время поэмы о „Даміанѣ, кн. Вишневецкомъ“ и „Сиркѣ, или походѣ въ чайкахъ на Стамбуль“. Сохранился лишь отрывокъ этой послѣдней поэмы („Чайки“), напечатанный въ 1826 г.. Въ 1826 г. задумалъ Залѣскій историческую повѣсть о гетманѣ Дорошенкѣ; въ слѣдующемъ году—очеркъ исторіи Украины, но за недостаткомъ источниковъ дѣло ограничилось только приступомъ къ работѣ. Въ 1829 г.—новый планъ поэмы о „Великомъ Конашевичѣ, славномъ Даниловичѣ и отуреченномъ Б. Хмельницкомъ“ постигла та же участъ.

Wiesła, № 5.

Stan. Zdziarski. Skarby tatrzanskie. Авторъ приводить выдержки пѣзь старинного сборника (ягеллонской библіотеки въ Краковѣ)

заклинаній, употребляемыхъ карпатскими горалами для отыскания кладовъ и металловъ.

Изъ „Курьера Варш.“ (№ 216) перепечатано описание посвященного Татрамъ музея имени Халубинского въ Закопаномъ. По словамъ З. Вейбергра, музей находится въ жалкомъ видѣ по недостатку средствъ и отсутствію интереса къ дѣлу.

Бібліографіческія замѣтки: Въ ст. Е. Изопольского Pojescia astronomiczne (Atheneum I. I. Kraszewskiego 1843 г. IV, 77—83) приведены собранныя въ Украинѣ свѣдѣнія о народныхъ понятіяхъ по астрономіи, космогоніи и метеорологіи.

Вышла въ свѣтъ книга Henr. Wiercieńskiego: Opis statystyczny gubernii Lubelskiej (до 500 стр., съ картами и таблицами).

Kwartalnik historiczny. Вып. II и III.

Д-ръ Генр. Улашинъ въ вып. II далъ отчетъ о работахъ д-ра Я. Талько-Гринцевича: „Екъ изученю курганного міра України“ и статьяхъ д-ра Вл. Деметрыхевича „бронзовыи доисторические короны“ и Археологическая изысканія въ теребовельскомъ округѣ восточ. Галичинѣ“ (статьи напечатаны въ IV т. издаваемыхъ Крак. акад. наукъ Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, 1900 г.).

Д-ръ Ант. Прожаска въ очеркѣ изъ исторіи Владислава Варнскаго (W obronie spoleczenstwa, вып. III) даетъ живую картину положенія партій въ Галичинѣ въ 143)—1440 гг., борьбы съ гусситствомъ и рокоса Спитка изъ Мельштына.

A. Brückner далъ отчетъ о новѣйшихъ изданіяхъ общества Шевченка во Львовѣ, а г. Сигма—о мемуарахъ Фад. Бобровскаго (2-й томъ почти исключительно посвященъ исторіи крестьянской реформы въ юго-западномъ краѣ).

Przewodnik naukowy i literacki № 10.

Dyonizy Zaleski. Korespondencya Józefa Bohdana Zaleskiego (продолженіе, отъ 20 мая 1862 г. по 19 февр. 1863 г.).

D-r Bronisław Koziński. Z teki Maur. Kraińskiego (окончавіе)—материалы для исторіи выкупной операциі и отмѣны сервитутовъ въ Галичинѣ въ 1648 и 1649 гг.

Wl. Lenkiewicz—начало интересной статьи: „Участіе Россіи въ Карловицкомъ трактатѣ“.

Slowanski Přehled № 1 (4-й годъ изданія; начало года счи-тается съ октябрьскаго номера). На стр. 51 сообщаются краткія из-вѣстія о выходѣ галицкихъ пословъ пзъ сейма и о причинахъ ихъ выхода, а также о ходатайствѣ въ Россіи издавать два малорусскихъ журнала—„Промынь“, подъ редакціей И. Левицкаго, и „Дніпръ“, подъ редакціей Рабошапки. Тутъ же дается извѣстіе и о томъ, что малорусскій переводъ Біблії, сдѣланный П. Кулышомъ не до конца, а завершенный И. Нечуемъ-Левицкимъ, вслѣдствіе неразрѣшенія изда-вать его въ Россіи, переданъ, для изданія Лондонскому Біблейскому Обществу.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ «Одесск. Листкѣ» (№ 259) помѣщена небольшая статья П. Гросуль-Толстого подъ заглавіемъ: «Запорожцы въ с. Слободзеѣ», въ которой разсказана очень кратко исторія Антона Головатого и устрой-ство временнаго коша запорожцевъ въ с. Слободзеѣ, откуда они въ 1792 году двинулись на жительство въ Черноморію. Считаемъ нуж-нымъ сдѣлать маленькую исправку въ статьѣ автора: мѣстная цер-ковь въ с. Слободзеѣ названа имъ Иоанно-Богословской, между тѣмъ какъ она именуется Архангело-Михайловской.

Въ «Одесскихъ Новостяхъ» (Вечернее приложеніе, № 5426) данъ отзывъ, не виолѣ одобрительный, о брошюре «Выговщина. Исто-рическое описование». Написавъ П. О. Кулышъ. Зъ портретомъ Вы-говскаго. Ц. 2 к.». Брошюра эта издана въ 1901 г. Благотвори-тельный Обществомъ изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ въ Петербургѣ.

Въ «Полт. Губерн. Вѣдом.» (№ 219) помѣщена интересная статья Л. Ц.: «Современные баандуристы и лирники въ Полтавской губерніи». Составлена она на основавіи сообщеній корреспондентовъ Полтавскаго губернскаго статистического комитета.

Въ газ. «Волынь» (№ 224) помѣщена статья, знакомящая рус-скую публику съ ученымъ обществомъ имени Шевченка во Львовѣ. Разсказавъ кратко исторію возникновенія Общества, авторъ сооб-

щаетъ далѣе свѣдѣнія о преобразованіи «Общества» на новыхъ началахъ въ 1892 году и о томъ положеніи, въ которомъ оно теперь находится.

На дніяхъ вышелъ въ свѣтъ сборникъ піесь для п'янія А. Д. Бигдаи—«Листы з Кубані», вмѣщающій въ себѣ 9 слѣдующихъ малорусскихъ піесь: для альта, меццо-сопрано, баритона, тенора и баса: «Ой, пишла я у ярь за водой», «На стривани», «На вищо, Боже, очи чорни?», «Ой, чому ты не лятаеш?», «На чоли твоемъ высокомъ», «На улыци не весело», «Тумалъ, туманъ долиною», «Ой, у луг, у луг потягну и», «Ой, чи е що въ свити крапце?». Цѣна сборника 1 р. 50 к. (Кубан. Вѣд. № 226).

«Русскія Вѣдомости» въ № 285 помѣстили сочувственный отзывъ о послѣднихъ изданіяхъ Петербургскаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ.

Въ № 229 той же газеты помѣщена рецензія на недавно вышедшую книжку г. Гринченка «Литература украинскаго фольклора».

Въ № 1340 «Приднѣпровскаго Края» напечатана рецензія на извѣстную книгу галицко-украинскаго писателя Ивана Франка: «Въ поті чола», появившуюся въ此刻ое время въ русскомъ переводе.

Въ газетѣ *«La Fronde»*, издаваемой женщинами въ Парижѣ, помѣщены очень интересный фельетонъ подъ заглавиемъ: *«La poésie populaire des Petits Russiens»* какого-то H. Z. Ariel'и. Сначала авторъ указываетъ географическое положеніе Украины, Польши и Подоліи, которое способствовало ея несчастіямъ. Теперь—эта страна *«soumise à toutes les misères, que lui impose le système gouvernemental, est appelée souvent Ruthénie»*. Затѣмъ онъ переходитъ къ свидѣтельствамъ древнихъ, Ирокоза и Теофилакта, которые называютъ славянъ *«танцующими и поющими»*. Описываетъ онъ далѣе, какъ малороссы любить пѣть и какъ ни одну минуту онъ не молчитъ и поетъ свои пѣсни. По фразѣ—*«есколько разъ ми приходилось встрѣчать этихъ ночныхъ вастуховъ въ своихъ chemises flottantes»*—можно заключить, что авторъ былъ въ Украинѣ лично, что, впрочемъ, не мѣшаетъ говорить, что раса эта теперь *«presque éteinte»*, и назы-

вать часть въ 18 в. «c'étaient des barbares, ils ne sont plus». Говоря о народныхъ пѣсняхъ, авторъ выражается такъ: «Подолія, Волинь, Україна, и въ особенности Україна,—это колыбель сказокъ и пѣсенъ народныхъ, которые рождаются, врашаются, часто варьируются, переходя изъ устъ въ уста, однако почти не утрачивая своего первоначального характера». Говоря о языкѣ, авторъ замѣчаетъ: «Малорусский языкъ, можетъ быть самый нѣжный среди всѣхъ славянскихъ языковъ, есть языкъ лирки по преимуществу. Эта черта отразилась не только въ пѣсняхъ, но и въ обиходномъ языке украинцевъ. Народъ говоритъ часто, какъ поэтъ, не зная этого, не ища поэтическихъ фразъ. Пораженные этой оригинальной красотой, вы скажете себѣ: но вѣдь это словно строфы изъ восточной поэмы, или—это словно мѣсто, взятое изъ Библіи».

Въ заключеніе авторъ приводить вѣсколько извѣстныхъ малорусскихъ изречений, ругательствъ, поговорокъ, благословеній и вѣсколько пѣсенъ народныхъ, при чемъ описываетъ ритуалъ свадьбы, вирочемъ очень поверхностно, и передаетъ содержаніе пѣсень: «Les adieux», «Le fleur de cerisier», «Dans la steppe», «Au bord du Yatringue» (?) и «Bayda». Въ концѣ концовъ авторъ говорить: несмотря на то, что украинецъ имѣть много пѣсенъ юмористическихъ и характеръ имѣть веселый,—поэзія его проникнута печалью, отсюда происходитъ эта монотонность, почти всегда минорная».

Въ № 7152 и 7158 газеты «Южный Край» проф. Н. О. Сумцовъ помѣстилъ продолженіе своихъ «Этнографическихъ экскурсій». Въ № 7152 онъ сообщаетъ свѣдѣнія о большой слободѣ Котельнѣ, актырского уѣзда. Статья исключительно передаетъ впечатлѣнія автора отъ виѣшняго вида селенія и его жителей, но о главномъ, т. е. о материалахъ этнографического и бытового характера, добытыхъ тамъ, совсѣмъ ничего не сказано. Въ № 7158 идетъ рѣчь объ упадкѣ традиціоннаго нравственного порядка среди малорусского населения, на основаніи наблюденій автора надъ фактами въ жизни населенія актырского уѣзда. Причины такого упадка авторъ видитъ въ измѣнившихся въ послѣднія десатилѣтія условіяхъ экономическихъ, привлекшихъ за собою исчезновеніе вѣкоторыхъ промысловъ, оказывавшихъ вліяніе на нравственную дисциплину въ массѣ. Къ таковыи промысламъ онъ относить: чумачество, пчеловодство, выѣлка плахъ и ковровъ (коцарство), кустарное производство восковыхъ свѣчей.

"Списокъ вновь вышедшихъ книгъ."

Арсеній еромонахъ. Святий рокъ. Книжочка ювілейна, мѣстить въ собѣ пояснене ювілею и потребніи молитви. Жовква, 1901. Печатня оо. Василіанъ, ст. 96, 32⁰. Ціна 15 коп.

Бажанійський Порфирій. Руско-народна музикальна опера. У Львовѣ, 1900. Зъ друкарнѣ Наук. Тов. ім. Шевченка, ст. 106+84 нотъ, 8⁰.

Барановский Мечислав. Педагогіка для семинарій учительскихъ і учителів шкіл народних. Видане 4-е, значно розширене і доповнене. (Видане Тов. «Руска Школа» в Чернівцах, ч. 7). Чернівці, 1901. З друкарнї тов. «Руска Рада». Ст. 102, 8⁰. Ціна 1 кор.

Вибір з поем Олександра Кониського. З портретом. (Видане Русского Товариства Педагогічного, ч. 87). У Львові, 1901. З друкарнї Науков. Товар. ім. Шевченка, ст. 36. Ціна 30 сот. (Пом'щено 26 стихотвореній).

Врабель Михайлъ. Угро-русски народни сіїванки. Томъ I. Сіїванки Мараморошки. Будапешть, 1901. Печатня Общества «Франклінъ», ст. 320, 8⁰. Ц. 45 кор.

Гартманъ, В. Г. Польскія и літовскія старинны монеты 1506—1795. Ихъ цѣна и степень рѣдкости. Сызрань, 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Гнатюк Владимир. Словаки чи Руснаци? (Відбитка з XLII т. Записок). З друкарнї Науков. Товар. ім. Шевченка, Львів, 1901, 82 стр. Ц. 80 сот.

Gudź Mychajł. Pisú o złobi anarchisty Luchenieho dokonanij na Austrijskij Cisarewi Jełysaweti w Genewi dnia 10 Wereśnia 1898 r. Lwiw, 1900. 12, 8⁰.

Евсєпенко С. С. Подъ яснымъ небомъ Малороссіи. Путевые замѣтки и наблюденія. Москва, 1901, in 8⁰, стр. 49.

Эремійчук Денис, свящ. Жите, муки, смерть і істория перенесення мощів св. Івана Сучавскаго. (Народна бібліотека для духовної освіти, ч. I). Чернівці, 1901. Накладом Товариства «Руска Бесіда». З друкарнї Тов. «Руска Рада», ст. 32, 8⁰. Ціна 40 сот.

Запір'я М. Абрагам Лінкольн. Оповідання про його життя (Видання Товариства «Просвіта», ч. 250). Львів, 1901. 3 друк. Н. Т. ім. Шевченка, стр. 50. Ц. 30 сот.

Задера Гр. Петро кравець. Виршоване оповідання. (Посвята любій сестрі). Ростовъ на Дону, 1901. Товарищ. «Печатня С. Яковлева», стр. 1—16. Ціна 10 коп.

Заклинський Роман. Сномани про Фед'ковича. У Львові, 1901. (Відбитки з П—Ш кп. «Літерат.-Наук. Вістника»). Ст. 32.

Zakopane i Fatry. Kalendarz tatrzański, rocznik I. Krótki przewodnik po Zakopanem i Tatrach. 2 k. 40 h.

Закшевський В. Всесвітна історія для висших клас середніх віків. З 2-го польського видання переложена з дозволу автора Олександер Барвинський. У Львові, 1901. Ціна 2 к. 40 г.

Zaleski D. Korespondencya Bohdana Zaleskiego. Т II. 4 к.

Записки Наук. Тов. ім. Шевченка, т. XLII. Наклад. Н. Тов. ім. Шевченка. Львів. 1901. Ціна 3 кор. Зміст: 1) Критична аналіза т. зван. Тукидідової Археології,—І. Колача; 2) Причинки до історії реверччини в Галичині при кінці XVIII і до половини XIX ст.—М. Зубрицького; 3) Слонаки чи русини. В. Гнатюка; 4) Miscellanea; 5) Наук. Хроніка.

Записки Науковою Товариство ім. Шевченка, т. XLIII. Наклад. Н. Тов. ім. Шевченка. Львів, 1901. Ціна 3 кор. Зміст: 1) О. П. Сторожевко, причинки до характерістики його творів, напис Ів. Стешенка; 2) З кореспонденції Дениса Зубрицького (р.р. 1840—1853) подав. др. Кирплю Студинський; 3) Miscellanea а) привилей М. Миколаєва над Дністром—подав. М. Мочульський, б) Хлоцька комісія—подав І. Кобиляцький; 4) Наукова хроніка; 5) Бібліогр., рецензії.

Заревич Федір. Твори. Т. I. Хлоцька дитина. (Белграстична Бібліотека, ч. 30). У Львові, 1901. Накладом Укр.-Руської Видавничої Спілки. З друкарні Наук. Товариства ім. Шевченка. Ст. 150, 8°. Ціна 1. 80 кор.

Звіт Діrekції ц. к. імназії в Перемишлі за рік шкільний 1900—1901. Наклад. Наукового Фонду. В Перемишлі, 1901. З печатни Н. Джулінського, стр. 1—33, 1—44.

Звіт Діrekції ц. к. імназії в Коломії за рік 1900—1901. Наклад. Науков. Фонду. В Коломії, 1901. З друк. Мих. Бѣлоуса, стр. 87.

Звіт Дирекції ч. к. академічної імназії у Львові за рік шкільний 1900—1901. У Львові, 1901. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. 8⁰. Стр. 48+60.

Зинєвичъ С. Е. За кровь(?), добро и крывду людску... Драма въ пяти актахъ. Каменецъ-Подольскъ, 1901. Типо-латогр. Л. Ландштегера, стр. 1—64. Ц. 75 коп.

Зробекъ Яковъ, свящ. Исторія руско-католицкої церкви на Русі відъ первѣстныхъ апостольськихъ часобъ до 1104 року. Жовква, 1901. Печатня оо. Василіанъ, стр. 58, 8⁰.

Зубрицький Михайло. Причинки до історії рекрутчини в Галичині при кінці XVIII і до половини XIX ст. Матеріали і замітки. Львів, 1901. З друкарні Н. Т. ім. Шевченка, ст. 18, Ц. 20 сот. (Відбитки з XLII т. Записок).

Катренко Олександр. Пан Природа і інші нариси. (Белетристична Бібліотека, ч. 34). Накладом укр.-руської Видавничої Спілки. Львів, 1901, стр. 104, 8⁰. Ціна 1. 40 к. Зміст: 1) Пан Природа, 2) Завірюха, 3) Мандрівник, 4) Дві сестри, 5) Мати й син, 6) Петро Кислий, 7) Лісовий діл.

Klaczko J. Aneksya w dawnej Polsce (Unia Polski z Litwą), tłumaczył za zezwoleniem autora K. Scipio z przedmową K. Tarnowskiego 1 k. 50 hal.

Копач Іван. Критична аналіза т. зв. Тукидидової Археології. Львів 1901. З друкарні Н. Т. ім. Шевченка. (Відбитка з XLII т. Записок). Ст. 20. Ціна 20 сот.

Копко. Бібліотека музикальна. Ч. 4 и 5. Часть шкільна. Школа народна. Ч. I и II. Перешиль, 1901 (2 книги). Друкарня М. Джулинського, стр. 18 и 18⁰.

Короленко П. П. Предки кубанскихъ козаковъ на Днѣпрѣ и на Днѣстрѣ. Підъ редакц. дѣйствит. члена С. В. Руденко. Изданіе Кубанского Областного Статистич. Комитета. Екатеринодаръ, 1901, Типогр. И. Ф. Бойко, стр. 1—70+1—203.

Косичъ А. И. Г. Бердачевъ и Бердачевскій уѣздъ. (По поводу Бердачевской сельско-хоз. и промышл. выставки 15 авг. 1901 г.). Статистический очеркъ въ сельско-хозяйственномъ, бытовомъ и другихъ отношеніяхъ. Киевъ, 1901, стр. 1—43. (Оттискъ изъ газеты «Киевлянинъ»).

Крушельницкий Антін. Семчишин. Чернівці, 1901. З друкарні тов. „Руска Рада“, стр. 76, 8⁰.

Томъ 75.—Ноябрь, 1901.

II—5

Крушельницкий Антін. Серце. (Видавництво акад. товариства „Молода Україна“, ч. 5). Чернівці, 1901. З друк. тов. «Руска Рада». Ст. 160, 8°. Ціна 1 кор. Зміст: 1) Серце, 2) Передъ відбізом, 3) Останній раз, 4) Грішниця, 5) Слюбна жінка, 6) Слухай свого вана, 7) У переддень, 8) На порозі жити, 9) У родичів, 10) Перший день, 11) На авдіенції, 12) У пітьмі ночі, 13) Нерви.

Кулишъ П. О. Выговына (зъ портретомъ Выговского). Историчне оновлдання. Изд. Благотворит. Общ. Изданія Общеполезн. и цехевыхъ книгъ. № 11. СПБ., 1901, стр. 1—26. Ц. 2 к. (велеи. 5 к.)

Левицкий Ів. Повиста й оповідання. Т. Ш. Накаба. Навіжена. (Съ портретомъ). Стр. 470. Київъ, 1901. Цѣна 1 р. 50 к., на велеи. бум. 2 р.

Левицкий Ярослав. Львівська луковна семинарія в літах 1897—1901. Львівъ, 1901. Накладом А. Хойнацкого. З друк. В. Шайховского, стр. 58, 8°. Ц. 19 сот. (Одбитка з «Руслана»).

Лепкий Бодан. Щаслива година. (Заходом К. Студинського). Львівъ, 1901. Накладом А. Хойнацкого. З друкарні В. А. Шайховского. Ст. 48. Ціна 2 кор. Зміст: 1) Щаслива година, 2) Звичайна історія, 3) Месь, 4) Глуум, 5) Барометр, 6) В лісі, 7) На сокивськім, 8) В кортмі.

Лернеръ О. М. Евреи въ Новороссійскомъ краѣ. Исторические очерки по даннымъ изъ архива бывшаго новороссійскаго ген.-губернатора. Стр. 238. Одесса.

Листъ пастирскій. Високопреосвящ. Андрея Шептицкаго, митропол. галицкаго до вѣрныхъ Архієпархії. Жовква, 1901. Печатня оо. Василіянъ, 36°. Ц. 15 с.

Листъ пастирскій. Високопреосвящ. Андрея Шептицкаго, митрополита галицкаго до всесченного священства Архієп. Львовськои. Жовква 1901. Печатня оо. Василіянъ, 30°, Ц. 15 сот.

Листъ пастирскій Високопреосвящ. Андрея Шептицкаго, митропол. галицк. до рускихъ интелигенції. Жовква, 1901. Печатня оо. Висиліянъ, ст. 48. Ц. 15 сот.

Марко Вовчокъ. Оповідання. П. Інститутка. (Вид «Руского Педагогічного Товариства», ч. 81). У Львові, 1901. З друк. Н. Т. ім. Шевченка, 58, Ц. 50 сот.

Методика науки в школѣ народній. Часть II. Наука наглядна. Націсов Микола Гавришук. (Виданнє тов. «Руска Школа» в Чернівцах, ч. 6). Чернівці, 1901. З друкарні тов. «Руска Рада». Ст. 116 8°.

Михайлівский Мик. і його значене в росийській літературі. Відчит. М. Кареєва (Відб. з III ви. «Літ.-Наук. Вістн.»). Ст. 18.

Млака Данило (Ізидор Воробкевич). Над Прутом. Збірник поезій. (Белетристична Бібліотека, ч. 87). У Львові, 1901. Накладом. укр.-руської Видавництво Спілки. З другої. Н. Тов. ім. Шевченка. Ст. 132, 8⁰. Ціна 1. 60 коп.

Молебень ко Пресвятый Богородици. Черемишль, 1901. Зъ печати Н. Джулінського, ст. 20, 32⁰. Ціна 6 сот.

Мурава Марко. Горить. Оновідане. (Видавництво Товариства «Просвіта», ч. 254) Коштом і заходом Товар. «Просвіта». Львів, 1901. З другої. Н. Т. ім. Шевченка, ст. 64, 8⁰. Ціна 40 сот.

О любові. І. Листъ пастирскій Высокопреосвященію. Андрея Шептицкаго, Митропол. галицк. до вѣрныхъ епархія Станиславовской. Жовква, 1901. Печатни оо. Василіанъ, 56⁰. Ц. 20 сот.

О покаянію. VII. Листъ пастирскій Высокопреосвященію. Андрея Шептицкаго, Митропол. галицк. до вѣрныхъ своихъ епархій. Жовква, 1901. Печатни оо. Василіанъ, 52. Ц. 20 сот.

Перелычинъ, Н. И. Черевицки. Повѣсть изъ малороссійскаго быта для дѣтей (съ 21 рис.). М. 1901. Ц. 20 к.

Покарана ложе. Комедійка в I акті Олени Кучальської. Перевів О. Макарушка. (Видане Русского Шедагогічного Товариства, ч. 88). У Львові, 1901. З друкарни Науков. Товариства ім. Шевченка, ст. 20. Ціна 20 сот.

Русиновъ В. Прихожа. Сцена в 1 дії. Шереклавъ и переробывъ зъ сочиненія Н. В. Гоголя: «Лакейская». Къ представлению дозволено 23 марта 1901 г. Полтава, тип. Л. Фришберга, 1901, стр. 1—14. Ціна 5 коп.

Руська історична бібліотека. Видає Наукове Товариство ім. Шевченка. Т. ХХІ. Розвідки про селянство на Україві Руси в XV—XVIII в. Частина I. У Львові, 1901. Накладом Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. IV—174, 8⁰. Ціна 2 корони. Зміст: 1) Вступне слово редакції, 2) Начерк історії селянської верстви в правобічній Україні XV—XVIII в. Івана Новицького, 3) Про правне та економічне становище селян XVIII в.—Володиміра Антоновича. 4) Показчик імен особових і географічних.

Рутковський О. В. Нечиста сила. Малоруссій фарсъ въ 4 дѣйствіяхъ. К.-Подольськъ, 1901. Т.-лит. Ландвигера, 1901, 1—67. Ц. 50 коп.

Савенко А. И. Великая церковь Кіево-Печерской лавры. Кіевъ, 1901, стр. 1—41. (Оттискъ изъ газ. «Кіевлянинъ»).

Семанюк Йован (Марко Черемшина). Карби. Новелі із гуцульского життя. (Видавництво акад. Товар. «Молода Україна»). Чернівці, 1901. З друкарні Товар. «Руска Рада», стр. 142, 8⁰. Ціна 80 сот. Зміст: 1) Карби, 2) Дід, 3) Раз мати родила, 4) Св. Миколай в гарпі, 5) Хиба даруймо воду, 6) Грушва, 7) Лік, 8) Злодія зловили, 9) Бабин хід, 10) Зведениця, 11) Основина, 12) Більмо, 13) Горнець, 14) Чічка, 15) На боже.

Слободієвна Марія. (Видавництво акад. Товар. «Молода Україна», ч. 4). 1) І хто ж вона була? 2) Прощане, 3) Хвилі туги, 4) Поезия її молодих літ, 5) Шгуква. Чернівці, 1901. З друкарні тов. «Руска Рада». Ціна 1 кор.

Smoleński Władysław. Piśma. T. III. (Z dziejów wewnętrznych Polski za panowania Stanisława Augusta.—Sprawa w Ściańska w Polsce wieku XVIII.—Szkoly historyczne w Polsce (główne kierunki w poglądach na przeszłość i insze)). Krakow, 1901.

Старосольський В. Реформа пахотної торговлі в австрійськім законодавстві. У Львові, 1901. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка, стр. 1—29, ц. 30 сот. (Відбитка з часописів правничої і економічної, т. II).

Стехъ Володимиръ. Вѣнецъ набожныхъ пѣсней. Накладомъ церкви оо. Василіанъ въ Улашковцахъ. Жовква, 1901. Печатня оо. Василіанъ, стр. 80, 16⁰, ціна 50 сот.

Стешенко И. Степови мотивы. Кіевъ, 1901, стр. 1—65, ц. 30 кон.

Стешенко Іванъ Ол. П. Стороженко. Причинки до характеристики його творчости. Львів, 1901. З друкарні Наук. тов. ім. Шевченка, стр. 1—46, ціна 40 сот. (Відбитки СХЛШ т. Записок).

Студинський Кирило. З кореспонденції Дениса Зубрицького, (Р.р. 1840—1853.) У Львові, 1901. Наклад. Н. Товар. ім. Шевченка стр. 66, ц. 55 сот. (Відбитка XLII т. Записок).

Товариш. Ілюстрований календарь на 1902 рік. У Львові, 1901. Ціна 1 кор.

Толстой Л. Фр. Казки. (Видане Русского педагогічн. Товарищества, ч. 86). У Львові, 1901. З друкарні Науков. Товариства ім. Шевченка, ст. 44, ціна 40 сот. Зміст: 1) Божа сила, 2) Казка про Івана—дурака, Семена лицаря, Тараса Черевана і німу сестру Ма-

ланю, про старого чортяку та трьох чортенят; 3) Бог правду видить—та не скоро скаже.

Томашівський С. Маруся Бонуславка в українській літературі. Історично-літературний нарис. Наклад. ред. „Літературно-Науков. Вісника“. У Львові, 1901. З друкарні науков. Товар. ім. Шевченка, стр. 76, 8⁰, ціна 80 сот.

Флямаріон Каміль. Небо. Переклад З. Мірної. (Наукова бібліотека, ч. 6). У Львові, 1901. Накл. Укр-Руської Видавництво спілки. З друкарні Н. Т. ім. Шевченка, стр. 136. 8+6 таблиць рисунків, ціна 2. 00 к.

Франко Іван. Про житє і діяльність Олександра Коницького. (Видавництво Тов. «Просвіта», ч. 253). У Львові, 1901, стр. 36, п. 25.

Франко Іван. Коваль Бассім. Арабська белетристична бібліотека, 31). Львів, 1901. Накладом укр.-руської Видавництво спілки. З друкарні Ставроцігійськ. Інститута. Ст. 4+140, 8⁰. Ціна 1.60 кор.

Франко Йо. Въ потѣ лица. Очерки изъ жизни рабочаго люда. Перев. О. Рувимовой и Р. Ольгина съ предисловиемъ и подъ редакціей М. Славинскаго. Стр. VIII+374. Спб., 1901 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Францевъ В. Обзоръ важиѣйшыхъ изученій Угорской Руси. Варшава, 1901.

Хроніка українсько-руською Науковою Товариства ім. Шевченка у Львові. Р. 1901. Вип. ІІ, ч. 6. Січень-квітень.

Деательский Донгин. Русь-Україна і Московщина. Історична розвідка. (Видання Товариства «Просвіта», ч. 251—2). Львів, 1901. З друк. Н. Т. ім. Шевченка, стр. 96, п. 60 сот.

Часописъ правничка і економічна. Т. II. Правничі і економічні розвідки іст.-фільософічної секції Н. Т. ім. Шевченка. У Львові, 1901. Накладом Наук. Т. ім. Шевченка. Ціна 3 кор. Зміст: 1) Др. Станіслав Дністрянський. Австрійське право облігаційне, стр. 1—92. 2) Володимір Старовольський. Реформа пахотної торговлі в австр. законодавстві. 3) Ярхлов Олесницький. Свобода волі в науці карного права.

Чорний день для галицької шляхти. Промова посла Ге. Дашицького в раді державній ^{13/} 1901. Львов, 1901. З друкарні «Уділової». Стр. 32, 16⁰, п. 10 сот.

Шевченко Т. Г. Де-шо зъ Кобзаря. Изд. Издательск. Комитета Харьковск. Общества распростран. въ народѣ грамотности. № 59. Харьковъ, 1901, стр. 1—135, ц. 8 коп.

Шекспір Уїллям. Багацько іаласу знечевля. Переклад П. А. Кулиша. З передовою і поясненями др. Ів. Франка. Белетристична бібліотека ч. 35). У Львові, 1901. Наклад. Укр.-руськ. Вадавничої Спілки. Ст. XII+106, 8⁰. Ціна 1. 60 к.

Шекспір Уїллям. Антоній і Клеопатра. Переклад П. А. Кулиша. Виданий з передовою і поясненями д-ра Ів. Франка. (Белетристична бібліотека ч. 32). У Львові, 1901. Накладом укр.-руської Видавничої Спілки. З друкарні Науков. Товар. ім. Шевченка. Ст. XIV+180, 8⁰. Ціна 1. 80 кор.

Шематизъ, всеч. клира гр.-котолич. епархіи на рокъ Божій 1901. Рочникъ XVI. Станислововъ, 1901. Накладомъ клира епархіального. Печатни оо. Василіянъ въ Жовквѣ стр. XXVII+280, 8⁰.

Шематизъ, всеч. клира греко-котолич. епархії соединенныхъ Перемыской, Саимбorskой и Синодской на рокъ воль Рожд. Хр. 1901. Перемышль, 1901. Зъ печатни Николая Джулинського, стр. LIV+438, 8⁰.

Шематизъ всечестного клира гр.-кат. митрополитальнои архи-дієцесія Львовскоп на рокъ 1901. Львовъ 1901. Изъ типографіи Ставроопигійского Института, стр. XXI+278, 8⁰.

Шоробура Стеф. Наши дѣти. Повѣсть зъ народного житя. (Бібліот. для рускої молодежи. Вып. XXX. т. LI. Коломыя, 1901. Зъ печатни Л. Мизевича стр. 168, ціна 80 сот.

Шурат В. Вибрані оди Горация. Погляд на жите зі становища поета. Перемышль, 1901. З печатні Н. Джулинського, стр. 34.

Щипавка Гриць. Новомолний сьшиваник. Накладом редакції «Комара» у Львові. Львів, 1901. Друкарня Уділовича, стр. 48, 8⁰, ціна 40 сот.

Щипавка Гриць. Хруніда. Інтерпеляція д-ра Коса і тов. в справі конфіскати „Новомодного сіїванника“. У Львові, 1901. Наклад. ред. «Свобода». З друк. Н. Т. ім. Ішевч. стр. 32, 16⁰, ціна 16 сот.

Экономическая и сельско-хозяйственная деятельность Полтавского земства. Докладъ экономическому совѣту. № 3. (Приложение къ журн. „Хуторянинъ“). Изд. Эконом. бюро Полт. Губ. Земства. Полтава, 1901. стр. 1 — 61.

Яблочков Г. Сільська учителька. Переклав Антін Крушельницький. (Видавництво акц. д. тов. «Молода Україна», ч. 2. Чернівці, 1901. З друкарні Товариства «Руска рода». Стр. 78, 8⁰. Ціна 50 сот.

Яздоха. Оповідане цікаве для всіх. (Відане «Рускої Бесіди», в Чернівцях, ч. 161). Чернівці, 1901. З друкарні Товариство «Руска Рада», стр. 44, 8⁰, ц. 24 сот.

Яворський Андрій. Малий съпівник. (Видана «Руского педагогічн. Товариства» ч. 32). У Львові, 1901. З друк. Н. Т. ім. Шевч. стр. 26, ціна 20 сот.

Ярошинська Евгенія. Перша китичка для малих дівчат. У Львові, 1901. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. стр. 22. Ц. 20 сот.



Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

8-го октября состоялось засѣданіе предварительного комитета по устройству XI археологического съѣзда въ г. Харьковѣ.

Проф. Д. И. Багалъй доложилъ просьбу, съ которой комитетъ обратился къ харьковской городской думѣ. „Харьковское городское управление, говорится въ этой просьбѣ, пригласившее въ Харьковъ на съѣздъ и его почетнаго предсѣдателя Великаго Князя Сергея Александровича, конечно, съ своей стороны придетъ на помощь комитету въ материальномъ отношеніи и приметъ на себя, по примѣру тѣхъ городскихъ управлений, гдѣ раньше были съѣзды, по крайней мѣрѣ заботу о достойномъ приемѣ членовъ съѣзда“. Помощь комитету въ материальномъ отношеніи необходима для устройства витринъ для выставокъ: значительная часть археологическихъ и этнографическихъ коллекцій сдѣлается потомъ какъ бы общественной собственностью г. Харькова.

Доложенъ былъ проектъ просьбы, съ которой обратится московскій предварительный комитетъ къ правлѣнію Харьковского университета—о предоставлении помѣщеній въ зданіи университета для засѣданій съѣзда и для выставокъ при немъ.

Постановлено ходатайствовать о разрѣшеніи воспользоваться для помѣщенія иногороднихъ членовъ съѣзда кромѣ студенческаго общежитія и пансіонами при 1-й и 2-й мужской гимназіи.

Намѣчены предположительно во время съѣзда археологической экспедиціи—въ Салтово, въ Янковку и на Донецкое городище. Поручено проф. Д. И. Багалѣю войти отъ имени комитета въ предварительные переговоры по этому поводу съ полезными для данного дѣла лицами и учрежденіями.

Подготовка каталоговъ выставокъ при съѣздѣ поручена членамъ комитета, принимающимъ участіе въ собираеміи предметовъ.

Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ отвѣты тѣхъ учрежденій и лицъ, къ которымъ обращался комитетъ съ просьбой о присылкѣ памятниковъ старины, документовъ, картъ и т. п. для выставокъ при съѣздѣ. Просьбу комитета обѣщали исполнить Императорская публичная библиотека, С.-Петербургскій артиллерійскій музей, Церковно-археологическій музей при Киевской духовной академіи, Военно-ученый архивъ главнаго штаба, Архивъ святѣйшаго правительствующаго синода, Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, г-жа Поль, Ю. В. Поповъ, П. В. Гладкій.

Доложена опись проф. Р. И. Шерцля тѣхъ монетъ и предметовъ, хранящихся въ мюнцѣ-кабинетѣ Харьковскаго университета, которые могутъ поступить въ археологическую выставку при съѣздѣ.

Доложено о пожертвованіи комитету и музею университета: свящ. Д. Поповымъ—восьми бронзовыхъ стрѣлокъ, найденныхъ вблизи Хухры въ песчаныхъ наносахъ; волостнымъ старшиной В. М. Мезиновымъ—желѣзного кинжала въ мѣдной оправѣ, найденного въ с. Минковкѣ, Валковскаго уѣзда.

О множествѣ другихъ пожертвованій и присылокъ, поступившихъ въ лѣтніе мѣсяцы будетъ доложено въ ближайшихъ засѣданіяхъ. За всѣ пожертвованія и присылки комитетъ выражаетъ глубокую благодарность. Ко времени XII археологическаго съѣзда правителемъ канцеляріи черниговскаго губернатора г. Ярыгиномъ подготавливается трудъ „Черниговская губернія въ ея легендахъ и преданіяхъ въ связи съ историко-археологическимъ описаніемъ мѣстностей губерніи“.

Ученые общества.

Въ засѣданіи *Исторического Общества Нестора-Льтописца*, 7 октября, В. И. Щербина сообщилъ о результатахъ экскурсіи въ Бердичевской, Васильковской и Уманской уѣзда, совершенной имъ совмѣстно съ А. П. Добровольскимъ, для описания памятниковъ украинской старины. Всего осмотрѣно 35 пунктовъ. Особенное вниманіе обращено было на старинные деревянныя церкви,¹⁾ которыхъ сохранилось довольно много; иѣкоторые изъ нихъ относятся еще къ XVII ст. (двѣ церкви въ с. Синявѣ, Васильк. у., д. въ с. Погребы, тамъ же, и м. б. д. с. Красовки, Бердич. у.), другія—къ XVIII в. По формѣ церкви можно раздѣлить на два типа: въ формѣ корабля и крестообразныя; по объему очень невелики: въ среднемъ 9 × 18 аршинъ, но есть и меньшихъ размѣровъ (напр. 7 × 17); куполовъ б. ч. три, но встрѣчаются—однокупольныя и пятикупольныя. Характерную особенность старыхъ церквей составляютъ узкія и низкія входныя двери; иногда на косякѣ вырѣзана надпись, указывающая время построенія церкви и имя строителя (село Вуйна, Бердич. у., и с. Росопки, Уманск. у.). Въ одной церкви (св. Николая, въ Бердичевѣ) имѣется „опасаніе“ (крытая галерея вокругъ церкви).

Во многихъ церквяхъ сохранились старинные иконостасы и древнія иконы. Послѣднія, въ большинствѣ случаевъ, реставрированы, обыкновенно очень неумѣло; напр., въ с. Насташкѣ (Васильк. у.) есть икона Покрова съ изображеніемъ какого-то гетмана, который при реставраціи обращенъ въ архіерея. Многія иконы носятъ слѣды католического вліянія; встрѣчаются даже скulptурныя изображенія (статуя арх. Михаила въ кладбищенской часовнѣ с. Ольшаницы). Изрѣдка на иконахъ встречаются малоруссійскіе костюмы (с. Синява, Бердич. у.); Въ иѣкоторыхъ церквяхъ сохранились старыя плащаницы (XVIII в.),

¹⁾ Каменная церковь XVIII в. встрѣтилась только въ г. Васильковѣ; это соборъ, по преданію, построенный по плану Растрелли и представляющій большое сходство съ соборною церковью г. Козельца.

старинныя ткани и вышивки (особенно интересенъ шитый се-ребромъ воздухъ въ Бѣлоцерковскомъ соборѣ). Церковная утварь (чаша, кресты) носить также отпечатокъ уніи. Но въ нѣкото-рыхъ церквяхъ сохранилась бѣдная православная утварь—оло-вянные чаша и даже деревянныя (с. Чехи, Бердич. у.) и оло-вянные брачные вѣнцы.

Во многихъ церквяхъ имѣются старинныя книги XVII и XVIII ст. Большинство ихъ составляютъ изданія Кіево-Печер-ской лавры, второе мѣсто занимаютъ изданія львовскія и по-чаевскія; рѣже встречаются изданія черниговскія, уніевскія и виленскія. Рукописная книга встрѣтилась всего одна—Минея и часословъ XVIII в. въ с. Чехахъ.

Кромѣ старинныхъ церквей осмотрѣны были и пѣкоторые другіе памятники старины. Въ м. Чогрешище (Бердичев. у.) осмотрѣна синагога, въ которой хранятся двѣ рукописныя пер-гаментныя книги; на одной изъ нихъ есть какая-то запись о возстаніи Хмельницкаго; за синагогой—могила убитыхъ во время возстанія. Въ Фастовѣ осмотрѣнъ деревянный костелъ XVIII в. съ иконою XVII ст., съ которой связана легенда, пріуроченная къ эпохѣ возстанія Хмельницкаго; за костеломъ, на возвышен-номъ мѣстѣ, господствующемъ надъ долиною р. Унавы, сохра-нились окопы Палія. Въ Бѣлой-Церкви, во дворѣ Преображен-ского собора, осмотрѣна церковь св. Николая, заключающая въ себѣ остатки начатой Мазепою, но оставшейся недоконченною, каменной церкви. Наконецъ, осмотрѣна была замѣчательная церковь въ с. Росошкахъ, Уманскаго у. Церковь эта построена въ 1763 г. Гонтою, какъ видно изъ надписи на косякѣ вход-ной двери: „Сія церковь сооружена року 1763 за колятора мципана Іоанна К(г)онты, храму св. мученицы Цараскевії за фундаторовъ Іоанна Дѣденка и Антонія Дѣлекатнего и всей громады“ (извѣстно, что Росошки—родина Гонты). Въ церкви сохранились старинныя книги (первой половины XVIII в.) и образа; между прочимъ, образъ очень сложной композиціи съ надписью на раскрытой книжѣ: *Fuit homo missus a Deo cui nomen erat Joannes.*

Чтеніе реферата сопровождалось демонстрированіемъ пла-новъ церквей, фотографическихъ снимковъ съ церквей и иконъ, а также оригиналной иконы XVIII в. изъ с. Синявы, нарисо-

ванной на камбалѣ, пожертвованной въ Музей Общества Нестора Лѣтописца.

Въ засѣданіи *Московскаго Археологическаго Общества* Ю. В. Гольте сдѣлалъ сообщеніе о произведеныхъ имъ лѣтомъ текущаго года въ окрестностяхъ села Камевки, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи, раскопкахъ. Докладчикомъ было произведено изслѣдованіе 4-хъ группъ кургановъ или, по мѣстному названію, могиль, ложащихъ къ югу отъ города Изюма. Первая группа расположена на плоской возвышенности, ограниченной съ трехъ сторонъ лощинами съ текущими въ нихъ ручьями. Изъ 12 кургановъ этой группы изслѣдовано 8. Вторая группа находится верстахъ въ 3-хъ къ сѣверу отъ предыдущей и расположена ниже, не въ далекомъ разстояніи отъ ручья Камевки, почти у подошвы отлогаго склона возвышенности, отдѣляющей ручей Камевку отъ Донца. Изъ 13 кургановъ этой группы изслѣдовало 5. Третья группа—самая интересная по своему положенію. Могильникъ расположенъ на землѣ города Изюма, верстахъ въ 2-хъ отъ него къ югу, на мѣловой возвышенности, господствующей надъ городомъ и носящей у мѣстныхъ жителей название *Кременца*. Возвышаясь сажень на 30—35 вадъ рѣкою Донцомъ, эта возвышенность составляетъ какъ бы полуостровъ, огибаемый течеиемъ рѣки. Такое положеніе *Кременца* должно было издавна соблюсти ему стратегическое значеніе. Дѣйствительно, уже въ 1571 году мы находимъ здѣсь сторожевой пикетъ, известный подъ именемъ Изюмскаго или Изюмъ-Курганскаго. Расположенная въ 2-хъ верстахъ къ югу отъ *Кременца*, четвертая изслѣдованная группа находится на возвышенной плоскости. Наименѣе характерная по мѣстоположенію, она оказалась наиболѣе богатою по находкамъ, вслѣдствіе чего были раскопаны всѣ 6, входившихъ въ ея составъ, кургановъ.

Погребенія, найденные въ курганахъ, можно прежде всего раздѣлить на погребенія въ курганной насыпи и на погребенія подъ курганной насыпью. Самымъ характернымъ случаемъ является погребеніе всадника съ лошадью и нѣсколькими желѣзными предметами. Въ погребеніяхъ, находившихся въ курган-

ныхъ насыпяхъ, костяки лежать въ очень различныхъ положенияхъ. Чаще всего встречается скорченное положение (15 случаевъ), въ 4 случаяхъ—вытянутое и въ 1 случаѣ—сидачее. Въ 2—3 случаяхъ встречались слѣды обугливанія костей; окраска костяка замѣчена только 1 разъ. Наконецъ, очень часто замѣчались слѣды колодъ, въ которыхъ погребались трупы.

При погребеніи въ материковой почвѣ наблюдается двоякая форма: погребеніе въ ямахъ и въ катакомбахъ. Въ большинствѣ случаевъ, при погребеніяхъ подъ могильною насыпью, находили остатки пищи, которую клали покойникамъ у лица или еатылка.

Въ подземныхъ погребеніяхъ окраска костяковъ обнаруживалась очень часто; окраска эта была розового цвѣта, за исключеніемъ одного костяка, окрашенаго въ сѣро-синій цвѣтъ.

Ниболѣе характернымъ явленіемъ представляется способъ погребенія большихъ костяковъ съ головой и рукой, отдѣленными отъ туловища и положенными въ ногахъ. Тѣ же аналогіи можно найти и въ положеніи дѣтскихъ костяковъ. Два дѣтскія костяка найдены рядомъ съ остатками очень обильной трапезы, поставленной покойнику.

Слѣдуетъ отмѣтить фактъ значительного разграбленія могилъ; тѣмъ не менѣе, найдено много глиняныхъ сосудовъ разнобразныхъ формъ, размѣровъ и рисунковъ; найдены также бронзовые и костяные предметы: бусы и привѣски хорошей работы, стремена, мечи и пр. Найденное желѣзное снаряженіе и вооруженіе при погребеніи съ конемъ принадлежитъ, по всему вѣроятію, позднѣйшему времени.

Изслѣдованія и раскопки.

Раскопки Н. Е. Бранденбурга летомъ 1901 г. Н. Е. Бранденбургъ со всегдашней любезной готовностью сообщилъ намъ краткія свѣдѣнія о произведенныхъ имъ раскопкахъ минувшимъ лѣтомъ.

1) *Въ Роменскомъ у. Полтавской губ.* раскопки производились совмѣстно съ В. В. Хвойкой; нѣкоторые изъ кургановъ раска-

пывались сообща, другое—отдельно; для удобства мы даемъ свѣдѣнія о всѣхъ вообще раскопкахъ въ данной мѣстности.

Въ с. Великихъ Будкахъ, въ извѣстной группѣ Аксютинцы-Волковцы, на козачьихъ земляхъ разрыто около 10-ти кургановъ. Всѣ, какъ водится, оказались ограбленными, но въ двухъ удалось вновь найти тѣ загадочные скифскіе булавки или булавы, назначеніе которыхъ до сихъ поръ не выяснено и которые обыкновенно находятся по 4 вмѣстѣ. То-же повторилось и въ данномъ случаѣ. Въ одномъ изъ этихъ кургановъ (хотя и разграбленномъ), при четырехъ лежавшихъ вмѣстѣ булавахъ, оказались еще два бронзовыя навершия, очень оригиналной формы: вершины ихъ представляютъ изъ себя птичью голову съ большимъ клювомъ, вокругъ которой въ затѣйливомъ сплетеніи размѣщены 2 змѣи, пожирающія животныхъ и голова животнаго; экземпляры эти весьма рѣдки. Кромѣ того, въ этомъ-же курганѣ найдены: 4 костяная псалия, золотое ожерелье изъ шариковъ, образующихъ пирамидки, сердоликовая бусы въ золотой оправѣ, янтарные бусы, сургей moneta и бронзовое зеркало.

Въ другомъ курганѣ также найдены какъ-бы сложенные кучей 4 желѣзныхъ булавы, на которыхъ сверху лежало 5 большихъ бронзовыхъ колокольчиковъ, а сбоку остатки конской уздечки (желѣзныя удила съ костяными усиками и нѣсколько бронзовыхъ ваборныхъ бляшекъ). Эта находка вмѣстѣ съ землей перевезена въ Артиллерийскій Музей, гдѣ и будетъ храниться не разъединеною.

Въ одномъ изъ остальныхъ кургановъ, до-чиста разграбленномъ, у сѣверной стѣны склепа найдена греческая амфора, а возлѣ нея сосудъ съ пережженными человѣческими костями.

Въ этой же группѣ было разрыто 3—4 небольшихъ кургана, заключавшихъ погребенія съ однимъ или нѣсколькими скелетами, у которыхъ обыкновенно находились сосудикъ, прядлица, костяной или бронзовый наконечникъ стрѣлы, сѣра.

Кромѣ кургановъ съ погребеніями, раскопано нѣсколько сожженіями, также скифской эпохи.

На крестьянскихъ земляхъ с. Басовки разрыто нѣсколько кургановъ; ихъ здѣсь довольно много, но всѣ они, повидимому, ограблены; раскопанные не избѣгли той-же участіи и въ нихъ,

кромъ мелкихъ предметовъ, ничего не обнаружено. Среди этой мелочи любопытны большіе бронзовые браслеты, украшенные на концахъ стилизованными головками животныхъ, бусы съ разноцвѣтными вставками, одна серебряная массивная буса въ формѣ шарика, длинная (около 1 фута) бронзовая булавка и привѣски, вышиленный изъ челюсти скунса (?) съ зубами.

Около с. Плавинищи раскопанъ большой нагорный курганъ (недалеко отъ города Роменъ); и онъ оказался разграбленнымъ. Въ большой могильной ямѣ нашлось лишь немногихъ обломковъ чешуйчатаго панцыря, удила и кое-какая мелочь. Курганъ ограбленъ подкопомъ.

У того-же села, на лугу, В. Хвойкой раскопано 7 кургановъ, заключавшихъ въ насыпи славянскія погребенія (покойники лежали головами на западъ), а подъ ними, въ грунтѣ,— скифскія.

На поляхъ с. Чебераки расположена группа изъ 40-ка кургановъ, большихъ и меньшихъ. Больше уже всѣ раскопаны, вскрыты (В. Хвойкой) 4 меньшихъ дали бѣдныя скифскія погребенія. Въ верхнихъ частяхъ нѣкоторыхъ кургановъ и въ этой группѣ оказались позднѣйшія славянскія могилы.

У зашт. г. Глинска, на островѣ, изъ группы въ 20 кургановъ раскопано (В. Хвойкой) 2, гдѣ обнаружены сожженія скифской эпохи; въ одномъ изъ кургановъ найденъ сосудъ; покойники сжигались на мѣстѣ.

Въ Глинскѣ, подъ городищемъ, имѣется еще большой славянскій могильникъ, при прежнихъ раскопкахъ которого на головахъ покойниковъ были находимы серебряные обручи. При настоящихъ раскопкахъ (В. Хвойки) въ разрытыхъ 2—3 курганахъ при скелетахъ ничего не обнаружено.

2) *Въ Чигиринскомъ у. Кіеской губ.* Н. Е. Бранденбургомъ раскопки производились у с. Мокіевки. Здѣсь, частью на крестьянскихъ, частью на владѣльческихъ земляхъ, вскрыты курганы, оказавшіеся какъ скифскими, такъ и со скорченными костиками. Къ сожалѣнію, изъ числа первыхъ, почти всѣ оказались разграбленными; уцѣлѣвшіе же были съ весьма бѣднымъ содержаніемъ, при чемъ скелеты лежали въ большихъ гробовищахъ изъ толстыхъ плахъ, въ видѣ продолговатыхъ срубовъ. Болѣе богатые, разграбленные, курганы заключали слѣды склеповъ. Въ разрытыхъ

курганахъ послѣдней категоріи найдено довольно много остатковъ, брошенныхъ грабителями: копій, удилъ, съ бронзовыми и желѣзными усиками, бронзовыхъ стрѣль съ обломками древковъ, бронзовыхъ наборныхъ уздечекъ, остатковъ нѣсколькихъ панцирей (чешуйчатыхъ и птастинчатыхъ), бронзовое зеркало съ желѣзной ручкой, желѣзный ножъ съ костяной рукояткой и т. п., а также кое-какая посуда, каменное овальное блюдо и немного терракоты. Интересна терракотовая вазочка (въ черепкахъ) съ изображеніями Ариадны, Діониса и Сатировъ. Выдающуся находку представляютъ остатки скифского скелета съ надѣтымъ на него желѣзнымъ чешуйчатымъ панциремъ,—обстоятельство, дающее возможность ближе ознакомиться съ конструкцией или формой этого вооруженія, которое встрѣчается обыкновенно совершенно разсыпавшимся. Въ виду этого находка была перевезена съ землей и теперь окончательно очищается въ Артиллерійскомъ Музѣѣ. Къ сожалѣнію, панцирь оказался сильно поврежденнымъ грабителями (повидимому, новѣйшими), ограбившими находившуюся рядомъ со скелетомъ женскую могилу, равно какъ и упоминаемую мужскую, причемъ скелетъ въ панцирѣ частью оказался раскиданнымъ, вслѣдствіе чего сильно пострадало и самое вооруженіе, сохранившееся лишь отчасти въ нетронутомъ видѣ.

3) Послѣдній пунктъ раскопокъ Н. Е. Браденбурга—*м. Ильинцы, Липовецкаго у. Киевск. г.* Къ тому, что было уже сообщено объ этихъ раскопкахъ (см. „Лѣтопись“ за сентябрь), пока прибавить нечего.

Раскопки В. В. Хвойки лѣтомъ 1901 г. Кромѣ раскопокъ въ Роменскомъ у., о которыхъ говорено выше, В. В. Хвойка, по обыкновенію, произвелъ и въ этомъ году много раскопокъ; сообщаемъ о нихъ, со словъ неутомимаго изслѣдователя, краткія свѣдѣнія.

На этотъ разъ раскопки коснулись и цѣлаго ряда городищъ, правда, раскопки не особенно обширны, но все-таки давшая возможность опредѣлить ту или другую культуру городищъ.

1) *На городищѣ „Жаринце“ у с. Пастерскаго, Чигиринск. у. Киевск. г.* раскопки продолжались въ юго-западной (меньшей) части этого грандіознаго сооруженія. Здѣсь обнаружены остат-

Томъ 75 — Ноябрь, 1901.

П—6

ки жилищъ и различные предметы скифского периода, масса черепковъ отъ сосудовъ полей погребенія (II—IV в. по Р. Х.) и предметы готского типа эпохи переселенія народовъ. Среди послѣднихъ, снова найдены интересныя фибулы съ звѣриннымъ орнаментомъ, браслеты, ушные привѣски, серебряные пуговицы, бусы изъ композиціи и различные предметы и инструменты изъ желѣза. Найденъ также опрокинутый глиняный столбъ, пока неопределеннаго назначенія, съ вершиной, представляющей ивь себя гладкій кругъ, около $1\frac{1}{2}$ метра діам., на поверхности которого проведено 7 концентрическихъ бороздокъ; высота столба $1\frac{1}{4}$ метра. Подобного рода столбъ былъ уже открытъ раньше на городищѣ у Мотронинскаго монастыря, и, какъ увидимъ ниже, на городищѣ у с. Конончи.

2) *Городище у с. Конончи, Черкасск. у. Кіевск. губ.*, входитъ въ цѣль городищъ, расположенныхъ на берегу Даѣпра и поворачивающихъ затѣмъ по берегу р. Роси. Городище относится къ княжескому периоду, въ чёмъ можно было убѣдиться какъ по случайнымъ и не случайнымъ находкамъ крестьянъ, такъ и при нашихъ личныхъ разведкахъ.

При раскопкахъ г. Хвойки обнаружены остатки жилищъ —землянокъ, съ разрушившимися печами, причемъ большой интересъ представляетъ двойная печь, имѣющая два устья. Найденные предметы—обычнаго типа XI—XIII ст., ихъ массу дала уже Княжа Гора; здѣсь можно отмѣтить желѣзный ножикъ съ прекрасно орнаментированной костяной ручкой и жерновъ, имѣющій ободокъ—новый типъ.

Какъ уже упомянуто, и здѣсь найденъ глиняный столбикъ, О, 45 м. высотой и $1\frac{1}{2}$ м. въ діаметрѣ; особенность его состоитъ въ томъ, что вершина имѣть глиняный ободокъ, частью разрушившійся. Къ княжескому периоду относится и открытое тутъ-же кладбище, частью испорченное крестьянами-кладоискателями. Особенность его составляетъ, какъ это повидимому можно установить, обычай класть надъ могилой, или правильнѣе, надъ гробомъ по нѣсколько камней—кругляковъ.

Культура княжеской эпохи является на городищѣ послѣднимъ наслоеніемъ. Но и до нея на данномъ мѣстѣ шла жизнь. Такъ, здѣсь-же открыты остатки жилищъ неолитического периода съ керамикой до-микенскаго типа, давшіе различные пищевые

остатки, а также найдены по близости и части двухъ типичныхъ для этой культуры глиняныхъ сооруженій¹⁾.

Возлѣ городища, на возвышенномъ плато, расположено нѣсколько кургановъ. Изъ нихъ было раскопано два, и въ одномъ найдено 3 крашевыхъ скелета. Очень любопытенъ фактъ, что въ насыпи этого кургана встрѣчены черепки до-миленского типа и раковины—т. е. содержимое т. н. площадокъ и жилищъ до-миленской культуры. Насъ всегда занималъ вопросъ опредѣленія отношенія культуръ съ окрашенными костяками и съ посудой до-миленского типа, культуръ, близкихъ по времени. Дѣйствительно, представляется очень интереснымъ установить или связь между ними, или опредѣлить послѣдовательность, въ какомъ слѣдовала одна изъ нихъ за другой. Фактовъ до сихъ поръ было очень немного. Судя-же по характеру культурныхъ остатковъ, можно было предположить большую древность за культурой крашеныхъ скелетовъ. Но данная раскопка кургана какъ-бы говоритъ немного иначе и ставитъ вопросъ въ обратное положеніе. Во всякомъ случаѣ, для окончательного рѣшенія, придется подождать еще новыхъ фактовъ.²⁾

3) Продолжались раскопки и на громадномъ городищѣ у с. *Шарки*, *Васильковск.* у. *Киевск.* губ. Кроме различныхъ предметовъ княжеской эпохи (много желѣза, остатки стеклянныхъ сосудовъ, ценинныя плитки, различныя украшенія, серебряная шестигранная гривна), здѣсь открыты остатки жилищъ и цѣлый некрополь. Некрополь заключалъ въ себѣ какъ сожженія, такъ и погребенія. У послѣднихъ некоторые изъ покойниковъ были обложены по бокамъ пластинами, у другихъ находились кострища, какъ сбоку, такъ и подъ покойниками. Изъ предметовъ, найденныхъ при скелетахъ, можно отметить парчевые ленты, которыя клались на лобъ.

¹⁾ Присутствіе послѣднихъ у Конончи было констатировано рода два назадъ во время нашихъ развѣдокъ совмѣстно съ В. Н. Доманицкимъ.

²⁾ В. В. Хвойка сообщилъ намъ въ дополненіе къ вышеизложеному, что аналогичное явленіе ему пришлось наблюдать года четыре назадъ при раскопкахъ кургановъ у с. Халепья, Кіевск. у.

У сс. Шарки и Ромашки обнаружены кромъ того еще и поля погребенія.

4) Небольшія раскопки производились также и на городищѣ у лѣтописнаго с. *Витачева, Киевск. у.*; особенно цѣнного эти раскопки, какъ и раньше тутъ-же производившіяся, не дали, но городище обѣщаєтъ быть очень интереснымъ и потому В. В. Хвойка намѣревается въ слѣдующемъ году приступить здѣсь къ болѣе обширнымъ раскопкамъ.

Вблизи с. Витачева, у с. Черняхова, В. В. Хвойкой закончено изслѣдованіе громаднаго поля погребенія, давшее такие блестящіе результаты. На этотъ разъ было вскрыто всего нѣсколько погребеній.

5) *Раскопки у с. Чучинки, Киевского у.,* вблизи м. Ржижева, нужно признать одними изъ весьма удачныхъ.

Здѣсь, прежде всего, на покатой возвышенности, обнаружены слѣды обширнаго поселенія съ посудой до-мивенского типа. Найдены остатки до 25-ти жилищъ (не площадокъ), иногда довольно оригинального устройства: жилища имѣли видъ землянокъ, прокопанныхъ въ два уступа; въ одной изъ нихъ были устроены 3 овальные печи. Жилища дали массу пищевыхъ остатковъ и цѣлую коллекцію чудныхъ издѣлій изъ рога (м. п. лося): топоровъ съ круглыми отверстіями, долотъ, шилъ и 2 рыболовныхъ крючка. Не менѣе, если не болѣе, интересны найденные тутъ-же многочисленные черепки отъ крашеныхъ сосудовъ, покрытые замѣчательными орнаментами; среди орнаментовъ встрѣтилось и изображеніе человѣческой фигуры.

Въ этой-же мѣстности раскопаны и 2 кургана (2 другихъ были раскопаны крестьянами). Курганы оказались скифскими и не разграбленными. Въ каждомъ изъ нихъ найдено по скелету, головой почти на югъ.

Въ первомъ, при скелетѣ найдены: желѣзный чешуйчатый панцирь и, повидимому, принадлежность его, встрѣченная впервые и состоящая изъ желѣзной чешуи и продолговатыхъ пластинокъ, наложенныхъ одна на другую,—все это лежало свернутымъ въ нѣсколько оборотовъ; затѣмъ, желѣзныя копье и и остріе, два жел. ножа—типа бронзовыхъ, жел. молотокъ, 2 жел. удилъ, около 40 бронзовыхъ стрѣлъ, 2 бронз. шпильки и золотая серьга. Въ ногахъ покойника находилось 2 сосуда.

Во второмъ курганѣ, въ ногахъ—4 сосудика, съ лѣвой стороны желѣзный мечъ, затѣмъ копье, пара жел. удиль и нѣсколько костяныхъ и желѣзныхъ наконечниковъ стрѣль.

При всѣхъ раскопкахъ В. В. Хвойкой велись подробные дневники, снабженные массой рисунковъ. Этотъ сырой матеріалъ въ настоящее время тщательно обрабатывается для отчета Императорской Археологической Комиссіи.

Случайные находки.

*Кладъ въ усадьбѣ Б. А. Орлова на Трехсвятительской ул.
въ г. Кіевѣ.* Какъ мы уже сообщали, 10-го сентября, въ глубинѣ усадьбы г. Орлова найденъ цѣнныій кладъ велико-княжеской эпохи. Усадьба г. Орлова находится въ юго-западномъ углу древнѣйшаго кіевскаго „дѣтинца“, приблизительно въ 50-ти саженяхъ отъ Трехсвятительской церкви. Въ этомъ году здѣсь воздвигнутъ большой 4-хъ этажный домъ. Выемка земли подъ его фундаментъ не дала никакихъ интересныхъ находокъ, хотя почва и состояла изъ ряда культурныхъ напластованій. Но при копанії ямы для ледника наткнулись на остатки старого погреба, такъ какъ земля въ этомъ мѣстѣ на значительную глубину оказалась рушеной; въ ней встрѣчались булыжники въ видѣ працей, куски шифера и шиферныхъ плитъ, черепки отъ сосудовъ, куски кирпича, человѣческія кости и кости животныхъ, а внизу ямы—уголь и зола. На глубинѣ $4\frac{1}{2}$ арш. рабочіе дошли до глинисто- песчанаго материка; когда дно ямы было очищено, то въ немъ была обнаружена небольшая ямка, шедшая еще глубже. Въ этой ямѣ и былъ найденъ сосудъ, заключавшій кладъ. Къ сожалѣнію, сосудъ былъ разбитъ, но, однако, по сохранившимся частямъ можно восстановить его форму. Онъ имѣетъ видъ горшка, приготовленного на гончарномъ кругѣ, съ широкимъ отверстиемъ; высота его 21 стм., ширина посрединѣ 20 стм., діам. два 8 стм. Съ одной стороны имѣется ушко; верхняя часть орнаментирована; орнаментъ состоитъ изъ параллельныхъ бороздокъ

(около 12) и ряда насьчекъ пониже. Совершенно въ такомъ-же сосудѣ былъ найденъ известный кладъ въ усадьбѣ Есикор-скаго. Предметы, составлявшіе кладъ, были положены въ горшокъ завернутыми въ парчевую матерію—остатки ея рабочіе выбросили. Кромѣ того, часть мелкихъ хрупкихъ предметовъ была изломана и поступила къ владѣльцу въ видѣ обломковъ.

Не смотря на то, что Киевъ далъ уже большое число находокъ княжескаго періода и настоящій кладъ представляетъ значительный интересъ, такъ какъ даетъ нѣсколько новыхъ типовъ предметовъ, еще разъ говорящихъ за то, что въ данную эпоху мѣстное ювелирное дѣло достигло высокой степени развитія, отличаясь какъ совершенствомъ изготавляемыхъ предметовъ, такъ и ихъ разнообразіемъ.

Всѣ предметы клада, какъ и большинство ранѣе найденныхъ кладовъ, представляютъ изъ себя различныя золотыя и серебряныя украшенія.

На первомъ мѣстѣ стоятъ двѣ золотыя ушные подвески (колты). Лицевыя ихъ стороны украшены изображеніями птицъ и растительнымъ орнаментомъ, исполненнымъ замѣчательно художественной, тонкой гравировкой, заполненной чернью. Такого типа подвески обыкновенно изготавливались полыми внутри (для помѣщенія тамъ хлопка, пропитанного благовонными маслами), и настоящіе колты также полые и, благодаря этому, найдены довольно сильно помятymi.

Большой интересъ, а также отчасти и новинку, представляетъ ожерелье, въ составъ которого, по всейѣроятности, входили слѣдующія находящіеся въ кладѣ предметы: 1) 8 серебряныхъ позолоченныхъ круглыхъ медальоновъ, среднія части которыхъ заняты накладными кружками, украшенными растительнымъ орнаментомъ, исполненнымъ чернью,—такихъ орнаментированныхъ кружковъ сохранилось 4; кружки окружены желобками, въ которые помѣщался жемчугъ; такого рода медальоны встрѣчаются впервые; 2) 9 серебряныхъ позолоченныхъ подвесокъ въ формѣ лилій—обычный типъ, и 3) 9 продолговатыхъ серебряныхъ позолоченныхъ бусъ. Остальную часть клада составляли:

Четыре золотые серьги киевского типа съ ажурными шариками.

Часть головного убора, состоящая изъ 9-ти золотыхъ скобочекъ.

Часть шейной повязки, состоящая изъ 4-хъ серебряныхъ полуцилиндриковъ (всѣхъ должно было быть до 20-ти).

Обломки, находившіеся въ кладѣ, составляли въ цѣломъ видѣ различной формы серебряные вызолоченные нашивки на матерію—т. н. „дробницы“. Изъ обломковъ удалось сложить одну изъ нихъ, имѣющую видъ креста съ лиліевидными концами.

Рабочій, нашедшій кладъ, передалъ его владѣльцу усадьбы, послѣднимъ-же кладъ въ цѣломъ составѣ пожертвованъ Киевскому Музею Древностей и Искусствъ, гдѣ онъ въ настоящее время и хранится.

Въ Кіевѣ-же, на Старомъ Городѣ, осенью настоящаго года найдено нѣсколько предметовъ, относящихся къ той-же эпохѣ. Очень возможно, что предметы эти составляютъ лишь часть исчезнувшаго клада.

Это, прежде всего, очень изящной работы серебряная серьга, состоящая изъ проволочного кольца, на которомъ висятъ двѣ пронизки, имитирующіе нанизанныя на проволоку бусы; каждая изъ пронизей состоитъ изъ двухъ боковыхъ гладкихъ шариковъ и средняго ажурного.

Затѣмъ, пять дробницъ, въ видѣ золотыхъ розетокъ; три изъ нихъ побольше (діам. 2,3 стм.), двѣ поменьше (діам. 1,8 стм.). Большая имѣютъ среднее гнѣздо для камня и кругомъ 8 меньшихъ гнѣздъ. У меньшихъ, кругомъ центрального, только по 6-ти гнѣздъ; здѣсь, какъ гнѣзда, такъ и фонъ украшены зѣрнью. Дробницы эти по краямъ снабжены дырочками для прикрепленія къ матеріи.

Серьга и дробница поступили въ собраніе Б. И. Ханенко.

Городище Княжа Гора за послѣднѣе время почти совсѣмъ иссякло. Встрѣчается еще довольно часто желѣзо, изъ болѣе-же цѣнныхъ въ художественномъ отношеніи предметовъ можно указать лишь на недавно пайденную привѣску изъ горнаго хрустала, овальной формы, въ серебряной оправѣ—новый видъ привѣсокъ.

Вблизи Ананьева, въ долинѣ Тилигула, на глубинѣ 3½ аршина, рабочіе наткнулись на человѣческій скелетъ, лежавшій головой на востокъ, ногами на западъ. Судя по длине скелета, покойникъ былъ ростомъ въ 2 аршина, но въ то же время это былъ вполнѣ сформировавшійся человѣкъ; въ каждой челюсти у него по 16 зубовъ. Широкій тазъ показываетъ, что это была женщина. На обѣихъ рукахъ скелета, немного ниже локтей, надѣто было по браслету, каждый изъ нихъ сдѣланъ изъ бронзовой проволоки вѣсколько тоньше гусинаго пера; браслеты не спаяны: концы проволоки расплющены и украшены точечнымъ орнаментомъ. Обращаетъ на себя вниманіе малый размѣръ браслетовъ—всего 5 сантиметровъ въ діаметрѣ; такой браслетъ едва найдеть на дѣтскую руку. Кромѣ браслетовъ, покойница была украшена двумя мѣдными серьгами; какое-то мѣдное украшеніе было у нея и на шеѣ, но вещи эти по неизвестству рабочихъ потеряны; одинъ изъ браслетовъ они изломали въ куски. Узнавъ о находкѣ, ананьевскій городской голова А. А. Коняхинъ немедленно выѣхалъ и тщательно изслѣдовалъ мѣсто находки. Скелетъ, уцѣлѣвшій браслетъ и обломки другого г. Коняхинъ принесъ въ даръ Херсонскому археологическому музею. („Югъ“).

На поляхъ д. Самбрововки, Александрійск. у. Херсон. губ. выбранъ кладъ, состоящій изъ 170 пятаковъ чекана 1761—1787 г.г. Мѣстность эта давно притягивала къ себѣ различныхъ искателей кладовъ, которые ежегодно въ теченіе уже 30—35 лѣтъ ищутъ ихъ въ скалахъ, находящихся на землѣ дер. Самбрововки по теченію р. Ирклия. Въ прежнее время зачастую появлялись разные дряхлые „дѣды“, указывавшіе то въ одномъ, то въ другимъ мѣстѣ скалу, гдѣ долженъ быть находиться кладъ. Находились охотники варывать скалы, подкапывать ихъ, но всѣ эти поиски до сихъ поръ были безуспѣшны. Послѣ этой находки одинъ изъ крестьянъ ближайшаго хутора рассказалъ, что онъ помнить, какъ во времена его дѣтства являлся какою-то дѣдъ разыскивать въ лѣсу криничку, которой тогда уже не существовало, такъ какъ въ нее, по словамъ того дѣда, была опущена запорожцами „паровица“ мѣдныхъ денегъ (Югъ).

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Исторія Русскаго Искусства XVIII—XIX вв.

въ ОЧЕРКАХЪ и КАРТИНАХЪ

(къ предстоящему 200-лѣтію Петербурга)

будеть печататься въ теченіе 1901—1902 г.

въ иллюстрированномъ изданіи Н. П. Собко.

„ИСКУССТВО

и

Художественная Промышленность“

со снимками въ фотографияхъ и фототипіяхъ, частью въ краскахъ,
съ замѣчательнѣйшихъ произведений Русской школы изъ обществен-
ныхъ и частныхъ собраній Имперіи.

Подписная цѣна за 12 выпусковъ съ особыми приложеніями:
безъ доставки 8 руб.. съ доставкой и пересылкой 10 руб., за гра-
ниду 12 руб.

1-й вып. выйдетъ въ ноябрѣ 1901 г.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ Главномъ складѣ
художественныхъ изданій Н. П. Собко (Почтамтская 13), въ книжн.
магаз. Віоле (М. Копищенная, уг. Невскаго, 26/16); въ Москвѣ — у
Кнебеля (Петровскія линіи), въ Кіевѣ — у Идзиковскаго (Крещатикъ),
въ Одессѣ — у Свистунова, въ Харьковѣ — у Петрова (Университетская
горка), въ Казани — у А. Дубровина (Гостиный дворъ), въ Томскѣ — у
Макушина, въ Варшавѣ — у Віоле (Сенаторская). въ Юрьевѣ — у Ка-
рова, въ Парижѣ — у Boyeau et Chevillet (rue de la Banque), въ
Лейпцигѣ — у Hiersemann (Königsstrasse), въ Берлинѣ — у Amsler и
Ruthardt (Behrensfrasse), въ Вильнѣ — у Artaria (Kohemarkt).

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

на 1902 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ науки: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научные работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и бібліографіи: профессорскія рецензіи на магістерскія и докторскія диссертациі, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя въ Россіи и заграницей в книгахъ и сочиненіяхъ новѣйшь отраслямъ знанія; бібліографические отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященные обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографические очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распределенія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложения: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники исторические и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученые Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложений.

Подписанная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдельные книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко*.

VI ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

,ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ[®]

(политическая, научная, литературная и торгово-промышленная газета)

ВЫХОДЯЩАЯ ВЪ ОДЕССЪ

въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ ВЪ ТЕКСТЪ

(рисунки событий дня, портреты общественныхъ лѣтителей, художниковъ, виды мѣстностей и т. п.).

За пять лѣтъ существованія „Южное Обозрѣніе“ вполнѣ выяснило свою идеиную программу и заняло опредѣленное мѣсто въ ряду русскихъ газетъ.

Ставя на первомъ планѣ интересы трудящихся классовъ, мы всегда признавали, что всѣ отдельныя племенные и національные группы, живущія въ Россіи, являются вполнѣ равноправными членами одной великой культурной семьи.

По возможности въ каждомъ № „Южного Обозрѣнія“ помѣщается беллетристическое произведение (разсказъ, повѣсть, романъ) русскихъ или иностранныхъ авторовъ.

Подписная цѣна на газету „Южное Обозрѣніе“: въ Одессѣ съ дост. на дому на годъ 6 р., на 6 мѣс.—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—1 р. 80 к., на 1 мѣс.—60 к. На города (съ пер.) на годъ 8 р., на 6 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—2 р., на 1 мѣс.—1 р.

Допускается разсрочка платежа.

Подписка принимается въ Одессѣ въ главной конторѣ газеты „Южное Обозрѣніе“, при типографіи Исаковичъ и Бейленсонъ, Гаванная ул., соб. домъ.

Редакторъ *Н. П. Цакни.*

Издатель *Г. М. Бейленсонъ.*

SLOVANSKY PREHLED

(Славянское Обозрѣніе).

ежемѣсячный всеславянскій журналъ

въ IV-омъ году изданія

будетъ издаваться по прѣжней программѣ. Журналъ выходитъ книжками въ 3 и больше листовъ, въ первую пятницу каждого мѣсяца (исключая августъ и сентябрь), заключая въ себѣ статьи и корреспонденціи, касающіяся культурной жизни всѣхъ славянскихъ народовъ, сверхъ того будуть печататься переводы стихотвореній славянскихъ поэтовъ на чешскомъ языкѣ, библіографическая извѣстія изъ всѣхъ славянскихъ литературъ, свѣдѣнія объ славянскомъ искусствѣ и пр.

Подписная цѣна для Россіи 3 руб. въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Подписка принимается въ конторѣ журнала „Slovansky Prehled“ въ Прягѣ чешской (адресъ: Nakladatelstvi F. Simáček, Praha, Jerusalemská ul. 11.

Издатель Ф. Шимачекъ.

Редакторъ А. Черны.

коллегія, наполнившая надеждами обиженныхъ всей гетманщины... Въ числѣ ихъ оказалась и Татьяна „Павлиха“, вдова одного изъ тѣхъ Брагинцовъ, которымъ судъ возвратилъ ихъ „селище“, въ 1671 г. Вдова „Павлиха“ пожаловалась въ Глуховъ, что С—чи завладѣли уже разъ присужденными имъ землями и—глуховскія власти поспѣшили (такое было время) удовлетворить обиженную... Брагинскія земли присудили „Павлихѣ“, а между тѣмъ ва этихъ земляхъ сидѣло цѣлое село... Вдова Андрея С. постаралась уладить дѣло миромъ, при чёмъ ей пришлось заплатить 2500 золотыхъ.¹⁾ Но процессъ съ „Павлихой“ сильно отразился

¹⁾ Помѣщаемъ здѣсь разсказъ самой вдовы Андрея С., какъ он началъ с. Брагинцовъ, такъ и о процессѣ за нихъ въ 1723 г., съ «Павлихой». «Покойный мужъ мой Андрей С., по изпѣствіи въ М. Россіи невріателя шведа, одержавши уряди писарства, а потомъ судейства, полковіе Прилуцкіе, для всparтия своего господарства покупилъ быль въ многихъ селянъ сотнѣ Варвинской, а именно въ Озерянцовъ, Оробьевцовъ, Савинцовъ и въ другихъ, разные грунты, на которыхъ за позволенемъ пок. илк-ка Прлцк. Носа, поселилъ хуторъ въ слободку Брагинецъ осадилъ, которая потою универсаломъ пок. и. гетм. Скор. зостала мнѣ въ спокойное владѣніе ствержена, и владѣла я оною до смерти мужа моего безъ жадной перепони; когда же мужъ мой волею Божею умре, помянутою слободкою владѣла я по 1723 г., безперепонно. А въ томъ году Тетяна Павлиха, жителка Бѣлогорѣцкая, била челомъ въ енер. в. к—рію, доносчи, что мужъ мой Андрей С. не слушне якобы покупилъ у тихъ Озерянцовъ и другихъ селянъ—грунта, гдѣ же они суть не ихъ, але мужа еи умершаго Брагинца, и презентовала дѣвреть з суду в. енералного, за подисомъ рукъ Ив. Домонтовича и Ив. Самойловича, судей енер—хъ, въ року 1671, мѣс. окт. 9 дня, еи, Павлихи, мужу виданный. И по той еи занесенной на мене жалобѣ, велено з оной енер. в-рія представить мнѣ—одѣ кого достались тіе грунта заводцовъ; и я оныхъ Озерянцовъ да и другихъ селянъ, предъ судомъ войск. енер. представляла, и купчіе мнѣ одѣ ихъ давные обявляла; но они одѣ кого себѣ грунта тие прежде имѣли—слушнаго доводу не показали, и за тое арматнимъ вязенемъ были карани; а повелено зъ оного же суду ен., абы я (рука руку знаючу) своихъ заводцовъ смотрела, а грунтовъ оной Тетянѣ Павлихѣ усту-

на Брагинцахъ, такъ какъ послѣдніе засимъ вовсе не показываются въ ревизіи 1729 г. Мы видѣли уже (с. 357), что вдова Андрея С. въ это самое время (лѣто 1729 г.) жаловались, что старшій сынъ ея „*въ слободѣ Брагинцахъ кижнанадцать человѣкъ и болшую часть Брагинского грунту до хутора Мормизовскаго, самовласне собою завладѣннаго, принялъ во владѣніе*“, изъ чего можно думать, что Брагинское населеніе чуть не все—на время—расходилось... Но критическій моментъ прошелъ и—по ревизіи 1731 г.—въ „*слободѣ Брагинцѣ*“ значится 68 хоз. „*весыма убогихъ и безгрунтовыхъ*“, и кромѣ того—„*при дворцѣ (усадьбѣ) С—чей—девять человѣкъ, зѣ нагороди (за жалованье) живучихъ хатами порознь*“ (войтъ, стадникъ, конюшій, шинкарь, кравецъ, десятникъ, овчаръ, швецъ и коровникъ). Видно, что потревоженное поселеніе не трудно было вновь собрать, при чемъ у вдовы Андрея С—ча¹⁾ явились „*безгрунтовые*“ кр—не, т. е. не имѣвшіе полевыхъ земель, а слѣдовательно, всецѣло подчиненные державцѣ... По смерти вдовы Андрея и сына ея Матвѣя, половина Бр—цевъ была захвачена Иваномъ С. и это обстоятельство, какъ видно ниже, оказало замѣтное вліяніе на уменьшеніе здѣшняго населенія. Кр. А. 34 д. В. 25 д. В. не показаны. Г. 35 д. 35 х. (Ивана С—ча и вдовы брата его Матвѣя. За 1737—1740 г.г. „*сошло*“ 22 двора). Д. 79 д. 124 х. Изъ нихъ 47 дв. б. товв. Ивана и Матвѣя Матвѣевичей С—чей, и 22 дв. „*княг. капитанши Ор-*

пила. Тилко же, жебы мнѣ чрезъ тое не прйти было въ крайнее разореніе, мусѣла вновь у Тетяни Павликѣ за полтрецѣ тисячи золотихъ суммы готовой грощеи, кромѣ другихъ рѣчей, тие грунти купити, якіе прошлого 1723 году, августа 1, декретомъ зѣ суду в. ен. въ спокойное мнѣ, зѣ сивами, владѣніе ствержени. А въ декретѣ томъ повелѣно, дабы они Озеранцѣ зѣ другими селянами, безъ отреченія и большой себѣ турбациі, всѣхъ свойкъ грунтовъ, подлугъ ограничена въ декретѣ Домонтовича и Самойловича, судей ен., выраженнаго, уступили, а сами свойкъ заводцовъ глядѣли, любъ если заводци въ кого ийтъ, уживанемъ прежнімъ своего грунту контентовались».

¹⁾ Брагинская вѣдомость въ ревизіи 1731 г. подписана вдовою: «*къ сему вѣдѣнію вмѣсто матки моей Феодори С—чевой, по ея велѣнію, синъ ея, сотникъ наказный Варвинскій Матфій С—чъ.*

беліанової" (должно быть вдовы единокровного ихъ брата Владимира Орбеліана). Козаковъ въ Б. не было.

Слоб. Мормизовка, „рѣки нѣть никакей“ (Паш.), поселена Андреемъ С—чемъ на Брагинскихъ земляхъ (см. выше), при чемъ въ 1718 г. здѣсь было уже 10 дв. Затѣмъ М—ка была отсуждена отъ С—чей вмѣстѣ съ Брагинцами, и наследникамъ Андрея С—ча пришлось въ другой разъ покупать Мормизовскія земли (см. Брагинцы). Деньги за эти земли уплатила вдова Андрея С. вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ, чтò и дало поводъ послѣднему присвоивать себѣ эту слободку, при чемъ онъ перевелъ сюда „киланадцать“ Брагинскихъ жителей, какъ жаловалась его мать. Но видно, что къ Ивану С. слобожане шли неохотно, п. ч. М—ка въ ревизіяхъ 1729 и 1731 гг. вовсе не показывается, а по ревизіи 1740 г. значится только „фуртъ Мормизовскій“, принадлежащій *Ивану С—чу*, съ 5-ю хатами подсосѣдковъ. Отсюда видно, что Ив. С—чъ не смогъ возстановить прежней слободки.¹⁾ Послѣ смерти Ив. С—ча, М—ка

¹⁾ Мы уже видѣли, что сама мать Ив. С—ча свидѣтельствовала о его суровомъ обращеніи съ своими «подданными» (с. 341). Къ этому можно прибавить, что не за одну суровость Ив. С—ча, чуждался его сельскій людъ. Сохранились факты, что «подданные» этого державца терпѣли еще и отъ развратныхъ его похожденій. Мы уже не разъ упоминали, какъ много «отновлено» было жалобъ вслѣдъ за учрежденiemъ Глуховской коллегіи. Въ числѣ этихъ жалобъ Галаганъ представилъ Полуботку, въ 1723 г., двѣ «суплѣки», одну—«отъ Параски Райкуны, дѣвки, а другую—отъ Вивди Демяновны, молодицы, на п. Ивана С—ча, т. войск., что онъ, С—чъ, будто въ едною зѣ нихъ, Параскою, вишетечній грѣхъ пополняющи, дитя прижилъ, а другой, на имя Вюндѣ, паненства позбавиль». Вѣроятно, что эти жалобы возбуждены были самимъ Галаганомъ, постоянно спорившимъ съ С—чами за Озерянскія земли; но это обстоятельство должно было обратить на нихъ тѣмъ большее вниманіе Глуховскихъ властей. Поэтому, для разслѣдованія жалобъ на С—ча, Полуботокъ послалъ на мѣсто четырехъ своихъ чиновниковъ. Главная жалобщица «Вюнка Демяновна» дала слѣд. показаніе слѣдователямъ: «Дѣется тому третій годъ, одного часу Иванова Себастіановичева жена была въ Гурбинцахъ, а самъ С—чъ прїѣхалъ на Брагинецъ, противъ праздника

перешла во владѣніе наследниковъ Матвѣя С—ча, вдова кото-
раго—какимъ то образомъ—передала эту слободку сыну своему
отъ второго брака, Владиміру Орбеліану, за которымъ она по-
казана по вѣд. 1780 г. Кр. В. 10 д. В. вѣтъ. Г. 5 д. 5 х. Д.
35 д. 53 х. (капитана кн. Владимира Орбеліана).

Обрѣзанія Господня, и надвечоръ того два пришли до еи, Вютцкі,
дворовій же С—човъ овчарь и сказавъ: ходи до двора, платя прати,
старостиха велѣла.—Вютцка по указу и пошла; куда прашовши, сказ-
ано ей старостиха (хю?) С—чъ (ча?), моячи: уже, небого, плати
не пратимешъ; поможи скубти курупата да старостисѣ коло печи
поратись.—Она задосить тому чинчи, любо припоравши, хотѣла
пойти додому, тилко жъ старостиха не пустила, повѣдающи, что панъ
тебѣ не велѣвъ пускати.—Того жъ часу, уже позно, вышла она,
Вютцка, въ сѣни, води брати, ложки мити, а С—чъ вхопивши еи за
руку, скоро повѣвъ въ хату пустую, чрезъ сѣни жъ стоячую, где кури,
гуси и другая дробина найдовалася, въ которой того жъ часу хтось
дверѣ зъ сѣней завернувъ; и ставъ насиживати до пополненія грѣха,
которому коцай зъ плачемъ просачися, далъ бы покой, виговоруvalа,
же еще нѣ съ кимъ грѣха не мѣла, однакъ С—чъ едно, властю, якъ
державца, другое, упевнивши еи замужъ своимъ коштомъ oddati, спо-
лою згвалтовалъ. А одпустивши одъ себе, приказалъ старостисѣ,
щобъ исти оной Вютцѣ дала. И якъ скоро хотѣла исти, заразъ Вас-
иль Макарукъ, на той часъ бувши села его С—вичового Брагинца
десятникъ, вивликалъ еи жъ Вютцку зъ хати, и въ сѣниахъ, заразъ С—чъ
взявши до себе, за дверми сѣничини, другій разъ пополнити грѣхъ,
и приказалъ старостѣ своему Хведору Лозицкому до дому Вютцѣ не
пускати, але у коморѣ зачинити. Якъ же такъ и було, бо зъ старо-
стихю въ коморѣ жъ и почкова... Переночовавши жъ, на другій
день, когда Вютця увійшла у хату грѣтися, застала въ хатѣ С—ча,
которїй тожъ похотѣлъ пополнити грѣхъ, тилко жъ чоловѣкъ села
того, Головатій, въ хату нагодился, и намѣренному его дѣлу перешко-
дилъ... Этотъ допросъ производили въ маѣ 1723 г.—Павель Рако-
вичъ, Якимъ Горленко, Григорій Галенковскій и Илья Александро-
вичъ. Они же произвели дознаніе и по жалобѣ Параски Райковны,
тоже подробно рассказавшей о своихъ сношеніяхъ съ Ив. С—чемъ,
при чемъ вирочемъ „паненство“ у Райковны было „позвавлено“—
другимъ... Тутъ же „сусѣда“ С—ча, Тацка Прокопиха, которая будто

Х. Макушиха „протокъ Балабанка“ (Паш.), поселена во втор. пол. XVIII в., вѣроятно, зятемъ Ив. Себастіановича, Ос. Лысенкомъ, за которымъ въ 1780 г. здѣсь показано 10 дв. съ 19-ю хатами.

С. Озеряне, „въ ярахъ и на косогорахъ, чрезъ село протекаетъ небольш. рч. Озерянка, на которой мельница“ (Паш.), возникли не позже полов. XVII в., хотя первая здѣсь церковь строилась только въ 1703 г.—Самойловичемъ О. отданы были тогдашнему Варвинскому сотнику Яремѣ Моренцу, по смерти которого принадлежали къ числу ратушныхъ сель, но Галаганъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, сталъ садить тутъ *своихъ „подданныхъ“*. Случилось это такъ, какъ рассказывали мѣстные люди, въ 1724 г.—„Лѣтъ 20 тому назадъ, когда Андрей Себастіановичъ (с. 63) не имѣлъ еще никакого старшинскаго чина, а держаль въ Оз—хъ только „аренду“ (корчму или шинокъ), пріѣхалъ онъ разъ въ наше село и созвавши всѣхъ селянъ „до аренды“, сталъ просить, чтобы позволили ему тутъ же, въ селѣ, „занять вольную леваду“, надѣ Мамотовымъ ставомъ, для постройки хуторка. При этомъ С—чъ обѣщалъ дать намъ за то, на нашу церковь, „золотыхъ десятокъ денегъ“, а церковь въ Оз—хъ была тогда еще не достроена. Получивъ это позволеніе, С. деньги на церковь не давалъ, да и леваду не долго продержалъ, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ „въ чинъ старшинства случай

въ зводадъ бувала“, рассказала слѣдователямъ, что она давно уже жить въ дворѣ у С—чей, „и едного часу, пришовъ С—чъ до еи, Пронопиха, въ хату и сказавъ: пойди, мовитъ, до Гани, дѣвки швачки, на той часъ въ дому его жъ С—човомъ служачой, и скажи, если она позволится зо мною учинити грѣхъ,—по якого веленію, когда той дѣвцѣ Тацка донесла, что панъ требуетъ до пополненїя грѣха, одѣзда: хоцай мовитъ и службу оставлю и з дворца пойду, а грѣха чинита з паномъ не хочу. Що якъ донесла ему, С—чу, давъ ей поѣвой“. Интересно, что когда „Параска“ послѣ рожденія дитяти, должна была уйти отъ С—чей, то въ Гурбинцахъ, гдѣ жили С—чи, она услыхала отъ одной бабы такое предостереженіе: „Лахо тебѣ, Параско, буде! —чула я одѣ самой панеи (т. е. отъ жены Ив. С—ча) що если где трафитсѧ тебе знайти, вѣдла бъ до смерти убити!“...

его позвалъ“, и, кромѣ того, онъ въ это же время, пососѣству въ Брагинцахъ, сталъ „хуторомъ осѣдать“. И запустѣла та левада, пока не насталъ пік-комъ п. Галаганъ. А какъ сталъ Г—нъ пік-комъ, и случилось ему разъ сѣхаться у насъ въ Оз—хъ, въ 1718 г., съ Себастіановичемъ, бывшимъ тогда уже полк. судьею. И когда пошли мы, селяне, до пріѣхавшихъ пановъ на поклонъ, то и слыхали, какъ п. пік-къ просилъ п. судію—подарить ему ту леваду, которую занялъ онъ у насъ, въ Оз—хъ. Судья согласился, говоря, что хоть Озерянцы и позволили ему занять ту леваду, но она ему не нужна и при насъ же сказалъ: „за вѣдомомъ сихъ же поселянъ, я вашецъ, добродію, дарую!“. И тогда же п. пік-къ, получивши отъ суди тотъ „дарунокъ“, оповѣстили намъ, Оз—мъ обывателямъ.—Получивъ леваду, Г—нъ года за три, за четыре, поселилъ тутъ нѣсколько подсосѣдковъ, а потомъ попытался подчинить себѣ и остальныхъ Оз—хъ крестьянъ. Подавъ, въ февраль 1722 г., челобитную въ коллегію иностр. дѣлъ о выдачѣ царской грамоты на маєтности, которыми Галаганъ владѣлъ по универсалу гетмана, Г—нъ включилъ въ число этихъ маєтностей и Оз—не. А когда коллегія спросила Скоропадскаго—дѣйствительно ли принадлежать Галагану указанныя въ его челобитной маєтности, то гетманъ обѣ Оз—хъ отвѣчалъ: „Озерянами селомъ—не вѣдаю коимъ образомъ онъ, полковникъ, завладѣлъ и тщится упросить на оное грамоту, ибо на тое село моего универсалу не имѣеть“. Поэтому въ грамотѣ на Оз. Г—ну было отказано. Въ то же время и вдова Андрея С—ча, пользуясь благопріятными обстоятельствами, по случаю учрежденія въ Глуховѣ коллегіи, въ февраль 1724 г., подала правителямъ ген. к—ріи такую жалобу: „въ прошломъ 1719 г., п. Галаганъ, завладѣвшій самовольно селомъ Оз—ми, осадилъ слободку на купленномъ при томъ селѣ мужемъ моимъ грунтѣ, а тою слободкою пок. гетм. Скоропадскій владѣть мнѣ приказалъ, на что и выдалъ полковнику Галагану три указа, но онъ, пік-къ, по тѣмъ указамъ слободки мнѣ не уступилъ и владѣть ею съ того времени самъ“... Спрошенный по этой жалобѣ, Г—нъ отвѣчалъ: „леваду въ Оз—хъ, а не слободку, покойный судья С—чъ подарилъ мнѣ при многихъ людяхъ Оз—скихъ, которыхъ свидѣтельство, для доказательства, при семъ же при-

лагаю, а я на той левадѣ позволилъ тамошнимъ же жите-
лямъ Оз—скимъ, не для своего, а ради ихъ пожитковъ, огороды
позаниматъ". Въ такомъ объясненіи и заключался весь отвѣтъ
Галагана, которому, повидимому, неудобно было въ данномъ
случаѣ распространяться... Тутъ Г—нъ—какъ будто отказывается
даже отъ права своего и на леваду, несмотря на то, что за
два года передъ тѣмъ онъ же просилъ грамоту на все село.—
Затѣмъ, когда въ 1727 г. Г—нъ попросилъ было—у новопостав-
ленного Апостола—дать ему одно изъ Прилуцкихъ сель, то гет-
манъ, отвѣчая отказомъ, замѣтилъ, что во владѣніи Галагана
и безъ того уже имѣется болѣе 800 крестьянскихъ дворовъ,
указавъ при этомъ и 154 двора въ Оз—хъ. Такимъ образомъ,
незамѣтно въ десять лѣтъ Галаганъ подчинилъ себѣ все кре-
стьянское населеніе Оз—нъ, состоявшее изъ 150 дворовъ, безъ
всякаго гетманскаго универсала. Не получилъ Галаганъ уни-
версала на Оз. и отъ Апостола, хотя послѣдній, повидимому,
уже признавалъ фактъ принадлежности ему этого села. Поэтому
Галагая опять попробовалъ обратиться непосредственно въ
коллегію иностр. дѣлъ за царской грамотою на самовольно за-
хваченные маєтности, при чёмъ Оз. назвалъ хуторомъ; но и
на этотъ разъ гетманъ помѣшилъ ему закрѣпить за собою это
село. Только въ 1737 г. успѣлъ наконецъ Г—нъ выпросить
себѣ на Оз. универсаль, отъ тогдашняго правителя А. И. Ру-
мянцева.

Кр. П. 8 д. А. 8 д. Б. 9 д. и „людей п. полковника“ 19
д. В. 135 д. („маєтность плк-ка Прлцк. Игн. Г—на“) Г. 99 д.
103 х. Д. 150 д. 252 х. ис. 3 д. 5 х. Кз. Б. 16 д. Г. 8 д.
Д. 37 д. 109 х. 1)

¹⁾ Сохранились свѣдѣнія о томъ, какъ Галаганъ—сынъ отно-
сился въ жалобамъ Озерянскихъ подданныхъ на жестокость обраще-
нія «старостъ». Свѣдѣнія эти очень любопытны, указывая, что по
такимъ жалобамъ могъ быть и судъ. Свѣдѣнія эти касаются жалобъ
Озерянскихъ кр—нъ (1757 г.) на временнаго своего старосту Ко-
рицкаго. При разслѣдованіи этихъ жалобъ, Корицкій рассказалъ,
между прочимъ, и свою прежнюю жизнь, указывающую, что это былъ

С. Гиѣдницы, „на мѣстѣ низкомъ, при протокѣ Рудѣ“
(Щащ.), возникли во второй пол. XVII в. и „подъ вѣдѣніемъ

одинъ изъ т. наз. мандрованныхъ дякоѳ. О себѣ К. рассказалъ, что сродился онъ въ м. Яреѣвахъ, отъ отца Мартына Коваля, козака, и изучившися грамоти, будеть тому годовъ до 15-ти, отъ отца отлучась, мандровалъ по разнымъ школамъ; между тѣмъ, въ 1748 г. примандровалъ онъ въ с. Озеряне, гдѣ живши въ тамошней школѣ за поддячого, того жъ году, на дочери послолитого Озерянскаго женился, а на другой годъ тамо, въ Озерянахъ, былъ поставленъ дякомъ. Посла, не пожелавши тамо даковать, отлучившись, зъ женою свою, зъ оного села Оз—нъ, по разнимъ селамъ даковалъ же. А прошлого 1753 г. онъ, К—ій, паки въ тое село Оз—не на жителство возвратился, и жилъ до 1757 г., въ должности даковской; при томъ, по требованію старости Оз—скаго, подлежащіе по экономіи дѣла писалъ. Изшедшаго же юна 19 д. (1757 г.), отъ г. полковника (Галагана), чрезъ писменній приказъ, велено ему, К—му, за отлучкою помянутаго старости, поколь онъ возвратится, тамошнюю экономію въ надсмотреніе принять; такожъ, въ мимошедшое лѣто, сѣна укосить и пашню знатъ съ поля»... По этому распоряженію К—ій хозяинничалъ въ Оз—хъ до 2 сентября, пока туда не пріѣхалъ Галаганъ, которому по его пріѣздѣ, и рассказали «пану», что К. много сѣнокосовъ по-отдавалъ, чужимъ людамъ, за деньги, въ свою пользу, плохо и несвоевременно убиралъ хлѣбъ и черезчуръ жестоко наказывалъ крестьянъ, за мнимыя вхъ провинности. «Демка Брагунца, будучи весьма пияній, билъ нещадно пѣтю и кулаками, такожъ и за волоса таскалъ, при войту Шепетенку да шинкарю Семевенку; винности жъ его, Брагунца, толко и было, что, состоя онъ смотрителемъ для обереженія отъ воровства трави господской на Лебединцахъ, единого времени, тамъ былъ и овую траву объѣздилъ, где и его, К—го, якожъ онъ хотѣлъ туда жъ ради осмотру быть, хотя долго ждалъ, но что онъ тогда заился въ шинку, не дождался, а онъ К., не бувши самъ тамо, сказалъ будто и онъ, Брагунецъ, не булъ, и за то далъ къ побою причину. За якой побой, по иску на его нимъ, Брагунцемъ, у господина, уже предъ нимъ самъ и винилъ, и за увѣтче, данною отъ себе ему, Брагунцу, саморучною роспискою, обязался заплатить денегъ рубля и 20 коп.—Федора Кавуна, стадника мирскаго, винности не мало предъ нимъ, К—мъ, не было, ибо онъ стадо въ под-

сотнѣ Варвинской" находились (*Генер. слѣдствіе*) до 1709 г., когда были отданы новымъ пк-комъ Носомъ, Михаилу Тарнов-

лежащое время, и за вѣдомомъ людскимъ, на пастбу, въ стерни яринную, гонилъ; а что безъ Корицкого вѣдома, то и дѣла ему до того не было, занапрасно, з едного самоволства и фастаючи, яко бы всему онъ начальникъ в селѣ, нещадно билъ плетю и въ колодѣ не токмо его самого, но куно съ нимъ и жену его, чрезъ цѣлый день, держалъ.—Петро Богушенко, самъ не идуши на панщину, просилъ его К—го, дѣвку его, Б—ка, на панщину въ гребцѣ привѣтъ; токмо онъ, К., дѣвки не принявши, двома нападами плетю немилостиво, какъ бы скотину, Б. билъ,—да и скотини разсудителнай человѣкъ занапрасно такъ увѣгчить не будетъ; и за два рази—поболѣше 50 разовъ ударилъ, такожъ и за волоса довольно волочиль, отъ которого увѣгча онай Петро Б. и болѣзновалъ недель болѣшь трохъ; и сверхъ того и похвалки онъ, К., чинилъ—гонить его и на домашнихъ его, потоль лока из-свѣта или з-села—зженеть, якис похвалки онъ, К., и исполнилъ, и з села вигналъ, ибо точію, чрезъ его, К—го, за страхъ онъ, Петро, изъ Оз—нъ перейшолъ и живеть въ Гурбинацахъ, и тѣмъ онъ, К., господину въ подданствѣ ущербъ издѣлаль... Рассказаны были и другіе случаи жестокаго обращенія К—го съ подданными. Какъ только эти жалобы принесены были Галагану, Корпцкій немедленно бѣжалъ изъ Оз—нъ и, желая избавиться отъ преслѣдованія пк-ка, «засился въ службу компанійскую», когда «команда новоябирающаися перво-охочекомопнаго компанійскаго полку близъ с. Безсалъ (Лохвицк. у.) лагеремъ стояла», причемъ при посредствѣ «полковника того компанейскаго полку, г. Антона Крижановскаго», получилъ отъ генер. к—рія «ордеръ» къ пк-ку Галагану, — объ освобожденіи отъ ареста жены и имущества его, К—го; но когда К. съ этимъ ордеромъ прїѣхалъ въ Оз—не, «то тамошнимъ старостою пк-ка Галаганъ взять подъ караулъ» и затѣмъ былъ судимъ въ полк. судѣ. Галаганъ искалъ съ К. возмѣщенія убытковъ въ хозяйствѣ, но при этомъ К. судили и за его жестокое обращеніе съ «подданными». Полк. судъ разсуждая объ этихъ К—го дѣйствіяхъ, замѣтилъ: «хотя бы жь чія с тихъ людей била предъ нимъ К—мъ ослушность, то за овую подлежало ему, по давному обычая, наказывать на то учрежденную самою толко колодою, а не боемъ, понеже такой чтобъ людей господскихъ бить, власти ему ни отъ кого не давано. Въ концѣ концовъ, судъ присудилъ, чтобы К.

скому, а когда послѣдній въ 1714 г. былъ поставленъ Варвинскимъ сотникомъ, то Скоропадскій подтвердилъ ему Г. на урядъ. Однакожъ и по смерти Михайла Т. Г—цы остались во владѣніи его наследниковъ. Кр. А. 21 д. Б. 57 д. В. 65 д. Г. 26 д. 26 х. (Данила и Андрея Михайловичей Т—хъ. За 1737—1740 г.г. „сошло“ 18 двор.) Д. 50 д. 92 х. пс. 11 д. 24 х. (б. тов. Петра Дан. Т.—32 д. 57 х. и вдовы Ив. Дан. Т.—18 д. 35 х.) в. тов. Бѣлоцерковца—5 д. 9 х.) Кз. Б. 37 д. Г. 50 д. 55 х. пс. 3 д. 3 х. Д. 68 д. 158 х.

С. Свѣтличное, „родники“, образовалось изъ хуторовъ, возникшихъ здѣсь въ к. XVII в., при чемъ значительнейшимъ былъ тутъ Варвинск. хуторъ козака Свѣтличного. Затѣмъ Св. было отдано пленкомъ Стороженкомъ полков. писарю Патокѣ, который и владѣлъ имъ до смерти (Генер. слѣдствіе). Въ 1719 г. Св. отдано Скоропадскимъ „маршалку“ своего двора, Андрею Кондзеровскому, при чемъ въ универсалѣ сказано: „мѣючи взглясть на его, и. К—го, которій при боку нашему отъ начала гетманства нашего жъ вѣрніе и радителніе свои ронилъ услуги и потомъ домовъ нашему присвоився“... Послѣднее выраженіе значитъ, что К—ій женился на одной изъ сестеръ гетманши Скоропадской. Послѣ Андр. К—го, Св. перешло къ двумъ его сыновьямъ, в. товарищъ Якову и Петру К—имъ, которые и владѣли этою маєтностью вмѣстѣ. Петръ К—ій женатъ былъ на дочери Дан. Мих. Тарновскаго, Марьѣ, и оставилъ четырехъ сыновей и пять дочерей. Кр. А. 21 д. Б. 29 д. В. 25 д. Г. 3 д. 3 х. ¹⁾ (за три года „сошло“ 9 дв.) Д. 50 д. 66 х. (Як. и Петра Кондзеровскихъ) пс. 13 д. 24 х. Кз. Б. 38 д. Г. 32 д. 37 х. Д. 43 д. 78 х. Показанные въ Св., въ 1780 г., подсобѣдки принадлежали Ладинскому м-рю, за которымъ уже въ 1729 г. показана „подъ с. Свѣтличнымъ“

всѣхъ обиженныхъ вознаградилъ согласно статуту. Какъ приведено было это рѣшеніе въ исполненіѣ относительно крестьянъ—не видно.

1) Эта цифра представляется ошибочною (что нѣбудь пропущено) п. ч. по вѣд. 1753 г. въ Св. показано 25 д. и 30 х.

слободка монастыря дѣвичаго Ладинскаго⁴, съ 12 дв. По ревиз. 1740 г. слободка эта не показывается, а по вѣд. 1780 г. она сливаются уже съ селомъ.

С. Остаповка, рч. Варвица, возникла во втор. пол. XVII в., и до 1740 г. значилась ратушнымъ, а затѣмъ показывается селомъ просто „свободнымъ“.

Кр. А. 11 д. Б. 10 д. В. ? Г. 4 д. 4 х. ратушныхъ. Д. 10 д. 17 х. (кол. ас. Галагана), ис. 35 д. 47 х. 19 бд. х. Кз. Б. 30 д. Г. 28 д. 29 х. Д. 28 д. 72 х. У Пашенка показаны слѣд. владѣльцы: кол. ас. Галаганъ—10 дв. 17 х., писарь генер. суда (Василій Высоцкій)—19 бд. х., сотникъ Жила—1 д. 3 х. и пдс. 7 д. 14 х. Владѣльцы эти явились, полагать должно, вслѣдствіе безхозайнаго положенія О—ки, почему Галаганъ (Григорій?) имѣлъ возможность скупить всѣхъ крестьянъ, а Высоцкій могъ накупить здѣсь „грунтовъ“ и заселить ихъ подсосѣдками, которыхъ въ О—кѣ, по свѣд. 1779 г., за нимъ считалось 149 „малороссійскихъ душъ“. У Высоцкаго тутъ, поблизу была ранговая маєтность, м. Куренка, посѣщая которую онъ, конечно, и могъ высмотреть удобства Остаповки для поселенія въ ней своихъ подсосѣдковъ.¹⁾

Журавская сотня заключала въ себѣ только пять сель, расположенныхъ по лѣвому берегу Удая, за исключеніемъ с. Ладина, земли которого находились на правомъ берегу Удая.

Журавскіе сотники. Федоръ Вульба, 1689. Матвій Выченко, 1672. Степанъ Левченко, 1683. Демьянъ Якубовичъ, 1711—1712. Михаилъ Ягельницкій, 1717—1728. Федоръ Тарасовичъ, 1729—1753. Петръ Даниловичъ Тарновскій, ок. 1760. Иванъ Яновскій, 1763. Иванъ Степановичъ Лукомскій, 1770—1781.

Якубовичъ Демьянъ. Якубовичи производятъ свой родъ отъ Федора Якубовича, бывшаго при Хмельницкомъ Чигирин-

¹⁾ Занимая урядъ писаря ген. суда, Высоцкій былъ очень влиятельнымъ лицомъ въ Глуховѣ. Онъ былъ женатъ на дочери Сосницк. пропотопопа Федора Полторацкаго, Марьѣ, и имѣлъ четырехъ сыновей и шесть дочерей. По свѣд. 1779 г., за В. числилось крестьянъ: въ Куренкѣ—115, х. Матюшовкѣ—38, с. Уздицѣ—48 и Остаповкѣ—149 «душъ».

скимъ полковникомъ, но въ доказательство этого происхожденія не представляютъ ни документовъ, ни другихъ какихъ либо свѣдѣній о томъ, что сотникъ Журавскій Демьянъ Я. былъ сыномъ этого полковника; дѣлается только ссылка на Рубановъ лѣтописецъ М. Россіи, гдѣ указанъ Федоръ Я. ¹⁾). Вѣрное, что Дем. Я. былъ человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, вышедшей въ люди только благодаря своей женитьбѣ на одной изъ сестеръ жены Скоропадскаго, которая ставъ гетманшкою, помогла зятьямъ своимъ получить войсковые уряды и маєтности. При этомъ и Д. Я. получилъ Журавское сотничество, а затѣмъ, въ 1712 г.—двѣ маєтности, Мокіевку и Кулешовку. Сотничество Я—ча продолжалось очень не долго; весьма вѣроятно, что Я. не по своей волѣ оставилъ этотъ завидный для людей его положенія урядъ; можно догадываться, что Я., пользуясь своимъ свойствомъ съ гетманомъ, злоупотреблялъ своею властью; на это злоупотребленіе указываетъ напр., тотъ фактъ, что черезъ два года послѣ назначенія Я. сотникомъ, онъ 65 дв. козаковъ с. Антоновки фактически обратилъ въ своихъ крестьянъ (см. ниже с. Антоновку.) Оставивъ сотничество, Д. Я. умеръ въ безличномъ чинѣ бунч. товар. Единственный сынъ его, Яковъ, начиналъ службу тоже въ этомъ чинѣ, но затѣмъ, по какой-то протекціи, былъ поставленъ прямо на урядъ генер. есаульства. Женатъ онъ былъ на дочери бригадира Дунина, бракъ съ которою для того времени былъ явленіемъ малообычнымъ. Службы Я—ча перечислены въ слѣд. универсалѣ Разумовскаго: „Объявляемъ... асаулъ в. генер. г. Як—чъ подалъ намъ доношеніе, представляя о службахъ своихъ, которые де онъ первѣе, въ рангѣ бунч. товарищей обрѣтаясь, по указу... Петра Первого императора... ...съ протчими бунч. тов—ми, въ низовомъ корпусѣ, тако жъ и въ Полскомъ, Кримскомъ, Днѣстровскомъ и Хотѣнскомъ походахъ, а потомъ пожалованъ будучи въ чинѣ асаулства генер., внутрь государства по разнимъ комисіямъ... А за овѣ никакого себѣ не имѣть награжденія, и просилъ о награжденіи... ...деревнями изъ свободныхъ войсковыхъ дворовъ, нашего разсмотрѣнія. И мы, гетманъ, призирая на его, ас. ген. г. Я—ча, вѣрно отправле-

¹⁾ Дѣло Полтавск. двор. собр. о дворянствѣ Якубовичей, № 41.

ніє служби, по данной намъ отъ ея и. величества власти, опредѣляемъ ему а. г. г. Я., исъ чего бъ онъ и напередъ къ от-правленію, по своему характеру, вѣрныхъ службъ къ снабдѣнію билъ въ состояніи, въ вѣчное владѣніе... ...село Алексинцѣ... село Ячини... и село Скибинцѣ, въ коихъ по ревизіи 1751 г. посполитихъ свободныхъ дворовъ и зъ бездворными хатами 44 показано, со всѣми принадлежащими къ онимъ селаль грунтами и угодіями"... Универсалъ этотъ подписанъ 2 мая 1752 г., какъ разъ въ то время, когда новый гетманъ собирался начать объѣздъ „малороссійскихъ полковъ“, при чемъ изъ генер. старшины бралъ съ собою: С. Кочубея, Безбородка и Якубовича (Марк., II, 304). Можно поэтому думать, что Я. выпросилъ себѣ приведенный универсалъ, воспользовавшись благопріятнымъ моментомъ.—Умеръ Я., повидимому, ок. 1758 г. (Марк. II, 354), оставивъ пять сыновей, Александра, Демьяна, Григорія, Андрея и Александра 2-го, и дочерей Анну и Катерину. Одинъ изъ этихъ сыновей былъ крестникомъ императрицы Елизаветы ¹⁾; очень можетъ быть, что это обстоятельство было причиною, что старшій изъ сыновей, Александръ, попалъ въ пажи. (Дневн. Ханенка, 327 и 454). Почти всѣ Я—чи служили сначала въ великорусскихъ полкахъ: Демьянъ—прапорщикомъ, Андрей—гв. капраломъ и Александръ 2-й—подпоручикомъ. Григорій сначала оставался дома и числился войск. товар., но потомъ тоже поступилъ въ великорусскій полкъ, и въ 1784 г. дослужился до чина подпортчика. Позже, старшіе его братья Демьянъ и Андрей—перемѣнили великорусскіе чины на мѣстные: Демьянъ сначала получилъ урядъ полк. хоружаго, а потомъ, въ 1781 г., произведенъ былъ въ отставку бунч. товар., а Андрей въ 1774 г. получилъ бунч. товар., а въ 1776 г. былъ выбранъ, въ Прилуку, земскимъ судью. Дочери Як. Як—чи были замужемъ: Анна за гусарск. капитаномъ Вас. Терлецкимъ, а Катерина—за полк-комъ Илью Яковл. Лизогубомъ (съ 1767 г. ²⁾). Яковъ Як—чи оставилъ наслѣдство небольшое,

¹⁾ Повидимому, Андрей былъ крестникомъ императрицы, крестившей его въ 1744 г. (См. Зап. Марк., II, 214).

²⁾ Выходъ замужъ Катер. Якова. Як—чи за Илью Лизогуба, въ 1761 г., отмѣченъ у Марк. (II, 373), причемъ у него записано, что

причём, умирая, предоставилъ его въ полное распоряжение женѣ своей, желая конечно поставить сыновей въ зависимость отъ матери; но послѣдняя уже въ 1763 г. подѣлила это наследство между сыновьями, назначивъ: Александру старшему—Мокиевку и Кулешовку, Григорію—Яцины, Скибинцы и Антоновку, Андрею—х. Артополотскій и Александру меньшему—слоб. Артополотскую (при уроч. Росоховатомъ). Къ составу Якубовичевскаго наслѣдства принадлежало также и село Богданы, въ раздѣлѣ матери неуказанное, конечно, потому, что она оставляла его себѣ въ досмертное пользованіе. Тутъ же не указаны и крестьяне, „скупленные“ въ Жоравкѣ. Богданское и Жоравское имѣніе было подѣлено сыновьями Якова по смерти ихъ матери. Хотя въ наслѣдствѣ Як. Як.—ча указано нѣсколько сель, но крестьянское населеніе въ нихъ было очень невелико и богатыми людьми Якубовичи не были.

Ягельницкій Михаиль—человѣкъ совсѣмъ неизвѣстнаго происхожденія; онъ потомства не оставилъ, а потому и некому о немъ было говорить. Я. назначенъ былъ сотникомъ вѣроятно послѣ Якубовича и оставался на этомъ урядѣ, пока не былъ поставленъ полк. судьею, при Апостолѣ, въ 1728 г. На открывшійся послѣ Я. сотничій урядъ явилось нѣсколько кандидатовъ, какъ писалъ объ этомъ Носенко, въ Москву, къ Глагану (с. 130), въ декабрѣ 1728 г.,—„въ сотнѣ Журавской, слава Богу, чирохъ сотниковъ уже имѣмъ: еденъ Горкуша, другій Левенецъ, третій Федоръ Тарабенко, а четвертый Марко Антоновскій (т. е. изъ с. Антоновки); и дѣло сотенное еще Горкуша правитъ, а Левенецъ, эъ суплькою Журавчанъ, хочай и ездилъ до Глухова, tolko жъ оному отказано, а Тарабенко—по святыхъ,—з суплькою Журавчанъ, хочетъ еще въ Глуховъ ехати“. Изъ этихъ четырехъ кандидатовъ, какъ видно, успѣлъ въ своихъ ис坎іяхъ Тарабенко, происходившій изъ людей мелкихъ, но умѣвшій продержаться на урядѣ болѣе 20-ти лѣтъ.

Села Журавской сотни.

М. Журавка, сліяніе Удая и Журавки, существовала уже въ 1618 г., какъ это видно изъ спора одного изъ за-днѣпров-

эта самая К. Як., семь лѣтъ передъ тѣмъ (1754 г.), была уже разъ сговорена за Александра Лысенка. (П, 321). О ней см. выше, стр. 249.

скихъ владѣльцевъ съ Іер. Вишневецкимъ, за бѣжавшихъ изъ с. Козловки въ Журавку крестьянъ (Годла Dz., XXI, 233). При спорѣ Московскаго правительства съ Польшею за „Путивльскій рубежъ“, оказалось, что Журавка, какъ и Варва (с. 361), „поставлены были Польскими и Литовскими людьми до перемирийныхъ лѣтъ“, т. е. до 1618 г. Такимъ образомъ, Ж. поселена въ самомъ началѣ XVII в. По документу Шефельцкаго, въ Ж. показано 474 госп. и мельницъ. Въ пол. XVII в. Ж.—въ числѣ сотенныхъ центровъ—не показывается, но по описи 1666 г. значится мѣстечкомъ съ 44 дв. мѣщанъ, изъ которыхъ 10 хозлевъ были настолько зажиточны, что для полевыхъ работъ имѣли по три пары быковъ.¹⁾ Въ началѣ XVIII в. Журавсіе кр-не „прислушали до ратуши“, причемъ Демьянъ Якубовичъ, повидимому, не трогалъ ихъ; сталъ ихъ „скупать“ сынъ Демьяна—Яковъ Як-чъ, который за три года (1736—38 гг.) скупилъ здѣсь 25 двор. изъ общаго количества 62-хъ, какъ объ этомъ точно говорить ревизія 1740 г. Черезъ 13 лѣтъ, въ 1753 г., у Якова Якубовича въ Ж. было 62 двора и 8 бд. хатъ, а свободныхъ послолитыхъ здѣсь оставалось только 11 дв. и 2 бд. х. Кромѣ

¹⁾ Нѣкоторыя черты изъ юридического быта Ж.—ки, во втор. полов. XVII в., даютъ слѣдующій актъ 1683 г.. «Передо мною Степаномъ Левченкомъ, сотникомъ Жоравскімъ, Матвѣемъ Тараномъ, атаманомъ городовымъ, Васкомъ Вдодомъ, войтомъ на тотъ часъ бывшимъ, и при бытности Яна Жабровскаго, сотника пѣхотнаго, (т. е. компанейскаго), зъ мѣщанъ, Гапона Кочерженка и иныхъ людей зацніихъ и вѣри годныхъ при томъ было не мало. Ставши предъ мною Кондратъ Марченко, ктиторъ церкви Жоравской, и мовитъ тими слови: пане вряде и вся лако засѣлая, ижъ зознаю явне и доброволне, щомъ продаль славетнѣ урожоному пану Иану, арендару Жоравскому, лѣсь свой власный, стоячий въ Сокулліомъ, подле Киселева лѣса, за сумму певную сполна за 40 золотихъ. Тутъ тежъ и я, Григорій Матвѣевичъ, упрохалемъ враду вишъ писанного, на тотъ часъ зостающаго, жеби то было въ семъ же зацнѣ записано, щомъ продаль пану Иану лози на ставу Жоравскому, за два таліара, на шо подаемъ пану Иану сей нашъ запись, ижъ не повиннисмо сама въ тотъ лѣсъ, яко тежъ и лози, втручатся, гроши откладать, яко тежъ потомки наши, жадній съ кревнихъ нашихъ, вѣчнами часи».

того, по вѣд. 1753 г. въ Ж. оказывается и много другихъ владѣльцевъ, у которыхъ было по одному, по два—двора, разумѣется, подсобѣковъ; крупнѣйшій изъ этихъ владѣльцевъ былъ Журавскій сотникъ Тарасовичъ (17 дв. и 2 бд. х.). Тутъ же записаны и два грузина: Данило Агіяновъ и Михайло Бедауровъ, за которыми значится *по одному двору*, полученныхъ ими значить въ 1743 г.

Кр. П. 44 д. А. 153 д. Б. 110 д. В. 103 д. (пс. 12 ко-
зачьихъ) Г. 37 д. 37 х. свободн. и 25 д. 29 х. „скупли“ Якова
Якубовича—Д. 25 д. 30 х. 4 бд. х. (сыновей Якова Якубовича)
ис. 43 д. 57 х. и 18 бд. х. Кз. Б. 89 д. Г. 115 д. 131 х. пс.
21 д. 21 х. ¹⁾ Д. 144 д. 279 х. 11 бд. х. пс. 2 д. 2 х. По
Рум. описи, Ж. „лежитъ на ровномъ мѣстѣ, имѣетъ земляной
городокъ, коего валь отъ неподчинки осыпался; изъ города двое
воротъ: Прилуцкіе и Лохвицкіе“.

С. Ладинъ, Удай, упоминается уже въ 1619 г., когда былъ
отданъ Раиною Вишневецкою Ладинскому м—рю (Густ. лѣт.,
56). За этимъ м—ремъ Л. и остался. Кр. А. 191 д. Б. 131 д.
В. 96 д. Г. 68 д. 71 х. Д. 123 д. 152 х. пс. 1 д. 1 х. Кз. Б.
6 д. Г. 6 д. 7 х. Д. 6 д. 10 х.

С. Мокіевка и Кулешовка, Удай, оба села возникли въ
полов. XVII в. и оба затѣмъ имѣли одинаковую судьбу. М. и
К. принадлежали сначала къ числу ратушныхъ сель, а затѣмъ,
въ 1712 г., отданы Скоропадскимъ Демьяну Якубовичу, вслѣдъ
за назначеніемъ его Журавскимъ сотникомъ. При отдачѣ этихъ
селъ Я—чу, въ М. было: 32 дв. и въ К. 24 дв. крест. Черезъ пять
лѣтъ населеніе это умалилось болѣе чѣмъ *вдвое*. По случаю этого
умаленія вдова Дем. Я—ча жаловалась, въ 1726 г. въ ген. к—рю,
на излишній постой, причемъ, указавъ на прежнее населеніе
М. и К., вдова продолжаетъ: „и тогда положено было имъ давать
порцію компанейцамъ—на полтора человѣка; теперешнихъ же

¹⁾ Изъ этихъ подсобѣковъ 5 дв. принадлежали отставн. серж. Черниговск. пѣхотн. полка Якову Передѣлову, который значить тоже могъ производить «скуплю» и притомъ *козаковъ*.

времень, есть только въ М. и въ К. *всего 15 человѣкъ*, и то совсѣмъ обнищалыхъ, не имѣющихъ ни грунтовъ, ни тяголь („ни тежъ жаднаго тягла“), и ѣтимъ 15-ти человѣкамъ положено теперь давать, на пять компанейцовъ,—30 копъ... Поэтому, мизерные люди готовятся разойтись, не имѣя возможности вынести такой налогъ по малолюдству и великому своему убожеству“... Для провѣрки жалобы на трудность положенія кр-нъ, ген. к—рия послала на мѣсто своего к—риста, Ладинскаго, который донесъ, что въ М. оказалось 12 хозяевъ, а въ К. осталось всего 5 хозяевъ, изъ прежнихъ 18-ти, и что остальное населеніе этихъ маestностей, „за трудностью податей, разошлось по разнымъ селамъ“. Доноса объ этомъ, Ладинскій добавлялъ: „за такимъ малолюдствомъ въ тѣхъ сelaхъ, въ вистаченю компанейскихъ порцій и другихъ повинностей, великая трудность узнается.. Къ тому жъ и отъ компанейцовъ—осталніе люде въ онихъ сelaхъ не малую поносятъ трудность, же набѣгши въ село, біютъ ихъ иувѣчатъ напрасно; и отъ мпогихъ трудностей—и всѣ хотятъ позосталіе жилци прочъ розйтися“... Изъ этого донесенія можно видѣть, что уменіе населенія въ М. и К. произошло еще до увеличенія компанейскихъ порцій, и явилось значить слѣдствіемъ не постоеvъ компанейцевъ, а отъ тяжести налоговъ самаго державцы Дем. Я—ча, который несомнѣнно былъ тяжелымъ державцею.

Мокіевка. Кр. II. 1) 16 д. А. 32 д. Б. 10 д. В. 13 д. (подданства б. т. Як. Якубовича“) пsc. коз. 6 д. Г. 12. д. 12 х. Д. подсобѣдк. 20 д. 32 х. (тяговыхъ кр-нъ вовсе не показано), Кз. Б. ипътъ Г. 18 д. 22 х. пsc. 6 д. 6 х. Д. 12 д. 37 х.

Кулешовка. Кр. II. 7 д. А. 24. Б. 14 д. В. 6 д. („подданство б. т. Якова Яспопольского“) Коз. пsc. 1 д. Г. 9 д. 9 х.

1) Хотя въ переписн. книгахъ 1666 г., село, слѣдующее за Антоновкою и предшествующее Кулешовкѣ, названо *Мойсееекою*, но вѣть сомнѣніи, что это ошибка переписчика и что при этомъ разумѣлась сосѣдняя съ Кулешовкою—*Мокіевка*.

(Якубовича). Д. 14 д. 19 х. Кз. Б. ильтъ Г. 19 д. 18 х. и „скупленныхъ“ Якубовичемъ 5 д. 5 х. Д. 24 д. 41 х. 1 бд. х.

Въ этихъ цифрахъ обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе козаковъ—въ *старыхъ селахъ*—въ 1718 г. и затѣмъ появленіе ихъ въ 1740 г., и притомъ въ такомъ числѣ, которое никакъ не можетъ указывать, что это были *новопришельцы*... Поэтому можно полагать, что Д. Я—чъ, ставъ сотникомъ и получивъ въ свое владѣніе М и К., сразу подчинилъ своей власти козачье населеніе этихъ селъ, какъ это онъ сдѣлалъ въ с. Антоновкѣ, и что послѣ отставки Я—ча отъ сотенного уряда, здѣшніе козаки возстановили свои права при помощи Глуховской коллегіи... Отмѣтка въ ревизіи 1729 г. о принадлежности Кулешовскихъ крестьянъ б. т. Якову Яснопольскому является простою опискою вм. б. т. Якова Якубовича, который показалъ Кулешовскимъ державцею какъ въ ревизіи 1731 г., такъ и въ ревизіи 1740 г.

С. Антоновка, Удай, извѣстна съ пол. XVII в., и уже въ 1666 г. заключала въ себѣ однихъ крестьянъ—55 дв.; сначала, принадлежала къ числу ратушныхъ сель, а при Мазепѣ—перешла во владѣніе Свѣчекъ. Въ ревизск. книгѣ 1740 г., отмѣчено, что А., по царской грамотѣ 1694 г., укрѣплена за старшимъ сыномъ Лубенского пль-ка Лук. Свѣчки—Василіемъ, но въ тоже время по завѣщанію Лук. Свѣчки, умершаго въ 1699 г., А. назначена сыну его Василію (К. Стар. 1882 г., № 7, стр. 255). По ревизіи 1729 г. значится въ „подданствѣ“ б. тов. Ильи Александровича, (женатаго на дочери Василія Свѣчки, Домникі), но черезъ два года, въ 1731 г., А. находилась во владѣніи сына Василія—Ивана, а отъ Ивана перешла къ сыну его Алексѣю, за которымъ Антоновскіе кр.—не показаны по ревизіи 1740 г. Въ исторіи А—ки обращаетъ на себя вниманіе судьба тамошнихъ козаковъ, которыхъ въ 1713 г. здѣсь было 63 дв. и о которыхъ въ ревизіи 1713 г. замѣчено: „козаки, которіи нѣдни не бували у войску и не буваютъ, только робятъ панщину сотникови своему“. Сотникомъ въ это время былъ какъ извѣстно (с. 379) Д. Якубовичъ, который, значитъ, за два года своего сотничества успѣлъ подчинить себѣ всѣхъ яозаковъ цѣлаго села. Это примѣръ исключительный, указывающій какъ на энергію Я—ча, такъ и на благопріятныя для него усло-

вія, заключавшіся въ его свойствѣ сть гетманомъ. Но Я—чъ пробылъ сотникомъ не долго, и съ уходомъ его—Антоновскіе козаки освободились отъ „панщины“. Но вслѣдъ затѣмъ, тѣ же козаки попали еще въ худшія условія, когда державцею сталъ Иванъ Свѣчка. Это видно изъ слѣд. письма гетмана Апостола, писаннаго въ 1732 г. къ ген. коружему Горленку: „Мой ласкавій пріятелю, пане хор. енер. Пишешь, вмѣть, въ листѣ своемъ изъ Прилуки, что слѣдоваль о козацтвѣ Антоновцовъ, которыхъ бувч. тов. Иванъ Свѣчка подвергаетъ въ подданство неналежне и не малые имъ дѣлаетъ обиды и грабить у нихъ статки (разныи скотъ). И по разсмотрѣніи вмѣть довелось (оказалось), дабы означенные козаки, по силѣ указа, были козаками и впередъ п. Свѣчка оныхъ не притагалъ бы себѣ въ подданство и жадныхъ имъ не чинилъ обидъ, и не интересовался бы до нихъ; а заграбленные у нихъ статки возвратилъ бы, указомъ вашимъ вмѣту прекладаиль (предлагалъ). Однако онъ нашему указу противнымъ явился, въ чемъ требуешъ, вмѣть, отъ насъ резолюціи, якъ би съ нимъ, Свѣчкою, поступить. Затѣмъ предлагаемъ въ милости: ионеже п. Свѣчка, неслушне тихъ козаковъ въ подданство себѣ привернуль и статки у нихъ неналежне позабиравши, не возвращаетъ и, надъ указъ нашъ, ажъ по сее время у себе удержуетъ, того ради, пошли, вмѣть, отъ себе кого исправного, абы столько жъ, сколько би могъ стоять заграбленный козацкій статокъ, забрано было у него, Свѣчки, и тотъ грабежъ поотдавай, вмѣть, напрасно отъ него пограбленный, козакамъ, которые потомъ не млютъ оному Свѣчкѣ грабежа того ворочать, поколѣ власнихъ ихъ скотинъ и что позабираль—не возвратить...¹⁾“ Это странное распоряженіе гетмана, указывающее на полное безсиліе его власти, едва ли могло быть исполнено, потому что требовало насилия, противъ котораго Свѣчка чесомнѣнно отвѣчалъ бы тѣмъ же... Кр. П. 55 д. А. 91 д. Б. 56 д. В. 37 д. пс. коз. 14 д. Г. 16 д. 16. х. Д. 34 д. 42 х. бд. 2 х. (Лубенск. плк-ка Степана Максимовича) Кз. Б. 128 д. Г. 164 д. 218 х. пс. 32 д. 32 х. Д. 122 д. 281 х. Какимъ образомъ А. перешла отъ Свѣчекъ къ Максимовичу—не знаемъ.

¹⁾ Кіевск. Стар. 1882 г., августъ, 256.

Прилуцкіе монастыри.

Густынскій Троицкій монастырь основанъ былъ по „желанію“ ревнителя православія кн. Михайла Михайловича Вишневецкаго, ¹⁾, который въ 1612 г. писалъ намѣстникамъ своихъ украинскихъ маєтностей: „отецъ Аѳанасій, игуменъ монастыря Межигорскаго, зъ отцемъ Исаиєю Нечерскимъ, имѣя тое намѣреніе, *ведлугъ желанія моего*, дабы тамъ монастырь строили въ маєтностяхъ моихъ, где бы имъ пожелалось, обѣщая имъ подлугъ приличности подать и устроити, а такъ не отмѣнно по-васъ(?) желаю и приказую, чтобы по должности христіанской онимъ во всемъ помощни были, иначо не чинл“. (Року 1612, іюня 2 д. ²⁾). Затѣмъ, изъ письма кн. М. В—аго къ одному изъ своихъ намѣстниковъ, кн. Лыко, отъ 2 марта 1614 г. ³⁾; видно, что въ это время Густынскій монастырь уже существовалъ, и что кн. В. просилъ кн. Лыко „ограничить“ тѣ земли, которыя будуть отведены м—рю. Исполняя  тотъ приказъ, кн. Лыко актомъ 5 мая 1615 г. „ограничили“ монастырскія земли, при чемъ говорить, что „*острозвъ Густыння, на которомъ церковь св. Троици заложена и монастырь фундуется*, увесь—монастыреви быти и належати маєть“.—Устроился Г. м—рь при вдовѣ кн. М. В—аго, Раинѣ, которая, повидимому, отличалась особою религіозностью и очень покровительствовала „своимъ монастырямъ, которые суть на Украинѣ, за Днѣпромъ, подъ Прилукою, еденъ Густынскій, а

¹⁾ «Густынская лѣтопись» основаніе м—ри относить къ 1600 г., приписывая это событие какимъ-то Афонскимъ выходцамъ. Но это преданіе никакимъ другими данными не подтверждается и, повидимому, родилось изъ одного желанія связать исторію м—ри съ Афономъ...

²⁾ Изъ Румянц. оппса. Этотъ документъ, сколько мы знаемъ, до сихъ поръ напечатаанъ не былъ.

³⁾ Въ копіи этого акта, приложенной къ Рум. описи, дата другая, именно—1 мая. Въ этой копіи текстъ цільма сообщается съ исповленіемъ языка, сравчит. съ вапечатаннымъ при *Лѣтоп. Густ. м—ри*. (Напр., вм. «жебы они своимъ ся контентуючи, въ чужое не не вчеповали»—«чтобъ они своимъ доволствуясь, въ чужое не вступали»).

другій—Подгорскій". Объ этомъ свидѣтельствуетъ актъ Раини 1619 г.—Въ этотъ моментъ игуменомъ обоихъ монастырей былъ Исаія Копинскій, который собственно былъ и устроителемъ ихъ („которые и передъ тымъ во владѣи и опечѣ своей мѣль (и) которыми онъ (Исаія) и початкомъ былъ“). По смерти Раини В., обстоятельства нѣсколько измѣнились, такъ какъ хозяиномъ за-Днѣпровской Украины сталъ ея несовершеннолѣтній сынь Іеремія, тъ это время уже принявшій католичество.—Впрочемъ, опекуны его, дядья Юрій и Константинъ, вновь устроеннымъ здѣсь м—рамъ покровительствовали. Вступивъ въ самостоятельное распоряженіе своею за-Днѣпровскою Вишневеччиною, Іеремія относился къ Г—му м—рю довольно благосклонно, какъ это видно изъ двухъ его „привиліевъ“ 1636 г. (см. ниже, *лѣтопись*). Измѣнились отношенія В. къ этимъ м—рамъ послѣ того, какъ во время возстанія Остряницы и Гуни, Мгарскіе монахи заподозрѣны были въ единомысліи съ козаками. Суровое разслѣдованіе со стороны Іеремія заподозрѣннаго преступленія Мгарскихъ монаховъ—сильно напугало и Густынскихъ монаховъ, которые еще болѣе встревожились, когда послѣ усмиренія возстанія Остряницы и Гуни и послѣ жестокаго наказанія ихъ соратниковъ, на Украинѣ распространілись слухи о томъ, что „король Польскій и папы радные, и ляцкіе арцибискупы приговорили на соймѣ, чтобы въ Литовской землѣ православной христіанской вѣрѣ не быть, и христіанская церкви превратить въ костелы ляцкіе, и книги русскія и монастыри съвести“... Объ этихъ слухахъ сообщалъ Г—му игумену не кто иной, какъ самъ Исаія Копинскій ¹⁾). Можетъ быть, подъ впечатлѣніемъ этихъ слуховъ, Г—ій игуменъ обратился къ Іереміи В. съ просьбою—подтвердить м—рю его имѣнія, полученные отъ отца и матери Іереміи. На эту просьбу В. отвѣтилъ отказомъ, прибавивъ впрочемъ: „а мнѣ до о васъ,—жійте до ласки моей!“ Съ одной стороны, этотъ отвѣтъ, а съ другой—насилье поляковъ надъ Мгарскими монахами, за заподозрѣнное сношеніе съ козаками, до того растревожили Г—скихъ монаховъ, что они

¹⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, III, 5.

рѣшили совсѣмъ покинуть свой монастырь и—вмѣстѣ съ игуменомъ своимъ Василіемъ—бѣжали въ Путівль, подъ защиту Московскаго царя. По прибытіи ихъ въ Путівль, Г—скіе монахи были тамъ приняты очень милостиво, причемъ изъ Москвы сдѣлано было распоряженіе помѣстить ихъ въ Бѣлевскомъ преображеніи—рѣ. Но это мѣсто почему то Густынцамъ не понравилось, и они, чрезъ строителя своего Иринарха (игум. Василій умеръ вслѣдъ за прибытіемъ въ Путівль), выхлопотали себѣ другое—Нижегородскій Дудинъ монастырь, куда и были тогда же отправлены¹⁾. Отсюда Густынцы на родину, повидимому, не возвращались, и Г—скій м—рь, послѣ своего запустѣнія въ 1638 г., вновь возобновленъ былъ уже другими. „Густынская лѣтопись“ говоритъ, что послѣ ухода игум. Василія съ братіей, этимъ м—ремъ хотѣли было завладѣть Лубенскіе „барнадины“, но Мгарскій игуменъ—отправиль въ Густыню трехъ своихъ монаховъ съ послушниками, которые и не позволили „барнадинамъ“ завладѣть „спустошальнымъ мѣстцемъ“. Къ этимъ монахамъ присоединился какой то старецъ Сильвестр Губаревичъ, „спасавшійся“ поблизу „на послушаніи“, и всѣ они вмѣстѣ—рѣшили возстановить Густыню. Петръ Могила, къ которому ново-Густынцы обратились за игуменомъ, назначилъ имъ Илію Торскаго, которому Г—скій м—рь и обязанъ своимъ возстановленіемъ, послѣ годичнаго запустѣнія.

Рядъ Густынскихъ игуменовъ, по монаст. лѣтописи, открывается Іоасафомъ, который считается первымъ игуменомъ. Лѣтопись говоритъ, что по указанію этого игумена былъ приглашенъ

¹⁾ Архивныя свѣдѣнія объ уходѣ Г—скіхъ монаховъ въ Московскіе предѣлы приведены К. Невоструевымъ въ его статьѣ „О началѣ Алатырскаго Киево-Николаевск. м—ра“, Вѣсти. Зап. Россіи, Говорскаго, 1865—66 г., кн. 8, отд. 2, стр. 129—142. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что для Густынскихъ монаховъ былъ назначенъ Московскимъ правительствомъ Нижегородск. Дудинъ м—рь, «куда всѣ они, со своимъ имуществомъ, и были отправлены, на казенный счетъ, до Калуги сухимъ путемъ, а отсѣлѣ (16 сент.) водою до мѣста». (Стр. 133). Всѣхъ монаховъ ушло изъ Густыни «66 челов. и 11 челов. крест. съ жен. и дѣтьми». (Т. ж., стр. 132).

братією ізъ Києва Ісаїа Копинській... Ізвѣстіе объ игуменствѣ Іоасафа основано, повидимому, на одномъ преданіи, хотя могло случиться, что онъ и жилъ въ Густынѣ до основанія здѣсь м—ря, „спасаясь въ пустынѣ“, какъ это нерѣдко случалось во времена запустѣнія лѣвобережной Украины, при чёмъ бывало, что монастыри возникали на такихъ мѣстахъ, уже раньше облюбованныхъ подобными „пустынниками“. Но во всякомъ случаѣ первымъ устроителемъ Густыни былъ Ісаїя, который затѣмъ, по устройствѣ м—ря, въ немъ постоянно не жилъ, а лишь по временамъ наѣзжалъ. Въ его отсутствіе монастыремъ завѣдывали намѣстники, имена которыхъ монастырская память сохраняетъ до сихъ поръ ¹⁾). Послѣ Копинскаго, болѣе извѣстнымъ игуменомъ былъ Василій, бѣжавшій съ своими монахами въ Московское государство. (См. выше). Послѣ Василія игуменствовалъ, какъ видно выше, Ілія Торскій, которымъ и начинается нижеслѣдующій, уже достовѣрный, рядъ игуменовъ.

Ілія Торскій, 1639—1644. Евфимій Войниловичъ, 1645—1652. Іона Воршеницкій, 1652—1655. Іосифъ Федоровичъ Товстушичъ, 1655—1665. Авксентій Якимовичъ, 1665—1695. Прокопій Каличанскій, 1696—1697. Яковъ Адамовичъ Ждановичъ, 1698—1701. Іовъ Мартыновичъ, 1703—1710. Іоанікій Теодоровичъ, 1710—1715. Варлаамъ Леницкій, 1716. Іосифъ Гугуревичъ, 1717—1721. Діонисій Мартыновичъ, 1722. Леонтій Злотницкій, 1723—1725. Клеопа Сѣлачъ, 1725—1727. Гавріїлъ Леопольскій, 1727—1739. Мельхиседекъ Богдановичъ, 1748. Пахомій Витвицкій, 1751—1756. Митрофанъ Горленко, 1757—1758. Іосифъ Миткевичъ, 1761—1763. Кириллъ, 1763—1781 ²⁾).

¹⁾ См. книжку архимандр. Нектарія—«Святотроїцькій Густынський монастырь». (Лубни, 1892).

²⁾ Списокъ этотъ составленъ нами на основаніи брошюры архм. Нектарія и архивныхъ свѣдѣній. Интересно, что м—ръ не знаетъ своихъ позднѣйшихъ игуменовъ: Мельхиседека Богдановича и Митрофана Горленка, которыхъ въ спискѣ архм. Нектарія—нѣть. Помѣщая на основаніи этого списка, въ числѣ игуменовъ, Іосифа „Дудуревича“, мы его называемъ Гугуревичемъ, какъ и слѣдуетъ (см. с. 399). (Это прозвище встарину писалось съ помощью лат. г., которую затѣмъ, позже, неправильно читаютъ, какъ русск. д.).

Дальнѣйшую исторію м—ра мы сообщаемъ въ формѣ отдельныхъ фактovъ, которые выбраны были Г—скими монахами изъ своего офиціального архива, при составленіи описи м—ра, въ 1765 г., для Румянцовскихъ чиновниковъ. Упомянувъ о преданіи по которому основаніе м—ра относится къ 1600 г., эта актова лѣтопись сообщаетъ засимъ содержаніе извѣстныхъ уже печатно документовъ кн. Михаила и Раины В—хъ и намѣстника ихъ кн. Лыко, 1612—1619 г.г., а затѣмъ продолжаетъ, начиная съ 1629 г., слѣдующій перечень, который располагаемъ здѣсь хронологически. (У монаховъ хронологія не соблюдена. См. Полт. Еп. Вѣд., 1886 г., № 6—7).

— 1629 г., октобр. 22 д. Выпись въ замку Прилуцкого видана чрезъ игумена о. Феодосія, въ которой запрещено Прилучанамъ въ грунта монастирскіе втрутатись.

— 1636 г., мая 16 д. Виданъ привилей чрезъ игм. о. Иринарха, отъ благочест. кн. Іеремія Корибути Вишневецкого, позволяючій монастирю всипати греблю на Удаю (где нынѣ зовется сага), на которомъ уже и млинъ былъ поставленъ, о 2-хъ колахъ.

— 1636 г., дек. 13 д. Виданъ привилей чрезъ о. игм. Иринарха, отъ кн. Іерем. Кор. Вишн—го, при томъ млине ступи побудовать.

— 1636 г. Первозводованій мистръ Густынскій, со всею покрасою и лѣпотою, погорѣль, на первомъ мѣстцу, где нынѣ садъ называется Николскій.

— Въ томъ же 1636 г., игм. Иринархъ на семъ другомъ мѣстцу, где нынѣ Густынскій м—ръ стоитъ, первый сдѣлалъ ограду ровомъ, и церковъ теплую Успенія Богоматере, и при ней трапезу з келарнею и протчими потребностями, также и келіи,—по обоимъ сторонамъ м—ра, и колоколню незгорѣвшую з первого м—ра, перенесль и поставилъ.

— Въ 1638 году, насташей междуусобной брани ляховъ зъ козаками, игм. Иринархъ зъ братіей поспішавши, что ігумена Мгарского Каллистата з братією взяли было ляхи на страченіе, им'я подозрѣніе будто они козакамъ порохъ поддаются, забравъ все им'ніе церковное и монастырское, бежали въ Московщину, до Путивля, отъ которыхъ на пути все им'ніе впалось

в лядскіе и жидовскіе руки, и сами інніе пострадали отъ ляжовъ, а інніе разбежались, оставя впустѣ м—ръ, въ которомъ болѣе года никтоже живаше отъ человѣкъ, и уже римстіи законницы барнадины, съ многолюдствомъ и колесницами, пришли было разграбовать до основанія все зданіе въ ономъ м—рѣ, аще бы Мгарскій игуменъ предреченный не прислалъ братіи и послушниковъ въ защищеніе.

— Такоже ставшоїся руини м—рю Густинскому, никто бѣ помагаю, но граждане Прилуцкіе и окрестніе жители устремившися къ разоренію и расхищенню грунтовъ монастырскихъ, и кромѣ движимыхъ имѣній, дуброву монастирскую въ границѣ монастирской, состоящую отъ Прилук по Хаенкову долину и до Твердоустовой гребелки, зрубали безъ остатка, сплошь, и тую землю пахатную и сѣнокосную завладѣли, и первіе село Половая, потомъ деревня Левки—селились.

— Посля же предпомянутой руины ставшоїся монастирю Густинскому, въ 1639 г., іюня 8-го, преосвящ. мтр—тъ Кіевскій Петръ Могила грамотою повелѣль поставленному отъ себя игумену блгч—му Илію Торскому расточенную собирати братію.

— Въ томъ же 1639 году, самъ преосвящ. мтр—тъ Цетръ Могила въ Густинскомъ м—рѣ крестъ водрузилъ и благословилъ дѣлать церковъ большую во имя св. жвнч. Троицы, и отиде. Умножающейся братіи, начаша разомъ ограду дѣлать большую въ защищеніе: устрашиша бо ихъ тогда варвары.

— Въ томъ же 1639 г., іюля 22 д., блжн. о. игум. Ілія Торскій отъ висланнихъ княжихъ испросиль оборонній листъ.

— 1639 г., сент. 17 д., привилей отъ кн. Іерем. Кориб. В—ого, запрещающій мѣщанамъ Шрлцкимъ и прочіимъ его подданнымъ—жадныхъ би обидѣ въ пустошенню лѣса и ловляхъ рибнихъ, м—ревѣ не цѣлали, и о протчемъ, въ защищеніе м—ревѣ блж. о. игм. Ілія Торскій виправилъ.

— Въ 1641 г., блжн. о. игум. Ілія Торскій посыпалъ моленіе до г—ря Молдавскаго Іѡ Василіе, прося ялмужной (милостини) на сооруженіе церкви большой, иже даде неточию деньгами, но аппаратами и ина вся потребная, и грамоту 1641 г., мая 13 д., въ три года приходить инокомъ з Г—го м—ря, по 400 золотихъ.

— Въ 1642 г., іюля 21 д., блж. о. Ілія Торскій поддавшись подъ високо монаршую милость блгч. государя и в. кн. Михаила Феодоровича, получилъ жалованіе и грамоту жалованную—в Москву приездить за жалованіемъ, пятого или шестого года. По изшествіи же о. игумена въ 1645 г., авг. мѣс., бывшіе игумены іермн. Ефимій Войниловичъ, іерсхмн. Іона Ивановичъ Боршенскій, іермн. Іосифъ Феодоровичъ и іермн. Авксентій Якимовичъ, по той грамотѣ, ъѣздили въ Москву и получали жалованье.

— И в жизни своей блж. о. игм. Ілія Торскій, з предавленного жалованія, сооружилъ церковъ деревянную, болшую, прекрасную, во имя св. Живоч. Тройци (которая стояла 30 лѣтъ) и полать для общего всѣхъ приходовъ спряту, собираемого з м—скихъ угодій и подаemого отъ христолюбцовъ, и прочая благолѣпная зданія устроилъ.

— 1643 г., окт. 29 д., видано право отъ кн. Іер. В—ого, на млинъ на великой греблѣ стоячій, Ивану Шкуратовичу, (а) синъ его Тимошъ Шк—чъ, при продажѣ онаго млина м—рю, вручилъ.

— В 1644 г., дек. 5 д., господарь Молдавскій писалъ до о. игум. Іліі Т—го, о посылки ялмужной.

— 1647 г., мая 1 д. Привилей отъ кн. Іер. Крб. В—ого, подтверждителній, в млинѣ Максима мелника, на Удаю стоячомъ, подъ м—ремъ, на велик. греблѣ, на двѣ колы, одно мучное, другое ступное, блж. о. игм. Еуфимій Войниловичъ виправилъ¹⁾.

1) Этотъ актъ, сохранившійся въ Рум. ои., приводимъ здѣсь—
«Іеремѣя Михаилъ Корибутъ князь на Вышневецу.—Імѣя при-
зрѣніе на чернцовъ монастыря Густынского, а хотя и тож имѣти,
дабы тамъ барзѣй хвала Божія за предковъ святыхъ памяти, тутъ же
и книжатъ ихъ мціовъ р. р. (т. е. и. о.) родителей моихъ, отправ-
ляема была, почему предъ тимъ былъ даль тимъ чернцамъ Густын-
скимъ, в млинахъ на рѣцѣ Удаю, подъ митиремъ ихъ будучимъ, кото-
рій Максимъ мелникъ держитъ колъ двѣ, одно мучное, другое ступ-
ное, коихъ они уже заживали, такъ и иѣ потверждаютъ тотъ листъ
мой прежный и даю имъ въ посессію тѣ кола вѣчными часи, однакъ

— 1648 г., іюня 17 д. Унъверсалъ отъ гтм. Б. Хм., приказуючій сотнику и атаману Прлцк.—поймали бы своеолдовъ и покарали, которіи м—ръ разграбовали и черновъ окрутне мордовавши, били, а иныхъ в смерть побили, тотъ же игм. виправилъ.

— 1648 г., іюня 17 д. Унъверсалъ отъ гтм. Б. Хм.,—ни-
кто бы в добрахъ м—скихъ жаднихъ кривдъ не чинилъ, тотъ же игм. Ефимій виправилъ.

— 1648 г. іюля 2 д. Унъверсаломъ гетм. Б. Хмелницкій за-
претиль, дабы подданныхъ монастирскихъ в возаки неприни-
мано, лѣсовъ сѣножатей и пасъкъ непустошено.

— 1649 г. 8 окт. Унъверсалъ отъ гетмана Богд. Хмел-
ницкого, приказуючій плквнику Прлцк., чтобъ козаковъ и селянъ
Мацѣевскихъ смириль, которіе ненослушни м—рю, игум. Ефи-
мій виправилъ.

— 1655 г., мая 15 д., ун. отъ г. Б. Хм., приказуючій селя-
намъ Боршескимъ, Валковскимъ и Половянскимъ греблю м—скую
гатити, безъ отмови и спору, виправ. о. игум. Іосифъ.

— 1655 г., 15 д., ун. отъ. гтм. Б. Хм., позволяючій зъ
млина Шкуратишеного мѣроочку на арендовъ належащую,
м—рю отбѣратъ, випр. тотъ-же игум. Іосифъ.

— 1655 г., мая 16, село Половую монастирю надаль гтм.
Б. Хм. въ подданство и унъверсаломъ ствердилъ.

— 1655 г., іюля 15 д., унъверсалъ отъ гтм. Б. Хм.—
нѣкто би въ грунтахъ м—скихъ отъ княжать Вишневецкихъ
подданныхъ, утѣсненій и обидъ не дѣлалъ, виправиль о. игм.
Іосифъ Феодоровичъ.

— 1655 г., іюля 22 д., унъверсалъ отъ гетманової Богда-
нової Хмелницкой Анни, приказуючій обывателемъ Прилуцкимъ
въ грунта би до м—ря отъ княжать В—хъ наданніе и унъвер-
саломъ молжонка его гетмана Хм—аго конфѣрмованніе, не втруча-

тъ обои кола по отбытію аренды пана подсудка Кіевскаго, охранить и
пожитковъ за (зъ?) ихъ заживать имѣютъ, а для большей уваги и
пewности, даю сей листъ мой з подпіскомъ руки моей и притисненемъ
печати. Дасть въ Прилуцѣ, 1 мая 1647. (Вѣдимо—переводъ съ поль-
скаго).

лись и жаднихъ бы перешкодъ нечинили, подъ виною тысячи талярей до скарбу войск. и подъ суровимъ каранемт, тотъ же игм. Іосифъ виправилъ.

— 1657 г., апр. 16. О деревнѣ Левкахъ гтм. Хм. велѣль зслѣдоватъ и висланне ивслѣдовавъ, отдали оную деревню Левки въ монастырское владѣніе, и писменно ствердили.

— 1659 г., сент. 13 д., унїверсалъ отъ гтм. Ивана Безпалого, оборонній, чтобъ м—ревъ отъ войск. людей кривдъ не было нанесенныхъ, иг. Іосифъ виправилъ.

— 1659 г., дек. 17 д. Хвеско Терещенко, пль—ка Прлцк., надаль изъ риболовній на р. Удаи, Демковскій, з села Високого.

— 1660 г., февраля 25. Селцомъ Половою зъ Левками, да мелницею Скурашевою (Скуратовою?), да деревнею Мацьевкою, з двома мелницами, блестившій государь царь и в. кн. Алексій Михайловичъ, Густинскаго м—ря игумена Іосифа з братією жаловалъ, и жалованную видаль грамоту.

— 1660 г., сент. 11., писаніе отъ близн. бояр. Алексія Никитича Трубецкого, намѣстн. Каз., оберегателное м—рю, никто би з военнихъ людей жаднихъ обидъ м—ревъ не дерзаль наносити, игм. Іосифъ виправилъ.

— 1671 г., іюля 1 д., унїверс. отъ гт. Дем. Игнатовича, позволяючій м—ревъ на своей греблѣ, зовомой Великой, на Удаи, имѣющійся млинъ побудовати и з оного мѣрочки, на войско належашпіе, до м—ря отбирать, игм. Авксентій виправилъ.

1671 г., іюля 1 д. ун. отъ гтм. Дем. Игнат. до пль—ка Прилуцк. писанній, абы приказалъ селамъ Боршной, Дѣдовцамъ, Деймаивцѣ, Харитоновцамъ, Валковцамъ и Сокиринцамъ м—скіе греблѣ, якъ прїдѣ время, гатити, о. игм. Авксентій Як—чъ виправилъ.

— 1671 г., сент. 19 д., писаніе врядовое отъ пль—ка Прилуковго Семена Третяка на купленній млинъ въ Процка Капустенка, (которій млинъ достался ему Процку Капустенку отъ отчима его бездѣтного Максима мелника, въ котор. млинѣ кн. Іер. Корибутъ В—ій подаль м—рю еще въ 1647 г., мая 1 д., двѣ колѣ, одно мучное, другое ступное), на Удаи, стоячомъ на Велик. Греблѣ м—ской, з двома колами мучными и з двома ступными и фалюшами, тотъ же игм. Авксентій виправилъ.

— 1671 г., сент. 19 д., писаніе врядовое отъ плк—ка Прлцк. Семена Третяка, на купленній млинѣ в Тимоша Шкуратовича, на Удаи, на греблѣ Великой стоячій, з двома колами мучними и третимъ ступнимъ и фалюшами, въ которомъ часть войск. м—рю отъ гетм. Б. Хм. в 1655 г., мая 15 д. надана, т. же игм. Авксентій виправиль.

— 1671 г., ноября мѣс., построенная игм. Торскимъ церковь деревянная во имя Живонач. Тройцы и полать, и половина всего зданія монастырского—погорѣло, за игумена Авксентія Якимовича, которій игуменомъ былъ 30 л.

-- 1673 г., 5 марта. Въ Дмитра Хвиленка, зъ с. Високого, и синовъ его, купилъ о. игм. Авксентій изъ риболовній на р. Удаи, противъ Демченка, узъ липу Демченкову.

— 1674 г., 10 іюня. Росписка данная отъ священник. Васковскихъ Даніила и Алексія Острицкихъ, взамѣну грунтика ихъ, состоящаго за Велик. гребл. надъ Удаемъ, подъ горою, за ниву м—скую на поляхъ Валковскихъ обрѣтающуюся, на урочищѣ Гавриловой горѣ.

— 1674—1676 г. Блжн. о. игм. Авксентій, зъ соборными старцами, умолилъ г. гетм. Іоанна Самойловича—каменную церковь во имя св. Живнч. Тройцы уфундовати, которій началъ здати 1674 г., іюня 8 д., а довершилъ въ 1676 г. августа 1. („По лѣтописи“).

— 1676 г., 19 апр. Унѣв. отъ гт. Ів. Самойловича—належитое послушенство попрежнему м—рю отдавали би подданніе жители Мацѣевскіе и впредь не бунтовались бы, тотъ же игм. Авксентій виправиль.

— 1680 г., 10 марта. Листъ отъ нач. полк. Лаз. Горленка, приказуючій атаману Боршенскому, чтобъ по унѣверсаламъ гетманскимъ неотмѣнно гатиль греблѣ м—скіе, т. же игм. Авксентій виправиль.

— 1681 г., 29 іюля. Унѣверс. отъ гетм. Ів. Самойловича, запрещающій, подъ часъ ярмарку при м—рѣ, горѣлками привозными шинковать, тотъ же Авксентій выправилъ.

— 1683 г., 12 марта. Подтверждительная грамота на грамоту 1642 г., іюля 21 д., пожалованна отъ блчст. государей ца-

рей и вв. кн. Ioanna и Петра Алексеевичей, игмну Авксентію Якимовичу.

— 1686 году, 20 февраля. Боршенськіе и Валковськіе жи-
тели стали бѣ въ м—скую границю вдиратися, о чёмъ плк-къ
Прилуцкій Лазаръ Горленко, зъ старшиною полковою, вчинилъ
розискъ и декретомъ своимъ на томъ спорѣ границю м—рю
попрежнему утвердилъ.

— 1687 г., 10 окт. Ун. отъ гетм. Ів. Мазепы, повелѣваю-
чій селянамъ Боршной, Дѣдовецъ, Харитоновки, Васковецъ и
Сокиринецъ греблѣ м—скіе гатити попрежнему, т. же игм.
Авксентій виправиль.

— 1688 г., 24 мая. Унїверсалъ отъ гтм. Ів. Мазепы ве-
позволяючій навознихъ горѣлокъ шинковати во время ярмарковъ
при м—рѣ бывающихъ, тотъ же игм. Авксентій выправиль.

— 1689 г., 29 марта. По челобитію Г—го м—ря игм.
Авксентія зъ братію, отъ блст. государей царей и в.в. кн.
Ioanna Алексеевича, Петра Алексеевича и в. госуд. благов.
царевни и в. к—ны Софіи Алексеевны, грамотою повелѣно
было гетману Мазепѣ—объ отнятой землѣ козаками и мѣщанами
Прилуцкими, наданой м—рю отъ княжать Вишневецкихъ, и о
прочемъ розискать, но какъ гетманъ Мазепа недоброхотъ м—рю
явился, потомъ зменникъ, для того при монастирѣ тая грамота
осталась.

— Другую церковь камennу во имя Усп. Богоматере и
при неї трапезу, келарню и другую трапезу малую, зъ сѣнми,
каменніе жъ, и ліохъ и поварню, и хлѣбню, каменніе жъ, для со-
держанія варива огородного и хлѣба, сооружилъ гетманъ Мазепа.

— Двѣ брами каменніе и на едной церковь во имя св.
ап. Петра и Павла, на другой церк. свят. Х—ва Николая и
ограду камennу, покритую черепицею, и ліохъ полатническій,
каменній, сооружилъ плк-къ Прилуцк. Дим. Горленко.

— 1709 г., 23 генв. Унїверсаломъ гтм. Ioannъ Скоропад-
скій запретилъ такожъ подданныхъ монастирскихъ, дабы въ ко-
вацтво не пріймовано и кто въ козаки вписался, всѣхъ тѣхъ
выключить.

— 1710 г. 3 іюля. Унїверсаломъ гтм. Ioannъ Скоропад-
скій запретилъ такожъ подданныхъ монастирскихъ, дабы въ ко-
вацтво не пріймовано и кто въ козаки вписался, всѣхъ тѣхъ
выключить.

— 1710 г., 9 окт. Унѣв. отъ гетм. Ів. Скороп. виданъ, уволняючій млини м—скіе отъ провентовой дачи.

— 1715 г., 12 мая. Унѣв. отъ гетм. Ів. Скороп., запрещаючій шинкарамъ подъ часъ ярмарковъ при м—рѣ бываемихъ, навознихъ горѣлокъ шинковати, виправиль о. игм. Іоанікій Феодоровичъ.

— 1716 г., 25 генв. Унѣв. отъ гетм. Ів. Скороп., повелѣваючій по прежнему жителямъ селъ Боршної, Дѣдовецъ, Харитоновки, Васковецъ и Сокирѣнецъ, гребль м—скіе гатити, виправ. игум. Варлаамъ Ленѣцкій.

— 1719 г. Колоколню каменнную з церквою во имя в. муч. Варвары, коштомъ монастирскимъ, за игум. о. Іосифа Гудуревича заложено и олтарь было довершено, а колоколня розвалилась в 1724 г., и поднесъ стоить розвалена колоколня, а олтарь вѣлости, з крайне обетшалою кришкою.

— 1734 г. На мѣстце обетшалой прежней поварнѣ каменной и розвалившейся, вновъ построена поварня и отъ води ограда, каменне, монастирскимъ коштомъ, за игумена Гавріила Ліеполскаго.

— 1741 г. Келій всѣхъ въ м—рѣ прежними игуменами было построено 31, во в 1741 г. (?) игм. о. Леонтій Злотицкій келій 14 розломаль, а на тое мѣсто точю 4 кел. поставилъ.

— 1754 г. Ограду каменную на валу (где прежняя Горленкомъ устроена была и въ обетшалости розвалилась) о. архим. Пахомій Вѣтвицкій вновъ здѣлалъ, и записалъ въ поминникъ, что оной огради вкругъ здѣлалъ саженей троаршинихъ 262, своимъ коштомъ, которую дѣлать началъ 1754 г., апр. 11 д., а окончилъ 1756 г., сент. 7 д.

— 1754 г. Каменную ограду подвышилъ о. архимандритъ Пахомій Вѣтвицкій.

— 1763 г., 12 ноября. Унѣв. отъ гетм. гр. Кирилла Рazuмовскаго, потвердителній виданъ на прежнє унѣверсали гетманскіе, запрещающій во время ярмарковъ бываемыхъ при м—рѣ Густ. и скитку Деймановскому, на м—скіихъ землякъ, никому никакихъ шинковъ заводить и не имѣть.

Изъ приведенной лѣтописи видна вполнѣ общественная дѣятельность Г—скіихъ игуменовъ, заботившихся, главнымъ обра-

зомъ, о материальномъ преуспѣяніи своего монастыря. Интересныя черты той же общественной дѣятельности двухъ замѣтнѣйшихъ игуменовъ—Торскаго и Якимовича—сохранились въ ихъ духовныхъ завѣщаніяхъ¹⁾. Изъ завѣщанія Торскаго видно, что онъ принадлежалъ еще къ старому типу монаховъ, „спасавшихся“ по внутреннему влечению къ этому „спасенію“. Говоря о томъ, что всѣ свои средства онъ употребилъ на мѣрь, который засталъ въ полномъ запустѣніи, („гроша скарубу, што было, з худости моей, тутъ все расточилемъ, на сырый корень заставши“), Торскій указываетъ, что все его имущество заключается въ книгахъ („такъ словенскихъ, яко и полскихъ“) и отчасти въ одѣждѣ („сукнѣ“); и то и другое Т. завѣщаетъ монастырю, а затѣмъ обращается къ братіи съ практическими завѣтами: прежде всего, онъ совѣтуетъ братіи, избрать по смерти его, „старшого“ непремѣнно изъ *своихъ* („не избираючи зъ іншихъ оградъ старшого“), чтобы „мѣстце святое въ запустѣніе не пришло“. Другой совѣтъ состоить въ томъ, чтобы братія просила у митрополита „благословенный листъ“ „въ сохраненіе св. мѣстца отъ сопротивныхъ“, и, наконецъ, игуменъ завѣщаетъ своимъ инокамъ—елико возможно домогаться отъ „князя“ (т. е. Іеремію В.) „абы могъ въ напотомные часы привилеемъ своимъ тое св. мѣстце и живущихъ на немъ—обваровати отъ вшелякого преслѣдованія и утиску, противенства“, причемъ просить, чтобы князь и потомкамъ своимъ рекомендовалъ исполнять ту его волю. Потомъ, хорошо зная слабыя стороны монашескаго житья, Торскій завѣщаетъ, чтобы братія „зраль и збѣговъ своловныхъ“ не творила, и чтобы „гомоновъ и раздоровъ не чинила“, а также, чтобы противъ игумена своего,—„любо въ очи, а барзей заочи,—турбаций покутныхъ (т. е. требуюшихъ показанія) не дерзала чинить“. Отсюда, между прочимъ, видно, что уже и при Торскомъ монахи, скучая утомительнымъ однобразiemъ своей жизни, разнообразили послѣднюю разными дразгами, интригами противъ игумена, и, наконецъ,—бѣгствомъ („збѣгами“) изъ монастыря... Въ заключеніе Торскій заповѣдаетъ

¹⁾ Напечатаны въ прилож. къ «Густынск. лѣтописи».

*При настоящемъ номерѣ разсылается
„Каталогъ малорусскихъ книгъ и нотъ
книжнаго и музыкальнаго магазина
Леона Идзиковскаго“.*



КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXV.

1901 Г.

ДЕКАБРЬ.



КІЕВЪ.

Типо-литографія ІМПЕРАТОРСКАГО Університета Св. ВЛАДИМИРА
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица, № 6.
1901

Дозволено цензурою. Кіевъ, 14 ноября 1901 года.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. ДѢЛО О СУЕВѢРИИ СВЯЩЕННИКА (1805 г.). Прот. В. Липовского	329—345
II. ПИСЬМА ПРОФ. УНИВ. СВ. ВЛАД. ПРОТ. Н. А. ФАВО- РОВА КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВУ	346—374
III. ГОРОДЯНКА. Повесть. (Окончаніе). Л. Яновской	375—423
IV. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІЇ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. (Окончаніе) Ор. Ле- вицкаго	424—471
V. О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛОВА «КАЦАПЪ» Н. М.	472—477
VI. НИКОЛАЙ ИЛЬЧЪ СТОРОЖЕНКО.	477—484
VII. Н. В. ШУГУРОВЪ. Некрологъ	485—490

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Письмо Н. В. Шугурова А. Я.; б) Еще нѣсколько словъ о „парубоцкынъ гравадагъ“ (атамаиствагъ) г. Манікъ, Херсон. губ. П. П. П.; в) Челоти изъ аризовоѣ юго-западнаго края. Сообщ. Ах. Мирдеръ; г) Объ адміністрації поїтавской битвы. И. Фр. Павловскаго; д) Истъ прошаго Поїтавскаго. Сообщ. И. Фр. Павловскій; е) Буда печевъ доинъ въ Поїтавѣ, въ второмъ Цетрѣ Франції отданагъ послѣ Поїтавской во- їнды? Н. В.	153—172
Текущія извѣстія	172—178
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Документы, труды Императорскаго Мо- сковскаго Археологическаго Общества. Н. В.; б) В. Руси- новъ: 1) Прыжоки Опера въ I дії и 2) Несподівана халепа. Драма въ II діяль. В. Д.; в) Матеріали для історії эконо- мического, юридического и общественного быта Старой Мало- россії, изд. подъ ред. Н. П. Василенка; г) Обзоръ журна- ловъ текущаго года; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и жур- нальныхъ статьяхъ	179—192
Археологическая лѣтопись	193—214
III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описanie Старой Малороссії. Томъ тре- тий. Прилуцкій полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листы 26-й и 27-й.	401—426

Дѣло о сувѣріи священника (1805 г.)

Это „дѣло“, заимствованное нами изъ архива бывшаго липовецкаго духовнаго правленія, интересно не столько по своему существу, сколько потому, что въ немъ отчасти раскрывается исторія одной изъ знаменитыхъ нѣкогда мѣстно чтимыхъ иконъ въ бывшемъ мѣстечкѣ Босовкѣ, липовецкаго уѣзда.

Во второй половинѣ 18-го столѣтія жилъ въ с. Панскомъ-Мостѣ, липовецкаго уѣзда, нѣкій шляхтичъ по имени Стефанъ Башковскій. Онъ здѣсь имѣлъ свой домъ и вмѣстѣ съ братомъ своимъ служилъ сначала при мѣстной экономіи. Но между своими односельцами онъ отличался большою по тому времени образованностью и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторою пріокосновенностью къ „духовной породѣ“, такъ какъ обучался въ уманскихъ училищахъ „по классъ реторики“ и женатъ былъ на дочери священнической. Вѣроятно, онъ также былъ усерденъ къ храму Божію и знакомъ съ церковнымъ уставомъ. Однимъ словомъ, когда помѣщиковъ и крестьяне с. Панского-Моста устроили, наконецъ, у себя въ 1784 году церковь во имя Покрова Пресвятаго Богородицы и озабочились пріисканіемъ для нея „побожнѣго ксенза“, то выборъ ихъ палъ на Стефана Башковскаго, который и рукоположенъ былъ къ этой церкви во священники въ 1788 году уніатскимъ епископомъ Стефаномъ Левинскимъ. Но не посчастливилось новорукоположенному іерею на своей „парафії“. Въ 1792 г. дотла сгорѣла Панско-мостянская церковь, а прихожане

по своей Свѣдности не могли сразу сгущаться на постройку новой церкви. Отецъ Стефанъ остался, такимъ образомъ, іереемъ безъ церкви и только иногда совершаю богослуженіе въ панской каплицѣ¹⁾). Но вотъ въ 1794 году совершилось возсоединеніе уніатовъ въ предѣлахъ нынѣшняго липовецкаго уѣзда, и о. Стефанъ Бошковскій, уступая общему течению, тоже подалъ прошеніе о присоединеніи его „на благочестіе“. Сдѣлавшись православнымъ священникомъ, онъ уже не могъ, конечно, служить въ католической панской каплицѣ и остался священникомъ не только совсѣмъ безъ церкви, но и безъ средствъ для существованія, такъ какъ помѣщикъ с. Панскаго-Моста Карлъ Сарнекій отобралъ у Бошковскаго и уничтожилъ документъ на большую половину церковной земли съ тѣмъ, конечно, намѣреніемъ, чтобы современемъ упразднить самостоятельный приходъ въ с. Панскомъ-Мостѣ, а церковную землю присоединить къ своимъ „добраамъ“, что ему впослѣдствіи и удалось. Пятигорское духовноеправленіе, въ вѣдѣніе котораго перешла почти половина нынѣшняго липовецкаго уѣзда послѣ уничтоженія уніи, присоединило с. Панскій-Мостъ къ ближайшему приходу мѣстечка Босовки и вмѣстѣ съ тѣмъ назначило священника Бошковскаго, какъ безприходнаго (безъ церкви), десятоначальникомъ на Босовскій округъ.

Въ новомъ своемъ чинѣ и положеніи Бошковскій нашелъ полное вознагражденіе за свои приходскія невзгоды. Во первыхъ, десятоначальничество, тогда только что учрежденное въ нашихъ краяхъ (переименованное вскорѣ въ благочинничество), кромѣ почета, давало и немалыя материальныя выгоды. Затѣмъ, приходъ въ м. Босовкѣ въ то время былъ однимъ изъ очень завид-

1) Почти всѣ болѣе или менѣе «сельможные» павы того времени устраивали при своихъ домахъ каплицы, въ родѣ домовыхъ церквей, въ которыхъ католическимъ и уніатскимъ духовенствомъ совершаю иногда «набоженство», вѣроятно, на подважныхъ аятиминсахъ. Нѣкоторые же павы при своихъ каплицахъ содержали и отдѣльныхъ ксензовъ или уніатскихъ священниковъ.

ныхъ: кромѣ другихъ выгода, тамъ была знаменитая новоявленная чудотворная икона—Спаситель плачущій, которая привлекала къ себѣ множество богомольцевъ, особенно въ лѣтнее время. Настоятель же босовскій, іерей Романъ Тышевичъ, былъ человѣкъ очень немощный, сильно преданный „пьянственной страсти“, такъ что даже въ такие праздники, какъ Новый годъ, Крещеніе, не въ состояніи былъ иногда совершать богослуженіе.¹⁾ При такомъ настоятелемъ Башковскій былъ, конечно, полноправнымъ распорядителемъ въ Босовскомъ приходѣ и пожиналъ въ немъ обильную жатву.

Наконецъ, въ другомъ ближайшемъ въ Панскому-Мосту селѣ Купеватой настоятельствовалъ въ то время также очень спордучный для Башковскаго іерей Никита Швабичъ. Онъ очень мало интересовался приходомъ, а вѣль въ обширныхъ размѣрахъ чумачку, часто по полгода и болѣе отлучался отъ своего прихода, ѿздили, вѣроятно, по своимъ чумадкимъ дѣламъ не только въ Киевъ, но и въ Харьковъ и даже въ Петербургъ, а приходскія требы у него исполнялъ Башковскій, какъ ближайшій соѣдъ. Однимъ словомъ, Башковскій подъ крыломъ пятигорскаго духовнаго Правленія благодушествовалъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Но вотъ въ 1797 году пятигорское духовное правленіе было упразднено и весь Босовскій округъ перечисленъ былъ въ вѣдѣніе липовецкаго духовнаго правленія, которымъ тогда правилъ большой формалистъ, протоіерей Никифоръ Топольскій. Подъ карающую руку его скоро попалъ и босовскій десятоначальникъ Стефанъ Башковскій. Въ началѣ 1798 года Башковскій до того увлекся своимъ чиномъ, что самовольно удалилъ отъ прихода престарѣлаго священника с. Охримовой Іоанна Даровскаго за его будто-бы пьянство и нерадѣніе о церкви, а на его мѣсто назначилъ безмѣстнаго молдавскаго рукоположенца Даниила Левицкаго, который по приглашенію Романа Тышевича служилъ „при чудовной иконѣ Босовской“, и былъ, конечно,

¹⁾ Все это обнаружилось въ произведеніи надъ нимъ слѣдствія въ 1800 г.

большой помѣхой для Башковскаго. Когда Даровскій запесъ жалобу на это протоіерею Топольскому, то онъ нарядилъ строгое слѣдствіе надъ Башковскимъ, результатомъ чего было то, что Башковскій не только удаленъ былъ отъ десятопачальнической должности за превышение власти, но даже совсѣмъ выселенъ изъ Босовскаго округа и перемѣщенъ на священническое мѣсто въ Дащевскій округъ въ м. Кальникъ. Но родныя хлѣбныя мѣста — Щанскій-Мостъ, Кушевата, Босовка—все-таки сильно тянули его къ себѣ, и онъ часто ради нихъ оставлялъ свой пустынныій въ то время Кальникъ и отлучался въ Напскій-Мостъ, гдѣ у него былъ собственный домъ, а оттуда уже оказывалъ услуги въ исполненіи требъ своимъ бывшимъ сосѣдямъ о. Роману Тышевичу и Никитѣ Швабичу. Башковскій, естественно, не могъ простить „президенту“ липовецкаго духовнаго правленія, протоіерею Никифору Топольскому своего уничиженія, и въ 1803 г. вмѣстѣ съ бывшими своими подчиненными — цыбулевскимъ священникомъ Иоанномъ Шумовскимъ и попуднянскимъ Феодосиемъ Вороновичемъ — возбудилъ противъ Топольскаго громкое дѣло „о взяточничествѣ и притѣсненіи имъ повѣтоваго духовенства и protchemъ“, разбиравшееся сначала уманскимъ, а потомъ сквирскимъ протоіереями.¹⁾

Естественно, что и липовецкое духовное правление зорко слѣдило черезъ своихъ клериковъ за своимъ противникомъ Башковскимъ и искало только удобнаго случая, чтобы и его подвести „подъ криминалъ“. Отвѣтомъ, конечно, на это желаніе духовнаго правленія былъ слѣдующій рапортъ части Дащевской благочиннаго іеря Феодора Левицкаго отъ 3 января 1805 года:

„Указомъ Е. И. В. изъ онаго Духовнаго Правленія, отъ 14 мѣсяца ноября истекшаго 1804 года подъ № 1035-мъ составлявшимся, строжайше предписано, чтобы священно- и церковно-служители не отлучались ни подъ какимъ видомъ отъ своихъ приходовъ предъ наступающими высокоторжественными и высокораздѣ-

¹⁾ По разслѣдованіи дѣла это оказалось дутымъ, въ всѣ обвиненія противъ Топольскаго бездоказательными.

ственными дялми и не оставляли священнослуженія, съ взятою отъ нихъ на двѣ руки поѣпискою. Сверхъ того, и пунктъ благочиннической инструкціи 36-й статьи запрещаетъ, чтобы всѣ священно- и церковно-служители безъ вѣдома начальническаго болѣе пятнадцати верстъ, и то на краткое время, не отлучались бы и церквей своихъ не оставляли. А священникъ с. Кальника Степанъ Башковскій, съ котораго и подпись на двѣ руки взята, и знать благочиннической инструкціи не прымѣчающій, съ прошедшаго 1804 года декабря мѣсяца послѣднихъ числъ, какъ-бы по болѣзни нѣкакой, къ лѣкарю выѣхалъ въ с. Копіевату, а мнѣ донесено, что въ тамошнемъ селеніи умеръ порядочень богатой хозяинъ; по этой затѣмъ причинѣ оставилъ въ новый-годъ богослуженія и молебствіе въ приходской церкви, а единственно спѣшилъ для своего корыстолюбія, обѣ чемъ за таковой проступокъ первѣйшимъ моимъ долгомъ оному Духовному правлению благопочтенно рапортую".

Священникъ Башковскій, вызванный въ присутствіе Духовнаго правленія 23 января 1805 года, „противу рапорта благочиннаго іереха Феодора Левицкаго спрашиванъ и въ отвѣтъ показалъ: истекшаго 1804 года 31 декабря подлинно онъ отлучался въ м. Босовку, по причинѣ болѣзни своей, на поклоненіе святымъ чудотворнымъ иконамъ, гдѣ и должное богослуженіе по причинѣ тяжкой тамошняго священника Тышевича болѣзни отправляль, о чемъ засвидѣтельствуютъ тамошніе священно-церковно-служители. А отоль въ Монастырище къ лѣкарю и въ Панскій-Мостъ для осмотрѣнія оставшагося тамо его дома ъздилъ. Въ Копіеватой же онъ, священникъ Башковскій, при погребеніи Копіеватскаго жителя богатыря не былъ и за корыстолюбіемъ онъ туда не ъздалъ. Въ разсужденіи каковой своей отлучки онъ, священникъ Башковскій, дабы церковь Кальниковскую не оставалась безъ должнаго въ ней священно-служенія, приглашалъ м. Да-шева священника на діаконскомъ мѣстѣ состоящаго Іосифа Новоборскаго, который и отправляль довлѣемое богослуженіе". Священникъ Новоборскій показалъ, что онъ дѣйствительно, по просьбѣ священника Башковскаго, отправляль въ Кальниковской

церкви богослуженіе и молебствіе на новый 1805 годъ. Съ другой стороны, причтъ м. Босовки удостовѣрилъ, что въ этотъ-же день священникъ Башковскій отправлялъ богослуженіе въ Босовской церкви по случаю болѣзни священника Тышевича. Съ Башковскаго, поѣтому, въ правленіи взяли лишь подпиську въ томъ, что онъ „обязывается впредь быть къ своему начальству послушнѣи и почтителенъ; а ежели бы послѣ сего оказался въ томъ или другомъ какомъ порокѣ изображенныи, то подвергаетъ себя строжайшему законному сужденію“. Этимъ инцидентъ съ Башковскимъ былъ бы и исчерпанъ—по къ дѣлу примѣщалось... суевѣріе священника Башковскаго: поклоненіе его непризнанной офиціально чудотворной иконѣ.

Въ то время въ Россіи были еще въ силѣ правила Духовнаго Регламента, и правительство, какъ свѣтское, такъ и духовное, строго прѣдѣдовало суевѣрія, къ которымъ относилось все выходящее изъ рамокъ обыденной церковной жизни. Первый пунктъ инструкціи благочиннымъ 1797 г. гласилъ: „какъ въ семъ приходѣ и по всемъ вѣдомства вашего церквамъ прилежно вамъ смотрѣть, не дѣлаются ли гдѣ суевѣрія, а именно: 1-е, не проявляется ли, и то для самаго пребиточества, каковыхъ при иконахъ святыхъ, при кладязяхъ и источникахъ ложныхъ чудесъ; 2-е, не является ли несвидѣтельствованныхъ тѣлесъ, не разглашается ли къ почитанію ихъ за мощи истинныхъ святыхъ; 3-е, не являются ли гдѣ кликуши и притворно-юродцы и босые, также и съ колдунами и прочая каковыя бы не были церкви святой и высочайшимъ указомъ противныя суевѣрія“. Въ силу этой инструкціи благочинные обязательно каждое полугодіе „репортовали“ духовному правленію, что въ ихъ благочинії „при иконахъ, кладязяхъ и источникахъ никакихъ чудесъ не было, кликушъ, притворно-юродцевъ, босыхъ и колдуновъ не проявлялось“. Этю же инструкцію всѣмъ священникамъ наистрожайше подтверждалось, что „ежели гдѣ усмотрѣно будетъ ими суевѣріе, немедленно доносить благочинному“. А тутъ вдругъ самъ священникъ ёдетъ на поклоненіе иконѣ, начальству (будто-бы) совершенно неизвѣстной, надѣется получить чудесное исцѣленіе

отъ иконы, которая официа́льно еще не признана чудотворною, слѣдовательно и не можетъ творить истинныхъ чудесъ. Значить, такой священникъ поддерживаетъ суевѣrie—обвиненіе по тому времени очень серьезное. Посему духовное правлениe, „слушавъ отвѣтъ священника с. Кальника Стефана Башковскаго... опредѣлили: хотя священникъ Башковкій и узнаилъ признаніе, что опъ безъ вѣдома своего благочиннаго отлучался въ м. Босовку, Панскій-Мостъ и Монастырище и противу сего обовязанъ подпискою, но поелику изъ онаго его отвѣта открывается, что въ Босовкѣ существуютъ каковыя-то чудотворныя иконы, къ коимъ онъ для поклоненія яко-бы по болѣзниѣ вѣдилъ, о чемъ Правлениe сіе свѣдѣнія не имѣетъ, для того учинить слѣдующее: 1-е, поелику прибавленія обѣщанія архіерейскаго, 22 января 1716 года изданнаго, въ 6-мъ и Духовнаго Регламента части 2-й въ 8-мъ пунктахъ повелѣно: „смотрѣть, дабы никто святыхъ иконъ не богочорицъ нимъ ложнымъ чудесъ не вымышлялъ“, на основаніи благочиннической инструкціи 2-й статьи предписать части Босовской благочинному іерею Корнилю Леоновичу указомъ, чтобы онъ, скѣхавъ безъ замедленія въ м. Босовку и достовѣрно выправясь отъ тамошнихъ священно и церковно-служителей и почтеннѣйшихъ старожилыхъ прихожанъ, какаяль въ ихъ церквѣ имѣется чудотворная икона, или онаю только Башковскій считаетъ, и если точно и они считаются ее таковою, то какое и ней изображеніе, какъ давно оная проявилась, какимъ образомъ свидѣтельствована ли духовнымъ начальствомъ, имѣется-ль на то какой письменной видъ“ и проч. Благочинный Леоновичъ, который также аккуратно по полугодіямъ доносилъ правлению, что въ его округѣ никакихъ чудесъ не происходитъ и все обстоятъ благополучно, получивъ столь грозное предписаніе духовнаго правления, смущился. Долго онъ не отвѣчалъ на это предписаніе и думалъ, повидимому, совсѣмъ отмолчаться; наконецъ, на третичный „наистражайшій открытый указъ“ отъ 5 августа 1805 г. онъ донесъ правлению, что „о показанной Башковскимъ иконѣ онъ допрашивалъ тамошній причтъ и почтеннѣйшихъ прихожанъ, отъ коихъ явилось слѣдующее: что прошло тому назадъ годовъ

сь 14 или и болѣе, какъ въ домѣ босовскаго жителя Ивана Хоменка въ воскресный день, во время пѣнія литургіи, на иконѣ Спасителя будто-бы какимъ-то чудовищмъ образомъ явились бѣлія смугы (полосы), съ которыхъ спадали капли даже на лаву (скамью), о чемъ увѣдомився бывшій тамошній священникъ и представившійся уже Алексѣй Тышевичъ, съ бывшимъ священникомъ с. Панскаго-Мосту Стефаномъ Бошковскимъ и босовскими прихожанами ону икону торжественно проводили въ церковь Босовскую. А какъ сіе произшествіе случилось во время бывшаго въ тотъ день въ Босовѣ ярмарка, то и народъ вдругъ началъ притекать въ Босовскую церковь, и нѣкоторіи изъ больныхъ получили исцѣленіе, о чемъ по представленію кѣмъ слѣдовало въ униатскую въ ту пору существующую консисторію было изъ оной изслѣдованіе, и поелику оная Консисторія вышепрописанную икону не признала за чудотворную и почитать ее таковою не почитаютъ". При этомъ благочинный Леоновичъ препроводилъ въ правленіе слѣдующій, относящейся къ этой иконѣ, актъ униатской комиссіи па польскомъ языкѣ. „1793 года, сентября 8 дня. По порученію превелебнаго Кирилла Сѣроцінскаго, пробоща Тетіевскаго, комиссія изъ Яна Кучоровскаго, доктора Голованевскаго, и ксенза Симеона Квятковскаго, пароха Соколовскаго, чинили инквизицію о проявившемся въ м. Босовѣ образѣ Іисуса, на которомъ появились капли, какъ бы слезы надавшіе на землю, который образъ нынѣ находится въ церкви Босовской, при лѣвой сторонѣ въ кіотѣ (въ олтаржику) Матери Божіей. По приводѣ къ присягѣ явившихся свидѣтелей узнали: еще около 1758 года икона эта находилась въ домѣ Ивана Бурмистра и была написана иначе: кромѣ лика Спасителя было на ней еще двѣ персоны Матери Божіей и св. Николая. Иногда, по показанію свидѣтелей, съ очей Спасителя такъ обильно текли слезы, что падали даже на лаву, что видѣли многіе въ домѣ Бурмистра. По смерти его, когда жена его Катерина обѣданѣла, около 1768 г. продала эту икону Павлу Сычу. А когда у Павла Сыча случился пожаръ и сгорѣла хата, то икона эта хотя осталась, но такъ была закурена и закопчена дымомъ, что едва

могло быть на ней разобрать лицъ Спасителя. Въ 1782 году маляръ Михаилъ Словачевскій въ м. Босовѣ дѣлалъ для Босовской церкви кіотъ (олтаржикъ) св. Варвары. Этотъ маляръ, по просьбѣ Павла Сыча, очистилъ только икону до старыхъ фарбъ (красокъ) и грунту безъ всякихъ другихъ измѣненій, оставивъ на ней только лицъ Спасителя, и въ такомъ видѣ возвратилъ ее опять Павлу Сычу, который образъ и освященіе былъ парохомъ Алексѣемъ Тышевичемъ. Наконецъ, въ 1793 году, 29 мая, въ недѣлю предъ Вознесеніемъ Господнимъ, въ домѣ Ивана Хоменка, въ которомъ жилъ (коморовалъ) тогда Павелъ Сычъ, утромъ икона была совсѣмъ сухая, какою видѣлъ ее одинъ изъ свидѣтелей, идучи въ церковь; передъ херувимской пѣсней съ глазъ Спасителя полились капли черезъ все лицо, столь обильныя, что падали на лаву и даже на землю. Когда обѣ этомъ сообщили въ церковь, гдѣ въ то время еще шло служение, то священники Босковскій и Тышевичъ и множество народа пошли къ хатѣ Ивана Хоменка и, взявши тотъ образъ при пѣніи догматика „Кто тебе не ублажитъ“ проводили его въ Босовскую церковь и поставили въ кіотѣ Божіей Матери, и кромѣ акафистовъ и молебновъ никакого набоженства при немъ не отправляли. Тымко Бурлака житель цыбулевскій, 30 лѣтъ, за присягой показалъ, что лѣтъ 10 страдалъ „злою хоробой“, а пришедши въ Босовку, въ хату Ивана Хоменка, тотчасъ выздоровѣлъ. Меланка, Нечипора Чекаленка, босовскаго жителя, жена, 48 лѣтъ, за присягой показала, что имѣла сына Феодора, лѣтъ 12 болѣвшаго на ноги. Сначала онъ на новые мѣсяцы страдалъ, а потомъ стоналъ и кричалъ и жаловался, что ему совсѣмъ ноги корчитъ. За приведеніемъ же его въ Босовкую церковь и отправленіемъ предъ тѣмъ образомъ Спасителя акафиста и водосвятія ея сынъ тотчасъ же выздоровѣлъ. Ярина, Гаврила Воровитаго, изъ с. Верхнячки, жена, 38 лѣтъ, за присягой показала, что болѣла на ноги 16 недѣль и такъ жила подъ колѣнами стянуло, что не могла ходить, а съ помощью мужа подпималась. Будучи же приведена въ Босовку, по отправленіи службы Божіей и акафиста предъ новоявленнымъ обращеніемъ

зомъ, выздоровѣла. Евфимія, Петра Гыды, изъ с. Верхнячки, жена 27 лѣтъ, за присагой донесла, что терпя болѣзнь (нудность) сердца, впала въ тяжкую хоробу, такъ что едва выносила мучительные пароксизмы; а привезенная въ церковь Босовскую, по отправлениі акаѳиста предъ тѣмъ образомъ Спасителя, тотчасъ выздоровѣла. Постановили: образовавшіеся на образѣ Спасителя, по поновленіи его маляремъ Михаиломъ Словачевскимъ съ закоптѣлаго, бѣлые слѣды отъ капель спадавшихъ до земли въ домѣ Ивана Хоменка отъ коровы или діадемы, а за тѣмъ отъ главы, считать натуральными и на кровавые (?) не похожими. А что касается „ласкъ“ (чудесъ) въ болѣзняхъ, то „Право Сар. З Сап. 33 д. 5“ признаетъ кобить (женщинъ) къ свидѣтельству не правоспособными, и только одинъ остается свидѣтель Тымко Бурлака; свидѣтельство же одного поп constat. И какъ владѣлецъ иконы Павло Сычъ подарилъ эту икону на вѣчность Босовской церкви, то онъ долженъ тотчасъ нанять маляра и задѣлать бѣлые смуги на иконѣ. А въ церкви поставить ее въ дальше при стѣнѣ, никакихъ служеній предъ нею не отправлять и за чудовную ее не считать“.

Нельзя не сказать, что постановленіе уніатской духовной комиссіи отличается благоразумною осторожностью. Быть можетъ, здѣсь имѣло мѣсто соображеніе, что данная икона «хлопская», появившаяся въ хатѣ мужика и обновленная православнымъ иконописцемъ,¹⁾ а вѣрнѣе то, что и уніатскіе дзеканы находились подъ давленіемъ правительственнаго распоряженія объ искорененіи суевѣрій; какъ бы то ни было, они предпочли поставить дѣло такъ, чтобы въ ихъ районѣ никакихъ чудесъ не было, и чтобы все обстояло благополучно. Но, несмотря на строгое запрещеніе уніатской духовной комиссіи, Босовская „чудовная икона“ продолжала привлекать къ себѣ многихъ богомольцевъ,

¹⁾ Родъ священника Словачевскаго, изъ котораго происходилъ вѣроятно и этотъ маляръ Мих. Словачевскій, славился въ прошломъ вѣкѣ въ Липовецкомъ уѣздѣ при господствѣ унії сильною приверженностью къ православію.

и ей предстояло еще предстать на судъ православнаго духовнаго начальства.

Неизвѣстно, задѣлывалъ-ли маляръ Михаилъ Словачевскій, по приказанію уніатской духовной комиссіи, „бѣлые смуги“ на чудотворной босовской иконѣ Спасителя, или нѣтъ, но эти смуги были на иконѣ и во время производства слѣдствія надъ священникомъ Башковскимъ по поводу его „суевѣрія“ Липовецкое духовное правленіе, сдѣлавъ строгій выговоръ босовской части благочинному Корнилю Леоновичу за то, что онъ, во первыхъ, такъ долго не отвѣчалъ на запросъ правленія объ иконѣ; во вторыхъ, „въ противность узаконеніямъ и инструкціи благочиннической, не доносилъ въ духовную команду о чинимыхъ въ м. Босовкѣ суевѣріяхъ и стеченіи народа, чего ему, яко вблизи Босовки, въ м. Охрѣмовой живущему, нельзя было не знать“, предписало ему немедленно „съѣхать на грунтъ въ м. Босовку“ и отереть „бѣлые смуги“ на иконѣ Спасителя, а также отвѣтить „по присяжной должности и христіанской совѣсти“: стекается-ли народъ къ этой иконѣ и когда? Отправляются-ли нарочитыя служенія предъ этой иконой и какія? На первый пунктъ правленскаго предписанія благочинный Леоновичъ, въ рапортѣ отъ 26 октября, 1805 года, отвѣтилъ: „Омовеніе опой иконы и отертіе нижеподпісаннаго благочиннымъ бывало неоднократно, то во исполненіе предписанія липовецкаго протоіерея г-на Топольскаго, то въ любопытство, что это заматерьяль, которымъ она облита но оный съ нея не стирается; ибо измывалъ икону чистою водою и истиралъ чистымъ платкомъ, да и неоднократно; но какъ жадно мѣрою ее водою измыть не можно, ибо по измовеніи окажется чистою, а когда высохнетъ опять станутъ бѣліи смуги, то и по сѣ поры они на иконѣ имѣются. Но сie (дѣжалось) безъ удивленія благочиннаго и безъ объявленія народу того за чудо, ибо онъ, благочинный, совершенно вѣдалъ и признаетъ, что таковы на оной иконѣ смуги учинены натуральнымъ способомъ, почему благочинный прихожанамъ и священнику во время чинимыхъ посвѣщеній оной церкви, въ числѣ прочихъ полушенныхъ (потрескавшихъ) иконъ, и оную, признанную однимъ кальвицкимъ священникомъ Стефаномъ Баш-

ковскимъ единственно для оправданія себя въ преступленіи за чудотворную, починить словесно предлагалъ, но за неимѣніемъ искуснаго живописца по съ поры не починены". Касательно же стеченія народа въ Босовскую церковь и отправленія служеній предъ чудотворной иконой Спасителя благочинный Леоновичъ уклончиво отвѣтилъ, что ему „по просьбѣ босовскаго священника Романа Тышевича, довелось служить въ Босовской церкви два раза: одинъ разъ въ воскресный день, но не во время ярмарку, на коемъ служеніи былъ г. Пряжевскій, бывшій липовецкимъ земскимъ исправникомъ, а другой разъ во время чинимаго имъ, священникомъ Тышевичемъ, за умершихъ обѣда; но въ тѣ времена благочиннымъ не усмотрѣно ни людей стороннихъ, ни молебствій какихъ нибудь предъ оной иконой отправляемыхъ".

Хотя въ этомъ своемъ отвѣтѣ благочинный Леоновичъ, по видимому, старается попасть въ тонъ липовецкаго духовнаго правленія и явно осуждаетъ священника Босовскаго, но правленіе не только не удовлетворилось отвѣтомъ благочиннаго, но даже заподозрило и его въ недобросовѣстности и въ стремлениі замаскировать и скрыть случившееся въ его округѣ „суевѣріе". По крайней мѣрѣ, помимо сообщеній благочиннаго Леоновича, правленіе предписало благочиннымъ—части Лукашевской Фалалею Крыжановскому и части оратовской Стефану Яремовскому „безъ всякаго продолженія времени, съѣхавъ на грунтъ въ м. Босонку, учинить обстоятельное, по самой справедливости и присяжной должности изслѣдованіе: 1-е, стекается ли народъ на поклоненіе славимой чудотворною иконѣ? Изъ какихъ мѣстъ, то есть изъ смежныхъ ли только селеній и мѣстечекъ, или изъ другихъ уѣздовъ и губерній? 2-е, таковое стеканіе народа когда именно бываетъ и сколько разъ въ годъ? И тѣ люди притекающіе какого суть исповѣданія: однаго ли православнаго, или и иновѣрнаго? 3-е, приходятъ ли для того жители с. Охрѣмовой? 4-е, бываетъ ли отправляемо во времена прихожденія народа богослуженіе и другія церемоніи и какія именно, и кѣмъ оныя отправляются? 5-е, ежели все сіе отправляется, то благочинный іерей Леоновичъ свѣдущъ ли о томъ, и что онъ

при посѣщеніи церкви по сему случаю дѣлалъ,—не чинилъ ли запрещеній тому? 6-е, въ какомъ разстояніи с. Охрѣмово отъ Босовки, и часто ли благочинный Леоновичъ бываетъ въ Босовкѣ?—и въ прочихъ обстоятельствахъ, сіе дѣло въ ясность привести могущихъ, наблюдая при томъ, чтобы ничего такового изъ виду не упустить, и чтобы при таковомъ изслѣдованіи показывали сущую правду, и таковое изслѣдованіе съ поминаемою иконою прислатъ съ нарочнымъ къ разсмотрѣнію въ сіе правленіе.“ Но и на такое грозное предписаніе правленія благочинные Ѳалалей Крыжановскій и Стефанъ Яремовскій, рапортомъ отъ 31 октября 1805 года, отвѣтили кратко и также довольно уклончиво: „Во исполненіе указовъ оного правленія, мы съѣхали въ м. Босовку и за присяго взяли показанія отъ тамошнихъ жителей объ иконѣ Спасителевої, славимой въ церквѣ Михайловской, при чемъ свидѣтели спрашиваны показали: 1-е, что стекается въ м. Босовку въ воскресные дни народъ наиболѣе на ярмарку и въ нѣкоторые праздники лѣтнею порою изъ смежныхъ селеній лицовецкаго и уманскаго уѣздовъ и Подольской губерніи; 2-е, стекается народъ только православнаго исповѣданія; 3-е, жители с. Охрѣмовой, какъ въ близкомъ разстояніи, частѣе бываютъ; 4-е, во время воскресныхъ и праздничныхъ дней богослуженіе бывало отправляемо въ церкви по чиноположенію предъ намѣстными и славимою иконою приходскими и пріѣзжими священниками; 5-е, благочинный Леоновичъ хотя и свѣдущъ о стеченіи народа, однако при посѣщеніяхъ церкви не чинилъ запрещеній. При семъ и славимую икону черезъ нарочаго въ лицовецкое духовное правленіе благопочтенѣйше препровождаемъ“ Очевидно, и этимъ рапортомъ стороннихъ благочинныхъ духовное правленіе не могло удовлетвориться и вызвало наконецъ въ свое присутствіе для допроса самого босовскаго настоятеля Романа Тышевича, который 1805 года, 22 ноября, „о находящейся въ босовской церквѣ иконѣ, объявленной за чудотворную, показалъ: что оная икона Спасителя, будучи прежде босовскаго жителя Павла Сыча, уже умершаго, собственная, стояла въ избѣ на приличномъ мѣстѣ, а отъ кого ему доста-

лась—неизвестно. И въ 1793 году, лѣтняго времени, когда увидѣли домашніе его, Сыча, на той иконѣ смугы, съ головы якобы текшіе, то, давъ о томъ знать прежде сосѣдамъ своимъ, а послѣ и ему, Тышевичу, объявили оную икону за чудотворную, какова мнѣнія и всѣ зрители были.¹⁾ По сему, за донесеніемъ о таковомъ признаніи бывшему униатскому дзекану Кириллу Сѣроцинскому, по повелѣнію онаго Сѣроцинскаго, взята оная икона, бывъ препровождена съ процессіею церковныхъ клиромъ въ Босовскую церковь, гдѣ она находилась, будучи поставлена на стѣнѣ, близъ памѣтной св. Николая иконы до сего времени. Какія-жъ затѣмъ послѣдствія были обѣ оной иконѣ, хотя онъ Тышевичъ совершенно помнить не можетъ, однако о всемъ томъ пространно объяснено въ декретѣ бывшаго униатскаго духовнаго начальства, который благочиннымъ іереемъ Леоновичемъ представленъ въ духовное правленіе, и оная икона есть та самая, которую протоіерей Топольскій велѣлъ отереть. Благочинный же іерей Леоновичъ съ священникомъ с. Попудней Феодосіемъ Вороновичемъ съѣздилъ для того предъ прибытіемъ слѣдователей (благочинныхъ Крыжановскаго и Яремовскаго) за нѣсколько недѣль, и въ то время оная икона съ прочими таковыми и цѣлыми иконостасомъ находилась на хорахъ церковныхъ, куда все то снесено лѣтняго сего года времени въ разсужденіи производимой церквѣ починки. Въ теченіи-жъ времени, по перенесеніи этой иконы въ церковь, люди нѣкоторые, а паче непросвѣщенные хотя почитали оную икону за чудотворную, однако нарочитыхъ какихъ либо моленій въ честь той иконы онъ, Тышевичъ, не отправлялъ, и отправлять таковыя ни отъ кого прошенъ не былъ, и сборовъ народа на поклоненіе той иконѣ нарочитыхъ никогда не бывало. Просимые же приходящими людьми разнаго званія во время ярмарковъ,—коихъ въ Босовкѣ черезъ годъ бываетъ не болѣе двадцати,—какъ молебны, такъ водосвященія и акафисты отправлялъ онъ, Тышевичъ, всегда среди церкви, а не передъ

¹⁾ Романъ Тышевичъ былъ въ то время при отцѣ своемъ Алексѣ Тышевичѣ пономаремъ въ м. Босовкѣ.

иконою какою-либо. Наконецъ, хотя нельзя, чтобы благочинный іерей Леоновичъ не слышалъ отъ людей о произношениі помянутой иконы чудотворною, однако никогда о томъ даже не спрашивалъ. Почему же м. Кальника священникъ Стефанъ Башковскій назвалъ ону икону прямо чудотворною и еще во множественномъ числѣ, онъ, Тышевичъ, не знаетъ, и больше въ Босовской церкви иконъ, коимъ бы осенливая святость хотя-бы отъ простолюдиновъ была причитаема, нѣтъ, а развѣ онъ, Башковскій, подражая непросвѣщеннымъ простолюдинамъ, сіе объявилъ“

Неизвѣстно, какое направленіе приняло бы далѣе это дѣло, но какъ разъ въ это время (въ концѣ ноября 1805 года) священникъ Стефанъ Башковскій умеръ, и духовному правленію уже не было интереса продолжать дѣло о его суевѣріи. Суевѣріе священника Башковскаго предано было суду Божію, а священникъ Романъ Тышевичъ, получивъ изъ духовнаго правленія чудовную икону Спасителя, благополучно возвратился съ нею въ свой приходъ и недѣли черезъ двѣ послѣ этого также отошелъ въ вѣчность.

Грустное впечатлѣніе производить на читателя это дѣло, начатое по личнымъ счетамъ и веденное съ удивительной изворотливостью. Съ одной стороны, благочинный Леоновичъ и сторонніе благочинные, какъ только дойдетъ дѣло до почитанія народа босовской иконы, стараются скрыть, затушевать дѣйствительность отъ грознаго начальственнаго взора своей „духовной команды“, а босовскій настоятель Тышевичъ, въ угоду, конечно, этой командѣ, прямо показалъ въ присутствіи духовнаго правленія, „что нарочитыхъ моленій въ честь той иконы онъ, Тышевичъ, не отправлялъ, и отправлять таковыя ни отъ кого прошенъ не былъ, и сборовъ народа на поклоненіе той иконѣ нарочитыхъ никогда не бывало“.. и что „только священникъ Башковскій, подражая непросвѣщеннымъ простолюдинамъ сіе объявилъ“. Съ другой стороны, духовное правлениe усердно, хотя и тщетно, старается узнать „сущую правду“ о чтимой иконѣ, чтобы нагляднѣе доказать суевѣріе священника Башковскаго и покрывательство благочиннаго Леоновича. Но такъ это было только на бу-

магъ, въ перепискѣ по „духовной командѣ“; дѣйствительность же текла своимъ особымъ русломъ. Уже и въ самомъ „дѣлѣ“ проскальзываютъ ясныя указанія, что эта плачущая икона Спасителя привлекала къ себѣ большое стеченіе народа, и ею интересовались очень многіе, не изъ однихъ только „непросвѣщенныхъ простолюдиновъ“. Такъ, кромѣ униатской комиссіи, пятигорское духовное правленіе свидѣтельствовало эту икону и велѣло поставить ее въ церкви на прежнемъ мѣстѣ. Благочинный Леоповичъ, какъ самъ сознается, неоднократно старался обмыть „бѣлые смугы“ на ней „въ любопытство“, какъ онъ выражается, „но безъ удивленія и безъ объявленія народу то за чудо“. Наконецъ, самъ протоіерей Топольскій имѣлъ непосредственный свѣдѣнія объ этой иконѣ, ибо еще въ 1799 году, какъ напоминаетъ ему въ своемъ объясненіи благочинный Леоповичъ, онъ, протоіерей, проѣзжая черезъ Босовку, „ревизовалъ опную церковь, и распрашиваясь объ иконѣ тамошнихъ прихожанъ, самъ отиралъ ее перстомъ своимъ, омоченнымъ водою, при чемъ были и засвидѣтельствуютъ босовскіи прихожане“. Безъ сомнѣнія, протоіерей зналъ и о многолюдномъ стеченіи богомольцевъ на поклоненіе этой иконѣ, и о томъ благоговѣніи, какимъ она пользовалась, и даже онъ самъ, конечно, изъ уваженія къ чудотворной иконѣ босовской, не разъ совершалъ богослуженіе въ босовской церкви, хотя Босовка отъ Липовца находится въ 80 верстахъ. Босовскіе же прихожане всѣ показывали слѣдователямъ, что стеченія народа къ чудотворной босовской иконѣ бывали круглый годъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, особенно въ праздники Рождества Иоанна Предтечи и Петра и Павла.¹⁾ Что эти стеченія народа были очень многолюдны, видно уже изъ того, что при босовской церкви, кромѣ постоянного причта, всегда проживали и безмѣстные священники. Такъ, въ дѣлѣ о молдавскихъ рукоположенцахъ за 1797 годъ, одинъ изъ нихъ,

¹⁾ Замѣчательно, что и сторонніе благочинные въ донесеніи духовному правленію старались замаскировать причину стеченія въ Босовку народа и писали, что народъ собирается только на ярмарку.

Даниилъ Левицкій, показанъ состоящимъ при „чудовной иконѣ „босовской“; и по свидѣтельству босовскихъ прихожанъ, служеніе въ ихъ церкви совершалось не только приходскими, но и пріѣзжими священниками. Очевидно, стеченіе народа въ босовскую церковь было очень большое не только изъ ближайшихъ, но и изъ отдаленныхъ мѣсть. Плачущая икона Спасителя привлекала къ себѣ многихъ поклонниковъ.

О чёмъ же плакала эта икона? Отчего на ней слѣды слезъ такъ прочно держались, что ни время, ни нарочитыя обмыванія не могли ихъ уничтожить? Тайна этихъ слезъ босовской святыни не замедлила открыться тою безпрѣмѣрною участыю, какая постигла м. Босовку въ 1842 году. Польскій мятежъ 1831 года былъ для м. Босовки роковымъ. По усмиреніи мятежа, Босовка была конфискована и отдана въ распоряженіе военнаго вѣдомства, для устройства военнаго поселенія. За сопротивленіе же, оказанное военнымъ властямъ при заведеніи военныхъ поселеній, мѣстечко Босовка въ 1842 году обречена была на совершенное уничтоженіе съ лица земли. Всѣ евреи этого мѣстечка переселены были частію въ м. Сарны, частію въ м. Соколовку. Всѣ крестьяне переселены были въ м. Соколовку. Церковь босовская была разобрана, все ея имущество тоже отдано было въ соколовскую церковь, и потому мѣсту, гдѣ было цвѣтущее мѣстечко, знаменитое своими ярмарками и своею святынею, прошелъ плугъ земледѣльца... Только въ 1860-хъ годахъ аборигенамъ м. Босовки позволено было вернуться на свое старое пепелище. Они образовали уже не мѣстечко, а скромную деревню—Босовку, устроили въ ней церковь, приписанную къ с. Угловатой, и только года три тому назадъ въ Босовкѣ открыть самостоятельный приходъ. А бывшая святыня босовской церкви—плачущая икона Спасителя—вмѣстѣ съ другимъ церковнымъ имуществомъ на всегда осталась въ церкви м. Соколовки, гдѣ она находится и по сіе времена. Но на новомъ мѣстѣ она уже утратила свое прежнее обаяніе, и къ ней давно уже заросла народная тропа...

Протоіерей В. Липковскій.

Письма профессора Университета св. Владимира протоиерея Назария Антоновича Фаворова къ протоиерей Петру Гавриловичу Лебедянцеву.

(Окончание¹⁾).

12.

Вчера, то есть 3 мая, получилъ я отъ Васъ третье послѣ Пасхи письмо; стало быть Вы перегнали меня однимъ письмомъ. Но тѣмъ не менѣе я считаю за Вами небольшой должокъ: до сихъ поръ Вы ни однимъ словомъ не отвѣтили мнѣ на двѣ просьбы, изложенныя въ первомъ письмѣ моемъ къ Вамъ. Позвольте напомнить, по крайней мѣрѣ, обѣ одной изъ нихъ, именно по дѣлу князя Ширинскаго. Потрудитесь пожалуйста сказать слова два по этому предмету, чтобы я зналъ, что отвѣтить князю, въ случаѣ, если бы онъ снова написалъ мнѣ что-нибудь по тому же дѣлу своему. Судя по числу засѣданій комитета, можно думать, что Вы рѣшились покончить дѣло къ юнію. Дай Богъ! Только не вѣрится какъ-то въ подобный успѣхъ: слишкомъ недалеко еще уѣхали Вы отъ начала, а, вѣрноѣ сказать, почти еще и не подвиивались съ мѣста, хотя, конечно, начинается уже

¹⁾ См. Кіев. Ст., № 11.

и пришпоривание. Не ожидалъ я вмѣшательства смыше, хотя дѣло, по которому вмѣшиваются, весьма неважно, и я, съ своей стороны, какъ прежде не стоялъ, такъ и теперь не вижу побужденія стоять за него,—тѣмъ не меныше чувствовать давленіе совѣтъ непріятно. Кто этотъ одинъ на котораго особенно... ...Думаю, что Вы употребили третье лицо вмѣсто первого. Но-кто бы ни былъ это, во всякомъ случаѣ особенно непріятно слышать именно о гнѣвѣ на одного, ибо это значитъ дѣйствовать въ разбивку. Впрочемъ, никакихъ дальниѣшихъ слѣдствій, по всей вѣроятности, не будетъ изъ этого: разумѣю слѣдствія въ сферѣ комитетской дѣятельности, а о другихъ и думать не хочу.

Я прошлую недѣлю почти всю провелъ въ экзаменахъ, съ викаріемъ и безъ онаго. Безъ непріятностей, по обыкновенію, не обошлось, но писать обѣихъ не хочется, хотя кое-что изъ нашихъ соотношеній (не приберу другого термина) сдѣлалось предметомъ городской молвы. Въ Институтѣ петербургскій ревизоръ, тайный совѣтникъ Колесовъ. Что выйдетъ изъ этой ревизіи, угадать еще трудно. Начальница—довольно странное лицо. Говорятъ, она умна и очень хорошо образована; но дѣйствуетъ совершенно без tactно. Изъ Института разбѣгаются. Можетъ быть, со временемъ все поуляжется. Перваго мая былъ пирогъ у ключаря, отъ котораго (т. е. пирога, а не ключаря) и я вкушалъ. Погода была не великолѣпная. И вообще весна у насъ не роскошная; чѣсколько дней уже стоять порядочные холода съ дождями. Вчера въ особенности много дождя выпало. Воображаю, что у васъ тамъ дѣлается. Кончайте пожалуйста все, чтобы осенью не пришлось, по крайней мѣрѣ, отказываться отъ новой прогулки въ Петеръ. Холера у васъ, кажется, затихла, а осна не появлялась. Послѣдней боятся и у насъ. Прививаніе въ ходу. И моимъ дѣтямъ привита осна недавно. Но мнѣ кажется, больше бояться нужно холеры. Дай Богъ чтобы не было ни того, ни другого. Ист.-фил. факультетъ проголосовалъ представление въ совѣтъ о юбилѣѣ М. А.;¹⁾ но прошлый разъ совѣтъ не со-

¹⁾ М. А. Максимовичъ.

стоялся; авось состоится на нынѣшней недѣлѣ. Что посіѣдуется, увѣдомлю. Даніилу Гавrilовичу усердно челомъ бытъ.

Истинно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

4 мая 1871 года.

13.

Любезный другъ Петръ Гавrilовичъ!

Письмо Ваше я получилъ 25 сентября. Въ него вложено было письмо Ваше къ сестрѣ, которое я долженъ былъ передать тотчасъ же, но, по непростительной забывчивости, до настоящаго часа не передалъ. Поэтому прежде всего умоляю Васъ извинить меня за такую разсѣянность. Впередъ надѣюсь быть совершенно исправнымъ, если буду имѣть какія-бы то ни было порученія отъ Васъ. Между тѣмъ сейчасъ же отправляю письмо по назначенію и съ откровеннымъ объясненіемъ въ своей оплошности. Засѣданія комитета, безъ сомнѣнія, уже начались и, я надѣюсь, Вы не оставите меня безъ извѣстій объ ихъ ходѣ. Какъ видно, въ мнѣніяхъ своихъ не очень тверды и постоянны многіе изъ членовъ комитета. Да это и понятно. Вѣдь правду сказать, едва ли кто изъ васъ говорилъ и говоритъ со всею искренностью и по одному сознанію того, что и какъ лучше бы сдѣлать. Нѣкоторые, я полагаю, имѣютъ опредѣленный взглядъ на дѣло, но не выговариваютъ всего, что думаютъ. Другіе переходятъ отъ одного мнѣнія къ другому, повидимому, въ силу большаго и большаго уясненія себѣ предмета, а на самомъ дѣлѣ, просто, по неизвѣнію опредѣленного взгляда на цѣлое дѣло. Иные, наконецъ, привязанность къ рутинѣ считаютъ за убѣжденіе и ратуютъ не за то, что дѣйствительно сознаютъ вѣрнымъ и правымъ, а за то, къ чему привыкли. Что-жъ изъ этого выйдетъ? Право, я прихожу къ мысли, какъ-бы не вышло что нибудь похуже прежняго. Починивать старое вообще не совсѣмъ безопасная работа; а комитету приходится заняться именно такою работою. Компро-

миссы являются какою-то неизбѣжностью; а изъ нихъ рѣдко когда выходитъ что-нибудь доброе, и то развѣ на время. Извините меня за такой скептицизмъ, если, впрочемъ, Вы сами не раздѣляете его въ душѣ. За всѣмъ тѣмъ, однако-же, повторяю мою просьбу извѣшать мнѣ по прежнему обо всемъ, что у Васъ дѣлается и будетъ дѣлаться. Вызовъ преосвященнаго Димитрія меня радуетъ: дай Богъ ему каѳедру московскую. Что бы ни говорили, а эта личность едва ли не наиболѣе свѣтлая въ нашей духовной сферѣ. Увижуся ли я съ нимъ въ Кіевѣ, не знаю; но во всякомъ случаѣ спутникомъ его въ столицу, по всей вѣроятности, не буду. Это, впрочемъ, еще далеко впереди. Завтра, т. е. 29 сентября, у насъ будетъ освященіе церкви въ Галагановской коллегіи; освящать будетъ митрополитъ; участвовать буду, между прочими, и я. Открытие Коллегіи будетъ 1 октября, о чёмъ, впрочемъ, Вы вѣроятно узнаете раньше прочтенія этого письма изъ газетъ. Коллегія отдѣлана очень хорошо, я осматривалъ ее. Особенно мнѣ понравилась библіотека, не по содержанію ея, кото-раго я не знаю, а по отдѣлкѣ и размѣщенію шкаповъ и другихъ принадлежностей. Да и вообще все паружное въ заведеніи очень хорошо: свѣтло, чисто, комортабельно и отчасти даже роскошно. Дай Богъ, что-бы внутреннее оказалось соотвѣтственно хорошимъ. Мой усерднѣйший поклонъ Даніилу Гавриловичу. Поездка за границу, очевидно, принесла ему пользу и—слава Богу. Надѣюсь, что съ уменьшеніемъ его по объему, онъ не сократится въ добрыхъ чувствахъ и расположениіи къ старымъ товарищамъ и, между другими, ко мнѣ. Я весьма радъ бы снова увидѣться съ нимъ и пожить вмѣстѣ; но будетъ ли это, Богъ вѣсть. Кто-то недавно спрашивалъ меня, кто теперь профессоромъ богословія въ С.-Петербургскомъ университѣтѣ. Я и самъ желалъ бы знать объ этомъ. Не забудьте сообщить, когда будете писать. Будьте здоровы и во всемъ благоуспѣши.

Искренно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

28 сент. 1871 года.

14.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ.

Прочитавши письмо Ваше отъ 30 сентября, я задалъ себѣ вопросъ: кончить ли когда-нибудь комитетъ нашъ свою работу? Одно только представляется основаніе для положительного отвѣта на этотъ вопросъ, именно, что все на свѣтѣ имѣеть свой конецъ, слѣдовательно и проч. Но при этомъ остается еще недоумѣніе, въ чёмъ будетъ состоять окончаніе нашего дѣла. Можетъ быть, мы, не наполнивши бочки Данайдъ, закупоримъ ее, какъ наполненную, и сдадимъ съ рукъ. Я думаю, что такъ случится. Да, въ нашей бочкѣ дырки со всѣхъ сторонъ. Вотъ кажется, налили по меньшей мѣрѣ до половины или даже чуть не до верха, но на другой день хватъ—въ бочкѣ ни капли: все вытекло. Такова неизбѣжная участъ всего, что дѣлается безъ твердыхъ основныхъ началъ. Въ „Голосѣ“ полагаютъ, что если-бы въ комитетъ пригласили такихъ профессоровъ, какъ Сергіевскій и Горчаковъ, то „музыка пошла-бъ не та“. Можетъ быть не та, да только едва ли для ушей было бы легче. Не лица виноваты, и не дѣло само по себѣ трудно: обстоятельства—вотъ самое главное, какъ объясняла старая барыня, вышедшая за лакея замужъ, приговаривая: обстоятельства всего сильнѣе на свѣтѣ. Какъ бы не случилось и съ нашимъ дѣломъ того же, что со старою барынею. Кромѣ шутокъ, я не предвижу сколько нибудь счастливаго исхода комитетскихъ работъ. Приходится утѣшаться однимъ русскимъ „авось“. Пока имъ и буду утѣшаться: авось будетъ лучше! О преосвященномъ Димитріи я никому ничего не говорилъ, и, оказалось, хорошо сдѣлалъ. Изъ сего можно видѣть, между прочимъ, что мнѣ довольно безопасно передавать слухи, хотя бы они были и не совсѣмъ вѣрны. Кто же будетъ профессоромъ богословія въ С.-П. университетѣ? Горчаковъ требуетъ доктора для богословской каѳедры, вѣроятно потому, что онъ самъ сдѣлается докторомъ. Предложеніе его, само по себѣ, резонно, но въ его устахъ оно показалось мнѣ какъ-то недели-

катно. Назначеніе о. Александра въ Ташкентѣ снимаетъ титулъ ташкентскаго съ о. Филарета, которому я уже передалъ Вашъ поклонъ. Въ нашей Академіи недавно, именно 3 числа, былъ актъ. Рѣчь читалъ Вороновъ. Кажется, дѣльная; только ораторъ спѣшилъ и говорилъ тихо: многаго—нельзя было разслышать. Отчетъ читалъ Терновскій. Послѣ длинной рѣчи—длинный отчетъ и, какъ всѣ отчеты, сухой, оказался публикѣ не подъ силу: по-просили окончить поскорѣе. Публики было немного. Вообще, какъ-то шло все довольно вяло. Веселѣе стало за завтракомъ у о. Филарета, гдѣ какъ будто больше явилось и публики. Въ числѣ публики былъ и М. П. Погодинъ. Онъ и теперь здѣсь и самъ недавно, именно 4-го числа, собиралъ около себя публику. Въ залѣ первой гимназіи, отъ 7-ми до 10-ти, вечера собравшіеся по приглашенію слушали его драму: „Петръ Великій“, написанную имъ, по его собственному заявленію, сорокъ лѣтъ назадъ, читанную нѣкогда Пушкину и Жуковскому и благословленную ими, но цензурою не допущенную въ свѣтъ. Драма умная (я также былъ въ числѣ приглашенныхъ): въ этомъ ея достоинство, но въ томъ же, можетъ быть, и ея недостатокъ. Во всякомъ случаѣ—вещь довольно замѣчательная. Но—довольно. Глубокій поклонъ Даніилу Гавриловичу. Прошу кланяться и Василію Аѳанасіевичу.

Искренно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

6 октября 1871 года.

15.

Любезный другъ, Петръ Гавриловичъ!

Послѣднее письмо Ваше я получилъ въ то самое время, какъ отправилъ свое письмо къ Вамъ. Я хотѣлъ было возвратить посланнаго ~~на~~ почту, чтобы пополнить написанное, сообразно съ содержаніемъ Вашего письма, но такъ-какъ ничего существеннаго не могъ прибавить къ тому, что говорилось въ отправленномъ письмѣ, то и не сдѣлалъ этого. И теперь я не имѣю

сказать ничего нового относительно извѣстнаго предмета. Вѣроятно, такъ уже суждено, чтобы мнѣ остататься за штатомъ комитета. Все сложилось у меня противъ поѣздки въ Петербургъ: и занятія по должности, и состояніе моего здоровья, и домашнія обстоятельства. Думаю, что теперь, моя поѣзда была-бы лишнею, если бы для меня и открылась возможностьѣхать. И такъ, я посижу дома, а Вы пожалуйста не оставляйте меня безъ свѣдѣній о комитетскихъ новостяхъ. Кланяется Вамъ Николай Дмитріевичъ и поручаетъ мнѣ попросить Васъ о маленькомъ одолженіи для него. Имъ подано еще отъ 15 іюля текущаго года прошеніе въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія о высылкѣ ему въ аттестата о службѣ, такъ какъ аттестатъ быть украденъ у него вмѣстѣ съ другими вещами; но до сихъ поръ прошеніе его остается безъ удовлетворенія. Нельзя ли какъ нибудь, хоть черезъ А. Е. Ильинскаго, разузнать, отъ чего это происходитъ, и вмѣстѣ напомнить о высылкѣ аттестата. Хотя дѣло это, говорить Н. Д., не срочное, но все-таки нужное, въ особенности потому, что пожалуй безъ аттестата не захотятъ съ новаго года выдавать пенсіи. Въ Кіевѣ новаго ничего, кажется, нѣтъ. Государь Императоръ былъ у насъ 25-го на самое короткое время. Государыню ожидають въ ноябрѣ.

Кто-то напечаталъ въ газетахъ, что въ Кіевской Академіи готовится цѣлый рядъ диспутовъ на докторскую степень и что докторанты, изъ уваженія къ своему ректору, представляютъ ему первому, хотя это и противъ очереди, защищать докторскую свою диссертацио. Не знаю, сколько явится докторантовъ здѣсь впослѣдствіи, а теперь есть пока одинъ Скворцовъ. Что-же касается до уважительного предоставленія ректору защищать первому свою диссертацио, то ужъ не злая ли это выдумка? По крайней мѣрѣ, для него самого это оказалось та-кою же новостію, какъ и для другихъ. Усердный поклонъ Даниилу Гавриловичу. Всего лучшаго желаю Вамъ.

Преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

28 октября 1871 года.

16.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Сегодня я отправилъ письмо къ Вамъ, сегодня же пишу и другое, чтобы отправить его завтра. Дѣло въ томъ, что мнѣ представляется не невозможнымъ побывать и въ Петербургѣ, если еще не совсѣмъ ушло время пополнить моимъ голосомъ мнѣніе правой, по моему мнѣнію, стороны и если дѣйствительно къ Рождеству можетъ окончиться ~~всесоюзитетское~~ дѣло. Объ этомъ я и сиѣшь заявить Вамъ: Не могу сказать рѣшительно, что непремѣнно пріѣду въ половинѣ ноября, но условно обѣщаю сдѣлать это. Здоровье мое дѣйствительно, а не въ шутку, какъ можетъ представляться Вамъ, скверно; кромѣ того, много обстоятельствъ, которыхъ, при всей моей откровенности съ Вами, я не въ состояніи сообщить Вамъ, мѣшаютъ мнѣ распоряжаться собою свободно. Итакъ, если подобныя препятствія—не то что исчезнутъ, но, по крайней мѣрѣ, не будутъ очень сильны, я могу около 15-го ноября сняться съ якоря и поплыть къ порту. Впрочемъ, я не замедлю еще писать къ Вамъ до того времени. Надѣюсь и отъ Васъ получить извѣстіе, которое можетъ или побудить меня къ рѣшимости, или отклонить отъ неї. Отчего это письмо Ваше, помѣченное 23 октября, получено мною только 29-го? Не па долгихъ же оно тянулось отъ Питера до Киева. Или Вы, написавъ, даете время просохнуть и высвѣжиться написанному, пока не отправите на почту? Заключая письмо Ваше, Вы сказали съ вопросительнымъ знакомъ: *до свиданія*. Я желалъ бы окончить мое письмо тѣмъ же словомъ безъ вопросительного знака, но боюсь, чтобы другой кто или другое что не поставили этого знака. Во всякомъ случаѣ, въ Петербургѣ-ли, въ Киевѣ-ли, желаю видѣть Васъ въ совершенномъ здоровыи, въ мирѣ, благодушіи и радости. Какъ поживаетъ Даніилъ Гавриловичъ? На долго ли помогли ему заграницныя воды? Обычный

мой дружеский поклонъ ему, съ желаніемъ всякаго добра. Прошу покорно кланяться и В. Аѳанасьевичу.

Душевно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

29 окт. 1871 года.

17.

Что мнѣ отвѣтить Вамъ, мой добный другъ Петръ Гавриловичъ! Мнѣ такъ тяжело, что и выразить это трудно. Щхать нужно, Вы говорите; а я едва могу двигаться отъ тоски и горы¹⁾. Какъ желалось бы мнѣ теперь лично поговорить съ Вами? Но въ состояніи ли я буду щхать въ Петербургъ, не знаю. Не знаю также, что отвѣтить Василію Аѳанасьевичу. Благодарю Васъ отъ всего сердца за ваше сочувствіе и прошу не оставлять меня дружескими совѣтами и помоцію въ моемъ несчастномъ положеніи. Прежде я хоть по временамъ забывался и способенъ былъ интересоваться другимъ, а теперь одно чувство давить и душить меня. Ничто нейдетъ въ голову. Боже мой! дрожится ли когда нибудь жизнь моя! Не видя никакого средства поворотить обстоятельства къ лучшему я принужденъ предоставить все ходу самого дѣла. Если найду въ себѣ силы щхать, то поѣду въ половинѣ мѣсяца, а если нѣтъ, то уведомлю Васъ. Прощайте пока, любезный другъ мой. И голова и руки плохо служатъ. Даніилу Гавrilовичу мой искренній поклонъ. Отъ него, конечно, не скроется мое горе, и я падаюсь, что и онъ сочувствуетъ несчастію своего старого товарища. Будьте здоровы, и не дай Богъ Вамъ испытать и похожаго чего нибудь на мое горе.

Всею душою преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

9 ноября 1871 года.

¹⁾ Горе это—чисто семейного характера, почему эти строки мы опускаемъ.

18.

Съ новымъ годомъ,

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Дай Богъ, чтобы хорошее старое продолжалось для Васъ и въ новомъ году, а все новое въ немъ было не только не хуже, но и лучше старого. Къ числу благожеланій моихъ Вамъ позвольте пріобщить и то, чтобы комитетъ нашъ разрѣшился, наконецъ, отъ своего бремени и чтобы плодъ его не оказался ни мертво-рожденнымъ, ни какимъ нибудь калѣкою отъ чрева материаго. За исключениемъ этого послѣдняго благожеланія, всѣ другія обращаю также и въ такой же мѣрѣ къ Даніилу Гавриловичу, какъ и къ Вамъ самимъ. Я возвратился домой въ день Вашихъ имянинъ, которыя, надѣюсь, Вы провели и отпраздновали такъ-же хорошо, какъ отпразднованы были имянини Даніила Гавриловича. Соборъ вашъ не освященъ. Преосвященный викарій не захотѣлъ освящать по неполноти иконостаса, т. е. за недостаткомъ извѣстныхъ иконъ. Кажется, это—одинъ предлогъ, подъ которымъ ему можно было служить въ праздникъ у себя въ теплой домовой церкви. О дѣлахъ комитетскихъ не переставайте сообщать мнѣ, прошу Васъ, все, что сколько нибудь серьезно. Касательно письма москвичей, по которому Вы ложемъ хотѣли положить (кого или что, не припомню), я еще не собралъ свѣдѣній. Да пусть ихъ пишутъ, что хотятъ; лишь дѣло бы шло своимъ законнымъ порядкомъ. Поклонитесь, пожалуйста, отъ меня Василію Аeanасьевичу. Затѣмъ, желая Вамъ, купно съ Даніиломъ Гавриловичемъ, благоденственнаго и мирнаго житія, во всемъ благопоспѣшенія, на враги же побѣды и одолѣнія, прошу не забывать

душевно преданного Вамъ Н. Фаворова.

29 декабря 1871 года.

19.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Радуюсь, что комитетъ нашъ vivit. А я проболѣлъ около трехъ недѣль, и хотя въ постели не лежалъ, но не могъ выходить изъ своего кабинета до 6 февраля. И теперь еще не вполнѣ valeo. Вѣроятно морозы наши, продержавшіеся съ конца генваря до настоящаго времени, имѣли на меня неблагопріятное вліяніе. У Васъ, по крайней мѣрѣ въ комитетѣ, вѣроятно не холодно, а по обыкновенію жарко. Чья статья помѣщена была въ Голосѣ (№ 29) о проектахъ комитета? Писалъ, очевидно, звяющій дѣло и писалъ въ пользу нашей секціи. Можно думать, что она принадлежитъ кому нибудь изъ нашихъ, или составлена по свѣдѣніямъ изъ первыхъ рукъ. Но „Голосъ“ подвергся карѣ: какъ-бы не послѣдовало, откуда слѣдуетъ или не слѣдуетъ, предостереженій и нашему большинству! Что сказать Вамъ о Киевѣ? 6 февр. у насъ были три торжества разнородныя: освящали теплый соборъ, открывали памятникъ Бобрицкому и служили въ университетской церкви панихиду по Милютинѣ. Я былъ только на послѣдней, т. е. я служилъ ее, вышедши въ первый разъ изъ своего заточенія. Другихъ торжествъ не видѣлъ, потому что долженъ былъ скорѣе возвратиться домой. Свѣдѣнія о нихъ вы, безъ сомнѣнія, имѣете изъ другихъ писемъ и газетъ. Теперь у насъ продолжаются еще контракты, отсроченные до 20 февраля. Говорятъ, даютъ концерты, маскарады и т. д. Значить, кое-кто веселится. Собираются дать обѣдъ генералу губернатору; вчера приносили ко мнѣ листъ для подписки, но не застали меня дома; принесутъ ли въ другой разъ, не знаю; не буду жалѣть, если и не придется вынуть изъ кармана рублей 12 или 14, тѣмъ больше, что въ карманы теперь простираютъ руки безпрерывно то съ той, то съ другой благодѣющей или признательнолюбивой стороны. Чтобы исполнить Ваше порученіе по предмету сборовъ острожскаго братства, надобно повидаться съ Галаганомъ и Ригельманомъ. Съ первымъ я недавно

видѣлся, а о второмъ не знаю, въ Киевѣ ли онъ. Постараюсь побывать у нихъ, когда окрѣпну побольше. Вчера былъ, послѣ долгаго небыванія, у Н. Д. Иванишева. Онъ просилъ кланяться Вамъ. Аттестата своего не получилъ онъ доселѣ. Что бы это значило? Не освѣдомитесь ли еще разъ? Прошу передать мой обычный дружескій поклонъ добруму Даніилу Гавриловичу. Какъ мнѣ ни тяжело бывало юзить въ Петербургъ, но о пребываніи тамъ въ дружеской средѣ нашей я всегда вспоминаю съ особеннымъ удовольствіемъ. Будьте здоровы и во всемъ благополучны.

Истинно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

14 февр. 1872 года.

20.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Я такъ замолчался, что даже не помню, когда въ послѣдній разъ писалъ къ Вамъ. Извините. На это были причины, о которыхъ теперь говорить не время и не кстати. Обстоятельства, кажется, поворачиваются къ лучшему, и во мнѣ воскресаетъ участіе къ тому, что совсѣмъ перестало было интересовать меня. Благоволите сообщать мнѣ по прежнему о движеніи комитетскаго дѣла, если оно не перестало еще двигаться. А, можетъ быть, Вы уже уѣхали? Тыль любопытнѣе знать, чѣмъ все разрѣшилось. Какой это „разумѣйшій изъ членовъ“ С. сказалъ, что двойни комитета пригодятся? Значитъ, все къ лучшему. Такой оптимизмъ въ людяхъ, qui sedent in puppi et lavem tenent, сколько неожиданъ, столько же и успокоителенъ; по крайней мѣрѣ, онъ лучше московскаго пессимизма. Статьи о духовно-судебной реформѣ въ „Православномъ Обозрѣніи“ я не читалъ доселѣ, а писать что-нибудь для печати не только по этому, но и по какому бы то ни было предмету, въ настоящее время для меня вещь невозможная. У насъ въ Киевѣ къ числу наиболѣе интересныхъ новостей принадлежать, конечно, академическая защита доктор-

скихъ диссертаций. Одна таковая уже была, другая предстоитъ въ близкомъ будущемъ. На послѣдней надѣюсь быть; на первой я не былъ и, кажется, къ лучшему. Не обошлось безъ кое-какихъ скандалъ. Непріятнѣе всего, что и въ небольшой академической семье существуютъ не маленькия интриги. Кажется, и о. Филаретъ готовится къ подвигу докторства, но не говорить объ этомъ ни слова. Да я, впрочемъ, и не распрашивалъ его объ этихъ вещахъ. Видѣлся недавно съ Н. Дмитріевичемъ и передаю Вамъ поклонъ его; а объ его аттестатѣ не будете ли имѣть случая напомнить снова? Любезнѣйшему Даниилу Гавриловичу, при дружескомъ поклонѣ, всевозможныя благожеланія, прежде же иначе всего желаніе здоровья. А Вамъ самимъ—здравія, долголѣтія, во всемъ благопоспѣшнія, на враги же побѣды и одолѣнія.

Истинно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

16 марта 1872 года.

21.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Письмо Ваше отъ 30 марта я получилъ 4 апрѣля; а сегодня, т. е. 8 апр., получилъ и пакетъ съ „проектомъ девяти“. Кажется, дѣло подходитъ къ концу. Развѣ исторія съ объяснительными записками затянется его? За апологією Лаврова я еще не посыпалъ, потому что опять проболѣлъ сраду двѣ недѣли и завтра только, если Богъ дастъ, выгляну на свѣтъ Божій послѣ 14-дневнаго заключенія своего въ кабинетѣ. То, что Вы разсказываете о маневрахъ Лаврова, мнѣ вполнѣ понятно. Можно уважать чужія убѣжденія, самыя противныя нашимъ собственнымъ, но едва ли по убѣжденію только дѣйствуетъ тотъ, кто хитритъ и лицемѣритъ для проведенія своихъ мыслей. Но Богъ съ ними—съ подобными мужами науки. Можетъ быть, дѣло сдѣлается не такъ, какъ хочется тому или другому, въ виду

любимыхъ идеаловъ, а какъ слѣдуетъ ему сдѣлаться, въ силу закона усовершимости. По крайней мѣрѣ, у меня есть такая надежда. Проектъ нашъ я прочиталъ тотчасъ же по полученіи его и тотчасъ же его и подписалъ. Измѣненій въ немъ противъ прежняго я не замѣтилъ, кромѣ исключенія изъ вѣдѣнія духовныхъ судей такого рода дѣлъ, за которыхъ виновные подвергаются наказанію со внесенiemъ этого въ послужной списокъ. Но какимъ образомъ изъ проекта восьми онъ сдѣлался проектомъ девяти? Кто присоединился къ нашему толку? Кажется, вы не писали мнѣ ничего объ этомъ. Девять—число знаменательное: можетъ быть, оно значитъ что нибудь и въ нашемъ дѣлѣ. Возвращеніе проекта по необходимости отлагаю до 10-го числа, т. е. до страстного понедѣльника. У насъ въ Киевѣ ничего новаго, кажется, нѣтъ. Погода въ послѣднихъ числахъ марта стояла великолѣпная. Н. Дмитревичъ получилъ, наконецъ, свой аттестатъ и просилъ меня ~~благодарить~~ Васъ за содѣйствіе высылкѣ его, т. е. аттестата. Возвращайтесь поскорѣе въ Киевъ. Если засѣданія комитета продолжатся еще нѣсколько недѣль послѣ Пасхи, то вы дѣйствительно приготовите проектъ какъ разъ къ политехнической выставкѣ московской. Тамъ онъ могъ бы привлечь къ себѣ вниманіе очень многихъ, если бы экспоненты присоединили къ произведенію своему правдивую исторію его выработки. Прощайте однako жъ,—боюсь заболтаться. Мой обычный искренній поклонъ Д. Гавrilовичу. Можетъ быть,—въ другой разъ до праздника я не соберусь написать къ Вамъ, въ такомъ случаѣ примите заранѣе мое душевное поздравленіе и самыя искреннія благожеланія. Василію Аѳанасьевичу также мой почтительный поклонъ. При свиданіи съ о. Прохоромъ и дѣтьми его, свидѣтельствуйте имъ отъ меня всегдашнее почтение и память.

Искренно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

8 апр. 1872 года.

22.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Долго не получая письма отъ Васъ, я началъ было уже подумывать, не получу ли, вмѣсто письменнаго, личнаго при-
вѣта Вашего; впрочемъ долго не останавливался на этой мысли, возвращаясь къ моему прежнему убѣжденію, что всему на свѣтѣ есть конецъ, кромѣ комитетовъ. Теперь, вопреки даже Вашему собственному чаянію, я полагаю, что не видать Вамъ Кіева не только въ маѣ, но, можетъ быть, и іюлѣ текущаго года. А май нашъ хорошъ, только уже черезчуръ зноенъ. Будущность нашего проекта, кажется, не очень свѣтла. Дѣло, впрочемъ, не въ томъ, какъ взглянуть на его положенія, но какъ посмотретьъ, или уже и смотрѣть, на полагающихъ. Старинная привычка, сильная особенно въ извѣстной ~~сфѣрѣ~~, привычка бить, не мнѣнія а думающихъ, можетъ и теперь проявиться въ прежней силѣ своей. Не знаю, впрочемъ, какъ Васъ, а меня это не много беспокоитъ, можетъ быть потому главнымъ образомъ, что у меня были, да и теперь еще есть такія огорченія, въ сравненіи съ которыми все другое является уже пустякомъ. Какъ отнесся нашъ митрополитъ къ проекту? Вѣрно, Вы не разъ имѣли съ нимъ разговоръ объ этомъ предметѣ. А Лавровъ продолжаетъ бросать молніи и громы на враговъ своихъ, которые, по нему, враги церкви, или даже вообще враги Креста Христова. Прочиталъ я вторую апологію его и могу пока сказать объ ней одно: безвкусица страшная, заносчивость старообрядческая и нетерпимость ультра-монтантская. Я лучше думалъ о немъ, хотя и никогда не сходился съ нимъ. Что-то въ третьей апологіи! Но довольно пока о петербургскомъ, теперь нѣсколько словъ о кіевскомъ. Недавно былъ у меня экзаменъ въ Университетѣ. Я приготовился къ нему нравственно, рѣшившись напередъ воздерживаться отъ всакихъ преній. Однако-жъ и въ настоящій разъ не вполнѣ удалось мнѣ это. Не было возможности молчать. Студенты мои отвѣчали очень цорядочно. Изъ 13 человѣкъ,

спрошенныхъ при викарії, ни одинъ не оказался слабымъ. Самъ викарій ¹⁾, при прощаніи, отозвался мнѣ обѣ отвѣтахъ ихъ весьма благопріятно; но я думаю, что прошлогодня исто-
рія легко можетъ повториться, если къ тому представится по-
водъ; потому что, повторяю, для меня не было возможности
промолчать на всѣ возраженія... И хотя я не сказалъ ничего
рѣзкаго, однако-жъ по городу сейчасъ пошли анекдоты. Не въ
одномъ уже мѣстѣ меня спрашивали, правда ли... то-то и то-то.
Сущность вотъ въ чёмъ? Студентъ отвѣчалъ, по нравственному
богословію, о дѣлахъ христіанскаго милосердія и, во-первыхъ, о
нищелюбіи съ христіанской точки зрењія. Преосвященный оста-
навливаетъ его и говоритъ, что это „вовсе не церковное, а
ваше философское ученіе. По ученію церкви, нищихъ между хри-
стіанами не должно быть“.—А что-жъ дѣлать, когда они есть?—
„Очень просто, продолжаетъ онъ: сдѣлать, чтобъ ихъ не было.
Теперь у насъ все поглощается причтами церковными: имъ и
землядается, и жалованье, и доходы; а они еще воплютъ, что
плохо обеспечены. Представьте же, что все это, что идетъ на
священниковъ и причетниковъ, обращено на помощь бѣднымъ:
тогда, вѣрно, не оказалось бы нищихъ. Вѣдь по меньшей мѣрѣ,
15 миллионовъ было-бы сбережено... Священники же сами должны
помогать другимъ, а для этого они должны быть избираемы изъ
зажиточныхъ поселянъ и проч. Вы знаете эту теорію?“ Студентъ,
конечно, молчалъ; но можно ли было молчать мнѣ во все время
развитія этой теоріи? Сначала я дѣйствительно хотѣлъ ограни-
читься только тѣмъ замѣчаніемъ, что ученіе о христіанскомъ
милосердіи и проектъ экономического устройства церкви и об-
щества—вещи совершенно разныя и что въ нравственномъ бо-
гословіи, по моему мнѣнію, не должно быть мѣста для подоб-
ныхъ, да и ни для какихъ, проектовъ. Сказавъ это, я не ду-
малъ продолжать пренія. Но одинъ изъ членовъ экзаменаціон-
наго комитета поспѣшилъ выразить родъ благоговѣнія къ воз-
вышенному взгляду на дѣло его преосвященства и тутъ-же

¹⁾ Епископъ Порфирий.

Томъ 75.—Декабрь, 1901.

замѣтилъ, какъ дерутъ въ церквахъ даже за мѣсто для могилы съ самыхъ бѣдныхъ людей. Тогда я вступилъ въ рѣчъ и, ука-
зывъ прежде, что доходы за кладбищенскія мѣста вовсе не идутъ
въ карманы священниковъ (что не должно быть неизвѣстно
епископу), перешелъ затѣмъ и къ нѣкоторымъ другимъ пунк-
тамъ разсужденія викарія. Такъ какъ онъ продолжалъ настай-
вать на выборъ священниковъ изъ мужиковъ полуграмотныхъ и
къ основаніе своего сужденія полагалъ ученіе Апостола Павла,
то я попросилъ себѣ Біблію и, отыскавши въ посланіи къ Ти-
моѳею извѣстное мѣсто о качествахъ, какія должны имѣть пастыры,
я прочиталъ громко и раздѣльно это мѣсто, ударивъ на
слово „учительну“ (подобаетъ быти) и окончивъ безъ всякихъ
умысла словомъ: „не сварливу“. На этомъ и прекратились раз-
судженія наши. Какъ видите, я вовсе не хотѣлъ уязвить прео-
священнаго; но студенты, вѣроятно, поняли дѣло нѣсколько
иначе, и совершенно истинный случай разсказывается по городу
въ такомъ смыслѣ, какого онъ не имѣлъ. Говорятъ, что я, долго
не отвѣчая ничего викарію, взялъ, наконецъ, Біблію и прочи-
талъ: „подобаетъ епископу быти не... сварливу“ и что будто-бы
этимъ и прекращены были разсужденія. Мнѣ повторилъ этотъ
разсказъ, между прочимъ, и А. Н. Муравьевъ... Въ субботу бу-
детъ еще экзаменъ въ женской гимназіи, но—авось все окон-
чится благополучно. На диспутѣ В. О. Пѣвницкаго я опять не
былъ по болѣзни. Въ „Кіевлянинѣ“ на другой день были помѣщены
рядомъ двѣ статейки объ этомъ диспутѣ радикально противопо-
ложнаго характера: въ одной хвалится докторантъ и унижается
оппонентъ его Лашкаревъ; въ другой—наоборотъ. Каждому оче-
видно, что заявленія эти изъ двухъ враждебныхъ лагерей; но
скандалъ породочный. Отецъ Филаретъ печатаетъ „объ Іовѣ“.
Скоро, должно быть, и онъ будетъ диспутировать. Я прочиталъ
напечатанную часть его сочиненія и нахожу ее весьма дѣльною,
съ характеромъ дѣйствительно ученаго труда. Исторія съ В. Н.
Полисадовымъ—печальна. Мнѣ жаль его. Но что это такое?
Развѣ за нимъ водился этотъ грѣхъ. Не слышно было. Ужъ не
съ горя ли? Первое мая праздновалось въ софійскомъ по обычаю.

Викарій не служилъ по нездоровью; преосвященный Александръ заступиль его мѣсто. А теплаго собора я доселѣ не видалъ. Пріѣзжайте поскорѣе, съ Вами посмотрю. Данилу Гавриловичу обычный братскій мой поклонъ. Будьте здоровы, покойны, счастливы и не забывайте

Душевно преданнаго Вамъ Н. Фаворова.

Годъ пропущенъ, но, очевидно, писалось въ маѣ 1872 года.

23.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Итакъ у Васъ пошло на мировую: помогай Богъ въ этомъ дѣлѣ! Можно только опасаться, что пойдутъ опять бесконечные трактациіи чѣго доброго доведутъ до новаго раскола. Мысль преосвященнаго Макарія не новая. То, что говоритъ онъ теперь о судьяхъ, какъ уполномоченныхъ архиерея, высказано было при самомъ началѣ разсужденій обѣ отдельеніи администраціи отъ суда, и мнѣніе это внесено было въ протоколъ. Но тогда преосв. Макарій рѣшительно отвергалъ такой способъ соглашенія каноновъ съ современными требованіями судоустройства. Я помню это потому, что указанный способъ предложенъ былъ мнോю. Почему-же теперь онъ находитъ правильнымъ то, противъ чего такъ рѣзко высказался во время оно? Впрочемъ, какъ-бы то ни было, настоящее мнѣніе пр. Макарія очень полезно для дѣла, и хорошо, что онъ высказалъ его не въ видѣ уступки, а какъ рациональное и нисколько непротиворѣчащее канонамъ начало. Учрежденная изъ 5-ти членовъ комиссія можетъ съ незначительными измѣненіями проектировать то-же самое, что уже проектировано было 9-ю членами. Не знаю только, вполнѣ ли удачно для этого составлена комиссія. Гг. Неклюдовъ и Сабуровъ не будутъ ли тормозить Вашего дѣла? Съ особеннымъ интересомъ буду ожидать Вашихъ дальнѣйшихъувѣдомленій, въ которыхъ, надѣюсь, Вы не откажете мнѣ. А я

заболѣль было не на шутку. Угрожала горячка, но вовремя помогли. Нѣсколько дней однако-жъ пролежалъ не вставая, а по-томъ просидѣль взаперти цѣлыхъ двѣ недѣли, и теперь только начинаю выходить на воздухъ. Въ консисторію, дѣйствительно, слѣдовало бы ходить, и я бы дѣлалъ это охотно и не безъ интереса, но, кажется, еще долго-нѣко придется ограничивать миѣ свои выходы посѣщеніями Университета и женской Гимназіи. Съ Н. Дмитріевичемъ не видѣлся уже цѣлый мѣсяцъ. Если увижуся 8-го числа, то передамъ ему Вашъ поклонъ и прочее, что слѣдуетъ. О. ректору Филарету вчера я кланялся отъ Васъ и пересказалъ рѣчи о немъ митрополита Исидора. Вѣроятно, у насъ скоро откроется серія диспутовъ на докторскія степени въ Академіи. О. ректоръ окончилъ печатаніе своеї диссертаціи и въ концѣ этого или началѣ будущаго мѣсяца надѣется выступить на защиту ея. Затѣмъ докторантами явятся: Малышевскій, Шоспѣховъ, о. Сильвестръ и, наконецъ, Щеголевъ.

Благодарю Васъ за доброе желаніе, высказанное въ заключеніи письма Вашего; только осуществленіе его очень трудно. Даніилу Гавриловичу мой дружескій и братскій поклонъ. Прошу засвидѣтельствовать мое уваженіе Василію Аѳанасьевичу. Когда увидитесь съ о.. Прохоромъ и Николаемъ Прохоровичемъ, прошу также не забыть передать имъ мое душевное почтеніе. Будьте здоровы, счастливы, благоуспѣшны, паче же—въ дѣлахъ комитетскихъ.

Искренне преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

Окт. 4. 1872 года.

24.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Душевно благодарю Васъ и Даніила Гавриловича за по-здравленія и благожеланія. Письмо Ваше я получилъ 14 окт., оно уже ве застало у меня небольшаго кружка поздравителей;

почтальонъ принесъ его, когда я былъ уже на всенощной; но я принялъ его за Ваше вечернее посвѣщеніе вмѣсто утренняго визита и съ удовольствиемъ побесѣдовалъ съ Вами заочно. А лично когда придется бесѣдовать съ Вами? Какъ ни близокъ, кажется, конецъ комитетскимъ разсужденіямъ, но все мнѣ кажется, что Вы будете праздновать день своего ангела въ Питерѣ, и развѣ 1873 годъ разрѣшить, наконецъ, проблемы, заданныя 1870 годомъ.

Диву дался я, читая статью изъ Московскихъ Вѣдомостей объ устройствѣ духовнаго суда. Говорится въ ней такъ положительно и съ такою увѣренностью обо всѣхъ пунктахъ, что многие сочли ее чуть не офиціальнымъ извѣстіемъ объ окончательныхъ результатахъ комитетскихъ работъ. Между тѣмъ въ ней микстура такого противнаго вкуса, что при чтеніи позывало не разъ на рвоту. То идеи Лаврова о величественномъ соборѣ іепарховъ въ древней столицѣ православія, объ отдѣленіи судилищъ для монаховъ и проч., то—начало отдѣленія суда отъ администраціи въ видѣ окружныхъ судовъ, но—подъ предсѣдательствомъ митрополита, вѣроятно, титуларнаго, хотя титуллярный митрополитъ бытъ-бы тоже, что титуллярный генералъ-губернаторъ... И нѣсколько другихъ подобныхъ комбинацій... Кто сочинилъ такую великодѣлную нелѣпницу? Воображаю, какъ происходили диспуты въ комитетѣ между Любимовымъ и Неклюдовымъ и каково было положеніе предсѣдателя. Что-жъ? Это самый естественный плодъ вилательнаго направленія. О. ректоръ Академіи просилъ благодарить Васъ за поклонъ. Онъ самъ хотѣлъ писать къ Вамъ съ поднесеніемъ Вашъ докторской диссертациіи своей, и вѣрно напишетъ. Онъ предполагалъ скоро приступить къ защитѣ диссертациіи; но митрополитъ хочетъ, кажется, оттянуть срокъ диспута, чтобы самому не быть на немъ, а для этого представилъ недоумѣніе, кто будетъ предсѣдательствовать въ ученомъ собраніи, когда ректоръ явится докторантомъ. Думаетъ спрашивать объ этомъ Св. Синодъ. Ректоръ вообще опасается, какъ-бы разсужденіе его не признали еретическими. Но въ такомъ случаѣ въ духовной литературѣ нашей

подлежитъ остракизму все, что хотя сколько нибудь будетъ походить на научные пріемы въ изслѣдованіяхъ.

Усерднѣйшій поклонъ мой Даніилу Гавриловичу. Я еще не совсѣмъ поправился.

Искренно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

16 октября 1872 года.

25.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Прежде всего, отъ души благодарю Васъ за дружеское поздравленіе, которое пришло какъ разъ къ тому времени, когда собрался ко мнѣ кружокъ добрыхъ знакомыхъ и поджидалъ моего возвращенія съ лекцій. Павелъ Феодоровичъ какъ-то поймалъ на лету письмо Ваше и передалъ его мнѣ при самомъ входѣ моемъ въ свой домъ, такъ что Вы вѣкоторымъ образомъ поздравили меня первымъ. Прошу Васъ передать мою теплую благодарность и Даніилу Гавриловичу за память, равно и мой дружескій поклонъ ему. Теперь о комитетскомъ дѣлѣ. Телеграмму Вашу я получилъ вечеромъ (16-го числа), по возвращеніи изъ совѣта. При взглядѣ на поданный мнѣ куверть, я сильно испугался. Я подумалъ, что это не отъ Васъ, а если и отъ Васъ, то съ какимъ нибудь горькимъ извѣстіемъ. Нѣтъ нужды объяснять Вамъ, чего я боюсь изъ Петербурга. Потомъ, прочитавши телеграмму, я успокоился на этотъ счетъ, но за то пришелъ въ сильное раздумье о томъ, что значитъ ваше приглашеніе и какъ мнѣ отвѣтить на него: словомъ или дѣломъ? Я готовъ былъ и на первый отвѣтъ, но то былъ-бы для меня отвѣтъ рисковый, отъ котораго польза представлялась очень сомнительною, а вредъ очевидный, потому что я нездоровъ и обязанъ выполнять разныя діетические и лѣчебныя предписанія. И такъ, я положилъ отвѣтъ на телеграмму телеграммой, которую и отправилъ въ субботу въ полдень. Догадываюсь, если не вполнѣ, то отчасти,

къ чему пригодилось бы мое присутствие, и весьма жалю, что не могу присоединить своего голоса къ голосу Вашему и другихъ; но что же дѣлать? Говорю по чистой совѣсти, что не могъ и не могу теперь двинуться изъ дома. Не сердитесь на меня и попросите другихъ не сердиться. А въ доказательство, что извивяете мое невольное домосѣдство, извѣстите меня, въ чёмъ именно дѣло и какъ вообще продолжаеть итти комитетская работа. Хотя я теперь уже эксѣ-членъ комитета, но дѣло его не меньше прежняго интересуетъ меня. Пожалуйста, не прекращайте Вашихъ бюллетеней. У насъ на дніяхъ былъ принцъ Ольденбургскій. Въ день моихъ имянинъ онъ посѣтилъ Фунду克莱евскую гимназію, гдѣ пробылъ около трехъ часовъ, а такъ какъ въ этотъ день и мой урокъ въ гимназіи, то и мнѣ необходимо было быть тамъ. Принцъ заходилъ и въ мой классъ, во время самаго преподаванія, но случилось это предъ самымъ окончаніемъ урока, минутъ за 5 до колокольчика, почему я и недолго ораторствовалъ въ его присутствіи. Гимназію остался, по его собственному отзыву, очень доволенъ и Надеждѣ Ивановнѣ¹⁾ наговорилъ очень много лестнаго, помирися, кажется, и съ А. Ивановичемъ.²⁾ За то для начальницы института пріѣздъ его оказался неблагопріятнымъ: ей приказано немедленно подать въ отставку, и должность начальницы поручена уже классной дамѣ Сенаторской. Вызовутъ ли нашего митрополита? А о преосвященномъ викариѣ нашемъ не слышно-ли чегонибудь въ Питерѣ? Вѣдь говорили, что онъ хотѣлъ просить себѣ увольненія. Будьте здоровы и благополучны во всемъ, особенно въ дѣлахъ комитетскихъ. Да когда бл. говорите писать ко мнѣ, не забудьте упомянуть и о томъ, всѣ ли письма мои получаются Вами. Вѣдь Вы пишете большею частію такъ, какъ будто ничего не получали отъ меня.

Искренно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

19 октября (годъ не обозначенъ).

¹⁾ Н. И. Полякова—начальница Фундукл. Женск. Гимназіи.

²⁾ Андр. Иван. Линиченко—начальникъ гимназіи, который однажды былъ почему-то въ немилости у принца Ольденбургскаго.

26.

„Что молчиши, друже, и не глаголеши?“ Или у Васъ такъ много дѣла по комитету, что не остается свободнаго времени для необходимой переписки? Или Вы дожидаетесь поры, когда можно написать о какихъ видѣть опредѣленныхъ результатахъ комитетскихъ работъ? Или, не достаетъ просто охоты для недѣловой переписки? Или наконецъ, чего Боже сохрани, здоровье Ваше не совсѣмъ въ порядкѣ? Желалъ-бы я, чтобы изъ всѣхъ этихъ предположеній вѣрнымъ оказалось второе, и вадѣюсь, что это дѣйствительно такъ и что скоро я получу отъ Васъ небезъинтересныя свѣдѣнія объ окончательныхъ работахъ комитетскихъ. Но во всякомъ случаѣ не молчите такъ упорно, какъ въ послѣднее время, если только Вы здоровы. Я собираюсь теперь писать къ Вамъ, не дождавшись чиcьма Вашего, почти единственно потому, что наскучило молчать. Ничего сколько нибудь интереснаго сообщить Вамъ не могу, потому что таковаго не имѣется ни у меня, ни вокругъ меня. Прилагаю только записочку Николая Дмитріевича, который, поручая мнѣ передать Вамъ его почтительный поклонъ, поручаетъ вмѣстѣ просить Васъ о покупкѣ книжки, заглавіе которой означенено на прилагаемомъ лоскуткѣ. Если Вы исполните его просьбу, то Вашъ долгъ на немъ возрастетъ, но за то, при расплатѣ, получите большій процентъ благодарности. Кстати и моя къ Вамъ просьба по книжному же дѣлу. Я имѣю билетъ изъ книжнаго магазина Исакова на получение 2-го и 3-го тома исторіи Бестужева Рюмина, но не знаю, выслали ли эти томы, или хотя одинъ изъ нихъ: въ газетахъ я не встрѣчалъ объявленія объ этомъ, а, можетъ статься, и просмотрѣлъ. Вы сами, кажется, имѣете такой-же билетъ; такъ ежели 2-й томъ книги вышелъ, потрудитесь, пожалуйста, увѣдомить меня объ этомъ. Пора-бы уже и всему сочиненію Рюмина показаться на свѣтѣ Божій, гдѣ за него напередъ заплачено, не то подпiska на него будетъ нечестною спекуляціею со стороны автора на карманы покупателей. О вызовѣ митрополита у пасъ

до сихъ поръ нѣтъ никакого извѣстія. Графъ возвратился въ Петербургъ, кажется, 29 октября и, вѣроятно, теперь уже состоялось что нибудь по этому предмету. Кажется, я уже писалъ Вамъ, что защищеніе докторской диссертациіи о. Филаретомъ отсрочено по тому поводу, что митрополитъ выразилъ нѣкоторое недоумѣніе касательно этого дѣла. Теперь я достовѣрно узналъ, что онъ послалъ представленіе въ Синодъ такого содержанія, что ректору Академіи неприлично въ той-же Академіи диспутировать на ученую степень, такъ какъ онъ поставляется чрезъ это въ зависимость отъ своихъ подчиненныхъ. А что—дѣло о Янышевѣ? Любопытно, чѣмъ оно разрѣшится.. Прошу передать мой обычный братскій поклонъ Д. Гавrilовичу. При свиданіи съ В. Асанасьевичемъ, прошу также свидѣтельствовать ему мое уваженіе. Collegam vale et bene vive, non male.

Душевно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

8 ноября 1872 года.

27.

Любезный другъ Петръ Гавrilовичъ!

Съ 16 ноября по настоящее число у Васъ состоялось, вѣроятно, три засѣданія, въ которыхъ комитетъ критически разбиралъ свое собственное произведеніе. Можно-бы предположить, что этотъ трудъ оконченъ; но по обыкновеннымъ категоріямъ нельзя судить о дѣйствіяхъ комитета; къ нему не прилагается, кажется, и та аксиома, что все, имѣющее начало, имѣть конецъ: начало онъ имѣлъ, а будеть ли имѣть конецъ,—неизвѣстно. Между тѣмъ пора бы Вамъ домой; вѣдь 1873 годъ уже на дворѣ: неужели Вы встрѣтите его въ Петербургѣ? Нашъ Владыка получилъ уже неофиціальное приглашеніе въ Петербургъ и, говорятъ, собирается выѣхать 7 декабря. Помнится, и въ прошломъ году онъ въ то же время выѣхалъ изъ Киева. Можетъ быть, Вамъ нужно-бы извѣстіе поточнѣе объ его выѣздѣ, чтобы, по

прошлогоднему, не прогуливаться даромъ на встрѣчу поѣздамъ безъ искомаго содержанія, но самъ я не спрашивалъ митрополита о днѣ и часѣ его отѣзда, а отложить письмо къ Вамъ до получения точныхъ справокъ о семъ не хочется. Да, по всей вѣроятности, Вы знаете или узнаете и безъ того объ этомъ. Впрочемъ, если я освѣдомлюсь, что выѣздъ его будетъ не 7-го, а въ какой нибудь другой день, то я не замедлю увѣдомить Васъ. О. Филаретъ, должно-быть, отправилъ уже къ Вамъ свою диссертaciю, и Вы, можетъ быть, уже проштудировали ее. Докторскій диспутъ его предполагается 15 декабря. Если митрополитъ, дѣлая извѣстное представлениe въ Синодъ по поводу этого диспута, имѣлъ въ виду уклониться отъ присутствiя на диспутѣ, то онъ достигъ своей цѣли. Самъ о. Филаретъ не только не желалъ возбуждать вопроса о мѣстѣ своего диспута, но рѣшился протестовать, если-бы его заставили отиравляться въ другую Академiю за прiобрѣтенiемъ докторской степени. Погода у насъ чисто весенняя. Въ садахъ у многихъ расцвѣли сирень и желтая акация. Я въ своемъ саду не былъ съ августа, а, вѣроятно и у меня тамъ что нибудь расцвѣло, или распустилось по крайней мѣрѣ. Самъ-то я не цвѣту, а, можно сказать, распускаюсь... Пріѣзжайте поскорѣй, уже и конь Вашъ скучаетъ по Васъ. Прежнiй импровизованный кучеръ мой оказался презлостнымъ пьяницею, такъ что не могъ не только Ѣздить, но даже кормить и поить Вашего вороного. Я долженъ быть вручить сю обязанность кухаркѣ, подъ собственнымъ надзоромъ, пока не прогналъ неисправимаго автомедона и не прiискать на его мѣсто другого. Въ отчаянiи отъ беспорядковъ, я уже хотѣлъ обратиться къ Павлу Феодоровичу съ просьбою, чтобы онъ взялъ у меня коня, чтобы кормить и поить его на мой счетъ, такъ какъ у него кучеромъ человѣкъ надежный, бывшій прежде у меня и очень хорошо служившій; но судьба послала мнѣ, кажется, порядочнаго человѣка, и я—успокоился. Даніилу Говриловичу низайшій поклонъ и другимъ знакомымъ?

Искренно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

1 декабря 1872 года.

28.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Близко 17, недалеко и 21 декабря. Думаю, что настоящее письмо мое получится Вами или 17, или наканунѣ этого числа, поэтому прошу Васъ передать мои искреннія чувства благожеланія дорогому имяниннику: да приложатся ему дни на дни, безъ ущерба его силъ и съ умноженіемъ его благополучія. Затѣмъ и сами примите отъ меня такія-же благожеланія, по исполненіи 53 лѣтъ Вашей жизни, потому что помню изреченье: „Senectus ipsa morbus est“, по десятка три-четыре лѣтъ дай Богъ прожить Вамъ еще на пользу церкви и славу отечества! Я и не думалъ, чтобы Вы могли до праздника возвратиться во-свойси, но предполагалъ, что, по крайней мѣрѣ, на праздникъ прибудете домой. Теперь же, судя по ходу Вашего дѣла, начинаю сомнѣваться, чтобы у Васъ кончилось все и къ новому году. Какъ-бы не пришлось Вамъ досидѣть въ Путтерѣ и до поста, чтобы потомъ въ св. Києвѣ, во дни покаянія, принести и исповѣдь во грѣхахъ комитетскаго мудрствованія, съ выполненіемъ подобающей за то эпитиміи. Но спѣшилъ оставить Вавилонъ, пока не исполнилась мѣра его беззаконій. Цѣлуютъ Вы сущіе во Іерусалимѣ. О. Филаретъ никакъ не можетъ добраться до каѳедры докторантской. Чуть было не напечатали уже объявленія объ его диспутѣ, имѣющемся быть 15 сего декабря, но на протоколѣ совѣтскомъ по этому дѣлу митрополитъ написалъ, что диссертациѣ докторанта, по мысламъ и по тону ея, не соответствуетъ важности предмета и что, поэтому, онъ затрудняется разрѣшить ея защищеніе. Дѣло опять пошло въ Синодъ, который, думаю, поставленъ будетъ такимъ представленіемъ въ нѣкоторое затрудненіе. Митрополитъ нашъ, на мой взглядъ, выразилъ въ настоящемъ случаѣ такую мнительность, которая идетъ въ разрѣзъ съ научными требованіями богословскаго образованія. Что-то скажетъ Синодъ? Мнеъ пужда належитъ печатать новымъ изданіемъ мои издѣлія; во у насъ порядочной бумаги нѣтъ. Я уже хотѣлъ

было просить Васъ закупить нѣсколько стоپъ въ Петербургѣ, въ томъ разсчетѣ, что это выгодно было-бы и для Вашихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей; но—провозъ и хлопоты, вѣроятно, будутъ стоить недешево; поэтому рѣшаюсь войти въ сдѣлку съ какою нибудь типографіею. Съ митрополитомъ я простился 7-го вечеромъ. Кажется, онъ въ хорошемъ расположеніи духа отправлялся въ путь. Когда Вы его встрѣтили? Должно быть 11-го утромъ.

Примите еще разъ мои искреннія благожеланія, какъ по случаю приближающагося дна Вашего Ангела, такъ и независимо отъ этого. Прошу кланяться общимъ знакомымъ.

Искренно предавный Вамъ Н. Фаворовъ.

13 декабря 1872 года.

29.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Хотя старый годъ еще не кончился, но пока дойдетъ до Васъ письмо мое—улетать послѣдніе дни 1872 лѣта по Р. Хр. и наступить 1873 г.; и такъ—съ новымъ годомъ! Недавно былъ Вашъ собственный новый годъ: вѣрно, Вы получили искренно-дружескій привѣтъ мой въ то время; теперь повторю Вамъ мои благожеланія, прибавляя къ нимъ одно, чтобы поскорѣе можно было возвратиться Вамъ къ старымъ друзьямъ Вашимъ!

Пора, пора кончиться комитету! Чтобы изъ него вышло что-нибудь доброе, надобно, чтобы онъ умеръ благовременно; иначе, какъ залежавшееся зерно, онъ не дастъ никакого ростка въ будущемъ. Можетъ быть, онъ уже и скончался? Дай Богъ! Составляйте-же поскорѣе эпитафию ему, въ видѣ объяснительной, или исправительной, или какой-бы тамъ ни было записки, и съ похоронъ поскорѣй домой. А, можетъ быть, Вы уже и въ дорогѣ? Нѣтъ, впрочемъ: это невѣроятно. Думаю, что Вы еще довольно посидите у моря и въ новомъ году. Письмо мое не только заста-

яеть Васъ тамъ, но, пожалуй, не будетъ и послѣднимъ, что, однако-жъ, крайне нежелательно. Прошу Васъ поздравить отъ меня Даниила Гавриловича съ новымъ годомъ. Ихъ комиссія, кажется, покончила свои занятія: остается ожидать трудившимся крестовъ и звѣздъ; дай Богъ и Даниилу Гавриловичу украситься звѣздою! Затѣмъ надобно пожелать и можно ожидать того-же и для тружениковъ нашего комитета.

Изъ особенностей кіевскихъ вотъ что мнѣ извѣстно: недавно въ Лаврѣ былъ порядочный пожаръ, а въ Университетѣ—маленький скандалъ, о которомъ разглашать однако-жъ не слѣдуетъ. Лѣкарь П. защищалъ диссертацио на степень доктора медицины. Когда Зальтеръ началъ возражать, раздались свистки. Факультетъ, посовѣтовавшись, объявилъ публикѣ чрезъ декана, чтобы она оставила залу. Послушались. Но когда факультетъ, послѣ закрытаго засѣданія, появился на коридорѣ передъ залою, тутъ снова раздались свистки. Профессоръ Томса схватилъ за руку одного студента, который съисталъ у него подъ носомъ; потомъ замѣченъ быль и другой. Дѣло судилось Университетскимъ судомъ, которымъ и постановили, а совѣтомъ потомъ утверждено: исключить изъ Университета на годъ означенныхъ студентовъ (Ч. и Л.) По городу разнеслись слухи съ прибавленіями: вѣрно и въ Петербургѣ сообщено не безъ прибавленій. Но дѣло было, какъ я сказалъ. Sic! Вы что-то опять замолчали. Если будете писать, че сообщите ли, какой оборотъ принимаетъ или приняло дѣло о. Филарета. Н. Д. получилъ книжку и просилъ благодарить Васъ. Онъ что-то не совсѣмъ здоровъ. Андрей Николаевичъ¹⁾ давно болѣеть; поправляется, но медленно. Передайте, пожалуйста, при случаѣ мои поклоны В. Аѳанасьевичу и о. Проктору Карповичу. Будьте здоровы, благодушны и счастливы.

Искренно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

28 декабря 1872 года.

¹⁾ А. Н. Муравьевъ.

30.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Позвольте пожаловаться Вамъ на Васъ самихъ. Формируя хоръ для собора, Вы похитили у меня одного мальчика, который еще до праздниковъ Рождественскихъ приглашень мною пѣть на лѣвомъ клиросѣ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ за извѣстное вознагражденіе. Мальчикъ этотъ Кальницкій—изъ Софійского училища. Я былъ доволенъ имъ, и онъ, кажется, охотно посѣщалъ Университетскую церковь. Не знаю—почему, только г. Турчинскій съ видимымъ неудовольствіемъ далъ ему позволеніе ходить къ намъ. Если отъ него и теперь зависить выборъ мальчиковъ для формируемаго Вами хора, то мнѣ невольно думается, что онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы взять мальчика изъ нашего хора. Повторяю, что причины къ тому поступку я не могу объяснить, потому что для мальчика не только не вредно, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и полезно ходить къ намъ. Какъ бы то ни было, впрочемъ, я покорнѣйше прошу Васъ возвратить мнѣ моего пѣвчаго, который, конечно, по невѣдѣнію—похищенъ Вами у меня. Вы легко обойдетесь безъ него, а для меня подобныя похищенія—сущее разореніе. На этой недѣлѣ я два раза былъ у Васъ, но не засталъ Васъ дома. Петербургъ, видно, развратилъ Васъ и отучилъ отъ степенного домосѣдства. Надѣюсь, впрочемъ, когда нибудь захватить Васъ врасплохъ. А пока примите искреннее чувство благожеланія душевно преданного Вамъ

Н. Фаворова.

10 февраля 1873 года.



ГОРОДЯНКА.

(Повістъ.)

(Оконачаніе¹⁾.



XIX.

Не мало часу перейшло, поки Приська звикла до тихъ порядківъ, що завела у своїй господи Палагея Тыхоновна. Кватыранки миналися мало не що-дня; миналися въ залежности видъ того и гости. Рідко яка зъ жинокъ, або дивокъ користувалася вильнимъ часомъ, щобъ обіпратиця, облататиця та полагодити свою одягу: бильшисть, ослобонившись видъ господарского ока, неначе упывалася волею и, не шкодіючи ни грошей, ни здоровъя, потрачала весь вильний часъ на безперестанну гульню. Нихто зъ нихъ не мигъ сказати напевне, чы надовго, чы ни протягнется цей часъ воли, нихто не знавъ, чы завтра, чы черезъ мисяць найдется мисце, а тымъ паче, яке життя та яки умовы незабаромъ сподиваються ихъ? „Може завтра доведется ити у наймы—треба нагулятись“, „може доведется служить у

¹⁾ См. «Кievsk. Star.» № 11.

такому пекли, що и до храму Божого не вyrвусь, то пороскошну хочъ теперъ“,—думалы та казалы кватыранки Палагеи Тыхоновны, и Приська незабаромъ впевнлася, що то не дурний розумъ, а горкий досвидъ навчывъ дивчать-наймычокъ, такъ миркуваты. Чы знае вона сама, чого сподивається вона на ранокъ, куды потягне іи Лейба, або Палагея Тыхоновна? Дакуючи тому, що въ неї йе на цей разъ прыпасени гроши, вона може перебираты, „вередуваты“ та повагомъ шукаты такого мисця, що видповидало-бъ іи бажаннямъ. А що, колы-бъ це у неї не було ни шага за душою, а ни новнои скрыни? Чы не повинна бъ и вона була заплющты очи та иты, куды голодъ та недостатки поведуть на нальгачи?

Приська просыдила вже не тиждень и не два на кватыри. За цей часъ Гашка встыгла повернутись на село, Мацка—згоити ти сынякы, що поробивъ ій Яківъ, та зйтися изнову въ вимъ; Варка—нанятыся у отель; Санька изійшла кривю писля шапобы якоись знахоркы та виддала Богови душу; и тильки Приська зустрічала та выряжала то пышавыхъ, то плохевыхъ, але однаково безталанихъ, кватыранокъ Палагеи Тыхоновны и все нещаче чого-сь сподивалася.

И справди, не дурно вызирала вона, наперекиръ и розуму, и добрій воли, такъ часто у виконце: вона сподивалася, якъ великого свята, Степана до себе. Попадись винъ ій на очи у ту страшну ничъ—вона-бъ люто покарала ёго за зраду; прыйди винъ ранійше,—вона просыла-бъ въ проглённомъ ёго, але теперъ... теперъ, черезъ добрый мисця жыття помижъ кватыранокъ Палагеи Тыхоновны, багацько зминалася и вона сама. Вона пересвідчилася, що кохання, ця чиста, дорога перлына за для неї, мало не скрізь вже загажена, заплімована людьми; що люди навить забули про великий конгтъ іи и прыдають значиня тильки тій оправи, у яку майстеръ виравыть іи; що люди и не шукають тієи перлыни, а завдовольняються натбисць намистынкамы въ рижнобарвого скла, що знаходять выпадково по дозори свого життя та нанызуютъ на одну вызку; що даремно вимагає вона видъ Степана того чистого и едынного на весь

винъ кохання, яке вазнало іи властне серде, бо винъ навить не може й уявыты ёго соби... Скильки перетерпилы на іи очахъ ииши дивчата та молодыци, скильки горя прыняла Машка! Чы не повынна и вона стерпиты та выбачыты своёму коханцеві, колы не хоче залышытысь останнім крапліны счастві та загубыты навікі надю на співпочутті? А до того, шо знае вона цевнаго про зраду Степана? Може винъ пішовъ тоды зъ Дунькою у садъ на гуляння, може запрохалы ихъ у гости, може навить воны наризно й выйшли зъ кухні? Ничога вона не знае, ничего не чула, прічъ де-вилькохъ сливъ видѣ крамаркы, и колы-бъ оце винъ прыйшовъ тилькы та побожывся ій, шо не выненъ, вона радо повирыла-бъ, або прымусыла себе повирыты ёму. Абы винъ прыйшовъ, абы покаявся, абы зарикся дурсты іи та проказавъ ій словечко ласкаве—и вона простыть ёму зраду, загоить якъ небудь ти уразкы, шо поробывъ винъ, необачныі, на серци іи... Але винъ не приходыў. Приська вызырала, ходыла не разъ на ту вуліцу, де служыў винъ, розпытувала про ёго,—ніхто не мігъничого сказаты про видносны ёго до Дунькы, ни разочку не довелося и ій зустрити ёго. Молодыци стало все частише здаватыся, шо вона даремно покышнула Степана та надала соби стилькы муки,—шо винъ кохае іи, якъ и ранійше, и тымъ и очей не каже никуды, шо сумуе разъ-у-разъ самотныі.

И ось нарэшти, вертаючысь якось зъ городу, Приська спіткала ихъ обохъ. Степанъ ішовъ похмурый та сумвый, а Дунька щось весело ёму цокотила. Приська одвернулася и хотила обмынуты ихъ, але Дунька немовъ оступылася и штовхнула іи у бікъ. Приська повернулася и плонула Дуньцы у вічи. Дунька спалахнула и замірылася, ћобъ вдарыць Приську, але Степанъ спостеригъ завчасу іи заміръ и спыніў за руку

Дунька ще дужче скыцила:

— Чого ты мене держышъ? Пусты мене... або наклады ій самъ... Иды... біжы... дожены іи зразу, провчы іи, якъ плюватыся!—напалася вона на Степана.

— Добре, добре,—заспокоювавъ Степанъ, не выпускаючи одначе іх руки зъ своихъ рукъ...

— Сёгодні-жъ наклады! Зразу иди; а не скочешъ, то я на-мовлю парубківъ, щобъ и тоби ребра поличили!

— Сёгодні-жъ и пиду,—мовивъ Степанъ.

— Щобъ небезпреминно сёгодні!—приказала Дунька.

— И пиду,—мовивъ Степанъ,—стежучы очима, у який край подалася молодыця.

И справди, годыны черезъ два Степанъ майнувъ до Приськи, але, звычайно, не въ тымъ замиромъ, щобъ выполнати бажання Дуньчыне.

Винъ нагодувся саме у той часъ, колы Приська найменьше сподивалася ёго. У кімнати кватыранокъ було чы-мало гостей. Вси сидилы по парахъ та весело гомонили, и тильки Приська прымостылася въ сторонци одъ столу на свої скрыни та сумувала сама соби.

— Присько!—до тебе гость прыйшовъ та не насмилытся увійти сюды; прохае, щобъ ты у сины выйшла,—погукала на молодыцу Палагея Тыхоновна.

Приська выйшла...

Не будемо оповидати, якъ склалася поміжъ Приською та Степаномъ згода, не станемо і пересказувати, якъ виправдывся зрадникъ,—загублене та знову знайдене счаствия мылійше за те, що не знижало николы, і закохани колись серця та розрізнили на який част зможуть порозумитися. Степанъ не брехавъ, колы присягавсь у цей вечиръ, що ненавидить Дучку: безъ краю роспуття та уйидлыва дівка вже остоғыдла ёму; винъ казавъ щыру правду Присьци, колы обнимачи станови і та покриваючи іх відъ поцілунками, божувся, що вона ёму наймылиша за всіхъ у той часъ. Що до Приськи, то вона тильки й бажала цієї присяги, тильки і сподивалася цихъ ричей, щобъ ізнову повирити парубкови та видати ёму серце свое.

Степанъ ставъ ходыты що-вечора. Спочатку винъ тримавъ себе далеко краще за всіхъ кавалеривъ, не вимагавъ видъ Приськи грошей і не встрявавъ у гущу п'янныхъ гостей; але

пройшовъ який часъ, и Присьци стало здаватыся, що коханець іи починає чудитися та все раніше поспішається до-дому. Трохи перегодомъ вона стала добавляти до спильної складчыны і свою пайку горилки на долю Степанову. Черезъ це, трошки згодомъ поличивши невелычку остатчу своихъ грошай, вона мусыла призначатися самій соби, що бильшистъ іи восталася у шынку; а ще черезъ який часъ вже попрохала Степана, щобъ шукавъ ій підхоже мисце.

— Я тоби зразу поражу мисце: наймайся до Берчыхы,—пораявъ ій Степанъ.

— До жыдивки?—здывувалася Приська.

— То що, якъ до жыдивки? Ниде, колы хочешъ знатъ правду, наймытови не буде такъ добре, якъ у жыдивъ.

— Смієшся, чы що?

— А ни-же, не сміюся; я самъ служывъ колысь у жыдивъ,—мовывъ Степанъ.

— Тай оскуму набывъ?—засміялася Приська.

— Чого ты смієшся? Далеби, не жартую: такы насправжкы кажу тоби, наймыся до Берчыхы,—стоявъ на своему Степанъ.

— Та що це тоби спалося на думку у жыдивъскы наймычки мене посылати? Саме призвыше: „жыдивъска наймычка“ мене въ свиту зжене.

— Цилуй, колы такъ, Штейнмихельшени замки, а у мене не пытай порады!—розсердывся Степанъ.

— Чого ты розсердывся? Невже жъ такы справди мени до Берчыхы йты?— все дужче та дужче дывувалася Приська.

— А чому тоби до Берчыхы й не йты?—перепытавъ ій Степанъ.—Хыба може роботы боишся? Не звыкла?

— Роботы я николы не боилася, за роботу мене никто не лаявъ; робыты я здатна, якъ вилъ, абы мени за те було добре,—видмовыла Приська.

— Краще тоби ниде не буде, якъ у Берчыхы: харчъ добра...

— Зъ перцемъ,—додала Приська, жаргуючи.

— До перцю можно звыкнуты. Плата гарна: чотыры карбованци...

— Прямо, що гарна! На чотири карбованці и не одягнешся.

— Наймайся до Куракиной,—изнову розсердився Степанъ.

— Не пиду я до Куракиной, не пиду и до Берчыхы! Годи мени голову клопотати та висенитницию плескати; пошукай мени краице мисця, щобъ намъ буты поблизу, та щобъ намъ було вильно бачитись,—мовила Приська.

— Ото-жъ саме таке й мисце у Берчыхы: я недалечко, аничка уся за-для наймычокъ—у неї вильно; куды скоче-туды іде, що хоче-те й робити...

— Одчепыся зъ своєю Берчыхою: хай мени пообища и золоту труну справити, то не пиду я до неї!—розсердилася Приська.

— Тёгю! чы чуете, що мени Степанъ рає? Щобъ я нанялася до Берчыхы. Чы то-жъ можно отаке прырозумити? Та невже я остання тутъ, у городи?—звернулася вона до Палагеї Тыхоновны, що забигла за чимъ-сь у хатыну кватыранокъ.

— Степанъ тоби на лыхо не порає, а я тоби скажу такъ: нема тутъ, у городи, помижъ вами, наймычкамы, ни першихъ, ни останнихъ; вси накуштуетесь рижныхъ борщівъ. За свій викъ спробуете и паньской и жыдивськой ласки,—видповила ій Палагеї Тыхоновна трохи суворо, бо молодыца не згодилася ій продати сёгодні платка.

— Не куштувала я жыдивського борщу тай не куштувatumу николы!—одризала молодыца.

— Вже-жъ и я не шматуватыму бильшъ николы одежыны по чужыхъ перелазахъ! Наймайся, куды знаешь, роби, якъ хочешъ, та тильки не враждуй на мене, якъ що може я трохи й забуду тебе... Не ручуся за себе, не поручуся и за тебе: хто ёго зна, чы довго сумуватымемъ мы одынъ за однимъ, та чы не звикнемо жыты наризно? Хыба-бъ я забувъ, що до тебе треба йти, хыба-бъ я пишовъ зъ тією Дунькою гуляты тоди, якъ-бы ты не була у тієї скаженои пани, та якъ-бы мени було вильно ходити до тебе? Раю тоби видъ щирого серда на корыстъ намъ обомъ, а проте твою воля!—мовивъ Степанъ. Приська тяжко замислилася.

— А прызыща, а поговиръ!—ажъ скрынула Приська и спалахнула, немовъ хто вже ынувъ ій образлыве це прызыще у вичи.

— А прызыща? а поговиръ?—передражнывъ іи Степанъ.—Сказано, того людського поговору страшно! Прыстане винъ до тебе? Злыняешь видъ ёго? Робы, якъ знаешь, а моя воля, щобъ ты нанялася до Берчыхы!—додавъ винъ и подавсь, не попрощавшысь зъ Приською, до дверей.

Усю ничку не спала Приська та все миркувала сама соби, чы послухатысь Степановои цорады, чы ни? Цилисенъкій день уявляла вона себе у становыщи жыдывськои наймычки и не знаходыла у соби снагы попустыты себе до того.

— А що? найшла мисце?—запытався іи другого вечора Степанъ.—А я вже знайшовъ соби: пойду до одного пана ажъ на хутиръ,—додавъ винъ, не диждавшысь видповиди видъ Приськи.

— Ажъ на хутиръ?—жахнулася молодыца.

— А що мени таке? Однаково, до кого-бъ ты не нанялася,—мени ходу туды не буде, бо у яку собаку не пошпурь, то хочъ у Рыбалкыну, хочъ у Куракыну влучышъ, а до Берчыхы ты не хочешь.—

— Может и наймуся,—обиввалася и сама злякалася своего голосу Приська.

— Тоди буде иниша ричъ: тоди я не пойду,—мовывъ Степанъ.

— Я наймуся... тильки мабуть, Степане, не выбуду я тамъ довго,—мовыла Приська.

— Ось хрестъ кладу тоби, що выбудешъ!—перехрестыся и видразу повеселишавъ Степанъ.

XX.

„Роботы“, якъ казала Берчыха, „у мене небагацько: встань раненько вытопы, на свитанку—сомоваръ наставъ, у сндання—коривку здій, передъ обидомъ—горныци прыберы, у обидъ—ди-

тей нагодуй, писля обидъ—тенетки поперы, надъ вечиръ—воды ваносы, у вечери—вечерю выдай, постиль перестелы, у кухни прибери, коривци синця заложы, а тамъ вже хочъ и руки склады! Симъя, на моку Берчыхы, тежъ невелычка: хазяинъ та хазяйка, хазяинивъ батько та хазяйчина сестра, шестеро хазяйскихъ дитей, та двое хазяйчныхъ племинныківъ. Про те, неважающы на таки чудови умовы, Приська хотила покынуты Берчыху у той-же самый день.

— Хай Богъ мысле!—такого мени зроду-вику не траплялся чуты, щобъ моїй наймычци та надъ силу була робота! То тоби, молодычко, сразу такъ здалося, то тоби уявылося, що у мене скрутно: оговтаешся, звыкнешъ, то спатымешъ цілый день на печи, бо все переробышъ въ однъ разъ, и тоби зовсімъ ничего буде робити.—Такъ стала умовляти Приську Берчыха.

— Ни, не буду я у вастъ!—видмагалася Приська.

— Якъ-то не будешъ? Степанъ мени ручывся за тебе, а ты покынешъ? Колы-бъ я знала, що ты така недобра, то я бъ и не наймала тебе... Господь зъ тобою! А теперъ черезъ тебе я всіхъ гарныхъ наймычокъ утеряла и не можу одпустыти тебе... Ну, прохаю тебе: побудь хочъ зъ мисяцъ, роздывись краще, спробуй, а тоди вже и кыдай,—попрохала Берчыха.

— Далеби не можу!—надъ силу мени робота, тай не звыкну я,—видмагалася все Приська.

— Колы не можешъ мисяця выбуты, то хочъ черезъ ярмарокъ перебудь,—попросыла іи Берчыха. Приська здалася бильше на волю Степана, нижъ на прохання Берчыхы, и зосталася на який-сь тамъ часъ. Але перебигло непрымитно де-килько день, и Приська зрозумила, чого Степанъ такъ домагався видъ неи, щобъ вона нанялася сюды: ниде, справди, не було имъ такъ вильно, якъ тутъ.

Берчыха наймала сами руки, платыла за ныхъ и вымагала багацько роботы, але ій зовсімъ не було дила до того, кому ти руки належать и що то за людина въ іи хати живе. Руки най-

мычки повинни булы буты дужымы, проворными та зучеными до праці,—а про решту вона николы й не пыталася.

Берко та Берчыха зпозаравку ишли до крамнычкы, сестра Берчыхы сидала до машины плесть панчохы, хазяинивъ батько выходывъ тежъ куды-сь. Диты та племянники зоставалыся на доглядъ старшой дочки, Рухли, та Приськи, и молодыця дывувалася, якъ добре трымалы себе диты у видносынахъ до наймычокъ. Вони вмили такъ само, якъ и Берчыха, вымагаты работы, знаш, скилькы родына платить и за яку працю, зате-жъ розумилы межи своихъ правъ и николы не допускалы себе до незвычайности, николы не мовылы якого неввичлывого слова.

Приська ходыла сама до торгу, и никто зъ товарокъ та перекупокъ який часъ не зналы, де вона служыть. Це іі захыстыло на першый часъ видъ тыхъ прызвыщъ, шо Дунька напевне не забарылася-бъ прытулты до неи, колы-бъ дозналася правды. До стравы Приська тежъ звыкла, тымъ паче, шо Берчыха не забороняла ій варыты соби наризно, колы Рухля прыправить свій обидъ не то смаку молодыци. Одно, до чого не постачало снаги у Приськи звыкнуты—це каторжна, безперестанна праця.

Молодыця цялялася скилькы мога, прынаровлялася, хытрувала такъ, щобъ заразомъ два дила робыты, вставала зарани, не прысидала цілый день, а проте ранишъ десяты годынъ вечора не могла скорыстуватыся тією волею, якою Берчыха надиляла своихъ наймычокъ. Зате зъ цёго часу наймычка вильна була робыты, шо ій спадется на думку—йті куды хоче, гуляты хочь и до свиту. Лигаючи спать, Берчыха замыкалася добрымъ замкомъ видъ кухни, а кухню кыдала на волю „самостійной хазяйкы“,—якъ казала Берчыха,—прохаючи іи тилькы погасыты світло та замкнуты зъ околыци двери, якъ що прыйде охота погуляты.

Ридко який вечиръ не прыходывъ Степанъ. Иноди винъ воставався у Приськи, а иноди заходывъ тилькы за нею та винъ до знаёмыхъ, або и у садъ—на музыку. Спочатку знаёми, музыка та театръ немовъ наче пидбадрювалы молодыцю, и вона

охотнише бралася на другой день до роботы, аже не перейшло и мисаця, якъ мицный та спокійный сонъ ставъ ій здаватись мылишымъ за гостей, за музыку та ини веселощи,—вона утомилася.

Степанъ не хотивъ того знаты, не вирывъ Присьци и вымагавъ, щобъ вона ходила зъ нымъ; Берчыха тымъ паче не хотила того знаты та вымагала видъ наймычки роботы—и молодыця незабаромъ зблидла, змарнила внесылылася. Минавъ день, приходывъ другий—Приська зустрічала східъ сонця, проводила західъ єго певаче у сні. Якъ перебигло дванадцять мисацівъ цієї каторжної праці, якъ протягла вона трьста шістъдесятъ п'ять вильнихъ нічокъ мало не зовсімъ безъ сну,—Приська не хотила про це згадувати...

Забрався якось великий торгъ, и навезли незвичайно багацько цыбули. Рухля купила ажъ п'ять винкивъ и звелила Присьци однесты до-дому. Приська скynула ихъ соби на плечы, ступила де-кильки крокивъ и трохи не крикнула: щось неначе увирвалося у середини, и гострый биль пронявъ наскризь ливий бикъ. Приська перестояла трохи и рушила була знову иты, але друга, ще гостириша, колика переняла ій духъ. Вона скynула цыбулю додолу и присила на пишоходи, взыраючи, чы не надійде яка знаёма людина, щобъ пособыла донести цыбулю до дому. Якъ на те молодыцю мынали все незнёми люде. Приська озырнулася ще разъ и стала скыдати цыбулю знову на плечы.

— Присько! сестрычко! голубочко!—крикнувъ хтось несподівано надъ самимъ іи вухомъ, и тужъ мыть чыи-сь руки оточили іи шию, чыи-сь губы прыпали до іи выду.—Охъ Господы, яка я рада! Видъ самисинського свитанку шукаемо мы тебе по городу... Гараздъ, що хочъ теперъ здышала тебе, а то малы вже и до дому йихаты... Де ты теперъ служышъ? Та якъ-же ты змарнила, сестрычко!—перепынла свою ричъ Мелашка, и гарячи слёзы полылися зъ іи тильки-що веселыхъ та світлыхъ очей.— Голубонько моя, сестрычко, скажы мени, яке тоби горе, що тоби сталося, що ты зблидла та постарилася такъ?—допытувала Ме-

лашка, пыльно та жалистльво прыглядуючысь до знесыленой красуни-сестри.

— Пропасныця змучыла; четвертый місяць трусыть,—видбрехалася Приська.

— Дай-же мени цыбулю—я тоби донесу,—мовыла Мелашка и перекынула яси пять винківъ, наче ту пирину, на свои дебели плечы. Ходимъ! Або чи: я збигаю до воза—тамъ и Трочымъ и Даныло. Отъ зрадіют! Може и ты підешъ до ныхъ.

— Мене саме це трусыть—не можу йты,—збрехала вдруге Приська.

— Посыдь-же, сестрычко, колы такъ, тутъ, а мы зразу прыйдемо яси до тебе,—мовыла Мелашка, кладучы цыбулю на пішоходы, и тужъ мыть зныкла поміжъ людей, возивъ та товару.

Приська не гаяла часу: тильки зныкла сестра, вона бынулася навікача видъ торгу, сестры та чоловіка. Манівцамы, чужыми перелазамы та по-за крамыцамы добигла вона до знаесмои крамаркы и, покынувши тамъ цыбулю, побигла до-дому.

— Що тоби трапылася? Що тоби таке? Де цыбуля?—запытала переляканна Рухля.—На тоби лыця немае! Може вкравъ хто цыбулю?

Приська замість відповіди заголосыла. Нагодыўся Степанъ, ставъ допытуваты. Рухля, диты тежъ обстуپлы наймычку та допытувалы—никому ничего не відповідала вона. Добру годыну простоалы яси надъ нею—тай не прочулы а ни словечка. Тай що мала вона имъ сказаты? Чы варто, чы гоже було роскрываты свою душу, прызнаватыся, на яки думкы та спогады навеяла і ёсці зустричъ зъ сестрою? Чы зрозуміють вони ти пекельни муки, що вытрымала вона видъ самои думкы, що сестра та чоловікъ можуть довидатыся, де вона служыть, прыйты у жыдывскій дверъ та здыбаты ізъ полюбовнікомъ? Ни, не варто віддаваты ци перлыны—слёзы гіркого каяття на глумъ жыдивци та Степанови.—

Вона немовъ прокынулася теперъ писля довгого-довгого сну; вона немовъ зіп'ялася на высокій шыль, немовъ глянула

прозорыми очыма навкругы и вперше побачыла те болото, де завязла вона. А Мелашка, свижа, якъ квітки умыти росою, здорова, певна у соби и у людяхъ, стояла наче жыва передъ очыма и прохала сестру повернутысь на село. Повернутысь на село? Для чого, для кого? Навики заросла вже стежка до ридної осели; едина тоненка павутынка—спочуття до родыны—давно вже увирвалася, а тутъ, у городи, висталася хочъ крихотна надія на краще жыття.

Довго плакала та ламала руки въ одчаю Приська.—Степанови обрыдло дывитысь на неи, и винъ пишовъ до шынку, де „зъ досады“ добрѣ напывсь.

О-чивночи прокынулася Приська. Світло горило, на столи лежавъ замокъ зъ ключемъ, а на лави милно спавъ Степанъ.

— Степане, Степане! вставай та мерщій замкны конюшню, бо ось и ключъ и замокъ на столи!—сипнула ёго за рукавъ молодаця.

— Геть, чортова квыся!—гримнувъ на неи Степанъ и повернувся на другій бикъ.

— Степане, Степаночку, встань-бо! прокыньсь!—ірохала ёго Приська.

— Иды къ бису!—лявся Степанъ.

— Степане, коней покрадуть...

— Геть!—видыхнувъ іи Степанъ.

— Степане, прокыньсь! Степане, коней повыводять. Иды замкны конюшню! Степане, голубчыку, розбуркайся-бо!—прохала та будыла Приська.

Але Степанъ лаявся, штовхався, кричавъ, перевертався на другій бикъ и не хотивъ знатъ ни коней, ни конюшни.

Приська взяла ключъ та замокъ и хотила вже йты у сусудський дверъ замыкаты конюшню, колы щось застугоnilo пидъ викномъ, и незабаромъ убигла куховарка тыхъ панивъ, де служывъ Степанъ.

— Степанъ тутъ?—запытала вона.

— Онъ спыть!—показала Приська на лаву.

— Збуды ёго!—звелила куховарка.

— Я вже будыла таничого не вдю, не прокыдається,—мовила Приська.

— Я ёго, ледачого п'янюгу, зразу збужу! Я ёму покажу, якъ по ноочахъ таскатися! Черезъ ёго, проклятого, и мени не має спокою. Вставай!—крикнула куховарка надъ самимъ вухомъ Степана и штовхнула ёго зъ усієи сили у бикъ.

Степанъ повернувся и, не росплющуючи очей, улучивъ кухварці замашнимъ кулакомъ у груды.

— А! щобъ ты, п'янного непутяшого, отутъ на мисти одубъ! щобъ тебе правцемъ поставыло!—Буды ёго!—накинулася розлютована куховарка на Приську.

— Та я-жъ будыла.

— Буды, жыдивъска потаскухо! Колы заклыкала до себе та напоила, то сама и видловидай!—крикнула изнову куховарка.

— Я ёго не напувала,—видмовила, ледве стримуючи слёзы, Приська.

— А мени яке дило, чы то ты, чы яка ініпа потаскуха напоила ёго? Не хочешъ будыти, то самъ панъ розбудить ёго!—гримнула ще разъ куховарка и зникла у синахъ.

Не встыгла молодыца проковтнуты однієи образы, якъ вже самъ панъ винувся до неї зъ кулакамы.

— Де той п'янюга? Куды ты ёго заховала?—налетивъ винъ, немовъ та шулика, на Приську.

— Онъ сплыть на лави,—перелякалася, ажъ затремтила вона.

Панъ підбигъ до Степана и вразъ выбывъ хміль зъ головы. Стапанъ скопыўся и винувся, якъ несамовитый, зъ хаты.

— А тебе я провчу колысь! Тоби я тежъ накладу колысь, жыдивъскій попыхачъ!—налаявъ ще разъ панъ Приську.

Все стерпила, все знесла вышкомъ Приська, але на цёму не скінчылося: черезъ часъ повернувся Степанъ и сповистыў Приську, що панъ вже прынявъ видъ ёго збрую и прогнавъ геть зъ двору.

У молодыци підкосыліся ноги видъ такои звистки.

— Що-жъ ты теперъ робытымешъ?—запытала вона Степана.

— Пересыжу на кватыри, пови мисце трапытся,—мовывъ винъ байдуже.

Приська тяжко зитхнула. Легко сказаты: „пересыжу на кватыри“; хыба вона не знае тыхъ кватыръ, хыба не вида вона, яку кватырю винъ уподоба? Чы за-для того вона стильки чепретерпила, стильки перемучылася, щобъ диждаты побачыты Степана пидъ тынню? „Розипьется, роспустытся, розледачіе вкрай—и що я робытнemu тоди зъ дытыною на рукахъ?“—журалася нышкомъ Приська.

— Ногашу світло, бо такъ не засну,—мовывъ трохы перегодомъ Степанъ, занудывшись дывлячысь на Приську, якъ вона чумавіе.

— Гасы,—видцовила Приська.

Степанъ буркнувъ щось соби пидъ нисъ, дмухнувъ ва світло и полизъ на пичъ спаты, а Приська немовъ прыкыпила до лавы й не рушыла зъ неи ажъ до світанку.

Якъ тильки Берчыха выйшла до кухни уранци, Приська попрохала у неи порады.

Берчыха мыттю прырозумила, якъ пособыты горю.

— Хай Степанъ жыве у насъ до котрого часу: винъ мене не обильств и кутка не завалыть, а щобъ ёму не прыкро було жыты безъ усякого дила, мы купымо поганенку конячку,—хай винъ заробить и казлинови яку кошійку, и самъ матыме прыстановыще та харчъ, и тоби буде спокійнише,— мовыла Берчыха.

Одначе ця щыра, розумна та корыстна за-для всіхъ, на мову Берчыхы, порада не дуже-то прыйшлася по серцю молодыци: ій прыкро було навить и уявить соби, що Степанъ іи стане жыдивськымъ попыхачемъ „за харчъ“.

— Ни,—мовыла вона—хай я краще платытыму вамъ за кутокъ по карбованцю на мисаць, а харчуватымется винъ у кумы,—попрохала Приська.

— Боже упасы! Щобъ я брала зъ тебе грошы? Щобъ я вывертала зъ тебе за Степана? Та ты мени платы удесятеро бильше, то я не скочу твоихъ грошай. Якъ-то можно? хыба я

не знаю, яки твои гроши? Хыба въ мене жалю не має? Ни, колы ты жаліешъ Степана, а я шкодю твоихъ грошей, то хад же буде ни по твоему, ни по моему; мы умовымося зъ тобою такъ: незабаромъ будуть ваши Святки, до мене прыйдуть здалека родычы—треба прыбрать, прычесурыты скризы, и звычайно я беру поденныхъ. Теперь я поденныхъ не визьму: ты, молодычко, навроку тоби, проворна, роботаша, управышся сама—и мы будемо квитъ.—Приська подумала трохы и згодылася.

XXI.

Степанъ не звязъ тай не дуже цикавыўся знаты, на якихъ умовахъ вистався винъ у Берчыхы. Работы зъ ёго никто ніяком не вымагавъ, кума Настя харчуvalа не зле, у кышени поводылося трохы грошей, и жылося-бъ ёму ве погано, якъ-бы Приська меньше до роботы прыпадала та бильше часу ёму удилляла.

— Крутышся, якъ муха у окропи, николы не прысадешъ, не побалакаешъ! зануда бере, дывлячысь на тебе,—скаржыўся Степанъ, потагаючысь та позихаючи на всю хату.

— А ты мени пособы трохы, той мени буде бильше вильного часу,—видмовляла Приська.

— У чимъ-же я тоби пособлятыму? Нема мени пидхожого дила. Якъ-бы це кони... або якъ-бы це у панивъ, та я за лакей,—позихавъ Степанъ.

— Корова йе,—нагадувала Приська.

— Хыба що корова!—позихавъ изнову Степанъ, и хочъ и погожувався, що доглядъ за коровою дило пидхоже за-для ёго, не йшовъ пораты іи, бо памъятавъ, що це задурно, що жыдивка не выкыше ёму и шага за ёго прадцю. Такъ само невелыка охота розбирала ёго и носыты воду, або дрова, вычыщаты биля порогу та ходыты зъ дорученнями. Приська мовчала який часъ, терпила та тильки дывилася, якъ винъ, мовъ непрыкаянный, вештается зъ угла у вуголь, але колы побачыла, що таке жыття ёму до вподобы и що винъ не дуже-то турбуется про мисце,

стала докоряты та вымовляти ёму. Степанъ немовъ и скаменувся, почавъ доглядати коровы; але-жъ той доглядъ дався у знаки молодыци: зъ самого ранку почынавъ Степанъ проклынаты и долю свою, и Берчыху, и ії корову, та скаржытысь, що ёго зробили „жыдивськымъ попыхачемъ“, що потурають имъ, якъ якимъ крецакомъ. Молодыца доводыла ёму, что то винъ ій пособляє и робить не Берчыса, а ій, що ій, хворій теперъ, вадъ силу прадца, и що винъ повиненъ самъ попыльнувати про те, щобъ вона не пидвередилася або не знеслилася вкрай.

— Тоби-жъ гирше буде, якъ я занедужаю та доведется тоби харчувати и меня и дытыну. На твоїй-же голови окопштася моя хвороба,—доводыла ёму Приська.

Степанъ гараздъ пе разумивъ, зъ якої речи хвороба полюбовныци або і ю дытына надастъ ёму клонотивъ, бо не почувавъ за собою ніякихъ обовъязківъ и николи не бачивъ, щобъ навити дукари-паны бралы на себе таки незвичайни турботы, проте не зважувався до котрого часу висловлювати свои неясни думки, и хочъ зъ проклёномъ та пересердямъ, а йшовъ такы до коровы. Повагомъ вytягавъ винъ два Іцебра воды, повагомъ мало не по одній стеблыни, набираючи у сараи сина, повагомъ напувавъ, злегенька вychyщавъ стiйло и, скинчывши цю прадю, обовъязково проклынавъ свою долю—долю „жыдивського попыхача“.

— Чомъ-же ты соба мисця не шукаешъ? Чого свитомъ нудышъ, чого мени голову отымы проклёнами забываешъ. За три тыжни можно було-бъ мисця знайти и заробити хочъ на крестыни дытыни. Незабаромъ у тебе буде дытына; чы розуміешъ ты, що ты будешъ батькомъ, що у насъ буде зайвий йидець, зайва душа на рукахъ?—нагадувала ёму Приська.

— А це-жъ черезъ кого я мисця не шукаю, якъ не черезъ тебе та того зайвого йидца? Пиду звидциль, то ты и одного дня не выдержышъ! Кыдай Берчыху, наймайся до кого іншого, де не стильки роботы, то я заспокоююсь и зразу наймуся,—видповидавъ Степанъ, и Приська вирла ёму та тильки витхала: „до

кого пыде вона теперь, хто скоче держаты іи теперь, причъ Берчыхъ?“

Перейшли жыдывськы святки.—Якось видбула Приська гостей та родычивъ хазайськихъ и, хочъ доводылося и до пізнѣй ночи разъ-у-разъ робыты, хочъ выпадалы частенько и таки деньки, що вона не мала часу гараздъ и попойисты, але вона мовчала, бо бачыла, що недавняя воля прызвела іи до гиркои неволи слугуваты тому, хто скоче іи держаты, годыты тому, хто хочъ не жене іи вагитнои проты Свята зъ двору.

Диждалы Велыкодныхъ Святокъ Берчыха не перечыла наймычкамъ видбуваты ихъ по закону, и Приська не шкодила ни працы, ни грошей своихъ, абы наготовыть всѣго, що слизъ, та задовольныты Степана. Степанъ захопыўся тежъ святочными турботамы и, сподиваючись гостей, вычыстывъ навить частыну дворыша. Приська ледве волочыла ногы, почувала себе дуже погано, але ни одымъ словечкомъ не натаянула про те Степанови, щобъ не турбоваты ёго и щобъ не обрыднуты ёму жалючысь на хвористъ.

У великану субботу вона уготовыла стиль, прычепурила все, а у вечери дала Степанови билу сорочку, повязала ёму шию своимъ шовковымъ платкомъ и вырядыла до церкви святыи Паску.

Народу стовпилося у церкви сыла. Степанъ не мигъ молытися; винъ облюбовавъ себи мистечко и почавъ роздывлятися навколо. Недалечко видъ ёго стояло двое дивчатъ. Вони зразу спостереглы ёго, и одна напевне и прызнала ёго, бо коженъ разъ, колы винъ хочъ ненарокомъ повергався до неи, вона схылялася до своеи сусидкы, шопотила іі щось на вухо, штовхала іи, щобъ та обернулася та глянула на парубка, и почынала реготатися, затуляючись биленькымъ платочкомъ. Довго прыдывлявся Степанъ до іи облычча, довго ламавъ голову, що то за статурна та очевидачки безъ краю весела дивка, и нарешти такы прызнавъ,—то була Дунька. Степанъ усмихнувся и, колы Дунька повернулася до ёго, уклонився ій. Дунька засміялася и кынула й дму головою.

— Ось въ кымъ насампередъ похристосуюся!—подумавъ самъ соби Степанъ и посунувся на кровъ бlyжче до дивокъ.— Покращала вона за дей часъ! Ачъ якъ очыма поводыть! Бидова дивка! Гараздъ, що незлопамята: ипша-бъ и очи выдрапала за те, що я такъ, зъ доброго дыва, покынувъ іи, а вона щей усмихается!— думавъ дали Степанъ, все дывлячись на неи.

— Идять швидче до-дому!—сипнувъ ёго несподивано який-сь хлопчыкъ.

— Чого?

— Не знаю: маты та Берчыха мене послалы по васъ,— видповивъ малый.

— Ось дослухаю службы, посвачу паску, тоди и прыйду,— мовыть Степанъ, не зводячи очей въ Дуньки, що вже покынула свою подругу та наблыжалася потроху до ёго.

— Я зостануся била паскы, а ви йдить,—не подавався хлопець.

— Та я не знаю, хто ты й такий? Може це ты помылься, може то не мене кlyчуть?—заштовтувши Степанъ, поступаючись бlyжче до Дуньки.

— Та ни-бо, васъ кlyчуть маты. Я васъ знаю, ви дядько Степанъ, а моя маты Горошыха-бублійнци,—трохи не заплакавъ хлопець. Маты та Берчыха велилы, щобъ ви сразу йшли,—давъ винъ и сипнувъ Степана изнову за рукавъ.

Ничого було діяты: видъ уйидливого хлопця віякымъ чыномъ не можно було одвъязатися; люде тежъ прымитылы, що Степана кlyчуть до-дому,—греба було йты. Степанъ зитхнувъ тяжко, штовхнувъ въ пересердя малого и повернувъ до дверей.

— До своеи мылои поспишаешься?—кынула ёму Дунька, наблызывшись.

— Млосно стало!—збрехавъ Степанъ.

— Мени тежъ душно; ходимъ погуляемо вдвохъ по цвынтарю,—мовыла вона, йихыдно усмихаючись.

— У мене тутъ, поблизу, маленьке дило йе;—ты гуляй, а я заразъ справлюся и черезъ хвильнику повернуся назадъ.—

— На мое й складается! — зареготалася дивка. — Я-жъ бо важу «за Приською скучывъ», а винъ ще одбрихуетса... Дежъ такъ? Добру годыну не бачывъ! ха-ха-ха!

— Зоксимъ и и въ думци не мавъ йты до Приськи; я й забувъсѧ про неи, — видмагався Степанъ.

— Колы такъ, то я тебе и не видиущу видъ себе. Яки теперъ дила, у такой день? Годи, пе выгадуй. Сядемо отутъ та побалакаемо, якъ колысь балакали, — мовыла Дунька и потагла Степана за собою до лавочки.

Степанъ сивъ била чей.

— А що вже павчыла тебе Приська по-жыдпівськи бала-каты? А кучери вже повышыса видъ часныку? — почала вразу глузуваты Дунька. — Та яка вона пругка стала, твоя Приська: бигла я колысь зъ нею павыпередкы, тай пе пагнала... А хороша яка! Шидъ очыма сыняки у гадюку завтовшки, очи позавалювались, — хочъ выважуй, на выду зморшківъ за симъ п'ятныцъ не переличышъ — одно слово красуня на увесь повитъ! — сміялась Дунька.

Степанъ тежъ усміхався, тежъ жартувавъ та підтримувавъ Дуньчыны выгадкы, але не подавъ и выду, що ти выгадкы та жарты глыбоко бороздять ёго серце, що слова іи сіють у тыхъ борознахъ якесь недобре насиння, що зъ того насиння вже почынає выростаты досада и що та досада окошыться, звичайно, не на Дуньци, на цій веселій цокотуси, що риже ёму правду у вичи, а на тій, що привела ёго до такого сорому, до Дуньчыного посміху та глуму. —

А тымъ часомъ дочытали до Хреста, и радистний спивъ „Христосъ Воскресе“ пролунавъ побиля церкви.

Степанъ знявъ шапку и похристосувавъ зъ Дуп’кою.

Рушыла процесія, высыпавъ народъ въ храму; Степанъ та Дунька прытаїлісь за деревомъ.

Посвятылы паскы, народъ посупувъ широкою хвилею зъ цвянутаря; завязавъ вже и Степанову паску хлопець та понисъ до-дому, а Степанъ та Дунька все стояли на мисти, бо гараздъ и не зналы, куды имъ ити.

— Шидемо до Палагеи Тыхоновны розгоеляться,—прыдұмала Дунька.

— Добре!—радо зголывся Степанъ и пишовъ услидъ за Дунькою.

Дуньку прывитала Палагея Тыхоновна добре, бо це була одна зъ тыхъ любязныхъ ій дивчать, що николы не журилася и збувала ій поцинно одягу. Степанови вона тежъ не пошкодила даты зайвои чаркы, бо то бувъ Дуньчынъ кавалеръ, до того на кватыри саме прожывала найщыриша подруга Дуньчына, Одарка, а вона була зачастлыва дивчына и на гостре словечко, и на мицну горилочку... Часъ-другий не забарышся перебигты у такому веселому гурти, та ще за чаркою. Степанъ не спостеригъ, якъ пидбылося сонечко, и поплентавъ до-дому вже такъ якъ у пизне сидання.

А тамъ ёго давно сподивалыся, давно вызыралы й у викна, и за воритмы: Господь пославъ ёму дочечку.

ХХII.

„Непроханый гисть—кажуть—гиршъ за татарына“. Колы-бътильки крихотпа Галя винила вазираты у вичи та дослухатыся до речей тыхъ людей, про вешталыси биля іи почовъ, вона-бъ спостерегла гирку правду цієи приказки у першу-жъ хвылыну свого жыття и не дывилася-бъ такъ байдуже своимы ясвымы оченятамы на похмурого батька, заплакану неньку та бабу, що, купаочу іи, зитхнула и мовила до Приськи зъ жалемъ: „одже не павмыруще—жытые на грихъ“. Нихто не прохавъ іи, никто не кликалъ, не уготовывъ ій мистечка на „шырокому“ билому свиги, и коженъ може запытаты іи зъ докоромъ: на-вищо ты прыйшла? Прыйшла непрохана, небажанна—не враждуй-же па людей за лыхе слово, не проклынай кревныхъ, що породылы тебе та не дали права жыты; склепы свои устопька, не роздырляйся панкою: свить шырокий и великий, але тоби одинъ шляхъ—шиляхъ, що зборознылы глыбокими

коліямы та засадылы колючымъ терномъ таки сами безбилетни, бевталанни непрохани гости, якъ и ты! Берчыха перша показала той шляхъ: Галына колыска мулыда ій очи. Вона перетерпила четыры дни Святы, а на пытый розсчитала Приську.

— Не враждуй на мене, молодычко,—казала вона, доручающы Присьци оставчу заробленыхъ грошай—три карбованцы:— самій шкода тебе, такъ не можу я тебе держаты, бо хазяинъ мій страсть пе любыть дытчаго лементу.

— И що вамъ та дытына заважыть?—запыталася сумно Приська.

— Багацько не заважыть, а видъ роботы хазяйськои руки видніме. А колы вже справди тоби никуды подитыся, та колы, хай Богъ мылue, тоби крайнистъ у мене служыты, то я вже такъ, щобъ люде пе казалы: „сяка така Берчыха паймычку прогнала“—пайму тебе и ва дали, тильки, звычайно, четырёхъ карбованцівъ не дамъ.

— А скількы-жъ дасте?—запытала Приська.

— Скількы я тоби дамъ? Два карбованца на місяць—то красна ціна за-для наймычкы зъ маленъкою дытыною.

— Тобъ-то наполовыну? А роботы-жъ якъ, тежъ меньше удвоє буде?—

— Робота за тобою буде та, щой була, нема чого змініти, нема чого зменшуваты: йисты варыть що Божого дни треба, праты треба, корову доглядаты треба..

— Такъ вы хотыли, щобъ я ту саму роботу та робыла вамъ у пивъ-цины?—запытала Приська зъ докоромъ.

— Хыба я тебе сылую, хыба я домагаюся, щобъ ты у мене служыла? Якъ не хочешъ, то й Богъ зъ тобою! Я хотила якъ краще, бачу, що ты така пещасна, що у тебе маленъка дытынка на рукахъ, що тоби никуды подитыся, пу я й...

— Хотила зъ тебе останію шкуру здерты?—перехопыла стурбованна молодыця ричъ Берчыхы.—Теби мало, що я у тебе здоровъя перевела, що я тоби бильше року, якъ віль, робыла, мало, що я тоби, якъ кому й путпёму, корылася, мало, що за той кутокъ, що занявъ Степанъ, привавымъ потомъ видробляла?

Тоби цёго мало? Ты хотила ще моимъ горемъ, моимъ грихомъ скорыстуватися?—хотила по два карбованці на мисаць спокуты наложыты? А! будь ты проклята! Будьте вы все прокляты, пьявки ненажерлыви!—закрычала Приська, не памъятаючи себе зъ досады та горя.

— Цыть, цыть! Чого ты кричышъ? Цуръ тоби, пекъ тоби! Якъ-бы я знала, що ты така сердыта, то я-бъ до тебе ч не балакала! Иди соби зъ Богомъ, иди!—

— Не байсь,—не вистануся! Швидче сама кипуся зъ кручи и дитину задавлю, а вже не попущу вдруге жыдивци выварювати зъ себе воду!—видмовила Приська, пелешаочы Галю.

— Не зарикайся, молодыце, якъ-то люде кажуть: не ручысл, бо куры и на весилля та не хотять, та силою тагнуты! Нихто тебе не клыкаль до жыдивъ, сама прыйшла своею волею, пра-служыла бильше року, получыла все гроши до кошійки... Робота—не важка, симъя невелычка.

— Годи!—одризала Приська.—Прощайте!

— Прощай! Иди соби зъ Богомъ! Я не знала, що ты така сердыта,—мовила Берчыха и защищнула за наймычкою двери.

Приська перейхала на кватырю—велику та сумну хатыну у пидвали. Степанъ пособывъ ій перевезтися, розикласты та розвишати збіжжя и сразу подався шукаты соби мисця. На ничъ винъ не вернувся, и Приська, не дождавшися ёго до обидь и на другой день, заперла хату и пишла зъ Галею до Насти поспытатися порады, за вищо зачепыты руки та якои праці шукати теперъ? У Насти було ще два мищанки у гостяхъ, и все жинки пораялы въ одынь голосъ зробытыся прачкою. Приська послухалася тієї порады, и колы прыйшовъ у вечери Степанъ похвалиться, що вже пайшовъ соби мисце, молодыца похвалилася й соби, що Настя та дві мищанки пообіцталися постачати ій сорочки. Степанъ значно повеселишавъ, прочувши таку прыемву звистку, и побигъ зразу за горилкою та оселедцями, щобъ спрыснуты щастливве за-для обохъ ихъ новосиля.

— Жытымешъ теперъ: я матыму шість карбованцівъ на мисаць, ты—зароблятимешъ удвоє бильше, бо перешъ ты швидко и гарно; матымешъ гроши на хлібъ и на силь,—радивъ Степанъ.

— Ты-то матымешъ, а я ще зразу не зароблю ничего: поки-то городяне довидаются про мене, та поки-то впевнятся, що я не покраду сорочокъ, або не перенивечу ихъ! — журиласи Приська.

— Выгадки! Я ось якъ пиду та оповищу знаемыхъ панивъ, то тебе у одынъ день закыдають сорочками. Про те не журися, що роботы не буде; абы охота,—мовывъ Степанъ.

— Э, ни, не важы такъ: Настя казала, щобъ я и не наділася и не думала у цёму мисаці роботы знайти. Доведется мабуть цей мисаць на готови гроши жыты.

— То що? — жыви на готови! — згодився Степанъ.

— У мене-жъ тильки три карбованця,—нагадала Приська. Степанъ промовчавъ.

— Хыба може ты выпросыши у хазяина впередъ та дасы мени трохы? — запытала несмилово Приська.

Степанъ изнову промовчавъ.

— Скажи хазяинови, що тоби дуже потрибни гроши.

— Який чортъ дастъ мени грошей впередъ? Де я тоби у лыхои годыни знайду такого дурня, щобъ такъ и пойнявъ мени виры? Перебувай якъ хочъ цей мисаць: продай що-небудь, або, про мене, на подеащиу ходы! — пораявъ Степанъ.

— Зъ маленькою дытыною? — нагадала Приська.

— Чы зъ дытыною, чы безъ дытыни — якъ знаєшъ! — розсердився Степанъ: — а тильки зъ мене не потягнешьничого, бо мени панъ до кинця мисаця не копійки не дастъ.

— Якъ-же я жытыму? — запытала Приська.

— Якось та жытымешъ! Постачыть того дрантя на мисаць! — видповивъ Степанъ, показуючи на Присьчыну скрыню.

— Тобъ-то мени одежыну вже продаваты? — здывувалася и наче ажъ злякалася Приська.

— Тобъ-то мени вишатись, абы ты тієи одежы не продавала? — передражнывъ іи Степанъ и ухошився за шапку.

— Куды-жъ ты? — спынала ёго Приська.

— Не знаєшъ хыба куды? До хазяина, — видповивъ Степанъ и пишовъ зъ хаты, навить не дошывши пляшки.

Боляче стысалося Присьчыне серде; сумно та гирко сталої на души. Щось непевне свитылося у очахъ коханця; чудный винъ бувъ самъ у цей вечиръ и чудни та не щыри були ёго речи. Чы не надумавъ-то винъ^{*} же зрадыты та покынуты іи?

На другой вечиръ Степанъ^{**} прыйшовъ, третій—тежъ не прыходывъ; четвертого дні забигъ на хвильну, взявъ два бильжъ сорочки та чумарку и зъ того часу не казавъ очей бильше тыждня. А Приська тымъ часомъ потратыла гроши на дрова та мыло, продала одынъ платокъ, щобъ забезпечыты хочъ карбованцемъ свою хазайку—дуже побожну, але ще бильшъ, неймовирну крамарку, продала и два вышиваныхъ рушника на свои по-требы и налагодыла ще де-якую одягу, щобъ несты до торгу,—колы прыйшла Настя и прынесла першы бунтъ чорныхъ сорочекъ. Приська заходылася того-жъ дні била ныхъ, не пошкодила ни мыза, ни рукъ, и сорочки выйшли, якъ снігъ, били. Вона однесла ти сорочки и повернулася щастлыва та завдовольнена зъ карбованцемъ у кышенці. У синахъ сподивався іи Степанъ. Винъ прыйшовъ одвидаты іи та Галю, а заразомъ попрохаты „у позыку“ двадцять п'ять кошіекъ, до того днія, паки скінчытса ёму мисціца та хазайнъ виддасть гроши. Молодыца хотыла спочатку видмогтysя, бо видъ Степана душыло горилкою, але якось не зважылася збрехаты и подала ёму четвертака. Степанъ поцілувавъ іи, подякувавъ и зновъ немокъ крізь землю провалыўся ажъ на висимъ день. Даремно роспытувалася Приська всіхъ, де шукаты Степана, даремно шукала ёго и Настя,—никто не звязъ, де винъ наняўся, хочъ не разъ и бачылы ёго люде то у крамыцахъ, то на вулыди.

Роботы у Приськи побильшало, одначе заробітка постачало тильки на дрова та на харчъ. Нарешти прыйхалы якось паны, вупынlyся у отели недалечко видъ Приськи и якось послали до неї чы-малый бунтъ сорочекъ. Молодыца не забарылася упораты ёго, и черезъ кильки день одержала бильшъ трёхъ карбованцівъ. Такій значный заробітокъ забезпечывъ-бы молодыцу на довгій часъ и заспокоівъ-бы напевне і хазайку, що все скоса поглядала на кватыранку та мало не що-дня.

вымагала въ неи гроши,—але іи знову сподивався вже у синахъ Степанъ зъ такымъ самымъ проханнемъ „позвычты“ грошій, якъ и першый разъ. Приська видмовила ёму и збрехала, що не має й шага за душою. Степанъ не покиравъ и вымагавъ спочатку обережно та, звичайно полтыника, а коли Приська побожилася, що въ неи пема про ёго грошій, то почавъ гримати, лаятись и слово за словомъ прызначався, що знає весь Присьчинъ заробитокъ и що не прыйшовъ-бы и теперъ прохати „на свою необходиミстъ“, якъ-бы напевне не знати, що у неї йе три карбованці.

— Навищо-жъ тоби гроши?—нарешти запыталася Приська безъ краю здывована, а почости и завдовольнена тымъ, що Степанъ таки стежить за нею и знає життя її, хочъ и не має часу одвидать свою симью.

— Треба, дуже треба! Дай, прохаю тебе! Це-жъ у півчику!—попрохавъ Степанъ.

— Скажи: на вищо?—допытувала Приська.

— Ій-Богу треба! Ось бачъ—побожився! Велике слово—ій-Богу!—перехрестився парубокъ.

— Не дамъ.—Далеби, не дамъ, доки не скажешъ!—забожилася и соби Приська.

— Уздечку украдено,—збрехавъ Степанъ.

Приська вийняла гроши.

— Дай мени карбованця, бо може за полтыника щей не куплю,—попрохавъ Степанъ.

— А виддасы?—запытала Приська.

— Якъ достану у хазяина—разу виддамъ.

— Гляди-жъ, Степане, не збрешы!—мени дуже скрутно, я тильки и засноковласл трохи цымы трома карбованцями. До кинця твого мисаця зостається ще шість день, а у мене, якъ розплачуся зъ хазяйкою, залишиться всіго шістъдесять копіекъ. Пам'ятай-же, Степаныку, ще, не надійся на мій заробитокъ та верни мени мої гроши тай своїхъ дай трохи Гали на сорочечки.

— Того-жъ дни, якъ достану и прынесу,—засноковавъ Степанъ Приську и, заховавши выдуренного карбованця у кышеню, побігъ до дому.

Не забарылъся перебигты ти шистъ день. Настунывъ и той вечиръ, колы Степанъ повыненъ бувъ прынести гроши. Якъ на те, у Приськи за цей часъ не было слыке ніакого заробитку, и ци гроши Степанови тильки й давалы надію молодыця. Смеркомъ забигла була Настя и похвалылася, що вже довидалася, де саме служыть Степанъ, и що колы треба, то вона може и забигты до ёго. Приська попрохала ії переказаты Степанови, щобъ винъ неодмінно зайшовъ до неї цей вечиръ та прынесь грошій, думаючи, що парубокъ прыйде, потратыла останніго золотого ёму на вечерю. И ось нарешти диждала вона вечера, диждала ночи, а писля першихъ пивнівъ постукався и винъ. Винъ прыйшовъ, але... краще бувъ-бы й пе прыходывъ! Червоний, роспатланый, п'яній, винъ ускочивъ въ хату, пройшовъ непевною ходою до ночовокъ, вывернувъ зъ ихъ постырани сорочки, перекинувъ по дорози ослинець, сивъ мовчы на лаву и, назбиравшы по усихъ кышеняхъ де скильки-сь тамъ мидяківъ, пошпурывъ чымы у Приську.

— На, собако, давыся!.. Зайила мое жытти! На... будь ты проклята... лопай! Бильше не дамъ... не дамъ! Пропадай ты зъ своею дытыною... Це не моя дочка... Чуешъ? Не моя! Хай Настя не бреше, хай не прыходыть вдруге до мене!.. Це не моя дочка!.. Я знать ії не хочу!—гримнувъ Степанъ.

— Степане, Степаныку! Господь зъ тобою! Що-бо ты кажешь?—злякалася Приська.

— Мовчы, а то бытуму! Убью, проклята, и тебе, и ії, и Настю—щобъ не було!—крыкнувъ ще дужче Степанъ.

— Степаныку! Лягай, серденько, та спочыни!—стала благаты ёго молодыця.

— Убью! прожену! Чоловикъ прогнавъ, и я прожену жыдивську наймычку! Вонъ!—закрычавъ винъ якъ несамовитый.

Спочыни, Степаныку! Ось я тоби вже и лижко уготовыла!—благала Приська, сylkуючись звесты Степана зъ лавы та провесты до застланої постели.

— Ты думаешьъ, я п'яній? Брешешъ, собако: я не п'яній... Теперь я все чисто зрозумивъ... Ты була мені паморокы

забыла... я не разумна ничего, а теперь я все, все бачу... Я людина ще молода... саме у пори, у сили... Дунька за мене зразу замижъ пиде... пиде, бо сама казала: сватай—пиду. А ты—жыдивська наймычка... тебе чоловикъ прогнавъ, и я прожену. Вонъ!—закрычавъ винъ знову.

Пьяне облычча ёго прыйняло страшный выразъ, налити кривью банкы выкотылыша наверхъ; мицно стысленный кулакъ падавъ разъ-повзъ-разъ зъ усієи сily на стиль и ось пиднявся вже надъ Приською.

Приська выхопыла зъ колыски Галю и выбигла зъ хаты.

Степанъ кынувся за нею навздогинъ и вже бильше не вертався.

Навики перервався звязою зъ цёго часу мижъ Приською та Степаномъ: ніякымъ вузломъ не звязаты погнавшои пытвы, ніякимъ карукомъ не зклейты трухлявои деревыны; ни любысткомъ, ни хытрощами, ни розумомъ не зайднаты и перетливши сердёнъка.

Степанъ видчахнувся видъ Приськи, а вона зневидила ёго, якъ зрадника, якъ непутящого батька своеи дытны, якъ пьянку, якъ безсовистну людыну.

Гала, сама Гала зисталась молодици, и зате якъ покохала вона, самотна, опорочена, бидна, маты, свою крихотку. Скильки счаствя, веселошивъ, скильки жыття додавала іи колыска цёму сумному кутку у пидвали, и скильки думокъ, надій, жаху та клопотивъ додавала вона свої ненъци!..

— Гу-гу... гу!.. — загуде манесенька Гала, сylкуючись ухопыты выпростанными зъ повывача ручепятамы краечокъ червоного платка, що высить на колыси.

— Гу-гу-гу! Крихотко, комашечко!—видновидае зразу маты, выда сорочки, бижыть до колыски, прышадае до своеи одынажки. —Дочечко моя, рыбонько моя, счастя мое! Що-то буде зъ тобою? Яка-то доля чекае тебе? Чы дожыву я, щобъ побачыты тебе великою, чы захышу тебе видъ недобрыхъ людей? Покынувъ насъ батько—залышылыша мы самитни на билому свити! Не покыдай-же хочъ ты, моя крапелько, своеи несчастливой матери!

Жывы моя дытыночко, моя донечко! жывы, та будь счастливиша за свою матирь!

XXII.

Промынувъ рикъ. Рикъ тяжкои праці, незабезпеченого життя не може промайнутъ блескучымъ метеоромъ,—винъ тягнеться, жаль, дуже довго. Коженъ день, іподи навить хвильна, такого року видбывається глыбокими зморішками па виду, кида пасму свого волосса у чорни кучери, витається тяжкимъ стогиномъ, провожається якъ небажаний гистъ.

Тяжко дався цей рикъ и молодыци нашій: непевний заробітокъ прачки, звязано, и дотого маленькою дытыною, далеко не забезпечавъ життя. Сотни бунтиль чорныхъ сорочокъ проходили черезъ ін руки, але не давали спроможности одікласты и шага про случай якои прыгоды. Літо та осінь пройшли ще не дуже сутужно, бо дощи постачали воду, а сонечко сушило сорочки. Зате зъ першимъ-же морозомъ праця поважчала удвоє. Доводилося спускатися по слизькій гори до рички по воду, но суты ту воду мало не до обидъ, полоскаты сорочки у крыжаний води и потимъ п'ястиста на гору зъ важкимъ бунтомъ мерзлихъ сорочокъ. До того, довга зимня сушка на морози вимагала великого горища, або сарая, а до Присьчиної хати давалася тильки маленька повитка. Молодыца розвишуvalа холодки, мерзли сорочки по всій своїй хати и тымъ додавала своїй господи ще бильше вожкосты та цвili.

Намерзла та наморена, вона лягала на вожке лижко биля цвилыхъ стинокъ и вставала, наче писля якои хворобы, отуманила, слаба та блида. При такихъ умовахъ не забарилася одищити Приську и нахабна гостя бидностя—пропснича. Мицю ухопыла вона молодыцию у свои пазири, и якъ не змагалася Приська зъ нею, якъ не выкурювала ін зъ своеи господы,—вона такы добылася свого и знесылила Приську. Праця прачки стала

здаватися ій надъ-сму, сорочки стали выходыти не такыми биlyмы, якъ спочатку, и роботы видразу поменьшало.

— Паны не задовольнени на цей разъ вашымъ праттамъ,—казала одна покоянка.

— Панычъ не схотили надити тієи сорочки, що ви прynesли,—казала друга.

— Не прыходьте за сорочкамъ,—мы соби ишу прачку знайшли,—казала третя.

Приська видмагалася то тымъ, то сымъ, звертала все то на мыло, то на воду, але незабаромъ повышенна була соби прызватися, що вона вже не здатна працювати такъ, якъ спочатку працювала, и що не даремно нарикають на неї люде. Іогиршалы харчи, похолоднишало въ хати, але Приська не звертала ни па вишо увагы и може не зводилася-бъ цо килько день и зъ лижка, колы-бъ не люта хазяйка, що разъ-у-разъ нагадувала ій про завинувачени грошы та пидганяла до праці.

— Не линуйся, не нивечы сорочокъ, докладай рукъ!—твока мало не що дня гладка крамарка:—не лягай, бо пропаcныца того не любить: ходы, вештайся, працюй, не звертай на неї увагы, то вона покыне швидче,—радыла вона.

И якъ тажко було Присьци слухати ту пораду, якъ боляче зводиться хворій зъ лижка та вештаться зъ пухлымъ ногами зарады крамарчого спокою! Вона приступала до ножовъ, починала праты, але якъ тильки хазяйка выходила зъ хаты, изнову падала на лижко, брала Галю цидь бокы и, укрывшись теплымъ кылымомъ, пролежувала мало не до вечора. У вечери ій становилось легше; вона трохи бадёрнишала и хапалася скінчты за ничъ роспочати сорочки.

Зридка одвидували іи знаёми товарки, але то були таки-жъ сами безпрыютни, таки сами безпомични жинки, якъ и вона. Одна людыца, що хочъ трохи пособляла ій, засылаючи иноди середущу доњку доглядати Галю, це була Настя, але-жъ и та не могла дати ій доброи порады та прырозумити, якъ запобигти тому лыхови, що насувало темною хмарою и вже заволожло небо надъ головою немичнои молодыци.

— Я-бъ нанялася на твоему мисти,—казала Настя иноди Присьци.

— Хто-жъ мене найде зъ малою дытыною, причъ якои небудь Берчыхъ, або Рыбалкынои, шо тильки и шувають такихъ безталаныхъ наймычокъ, якъ я? Тай який буде доглядъ Гали у чужыхъ людей? Мало хыба згорбатило, покривило та послипло тыхъ дитей по панськихъ кухняхъ? Мало ихъ гыне шо року?—видповидала Приська.

— Виддай кому небудь Галю,—радыла изнову Настя.

— А вы виддалы-бъ хочь одного зъ вашыхъ дитет на чужи руки, чужый доглядъ та чужу ~~дому~~?—пыталася Приська.

— Йидь до дому, Присько, верныся я село! —зважылася нарешти якосъ Настя, цидъ вилывомъ розмовы своеи зъ Спрыдономъ, пораяты молодыци.

— Повернутысь на село?—перенытала Приська, схоплюющысь зъ лижка.—Краще кынутысь зъ кручы, краще утопытыся, краще загынуты де небудь пидъ-тынью, нижъ вернутыся на село, шиты на зустричъ глуму, докорамъ та знущеннямъ селянъ. Мало я горя прынала видъ ныхъ, мало досаждалы, мало сміялышя зъ мене? А тоди я ще невынна була, я не заподіяла ще тоди никому ничего худого, на мой души не було чіякого гриха, я не осоромыла никого,—я тильки не хотила корытися имъ, я шукала іншого жыття, я лынула до іншои праці. Що-жъ то вони скажуть теперъ мени? Якъ глузуватымуть зъ мене, якъ радитымуть, шо я спіткнулася, шо не дійшла до бажаной меты! Тай куды я теперъ пиду? До кого? До матери, щобъ выплакала надъ колыскою внуки свои стари очі? До Мелашкы, щобъ осоромыты іи? До дядька Максима, щобъ давъ вілкомъ по голови? чы може иты до чоловика та выховуваты на его хлибови „жырову дытыну“, слухаты докоры, зносыты може й бійку? О! ни, найлютиша, найгирша смерть краща за таке жыття!.. Ось дастъ Бигъ, пройде хвороба, покыне пропасныця—и все буде добре та гараждъ,—додала вона, трохи заспокоившись.

— Не покыне тебе сплоха пропасныця,—зітхнула Настя: тоби треба кілько день и зъ хаты не выходыты, до рички не

наблизжатися, а ты мало не що дна полощешся у весняній води. Ось вже и кашель напавъ тебе...

— Я и сама знаю, що колы-бъ я перепочила хочъ тыждень, колы-бъ оти сумни думки, що разъ-у-разъ обгортают мою голову на самоти, покинулы мене хочъ на короткий часъ, то я-бъ видразу поздоровишала.

— Переходъ на килько день до мене,—запрохала іи Настя.

— Тисно у васъ... видмоглася була Приська.

— Ничого—якось помистымся. Ходимъ!..

Приська пе знала, якъ и дякуваты Насти за таку ласку. Симъ Насти та Спиріонова, ихъ крихотна хатына, ихъ дитки, тыхе, спокійне та запезичене, якъ здавалося ій, жыття—де саме й була та мета, до якои такъ лыпула душою и серцемъ Приська, яку завжди уявляла вона соби. Чоловикъ служыть, заробляє гроши, прыносить ихъ до дому, виддає жипци, а жипка доглядає дитокъ, годуе, обпирає, обшиваває ихъ и ще прыберигає коїйку и про гостей и про яку прыгоду. Вона пе разъ була у Насти въ гостяхъ, бачыла, якъ гарно живуть Спиріонъ та Насти, якъ кохають та жаліють одно одного; бачыла, що дитки завжди обути, одягнени, що поводився инколи и ласый шматокъ про гостя, що жыття забезичене и лише безъ усякихъ турботъ, дарма що напевнене, колы и вони тикали зъ села въ городъ, колы кыдалы батьківську оселю, то селяне зпущалися въ ныхъ такъ само, якъ и въ неи, и казалы, що вони „пропадуть“. „Ни“,—думала Приська, идуучи до Насти:—„не городъ выненъ у моїй прыгоди, а безсталання мое. Не пропадала-бъ я отакъ, не роскыдала-бъ здоровья, не занапастыла-бъ свого вику, якъ-бы не Степанъ. Перевела бильшъ трёхъ рокивъ у городи, а що я бачыла, чымъ скорыстувалася, чымъ можу похвалытыся, причъ горя, досады, то пращи. Оце може одляже трохи видъ серця. Подывлюся хочъ па чуже счаствя, прожыву хочъ килько день въ людьмы, що пе знаютъ горя“.

Назустричъ Насти та Присьци высипали вси диты; старшенький хлопчыкъ рокивъ шесты выбигъ ажъ па вулайдю. Винъ махавъ рученятамы, скакавъ босонижъ по калюжци и, ще

здалека показуючи жинкамъ медяного пряника, кричавъ на всю вулыцю.

— Тато прыйшли, тато прыйшли!

— Настя набавила ходу.

— Хыба тато давно не бувъ, що ты такъ зрадивъ?—запыталася Приська хлопчыка.

— Давно: бильше тиждня, — видловила Настя замисть хлопця.

— Не пускають, чы піколы?—здивилась Приська.

— Ніколы: робота не валка, а одлучитись не можно, бо не вгадаешь, коли напъ або пани велять запрягать,—мовила Настя.

— Ажъ на трь дни прыйшовъ!—сновистывъ Спирідонъ, здоровкаючись зъ жинкою та Цриською.

— Невже? обмапюешъ!—зрадила Настя.

— Кажу тоби на трь дни. Бачъ, яка цяпка? це черезъ неи мени святки,—мовивъ Спирідонъ, показуючи перевязану руку.

— Що-жъ то таке?—злякалася Настя.

— Пусте,—кинь трохъ поносивъ. Сёгодни, дити, будемо увесь день гуляти!—звернувшись винъ до дитокъ, що оточили ёго коломъ.

— Всі трь дни гулятимемъ: памъ зъ вами не було цей рикъ святокъ, то хай хочъ ци дни одсвяткуемо!

— Невже не були па святкахъ дома?

— Ни одного денька; саме панськи визиты—піколы було й па хвалину забигти до-дому. Та мы до цёго вже звыкли; мы знаємо, що симъ—не про насъ. Ось симнадцять рокивъ, якъ ожепився, а не запамътаю и одного дня такого, щобъ вильно було пагулятися дома, роздивитися гараздъ, побалакати зъ дитими, жинкою... Прыйду па який часъ, перекинуся словечкомъ, ухоплю чисту сорочку—тай знову мершій „до дому“. Ви спытайте мене, яки у мене дити—чи путящи, чи розумни, чи дурни, то я вамъ і не скажу: знаю, скільки якому рокивъ, якъ звуть, а бильше й не пытайте. Огакъ само

знают и вони мене. Знают, що йе батько, бо прыносять гроши та гостынци, бачутъ, що іноди прыходыть до ихъ якісь чоловікъ, що вони новынни называты ёго „таткомъ“, а що-то воне за людьина, якои виры та якои вдачы,—то й не знатымуть... Иноди прямо и забудешъ, що въ тебе симя йе, що ты не самитній на свити... Хай Насти радіе, що въ неи такій дурный чоловікъ, а то іншый бы на моїму мисти черезъ саму зануду розледащівъ та завивъ соби яку кралю,—пожартувавъ Спрыдонъ.

— А може інша жинка ще-бъ швидче за тебе занудилася, взыраючи своего чоловіка по цілыхъ місяцяхъ?—засміялася Настя.

— И то нравда,—згодыvся Спрыдонъ.—Счасти наше, що мы обое дури та доси кохаемся, а до того й натрапили на пана плохого: держыть мене, ледачого, ажъ четыриадцять роківъ, не боится моєї смерти та дае гроши впередъ. Оде-жъ на тоби сразу 10 карбованцівъ: взявлъ впередъ, бо знаю, що дити обирвались,—мовивъ Спрыдонъ, доручаючи жинці гроши.

-- Впередъ тай впередъ, а що буде дали? — зітхнула Настя.

— Що робити? Не пропали, не прогуляли—наслідника хрестызы, теплу одягу справили. Пошли Господь ще одного йидця, то мы ще визьмемъ впередъ, а одробымо може на тому свити!—пожартувавъ Спрыдонъ, але Присьци здалося, що середъ того жарту винъ тяжко зітхнувшъ.—Ну, дитвора, комы готови, то ходимъ!—звернувшись винъ до старшенькихъ дітей, прыймаючи видъ Насти найменьшого девятимисячного хлощика.

— Готови, готови!—обизвалося въ одынъ голосъ троє дітокъ, спишино кинчаючи свое убрання.

— Може-бъ ты, Присько, и не йшла зъ намы, бо Спрыдонъ ходытыме довго: ажъ поки не покаже дитямъ всіго города та не прыморшь всіхъ,—мовила Настя.

— Ни, я пиду зъ вами,—видповила Приська.

— Куды-жъ мы пидемо?—запыталася Настя Спрыдона, замыкаючи хату.

— Скризь, скризь пидемо?—видповила меньшенька дивчинка зазираючи любому татови у вичі.

— Скризь, скризь пидемо!—підтримавъ доньку батько и подавъся прямо до найголовнишої вулиці города.

Довгенько походыли вони по городу; падивились дити на усіки дыва, що виглядалы въ виконъ у крампцихъ; де-якихъ цяц'єкъ купивъ Спирідонъ имъ па іграшки. Вже падъ вечиръ повернулися вони до-дому, потомлени, а особливо Приська, бо хвористь ін давала такы себе зпати.

Нашлися вони чаю. Меншенькі дити заразъ-же поспули, а Лызька та Микола пішли у свій кутокъ гратись новими цяцьками.

— Моя лялька буде „барышею“, я—ін горишина, а ти—кучеръ. Добре?—запыталася Лызька Миколу.

— Добре!—згодився Микола.

— Кучерь, запрягай!—скомандувала дивчинка, та такъ гризно, що Приська не втерпила, щобъ не засміятыся.

— Ачъ яка строга горишина!

— О! зъ неи буде бидова горишина,—обизвалася Настя.

— Не пожаліє й батька: посадить на козла підъ дощъ, якъ звелять паны,—додавъ Спирідонъ.—А зъ тебе, що буде?—звернувся винъ до старшенької, Варки.

— Незабаромъ побачимо, що буде: пислязавтрёго треба весты у наймы,—видповила Настя.

— Отъ тоби й на! Тобъ-то вже до чужыхъ людей ити, свое гніздо видати?—зитхнувъ Спирідонъ.

— А докы-жъ ій сидити? Вже дванадцятий годочекъ наступивъ,—хай иде заробляє.

— Може ты, Варко, не хочешъ ити у наймы, то я тебе не силюю; хай краще босонижъ страйбатымешъ та знатымешъ, що дома?—запытавъся Спирідонъ, пыльно заглядаючи у вичі доњиці.

— Я пе хочу ходити босонижъ—я наймуся!—видмовила Варка.

— Такъ ты хочешьъ, чы не хочешьъ службы?—запытавъ іи вдруге Спрыдонъ.

— Хочу! Абы не былы,—видмовыла дивчына.

— Таке и выгада! хто-бъ же тебе бывъ?—хотила заспокоити іи Настя.

— А ты й певна, що іи не бытымуть?—запытавсь Спрыдонъ жинки.—Ты краще навчы дочку, що ій робыты, якъ бытымуть. Що ты, Варко, робытымешъ, якъ тебе який катъ лясне?—звернувся винъ до Варки.

— Покыну, скажы, та прыйду до батька,—навчыла дочку Настя.

— Я покыну, а воны мени заслуженыхъ грошей не да-
дуть,—нагадала Варка.

— Ха-ха-ха!—засміявсь Спрыдонъ.—Хто мигъ-бы й по-
думаты, що оця маленька голивка вже стильки передумала, що
дванадцятылития дивчынка такъ добре жыття наймычки знає?
Правда твоя, дочки, якъ покынешъ, то тильки сама соби лыха
наробишъ: и за сыняки не помстыши, и гроши пропадуть, а
ты робы такъ, якъ я колись зробывъ: давъ мени олынъ панъ у
лыку, а я прычынывъ дверы, щобъ свидкы не нагодылися, та
тоди й наклавъ ёму здачи.

— Схаменыся! Верзе таке, щой купы не держится. Иды
Варко, до дитей, не сыды тутъ,—розсердилася Настя. И що
тоби за охота дытыну такому навчати?—звернулася Настя до
чоловика, якъ одійшла Варка. Николы батьківской порады не
дасть: все жартуе та, немовъ той ворогъ, на лыха настановля.

— Бо такы я и ѿе ворогъ своимъ дитямъ,—зитхнувъ
Спрыдонъ;—бо якъ-бы я думавъ бильше про дитет, то не по-
кынувъ-бы села, своеи хаты, своеи земли, сыдили-бъ диты на
своїй батьківщыни, у своїй сімьи, биля своихъ кревныхъ та не
сподивалыся-бъ змалечку стусанивъ видъ чужыхъ людей.

Настя стала заспокаювати чоловика: довго щось доводыла,
у чымъ-сь впевняла, але Приська вже не слухала іи.

Те, що вона бачыла, чула сёгодни, а найбильше остання
річъ Спрыдонова дуже вразылы іи. Вона, покынuta полюбов-

ныця, йшла видпочыты та заспокоитись до счастливыхъ людей у счастливу симью, подышытысѧ хочъ на счаствя, на чужи достатки, колы не зумила выпрохаты у Бога соби такои доли, а натомисць наслухалася гиркыхъ речей, побачыла, якымъ коштомъ здобувае Спрыдонъ ти малесенъкы достатки, що здаются далеко бильшымъ черезъ ту полуду, що вміє Настя, якъ и вси городянки, имъ додаваты.

Вона не зисталася у Насти ночуваты, бо разъ—темно було, а вдруге—натомилася и бажала, якъ мога швидче, добратись до свого лижка...

XXIV.

Черезъ килько день занегодылося, пишовъ велыкый, холодный дощъ, а Присьци, якъ на те, прynesлы бағацько сорочокъ. Думала молодыця, думала, лежучы пидъ кылымомъ зъ перевязаною мокрымъ платочкомъ головою, чы однесты назадъ ци сорочки, чы праты,—тай зважылася такы нарешти питы зъ нымы на ричку. Такъ-сякъ дотяглasse вона туды, пополоскала, позвязувала и стала п'ястыся на гору, але черезъ який десятокъ крокивъ побачыла, що не дійде до дому, скynула зъ плечей важкий бунтъ и сила на дорози.

На счаствя іи йихавъ хвурманъ. Приська поклыкала ёго, сторжылася, поклала сорочки, сила сама и пойихала; але до-йизжаючи вже до-дому, згадала, що не мае чимъ заплатыти хвурманови и гирько заплакала, уявляючи соби зарани ту лайку, що доведется ій выслушати видъ ёго. Одже хвурманъ не мавъ и думки ляты іи: побачывы, що жинка такъ побывається, винъ не тильки подарувавъ ій того грывеныка, що молодыця новынна була заплатыти ёму, а ще пишовъ до хазайки та порадывъ звернуты увагу на недужу кватыранку.

И хазайка на лыхо Присьци, зъ того часу стала пыльнуваты іи: ни одного дни не пропускала, щобъ не забигти посытатися про здоровья та заразомъ нагадати и про гроши.

Нарешти здалося ій якось, що Присьця немынуча смерть. Якъ на те у той самий день Приська понесла до торгу свій найкращий платокъ, и хазяйчина наймычка бачила, якъ вона продала ёго и кунила на выручени гроши сахарю, чаю, булки та килько аршинъ билого каленкору.

— Про смерть сама клопочется, напевне вже знає, що незабаромъ помре,—мовила наймычка хазяйци, и хазяйка мытю побигла до кватыранки.

— Прыйшла до тебе, галочко, зъ останнимъ своимъ словомъ: щобъ ты выбиралася зъ моей господы. Куды знаешъ—туды и йди, а мени держаты тебе вже надъ силу. Терпила, терпила, а ты совисть загубыла: и грошай не платишъ, и сидишъ на моїй шки, немовъ той лышай на дереви. Вашои сестры—що ряски на ставку; всихъ у свою господу однаково не втвопишъ. Иды, серденько, Господь зъ тобою, куды знаешъ; у тебе-жъ и чоловикъ десь йе, а мени вже обрыдо правыты зъ тебе та выпрохуваты свои кревни гроши, немовъ ти бублики пидъ монастыремъ... Сёгодни ты платокъ продала, скілько-сь грошай уторгувала,—ось, якъ-бы ты була совистна, то давно-бъ такъ и мени оплатилася, а то все дожыдаєшся заробитку, а ёго нема тай може вже й не буде.

— Буде, Меланья Семеновна, ій Богу буде! важдити тильки тришечки, поки хочъ потепліє,—попрохала Приська.

— Ни, серденько, не ждатыму бильше. Мени гарни кватыранти трапляються; шукай соби іншого прыстановыща. Гроши, що слідъ мени за ци два останни тыждни, я тоби подарую за спасення душы, а за ти два хочъ заплаты, хочъ кыдай скрыню у застанову,—мовила хазяйка.

— Меланья Семеновна, тётю моя риднесенівка, не женить мене, важдити трохи! Я-бъ давно продала що-небудь та заплатила вамъ, якъ бы зисталося що иутне у скрыни. Оде-жъ тильки и мого богатства, що подушки та перына; коли хочете, то беріть ихъ, попрохала Приська.

— За перыну дадуть карбованцівъ цять —кынула, немовъ байдуже ій до того, Меланья Семеновна.

— Продайте, визмить соби гроши, тильки не женить мене, хвору, зъ вашои господы! — попрохала Приська.

Хазяйка не видовила ничего и пипла соби геть; але чрезъ яку годину прыбигла якась цокотуха перекупка, заверещала, накричала Присьди новну голову, покинула ій карбованця, ткнула спишино три карбованци хазяйчыній наймычці, що дождалася ії у синахъ, ухопыла перыну и потаскала ії.

Лагла у вечери Приська на свое лижко — не засне ніякъ. Забрала вона всю одягу, що була у скрини й на поверси, пидостлала соби у боки и якось заснула. Прокинулася на світанку. Болять намулені боки, болять груды, кашель душить, у голови шумить...

— Не встану сьогодні, — пролежжу увесь день. Гараздъ, що хазяйци оплатилися, праття не ванесли и карбованець йе у кышени; спокійно лежатиму, поки хочь голова перестане болити, — поклала соби молодыця.

А тымъ часомъ крамарка-хазяйка держала пораду зъ своею наймычкою, якъ позбутися тієї напасты — недужою кватыранки.

— Проженить ії, тай край! — радыла вирна служка Меланії Семеновны, висока та ривна, якъ ломака, чорна, якъ цыганка, дуже літня вже дівка.

— Не можна: не дозволяють выгонити недужою кватыранки, — журилася Меланія Семеновна, одлежуючись у пуховыхъ перынахъ.

— Хыба-жъ ви ії на вулицю выженете? Можна ії перевезти до Хвеськи — у неї однаково теперъ пустує хата, бо номеръ кватыранть, — порадыла наймычка. Меланія Семеновна замислилася трохи: вона добре знала ту хату за городомъ, де вже не одна наймычка й не одинъ наймытъ скінчилі свои дни; вона увила теперъ соби „Хвесьчины лёхъ“, увила соби недужу кватыранку и запытала себе: чы-то буде грихъ видъ Бога перевезти туды молодыцю, чы Господу Мылосердному байдуже до такихъ дрибныць?

— Выгоднише Хвесьди заплатыты якого полтынника и хвурмана за свій кошть наняты, нижъ потимъ ховати ії, та ще й клопотатися зъ дытynою ії, — порахувала ваймычка.

— Робы якъ знаешъ,—здалася Меланья Семеновна и „про всякъ случай“ звела запалыты зайву лампадку биля божныци.

Наймычка перегодыла трохы, вырядыла крамарку до крамныци и постукалася до Приськи. Приська скопылася, накынула спидныцю, хотила мытту видчыныты дверы, але поточылася и трохы не унала.

— Охъ, Господы! невже я зовсімъ знесылышася, невже я ще дужче заслабла? Слава-жъ тоби, Царыце Небесна, що хочъ хазайцыничого ве вынна,—ажъ перехрестылася вона.

— Присько, що ты тамъ робышъ? Спышъ чы що доси?—погукала вдруге наймычка.

— Млосно стало... ледве до дверей дашла,—мовыла Приська, впускаючи у свою хату наймычку. „Саме Хвесъчына кватыранка“,—подумала сама соби наймычка, угледивши близу Приську и іи неохайнє лижко.

— Оде прыйшла до тебе—мовыла вона трохы перегодомъ—сказать тоби, щобъ ты выбиралася сёгодни, бо новый кватырантъ перейиде.

— Я-жъ вже оплатылася,—видповила спокійно Приська, певна, що наймычка ще не знає того.

— Знаю, що, спасыбы Божови, перыною оплатылася, а проте ось Меланья Семеновна послала мене до тебе,—мовыла наймычка.

— Одужаю трохы, то перейду,—зітхнула Приська,—а теперъ я и головы не зведу и ногамы не володію—заслабла чисто.

— Неодмінно, щобъ сёгодни перейшла!—хазайка тоби на хвурмана дастъ,—не спынялася наймычка.

— Та я теперъ и до хвурмана не дійду, и зъ іганку не зійду: ось посыдила трохы, тай то вже голова завернулася. Тай куды-бъ оце я пойхала, куды-бъ мене той хвурманъ повізъ?—мовыла, изнову прыпадаючи головою до подушки, Приська.

— У Хвесъкы пустуе хата.

— У Хвесъкы?—скопылася Приська:—у іи „лёхъ“ йихаты? Не пойду я туды.

— Пойдешъ, якъ никуды буде бильшъ йихаты,—мовила наймычка.

— И до вику не повезу у той „лехъ“ своеи дытыны. Хай Меланя Семеновна жene мене й лае, а я не пойду теперъ никуды.

— Булы таки и ранишъ за тебе, що не хотили выйздити зъ кватыры, а проте такы выйхали,—видмовила наймычка.

— А я не выйду: я оплатылась, нездужаю и жити, поки зможу знайти соби яке инше прыстановыще.

— Того довго сподиватися, а полыція не забарытса вывесты тебе звидциль. Я ось йиду зразу, пошукаю городового,—прыозумила наймычка налякаты Приську и пидвела зъ стульца.

— Рятуйте!—крыкнула не своимъ голосомъ справди переляканы Приська и збудила Галю. Дытина заплакала.

— Галыночко! Дытино моя!—заголосыла и соби Приська, прыпадаючи до доњки.—Куды намъ теперъ подитися, що намъ робыты у цёму великому городи?—

— Не голоси!—спынела ій наймычка.—Упаковуй краще свое добро тай выйзды завчасу, поки хазайка не повернулася зъ крамныци та не поклыкала городового.

— Хай вертаєтесь, хай иде, хай клыче, кого хоче—я не пиду у Хвесьчынъ лехъ, не понесу туды своеи дытыны!—видповіла твердо Приська, мицно прыгортаячу до своихъ грудей едый и останній скарбъ, що додававъ ій ще зваги змагатися зъ життямъ—свою манесеньку Галю.

— Знатымешъ-же ты!—посварилася на Приську наймычка, выходячы геть зъ хаты.

— „Симъя-не про насъ, сады—не про насъ, гроши—не про насъ!... А що-жъ про насъ, наймытивъ у цёму величезному городи?“—запытала себе Приська, намагаючись звязаты докупы шматки якыхъ-сь думокъ, гадокъ та спогадивъ, що посили ій роспалену хворобою голову.

„Такъ“, прыгадала вона „темни, неметени вулыци... праця... зневага... та Хвесьчынъ лехъ!“.

XXV.

Кинець квітня. Весняне сонечко поїсувало вже довгу працю зими: білый непорочний снігъ не витримавъ єго пекучого погляду—оставъ и побигъ ричечками та струмочками сповищати людей про свою прыгоду... Завеленивъ широкий степъ. Залунала у чистому, прозорому повитрю писня жайворонка... Прылетили гусы въ далекого краю... Обізвався вже разъ десь у гаю соловейко...

По дорозі йиде повозка. Конячка тюпа помаленьку, залышуючи на вохкій землі слідъ непідкованихъ копытівъ. Вона нызько похильла свою голову, заплющила очі, але не видъ втомы похнюються вона такъ и не зъ образы, що визныця стибнувъ іи недавнечко батижкомъ,—вона марыть про пахущу траву, ночный частовень та свижий водопій у ставку.

Худа, блида, зморена жинка, що сидить на повозці тежъ у солодкій дримоті. На обличчю іи не видно ни сумныхъ думокъ, ви турботъ. Вона зводить зридка віи, и тоді глыбоко запали очі іи дивляться спокійно на били, легенъки якъ подыхъ, хмарки, на далекий блакитъ прозорого неба... На рукахъ іи спить маленька дитина. Це Приська, цисля лыхои городянськои доли, верталася на село.

Визныця звертається иноди до жинки зъ якимъ небудь питаннямъ, але бильшъ мовчить. Весна, властива господиня кожного створиння, опанувала своїми чарами й єго сердцемъ. Не хотілося ни думати, ни згадувати, ни балакати... Такъ гарно, такъ невымовно гарно було сидити спокійно, купатися у золотому промінню сонечка, вбирати у себе свиже повитря весни!!

Ось поривнялься зъ якою-сь економією. „А вже весна, а вже весна“—несподивано оголосила весняночка поле. Приська стрепенулася и повернула голову назустрічъ писні.

Надъ самимъ шляхомъ простяглися плантаціі тютюну, и десяткивъ зо трьо дивчатъ у рижнобарвихъ карсеткахъ, билыхъ

сорочкахъ садылы розсаду. Весело та жаво йшла робота у великому гурти пидъ доглядомъ старенъкого „табашыка“—Приська задывилася на дивчать.

— Помагай-би! Боже поможы!—звернувся визныця, Максымъ, до строкивцivъ.

— Спасибы!—видповили въ одынъ голосъ дивчата.

— Здорови, тату!—прывитала Максима якась дивчына, перестрибнувшы черезъ канаву.

— Здорова!—хыба вже нанялася?—здывувався Максымъ.

— Вчора заступыла. Маты довго не пускалы, а я такы видпрохалася,—мовыла дивка.

— Кортило нанятысь?

— А вже-жъ! тутъ такъ весело: разъ-у-разъ у гурти—не счуешся, якъ и день зійде... Це мабуть вы, титко, тогого листа прыслалы?—звернулася дивчына до Приськи.

— Якого листа?—здывувалася молодыця.

— Отъ и не дала вража дивчына збрехаты!—засміявся Максымъ. Я хотивъ, щобъ ты думала, нibly-то я выпадково нагодыўся у городи та потрапивъ до тебе, ажъ воно, якъ то кажутъ: „брехнею світь пройдешъ та назадъ не вернешся“..

— Пысавъ вамъ хто про мене, чы що?—запыталася Приська.

— Спрыдонъ сповистывъ насъ про тебе. Такого жалю намъ надавъ своимъ листомъ... У кинци прыпысавъ, щобъ и не хвалылышся и не прызнавалышся тоби пратой листъ, а мы, бачъ, якъ уволылы ёго волю!—

Приська засміялася.

— Ажъ теперъ, якъ засміялышся, пизнала я васъ,—зрадила дивчына:—вы титка Приська.

— Вона сама,—мовыла молодыця.—А ты-жъ чыя будешъ?

— Це-жъ мой хрешеныця, Харытына; невже забулася? Вона надалечко видъ вашои хаты и живе—друга хата видъ выгону,—нагадавъ Максымъ.

— Невже це та сама Харытына, що, здаётся, ще такъ недавнечко пасла гусей за царыною?—здывувалася молодыця.

— Вона сама,—видповивъ Максимъ. Приська прыдывлялася до дивчыны и не йняла виры своимъ очамъ. Колы встыгла вона такъ выросты? На якыхъ харчахъ набралася дивчына того дебелого тила. Яка праця додала до іи молодого лыченъка стильки колёру?

— А дытынка якъ мицно сцить!—мовыла Харытына, обережно оправляючи платочекъ ва Галыній голивци.—Хлопчыкъ чы дивчынка? Приська спалахнула: „почынается!“—почынаются прыкри пытання! Незабаромъ пидуть сварка, докоры...—промайнуло у іи въ голови. Мытту прыгадала вона, якъ колысь маты ціе Харытыны прылюдно соромыла іи за глевки пырогы, якъ навитъ ци сама Харытына дратувала іи вкупи зъ іншымъ дитьмы та дражныла прызыщемъ „городянкы“, и серце изнову боляче защемило... Чого-жъ сподиватыся ій, осоромленій, знышевій, хворій душою и тиломъ, теперъ на сели? Чого вона йиде туды? Навіщо послухалася дядька?

— Дивчына Гала—нарешти видповила зъ пересердямъ Приська.—Рушаймо, дядьку!—звернулася вона до Максима.

— Тривайте, тату!—тпrrr!... спынына дивчына коня.—У мене десь канхветыкъ бувъ—парубокъ давъ. Ось знайшла. Нате, дайте Гальци. Прощайте!—додала вона и мытту опыналася біля подругъ.

Повоzка рушыла дали.

— Зайдымо може до мене?—перепочынешъ трохы,—запытався Максимъ, дойихавшы до перехрестя двохъ доригъ.

— Поганайте до матери: я ще не дуже втомылася,—видмовыла молодыця и зайдлася сухімъ короткімъ кашлемъ.

— Про мене, якъ зваешъ—абы не дуже втомылася за дорогу.

— Дойиду якось: ще на дорози не помру,—мовыла стыха Приська, прытыскуючи руку до хворыхъ, втомленыхъ кашлемъ грудей.

— Запакувала ты себе, якъ сама знала,—зітхнувъ Максимъ.

— Не згадуйте, дядечку! не нагадуйте!... Якъ тутъ гарно, весело, ясно, просторо!... Не згадуйте мени про те, шо недавно було,—немовъ попрохала молодыця.

— Дывысь ты, яєть мицно Галька спыть—и не прокыдалася за всю дорогу. Мени наче вона ажъ покращала за цей часъ; засмалылася трохы на сонечку; не така блида,—обизвався трохы згодомъ Максымъ.

— Цвила вона у мене якась,—зитхнула Приська.

— Поправытся: тыжднivъ черезъ дза, гляды, и не признаешъ своио доњакы. Тамъ баба вже ій и колыску повисыла, а Санька ніякъ че диждется, щобъ ії колыхати.

— Дадечку!—звернулася стурбована молодыця до Максыма.—Скажить мени, дядечку, по щырій правди, чого мени сподиватыся тамъ... на сели? Чы мене витатымуть тамъ за родыну, а чы може за останню...—Молодыця не домовыла и вытерла слёзы.

— Выгада таке-сяке-ніяке тай турбуе себе даремно! Ты-жъ йидешъ до ридной матери, а якъ-же ридній матери и витать тебе, якъ не за ридну дочку?

— Скильки горя, скильки кліпотивъ, сорому прынялы воны черезъ мене!—нагадала Приська.

— Матери було горе, тоби удвое, а про соромъ... такъ то, мовлявъ, „и за свою пазуху не ручыся“. Велыкій світъ та слизьки дорогы: той, дывысь, тамъ підсковзнувсь, той—тамъ спіткнувсь, одынъ—зъ горы упаде, другій—у болото улучить, и не намъ, гришнымъ, караты свого брата!—видмовыў Максымъ.

— Якъ прыгадаю я иноди, якъ селяне знущалыся зъ мене, якъ воны докорялы мени, якъ дорикалы, такъ ажъ холодный пить выступыть,—мовыла сумно Приська.

— Дорикалы та допикалы, доки можча було тебе ще на шляхъ справыты. Самъ я не разъ зданенъ бувъ хочь и попопыты тебе за оти выгадкы та норовы, що прызвелы такы тебе нарешти до горя. А теперъ, колы ты вже й сама довидалася почимъ кившъ лыха та стильки горя прыйняла, никто тоби и прыкрого слова не мовыть. Вже, здается, ни передъ кымъ ты такъ не вынувата, якъ передъ чоловікомъ, а проте и винъ на тебе серця не мае: уготовыў тоби хату, тоцлыва, хлиба, сподивається тебе, якъ жинкы, якъ господаркы.

— Не пойду я до Даныла. Навищо здалася я ёму хвора, сумна... невирна дружына? Винъ може и выбачывъ мени, може й справди здатенъ прыйнаты до себе за жинку, але не буде мени тамъ жытъя черезъ самого Трохыма. Не забуде винъ мени моего гриха, не змылуется и надъ Галею...

— Що-жъ Гала? Чымъ воно вынне? Чы-вона кому що заподіяла? Знайдется и про неи кутокъ та шматокъ хлиба, а виросте, дастъ Бигъ, то щей допомогы тому дастъ, хто іи выгодуе. Я самъ такой, що взявъ-бы іи зъ охотою. Це тоби не городъ, де на одынъ кутокъ—десять охотыківъ, на одынъ шматокъ—десять ротивъ. Не повыненъ-бы и Трохымъ тоби дорикаты за Галю...

— Охъ ни, не кажить! Знаю я ёго—немылосердный винъ на такихъ, якъ я; зненавидьть винъ на вики и Галю,—мовыла Приська.

— Про Галю не клопочыся—не загыне вона на сели. Абы Господь допомигъ тоби одужаты, а те все гараадъ буде... Чы пытала ты ликаривъ, яке тоби лыхо та чымъ пособыты, що ты ось кривью кашляешъ.

— Була въ мене ирапасныця. Чотыры мисяци мучыла, и ногы попухлы; ходыла до ликаря,—даю чого-сь, звеливъ застуды остерегатыся; такъ хыба-жъ убережешся, якъ и воды никому податы.

— Сказано, въ городи людей обмаль,—вкынувъ немовъ про себе Максымъ.

— Всякому свое дило, своя робота, свое горе.

— Що до горя та роботы, такъ того добра и на сели досьть, а проте не залышать у насъ одыноку та щей хвору жинку безъ допомогы. Хай прыйдемо до-дому, я до тебе зразу бабу Катрю прыведу,—вона тебе выпользуе.

— Наврядъ. Люде кажуть, що въ мене вже печинки тліютъ...

Максымъ стёбнувъ копячку и не видповивъ ничого.

Сталы вийздыты въ село.

Гала прокынулася, выпростала рученята зъ-пидъ ненчынои литнячкы и потяглася до гилочки черешни. Максымъ спы-

нывъ коня, скочивъ зъ повозки, зломывъ гиличку и подавъ іи дытыни.

— На, бався, скильки хочешъ! це тоби не городська забавка, грошай не коштуе. Незабаромъ наспіють и ягидки про тебе—найисыся уволю.

Приська усміхнулася.

— Чого ты смієшся?—запытавъ Максимъ.

— Дызвно мени, якъ оце вы до Гали промовлялы. Нибы-то и спрэдзи ягидки наспіють про Галю. У городи та дитвора безталанна на вищо не гляне—все не про ныхъ, все про кого-сь іншого, а тутъ ось на дорози забавку знайшли.

— Прырвняла! У городи и сонце не про всіхъ однакове: багатшому бильше и свиту й тепла, а біднішому вже й меньшенько надиляе. Ось напрывладъ, чы часто воно у твою хатыну вазырало?

— Не дуже... А ѿе й такы кутки, де воно и зовсімъ не бувае,—мовила Приська, прыгадуючы зъ жахомъ холодну, вожку, темну хату—Хвесьчины лёхъ.

— То-жъ то, бачъ, и ѿе! Якого вже тамъ и добра сподиватыся, якъ, мовлявъ, сонечко тай то не всіхъ однаково гріє? И скотилося-жъ тоби йихаты туды! А все черезъ дурный розумъ, черезъ ту волю,—мовивъ Максимъ.

— Ни, не важить, дядечку, такъ, не нарикайте на мене: выбирае и скотына поміжъ травою найсмачнишу пашу, шукае ѹ людина, де краще; не зъ дурного ума писла и я у городъ шукаты кращого жыття.

— Тай багацько-жъ побачыла тамъ добра!—гирко усміхнувся Максимъ.

— А багацько... багацько, бильшъ навіть нижъ сподивалася,—мовила стыха молодыца.

— Чы не у жыдивъ часомъ?—не втерпивъ Максимъ, щобъ не нагадаты.

— Одгадалы—мовила спокійно Приська. У Берчыхы мени найвильнише було; у неи служачы, я найбильше прыдывилася до городу, и скильки тамъ добра, колы-бъ вы знали!

Максымъ глянувъ на небогу.

Ни, вона не сміялася. Облыччя іи було сумне, суворе, у очахъ видбывалыся якись тяжки, невесели думки.

— Багацько... багацько тамъ добра!—мовила вдруге молодыця:—книгарни, театры, музыка, вволю свита, тепла... счастья, жыття, достатківъ... все, чого душа забажае, все ѹе у городи. Ни, не зъ дурного то розуму, дядечку, тикають люде зъ села.

Максымъ скыпивъ.

— Ты такы своеи спиваешъ! Не покынула и доси норовивъ! Сама душа у тили, а ще не каетшся...

— Чого-жъ мени каятыся? Чы людныи невильно шукаты соби кращого жыття? Хыба-жъ я вына, що робоча люднына тамъ, у тому городи, де навколо така роскишъ, де люде роскыдають стильки грошей на прымхы, не може здобуты зайвои копійки про хворобу, не може забезпечыты себе найсутяжнишою працею видъ голодной смерти пидъ тыномъ? Хыба то моя вына, що все, чымъ красуецца городъ, що найдужче вабыть людей, вымагае або тыхъ проклятыхъ грошей, которыхъ у нашего брата—наймыта завжды обмаль, або здоровья, котре намъ ще дорожче за гроши, або хочъ вильного часу, котрого у насъ и зовсимъ нема? Хыба мени снадалося на думку, колы я було хожу по городу зъ покійною генеральшею, що лыхтари свитять тильки по тыхъ вулыцяхъ, де паны гуляють, що каминемъ мостятъ тильки тамъ, де заможни люде йиздяте, а що по тыхъ закуткахъ та вулычкахъ, де тысячи робочыхъ людей у глупу вичъ зъ вагою на плечахъ ходяте,—грязюка по колина, темрява и у день, и у ночи...

— Ачъ, чого схотила! Щобъ лыхтарь и передъ іи викномъ стрымивъ! Ха-ха-ха! Не пагано й прирозумила!—засміявся Максымъ.—Ни, галочко, то тильки на сели мы—„люде“, а у городи мы—„попыхачы“, „робитныки“, „чужи наймыты“,—додавъ винъ зъ певництвомъ.

— „Люде!“—несподивано зареготалася и соби Приська.—Галько, чуешь? Якъ прыйдемо на село, то зъ насъ будуть люде!!—звернулася вона до доньки...

Максымъ образыся.

— Чого ты сміешся? Що тоби дывного въ моихъ речахъ?— запытавъ винъ небогы.

— Люде! Якъ мы и на сели люде? Темни, полатани... голодни... Ни, дядьку, мы и на сели тильки робоча терпляча скотына... Але на сели маємо хочъ едыне счастя—громаду такихъ же безталаныхъ, темныхъ, якъ и мы, сусидивъ; маємо добро—батьківський кутокъ про смерть... и спасыби вамъ, мій батько ридный, що взяли мене до-дому... помираты!—мовила стурбовано Приська и тихо заплакала.

Максымъ стёбнувъ ковя и одвернувся видъ небогы.

Перебиглы двое гонивъ, и возокъ вийхавъ въ добре знаёме Присьци село. Ось вже зъявилася и нызенька похыла, але била, ажъ блескуча хата інъ неенька.

— Дядечку! то-же здається Трохымивъ кинъ стоить биля ясель?—запытала переляканя молодыца.

— Ни, ни—заспокоивъ іи Максымъ—то Данылова; винъ видкушывъ іи у брата. Ачъ, вражый синъ якъ поспишывся до тебе—и нась попередывъ! А онъ-де и Мелашчыны коривкы—и вона нагодылася.

— Хыба вона замижжу?—запытала Приська.

— Вже другой рикъ. Вона навмысне въ городъ йиздyla запрохуватy тебе на весилля и десь такы зустрила тебе, та, на жаль, загубыла помижъ возивъ та людей.

Приська прыгадала, якъ ховалася вона зъ цыбулею видъ сестры, и почервонила.

— Ось мы и прыйхалы,—мовывъ весело Максымъ, видчыяющы ворота.—Не бйсь, небого, никого... не клопочыся— никто тебе тутъ не осудить, не додасть зайвого горя... Трохымъ, правда, немылосердный на тебе за Даныла, такъ винъ далеко и не навернется напевне сюды, а про другихъ людей не турбуйсь— буде тоби тутъ добре!

Назустрічъ молодыци высыпала вся родына, вси бlyжни сусиды. Вси обстуپылы воза, радо прывіталы Приську, и на

очахъ молодыць заблестила дорогоцінна перлына-слёза жалю та щырого спочуття до горя недужои, безталанной сестры.

—
Приська не дожыла и до осени. Вова вмерла пры повній пам'яти у своїй хати, заспокоена родиною та селянами, и едыне іи було прохання до матери, сестры та Максима передъ смертью—це не пускаты Галю николы зъ села.

Л. Яновская.



Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.

(Окончаніе) ¹⁾.

53. Колдовство и чародѣйство.

Вопросъ о колдовствѣ въ правобережной Малороссіи весьма обстоятельно изслѣдованъ въ извѣстномъ трудѣ проф. В. Б. Антоновича, составленномъ на основаніи обширнаго актоваго матеріала, извлеченнаго изъ книгъ киевскаго Центральнаго Архива. Тамъ же указано существенное различіе во взглядахъ на колдовство въ Западной Европѣ, до конца XVIII ст., и въ Малороссіи. Тотъ жестокій характеръ, какой имѣли на Западѣ процессы о колдовствѣ, предавшіе пламени тысячи невинныхъ жертвъ, выработался вслѣдствіе распространившейся повсюду и пустившей глубокіе корни въ общественномъ сознаніи вѣры въ непосредственное участіе злого духа во всѣхъ отправленіяхъ человѣческой жизни. На колдуновъ и чародѣевъ смотрѣли, какъ на слугъ діавола, вступившихъ съ нимъ въ близкія сношенія и проявлявшихъ его силу ко вреду людей. Чтобы обезопасить себя отъ этого вреда, общество, руководимое членами священной инквизиціи, усердно стремится къ тому, чтобы открыть точные признаки, по которымъ можно было бы распознать слугъ злого духа, обличить ихъ дѣйствія и истребить ихъ самихъ. И вотъ во всей Европѣ, начиная съ XIII вѣка, запылали костры, усердно раздуваемые фанатизмомъ инквизиторовъ и суевѣрной публикой, и пламя ихъ, несмотря на то что ослабѣвшее подъ вліяніемъ реформаціи, потухло только въ исходѣ XVIII ст., подъ

¹⁾ См. Киевск. Стар. 1901 г. № 11.

вліяніемъ широко развившагося на новыхъ началахъ европейскаго просвѣщенія. Послѣднее аутодафе совершилось—въ Австрии въ 1766 г., въ Испаніи 1781 г., въ Швейцаріи въ 1782 г., а въ Польшѣ лишь въ 1793 году.

Казалось бы, что тотъ же взглядъ на колдовство и то же безжалостное отношеніе къ чародѣямъ должны были бы существовать и въ Южной Руси, такъ долго находившейся подъ культурнымъ вліяніемъ Польши и заимствовавшей отъ нея порядокъ судопроизводства, основы юридическія понятія и множество отдельныхъ законоположеній, вошедшихъ въ законодательство края какъ при передѣлкахъ Литовскаго Статута и дополненіяхъ его сеймовыми постановлениями, такъ и при устройствѣ городского управления на основаніи перешедшаго черезъ польскую редакцію Магдебургскаго права. Между тѣмъ оказывается, что фанатической взглядъ на чародѣйство и примѣненіе къ нему пріемовъ выработаннаго инквизиціонными судами процесса не переходили этнографической границы, до которой простиралось католическое населеніе Рѣчи-Посполитой, и хотя въ Магдебургскомъ правѣ прямо предписывалось подвергать чародѣевъ казни чрезъ сожженіе, но даже магистратскіе суды правобережной Малороссіи почти никогда не примѣняли этой безчеловѣчной кары, обыкновенно замѣняя ее уплатою штрафа въ пользу церкви, духовною епитиміею или же предоставляемъ обвиняемымъ оправдаться очистительной присягою. Причина этой мягкости судебныхъ приговоровъ, по мнѣнію проф. Антоновича, лежала „не столько въ гуманномъ настроеніи судей, сколько въ отсутствіи въ Малороссіи тѣхъ демонологическихъ понятій, которыя вызывали на Западѣ жестокое преслѣдованіе колдуновъ. Допуская возможность чародѣйного, таинственного вліянія на бытовые, повседневныя обстоятельства жизни, народный взглядъ не искалъ начала этихъ вліяній въ сношеніяхъ съ злымъ духомъ; демонология не только не была развита, какъ сводъ стройно развитой системы представлений, но, до самаго конца XVIII ст., насколько можно судить по процессамъ, совсѣмъ не существовала въ народномъ воображеніи, даже въ видѣ неяснаго зародыша. Народ-

ный взглѣдъ на чародѣйство былъ не демонологическій, а исключительно пантегистической. Допускай существованіе въ природѣ силъ и законовъ, невѣдомыхъ массѣ людей, народъ полагалъ, что многіе изъ этихъ законовъ известны личностямъ, тѣмъ или другимъ образомъ успѣвшимъ проникнуть или узнать ихъ. Само по себѣ обладаніе тайною природы не представлялось, такимъ образомъ, дѣломъ грѣховнымъ, противнымъ ученію религіи. Если вчинялся искъ, то суды не преслѣдовали обвиняемаго за самый фактъ обладанія или употребленія таинственнаго средства, а старались опредѣлить, употреблено ли оно было въ пользу, или во вредъ другому лицу, и только во второмъ случаѣ, разсмотривая дѣло съ точки зреянія гражданскаго иска, соразмѣряли наказаніе со степенью причиненного вреда. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, когда мѣстность была поражена эпидемическою болѣзнью, настроеніе населенія становилось тревожнымъ, и панический страхъ побуждалъ прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ по отношенію къ мнимымъ чародѣямъ¹⁾.

Всѣ эти положенія могутъ быть цѣликомъ примѣнены и къ лѣвобережной Малороссіи, чего и слѣдовало, конечно, ожидать въ виду однородности населенія обѣихъ сторонъ Днѣпра. Имѣя подъ руками лишь нѣсколько актовыхъ книгъ малороссійскихъ судовъ XVII вѣка, мы не могли собрать такого же обширнаго материала, какимъ располагалъ проф. Антоновичъ для исторіи колдовства въ правобережной Малороссіи въ XVIII ст.; но и тѣ немногочисленные процессы о чародѣйствѣ, какіе намъ удалось разыскать, представляютъ совершенно однородную картину и народныхъ вѣрованій въ таинственныя силы природы, и отношенія суда къ предполагаемымъ обладателямъ этихъ тайнъ — „чаровникамъ и чаровницамъ“. Болѣе полные изъ этихъ процессовъ мы перескажемъ ниже, въ формѣ отдельныхъ очерковъ, а здѣсь передадимъ лишь тѣ, о которыхъ не сохранилось подробностей.

1) Труды этнографическо-статистич. экспедиціи въ западно-русской край. Юго-западный отдѣлъ, томъ I, стр. 327 и 336.

Въ 1684 г. въ Кишинѣкѣ нѣкая Мотря Лисовчиха обви-
нялась въ томъ, что „посродку ночи чаровала домъ Иваны-
шыпъ Язловеджышынъ, нагая въ замкомъ у волоси вплетеннымъ
ходачы, и поймалъ еи Корній Язловедженко подъ своею хатою“.
По приговору полковаго суда, „взято за тое проступство у Ли-
совчихи единого коня, а пару воловъ сынамъ еи вернено“.

Въ 1690 г. вѣкто Тишко Матвіевъ, изъ с. Озаровки, вмѣ-
стѣ съ тестемъ своимъ явился въ Стародубскій магистратъ и
заявилъ такую жалобу на своего односельца Ярмолу Чорнобая:
„Оный Чорнбай, въ чась моего весилья, обовязовалъ мене по
сорочци портникю невѣдать для чого, и отъ того часу, черезъ
два южъ роки, не маю жадного зъ мою женою сполкованя и
мѣти не могу. А тое мнѣ сталося въ клѣтѣ, подъ чась вѣн-
чання. А на завтре самъ онъ тую ниточку отвязалъ, потомъ
изгубилъ (потерялъ) онукъ, а говоритъ Чорнбай теперь: „колы бъ,
правѣ, тая ниточка була, я бы-мъ помогъ тебѣ“. Приговоръ
суда по этой жалобѣ неизвѣстенъ.

Въ томъ же 1690 г. козакъ Маяцкой сотни Иванъ Чер-
воный жаловался, что его односельцы Антоныха и Маярка
безчестятъ жену его, „задаючи ей неслушный доводъ о мечтахъ
бѣсовскихъ“, т. е. распускаютъ слухъ, будто она чаровница.
Полтавскій полковой судъ послалъ въ Маячку бурмистра Петра
Юревича и двухъ козаковъ, чтобы они совмѣстно съ сотникомъ
Иваномъ Керебердою произвели слѣдствіе, кому и какой вредъ
причинила Червоныха своимъ чарованьемъ. Въ присутствіи всей
мѣстной старшины, „товариства и мѣщанъ маяцкихъ“, слѣдова-
тели опрашивали „миранъ всіхъ: кому якая шкода и украйженя
було отъ Ивановон жопы Червоного, або колы-бѣ на неи який
настоятель ¹⁾ бувъ?“—„Тогда жаденъ духъ признавъ, що не
міемъ жадного ущербку отъ жопы Червоного“. На основації
этого отчета полковый судъ, согласно 105 арт. 14 разд. Статута,

¹⁾ Неточный переводъ юридического термина *instigator*=обви-
нитель, обыкновенно въ то время употреблявшагося въ латинской
формѣ.

призналь Антоныху и Маларку „хвалшымы свиджами“ и велѣль имъ, „упросивши Ивана Червоного и жену его, нагородити имъ всѣ правные выклады“.

Если въ извѣстной мѣстности появлялся моръ, благодушное отношеніе суда и населенія къ чародѣямъ рѣзко измѣнялось.

Осеню 1652 года въ г. Борисполѣ, въ Переяславскомъ полку, была какая-то эпидемія. Кто-то распустилъ слухъ, что болѣзнь пасылаютъ бабы-чаровницы. Съ особенною частойчивостью молва указывала на пѣкую Овдіиху Трасциху, и сотникъ Антонъ Гарасименко, посовѣтовавшись съ войтомъ и другими урядниками, рѣшился арестовать ее. Когда посланные отъ урлда Василь Волочай, Павло Галісценко и Матвій Шульга пришли въ хату къ Трацихѣ и объявили, по какому дѣлу имъ приказано арестовать ее, она сказала:

— Возьмите же, ианове, и Путятыху, бо вона старшая наша есть: вона дивкою рѣдится и въ косахъ ходить, молодою чынится, по дворахъ ходить и дворы надыхае: якъ який дверъ натхне, то вси вымрутъ.

Взяли, конечно, и Путятыху и обвихъ въ ожиданіи суда посадили въ заключеніе.

Спустя нѣсколько дней въ ратушу, во время судебнаго присутствія, пришли многіе изъ мѣстныхъ козаковъ и мѣнданъ и заявили:

— Пане уряде! Великая крында намъ діется одѣ тыхъ незбожныхъ и запамяталыхъ боязни Божої билогловъ (женщинъ) Трацихи и Путятыхи, що вони намъ згубили отцівъ, матокъ, бративъ, сестеръ, дитокъ, та и памъ самимъ одѣ ихъ досталось. Просимо, абы вашности рачили (изволили), ведлугъ святои справедливости и ихъ учинкивъ, билшъ ихъ у вязню не тримати, але по заслуги карность имъ даты.

Урядъ извѣтилъ готовность немедленно учинить судъ надъ обвиняемыми, если есть желающіе выступить въ роли обвинителей и представить улики. Желающіе оказались. Первымъ выступилъ Харько Якубенко и далъ такое показаніе относительно Овдіихи Трацихи:

— Едного часу, передъ святою Покровою, йшовъ я на торгъ, на мисто, а за мною ишла Тращиха; такъ я слытавъ еи: чи уймется моръ до Покровы? Вона мовыла: „ни“, и далій мовыла до мене: „выходъ съ того кутка, де мешкаешь, бо колы не выйдешь, то вымрешъ“.

Другой свидѣтель Овсій Ованка показалъ такъ:

— Молотывъ я въ гумни жыто, ажъ прыйшла до мене Тращиха. Я тоди жыто у михъ сыпавъ, а вона мовыла до мене: „Йовсію, выкинь зъ миха трь зерна жытныхъ, тоди въ дому твоимъ ничего не станется лыхого, вси будуть жыви“. И меду, и воску, и муки просыла; медъ и вискъ взяла, а муки не взяла: „ве треба, мовыть, намъ такои муки—на тую ричъ не згожа“.

Третімъ свидѣтелемъ оказался мѣстный „орендарь“ Кирило Давидовичъ, давшій такое показаніе:

— Овдіиха мовыла мени: „Цане орендарю, выходъ зъ миста на Иваньковскую улыцу, то будешь жывъ во всею челядью“.

Вѣроятно, Тращиха на судѣ отрицала приписываемыя ей слова, поэтому ее подвергли пыткѣ, и „на квестії“ она признала все, что показывали свидѣтели. Другая обвиняемая, Путятыха, очевидно совсѣмъ слабоумная,—не даромъ она радилась молодою,—безъ пытки, „добровольно“ винилась во всемъ, чего отъ нея спрашивали, но ея показаніе не занесено въ протоколъ. Она же „добровольно“ показала:

— И Васылыха попадья така, якъ и я.

То же показала и Тращиха о «выннычкѣ» (женѣ винокура):

— Такая есть выннычка, якъ и я.

Какъ ни были ничтожны улики, по суды, очевидно поддаваясь настроенню встревоженной толпы, приговорили Тращиху къ сожженію. И когда она „стояла на остатнімъ стопню“¹⁾,

¹⁾ Техническое выражение, заимствованное изъ обряда смертной казни чрезъ повѣшеніе. Осужденного взводили на висѣлицу по лѣстницѣ, и когда онъ стоялъ уже на послѣдней ступени („на остатнімъ стопню“), его еще разъ спрашивали, подтверждаетъ ли онъ прежня

т. е. въ данномъ случаѣ была взвелена на костеръ, она въ изступленіи твердила одно:

— Попадью, и Путятыху, ~~и~~ ^жиничку згубить, а не згубыте, то гирше буде въ вами.

И когда уже пламя охватило ее, она „по десять разъ мовила“:

— Не пустить ихъ ни одною!

Послушались ли суды этого безумнаго совѣта изступленной старухи, или же ограничились сожженiemъ ея одной,—неизвѣстно, такъ какъ въ подлинномъ протоколѣ заключительныя строки оторваны.

54. Санжаровскія чаровницы.

Въ сентябрѣ 1693 года въ ново-санжаровскомъ сотенномъ судѣ разбиралось необыкновенно интересное въ бытовомъ отношеніи дѣло. Мѣстный житель Яковъ Михайленко, „прозвискомъ“ Бридуценко, молодой, болѣзненнаго вида человѣкъ, чинилъ „оповѣдь“ такими словами:

— Панове! Мешкавъ я спочатку изъ женою своею по людски, а теперь и самъ не знаю, что намъ стало: чы то въ навиженя Божого, чы черезъ злыхъ людей, взявъ мене якысь страхъ—и самъ не знаю, чого пужаюся, и жоны своей чогось ненавижу черезъ немалый уже часъ. А теперь я почавъ узнаваты, що тое стало, мабуть, черезъ чары. Зостаючая у мене швачка Ганна Крывая два вчорайшого признавала на Приську,¹⁾ бувшую мою наймычку, а теперь жіючую у Якова Перехриста,

показанія и не оговорилъ ли кого понапрасну. И тому, что говорилъ осужденный „стончи на остатнимъ стопню“, давали большую вѣру, чѣмъ выточнымъ его рѣчамъ.

¹⁾ Въ подлинникѣ: *Пруска и Прюска*, какъ далѣе: *кушка* (кошка). Ясное указавіе, что вынѣшнее малорусское острое *и* (изъ основнаго) въ концѣ XVII ст. еще звучало какъ *у* или *ю*.

що вона, ись чіеись науки, ирвала собачую и кошачую шерсть и палыла, не знаю задля чого“.

Тутъ выступила жена Бридуценка и дополнила жалобу его:

— Мылостивыи панове! То еще не все оповидавъ мужъ мій. Власне черезъ тыи чары немалый часъ винъ въ великихъ побстрахахъ бувъ: нибы одъ челяды своей у полю утикаль до болота и все зъ себе складавъ, и чувъ голось одъ того прывыдинія, неначе говорылы: „баймо, баймо овакого сына; нехай каже, де гроши поховані!“ И просывъся Яківъ отъ оного прывыдинія, съдачы въ багни, мовячы: „Не залазьтеся души моей: вывезу вамъ гроши золотыхъ сто зъ дому и розсыплю передъ вами, и подилытесь сюби“. А вони повидаются: „Ни вже, овакий сыну, не увійдешъ одъ нашихъ рукъ жывъ!“

Услышавъ этотъ разсказъ, присутствовавшіе выразили изумленіе, иные же замѣтили, что Яковъ, когда „на ёго находыло“, продѣльвалъ и не такія „чудасія“.

Тымъ временемъ сотникъ распорядился, чтобы бывшая наймычка Бридуценка Приська была приведена, и когда она предстала предъ судомъ, ей задали вопросъ:

— Чи було тое такъ, якъ Ганна Крывая на тебе прызнаеть?

Приська „безъ усякого замолчання стала признаватися“:

— Що жъ, панове, було тое: ирвала-мъ собачую шерсть и кошечую и палыла; а на тое злое дило учила мене Ющиха Гузіенкова, що служила на той часъ мамкою у Якова Бридуценка, и казала мени той попиль и у страву (въ кушанье) сипаты, тилько жъ я не сипала, и не знаю, задля чого. А вона мени такъ говорыла: „Я, мовыть, тое чыныла, якъ зъ Ромашкомъ позывалася, и якъ той попиль розсыпала, а Ромашко уступывъ, то заразъ и люде Ромашкови стали лаяты, и право, мовыть, позыскала“. Тилько, панове, моєї речи“.

Позвали Ющиху и спросили:

— Чи було тое, якъ дивка на тебе вызнаеть?

— Ото, панове,—показывала Ющиха,—якъ була на мене оказія, що я була байстрия привела, то Семеныха Литвиныха

навчыла мене на тое дило, абы-мъ кыдала кишу на собаку и ирвала зъ ныхъ шерсть и палыла, то, мовыть, не будутъ на тебе люденичого говорыты.

Спросили затымъ Ющыху:

— А чи не вчыла тебе Лытвыныха, щобъ ты мила и Якову Бридуненку що чыныты?

— Ни, отвѣчала Ющыха:—на тое Лытовканичого не учыла.

— Задля чого жъ ты дивку на тое злое дило учыла?

— Задля того-мъ учыла, що Бридунка дивци выслуги не заплатыла, а дивка на пюю плакала; съ тыхъ миръ я дивку на тое учыла.

Тутъ Ющыху прервала Приська и, обращаясь къ ней, сказала:

— Спалывши того попилу, я отъ Якова Бридуненка одыйшла до Перехристы, а ты у Якова осталася и попиль въ мене той узяла. Я жъ не знаю, де ты ёго задила.

На это Ющыханичего не отвѣтила, можетъ быть потому, что въ это время ввели Семеныху Литвиныху, или Литовку. Это была известная всему Санжарову „баба-пупоризка“, далеко еще не старая женщина, своимъ привѣтливымъ видомъ и ласковымъ выражениемъ глазъ менѣе всего напоминавшая злую колдунью. Она проворно подошла къ урядникамъ, чинно поклонилась и застыла съ выражениемъ почтительной готовности. Ее спросили, учила ли она чарамъ Ющыху Гузійку.

— А тає, мылостивыи панове,—начала Литовка,—якъ Ющыха прыслала, выбачайте, байстри, а я у неи бабою була, то ѹ учыла де-чему, жалуючи еи, щобъ не было на неи поговору. Та вы, ласкавыи панове—заговорила Литовка другимъ тономъ, приблизившись къ судьямъ—не турбуйтесь: колы дозволыте, я хочъ заразъ пиднимлюсь Бридуненкови мешканя поправыты: буду стараться, щобъ Яківъ знову зъ женою своею полюдски мешкавъ, якъ и спочатку.

Но въ отвѣтъ на это услужливое предложеніе послѣдовалъ приказъ сотника взять Литовку, вмѣстѣ съ Ющихой и Приськой, „до туремного вязеня.“ Дѣло было слишкомъ важно и подле-

жало компетенції вищаго суда; а въ такихъ случаіяхъ на обязанности сотеннаго суда лежало лишь производство предварительного слѣдствія, или „инквизиції“, и снятіе показаній стороны и свидѣтелей, затѣмъ подлинный протоколь подписьвался членами суда, скрѣплялся „звыколо мѣскою“ печатью и вручался истцу для представлениія, въ зверхнѣйшій судъ, т. е. въ полковый. Туда же подъ конвоемъ были отправлены и подсудимыя.

Недѣлю спустя былъ назначенъ разборъ того же дѣла въ полтавскомъ полковомъ судѣ. Сюда прибылъ истецъ Яковъ Бридуценко съ своими свидѣтелями и, вместо устной жалобы, „презентовалъ выведенную атестацію“, т. е. слѣдственный протоколъ ново-санжаровскаго сотеннаго суда. Какъ бы ни была подробна и обстоятельна такая „атестація“, полковой судъ обыкновенно допрашивалъ вторично подсудимыхъ и свидѣтелей и вообще, въ чемъ требовалось, дополнялъ слѣдствіе. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, „хотячи познати явніе знаки и слышные доводы“ преступленія, судъ велѣлъ сначала „передъ собою ку конечной отповѣди стать“ Семенихъ Литвинихъ и задалъ ей вопросы:

— Для чого ты, препомнивши боязнь Божью, велила такіи чары діаты и мешканя Бридуценкови и жони его иссовати, и зъ чиеи направы и якимъ способомъ, якого часу? Що за слова до тыхъ чаривъ своихъ прымовляти, оныи справуючи, казала? Одъ кого ты сама навчилася?

— А що жъ, панове,—отвѣчала Литовка: то яправда, що я- жалуючи Гани, мамки, щобъ на еи не было одъ людей пого, вору, що байстрия прывела, учыла мамку, тилько не на тое, щобъ шерсть собачую и кошечую ирвала и палыла, а на тое, абы вона замокъ, замкнувшы, у воду укынула въ якое судно и тією водою умывалася рано, якъ маеть сонце сходыты, и такъ прымовляла: „Якъ сей замокъ замкненъ есть, такъ людей, которы на мене злость якую будуть говорыты, языкъ и ричъ и мову аби замкнуло“, и тією водою трычи умыватыся велила. А тіем ричи, про запсованія мешканя Бридуценкови, не видаю; однакъ можу,

панове, о тое постаратыся, щобъ ёму и жони ёго мешканя поправыты.

При послѣднихъ словахъ суды[значительно] переглянулись. Бѣдной старухѣ и на мысль не приходило, какъ много вредила она себѣ этой ненужной услужливостью. Больше не стали ее и допрашивать. Мѣсто ея заступила Приська.

— Панове! начала она: якъ первой говорыла-мъ, такъ и теперь говору, что за заведенную заслугу мою Бридуненкомъ учыла мене Ганна Гузійка, мамка бувшая Бридуненкова, на тое, абы-мъ, кишку взявши, на собаку кыдала и, шерсть зъ ебохъ бестій рвучы, говорыла тыи слова: „Въ якій згоди песь съ кишкою жывутъ, такъ нехай и Яківъ Бридуненко въ жоною своею мешкаеть,” — поневажъ мени не заплатыly. Тую жъ шерсть палыла и мала у страву сыпатали Бридуненкови, бо мене и на тое учыла тая жъ мамка, тилько жъ, панове, не сыпала, а той попилъ взяла въ мене тая жъ мамка. А колы вона зъ Ромашкомъ, Гарячого зятемъ, управовала (судилася) за посваръ, а власне за такой, що ёго господыня (жена) мамку называла нецнотою, бо вона байстрия прывела, а мамка й соби на Ромашыху такъ же одказала, що «и ты, прави, такихъ же байстриять навела, якъ и я», то сыпала передъ урядомъ тыхъ бестій попилъ, а скоро Ромашко зъ невидомосты уступывъ ногою въ той попилъ, и вси люде тамошніи стали якъ-бы за мамкою блажыты, а Ромашка ганыты; и такъ мамка позыскавши право на Ромашкови, похвалылася мени, що тое чыныла. А того я не видаю, де вона остатокъ того попелу подила. А тое чынилося такъ рикъ назадъ, обь симъ же часи.

Судъ пожелалъ допросить затѣмъ свидѣтельницу, швачку Ганну Кривую, благодаря которой раскрыто было данное дѣло. Ее спросили: какъ она узнала о томъ, что наймичка Приська чаровала своихъ хозяевъ? Ганна объяснила:

— Тогды, панове, сидила-мъ я на колоди, у двори Якововимъ, ажъ Приська, взявши у хати кишку, несетъ до коморы и кынула еи на пса, и такъ говорыть: „дидчая собака не беретъ кишкы!“. Затымъ, піймавши пса, рвала шерсть и понесла

у хату, а кишка тежъ за нею у хату побигла. Тамъ Приська сперстъ спалывши, попилъ у вузлыкъ завязала и заховала.

Снова спросили Приську:

— Чи такъ тое було? И де ты заховала попиль?

Она отвѣтила:

— Було тое, панове, все, якъ Ганна мовыть, а заховала-мъ я той попиль у синяхъ, за комынь; а навчыла мене мамка на тое.

Допрашивали и бывшую мамку Ющыху. Ее считали болѣе другихъ виновной, такъ какъ она собственно учила глупую Приську чаровать во вредъ хозяевамъ, да и въ показаніяхъ она замѣтно путала, поэтому ее не просто допрашивали, а съ пристрастиемъ: по словамъ протокола, ее «давано подъ килька-кrottную карность»; но она осталась при прежнемъ показаніи.

Слѣдствіе было окончено. Судьи признали вполнѣ доказаннымъ, что Яковъ Бридуненко былъ жертвою злостнаго чарованія: и то, что онъ «до забутя ума» приходилъ, и что «съ женою своею не бытковавъ» (не имѣлъ общенія) — все это «сѣму ся поводыло черезъ чары». Непосредственной виновницей этого чародѣянія была наймичка Приська, но она дѣйствовала по наченію и подговору со стороны бывшей мамки Ющыхи, которую слѣдуетъ считать болѣе виновной въ данномъ преступленіи. Но главной виновницей должна быть признана Литвиныха. Она научила чародѣйству Ющыху, а отъ той уже научилась и Приська; она и на судѣ хвалилась, что можетъ «поправыти мешканя» Бридуненку, а слѣдовательно, можетъ его всякому и «зопсовати»; наконецъ она же, Литвиныха, «будучи власною чародѣйницею», учила другихъ «богомерскимъ дѣламъ чаровницкимъ», какъ нужно «примовляти» надъ брошеннымъ въ воду замкомъ, чѣмъ «лжъ бы радыла, абы кождому чоловику ричъ и мову замкнуло». Справившись съ «правами Майдебурскими», судьи нашли въ книгѣ «Порядокъ», въ артыкулахъ 14 и 22, указаніе, что «чаровники и всѣ, коториі ся отъ чернокнижства а зъ гусла обходятъ, кгды ся покаже, же (что) таковыхъ речий иного училъ, албо кому грозилъ, а тому, которому грожено,

зъ того що злого пригодило, таковыи каждый маєтъ срокою смертельною карностю быти каранъ, то есть огнемъ спаленъ». «Запобѣгаючи тому, абы ся промежъ народомъ христианскимъ такая злость, якая есть противко Пану Богу, не множила и овпемъ была заповѣдана», судъ постановилъ декретъ, по которому Семеныха Литвиныха, какъ «власная чародѣйница», и съ нею Ющиха и Приська, «яко послушаючи тыхъ еи богомерзкихъ учений», тою же «огненою карностю мають згинuti».

Но этимъ суровымъ приговоромъ оказался недовольнымъ самъ же истецъ Яковъ Бридуценко. Онъ заявилъ, что «даруєть горломъ» преступницъ и только желаетъ, чтобы онъ «въ городѣ Новомъ-Санджаровѣ не мешкали вѣчне». Судъ охотно удовлѣтворилъ его желанію и постановилъ новый приговоръ: «абы тыи чаровницы зъ мѣста били шворками выгнани и стали чуждыми отъ всѣхъ ихъ набытковъ», т. е. подверглись позорному изгнанию изъ родного города и были лишены имущественныхъ правъ, а «наклады правныи и вина панская и врдовая» были взысканы съ ихъ «худобы».

Опозореннымъ изгнаницамъ, конечно, предстояла очень печальная будущность; но если принять во вниманіе условія времени, то нужно признать, что полковый полтавскій судъ осудилъ ихъ довольно еще милостиво: судись онъ въ другомъ мѣстѣ, хотя-бы въ самой культурной странѣ тогдашней Европы, имъ навѣрное не сносить бы головъ.

55. Порча вещей посредствомъ колдовства.

Впрочемъ, и изъ козацкихъ судовъ чаровницы не всегда благополучно уносили головы. Дѣйствовавшее въ малороссийскихъ судахъ Магдебургское право обычно требовало казни чаровницамъ, но примѣнение этого суроваго закона зависѣло отъ обстоятельствъ. Санджаровскія чаровницы обвинялись въ причиненіи чарами вреда здоровью и даже жизни человѣческой, и тѣмъ не менѣе суды нашли возможнымъ замѣнить для нихъ смертную

казнь другимъ, менѣе жестокимъ наказаніемъ; а въ это же время решетиловская чаровница Гапка Пасьчиха, обвинявшаяся лишь въ порчу малоцѣнныхъ вещей, поплатилась за это головой.

Существуетъ и теперь въ малорусскомъ простонародии суевѣрное мнѣніе, будто знахари, посредствомъ чаръ, могутъ причинять непоправимую порчу вещамъ людей, почему-либо имъ непріятныхъ. Стоить, напримѣръ, чѣмъ-нибудь разсердить знахаря, и онъ „поробыть“ такъ, что ваше платье окажется все въ дырахъ, холстъ, пиджи, пряжа разлѣзутся въ куски, словно гнилые, корова перестанетъ давать молоко, куры нести яйца и т. под. Въ настоящее время иной хитрой крестьянкѣ не безвыгодно самой распустить о себѣ слухи, что она можетъ это дѣлать, и тогда соседки станутъ ее бояться и будутъ уступать ей въ мелочахъ, чтобы не возбудить ея гнѣва. Но въ старину подобная репутація была въ высшей степени опасной, ибо легко могла привести къ костру или къ плахѣ. И тѣмъ не менѣе никогда не было недостатка въ легкомысленныхъ людяхъ, которые сама большую частію поддерживали или даже распускали о себѣ столь опасную славу.

Такой легкомысленной женщиной была обывательница сотенного города Решетиловки, козачка Гапка Пасьчиха, можетъ быть отдаленная прабабка знаменитаго впослѣдствіи князя Паскевича, тоже, какъ известно, уроженца Цолтавщины. Въ апрѣль 1690 года по ея дѣлу специальнно былъ созванъ мѣстный сотенный судъ подъ предсѣдательствомъ сотника Есифа Завадовскаго, несомнѣннаго предка извѣстнаго впослѣдствіи вельможи. Жалобщикомъ выступилъ мѣстный городовой писарь Григорій Марковичъ. Онъ жаловался, что Гапка Пасьчиха, бывши у него въ домѣ на «беседи» и за что-то на него разсердившись, „перехвалиялася“, что его дорогое жупаны не долго ему послужатъ,—и точно „вскорѣ затымъ злая похвалка еи справдѣлася“: его платье изъ дорогихъ суконъ и аксамитовъ „зовсімъ зопсовалосѧ“—вѣроятно, моль испортила. Удивительнѣе всего, что позванная къ допросу Пасьчиха и не думала отрекаться отъ приписываемаго ей „злого учинку“, котораго, конечно, не со-

вершала; напротивъ, она признала себя „прычинною до зопсованя платя“ и „заразъ передъ врядомъ и передъ всимъ мыромъ (т. е. присутствовавшей на судѣ публикой), постокротне даочы руку писареви“, просила у него прощенія, говоря:

— Отъ тоби рука моя, що уже бильше не будешъ въ той втрати шкодовати; я тоби поражу, що твое платя не буде бильше теряться, и сама на себе покладаю декреть: колы-бъ мило еще теряться (портиться), то вольно тоби въ той часъ и мистру (палачу) до рукъ мене даты и смертельную карноту караты“.

Конечно, наивная женщина этимъ самымъ давала суду достаточный поводъ подвергнуть ее такой „карности“ немедленно, не ожидая повторенія проступка; но панъ Марковичъ былъ человѣкъ милосердный: онъ заявилъ суду, что готовъ простить подсудимую, и лишь просилъ, чтобы ея торжественное обѣщаніе болѣе не вредить ему было занесено въ протоколъ и выдана ему формальная съ него копія. Судьи согласились съ этимъ, говоря: „и мы тожъ сей разъ не настоемо на ей душу“, и ограничились строгимъ „наказомъ оной злой живци“, что если и впредь она станетъ вредить своими чарами „не токмо писареви, але и всякому человѣку, зъ нею знаючомуся“, то ее ни въ какомъ случаѣ „не минеть“ тотъ смертный декреть, который она сама на себя наложила. Пасьчиха клялась, что навсегда „поперестанеть того злого дила“, и ее съ миромъ отпустили, а писарю выдали копію судебнаго протокола.

Но не прошло съ тѣхъ поръ и двухъ недѣль, какъ Пасьчиха поссорилась съ сосѣдкою Палажкою Гришковною и по своему обычая пригрозила ей бѣдою, а у той, какъ на зло, бѣлье, полотно и прижа истлѣли,—вѣроятно отъ сырости. Въ это время прибыли въ Решетиловку полтавскій полковой судья Петръ Буцкій и значный товарищъ полтавскій Василій Бунчученко, присланніе полковникомъ „для слушныхъ инквизицій правныхъ“, т. е. для какихъ-то судебныхъ разслѣдовашій. Подъ своимъ предсѣдательствомъ, вмѣстѣ съ участіемъ мѣстнаго сотника, атамана городового и войта съ бурмистрами, они открыли чѣчто въ родѣ отдѣленія полкового суда и стали разбирать дѣла. Сюда прибѣ-

жала Палажка Гришковна съ мужемъ и занесла „плачливую скаргу“ на Гапку Пасьчиху, при чемъ „и слушное лице передъ судьями покладала“: испорченное сукно, полотно и „сорочки въ дѣрами“, „а плачуши мовила“:

— Мои ласковыи панове! Тое злое дило учыныла мени опая не боячаяся Бога Гапка за тое, что памитки еи у мене покрадено, а вона таго жъ часу перехвалилася на мене, мовячи: „Ото жъ я тоби вчыню, що до смерты плакаты будешъ!“ И разъ же, на другой день по перехвальци, одчынила-мъ я скрыю—ажъ десять моткивъ пряжи такъ потерани (испорчены), що ажъ въ пичъ мусила-мъ повкыдати, а сама пры великимъ плачу востала-мъ.

— А есть же въ тебе свидки, кымъ ты оныи потеряны митки освидчана?—спросили судьи.

Такимъ „свидкомъ“ оказался заранѣе приглашенный Палажкою въ судъ „зацнй и вѣры годный“ человѣкъ Микита Василенко. Онъ показалъ:

— Окомъ своимъ видилемъ, що мотки вельмы попсовани, на порохъ.

Когда на другой день возобновилось засѣданіе суда, явились новые обвинители Гапки. Козакъ Василь Неводничай занесъ „плачливую скаргу свою на тую жъ безецную чародѣйницу“ также „о потеряню платы“ и сверхъ того о порчѣ коровъ относительно „діїва“.

— Тилько разъ—плакался онъ—въ моимъ дому побувала, а одѣ того часу стала-ся мени незносныи упадки.

Наконецъ, мѣстный священникъ присдалъ „цедулку“ (записку) слѣдующаго содержанія: „Року 1690, априля 23, въ день св. мученика Георгія, прыходыла мя просити Гапка Пасьчиха, которая мни попсовала платя, и мовытъ: „просты мя въ томъ, отче, що я тоби учынила, але отъ сего часу болше въ томъ шкоды тоби пе будетъ, на що и слово и руку подаю пры людехъ зацныхъ, съ которыми теперъ тебе и прошу: съ Хведоромъ Гулаченкомъ, Хведоромъ Сидынкою, Иляшемъ Стрильпиномъ и зъ мужемъ моимъ Паскомъ, а вже болше тоби шкоды

не будеть". Що для памяти собѣ и записалемъ, року и днѧ вышъ писаного".

Въ виду столькихъ обвиненій, а главное—въ виду того обстоятельства, что незадолго предъ тѣмъ Пасьчиха условно была помилована по однородному дѣлу, судъ имѣлъ основаніе признать ее крайне вредною и неисправимою чаровницей и, не производя дальнѣйшаго слѣдствія, приговорилъ ее, на основаніи извѣстныхъ уже намъ артыкуловъ Магдебургскаго права, къ смертной казни. Никто не пожалѣлъ несчастной, никто и слова не замолвилъ о смягченіи суроваго приговора. Не видно даже, чтобы и мужъ пытался ходатайствовать о ея помилованіи: можетъ быть, и ему надоѣла легкомысленная жена, пустыми ~~хвалками~~^{хвалами} безразсудно вооружившая противъ себя значительную часть односельцевъ.

56. Полтавскіе школяры.

Въ старой Малороссіи, какъ извѣстно, существовали многочисленныя приходскія школы. Ревизскія полковыя книги первой половины XVIII ст. даютъ довольно точная свѣдѣнія объ ихъ числѣ; въ 1740—48 гг. такихъ школъ было: въ вѣжинскомъ полку 217, въ лубенскомъ—172, въ черниговскомъ—154, въ Переяславскомъ—119, въ полтавскомъ 98, и проч.¹⁾ Вообще можно сказать, что при каждой городской и сельской церкви существовала и школа; а такъ какъ въ старину приходы въ Малороссіи были малолюднѣе нынѣшихъ, то приходится заключить, что пропорціональное отношеніе тогдашнихъ школъ къ числу населенія едва ли не было болѣе благопріятнымъ, чѣмъ такое же отношеніе нынѣшихъ земскихъ и даже церковно-приходскихъ училищъ.

¹⁾ См. «Статистическая свѣдѣнія объ украинскихъ народныхъ школахъ и госпиталяхъ» А. Лазаревскаго, Основа, 1862 г., маѣ.

Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ столь же точными данными относительно того, что собственно представляли собою старинныя малороссійскія школы. Извѣстно, что въ каждомъ приходѣ существовалъ церковно-общественный домъ, именовавшійся „школою“, но, по указанію ревизскихъ книгъ, въ немъ жили дьяки мѣстные и «прихожіе»; а въ вѣдомости о приходскихъ школахъ г. Прилуки (1765 г.) мы находимъ именные списки «молодиковъ и школьнниковъ, при школѣ живущихъ», при чемъ оказывается, что въ четырехъ прилукскихъ школахъ ихъ жило 18 человѣкъ, а по возрасту они распредѣлялись такъ: шесть изъ нихъ имѣли отъ 12 до 20 лѣтъ, четыре—отъ 20 до 30 и восемь—отъ 30 до 39 лѣтъ¹⁾. Спрашивается: какіе же это были школьники, достигшіе столь почтенного возраста? Въ то же время имѣются несомнѣнныя свидѣтельства о томъ, что въ „школахъ“ жили и обучались безпріютныя сироты и дѣти бѣдняковъ, нерѣдко занимавшія впослѣдствіи видныя общественныя положенія. Когда въ 1692 г. къ границамъ полтавскаго полка подступилъ съ ордой и запорожцами извѣстный претендентъ на гетманскую булаву Петрикъ, то Мазепа приказалъ составить и послать ему отъ имени полтавцевъ укорительное письмо, въ которомъ говорилось между прочимъ: «Всѣ мы знаемъ, же (что) батько твій жебракъ (нищій) есть, въ городѣ нашомъ въ Полтавѣ въ шпиталѣ мешкалъ, а ты, въ школѣ межи нищими валиющіся и по-подъ окнами нашими ходячи, окружками викормилъся»²⁾. А извѣстно, что Петрикъ въ полтавской школѣ не только вскормился, но и „выполѣровался“ (образовался) настолько, что могъ потомъ занять видную должность старшаго канцеляриста въ генеральнай кавцелярії. Наконецъ, „школа“ служила пріютомъ для такъ называемыхъ „мандроныхъ (страницующихъ) дьяковъ“ и „волочащихся чернцовъ“ въ родѣ извѣстнаго стихотворца конца XVII ст. монаха Климентія,

¹⁾ См. Архивные отрывки для исторіи Полт. епархіи, А. Лазаревскаго, вып. I, Полтава, 1887 г. стр. 57—60.

²⁾ Лѣтопись Сам. Величка, т. III, стр. 114.

который въ одной изъ своихъ виршъ приводить о ней пословицу: „Школа—всякимъ страннимъ домъ есть вольний.“¹⁾ Итакъ, что же собственно представляла собою старинная украинская „школа“: жилище церковниковъ, страннопріймный домъ, или родъ бурсы для сиротъ и дѣтей бѣдняковъ? Кто же въ ней училъ и кто учился?

Чтобы хоть немного разобраться въ этомъ туманѣ разнорѣчивыхъ представленій, расскажемъ одно слѣдственное дѣло, произведшееся въ 1699 году въ полтавскомъ полковомъ судѣ.

Въ половинѣ сентября, „по розѣзду ярмарку полтавскому“, какой-то Манець и его жена, „Безручкова невистка“, представили уряду найденную ими за городомъ, „на рецѣ Рогозной“, близъ Ворсѣлы, шкатулку „одомкненую, порожнюю“, въ которой оказались какія-то тетради. Разсмотрѣвъ ихъ, урядъ сразу же опредѣлилъ, что это были „школьскіи письма“ (писанія), и по надписямъ на тетрадяхъ «позналъ», что онѣ принадлежали «выросткамъ» успенской соборной школы Хвеську и Грыцьку. За ними тотчасъ послали «до школы» и предъявили имъ шкатулку «и письма». Хвесько и Грыцько «призналися до шкатулки, же (что) ихъ власная», наканунѣ у нихъ кѣмъ-то украденная, но при этомъ заявили, что въ ней были не однѣ тетради, но и значительная сумма денегъ. Такъ какъ они не могли указать похитителя, то урядъ велѣлъ имъ „межи собою въ школѣ чинити опить и розискъ о той шкодѣ, на комъ бы выявится мѣло.“ Объ этомъ же было сообщено и „пану дидаскалу“ успенской школы, каковымъ былъ въ то время „дьякъ рынковой святопречистской“ (она же соборная) церкви Власъ Марченко, въ томъ же году перешедшій на должность „городового писаря.“ Школьники быстро разыскали виновнаго: въ тотъ же день „подзоръ (подозрѣніе) вказался на Омелька Иванчу, кравца“, о которомъ одинъ нищій, жившій въ шпиталѣ, въ одномъ дворѣ съ школой, далъ показаніе, что „бачывъ ёго, якъ учора

¹⁾ Основа, 1861 г. январь, стр. 173.

у вечеръ подъ полою шкатулку нисъ"; кромѣ того оказалось, что Омелько „тои ноchi не ночовалъ въ школѣ, але десь инде“. Его тогачась привели въ судъ и подвергли допросу. Въ кражѣ онъ не сознавался, а на вопросъ: почему не почеваль въ школѣ и гдѣ провелъ ночь? — „отказалъ, що у паламаря ночовалъ, а не каже, для якихъ мѣръ.“ Судъ велѣлъ его „за сторожу до приказу дати.“ Тамъ онъ очутился въ компанії съ какимъ-то Савкою Ивановичемъ, „за долги посаженнымъ,“ пустился съ нимъ въ откровенную бесѣду и неосторожно признался, что онъ точно украдъ шкатулку вмѣстѣ съ другимъ школьнікомъ. Савка немедленно передаль его рѣчи уряду.

Поставленный вторично на допросъ, Омелько не сталъ болѣе запираться и сказалъ:

— Я зъ Андріемъ Степаненкомъ, выросткомъ школнымъ, ту шкатулку, зъ вечора зъ коморки школной взявши, повеслы на Подолъ, и тамъ одомкнувши, чехи въ калюжу зарылы, а шкатулку зъ паперомъ и зъ мыломъ у воду вкинулы.

Послѣдовалъ приказъ привести „того Андрія, зъ которымъ Омелько гроши пидченывъ“. Его „запытали: чи такъ есть, якъ Омелько признается?“ Онъ не сталъ запираться. Одно лишь возбуждало недоумѣніе: потерпѣвшіе утверждали, что въ шкатулкѣ находились не одни чехи, но и „копійки“ (серебряная монета), а Омелько заявлялъ, что онъ „тилько о чеховой монетѣ вѣдалъ, а о копійкахъ не зналъ“. Но Андрій разъяснилъ это недоумѣніе, признавшись:

— О чехахъ обыдва знаемъ, а копійки зъ мишечкомъ я самъ, потай товариша, въ писокъ зарывъ, и Омелько не зновъ.

Оба „шкодци признавали и на другихъ двохъ выростковъ“:

— Кирило, поддячій, и Юхимъ Даченко о томъ знали, якъ шкатулку зъ коморы мы крали, тилько жъ о томъ несвидоми, де мы гроши задили.

Судъ не придалъ значенія этому оговору и не привлекъ Кирилла и Юхима къ слѣдствію. Ему предстояло еще разыскать украденные деньги. Одному изъ бурмистровъ Олексѣ Рымарю было поручено вмѣстѣ съ понятными и въ сопровожденіи Омелька

и Андрія отправиться на Подоль, „на тое мѣстце, где гроши скованы булы, длязысканы шкоды.“ Обвиняемые указали это мѣсто, и тамъ найдены были чехи, „у хустѣ завязанные“, а въ другомъ мѣстѣ былъ вырытъ въ песку „мѣшечокъ съ конійками“. То и другое вручено было уряду.. Обоихъ „злодіивъ“ приказано было отправить въ заключеніе, а урядъ занялся учетомъ денегъ, припрятанныхъ ворами. При разнообразіи тогдашней монеты и частыхъ колебаніяхъ курса, это было дѣло далеко не легкое; не всякий могъ его выполнить. Судьи „упросили людей добрыхъ и вѣры годныхъ, абы заразъ, якъ скоро подано на урядъ ту ю сумму, перелѣчили въ дому судовомъ, чи много всен будеть найдоватися послѣ рука злодѣйскихъ“. Пану Кондрату, „крамарю, изъ Грицкомъ, Тлустого зятемъ“, поручено было со-считать „копійки“, а пану Захарію Важничому—чехи. Первые два „нальчили копѣюкъ сто золотыхъ и тридцять талярей“, и послѣдній „нальчили чехами“ тоже сто золотыхъ и тридцать таляровъ, а всего оказалось денегъ 380 золотыхъ;¹⁾ между тѣмъ потерпѣвшіе заявили раньше, что въ шкатулкѣ у нихъ хранилось „полчвarta ста (350) золотыхъ“. Это возбудило въ судьяхъ нѣкоторое недоумѣніе, а вслѣдъ затѣмъ возникло и другое: потерпѣвшіе „суть нищіе и убогіе—а въ рукахъ ихъ такая знатная сумма оперлася“. Ихъ спросили: „где и отколь тіи гроши вамъ въ руки пришли?“ Хвесько отвѣтилъ:

— Складаюся тутейшими мищенами, що презъ килка лить дити людскіе учачи, чехъ до чеха збиравъ и зобраавъ сто золотыхъ и десять талярей. То—моя родная праця (заработка).

А Грыцько представилъ такое объясненіе:

— У мене отецъ можный (состоятельный), до Коломыи ходить, и мене дома приставлюавъ силью торговати. Одно жъ самъ зобраавъ, а другое въ отца взявъ, и пойшовъ по городахъ вандрующи. А знайшовши зъ симъ Хвеськомъ, скупылысь до

¹⁾ Талеръ заключалъ въ то время 3 золотыхъ, а коня— $3\frac{1}{4}$ золотыхъ.

гурту и мили коня зъ возомъ и куфу горилки купывши, на еденъ грошъ за товарыща торговаты.

Урядъ, повидимому, не виолиѣ удовлетворился этими объясненіями и рѣшилъ удержать деньги до окончанія дѣла, но затѣмъ, уступая настойчивымъ просьбамъ потерпѣвшихъ, выдалъ имъ всего 9 копъ (т. е. $29\frac{1}{4}$ золотыхъ), а остальную сумму велѣлъ опечатать въ присутствіи счетчиковъ и „взялъ урядовне до рукъ своихъ“ для храненія.

Осторожность уряда, отказавшаго въ выдачѣ всей суммы, была далеко не напрасной: на другой день Хвесъко и Грыцько внезапно скрылись изъ города. „Познавши по утечцѣ, что и се люде неробочie,“ урядъ пожалѣлъ, что поддался ихъ „фортелю“ и даль имъ 9 копъ на дорогу, и велѣлъ „всю справу о сихъ вкраденыхъ и перекраденыхъ грошахъ выписати и на далшую память и лучшое повѣренія до книгъ мѣскихъ подати.“

Лишь спустя три мѣсяца объявился подлинный владѣлецъ этихъ денегъ: изъ Киева прибылъ пещерскій іеромонахъ Сила Жураховскій и предъявилъ удостовѣреніе въ томъ, что означенныя деньги были украдены у соборнаго старца и проповѣдника, кіевопечерскаго іеромонаха Аѳанасія Миславскаго¹⁾. Ему онъ и были выданы подъ „квитанцію“ о. Жураховскаго.

Итакъ, что же мы узнаемъ о полтавской успенской школѣ изъ этого документа?

„Дидаскаломъ“ школы состоялъ дьякъ мѣстной церкви. Подъ его начальствомъ находились жившіе въ школѣ „выростки школніi,“ или, какъ ихъ именовали въ XVIII ст., „молодыки“; съ ними же жилъ и помощникъ дьяка — „поддячій“. Въ данномъ слѣдственномъ дѣлѣ упоминаются шесть человѣкъ этихъ „выростковъ“, но ихъ, конечно, было больше. Они не были учениками въ школѣ, но сами промышляли учительствомъ. Многіе

¹⁾ Бывшаго впослѣдствіи (1710—1714 г.) архимандритомъ Печерскаго монастыря.

изъ нихъ, если не всѣ, были люди прихожіе, странствующіе; пока проживали въ школѣ—учили „людскихъ дѣтей“, а надоѣдало это занятіе—уходили дальше или принимались за другое ремесло. Одинъ изъ такихъ „выростковъ“ ссылается на свидѣтельство полтавскихъ мѣщанъ, что онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ обучалъ ихъ дѣтей и заработалъ этимъ значительную сумму; другой разсказываетъ о себѣ, что сначала помогалъ отцу торговать солью, потомъ отправился „wandровать по городахъ,“ какъ это было тогда въ обычай у молодыхъ людей, еще не избравшихъ опредѣленной профессіи. Случайно забрелъ онъ въ Полтаву и пріютился въ успенской школѣ; но ему, очевидно, не нравилось учительское и дьяковское ремесло, и онъ задумалъ бросить его и заняться щинкованьемъ по ярмаркамъ. Вообще же это была „нищая, убогая“ братія, способная даже на воровство, и если у кого изъ нихъ оказывались сколько-нибудь значительные деньги, то это возбуждало недобрыя подозрѣнія. Учились ли и сами чему-нибудь эти „выростки школніи“, проживая въ школѣ,—трудно сказать; если и учились, то развѣ дьяковскому искусству подъ руководствомъ „дидаскала“, который, конечно, былъ опытнымъ псаломщикомъ.

Сопоставляя эти даныя съ другими свѣдѣніями, какія вообще имѣются о старинной приходской школѣ въ Малороссіи, мы представляемъ ея организацію въ такомъ видѣ: это была вольная артель особаго рода ремесленниковъ, владѣвшихъ кое-какимъ школьнымъ образованіемъ и промышлявшихъ дьяковствомъ и учительствомъ. Обыкновенно ими бывали молодые люди, еще не избравшие для себя опредѣленной профессіи и, по обычаю того вѣка, странствовавшіе „для повиданія болѣе свѣта и ученія и людского обхожденія“ ¹⁾). Одни изъ нихъ впослѣдствіи становились настоящими причетниками и даже священниками, другіе переходили на писарскія должности или занимались торговлею,

¹⁾ См. автобіографію Ільи Турчиновскаго, одного изъ такихъ странствователей первой четверти XVIII ст., помѣщеннуу въ Кіевской Старинѣ 1885 года, февраль.

третыи уходили на Запорожье и т. д. Прихожане предоставляли этимъ странствующимъ пѣснопѣвцамъ и педагогамъ („мандрованнымъ дьякамъ и бакалярамъ“) даровой пріютъ въ церковномъ домѣ (въ „школѣ“), но требовали, чтобы за это они „услуговали церкви Божией“ на клиросѣ. Въ этомъ смыслѣ Климентій говорить въ одной изъ вирш:

И причетниками тежъ школари ся именуютъ,
Поневажъ церкви святой щире услугують.

Сверхъ того, школыры обязаны были заниматься обученiemъ дѣтей, за что ихъ родители давали имъ особое вознагражденіе согласно условію, а церковные ктиторы собирали въ ихъ пользу съ прихожанъ подаянія деньгами и приносами. ¹⁾Кромѣ школыровъ-учителей, въ „школѣ“ жили и обучались и настоящіе „школьники“—сироты и дѣти бѣдняковъ, призрѣваемыя церковнымъ братствомъ. Обученіе приходящихъ учениковъ происходило и въ самой школѣ, но, въ виду многолюдства постоянныхъ ея обитателей и тѣсноты помѣщенія, могло совершаться и въ домахъ родителей.

Этотъ своеобразный типъ школы со странствующими учителями и вмѣстѣ церковниками, какъ и многія другія культурныя пріобрѣтенія Малороссіи, цѣлкомъ былъ заимствованъ съ Запада: нѣмецкіе *vagi scholares*, бакханты и польскіе *gubalitы*—это буквально наши „мандрованные дьяки и бакаляры“, со всѣми ихъ типическими чертами, пороками и слабостями. Но этотъ типъ привился повсемѣстно въ Малороссіи и исчезъ только потому, что измѣнившіеся въ ней въ концѣ XVIII в. гражданскіе порядки сдѣлали невозможнымъ его дальнѣйшее существованіе. Государственная перепись 1782 года, прикрѣпивъ всѣхъ и каждого къ опредѣленному мѣстожительству и

¹⁾ Въ ктиторскихъ реестрахъ Киево-Подольской Борисоглѣбской церкви за 1693—1699 гг., сохранившихся въ ея архивѣ, есть записи такихъ подаяній „выросткамъ въ школу“. Проф. Н. И. Петрова «Кievskaya Akademija во второй половинѣ XVII в.», стр. 122.

роду занятій, отняла разомъ и у посполитыхъ право перехода отъ одного пана къ другому, и у бакаляровъ возможность перекочевывать изъ одной школы въ другую. Но этимъ самымъ былъ нанесенъ смертный ударъ и народной малороссійской школѣ.

57. Кіевскіе студенты.

Когда, бывало, студенты Кіево-Могилянскай коллегіи предпринимаютъ по ночамъ опустошительные набѣги на обывательскіе огороды или воруютъ дрова и съѣстные припасы, никто не ставилъ имъ этого въ большой грѣхъ и не находилъ въ ихъ мародерствѣ ничего возмутительнаго, ибо всякому было извѣстно, что большинство учащейся молодежи состояло изъ бѣдняковъ, терпѣвшихъ и голодъ, и холодъ, и всякую нужду. Тогдашній стихотворецъ Климентій составилъ даже особую виршу: „О школярахъ, дрова крадущихъ“, гдѣ говорится:

Приповисть есть въ школярии: „не вкравъ, але доставъ“,
А ты, Боже, за дрова гриха имъ не поставъ»¹⁾

Но случалось, что студенты не ограничивались такими сравнительно невинными шалостями и затѣвали съ кіевскими мѣщанами настоящую войну, вступали съ ними въ кровопролитныя схватки, открыто грабили ихъ добро и наводили трепетъ на членовъ магistrата. Конечно, они подражали въ этихъ случаяхъ своимъ коллегамъ—студентамъ католическихъ школъ, въ особенности питомцамъ іезуитскихъ коллегій, безчинства коихъ нерѣдко достигали размѣровъ настоящаго общественнаго бѣдствія для тѣхъ городовъ, гдѣ коллегіи существовали. Было бы ошибочно полагать, что подобныя безчинства обусловливались слабостью школьнай дисциплины, безсиліемъ начальствующихъ лицъ совладать съ разнузданностью учащихся; напротивъ,

¹⁾ Основа, 1861 года, январь, стр. 173.

сь такимъ орудіемъ въ рукахъ, какъ розги и вообще ~~жестокія~~ тѣлесныя наказанія, тогдашняя школьнаго власты была въ ~~состо-~~ яніи обуздывать самыя дикія натуры и предотвращать малыйшее своеволіе, и мы видимъ, что ученики, напримѣръ, піарскихъ школъ никогда не дозволяли себѣ такихъ безчинствъ, какія почти ежедневно творили іезуитскіе коллегіаты. Слѣдовательно, эти безчинства совершались если не прамо по вину воспитателей, то во всякомъ случаѣ не наперекоръ ихъ воли и тайному желанію. И дѣйствительно, іезуитскіе студенты обыкновенно громили православныя или протестантскія школы и святыни, еврейскія синагоги, или же терроризовали магістраты въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе вели съ орденомъ тяжбы за захватъ городскихъ земель, привлечение мѣщанъ подъ свою юрисдикцію и т. под., но не было случаевъ, чтобы студенты бунтовали противъ своего начальства.

Въ кіевской коллегіи также господствовала строгая дисциплина. Кромѣ префекта, за поведеніемъ студентовъ наблюдала цѣлая фаланга его помощниковъ изъ среды самихъ учащихся: цензоры, сеніоры, директоры, инспекторы и т. под. Для усмирения строптивыхъ употреблялись: стояніе на колѣняхъ, „пали“ (битье линейками по ладонямъ), розги, публичное съченіе подъ звонъ школьнаго колокольчика и наконецъ позорное изгнаніе изъ коллегіи. При такихъ строгостяхъ, казалось, были немыслимы студенческія безчинства. И дѣйствительно, почти до конца XVII ст. ихъ и не было. Коллегія переживала очень трудное время; лишенная материальныхъ средствъ, она еще въ 1671 году открыто ко всѣмъ обращалась съ трогательнымъ воззваніемъ „о поратунокъ милостынею“, и надо полагать, что ближайшую помощь ей могли оказать прежде всего кіевскіе мѣщане, коихъ дѣти здѣсь же учились. Къ тому же, въ этотъ периодъ число учащихся въ коллегіи едва ли превосходило 200—250 человѣкъ. За проступки въ школы студенты не только отвѣчали передъ префектомъ и ректоромъ, но и могли быть привлечены къ суду магістратскому или полковому, а въ крайнемъ случаѣ противъ

нихъ могла выступить и власть воеводы, какъ коменданта кіевской крѣпости.

Но къ концу восьмидесятыхъ годовъ XVII ст. положеніе коллегії въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ измѣнилось. Съ открытиемъ богословскаго класса число студентовъ значительно возросло и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличился между ними процентъ великовозрастныхъ. Существовавшая еще со временъ Петра Могилы „конгрегація“ студентовъ (духовное братство), преслѣдовавшая цѣли нравственно-религіознаго ихъ усовершенствованія, пріобрѣла теперь болѣе совершенную организацію, съ выборными префектами и вице-префектами изъ студентовъ, и немало содѣйствовала ихъ сплоченности, развитію въ нихъ чувства товарищеской солидарности, благодаря чему въ затѣянную немногими буянами исторію легко втягивалась вся корпорація. Преподаваніе философскихъ и богословскихъ наукъ фактически приравнивало кіевскую коллегію къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, какими были академія Краковская, іезуитская Віленская и др., а одной изъ отличительныхъ привилегій этихъ заведеній было право собственнаго академическаго суда и независимости учащихся отъ гражданскихъ и военныхъ властей. Такое право, вмѣстѣ съ титуломъ „академіи“, было нѣкогда признано и за кіевской коллегіей извѣстными Гадяцкими пактами, но не получило осуществленія потому, что и самые эти пакты не были осуществлены. Теперь обладаніе этимъ правомъ сдѣжалось предметомъ пламенныхъ желаній и учащихся, и учащихъ. Тѣ и другіе все чаще начинаютъ титуловать свое училище „академіей“ и въ одинаковой мѣрѣ тяготятся судебною и административною зависимостью отъ мѣстныхъ властей. Въ особенности несносною и унизительною представлялась студентамъ подчиненность мѣстному магистрату, возбуждавшая въ нихъ чувство глухой вражды не къ однѣмъ магистратскимъ урядникамъ, но и ко всѣмъ кіевскимъ мѣщанамъ. Конечно, это странное чувство могло зародиться на почвѣ тѣхъ столкновеній, какія коллегіатская молодежь имѣла безпрестанно съ бурмистрами, исполнявшими полицеїскія функціи; но въ немъ слышится и

другой мотивъ—высокомѣрное отношеніе къ мѣщанству, какъ сословію непривилегированному. Отношеніе это, свойственное тогдашней шляхетской молодежи, учившейся въ іезуитскихъ школахъ, было совершенено нелѣпостью въ кіевской коллегії, питомцы которой въ огромномъ большинствѣ были дѣти тѣхъ же мѣщанъ, козаковъ и даже посполитыхъ. Противъ этихъ шляхетскихъ тенденцій должны были встать самыя стѣны коллегіи, какъ учрежденія, взлелѣяннаго кіевскимъ братствомъ, первоначальное ядро котораго, безъ сомнѣнія, составляли кіевскіе мѣщане. Но, въ противоположность другимъ братскимъ училищамъ—львовскому, виленскому, луцкому,—съ кіевской коллегіей произошла странная метаморфоза: продолжая до конца XVII ст. носить имя „братскихъ школъ“, она въ дѣйствительности давно перестала быть братскимъ училищемъ, ибо и самое братство кіевское едва ли не со временъ еще Петра Mogилы фактически прекратило свое существование. Какъ и почему оно исчезло—это вопросъ, выходящій изъ рамокъ настоящаго очерка; но фактъ несомнѣнныи, что во второй половинѣ XVII ст. въ Кіевѣ не было уже братства, а въ основанной имъ школѣ скоро заглохи и его лучшіе завѣты и преданія. Теперь коллегія находилась исключительно въ вѣдѣнніи лицъ монашествующихъ, подчиненныхъ митрополиту; но ихъ чувства и настроеніе были уже не тѣ, какими воодушевлялись ея первые ректоры и преподаватели, „душею и рукою“ вписывавшіеся въ братскій реестръ и въ союзъ съ представителями всѣхъ сословій кіевскаго воеводства клявшіеся „единъ за всѣхъ и всѣ за единого стояти, духомъ любве горячои звязавшеся“. И среди высшаго южно-русскаго духовенства многое уже было забыто изъ того, что выработано было въ эпоху борьбы съ уніей и въ качествѣ руководящихъ принциповъ церковной политики внесено въ актъ кіевскаго собора 1621 года¹⁾. Вместо предписаннаго тамъ братолюбія, незлобія, терпѣливаго перенесенія обидъ отъ младшихъ,

¹⁾ Имѣемъ въ виду известное «Совѣтованіе о благочестіи», вѣд. въ Памятникахъ Кіев. Комиссии, т. 1.

нестяжательности и проч., митрополиты и игумены кіевскихъ монастырей конца XVII ст. только и дѣлали, что враждовали съ мѣщанами за земли, шинки и перевозы. Такой, напримѣръ, митрополитъ, какъ Гедеонъ Четвертанскій, типъ гордаго, надменного прелата, и подъ клобукомъ не забывавшаго о своемъ княжескомъ титулѣ,—какъ мало онъ напоминалъ кроткаго, благосерднаго Іова Борецкаго! Стоить лишь вспомнить, путемъ какихъ жестокихъ насилий поверсталь онъ козаковъ Моровской сотни въ крестьянъ своего каѳедрального монастыря. Его преемникъ Варлаамъ Ясинскій, бывшій ректоръ кіевской коллегіи, несомнѣнно обладалъ многими достоинствами; однако кіевские мѣщане горько жаловались на него не только за земли и перевозы, но и за то, что онъ, въ противность вѣковѣчнымъ обычаямъ, самовольно назначалъ въ городскія церкви священниковъ помимо воли и избранія прихожанъ, отлучалъ мѣщанъ отъ церкви за малыя вины, по оговорамъ, и т. под. Вѣдь это какъ разъ тѣ проявленія шляхетскаго самовластія, за которыхъ православные столь рѣзко и единодушно порицали Ипатія Потѣя и другихъ архіереевъ-уніатовъ. Вообще нельзя не отмѣтить странной аномалии, что демократическіе принципы, подъ знаменемъ коихъ православіе одолѣло унію, пользовались въ безсловной Малороссіи найменьшимъ кредитомъ именно въ средѣ высшаго духовенства, а слѣдовательно и въ управляемой имъ кіевской коллегіи. Не отсюда ли происходило и то, что козацкая старшина, здѣсь воспитывавшаяся, такъ легко отрѣшалась отъ преданій эпохи Хмельницкаго и проникалась шляхетскими тенденціями?

Такова была почва, на которой къ концу XVII ст. выросло уродливое явленіе—грубыя безчинства кіевскихъ студентовъ и ихъ нерѣдко кровавая столкновенія съ мѣщанами.

Впервые подобныя безчинства въ рѣзкой формѣ произошли въ іюнѣ 1690 года. Въ одной изъ послѣдующихъ жалобъ магистратъ вспоминаетъ, что въ то время „студенты многое воровство въ нижнемъ городѣ Кіевѣ дѣлали: мѣщанъ въ ночи и въ день имая по улицахъ и зъ дворовъ беручи, забивали смертно и

платье съ нихъ снимали, а иныхъ мѣщанъ, поймавъ и приволокъ въ бурсу или въ школы, били розками, плетьми и кіями, и въ желѣза оковывали, о чёмъ въ книгахъ нашихъ майстратовыхъ лѣта 7198 (1690), іюня 11 числа, записано¹⁾. Къ сожалѣнію, книги киевскаго магистрата всѣ погибли, и мы не знаемъ, чѣмъ окончилось дѣло объ этихъ насилияхъ; но, безъ сомнѣнія, мѣщане не остались въ долгу и за нихъ, конечно, вступился и киевскій полковникъ съ козаками, и воевода съ ратными людьми. Это, вѣроятно, и побудило ректора Іоасафа Кроковскаго, при содѣйствіи митрополита Варлаама Ясинскаго и гетмана Мазепы, испросить (въ январѣ 1694 года) жалованную грамоту царскую, въ которой предписывалось: великороссійскимъ всякихъ чиновъ ратнымъ людямъ разныхъ полковъ, и киевскаго и иныхъ полковъ полковникамъ и козакамъ, и киевскому войту и мѣщанамъ, никакихъ ректору и учителямъ и ученикамъ, въ школахъ будучимъ, обидъ и уг҃енія не чинить, подъ угрозою царской опалы и двойного взысканія за обиды, а начальству коллегіи вмѣнялось въ обязанность „неспокойныхъ и вражды творящихъ учениковъ унимать и смирять и ни до какова своевольства ихъ не допускать, и таковыхъ въ собраніе ученическое не принимать“. Хотя въ текстѣ грамоты вѣтъ прямого указанія на изъятіе коллегіи изъ административной и судебной подчиненности городскимъ властямъ, но вся коллегіатская корпорація почему-то толковала эту грамоту въ такомъ именно смыслѣ, что отнынѣ коллегіи представлялось право самоуправлениія и собственнаго суда надъ учащимися, а магистратскіе и воинскіе чины не имѣли-де власти ни судить ихъ, ни даже подвергать предварительному аресту. Такая привилегія приравнивала коллегію къ заграничнымъ академіямъ и университетамъ и сулила студентамъ относительную базноказанность: въ крайнемъ случаѣ префектъ могъ приготовить ихъ къ розгамъ и за такие проступки, за какие магистратъ приговаривалъ къ висѣлицѣ.

1) Сборникъ историч. материаловъ, извлеченныхъ изъ актовыхъ книгъ Кіев. Центр. Архива И. Каманинымъ, выш. I, стр. 48.

Можетъ быть, въ разсчетѣ на эту безнаказанность, студенты въ томъ же 1694 году учинили грандіозное буйство, при чмъ одного мѣщанина, сапожнаго мастера Григорія Ополоника „смертно саблею порубили, и отъ тѣхъ ранъ тотъ человѣкъ умеръ“. „Да они-жъ, студенты (жаловались мѣщане), многажды находя на сторожу, которая по вся ноши оберегаетъ на рынке торговыхъ лавокъ, убивали ихъ смертно и тѣхъ сторожей отъ лавокъ зъ рядовъ отгоняли, а въ лавкахъ невѣдомо якіе воры животы наши выкрадали, отъ чего намъ великая учинилася обида. Тѣ жъ студенты покрали зъ двора половинками сукно у мѣщанина нашего Филиппа Серебренника, а у иныхъ мѣщанъ покрали зъ дворовъ вино, медъ и сѣйстныя харчи: муку, масло, пшено; также и животину всякую зъ дворовъ зводили и, убивъ, зъ того себѣ кормъ имѣли; да дрова и дерево хоромное зъ дворовъ мѣщанскихъ беручи и стѣны градскіе на дрова розбираючи, въ школу и въ бурсу по сту человѣкъ и болѣе носили и всякое воровство дѣлали. А тое покраденное сукно и всякие краденные мѣщанскіе сѣйстные харчи и дрова аще и были знайдены у студентовъ, но изъ нихъ немашъ намъ никакой управы.“¹⁾)

Этотъ припѣвъ: „нѣтъ на студентовъ управы“—тянется съ этихъ поръ непрерывною нитою въ теченіе долгаго времени.

Съ умноженiemъ числа учащихся въ коллегіи, имѣвшаяся при ней бурса уже не могла вмѣстить всѣхъ бѣдняковъ, поэтому митрополитъ Варлаамъ Ясинскій велѣлъ размѣстить ихъ по приходскимъ „школамъ“, существовавшимъ при кіево-подольскихъ церквиахъ. Собственно говоря, это было нарушеніемъ права прихожанъ, содержавшихъ школы совсѣмъ для другихъ надобностей, но они не протестовали противъ распоряженія митрополита, пока призрѣваемые ими студенты не обратили школьныхъ домовъ въ своего рода разбойничыи вертепы. Вотъ что писалъ по этому поводу московскій патріархъ Адріанъ митрополиту Ясинскому отъ 26 апрѣля 1699 года: „Доносиха нашей мѣрности кіевскіе

¹⁾) Тамъ же, стр. 49.

граждане, яко при храмъхъ Господнихъ ихъ приходскихъ живутъ поющіи и малыхъ дѣтей учащи дьяки, а храмы имъ строятъ прихожане; и съ тѣми де церковными дьяки въ тѣхъ храминахъ велиши ты жити вмѣстѣ студентомъ, пришельцомъ изъ польскихъ городовъ, которые хотятъ учитися въ школѣ (т. е. въ коллегіи) мудростныхъ наукъ языкомъ латинскимъ, и они де, студенты, живуши постойкою, многая сотворяютъ бѣдства и безчинства странная, а тѣхъ дьяковъ и малыхъ дѣтей, учащихся словенскаго нашего языка письменъ, бываютъ и бранять, и мѣщанъ, идущихъ къ церкви на пѣніе въ нощахъ, бываютъ и увѣчатъ и безчестятъ женъ и дѣтей, и ради ихъ, студентонъ, плутовства и досадительныхъ обидъ къ церковникомъ, иногда въ церквяхъ и пѣнія не бываетъ, а управы де на нихъ сыскати негдѣ. Да они де, студенты, многочисленно собрався, въ нощахъ ходя по мѣщанскимъ дворамъ, крадутъ дрова, запасъ и всякия вещи, и отъ того де имъ великая обида и разореніе чинится, а унять ихъ отъ того некому. И ты... студентомъ, когда они творять пакости людемъ, въ церковныхъ жилищахъ жити не вели, зане могутъ быти при школахъ въ особныхъ домъхъ и у мѣщанъ стояти, гдѣ кому придется".¹⁾

Въ декабрѣ того же 1699 года войтъ Дмитрій Плоцкій доносилъ воеводѣ князю Петру Ивановичу Хованскому, что студенты толпами по ночамъ растаскиваютъ бревна изъ городскихъ стѣнъ, какими тогда былъ обнесенъ Подоль. Воевода приказалъ произвести осмотръ разоренныхъ стѣнъ и учинить допросъ стрѣльцамъ, стоявшимъ на караулѣ въ нижнемъ городѣ. Въ подьяческомъ актѣ осмотра значилось: «отъ Крецатицкой башни до Глѣбоборисовскихъ воротъ съ городовой стѣны, съ Тарасовъ, снято 23 бревна, да срублено 8 зубцовъ, да изъ башни мосты

¹⁾) Кіевская Старина, 1885 г., сентябрь, стр. 142. Патріаршій наказъ не былъ исполненъ митрополитомъ; кіевскіе мѣщане и въ 1741 году напрасно добивались удаленія студентовъ изъ приходскихъ школъ. См. статью Д. Вашневскаго въ янв. книгѣ Кіевской Старины 1896 года.

и у дверей два бревна и съ цѣпью выломано». А караульные стрѣльцы дали такую сказку: „стояли-де они у Крещатицкихъ воротъ и въ иныхъ мѣстехъ, и студенты-де не по одну ночь приходили къ городовой стѣнѣ человѣкъ по 20 и по 30, и съ городовой стѣны снявъ бревна, попали къ себѣ въ школы, а по окличкѣ голосу они имъ, караульнымъ, не отдали, для чего одинъ по нихъ, студентахъ, изъ пищали выстрѣлилъ; а поймать ихъ невозможно, что приходить многолюдствомъ.“¹⁾

А въ январѣ 1700 года студенты учинили настоащій погромъ.

Дѣло началось съ пустяковъ. Вечеромъ, 29 января, студенты встрѣтили на Подолѣ пріѣхавшаго изъ Хваства еврея Беню Абрамова и стали его бить. Спасаясь, еврей забѣжалъ во дворъ ратуши и сталъ кричать, чтобъ его оборонили. Выбѣжавшіе на крикъ магистратскіе служители отняли еврея и задержали нѣсколько человѣкъ студентовъ. Бывшій въ ратушѣ бургомистръ Гордѣй Миндовъ приказалъ было арестовать ихъ до разслѣдованія дѣла, но затѣмъ отпустилъ, по ихъ просьбѣ. Когда студенты узнали, что ихъ товарищи подверглись хотя и времененному аресту изъ-за какого-то „невѣрного жидовина“, они рѣшили прежде всего жестоко отомстить послѣднему. Развѣдавъ, что онъ остановился въ одномъ мѣщанскомъ дворѣ, они ночью награнули туда, перерыли весь домъ и дворъ, грозя убить еврея, но онъ успѣлъ скрыться. Тогда студенты пограбили его лошадь и изъ саней кое-какія „подорожнія“ венци. Чтобы досадить и магистрату, вступившемуся за еврея, студенты зашли въ ратушный шинокъ, избили оказавшагося тамъ мѣщанина Стецька Карпенка, отняли у него два рубля денегъ и сняли кожухъ, поясъ и шапку. На утро прибѣжали въ ратушу Беня и Карпенко съ жалобами. Въ то время войтъ Дмитрій Погоцкій былъ въ Москвѣ.

¹⁾ Документъ Моск. Архива Мин. Юстиції, д. Прав. Сената, ви. № 5, 1732 г., листы 129—134. Пользуемся спискомъ, сдѣланнымъ проф. С. Т. Голубевымъ и любезно предоставленнымъ редакціи «Кiev. Старини».

Правившій его должностъ бурмистръ Гордій Минцовъ, посовѣтовавшись съ товарищами, послалъ къ ректору, игумену Прокопію Колачинскому, и префекту, іеромонаху Иннокентію Чоповскому, „который студентами владѣеть“, магістратскихъ урядниковъ съ почтительною просьбою наказать виновныхъ студентовъ, вернуть ими пограбленное и принять мѣры, чтобы „впредь въ городѣ такого забойства и грабежу пріїзжимъ людямъ и мѣщанамъ студенты не дѣлали, понеже всякий пріїзжій съпольской стороны человѣкъ или жідъ, понесши въ Кіевъ отъ студентовъ или отъ иныхъ майстрату неналежныхъ людей якую обиду, нашихъ мѣщанъ въ польскихъ городахъ грабить и забираетъ“. Ректоръ не далъ на это никакого отвѣта, сославшись на то, что это дѣло префекта, а послѣдній отвѣтилъ такъ: «не токмо жиду не вернемо коня, але и всихъ васъ, мѣщанъ, будемо, розложивши, рузками (розгами) бити», въ доказательство чего онъ и крестъ подѣловалъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, студенты снова подстерегли на улицѣ еврея Беню и хотѣли „смерть убить“, но онъ убѣжалъ во дворъ кіевскаго полковника Константина Мокіевскаго, „господарь“ котораго Савва Можнєвскій «сховалъ его въ коморѣ». Студенты большою толпою ворвались въ дворъ, долго искали несчастнаго Беню и, не найдя, „похвалялися самого господаря рузками бити“. Въ сумерки Савва тайкомъ привезъ еврея въ ратушу, чтобы его студенты на смерть не убили, и Беня провелъ ночь въ ратушѣ, подъ охраною.

Утромъ, 31 января, бурмистры послали своихъ урядниковъ въ верхній городъ къ воеводѣ съ докладомъ, что студенты величое «воровство» въ городѣ дѣлаютъ, а префектъ не хочетъ „дать съ нихъ никакой управы“, и съ просьбой вступиться въ это дѣло. Тогда князь Хованскій послалъ къ ректору и префекту подьячаго приказной палаты Давида Фатѣева, да и бурмистрамъ вѣльѣль послать съ нимъ своихъ людей; при этомъ посольствѣ ходилъ и потерпѣвшій Беня съ другимъ евреемъ Рафаломъ, толмачемъ войсковымъ. Ректоръ приказалъ отдать пограбленное. Студенты отдали еврею лошадь, а мѣщанину Карпенку вернули

только кожухъ и четыре гроша денегъ. Но лишь только посланцы вышли за монастырскія ворота, какъ со двора высыпало въ погоню за ними около сорока человѣкъ студентовъ съ кіями и принялись бить еврея Беню. Подъячій и магистратскіе урядники едва успѣли укрыться въ ратушѣ. Черезъ некоторое время прибрелъ туда тяжко избитый и „кровью сплынущій“ Беня; голова его пробита была до кости, и онъ жаловался, что съ него сорвали кошелекъ съ четырьмя рублями.

Когда воевода узналъ о новомъ „воровствѣ студентскомъ“, онъ послалъ въ коллегію капитана Титова со стрѣльцами съ требованіемъ, чтобы „тѣхъ воровъ студентовъ“ прислали въ приказную избу; но ректоръ и префектъ „тѣмъ посыльщикамъ не сказались“. Возвращаясь ни съ чѣмъ, посланные встрѣтили на улицѣ студента, на котораго имъ указали, какъ на участника въ нанесеніи еврею побоевъ; его немедленно арестовали. Тотчасъ на выручку товарища выбѣжали изъ коллегіи человѣкъ двѣsti студентовъ и стали отбивать его; но стрѣльцы справились съ молодежью, схватили изъ ея среды шесть человѣкъ и подъ конвоемъ повели въ верхній городъ. Вдругъ съ колокольни Братскаго монастыря раздался набатный звонъ, и со всѣхъ концовъ Подола стали сбѣгаться толпы студентовъ съ саблями, пистолями, дубинами и другимъ оружіемъ. Они бросились въ погоню за стрѣльцами, гнались за ними „до взвоза“ (нынѣшняго Андреевскаго спуска), многихъ между ними ранили, но товарищѣ не отбили, потому что капитанъ со стрѣльцами успѣли скрыться въ верхнюю крѣпость. Поворотивъ назадъ, толпы студентовъ разсыпались по улицамъ Подола, хватали встрѣчныхъ стрѣльцовъ, служилыхъ людей, мѣщанъ, били всѣхъ немилосердно; у извозчиковъ, стоявшихъ на рынковой площади, отняли лошадей и увели въ бурсу, а ихъ самихъ избили; потомъ повернули въ торговые ряды и стали громить лавки, бить мѣщанъ-торговцевъ и уничтожать товары. „А мы, сироты ваши (жаловались царю бурмистры и другіе магистратскіе урядники), бояся, чтобъ и намъ убийства и разоренія всему городу не было, заперлися и сидѣли въ ратушѣ, а наипаче для того, что на

рынку и по всѣхъ улицахъ студенты служивыхъ людей и мѣщанъ имая бывать, а въ Братскомъ въ большой колоколъ безперестанно бывть на сполохъ". Стоявшій на подольской заставѣ капитанъ Аристъ Фанидзинъ, заслышавъ набатъ, послѣшилъ къ Братскому монастырю, чтобы узнать о причинѣ тревоги, но вѣдь ся за нимъ погнались студенты, и онъ едва успѣлъ вскочить въ ратушу. Сюда же поминутно прибѣгали избитые и раненые стрѣльцы и сказывали, что студенты царскихъ ратныхъ людей и мѣщанъ „убиваютъ смертно“. Опасаясь, какъ бы студенты не раснесли и ратуши, бурмистры и лавники упросили капитана Фанидзина отправиться къ воеводѣ, донести ему „о студентскихъ бунтахъ“ и просить отъ имени магистрата о вооруженной защитѣ. Храбрый капитанъ отважился пробраться въ верхній городъ, но не прямымъ, а окольнымъ путемъ, черезъ Кожемяцкія ворота. Скоро послѣ этого воевода прислалъ на ратушный дворъ большой отрядъ стрѣльцовъ, оберегая хранившуюся тамъ казну и „бороня“ бурмистровъ и лавниковъ, „чтобы студенты майстрату и всего города не разорили и ихъ не по забивали“. Теперь только магистратскіе урядники вышли изъ осады и въ полномъ составѣ отправились съ жалобою къ князю Хованскому, при чемъ сообщили ему, „что и въ то время, якъ ратные люди зъ верхняго города на ратушу въ большомъ числѣ на оборону нижняго города и всѣхъ мѣщанъ ишли, то безперестанне студенты на сполохъ въ болшай колоколъ били и въ то время наготовились ввесь нижній городъ разорити, а когда бъ не были присланы ратные люди, тогда бы студенты ввесь нижній городъ разорили и всѣхъ мѣщанъ позабивали“.

Когда прекратился погромъ, со всѣхъ сторонъ потянулись „битые и грабленные“, чтобы занести жалобы и „записать бои и грабежи“, — мѣщане въ магистратъ, а „служивые“ въ приказную палату. Князь Хованскій снесся съ митрополитомъ, и оба они послали въ коллегію приказъ, чтобы ректоръ и префектъ „про бои ратныхъ людей и про пабать сыскали“ и велѣли вернуть отнятыхъ у извозчиковъ лошадей. Послѣднія немедленно были возвращены, а относительно сыска ректоръ съ префектомъ

отвѣтили: „мы ратныхъ людей и въ набать бить не велѣли, а кто такъ чинилъ—не вѣдаемъ“. Судя по этому отвѣту, трудно было разсчитывать на то, чтобы начальство коллегіи произвело какое-либо разслѣдованіе и подвергло виновныхъ студентовъ за-служенному наказанію; о томъ же можно заключить и изъ жа-лобы магистрата, посланной царю тотчасъ послѣ событій 29—31 генваря. Подробно и въ живыхъ краскахъ описавъ все проис-шедшее, члены магистрата такъ оканчиваютъ свою челобитную: „и нынѣ такое жъ воровство не переставалъ студенты мѣщанамъ дѣлаютъ, да и на насть, сиротъ вашихъ, всѣхъ бурмистровъ и урядниковъ, похваляются смертнымъ убийствомъ и всего города разореніемъ. Милосердный великий государь! Пожалуй насть, си-ротъ своихъ, по премногой своей царской милости: вели, госу-дарь, тѣмъ своевольнымъ студентомъ дати по розыску наказаніе, и впредь вели своимъ боярамъ и воеводамъ насть, сиротъ ва-шихъ, отъ такого убийства и разоренія студентскаго оберегать, чтобы намъ отъ нихъ въ конецъ не разориться“.¹⁾.

Такъ какъ донесенія кіевскаго воеводы во всемъ подтвер-ждали челобитную мѣщанъ, то въ царской жалованной грамотѣ, данной въ началѣ 1700 г. кіевскому магистрату на маетности и на всѣ права и вольности,²⁾ сдѣлано было слѣдующее при-бавленіе: „буде имъ, мѣщанамъ, отъ студентовъ впредь какія обиды чиниться будуть и, приходя на дворы ихъ, учнутъ что имать насилиствомъ,—и ихъ имая, имъ, мѣщанамъ, кіевскихъ полковъ съ служилыми людьми приводить въ приказную избу, и будущимъ въ Кіевѣ бояромъ и воеводомъ тѣхъ студентовъ принимать и противъ ихъ (мѣщанъ) челобитья розыскивая, указъ чинить по Уложеню и по новоуказнымъ статьямъ, до-

¹⁾ Жалоба мѣщанъ напечатана г. Каманинымъ въ его «Сбор-никѣ историч. матеріаловъ» вып. I, стр. 42—50. Донесеніе воеводы о безчинствахъ студентовъ — въ цитированномъ выше документѣ Архива Мин. Юстиція.

²⁾ Для исходатайствованія такой грамоты кіевскій войтъ Ди-митрій Погоцкій еще въ концѣ 1699 г. отправился въ Москву.

чего доведется". Такимъ образомъ, если начальство кіевской коллегіи почему-то было убѣждено, будто грамотой 1694 года ему даровано было исключительное право суда надъ учащимися, то теперь оно несомнѣнно лишалось этой привилегіи: настоящей грамотой магістрату предоставлялось право арестовывать буйныхъ студентовъ при помощи великороссійскихъ ратныхъ людей и передавать на судъ воеводѣ, который будетъ судить и наказывать виновныхъ не по мѣстному, а по болѣе строгому—великороссійскому праву.

Когда войтъ Полоцкій вернулся въ Кіевъ съ новопожалованной грамотой и объявилъ ее мѣщанамъ, вся коллегія, а съ нею и высшія духовныя власти впали въ уныніе и въ превеликое огорченіе. Митрополитъ Варлаамъ Ясінскій, незадолго предъ тѣмъ получившій, по жалобѣ войта, отъ патріарха Адріана отеческое внушеніе не отнимать у мѣщанъ земель, не нарушать ихъ исконааго права выбора приходскаго духовенства и не подвергать ихъ за малыя вины анаемъ, былъ сугубо огорченъ новымъ торжествомъ тѣхъ же мѣщанъ и униженіемъ любимаго его дѣтища—коллегіи. Не будучи въ состояніи примириться съ новымъ порядкомъ, въ силу котораго ненавистные ему мѣщане станутъ „за караулъ братъ“ благородную „молодь“ и отдавать на судъ московскимъ приказнымъ, онъ послалъ царю Петру члобитную, въ которой желалъ представить генварськое событие въ иномъ освѣщеніи и между прочимъ писалъ: „Братскаго училища дѣтямъ учинилося разореніе, къ чему подвели кіевскіе мѣщане ратныхъ государственныхъ людей, и тѣ училище разорили и взяли въ приказъ семь человѣкъ учениковъ“, о чёмъ просиль учинить надлежацій розыскъ. „А что мѣщане получили себѣ жалованную грамоту, чтобы тѣхъ учениковъ за караулъ братъ, и то мнѣ слезно и учителемъ учинился болѣзnenный случай“. Ссылаясь затѣмъ на грамоту 1694 года, якобы освобождающую студентовъ коллегіи отъ подчиненія городскимъ властямъ, митрополитъ ходатайствовалъ о пожалованіи коллегіи новой грамоты, „чтобъ виннымъ школьнімъ ученикамъ наказавіе чинить въ

школахъ“ и чтобы магістратскія и приказныя власти не имѣли никакого къ нимъ касательства ¹⁾.

Эта челобитная не имѣла успѣха. Между тѣмъ столкновенія студентовъ съ мѣщанами хотя и продолжались, но уже не достигали прежнихъ безобразныхъ размѣровъ—можетъ быть именно потому, что мѣщане съ помощью стрѣльцовъ безъ стѣсненія хватали буяновъ „за карауль“ и тѣмъ предотвращали дальнѣйшія безчинства, а въ приказной избѣ, вѣроятно, мало-церемонились съ учеными людьми. Съ этимъ позоромъ и унижениемъ никакъ не могла примириться коллегіатская молодежь, среди которой были вѣдь и сыновья полковниковъ, обозныхъ и другихъ старшинъ. Много разъ студенты и даже профессора умоляли митрополита избавить коллегію отъ этого „неудобоносимаго ига“, но что могъ онъ предпринять въ виду неуспѣха первой попытки? Лишь послѣ того, какъ бывшій питомецъ и впослѣдствіи преподаватель и префектъ кіевской коллегіи, рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій занялъ высокій постъ мѣстоблюстителя патріаршаго престола, Ясинскій рѣшился пріѣхать къ его ходатайству и въ іюнѣ 1701 года послалъ ему письмо такого содержанія: „били-де челомъ ему, Варлааму, кіевскихъ братскихъ школъ учителя, что кіевскій войтъ и мѣщане великую обиду имъ чинятъ противу крѣпостныхъ великаго государя грамотъ, данныхъ имъ, привлекая себѣ власть и волю-взять студента въ ратушную тюрьму, не извѣщаая власти духовной, ректору и префекту, какъ было изъ вачала того училища, во еще изъ своей тюрьмы отдаются въ верхній городъ къ генералу ²⁾, который тѣмъ хвалится, что имѣеть власть сажать въ тюрьму студентовъ, каково иго и работа есть неудобоносимо“. Поэтому Ясинскій „всеусердно“ просилъ Стефана Яворскаго, дабы онъ былъ „ходатаемъ къ великому государю въ подаяніи полномощной грамоты и крѣпости, чтобъ тѣмъ училищамъ не

¹⁾ Документъ Моск. Архива Мин. Юстиції.

²⁾ Кіевскій воевода въ то время былъ переименованъ въ генераль-губернатора.

имѣли отныне мѣщане и генералъ-губернаторъ надъ студентами власти и воли, а какой студентъ провинится, чтобы искать управы въ належащемъ судѣ и правѣ: школъ братскихъ кіевскихъ у ректора и префекта, какъ было и прежде изначала". Къ этому письму Варлаамъ Ясинскій приложилъ и подлинное прошеніе учителей и учениковъ коллегіи слѣдующаго содержанія¹⁾: „Академія ихъ Кіево-Могилянская, отъ прежняго своего основанія будучи равными привилегіями, какъ обыкновенно инымъ академіямъ во всѣхъ государствахъ иноземческихъ право свободность имѣти, утверждена, нынѣ несвободна есть, но подъ игомъ тяжкой обиды пребывающая, и просить его, митрополита, слезно о помощи отъ мѣщанъ кіевскихъ, которые-де прошлаго году, ставъ за одного невѣрного жида, привели на ихъ школы служилыхъ людей и много сдѣлали кровопролитія, а иныхъ, какъ злодѣевъ, взявъ въ приказную избу, въ цѣпи посадили; а и окромъ того, мѣщане дерзаютъ многажды не къ праву школьному и его, митрополита, начальству, но въ тюрьму ратушную студентовъ берутъ и оттуду безъ всякого разсмотрѣнія отдаютъ въ верхній городъ, какъ нынѣ, въ Свѣтлую недѣлю, ихъ, студентовъ, много раненыхъ ибитыхъ было отъ мѣщанъ нещадно; и били-де челомъ они о управѣ въ верхнемъ городѣ генералу, надѣясь, что онъ дастъ имъ на нихъ (мѣщанъ) управу такую, какъ и надъ ними (студентами) даетъ. И онъ, генералъ, посланныхъ ихъ старцевъ обезчестя, сказалъ, что онъ не имѣеть власти надъ мѣщанами, а надъ школами-де власть онъ и студентовъ въ тюрьму братъ имѣетъ. О чёмъ найпокорно его, митрополита, просить, чтобы онъ своимъ члобитъемъ къ великому государю потщался объ нихъ умолити о освобожденіи ихъ отъ плѣненія и отъ безчинства и дерзости мѣщанъ кіевскихъ, а въ чёмъ ихъ, студентовъ, случится вина, судѣ бы былъ въ академії". Подъ этимъ прошеніемъ подписались: „Его царскаго

¹⁾ Къ сожалѣнію, какъ это прошеніе, такъ и приведенные выше члобитную и письмо Ясинскаго мы имѣемъ не въ подлинномъ текстѣ, а въ приказномъ экстрактѣ, по документу Архива Мин. Юстиції.

пресвѣтлаго величества академіи кіевской префектъ и школъ учитель наукъ философскихъ и богословскихъ, іеромонахъ Иннокентій Поповскій именемъ и прочихъ всѣхъ учащихъ, отцевъ учителей и профессоровъ.—Его царскаго пресвѣтлаго величества стольникъ Николай Зотовъ, во академіи кіевской учащійся ¹⁾).—Григорій Но-вицкій, префектъ конгрегаціи.—Семенъ Мировичъ, вице-префектъ, намѣстникъ префекту, полковниченко Переяславскій.—Семенъ Лизогубъ, полковниченко Черниговскій.—Семенъ, Василій, Павелъ, полковниченки прилуцкіе ²⁾).—Яковъ Лисица; Григорій Голубъ, име-немъ и прочихъ всѣхъ учащихся во академіи кіевской“.

Въ этомъ прошении, помимо подписей студентовъ, нарочито выбранныхъ изъ представителей малорусской и даже великорус-ской знати, весьма любопытна ссылка просителей на какія-то исконныя права коллегіи, которыми она, наравнѣ съ иностран-ными академіями, пользовалась якобы съ самаго основанія своего.

Царь Петръ уважилъ ходатайство Яворскаго и слезную просьбу кіевскаго митрополита; грамотою отъ 26 сентября 1701 года, онъ утвердилъ прежнюю грамоту 1694 года, предо-ставивъ ректору и префекту коллегіи судъ надъ студентами, но съ такимъ добавленіемъ, что если они виновнымъ студентамъ „управы чинить не учнутъ“, то обиженные могутъ входить съ жа-лобами на ректора и префекта къ митрополиту; если же и мит-рополитъ не захотѣль бы дать надлежащаго удовлетворенія; въ такихъ случаяхъ виновные студенты подвергаются суду кіевскаго генераль-губернатора на общемъ основавіи, но послѣднему при этомъ вмѣнялась въ обязанность особенная осмотрительность, чтобы и права коллегіи не были нарушены, и „государевымъ дѣ-

¹⁾) Иэъ другого документа, помѣщенного въ сант. ии. «Кіевской Старинѣ» 1893 г., мы знаемъ, что въ августѣ 1700 г., по царскому дозволенію, отпущенъ былъ въ Кіевъ, «въ академію, для наукъ сво-бодныхъ», сынъ думнаго дьяка, стольникъ Коновъ Никитичъ Зотовъ. Не былъ ли Николай Зотовъ его братомъ?

²⁾) Т. е. сыновья Дмитрія Горлеака, тогдашняго прилуцкаго полковника.

ламъ неуправлениѧ» не послѣдовало, «и студентамъ къ невоздержанію ихъ потачки не было».

Эта мѣра, конечно, не сразу умиротворила буйное студенчество. Посѣтившій въ томъ же 1701 году Киевъ московскій священникъ Иоаннъ Лукьянновъ вынесъ такое впечатлѣніе о студентахъ и ихъ отношеніяхъ къ мѣщанамъ: „Въ Киевѣ школьнниковъ очень много, да и воруютъ много: попущено имъ отъ митрополита. Когда имъ кто понадокучить, пришедши ночью, да и укокошатъ хозяина-то, а съ двора корову или овцу сволокутъ. Нѣть на нихъ суда; скаредно сильно; попущено воровать пуще московскихъ солдатъ. А вечеръ пришелъ, то пошли по избамъ псалмы пѣть да хлѣба просить; даютъ имъ всячиною, и хлѣбомъ и деньгами, а иные имъ даютъ убоясь“.

Лукьянновъ, конечно, не самъ выдумалъ, будто студентамъ «попущено отъ митрополита», а слышалъ это отъ кievлянъ. Дѣйствительно, никогда коллегіаты такъ не безчинствовали, какъ въ управлениѣ Варлаама Ясинскаго. Бывали у нихъ и впослѣдствіи столкновенія съ мѣщанами, но такого погрома, какой они учинили въ 1700 году, больше не бывало.

58. Цыганы и евреи.

Хотя Литовскій Статутъ 1588 года предписывалъ поголовное изгнаніе изъ предѣловъ государства всѣхъ цыганъ, какъ праздныхъ и вредныхъ людей, живущихъ обманомъ и кражей, и угрожалъ крупнымъ штрафомъ за передержательство ихъ, тѣмъ не менѣе цыганы благополучно проживали въ польско-литовскомъ государствѣ, кочуя по всѣмъ его областямъ. Въ гетманщинѣ жилось имъ привольнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Общая свобода передвиженія вцолиѣ благопріятствовала ихъ привычкѣ къ кочевой жизни, а малороссійская простота и довѣрчивость открывали широкое поле цыганской ворожбѣ и хитростямъ. Любимымъ занятіемъ цыганъ и тогда было кузничество и лошадиный промыселъ, въ связи съ чѣмъ находились и наиболѣе обычные ихъ преступлениѧ—фабрикація фальшивой монеты и конокрадство.

Въ октябрѣ 1684 г., во время ярмарки, въ Кобелякѣ были пойманы „миндзари“¹⁾ цыганы, фабриковавшіе мѣдные чехи и пускавшіе ихъ въ оборотъ при помощи „переводчиковъ“, мѣстныхъ шинкаровъ. Ихъ, вмѣстѣ съ переводчиками, отправили подъ конвоемъ въ Полтаву, въ полковой судъ. Чѣмъ окончилось это дѣло—не известно; по Лит. Статуту, фальшивомонетчики подлежали смертной казни чрезъ сожженіе.

А вотъ случай конокрадства.

Весною 1657 г. группа „прочанъ“²⁾ ночевала подъ с. Шаповаловкою, близъ Борзы, спустивъ спутанныхъ коней „на попась“. Къ утру исчезли лошади. Стало искать по „слѣду“; слѣдъ привелъ въ березникъ, по другую сторону Борзы, где и были накрыты три цыгана съ уворованными лошадьми. Ихъ привели къ сотнику, который произвелъ разслѣдованіе, и затѣмъ дѣло поступило въ нѣжинскій полковой судъ. Несмотря на явные улики, цыганы, оказавшіеся известными „воловодами ярмарковыми“, „не знали до учинку“ и утверждали, будто отъ нихъ отобраны ихъ собственные лошади. Судъ, согласно Статуту, велѣлъ потерпѣвшимъ „поприсягнуть“ своихъ „виноватцовъ“: одинъ долженъ былъ присягнути подтвердить, что „не такъ ёго коня спутано, якъ онъ быль спутанъ его путомъ“, а другой—что „не его уже путомъ коня его спутано“. Послѣ совершенія присяги, цыганы отданы были „на квестію“; два изъ нихъ признались въ кражѣ, а третьаго сколько ни мучили, ничего отъ него не добились. Тѣмъ не менѣе судъ приговорилъ всѣхъ трехъ къ висѣлицѣ.

Любопытно, что въ тотъ же самый день нѣжинскій судъ разсмотрѣлъ однородное дѣло „о украденіе коня зъ начальгу“ нѣкимъ Степаномъ Якубенкомъ, но послѣдній понесъ „вольнѣйшее каранье“: онъ былъ подвергнутъ отрѣзанью уха и позорному изгнанію изъ города. Очевидно, судъ не оказалъ по-

¹⁾ Польское mincarz, нѣм. münzer, монетчикъ.

²⁾ Прочане—переселенцы, «идущіе на слободы».

щады цыганамъ потому, что это племя вѣобще пользовалось дурною славою въ Малороссії.

У тогдашняго стихотворца Климентія есть вирша: „О цыганахъ и жидахъ“, начинаящаяся такъ:

Цыгане та жиды едни единъ равни,
Поневажъ вельми тие люде есть злонравни,
Бо въ ныхъ только есть правды, якъ въ шелягу сребра...
Збытчевые людямъ чинятъ ошуканства...

Покойный П. А. Кулишъ, напечатавшій эту виршу, предполагалъ, что она относится къ польской Украинѣ, такъ какъ-де евреямъ не было доступу въ козацкую Украину до временъ Екатерины II. Дѣйствительно, при жизни Богдана Хмельницкаго никто изъ нихъ не осмѣшивался и показываться въ козацкомъ краѣ, а тѣ изъ евреевъ, которые не успѣли бѣжать отсюда, подверглись истребленію или же приняли крещеніе ¹⁾). Проѣзжавшій въ это время черезъ Малороссію Павелъ Алеппскій рассточаетъ похвалы свирѣпости, съ какою козаки искоренили іудеевъ, и восхищается тѣмъ, что въ краѣ не осталось ни единой души изъ людей этого „гнуснаго народа“. Но не прошло и четверти вѣка послѣ Хмельницкаго, какъ евреи снова стали исподволь появляться въ козацкой странѣ. Прежняя народная ненависть и злоба къ нимъ, видимо, была забыта, и евреи, разѣѣзжая по ярмаркамъ, не только сознаютъ себя въ полной безопасности, но иные прямо ведутъ себя дерзко, вызывающе по отношению къ мѣстному населенію. Вотъ, для примѣра, характерная запись въ полтавской актовой книгѣ 1684 года—если не ошибаемся, первое по времени документальное свидѣтельство о пребываніи евреевъ въ гетманщинѣ: „На ярмарку тутейшомъ о Воздвиженіи честнаго креста Господня, жидъ Ицикъ менуетъ

¹⁾ Многіе изъ такихъ «перехристовъ» сдѣливались родоначальниками старшинскихъ (вносковъ дворянскихъ) фамилій въ Малороссії.

мый, з Прилукы мешканець, од суботи до понеделка (13—15 сент.) з многими особами духовними и свѣцкими диспутуючись, значне хулиль вѣру нашу християнскую; а потомъ, впросивши до Трохима, обывателя полтавскаго, перегонити горѣлку, посред ночи в хату уйшол до молодицѣ, хотячи ее згвалтовати (изнасиловать), еднакъ тотъ Трохимъ, вже ведле (подлѣ) своеи жоны жида того зловивши, оповѣстиль врядови". Какъ же поступиль урядъ съ дерзкимъ евреемъ? „За тое проступство (отмѣчено въ протоколѣ) взято въ того жида коня з возомъ и з горѣлкою до двора полковничаго". Можетъ быть, съ Ицыкомъ такъ милостиво было поступлено потому, что тогдашній полтавскій полковникъ Павель Герцикъ самъ былъ сыномъ крещенаго еврея, торговавшаго въ Полтавѣ иголками и шпильками.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что уже въ 1680-хъ годахъ евреи свободно проживали (хотя и въ маломъ количествѣ) въ Малороссіи, разъѣзжали по ярмаркамъ и торговали водкою. Въ роли осѣдлыхъ корчмарей и шинкаровъ они пока еще не выступаютъ.

Но вотъ предъ нами процессъ о евреяхъ, занимавшихся болѣе предосудительнымъ промысломъ. Дѣло происходило въ Стародубѣ, въ ноябрѣ 1690 года. Незадолго предъ тѣмъ поселился здѣсь еврей Ирша Якубовичъ, „захожій" изъ м. Народичъ, Овручскаго повѣта. Кромѣ двухъ сыновей, при немъ проживали „два жидки молодыхъ" Израиль и Гаврило, которые, „постерегши, знатъ, по немъ шкодливые христіянскому житию поступки, отверглися злого ихъ еврейскаго невѣры", привяли крещеніе и были переименованы въ Романа и Михайла. Желая свести какіе-то счеты съ прежними единовѣрцами, эти неофиты выступили въ полковомъ судѣ обвинителями Ирши въ томъ, что онъ, „живущи межи християнами, маєть такихъ злочынцовъ, которые, крадучы въ людей конѣ и рѣчи ишыѣ, потаемне продаютъ ему". При этомъ они назвали нѣкого Петра Кондратенка, какъ одного изъ такихъ „жидовскихъ переводниковъ". Онъ оказался выходцемъ изъ Стеблева, что близъ Корсуня. Его и еврея Иршу съ

двумя сыновьями тотчасъ разыскали и привели въ судъ. Всѣ они, конечно, отрицали взводимыя на нихъ преступленія, но когда Кондратенко пригрозили сѣченіемъ, онъ сталъ виниться и такъ показалъ:

— Жыдъ Ирша Якубовичъ зъ сынами своими подмовили мене на переводню—красты имъ кони, которыхъ южъ я, на розныхъ мисцехъ, въ розныхъ людей укравши зъ деслtero, без-цинне (задешево) попродалемъ жыдамъ имененымъ.

Слыша это сознаніе, выкrestы Романъ и Михайло прибавили:

— Въ того жъ злочынца Петра жыдъ Ирша не тylко кра-деные куповавъ кони, але и казаны горилчаные такіе жъ кра-деные покупывъ.

Кондратенко, „за погрозкою постронковою“, долженъ былъ сознаться, что укралъ казаны у нѣкоей Хваихи и продаль ев-реямъ.

Старый Ирша „ни до чого не признался“, говоря:

— Не знаю того и не видаю; хиба мій сынъ який безъ видома моего вчынывъ тое.

А обвинители все не унимались. Выкrestъ Михайло раз-сказалъ слѣдующее:

— Въ семъ же року 1690, о празницѣ Вознесенія Господня, идучи мы зъ Мошкомъ Иршовичомъ, жыдомъ, зъ Почеповскаго ярмарку, стали на почлигъ подъ Почепомъ, подля горы Бабынои, де при початку ночи противко цегельни ставши, покилко-кругтоне Иршовичъ ходывъ подъ ночлижвыки для крадижки ко-ней, але вертався, бо брехалы собаки; потимъ, пойшедши подъ туманъ, ранкомъ, украли двое коней, зъ которыхъ едного и-зналь Заруцкій, а другого Мошко мни отдавъ, а я того коня проминявъ на дiоготь. А старый Ирша на самый празныкъ Рождества Богородицы, въ Яремы, такого жъ злодія, купывъ четверо коней и попродавъ рознымъ людемъ на сторону.

Романъ рассказалъ еще худшее о другомъ сынѣ Якубовича, Копелѣ Иршовичѣ:

— Едного разу онъ Копель, звирывши мни, яко жыдови такому же на тотъ чась будучому, повидавъ: „Я, прави, и братъ мій сліпий, та жыдокъ докторчикъ, который мешкавъ въ городи Коропови, згубилисмо за Христиновкою, за рикою Улею,¹⁾ чоловика именемъ Микиту, купца кіевскаго, которому перше зъ отрутою въ ротъ улили килишокъ горилки, потымъ оного вожками задавили до смерты“.

Такъ какъ обвиняемые отрицали всѣ эти факты, то въ виду предстоявшаго слѣдствія полковой судъ велѣлъ арестовать Кондратенка и обоихъ Иршовичей, а съ ихъ отца взяль подпиську въ томъ, что по всѣмъ означеннымъ обвиненіямъ онъ обязанъ „усправедливитися зъ доводами певными, где належатиметъ“. Къ сожалѣнію, дальнѣйшій ходъ этого дѣла не извѣстенъ.

Судя по даннымъ этого документа (и другимъ), можно полагать, что евреи раньше всего стали проникать изъ Бѣлоруссіи и Кіевскаго Полѣсся именно въ сѣверную Україну и что къ концу XVII ст. ихъ было здѣсь больше, чѣмъ въ южныхъ полкахъ. Промышляли они здѣсь перепродажей лошадей по ярмаркамъ, торговали дегтемъ, а нѣкоторые изъ нихъ слыли „докторчиками“, т. е. занимались врачевствомъ. Послѣднее не удивительно, если вспомнимъ, что на Волыни еще во второй половинѣ XVI ст. было немало ученыхъ докторовъ евреевъ, практиковавшихъ среди мѣстныхъ магнатовъ и шляхты; много было евреевъ и между тамошними „балверами“ (фельдшерами). Проникая въ сѣверную Україну, евреи скоро начали арендовать панскіе шинки и корчмы, а попутно съ этимъ занимались конокрадствомъ, устройствомъ воровскихъ притоновъ и сбытомъ краденаго. Скоро послѣ того ихъ стали обвинять и въ тайныхъ убійствахъ. Неудивительно, что именно въ сѣверной Малороссіи евреи возбудили противъ себя всеобщее неудовольствіе, и не далѣе какъ въ 1704 г. въ черниговскомъ полку про-

¹⁾ Христиновка — нынѣ дер. Овручскаго у., при впаденіи рч. Норыни въ Ушу.

изошелъ настоящій еврейскій погромъ, не распространявшійся на другіе полки лишь благодаря принятымъ Мазепою предохранительнымъ мѣрамъ.¹⁾ А въ гетманство Скоропадскаго и Апостола издается уже рядъ универсаловъ о повсемѣстномъ изгнаніи іудеевъ изъ предѣловъ Малороссіи, и только въ царствованіе Екатерины II они снова пріобрѣли здѣсь право гражданства.

Ор. Левицкій.



¹⁾ См. очеркъ Н. И. Костомарова „Жидотрепаніе въ началѣ XVIII ст.“, въ Кіевской Старинѣ 1883 г., кн. 1 и 3.

О происхождении слова „кацапъ“.

Въ № 301 (1 ноября 1901 г.) газеты „Русское Слово“ напечатана замѣтка Д. И. Эварницкаго: «Что значитъ слово „кацапъ“?».

Указавъ на неудачныя, чо его мнѣнію, объясненія Н. И. Костомарова (кацапъ=цаپъ, т. е. козель) и А. И. Бородая (кацапъ=کاتے-پاپъ, т. е. палачъ-козель), г. Эварницкій пишетъ далѣе:

„Занимаясь въ Архивѣ министерства юстиціи въ Москвѣ, я нашелъ нѣсколько малороссійскихъ документовъ половины XVIII вѣка, въ которыхъ слово „кацапъ“ писалось не съ буквою и, а съ буквою с, т. е. не „кацапъ“, а „касанпъ“. Обратившись затѣмъ отъ архивныхъ документовъ къ языку туземцевъ Средней Азіи, я узналъ, что у сартовъ есть слово „касабъ“ или „касанпъ“, что въ буквальномъ смыслѣ значить „мясникъ“ и въ переносномъ—„живодеръ“. Отсюда я и вывожу заключеніе, что теперешнее слово „кацапъ“ вовсе не русскаго, а восточного, правдоподобно—татарскаго происхожденія, какъ слова: деньгá (по-татарски—„тенгá“), хомутъ („хамутъ“) сундукъ („сандукъ“) и другія, которыя, однако, считаются у насъ за давностью чисто русскими. Идя далѣе, я допускаю, что первоначально кличкою „касанпъ“ обзывали русскіе татаръ въ смыслѣ „насильниковъ“, „притѣснителейъ“, „живодеровъ“; потомъ это слово настолько акклиматизировалось на Руси, что стало считаться чисто мѣст-

нымъ и прикладываться уже къ самимъ русскимъ въ томъ же бранномъ смыслѣ, какъ другое татарское слово „харцызъ“ (разбойникъ) акклиматизировалось у простого малороссійскаго населенія и употребляется въ смыслѣ разбойника или злодѣя вообще. Огъ великороссовъ слово „кацапъ“ могло быть занесено къ малороссамъ въ эпоху великороссійской боярщины на Украинѣ, въ XVII вѣкѣ, послѣ гетмана Богдана Хмельницкаго. По крайней мѣрѣ, такое объясненіе не заставляетъ насъ ни отбрасывать слова, ни вставлять новаго, а лишь допускаетъ замѣну буквы *и* буквою *с*, да и то оправдываемую архивными документами".

По поводу этой догадки г. Эварницкаго слѣдуетъ замѣтить, что слово *casap* (=перс. *hasap*, т. е. *lanio*, раздираю; по-арабски---*kassab*), въ значеніи мясникъ, *macellarius*, отмѣчено уже въ куманскомъ, т. е. въ половецкомъ, словарѣ и слѣдовательно употреблялось половцами побережья Чернаго моря, а можетъ быть и венгерцами еще до 1303 г.¹⁾). Въ таранчинскомъ, крымскомъ, османскомъ, адербиджанскомъ нарѣчіяхъ и въ чагатайскомъ книжномъ языкахъ также существуетъ слово *kassap* (въ крым. и осм. — въ формахъ *kasap* и *hasap*) въ значеніи мясникъ, а въ османскомъ—и въ переносномъ смыслѣ (*адам кассабы*—лютый человѣкъ, деспотъ; *kassap oghlu*—мошенникъ, шельма; буквально—сынъ мясника). Въ переведенной троцкими и луцкими караимами книгѣ прор. Даниила встрѣчается слово *kassapchы* въ значеніи палаачъ. У крымскихъ татаръ слово *kassap* (=хассап) даже вошло въ поговорку о мяснике и козлѣ: мясникъ хлопочетъ лишь о салѣ, а для козла дѣло идетъ о жизни.²⁾.

Что касается перехода въ живомъ говорѣ звука *с* въ *и* (*kasap*, *kassap*, и „кацапъ“), то примѣровъ тому можно найти.

¹⁾ См. Com. Géza Kuun, Codex cumanicus (Budapestini, 1880), 101, 267, 323.

²⁾ В. Радловъ. Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. Т. II, Спб., 1895—99), 349, 358, 1686 и указатель арабской транскрипціи).

немало. Прямую параллель можно указать хотя бы въ словѣ „харцызъ“, на которое ссылается г. Эварницкій и которое донынѣ употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи. Соответствующее нашему „харцызу“ слово въ крымскомъ и османскомъ нарѣчіяхъ звучитъ *хырсыз* (тоже въ значеніи воръ, разбойникъ), съ несомнѣннымъ съ, чтѣ отчасти подтверждается и транскрипціей въ текстахъ араб., осман. и греч. Если же сопоставлять наше слово „харцызъ“ съ крымскимъ и османскимъ *каарсыз* и *хаарсыз* (въ знач. непостоянныи, беспокойныи), то въ приставкѣ *сыз* (=безъ) звукъ съ тоже не подлежитъ со- мнѣнію.¹⁾

Такимъ образомъ, чтобы найти созвучія для малорусского слова „кацапъ“ въ тюркскихъ нарѣчіяхъ, нѣтъ нужды обращаться непремѣнно къ языку туркменъ-сартовъ: слово это, въ прямомъ и переносномъ значеніи своемъ, получило, повидимому, съ давней поры, распространеніе и у другихъ тюрковъ, находившихся въ культурномъ взаимодѣйствіи съ южной Русью, именно у половцевъ, османисовъ или малоазійскихъ сельджуковъ, крымскихъ татаръ, а также у литовскихъ караимовъ, выходцевъ изъ Крыма, усвоившихъ языкъ послѣдняго.

Догадка г. Эварницкаго о странствованіяхъ слова „*кассан*“ отъ татаръ въ Великую Россію, а оттуда въ Малую, конечно, малоубѣдительна и не можетъ быть принята. Во всякомъ случаѣ желательно, чтобы г. Эварницкій опубликовалъ выдержки изъ архивныхъ документовъ, на которые ссылается въ своей замѣткѣ.

По поводу соображеній г. Эварницкаго г. Г. Б. въ газетѣ „Кievлянинъ“ (№ 308—7 ноября 1901 г.) предлагаетъ свою догадку.

„Меѣ кажется—пишетъ г. Г. Б.—болѣе вѣроятнымъ, что слово „кацапъ“ (а не *касабъ*)—еврейскаго корня. На талмудическомъ языке глаголъ „*кацебъ*“ означаетъ буквально—*рѣзать* (трак. бецца, л. ii), а въ переносномъ—*опредѣлять*. Отсюда

¹⁾ В. Радловъ. Опытъ, II, 158 и 1720 сл.

употребляемое и въ настоящее время у евреевъ слово „*кабабъ*“ означаетъ: рѣзникъ-масопромышленникъ, въ отличіе отъ „шохетъ“—рѣзника, занимающагося исключительно убоемъ скота по еврейскому религіозному обряду.

Можно допустить, что сказанное слово перешло въ русскій языкъ уже въ старину отъ занимавшихся скотоводствомъ половцевъ-куманъ, среди которыхъ, какъ полагаютъ ученые, были и іудеи, чѣмъ и объясняется присутствіе въ куманскомъ словарѣ нѣкоторыхъ еврейскихъ словъ, какъ, напр. *тора* (законъ) и др.«

Эта догадка возбуждаетъ большія сомнѣнія.

Совершенно вѣрно, что глаголъ *kagash*, и производныя причастія и прилагательныя, встрѣчается въ древне-еврейскомъ и притомъ не только въ языкахъ талмуда, но и въ біблії (1 кн. царствъ, VI, 25; II кн. царствъ, VI, 7; Пѣснь пѣсней—IV, 2) въ значеніи рѣзать, распредѣлять. Произносить это слово можно и *kagash*, и *kagab*, такъ какъ въ текстахъ безъ пунктуаціи разница между еврейскими *b* и *w* исчезаетъ. Въ подобныхъ случаяхъ сефарды произносятъ *b*, а ашkenази (почти всѣ русскіе евреи) произносятъ *w*. Въ талмудѣ (тракт. Беца, 11, 25 et pas.) слово *kagow* употребляется въ значеніи мясника, разрѣзывающаго и распредѣляющаго части животныхъ по сортамъ. Въ этомъ значеніи слово перешло и въ еврейскій жаргонъ, на которомъ мясникъ именуется *kagow*, но произносится *kagew* (подобно древнееврейскому *dapow*, воръ, которое произносится *dapew*, и т. п.). Слово *kagew* у современныхъ русскихъ евреевъ означаетъ рѣзника низшаго ранга, въ отличіе отъ шохета, который послѣ ритуального зарѣза животнаго не прикасается уже къ тушѣ. Ремесло *kagow'a* или *kagew'a* не пользуется особымъ почетомъ въ еврейскихъ народныхъ понятіяхъ; такъ, на жаргонѣ есть пословица: когда *kazew* отошелъ отъ колоды (для разрубливанія мяса), подбѣгаетъ собака ¹⁾.

¹⁾ За сообщеніе этихъ подробностей о еврейскомъ *kazow'* приношу благодарность А. Цейтлину. Слова *kazah*, *kazow*, *kaga* и *kazaf*— см. въ евр. словарѣ Фишера, изд. 1827 г., 441, 783 и 785.

Такимъ образомъ, созвучіе словъ и общность обозначаемыхъ ими понятій и въ данномъ случаѣ неоспоримы. Но г. Г. Б. ни чѣмъ не установилъ отношеніе талмудического *kagow* къ соотвѣтственнымъ персидскимъ и тюркскимъ словамъ; между тѣмъ переходъ нѣкоторыхъ персидскихъ и тюркскихъ словъ въ арамейскій языкъ и затѣмъ въ талмудъ едва-ли подлежитъ сомнѣнію. ¹⁾ Тѣмъ менѣе можно считать доказаннымъ позаимствованіе куманского *kasor* отъ талмудистовъ-евреевъ. Приводимое г. Г. Б. въ видѣ аналогіи др. евр. слово *torah* въ значеніи законъ въ куманскомъ словарѣ и глоссахъ не встрѣчается ²⁾. Вообще, вліяніе языка талмуда на куманское нарѣчіе донынѣ, сколько известно, никѣмъ не установлено; о близайшихъ связяхъ половцевъ съ евреями также молчать изданные пока источники. Исторія термина *sagow* въ древнееврейской письменности требовала-бы ближайшаго изслѣдованія, такъ какъ простая созвучность словъ, очевидно, недостаточна для догадокъ, подобныхъ высказанной г. Г. Б. ³⁾. Поэтому, до представлениія дальнѣйшихъ доказательствъ, теорія позаимствованія малорусскаго „каданъ“ у евреевъ при посредствѣ половцевъ должна быть признана произвольною. Если полагаться на созвучія, то едва-ли не правдоподобнѣе всего искать ближайшую для настѣ родину этого браннаго слова у крымскихъ и ногайскихъ татаръ.

Въ языкахъ нерѣдко сохраняются драгоценные слѣды пережитыхъ моментовъ исторіи и культурныхъ отношеній народовъ.

¹⁾ Géza Kuni, op. c., LXIX.

²⁾ Есть, правда, въ томъ же значеніи формы *torä*, *törgä* и *toura* (исправленное другой рукой въ *törgä*. Ср. еврейскій выговоръ *tойра*). Однако, ученый издатель половецкаго словаря гр. Геза Кунъ призналь возможнымъ сопоставить эти куманскія формы съ казанскимъ *türä*, судья, и съ чагатайскимъ *törgä*, законъ, но не съ евр. *torah*.

³⁾ Такъ, напр., въ венгерскомъ тоже встрѣчается глаголь *kaszabol* (чит. *касабол*) въ значеніи раздѣлывать свинью тушу, рѣзать, рубить на части, но оно происходитъ отъ славянской косы (венгер. *kassa*).

Но при обсуждении судьбы словъ и связанныхъ съ ними понятий и явлений недостаточно простыхъ созвучий: необходимо прослѣдить исторію словъ по памятникамъ письменности и въ жизненныхъ говорахъ, и лишь при этомъ условіи возможно разсчитывать на прочные результаты. Любителямъ созвучий слѣдуетъ вспомнить хотя-бы печальную участъ работъ покойного дилетанта филолога Платона Лукашевича, многочисленные корнесловы котораго не принесли пользы наукѣ, ибо ничего не уяснили.

Н. М.

Николай Ильичъ Стороженко

(по поводу 30-тиліття его професорской дѣятельности).

Въ октябрѣ мѣсяцѣ текущаго года окончилось тридцатилѣтіе профессорской дѣятельности извѣстнаго русскаго ученаго, профессора московскаго университета, Николая Ильича Стороженко, одного изъ лучшихъ шекспирологовъ не только у насъ въ Россіи, но и въ Англіи, гдѣ онъ былъ избранъ вице-президентомъ „Нового Шекспировскаго Общества“. Занимая каѳедру всеобщей литературы, Н. И. Стороженко главныя свои работы посвятилъ изученію и разработкѣ вопросовъ, связанныхъ съ разнообразными литературными теченіями въ жизни западно-европейскихъ народовъ, и въ то-же время, будучи уроженцемъ Малороссіи, онъ удѣлялъ свои немногіе досуги талантливому освѣщенію нѣкоторыхъ фактовъ изъ жизни своей родины, по преимуществу дѣлясь плодами своихъ изслѣдованій съ нашимъ изданіемъ. Это послѣднее не только даетъ намъ право, но и обязываетъ насъ посвятить имени уважаемаго нашего сотрудника нѣсколько страницъ въ настоящей книжкѣ „Кievskoy Stariны“.

Н. И. Стороженко, принадлежа къ старинному козацкому роду, внесенному давно уже въ родословныя дворянскія книги нѣсколькихъ малорусскихъ губерній, родился 30 мая 1836 года въ полтавской губерніи, въ прилукцкомъ уѣздѣ. Воспитаніе свое получилъ онъ въ кievской I-ой гимназіи, а затѣмъ въ москов-

скомъ университѣ, гдѣ и окончилъ курсъ по историко-филологическому факультету. Не можемъ не отмѣтить здѣсь того факта, что занятія его въ студенческій періодъ направлены были, если не исключительно, то во всякомъ случаѣ въ значительной долѣ, на изученіе исторіи Малороссіи и малорусской этнографіи. Свидѣтельствуетъ обѣ этомъ не только то, что первой его печатной работой, еще на студенческой скамьѣ, считается разборъ извѣстнаго малорусского литературнаго сборника, изданнаго въ Саратовѣ Костомаровыи и Мордовцевыи, помѣщенный въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1859 года, но и тѣ отрывочные свѣдѣнія изъ его переписки въ 50-хъ г. съ двоюроднымъ братомъ В. А. Стороженкомъ, которыя имѣются у насъ въ рукахъ. Такъ, въ письмѣ отъ 3 марта 1857 года онъ пишетъ: „Въ минуты досуга и свѣтлого настроенія я продолжаю заниматься исторіею Малороссіи и усиѣль сострашать статейку по поводу изданія Кулиша „Записки о Южной Руси;“ хочу отдать ее въ „Русскій Вѣстникъ“, но не знаю, примутъ-ли. „Мѣсяцъ спустя, отправившись въ Петербургъ, онъ сообщаетъ своему корреспонденту слѣдующія интересныя строки въ письмѣ отъ 7-го апрѣля: „Петербургъ полонъ искушеній. Захотѣлось-бы побывать вездѣ, а это стоитъ много, а самое главное—тамъ есть хороший польскій книжный магазинъ Вольфа, до котораго я хочу добраться. Въ послѣднее время вышло множество любопытныхъ вещей, касающихся исторіи Малороссіи, и чтобы пріобрѣсть ихъ, нужно истратить до 100 руб. серебр., потому что польскія изданія очень дороги въ Петербургѣ.... Минѣ обѣщали дать кое-что за мой разборъ Кулиша“. Нѣтъ у насъ свѣдѣній о томъ, была-ли напечатана эта статья гдѣ нибудь,—но въ Русскомъ Вѣстнике 1857 года мы ея не нашли. Что увлеченіе Н. И. Стороженка своей родной исторіей и всѣмъ, связывавшимъ его съ родиной, не прекращалось въ годы его студенческой жизни, видно еще и изъ послѣдующаго письма къ тому-же В. А. Стороженку, писаннаго изъ Петербурга 24 іюня 1861 года. „Въ Петербургѣ я познакомился со многими малороссами на концертѣ, данномъ въ пользу семейства

Шевченка; видѣлъ Алексія Петровича Стороженка,¹⁾ но по своему странному характеру не подошелъ къ нему. Если пойду осенью, то непремѣнно познакомлюсь и поклонюсь отъ Васъ. Теперь легко это сдѣлать. Онъ бываетъ на вечерахъ у Черненка,²⁾ устроенныхъ въ пользу семейства Шевченка съ платой за входъ по 50 к. Вечера эти имѣютъ исключительно національный характеръ; тамъ говорять исключительно про-малороссійски, Чумачевскій и Артемовскій поютъ малороссійскія пѣсни, словомъ—это авангардъ возрождающейся Малороссіи. Въ Москвѣ есть тоже подобные собрания и называются *громадой*, но въ нихъ принимаетъ участіе только молодежь. Цѣль этой громады весьма похвальна: она хочетъ издавать книги для народа на малороссійскомъ языкѣ, но по сю пору не издала ничего.“

Окончивъ Московскій университетъ, Николай Ильичъ посвятилъ себѣ педагогической дѣятельности, состоя преподавателемъ въ гимназіи и въ военномъ училищѣ. Въ этотъ періодъ онъ впервые заявилъ себѣ, какъ ученый, занявшійся изученіемъ Шекспира, результатомъ чего были публичныя лекціи, прочитанныя имъ въ Москвѣ въ 1864 году. Начиная съ этого времени, молодой ученый отдается главнымъ образомъ изученію великаго англійскаго драматурга и эпохи, современной ему, равно и предшествовавшей. Для этихъ занятій онъ проводитъ два года за границей, преимущественно въ Англіи. Плодомъ этихъ изученій былъ цѣлый рядъ его печатныхъ работъ, изъ которыхъ магистерская диссертациѣ подъ заглавіемъ: „Предшественники Шекспира“, напечатанная въ 1872 году, доставила ему всеобщую известность и открыла для него каѳедру по исторіи все-

¹⁾ Извѣстный малоруссій беллетристъ—Олекса Стороженко.

²⁾ Федоръ Ивановичъ Черненко группировалъ вокругъ себя малороссовъ, жившихъ въ Петербургѣ. Къ нему, напримѣръ, направлены были всѣ письма художника Г. Н. Честаховскаго, описывавшія въ 1861 году проводы гроба Т. Шевченка изъ Петербурга на Україну, похороны поэта подлѣ Канева и устроеніе его могилы. (См. Кіевс. Стар. 1898 г. № 2).

общей литературы въ Московскомъ университѣтѣ. Съ этихъ поръ Николай Ильичъ Стороженко безпрерывно работаетъ, какъ ученый специалистъ, надъ вопросами всеобщей литературы, и одновременно ведетъ чтеніе лекцій въ университѣтѣ, позднѣе—на высшихъ женскихъ курсахъ, въ театральномъ училищѣ; затѣмъ принимаетъ онъ на себя предсѣдательство въ литературно-театральномъ комитетѣ и въ обществѣ любителей россійской словесности; наконецъ, беретъ онъ на себя обязанность библіотекаря въ Румянцевскомъ музѣѣ. Во всей этой дѣятельности своей Николай Ильичъ успѣваетъ заслужить всеобщее уваженіе къ себѣ, такъ какъ на каѳедрѣ, въ роли профессора и талантливаго лектора публичныхъ лекцій, онъ приковываетъ вниманіе слушателей богатымъ содержаніемъ лекцій и блестательнымъ изложеніемъ ихъ; какъ авторъ многочисленныхъ статей, интересныхъ и поучительныхъ по самымъ темамъ своимъ, онъ обнаруживаетъ въ нихъ стремленіе къ освѣщенію лучшихъ сторонъ въ человѣкѣ (Философія Донъ-Кихота; Апостолъ гуманности и свободы—Теодоръ Паркеръ; Поэзія міроегой скорби,—и др.), и тѣмъ, естественно, вызываетъ въ обществѣ чувства высокой благодарности; какъ предсѣдатель въ обществѣ любителей россійской словесности, онъ заботится объ интересномъ содержаніи засѣданій его и устраиваетъ ихъ открытыми для публики; наконецъ, какъ библіотекарь въ Румянцевскомъ музѣѣ, онъ тщательно пополняетъ библіотеку и по собственной иниціативѣ устраиваетъ возможность публикѣ пользоваться особымъ научно-популярнымъ отдѣломъ въ читальномъ залѣ. Однимъ словомъ, Николай Ильичъ Стороженко сдѣлался для Москвы однимъ изъ популярнѣйшихъ гражданъ ея, и казалось-бы, въ силу этого, могъ сознавать себя совершенно оторваннымъ отъ родной ему Малороссіи. Однако не заглохли въ немъ тѣ юношескія увлеченія своимъ роднымъ краемъ, которыхъ нами были уже указаны, а отозвались они и въ зрѣлые годы его жизни, сохранились и до настоящаго времени. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ, помимо всего прочаго, его сочувственное отношеніе къ нашему изданію, достижению цѣлей и задачъ котораго онъ, по мѣрѣ возможности, всегда помогалъ

своимъ, очень цѣннымъ для настъ, сотрудничествомъ. Отвлекаемый своими специальными занятіями по всеобщей литературѣ далеко въ сторону отъ сюжетовъ, связанныхъ съ жизнью Малороссіи, онъ, однако-же, находилъ возможнымъ удѣлать немногіе досужные свои часы освѣщенію интересныхъ страницъ въ жизни того поэта, въ которомъ, какъ фокусъ, сосредоточены до сихъ поръ всѣ основные лучи новой украинской поэзіи: Шевченко въ малорусской литературѣ, подобно Шекспиру въ англійской, сталъ для Н. И. Стороженка главнымъ предметомъ его изученія. Результатами этихъ своихъ изученій онъ и дѣлился по преимуществу съ „Кievskoj Stariinой“.

Первой статьей, открывшей сотрудничество Н. И. Стороженка въ „Kievskoj Stariinѣ“, была очень интересная его работа: „Первые четыре года ссылки Шевченка“ (1888 г. № 10), написанная въ дополненіе свѣдѣній, сообщенныхъ въ книгѣ М. Чалаго: „Жизнь и произведенія Шевченка“, и составленная по письмамъ поэта къ кн. В. Н. Репиной и по разсказамъ Т. М. Лазаревскаго. Этой статьей Н. И. Стороженко нѣсколько приподнялъ ту завѣсу, за которой почти скрыты были тяжкіе для Шевченка годы его ссылки, тѣмъ болѣе, что перепѣска съ кн. Репиной считалась безвозвратно потерянной. Продолженіе разработки этого периода ссылки поэта пришлось Н. И. Стороженку сдѣлать на основаніи любопытнѣйшаго матеріала, ставшаго для него доступнымъ благодаря разрѣшенію Министра Внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново,—это „Дѣло о художникѣ Шевченкѣ“, хранящееся въ архивѣ департамента полиціи. Первая статья Н. И. Стороженка, составленная по этимъ документамъ, помѣщена была въ „Kievskoj Stariinѣ“ 1893 г. № 3 подъ заглавіемъ: „Новые матеріалы для біографіи Шевченка“, и подъ тѣмъ-же заглавіемъ вторая статья въ 1898 г. № 3. Уже самое указаніе того источника, откуда взяты были матеріалы для этихъ двухъ статей, служить свидѣтельствомъ, насколько цѣнны были тѣ немногія страницы, которыя составили богатый вкладъ въ сокровищницу біографическихъ данныхъ изъ жизни поэта.

Сверхъ этихъ основныхъ матеріаловъ по изученію Шевченка, Н. И. Стороженко сообщилъ въ нашъ журналъ найденное имъ въ томъ-же дѣлѣ стихотвореніе: „Славянамъ“, которое онъ считалъ принадлежащимъ перу Шевченка (напечатано въ 1897 г. № 10), но которое возбудило у другихъ ученыхъ сомнѣніе въ авторствѣ Шевченка, вслѣдствіе чего Ник. Ильичъ прислалъ пояснительную замѣтку свою, где онъ отчасти соглашается съ тѣмъ, что въ этомъ стихотвореніи, можетъ быть, большая доля авторства принадлежитъ Костомарову, но часть его возможна и въ творчествѣ Шевченка (напеч. въ 1899 г. № 12).

Есть и еще одна маленька замѣтка, присланная Николаемъ Ильичемъ въ „Кievскую Старину“ (1894 г. № 2), — по поводу стихотворенія „Свячена вода“ А. И. Псіоль. Стихотвореніе это, не бывшее раньше известнымъ въ печати, часто вспоминалось Шевченкомъ въ ссылкѣ, о чёмъ онъ и писалъ къ друзьямъ, прося прислать ему эти стихи. Тутъ-же сдѣлана авторомъ замѣтки поправка къ изданію „Кобзаря“ Шевченка 1889 г., въ которомъ было напечатано стихотв. „До сестры“ приписанное Шевченку; на основаніи достовѣрныхъ данныхъ, Николай Ильичъ указалъ, что это стихотвореніе принадлежитъ перу той-же А. И. Псіоль, вслѣдствіе чего въ послѣдующихъ изданіяхъ „Кобзаря“ оно уже выброшено.

Вотъ тѣ, повидимому немногіе, но очень цѣнныя матеріалы, которые сообщены были Н. И. Стороженкомъ нашему изданію; за сотрудничество это редакція не можетъ не выразить ему своей глубочайшей признательности, тѣмъ болѣе, что она освѣдомлена о томъ, какъ дорога Николаю Ильичу каждая минута для его специальныхъ занятій. Такая отзывчивость его къ цѣлямъ и задачамъ, преслѣдуемымъ нашимъ изданіемъ, объясняется, конечно, тѣмъ, что онъ, многолѣтній москвичъ, не прерывалъ связей съ родной и дорогой ему Украиной. Имѣя помѣстье въ Лохвицкомъ уѣздѣ, въ с. Мормизовкѣ, Николай Ильичъ почти ежегодно лѣтніе мѣсяцы проводилъ на родинѣ, интересуясь всѣмъ тѣмъ, что составляетъ характерные черты въ ея жизни, и слѣдя постоянно за литературнымъ движениемъ въ малорусской пись-

менности: намъ извѣстенъ фактъ, что одному изъ кіевскихъ книгопродавцевъ имъ поручено высылать ему всѣ книжныя но- вости по части южнорусской письменности. Надѣясь въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ „Кіевской Старины“ подѣлиться съ читателями тѣми свѣдѣніями, которые касаются времени пребы- ванія его минувшимъ лѣтомъ у себя на родинѣ, мы теперь за- кончимъ нашу замѣтку о немъ пожеланіемъ глубокоуважаемому юбиляру сохранить на много лѣть силы, здоровье и бодрость духа для трудовъ своихъ на пользу общественную и для блага его родины.



Н. В. ШУГУРОВЪ.

(*Некрологъ*).

6 ноября скончался въ г. Нѣжинѣ отъ паралича сердца одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ нашего журнала, Николай Васильевичъ Шугуровъ. Покойный родился въ 1843 г., въ Черниговской губерніи. Учился Н. В. въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, по окончанію курса въ которой въ 1861 г. поступилъ на юридической факультетъ Московскаго университета. Въ Москву влекла покойнаго громкая слава Московскаго университета того времени, а выборъ факультета, по словамъ Н. В.-ча, былъ обусловленъ чистою случайностью: въ IV классѣ гимназіи ему предстояло избрать для изученія латинскій языкъ или законо-вѣдѣніе; онъ избралъ послѣднєе, а для поступленія въ университетъ требовался экзаменъ изъ латыни. Кое-какъ Н. В. приготовился къ экзамену. Но поступающихъ на историко-филологической факультетъ, къ которому тяготѣли симпатіи Шугурова, экзаменовалъ Леонтьевъ, и экзаменовалъ сравнительно строго, а будущихъ юристовъ экзаменовалъ другой профессоръ, и экзаменовалъ легко. Это и рѣшило выборъ факультета Ш-вымъ.

Окончаніе Н. В. университетскаго курса совпало съ введеніемъ новыхъ судебныхъ учрежденій, которымъ Ш-въ и посвѣтилъ свои силы до послѣдней минуты. Послѣ непродолжительной службы въ Москвѣ и Петербургѣ, Н. В. назначенъ былъ товарищемъ

прокурора въ Симбирскъ, а скоро потомъ получилъ назначеніе товарищемъ предсѣдателя Одесского окружного суда. Съ этого времени Н. В. не покидалъ Юга Россіи. Но и въ Одессѣ Н. В. оставался не долго. Ладить съ властью имущими онъ не умѣлъ, постоять за свои интересы тоже, и его, вскорѣ по закрытіи отдѣленія, въ которомъ онъ предсѣдательствовалъ, назначили на ту-же должность въ глухой Стародубъ. Тяжело жилось чокай-ному, по его словамъ, въ первые годы на новомъ мѣстѣ. Но мало по малу онъ смыкся съ новыми условіями и сумѣлъ внести свѣтлый лучъ въ захолустную жизнь. Н. В. и въ глухи не отсталъ отъ культурной жизни: онъ съ любовью отдается чтенію по интересующимъ его вопросамъ искусства, изучаетъ прошлое своей родины, которую онъ горячо любилъ. Его поэтическая натура выразилась въ рядѣ стихотвореній, часть которыхъ была издана, безъ его вѣдома, въ видѣ сборника подъ псевдонимомъ Майскаго ¹⁾). Но будучи эстетикомъ, Швѣ не сторонился и отъ жизни съ ея не-эстетическими мелочами и дрязгами. Его мягкая любвеобильная натура, несмотря на кажущуюся его нелюдимость, искала сближенія съ людьми. Въ Стародубѣ ему удалось найти людей, близкихъ по настроению; онъ сошелся съ А. С. Лашкевичемъ, кн. Н. Д. Долгоруковымъ, С. А. Сребольскимъ, проф. Спб. консерваторіи А. Н. Рубцомъ. Въ скучную, монотонную жизнь уѣзднаго города онъ вноситъ оживленіе, являясь устроителемъ литературныхъ вечеровъ, чтеній и т. п.

На ряду съ этимъ Н. В. отдавалъ много времени и своимъ служебнымъ занятіямъ. Его трудолюбіе, строгая логичность, стремленіе доискаться истины, рѣдкая наблюдательность сдѣвали изъ него превосходнаго юриста-практика. Умѣніе въ немногихъ словахъ изложить суть дѣла и полная объективность придавали особую цѣну его заключительнымъ рѣчамъ. Въ 1887 г. Н. В. былъ назначенъ членомъ Кіевской судебной палаты; здѣсь его способности и познанія были опѣнены по достоинству. Сверхъ

¹⁾ Думы и пѣсни Н. В. Майскаго Спб. 1882.

прямыхъ служебныхъ обязанностей, на него возлагается рядъ порученій по обревизованію судебныхъ учрежденій, и Н. В. всегда умѣлъ съ честью справиться съ єтими, иногда очень нелегкими, задачами. „Большею частью, говоритъ Н. Г. Тальбергъ, эти порученія вызывались жалобами и донесеніями о тѣхъ или иныхъ безпорядкахъ въ судебнай дѣятельности. При исполненіи такихъ порученій, нерѣдко очень щекотливыхъ, необходимы большая осторожность и тактъ. Строгій въ случаяхъ дѣйствительной виновности, чуткій къ нарушению достоинства и авторитета судебнай власти, Н. В. Шугуровъ умѣлъ вникать въ сущность событія и въ обстоятельства, окружавшія или обусловливавшія послѣднее, и вносилъ въ свои изслѣдованія добroe сердце“.

„Его отчеты писались такъ, что читались съ большимъ удовольствиемъ, а талантливыя, живыя, полныя наблюдательности и остроумія характеристики лицъ и положеній давали такія обстоятельный и художественный картины жизни суда, что иногда прямо просились въ беллетристическое произведеніе... Лица, которыхъ непосредственно близко касались эти изслѣдованія, были многимъ обязаны Н. В. Шугурову“. (Кievлянинъ, 1901, № 312).

Съ переѣздомъ III—ва въ Кіевъ начинается новая полоса и въ его литературной дѣятельности. Въ 1888 г. близкій знакомый его еще по Стародубу, покойный А. С. Лашкевичъ, взялъ на себя изданіе „Кіевской Старины“. Н. В. вошелъ въ составъ кружка, сгруппировавшагося вокругъ журнала, и до самой смерти принималъ въ „Кіевской Старинѣ“ дѣятельное участіе. Рядъ статей, замѣтокъ и рецензій покойного, напечатанныхъ въ „Кіевской Старинѣ“ въ теченіе 1889—1901 г., носить на себѣ отпечатокъ его характерныхъ особенностей. Малорусская этнографія, малорусское искусство, біографіи выдающихся дѣятелей въ сфере культурной жизни Малороссіи—вотъ области, къ которымъ относятся работы Н. В. Тщательность въ изслѣдованіи, прекрасная литературная обработка отличаютъ эти работы. Самой крупной изъ нихъ была біографія И. ѡ Тимковскаго (К. Ст. 1891, кн. 8, 9, 10), о которой историкъ Харьковскаго университета отзывается какъ о „чрезвычайнс-

важной монографії" (проф. Д. И. Багальй. Опытъ исторіи Харьковскаго университета, ч. I стр. 3).

За нѣсколько лѣтъ передъ смертью Н. В. принялъ място предсѣдателя Нѣжинскаго окружнаго суда. Но и переселившись въ Нѣжинъ, онъ не порвалъ связи съ Киевомъ, гдѣ у него оставалось много друзей. Смерть застигла его неожиданно, среди работы. Похороны его привлекли множество народа изъ всѣхъ слоевъ нѣжинскаго общества; на гробъ его было возложено нѣсколько вѣнковъ. Рѣчей на могилѣ не было, но одинъ изъ сослуживцевъ покойнаго произнесъ у раскрытой могилы прочувствованное стихотвореніе.

Н. В. оставилъ цѣнную библіотеку, а также, будучи знакомъ живописи, собралъ прекрасную коллекцію рисунковъ и картинъ изъ малорусской жизни.

Неожиданная кончина Н. В. Шугурова является тяжелой утратой для общества, такъ нуждающагося въ носителяхъ чистыхъ и свѣтлыхъ взглядовъ на жизнь, чувствительнымъ ударомъ для судебнаго міра, гдѣ такъ необходимы честные и талантливые работники, и горестнымъ событиемъ для нашей редакціи, такъ сжившейся за 14 лѣтъ совмѣстной работы съ своимъ неопѣненнымъ сотрудникомъ.

Считаемъ нелишнимъ помѣстить здѣсь перечень статей, разновременно напечатанныхъ покойнымъ, тѣмъ болѣе, что значительная часть изъ нихъ была подписана только инициалами, и, следовательно, авторство ихъ можетъ въ недалекомъ будущемъ забыться послѣдующими поколѣніями.

статьи и замѣтки.

К. А. Трутовскій и его картины и рисунки изъ малорусскаго быта (89, V—VI).

Илья Ивановичъ Квитка (90, III).

Илья Феодоровичъ Тимковскій (91, VII—X).

Отзывъ гр. А. К. Разумовскаго по поводу неурожая (91, XII).

Неосуществившееся изданіе малорусскаго альбома (93, II).

К. А. Трутовскій (некрологъ) (93, IV).

Къ воспоминаніямъ объ А. Вас. Марковичѣ (93, V).

По поводу одного стихотворенія Шевченка (93, VIII).

Предисловіе кн. Репнина по поводу холеры 1830 года (93, X).

Андріоли и Матейко, какъ авторы рисунковъ и картинъ изъ малорусскаго быта (94, I).

О рисункахъ Шевчевка (94, II).

Предисловіе къ воспоминаніямъ Ег. Фед. Тимковскаго (94, III).

Картини изъ малорусскаго быта на кіевскихъ выставкахъ (94, III).

Живописная Украина. Указатель рисунковъ изъ малорусскаго быта за 1894 г. (95, II).

Изъ воспоминаній, изданныхъ не для публики (95, V).

Поднесеніе черниговскимъ дворянствомъ малорос. ген.-губернатору кн. Куракину золотой вазы (95, VI).

О малорусской одѣ П. Данилевскаго (95, VII—VIII).

Воспоминаніе о Тимковскихъ (98, XI).

Свѣдѣнія по вопросу о мѣстѣ погребенія Т. Г. Шевченка и первомъ посмертномъ изданіи его сочиненій (99, II).

Туманскій и Мицкевичъ (99, III).

Еще изъ воспоминаній О. М. Лазаревскаго о Т. Г. Шевченкѣ (99, IV).

Изъ воспоминаній М. М. Лазаревскаго о Т. Г. Шевченкѣ (99, VI).

Памяти В. В. Тарновскаго (99, VII).

Къ портрету Ил. Ф. Тимковскаго (99, XII).

Изъ воспоминаній В. Я. Карташевской о Т. Г. Шевченкѣ (900, II).

Р е ц е н з і и на сл ъ д. изданія.

Часописъ правнича 1889, кн. I—IV (89, XI).

Булгаковъ. Иллюстрированная исторія книгопечатанія (90, VII).

Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. Н. Тарновскаго (93, VI).

Горленко В. В. Шевченко живописецъ и граверъ (*ibid*).

Рѣдинъ. Харьковъ, какъ центръ художественного образова ія юга Россіи (94, V).

Русские художники. И. Е. Рѣпинъ (95, IV).

Новые народныя иллюстрированныя изданія повѣстей Гоголя (95, VI).

Провідник по виставі краевій у Львові (95, VII—VIII).

Powszechna wystawa we Lwowie w г. 1894 (*ibid*).

Album du Monde Illustré. La Russie et les russes (95, IX).

Шевсни кубанскихъ козаковъ, вып. I—IV (97, VII—VIII).

Очерки Малороссіи (приходская библіотека, ред. Шемякина, т. V) (*ibid*).

Верещагинъ В. А Русскія иллюстрированныя изданія XVIII и XIX ст. 1720—1820 (98, VII—VIII).

Рѣпинъ И. Е. Альбомъ картинъ и рисунковъ (98, X).

Иллюстрированный путеводитель по юго-зап. жел. дорогамъ (98, XII).

Новые художественные журналы (99, I).

Черниговская памятка (99, VI).

Изъ украинской старины. Рисунки акад. Васильковскаго и Самокиша (900, VI).

Galicia w obrazach (900, VI).

Шрамченко Н. А. Воспоминанія и стихотворенія (901, IV).

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВЕСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

Письмо Н. В. Шугурова. Поминая такъ неожицанно утраченного нами Николая Васильевича, сообщаемъ здѣсь двѣ-три черты изъ его общественной дѣятельности. Дѣятельность эта выражалась двояко: какъ судья и какъ литератора. Почти вся литературная дѣятельность Н. В. исходила изъ его роднолюбія. Все, что касалось его родины и, особенно, что касалось этнографическихъ особенностей послѣдней, всегда вызывало въ Н. В. особое вниманіе, особую вытѣлливость, и всегда онъ старался при этомъ закрѣплять печатью то или другое вновь имъ встрѣченное явленіе изъ старой или новой жизни этой родины.—Вотъ поэтому Н. В. былъ однимъ изъ незмѣнно усердныхъ сотрудниковъ «Кievской Старины», въ которой онъ видѣлъ книгу для записи—на память грядущему времени—всакаго интереснаго факта изъ исторіи дорогой ему родины.

Возвращаась въ этомъ году съ каникуль въ Нѣжинъ, Н. В. заѣхалъ въ нашъ, въ нашъ хуторъ, и прожилъ здѣсь съ недѣлю, наполнивъ время то перегладываніемъ тѣхъ или другихъ книгъ и бумагъ, то—прогулками по-саду, при чемъ все это онъ дѣлалъ съ свойственной ему *тихостью*, исходившею изъ всегдашняго желанія—никого не обезпокоить, никому не помѣшать... На этотъ разъ онъ заинтересовался только что полученою книжкою—*Литература украинского фольклора*, появленію которой особенно радовался, видя тутъ попытку—перечия *всюю*, что было напечатано по южно-русской *этнографіи*. Тутъ же заявилъ Н. В. и дополненіями книжки г. Гранченка, которая затѣмъ и перенесъ на страницы «Кievск. Стар.».¹⁾

¹⁾ Въ сентябрьской книжкѣ.
Томъ 75.—Декабрь, 1901.

Затѣмъ, черезъ мѣсяцъ, мы посѣтили Николая Васильевича въ Нѣжинѣ, откуда еще раньше условились побывать на могилѣ два года назадъ умершаго нѣжинскаго земца В. Я. Макарова, котораго оба мы и любили и уважали за его велицепріятную общественную дѣятельность. Посѣтивъ могилу В. Я. Макарова въ его родномъ селѣ Липовомъ-Рогѣ, мы тутъ-же заѣхали въ домъ его дочери Е. В. Разгоновой, где застали гостившую вдову старшаго брата В. Я. Макарова — Николая Яковлевича. Извѣстно, что подъ именемъ послѣдняго псковскаго Кулишъ печаталъ свои писанія во времена наложеннаго на него послѣ 1847 г. запрета. (Такимъ образомъ „Николай М.“ явился, напр., авторомъ *Записокъ о жизни Н. В. Гоголя*). Н. Я. Макаровъ близко былъ причастенъ къ кружку *«Основы»*, зная о чёмъ, Н. В. давно искалъ встрѣчи съ его вдовою, чтобы узнать — не осталось ли послѣ Н. Я. Макарова какихъ-нибудь интересныхъ бумагъ. — При совмѣстномъ нашемъ посѣщеніи Липова-Рога, Н. В. этого не успѣлъ сдѣлать, но сдѣлалъ это позже. По этому случаю онъ и написалъ это послѣднее къ намъ письмо, которое мы находимъ умѣстнымъ теперь же напечатать, желая на фактѣ показать — какъ непрестанно Николай Васильевичъ заботился о сохраненіи и обнародованіи всѣхъ тѣхъ бумагъ, которыми заключали въ себѣ тотъ или другой матеріаль для исторіи нѣжно любимой имъ родины.

«Ма—ув. А. М.! Выѣши у меня, вы высказали готовность попытаться достать для меня статью Стасова о Штернбергѣ или толь номеръ журнала, въ которомъ она была помѣщена, для чего спрашивали, когда именно она была напечатана. Огыскавъ у себя отмѣту обѣ этомъ, сообщаю, что статья эта была помѣщена въ *Вѣстникъ Искусствъ* 1887 г., № 5. Если добудете, буду вамъ очень благодаренъ.

Когда я былъ съ вами въ Липовомъ Рогѣ, вы такъ заторонили меня съ возврашеніемъ (въ Нѣжинѣ), что я вѣ успѣлъ разспросить кой о чёмъ Ольгу Платоновну (вдову Н. Я. Макарова). Побывавши тамъ еще разъ, я освѣдомился, что у О. П. имѣется большая масса писемъ къ Ник. Як. Макарову отъ Кулиша и Вас. (Мих.) Бѣлозерскаго, а въ меньшемъ количествѣ имѣются письма Шевченка, Тургенева и разныхъ другихъ лицъ... Я соѣтовалъ ей сообщить письма *«Кіевск. Старинѣ»* для напечатанія, на что она высказала опасеніе, что въ письмахъ, можетъ быть, есть вещи, неудобныя для опубликованія, а ихъ могутъ пропечатать, какъ это сдѣлали съ письмами

Тургенева. При этомъ я узналъ, что имѣющеся въ одномъ изъ писемъ Тургенева выраженіе: «когда-то я находилъ ее красивою, а теперь... относится къ НН.... Я убѣждалъ (О. Ш.), что если бы подобные вещи были въ письмахъ, то «Кievsk. Starina» исключить ихъ. Она долго отнѣкивалась, говоря, что самой ей нѣтъ времени перечитать письма, такъ какъ ихъ слишкомъ много, да и трудно разбирать нѣкоторые изъ нихъ, а на другихъ трудно положиться,—а въ концѣ концовъ высказала, что, если бы я взялъ на себя трудъ перечитать все письма, выбрать то, что можетъ быть интересно для печати, и исключить то, что не слѣдуетъ опубликовывать, то мнѣ она пожалуй довѣрила бы. Я выразилъ готовность это сдѣлать, и она обѣщала, по возвращеніи въ Петербургъ, прислать мнѣ письма. Будьте здоровы. Н. Ш.

P. S. Написалъ на брошюру С. И. Пономарева рецензію, которая вышла болѣе пространною, чѣмъ сама брошюра.¹⁾—8 сентября, 1901». ²⁾ (Нѣжинъ).

Въ поясненіе къ началу этого письма, находимъ не лишнимъ сказать, что Н. В. старался приобрѣтать—по книжной части—по возможности все, что относилось къ Малороссіи и къ искусству вообще. По части Малороссіи, кромѣ книгъ, Н. В. ревностно собирая брошюры, журнальныи статьи, рисунки (изъ разныхъ изданій), однимъ словомъ все печатное, такъ или иначе касавшееся родины. Поэтому малорусская библіотека Николая Васильевича заслуживаетъ вниманія. Онъ все собирался рѣшить вопросъ—что сдѣлать съ своимъ книжнымъ достояніемъ послѣ смерти, но, кажется, вопросъ этотъ остался нерѣшеннымъ, и библіотека Н. В. можетъ разсѣяться, какъ разсѣлись и другія таія собранія... Осталось послѣ Н. В. и небольшое собраніе картинъ, почти исключительно посвященныхъ Малороссіи, на природу которой любилъ онъ смотрѣть и на картины, у себя въ кабинетѣ, и посѣщая для того разные уголки Черниговщины, Полтавщины и далѣе. Въ послѣднія свои судейскія канкулы Н. В., въ соображеніи двухъ пріятелей, посѣтилъ днѣпровскіе пороги, которые давно желалъ видѣть.

А. Л.

8 ноября.

¹⁾ Напечатана въ октябрьской книжкѣ К. Стар.

²⁾ Сколько мы знаемъ, Н. В. не успѣлъ получить писемъ отъ О. П. Макаровой.

Еще нѣсколько словъ о „парубоцькихъ громадахъ“ (атаманствахъ) г. Маякъ, Херсон. губ. Въ прежней моей замѣткѣ объ „атаманствахъ“¹⁾ вкралясь одна ошибка, а именно: тамъ было сказано, что „парни“²⁾ каждого кутка составляютъ отдельное „атаманство“. Это не вѣрно. По точнымъ свѣдѣніямъ въ настоящее время всѣхъ „атаманствъ“ въ Маякахъ три—1) „Куркула“—сюда относятся „кавказки парни“, они же и „пидкручныки“; 2) „Спринчкы“—вторые „кавказки“ („пидкручныки“) и „плоскіи“; 3) „Донське“—исключительно въ „донскихъ парнивъ“. Каждое „атаманство“ имѣеть资料а своего „атамана“, „пидатамана“ и „писаря“. „Атаманомъ“ избирается человѣкъ, выдѣляющійся изъ общей массы: честный, справедливый, скромный, считающійся умнымъ и разсудительнымъ, вообще человѣкъ, который могъ бы примѣромъ своимъ оказывать благораживающее влияніе на парней. Кроме того, „атаманъ“ долженъ имѣть еще и имущественный цензъ для гарантіи на случай растраты имъ денегъ „атаманства“. Избравши „парна“ „атаманомъ“, уведомляютъ объ этомъ его отца. Раньше, когда въ Маякахъ жили пришлые парни, съ ихъ родителей брали росписка въ томъ, что они отвѣчаютъ своимъ имуществомъ за растрату сыномъ денегъ „атаманства“. Но теперь не берутъ росписокъ: и безъ нихъ „парни“ знаютъ, что избранный ими „атаманъ“ надеженъ.

„Пидатаманомъ“ избираютъ вполнѣ соответствующаго помощника, а „писаремъ“—человѣка грамотнаго. Всѣ три лица („атаманъ“, „пидатаманъ“ и „писарь“) избираются сходкой „парней“. Избираются они на годъ. По истечениіи года они должны давать отчетъ въведеніи денежныхъ расходовъ. „Атаманъ“, выбывающій по какимъ-либо уважительнымъ причинамъ, замѣняется другимъ, чаще всего „пидатаманомъ“; въ этомъ случаѣ взамѣнъ послѣдняго выбираютъ другого изъ среды парней. Общимъ рѣшеніемъ голосовъ „атаманъ“ и вся остальная администрація можетъ быть увольненіе до срока и замѣненіе новой. „Атаманъ“ пользуется авторитетомъ между „парнями“. Его приказанія и распоряженія, если въ нихъ ѿѣть злоупотребленій, должны быть исполнены всѣми членами „атаманства“. „Атаманъ“

¹⁾ К. С. 1901 г. за іюль и августъ, Документы, извѣстія и замѣтки.

²⁾ Въ Маякахъ „парубки“ наз. „парнами“; также говорить не „атаманъ“, а „атаманъ“.

разбираетъ распри между „парнами“ и, если нужно, прибѣгаеть къ наказаніямъ. Наказанія заключаются въ пощечинахъ, а иногда бываютъ и посеребреный, но никогда не переходять въ безчеловѣчные побои. Но правамъ и дѣятельности „шидатаманъ“ является помощникомъ атамана. „Писарь“ не имѣетъ особыхъ правъ, но все же занимаетъ привилегированное положеніе.

Въ „атаманство“ должны входить всѣ „парни“; къ непоступающимъ всегда и нездѣ относятся враждебно, стараются повредить имъ; поймавъ, напр., стоящаго съ „дивчиною“ парня, не входящаго въ составъ „атаманства“, бываютъ его или же причиняютъ ему другія неприятности.

Каждыи членъ „атаманства“ долженъ взносить ежегодно по 1 руб. въ кассу „атаманства“. Деньги эти большею частію идутъ на уврашніе церквей: дѣлаютъ хоругви и т. под.. Вирочемъ, въ одномъ изъ „атаманствъ“, при дурномъ лачномъ составѣ, собранные деньги пропиваются.

Кромѣ этого сбора, собираютъ еще по 10—15 коп. въ мѣсяцъ на „чогъ“ — танцы подъ звуки музыки: klarinetъ, бубенъ, скрипка. Эти взносы, вирочемъ, не обязательны. Недостающую сумму денегъ для какой-либо покупки въ церковь пополняютъ въ праздникъ Рождества сборомъ съ „колядокъ“, во время которыхъ „парни“ наряжаются въ военные костюмы, придѣлываютъ погоны, ленты черезъ плечо, небольшія цилиндрическія шапки, мечи, и ходятъ со звѣздою. Во время „колядокъ“ запѣваютъ „береза“, имѣющій въ отличіе отъ другихъ булавную медаль и крестъ. Деньги и калачи беретъ „микноша“.

Отношенія между „атаманствами“ большею частію враждебны. Въ прежнее время нерѣдко устраивались довольно серьезныя драки, даже съ косами, кольями. Темерь, вирочемъ, „Куркули“ и „Донськи“ въ мирныхъ отношеніяхъ.

Власть „атаманства“ распространяется и на „дивчать“: „дивчина“ одного „атаманства“ не имѣетъ права пригласить къ себѣ „парни“ изъ другого „атаманства“ безъ вѣдома и разрѣшенія своего „атамана“. Въ противномъ случаѣ ей, и прежде всего „парню“, грозить побои. Члены же „атаманства“ пользуются свободнымъ доступомъ къ своимъ „дивчатамъ“. Иногда устраиваются „складки“: „парни“ заботятся о вынѣвѣ, а „дивчата“ — о закускѣ. Въ настоящее время¹⁾

¹⁾ Запись относится къ августу—сентябрю тек. года. Можетъ быть теперь уже есть «атаманы».

„атаманства“ остались безъ „атамановъ“. (Изъ одного— „атаманъ“ выбылъ вслѣдствіе женитьбы).

Нѣкоторые изъ „шарнивъ“ думаютъ, что со временемъ „атаманства“ выведутся совершенно.

По словамъ одного мѣстнаго мѣщанина И. И. Миловидова, лѣтъ 50-ти, который лѣтъ 20 тому назадъ, „а може и болѣтъ“, самъ принадлежалъ въ атаманству и даже былъ въ составѣ его администраціи, въ прежнее время „атамана“ избирали на годъ. Когда избирали кого либо „атаманомъ“, онъ ставилъ могарычъ на свои деньги. Если избранный соглашался быть „атаманомъ“, давали знать отцу, чтобы тотъ зналъ о деньгахъ „атаманства“, на случай ухода сына. Избирали подачей голосовъ—одинъ отходили палѣво, другіе направо; избирался атаманомъ кандидатъ стороны, оказавшейся болѣе многочисленной. Обязанности „атамана“ заключались въ томъ, чтобы держать „шарнивъ“ въ порядкѣ: когда крестный ходъ— „атаманъ“ долженъ созвать „шарнивъ“ для несенія хоругвей и т. п.; онъ же организуетъ на Рождество хожденіе съ „колядою“, при чемъ собранія деньги тратятся на церковь. „Атаманъ“ охраняетъ границы „атаманства“. Было прежде на весь городъ 2 „атаманства“. Вступать въ „атаманство“ обязательно для всѣхъ, иначе теряешь право гулять съ „дивчатами“. Если поймаютъ съ „дивчиною“ парни, не вступившаго въ „атаманство“, то побьютъ или выкуплютъ въ колодцѣ. Власть „атамана“ была неограничена: его должны во всемъ слушать, послушниковъ онъ могъ даже бить. Если „атаманъ“ оказывался не годнымъ для дѣла: не имѣлъ вліянія на парней, не держалъ ихъ въ строгости, не могъ управлять,—то его смѣнили новымъ. Раньше „атаманы“ имѣли большое вліяніе на парней: ихъ слушались, уважали, и парни были не такъ балованы. „Атаманства“ пользовались довѣріемъ: разъ священникъ покѣрилъ атаманству 15 руб. на цѣлый годъ (у нихъ не хватило денегъ на покупку церковной утвари).

По словамъ Миловидова подобные „атаманства“ существуютъ также въ г. Одессѣ по настоящее время на сл. Романовкѣ, Кривой Балкѣ и Молдановкѣ.

П. П. П.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Попытка учредить въ Балтѣ коммерческое собраніе и городскую общественную библиотеку.* Въ 1841 году балтскіе купцы Кондратовъ, Шиконъ и елисаветградскій купеческій сынъ Савельевъ подали балтскому полиціймайстеру слѣдующее прошеніе.

„Движимые любовью къ просвѣщенію и чувствомъ искренняго желания доставить здѣшнему купеческому обществу, посредствомъ чтенія журналовъ и газетъ, полезныя свѣдѣнія, относящіяся до ихъ промысловъ, и ознакомить съ учеными пособіями торговли, чрезъ совѣты опытныхъ, умныхъ и просвѣщенныхъ гражданъ развить въ немъ охоту къ образованію и любознательности и, наконецъ, соединивъ всѣхъ, донынѣ разрозненныхъ, въ одинъ пріятельскій кругъ, доставить скромное, пріятное и полезное препровожденіе времени.

Съ этой благонамѣреною цѣлью, одобренные почетнѣйшими изъ гражданъ и изъявленіемъ участія всего общества, безъ всякихъ корыстолюбивыхъ видовъ, но, напротивъ, съ собственнымъ пожертвованіемъ, мы рѣшились открыть въ городѣ Балтѣ «коммерческое собраніе», постановивъ для него слѣдующія основныя правила:

1) Коммерческое собраніе имѣть пожертвованными и получаетъ издаваемые въ 1841 году:—Воскресное чтеніе, С.-Петербургскіе и Киевскіе; журналы—Библиотеку для чтенія, Русскій Вѣстникъ, Сынъ Отечества, Экономъ и Репертуаръ русскаго театра; газеты—Коммерческую газету, Сѣверную ІЧелу, С.-Петербургскія Вѣдомости и Одесскій Вѣстникъ.

Эта обильная пища для ума, души и сердца съ 8 ч. утра до 10 пополудни ежедневно предлагается желающимъ для чтенія въ собраніи и, по истечевіи по полученіи журнала иѣса, а газеты—недѣли,—на домъ, но не болѣе, какъ на 4 и на 2 дня.

2) Коммерческое собраніе, какъ заведеніе, учреждаемое съ благороднѣйшею цѣллю распространенія общеполезныхъ свѣдѣній и доставленія пріятнаго развлеченія почетнѣйшимъ изъ гражданъ; не принимаетъ никого безъ блета, не въ приличномъ, а колыма паче не въ трезвомъ видѣ, во избѣженіе чего не содержитъ никакихъ совершеній напитковъ.

3) К. собр. не ограничивается токмо купеческимъ сословіемъ, напротивъ, съ радостію врпнимаетъ и господъ дворянъ, кои удостоатъ своимъ участіемъ и посѣщеніями, соблюда, впрочемъ, общія правила и не стѣсня собою свободы другихъ.

4) За то, чтобы вакъ собственностю пользоваться такимъ огромнымъ (по Балтѣ) запасомъ пріятнаго, полезнаго и необходимаго чтенія, назначается самая умѣренная, почти ничтожная, плата, а именно: за голъ 5 р., полгода 3 р. и мѣсяцъ 1 рубль серебромъ. Второй и послѣдній абонементъ принимается только отъ иногороднихъ, временно проживающихъ въ Балтѣ.

5) Сумма, собираемая коммерческимъ собраниемъ, употребляется на наемъ дома, необходимой прислуги и на отапливаніе и освѣщеніе, а затѣмъ на остающіяся деньги, по выбору членовъ, будуть выписываться еще журналы или полезнѣйшія книги, что все вмѣстѣ навсегда остается собственностью города и служить началомъ и основаніемъ общественной библіотеки.

6) Для сохраненія и соблюденія порядка — въ первое собраніе изберутся директоры, о которыхъ своевременно будетъ объявлено градской полиції, въ вѣдѣніе и покровительство коей поступаетъ заведеніе.

О столь полезному предпріятіи, доводя до свѣдѣнія Вашего Высокоблагородія, всепокорнѣйше просимъ не оставить Вашимъ ходатайствомъ обѣ утвержденіи онаго у высшаго начальства, а до того, привинъ въ свое вѣдѣніе и удостоинъ Вашего участія, дозволить начать предварительное образованіе онаго."

Генералъ-Губернаторъ предложилъ Губернатору поступить сообразно узаконеніямъ: если на учрежденіе или воспрещеніе подобнаго рода обществъ и вѣть положительного закона, то, съ другой стороны, всякое закономъ неутвержденное общество подвергается уничтоженію и запрещенію, когда признано полиціею безполезнымъ, или правила его противными общему благу или частнымъ пользамъ.

Какъ было исполнено это указаніе, изъ дѣла не видно.

2) *Способъ противъ распространенія нелѣпыхъ слуховъ.* Въ 1844 году, В—скій Губернаторъ, въ письмѣ на имя Главнаго Начальника края, представилъ, что, въ виду учащающагося распространенія нелѣпыхъ слуховъ, онъ полагалъ бы полезнымъ лвцъ, подобные слухи распускающихъ, когда они низшаго состоянія, высылать по этапу, на собственномъ содержаніи, въ тѣ мѣста, где, по ихъ словамъ, случилось происшествіе, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ несправедливости слуховъ, слѣдовали тѣмъ же порядкомъ обратно, и лично

объяснили объ оказавшемся. Лицъ привилегированныхъ состояній, подозрѣваемыхъ въ томъ же,—высыпать на почтовыхъ.

Проектъ подшить къ дѣлу.

2) *Затрудненія въ Подольской губерніи, при обмѣнѣ обращавшейся иностранной и польской билонной монеты на русскую.* 16 октября 1844 года воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе, коимъ назначенъ двухлѣтній срокъ для сбыта жителами балтійсквхъ и западныхъ губерній остававшейся у нихъ на рукахъ иностранной и польской билонной монеты.

По этому поводу Подольскій Губернаторъ въ 1846 г. доносить Главному Начальнику края, что, хотя количество подобной монеты въ обращеніи въ губерніи и уменьшается, тѣмъ не менѣе еще весьма распространены монеты Царства Польского прежнаго чекана, съ изображеніемъ блаженной памяти Государя Императора Александра I, а изрѣдка попадаются монеты бывшихъ Королевства Польскаго и Герцогства Варшавскаго (въ 30 и 15 коп.), австрійскіе цванцигеры, прусскіе гульдены и баварскіе.

Предѣльнымъ срокомъ для приема сихъ денегъ казначействами назначено 1 мая 1847 года.

Междуд тѣмъ, много польской монеты оказалось по краямъ обрѣзанной. Въ одной Подольской губерніи, къ совершенному смущенію уѣздныхъ казначеевъ, подобной монеты обнаружено до 70.000 шт. Евреи, конечно, не упустили случая извлечь изъ сего выгоду и за обмѣнъ сколько нибудь потертыхъ денегъ брали со злата отъ 2-хъ до 3-хъ копѣекъ.

По заключенію Губернатора, при недостаточной ясности правилъ, теряютъ не одни мѣняющіе, теряетъ и казна, ибо на плательщикахъ, особенно изъ податныхъ, должна неизбѣжно накопиться недоимка.

Подольская казенная палата отпустила коммиссіонерству дѣйствующей ярміи подобной монеты на 28,123 р. сер., изъ коихъ 18979, однако, признаны Киевскою Шалатою негодною къ обращенію. Воспослѣдовавшее разъясненіе Министерства Финансовъ значительно облегчило населеніе, такъ какъ монетамъ съ изображеніемъ Императора Александра I, въ одинъ, два и пять злотыхъ (неиспорченными), присвоивалось обращеніе наравнѣ съ Россійскою, ибо чеканъ они Россійскаго.

Испорченную монету разрешено обменивать, но со взысканиемъ довѣса.

4) Отзыває предводителя объ одной дворянской семье и ея отношенияхъ къ крестьянамъ. Въ 1844 году маиновскій уѣздный Предводитель дворянства доносилъ Главному Начальнику края, что крестьяне селенія Пиковцы, владѣнія помѣщицы З., жалуются на то, что владѣлица, «ромъ претерпѣваемаго ими отъ нея жестокаго обращенія, поводомъ каковаго съ числа 10 семействъ осталось на ея части при семье, а прочія находятся въ бѣгахъ» — не предоставляетъ имъ положенныхъ законныхъ участковъ пахатной земли, при чемъ они «употребляются по цѣлымъ недѣлямъ въ барщину, но за переработанные дни денежной платы, ниже какимъ другимъ образомъ, удовлетворенія не получаются. Дѣлаеть на нихъ налоги прѣстъ по 6 мотковъ, на что не даетъ имъ нужной пеньки и выбираеть въ годъ по 18 штукъ курей и 20 яицъ, но какъ таковыхъ по бѣдному ихъ состоянію они (крестьяне) не выѣютъ, то воруютъ у сосѣдей, удовлетворяя требованія З-ой, опасаясь наказанія за неотдачу опредѣленнаго налога».

З., въ случаѣ какой либо, хотя и малѣйшей пропажи, «въ ту же минуту дѣлаеть какую то ворожбу на сытѣ», «совокупно съ мужемъ, и, по какимъ то на этомъ сытѣ примѣчаніямъ, наказывается всѣхъ вообще, какъ дворовыхъ, такъ жительствующихъ на сель крестьянъ безъ пощады».

Къ вышесказанному предводитель дворянства присовокупилъ, что супруги ежедневно бываютъ въ нетрезвомъ видѣ. Сдѣлавъ г-ну и г-жѣ З-камъ внушеніе, онъ обязалъ ихъ подписками измѣнить обращеніе съ крѣпостными.

Сообщ. Алексѣй Мѣрдеръ.

Объ иллюстраціяхъ полтавской битвы. Въ 1895 г. мы выпустили въ свѣтъ вторымъ изданіемъ нашу работу: «Полтавская битва и ея памятники», въ которой помѣстили и нѣсколько рисунковъ. Съ того времени, интересуясь всѣмъ, что относится къ этому событию, имѣвшему столь громадное историческое значеніе, мы собирали гравюры какъ самой битвы, такъ и всего, что можетъ относиться къ ней.

Такимъ образомъ, составилась у насъ коллекція въ сто слишкомъ гравюръ, включая сюда портреты полководцевъ, воиновъ вообще, снимки съ медалей, памятниковъ и т. п. Достаточное количество собранныхъ гравюръ даетъ возможность опредѣлить, какія именно моменты битвы возможно иллюстрировать, что мы и стараемся сдѣлать въ настоящей замѣткѣ. Съ другой стороны, замѣтка эта будетъ и просьбой во всѣмъ, кто имѣеть что-либо относящееся до полтавской битвы, подѣлиться съ нами, что особенно интересно въ виду приближающагося двухсотлѣтія полтавской битвы.

Полтавскому сраженію, какъ извѣстно, предшествовала почти трехмѣсячная осада города. Гарнизонъ и жители Полтавы, предводимые славнымъ своимъ комендантомъ Келлинымъ, храбро выдерживали написки шведовъ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ гравюры, изображающей хотя бы одинъ моментъ этой славной осады, кромѣ плохого рисунка, помѣщенаго въ исторіи Петра В.—Ламбина (издана въ сороковыхъ годахъ). Так же извѣтъ портрета и Келлина, и всѣ наши поиски оказались тщетными. Нѣтъ ли его портрета гдѣ либо въ Азовѣ, куда Келлинъ былъ назначенъ тотчасъ послѣ полтавской битвы, такъ какъ Петръ В. предвидѣлъ, въ силу бѣгства Карлъ XII въ Турцію, войну съ послѣдней? Гравюра же, изображающая полтавское сраженіе, достаточно. Но прежде упомянемъ о двухъ гравюрахъ, изображающихъ двухъ славныхъ противниковъ передъ боемъ. Одна рисуетъ Петра В. объѣзжающимъ войска свои передъ сраженiemъ, когда онъ убѣждалъ постоять за славу родины: „А о Цетрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога... etc. (есть и народная картина), а другая Карла, убѣждающаго ничего не готовить: „все принасено у москвитянъ“... Гравюры, изображающія самое сраженіе, возможно подраздѣлить на три категоріи: 1) гравюры современные, 2) гравюры художниковъ и, наконецъ, 3) гравюры живописцевъ или просто маляровъ, сильно распространенные въ XVIII столѣтіи. Изъ современныхъ гравюръуважаемъ прежде всего на гравюру Петра Дени младшаго, сдѣланную по заказу самого Петра. Она имѣеть такую надпись: «Изображеніе преславной баталіи между войскъ россійскихъ и свейскихъ въ присутствіи высокой команды надъ Россійскими войсками Его Царскаго Величества Всероссійскаго Петра Перваго, надъ свейскими Его Королевскаго Величества Карла XII, учинившейся неподалеко отъ

Полтавы, іюня въ 27 день, 1709 года». Эта гравюра и послужила образцомъ для работъ многихъ другихъ художниковъ, и ее можно встрѣтить подъ названіями: «Полтавская битва, начало сраженія», или просто: «Полтавская битва». Ее скопировалъ и художникъ ковца XVIII стол. Балабинъ и, по просьбѣ полтавскаго обывателя Руденка, награвировалъ ее на мѣди, но прибавилъ только вверху молящагося св. Самисона Страннопріимца, празднuemаго, какъ известно, 27 іюня, т. е. въ день полтавской битвы. Картина эта была вставлена въ первый, по времени, памятникъ полтавской битвы, сооруженный тѣмъ же Руденкомъ и служившій съ конца XVIII в. единственнымъ «трофеемъ и украшеніемъ Полтавы», какъ выражались путешественники того времени. Когда памятникъ былъ разрушенъ, то картину эту поставили въ воскресенскомъ храмѣ въ Полтавѣ, сооруженномъ тѣмъ же Руденкомъ, гдѣ она находится и нынѣ. Другая современная картина, гдѣ рѣзко выдѣляется Петръ на своемъ конѣ, Лизеттѣ, принадлежитъ извѣстному граверу Пикару. Долго думали, что ее гравировалъ Шхонебекъ, но еще Ровинскій замѣтилъ, что Шхонебекъ не могъ ее гравировать, такъ какъ онъ скончался въ 1705 году. Эти двѣ картины и представляютъ собой два типа современныхъ картинъ, послужившихъ образцами для другихъ. Ими отчасти воспользовался знаменитый французскій художникъ Натье (р. 1685 † 1776), который и начинаетъ собою рядъ художниковъ, бравшихъ сюжетомъ полтавскую битву. Слѣдя хронологически, второй картиной будетъ извѣстная мозаичная картина Ломоносова, законченная имъ незадолго до своей кончины, въ 1764 г. Картина эта долго хранилась въ Академіи художествъ, но нынѣ, въ реставрированномъ видѣ, помѣщена въ Императорскомъ Обществѣ поощренія художествъ. Какъ Ломоносовъ, такъ за него и Шебуевъ, профессоръ и ректоръ Академіи художествъ (р. 1777 † 1855) изобразили не общій видъ сраженія, а, главнымъ образомъ, Петра В. Картипа Шебуева написана въ 1807 г. Въ 1844 г. она привнесена въ даръ Императоромъ Николаемъ I полтавскому кадетскому корпусу, гдѣ находится и въ настоящее время. Если къ перечисленнымъ картинамъ прибавимъ сцены изъ полтавской битвы Каразина (всѣхъ 4) и большую картину художника, извѣстного баталиста, Коцебу († 1889) то этимъ и исчерпываются все картины, принадлежащи къ списку художниковъ. Послѣдняя картина, надо прибавить, изображаетъ послѣдній моментъ сраженія.

Остаются еще картины, принадлежащія не художникамъ, а просто живописцамъ. Онѣ относятся къ XVIII вѣку. Первою по времени будетъ картина, поднесенная Феофаномъ Прокоповичемъ Цетру Великому при проѣздѣ послѣднаго, вскорѣ послѣ полтавской битвы, черезъ Кіевъ. Картина эту или, быть можетъ, кошію ея нѣсколько лѣтъ назадъ нашли въ рукаладной Тихвинскаго монастыря, Новгородской епархіи. Найдена она въ разорванномъ видѣ; ее кое-какъ склеили, и настоятель этого монастыря привезъ ее въ даръ городу Полтавѣ (хранится въ городской думѣ). Кто рисовалъ ее, неизвѣстно. Другая картина находится въ Полтавскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ. Внизу этой картины надпись:

Се образъ начертанъ премудраго героя
Что ради подданныхъ лишилъ себя покоя
Къ утѣхѣ Россовъ всѣхъ; но кто онъ былъ таковъ,
Гласить народъ и флотъ, художества и воиски
Гражданскіе труды и подвиги геройски.

Картина эта хранится въ покояхъ настоятеля, въ такъ наз. Екатерининскомъ залѣ. Залъ этотъ украшенъ многими картинами, что было сдѣлано къ прїездѣ въ Полтаву Императрицы Екатерины II, въ 1787 г., отчего онъ иазванъ Екатерининскимъ.

Эти двѣ картины рѣзко отличаются по исполненію отъ картинъ художниковъ. На нихъ изображенъ Цетръ В., напирающій, что было въ обычай того времени, непремѣнно льва. Кто писалъ эту картину, точно неизвѣстно. Можно предполагать, что работа эта принадлежитъ иконописцу села Борисовки, Курской губ. Цетръ В., возвращаясь послѣ полтавской битвы въ Петербургъ, заѣхалъ въ имѣніе своего славнаго сподвижника Б. П. Шереметева, Борисовку, которому подарили образъ Тихвинской Божией Матери, во имя коей былъ основанъ женскій монастырь. При монастырѣ, по мысли Петра, основана была школа живописи, которой занимались сначала монахини, а затѣмъ и жители села. Работы ихъ были сильно распространены въ концѣ XVIII в. на югѣ Россіи, и возможно, что эта картина и принадлежитъ кисти художника изъ с. Борисовки. Всѣ перечисленныя нами картины рисуютъ намъ полтавское сраженіе или самого Цетра, какъ главнаго его участника. Но въ коллекціи нашей есть картины, изображающія другіе моменты боя. Такъ, есть прекрасный снимокъ картыши, полученный нами изъ Стокгольмскаго королевскаго му-

зен, рисующій тотъ моментъ, когда русская кавалерія загнала не-пріателя въ лѣсъ, гдѣ дѣйствовалъ, главнымъ образомъ, Меньшиковъ. Изъ того же музея мы имѣемъ снимокъ Карла XII, когда подъ нимъ разбиты носилки и окружающіе убѣждаютъ его сѣсть на лошадь и спасаться... Тотъ же рѣшающій сраженіе моментъ, когда Петръ ринулся въ битву со своими преображенцами, также изображенъ художникомъ, по вѣмъ, неизвѣстно. Таковы главныя гравюры, рисующія сраженіе 1709 г.

Послѣ битвы Петръ В., упомянутый побѣдою, какъ извѣстно, не сразу началъ преслѣдованіе бѣжавшаго съ поля битвы Карла XII. Только къ вечеру отправлены были отряды въ погоню за неупріателемъ. Самъ же Петръ, послѣ сраженія, принесъ благодарственное молебствіе за дарованную побѣду, что и изображено на картинѣ Животовскаго. А затѣмъ Петръ объѣзжалъ войска, благодарили ихъ за вѣрную службу. Сюжетъ этотъ взялъ для своей картины Корань д'Ашъ (псевдонимъ). Изображенію же отдыха Петра В. послѣ боя и обѣда въ шатре, подаренномъ ему персидскимъ шахомъ, посвятили картины три художника, изобразившіе, впрочемъ, различные моменты. Одна изъ нихъ, помещенная во французскомъ изданіи 1813 г., изображаетъ Петра, спящимъ за столомъ и бесѣдующимъ съ Реншильдомъ. Но гравюра эта мало удачна: ни Петръ, ни Реншильдъ не отличаются сходствомъ съ оригиналами, да и костюмы и лица не тѣ—все напоминаетъ пѣмецкое, чужеземное... Другая гравюра изображаетъ Петра В., вручающаго шпагу Реншильду, а третья—Петръ подымаетъ бокаль за своихъ учителей—шведовъ. Послѣдняя гравюра принадлежитъ Н. А. Кошелеву.

И. Фр. Павловскій.

Изъ прошлаго Полтавщины. Объ открытии въ Малороссіи торфа, каменною землю, мергеля и алебастра. 1 ноября 1801 года товарищъ Главнаго Судьи Новороссійской Опекунской Конторы Бриганди отправилъ на имя императора Александра I донесеніе объ открытии имъ въ Новгородъ-Сѣверскомъ повѣтѣ, при казенномъ селѣ Радичевѣ, торфа (или, какъ тогда называли его, турфа). Торфъ,

о мнѣшію Бригонци, можетъ вполнѣ замѣнить, какъ топливо, дрова на селитряныхъ, винокуренныхъ и пивоваренныхъ заводахъ. Помимо этого, торфъ послѣ перегонки даетъ очень полезную жидкость при выѣмкѣ кожъ, а зола можетъ служить хорошимъ удобреніемъ для полей. Площадь, занимаемая вновь открытымъ торфомъ, простиралась на нѣсколько верстъ; толщина его доходила до двухъ аршинъ. Это донесеніе министръ внутреннихъ дѣлъ В. П. Коцубей передалъ на разсмотрѣніе Экспедиціи Государственного хозяйства. Экспедиція, разсмотрѣвъ его, представила министру обширный докладъ. Ея мнѣніе о пользѣ введенія торфа было таково: Въ Россіи, по роду устройства жилищъ и по образу жизни крестьянъ, употребленіе торфа не можетъ быть столь выгодно, какъ за границей, уже потому, что во многихъ губерніяхъ крестьянскія избы безъ трубъ; да и нагрѣть торфъ, по причинѣ его толщины, трудно; необходимы особаго рода обжигательные печи. Съ большою пользою торфъ можетъ быть употребленъ, какъ топливо, на кирпичныхъ и винокуренныхъ заводахъ. Помимо этого, заготовка торфа совпадетъ съ временемъ занятій хлѣбопашествомъ, а это отвлечетъ населеніе отъ занятій послѣднимъ. Доставать же торфъ на земляхъ осущеныхъ неудобно, такъ какъ, по снатію его, останется песчаный или глинистый грунтъ, мало годный для произрастанія травъ. При этомъ приводится, какъ примѣръ, Голландія, гдѣ обрабатывавшіе торфъ должны внести достаточный залогъ, проценты съ котораго шли на уплату казенныхъ и др. новинностей. Въ заключеніе Экспедиція считаетъ очень полезнымъ сдѣлать опытъ обработки торфа, и если по цѣнѣ онъ окажется дешевле дровъ, то ввести его, въ видахъ сбереженія лѣсокъ, въ употребленіе. Этотъ отзывъ Экспедиціи, какъ и копію донесенія Бригонци, министръ проводилъ малороссійскому генералъ губернатору кн. Куракину.

«Нельзя не видѣть съ одной стороны,—писалъ министръ,— пользы, ожидаемой отъ сего открытия турфа, съ другой — неудобствъ, съ симъ сопряженыхъ и описанныхъ Экспедицію въ его мнѣніи. Я не могу сдѣлать изъ всѣхъ сихъ предположеній, какъ то, чтобы предать оныя мѣстному соображенію вашего сіательства».

Кн. Куракинъ, поблагодаривъ министра за донѣріе, высказываетъ свой взглядъ на это открытие. «На счетъ открытия сего (т. е. торфа) въ Новгородъ-Сѣверскомъ повѣтѣ, гдѣ изобилуетъ лѣсъ, долженъ сказать, что введеніе его къ употребленію не обѣщаетъ того успѣха, котораго бы можно было желать. Извѣстенъ сей турфъ и въ

Глуховскомъ понѣтѣ, въ дачахъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ, который не разрабатывается, потому что дровъ довольно, а всякое новое признается затруднительнымъ. Обыватели здѣшніе, какъ и нашему сіятельству не безъзвѣстно, не весьма пристрастны къ новымъ открытиямъ, а потому и уваженіе къ изобрѣтеніямъ отъ нихъ еще отдано. Если бы турфъ отыскался въ южной полосѣ Малороссіи (по безлѣсью оной) и тамъ, гдѣ тростникъ дрова не замѣняетъ, могъ бы онъ быть почетенъ даромъ природы, и нужда, конечно, ввела бы его въ употребленіе; а посему, когда бы къ отысканію мѣстъ, гдѣ произрастаетъ турфъ, былъ присланъ чловѣкъ, къ такому открытию способный, можно вѣрно бы надѣяться, что труды его тщетными не останутся, о чемъ по усердію моему къ здѣшнему краю позволите мнѣ вашего сіятельства просить. Между тѣмъ, извѣстно мнѣ, что природа и другимъ горючимъ веществомъ край сей наградила. По рѣчкѣ Орели есть ясныя доказательства существованія въ окрестностяхъ ея землянаго угла, къ отысканію котораго и былъ присланъ чиновникъ, но входя въ препорученіе поверхности только, не удовлетворилъ тому намѣренію, съ каковымъ онъ былъ посланъ, и не нашедъ въ избыткѣ сего полезнаго природы произведенія, заключилъ, что угла нѣтъ, и оставилъ безъ дальнѣйшаго изысканія. И такъ, если бы содѣствіемъ вашего сіятельства, изъ Луганскихъ заводовъ былъ присланъ чиновникъ съ какимъ-либо поощреніемъ, конечно преуспѣлъ бы въ открытии сего угла.»

Въ ожиданіи прибытія такого чиновника, кн. Куракинъ энергично привился за изслѣдованіе торфа, каменнаго угла и пр. Онъ прежде всего потребовалъ отъ черниговскаго губернатора барона Френздорфа увѣдомленія, дѣйствительно ли есть торфъ въ Новгородъ-Сѣверскомъ повѣтѣ. Губернаторъ не замедлилъ отвѣтить. Оказывается, какъ писалъ Френздорфъ, еще въ 1800 г. генераль-прокуроръ П. Х. Обольяниновъ требовалъ свѣдѣнія относительно употребленія торфа въ Черниговской губерніи, и тогда, по собраніи отъ городничихъ, земскихъ судовъ, свѣдѣній, оказалось, что мѣстъ, гдѣ находили бы торфъ, очень немногого, а гдѣ же онъ и встрѣчается, то населеніе его не умеетъ обрабатывать. Что касается открытаго Бриговці торфа въ Новгородъ-Сѣверскомъ повѣтѣ, то губернаторъ сообщилъ, что тамъ «мѣста лѣсныя, турфу въ отысканіи по тому повѣту и въ употребленіи нѣтъ.»

Такой отвѣтъ не удовлетворилъ князя, и онъ предписалъ, чтобы мѣсто, гдѣ найденъ Бригонци торфъ, нижнимъ земскими судомъ (исполнявшими, какъ извѣстно, полицейскія обязанности) непремѣнно было отыскано; въ противномъ случаѣ «подасть онъ начальству о себѣ мысль, что состояніе повѣта ему не вовсе извѣстно, а сіе составляетъ первую обязанность земской полиціи.»

Торфъ, конечно, нашелся именно, тамъ, гдѣ его видѣлъ и Бригонци, но жители не пользовались имъ, такъ какъ у нихъ слишкомъ много лѣса, который и продавался ими на сторону. Кн. Куракинъ предписалъ губернатору внушить всѣмъ жителямъ пользу употребленія торфа, что губернаторъ и сдѣлалъ, описывѣстивъ объ этомъ всѣ повѣты вѣренной ему губерніи.

Желаніе князя Куракина о присылкѣ чиновника для изслѣдованія южной Малороссіи, было исполнено. Правленіе Луганскаго завода назначило бергъ-гешворена Ильина, который въ августѣ мѣсяцѣ 1804 года и производилъ розысканія въ константиноградскомъ и кобелякскомъ повѣтахъ.

Розысканія Ильина увѣнчались усіхомъ, главнымъ образомъ, относительно торфа, который имъ былъ найденъ въ Маячскихъ дачахъ (наилучшій, по его мнѣнію), въ Царичанскихъ и Китайгородскихъ дачахъ. Что же касается каменнаго угля, которымъ особенно интересовался кн. Куракинъ, то Ильинъ высказалъ только предложеніе, что, можетъ быть, въ этихъ мѣстахъ и есть каменный уголь, но для этого, по замѣчанію Ильина, нужны еще изслѣдованія. О результатѣ изысканій Ильина князь Куракинъ уведомилъ министра внутр. дѣлъ. „Упомяніе мое, пишетъ князь, на примѣчаніяхъ основавшееся, что въ Малороссіи можетъ быть и каменный уголь, получило некоторое событіе.“

Князь Куракинъ благодарилъ Правленіе Луганскаго завода за присылку чиновника Ильина и выхлопоталъ ему награду,—годовой окладъ жалованья (180 р. ассиг.). Въ слѣдующемъ 1805 г. изысканіе продолжалось; выѣсто Ильина, правленіе Луганскаго завода командировало бергъ-гешворена Пиленка, который не нашелъ въ константиноградскомъ повѣтѣ каменнаго угля, но за то указалъ много мѣсть, изобилующихъ торфомъ. Такъ, торфъ открытъ имъ по р. Орелѣ при с. Чернетчинѣ и Орчикѣ, по рѣкѣ Берестовой въ дачахъ Параскѣвской, Берестовенской, Лебяжинской, Николаевской, Завалинской. Въ Став-

ров'яровкъ онъ открылъ камень мергель, который можно употреблять на постройки, а при р. Орели—алебастръ, находившійся въ разнѣй цвѣтной глинѣ.

Помимо этого, хороший торфъ былъ открытъ и въ Лубенскомъ повѣтѣ, гдѣ кн. Куракинъ желалъ открыть торфяной заводъ, чего испросилъ правительственный заемъ г. Лубнамъ въ 4.000 рублей съ Дѣломъ этимъ долженъ былъ завѣдывать земскій комиссаръ лубенского повѣта Николай Кулябка, которому поручено было наблюдать и за обработкой торфа въ имѣніи гр. Разумовскаго, около Батурина.

Въ Лубенскомъ повѣтѣ торфъ былъ найденъ, главнымъ образомъ, въ селѣ Пескахъ, при р. Удаѣ, гдѣ и предполагалось устроить заводъ. Но для этой цѣли необходимо было пріобрѣсти эти земли, всего 16 лес. 430 квадр. саженъ, у каз. крестьянъ и у сосѣда, мѣщанина Сушка, 1 дес. 265 саж. Но оказалось, что купить эти земли нельзя было, такъ какъ они были отданы крестьянамъ, въ силу высочайшаго повелѣнія, съ уплатою оброка по $55\frac{3}{4}$ кон. съ десятины. Куракинъ думалъ имъ предоставить другія казенные земли, но таковыхъ по близости не оказалось. Самы же крестьяне готовы были промѣнять эти земли на что либо лучшее; получали они съ десятины сѣнокоса въ то время 2 р. 50 к.; мѣщанинъ же Сушко съ своего участка имѣлъ всего 5 р. дохода.

Когда не удалось Куракину переселить крестьянъ села Песокъ (ихъ было 17 человѣкъ муж. пола и 20 женскаго, по ревизії 1795 года), то онъ рѣшилъ купить для нихъ землю гдѣ-либо недалекѣ. Нѣкто Лозовецкій, жившій недалеко отъ Песковъ, уступалъ 15 десятинъ по 11 р. за десятину, но сдѣлка эта не состоялась. Въ началѣ 1808 г. Куракинъ перѣхалъ въ Петербургъ, занять постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Заводъ, такимъ образомъ, и не былъ открытъ. Изъ 4 тысячъ, ассигнованныхъ на его устройство, 296 р. $21\frac{1}{4}$ к. издержаны на расходы по изысканіямъ Ильина и Пиленка, а остальные 3703 р. $78\frac{3}{4}$ к., какъ не требовавшіеся долгое время, изъ расхода исключены. Такимъ образомъ, главной причиной, почему не былъ открытъ заводъ, была невозможность пріобрѣсти торфяныхъ земель отъ крестьянъ.

Много лѣтъ спустя опять былъ поднятъ вопросъ обѣ устройствѣ въ Полтавской губерніи торфяного завода. Это было при генераль-губернаторѣ Н. А. Долгорукомъ (1840—1847.) Кн. Долгоруковъ потребовалъ минѣнія по этому предмету отъ управляющаго полтавской

ной Государственныхъ имуществъ. Мѣѣніе управляющаго окончательно убѣдило въ невозможности строить заводъ. Всѣ болота, гдѣ или торфъ, служать, по мнѣнію управляющаго, резервуарами въ Берестовой, Орчика, Орели и Сулы си полезны въ этомъ соображеніемъ воды этимъ рѣкамъ и испареніями своими, увлажняющими поля, въ нихъ прилегающія. «Я полагаю, писалъ управляющій палатой, что настоащаи польза отъ сихъ болотъ гораздо благонадежнѣе, нежели разработка на нихъ торфа, черезъ которую если обнажится поверхность сихъ мѣсть, то источники могутъ засориться, вода изсякнетъ и рѣки лишены будутъ иѣкоторой части своихъ запасовъ. Вода же въ Полтавской губерніи во всѣхъ отношеніяхъ нужна топлива.»

Такова исторія устройства торфяного завода, о которомъ такъ много хлопоталъ кн. Куракинъ; по его мысли, заводъ этотъ долженъ былъ служить населенію школой обработки торфа. Разрабатывался ли въ другихъ мѣстахъ торфъ—объ этомъ въ дѣлѣ нѣть свѣдѣній, хотя инструкція, составленная съ этой цѣлью, была разослана губернаторамъ Черниговской и Полтавской губерніи. Замѣтимъ, что инструкція эта была позаимствована отъ бригадира Степана Феодоровича Толстого, въ вмѣніи котораго, въ Орловской губерніи, въ Карабевскомъ уѣздѣ, производилась обработка торфа.

(Архивъ Полтав. Губ. Правленія, по описи № 173, 1803 года.)

Сообщ. И. Фр. Павловскій.

Куда исчезъ домикъ въ Полтавѣ, въ которомъ Петръ Великій отдыхалъ послѣ Полтавской побѣды? Въ настоящее время въ Полтавѣ на мѣстѣ этого домика стоитъ памятникъ съ такой надписью: «Здѣсь Петръ Великій отдыхалъ по трудамъ своимъ. Благоговѣй! Мѣсто свято есть!» Самый домикъ сломанъ.

По поводу этого авторъ путевыхъ замѣтокъ о Полтавѣ говорить слѣдующее: мнѣ весьма не нравится, что допустили сломать домъ, въ которомъ жилъ онъ (т. е. Петръ) и который, кажется, само Промидѣніе берегло; иѣсколько десятковъ лѣтъ находился онъ безъ крыши и время не посмѣло коснуться къ нему разрушительнымъ перстомъ своихъ: дубовые бревна, изъ которыхъ срублены стѣны, понынѣ еще сохраняютъ первоначальную свою крѣпость и

свѣжесть. Срубъ сей перевезенъ въ деревню г. Магденкомъ, который предлагалъ неоднократно городу купить его! Домъ сей состоялъ изъ трехъ весьма узкихъ проходныхъ комнатъ, въ которыхъ примыкали находившіяся во дворѣ баня и кухня. Цетръ, услышавъ однажды плачъ младенца, который былъ дѣдомъ нынѣшнему Магденку, приказалъ его подать къ себѣ. Взявъ на руки и покачавъ, повелѣлъ klezъ выростеть, сказать ему, что царь его началь и для того онъ долженъ служить ему усердиѣ». ¹⁾

Н. В.

Текущія извѣстія.

Къ 50-лѣтію со дня смерти Гоголя. Гоголевская комиссія, образовавшаяся при историко-филологическомъ институтѣ въ Нѣжинѣ, готовить ко дню пятидесятилѣтія со дня смерти Н. В. Гоголя сборникъ, посвященный его памати. Въ составъ сборника войдутъ: 1) неизданное одно изъ послѣднихъ писемъ Гоголя, именно къ И. Барановскому; 2) обзоръ критической литературы о Гоголѣ, главнымъ образомъ за послѣднія десятилѣтія, чтобъ составить продолженіе библиографического труда Горожанского; 3) подробный каталогъ выставки, устраиваемой въ стѣнахъ института гоголевской комиссіей; каталогу предпосылаются двѣ объяснительныя статьи—о портретахъ Гоголя и о роли произведеній его въ народной книжкѣ и картинкѣ; 4) материалы для біографіи Гоголя, находящіеся въ архивѣ гимназій высшихъ наукъ, принадлежащемъ институту, и 5) можетъ-быть, обзоръ изданій переложеній Гоголя на малорусское нарѣчіе, появившихся преимущественно въ Галиціи и Буковинѣ. Сборникъ иллюстрируется фототипіями съ неизвѣстныхъ до сихъ поръ портретовъ лицъ, имѣвшихъ то или другое отношеніе къ Гоголю, портретами Гоголя, снимками съ его почерка и найденного въ архивѣ института научнаго рисунка Гоголя. („Русск. Вѣдомости“, № 301).

¹⁾ Отечеств. записки И. Свиньина, 1830 г., ч. 42, стр. 7—8.

Усиление средствъ С.—Петербургскаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. На общемъ собраніи одесского отдѣла „общества помощи въ чтеніи больнычъ и бѣднычъ“, закрытаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, рѣшено капиталъ отдѣла (въ суммѣ 1100 руб.) передать С.—Петербургскому Обществу изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. („Одесскій Листокъ“, № 273.)

Портретъ Ольриджа, писанный Т. Шевченкомъ. Въ картинной галлереѣ „Нового театра“ въ Спб. обращаетъ на себя вниманіе портретъ знаменитаго трагика Ольриджа, писанный украинскимъ поэтомъ Тарасомъ Шевченкомъ и посвященный известному русскому артисту Щепкину. („Одесскій Листокъ“, № 277).

Памятникъ Е. П. Гребенкѣ. На могилѣ писателя Е. П. Гребенки на днихъ поставленъ пиритинскимъ земствомъ въ хуторѣ „Убѣжище“, родинѣ Е. П., памятникъ—чугунный крестъ красивой ажурной работы, на высокомъ пьедесталѣ („Одесскій Листокъ“, № 277).

Извѣстіе о переводаѣ Новаго Завѣта на малорусскій языкъ. Въ газетахъ напечатано извѣстіе, что „законченъ переводъ священныхъ книгъ Новаго Завѣта на малороссійское нарѣчіе. Переводъ уже рассматривался въ академіи Наукъ и отправленъ для одобренія въ Св. Синодъ“ („Южанинъ“ 277). Въ такой формѣ извѣстіе это болѣе чѣмъ темно. Какъ извѣстно, существуютъ два перевода Новаго Завѣта на украинскій языкъ: одинъ привадлежить Морачевскому, другой Кулишу и Полю. Первый переводъ былъ одобренъ Академіей Наукъ еще въ началѣ 60-хъ годовъ, но до сихъ поръ не напечатанъ; переводъ же Кулиша и Полю въ первый разъ напечатанъ во Львовѣ въ 1880 г. Слѣдовательно, сообщеніе о томъ, что переводъ Новаго Завѣта на украинскій языкъ законченъ, не можетъ, повидимому, относиться ни къ одному изъ указанныхъ переводовъ.

Пѣсенная Комиссія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества приступила къ снаряженію экспедицій для записыванія пѣсень непосредственно съ голосовъ народа, озабочиваясь сохраненіемъ живущихъ еще въ народѣ остатковъ его пѣсенного творчества.

Въ виду этого, для обеспеченія успѣха предполагаемыхъ экспедицій, Пѣсенная Комиссія обращается къ разнымъ лицамъ съ просьбою отвѣтить на прилагаемомъ при письмѣ вопросномъ листѣ возможно подробнѣе на всѣ помѣщенные въ немъ вопросы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду высокаго научно-этнографического и художественнаго значенія, которое можетъ имѣть удачно собраный пѣсенный матеріалъ, Пѣсенная Комиссія проситъ указать, какія мѣры должно счи-тать наиболѣе цѣлесообразными для достижениія лучшаго успѣха предпринятому дѣлу въ данной мѣстности независимо отъ предложен-ныхъ вопросовъ. Отвѣты просятъ присыпать не позже наступленія зими ва ини дѣлоизводителя комиссіи Владислава Ивановича Гоф-фе, въ С.-Петербургъ. Инженерная, 4.

Вопросный листъ заключаетъ въ себѣ слѣдующіе 17 вопросовъ:

- 1) Сохранились-ли въ вашей мѣстности старинныя народныя пѣсни, былины или духовные стихи? 2) Если да, то какие именно, т. е. духовные стихи, былины, или бытовые? 3) Не можете-ли ви-звать тѣ духовные стихи, которые поются въ вашей мѣстности? 4) Не можете-ли назвать былины, которые поются въ вашей мѣстности?
- 5) Сохранились-ли у васъ свадебные обряды, сопровождаемые пѣсня-ми и причитаніями? 6) Сохранились-ли у васъ причитанія рекрут-скія и похоронныя? 7) Сохранились-ли у васъ хороводы и гулянья, сопровождаемые пѣснями троицкими, семицкими или ивановскими?
- 8) Сохранились-ли у васъ игры святочныя и масленичныя, сопро-вождаемыя пѣснями? 9) Сохранились-ли у васъ плясовые пѣсни?
- 10) Сохранились-ли въ народѣ старинные музикальные инструменты и какие именно? 11) Не можете-ли указать мѣстности (села или дере-вни), въ которыхъ наиболѣе сохранились пѣсни, съ обозначеніемъ, какой именно родъ пѣсенъ преобладаетъ въ каждомъ изъ нихъ? 12) Не можете-ли назвать лицъ изъ мѣстныхъ старожиловъ, помнившихъ старинныя пѣсни, былины или духовные стихи, и сообщите ихъ мѣсто жительства? 13) Сохранились-ли въ деревняхъ зимнія поси-дѣлки, сопровождаемыя пѣснями бытовыми, протяжными? 14) Въ виду командировавшіи Пѣсенною Комиссіею Императорскаго Русскаго Географическаго Общества экспедицій для записыванія пѣсенъ, не можете ли сообщить, когда въ вашей мѣстности можно надѣяться собрать болѣе матеріала въ теченіе лѣтнаго периода? 15) Не може-те-ли сообщить тексты нѣкоторыхъ пѣсенъ, былинъ или духовныхъ

стиховъ, для предварительного съ ними ознакомленія? 16) Не можете-ли назвать лицъ изъ мѣстной интеллигентіи, которыхъ могли-бы оказать содѣйствіе по собиранію пѣсенного матеріала, и сообщите икъ мѣсто жительства? 17) Не можете-ли представить какія либо соображенія, исходящія изъ условій вашей мѣстности, для наилучшаго успѣха предпринятаго Пѣсенною Комиссіей дѣла? („Югъ“, № 1048).

Къ 30-лѣтнему юбилею М. Л. Кропивницкаго. Въ настоящемъ году исполняется 30-лѣтие литературной дѣятельности М. Л. Кропивницкаго, такъ какъ первое его печатное произведеніе появилось въ 1871 г. въ „Новороссійскомъ Телеграфѣ“. По этому поводу „Одесскій Листокъ“ такъ характеризуетъ произведенія юбиляра: „Прекрасный малорусскій языкъ его сочиненій, яркая образность слога, изобилующая массой мѣткихъ народныхъ выраженій, поговорокъ и оборотовъ—все это достоинства, которыхъ очень хорошо известны многочисленнымъ почитателямъ М. Л. Кропивницкаго; его талантъ авторскій, его художественная игра—по прежнему прекрасны и по прежнему трогаютъ душу“ („Одесскій Листокъ“, № 276).

Какъ сообщаетъ та-же газета (№ 281), юбилей будетъ отиразованъ въ Киевѣ, куда труппа г. Кропивницкаго переѣдетъ въ декабрѣ. Какъ мы слышали, г. Кропивницкій имѣеть намѣреніе означеновать 30-лѣтие своего служенія родному искусству основаніемъ украинскихъ драматическихъ классовъ.

Полтавскій съездъ дѣятелей по кустарной промышленности, по докладу г-жи О. П. Косачъ „О народномъ украинскомъ искусствѣ въ кустарныхъ издѣліяхъ“, постановилъ слѣдующую резолюцію: а) просить земскія управы малорусскихъ губерній, чтобы онѣ рекомендовали професіональнымъ школамъ заботиться о сохраненіі національного стиля въ своихъ издѣліяхъ; в) просить предстоящее Полтавское губернское земское собраніе объ установлениі постоянныхъ хоть небольшихъ премій для выдачи тѣмъ лицамъ изъ народа, которыхъ представлять въ професіональныя школы или иные учрежденія лучшія работы въ народномъ украинскомъ стилѣ („Хуторянинъ“, № 45). По докладу г. Сластіонова: „О поднятіі художественного элемента въ кустарномъ производствѣ“ съѣздъ, между прочимъ,

высказался о желательности, чтобы земства "озабочились собираниемъ образцовъ мѣстного орнамента во всѣхъ его видахъ для использова-
нія тѣми учебными мастерскими, которые имѣютъ цѣлью улучшеніе и развитіе настарнаго производства". („Хуторанинъ“, № 45). Какъ видно изъ напечатанной въ предыдущемъ номерѣ Хуторанина статьи г-жи Седиховой Шолтавская ремесленная школа уже работаетъ въ направленіи, указанномъ докладами г-жи Косачъ и г. Сластіонова: при производствѣ портьеръ, занавѣсей, ковриковъ, скатертей и т. п. примѣняется старинный украинскій геометрическій орнаментъ.

Григорій Врецьона (некрологъ). 20 октября скончался во Львовѣ одинъ изъ старѣйшихъ галицкихъ педагоговъ, всю жизнь отдавшій на служеніе школьному дѣлу, извѣстный и въ извѣстной педагогической литературѣ многочисленными трудами—Григорій Врецьона. Покойный родился 8 октября 1839 года; окончивши педа-
гогические курсы въ 1862 г., Врецьона въ продолженіе 15 лѣтъ былъ народнымъ учителемъ, а затѣмъ въ 1877 году получилъ мѣсто старшаго учителя въ Львовской учительской семинаріи, гдѣ и про-
былъ до послѣднихъ дней своей жизни. Покойный состоялъ сотрудникомъ какъ специально-педагогическихъ, такъ общаго характера из-
даній (Ластовка, Голос Народній, Газета шкільна, Зоря, Письма з Просовити, Слово, Діло и др.); съ 1879 по 1890 былъ редакторомъ педа-
гогическаго журнала «Шкільна часопись», составилъ нѣсколько учебниковъ, писалъ беллетристические рассказы. Кроме чисто литера-
турной дѣятельности, Врецьона принималъ всегда самое живое участіе во всѣхъ галицкихъ обществахъ національного направленія. Смерть этого неусыпнаго труженика на пользу родного народа вызвала новсемѣтно въ Галичинѣ искреннѣе сожалѣніе по поводу тяжелой
утраты.

Къ постановкѣ памятника И. П. Котляревскому. По просьбѣ городской управы архитекторъ А. И. Ширшовъ, составлявшій проектъ постамента для памятника И. П. Котляревскому, отправился на дніахъ въ Кременчугъ для осмотра производимыхъ г-нъ Шевнимъ работъ по изготавленію изъ гранита названнаго постамента. Кроме мастерской, гдѣ строится постаментъ, А. И. Ширшовъ посѣтилъ также карьеръ, въ которомъ выламываются гранитныя глыбы, изъ коихъ высѣкаются

отдельныхъ его частн. Карьеръ находится въ 15 верстахъ оть г. Кременчуга на противоположномъ берегу рѣки Днѣпра; тамъ помѣщается также мастерская. Работами по устройству пьедестала для памятника занимаются ежедневно до 20 специальныхъ рабочихъ. По отзыву А. И. Ширшова, работы находятся въ слѣдующемъ положеніи: ступени для постамента, нижняя часть его, такъ называемая, ступенная площадка, имѣющая приблизительно до 5 арш. въ діаметрѣ и $1\frac{1}{2}$ арш. высотою, а также верхняя самая сложная часть постамента уже совершенно готова. Неоконченной, хотя уже вчернѣ выкованной, осталась только средняя часть пьедестала. Всѣ отдельныя части сработаны тщательно, вполнѣ правильно и совершенно соответствуютъ проектнымъ шаблонамъ.

Перевозка пьедестала изъ Кременчуга въ Полтаву, какъ уже сообщалось въ «І. Г. В.», предполагается предстоящей зимой, а установка его на мѣстѣ начнется съ весны будущаго года.

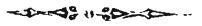
Нѣкоторыми изъ представителей мѣстнаго городскаго управлѣнія вновь поднятъ уже разрѣшенный вопросъ о мѣстѣ для памятника Котляревскому. Признавая Протопоповскій бульваръ крайне неудобнымъ во всѣхъ отношеніяхъ для постановки тамъ памятника, лица эти предлагаютъ мѣсто для памятника въ одномъ изъ двухъ скверовъ, устраиваемыхъ противъ зданій для просвѣтительныхъ цѣлей, а именно: въ томъ, который находится посреди квартала, нѣсколько правѣй отъ зданія для театральныхъ представлений. Поднятый вопросъ будетъ внесенъ на разсмотрѣніе думы въ предстоящей на-дняхъ сессіи. Что же касается второго сквера, уже огороженнаго и даже часаженнаго, то здѣсь, какъ мы слышали, предполагается поставить бюстъ Н. В. Гоголя. (І. Г. В., № 234).

Страницка изъ жизни коллегіи Павла Галагана. «Правднѣпр. Кр.» вспоминаетъ издававшійся 20 лѣтъ тому назадъ ученическій журналъ въ Кіевской коллегіи Павла Галагана.

Директоръ коллегіи былъ въ это время И. И. Ничипоренко, человѣкъ независимаго и твердаго характера, отъ всей души отдавшійся педагогическому дѣлу. Онъ заботился о серьезномъ образованіи учениковъ и большую библіотеку коллегіи отдалъ въ ихъ завѣданіе, что значительно содѣствовало развитію въ воспитанникахъ любви къ чтенію. Въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ ученики при-

ступила въ различныи предпріятія. Тѣснымъ кружкомъ товарищій сейчасъ же стала издаваться журналъ «Слово», втайнѣ не только отъ начальства, но даже и отъ другихъ учениковъ. Содержаніе журнала составляли—стихи, повѣсти, критическіи статьи и театральныи рецензії. Журналъ носилъ серьезный характеръ и не заключалъ никакихъ выходокъ противъ начальства, учителей или товарищій. Въ это же время потихоньку отъ начальства образовалось среди учениковъ историко-литературное общество, гдѣ читались и обсуждались рефераты самаго разнообразнаго содержанія: тутъ были и философскіи разсужденія о свободѣ воли, и научныи компиляціи, напримѣръ, о кожаныхъ деньгахъ въ древности, были темы и политико-экономическаго характера и литературно-критическія,—напримѣръ, о Тургеневѣ; читались иногда и переводныи вещи, напримѣръ, переводы стихотвореній Рицкена. Директоръ, конечно, скоро узналъ объ этихъ ученическихъ засѣданіяхъ, но не запретилъ ихъ, а потребовалъ только, чтобы они происходили въ присутствіи его самого или воспитателей. Это требование не охладило жара участниковъ собраній. Директоръ и воспитатели держали себя чрезвычайно тактично, просто, принимали участіе въ собраніяхъ, какъ собесѣдники. Поэтому присутствіе начальства на засѣданіяхъ нисколько не измѣнило дѣла. Всѣ относились къ обсужденію вопросовъ серьезно, много готовились къ приемамъ; одинъ рефератъ иногда обсуждался на вѣсельныхъ засѣданіяхъ, затягивавшихся изрѣдка до часа ночи. Всѣ эти занятія, продолжавшіеся въ теченіе всего курса, не только не мѣшили ученику, но даже помогали ему. Считалось позорнымъ готовиться къ урокамъ по литературѣ и исторіи по однімъ учебникамъ.

Этнографическій отдѣль въ Кіевскомъ музеѣ древностей и искусствъ. На ряду съ отдѣломъ археологическимъ и отдѣломъ искусствъ въ Кіевскомъ музеѣ древностей и искусствъ рѣшено организовать отдѣль этнографическій. Для помѣщенія послѣдняго изъ 6 залъ верхнаго этажа зданія музен будеть отведено два крайнихъ зала съ прилегающимъ къ нимъ небольшимъ коридоромъ. (Кіевлян.).



БІБЛІОГРАФІЯ.

Древности, труды Императорского Московского Археологического Общества, изданные подъ редакціей В. К. Трутовскою, секретаря Общества. Т. XIX, вып. 1 и 2. Москва, 1901 г.

Согласно съ новой программой этого изданія, настоящіе два выпуска XIX-го тома распадаются на нѣсколько отдѣловъ. Прежде всего идутъ оригиналныя статьи; среди помѣщенныхъ, относящихся къ древностямъ южной Россіи не имѣется. Затѣмъ слѣдуютъ протоколы засѣданій Общества за 1899—1901 гг., протоколы Комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ за 1899—1900 г., археологическая хроника, ученыя общества въ учрежденія, некрологи. Къ сожалѣнію, на этотъ разъ отсутствуетъ еще одинъ отдѣлъ, входящій въ программу изданія,—бібліографія.

Въ качествѣ приложенийъ къ протоколамъ помѣщено нѣсколько статей, имѣющихъ прямое отношеніе къ южно-русской старинѣ. Именно: отчетъ о засѣданіи Кіевскаго отдѣленія Предварительного Комитета XI Съезда (вып. 1), отчетъ по XI Археологическому Съезду въ Кіевѣ гр. П. С. Уваровой (вып. 2) и наконецъ докладъ ея-же—«Архитектурные памятники юго-западнаго края», на которомъ мы счинаемъ долгомъ остановиться подольше.

Послѣ Кіевскаго съезда гр. Уварова совершила небольшую экскурсію по юго-западному краю (главнымъ обр. по Волыни) и отчасти по Черниговской губерніи. Въ этомъ докладѣ гр. Уварова, какъ она говоритьъ, дѣлится тѣми впечатлѣніями, какія вынесла изъ поѣздокъ.

Главное внимание привлекаютъ памятники церковной старины, какъ архитектурные, такъ и вещественные—другихъ вѣдь памятниковъ очень и очень немного. Первую часть доклада занимаютъ указанія на встрѣченные остатки старины въ той или другой мѣстности. Гораздо интересна вторая часть, гдѣ гр. Уварова касается давно уже наболѣвшаго вопроса объ искаженіи и уничтоженіи церковной старины. Мы позволяемъ себѣ сдѣлать здѣсь болѣе или менѣе общирные выдержки изъ доклада, касающіяся при广大群众льной и фактической стороны дѣла.

Но сначала—небольшое отступленіе. Упомянувъ о томъ, что въ нашемъ краѣ сохранились преимущественно памятники XVII и XVIII ст., гр. Уварова замѣчаетъ, что памятники эти носятъ иноzemное вліяніе и не успѣли или не съумѣли «выработать» въ болѣе обычныя и знакомыя намъ формы церковнаго зодчества». Здѣсь не совсѣмъ ясно, какія формы подразумѣваетъ гр. Уварова. Совершенно справедливо, что въ южно-русской церковной архитектурѣ западное вліяніе играло довольно видную роль. Но вліяніе это коснулось главнымъ образомъ каменныхъ церквей, было, затѣмъ, не слѣпымъ позаимствованіемъ, а, вопреки только что приведенному мнѣнію, развилось на мѣстѣ въ опредѣленныхъ формахъ, носящіе всѣ признаки самостоятельного стиля; образчиковъ такой южно-русской архитектуры, образчиковъ иногда довольно совершенныхъ (особенно конца XVII ст.), сохранилось еще достаточно какъ въ самомъ Кіевѣ, такъ и въ другихъ городахъ. Бѣда лишь въ томъ, что до сихъ поръ эти памятники не привлекали къ себѣ пытливыхъ специалистовъ и остаются не описанными и не изученными. Если же взять деревянныя церкви, то здѣсь иноzemное вліяніе почти не имѣло мѣста,—своебразный типъ этихъ церквей возникъ и развился самостоятельно.

Основной вопросъ, какой ставить гр. Уварова,—что дѣлать съ этими памятниками, носящими иноzemное вліяніе или требующими реставрації? Что дѣлать, «чтобы не лишить мѣстность, если не древнихъ, то, по крайней мѣрѣ, историческихъ памятниковъ»? Въ концѣ доклада гр. Уварова замѣчаетъ рядъ мѣропріятій, но передъ останавливается на особомъ направленіи въ извѣстной средѣ, направлѣніи, къ слову сказать дѣйствующемъ уже десятки лѣтъ и состоящемъ въ томъ, чтобы «мыть уничтожать и не признавать того, чтоказалось возможнымъ нашимъ отцамъ и дѣдамъ». Гр. Уварова называетъ это направленіе «необъяснимымъ». Намъ кажется, что объ-

ясненіе возможно: съ одной стороны, изъ за предвзятыхъ цѣлей,— полное пренебреженіе къ историческимъ традиціямъ, и, благодаря этому, и къ остаткамъ старины, съ другой—невѣжество и усердіе не по разуму.

О томъ, какъ «дѣйствуетъ» это направленіе, гр. Уварова къ старымъ фактамъ, конкъ нѣсть числа, прибавляеть еще нѣсколько, замѣченныхъ во время ея поѣздокъ, именно:

«Въ г. Острогѣ древній храмъ Богоявленія, кн. Острожскихъ, возстановили... совершенно невозможно».

Въ с. Зимно имѣется древній Крестовоздвиженскій мужской монастырь. «Нынѣ монастырь этотъ обращенъ въ женскій и новоначатыи игумены, одна przedъ другой, желая, вѣроятно, выслужиться przedъ обуревающимъ нась за послѣднее время какимъ-то особымъ направленіемъ, строятъ, перестраиваютъ... Здѣсь уродуется церковь Успенія, одну пѣтъ древнихъ башенъ стѣны, съ цѣлью превратить ее въ ворота, превратили въ «совершенную ветхость», есть сильное желаніе уничтожить существующій и весьма прочный иконостасъ Екатерининскихъ временъ.. .

Въ с. Низкиницахъ «свдовѣ Адама Киселя было дозволено воздвигнуть мужу въ церкви родного села камитникъ, а выѣшнее духовенство требовало его уничтоженія»...

«Въ у. городѣ Козельцѣ, черниг. губ., и селеніи Лемеха, расположенному въ 7 верстахъ отъ того же города и родивѣ гр. Разумовскихъ, воздвигнуты Растрелли великолѣпные храмы, разукрашенные, какъ то и подобало подобнымъ постройкамъ, великолѣпными и весьма стильными иконостасами въ стилѣ рококо, разукрашенными рѣзными рельефными головками въ цѣлыми фигурами ангеловъ и херувимовъ. Мѣстное духовенство находить *необходимымъ* уничтожить эти изображенія—какъ *неправославныхъ* и весьма желательнымъ замѣну великолѣпныхъ Елизаветинскихъ иконостасовъ болѣе доступными ихъ пониманію простыми гостинно-дворскими. Въ Козельцѣ претензіи духовенства удерживаются свѣтскими членами церковнаго начальства, но въ Лемехѣ священникъ уже вошелъ по этому вопросу въ сдѣлку съ кievскимъ мастеромъ и новый иконостасъ заказанъ».

Повторяю, только что приведенные факты буквально тонуть въ массѣ имъ подобныхъ. Что касается причинъ такихъ печальныхъ явлений, то они относятся къ разряду какъ общихъ такъ и частныхъ. Первая—малый интересъ въ массѣ и остаткамъ прошлаго,

непониманіе послѣдникъ, вторыя—малоподвижность, зачастую даже и сознательная тѣхъ учрежденій и обществъ, отъ которыхъ зависить и въ задачи которыхъ входитъ сохраненіе памятниковъ старины.

Но примириться съ такимъ положеніемъ нельзѧ и гр. Уварова, такъ горячо всегда ратующая противъ невѣжества въ данномъ отношеніи, заключаетъ свой докладъ слѣдующимъ призывомъ:

«Что же дѣлать и какъ быть съ этимъ вопросомъ? Какъ сохранить юго-западному краю его послѣдніе, если не древніе, то исторические памятники, и какъ выработать *modus vivendi* для ихъ реставрації?

«Для разрѣшенія первого вопроса существуютъ два условія: во-первыхъ—чтобы мы *всѣ* болѣе полюбили и изучили исторію своей страны и свое родное и дали себѣ слово стоять на стражѣ нашихъ памятниковъ и во-вторыхъ—чтобы существующія археологическая и историческая общества взялись за присмотръ и сохраненіе этихъ памятниковъ и, сплотивши свои пожеланія и усилия, наконецъ, выработали и достигли такого положенія, при которомъ подобный присмотръ и сохраненіе оказались бы возможными.

«Только при такомъ просвѣщенномъ участіи лучшихъ силъ страны окажется возможнымъ предупредить своевольное уничтоженіе историческихъ могилъ, подобно могиламъ Кочубея и Искры, уничтоженныхъ монахами Киево-Печерской Лавры за послѣдніе годы въ городѣ, гдѣ имѣются два ученыхъ общества.

«Представится возможность, вскрывая древнія могилы храмосоздателей, ре разорять ихъ, не перемѣшивать и не выносить кости, не грабить ихъ безвозвратно, какъ то сдѣтано въ Мстиславовомъ храмѣ при вскрытии могилъ князей».

И снова идетъ рядъ фактовъ, въ родѣ напр. того, «что въ началѣ нашего столѣтія сторожа Мстиславова храма, находящагося тогда въ рукахъ православнаго духовенства, 30 лѣтъ употребляли храмовую икону Божіей Матери *вмѣсто постели*...»

Что касается реставраціи, то гр. Уварова замѣчаетъ, что скота первое высказанное мною пожеланіе послужило бы главнымъ рычагомъ и при разработкѣ этого послѣднаго вопроса, но все таки же въ этомъ дѣлѣ главнымъ образомъ должны помочь намъ какъ архитекторы, такъ и тѣ учрежденія, которыя ихъ воспитываютъ».

Нѣть сомнѣнія, что высказываемыя гр. Уваровой пожеланія еще долго останутся лишь пожеланіями, что еще долго всемъ, кому

дорога родная старина, придется «мучаться», какъ выражается графиня, вопросомъ о возмутительномъ отношеніи къ этой старинѣ, пока же остается одно—возможно чаще предавать гласности въ точномъ смыслѣ варварское обращеніе съ остатками прощлаго—вѣдь и капля долбитъ камень...

Н. В.

В. Русиновъ. 1) *Прихожа. Сцена въ I дн.* Перекладъ и переробка зъ сочиненія Н. В. Гоголя „Лакейская“. Полтава, 1901, стр. 1—14. Ц. 5 к. 2) *Несподивана халепа. Драма въ II дняхъ. Посвята шанованому М. Л. Кропивницкому.* Полтава, 1901, стр. 1—44. Ц. 15 к.

Въ первой изъ упомянутыхъ брошюрахъ г. Русиновъ сдѣлалъ попытку перевести на украинскій языкъ известную живую театральную сцену Н. В. Гоголя «Лакейская», въ надо признать, попытка его, по нашему мнѣнію, оказалась довольно удачной. Читателя на первый разъ можетъ вѣсколько смутить упоминаніе на обложкѣ «и переробывъ»; однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что авторъ собственно почти ничего не «перероблявъ», а придерживался, вѣсколько возможно только было, самымъ добросовѣстнымъ образомъ Фригипала. Количество отступленій отъ текста и не особенно удачныхъ переводовъ настолько незначительно, что мы ихъ легко можемъ здѣсь все отыскать. Наиболѣе крупнымъ отступленіемъ является вѣсколько видоизмѣненный, въ интересахъ сценичности, конецъ. У Гоголя піеса заканчивается тирадой дворецкаго о собственномъ краснорѣчії, и послѣднія слова ея: «Да не угодно ли вамъ пожаловать въ мою комнату? (Аннушка идетъ, Лаврентій за нею). У г. Русинова вѣдь это послѣдней фразы вставлена иная, довольно неумѣстная: «А все жъ таки я всегда зъ моимъ зъ удовольствіемъ...». Затѣмъ вѣдь глашаетъ Иванъ, и происходитъ слѣдующая сцена:

Дворецкій. Чого тоби тутъ треба?

Іванъ. Панъ йидуть... Одчынить. (Пашовъ одчынить).

Анна Гавриловна. Оце та-акт!... Куды жъ мени?

Дворецкій. До жинки до моєї (Ганна хоче йти въ та жъ двери).
Ни, черезъ залу, черезъ залу... (Ганна хутенько пашла).

Входить панъ, за нымъ Иванъ; дворецкій кланяется. (Иванъ знимает шубу). Этой сцены у Гоголя несть совершенно.

Далѣе, на стр. 13, князь Брюховецкій почему-то передѣланъ въ Булгака; на стр. 7 мороженное—замѣнено «вареною» и добавлены: «чай, кохвій, щыколатъ».

Все это, конечно, мелочи, отъ которыхъ переводъ, въ общемъ довольно удовлетворительный, не теряетъ своихъ достоинствъ.

Пьеса дозволена драматическою цензурою въ представленію, и, надо думать, найдетъ себѣ място на театральной малорусской сценѣ.

Зато вторая, самостоятельная, пьеса того же автора далеко уступаетъ во всѣхъ отношеніяхъ переводной. Какъ известно, трудно вообще умѣстить какую-бы то ни было драму даже въ 3 дѣйствія, въ виду того, что необходимо достаточно выяснить психологію, мотивы, побужденія героевъ пьесы, обрисовать обстановку, среди которой постепенно должна разыгрываться драма, пока пріедеть къ развязкѣ, и т. п. Между тѣмъ авторъ, выведя на сцену 22 дѣйствующихъ лаца, не считая «народа», рѣшилъ представить драму въ 2 дѣйствіяхъ. Отсюда естественнымъ слѣдствіемъ является то, что характеры дѣйствующихъ лицъ оказались въ достаточной мѣрѣ непонятными, невыясненными; постуки часто не мотивированы, а если и есть послѣднее, то возбуждаетъ сомнѣніе, достаточно ли мотивъ основателенъ; да и вообще весь драматизмъ зиждется на шаткихъ основавіяхъ. Сущность пьесы въ томъ что экономической приказчикъ, намѣтивъ себѣ въ жертву дѣвчину Одарку, возлюбленную парубка Романа, посредствомъ подкупа кухарки Тетяны и другихъ средствъ, взводить на Романа ни на чемъ не основанное обвиненіе въ томъ, что онъ обворовалъ контору. Одарка, повѣривъ слухамъ о преступлѣніи Романа, подъ вліяніемъ насыщеннаго полругъ, вдругъ нашла исходъ: «присагается», что пойдетъ въ «червицы», чтобы молиться за грѣшную душу Романа. Немного спустя оказывается, что Романъ не могъ обворовать конторы, такъ какъ не былъ даже въ ту ночь въ экономическомъ дворѣ. Романъ является съ объясненіемъ къ Одаркѣ; но послѣдняя ему въ отвѣтъ говорить слѣдующія слова: «Прости мене, парубче! Не замѣтай худою (sic)! ...Забудь на-викы... Такъ мабуть судылось!» и т. п.—и замила! На этомъ кончается драма. Къ числу недостатковъ можно также отнести шаржъ (напр., 9 сцена 1 дѣйствія, иѣкоторыя реилаки Хомы), неправильности языка: «запачкавъ мене медомъ», а главное—отсутствіе жизненности и интереса въ пьесѣ. Вообще пьеса, также дозволенная

драматическою цензурою къ представлению, врядъ ли будетъ имѣть успѣхъ на сценѣ.

В. Д.

Матеріалы для исторіи экономического, юридического и общественного быта Старой Малороссіи, издаваемые подъ ред. Н. П. Василенка. Вып. 1-й Генеральное слѣдствіе о маєтностяхъ Нѣжинскаго полка 1729—1730 г. Стр. XXX+IX+417. Черниловъ, 1901.

«Генеральное слѣдствіе о маєтностяхъ», произведенное въ 1729—30 г. по всѣмъ полкамъ лѣвобережной Украины, помимо чисто фискальныхъ соображеній, имѣло своей цѣлью ограничевіе непомѣрного роста монастырского землевладѣнія, возвращеніе «урядомъ» неправильно разданныхъ въ частное владѣніе земель и вообще упорядоченіе заупущенныхъ земельныхъ отношеній. Лѣтомъ 1729 г. по полкамъ были командированы канцеляристы для собиранія свѣдѣній о временнѣ основаніи каждого села и о его владѣльцахъ, при чёмъ послѣдніе должны были съ своей стороны представить въ полковыя канцеляріи тѣ документы (универсалы, грамоты), на которыхъ опиралось ихъ право владѣнія. Записанныя отъ старожиловъ свѣдѣнія и представленные владѣльцами документы были обработаны въ полковыхъ канцеляріяхъ и составили такъ называемыя книги генерального слѣдствія о маєтностяхъ.

Первый выпускъ «Матеріаловъ для исторіи экономического, юридического и общественного быта Старой Малороссіи», издаваемыхъ при «Земскомъ Сборникѣ Черниговской губерніи» подъ редакціей Н. П. Василенка, содержитъ данные по нѣжинскому полку. Какъ узнаемъ изъ предисловія редактора, книга издана по современной рукописи (копії), находящейся въ Коллекціи Шавла Галагана въ Кіевѣ. По отзыву такихъ компетентныхъ изслѣдователей украинской старины, какъ А. М. Лазаревский и В. А. Макотинъ, свѣдѣнія генерального слѣдствія являются въ высшей степени важнымъ историческимъ материаломъ. Отличаясь точностью и обстоятельностью, при отсутствіи къ тому же другихъ источниковъ, свѣдѣнія эти особенно представляются цѣнными для исторіи землевладѣнія на Украинѣ.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Рускій Архивъ № 11; 2) Русская старина № 11; 3) Историческій Вѣстникъ № 11; 4) Вѣстникъ Всемірн. Исторіи № 10 и 11; 5) Журналъ Министерства Народн. Просв. № 11; 6) Вѣстникъ Европы № 11; 7) Русская Мысль № 11; 8) Миръ Божій № 11; 9) Книжки Восхода № 10; 10) Ученые Записки Императорскаго Казанскаго Университета № 10; 11) Литературно-Научовый Вѣстникъ № 11; 12) Biblioteka Warszawska, № 11; 13) Варшавскія Универс. Изв. № 6.

Русская Старина № 11.

Лернеръ Николай. Нѣсколько новыхъ словъ о пребываніи Гоголя въ Одессѣ въ 1850—51 г.г. (Стр. 323—326).

Со словъ г. Деменитру, бывшаго во времена посѣщенія Гоголемъ Одессы студентомъ Ришельевскаго лицея, авторъ передаетъ нѣсколько небезинтересныхъ подробностей изъ жизни великаго писателя въ Одессѣ.

Михаилъ Васильевичъ Остроградскій подъ надзоромъ полиціи (стр. 341—342).

Приводятся два документа. (Отношеніе гр. Дибича главно-командующему въ Петербургѣ гр. Толстому и отвѣтное письмо послѣдняго), указывающія, что геніальный математикъ находился по какой-то неизвѣстной причинѣ подъ надзоромъ полиціи. Впрочемъ, какъ видно изъ отвѣтнаго письма гр. Толстого, «въ образѣ жизни сего Остроградскаго не замѣчено ничего предосудительнаго» и его только имѣли „секретно на замѣчаніе“ (стр. 342).

Историческій Вѣстникъ, кн. 11, (ноябрь).

Записки Н. И. Мамаева (продолженіе), стр. 428—480.

Авторъ, служившій въ Житомирѣ въ половинѣ прошлаго столѣтія, сообщаетъ въ своихъ мемуарахъ много интересныхъ бытовыхъ подробностей изъ жизни мѣстнаго общества 30-хъ и 40-хъ годовъ.

Вѣстникъ Всемірной Исторіи, № 10 и 11.

Караскевичъ С. Въ былые годы (№ 10, стр. 130—158).

Въ разсказѣ изъ временъ послѣднаго польскаго повстанья авторъ касается между прочимъ отношеній украинской и польской интелиг-

тенції. Впрочемъ отношения эти въ разсказѣ далеко не выяснены и многое представляется читателю непонятнымъ.

Русская Мысль № 11.

Вл. Калашъ «Обрывки прошлого Ш. Крѣпостные театры и балеты XIX в.» (стр. 144—). Здѣсь даются выдержки изъ извѣстныхъ путешествій въ Малороссію кн. Шаликова.

Въ библіографическомъ отданіи помѣщены краткія рецензіи о слѣдующихъ книгахъ: 1) *П. И. Житецкій* «Энеида Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея въ связи съ обзоромъ малорусской литературы XVIII в.» (стр. 350); 2) *Т. Флоринскій* «Малорусскій языкъ и українско-руській литературный сепаратизмъ» (стр. 352); 3) *В. Дѣдовъ*. «Кievskij Vladimirovskij Soborъ и его художественные творцы» (стр. 355).

Літературно-науковий Вістник кн. 11.

Содержаніе:

Наш альбом: поезії Шелудька, Гриневичевої; М. В. (125—132).

З принципа, оновлення Охріма Вєрнака (133—154).

Виріл, оповідання Осипа Шпитка (далі) (155—188).

Візник, з нотаток мисливця. М. Корчинського (189—195).

Перед досьвітом, драма Ст. Вакано (196—234).

Поручник Густель, новелла. Швіцлера (235—251).

Із П. Якубовича: Перед совітом (252).

Зі споминів засланого без суду, Микола Ковалевського (52—68).

Сервітути і розмежовані грунтів на правобережній Україні, Ф. Немоловськаго (далі) (69—87).

Новини нашої літератури: ідеальний батько, оповідання Л. Яновської. В. Л-ка (88—94).

Уваги на сучасні темы. IV. Справа українсько-руського університету у Львові, Вол. Гнатюка V. «Славянскія начала» д. Вергунна, Ів. Франка. II. Національна школа та «сердечное попеченіе», Л. С. К-а, VII. Доступність освіти в Россії, Вол. Дорошенка (95—108).

Микола Ковалевський (з портретом) М. П. (109—110).

Хроніка і бібліографія (14—22).

Ізвѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 5 люблянскаго журнала «Dom in Svet» напечатана статья «Ob Taras—Ševčenkovem grobu. Za Štiridesetletnico pesnicove Smrti—Spisal Baida Kazak». Цитаты изъ стихотвореній Шевченка приведены въ оригиналѣ. Къ статьѣ приложенъ портретъ поэта, видъ могилы, хаты на могилѣ и общій видъ Шевченковой горы.

Въ №-рахъ 11—13 вѣнскаго журнала «X—Strahlen», издаваемаго Сембраторовичемъ, напечатана обстоятельная статья по поводу извѣстнаго запрещенія украинской литературы закономъ 1876 г. Статья озаглавлена «Eine proscribierte Nationalliteratur».

Въ «Южномъ Край» (№№ 7178 и 7194) печатается продолженіе очерковъ проф. Сумцова: „Изъ этнографическихъ экскурсій“. Указанные номера содержатъ описание ярмарки въ Боромлѣ, Харьковской губерніи, и «стариннаго шляха Сагайдака».

Сборникъ въ честь проф. Н. И. Стороженка выйдетъ въ концѣ ноября. Чествование маститаго юбиляра предполагается 2 декабря. (СПБ. Вѣд. № 303).

Однимъ изъ житомирскихъ почитателей Мачтета получено,—по словамъ «Волыни»,—отъ вдовы Мачтетъ право издать отдѣльной книжкой фельетоны, которые покойный писатель печаталъ подъ псевдонимомъ «Черноморъ» въ «Волыни». Доходъ отъ изданія предполагается употребить на какое-либо дѣло имени Мачтета. На-дняхъ фельетоны будутъ отправлены въ цензуру, а въ свѣтъ появятся, вѣроятно, не позже Рождества. (Б. В. 300).

Въ «Одесскомъ Листкѣ» (№ 283) помѣщена замѣтка по поводу извѣстной пьесы г. Каршенка-Караго «Хазаинъ». Усматривая въ этой комедіи «новую струю малороссійской литературы», газета даетъ о ней слѣдующій отзывъ: „Автору удалось создать нечто оригинальное и коснуться новыхъ сферъ бытового уклада деревни, затронуть соціально-экономическія отношенія народной жизни“.

Въ № 284 вечернаго изданія «Одесскаго Листка» помѣщены портреты украинскихъ артистовъ г. г. Кропивницкаго, Заньковецкой, Садовскаго и Саксаганскаго. Та-же газета въ цѣломъ рядъ театральныхъ рецензий отмѣчаетъ прекрасную игру, образцовый ансамбль и художественный репертуаръ гостящей въ настоящее время въ Одесѣ труппы М. Л. Кропивницкаго.

Въ фельетонѣ «Полтавск. Губ. Вѣд. № 237 описывается поѣздка участниковъ Полтавскаго Кустарного съѣзда въ Миргородъ. Грустное впечатлѣніе произвели издѣлія художественно-промышленнаго Училища Н. В. Гоголя. Въ статьѣ говорится: среди издѣлій нѣть ни одного, которое хоть напоминало бы тѣ рисунки, которыми восторгался директоръ школы, а за нимъ и всѣ мы. Все здѣсь находящееся, отъ изразцовъ для печей, горшковъ и кончая гигантомъ иконостасомъ, на сколько не оригинально, не особенно изящно, а главное не особенно дешево; во всѣхъ издѣліяхъ сквозятъ одни и тѣ же тоны и формы; разница между рисунками и издѣліями учениковъ невообразимо громадна, ужъ не говоря о томъ, что съ национальномъ характерѣ стиля нѣть и помину.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Адріян. — Аграрний процес у Добростанах (Наукова бібліотека, ч. 9). Вид. укр.-руської Вид. Спілки. У Львові, 1901. Стр. 82. Ціна 1 коп.

Алферовъ. — Особенности творчества Гоголя и значение его поэзіи для русскаго самосознанія. Москва, 1901. Цѣна 30 коп.

Барвінський В. — Досліди з поля статистики (Літ.-Наукова Бібліотека, ч. 17). Накладомъ укр.-руської Видавничої Спілки. У Львові, 1901. Стр. 56. Ціна 20 сот.

Барвінський Ол. — Огляд історії укр.-руської літератури до кінця XVIII ст. У Львові, 1901. Стр. 68. Ціна 40 сот.

Вергунъ Д. Н. — Червоно-руssкіе отзовки. Издание «Литературнаго кружка» при галицко-русскомъ студенческомъ обществѣ «Другъ». Львовъ, 1901.

Волькенбергъ В.—Новыи побожныи пѣсни Отпустныи до Пресвятой Дѣвы Маріи. Переяшль, 1901. Стр. 32. Ціна 24 коп.

Галль Янъ.—12 українських писень для мишаного хору, з проводом фортепіана. Київ, 1901. Ціна 60 коп.

Грушевський М.—Ясновельможный сватъ. Оповидання. Харьковъ, 1901. Стр. 32. Ціна 3 к.

Гузар Е.—Практичний проповідник для катехітів. Ч. I. У Львові, 1901. Стр. 76. Ціна 1 кор.

Добросокъ. Хамъ, оповидання. Харьковъ, 1901. Сгр. 32. Ціна 3 коп.

Довнаръ-Запольскій М.—Государственное хозяйство великаго княжества Литовскаго при Ягеллонахъ. Т. I. Киевъ, 1901. Цѣна 4 руб.

Зайберт А.—Стінна мана Австро-Угорщини, переложена на руську мову О. Шоповичем.

Записки Наукового Товариства імені Шевченка, т. XLIV. Зміст:
1) Паніцьке чудо, в Корсуні—Ів. Франка; 2) Знадоби для пізнання угорсько-руських говорів,—Ів. Верхратського; 3) Miscellanea: а) Лист Степана Баторія до Калги 3 р. 1577, подав М. Грушевський; б) Чуб і чуприна, замітка для істориків, малаїрів і акторів (з рисунком), подав 3; в) Микола Савич, біогр. замітка Ол. Маркевича; 4) Наукова хроніка: Проби біографій и оцінки діяльності П. Кулиша,—Ів. Стешенка. 5) Бібліографія. У Львові, 1901. Стр. 14+113+224+9+28+51. Ціна 3 кор.

Катаевъ И.—Богданъ Хмельницкій, гетманъ Малороссіи, Москва, 1901. Стр. 96. Цѣна 15 коп.

Квітка-Основ'яненко.—Перекотыполе. Оповидання. Харьковъ, 1901. Сгр. 48. Ціна 4 коп.

Комаръ М.—Оповидання про Богдана Хмельницького, якъ вyzволивъ винъ Україну видъ неволи польською. Вид. «Благотворит. Общества», № 12. СПБ., 1901. Стр. 80. Ціна 8 коп. на вращому папери—15 коп.

Кониській Ол.—Тарас Шевченко-Грушевській, хроніка його життя. Томъ П. Збірник фільєльогачної секції Наук. Товариства ім. Шевченка, т. IV. У Львові, 1901. Стр. VIII+398+26. Ціна 4 кор.

Копач. Ів.—Будучність гімназій (уваги пр. Паульзена). Відбитка з «Л.-Н. Вістника». У Львові, 1901. Стр. 50. Ціна 1 кор.

Короленко В.—Ліс шумить. (Поліська легенда). Переклав Маслов—стозів (Літ.-Наукова Бібліотека, ч. 18) Накладом укр.-руської Видавничої Спілки. у Львові, 1901. Стр. 40. Ціна 20 сот.

Кравчинський С. М (*С. Степняк*).—Підземна Росія. Переклав з росийської мови Е. Косевич. (Наукова Бібліотека, ч. 8. Накладом укр.-руської Видавничої Спілки. Львів, 1901. Стр. XVI+248. Ціна 3 корони.

Кримський А.—Пальмове гилля. Екзотичні поезії (1898—1901). Белетристична Бібліотека, ч. 40). Виданне укр.-руської Видавничої спілки. У Львові, 1901. Стр. VIII+152. Ціна 2 корови.

Левицький Ів. Ем.—Прикарпатська Русь въ XIX вѣкѣ въ біографіяхъ и портретахъ си дѣятелей, съ увзглядненiemъ замѣчательныхъ людей, которыхъ 1772 р. заставъ при жизни. Томъ I, выш. 4. Львовъ, 1901. Стр. 169—214.

Левицький Ів. Ем.—Александеръ Бореѣнський въ исторії культурного движенія русского народа на Прикарпатію. Біографично-историчный очеркъ (Перепечатка зъ «Прикарпатской Руси») Львовъ, 1901. Стр. 52. Ціна 1 кор.

Лопатинський Л.—Перед і за кулісами та друга оповідання. У Львові, 1901. Стр. 122. Ціна 1 кор.

Лопатинський Л.—Перлы, шутки та выгадки. У Львові, 1901. Стр. 100. Ціна 1 кор.

Любавський М.—Литовский канцлеръ Левъ Санѣга о событияхъ смутного времени. Москва, 1901. Ц. 30 коп.

Ляскоронський В. Г. Гильомъ Левассеръ-де-Бопланъ и его историко-географические труды относительно Южной Россіи. I. Описаніе Украины. II. Карти Украины. Кіевъ, 1901. Цѣна 4 руб.

О Юзвилею. Листъ пастырскій Высокопреосвящ. Авдрея Шептицкаго. Жовква, 1901. Стр. 36. Ціна 15 сот.

Перетиць В. Н.—Замѣтки и материалы для исторіи пѣсни въ Россіи. I—VIII. Спб., 1901. Ц. 75 коп.

Прозора Ом.—Мудрый монах і царь Микола II. історична цдема. Посвящається Петру Кропоткіну, Вілл. 1. 1901. Ціна 15 центів (американських).

Ратунокъ для нашого селянства. Коломыл, 1901. Стор. 30.

Рахунки для шкіл народних. Части I, II, III, IV. У Львові, 1901.

Русско-народни колыбельни пъсни. Собравъ язъ усть женщинъ М. Бѣлоусъ. Коломыл, 1901. Стор. 48.

Спис слів до вправ латинських. Штайнера-Шайндлера для першої класи. Перевів Р. Цеглинський. Львів, 1901. Стор. 112.

Сроковський К.—Ошовидання (белетристична бібліотека, ч. 39). Вид. укр.-руської Вид. Спілки. У Львові, 1901. Стор. 102. Ціна 1 кор. 40 сот.

Старыцький М. І.—Якъ ковбаса та чарка, то мынеться ї сварка. Комедія въ 1 дії. Зъ старою подією. Київъ, 1902. Ціна 30 к.

Студинський Кирило.—Котляренський і Артемовський. Відповідь д. Ів. Стешенкови, Львів, 1901. Стор. 53. Ціна 40 сот.

Трызна Яцковський М.—Вирши и переклады. Ровно, 1901. Стор. 34.

Франко Іо.—Паницьке чудо в Корсуні. Причинок до історії староруської легенди. Відбитка з XLIV т. «Запасок». У Львові, 1900. Стор. 14. Ціва 15 сот.

Франко Іо.—Сім казок (белетристична бібліотека, ч. 36). Накладом укр.-руської. Вид. Спілки. Стор. 92. Ціна 1 кор. 40 сот.

Хроніка українсько-русського Наукового Товариства імені Шевченка у Львові. Вип. ІІ, ч. 7 у Львові, 1901. Стор. 17. Ціна 30 сот.

Чаговець В. А.—Преподобный Феодосій Печерський, его жизнь и сочинения. Историко-литературный очеркъ. Київъ, 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Шевченко Тарас. Повісти. Томъ I-й (Наймичка, Безічасний, Варнакъ), стор. 232. Томъ II (Каштанша, Музыка, Княгиня), Стор. 241. У Київи, 1901. Ціна кожного тому 35 кош., на країному папері 75 кош. Зъ портретами автора.

Шекспир Уіліям.—Ромено та Джулієта. Переклад Куліша з Передмовою та поясненіями Франка (Белетристична бібліотека, ч. 38). Вид. укр.-руської Вид. Спілки. У Львові, 1901. Стор. XVI+132. Ціна 1 кор., 80 сот.

Шентицкий А.—Поиснене обрядовъ при посвященю церкви. Жовква, 1901. Стор. 42. Ціна 18 сот.

Штайнер і Шайндер. Вправи латинські для першої класи. Перевів Р. Цеглянський. У Львові, 1901. Стор. 72. Ціна 1 к. 50 сот.

Шурат В.—Зарваниця. Переямышль, 1902. Стор. 16. Ціна 20 с.

Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съезду въ Харьковѣ.

Дѣятельность Комиссіи при Полтавскомъ губернск. статист. комитетѣ по подготовительнымъ работамъ къ XII-му археолог. съезду. Нельзя сказать, чтобы дѣятельность Комиссіи за истекающій годъ носила характеръ энергичной и богатой результатами работы. Причины этого явленія: относительная новизна дѣла, малое число лицъ, обладающихъ и подготовкой и досугомъ, незначительность средствъ и, наконецъ, некоторые тормазы со стороны исполнительного органа комиссіи. Однако, не смотря на эти неблагопріятныя обстоятельства, Комиссія успѣла кое-что сдѣлать и, такимъ образомъ, начало для систематического изученія прошлого Полтавщины положено.

Сообразно двумъ основнымъ задачамъ предстоящаго съезда—изученія различныхъ областей въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ—и работа Комиссіи велась въ этихъ двухъ направленихъ,

Что касается первого, то здѣсь можно отмѣтить слѣдующее.

Еще раньше, статистическимъ Бюро губ. земства было собрано путемъ опросныхъ листовъ довольно значительное количество свѣдѣній, касающихся различныхъ памятниковъ старины губерніи. Свѣдѣнія эти въ настоящее время систематизируются членами Комиссіи и составлять довольно значительный материалъ для археологической карты.

Путемъ развѣдокъ на мѣстѣ, Комиссія собрала описанія и фотографіи цѣлаго ряда круглыхъ городищъ по нагорнымъ берегамъ р. Ворсклы и Псла, а также нѣкоторыхъ укрѣпленій другого рода.

Историческія древности также обратили на себя вниманіе Комиссіи: о нихъ собирались свѣдѣнія у частныхъ лицъ, владѣюющихъ коллекціями или отдѣльными предметами, регистрировались и памятники церковной старины, находящіеся въ различныхъ пунктахъ губерніи. Изъ наиболѣе интересныхъ церквей въ этомъ отношеніи можно указать: Николаевскую въ с. Великихъ Будищахъ, Зѣньков. у., где есть старинный колоколъ и икона, „поновленная до 1705 года“; Гадачскій соборъ со стариною скрытою орѣхового дерева съ перламутровыми, костяными и деревянными инкрустациими; Сенчанскую старую церковь съ иконою, на которой художникъ (начала 18 в.) изобразилъ фигуры въ костюмахъ того времени, Біевецкую (Лубенскаго у.), съ иконостасомъ изъ Красногорскаго монастыря; Бобрикскую съ книгами 17 в. изъ Бистрицкаго монастыря; Леприкскую, где хранятся льняные тканые подrizники съ прекрасными узорами (Гадачскаго у.) и т. д. Что касается церковной старины г. Полтавы, то все, болѣе выдающееся, описано и сфотографировано О. И. Левицкимъ и пами во время командировокъ отъ Комиссіи при Обществѣ Нестора Лѣтописца для описанія памятниковъ украинской старины.

Этнографическія изслѣдованія губерніи составляли, собственно, главную цѣль дѣятельности Комиссіи. Нужно замѣтить, что для Полтавской губерніи почва въ этомъ отношеніи была уже подготовлена довольно многочисленными работами статистического Бюро земства, касавшимися главнымъ образомъ экономического положенія населенія. Съ этнографическими цѣлями Комиссіей была организована экскурсія, хотя и носившая развѣдочный характеръ, но результатомъ которой явилось много цѣнного фактическаго матеріала. Совершилъ экскурсію М. А. Русовъ, которому было поручено, какъ одна изъ главныхъ цѣлей экскурсіи, собирание свѣдѣній о дѣтскихъ играхъ и забавахъ. Задачу эту можно считать выполненной вполнѣ удовлетворительно: записано около 130 дѣтскихъ игръ, забавъ, развлечений

и занятій—въ большинствѣ случаевъ непосредственно отъ самихъ дѣтей въ у.у. Зѣньковскомъ, Гадячскомъ, Лубенскомъ, Лохвицкомъ и Миргородскомъ. Большая часть изъ нихъ первый разъ отмѣчена и записана, многія изъ нихъ крайне сложны и интересны и представляютъ прекрасный и новый материалъ для изученія жизни дѣтей и для сравнительной этнографіи. Наиболѣе за-служиваютъ вниманія игры пастуховъ и пастушковъ, которыя у нихъ имѣютъ мѣсто во время пастьбы скота. Кроме того, интересны дѣтскія поговорки, системы и способы счета во время игръ и дѣтскія хороводныя пѣсни.

Попутно, при изученіи игръ, завязывались самыя дружескія отношенія съ играющими и благодаря этому являлась возможность записать и весеннія игры и зимнія развлеченья, а также понемногу собирать коллекцію игрушекъ и описывать тѣ изъ послѣднихъ, которыхъ нельзя было достать на мѣстѣ. Многіе изъ живущихъ постоянно въ селахъ любезно согласились собрать коллекціи игрушекъ и дѣтскихъ издѣлій и доставить въ комиссию или въ Полтавскій музей. Пока можно сказать, что, сверхъ ожиданія, игрушки оказались очень разнообразными и остроумными. Большая часть игрушекъ дѣлается самими дѣтьми, меньшая—взрослыми, покупная же почти отсутствуетъ. Матерьяломъ служитъ дерево (верба, осина, береза), камышъ, трава, огурцы, дыни, кавуны, соцвѣтія подсолнуховъ, картошка, обломки желѣза и глина. Дѣвочки дѣлаютъ себѣ куклы—«ляльки» изъ тряпочекъ, рисуютъ углемъ глаза, носъ и ротъ и украшаютъ ихъ ожерельями изъ травъ и дикихъ ягодъ. Музыкальные инструменты оказались тоже очень интересными и разнообразными и вполнѣ оправдали распространенное мнѣніе о музыкальности украинскаго народа.

Очень важную роль при изслѣдованіи игралъ стереоскопической фотографической аппаратъ, при помощи которого фотографировались виды поселеній, дворовъ, отдельныя постройки, зданія, хаты и внутренняя обстановка жилыхъ помѣщений. Что касается до типа построекъ сельского населенія, то поскольку можно судить теперь, послѣ обслѣдованія центральныхъ уѣздовъ и восточныхъ Гадячскаго и Зѣньковскаго,—отмѣтилось довольно ярко два типа поселеній и построекъ. Первый типъ, наиболѣе

старинный, характеризуется более глубокимъ расположениемъ хаты во дворѣ, центростремительнымъ и скученнымъ планомъ дворовыхъ построекъ и изобиліемъ загородокъ и плетней—этотъ типъ наиболѣе часто встрѣчается въ сѣверной части Зѣньковскаго у., лѣсной Лубенщины и Лохвицкому уѣздѣ. Второй—съ болѣе центробѣжнымъ расположениемъ построекъ, болѣе открыто на улицу хатою съ колонками (піддашками) преобладаетъ въ стенныхъ и южныхъ уѣздахъ. Кроме этихъ типовъ, въ различныхъ мѣстахъ есть видоизмѣненія и отклоненія, которыхъ будуть указаны своевременно. Расположеніе поселеній, общій планъ ихъ—тоже имѣтъ свои различія; наиболѣе старинный типъ кругового поселенія и безпорядочный—характерно выступаетъ во многихъ лѣсныхъ частяхъ Зѣньковскаго, Лубенскаго и Гадячскаго уѣздовъ, и типъ линейного распространенія слободъ—въ стенныхъ частяхъ уѣздовъ и по селеніямъ большихъ дорогъ и шляховъ. Много вліяетъ въ этомъ направленіи расположеніе сель по балкамъ, долинамъ и берегамъ рѣкъ—здесь направление главной улицы опредѣлено линіей балки или долины. Что касается внутренней обстановки жилищъ, то можно констатировать удивительную устойчивость типа по всѣмъ упомянутымъ уѣзамъ и только новыя хаты съ грубою вмѣсто печи не имѣютъ обычнаго вида. Фотографические снимки, сдѣланнныя въ разныхъ пунктахъ, дадутъ возможность наглядно уяснить эту разницу, на которую здѣсь кратко указывается; эта разница въ материальной культурѣ и внѣшней обстановкѣ показываетъ эволюцію ея въ связи съ волнами колонизаціи Полтавщины и постепенного удаленія отъ метрополії (Кievской губ. и юга Черниговской).

Межу прочимъ, фотографировались и мѣстные костюмы: праздничный и будничный, женскій и мужскій.

Одну изъ задачъ Комиссіи по этнографії составляетъ этнографическій альбомъ Полтавской губерніи. Матеріала для альбома уже и теперь набралось достаточно. Прежде всего, хорошій подборъ фотографій имѣется въ Естественно-историческомъ музѣѣ губернскаго земства, затѣмъ, серія фотографій получена благодаря вышеупомянутой экскурсіи М. А. Русова; наконецъ, для той-же цѣли Комиссія обратилась съ возваніемъ къ фотографамъ-любителямъ и уже послѣдовали отклики.

До съѣзда осталось уже сравнительно немного времени. Пожелаемъ-же Комиссіи какъ продолжать начатыя изслѣдованія, такъ и успешно ихъ закончить, чтобы на съѣздѣ Полтавская губернія не осталась позади другихъ.¹⁾

Ученые общества.

27 октября, подъ предсѣдательствомъ проф. С. Ф. Платонова, состоялось засѣданіе членовъ отдѣленія археологіи русской и славянской *Императорскаго русскаго археологическаго общества*. Предметами занятій служили доклады: графа А. А. Бобринскаго—«Кievskія миніатюры XI вѣка и портретъ князя Ярополка Изяславича по псалтыри Егберта, архіепископа Трирскаго» и А. Л. Погодина—«Происхожденіе русскаго слова глазъ». Темою доклада графа А. А. Бобринскаго послужили рукописи, недавно лишь изданныя за границей подъ названіемъ «Кодекса Гертруды», королевы венгерской. Открыты рукописи въ музеѣ небольшого городка Италіи—Чивидала, близъ Триеста. Почеркъ—конца X и начала XI столѣтія. На одной изъ миніатюръ подпись славянская «Ярополкъ». По изслѣдованіи рукописей, онѣ признаны принадлежащими Гертрудѣ, бывшей замужемъ за русскимъ княземъ, сыномъ Ярослава, Изяславомъ. За сына своего Ярополка, называемаго ею Петромъ, она, какъ показываютъ рукописи, часто молилась. Имя Петръ приписывается Ярополку, какъ строителю храма св. Петра и Павла. Миніатюръ, имѣющихъ отношеніе къ русской исторіи,—5; высказана желательность изданія ихъ въ краскахъ. Рѣферентъ, на основаніи данныхъ рукописи, пришелъ къ важному историческому заключенію, что Ярополкъ былъ старшимъ сыномъ Изяслава, что Гертруда разошлась съ мужемъ и что остальные известные въ лѣтописяхъ сыновья Изяслава—отъ другой жены. Лѣтопись же называетъ Ярополка младшимъ изъ сыновей. Стар-

¹⁾ Нѣкоторыя свѣдѣнія для настоящей замѣтки заимствованы изъ «Полтавскихъ Губ. Вѣдомостей».

шинство Ярополка и объясняетъ его стремлениe съѣсть на княжескій столъ и борьбу съ братьями. („Спб. Вѣд.“).

Въ Екатеринодарѣ, 27 сентября, въ присутствія гр. П. С. Уваровой, состоялось засѣданіе мѣстнаго подготовительного комитета по участію Кубанской области въ предстоящемъ археологическомъ съѣздѣ. Причина созыва этого комитета, состоящаго изъ членовъ Общества любителей изученія Кубанской области, членовъ Кубанского областнаго статистическаго комитета и нѣсколькихъ сторонніхъ лицъ, объясняется желаніемъ прибывшей въ Екатеринодаръ предсѣдательницы Имп. Московскаго археологическаго общества гр. Уваровой на мѣстѣ ознакомиться какъ съ тѣмъ, что уже сдѣлано членами комитета для предстоящаго съѣзда, такъ равно и съ тѣми предметами для выставки, которые уже имѣются въ распоряженіи или въ виду у комитета. Засѣданіе открылось сообщеніемъ предсѣдателя В. М. Сысоева о томъ, кѣмъ изъ лицъ обѣщано что-либо подготовить для съѣзда и что именно сдѣлано. Послѣ этого сообщенія гр. Уварова замѣтила, что изъ осмотрѣнныхъ уже ею въ Екатеринодарѣ предметовъ старины лишь очень немногое можетъ представить интересъ для съѣзда, такъ какъ всѣ остальные предметы достаточно известны и потому не представляютъ интереса для специалистовъ. Всльдѣ затѣмъ присутствующіе обмѣнялись сообщеніями о томъ, гдѣ бы на Кубани можно было еще найти интересныя древности. Такъ, сообщено было, между прочимъ, о томъ, что у потомковъ Антона Головатаго имѣются интересныя вещи изъ запорожской старины, доставшіяся имъ отъ предка; сообщено было также о томъ, что въ нѣкоторыхъ церквяхъ Черноморія, напр., въ станицахъ Анапской и Благовѣщенской, имѣются относящіяся ко времени Запорожья предметы, доставшіяся имъ послѣ разрушенія старого екатеринодарскаго воинскаго собора (иконы, части иконостаса и т. п.).

П. П. Короленко заявилъ о томъ, что у наслѣдниковъ генерала И. Д. Попко сохраняются интересные предметы запорожской старины („Куб. Вѣд.“).

27 октября состоялось годичное собрание *Общества Нестора Літописца*, на которомъ былъ прочтень отчетъ о составѣ и дѣятельности Общества за послѣдній годъ (29-ый существованія Общества). Всѣхъ членовъ состояло 145, въ томъ числѣ 21 почетныхъ; засѣданій было 14, на нихъ доложено 28 рефератовъ по литературѣ, исторіи и археологіи; предсѣдательствовалъ въ Обществѣ Н. П. Дацкевичъ, товарищемъ предсѣдателя состоялъ А. М. Лазаревскій.

22 ноября, въ засѣданіи *Комиссії по описанію и изданію памятниковъ украинской старины*, было постановлено приступить къ систематизаціи и разборкѣ иоступившаго матеріала для предполагаемаго изданія. Затѣмъ, были доложены краткія свѣдѣнія объ экскурсіяхъ этого года: В. И. Щербины, И. М. Каманина и Н. Ф. Бѣляшевскаго, причемъ постановлено сдѣлать нѣкоторыя дополнительныя съемки памятниковъ церковной старины. Н. Ф. Бѣляшевскій сообщилъ о работахъ С. П. Яремича и Е. М. Кузьмина, изъ которыхъ первымъ изготовленъ альбомъ рисунковъ надглавныхъ желѣзныхъ крестовъ XVII—XVIII в.в. кievскихъ церквей, а вторымъ—подготавливается альбомъ фотографій съ памятниковъ старины. Конецъ засѣданія былъ посвященъ разбору поступившихъ отъ разныхъ лицъ сообщеній, касающихся мѣстныхъ древностей и остатковъ старины.

Ізслѣдованія и раскопки.

Раскопки В. Е. Гезе въ Каневскомъ уезде, Киевской губ. Въ настоящемъ году, отъ конца апрѣля до первыхъ чиселъ ноября, В. Е. Гезе производились раскопки въ с. Сахновкѣ и Набутовѣ, Каневскаго уѣзда.

Въ послѣднемъ раскапывалось славянское городище съ некрополемъ, давшимъ довольно много археологического матеріала въ видѣ хорошей сохранности череповъ, многіе изъ которыхъ добыты изъ земли вмѣстѣ съ приставшими къ нимъ украшеніями, позволяющими опредѣлить съ точностью ихъ на-

значеніе и самое расположение, а также значительного количества предметовъ обихода и въ особенности туалета. Къ послѣднимъ, главнымъ образомъ, относятся по-истинѣ великолѣпныя ожерелья изъ крупныхъ янтарныхъ, каменныхъ и топазовыхъ бусъ. Независимо отъ высокаго достоинства послѣднихъ въ смыслѣ выдѣлки, величины и сохранности, научная цѣнность ихъ, какъ и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, значительно возрастаетъ благодаря тому обстоятельству, что г. Гезе примѣнилъ къ своимъ находкамъ весьма удачный пріемъ, введенный въ археологическую практику Н. Е. Бранденбургомъ,—именно, добываніе предметовъ изъ земли нетронутыми, путемъ вырыванія окружающей ихъ части почвы, въ которой положеніе предмета или отдѣльныхъ частей находки сохраняется въ неприкосновенности. Примѣненіе этого пріема, вообще крайне желательное во всѣхъ случаяхъ, когда къ тому представляется возможность, позволяетъ, напр., въ данномъ случаѣ видѣть порядокъ, въ какомъ были расположены разнородныя бусы ожерелья, а на черепахъ—порядокъ размѣщенія мелкихъ украшений и самыхъ матерій отъ повязокъ. Значительное количество погребеній и то обстоятельство, что городище осталось болѣе или менѣе нетронутымъ, придаютъ этой раскопкѣ большой интересъ.

Въ с. Сахновкѣ первоначально была подвергнута изслѣдованию извѣстная „Дѣвичь-гора“. Къ сожалѣнію, хищническія раскопки мѣстныхъ кладоискателей до такой степени изуродовали эту гору, что сдѣланныя на нее немалыя затраты труда и средствъ остались безуспѣшными; отыскано было вѣсколько остатковъ жилищъ—землянокъ великокняжескаго періода съ весьма бѣднымъ инвентаремъ, заключавшимся въ кое-какихъ предметахъ обихода и украшеніяхъ, да въ самой насыпи нѣсколько десятковъ желѣзныхъ предметовъ и различныхъ бусъ—и только. Почти подъ конецъ, впрочемъ, удалось найти часть вызодоченной бляшки съ изображеніемъ фигуры святого и въ одномъ изъ жилищъ—верхнюю часть небольшого мѣднаго колокола съ характернымъ петлеобразнымъ ухомъ, представляющаго полную аналогию съ колоколомъ Десятинной церкви. Жилища

были расположены по склонамъ горы, почти по срединѣ ея, и, обыкновенно, имѣли видъ круглой глиняной площадки, надъ которой возвышался глиняный очагъ, въ одномъ случаѣ найденный почти цѣльнымъ; иногда вглубь площадки (пола) была прорыта яма около $1-1\frac{1}{2}$ м. глубиной, служившая, м. б., кладовой для запасовъ и хозяйственныхъ предметовъ, такъ какъ на днѣ одной изъ нихъ найденъ большой желѣзный топоръ, а въ двухъ другихъ—цѣлые маленькие клады изъ серебряныхъ и бронзовыхъ колецъ, серегъ и др. украшений, большою частью сильно поврежденныхъ. По части керамики найдено нѣсколько сосудовъ великонижеской эпохи, но цѣльные попадались рѣдко. Изъ медныхъ предметовъ слѣдуетъ упомянуть еще о двухъ сосудахъ (котлахъ), одинъ изъ которыхъ отличается довольно большими размѣрами; сосуды эти, повидимому, составляли необходимую принадлежность хозяйства, такъ какъ въ большей части землянокъ находились если не куски, то дужки отъ подобныхъ котловъ.

Въ началѣ юля, параллельно съ раскопками на „Дѣвичь-горѣ“, г. Гезе предпринялъ раскопки группы кургановъ, находящейся въ уроцищѣ «Бабица», въ 3—4 верстахъ отъ с. Сахновки. Уроцище это находится на возвышенности, спускающейся довольно крутымъ склономъ къ берегу р. Роси и продолжающейся почти до половины пути въ м. Корсунѣ; указанная местность на всемъ своемъ протяженіи усыана курганами, представляющими почти неисчерпаемый археологический материалъ. Въ уроцищѣ «Бабица» расположено всего 11 кургановъ, два изъ которыхъ раскопаны были уже раньше тѣми-же хищниками изъ местныхъ крестьянъ, нашедшими въ нихъ бронзовые и желѣзные предметы скифского периода; остальные 9 раскопаны нынѣшнимъ лѣтомъ. Всѣ вообще курганы были невелики и невысоки, благодаря ежегодному распахиванию; высота самого большого не превышала $2\frac{1}{2}$ м., а окружность 20—25 м. Форма ихъ, на сколько можно было судить по болѣе уцѣлѣвшимъ, куполообразная. На основаніи рассказовъ о предметахъ, найденныхъ въ раскопанныхъ грабителями курганахъ, всѣ они но-

сили ясно выраженный скифский характеръ. Изслѣдовавія, къ которымъ было приступлено, подтвердили это, заставивъ отнести раскопанные курганы къ т. н. позднѣйшей скифской эпохѣ, на которую указывалъ общий характеръ найденныхъ предметовъ (трехгранныя бронзовая стрѣлки, желѣзные ножи скифского типа съ костяными ручками, бронзовая зеркала, остатки желѣзныхъ чешуекъ отъ панциря, фрагменты большихъ амфоръ красной глины и сосуды съ гладкой поверхностью изъ сѣро-зеленоватой, черной и свѣтло-красной глины). Преобладающимъ типомъ погребеній было погребеніе въ землѣ, причемъ, однако-же, скелеты оказывались почти всегда въ беспорядкѣ, что указывало на ограбленіе, по большей части еще въ древности. Покойники лежали на деревянной подстилкѣ или обкладывались по двѣ стороны досками, какъ это имѣло мѣсто въ двухъ случаяхъ. Могильные ямы находились подъ уровнемъ земли, въ материкѣ, и за однимъ исключеніемъ, не отличались большой глубиной (въ среднемъ она равнялась $1\frac{1}{2}$ —2 м.); состояли они изъ твердыхъ стѣнокъ, выкопанныхъ въ лессѣ.

Исключеніе представляли два склепа, или, точнѣе, навѣса, соединенные съ сожженіемъ. Одно изъ такихъ погребеній, найденное въ маленькомъ, едва возвышающемся надъ уровнемъ земли курганѣ, представляло слѣдующую картину: по снятіи верхняго слоя земли обнаружились два пятна, раздѣленныхъ между собою разстояніемъ въ 1 м. 20 стм. Въ одной изъ ямъ найдены истлѣвшіе остатки толстыхъ брусьевъ, поддерживавшихъ навѣсъ, который шелъ наклонно отъ N къ S, какъ это можно было видѣть по уцѣлѣвшимъ въ разрѣзѣ слѣдамъ бревенъ; на разстояніи $1\frac{1}{2}$ м. отъ нихъ лежала куча угля. На днѣ другой ямы оказались слѣды деревянной подстилки изъ бревенъ или досокъ, идущихъ параллельно по обѣ стороны; между ними, на желтой глини, лежала довольно большая куча пережженныхъ до состоянія кальцинаціи костей, повидимому, отъ цѣлаго скелета, а далѣе, на томъ-же уровнѣ, стояла на подставкѣ круглая мисочка красной глины съ загнутыми внутрь краями. Въ наполнившей яму земль найдены, кромѣ того, фрагменты большой красной амфоры.

Обстановка второго сожжения дала возможность составить болѣе ясное представлѣніе о способѣ постройки навѣса и общемъ расположеніи могилы въ другомъ большомъ и наиболѣе сохранившемся курганѣ.

Большая, $3\frac{1}{2}$ м. въ длину. 3 м. въ ширину и около $4\frac{1}{2}$ м. въ глубину (отъ уровня земли), яма была обставлена со всѣхъ четырехъ сторонъ громадными дубовыми столбами, врытыми въ глубокія ямки; на этихъ столбахъ покоился наклонный навѣсъ, болѣе высокая сторона втораго (2 м. 25 стм.) находилась съ юга и крышка втораго почти вездѣ сохранилась. Непосредственно подъ ней лежалъ толстый слой до красна выжженной глины, подъ которымъ находился громадный слой крупнаго угля, мѣстами доходившій въ толщину до 1 м. 20 стм. Вся яма была наполнена углемъ, пепломъ и кусками отвердѣвшей отъ огня глины. На днѣ ея, по расчисткѣ земли, найдено нѣсколько обугленныхъ костей въ крайнѣ фрагментарномъ состояніи и желѣзное кольцо отъ сбруи. Но за то въ противоположной, восточной сторонѣ ямы оказалась находка, превзошедшая самыя смѣлые ожиданія.

Въ мелкой, порошкообразной глине, окружавшей и наполнившей одну изъ ямокъ, найдена свернутая врозь концами шейная гривна изъ толстой золотой проволоки, а вслѣдъ за ней— широкая золотая діадема, также м. б. вслѣдствіе жара свернутая въ трубку и вся покрытая рельефными штампованными изображеніями человѣческихъ фігуръ.

Діадема, сдѣланная изъ тонкой золотой бляхи самой высокой пробы, имѣть въ длину 36 стм. и въ ширину около 10-ти. На ней изображено 10 фігуръ. На первомъ планѣ сидитъ въ широкомъ креслѣ женщина въ повязкѣ, изъ-подъ которой падаютъ складки вуала; въ одной рукѣ она держитъ со судъ въ видѣ кувшинчика, изъ котораго, повидимому, собирается наливать въ рогъ, находящійся въ лѣвой рукѣ колѣнопреклоненнаго передъ нею мужчины, типичнаго скифа, съ усами и бородой, въ широкомъ плащѣ. Въ правой рукѣ у него что-то въ родѣ меча, упирающагося концомъ въ землю (рельефъ не вполнѣ

ясенъ), а сбоку колчанъ или налучье съ виднѣющимся изъ него лукомъ. За нимъ, почти касаясь его плеча своимъ инструментомъ, также стоитъ на колѣнахъ человѣкъ, играющій на чѣмъ то въ родѣ арфы. Далѣе, направо — двѣ женскія фигуры разливаютъ вино; одна въ высоко поднятой лѣвой рукѣ держитъ кувшинчикъ, а въ правой рогъ, въ который другая наливаетъ вино изъ желобчатой амфоры съ узкимъ дномъ и двумя ручками; между ними стоитъ широкій, низкій сосудъ въ видѣ ходильника, откуда выглядываютъ горлышки еще трехъ сосудовъ. Налѣво—мальчикъ, стоящій за кресломъ главной женской фигуры; онъ держитъ, вѣроятно, опахало, которое однако-же неясно, благодаря находящимся на этой высотѣ двумъ рядамъ мелкихъ отверстій для пришиванія, идущимъ вокругъ трехъ сторонъ дідемы; что эта фигура—фигура мальчика, должно судить по тому, что онъ одинъ изъображенъ стоящимъ, тогда какъ всѣ остальные представлены сидящими или колѣнопреклоненными. За мальчикомъ два скифа, обнявшись, пьютъ изъ одного рога; лица первого нельзя разобрать, такъ какъ бляха въ этомъ мѣстѣ измалась, но ясно видна верхняя часть его туловища съ согнутой, принимающей рогъ рукой и висящій сбоку колчанъ. Второй видѣнъ прекрасно. Наконецъ, послѣдняя группа—жрецъ съ мечомъ въ рукѣ готовится поразить барана, которого ведетъ или держитъ колѣнопреклонный-же при信赖никъ.

Чтобъ именно изображаетъ данная сцена, трудно сказать: пиръ-ли это по случаю возвращенія побѣдителей, свадебное-ли торжество или совершеніе какого-либо другого обряда, все это можно предположить только гипотетически. Работа фигуръ грубая, изображающая руку мѣстного мастера-варвара, подражавшаго, конечно, греческимъ образцамъ; но именно это обстоятельство придаетъ находкѣ наибольшую силу и значеніе, такъ-какъ она представляетъ единственный образецъ подобнаго характера;—фигуры скифовъ Куль-Обской и Никопольской вазъ по своей художественной работе, будучи чисто-греческими произведеніями, не имѣютъ съ ней ничего общаго. Самая компози-

ція, совершенно новая, является оригинальнымъ замысломъ мѣстнаго художника; изъ встрѣчавшихся доселѣ группъ, на данной повязкѣ имѣется лишь одна, именно, группа двухъ пьющихъ скифовъ, трактованная, впрочемъ, совершенно самостоятельно. На Куль-Обской бляшкѣ, напримѣръ, будущіе побратимы пьютъ изъ стакана, обратясь профилемъ другъ къ другу; здѣсь обѣ фигуры представлены почти en face, по крайней мѣрѣ лѣвая фигура, и ясно видна лежащая у нея на плечѣ и обнимающая ее рука другой,—кромѣ того, она держитъ рогъ, изъ которого они пьютъ или собираются пить. Аксессуары, постановка фигуръ, выраженіе лицъ,—словомъ все, проникнуто однимъ и тѣмъ же духомъ и отъ всей картины вѣтъ безприимѣсной, древней, грубой Скифіей. Внизу вся сцена окаймлена тремя рядами выпуклыхъ параллельныхъ линій, образующихъ посрединѣ діадемы тройной зубчикъ; ниже ихъ—орнаментъ изъ двойныхъ шариковъ.

Настоящая находка представляетъ изъ себя во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательное открытие, и въ высшей степени желательно, чтобы авторъ этого открытия возможно скорѣе познакомилъ съ нимъ ученый міръ, путемъ изданія его детальнаго описанія и facsimile.

—

Глыба земли, заключавшая въ себѣ содержимое погребенія одного изъ кургановъ, раскопанныхъ Н. Е. Бранденбургомъ у м. Ильинецъ, Липовецк. у. (см. «Лѣтопись», октябрь, н. г.), въ настоящее время уже разобрана въ Артиллерійскомъ Музѣѣ. Разборъ показалъ, что и въ данномъ случаѣ погребеніе было нарушено грабителями, такъ какъ нетронутой оказалась лишь нижняя часть скелета. Внутри двухъ бронзовыхъ кнемидъ найдены части берцовыхъ костей и значительное количество кусковъ кожи, служившей по всей вѣроятности подбивкой поножей. Большая бронзовая бляха оказалась не круглой, а имѣла въ верхней части вырезъ, съ немногими загнутыми наружу краями; вырезъ безъ сомнѣнія предназначался для шеи, а вся бляха служила защитой для верхней части груди. Кромѣ того,

при разборкѣ найдены еще 4 небольшія круглые блашки, такъ что всѣхъ ихъ будетъ 7, и затѣмъ 3 желѣзныхъ копья.

Музеи и собранія древностей.

Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской. II.¹⁾ Въ настоящей, второй замѣткѣ о музѣ Е. Н. Скаржинской предполагалось дать рядъ свѣдѣній о памятникахъ исторической старины, хотябы въ краткомъ видѣ. Для этого нужно было еще разъ съѣздить въ х. Кругликъ; но мы не располагали свободнымъ временемъ и теперь приходится ограничиться лишь самымъ поверхностнымъ обзоромъ на основаніи впечатлѣній, вынесенныхъ изъ первой поѣздки.

При комплектованіи и этого отдѣла, въ полной силѣ дѣйствуетъ основной принципъ: не гоняться за показанными вещами, собирать все, характеризующее внѣшній бытъ прошлаго.

Къ велико-княжеской эпохѣ въ этомъ отдѣлѣ относится сравнительно немного предметовъ. Почти всѣ они найдены въ „Валахѣ“ въ г. Лубнахъ; это бусы, привѣски (м. п. изъ ляписа—лазули), пряслицы, грузила, наконечники стрѣлъ и т. п. Обращаетъ на себя вниманіе сравнительно большихъ размѣровъ костяной кружокъ, украшенный кружковымъ орнаментомъ—обычнымъ для костяныхъ издѣлій. Въ кружкѣ два отверстія; найденъ онъ въ Лубнахъ; назначеніе пока не опредѣлено—б. м. это крышка отъ сосуда.²⁾

Памятники козацкой старины, какъ известно, съ каждымъ годомъ встрѣчаются все рѣже и рѣже. Къ сожалѣнію, въ прежнее время, когда ихъ можно еще было собирать—любителей-коллекціонеровъ было очень немного, изъ крупныхъ вѣдь можно указать лишь на одного В. В. Тарновскаго, да и дѣятельность его относится къ послѣднимъ 25—30-ти годамъ. Если-же обра-

¹⁾ См. «Лѣтопись», сентябрь н. г.

²⁾ Совершенно такой-же кружокъ имѣется въ собраніи Б. И. Ханенко.

титься еще къ болѣе раннему времени, то мы должны констатировать полное отсутствіе коллекціонеровъ малорусской старины. Правда, въ помѣщичьихъ домахъ хранилась старина: хранились портреты и оружіе, кое-какіе предметы (преимущественно носящіе художественный характеръ) домашнаго обихода; коллекцій-же въ настоящемъ значеніи этого слова не существовало. И это тѣмъ удивительнѣе, что съ конца XVIII стол., среди малорусской интеллигенціи, главнымъ образомъ въ помѣщичьей средѣ, пробудился и пустилъ глубокіе корни интересъ къ прошлому своей родины: начали собирать различнаго рода матеріалы—літописи, офиціальные и частные документы, записки, воспомінанія и т. п., но памятники вещественной старины не привлекали къ себѣ вниманія. Время, затѣмъ, сдѣлало свое дѣло и теперь буквально приходится подбирать крохи.

Въ музѣ Е. Н. Скаржинской собрано уже и собрано по мелочамъ довольно много предметовъ этой эпохи.

Почти цѣлую витрину занимаютъ находки въ г. Лубнахъ и окрестностяхъ: украшенія, принадлежности костюма (пуговицы, «чаки»—подковки), чарочки, ковшикъ и цѣлая серія глиняной и стеклянной посуды, какъ цѣлой, такъ и въ фрагментахъ, иногда датированной (напр., орнаментированный кувшинъ, въ которомъ находились копѣчки Петра I). Особено интересна поливянная посуда, дающая намъ образцы стариннаго малорусскаго народнаго орнамента—цѣлая, еще не початая область для изслѣдованія. Въ настоящее время музеи начинаютъ собирать современную малорусскую расписную посуду,—тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія старинная посуда и въ этомъ отношеніи музѣю Е. Н. Скаржинской посчастливилось: здѣсь имѣется, помимо фрагментовъ, нѣсколько цѣлыхъ расписныхъ мисокъ изъ г. Лубенъ конца XVIII ст.,

Изъ находокъ другихъ мѣстъ можно указать на хут. Войниху, Лубенск. у.,—мѣсто битвы Наливайка съ поляками; здѣсь найдены люльки, походная чернильница, мѣдный котелокъ, наконечникъ копья—несомнѣнныя остатки военнаго обоза.

Въ отдѣльной витринѣ размѣщенъ рядъ изразцовъ, образующихъ довольно большую коллекцію. Происхожденіе ихъ—главн. обр. Полтавская губ., но есть и изъ Киевской губ.,

и изъ другихъ мѣстъ. Изразцы раздѣляются на глазурованные и безъ поливы. Такъ-же, какъ и расписная посуда, они даютъ прекрасный материалъ для исторіи нашего орнамента, материалъ разнообразный, но, увы, мало собранный и почти совсѣмъ незатронутый изученiemъ.

Комната, гдѣ помѣщаются исторические памятники старины, увѣшана различными портретами; среди другихъ, здѣсь есть и малорусскіе—гл. об. фамильные портреты семейства Родзянокъ.

Но главное содержаніе отдала составляетъ церковная старина, и, какъ это ни странно, но частный музей Е. Н. Скаржинской является единственнымъ хранилищемъ для нея въ Полтавской епархіи. Всѣмъ прекрасно извѣстно въ какомъ положеніи находится у насъ эта старина. Само духовенство отчасти сознalo необходимость хотя чѣмъ ниб. помочь горю и вотъ, по различнымъ епархіямъ юга, устраиваются церковно-археологические музеи и древнехранилища; молчить лишь Полтавская епархія, имѣя полную возможность къ устройству такого учрежденія...

Музей Е. Н. Скаржинской отчасти восполняетъ этотъ проѣль: собирающе церковной старины ведется энергично и предметы уже исчисляются сотнями. Тутъ мы имѣемъ полный иконостасъ изъ Петро-Павловской ц. г. Хорола, устроенный сотникомъ Іеремієй Родзянко, царскія врата изъ соборной и Покровской церквей того-же города, сѣверныя и южныя алтарныя двери изъ с. Шишаковъ, Хорольск. у. и с. Овсюковъ, Лубенск. у. рядъ помѣстныхъ иконъ, рѣзные аналои, иконы на деревѣ и холсте, картины религіознаго содержавія, рѣзныя фигуры, антиквары, плащаницы, церковную утварь, облаченія (представляющія въ большинствѣ случаевъ чудные образцы шитья), кованые желѣзные кресты съ церковныхъ главъ и т. д. Многіе изъ вышеперечисленныхъ предметовъ отличаются художественнымъ исполненіемъ, всѣ носятъ мѣстный колоритъ, выражаютъся иногда въ оригиналной трактовкѣ. Слѣдуетъ еще упомянуть о большомъ мѣдномъ кувшинѣ, покрытомъ орнаментомъ; кувшинъ этотъ былъ въ семействѣ Скаржинскихъ до начала XVIII ст. и служилъ для

освященія воды. Церковный отдѣлъ въ настоящее время настолько разросся, что помѣщенія не хватаетъ и много интересныхъ предметовъ не можетъ быть какъ слѣдуетъ выставлено для обозрѣнія публики.

При собираніи свѣдѣній о памятникахъ старины, а также и при устройствѣ или при пополненіи коллекцій очень часто ставятся опредѣленныя грани, напр., собирать по такой-то годь и т. п. Намъ кажется, что система эта не выдерживаетъ критики: наша жизнь такъ полна всякаго рода пережитками, какъ въ духовной сферѣ (особенно), такъ и въ материальной, что дѣлать ограниченія въ этомъ отношеніи не представляется раціональнымъ: это значитъ сознательно съужать картину, лишать эту картину жизненной послѣдовательности. Возьмемъ, напр. первую половину прошлаго, XIX ст. Она, или по крайней мѣрѣ значительная часть ея, въ отношеніи материальной стороны жизни такъ тѣсно связана съ XVIII вѣкомъ, что отдѣлять ее пѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. Не говоря уже о народѣ, до послѣдняго времени жившемъ еще цѣликомъ завѣтами старины, но это относится и къ болѣе интеллигентному классу того времени. Вотъ почему намъ кажется, что уже давно пора включить въ программу музеевъ, особенно музеевъ областныхъ, съ болѣе широкими задачами, и собираніе предметовъ, относящихся ко всей первой половинѣ прошлаго столѣтія. Въ этомъ отношеніи музей Е. Н. Скаржинской можетъ служить примѣромъ. Здѣсь есть уже цѣлый отдѣлъ, т. н. «панскій», гдѣ собранъ рядъ предметовъ помѣщичьяго быта крѣпостного периода.

Послѣдній отдѣлъ помѣщается въ нижней обширной залѣ, посвященной этнографії. Предметовъ народнаго быта здѣсь масса. Большинство коллекцій, какъ и слѣдовало ожидать, относится къ быту малороссовъ; нѣкоторыя изъ нихъ (напр., коллекціи писанокъ, посуды) отличаются замѣчательнымъ подборомъ и полнотой; часть предметовъ можно уже смѣло отнести къ разряду старины (напр. килимы, шитые рушники и др.). Но болѣе подробный обзоръ этнографического отдѣла не входитъ въ нашу задачу, да и завелъ-бы насъ слишкомъ далеко, а потому на

этомъ мы и заканчиваемъ настоящую замѣтку, отъ всей души, пожелавъ музею Е. Н. Скаржинской дальнѣйшаго развитія.

Въ г. Полтавѣ, въ первыхъ числахъ октября, состоялось открытие помѣщеній библіотеки и музея. Эти учрежденія занимаютъ отдѣльное зданіе въ ряду другихъ, имѣющихъ специальныя просвѣтительныя цѣли (театръ и народная аудиторія, чайная бесплатная читальня). Библіотека и музей снабжены паро-водянымъ отопленіемъ, освѣщаются электричествомъ. Переходъ Естественно-исторического музея полтавскаго земства въ новое обширное и удобное помѣщеніе является вполнѣ свое времененнымъ. Прежнее помѣщеніе (въ подвальномъ этажѣ губернск. земской управы) совершенно не удовлетворяло требованіямъ: мало места, мало свѣта, не было возможности ни помѣстить все прибывающіе предметы различныхъ отдѣловъ, ни выставить какъ слѣдуетъ для обзора. При размѣщенніи коллекцій въ новомъ зданіи, предметы будутъ разставляться по извѣстной системѣ, выработанной завѣдующимъ музеемъ М. А. Олеховскимъ. Система эта преслѣдуетъ обще-образовательную цѣль и облегчаетъ знакомство съ естественными богатствами, населеніемъ и исторіей Полтавской губерніи.

Извѣстное Смольянское собраніе древностей предсѣдателя Имп. Археологической Комиссии гр. А. А. Бобринского приносится владѣльцемъ въ даръ Кіевскому музею древностей и искусствъ.

Коллекціи, входящія въ составъ собранія, подбирались въ теченіе многихъ лѣтъ. Предметы ихъ составляющіе, происходить какъ изъ многочисленныхъ раскопокъ гр. Бобринского и нѣкоторыхъ другихъ лицъ (напр. С. А. Мазараки), такъ и изъ случайныхъ находокъ. Обнимаютъ они громадный періодъ времени, начиная съ каменного вѣка и кончая княжеской эпохой, и даютъ, такимъ образомъ, характеристику вѣнчайшей стороны жизни всѣхъ тѣхъ народностей, какія послѣдовательно занимали среднее Піднѣпровье.

Пока въ музей передана лично гр. Бобринскимъ часть собрания, обнимающая главн. обр. каменный вѣкъ. Состоить этотъ отдѣль изъ различныхъ издѣлій изъ камня, кремня, кости и рога. Среди каменныхъ и кремневыхъ, которыхъ всего 1066, преобладаютъ кремневые—ихъ 950. Костяныхъ предметовъ 109. Нѣкоторые экземпляры какъ каменныхъ, такъ и костяныхъ орудій отличаются рѣдкостью.

Кромѣ каменного вѣка, поступили въ музей предметы изъ янтаря, олова, стекла и глины, затѣмъ коллекція прядильщъ и наконецъ каменные издѣлія (метательные камни и точилки) скифской эпохи.

Всего изъ собранія гр. Бобринскаго переданъ въ музей 1431 экземпляръ.

Проф. И. А. Линниченко передалъ въ *Кievskii музей древностей и искусствъ* содержимое одного изъ раскопанныхъ имъ кургановъ между с.с. Великія Будки и Аксютинцы. Курганъ заключалъ въ себѣ женское погребеніе скифской эпохи съ довольно богатымъ инвентаремъ. Тутъ находились: золотое ожерелье, состоящее изъ 6-ти лунницъ, 12-ти подвесокъ, заканчивающихся пирамидками изъ шариковъ и около 100 круглыхъ золотыхъ бусинъ. Другое ожерелье составлено изъ каменныхъ бусъ — сердоликовыхъ, ониксовыхъ, топазовыхъ и бусъ изъ композиціи. Къ разряду украшений относятся также 7 крупныхъ золотыхъ серегъ, бронзовые ножные или наплечные и желѣзные, обложенные золотомъ, ручные браслеты, 4 бронз. шпильки и, какъ необходимая принадлежность туалета — два бронзовыхъ зеркала, изъ которыхъ одно украшено рельефными изображеніями женщины и грифона. Очень много предметовъ относится къ конской сбруї: бронзовые налобники, удила, пряжки, и т. п. Кромѣ того, здѣсь-же найдено конусовидное навершье отъ бунчука съ принадлежащими ему 26-ю бронзовыми колокольчиками.

Изъ послѣднихъ поступленій въ *Кievskii церковно-археологический музей* можно отмѣтить громадныхъ размѣровъ (высота

около аршина, окружность около 2-хъ саженей) чугунный котель, исполнявшій, повидимому, роль колокола, такъ какъ въ верхней части (если котель опрокинуть вверхъ дномъ), не вполнѣ вышедшей при отливкѣ, продѣланы два отверстія для подвѣшиванія. Этотъ котель - колоколъ переданъ изъ Мотронинскаго монастыря. Среди окрестнаго населенія существуетъ предавіе, что во времена гайдаматчини били въ этотъ колоколь, сзываю гайдамаковъ „святъ ножи“.

Другое поступленіе—коллекція раскольничихъ предметовъ (главнымъ обр. иконъ) изъ Новозыбковскаго у. Черниговск. г., пожертвованная В. Н. Фальковскимъ. Всѣхъ предметовъ 106 и между ними есть весьма рѣдкіе экземпляры (напр. евангеліе XVI в., нѣсколько древнихъ иконъ и т. п.).

Херсонскому археологическому музею принесены въ даръ: отъ команды землечерпательницы „Нева“ № 5, небольшой глиняный двуухій кувшинъ, поднятый со дна Днѣпра въ Збурьевскомъ гирлѣ; отъ волостного писаря Кисляковской волости Р. Малопурина—глиняная урна изъ развалинъ Ольвії, съ греческой надписью, вытисненной на шейкѣ: NOCCO | OPOE | CILA.

Отъ кр. с. Кардашинки Г. Устименка поступило серповидное кремневое орудіе, выбранное вблизи названного села. („Югъ“).

Разныя извѣстія.

Въ Петербургъ К. Е. Думбергомъ привезенъ замѣчательный саркофагъ, найденный при раскопкахъ въ г. Керчи и вѣщій слишкомъ 120 пудовъ. Саркофагъ этотъ, принадлежащий ко II вѣку до Р. Х., превосходно сохранился, благодаря чему получается возможность ознакомиться съ рѣдкими, находящимися на внутренней стѣнкѣ его восковыми изображеніями. Вмѣстѣ съ саркофагомъ, К. Е. Думбергомъ привезено еще нѣсколько не менѣе цѣнныхъ вещей, найденныхъ тоже при раскопкахъ въ Керчи—большею частью по склонамъ горы Митридата, гдѣ

имъ открыть цѣлый древній городъ, относящейся къ римской эпохѣ.

Въ № 274 «Харьк. Губ. Вѣд.» А. Т. дѣлится своими путевыми впечатлѣніями, вынесенными изъ поѣздки по хуторамъ и селамъ побережій Ворсклы и Мерла въ у.у. Зѣньковскомъ, Богодуховскомъ и Ахтырскомъ; здѣсь отмѣчаются попутно и вѣкоторые встрѣченные памятники старины. У с. Бѣльска, Зѣньковск. у., расположены два городища на возвышенномъ берегу Ворсклы.

«Въ низинахъ кругомъ городищъ—болота, которая вмѣстѣ съ прилежащими къ нимъ суходолами опоясываютъ—съ востока Ворскла, а съ запада—притокъ Цсла, Сухая Грунь. Всю эту мѣстность непрерывнымъ кольцемъ, растягиваясь въ длину по направленію съ N на Z, обхватываетъ высокій насыпной валъ вмѣстѣ съ сопутствующимъ ему рвомъ рѣзной глубины. Если взять во вниманіе, что отъ Бѣльска тянутся—на югъ Опошнянское городище, а на сѣверъ—Скельское, Немѣровское и два Кукуевыхъ, то за описываемымъ уголкомъ Поворскля нельзя не признать большого научнаго значенія».

Въ с. Пархомовкѣ, центрѣ экономії Харитоненка, г. А. Т. описываетъ кое-какую церковную старину и останавливается на мѣстномъ костюмѣ. «Въ костюмахъ исчезли, хотя и неокончательно, бѣлый очникъ, плахта съ запаской; зато существуютъ еще намитка, чоботы сапьянци, кисныѣ въ косѣ, дукаты и проч., а также старинныя пѣсни и обычаи свадьбы и похоронъ. Къ слову о похоронахъ отмѣчу особѣнность пархомовскаго кладбища. Изъ давныхъ лѣтъ помнится мнѣ, что на этомъ кладбищѣ рыли могилу для умершей матушки, жены или тещи мѣстнаго священника—точно не упомню. Рыть могилу пришлось на мѣстѣ старой могилы. Былъ открытъ скелетъ, а въ его головахъ, бутыль съ окрашенною въ свѣтло-шафранный цвѣтъ горилкою. Гробокопатели тутъ-же, съ разными прибаутками по адресу усопшихъ, этотъ нектаръ и осушили. Въ разговорахъ съ пархомовцами-стариками обѣ этомъ, я узналъ, что

вообще на ихъ кладбищѣ въ старыхъ могилахъ попадаются скелеты и при нихъ «горилка»; теперь это наблюдается какъ рѣдкость, а лѣтъ 30 назадъ былъ даже спеціалистъ по части отысканія этой услады сердца. Его звали Мусій Ткаченко; онъ умѣлъ лучше другихъ распознавать, гдѣ хранится такой кладъ, почему мѣстные поклонники могильной горилки и имѣли его у себя за руководителя».

Въ № 7192 „Южнаго Края“, въ корреспонденціи изъ ст. Усть-Медведицкой, сообщается о рядѣ находокъ древностей въ хutorѣ Орловскомъ, на полуостровѣ «Осадномъ» въ двухъ верстахъ отъ хутора и возлѣ хутора Горина.

Въ объявлениіи на подписку на газету «Югъ» въ 1902 г. сообщается, что подписчики получать бесплатную премію—иллюстрированное изданіе «Древности и клады Херсонской губерніи».



братіи блюсти монастырское имущество: „что стратили были наши апостолессы, то ся пендзою (нуждою) мою—сь братіями—тажкою, заледво долгимъ часомъ отшукано паки до монастыря святого, такъ село, кгрунты, млины и проч., прошу васъ, отцы и братія, да бысте и наимъ своихъ нераденіемъ и неизгодою паки не утратили“! Въ этомъ послѣднемъ предсмертномъ зовѣ выразилась завѣтная цѣль всякаго хозяйствливаго игумена—собирать, а не расточать „кгрунты и млины“. Завѣщаніе Торскаго написано въ 1645 г. Другое такое же завѣщаніе,—Аксентія Якимовича,—писано ровно черезъ полвѣка, т. е. въ 1695 г. Въ этомъ писаніи тѣ же завѣты и тѣ же ихъ мотивы: совсѣмъ выбрать преемника изъ своихъ („чужие не знаютъ нашихъ порядковъ“), причемъ завѣщатель прибавляетъ совсѣмъ—точкасъ послѣ его смерти, просить митрополита и гетмана, „жебы того права не касовано: на волное обираніе игумена“, (т. е. чтобы монастырь не былъ лишенъ права свободнаго выбора себѣ игумена). Слѣдовательно, въ к. XVII в. монастыри были уже ограничиваемы въ томъ правѣ, которое за полвѣка передъ тѣмъ, повидимому, никакому ограниченію еще не подвергалось. Затѣмъ, игуменъ завѣщаетъ братіи повиноваться игуменской власти и „мѣти згоду и любовь межи собою“, а въ заключеніе—тотъ же, что и у Торскаго—завѣтъ: беречь монастырскія имѣнія: „фундуши благоч. княз. Вишневецкихъ и гетманские унѣверсалы на села и млины, и царские грамоты, также и записи на лѣси и поля, щосмо прикупили, въ добромъ опатреню (смотрѣніи) и скованю мѣйте; а поля и сплохожати на сторону, чужимъ людямъ, хотя бы и зѣ десятина (т. е. за десятую часть дохода въ пользу хозяина) не давайте, бо въ насъ бували и буваютъ такие икономи, же за подарки и по знаемости, даютъ монастырские кгрунта, а потимъ за отмѣною частихъ икономовъ, въ забвеніе тые приходять поля, и люди ихъ присвоюють, же зтрудна упоминатися потреба“. Значительное накопленіе монастырскихъ имѣній въ к. XVII в., сравнительно съ полов. XVII в., даетъ основаніе позднѣйшему игумену—распространиться относительно будущаго распоряженія

этими имѣніями, при чемъ этотъ пунктъ завѣщанія является центральнымъ... Отсюда видно, что уже въ к. XVII в. главная забота собравшейся для богоугоденія общины сосредоточивается въ накопленіи „селъ, грунтовъ и млиновъ“... Земныя блага настолько затмняютъ небесныя, что за бѣгство монастырскаго крестьянина въ чужую маетность (бѣгство это умаляетъ числомъ—скихъ работниковъ) игуменъ Гаврій Леопольскій приказываетъ своимъ „экономамъ“ бить возвращеннаго крестьянина, у себя на задворку, „шелепами“, до тѣхъ поръ, пока этотъ крестьянинъ „по томъ бою и умре“.... (с. 178). Такое обращеніе монастырей къ земнымъ благамъ порождаетъ въ нихъ и игуменовъ новаго типа, уже нескрывающихъ своего влечения къ прелестямъ міра. Вотъ одинъ тому примѣръ. Въ 1750 г., „бывый“ игуменъ Густынскаго м-ря Мельхиседекъ Богдановичъ былъ посланъ Киевскимъ митрополитомъ въ Варшаву, на „будущій тогда въ Варшавѣ сеймъ“, причемъ для охраны Мельхиседека въ пути митрополитомъ былъ нанятъ одинъ изъ Киевскихъ рейтаровъ, Мизиковъ: рейтаръ ѿхавъ передъ игуменомъ, на своей лошади, верхомъ и кромѣ того исполнялъ всякія ему услуги.—Кромѣ рейтара, Богдановича, ѿхавшаго на своихъ лошадяхъ, сопровождало еще и трое его слугъ, въ числѣ которыхъ былъ и „писарь“. Въ такой обстановкѣ случилось разъ путешесственнику пріѣхать въ одно село, на ночлегъ, гдѣ ставши въ корчму, Б-чъ встрѣтилъ „едного полскаго ксенза, едучаго путемъ, и стала почивать его водкой и вишнякомъ, и гулять съ нимъ ксензомъ довольно; а по отѣѣздѣ же онаго ксенза, началъ гулять Б-чъ съ хозяиномъ той корчмы, и гулять съ нимъ якъ-бы заполночь“... Находясь въ это время на дворѣ, Б-чъ замѣтилъ, что у лошадей его нѣтъ сѣна, и за это, тутъ же, набросился на своихъ спавшихъ уже слугъ. Одинъ изъ нихъ, проснувшись отъ ударовъ Б-ча, вскочилъ и убѣжалъ заворота. Тогда Б. послалъ мальчика за рейтаромъ, чтобы тотъ всталъ и шелъ бы искать бѣжавшаго. Около разбуженнаго рейтара лежали и „писарь“, который услыхавъ приказъ Б-ча, сталъ совѣтовать рейтару не ходить: „ты знаешь, сказалъ онъ Мизикову, „жестокіи обычаи его мосци: албо окалъчитъ, албо до смерти“

убьет!“ — Рейтаръ послушалъ „писаря“ и попросилъ мальчика сказать Б-чу, что онъ, рейтаръ, утомившись, крѣпко спить. Получивъ этотъ отвѣтъ, Б-чъ бросился къ рейтару и ударивъ его спицаго „дубиною“, закричалъ: „научу я тебе, скурвій сине, слушать!“ И сталъ бить засимъ Б-чъ рейтара, пока не освободилъ послѣдняго хозяинъ корчмы.... Рейтаръ выбѣжалъ заворота, и сталъ ждать пока Б. успокоится.... Часа черезъ два онъ вернулся въ корчму, но Б., какъ будто его поджидалъ и., ч. сейчасъ позналъ его въ свою комнату, гдѣ на столѣ уже лежали „флінта“ и „шабля“, вынутыя Б-чемъ изъ его „спальнїи дорожной“ (коллекціи). Увидѣвъ рейтара, Б. схватилъ „обнаженную шаблю“ и бросился на него, крича: „я тебе, жиде, скурвій сине, москалю, порубаю на кавалки!“ И засимъ Б., если не „порубалъ“ Мизикова, то опять сильно побилъ.... Тѣмъ не менѣе послѣдній доѣхалъ съ Б-чемъ до Варшавы, но вернувшись оттуда въ Кіевъ, подалъ митрополиту подробную жалобу на побои Б-ча, а митрополитъ жалобу эту передалъ на судъ консисторіи. Консисторія внимательно разобрала жалобу и допросивъ бывшихъ въ пути слугъ Б-ча, признала послѣдняго виновнымъ и приговорила на основаніи розд. 12, арт. 3 лит. стат., взыскать съ обидчика „6 рубл. грошей навязки“. Этотъ случай столкновенія бывшаго игумена съ рейтаромъ—очень мелкій самъ по себѣ—хорошо рисуетъ Б-ча, который, какъ видно въ монахи вовсе не годился, что не помѣщало ему однакоже жѣ быть однимъ изъ Г-скихъ игуменовъ....

Ізъ той же льтописи видно, какія богатыя маєтности на-
жиль себѣ монастырь уже въ XVII в. Позже онъ пріобрѣталъ
только разные „грунты“ и „млины“, для округленія старыхъ
своихъ маєтностей¹⁾. Всѣ эти имѣнія давали м-рю доходы ко-
нечно немалые, хотя монахи постоянно жаловались на край-
нюю свою скудость, которая де позволяла имъ питаться
только „вялою рыбкою“, а „свѣжую—они мало и видали“... Такъ

1) Въ книжкѣ архим. Нектарія перечислены эти отдельныіе пріобрѣтенія м-ря (за XVIII в.), отчасти пожертвованіями релігіозныхъ людей, а отчасти— покупкою.

говорили сами Г'—скіе монахи, когда получили въ 1738 г. приказъ Кіевскаго митрополита—отослать пятнадцать рублей въ Глуховъ, на содержаніе засѣдавшаго тамъ въ коммісіи „перевода правъ“ архимандрита Мигалевича. („Права“, Кистяковск., пред., 13). Получивъ этотъ приказъ, тогдашній игуменъ Леопольскій передалъ его на разрѣшеніе „соборныхъ старцевъ“, которые при этомъ и составили любопытный отвѣтъ. Описавъ подробно свою скудость, которая позволяла де братію питаться лишь „вялою рыбкою“, п. ч. свѣжую они рѣдко и видятъ, „старцы“ просятъ игумена донести объ этомъ митрополиту и просить его, чтобы „денегъ 15-ти рублей отъ ихъ монастыря давать не повелѣцо“...¹⁾ Въ этомъ характерномъ документѣ мо-

¹⁾ Приводимъ здѣсь полностью этотъ любопытный документъ. „Высоце и Богу превелебнѣйшему гидну его милости отцу Гавріилу Леопольскому, ігумену монастыра Троецкого Густинского, покорнѣйшее доношеніе.

Всеповажнімъ указомъ великого гидна нашего ясне въ Богу преосвященнѣйшаго кпръ Рафаила Заборовскаго, архієпіскона Кіевскаго, Галицкаго и Малії Россії, зъ священновъ духовной архієпісконії Кіевской консисторії, прошедшаго 1738 года, декабря 31 дня, вашею высоцепревелебностію полученнымъ, пошелено, дабы зъ монастыра Троецкого Густинского денегъ рублей пятнадцать па прокормленіе архимандрита Софронія Мигалевича, начальнка Гамалѣенскаго, зъ его служителями, обрѣтающими сѧ въ Глуховѣ, зъ общества пропереводѣ и сводѣ книгъ правничъ, дать и опіе деньги къ ему, архимандриту Мигалевичу, отослать въ Глуховъ, который вселоважній его архичастирской святинѣ зъ духовной консисторії указъ мы всенижайше слушали.—А повеже такихъ денегъ пятнадцати рублей нѣ откуду взять, ибо и сами нужду терпимъ, а что преждеихъ годовъ зъ ярмарковъ подъ м-ремъ Густинскимъ собираючихся, нѣкоторое приходы зо м-ра и были взимани, то и тѣ не отгеперь по указу въ скарбъ войсковой доправляютъ. Такожъ намъ и самимъ не зацдо для вседневнаго преизданія покупать, яко то: соли, ольї, рыбки вялой (ибо свѣжой мало и видаемъ) для братіи и трудниковъ м-скихъ весма нужда крайная состоить, а прежде сего бывало хочай бзъ скотини что про-дастся, и за тое до м-ра потребы самонужніе исправляются, а нынѣ и скотину, лошади и воли выбраны, и (а) остатніе позаписывани. Къ тому

нахи между прочимъ говорятъ, что хотя съ монастырскихъ ярмарокъ они и получали „нѣкоторіе приходы“, но и тѣ де отбираетъ у нихъ войсковой скарбъ. Здѣсь рѣчь идетъ, повидимому, о тѣхъ сборахъ, которые отданы были въ 30-хъ г.г. XVIII в. на откупъ (Кievsk. Стар. 1885 г., май, 9.), но разумѣется, что эти сборы сравнительно были незначительны, а ярмарочныхъ доходовъ м-ра никакъ нельзя было называть „приходами“, какъ это видно изъ свѣдѣній, представленныхъ самими монахами, въ 1765 г., Руманцовскимъ чиновникамъ, при описи своего м-ра. Говоря о доходахъ съ ярмарокъ, монахи писали, что у нихъ четыре раза бываетъ особый сборъ людей, а именно: въ са-

же м-ръ нашъ Г-скій, яко то церкви Божіе, такожъ келіи, въ которыхъ пребываемъ, и прочое весма обиетшалое и требуетъ подчинки, и въ чемъ не малая нужда настоитъ, а хочай и омыются при м-ру потчиши, *однакъ въ онихъ людяхъ мало восталось*, ибо въ государеви служби човицлана. Того ради, черезъ сіе наше всеніжайшее допошевіе, покорнѣйше вашего преподобія просимъ: соблаговолѣте до архикастрия нашего съ прошеніемъ писать, дабы такихъ денегъ рублей 15-ти з м-ра нашего поманутому архимандрату Мигалевичу давать не повелено, о семъ и вторично вашей висоце въ Богу превелебности покорнѣйше просимъ. Вашей висоце въ Богу превелебности всеніжайшіе слуги: монастира Густинскаго намѣстникъ іеромонахъ Михаилъ Даниловъ, Іером. Феодосій, духовникъ, Іером. Силуанъ, Іером. Мелетій, Іером. Тимофей, экономъ, Іером. Варлаамъ, еклезіархъ, Іеродіаконъ Корнилій, шафарь. За монаха Иоана, эконома дворецкого, неграмотного, по его прошенію, Григорій Афанасіевъ подпсался». На эту просьбу Г-скихъ монаховъ отъ митрополита получемъ быть только новый указъ—требуемыи деньги Мигалевичу отослать безъ замедленія. Указание монаховъ, что «скотина, лошади и волы выбраны (т. е. забраты), а остальные позачесованы», имѣть въ виду тогдашнее правительственное распоряженіе, по случаю войны съ Турцией,—«о высылкѣ изъ малороссійскихъ полковъ и друг., мѣсть до 35000 паръ воловъ для арміи». (Опись выс. указ. и повелѣн., хранищ. въ сенатск. арх., Барапова, т. II, № 6451). Лошади въ эту войну тоже требовались съ обычательей, *по одной отъ 120 дворовъ*. Брали въ эту войну и «мужиковъ и юнчикъ». (Зап. Марк., II, 16 и 21).

момъ м-рѣ два раза, на Тройцу и на Успеніе Б-цы, и въ Деймановскомъ скитку—тоже два раза (с. 352), причемъ „пріѣзжающіе торговые люди, по позволенію, торгуютъ при тѣхъ сбирахъ своими промыслами, и платятъ за то м-рю отъ тяжолаго, воза по 4 коп. Кромѣ того, на этихъ ярмаркахъ м-рь получалъ доходъ еще: за продаваемыя свѣчи и ладанъ, отъ кошельковаго сбора и за постройку торговыихъ будокъ.“ Всего собиралось, по словамъ монаховъ, на этихъ ярмаркахъ—по 600 р., „а иногда поменьше“. Конечно, цифра 600 р. далеко не была преувеличена, а слѣд. ярмарочный доходъ у монастыря былъ немалый. Особенно большая ярмарка бывала въ м-рѣ на Тройцу, въ престольный праздникъ главнаго м-скаго храма. Въ этотъ день народу собиралось въ Густыню множество, при чемъ наѣзжало сюда, на „храмъ“, много и окрестныхъ „чарновъ“. Въ архивныхъ бумагахъ мы нашли свѣдѣнія о трехъ любопытныхъ ярмарочныхъ эпизодахъ въ Г-скомъ м-рѣ, случившихся въ срединѣ XVIII в.—Первый эпизодъ хотя прямо и не относится къ м-ской жизни, но рисуетъ картины троицкаго въ Густынѣ сбираща людей, причемъ на фонѣ этой картины живо видѣляются тогдашніе большіе „паны“ въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. На Тройцу собирались въ м-рѣ, кромѣ простого народа, много и окрестной старшины, большой и малой, причемъ она размѣщалась, съ своими экипажами и прислугою, въ монастырскомъ саду; здѣсь „паны“, ставили свои „наметы“, въ которыхъ и помѣщались. Такъ было на Тройцу и въ 1734 г. На этотъ разъ пріѣхали на „храмъ“ въ м-рь, между прочими, полковница Елена Автоновна „Галаганша“ и жена б. тов. Степана Тарновскаго, Агафья Степановна. Обѣ эти „паніи“ занимали общественное положеніе далеко неравное. Полковница и по рангу мужа и по богатству, конечно, должна была первенствовать среди монастырскихъ гостей. Тарновская же, и по скромному чину мужа и по его довольно ограниченнымъ достояніямъ, стояла гораздо ниже. Но за то Тарновская была родовитая „пани“: это была дочь генер. есаула Бутовича, внука Черниговскаго полковника Якова Кондратьевича Лизогуба и тетка тогдашняго генер. обознаго Якова Ефимовича Лизогуба...

А полковница „Галаганша“, по происхождению, была дочь Киевского мещанина Тадрины, хотя человѣка и замѣтного, но все же только мещанина; при этомъ, и первый мужъ ея былъ только Киевской бурмистръ. Значить, по родовитости Тарновская стояла цѣлою головою выше своей полковницы. А если къ этому прибавить, что Агафья Степановна по характеру видимо походила на свою энергическую сестру Ульяну¹⁾, то и получится въ результатѣ, что, встрѣтившись на пути съ Галаганшею, Тарновская—едва ли могла уступить ей дорогу... Такъ оно и случилось въ Густынѣ, на Тройцу, въ 1734 г., на виду у многочисленнаго народнаго соборища. Дѣло въ томъ, что какъ только кончилась въ этотъ день обѣдня, тогдашній игуменъ Леопольскій послѣшилъ послать своего келейника къ полковницѣ—просить ее въ игуменскія кельи, конечно, на учту²⁾. Случилось, что полковница стояла „своимъ обозомъ“ недалеко отъ такого же „обоза“ Тарновской. Кромѣ полковницы, конечно приглашены были игуменомъ и другія почетныя лица, но въ число ихъ Тарновская не попала: вѣроятно, игуменъ зналъ, что „Галаганша“ съ Тарновскою встрѣчаться не желала... Приглашенная игуменомъ полковница и направилась къ его кельямъ, въ сопровожденіи цѣлой „компаніи“, тоже приглашенныхъ игуменомъ лицъ. Но при этомъ „компанія“ должна была проходить по дорогѣ—какъ разъ мимо „обоза“ Тарновской... Послѣдняя воспользовалась хорошимъ случаемъ публично сконфузить вѣльможную пани... Сдѣлать это было легко: стоило только поставить свою „колясу“ и лошадей на дорогѣ, по которой должна была идти „компанія“ съ полковницей во главѣ. Тарновская такъ и сдѣлала, какъ только замѣтила послѣднюю.—Увидѣвъ заставленную дорогу, игуменскій посланецъ приказалъ было служителямъ Тарновской—„дать дорогу“, но тѣ стояли на мѣстѣ, и—принуждена была „пани полковниковая съ компаніей“ обходить колясу Тарновской—„бурыяномъ и ямами“... На возвратномъ пути, когда полковница шла отъ игумена въ свой „наметъ“,

¹⁾ Жену Гадацкаго полковника Махаила Милорадовича. См. о ней Киевск. Стар. 1882 г., мартъ, 485.

повторилась также история: снова полковница должна была „обходить не только „колясу“ Тарновской, но „и ея служителей“. Несомненно, жена полковника была сильно оскорблена и притомъ предъ толпою народа... На это оскорблениe она жаловалась (вѣроятно Глуховскимъ властямъ); произведено было разслѣдованіе, при чёмъ допрошены были и монахи. По ихъ показаніямъ нами и разсказанъ здѣсь этотъ эпизодъ, въ свое время бывшій предметомъ живѣвшихъ толковъ въ Прилуччинѣ, которая, не любя Галагановъ, радовалась, что ихъ спесь была нѣсколько принижена, и при томъ такъ „всенородно“¹⁾.

Рассказанный эпизодъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, о томъ многолюдствѣ, которое собиралось на Густынскія ярмарки. Народу собиралось такъ много, что для наблюденія за порядкомъ на ярмаркѣ назначался изъ монаховъ особый надзиратель, носившій название „базарнаго“.—Говоря выше объ источникахъ ярмарочныхъ доходовъ, монахи почему то не упоминаются о доходѣ отъ продажи водки. Дѣло въ томъ, что Г-скій м-ръ еще у Самойловича выпросилъ запрещеніе торговли на своихъ ярмаркахъ „привозными горѣлками“, а поэтому на ярмаркахъ продавалась только монастырская водка. Однако же этою водкою торговали „найджіе люди“, которые при этомъ помѣщались въ „будкахъ“, нарочно для того монастыремъ приготавлившихся. Торговали водкою въ этихъ будкахъ преимущественно Прилуцкіе мѣщане, причемъ торгъ водкою былъ такъ выгоденъ, что имъ не брезгала и аристократія этого мѣщанства. Такъ, на троицкой ярмаркѣ 1757 г. торговали водкою—въ монастырскихъ „будкахъ“—жена и дочь Прилуцкаго войта. Но поводу ихъ и случился на этой ярмаркѣ характерный эпизодъ, рисующій отношеніе монаховъ

1) Интересно, что обстоятельства приведенного здѣсь случая сохранились въ семейныхъ преданіяхъ Галагановъ и Тарновскихъ—до нашего времени: намъ не разъ приходилось слышать отъ покойнаго В. В. Тарновского († 1899 г.) этотъ разсказъ—какъ его прабабка «утерла посы полковницѣ „Галаганишѣ“.. Случай, значитъ, былъ для того времени чрезвычайный, если память о немъ удерживалась и черезъ 150 лѣтъ....

къ „ярмарковому“ народу. Дѣло началось съ того, что сидѣвшую въ одной изъ „будокъ“ „войтовну“ чѣмъ то обидѣла жена Прилуцкаго мѣщанина Тарасовича; та пожаловалась матери, мать—мужу-войту, а послѣдній *базарному* монаху Афанасію, который тутъ же распорядился обидчицу посадить въ „тюрьму“. Послѣ этого мужъ арестованной сталъ просить *базарного*—освободить его жену, указывая, что если жена его и обидѣла „войтовну“, то онъ разсудится своимъ судомъ въ Прилукѣ. Но на эту просьбу „базарный“ отвѣчалъ такимъ ударомъ Тарасовича „въ щоку“, что тѣтъ „не устоялъ на ногахъ и повалился на землю“... А вслѣдъ затѣмъ „базарный“ приказалъ привести сюда и жену Тарасовича и тутъ же распорядился—„бить ее плетьми нещадно“. Не удовлетворившись этимъ, „базарный“ приказалъ—„на одни издѣвки“—„положить мужа на женѣ“ и тоже „бить плетьми безмилосердно“. Поруганный Тарасовичъ отправился въ Прилуцкую ратушу и просилъ прежде всего описать „боевые знаки“ на немъ и на женѣ, при чемъ у послѣдней оказалось „правой ноги стегно весьма побито и синѣокриваво и опухло, колѣна оба изобиваны“ и проч. Съ этимъ „свидѣтельствомъ“ Тарасовичъ обратился къ Г-скому игумену (Митрофану Горленку), прося у него суда съ „базарнымъ“-обидчикомъ; но „оной Афанасій, не удоволясь тѣмъ увѣчью и безчестіемъ, за призывомъ его къ игумену, при намѣстнику тамошнему и друг. монахахъ, стала еще бранить Тарасовича „сучимъ сыномъ, шельмою и каналіею“... Видя, что у игумена никакого суда добиться нельзя, Т-чъ обратился въ полковую к-рію, но послѣдняя могла только повторить у того же игумена свою просьбу „учинить Т-чу справедливость“, на что игуменъ отвѣчалъ, что такъ какъ онъ „того чинить не дозволяль“, то и встуپаться въ это дѣло не станетъ“. Послѣ этого Т-чъ поѣхалъ жаловаться въ Кіевъ, къ самому митрополиту, который жалобу его передалъ въ консисторію. Въ консисторії такія дѣла не залеживались, если жалобщикъ былъ умѣль и щедръ. Въ к. января 1758 г. было предписано изъ Кіева Г-скому игумену произвести по жалобѣ Т-ча слѣдствіе, а въ апрѣлѣ получилось отъ него, въ консисторіи, донесеніе, что „Прилуцк. мѣщанинъ Тарасовичъ и іеромонахъ Афанасій“,

„не входя въ большую контроверсію, по любви христіанской и снисхожденію, примирились“....¹⁾

Еще более разительный случай монашеского самоуправія произошелъ въ Густынѣ, на успенской ярмаркѣ, въ 1763 г., съ рабочими Рясковской суконной фабрики (с. 319), которыхъ монахи не хотѣли пустить въ м-рь прежде, чѣмъ тѣ не заплатятъ „ярмарочныхъ взятковъ“. Дѣло въ томъ, что монахи устанавляли разные съ наѣзжаго люда сборы, а въ томъ числѣ, повидимому, установили плату и за проѣздъ чрезъ плотину въ м-рь, причемъ плата эта собиралась тутъ же на „греблѣ“, „учрежденнымъ на то карауломъ“. Рясковские рабочіе отъ взноса требуемой платы отказались конечно потому, что знали объ отмѣнѣ гетманомъ подобныхъ незаконныхъ сборовъ²⁾. Однакожъ монахи не уступали, а когда рабочіе хотѣли силою пройти въ м-рь, то началась свалка, которая кончилась тѣмъ, что монахи десять человѣкъ рабочихъ задержали и—пока—посадили въ свою монастырскую „тюрьму“. Понимая однакожъ, что къ крестьянамъ кн. Юсупова нужно относиться осторожнѣе, чѣмъ къ какимъ нибудь Прилуцкимъ мѣщанамъ, монахи въ тотъ же день извѣстили Рясковскую „контору“, требуя прибытія въ м-рь „правителя фабрики для разсмотрѣнія того гвалту, людми его учненнаго“. Управитель не замедлилъ прибыть въ м-рь, впрочемъ съ цѣлымъ отрядомъ, вооруженнымъ „списами желѣзными и дубнемъ нарочитыми“. Такъ писали Г-скіе монахи 17-го августа въ Прилуцк. полк. к-рію, говоря далѣе, что „правитель фабрики“, сопровождаемый своими рабочими, началъ съ того, что „отломаль брамніе ворота“, „поотбиваль турми и людей своихъ выпустиль“; а потомъ Рясковцы начали де безчеловѣчно бить монашествующихъ и мирскихъ послушниковъ смертнымъ боемъ, „на каковой гвалтъ какъ выбѣгъ съ келіи о. игуменъ, чтобы тое усмирить, то и самого игумена били и голову до

¹⁾ Киевск. Стар. 1899 г., апр., II, 12. (Изъ бумагъ Киевск. дух. консист.).

²⁾ См., между прочимъ, универсаль Разумовскаго 1751 г. по поводу неправильно требованной Максаковскимъ м-ремъ платы за перевозъ. Киевск. Стар. 1901 г., февр., II, 74.

крови розбили, а послушниковъ четырехъ до смерти прибили, и такій гвалтъ и разбой учинили, что опасно изъ м-ря монастырскимъ людямъ и выйти".—Такимъ образомъ монахи показывали видъ какъ бы побѣжденныхъ, а въ дѣйствительности—они не только прековзмогли въ свалкѣ съ Ряшковцами, но успѣли еще захватить изъ нихъ нѣсколькихъ, которыхъ и посадили въ ту же свою тюрьму. Извѣщая объ этомъ арестѣ фабричныхъ полк. к-рію, монахи писали, что арестованныхъ конечно слѣдовало бы немедленно отослать въ Прилуку, но сдѣлать это имъ показалось „сумнительно, чтобъ на пути товарищи ихъ не отбили и дабы отъ оныхъ разбойниковъ не послѣдовало вочью нападенія, понеже слышно, что совѣтуютъ напасти на м-ръ и отбить своихъ людей, которые пойманы въ ономъ гвалтѣ".... Поэтому монахи просили Прилуцкое начальство „для ихъ защищенія, безъ укосненія прислать пристойную команду и опредѣлить кого для освидѣтельствованія на о. игумену и послушникахъ боевыхъ знаковъ". Случившееся столкновеніе съ Ряшковскими фабричными монахами описывали не полно и не точно. Точнѣе это столкновеніе описано въ гетманскомъ универсалѣ, который явилъся отвѣтомъ на жалобу Ряшковской администраціи за насилія монаховъ. Въ этомъ универсалѣ гетманъ писалъ (Прилуцк. полк. к-ріи): „Суконной Ряшковской фабрики директоръ Иванъ Деде поданимъ намъ доношеніемъ представилъ: когда де съ фабричныхъ оной фабрики работниковъ и съ подданныхъ Ряшевскихъ нѣкоторое число отлучились въ Густынскій м-ръ, ради исправленія своихъ надобностей, ибо де того числа въ ономъ м-рѣ ярмарокъ и великій зборъ бываетъ, то учрежденній на требѣ отъ манастира карауль востребовалъ въ нихъ неподлежащихъ ярмарковыхъ, указамы отспеченніхъ, взятковъ, и какъ оніе Ряшковские обиватели платить не похотѣли, то законники де, за тотъ неплатежъ, первѣе, немилостиво ихъ били, о якомъ де бои имѣются въ полк. Прилуцк. к-ріи обдуцція, и ограбили денегъ 25 рубл., свитокъ 5, шапокъ 23, лошадей 8, телегъ 5, биковъ приведенныхъ къ продажѣ 6; опосля жъ де, взявъ съ нихъ 10 человѣкъ, посадили въ тюрьму, а въ Ряшковскую контору прислали сообщеніе, показуя починенія якобы отъ оныхъ посаженныхъ въ тюрьму работниковъ, купечеству и другому народу, обиди и разоренія; и

какъ де потомъ Ряшковской фабрики директоръ поѣхалъ въ м-ръ ради удоволствія обидимихъ и освобождевія невиннихъ людей, коихъ началъ было и освобождать, то де законники пя-ніе, заперши ворота, намѣревали безъ всякаго уваженія съ нимъ директоромъ поступить, по ихъ самоволству, безчеловѣчно; однакъ де онъ бѣжалъ, опасиваясь смертного убийства, а онѣ де законники, разбросавъ находящійся отъ м-ря въ цолторы версти, на р. Удаи, мостъ, дабы Ряшковскихъ жителей въ домы не выпустить, въ своихъ монашескихъ одѣяніяхъ и клубукахъ, пя-ніе, бѣгая зъ большими жертками (жердями) по ярмарку, Ряш-ковскихъ обывателей и фабричныхъ работниковъ сискуючи, не-милосердо били, и порознь отводили въ тюрмы; и тѣхъ де за-братаихъ оной игуменъ, забивши въ болшіе скрипицы, при своемъ писмѣ отправилъ въ плкв. Прлцк. к-рію зъ жалобами, будто бы онѣ разбили м-ръ. А полковая де к-рія, безъ всякаго о томъ изслѣдованія, посадила онихъ въ острогъ, и хотя де отъ ков-торы Ряшковской фабрики управитель княгини Юсуповой Василий Щербачевъ съ прошеніемъ объ освобожденіи онѣхъ ра-ботниковъ (обращался въ полк. к-рію?), беручи ихъ на свои по-руки, съ тѣмъ, что за востребованіемъ будутъ представлены, но онѣ де и по тому не отищены, чрезъ якой де заборъ фабрич-ныхъ работниковъ и людей Ряшковскихъ г-жѣ ихъ следуетъ обида и убитокъ. И просилъ объ отпуске тѣхъ содержащихся въ остроге работниковъ и людей Ряшковскихъ, за распискою въ томъ, что онѣ по востребованію будутъ представлены, и о изслѣдованіи о дерзостныхъ Г-скихъ законниковъ поступкахъ нашего разсмотренія. Сего ради полк. Прлцк. к-ріи приказы-ваемъ: онѣ Ряшковской сук. фабрики работники и житель Ряшковскіе—кемъ и почему забрати и содержатся при полк. Прлцк. к-ріи въ остроге? и найдена ль уже по следствію тѣхъ людей какова винность? прислатъ къ намъ рапортъ въ самой скорости, а между тѣмъ буди объ нихъ въ той к-ріи какое имѣется криминальное дѣло, по коему и содержатся, то опое по указамъ и правамъ рѣшить въ самой же скорости. Что жъ при томъ въ ономъ доношеніи упоминается, яко, во время того Г-ского ярмонку, вѣкоторіе въ монастырѣ взимаются зборы, къ недопущенію де которыхъ отъ полк. Прл. к-ріи не наблюдается

и команди козачей, въ силѣ ордера нашего, для воздержанія при томъ ярмонкѣ между народомъ случаючихся дракъ и неспокойствъ, не опредѣляется, а сами де монахи исъ подданиими своими—держатъ ночные обходы, съ крайнимъ безстыдствомъ по шинкамъ, по шалашамъ и другимъ таковимъ мѣстамъ ходятъ, гдѣ всякое безчиніе дѣлается, и въ случае поимки кого на худихъ учинахъ, сами монахи судъ и расправу производятъ, то подлѣно ль и для чего сіе отъ плк. Прл. к-ріи допущено, прислатъ же къ намъ репортъ, а въпредъ оной плк. к-ріи, во время тамошнаго ярмонку, чинить добріе учрежденія, въ силѣ нашихъ ордеровъ, неотмѣно". („1763 г., сент. 12 д. Батурина“. Подпись гетмана¹⁾).

Приведенный универсаль Разумовскаго свидѣтельствуетъ, что Густынскіе монахи въ своихъ столкновеніяхъ съ окрестнымъ народомъ, „сами судъ и расправу производили.“ Монашеское самоуправліе проявлялось въ такихъ размѣрахъ, что для него потребовалось устройство въ м-рѣ даже „тюрьмы“... И это не былъ какой нибудь карцеръ для провинившихся монаховъ, а была настоящая тюрьма, въ которую можно было заключить, не одинъ десятокъ напр. Рясковскихъ крестьянъ. Нѣть сомнѣнія, что самоуправное заключеніе монахами тѣхъ или другихъ лицъ изъ народа—въ свою тюрьму, производило на народъ то впечатлѣніе, которое заставляло его видѣть въ „законникахъ“ не „богомольцовъ“, а тѣхъ же „державцевъ“, которые, владѣя крестьянами, уже по одному этому рѣзко расходились съ народомъ въ своихъ интересахъ... Въ этомъ заключалась главная причина непріязни у народа къ тогдашнимъ монахамъ, которую мы видимъ и по отношенію къ Г-скому м-рю. Повидимому, непріязнь народа къ монахамъ началась съ тѣхъ поръ, какъ послѣдніе стали владѣть крестьянами... Въ этомъ отношеніи замѣчательный фактъ сохранила приведенная выше актовая лѣтопись м-ря, указывающая, что когда лѣтомъ 1648 г. первыя побѣды Хмельницкаго взволновали по Украинѣ народъ, то онъ бросившись уничтожать своихъ притѣснителей—„паповъ“, тутъ же за одно „разработалъ“ и Г-скій м-рь, причемъ „чернцовъ окрутне

1) Съ подлинника наш. б-ки.

мордовавши, били, (а) иныхъ и въ смерть убили¹. (с. 395). Несомнѣнно, что народъ въ этомъ случаѣ мстилъ монахамъ за то ихъ „державство“, тяготу которого онъ одинаково терпѣлъ какъ отъ чужихъ, польскихъ „пановъ“, такъ и отъ этихъ своихъ монаховъ.—На этомъ мы и заканчиваемъ наши далеко не полныя свѣдѣнія о Густынскомъ м-рѣ, который владѣлъ къ к. XVIII в. болѣе чѣмъ *тремя тысячами крестьянъ*¹), былъ однимъ изъ богатѣйшихъ монастырей въ южной Малороссіи.

Ладинскій покровскій монастырь основанъ одновременно съ Густынскимъ м-ремъ, тѣмъ же кн. Мих. Вишневецкимъ, причемъ этотъ м-ръ сначала былъ мужскимъ и назывался *Подгорскимъ*. Тотъ же кн. Лыко отвелъ въ 1615 г. этому м-рю „грунтъ, такъ на робене хлѣба, яко и на сѣножати, также и на ставки и на млинъ належачай“, причемъ границы этого грунта были указаны слѣд. „отъ Подищъ идуши, отъ Погребцовъ, отъ р. Удая до дороги мѣской, отъ Подищъ дорогою до могилы Робленое, отъ могилы до вершины руды Боршное, оттуль до острова, которого зовутъ Березовымъ колкомъ (лѣскомъ), оттуль до Сокулки рѣчки, а Сокуллею рѣчкою до р. Удая, а Удаемъ знову до Погребцовъ, изъ островомъ, который противъ м-ря, за Удаемъ рѣкою“. (Густынск. лѣтоп., 55). Въ 1619 г. даръ кн. М. В-аго былъ подтвержденъ его вдовою, при чемъ изъ этого акта видно, что Л-ій м-ръ былъ уже женскимъ и что первою въ немъ игуменіей была сестра Исаіи Копинскаго, *Александра*. Подтверждалъ Л-ому м-рю право на отведенный грунтъ, Раина В. дала м-рю и село Ладинъ. Интересно, что Л-скіе крестьяне тогда же обратились къ Исаіи Копинскому съ просьбою определить ихъ отношенія къ м-рю, и Копинскій далъ имъ подробное и постановене—„хто зъ нихъ и якую повинность на церковь Божію давати и чинити будетъ повиненъ“. (Густ. лѣт., 57). Изъ послѣдующей исторіи Л-го м-ря известно, что въ 1638 г. Ладинскій монахини, съ своей игуменіей *Елизаветой Летинской*, бѣжали вслѣдъ за Густынцами (с. 390) въ Путивль, [въ числѣ 53-хъ „сестеръ“ и 16 человѣкъ „служекъ и пѣвцовъ“²].

1) См. въ книжкѣ архим. Нектарія, стр. 81, подробный перечень монастырскихъ имѣній.

2) Статья К. Невоструева «О началѣ Киево-Алатырскаго монастыря». Вѣста Зап. Россіи за 1865/66 г., кн. 8, стр. 132.

Уходя изъ м-ря, Ладинскія монахини забрали съ собою 20 возовъ разнаго имущества, но оно на дорогѣ было у нихъ отнято поляками¹⁾. Изъ Путивля Ладинскія монахини переведены были, въ сентябрѣ того же 1738 г., въ г. Алатырь, въ тамошній Никольскій дѣвичій м-рь, а прежнія монахини переведены были въ другое мѣсто; но, какъ видно, старыя монахини не хотѣли уступить новымъ, и игуменія Елисавета выхлопотала постройку новаго, тамъ же, для себя м-ря, существующаго и понынѣ подъ названіемъ *Кievskago nikольскаго новодѣвичьяго*²⁾. Кто устроилъ Ладинскій м-рь послѣ его запустѣнія въ 1638 г.—неизвѣстно. Знаемъ только, что въ 1657 г. игуменіей здѣсь была Серафима „Зебровска“. (Лѣтоп. Густ. м-ря, стр. 58). Изъ игуменій XVIII в. извѣстна *Александра Ивановна*, присланная сюда изъ Нѣжина въ 1743 г.³⁾. Она управляла м-ремъ болѣе 20-лѣтъ, и построила въ 1763 г. камennую св. покровскую церковь, взамѣнъ деревянной, сгорѣвшей въ 1735 г., при общемъ пожарѣ монастырскихъ зданій. (Лѣт. Густ. м-ря, 67 и слѣд.) Другихъ свѣдѣній о Ладинскомъ м-рѣ розыскать мы не могли, хотя вѣроятно ихъ немало есть, хотя бы въ архивѣ Киевск. духовной консисторіи.

Итогъ населенія Прилуцкаго полка въ 1780 г. При описаніи сель мы указывали численность въ нихъ только крестьянъ и козаковъ. Все остальное населеніе села, (правда, очень незначительное) нами опускалось или по недостатку этихъ цифръ въ ревизскихъ книгахъ или изъ опасенія приводить цифры неточныя⁴⁾. Обстоятельную цифру всего населенія—въ каждой

¹⁾ Любопытная опись отнятаго у монахинь имущества приведена почти полностью въ статьѣ Невоструева; изъ этой описи видно, что Ладинскій м-рь имѣлъ богатые сосуды, достаточно книгъ (въ числѣ ихъ: «книга Іоасафа царевича печатная, новая», «житія святыхъ,польские, печатные» (Patericon?) и друг. На половину почти книги были писаныя. Въ числѣ домашнихъ вещей въ описи показанъ «ыкгаръ мосижовъ», т. е. мѣлные часы (zegar). (Невоструевъ почему то это слово перевелъ словомъ вертель).

²⁾ См. у Строева, «Списки іерарховъ и настоятелей, м-рей», (Соб. 1877), стр. 987.

³⁾ Ср. у Строева, стр. 930.

⁴⁾ Въ ревизской книгѣ за 1740 г., послѣ переписи посполитаго населенія, показывается отдельно «духовный чинъ» и мѣстная

населеної мѣстности—мы нашли только въ вѣдомости 1780 г., когда по распоряженію Румянцова собраны были—болѣе или менѣе вѣрныя—свѣдѣнія о населеніи, для раздѣлевія бывшей гетманщины на намѣстничество. Вѣдомость эта особенно цѣнна въ томъ отношеніи, что въ ней приведенъ точный списокъ хуторовъ, съ показаніемъ въ послѣднихъ населенія по сословіямъ. Относительно возникновенія хуторовъ въ Прилуцкомъ полку слѣдуетъ замѣтить, что до полов. XVIII в. ихъ здѣсь почти не было, за исключеніемъ развѣ такихъ пустырей, какой представляла собою Гнилицкая степь (с. 193—196). Въ ревизской книгѣ 1740 г.—хуторовъ, за исключеніемъ Рудовскихъ, показано не болѣе десяти, а по вѣдом. 1780 г. ихъ значится уже болѣе четырехсотъ, причемъ въ хуторахъ показано: *хозяекъ*: 60 дв., 130 х. и 16 бд. х.; *крестьянъ*: 143 дв., 164 х. и 713 бд. х., и *подсобѣдковъ* (коз. и кр.): 306 дв., 527 х. и 337 бд. х. Такимъ образомъ хуторское населеніе состояло главнымъ образомъ изъ крестьянъ и подсобѣдковъ, т. е. изъ элемента несвободнаго, изъ чего можно сдѣлать заключеніе, что хутора стали селиться тогда, когда державцы получили большую надѣль крестьянами власть, съ помощью которой стали разселять ихъ и въ сель. Въ экономическомъ отношеніи хутора эти представляли значительныя выгоды, особенно для развитія скотоводства, и державцы поспѣшили ихъ заводить, какъ только къ тому представилась возможность.

Помѣщая засимъ таблицу населенія Прилуцкаго полка, составленную нами на основаніи вѣдомости 1780 г., мы должны объяснить, что въ графѣ „хаты“, мы выдѣлили *бездворныя хаты* изъ общаго ихъ количества съ цѣллю дать нѣкоторый матеріаль для заключенія обѣ экономическомъ положеніи населенія, такъ какъ въ бездворныхъ хатахъ жило то населеніе, которое не имѣло своего хозяйства и зарабатывало хлѣбъ главнымъ образомъ „зажономъ“. Въ цифрахъ приведенныхъ въ видѣ дроби, верхняя цифра обозначаетъ количество хатъ *въ дворахъ*, а нижня—*бездворныя хаты*. Цифры хатъ, показанныя въ видѣ цѣлыхъ чиселъ, обозначаютъ хаты *въ дворахъ*.

сельская администрація, но безъ указанія числа *дворовъ и хатъ*, почему эти свѣдѣнія и не даютъ надлежащаго матеріала для опредѣленія численности населенія.

Население по состоянию на 1780 г.				К О З А К И.		КРЕСТЬЯНЕ.		Подсобники козы- чьи и пословитки.	
С О Т Н И.		П	П	П	П	П	П	Дворы.	Хата.
1. Попковская (городъ 1, сель 22, село/деревня 5 и деревень 8)	52	65	45	51	443	884—11	1735	2433—269	459
Xутора (97)	2	1	—	—	3	5—7	71	80—513	41
Всего	54	66	45	51	446	889—18	1806	2513—782	500
2. Переялочанская (мѣстн. 1, сель 12, дерн. 3).	4	24	26	22	454	963—17	583	7—9—8	138
Xутора (20)	—	—	—	—	2	8	—	—	4
Всего	4	24	26	22	456	971—17	583	789—38	142
3. Монастырицкая (мѣстн. 1, сель 9, дерн. 4).	10	20	14	17	201	384	612	899	109
Xутора (30)	1	—	—	—	2	9—8	—	0—66	4
Всего	11	20	14	17	203	393—8	612	899—66	113
4. Иченская (мѣстн. сель 9, село 1, дерн. 1).	13	43	22	23	639	1110	976	1257	198
Xутора (40)	—	—	—	—	6	13	—	—	64
Всего	13	43	22	23	645	1123	976	1257	262

Население полка въ 1780 г.		БЕПАРЕН ПАСХОДИН ИМ.			БЫХОВЕН СТРО. ИМ.			БОЗАКИ.			КРЕСТЬЯНЕ			Подсчеты коза- чья и посполитск.		
С О Т Н И И.	ЧИСЛЕНСТВО.	ДВОРЫ.	ХАТЫ.	ДВОРЫ.	ХАТЫ.	ДВОРЫ.	ХАТЫ.	ДВОРЫ.	ХАТЫ.	ДВОРЫ.	ХАТЫ.	ДВОРЫ.	ХАТЫ.	ДВОРЫ.	ХАТЫ.	
5. Красноколядинская (мѣст. 1, сель 10, слоб. 2). Хутора (59)	16 1	29 —	18 —	26 11	415 36	998 22	634 28—131	901—87 28—131	112 7	202—133 1—84						
6. Голенская (сель 10, слоб. 3, дерев. 2). Хутора (22)	17 6 —	29 23 —	18 16 —	26 19 —	426 331 3	1044 822—8 5	656 847 50	929—218 1264—19 56—3	119 102 —	203—217 191—87 0—41						
7. Иванчикая (мѣст. 1, сел 5). Хутора (17)	6 8 2	23 16 2	16 9 —	19 16 4	334 276 4	827—8 517 9	897 706 —	1320—22 944 —	102 121 —	191—128 201—8 59						
8. Сребрянская (мѣст. 1, сел 8, дер. 1). Хутора (58)	10 22 —	18 26 —	9 20 —	16 16 23	280 429 37—1	526 809 —	706 1001 —	944 1387—6 —	180 85 57	203—31 132—36 101—27						
Всего . . .	22	26	20	16	452	846—1	1001	1387—6	142	233—63						

С О Т Н И.	Население полка въ 1780 г.	К О З А К И.				КРЕСТЬЯНЕ.		Подсобки козачьи и посполите.	
		Дв ры.	Хаты.	Дворы.	Хаты.	Дворы.	Хаты.	Дворы.	Хаты.
9 Первая Варвинская (мѣстн. 1, сел. 8, с.и.б. 1, депт. 2)	13	43	16	18	483	964	565	879	116
Xymora (44)	—	—	—	4	4	—	—	46	96—61
10 Вторая Варвинская (сел. 9, дерев. 1) Xymora (15)	13	43	16	18	487	968	565	879	162
Всего	4	23	18	13	431	805	507	755	31
11 Жупавская (жѣст. 1, сел. 2, дер. 1) Xymora (2)	10	34	6	9	299	638	73	91—18	24
Всего въ полку	10	34	6	9	299	638	73	91—18	100
	164	349	210	230	446	9 34—52	8392	1163—150	1877
									2963—969
									Всего хатъ 23350—2171=25921

П р и мѣчаніе. Всѣдѣствіе течническими затрудненій цифра въ графѣ хатъ, гдѣ есть безвѣроятныя хаты, показана зѣлье не въ числѣ дворъ, какъ сказано въ текстѣ, на стр. 416-й, а въ двуихъ цифрахъ, раздѣленныхъ чертой, причемъ первая цифра обозначаетъ количество хатъ въ *дворахъ*, а вторая — *безвѣроятныя хаты*. Одинарная цифра хатъ — указываетъ хаты въ *дворахъ*.

Добавки и поправки. Стр. 2. Огрывки изъ Литовской метрики, о которыхъ говорится въ примѣч. 2, напечатаны въ Членіяхъ въ Общ. Нестора. т. XIV.

Стр. 29. Болѣе подробныя свѣдѣнія о происхожденіи Носа см. ниже, стр. 317 и 321.

Стр. 54. Болѣе подробнѣя свѣдѣнія о полковникѣ Ал. Якубовичѣ см. ниже, стр. 381.

Стр. 60. Изъ акта 1689 г. видно, что полк. судьею былъ не Тарасъ Кондратенко, а Кондратъ Тарасовичъ См. стр. 147.

Стр. 63. Ив. Шнурчевскій былъ писаремъ до 1775 г., а Иванъ Ягельницкій имѣть только чинъ полк. писаря, а на урядѣ полк. писарства вовсе не былъ.

Т. ж. Григорій Ивановичъ Себастіановичъ имѣлъ одного сына Ивана, который въ 1731 г. писался бунч. товарищемъ и владѣль Гурбницами. Повидимому, онъ умеръ бездѣтнымъ. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ Иваномъ Андреевичемъ С—чемъ, о которомъ говорится на стр. 357.

Стр. 66. Шнурчевскій оставался полк. писаремъ до 1775 г., когда былъ Румянцовъ уволенъ по настойчивому о томъ ходатайству своего полковника Якубовича, который писалъ по этому поводу Румянцову слѣд.— „Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь. Не сочтите, в. с-во, штобъ прозба моя о перемѣни писаря полкового Шнурчевскаго простидалась по какимъ моимъ к нему партикулярнимъ недоброхотствамъ, но единственно к защищению всѣхъ тѣхъ отъ в. с-ва учрежденій, кои только могутъ составлять въ полку доброй порядокъ, ибо сей старой ябедникъ разсверипивши, не толь дѣлаетъ во всѣхъ указніхъ дѣлахъ заишательство и вводить заразу въ полку, по древнему своему обыкновенію, то и въ интересахъ в. с-ва¹⁾, по отлучки моей въ Казанской походѣ, дерзать отъ чрезвычайной своей необузданности дѣлать великие препоны, въ чемъ зсилаюсь на Ивана Яковлевича г. Селецкаго. А о вишшепрониссанномъ за несказанную

¹⁾ Т. е. въ дѣлахъ, вававшихся именій Румянцова, которые были въ Примуцкомъ полку.

милость почту, когда, в. с-во, изволите приказать визслѣдовать. И что за старѣлое въ необузданности состояніе его не подаетъ ни малѣйшей надежды къ исправленію его жизни когда либо, а тѣмъ болѣе крайная неспособность къ дѣламъ, по его должностіи, служить единственно къ чувствителному беспокойству, то всѣ сіи резоны убѣдили меня искать высокой милости отъ в. с-ва о избавленіи меня и полку моего отъ такова человѣка, которой всему обществу въ тягость. Всенижайше прошу в. с-ва перемѣнить его съ какимъ заблагоразсудить изволите чиномъ, только удалить отъ писарской и всѣхъ полковыхъ чиновъ должностіи, для возстановленія въ полку моемъ спокойства. А какъ сего податель хоружій полковой Галѣниковскій заслугами отца его въ семъ полку, и самъ имъ продолженными довольно, оправдываетъ свое достоинство къ награжденію, то повергая его въ высокую в. с-ва милость, нижайше прошу объ опредѣленіи его на то мѣсто полковимъ писаремъ, въ чемъ на высокую в. с-ва милость полагаясь, зъ особливымъ высокопочитаніемъ по жизни мою пребуду в. с-ва, мил. государя, всенижайшимъ слу-чаю Александра Якубовича. („Ч. 4 февраля = 775 = году. Прилука“¹⁾).

¹⁾ Съ подлинника. Къ этому письму приложена еще и слѣд. цедула: «коль скоро получилъ повѣренность отъ Ивана Яковлевича (Селецкаго) о дѣлахъ в. с-ва Царафіевскихъ, то старался, сколько силъ моихъ, доказать мою услугу. Теперь еще смигніе Буличовскими грунтами многие помѣщики и разночинцы продаютъ грунта, съ которыми кому приказано будетъ вѣстушать въ торгѣ, в. с-ва нижайше прошу чрезъ сего подателя резолюцию.—Еще в. с-ва нижайше прошу о исключеніи съ полку писаря Штурчевскаго, какъ по высокой милости и обѣщать мнѣ изволили». Эта цедула (т. е. особия, «довѣрительная записка») указываетъ, что Якубовичъ занимался часты-ми дѣлами Румянцева. Онъ здѣсь говорить о покупкѣ для Румянцева земель по сосѣдству съ с. Царафіевскою (с. 232) и спрашиваетъ—кому Р-въ поручить эту покупку. Буличовскіе грунты (т. е. земли Иченскихъ (разночинцовъ) Буличей) какъ видно, были куплены для Румянцева передъ тѣмъ.—Не надѣясь на свое личное ходатайство объ увольненіи Штурчевскаго и объ опредѣленіи въ чѣсто сего—Галенова-скаго. Якубовичъ одновременно писалъ еще и къ П. Залогинскому—

Т. ж. Свѣдѣніе о Галенковскомъ должно быть закончено такъ: (послѣ словъ полк. хоружимъ)—а въ 1775 г. полков. писаремъ.

Т. ж. Въ списокъ полк. есауловъ долженъ быть включенъ *Степанъ Григорьевичъ Черняевскій, ок. 1700 г.*, на дочери кото-раго (вторымъ бракомъ) былъ женатъ Романъ Березинскій (см. стр. 181.)

Стр. 67. За Молчана ходатайствовалъ (въ мартѣ 1709 г.) Меншиковъ. См. Матер. военно-учен. арх. главн. штаба, I, 572.

Стр. 73. При обозрѣніи рѣкъ Прилуцкаго полка слѣдуетъ имѣть въ виду: 1) статью Ник. Маркевича, „Рѣки Полтавской губерніи“, напечатанную въ XI-й книгѣ *Записокъ Русск. Геогр. Общества* (стр. 337—461); здѣсь показаны рѣчки, названій которыхъ мы нигдѣ не встрѣчали, напр., *Бабуся* (у с. Мал. Дѣвицы), *Дубогрызовая* (у с. Ольшаной), *Борюва* (у с. Березовки) и друг. Ко всѣмъ этимъ названіямъ нужно относиться съ осторожностью.... 2) „Описаніе рѣкъ Черниговскаго намѣстничества“, составленное по приказанію императрицы Екатерины II. (*Записки Черниг. Статист. Комитета*, II), въ которомъ указаны нѣсколько мелкихъ рѣчекъ Удайского бассейна, у насть не упомянутыхъ, какъ напр. рч. *Сухой Ярокъ*—притокъ рч. Линовицы... Пра названіи рѣчекъ, послѣднія часто называются по имени тѣхъ селъ, о юно которыхъ онѣ текутъ; напр., рч. *Степановка* около с. *Степановки* (с. 210); видимо, что это название присвоено рѣчкѣ

вѣдывавшему въ это время канцеляріей Румянцева: «М. г. Петръ Васильевичъ Щадагель сего хоружій полковой Галенковскій, бывшій въ Казанской экспедиціи и раненой, отправленъ отъ меня съ прозбою къ его с-ву о награжденіи его чиномъ полкового писаря въ полкъ Прилуцкій, на иѣто нынѣшнаго Шнурчевскаго, которій, какъ мнѣ, такъ и всему полку, чрезъ свои неистовіе дѣла, въ тиѣсть.—Я почтая васъ, м. г-ря, искони моемъ милостивцемъ, осмѣливаюсь трудить все-покорнейшою мою прозбою о учаніи ему, Галенковскому, въ полученіи милостивой резолюціи *многомощною вашею вспоможествованіемъ*, за что иѣчию мою благодарностію вамъ, м. г-рю, обязавъ буду, пребывая навсегда въ должномъ почтеннемъ вамъ, м. г-рю, все-покорнейшія слуга Якубовичъ» («1775 году, февраля 4 ч. Прилука.»)

вслѣдствіе ея безыменности. Но въ этомъ описаніи есть и цѣнныя указанія—о „вершинахъ“ нѣкоторыхъ рѣчекъ, (напр. Смоши, Лисогора и проч.), слѣды которыхъ теперь совершенно изчезли.

Стр. 85. О другихъ случаяхъ расположенія малорусскаго духовенства помогать Яну-Казимиру, при его походѣ на лѣвый берегъ Днѣпра, въ 1664 г., см. у Эйнгорна, „Сношенія малоросс. духов. съ моск. правит. въ царств. Алексея Михайловича.“

Стр. 94. Опущенъ войтъ „Васко Леновицкій“, 1668 г., о котор. см. Акты Ю. и З. Р., VII, 16.

Стр. 99. По странной случайности мы упустили изъ виду цифру Прилуцкаго населенія въ 1666 г., имѣющуюся въ „Переписныхъ книгахъ“. Всѣхъ „мѣщанъ“ въ 1666 г. показано 268 дв., т. е. менѣе половины того количества дворовъ посполитыхъ, которое показано въ 1713 г. (569.) Изъ числа 268 дв. выдѣлены: 1) „сапожники“—37 дв., 2) „кушнеры и портные“—49 и 3) „кузнецы“—17 д. Всѣхъ ремесленниковъ—103 д. Мельниковъ показано 16 дв., но мельницъ (водяныхъ) около Прилукъ показано всего четыре: Федоры Ворончики, Саввы Чорного, полковника Лазаря Горленка и Василія Галенка, отда будущ. полк. писара (с. 64).

Стр. 112. Сотникъ Лукомскій былъ не Степанъ Степановичъ, а Степанъ Васильевичъ. Послѣ Андрея Гуленка сотникомъ былъ Навель Гуленко, подписьавшися на вѣдом. 1760 г.

Стр. 127—128. Свѣдѣнія о Бѣлецкихъ-Носенкахъ слѣдуетъ исправить такъ: „онъ (Бѣлецкій) умеръ рано, оставилъ сына Петра, который писался Носенкомъ, п. ч. уже и отецъ его Ив. Бѣлецкій, живя у отчима, усвоилъ себѣ прозвище послѣдняго. Вскорѣ Петръ сталъ виднымъ въ Прилуччинѣ человѣкомъ“ и т. д. Такимъ образомъ въ этой поправкѣ слѣдуетъ исключить Федора Носенка, свѣдѣніе о которомъ внесено сюда ошибочно.

Стр. 133. Срываемыя „наметки“ съ женщинъ, находившихся на полевыхъ работахъ—можетъ возбудить сомнѣніе у тѣхъ, кто ещепомнить этотъ старинный головной женскій уборъ, надѣвавшійся обыкновенно только въ праздники, да и то только при посвѣщеніи церкви. Но недавно умершій С. Д. Нось (+1900) свидѣтельствуетъ (Кievsk. Стар. 1901 г., янв., II, 1.) со словъ

стариковъ, что, „когда-то“ женщины носили наметки и въ будни. Это извѣстіе очень вѣроятно, такъ какъ „наметка“ несомнѣнно есть пережитокъ того времени, когда женщина должна была закрывать свое лицо....

Стр. 168. Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о поселеніи евреевъ въ лѣвобережной Малороссії см. статью о евреяхъ И. М. Каманина, въ Член. въ общ. Нестора, V, 37—53.

Стр. 175. Уже въ 1781 г. въ Радьковкѣ была церковь, Вознесенія Г-ия, и при ней священникъ, Петръ Новосельскій. (Прилукк. метрич. книги.)

Стр. 177. Кажется, *prochî* вѣрнѣе перевести словомъ *порохъ*. См. у Линде, *proch*.

Стр. 188. Упоминая объ остаткахъ этого *каменного моста*, Маркевичъ („Рѣки Полтавск. губ.“, стр. 375) относитъ постройку его къ новѣйшему времени...

Стр. 191. Народная память о *Держикрапѣ* сохранялась еще недавно. См. Маркевича „Рѣки Полт. губ.“, стр. 375.

Стр. 198. Въ с. Обичевѣ, въ 1781 г.,—церковь архистр. Михаила и при ней два священника: Иванъ Трофимовскій и Михаилъ Нелговскій.

Стр. 204. Въ Монастырищѣ, въ 1781 г., церкви: 1) архистр. Михаила и при ней свящ. Антонъ Соханскій и Михаилъ Демидовъ и 2) Рождества Б-цы и при ней свящ. Михаилъ Данилевскій.

Стр. 205. Какъ „мѣстечко“, имѣвшее и „фольваркъ“, Галица упоминается уже въ актѣ 1634 г. См. Кіевск. Стар. 1896 г., мартъ, 343.

Стр. 207. Въ с. Галицѣ, въ 1781 г., церковь Воскресенія Христова и свящ. Алексѣй Щербицкій.

Стр. 209. Въ с. Петровкѣ, въ 1781 г., церк. прор. Ильи и свящ. Григорій Сушкевичъ.

Стр. 210. Въ с. Сальномъ, въ 1781 г., церк. Андрея первозв. и свящ. Симеонъ Бодянскій (? въ рукоп. не ясно.)

Стр. 219. Въ ряду Стороженковъ—*Григорій, сотн. Исаакицкій*, 1716 г., (№ 3)—показалъ ошибочно, такъ какъ это былъ не Стороженко, а Волошинъ, о которомъ см. стр. 304.

Т. ж. Жену Михаила Стороженка (№ 10) звали Марфою.

Стр. 273. Замѣтки Андрея Полетики (примѣч.) напечатаны въ Киевск. Ст. 1901 г., іюнь.

Стр. 280. Интересное преданіе, связзывающее возникновеніе Гайворона съ извѣстнымъ полковникомъ Хмельницкаго Нечаемъ, см. Земск. Сборн. Черниг. губ., 1901 г., августъ, 41.

Стр. 314. Послѣ отрѣшенія Волошина отъ сотничества, Бережовка не была у него отобрана, вслѣдствіе „особливаго гетманскаго (Скоропадскаго) респекта, ради сватовства (свойства?) зъ его (Волошина) домомъ“. Такъ значится въ „Генер. слѣдств. Прлк. полка“.

Стр. 315. О находящемся около с. Городни—городищѣ и его остаткахъ упоминаетъ и Маркевичъ. („Рѣки Полт. губ.“ стр. 369).

Стр. 354. Варвинскій сотникъ Патока вѣроятно былъ родственникомъ Захарія Петровича Патоки, „писаря изъ Лубенъ“, который былъ сосланъ въ 1721 г., въ Соловецкій м-рь. См. Киевск. Стар. 1882 г., сент., 405.

Стр. 373. Въ семейн. архивѣ Далагановъ (въ с. Сокиренцахъ) сохраняется слѣд. документъ обѣ Озерянахъ. „Р. 1723, дек. 10 дня. При бытности уряду нашего мѣскаго Варвинскаго, при мнѣ Марку Михайлову, сотнику наказному, Семену Бездѣпчомъ, атам. город., Варвинскими, нижей именованніе люде тавковое о селѣ Озерянахъ доброволне учинили сознатя, ижъ помянутое село въ давнихъ часахъ належало до сотнѣ Варвинской, такъ якъ и прочти села свободніи тутейшой сотнѣ, а въ подданствѣ оное нѣкому не было, кромѣ тилко за гетманства Ив. Самойловича—кревному его гетманскому, сотникови ва тотъ чась будучому Варвинскому, прозываемому Моренцеви (Еремѣю), на время надано было въ послушенство, и любо въ томъ селѣ прежнихъ лѣтъ доволное было число послполитихъ людей, однакъ по неважъ зостаетъ осѣдлостію на пробитомъ шляху, то мало не всѣ люде, отъ тяжестѣ имъ дѣючоися, врознь поросходилися, и толко осталось было тамъ послполитихъ людей вусѣмъ человѣка. Въ то время, чому уже отъ вишписанного року дѣется осмий годъ, досталося оное село Озеряне во владѣніе его м. п. Ива. Кгалагаву... И когда зостало оное во владѣніи полковничомъ, од того времени чрезъ сие осмъ годъ, посходилося въ разнихъ

полковъ в тое село на житло нѣсколко человѣка" ... Очевидно, что этимъ свидѣтельствомъ Галаганъ хотѣлъ доказать, что большинство тогдашняго населенія с. Озерянъ поселено уже имъ, на своихъ „грунтахъ“. Это же свидѣтельство указываетъ, что большая часть 135-ти крест. двор., показанныхъ въ Озерянахъ по ревизіи 1729 г., заселено въ какіе нибудь пять-шесть лѣтъ, такъ какъ въ 1723 г. здѣсь было лишь „нѣсколко человѣка“, что можетъ указывать самое большее десятка на два, на три—человѣка.

Изъ этого же акта, между прочимъ, видимъ что сотникъ Еремѣй Моренецъ былъ „кревный“ (т. е. кровный родственникъ) гетм. Самойловича. Объ этомъ родствѣ намъ встрѣтились такія свѣдѣнія. Въ „Спискахъ дворянъ Н. Сѣверск. Намѣстн.“ 1788 г., (рукопись наш. б-ки) значится родъ Яремовыхъ—Самойловичей, при чемъ родоначальникомъ его указанъ протопопъ „Тимофеи, родной братъ гетм. Самойловича“. У Тимофея показанъ сынъ Яковъ, а у Якова—сынъ Еремѣй сотникъ. Сыномъ послѣдняго показанъ (въ 1788 г.) „Иванъ Яремѣевъ сынъ Яремовъ Самойловичъ“, 66 л., имѣвшій чинъ полк. писаря, а жительство въ г. Конотопѣ, въ „уѣздѣ“ котораго за нимъ было записано „по послѣдней ревизіи об. пола 120 душъ“. Въ спискахъ двор. Конотопск. уѣз. 1783 г., (въ книжкѣ „Списки Черниг. дворянъ 1783 г.“) никакихъ ни Яремовыхъ, ни Самойловичей однакожъ не значится.... Но тѣмъ не менѣе свѣдѣніе о „родномъ братѣ“ гетм. Самойловича—протопопѣ Тимофеѣ—следуетъ считать вѣрнымъ, такъ какъ основано оно видимо на семейномъ преданіи, которое едвали могло ошибаться въ подобномъ факѣ... Въ перечисленіи потомства „протопопа Тимофея“ видится какая то неточность, такъ какъ Иванъ, родившійся въ 1722 г., едва ли могъ быть сыномъ нашего „Яремы Моренца“ (с. 373).

Стр. 379. Въ спискѣ Жураскихъ сотниковъ неупомянуть сотникъ Иванъ Кисель, котораго называютъ этимъ чиномъ сыновья полк. обознаго Якова Киселя (с. 59) бунч. товар. Федоръ и Андрей, въ своемъ доказательствѣ дворянства (Дѣло Полт. двор. арх., № 624), говоря, что прадѣдъ ихъ Иванъ былъ сотникомъ Журавскимъ, дѣдъ Дмитрій—войск. товарищ., а отецъ Яковъ—полк. обознымъ. По этому указанію Ив. Кисель могъ быть сотникомъ въ к. XVII в.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Исторія Русскаго Искусства XVIII—XIX вв.

ВЪ ОЧЕРКАХЪ и КАРТИНАХЪ

(къ предстоящему 200-лѣтію Петербурга)

будетъ печататься въ теченіе 1901—1902 г.

въ иллюстрированномъ изданіи Н. П. Собко.

„ИСКУССТВО

и

Художественная Промышленность“

со снимками въ фотогравюрахъ и фототипіяхъ, частью въ краскахъ,
съ замѣчательнѣйшихъ произведений Русской школы изъ обществен-
ныхъ и частныхъ собраній Имперіи.

Подписная цѣна за 12 выпусковъ съ особыми приложеніями:
безъ доставки 8 руб.. съ доставкой и пересылкой 10 руб., за гра-
ниду 12 руб.

1-й вып. выйдетъ въ ноябрѣ 1901 г.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ Главномъ складѣ
художественныхъ изданій Н. П. Собко (Почтамтская 13), въ книжн.
магаз. Віоле (М. Конюшенная, уг. Невскаго, 26/16); въ *Москвѣ* — у
Кнебеля (Петровскія линіи), въ *Кievѣ* — у Идзиковскаго (Крестатикъ),
въ *Одессѣ* — у Свистунова, въ *Харьковѣ* — у Петрова (Университетская
горка), въ *Казани* — у А. Дубровина (Гостиный дворъ), въ *Томскѣ* — у
Макушина, въ *Варшавѣ* — у Віоле (Сенаторская), въ *Юрьевѣ* — у Ка-
рова, въ *Париже* — у Bouveau et Chevillet (rue de la Banque), въ
Лейпцигѣ — у Hiersemann (Königsstrasse), въ *Берлинѣ* — у Amsler u.
Ruthardt (Behrensfrasse), въ *Вильне* — у Artaria (Kohemarkt).

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

на 1902 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ науки: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научные работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациі, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя въ Россіи и заграницей; о книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографические отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященные обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-исследовательскихъ учрежденій при университетѣ, биографические очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распределенія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще неопубликованные.

Ученые Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлечений изъ протоколовъ и особыхъ приложений.

Подписанная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдельные книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ф. Мищенко.*

VI ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“[®]

(политическая, научная, литературная и торгово-промышленная газета)

ВЫХОДЯЩАЯ ВЪ ОДЕССЪ

въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ ВЪ ТЕКСТЪ

(рисунки событий дня, портреты общественныхъ дѣятелей, художниковъ, виды мѣстностей и т. п.).

За пять лѣтъ существованія „Южное Обозрѣніе“ вполнѣ выяснило свою идеиную программу и заняло опредѣленное мѣсто въ ряду русскихъ газетъ.

Ставя на первомъ планѣ интересы трудящихся классовъ, мы всегда признавали, что всѣ отдельныя племенныя и національныя группы, живущія въ Россіи, являются вполнѣ равноправными членами одной великой культурной семьи.

По возможности въ каждомъ № „Южного Обозрѣнія“ помѣщается беллетристическое произведение (разсказъ, повѣсть, романъ) русскихъ или иностранныхъ авторовъ.

Подписная цѣна на газету „Южное Обозрѣніе“: въ Одессѣ съ дост. на домъ на годъ 6 р., на 6 мѣс.—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—1 р. 80 к., на 1 мѣс.—60 к. На города (съ пер.) на годъ 8 р., на 6 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—2 р., на 1 мѣс.—1 р.

Допускается разсрочка платежа.

Подпись принимается въ Одессѣ въ главной конторѣ газеты „Южное Обозрѣніе“, при типографіи Исаковичъ и Бейленсонъ, Гаванная ул., соб. домъ.

Редакторъ *Н. П. Цакни.*

Издатель *Г. М. Бейленсонъ.*

SLOVANSKY PŘEHLED

(Славянское Обозрѣніе).

ежемѣсячный всеславянскій журналъ

въ IV-омъ году изданія

будеть издаваться по прежней программѣ. Журналъ выходитъ книжками въ 3 и больше листовъ, въ первую пятницу каждого мѣсяца (исключая августъ и сентябрь), заключая въ себѣ статьи и корреспонденціи, касающіяся культурной жизни всѣхъ славянскихъ народовъ; сверхъ того будуть печататься переводы стихотвореній славянскихъ поэтовъ на чешскомъ языке, библіографическая извѣстія изъ всѣхъ славянскихъ литературъ, свѣдѣнія объ славянскомъ искусствѣ и пр.

Подписная цѣна для Россіи 3 руб. въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Подписка принимается въ конторѣ журнала „Slovansky Přehled“ въ Прагѣ чешской (адресъ: Nakladatelství F. Šimáček, Praha, Jerusalemská ul. 11.

Издатель Ф. Шимачекъ.

Редакторъ А. Черны.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 Г.
на газету

„КІЕВЛЯНИНЪ”

Литературная и политическая газета юго-западного края.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ.

(Годъ изданія 38-й).

ПОДПИСНАЯ ЦВНА:

Съ доставкой и пересылкой:

на 1 годъ	12 р. — к.
« 6 мѣс.	7 р. — к.
« 3 «	4 р. 50 к.
« 1 «	1 р. 50 к.

Безъ доставки и пересылки:

на 1 годъ	10 р. — к.
« 6 мѣс.	6 р. — к.
« 3 «	3 р. — к.
« 1 «	1 р. — к.

Годовые подписчики, желающие воспользоваться разсрочкой, вносятъ къ 1-му января—5 руб., къ 1-му апрѣля—4 руб., къ 1-му июля—3 р. Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1 числа каждого мѣсяца, и не далѣе, какъ до конца года.

Подписка и объявленія принимаются въ Главной конторѣ: Караваевская (Шулявская) ул., 5, ежедневно отъ 10 до 8 ч., а также въ отдѣленіи конторы «Кіевлянина» (книжный магазинъ Н. Я. Оглоблина, въ Кіевѣ). Иногороднихъ просить адресоваться въ Главную Контору «Кіевлянина».

1—3

ОБЪ ИЗДАНІИ

КІЕВСКИХЪ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТИЙ

въ 1902 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ Университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ въ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій університетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Університету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты и библіографические указатели для учащихся.
6. Библіографические указатели книгъ, поступающхъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству въ состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Університета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Університета.
9. Годичные отчеты по Університету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для получения ученыхъ степеней, сописанія наградъ, *pro venia legendi* и т. п., а также и самыи диссертациі.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.
13. Вступительныя, пробныи, публичныи лекціи и полныи курсы преподавателей.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.
- Указаныи статьи распредѣляются на двѣ часті—1) оффициальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неофициальную (статьи научного содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическими*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающіхся явленій ученой литературы (русской и иностранной), въ *научной хроники*, заключающей въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ состоящихъ при Університетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Університетскія Извѣстія въ 1902 году будуть выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ.

Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій беъть пересылки шесть рублей пять-десять копѣекъ, а съ пересылкой семь рублей. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владимира платятъ за годовое изданіе Университетскихъ извѣстій 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб. сер.; продажа отдельныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписаныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую № 4-й, и въ Киевъ, на Крецатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владимира.

Гл. Редакторъ В. Иконниковъ.

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на НОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

КОЛЛЕКЦІОНЕРЪ

предназначенный служить интересамъ собирателей всякою рода коллекцій.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1. Иллюстрированный обзоръ новостей.
2. Статьи научнаго и практическаго содержанія, имѣющія отношеніе къ предметамъ, составляющимъ объектъ коллектированія. Описаніе музеевъ, замѣчательныхъ кол лекцій и т. п. (съ иллюстраціями).
3. Фельетонъ. Мелкія статьи, анекдоты, біографіи павѣстныхъ коллекціонеровъ.
4. Фальсификаціи и поддѣлки. Описаніе различнаго рода поддѣлокъ, съ цѣлью предостеречь коллекціонеровъ отъ обмана.
5. Бібліографія. Обзоръ новыхъ книгъ и каталоговъ, предназначенныхъ для коллекціонеровъ.

6. Почтовый ящикъ. Вопросы подписчиковъ и ответы по нимъ редакціи.
7. Объявленія.
8. Приложенія. Различные каталоги и специальный сочиненія, которыя редакція отъ времени до времени выдаетъ своимъ подписчикамъ въ видѣ бесплатного приложения къ журналу.

Поставивъ себѣ задачей создать для русскихъ собирателей объединяющей ихъ органъ печати, настоятельная потребность въ которомъ чувствуется уже давно, редакція будетъ стремиться въ возможной разносторонности, отведеніемъ постоянныхъ отдѣловъ для всѣхъ наиболѣе важныхъ отраслей коллектированія.

Иллюстраціи статей будетъ отведено широкое мѣсто.

Въ специальныхъ объявленіяхъ будетъ дано мѣсто спросу и предложенію и организованъ удобный обмѣнъ объектовъ коллектированія между собирателями.

Въ портфель редакціи уже имѣется богатый запасъ матеріала. Въ раду приложенийъ въ первую очередь намѣчены руководства по собиранию картинъ, фарфора, естественно-историческихъ коллекцій и т. д.

Журналъ будетъ выходить 2 раза въ мѣсяцъ.

Первый номеръ выйдетъ 1 декабря

Подписаніе цѣна въ годъ 2 р. 50 к. съ доставкою и пересылкою.

Съ требованіями обращаться въ г. Цюрихъ, въ контору журнала
«КОЛЛЕКЦІОНЕРЪ».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ.

ВСѢМЪ,

кто хочетъ следить за многообразными проявленіями русской жизни и желаетъ знать своевременно всѣ русскія новости, но, за недостаткомъ времени, не имѣть возможности читать ежедневныя газеты, можно рекомендовать подпісаться на

ЖИВОПISНУЮ РОССІЮ

илюстрированный еженедѣльный вѣстникъ отчизновѣдѣнія, исторіи, культуры, государственной, общественной и экономической жизни

Россія, издаваемый Товариществомъ М. О. Вольфъ, подъ редакціей
П. М. Ольхина,

Дѣйствительного Члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

„Живописная Россія“ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ которыхъ каждый является, по своей программѣ и содержанію, самостоятельнымъ органомъ печати. Первый отдѣлъ, богато и художественно иллюстрированный, посвященъ отчизновѣдѣнію въ самомъ широкомъ смыслѣ слова.—Второй отдѣлъ—«Временникъ живописной Россіи»—является серьезнѣй ежемѣсячной газетой, имѣющей цѣлью дать интеллигентному читателю въ живомъ и исключительно фактическомъ изложеніи точное и правдивое изображеніе того, какъ живеть Россія въ настоящемъ.

Оба отдѣла «Живописной Россіи», занимающіе, какъ по новизнѣ своей программы, такъ и по средствамъ ея достижени, совершенно обособленное положеніе въ семье русской печати, даютъ читателю возможность обогатить свои познанія необходимымъ для каждого русского человѣка познаніемъ родины въ ея прошломъ и настоящемъ и слѣдить, съ небольшой затратой времени, за текущей государственной, общественной, экономической и умственной жизнью Россіи.

„ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ“ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Такимъ образомъ, каждый подписчикъ получитъ въ теченіе года:

52 №№ интереснаго иллюстрированнаго журнала и 52 №№ «Временника живописной Россіи».

Подписная цѣна «Живописной Россіи» на годъ съ доставкою и пересыпкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи 5 р. За границу на годъ 8 рублей. Допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 рублей; остальные же деньги могутъ высылаться черезъ каждые два мѣсяца по 1 рублю.

Совмѣстная подписная цѣна «Живописной Россіи» съ двухнедѣльными иллюстрированными журналами: „Новый Миръ“ со „Всемирной Лѣтописью“ на веленевой бумагѣ и «Мозаика», съ приложеніемъ «Картиної галлереи Императорскаго Эрмитажа», «Оружейной Палаты». 12 книжекъ ежемѣсячнаго журнала «Литературные Вечера» для семейнаго чтенія и 12 изящно переплетенныхъ книгъ «Библіотеки Русскихъ и Иностранныхъ Писателей», состоящей изъ собранія сочиненій В. Г. Бенедиктова въ 2 переплетенныхъ томахъ, собранія со-

членій Адама Мицкевича въ 4 переплетенныхъ томахъ и 6-ти (1—6) переплетенныхъ томовъ собранія сочиненій Д. И. Стакѣева,—съ дост. 14 рублей.—Тѣ-же изданія, но съ «Новымъ Міромъ» и «Всемірной и перео Лѣтописью» на слоновой бумагѣ (вместо веленевой)—на годъ 18 р.—Допускается разсрочка: при подписаніи не менѣе 2 р. и ежемѣсячно не менѣе 1 р.—до уплаты всей подписной суммы.

Отдельные №№ «Живописной Россіи» продаются по 15 к., съ перес. по 20 к. (можно почтовыми марками).

Подпись принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ: С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, 18, и Москва, Кузнецкій Мостъ, 12, а также во всѣхъ прочихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 л., д. 5—7.

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 Г.

(Третій годъ изданія) на

ВѢСТИКЪ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Ежемѣсячный журналъ
Новой литературы и исторической науки.

Направленіе нашего изданія и его задачи въ достаточной степени выяснились за первые два года.

Ценою низкій составъ нашей редакціи новыми выдающимся представителями современной мысли, мы расширяемъ нашу программу, вслѣдствіе чего наами будетъ *отведено значительное мѣсто*, на ряду съ исторіей, въ *вопросахъ современности*.

Въ приложеніи мы дадимъ на будущій годъ «Исторію новой русской литературы», совершенно новое изслѣдованіе въ этой области М. Н. Мазаева, и будетъ продолжена изданіемъ: «Библіотека избранныхъ сочиненій по истории народовъ»—«Исторія Китая» проф. Роберта Дугласа и «Исторія Финляндіи» за новѣйшій періодъ этой страны Н. К. Язышева, а также «Сборникъ иностранныхъ историческихъ романовъ»—«Анджело Борджіа», историч. ром. пзвѣстн. нѣмецкаго писателя Мейера.

Въ журналѣ будуть печататься беллетристическая произведения Жеромскаго, Ожешко, К. Тетмайера, Якобонскаго, Страндберга, Йоганна Ако, Габріеля д'Аннуціо и мн. др.

Въ области искусства наше изданіе дасть цѣлый рядъ статей по вопросамъ искусства П. Ге, и цѣлый рядъ снимковъ съ художественныхъ произведеній.

Съ декабря и января начнутся печатаніемъ романы изъ современной жизни: станицы Пшибышевскаго—«Сыны земли» и «По новому» М. В. Головинскаго.

Первая книга за 1902 г. выйдетъ въ декабрѣ настоящаго года.

Подписанная цѣна на годъ (съ декабря по декабрь) съ доставкой и пересылкой 6 р.; на полгода 3 р. и за границу 9 р.

Контора и редакція на Милліонной ул. д. 34. С.-Петербургъ.

Редакторъ-издатель С. Сухонинъ.

—
1—3

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

ва

ХУТОРЯНИНЪ,

еженедѣльное изданіе, посвященное интересамъ мѣстнаго сельского хозяйства, промышленности и торговли.

Органъ Полтавскаго Общества сельского хозяйства.

на 1902 годъ.

ПРОГРАММА: 1) Правительственные распоряженія и извѣстія. 2) Деятельность мѣстныхъ сельскохозяйств. обществъ, охъ отдельъ и отдельній. 3) Статьи по сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ, экономической и техническія. 4) Хроника, сельскохозяйственное обозрѣніе и корреспонденціи. 5) Сельскохозяйственная и экономическая деятельность земскихъ учрежденій. 6) Библіографія и обзоръ сельскохозяйствен. и экономической литературы. 7) С.-х. фельетонъ. 8) Смѣсь и мелкія извѣстія. 9) Вопросы и отвѣты. 10) Торговый извѣстія. 11) Обозрѣнія и извѣстія о чюгодѣ. 12) Объявленія.

Задачи газеты: 1) Распространять въ общедоступной формѣ с.-х. знанія преимущественно къ потребностямъ сельскихъ хозяевъ Полтавской и сосѣднихъ съ нею губерній. 2) Служить органомъ для взаимного общенія сельскихъ хозяевъ и с.-х. обществъ Полтавской губерніи. 3) Доставлять населенію своевременные свѣдѣнія о главнѣйшихъ мѣроપրіятіяхъ и начинаніяхъ правительства, земствъ и с.-х. обществъ въ области народнаго хозяйства.

«Хуторянинъ» допущенъ въ бесплатныя библіотеки читальни и въ библіотеки сельско-хозайств. учебн. заведеній М. З. и Г. Й.

Подписанная цѣна: на годъ съ пересылкой—2 р., на полгода—1 р.

Плата за объявленіе: за одну строку четита въ концѣ текста 8 коп., впереди—вдвое.

Подписка принимается: въ г. Полтавѣ—въ конторѣ и редакціи «Хуторянина», при Обществѣ сельского хозяйства; 2) Въ С.-Петербургѣ—въ отд. конторы «Хуторянина» при с.-х. книжн. магазинѣ жур. «Деревня», уг. Б. Морской и Кирпичн. пер., д. 3—13; 3) Въ Кременчугѣ—въ Кременчугскомъ отдѣлѣ Полт. Общ. сельск. хоз. и Товариществѣ сельскихъ хозяевъ; 4) Въ г. Прилукахъ—при Обществѣ сельскихъ хозяевъ; 5) Во всѣхъ уѣздахъ городахъ Полтавской губ. при Земскихъ Управахъ; 6) въ г. Херсонѣ при Губернской Земской Управѣ и 7) Въ Кіевѣ—книж. магаз. «Кіевск. Старины» Бекаковская, 14.

1 - 2

НА 1902 ГОДЪ (ШІЙ ГОДЪ)

Открыта подписка на ежемѣсячный научно-литературный журналъ

КАВКАЗСКІЙ ВѢСТИНИКЪ.

«Кавказскій Вѣстникъ» даетъ ежегодно около 3,000 страницъ оригинальныхъ и переводныхъ статей съ арм., груз., татарск., арабск., и съ европ. яз.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для городскихъ подпісчиковъ: на годъ 9 р.—на полгода 5 р.

Для иногороднихъ: на годъ 10 р.—на полгода 6 р.

Разсрочка допускается для учебныхъ заведеній и учащихся, подписывающихся непосредственно въ конторѣ журнала. Книжнымъ магазинамъ ком. ск. 10%.

Адресъ Редакціи и Конторы: Тифлісъ, Тургеневская, 11. Подписька принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, въ конторѣ журнала и въ отдѣлѣніи конторы: Тифлісъ, Голов. пр. № 1. (Книжный магаз. Жаддевель).

**Въ числѣ рукописей, имѣющихихся въ Редакції,
находится слѣдующія:**

«Пастыры», повѣсть А. Казбека, съ груз.—«Со всѣхъ сторонъ», повѣсть Арбоели, съ груз.—«Честь», романъ Шарванзаде, съ арм.—

«Зѣница ока», О. Шапиръ.—«Стихотворенія» Ов. Туманьяца, съ арм.—«Дитя страданія», романъ Аларкона, събиси.—«Мать и сынъ», драм. этюдъ кн. Ил. Г. Чалчавадзе, съ груз.—«Мемуары» кн. Аандронакова (1811 г.).—«Мавсъ Мюллеръ», Бердиева.—«Воспоминанія» офицера генерального штаба, С. Кишмишева.—«Обычное право у казаковъ», А. Передѣльского.—«Турецкій театръ», Эр. Росси, съ итал.—«Вахтангъ VI и Петръ Великій», В. Романовскаго.—«Обычное семейное право у армянъ», Самуельяна.—«Влияне Византіи на греческое законодательство», Н. Тавдгоридзе.—«Азіатская академія», проекты Кера и Гр. Уварова.—«Мемуары» Л. Исацкова.—«Материалы для истории Эчмиадзинского патріаршаго престола.---«Очерки по крѣпостному праву и кр. реформѣ въ Грузіи. А. Кишидзе. —«Григорій Царекскій, этюдъ А. Чобаньяпа. —«Елпсаветпольская губернія», впечатленія и воспоминанія, И. Сегаль.—Письма и записки вѣковыхъ кавказскихъ дѣятелей, а также Ренана, Мопасана, В. Гюго, Шопенгауера и др.

Целый экземпляръ «Кавказского Вѣстника» за 1900 годъ можно получить въ конторѣ журнала за 11 р.; за 1901 г.—10 р.

Годовые подписчики получать въ 1902 г. приложениемъ къ «Кавказскому Вѣстнику» романъ М. С. Хадисовой «По новому пути».

Редакторъ-Издатель *В. Д. Коргановъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ“, въ 1902 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой по городской почтѣ: на годъ 16 р., на 6 мѣс. 9 р., на 3 мѣс. 4 р. 50 к., на 1 м. 1 р. 80 к.—Съ казенными приб. на годъ 18 р., на 6 мѣс. 10 р.

Съ пересылкою иногородн.: на годъ 17 р., на 6 мѣс. 10 р., на 3 мѣс. 5 р. 50 к., на 1 мѣс. 2 р.—Съ казенными приб. на годъ 19 р., на 6 мѣс. 11 р.

За границу: на годъ 26 р., на 6 мѣс. 14 р., на 3 м. 8 р., на 1 мѣс. 3 р.—Съ казен. приб. на годъ 28 р., на 6 мѣс. 16 р.

Подписка на газету съ казенными прибавлениями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенные прибавления не поступаютъ.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ черезъ гг. казначеевъ (по особому съ ними соглашению); для частныхъ же лицъ, обращающихся прямо въ контору редакціи: 7 руб. при подпискѣ, 5 руб. въ концѣ марта и 5 руб. 1 августа.

Для духовныхъ лицъ, воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, преподавателей народныхъ училищъ и всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а равно для общественныхъ библиотекъ и читаленъ подписная цѣна: 12 руб. въ годъ или по 1 руб. въ мѣсяцъ (исключительно черезъ контору „С.П. Вѣдомостей“). Подписчики, не внесшимъ въ срокъ подписныхъ денегъ, высылка газеты прекращается.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровская линія, № 61.

Иногородные адресуютъ: С. Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель князь Э. Э. Ухтомскій.

—
1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1902 годъ

(5-й годъ изданія)

на ежедневную научно-литературную, политическую и экономическую газету

Приднѣпровскій Край.

издаваемую въ г. Екатеринославѣ М. С. Коныловымъ подъ редакціей
М. К. Лемке при новомъ составѣ сотрудниковъ.

Новая редакція ставитъ своею задачей детальную разработку и наимозможное полное освѣщеніе вопросовъ, вуждъ и интересовъ мѣстнаго края при широкомъ въ то же время вниманіи къ современной русской и иностранной общественно-государственной жизни.

Въ газетѣ примутъ участіе: П. Алмазовъ (псевдонимъ), Е. М. Ващенко, М. В. Барро, проф. Ф. Д. Батюшковъ, В. В. Беренштамъ, В. В. Брусанинъ, Н. В. Быковъ, М. Варшавскій, А. Вергежскій (псевдонимъ), С. И. Гальперинъ, В. К. Гауэръ, Я. С. Гуровичъ, И. А. Даиловъ, Демянскій (исевдонимъ), К. И. Диксонъ, Е. И. Дмитріева, Н. П. Дружининъ, Е. С. Жолковъ, Е. А. Звягинцевъ, Н. Зенченко, Л. А. Кацлавъ, В. В. Кондратьевъ, П. А. Коневскій, В. Я. Коныль-Михайловъ, Н. С. Корвинъ-Круковскій, П. А. Корецкій, Н. И. Коробко, Е. П. Корчагина, М. А. Кроль, проф. В. Д. Кузьминъ-Карачаевъ, проф. В. В. Куриловъ, Н. Г. Кулябко-Корецкій, Д. А. Левинъ, Н. В. Левитскій, М. К. Лемке, проф. И. В. Лучицкій, Е. Н. Любичъ, Е. П. Лѣткова (псевдонимъ), В. Н. Малютовичъ, Ф. Мандрыкинъ (псевдонимъ), П. Г. Микуевъ, В. Я. Муриновъ. Вс. И. Немировичъ-Данченко, М. И. Носалевичъ, А. Б. Петрищевъ, прив.-доц. В. Н. Перетцъ, К. М. Пономаревъ, М. Г. Покровскій, И. М. Радецкій, Л. А. Ребининъ, Г. Д. Рындзюнскій, П. А. Сергеенко, В. Ю. Скалонъ, А. С. Скларь, М. А. Славинскій, К. М. Ставюковичъ, В. А. Стамуль (псевдонимъ), Стрѣла (псевдонимъ), Н. Д. Телешовъ, В. Ф. Тотоміанцъ, Л. И. Фаустинъ, А. О. Цеткинъ, Н. А. Шишло, Е. К. Щепетильникова и некоторые другие, кроме многихъ другихъ постоянныхъ корреспондентовъ изъ различныхъ пунктовъ Екатеринославской и соседнихъ губерній.

Подписная цѣна понижается и теперь: на годъ для подписчиковъ г. Екатеринослава 8 руб., для иногороднихъ 10 руб.

1—3

Открыта подписка на 1902 годъ на журналъ

„Новый Миръ“

илюстрированный двухнедѣльный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки искусства и прикладныхъ наукъ.

За четырнадцать рублей въ 1902 г. каждый подписчикъ «Нового Мира» получить съ доставкой въ пересылкой: 24 №№ интересного, богато иллюстрированного литературно-художественного журнала «Новый Миръ» въ форматѣ лучшихъ наибольш. европейскихъ иллюстрацій, съ приложениемъ.

24 №№ иллюстрированного двухнедельного обзора текущей жизни—политической и общественной, п. н. «Всемирная Летопись»—въ форматѣ «Нового Мира».

№ 24 №№ особаго иллюстрированного журнала прикладныхъ знаний и новѣйшихъ изобрѣтеній, п. н. «Мозаика», виѣщающаго въ себѣ 16 отдѣловъ, представляющихъ собою какъ бы 16 самостоятельныхъ журналовъ.

52 №№ еженедельного журнала «Живописная Россія», иллюстрированного вѣстника отчизновѣдѣнія, исторіи, культуры, государственной, общественной и экономической жизни Россіи, съ приложеніемъ.

52 №№ еженедельного обзора текущей русской жизни, п. н., «Временникъ живописной Россіи», представляющаго собою полную еженедельную газету.

12 №№ ежемѣсячного иллюстрированного журнала романовъ, поэмы, разказовъ, историческихъ очерковъ и пр. для семейнаго чтенія, п. н. «Литературные вечера».

Великолѣпныя бесплатныя преміи, состоящія изъ 12 изящно переплетенныхъ книгъ «Библіотеки русскихъ и иностранныхъ писателей», въ составѣ которыхъ войдутъ 3 собранія сочиненій, а именно: Собрание сочиненій В. Г. Бенедиктова въ 2 изящно перепл. том. Съ біогр. сост. Я. П. Полонскимъ; собраніе сочиненій Адама Мицкевича въ 4 изящно перепл. том. Въ перев. русск. пис. подъ ред. Ш. Н. Полевого и 6 изящно переплетенныхъ томовъ (т. т. 1—6) сочиненій «Д. И. Стахѣева», автора извѣстныхъ романовъ «Духа не угашайтъ», «Горы золота», «Неугасающій свѣтъ» и мн. др. Все собр. соч. Стакѣева будетъ состоять изъ 12 томовъ, изъ которыхъ послѣдніе 6 будутъ выданы подписчикамъ 1903 года.

Кромѣ того, независимо отъ всѣхъ перечисленныхъ изданій, гг. подписчики «Нового Мира» будутъ получать въ теченіе 1902 г. бесплатно два новыхъ художественныхъ изданія въ большомъ форматѣ n-folio, предпринятыхъ Товариществомъ М. О. Вольфъ: 1) Картинная Галлерея Императорскаго Эрмитажа 150—200 иллюстрацій съ объяснительнымъ текстомъ и 2) «Оружейная палата въ Москвѣ» 150—200 иллюстрацій съ объяснительнымъ текстомъ.

Годовая подписная цѣна «Нового Мира» на веленевой бумагѣ, со всѣми объявленными приложеніями и бесплатными преміями съ доставкой въ пересыльную въ Россіи—14 р.

Съ пересылкой за границу—24 р.

Гг. подписчики, желающие получать «Новый Миръ» на слоновой бумагѣ, уплачиваютъ за годовое издавіе журнала съ упомянутыми приложеніями, вмѣсто 14—18 рублей; съ пересылкой заграницу, вмѣсто 24 р.—28 рублей.

Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ не менѣе 2 р. и ежемѣсячно не менѣе 1 р., съ тѣмъ, чтобы вся подписная сумма была уплачена полностью не позже 1 декабря 1902 г. Гг. подписчикамъ съ разсрочкой одна изъ объявленныхъ премій (12 переплетенныхъ книгъ «Библиотеки Русскихъ и Иностранныхъ Писателей») будетъ выслана по уплатѣ послѣдняго взноса.

При высылкѣ денегъ почтовымъ переводомъ, покорнѣйше просятъ обозначать на отрѣзномъ купонѣ послѣдняго (а не отдѣльнымъ письмомъ)—подробный и четкій адресъ, а также на что именно пред назначаются высылаемые деньги.

Гг. подписчикамъ, уже имѣющимъ указанные три собранія сочиненій (Бенедиктова, Мицкевича и Стакѣвса), предоставляется получить, взамѣнъ ихъ, на выборъ: или 12 изящно переплетенныхъ томовъ собранія сочиненій М. Н. Загоскина, автора романовъ: «Юрій Милославскій», «Аскольдова Могила», «Брынскій лѣсъ» и др., или же 12 изящно переплетенныхъ томовъ собранія сочиненій Иннокентія, архіепаскона Херсонскаго и Таврическаго, автора «Послѣднихъ дней земной жизни Спасителя», «Жизни св. ап. Павла», «Акаѳистовъ» и др. богословскихъ сочиненій.—О выборѣ премій редакція покорнѣйше просить заявить по возможности, при самой подпискѣ.

Гг. подписчики, желающие получить при «Новомъ Мирѣ» въ теченіе одного 1902 года, кромѣ 2 перепл. т. т. соч. Бенедиктова, 4 перепл. т. т. соч. Мицкевича и 6 перепл. т. т. соч. Стакѣвса, также 12 перепл. т. т. Загоскина или же 12 перепл. т. т. соч. Иннокентія, доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ «Нового Мира» за одно какое-либо собраніе (Загоскина или Иннокентія) 6 рублей, за оба (Загоскина и Иннокентія) 12 рублей.

Подписка на «Новый Миръ» принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ: въ С.-Петербургѣ, Гостиный Дворъ, 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, 12, а также во всѣхъ прочихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16-я линія д., 5—7.

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

и

1 Р. четыре иллюстрован. журнала. **1 Р.**

Второе издание „Биржевыхъ Вѣдомостей“ и

Самостоятельный въ своихъ сужденияхъ, чуждый тенденциозного извращенія фактовъ и безусловно независимый органъ печати. Ярко освѣщающая всѣ явленія общественной жизни, имѣя огромную сѣть корреспондентовъ, эта газета при всей своей твердости и неуклонности, справедливая и беспристрастная уже много лѣтъ является, несомнѣнно,

наиболѣе полнымъ

ВЫРАЗИТЕЛЕМЪ НУЖДЪ ПРОВИНЦИИ

Главные отдѣлы газеты, а въ особенности передовой, политической, съ театра военныхъ дѣйствій, столичной и провинциальной общественной жизни

СЪ ЕЖЕДНЕВНЫМИ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

телеграммъ корреспонденцій и пр.— по своей полнотѣ и свѣжести совершенно отвѣчаютъ подобнымъ же отдѣламъ другихъ большихъ столичныхъ газетъ. Въ ней нѣть ненужныхъ, несвязанныхъ, случайныхъ замѣтокъ, а ихъ замѣняетъ

живое слово.

Главная контора „Биржевыхъ Вѣдомостей“: С.-Петербургъ, Мѣщанская, 25.
ПОДПИСЧАЯ ЦѢНА второго издания „Биржевыхъ Вѣдомостей“, вмѣстѣ съ журналами и съ пересылкою: на годъ 4 руб. 60 коп., на 6 мѣсяцевъ—2 руб. 30 коп., на три мѣсяца 1 руб. 15 коп.,

на 1 мѣсяцъ—40 к.

Почтовыя и гербовыя марки въ уплату не принимаются.

Въ 1901 году болѣе 100,000 подписчиковъ.

- ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ ЖУРНАЛЫ
- 1) „Новая Иллюстрація“,
- 2) „Огонекъ“
- и двухнедѣльные журналы
- 3) Здравіе семьи,
- 4) Общедоступныя моды.

Въ предстоящемъ году будуть напечатаны:

<p>„Русская темень“ большой бытовой романъ Вас. Ив. Немироичва- Данченко.</p>	<p>„Прерванный сонъ“, большой бытовой романъ I. I. Ясиненаго. (Максима Бѣлин- скаго)</p>
---	--

<p>„Петровскіе дни“, историческ. романъ въ двухъ частяхъ изъ эпохи Императрицы Екатерины Велик. гр. Е. А. Саліаса.</p>	<p>— 6 повѣстей и рассказовъ</p>
--	--

ПРЕМИРОВАННЫХЪ
на литературномъ конкурсе
и мн. др.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1902 годъ.

(33-й годъ изданія).

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ со многими приложеніями

„Н И В А“.

Гг. подписанчики «Нивы» получать въ теченіе 1902 года:

52 №№ художественно-литературного журнала «Нива», заключа-
ющаго въ себѣ въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста и 500
гравюръ и расунковъ.

Первые 12 томовъ полнаго собранія сочиненій Н. С. Лѣскова,
отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ, съ портретомъ
и біографическимъ очеркомъ, составленнымъ Р. И. Семент-
ковскимъ. Остальные томы сочиненій Лѣскова, значительно дополнен-
ные произведеніями, не вошедшими въ прежнія изданія или еще
вовсе не напечатанными, подписанчики получать въ 1903 году. Въ
первые 12 томовъ войдутъ романы: Соборяне.—Обойденные.—Остро-
витяне.—Некуда. Рассказы: Запечатлѣнныи ангелъ.—Однодумъ.—Ка-
детскій монастырь.—Русскій демократъ въ Польшѣ.—Инженеры-без-
сребренники.—Косой лѣвица.—Очарованный странникъ.—Шерамуръ.—
На краю свѣта и мн. др.

12 томовъ полнаго собранія сочиненій В. А. Жуковскаго, расши-
ренного формата, въ 2 столбца, отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ
на хорошей бумагѣ съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ
поэта. Въ эти 12 томовъ, которые будутъ изданы подъ редакціею знатока
Жуковскаго, профессора А. С. Аркангельскаго, —войдутъ лирическія
стихотворенія, баллады, повѣсти въ стихахъ, сказки посланія, мелкія
стихотворенія, прозаическая произведенія, дневникъ и письма: Люд-
мила.—Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ.—Овсяный кисель.—
Шельонскій узникъ.—Поликратовъ перстень.—Кубокъ.—Спящая ца-
ревна.—Война мышей и лягушекъ.—Сказка о царѣ Берендеѣ.—Ноч-
ной смотръ.—Сельское кладбище.—Орлеанская дѣва.—Уидна.—Наль
и Дамантю.—Рустемъ и Зорабъ.—Одиссея и мн. друг., равно какъ и
цѣлый рядъ еще неизданныхъ поэтическихъ произведеній знаменитаго
писателя.

12 книгъ «Ежемѣсячныхъ литературныхъ приложенийъ», содержащихъ романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя и критическія статьи и проч.—современныхъ авторовъ.

12 №№ «Парижскихъ модъ», выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ по фасонамъ лучшихъ мастеровъ.

12 листовъ руководствъ и выписочныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ естественную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

«Стѣнной календарь» на 1902 годъ, отпечатанный красками.

Подписьная цѣна на годовое изданіе со всѣми приложеніями: безъ доставки: 1) въ С.-Петербургѣ—5 р. 50 к., 2) въ Москвѣ въ конт. Н. Н. Печковской (Петровск. линія)—6 р. 25 к., 3) въ Одесѣ въ кн. маг. «Образованіе» (Ришельевск., № 12)—6 руб. 50 коп. Съ доставкой въ С.-Петербургѣ—6 р. 50 коп. Съ пересылкой во всѣ мѣстности Россіи 7 руб. За границу—10 руб.

Требованія просять адресовать: въ С.-Петербургѣ, въ Главную Контору журнала «Нива» (А. Ф. Марксу), Малая Морская, д. № 22.

1—2

Открыта подписка на 1902 годъ

(XX годъ изданія)

на ежедневную политическую, экономическую, и литературную газету

„Ю Ж Н А Я Р О С С И Я“

(бывш. „Южанинъ“).

Являясь выразителемъ интересовъ южной окраины Россіи, газета свое главное вниманіе обращаеть на всестороннюю разработку экономическихъ и культурно-общественныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью избраннаго ею района.

Въ виду исключительныхъ условій, въ которыхъ находится сельское хозяйство на югѣ Россіи, газета отводить особое мѣсто статьямъ, освѣщающимъ различные детали этой отрасли отечественной промышленности.

Редакція газеты направляетъ всѣ свои средства къ своевременному и возможно полному сообщенію читателямъ извѣстій о событияхъ, останавливающихъ на себѣ въ данный моментъ вниманіе всего цивилизованнаго міра.

Газета издается по следующей программѣ:

- 1) Официальный отдѣлъ.
- 2) Руководящія статьи по экономическимъ, политическимъ земскимъ, сельско-хозяйственнымъ и юридическимъ вопросамъ.
- 3) Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и «Россійского Телеграфного Агентства».
- 4) Земскій отдѣлъ.
- 5) Провинциальная жизнь.
- 6) Хроника.
- 7) Наша печать.
- 8) Мѣстная хроника.
- 9) Письма въ редакцію.
- 10) Фельетоны общественные, научные, критические и литературные.
- 11) Театръ и музыка.
- 12) Наука, искусство и литература.
- 13) Судебная хроника.
- 14) Корреспонденція.
- 15) Иностранные извѣстія.
- 16) Заграничная жизнь.
- 17) Спортъ, сѣм'я и шахматы.
- 18) Торговые свѣдѣнія (по телеграфу и телефону).
- 19) Справочный листокъ.
- 20) Объявленія.

Форматъ газеты нѣсколько увеличенъ.

Условія подписки на газету «Южная Россія»:

Съ доставкой на домъ въ городѣ и пересылкѣ иного города, въ годъ 8 руб.

Безъ доставки и пересылки 7 руб.

За границу къ подписной иного города платѣ прибавляется по 50 коп. въ мѣсяцъ. Подписка принимается только съ 1-го и 15-го чиселъ мѣсяца и не можетъ переходить черезъ январь 1903 г.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы, если обѣ этомъ будетъ заявлено при подпискѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: въ два срока: съ доставкою: въ 1-му января—4 р. 50 к. и къ 1-му мая—3 р. 50 к. безъ доставки: къ 1-му января—4 р. и къ 1-му мая—3 р.; въ три срока: съ доставкою: къ 1-му января—3 р., къ 1-му апрѣля—3 р. и къ 1-му июня—2 р.; безъ доставки: къ 1-му января—3 р., въ 1-му апрѣля—2 р. и къ 1-му июня—2 р.

Подписка принимается: въ г. Николаевѣ (Херс. губ.): въ конторѣ «Южной Россіи», уг. Соборной и Спасской и въ конторѣ объявленій Л. А. Каменера, уг. Спасской и Рождественской, д. Циглера.

Въ г. Кременчугѣ: у А. М. Михилевича, Больша-Мѣщанская, д. № 68 (противъ торговыхъ башнъ Сандомирскаго).

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ въ конторахъ объявленій торгового дома Л. и Э. Метцль и Ко.

Редакторъ-издатель С. П. Юрицынъ.

1—3

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1902 годъ

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизниопесанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по истории русской литературы и искусства; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русского общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея истории; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣть возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждого мѣсяца.

^{6!} Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка д. № 145.

1—3

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА 75-го:

октябрь, ноябрь, декабрь, 1901 г.

Книга первая—октябрь.

ОТДѢЛЪ I.

†I. КЪ БІОГРАФІЇ А. Н. МУРАВЬЕВА И ПІСЬМА ЕГО КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВУ. Сообщ. І. Г.	1 — 17
†II. П. А. КУЛИШЪ. Біографіческий очеркъ. (<i>Окончаніе</i>). В. Шенрокъ.	18 — 44
III. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІІ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. (<i>Продолженіе</i>). Ор. Ле- вицкаго	45 — 76
ЧV. ГОРОДЯНКА. Повість. Л. Яновской. (<i>Продолженіе</i>).	77 — 119
♦VI. ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ КЛАДЪ ВЕЛИКО-КНЯЖЕСКОЙ ЭПОХИ. Н. Вѣлашевскаго.	120 — 132
♦VII. КНЯЖА КРЫНЫЦЯ. Сцены зъ XVII вику у 4-хъ діяхъ и 7-ми одинахъ. О. Пильченка.	133 — 168

ОТДѢЛЪ II.

†I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ прошлаго Полтавщины. Сообщ. И. Фр. Павловскій; б) Одинъ изъ колоколовъ новгородс'верскаго спасскаго монастыря; в) Письмо А. И. Чепы къ В. Г. Цолетикѣ; г) Письмо гр. П. А. Румянццова къ Г. Я. Макарову; д) Что значитъ слово «гомель?»; е) Для исторіи компанийскихъ полковъ; ж) Ме- лочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. Ал. Мѣр-

II

дерь; з) Къ исторії старыхъ обычаевъ, братствъ и колядъ на Волыни; и) Про поводу рецензія на книгу Б. Д. Гринченка «Литераура украинскаго фольклора». (Письмо въ редакцію). В. Гринченка. Текущія извѣстія	1—20 20—28
ІІІ. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Земляки (достопамятные уроженцы Черниговской земли). Н. Шугурова; б) Гр. Алексѣй Бобрикій. Курганы и случайныя археологические находки близъ и. Смѣлы. Н. Б.; в) Обзоръ журналовъ текущаго года; г) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. Археологическая лѣтопись	29—52 53—64
ІІІ. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листы 22-й и 23-й	337—368

Книга вторая—ноябрь.

ОТДѢЛЪ І-І.

І. ПИСЬМА ПРОФ. УНИВ. СВ. ВЛАД. ПРОТ. Н. А. ФАВОРОВА КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВУ.	169—199
ІІ. КНЯЖА КРЫНЫЦЯ. Сцены зъ XVI вику у 4-хъ діяхъ и 7-ми одинахъ. Ө. Шильченка (<i>Окончаніе</i>)	200—232
ІІІ. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. (<i>Продолженіе</i>). Ор. Левицкаго.	233—255
ІV. ГОРОДЯНКА. Повисть. (<i>Продолженіе</i>). Л. Яновской .	256—302
ІV. ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ВВЕДЕНИЮ ПОЛОЖЕНІЙ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. ВЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБ. (Къ 40-лѣтію со дня освобожденія крестьянъ). (<i>Окончаніе</i>). Ник. Василенко	303—327

ОТДѢЛЪ ІІ-ІІІ.

І. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. А. Мёрдеръ ; б) Изъ прошлаго Полтавщины. Сообщ. И. Фр. Павловскій ; в) Къ исторії Котельвы; г) Для исторіи Переяславской бури, при епископѣ Іовѣ Базилевичѣ. (1771 г.); д) Оданъ изъ берзенскихъ предводителей дворянства; е) Для исторії церковнаго прихода	65—83
Текущія извѣстія	83—94

III

ІІ. БІБЛІОГРАФІЯ: а) Волинський історико-археологіческий сборникъ. Выпускъ II. Ор. Левицкаго; б) Ежегодникъ Колледія Павла Галагана. Съ 1 окт. 1900 г. по 1 окт. 1901 г. III.; в) Корифеи української сцени. В. Д.; г) Мих- новський. Сатанівська помста. Драма въ 4 діаць. В. Д; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; г) Ізвѣстія о новыгъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. Археологическая лѣтопись ІІІ. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Описаніе Старой Малороссіи. Томъ тре- тий. Црвнцкій полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листъ 24-й и 25-й 	95 – 135 138 – 152 369 – 400
---	--

Книга третья—декабрь.

ОТДѢЛЪ I.

†І. ДѢЛО О СУЕВЪРІИ СВЯЩЕННИКА (1805 г.). Прот. В. Липковскаго. †ІІ. ПІСЬМА ПРОФ. УНІВ. СВ. ВЛАД. ПРОТ. Н. А. ФАВО- РОВА КЪ ЦРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВУ. ІІІ. ГОРДЯНКА. Новость. (<i>Окончаніе</i>). Л. Яновской †ІV. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. (Окончаніе) Ор. Ле- вицкаго. †ІV. О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛОВА «КАЦАЦЬ» Н. М. †ІVІ. НИКОЛАЙ ИЛЬЧЪ СТОРОЖЕНКО. ІVІІ. Н. В. ШУГУРОВЪ. Некрологъ.	329 – 345 346 – 374 375 – 423 424 – 471 472 – 477 477 – 484 485 – 490
--	---

ОТДѢЛЪ II.

†І. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Письмо Н. В. Шугурова А. Л.; б) Еще вѣсколько словъ о „парубоцкыи громадахъ“ (атаманствахъ) г. Маякъ, Херсон. губ. III. П. П.; в) Мелочи изъ архивовъ юго-западного края. Сообщ. Ал. Мѣрдеръ; г) Объ иллюстраціяхъ полтавской битвы. И. Фр. Павловскаго; д) Изъ прошлаго Полтавщины. Сообщ. И. Фр. Павловскій; е) Куда исчезъ домикъ въ Полтавѣ, въ которомъ Цетръ Великій отдыхалъ послѣ Полтавской по- бѣды? Н. В. Текущія извѣстія	153 – 172 172 – 178
--	------------------------

IV

П. БИБЛIOГРАФIЯ: а) Древности, труды Императорского Московского Археологического Общества. Н. В.; б) В. Русиновъ: 1) Прихожа Сцена въ I дії и 2) Несподивана халепа. Драма въ II діяхъ. В. Д.; в) Матеріалы для истории экономического, юридического и общественного быта Старой Малороссии, изд. подъ ред. Н. И. Василенка; г) Обзоръ журналовъ текущаго года; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ	179—192
Археологическая лѣтопись.	193—214
Ш. ПРИЛОЖЕНIE. Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листы 26-й и 27-й.	401—426